

Чарльз Диккенс

Замогильные записки Пикквикского клуба

Чарльз Диккенс

**Замогильные записки
Пикквикского клуба**

«Public Domain»

1837

Диккенс Ч.

Замогильные записки Пикквикского клуба / Ч. Диккенс —
«Public Domain», 1837

«Густой мрак и непроницаемая тьма скрывала до сих пор от взоров публики первоначальную историю общественной карьеры бессмертного Пикквика; но мрак исчезнет и темнота мигом превратится в ослепительный блеск, если читатель благоволит бросить пытливый взгляд на следующее вступление в деловые отчеты Пикквикского клуба, которыми издатель этих „Записок“ осмеливается начать свой подробнейший рапорт, представляя его на суд публики, как доказательство самого тщательного внимания и неутомимой усидчивости, с каковыми производились его исследования и разбирательства многосложных и разнообразных документов, вверенных его добросовестному труду...»

Содержание

Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	10
Глава III	29
Глава IV	37
Глава V	45
Глава VI	52
Глава VII	62
Глава VIII	73
Глава IX	83
Глава X	89
Глава XI	100
Глава XII	113
Глава XIII	118
Глава XIV	131
Глава XV	143
Глава XVI	153
Глава XVII	166
Глава XVIII	172
Глава XIX	180
Глава XX	190
Часть вторая	201
Глава XXI	201
Глава XXII	213
Глава XXIII	225
Глава XXIV	231
Глава XXV	241
Глава XXVI	254
Глава XXVII	259
Глава XXVIII	265
Глава XXIX	281
Глава XXX	286
Глава XXXI	295
Глава XXXII	307
Глава XXXIII	317
Глава XXXIV	329
Глава XXXV	347
Глава XXXVI	358
Глава XXXVII	362
Глава XXXVIII	370
Глава XXXIX	380
Глава XL	391
Часть третья	400
Глава XLI	400
Глава XLII	409
Глава XLIII	420

Глава XLIV	430
Глава XLV	440
Глава LXVI	452
Глава XLVII	460
Глава XLVIII	468
Глава XLIX	476
Глава L	486
Глава LI	496
Глава LII	504
Глава LIII	512
Глава LIV	522
Глава LV	530
Глава LVI	538
Глава LVII	552

Чарльз Диккенс

Замогильные записки Пикквикского клуба

Часть первая

Глава I

Члены Пикквикского клуба.

Густой мрак и непроницаемая тьма скрывала до сих пор от взоров публики первоначальную историю общественной карьеры бессмертного Пикквика; но мрак исчезнет и темнота мигом превратится в ослепительный блеск, если читатель благоволит бросить пытливый взгляд на следующее вступление в деловые отчеты Пикквикского клуба, которыми издатель этих «Записок» осмеливается начать свой подробнейший рапорт, представляя его на суд публики, как доказательство самого тщательного внимания и неутомимой усидчивости, с каковыми производились его исследования и разбирательства многосложных и разнообразных документов, вверенных его добросовестному труду.

«Мая двенадцатого, тысяча восемьсот двадцать седьмого года под председательством Джозефа Смиггера, эсквайра, неперменного вице-президента и члена Пикквикского клуба, следующие решения единодушно были приняты и утверждены:

Во-первых, члены клуба, в общем собрании, слушали, с чувствами единодушного удовольствия и единогласного одобрения, диссертацию, представленную высокородным и высокопочтенным Самуилом Пикквиком, главным президентом и членом Пикквикского клуба, под заглавием: „Умозрения относительно истока Гемстедских прудов, с некоторыми замечаниями касательно теории пискарей, обретающихся в оных прудах“. Определено: *изъявить выше-реченному Самуилу Пикквику, главному президенту и члену, наичувствительную благодарность за его ученый труд.*

Во-вторых, общество глубоко сознает неисчислимы выгоды, могущие произойти для великого дела науки, как от вышеупомянутой диссертации, так равномерно и от неутомимых исследований высокопочтенного Самуила Пикквика, произведенных в предместьях великобританской столицы, именно: в Горнси, Гайгете, Брикстоне и Кемберуэлле. А посему общество единодушно полагает, что наука вообще и английское просвещение в частности неминуемо обогатятся бесценными благодеяниями, буде сей ученый муж, продолжая свои путешествия и, следственно, постепенно расширяя круг своих наблюдений, занесет свои умозрительные и практические исследования в обширнейшую область человеческого ведения. На сем основании,

В-третьих, общество, с благосклонным и пристальным вниманием, выслушало предложение вышеозначенного Самуила Пикквика и трех нижепоименованных пикквикистов – составить новую отрасль соединенных пикквикистов под титулом: „Корреспондентное общество Пикквикского клуба“.

Сие предложение принято и утверждено обществом во всей своей силе. И так,

В-четвертых, Корреспондентное общество Пикквикского клуба будет от сего времени существовать на законном основании, и членами-корреспондентами согласно поименованы и утверждены: высокопочтенный Самуил Пикквик, главный президент и неперменный член, Треси Топман – эсквайр и член Пикквикского клуба; Август Снодграс, таковой же эсквайр и член, и Натаниэль Винкель, равномерно эсквайр и постоянный член Пикквикского клуба.

В-пятых, все сии члены-корреспонденты обязуются с этой поры доставлять Пикквикскому клубу, в Лондон, от времени до времени, подробнейшие и точнейшие отчеты о своих путешествиях и ученых исследованиях, со включением характеристических и типических наблюдений, к каковым могут подать достаточные поводы их приключения и разнообразные сношения с людьми в трех соединенных королевствах.

В-шестых, общество единодушно утверждает благородный вызов господ членов-корреспондентов – совершать свои разнообразные путешествия на свой собственный счет, и Пикквикский клуб существующий в Лондоне, руководствуясь таковыми же благородными побуждениями, не назначает никакого определенного срока их ученым похождениям и возвращению в столицу. На сем основании,

В-седьмых, решено с общего согласия: известить господ членов-корреспондентов, что они уполномочиваются уделять из собственных финансов требуемые суммы на пересылку в Лондон своих писем, бумаг, чемоданов, ящиков, и прочая. Таковое их предложение общество считает вполне достойным тех великих душ, из которых оно произошло, а посему, в конце означенного заседания, единодушно определено: *изъявить господам членам-корреспондентам совершеннейшую признательность и постоянное благоволение всего клуба* ».

Это мы выписали из протокола, составленного секретарем Пикквикского клуба. «Посторонний наблюдатель», – прибавляет тот же секретарь, – «быть может, ничего необычного не заметил бы в почтенной лысой голове и круглых очках, пристально устремленных на его секретарское лицо в продолжение чтения означенных постановлений и решений; но для тех, кто знал, что под этим челом работал гигантский мозг самого м-ра Пикквика, и что за этими стеклами моргали собственные лучезарные глаза ученого мужа – зрелище было бы интересное и назидательное в полном смысле слова. Великий человек, проследивший до самых истоков славные пруды Гемстеда и взволновавший ученый мир своею „Теориею пискарей“, сидел покойно и неподвижно, подобно глубоким водам широкого пруда в морозный день, или лучше, подобно пискарю, погруженному в его ученом кабинете на дно скудельного сосуда. Зрелище сделалось еще назидательнее и трогательнее, когда зала вдруг огласилась единодушным криком: „Пикквик! Пикквик!“ и когда сей достославный муж медленными стопами взошел на виндзорское кресло, где так часто заседал он, и откуда теперь приготовился говорить свою речь к почтенным членам основанного им клуба. Трудно изобразить словами, какой возвышенный предмет для великого художника представляла эта умилительная и, вместе, торжественная сцена! Красноречивый Пикквик грациозно закинул одну руку за фалды своего фрака и махал другою в воздухе, усиливая таким образом и объясняя порывы своей пламенной декламации. Его возвышенное положение на президентском кресле открывало глазам собрания те узкие панталоны и штиблеты, которые на обыкновенном человеке прошли бы, вероятно, незамеченными, но которые теперь, облачая, так сказать, великого мужа, внушали невольное благоговение. М-р Пикквик окружен был людьми, решившимися добровольно разделить с ним опасности его путешествий, и которым судьба готовила завидную долю – принять участие в его знаменитости и славе. По правую сторону президентских кресел сидел м-р Треси Топман, восприимчивый и даже пламенный Топман, соединявший с мудростью и опытностью зрелых лет энтузиазм и пылкость юноши в одной из интереснейших и простительных слабостей человеческого сердца – любви. Время и съестные припасы здорового и питательного свойства значительно распространили объем его некогда романтической фигуры; черный шелковый жилет выставлялся вперед больше и больше, и золотая-часовая цепочка на его последних петлях уже совершенно исчезла из пределов зрения м-ра Топмана; но пылкая душа его устояла против всяких перемен, и благоговение к прекрасному полу было до сих пор её господствующею страстью. По левую сторону великого оратора заседал нежный поэт Снодграссь, и подле него – страстный охотник до звериной и птичьей ловли, м-р Винкель: первый был поэтически заку-

тан в таинственную синюю бекешь с собачьим воротником, а последний героически рисовался в новом зеленом охотничьем сюртуке, пестром галстуке и туго натянутых штанах».

Речь м-ра Пикквика и также прения, возникшие по её поводу, внесены в деловые отчеты клуба. Все это имеет весьма близкое отношение к диспутам других ученых обществ, рассеянных по всем частям трех соединенных королевств; но так как всегда более или менее интересно следить за действиями великих людей, то мы, для удовольствия читателя, решились, основываясь на том же протоколе, представить здесь по крайней мере сущность этой речи президента.

«Господин Пикквик, – продолжает секретарь, – заметил прежде всего, что слава, какая бы ни была, вообще дорога и приятна для человеческого сердца. Так поэтическая слава дорога и любезна для сердца почтенного его друга м-ра Снодграса; слава побед и завоеваний равномерно дорога для его друга Топмана, а желание приобрести громкую известность во всех известных отраслях охоты, производимой в бесконечных сферах воздуха, воды, лесов и полей, бьется наисильнейшим образом в геройской груди его друга Винкеля. Что же касается до него, м-ра Пикквика, он, в свою очередь, откровенно сознается, что и на него также, более или менее, имеют влияние человеческие страсти, человеческие чувствования (громкие рукоплескания со стороны слушателей), быть может, даже человеческие слабости (зрители кричат: – „о, нет! нет!“); но в том нет ни малейшего сомнения, что, если когда либо славолюбие пылало в его груди, то желание принести истинную и существенную пользу человеческому роду всегда потушало это пламя. Общее благо человечества всегда, так сказать, окрыляло все его мысли и чувства (громкие рукоплескания). Конечно, что и говорить, он чувствовал некоторое самодовольствие и даже гордость в своей душе, когда представил ученому свету свою «Теорию пискарей» – знаменитую или, быть может, совсем не знаменитую – это другой вопрос (голос из толпы – «знаменитую!» и громкое рукоплескание). Пожалуй, он охотно соглашался, в угождение закричавшему джентльмену, что его диссертация получила громкую и вполне заслуженную известность; но если бы даже слава «Теории пискарей» распространилась до самых крайних пределов известного мира, авторская гордость его была бы ничтожна в сравнении с той гордостью, какую испытывает он в настоящую торжественную и решительную минуту своего бытия – он, Пикквик, окруженный знаменитейшими поборниками науки и просвещеннейшими ценителями заслуг, оказанных для неё скромными тружениками (громкие и единодушные рукоплескания). Да, спора нет, сам он, покамест, еще скромный и малоизвестный («нет! нет!») жрец на этом поприще; однако ж это отнюдь не мешает ему чувствовать, что он избран своими сочленами на великое дело чести, сопряженное со многими опасностями. Путешествие находится до сих пор в тревожном состоянии, и души кучеров еще не исследованы с догматической и критической точки зрения. Пусть почтенные сочлены обратят свой мысленный взор на сцены, почти ежедневно совершающиеся на больших дорогах. Дилижансы и почтовые кареты опрокидываются по всем возможным направлениям, лошади беснуются, лодки погибают в бурных волнах, паровые котлы трещат и лопаются (громкие рукоплескания; но один голос вскрикнул – «нет!»). Нет! (Рукоплескания). Кто же из вас, милостивые государи, решился так необдуманно закричать «нет!» (восторженные и громкие рукоплескания). Неужели это какой-нибудь тщеславный и несчастный торгаш, который, будучи снедаем завистью к ученым исследованиям и, быть может, незаслуженной славе его, м-ра Пикквика, решился, наконец, в своей неистовой и бессильной злобе, употребить этот низкий и презренный способ клеветы...

«М-р Блоттон шумно встал со своего места и сказал: неужели достопочтенный пикквикист намекает на него? (между слушателями раздались крики: – „Тише! Президент! По местам! Да! Нет! Прочь его! Пусть говорит!“ и прочая).

Но все эти оглушительные восклицания отнюдь не смутили великой души великого человека. М-р Пикквик, с благородною откровенностью и смелостью, отвечал, что он точно имел в виду этого почтенного джентльмена. При этих словах, восторг и одушевление распространились по всей зале.

М-р Блоттон сказал только, что он отвергает с глубочайшим презрением фальшивое обвинение достопочтеннейшего джентльмена, и что он, достопочтеннейший джентльмен, есть не иное что, как шарлатан первой руки (сильное волнение и крики: – „Тише! Тише! Президент! Порядок!“).

М-р Снодграс встал со своего места для восстановления порядка. Он взошел на президентское кресло (слушайте!) и желал знать прежде всего, неужели этот неприятный спор между двумя почтенными джентльменами будет продолжаться? (слушайте, слушайте!).

Президент был убежден, что почтенный сочлен возьмет назад свое нескромное выражение.

М-р Блоттон, питая глубокое уважение к президенту, был, напротив, совершенно убежден, что он не намерен брать назад своих слов.

Президент считал своею неременною обязанностью потребовать объяснение от почтенного джентльмена: в общем ли смысле употребил он выражение, сорвавшееся с его языка?

М-р Блоттон поспешил удовлетворительно объяснить, что – отнюдь не в общем. Все, что говорить он, было им собственно сказано в пикквикском смысле слов и значений (слушайте, слушайте!). С своей стороны, ему приятно было, пользуясь этим случаем, признаться, что сам он, лично, питал глубочайшее уважение к достопочтенному джентльмену, и что он считал его шарлатаном исключительно и единственно с пикквикской точки зрения (слушайте, слушайте!).

М-р Пикквик, с своей стороны, был совершенно доволен благородным, чистосердечным и вполне удовлетворительным объяснением своего почтенного друга. Он убедительно просил также заметить и принять к надлежащему сведению, что его собственные выражения и объяснения были всецело запечатлены духом пикквикским» (громкие и единодушные рукоплескания).

Так кончилась знаменитая речь и не менее знаменитые прения членов Пикквикского клуба. Это заседание сделалось источником плодovitых и самых благодетельных последствий. В официальных документах мы, к несчастью, не встретили тех фактов, с которыми читатель познакомится в следующей главе; но тем не менее мы смело ручаемся за их достоверность, потому что мы почерпнули их из писем и других подлинных манускриптов, заслуживающих всякого уважения.

Глава II

Поездка первого дня и приключения первого вечера, с изображением последствий, ознаменовавших этот день и вечер.

Великолепное солнце, постоянный и аккуратнейший сотрудник человеческих дел и предприятий, озарило ярким светом утро тринадцатого мая тысяча восемьсот двадцать седьмого года. Вместе с первыми лучами солнца воспрянул от своего сна и м-р Самуил Пикквик, великое светило нравственного мира, будущий благодетель человечества, готовый озарить его своими благодетельными открытиями. Облачившись в халат, он открыл окно своей спальней и бросил глубокомысленный взгляд на мир земной. Гозуэлльская улица была под его ногами; Гозуэлльская улица тянулась по правую его сторону на весьма далекое пространство; Гозуэлльская улица простиралась и по левую сторону на такое же пространство; насупротив, через дорогу, пролегал та же Гозуэлльская улица.

– Увы! увь! – воскликнул м-р Пикквик, – как должны быть близоруки все эти философы, которые, ограничиваясь исследованием ближайших предметов, доступных для их зрения, не думают смотреть на высшие истины за пределами их тесного горизонта! Это все равно, если бы сам я решился всю свою жизнь сидеть у окна и смотреть на Гозуэлльскую улицу, не употребляя никаких усилий проникнуть в сокровенные области, окружающие ее со всех четырех сторон.

Развивая в своей душе эту прекрасную идею, м-р Пикквик с презрением сбросил с своих плеч халат, как символ неподвижности и лени, и принялся укладывать в чемодан свое платье. Великие люди, как известно, не любят церемониться с своим туалетом: потребовалось не больше полчаса для того, чтоб обриться, умыться, одеться, напиться кофе, и потом м-р Пикквик, захватив легкий чемодан под мышку и уложив телескоп в карман бекеша, отправился на улицу с записною книгой, готовую принять на свои листы дорожные впечатления и наблюдения великого человека. Скоро прибыл он на извозчичью биржу в Сен-мартинской улице, и громогласно закричал:

– Эй! Кабриолет!

– Готов, сэр, готов! – откликнулся хриплым басом какой-то странный субъект людской породы в сером байковом сюртуке, с медной бляхой и номером вокруг шеи. Это был сторож при извозчичьих лошадях, достойный занять не последнее место в какой-нибудь коллекции редких вещей. – Кабриолет номер первый, живей! – прибавил он во все горло, остановившись перед окнами дома весьма невзрачной наружности.

Первый номер, оторванный от своего завтрака и первой трубки, брюзгливо вышел из харчевни и еще брюзгливее взвалил в свою колесницу чемодан ученого мужа. М-р Пикквик был в кабриолете.

– К Золотому Кресту, на Почтовый двор! – сказал м-р Пикквик.

– Стоило хлопотать из одного шиллинга, Томми, – проворчал извозчик, обращаясь к своему приятелю караульщику, когда экипаж двинулся с места.

– Сколько лет вашей лошади, мой друг? – спросил м-р Пикквик ласковым тоном, потирая нос серебряной монетой, заранее приготовленной для извозчика.

– Сорок два года, – отвечал тот, поглядывая исподлобья на ученого мужа.

– Как? Неужели! – воскликнул м-р Пикквик и тут же раскрыл свою памятную книгу, чтоб записать этот достопамятный случай.

Извозчик, не задумавшись, повторил свое первое показание. М-р Пикквик записал: «Лошади извозчика, взятого мною с биржи, было сорок два года».

– А как долго она может ездить в упряжи за один раз? – спросил м-р Пикквик, продолжая делать свои дальнейшие исследования.

– Недели две или три, – отвечал извозчик.

– Недели! – повторил м-р Пикквик, вынимая опять из кармана свою книгу.

– Ну, да, мы гоняем ее сряду недели по три, и день, и ночь, – сказал извозчик холодным и брюзгливым тоном. – Живет она в Пентонвилле, но мы редко оставляем ее дома, за стойлом, потому что, как видите, она очень слаба.

– Слаба! – повторил ошеломленный м-р Пикквик, устремив неподвижный взгляд на медную бляху владельца чудной лошади.

– Видите ли, сэр как скоро мы ее выпрягаем, она тотчас же сваливается и падает на землю, – продолжал извозчик, – но когда мы держим ее в тесной и короткой упряжи, упасть ей уж никак нельзя через оглобли.

– Как же она бежит?

– Это не мудреная штука. Мы нарочно заказали для неё пару огромных колес: стоит ей только двинуться с места, колеса покатаются и напирают, так что уж ей нельзя не бежать. Иной раз даже трудно удержать ее, когда она разбежится.

Все это м-р Пикквик записал слово в слово, рассчитывая сообщить ученому комитету необыкновенный случай долговечности лошадей, под влиянием сильных, решительных мер и критических обстоятельств. Когда таким образом эта запись приведена была к вождленному концу, чудодейственная лошадь остановилась у ворот Почтового двора. Кучер спрыгнул с козел, и м-р Пикквик благополучно вышел из кабриолета. Члены товарищи-корреспонденты, м-р Топман, м-р Снодграс и м-р Винкель, уже давно ожидавшие своего славного вождя, поспешили выйти к нему на встречу.

– Вот ваши деньги, – сказал м-р Пикквик, подавая шиллинг извозчику.

Легко представить изумление ученого мужа, когда вдруг загадочный владелец удивительной клячи бросил деньги на мостовую и выразил в энергических терминах непереносимое желание вступить в рукопашный бой с особой самого м-ра Пикквика.

– Вы с ума сошли! – воскликнул м-р Снодграс.

– Вы пьяны! – объявил м-р Винкель.

– Или и то, и другое! – подтвердил м-р Топман.

– Ну, ну, черт вас побери! – забасил извозчик, принимая боевую позицию и геройски размахивая обоими кулаками. – Четверо на одного! Всех уберу!

– Великолепно, восхитительно! – заголосили десятка два извозчиков, обрадовавшихся случаю повеселиться на чужой счет. – Скорее к делу, Сам!

– Что тут за свалка, Сам? – спросил какой-то джентльмен в черном нанковом сюртуке.

– Да вот, сэр, этому карапузику зачем то понадобился мой номер, – отвечал храбрый извозчик, указывая кулаком на м-ра Пикквика.

– Мне вовсе не нужен ваш номер, – сказал изумленный м-р Пикквик.

– Зачем же вы его взяли? – спросил извозчик.

– Я не думал брать вашего номера, – сказал м-р Пикквик с великим негодованием.

– Поверите ли, господа, – продолжал извозчик, обращаясь к толпе, – поверите ли вы, что этот молодец, усевшись в мой кабриолет, не только записал мой номер, но и все, решительно все, что я говорил ему дорогой. Вот я с ним разделаюсь!

Луч света озарил мудрую голову м-ра Пикквика: дело шло о его записной книге.

– Неужто! – воскликнул какой-то долговязый верзила из толпы.

– Истинная правда! – отвечал извозчик. – Он вынудил меня насильно болтать с ним всякий вздор, и вот теперь привел троих свидетелей, чтоб подцепить меня на удочку. Уж я с ним разделаюсь посвойски, хоть бы пришлось мне месяцев шесть просидеть в тюрьме. Ну, ну, карапузик!

И, не давая времени одуматься своим четырем противникам, мужественный извозчик, с беззаботным пренебрежением к своей собственной личности, подскочил к м-ру Пикквику,

сшиб с него шляпу и очки и, не останавливаясь на этих разрушениях, стал последовательно наносить удары: первый достался м-ру Пикквику в нос, второй ему же в грудь, третий – м-ру Снодграсу в глаз, четвертый пришелся как раз в самую нижнюю оконечность жилета м-ра Топмана. Затем яростный извозчик всею силою стремительно обрушился на м-ра Винкеля и поподчивал его полновесными ударами по различным местам джентльменского тела. На все эти подвиги ловкому Саму понадобилось не более пятишести секунд.

– Где констэбль? – проговорил м-р Снодграс.

– Под насос их, братцы! – прогорланил продавец горячих пирогов.

– Это не пройдет вам даром! – говорил, задыхаясь, м-р Пикквик.

– Шпионы! – рокотала толпа.

– Ну же, ну! – кричал раззадоренный извозчик, неистово размахивая обоими кулаками.

Как скоро всюду распространилась весть, что Пикквикисты – шпионы, зрители, не принимавшие до этой поры деятельного участия в ссоре, начали с жаром подкреплять и развивать замысловатое предложение горячего пирожника, и Бог ведает, чем бы окончились личные обиды почтенным сочленам, если б вся эта суматоха не была прекращена совершенно неожиданным участием какого-то джентльмена, явившегося неизвестно как и откуда.

– Что тут за гвалт? – закричал довольно высокий и сухопарый молодой человек в зеленом фраке, обращаясь к м-ру Пикквику и пробиваясь сквозь толпу при сильном содействии своих локтей, задевавших по носам, затылкам и ушам многих почтенных особ.

– Шпионы! – как бы в ответ прошумела толпа.

– Вздор, мы вовсе не шпионы! – возразил м-р Пикквик таким искренним и вразумительным тоном, что не могло оставаться никакого сомнения, что почтенный джентльмен говорил истинную правду.

– Тогда объясните мне в чем дело! – проговорил молодой человек, обращаясь к м-ру Пикквику и подталкивая его легонько локтем, чем хотел ободрить дрожащего от гнева президента пикквикистов.

Ученый муж в коротких, но сильных и совершенно вразумительных выражениях объяснил молодому человеку весь ход дела.

– Ну, так идем со мной, – сказал зеленый фрак, увлекая насильно м-ра Пикквика и продолжая говорить во всю дорогу. – Нумер девятьсот двадцать четвертый! возьмите-ка свои деньги, и ступайте по добру по здорову домой... Почтенный джентльмен... Хорошо его знаю... Все вы ничего не понимаете... Сюда, сэр, сюда... Где ваши приятели?... Все вздор, ошибка, я вижу... Недоразумение... Мало ли что бывает... Задать ему перцу... Пусть раскусит... Несобразительный народ... Какие тут и мошенники, болваны!

И выстреливая таким образом подобными лаконическими сентенциями выразительного свойства, незнакомец быстро шел в общую залу конторы дилижансов, куда, плотно прижимаясь друг к другу, следовали за ним м-р Пикквик и его ученики.

– Эй, буфетчик! – проревел незнакомец, неистово дернув за колокольчик. – Стаканы для всей честной компании... коньяку и воды... Пунша горячего, крепкого, сладкого! – Живей... Глаз у вас поврежден, сэр!.. Подать сырой говядины для джентльменского глаза... Живей! – Ничто так хорошо не излечивает синяков под глазами, как сырая говядина... Ха, ха, ха!

И, не думая останавливаться, чтоб перевести дух, незнакомец одним залпом выпил стакан пунша и уселся в креслах с таким комфортом, как будто ничего особенного не случилось.

Между тем как три путешественника рассыпались в благодарности своему новому знакомцу, м-р Пикквик, хранивший во всех случаях жизни невозмутимое спокойствие великой души, рассматривал на досуге его костюм и наружный вид. Был он среднего роста, но, при длинных ногах и сухопаром туловище, казался довольно высоким. Зеленый фрак его мог быть щегольским нарядом в те дни, когда в Лондоне была мода на узкие фалды, на манер

ласточкиных крыльев: но в те времена, очевидно, украшал он особу более короткую, чем этот незнакомец, потому что облягающие и запачканные обшлага далеко не доходили до кисти его руки. Он был застегнут на все пуговицы до самого подбородка, и узкий фрак подвергался очевидной опасности разорваться на спине. Старый носовой платок, вместо галстука, украшал его шею, где не было и следов рубашечного воротника. На черных его штанах, здесь и там, проглядывали светлые заплатки, обличавшие продолжительную службу этого костюма. Плотнo прикрывая колени незнакомца, они туго прицеплялись штрипками к его дырявым башмакам, имея очевидное назначение скрывать от нескромных взоров его грязные, пожелтелые чулки, которые однако ж резко бросались в глаза. Его длинные черные волосы пробивались косматыми прядями из под старой, измятой шляпы, и за обшлагами фрака виднелись голые оконечности его рук, украшенных изорванными и грязными перчатками. Он был худощав и бледен, при всем том физиономия его выражала решительную самоуверенность, самодовольство и значительную долю бесстыдства. Он весело потряхивал своей скомканной шляпой и неутомно вертелся во все стороны, делая самые выразительные жесты.

Таков был человек, которого тщательно наблюдал в свои очки м-р Пикквик. Подражая своим приятелям, он тоже считал непременною обязанностью изъявить ему свою искреннюю благодарность в самых отборных и ученых выражениях.

– Нечего распространяться, сказано довольно, – отвечал незнакомец, делая энергичский жест. – Ни слова больше... но будь я вашим приятелем в зеленой куртке, черт побери, я бы свихнул извозчику шею... Пирожник тоже свиная башка... Всех бы отправил к чорту на кулички... как честный человек... Сволочь, трин трава!

В эту минуту вошел в залу кондуктор, и объявил, что рочестерский дилижанс готов отправиться в дорогу.

– Мой дилижанс? – воскликнул незнакомец, быстро вскочив со своего места. – Билет взят... сейчас ехать... Заплатите за коньяк... Мелких нет.... Крупные банковые билеты... Сдача у них скверная... серебряные деньги истерты, что бирмингэмские пуговицы... дрянь... заплатите.

И он еще раз потряхнул на всю компанию своей скомканной шляпой.

Случилось, по воле судеб, что м-р Пикквик и трое его спутников тоже решились, с своей стороны, сделать город Рочестер первую своею станцією и первым предметом ученых наблюдений. Объявив об этом своему новому товарищу, они согласились, для удобнейшего сообщения друг другу взаимных мыслей и желаний, поместиться рядом на империале.

– Ну, поворачивайтесь! – сказал незнакомец, помогая м-ру Пикквику взобраться на верх дилижанса. – Живей!

– Ваша поклажа, сэр? – спросил кондуктор.

– Чья? Моя? Вот этот узелок, больше никакой поклажи, – отвечал незнакомец. – Весь багаж отправлен водой... ящики, сундуки, коробки, баулы... тяжело, демонски тяжело!

И с этими словами он засунул в карман небольшой узелок, где хранились рубашка и носовой платок.

– Головы, головы, берегите свои головы! – вскричал неумолкавший незнакомец, предостерегая пассажиров империала, когда дилижанс проезжал под сводами ворот почтового двора. – Страшное место... демонская опасность... Случилось однажды... пятеро детей... мать, высокая леди, кушала бутерброды... совсем забылась через арку... тррр-тыррр... дети оглядываются... голова у матери оторвана... бутерброд в руках... нечем больше есть... сироты... визг, крик – ужасно, ужасно! – Что, сэр, изволите смотреть на Уайтголь? прекрасное место... не так ли?

– Я рассуждаю, – сказал м-р Пикквик, – о непостоянстве фортуны и коловратности человеческих деяний.

– Так, сэр, так! Сегодня шелк и бисер, а завтра куда еси девался человек? Философ, сэр?

– Психолог, сэр, скромный наблюдатель человеческой природы, – сказал м-р Пикквик.
– Так же как и я. Доброе дело... Человек любит философствовать, когда нечего есть.

Поэт, сэр?

– Почтеннейший друг мой, м-р Снодграс, имеет сильный поэтический талант, – сказал м-р Пикквик.

– Не дурно сам пишу стихи, – отвечал незнакомец. – Поэма в десять тысяч стихов... Ямбы и хорей с дактилями и анапестами... Олимп... Великая битва... Марс поутру, ночью Аполлон... барабан и лира... Пою тебя, великий муж... Нет вдохновения – забежал в кондитерскую, и опять... Муза, Нептун, Морфей... вдохновение шипит... Прекрасно! – Вы, сэр, не охотник ли? – вдруг спросил он, обращаясь к м-ру Винкелю.

– Да, я люблю охоту, – отвечал тот.

– Прекрасное занятие, сэр, бесподобное. – Собаки, сэр?

– Теперь нет, – отвечал м-р Винкель.

– А! Вы держали собак... бесподобные животные... твари смышленные... чутье... инстинкт... Была у меня отличная собака... лягавая... Понто, кличка... Пошел однажды на чужое поле... перелез ограду... выстрелил... бац... свистнул – собака стоит как вкопанная... свистнул опять... Понто... нейдет... подманил к себе – Понто, Понто... виляет хвостом и смотрит на столб... взглянул – на столбе надпись: «Лесничему приказано бить и стрелять всех собак за этой оградой»... Удивительная собака... бесценная... зоологический феномен.

– В самом деле, случай необыкновенный, – заметил м-р Пикквик. – Позвольте мне записать его?

– Извольте, сэр, извольте... сотни чудных анекдотов насчет собак... коллекция в классическом роде. – Красотка, сэр? – продолжал незнакомец, круто повернувшись к м-ру Треси Топману, бросавшему умильные взгляды на проходившую женщину.

– Очень мила, – заметил м-р Топман.

– Да... смак есть... Английские девушки далеко не так хороши, как испанки... Благородные создания... агатовые волосы... черные глаза... искрометистые... блещут... круглые формы... Чудо, как хороши.

– Вы были в Испании, сэр? – спросил м-р Топман.

– Жил там... очень долго.

– И много одержали побед, сэр?

– Побед? Тысячи! Дон Боларо Фицциг... Гранд, старик... единственная дочь... Донна Христина... блистательная красавица... влюбилась по уши... ревнивый отец... гордая испанка... прекрасный англичанин... Донна Христина в отчаянии... приняла яд... рвотного дали... желудочный насос... сделали операцию... Старик Боларо вне себя... согласился... соединил наши руки... потоки слез... романтическая история... очень.

– Что-ж? Донна Христина теперь в Англии, сэр? – спросил м-р Топман, приведенный в восторженное состояние поэтическим изображением прелестей испанки.

– Умерла, сэр, умерла, – сказал незнакомец, приставив к глазам коротенький остаток носового коленкорового платка, – операция трудная... не перенесла... нежная комплекция... погибла жертвой.

– А её отец? – спросил поэтический Снодгрась.

– Угрызение и бедствие, – отвечал незнакомец, – исчез внезапно... молва по всему городу... искали по всем местам... с ног сбились... без успеха... городской фонтан на большой площади вдруг остановился... прошли недели... не брызжет... работники принялись чистить... выкачали воду... хват... старик Боларо сидит в трубе... околелый... в правом сапоге бумага... полная исповедь... с отчаяния... не мог пережить... Вытащили его, фонтан забрызгал, заиграл... Трагический элемент.

– Могу ли я, с вашего позволения, внести в свои записки эту трогательную историю? – спросил м-р Снодграс, проникнутый великим соболезованием.

– Пишите, пишите! Пятьдесят новых историй в таком же роде, если угодно... вулканические перевороты в моей жизни, странные, непостижимые... Много видел, много испытал... То ли еще будет... Позволяю... Пишите.

В таком духе продолжался разговор во всю дорогу. На станциях, где сменяли лошадей, ученые путешественники угощали своего приятеля коньяком и пивом, и он без умолка рассказывал им новые истории, запечатленные по большей части трагическим колоритом. В скором времени, записные книги господ Пикквика и Снодграса наполнились поэтическими и философическими описаниями чудесных приключений. Наконец дилижанс покотился по рочестерскому мосту, за которым возвышался древний католический монастырь.

– Великолепная развалина! – воскликнул м-р Август Снодграс, увлеченный поэтическим чувством при виде почтенного здания.

– Какая обильная жатва для антиквария! – провозгласил м-р Пикквик, приставляя зрительную трубу к своему правому глазу.

– А! прекрасное место! – заметил незнакомец, – груда кирпичей... угрюмые стены... мрачные своды... темные углы... развалившиеся лестницы... старый собор... душный запах... пилигримы истерли ступени... узкие саксонские двери... Странные люди эти католические монахи... исповедальни точно суфлерские будки в театрах... Папа и главный казначей... Эти образа... Саркофаг... древние легенды... чудесные повествования... источник национальных поэм... вдохновение... Превосходно!

И этот монолог беспрерывно продолжался до той поры, когда дилижанс подъехал, наконец, к воротам гостиницы «Золотого быка» на главной рочестерской улице.

– Вы здесь остановитесь, сэр? – спросил м-р Натаниэль Винкель.

– Я? Нет... вам советую... всего лучше... хорошая гостиница... отличные постели... подле трактир Райта, дорого... очень дорого... полкроны за всякую мелочь... плата увеличивается, если обедаете у приятелей... странные люди.

М-р Винкель повернулся от м-ра Пикквика к м-ру Снодграсу, и от Снодграса к м-ру Топману: приятели перемигнулись, и утвердительно кивнули друг другу. М-р Пикквик обратился к незнакомцу:

– Вы оказали нам сегодня поутру весьма важную услугу, сэр, – сказал он, – позвольте покорнейше просить вас об одолжении разделить с нами скромный обед. Мне и приятелям моим было бы весьма приятно продолжить знакомство с человеком, который так много испытал и видел.

– Очень рад... благодарю... не смею советовать насчет блюд... не забудьте грибов со сметаной и жареной курицы... превосходно! В котором часу вы обедаете?

– А вот позвольте, – сказал м-р Пикквик, обращаясь к своему хронометру, – теперь скоро три. В пять часов вы свободны?

– Совершенно... именно в пять часов...! ни прежде, ни после. Дел бездна! До свидания!

Надев шапку набекрень, незнакомец слегка поклонился почтенным друзьям, взял узелок под мышку, свистнул, побежал и вскоре скрылся из вида.

– Много путешествовал и много видел, это ясно! – заметил м-р Пикквик. – Хорошо, что мы его пригласили.

– Как бы мне хотелось видеть его поэму! – сказал м-р Снодграс.

– Мне бы очень хотелось взглянуть на его собаку, – сказал м-р Винкель.

М-р Топман ничего не сказал и не заметил; но он размышлял в глубине души о донне Христине, гордом испанце, о фонтане, о бедствиях, о человеческой жестокости, и глаза его наполнились слезами.

Нумера взяты, постели осмотрены, обед заказан, и путешественники отправились осматривать город с его окрестностями.

Прочитав внимательно заметки м-ра Пикквика относительно четырех городов: Строда, Рочестера, Четема и Бромптона, мы нашли, что впечатление его, в существенных основаниях, ничем не отличается от наблюдений других путешественников, изображавших эти города. Представляем здесь в сокращении описание м-ра Пикквика.

«Главные произведения всех этих городов», – говорит Пикквик, – состоят, по-видимому, из солдат, матросов, жидов, мела, раковин, устриц и корабельщиков. К статьям торговой промышленности преимущественно относятся: морские припасы, яблоки, сухари, свежая и соленая рыба, и устрицы. Улицы многолюдны и представляют живописный вид, оживленный особенно постоянным присутствием военных. Приятно истинному филантропу углубляться в наблюдения относительно беззаботной и веселой жизни военных, умеющих так удачно разнообразить свои развлечения и так незлобиво и невинно шутить над добродушными простаками из граждан. Военные вообще обладают изумительно веселым расположением духа. За два дня до моего приезда сюда один из таких шутников был грубо оскорблен в трактире. Буфетчица не захотела отпустить ему более ни одной рюмки водки; в отплату за это, он (скорее для забавы) выхватил свой штык и ранил девушку в плечо. И однако ж, этот милый весельчак пришел в трактир на другой день, и сам же первый выразил свою готовность покончить дело миром и забыть неприятное приключение.

«Потребление табака в этих городах, – продолжает м-р Пикквик, – должно быть чрезвычайно велико, и табачный запах, распространяющийся по улицам, без сомнения, весьма приятен для особ, привыкших к трубке. Поверхностный наблюдатель сделал бы, вероятно, презрительный отзыв касательно грязи, которая тоже составляет здесь характеристическую принадлежность; но истинный философ, привыкший углубляться в самую сущность вещей, увидит, конечно, в этом обстоятельстве самое резкое и поразительное доказательство торговли и промышленности, обуславливающей народное благосостояние».

Ровно в пять часов явился незнакомец, и с его приходом начался обед. Дорожного узелка с ним больше не было; но в костюме его не произошло никаких перемен. Говорил он с таким же лаконическим красноречием, как прежде, и даже был, в некоторых случаях, гораздо красноречивее, хотя беседа его имела постоянно стенографический характер.

– Что это? – спросил он, когда человек принес первое блюдо.

– Селедки, сэр.

– Селедки, а! превосходная рыба! Отправляют в Лондон целыми бочками для публичных обедов. Рюмку вина, сэр?

– С большим удовольствием, – сказал м-р Пикквик.

И незнакомец, с необыкновенной быстротой, выпил рюмку сперва с ним, потом другую с м-ром Снодграсом, третью с м-ром Топманом, четвертую с м-ром Винкелем, и, наконец, – пятая рюмка залпом влилась в его горло за здоровье всей компании.

– Что тут у вас за суматоха? – спросил он, окончив эти вступительные тосты и обращаясь к трактирному слуге. – Я видел на лестницах ковры, лампы, зеркала.

– Это, сударь, приготовление к балу.

– Собрание будет, а?

– Нет, сэр. Это бал в пользу бедных.

– В этом городе должно быть много прекрасных женщин: как вы полагаете, сэр? – спросил м-р Топман.

– Блистательные красавицы... всякому известно... Кентское графство этим и славится... яблоки, вишни, хмель и женщины! Рюмку вина, сэр?

– С большим удовольствием, – отвечал м-р Топман.

Незнакомец залпом опорожнил рюмку.

– Мне бы очень хотелось идти на бал, – сказал м-р Топман.

– Билет, сэ, можно получить в буфете за полугинею, – сказал услужливый лакей.

М-р Топман опять выразил живейшее желание присутствовать на филантропическом бале; но, не встретив никакого сочувствия в отуманенных взорах господ Пикквика и Снодграса, обратился с некоторою горячностью к портвейну и десерту, который только что поставили на стол. Лакей ушел, и путешественники остались одни, имея в виду приятную перспективу послеобеденной дружеской беседы.

– Прошу извинить, – сказал незнакомец. – Погода сегодня демонски жаркая... передайте-ка сюда эту непочатую бутылку.

Незнакомец сряду выпил несколько рюмок за здоровье всех вообще и каждого порознь. Наступили веселые минуты. Гость говорил без умолку, и пикквикисты слушали с неумолимым вниманием. М-р Топман с каждой минутой больше и больше распалялся желанием присутствовать на бале. Физиономия м-ра Пикквика пылала выражением всеобщей филантропии; м-р Винкель и м-р Снодграс чувствовали сильную наклонность ко сну.

– Эге, уж начинают! – воскликнул незнакомец. – Публика собирается... скрипки настраиваются... арфа звучит... бал в разгаре.

В самом деле, через несколько минут звуки оркестра возвестили начало первой кадрили.

– Ох, как бы мне хотелось идти! – сказал опять м-р Топман.

– Да и мне, – сказал незнакомец, – черт побери... проклятая поклажа... тюки, व्यюки... неприятная пересылка водой... сиди тут – не в чем идти... странно, странно!

Должно теперь заметить, что любовь к ближнему во всех возможных проявлениях и видах была первою заповедью для пикквикистов, и никто из них не отличался столько ревностным исполнением этой заповеди, как м-р Треси Топман. В деловые отчеты клуба внесено множество случаев, свидетельствующих неоспоримым образом, что этот джентльмен был до невероятности добр и милосерд к своим ближним.

– Мне было бы очень приятно, – сказал м-р Треси Топман, – снабдить вас приличным костюмом; но вы слишком тонки, между тем как я...

– Толст как дистиллированный Бахус, э? Ха, ха, ха! Подайте-ка сюда бутылку.

Был ли м-р Топман приведен в справедливое негодование при этом слишком вольном и даже, так сказать, дерзком тоне, с каким незнакомец, без всяких предварительных церемоний, потребовал к себе вино, или, быть может, он оскорбился весьма неприличным сравнением своей, особы с дистиллированным Бахусом, – утвердительно сказать нельзя ни того, ни другого. Он передал вино, кашлянул два раза, и бросил на незнакомца суровый взгляд, давая ему заметить неуместность его поведения: оказалось, однако ж, что веселый гость сохранил совершенное спокойствие духа под влиянием этого испытующего взгляда, и м-р Топман, убежденный в его невинности, мгновенно переменял гнев на милость. Он продолжал:

– Я хотел заметить, сэ, что фрак мой был бы для вас слишком широк; но вот костюм моего друга Винкеля, надеюсь, будет вам впору.

Незнакомец измерял метким глазом фигуру м-ра Винкеля, и черты лица его заблистали совершеннейшим удовольствием.

– Счастливая, бесподобная идея! – воскликнул он. – Приятель ваш – второй экземпляр меня самого!

М-р Топман погрузился на несколько минут в глубокую думу и потом бросил внимательный взгляд на почтенных сочленов. Вино уже оказало свое снотворное действие на м-ров Снодграса и Винкеля, и, по-видимому, не подлежало сомнению, что даже чувства м-ра Пикквика подчинились успокоительному влиянию Бахуса. Достопочтенный муж постепенно перешел через все степени, которые обыкновенно предшествуют окончательной летаргии, производимой сытным обедом и его последствиями. От безотчетного веселья он спустился малопомалу в пучину безотчетной грусти, и потом из пучины грусти взобрался опять на высоту

веселья. Подобно газовому фонарю на улице, раздуваемому ветром сквозь узкое отверстие, он обнаружил на минуту неестественное сияние, и вдруг угас почти совершенно. Еще через несколько минут он вспыхнул ярким светом, и уже окончательно загал. Голова его опрокинулась на грудь, и душливое сопенье, прерываемое по временам громким всхрапом, сделалось единственным признаком присутствия великого человека.

Искушение – быть на балу и ознакомиться наглядным образом с блистательною красотою женщин Кентского графства – сильнейшим образом действовало теперь на чувства м-ра Топмана. Искушение взять с собою веселого гостя – было тоже очень сильно. Топман был чужой в этом месте и совсем не знал городских жителей, между тем как незнакомец жил, по-видимому, в Рочестере с младенческих лет. М-р Винкель спал глубоким сном; будить его было бесполезно; по обыкновенному ходу вещей, он, как сноп, покатился бы на свою постель, если бы удалось пробудить его от неестественного усыпления. М-р Топман был в нерешительном состоянии.

– Выпейте рюмку и передайте вино мне! – проговорил неутомимый гость.

М-р Топман повиновался инстинктивно, и последняя рюмка, оживив деятельность его духа, заставила его остановиться на определенном плане.

– Спальня Винкеля подле моей комнаты, – сказал м-р Топман. – В настоящем положении, разумеется, ему никак не растолкуешь, чего мы хотим; но я знаю, что в чемодане у него прекрасная фрачная пара платья. Можно, я думаю, распорядиться и без него: вы наденете его костюм, а потом, после бала, я опять могу уложить его вещи на свое место, так что он ничего не будет знать.

– Гениальная мысль! – воскликнул незнакомец. – Чудесный план... странное положение, черт побери... четырнадцать фраков в дорожных ящиках... должен занимать чужой фрак... Неприятно!

– Надобно теперь купить билеты, – сказал м-р Топман.

– Разменивать соверен не стоит хлопот... бросим жребий, кому платить... Так, так... вон она как юлит... женщина, блистательная женщина... Вам платить, – говорил незнакомец, – когда брошенная монета катилась по столу. М-р Топман позвонил, заплатил за билеты и приказал подать свечи. Через четверть часа незнакомец уже рисовался в блистательном костюме м-ра Натаниэля Винкеля.

– Это новый форменный фрак, – сказал м-р Топман, когда незнакомец охорашивался перед зеркалом. – Он шит в первый раз после изобретения формы для нашего клуба.

Говоря это, он рекомендовал гостю обратить внимание на большие вызолоченные пуговицы с портретом м-ра Пикквика и с буквами: П. К.

– Портрет этого старика?.. Хорошо, очень хорошо! – сказал незнакомец. – А что значат эти буквы: П. К.?.. Платье краденое, а?

М-р Топман пришел в сильное негодование и поспешил объяснить тайну девиза.

– Талия немного коротка, – говорил между тем незнакомец, повертываясь и кривляясь перед зеркалом. – Форма похожа на почтамтскую... фраки там наобум, без мерки... Неисповедимые предопределения судьбы... у всех малорослых людей длинные фраки... у великанов – короткие!.. Все навыворот в этом мире.

Когда, наконец, все приведено было в совершеннейший порядок, м-р Топман и его товарищ пошли наверх, в бальные залы.

– Ваши фамилии, сэр? – спросил швейцар.

М-р Треси Топман приготовился исчислить свои титулы; но незнакомец остановил его.

– Не нужно фамилий, – сказал он швейцару, и потом прошептал на ухо Топману, – не годится объявлять имен... почтенные фамилии в своем кругу... не могут произвести эффекта в публичных местах... лучше инкогнито... джентльмены из Лондона, знатные путешественники!

Дверь отворилась, и знатные путешественники вошли в залу.

То была широкая и длинная комната, освещенная восковыми свечами в хрустальных канделя брах. Скамейки, обитые малиновым бархатом, стояли по всем четырем сторонам. Музыканты живописной группой на хорах, и кадрили симметрически были расположены в два или три ряда танцующих пар. В смежной комнате стояли карточные столы, и две пары старух, с таким же числом почтенных джентльменов, уже сидели за вистом.

По окончании последней фигуры танцоры разошлись по зале. М-р Топман и его товарищ, стоя в углу, наблюдали собрание.

– Очаровательные женщины! – заметил м-р Топман.

– То ли еще будет! – отвечал незнакомец. – Теперь, покамест, мелюзга... тузы не явились... странная публика... корабельные чиновники высшего разряда знать не хотят корабельных инженеров низшего разряда... корабельные инженеры низшего разряда знать не хотят мелкого джентри... мелкое джентри презирает купцов...

– Не знаете ли, кто этот щуроглазый мальчуган с светлыми волосами и в фантастическом костюме? – спросил м-р Топман.

– Неважная птица... юнга девяносто седьмого экипажа... А вот достопочтенный Вильмот Снайп... знатная фамилия... богат как чорт... все знают.

– Сэр Томас Клоббер, леди Клоббер и девицы Клоббер! – забасил швейцар громовым голосом.

И по зале распространилось общее волнение, когда величественными стопами вошли: высокий джентльмен в синем фраке с светлыми пуговицами, высокая леди в голубом атласном платье и две молодые девицы в новомодных костюмах того же цвета.

– Главный начальник над портом... важная особа, – шепнул незнакомец м-ру Топману, когда благотворительный комитет встречал сэра Томаса Клоббера и его превосходительное семейство.

Достопочтенный Вильмот Снайп и другие знатные джентльмены спешили принести дань глубокого благоговения девицам Клоббер. Сам сэр Томас Клоббер стоял среди залы, выпрямившись как стрела, и величественно озирал блестящее собрание.

– М-р Смити, м-с Смити и девицы Смити! – проревел опять швейцар.

– Что это за м-р Смити? – спросил м-р Треси Топман.

– Так себе... неважный чиновник... вздор, – отвечал незнакомец.

М-р Смити отвесил низкий поклон сэру Томасу Клобберу, который, в свою очередь, удостоил его легким наклоном головы. Леди Клоббер навела трубку на м-с Смити и её дочерей, между тем как м-с Смити гордо посматривала на какую-то другую м-с, не имевшую счастья принадлежать к чиновницам корабельной верфи.

– Полковник Болдер, м-с полковница Болдер и мисс Болдер! – докладывал швейцар.

– Начальник гарнизона, – сказал незнакомец в ответ на вопросительный взгляд м-ра Топмана.

М-с Болдер дружески раскланялась с девицами Клоббер; встреча между полковницей Болдер и леди Клоббер была ознаменована самыми искренними излияниями радостных чувств; полковник Болдер и сэр Томас Клоббер перенюхивались в табакерках друг у друга и продолжали стоять одиноко, как джентльмены, проникнутые благородным сознанием собственного превосходства перед всем, что их окружало.

Между тем как местные аристократы – Болдеры, Клобберы и Снайпы – поддерживали таким образом свое достоинство на верхнем конце залы, другие разряды провинциального общества подражали их примеру на противоположной стороне. Младшие офицеры девяносто седьмого полка присоединились к семействам корабельных инженеров. Жены и дочери гражданских чиновников составляли свою особую партию, окруженную молодыми людьми

из того же круга. М-с Томлинсон, содержательница почтовой конторы, была, по-видимому, избрана главою торгового сословия.

Самой заметной особой в своем кругу был один маленький и кругленький человечек с черными хохлами на висках и огромной лысиною на макушке, доктор девяносто седьмого полка, м-р Слеммер. Он нюхал табак из всех табакерок, без умолка болтал со всеми, смеялся, плясал, отпускал остроты, играл в вист, делал все и был везде. К этим многосложным и разнообразным занятиям маленький доктор прибавлял другое, чрезвычайно важное: он неутомимо ухаживал за маленькой пожилой вдовой в богатом платье и бриллиантах, придававших её особе весьма значительную ценность.

Несколько времени м-р Топман и его товарищ безмолвно наблюдали маленького доктора и его интересную даму. Незнакомец прервал молчание:

– Груды золота... старуха... лекарь-фанфарон... спекуляция... задать им перцу... идея недурная.

М-р Топман бросил вопросительный взгляд на его лицо.

– Стану волочиться за старухой, – сказал незнакомец.

– Кто она такая? – спросил м-р Топман.

– Не знаю... не видал ни разу... доктора прочь... увидим.

Приняв это решение, незнакомец перешел поперек залы, и, остановившись у камина, начал посматривать с почтительным и меланхолическим удивлением на жирные щеки пожилой леди. М-р Топман обомлел. Незнакомец делал быстрые успехи: маленький доктор начал танцевать с другой дамой – вдова уронила платок – незнакомец поднял, подал – улыбка, поклон, книксен – разговор завязался. Еще несколько минут... два-три слова с распорядителем танцами... небольшая вступительная пантомима, и незнакомец занял свое место в кадрили с м-с Боджер.

Удивление м-ра Топмана, при этой чудной ловкости товарища, ровно ничего не значило в сравнении с глубоким изумлением доктора девяносто седьмого полка. Незнакомец молод, вдова самолюбива, внимание доктора отвергнуто, и счастливый соперник не обращает никакого внимания на его негодование. Доктор Слеммер остолбенел. Как? Неужели его, знаменитого врача девяносто седьмого полка, забыли и презрели в пользу человека, которого никто не видел прежде и которого никто не знает даже теперь! Вероятно ли это! Возможно ли? Да, чорт побери, очень возможно: они танцуют и любезничают. Как! Это что еще? Незнакомец рекомендует своего приятеля! Доктор Слеммер не верит глазам, но роковая истина должна быть допущена: м-с Боджер танцует с м-ром Треси Топманом – это не подлежит никакому сомнению. Вдовица перед самым носом доктора, полная одушевления и жизни, выделяет самые хитрые прыжки, то подбоченится, то подымет голову, и м-р Треси Топман рисуется перед ней с торжественным лицом. Непостижимо!

Терпеливо и молчаливо доктор медицины и хирургии переносит свою невзгоду, и с убийственным хладнокровием смотрит, как молодые люди пьют глинтвейн, подчивают конфектами своих дам, кокетничают, любезничают, улыбаются, смеются; но когда, наконец, незнакомец исчез, чтобы проводить м-с Боджер до её кареты, д-р Слеммер быстро вскочил с своего места, как ужаленный вепрь, и негодование, долго сдерживаемое, запылало ярким заревом на его щеках.

Незнакомец, между тем, проводив интересную вдову, снова появился в зале вместе с м-ром Топманом. Он говорил и смеялся от искреннего сердца. Доктор Слеммер свирепел, пыхтел, бесновался, жаждал крови своего врага.

– Сэр, – произнес он страшным голосом, подавая ему свою карточку, – имя мое – Слеммер, доктор Слеммер девяносто седьмого полка... в четемских казармах, сэр... вот мой адрес.

Больше ничего он не мог сказать; бешенство душило его.

– А! – проговорил незнакомец холодным тоном. – Учтливое внимание... Слеммер... Благодарю... теперь не болен... когда захвораю... д-р Слеммер... не забуду!

– Как? вы увертываетесь, милостивый государь? – говорил, задыхаясь, неистовствующий доктор. – Вы трус, негодяй, лжец!.. Вы – довольны ли вам этого? Дайте ваш адрес.

– О, глентвейн, я вижу, слишком крепок! – воскликнул незнакомец вполголоса. – Не жалеют коньяка... очень глупо... лимонад гораздо лучше... жаркие комнаты... пожилые джентльмены... голова разболится... не хорошо, не хорошо... очень.

И он отступил назад с невозмутимым спокойствием.

– Я знаю, сэр, вы остановились в этой гостинице, – сказал неумолимый доктор, – теперь вы пьяны; завтра обо мне услышите; я отыщу вас, отыщу!

– На улице, может-быть... дома я никогда не бываю.

Д-р Слеммер, сделав неистовое движение, нахлобучил шляпу и вышел из залы. М-р Топман и его товарищ пошли наверх в спальню невинного м-ра Винкеля, которому надлежало возвратить занятый костюм.

Этот джентльмен уже давно спал крепким сном; церемония размена павлиньих перьев была совершена очень скоро и спокойно. Приятели закусили и выпили на сон грядущий по несколько стаканов вина. Незнакомец был разговорчив и весел; м-р Треси Топман, отуманенный глентвейном, лафитом, восковыми свечами и белоснежными плечами рочестерских красавиц, был на седьмом небе и воображал себя первым счастливецом подлунного мира. Проводив своего товарища, м-р Топман, не без некоторых затруднений, отыскал отверстие в своем ночном колпаке и впихнул в него свою голову, – при чем опрокинул подсвечник и разбил остальную бутылку с портвейном. Наконец, после многих разнообразных эволюций, ему удалось кое-как добрести до своей постели, где он и погрузился в сладкий сон.

Поутру на другой день, ровно в семь часов, всеобъемлющая душа м-ра Пикквика была выведена из своего бессознательного положения громким стуком в дверь комнаты.

– Кто там? – спросил м-р Пикквик, вскакивая с постели.

– Чистильщик сапогов, сэр.

– Чего вам от меня нужно?

– Потрудитесь сказать сэр, какой джентльмен из вашего общества носит светло-синий фрак с золотыми пуговицами?

М-р Пикквик мигом догадался, что лакей взял, вероятно, чистить платье его товарища и забыл, кому оно принадлежит. Он отвечал:

– М-р Винкель, через две комнаты направо.

– Покорно благодарю.

Топман пил больше всех и спал богатырским сном; однако ж громкий стук неугомонного лакея разбудил и его.

– Что там такое?

– Можно ли поговорить с м-ром Винкелем, сэр? – сказал слуга.

– Винкель! Винкель! – вскричал м-р Топман, приподнявшись с постели.

– Что! – отозвался слабый голос из соседней комнаты.

– Вас спрашивают... там... за дверью, – пробормотал полусонный Топман, повернувшись на другой бок.

– Спрашивают! – воскликнул Винкель, быстро вскакивая с постели, и набрасывая халат на свои плечи, – кто-ж бы это? Кому я понадобился в таком дальнем расстоянии от города?

– Какой-то джентльмен желает с вами переговорить, – сказал лакей, когда м-р Винкель отворил ему дверь, – джентльмен говорит, что он недолго вас задержит; но ему непременно надобно вас видеть.

– Странно, очень странно! – сказал м-р Винкель. – Где этот джентльмен?

– Он дожидается в кофейной комнате.

– Хорошо. Скажите, что сейчас приду.

Этим временем счастливый Топман погрузился опять в сладкий утренний сон.

М-р Винкель оделся на скорую руку и сошел вниз, в общую залу. Старуха и два лакея убирали посуду; какой-то офицер в мундире стоял у окна, спиной к дверям. Обернувшись при входе м-ра Винкеля, он поклонился ему довольно сухо и предложил слугам выйти.

– М-р Винкель, если не ошибаюсь? – сказал офицер, запирая дверь.

– Да, я Винкель; что вам угодно?

– Вы, конечно, не удивитесь, сэр, если услышите, что я пришел к вам по поручению моего друга, м-ра Слеммера, доктора девяносто седьмого полка.

– Доктора Слеммера?!

– Так точно. Доктор просил меня объявить вам, сэр, что вы вчера вечером изволили вести себя совсем не по джентльменски и что, следовательно, он считает себя в праве требовать удовлетворения.

Изумление м-ра Винкеля обрисовалось самыми красноречивыми знаками на его лице. Приятель доктора Слеммера продолжал:

– Друг мой, доктор Слеммер, твердо убежден, что вы были вчера слишком пьяны, и вероятно, сами не сознаете всей обширности обиды, нанесенной ему. Он поручил мне сказать, что если вы, как благородный человек, обнаружите готовность извиниться в своем поведении, – он согласен принять от вас удовлетворительное объяснение, которое вы потрудитесь написать под мою диктовку.

– Письменное объяснение! – воскликнул озадаченный м-р Винкель.

– Одно из двух: объяснение, или... вы понимаете? – сказал докторский приятель холодным тоном.

– Точно ли ко мне относится ваше поручение, сэр? – спросил м-р Винкель, безнадежно сбитый с толка необыкновенным предложением.

– Сам я не имел чести быть свидетелем вашего неприличного поступка, – отвечал, улыбаясь, загадочный джентльмен, – и вы отказались дать свой адрес доктору Слеммеру. По его поручению, надлежало мне разведать, кому принадлежит светло-синий фрак с вызолоченными пуговицами, портретом и буквами «П. К.» друг мой хотел во что бы ни стало узнать вашу фамилию.

М-р Винкель остолбенел при этом подробном описании его костюма. Приятель доктора Слеммера продолжал:

– Из расспросов, мною сделанных, оказалось, что владелец светло-синего фрака с эмблематическими пуговицами прибыл в эту гостиницу вчера перед обедом с тремя другими джентльменами. Я немедленно послал узнать вашу фамилию, и теперь мне известно, что я имею честь говорить с м-ром Винкелем.

Если бы главная башня Рочестерского замка внезапно сдвинулась со своего места, и осталась перед гостиницею «Золотого Быка», изумление Винкеля было бы ничтожным в сравнении с теми чувствами, которые теперь волновали его грудь. Первою его мыслью было, что, вероятно, фрак его украден.

– Позвольте ли мне отлучиться на минуту? – сказал он.

– Сделайте милость.

М-р Винкель опрометью бросился наверх и раскрыл дрожащею рукою свой чемодан. Фрак лежал на своем обыкновенном месте, но был измят и немного запачкан: стало быть, его надевали прошлой ночью.

– Ну, да, дело очевидное, сообразил м-р Винкель, припоминая события вчерашнего дня, – вчера после обеда мне вздумалось гулять по здешним улицам: помню очень хорошо, как я закурил сигару и вышел со двора. Вероятно, я надел свой новый фрак, зашел куда-нибудь,

и напроказил: пьяному море по колена! Вот и разделяйся теперь с каким-то доктором Слеммером! Неприятно, черт побери, очень неприятно!

Сказав это, м-р Винкель поспешил воротиться в общую залу с мрачной решимостью принять вызов неустрашимого доктора Слеммера и мужественно покориться всем последствиям страшного поединка.

Многие обстоятельства имели влияние на геройскую решимость м-ра Винкеля, и прежде всего – репутация, которою он пользовался в клубе. До сих пор его считали образцом ловкости и искусства во всех делах, наступательных и оборонительных, где требовалось необыкновенное присутствие духа и вот, если теперь, при первом критическом случае, он обнаружит свою слабость, в глазах самого основателя знаменитого клуба, слава его затмится, и он пропал навсегда. Вдумываясь притом глубже в этот предмет, он сообразил, основываясь на многих случаях, что секунданты, вследствие обоюдного соглашения, редко заряжали пистолеты пулями, и всего чаще удавалось им примирять противников после холостых зарядов. Его секундантом, разумеется, будет м-р Снодграс. Если изобразить ему опасность живейшими и яркими красками, нет сомнения, этот джентльмен обо всем известит м-ра Пикквика, который, в свою очередь, не замедлит обратиться к местным властям, и, стало быть, покушение на убийство будет предотвращено.

Так рассуждал м-р Винкель, когда воротился в общую залу, и объявил свое согласие на вызов обиженного доктора.

– Не угодно ли вам отправить меня к вашему другу, чтоб я мог с ним условиться о времени и месте нашей встречи? – сказал офицер.

– Нет, это совсем не нужно, – возразил м-р Винкель, – мы это можем решить теперь же, и я не замедлю известить своего секунданта.

– В таком случае – сегодня вечером, на закате солнца: хорошо это будет? – спросил офицер беспечным тоном.

– Очень хорошо, – отвечал м-р Винкель, думая, напротив, что это – очень дурно.

– Знаете ли вы крепость Питта?

– Да, я видел ее вчера.

– Пройдя город, вы потрудитесь повернуть налево с большой дороги и обогнуть главный угол крепости; я буду ждать вас в безопасном месте, и дело, авось, устроится так, что никто нам не помешает.

– Это мы увидим! – думал м-р Винкель, бросая мужественный взгляд на секунданта своего противника.

– Больше, кажется, ничего не нужно? – сказал офицер.

– Ничего, я полагаю.

– Прощайте, сэр.

– Прощайте.

И офицер, насвистывая веселую песню, вышел из залы.

Завтрак наших героев, против обыкновения, был очень невесел. М-р Топман, после похождения вчерашней ночи, остался в постели; Снодграс, в глубине души, предавался поэтическим размышлениям, получившим на этот раз весьма угрюмый характер, и даже сам президент обнаруживал необыкновенную склонность к молчанию и содовой воде. М-р Винкель нетерпеливо выжидал удобного случая для объяснений, и случай скоро представился: он и м-р Снодграс отправились вдвоем на поэтическую прогулку, под предлогом обозрения достопримечательностей города.

– Снодграс, – начал м-р Винкель, когда они вышли за ворота, – Снодграс, любезный друг, могу ли я положиться на твою скромность?

Предложив этот вопрос, он был глубоко убежден, что любезный друг, при первой возможности, разболтает вверенную тайну. Поэты – народ болтливый, это всем известно; а Снодграс был великий поэт.

– Совершенно можешь, – отвечал м-р Снодграс, – хочешь, я дам клятву...

– Нет, нет, – прервал м-р Винкель, пораженный страшной возможностью удержать на привязи поэтический язык своего приятеля – не клянись, мой друг, не клянись: это совсем не нужно.

М-р Снодграс медленно опустил руку, поднятую к небесам во изъявление готовности дать клятву.

– Мне нужна твоя помощь, любезный друг, в одном важном деле... в деле чести, – сказал м-р Винкель.

– И ты ее получишь – вот тебе моя рука! – отвечал восторженный поэт.

– У меня дуэль, Снодграс, дуэль на жизнь и смерть с м-ром Слеммером, доктором девяносто седьмого полка, – сказал мистер Винкель, желая представить свое дело в самом торжественном свете; – мы условились с его секундантом сойтись сегодня вечером, на закате солнца.

– Очень хорошо: я буду твоим секундантом.

Такая готовность со стороны приятеля несколько изумила дуэлиста. Чужая беда встречается, по большей части, с удивительным хладнокровием посторонними людьми: м-р Винкель выпустил из вида это обстоятельство, и судил о чувствах друга по биению своего собственного сердца.

– Последствия, мой друг, могут быть ужасны, – заметил м-р Винкель.

– Ну, этого нельзя сказать заранее, – отвечал поэтический Снодграс.

– Доктор, я полагаю, отличный стрелок.

– Очень может быть: все военные стреляют хорошо, но ведь и ты, авось, не дашь промаха в десяти шагах.

– Разумеется.

Снодграс был удивительно спокоен, и поэтическое лицо его, к великой досаде м-ра Винкеля, начинало выражать торжественную решимость. Надлежало сообщить разговору другой оборот.

– Любезный друг, – сказал м-р Винкель трогательным и дрожащим голосом, испустив глубочайший вздох из своей груди и устремив свой взор к небесам, – любезный друг, если роковая пуля сразит мое сердце, и я бездыханен упаду к ногам своего безжалостного противника, ты должен принять на себя священную обязанность известить обо всем моего отца: скажи, что я пал на поле чести, и вручи ему от меня мое последнее письмо.

Но и эта красноречивая выходка не имела вожделенного успеха: поэт, приведенный в трогательное умиление, изъявил готовность составить обо всем подробнейший рапорт, и лично вручить печальное письмо отцу убитого друга.

– Но если я паду, – продолжал м-р Винкель, – или если доктор Слеммер падет от моих рук, ты неизбежно в том и другом случае сам будешь замешан в это дело, как свидетель преступления, и можешь подвергнуться большим неприятностям. Об этом я не могу подумать без содрогания.

При этом маневре м-р Снодграс задрожал и побледнел, но, руководимый чувством бескорыстной дружбы, скоро оправился от своего волнения и отвечал твердым голосом:

– Что делать! Неприятности не легко перенести, но для друга я готов в огонь и воду.

М-р Винкель внутренне посылал к чорту эту бескорыстную дружбу, и отчаяние сильно овладело его душой, когда они продолжали таким образом гулять по улицам города. Он ухватился за последнее средство:

– Снодграс! – вскричал он вдруг, останавливаясь среди дороги и с жаром ухватясь за руку своего приятеля, – ты уж, пожалуйста, не компрометируй меня в этом деле, не извещай об этом

полицию, не обращай к местным властям с просьбой посадить под арест меня и м-ра Слеммера, доктора девяносто седьмого полка, который живет теперь в Четемских казармах, недалеко от крепостного вала. Другой бы на твоём месте принял все возможные меры для предотвращения этой дуэли, мой друг.

– Ни за что в свете! – воскликнул м-р Снодграс с величайшим энтузиазмом.

Прощай, последняя надежда! Благодаря услужливости своего друга, м-р Винкель принужден сделаться одушевленной мишенью для смертоносного выстрела какого-то злодея, которого он не видал и в глаза! Холодный пот заструился по его лбу.

Покончив таким образом эти предварительные объяснения, друзья наши купили пистолеты с достаточным количеством пороха и пуль и поспешили воротиться в гостиницу «Золотого Быка». Все остальное время м-р Винкель горевал о своей судьбе, между тем как приятель его усердно занимался приведением в исправное состояние смертоносных орудий.

Наступил вечер, холодный и туманный. Не дожидаясь сумерек, пикквикисты поспешили отправиться на поле чести. М-р Винкель, для избежания посторонних наблюдений, завернулся в огромную шинель; м-р Снодграс тащил под своими полами смертоносные орудия.

– Все ли ты взял? – спросил м-р Винкель взволнованным тоном.

– Все, кажется, – отвечал м-р Снодграс, – я принял меры, чтоб можно было сделать несколько зарядов, на случай промаха или осечки. В этом ящике четверть фунта пороха; пули завернуты в двух нумерах здешней газеты.

Такое выражение дружеского чувства заслуживало, конечно, самой высшей благодарности; но м-р Винкель молчал, вероятно, от избытка душевного волнения. Он шел довольно медленно за спиной своего друга.

– Мы придем как раз в пору, – сказал м-р Снодграс, когда они были за городской заставой, – солнце только что начинало закатываться.

«Так, вероятно, закатится и последний час моей жизни!» думал м-р Винкель, бросая болезненный взгляд на заходящее светило. – Вот и секундант! воскликнул он с замиранием сердца, сделав несколько шагов.

– Где? – сказал м-р Снодграс.

– Вон там джентльмен в синей шинели.

М-р Снодграс посмотрел вперед, по указанию своего друга, и заметил довольно рослую фигуру в синем плаще. Офицер махнул рукой и повернул за угол крепости; пикквикисты последовали за ним.

Вечер казался удивительно печальным; заунывный ветер пробегал по опустелому пространству, как гигант, кликавший свою собаку пронзительным свистом. Плаксивая природа сообщила мрачный колорит чувствованиям м-ра Винкеля. Ров, окружавший крепость, казался ему колоссальной могилой, где скоро будут погребены его грешные кости.

Между тем офицер, свернув с главной тропинки, быстро перескочил за ограду уединенного поля, назначенного местом дуэли. Пикквикисты последовали его примеру, и м-р Снодграс с удовольствием заметил, что нельзя было выбрать места безопаснее и удобнее для кровавых походов. Два джентльмена ждали за оградой: один маленький и круглый человек с черными волосами; другой – статный мужчина в байковом сюртуке, сидевший с большим комфортом на походном стуле.

– Это должны быть доктор Слеммер и хирург, взятый для перевязки ран, – сказал м-р Снодграс, – ободрись, мой друг, и выпей водки.

М-р Винкель схватил поданную бутылку и с наслаждением втянул в себя несколько тысяч капель живительной влаги.

– Мой друг, сэр, – м-р Снодграс, – сказал м-р Винкель, когда к нему подошел офицер.

Докторский секундант сделал учтивый поклон и вынул ящик, такой же, как у Снодграса.

– Кажется, нам не о чем говорить, – заметил он холодным тоном, открывая ящик, – друг ваш уклонился от всяких извинений.

– Не о чем, я думаю, – сказал м-р Снодграс, начинавший чувствовать некоторую неловкость, при виде окончательных приготовлений.

– Угодно вам отмерять шаги? – сказал офицер.

– Извольте, – отвечал м-р Снодграс.

Дистанция, к общему удовольствию, была измерена правильно и скоро, и предварительные условия заключены.

– Мои пистолеты, я думаю, будут понадежнее ваших, – сказал расторопный секундант доктора девяносто седьмого полка. – Вы видели, как я заряжал: угодно вам осмотреть их?

– Нет, я совершенно на вас полагаюсь, – отвечал м-р Снодграс, довольный и счастливый тем, что его освободили от этой трудной операции: его понятия о зарядении смертоносных орудий были довольно сбивчивы и неопределенны.

– Стало быть, нам можно теперь поставить противников на барьер? – сказал офицер с величайшим хладнокровием, как будто действующие лица были для него пешками на шахматной доске – и он собирался играть.

– Конечно, можем, – отвечал м-р Снодграс.

Он готов был согласиться на всякое предложение, потому что ровно ничего не смыслил в этих делах. Офицер подошел к доктору Слеммеру; м-р Снодграс, машинально следуя его примеру, подошел к м-ру Винкелю.

– Все готово, – сказал он, подавая пистолет своему несчастному другу. – Давай мне свою шинель.

– Ты не забыл, милый друг, о письме к моему отцу?

– Нет, нет все будет исполнено. Ступай, подстрели его?

Легко сказать! Для бедного Винкеля это значило почти то же, если б рекомендовали ему схватить луну за рога. Совет очень хорош; но еще лучше, если б он знал, как выполнить его, не подставляя под пулю своего собственного лба! Как бы то ни было, он скинул шинель, и молча взял пистолет. Секунданты удалились от места действия; джентльмен на походном стуле последовал их примеру, и противники медленными шагами начали приближаться друг к другу.

М-р Винкель имел чрезвычайно нежное сердце, и любовь к ближнему составляла благороднейшую черту его характера. Мысль о предстоящем убийстве была, без сомнения, единственной причиной, заставившею его крепко зажмурить глаза, когда он остановился на барьере: это помешало ему разглядеть необыкновенные и загадочные поступки своего противника. Доктор Слеммер вздрогнул, обомлел, вытаращил глаза, протер их, вытаращил опять и, наконец, закричал громовым голосом:

– Стой! Стой!

Офицер и м-р Снодграс немедленно бросились к нему.

– Что это значит? – воскликнул доктор Слеммер. – Это не тот.

– Не тот! – воскликнул докторский секундант.

– Не тот! – подхватил м-р Снодграс.

– Не тот! – воскликнул статный джентльмен с походным стулом в руке.

– Ну, да, я вам говорю, – продолжал доктор Слеммер, – это совсем не тот джентльмен, который обидел меня вчера на балу.

– Странно! очень странно! – заметил офицер.

– Конечно, странно! – повторил джентльмен с походным стулом. – Вам, господа секунданты, во избежание всяких недоразумений, надлежало прежде всего привести в известность, точно ли этот почтенный господин, стоящий теперь на барьере перед нашими глазами, действительно и несомненно есть тот самый неучтивый и наглый джентльмен, который вчера вечером

имел непростительную неосторожность обидеть общего нашего друга, м-ра Слеммера, доктора девяносто седьмого полка. Таково мое мнение!

И, высказав эти слова с глубомысленным и таинственным видом, статный джентльмен снова уселся на свой походный стул, раскрыл табакерку, понюхал и посмотрел на секундантов с торжествующим лицом.

М-р Винкель широко открыл теперь свои глаза и с неизреченным удовольствием услышал, что враждебные действия, по воле неисповедимой судьбы, не будут иметь пагубных последствий. Мигом он смекнул, что в этом деле скрывалась какая-нибудь ошибка, и с быстротой молнии сообразил, что репутация его между сочленами Пикквикского клуба неизбежно получит значительное приращение, если он скроет настоящую причину, заставившую его принять вызов доктора Слеммера. Поэтому Винкель бодро выступил вперед и сказал:

– Да, я не тот, милостивые государи: чего вам от меня угодно? Знаю, что я не тот.

– Все равно, милостивый государь, – сказал джентльмен с походным стулом, – вы обидели доктора Слеммера принятием его вызова; и, стало-быть, дуэль немедленно должна состояться во всей силе и на прежнем основании.

– погоди, Пайн, – сказал докторский секундант. – Отчего вы, сэр, не потрудились объяснить со мною сегодня поутру?

– Ну, да, отчего, сэр, отчего? – сказал скороговоркой джентльмен с походным стулом.

– Замолчи, пожалуйста, Пайн, – перебил офицер. – Могу ли я повторить свой вопрос, сэр?

– Очень можете, – отвечал м-р Винкель, имевший довольно времени сообразить и обдумать свой ответ. – Вы заподозрили, сэр, в пьянстве и неприличных поступках особу в таком костюме, который исключительно присвоен членам Пикквикского клуба. Я изобрел эту форму и я же первый имел честь сшить себе светло-голубой фрак с вызолоченными пуговицами, на которых изображен портрет достопочтенного нашего президента. Вы понимаете, что я обязан был всеми силами поддерживать честь этого мундира, и вот почему, сэр, без дальнейших расспросов я поспешил принять наш вызов.

– Сэр, – воскликнул маленький доктор, выступая вперед с протянутой рукой, – любезность ваша заслуживает уважения со стороны всякого благородного человека. Позвольте мне сказать, сэр, и доказать самым делом, что я высоко ценю ваше поведение и крайне сожалею, что имел несчастье потревожить вас этой встречей.

– Не извольте беспокоиться, – сказал м-р Винкель.

– Мне было бы очень приятно короче познакомиться с вами, сэр, – продолжал миниатюрный доктор.

– Мне также вы доставите величайшее наслаждение вашим знакомством, – отвечал м-р Винкель, радушно пожимая руку своему великодушному противнику.

Затем подпоручик Теппльтон (докторский секундант) и джентльмен с походным стулом попеременно подошли к нашему герою с изъявлением глубочайшего почтения и удостоились от него самых дружеских приветствий. М-р Снодграс безмолвно любовался этою поэтической сценою, и душа его проникнута была благоговением к высокому подвигу неустрашимого друга.

– Теперь, я думаю, мы можем раскланяться, – сказал подпоручик Теппльтон.

– Разумеется, – прибавил доктор.

– Но, быть может, м-р Винкель чувствует себя обиженным, возразил с некоторой запальчивостью джентльмен с походным стулом, – по-моему, он имеет полное право требовать удовлетворения.

М-р Винкель, с великим самоотвержением, объявил, что он не имеет никаких претензий.

– Но, быть может, секундант ваш обиделся некоторыми из моих замечаний при первой нашей встрече, – продолжал неугомонный джентльмен с походным стулом, – в таком случае мне будет приятно дать ему немедленное удовлетворение.

М-р Снодграс поспешил принести искреннюю благодарность за прекрасное предложение, которое, по его мнению, делало великую честь неустрашимости и благородству джентльмена с походным стулом. Затем оба секунданта уложили свои ящики, и компания двинулась с места в самом приятном и веселом расположении духа.

– Вы здесь надолго остановились? – спросил доктор Слеммер м-ра Винкеля, когда они перебрались за ограду.

– Послезавтра мы рассчитываем оставить ваш город, – был ответ.

– Мне было бы очень приятно видеть вас и вашего друга в своей квартире, – продолжал миниатюрный доктор. – Вы не заняты сегодня вечером?

– У нас тут друзья, – отвечал м-р Винкель, – и мне бы не хотелось расставаться с ними нынешнюю ночь. Не угодно ли вам самим навестить нас в гостинице «Золотого Быка»?

– С большим удовольствием. В таком случае не будет поздно, если мы на полчаса завернем к вам в половине десятого?

– О, нет, это совсем не поздно, – сказал м-р Винкель. – Я буду иметь честь представить вас почтенным членам нашего клуба, м-ру Пикквику и м-ру Топману.

– Это, без сомнения, доставит мне большое наслаждение, – отвечал доктор Слеммер, нисколько не подозревая, кто таков был м-р Топман.

– Так вы придете? – спросил м-р Снодграс.

– Непременно.

Этим временем они вышли на большую дорогу и после дружеских пожатий разошлись в разные стороны. Доктор Слеммер и приятели его отправились в Четемские казармы; м-р Винкель и неразлучный его друг воротились в свою гостиницу.

Глава III

Еще новый приятель. – Повесть кочующего актера. – Неприятная встреча.

М-р Пикквик уже начинал серьезно беспокоиться насчет необыкновенного отсутствия двух своих приятелей и припоминал теперь с замиранием сердца, что они все утро вели себя чрезвычайно странным и несколько загадочным манером. Тем сильнее была его радость, когда он увидел их опять, невредимых, здоровых и даже способных к поэтическому излиянию своих чувств. Очень естественно, что он позаботился расспросить прежде всего, где они пропадали целый вечер. Обнаруживая полную готовность отвечать на эти вопросы, м-р Снодграс собирался представить подробный исторический отчет обо всем, что происходило за крепостью Питта на закате солнца, как вдруг внимание его было привлечено неожиданным замечанием, что в комнате присутствовали не только м-р Топман и дорожный их товарищ вчерашнего дня но еще какой-то другой незнакомец замечательной наружности. То был джентльмен, очевидно знакомый с горьким опытом жизни. Его померанцевое лицо и глубоко впалые глаза казались чрезвычайно выразительными от резкого контраста с черными густыми волосами, падавшими в поэтическом беспорядке на его лоб и щеки. Взор его искрился почти неестественно пронзительным и ярким блеском; высокие его скулы страшно выдались вперед по обеим сторонам лица, и челюсти его были до того длинны и отвислы, что с первого раза можно было подумать, что вся кожа сползла с его лица вследствие каких-нибудь конвульсий, если б в то же время полуоткрытый рот и неподвижная физиономия не доказывали убедительным образом, что такова была его обычная наружность. На шее красовалась у него зеленая шаль с огромными концами, подвернутыми под грудь, и выставившимися наружу из под изорванных петель его старого жилета. Верхним его одеянием был длинный черный сюртук, нижним – широкие штаны из толстого серого сукна и огромные сапоги с заостренными носками.

На этой-то особе сосредоточился взгляд м-ра Винкеля при входе в комнату президента. М-р Пикквик спешил рекомендовать:

– Почтенный друг нашего друга. Сегодня мы узнали, что общий друг наш состоит на службе в здешнем театре, хотя он собственно не желает приводить это в известность. Почтенный джентльмен принадлежит тоже к обществу актеров. Он собирался рассказать нам маленький анекдот из жизни людей этой профессии.

– Кучу анекдотов! – подхватил зеленофранный незнакомец вчерашнего дня. Он подошел к м-ру Винкелю и продолжал вполголоса дружеским тоном. – Славный малый... тяжкая профессия... не то, чтоб актер... все роды бедствий... горемычный Яша... так мы его прозвали.

М-р Винкель и м-р Снодграс учтиво раскланялись с «Горемычным Яшей» и, потребовав себе пунша, в подражание членам остальной компании, уселись за общий стол.

– Теперь, стало быть, вы можете рассказать нам свою повесть, – сказал м-р Пикквик. – Мы с удовольствием готовы слушать.

«Горемычный Яша» вынул из кармана грязный сверток бумаги и, обращаясь к м-ру Снодграсу, поспешившему вооружиться записной книгой, – спросил охриплым и басистым голосом:

– Вы поэт?

– Я... Я... немножко: поэзия – мой любимый предмет, – отвечал м-р Снодграс, несколько озадаченный неожиданным вопросом.

– О! поэзия – то же для жизни, что музыка и свечи для театра: она животворит и просвещает всякого человека, выступающего на сцену жизни. Отнимите у театра его искусственные украшения, и лишите жизнь её фантастических мечтаний: что тогда? Лучше смерть и безмолвная могила.

– Совершенная правда, сэр! – отвечал м-р Снодграс.

– Сидеть перед сценой, за оркестром, – продолжал горемычный джентльмен, – значит то же, что присутствовать на каком-нибудь блестящем параде и наивно удивляться шелковым тканям мишурной толпы: быть на самой сцене, значит принадлежать к действующим лицам, посвятившим свои способности и силы на забаву этой пестрой толпы. Неизвестность, голодная смерть, совершенное забвение – все может случиться с человеком. Такова судьба!

– Истинно так! – проговорил м-р Снодграс.

Так как впалые глаза горемычного джентльмена были исключительно обращены на его лицо, то он считал своей обязанностью сказать что-нибудь в подтверждение его слов.

– Пошевеливайся, что ли! – сказал с нетерпением испанский путешественник, – раскудахтался, как черноглазая Сусанна... там в переулке... Ободришь и начинай!

– Перед началом не угодно ли еще стаканчик пунша? – спросил м-р Пикквик.

– Не мешает. Вино и поэзия – родные сестры, и я не думаю, чтоб кто-нибудь из людей с джентльменскими наклонностями сомневался в этой истине, утвержденной веками.

Горемычный джентльмен, проглотив залпом полстакана пунша, принялся читать и в то же время рассказывать следующий анекдот, отысканный нами в «Записках клуба», под заглавием:

Повесть кочующего актера.

«Нет ничего чудесного в моей истории, – сказал „Горемычный Яша“, – ничего даже необыкновенного не найдет в ней человек, хорошо знакомый с разнообразными явлениями житейской суеты. Болезнь и нищета – обыкновенные спутники человеческой жизни. Я набросал эти строки единственно потому, что лично знал несчастного героя своей незатейливой истории. За несколько лет перед этим я следил за ним шаг за шагом, до тех пор, пока он, наконец, телом и душой, не погрузился в мрачную бездну, откуда уже никогда не мог выбраться на божий свет.

Человек, о котором намерен я говорить, был скромный пантомимный актер, и следовательно – горький пьяница, как почти всегда бывает у нас с людьми этого разряда. В лучшие дни, прежде чем ослабили его разврат и болезнь, он получал порядочное жалованье и, при воздержной жизни, мог бы, вероятно, получать его еще несколько лет. Говорю *несколько*, потому что эти люди всего чаще оканчивают свою карьеру ранней смертью, или вследствие неестественного изнурения и возбуждения телесных сил преждевременно утрачивают те физические способности, на которых единственно основываются их средства к существованию. Как бы то ни было, господствующая его страсть возрастала и усиливалась с такой быстротой, что в скором времени оказалось невозможным употреблять его в тех ролях, где он исключительно был полезен для театра. Трактир имел для него чарующую силу, и никогда не мог он устоять против искушений соблазнительной влаги. Запущенная болезнь и безнадежная нищета, сопровождаемые преждевременной смертью, неизбежно должны были сделаться его уделом, если бы он упорно продолжал идти по той же дороге. Однакож, он действительно шел по ней очертя голову, не оглядываясь назад и не видя ничего впереди. Последствия были ужасны: он очутился без места и без хлеба.

Случалось ли вам видеть, какое полчище оборванных и жалких бедняков принимает участие в театральных представлениях, как скоро разыгрывается какая-нибудь пантомима, или пьеса в восточном вкусе? Это собственно не актеры, правильно ангажированные, но балетная толпа, хористы, клоуны, паяцы, которых распускают тотчас же после спектакля, до тех пор, пока вновь не окажется нужда в их услугах. К такому-то образу жизни принужден был обратиться мой герой, и скудный заработок при одной ничтожной театральной группе, платившей несколько шиллингов в неделю, доставил ему снова несчастную возможность удовлетворять свою роковую страсть. Но и этот источник скоро иссяк для него: трактирные похождения,

принимавшие с каждым днем самый беспорядочный и буйный характер, лишили его скудного заработка, и он буквально доведен был до состояния, близкого к голодной смерти. Изредка только удавалось ему выманить займы какую-нибудь безделицу от своих старых товарищей, или зашибить копейку в каком-нибудь балагане, и приобретение его, в том и другом случае, немедленно спускалось в кабаке или харчевне.

Около этого времени я был ангажирован на один из второстепенных лондонских театров, и здесь-то опять, сверх всякого ожидания, встретился я с несчастным героем, которого уже давно выпустил из вида; потому что я странствовал по провинциям, а он скрывался в грязных захолустьях Лондона, и никто из нас не знал, чем и как он жил. Окончив свою роль, я переодевался за кулисами и собирался идти домой, как вдруг кто-то ударил меня по плечу. Во всю жизнь не забыть мне отвратительного вида, который встретил мой взор, когда я обернулся назад. То был мой герой, одетый для пантомимы, со всею нелепостью клоунского костюма. Фантастические фигуры в „Пляске смерти“, уродливые и странные карикатуры, нарисованные когда-либо на полотне искусным живописцем, никогда не могли представить и в половину такого ужасного, замогильного лица. Его пухлое тело и дрожащие ноги, – безобразие их во сто раз увеличилось от фантастического костюма, – стеклянные глаза, странно противоречившие толстому слою румян, которыми было испачкано его лицо; трясущаяся голова, карикатурно разукрашенная пестрой шапкой с развевающимися перьями, длинные костлявые руки, натертые и вылощенные мелом: все это сообщало его наружности отвратительный, гадкий и такой неестественно-ужасный вид, о котором я до сих пор не могу и подумать без замиранья сердца. Он отвел меня в сторону и начал дрожащим голосом исчислять длинный ряд недугов и лишений, умоляя, как водится, ссудить ему несколько шиллингов на самое короткое время. Получив от меня деньги, он опрометью бросился на сцену, и через минуту я слышал оглушительный смех и дикий рев, которыми сопровождалась его первые прыжки и кувырканья.

Через несколько вечеров оборванный мальчишка опустил в мою руку грязный лоскуток бумаги, где было нацарапано несколько слов карандашом, из которых явствовало, что герой мой опасно болен, и что он, во имя человеколюбия и дружбы, покорнейше просит меня навестить его после спектакля, в такой-то улице – я забыл её имя – недалеко, впрочем, от нашего театра. Я велел сказать, что приду, и в самом деле, лишь-только опустили занавес, я отправился на свой печальный визит.

Было поздно, потому что я играл в последней пьесе, и спектакль вообще тянулся очень долго вследствие бенефиса в пользу главного актера. Была темная холодная ночь. Сырой и пронзительный ветер подгонял к окнам и фасадам домов крупные капли проливного дождя. В глухих и тесных улицах накопились целые лужи, и как ветер загасил большую часть фонарей, то прогулка сделалась в самой высокой степени неудобною и опасною. К счастью, однако ж, я пошел по прямой дороге, и после некоторых затруднений мне удалось отыскать квартиру моего героя – угольный сарай с надстройкой в роде чердака: в задней комнате этого жилища лежал предмет моего печального визита.

На лестнице встретила меня какая-то женщина – оборванное и жалкое создание, с салым огарком в руке. Она сказала, что муж её лежит в забытии, и, отворив дверь, спешила поставить для меня стул у его постели. Лицо его было обращено к стене, и он не мог заметить моего прихода. От нечего делать, я принялся рассматривать место, куда завлекла меня судьба.

Больной лежал на старой складной кровати, убиравшейся в продолжение дня. Вокруг изголовья торчали лоскутья грязного занавеса, сгруппированные для защиты от ветра, который, однако ж, свободно дул по всей комнате, пробираясь через щели в стенах и двери. В развалившемся камине, за изломанной решеткой, перегорали и хрустели остатки каменного угля, и перед решеткой был поставлен старый круглый стол с пузырьками из аптеки, разбитым зеркалом, щеткой и другими статьями домашнего хозяйства. На полу, среди комнаты, валялся ребенок на приготовленной для него постели, и подле, у изголовья, на трехножном стуле, сидела его

мать. Справа на стене утверждены были две полки, где виднелись тарелки, чашки, блюдечки и две пары театральных башмаков. Внизу, под этой полкой, висели две рапиры, арлекинская куртка и шапка. Вот все, что я мог заметить в этом странном жилище, за исключением, впрочем, нескольких узлов с лохмотьями, беспорядочно разбросанных по углам комнаты.

Долго я прислушивался к тяжелому дыханию и лихорадочным вздрагиваниям больного человека, прежде чем узнал он о моем присутствии. Наконец, в бесполезном усилии отыскать спокойное место для своей головы, он перебросил через постель свою руку, и она упала на мою. Он вздрогнул и устремил на меня блуждающий взор.

– М-р Готли, Джон, – проговорила его жена, давая знать обо мне, – м-р Готли, за которым ты посылал сегодня. Забыл разве?

– А! – воскликнул больной, проводя рукою по лбу, – Готли... Готли... кто, бишь, это... дай Бог память!

Казалось, через несколько секунд воспоминания его оживились и сознание воротилось. Он судорожно схватил мою руку и сказал:

– Не оставляй меня, старый товарищ, не оставляй. Она убьет меня, я знаю.

– Давно он в таком положении? – спросил я, обращаясь к его плачущей жене.

– Со вчерашней ночи, – отвечала она. – Джон, Джон! Разве ты не узнаешь меня?

– Не пускай ее ко мне! – вскричал больной, судорожно вздрагивая, когда она хотела склонить над ним свою голову. – Прогони ее, ради Бога! Мне тошно ее видеть.

Он дико вытаращил на нее глаза, исполненные тревожных опасений, и принялся шептать мне на ухо:

– Я бил ее, Яков, жестоко бил вчера и третьего дня, часто бил. Я морил их голодом и холодом – ее и ребенка: теперь я слаб и беззащитен... Яков, она убьет меня, я знаю. Как она плакала, когда я ее бил! О, если б ты видел, как она плакала! Прогони ее, сделай милость.

Он выпустил мою руку и в изнеможении упал на подушку.

Я совершенно понял, что все это значило. Если бы еще оставались какие-нибудь сомнения в моей душе, один взгляд на бледное лицо и костлявые формы женщины мог бы удовлетворительным образом объяснить настоящий ход этого дела.

– Вам лучше отойти, я полагаю, – сказал я, обращаясь к жалкому созданию. – Вы не можете принести пользы вашему супругу. Вероятно, он успокоится, если не будет вас видеть.

Бедная женщина отошла от своего мужа. Через несколько секунд он открыл глаза и с беспокойством начал осматриваться вокруг себя.

– Ушла ли она? – спросил он с нетерпением.

– Да, да, – сказал я, – тебе нечего бояться.

– Вот что, старый друг, – сказал он тихим голосом, – и больно мне, и тошно, и гадко видеть эту женщину. Это – олицетворенная кара для меня. Один взгляд на нее пробуждает такой ужасный страх в моем сердце, что я готов с ума сойти. Всю прошлую ночь её огромные глаза и бледное лицо кружились надо мной: куда бы я ни повернулся, вертелась и она, и всякий раз как я вздрагивал и просыпался от своего лихорадочного бреда, она торчала у моего изголовья и дико, и злобно озирала меня с ног до головы.

Он ближе наклонился к моему уху, и продолжал глухим, взволнованным шепотом:

– Это ведь, собственно говоря, злой дух, а не человек. Да, да, я знаю. Будь она женщина – ей давно бы следовало отправиться на тот свет. Никакая женщина не может вынести того, что она перенесла. Уф!

С ужасом воображал я длинный ряд жестокостей и страданий, которые должны были произвести такое впечатление на этого человека. Отвечать мне было нечего: кто мог доставить утешение или надежду отверженному созданию, утратившему человеческие чувства?

Часа два я просидел в этом жилище нищеты и скорби. Больной стонал, метался, бормотал невнятные восклицания, исторгаемые физической болью, забрасывал руки на голову и грудь и беспрестанно переворачивался с боку на бок. Наконец, он погрузился в то бессознательное состояние, где душа беспокойно блуждает в лабиринте смутных и разнообразных сцен, переходя с одного места в другое, без всякого участия со стороны рассудка, и без возможности освободиться из под неопищенного чувства настоящих страданий. Имея причины думать, что горячка теперь невдруг перейдет в худшее состояние, я оставил несчастного страдальца, обещавшись его жене придти вечером на другой день и просидеть, если понадобится, всю ночь у постели больного.

Я сдержал свое слово. В последние сутки произошла с ним страшная перемена. Глаза, глубоко впалые и тусклые, сверкали неестественным и ужасным блеском. Губы запеклись, окровянились и растреснулись во многих местах; сухая, жесткая кожа разгорелась по всему телу, и дикое, почти неземное выражение тоски на лице страдальца всего более обнаруживало роковые опустошения, произведенные недугом. Ясно, что горячка достигла самой высшей степени.

Я занял свое прежнее место и неподвижно просидел несколько часов, прислушиваясь к звукам, способным глубоко поразить даже самое нечувствительное сердце. То был неистовый бред человека, умирающего преждевременною и неестественною смертью. Из того, что сказал мне врач, призванный к одру больного, я знал, что не было для него никакой надежды: надлежало быть свидетелем последней отчаянной борьбы между жизнью и смертью. И видел я, как иссохшие члены, которые, не дальше как часов за семьдесят кривлялись и вытягивались на потеху шумного райка, корчились теперь под смертельной пыткой горячки; и слышал я, как пронзительный хохот арлекина смешивался с тихими стонами умирающего человека.

Трогательно видеть и слышать обращение души к обыкновенным делам и занятиям нормальной жизни, когда тело, между тем, слабое и беспомощное, поражено неисцелимым недугом; но как скоро эти занятия, по своему характеру, в сильнейшей степени противоположны всему, что мы привыкли соединять с важными и торжественными идеями, то впечатление, производимое подобным наблюдением, становится чрезвычайно поразительным и сильным. Театр и трактир были главнейшими сценами похождения страждущей души по лабиринту прошедшей жизни. Был вечер, грезилось ему; у него роль в нынешнем спектакле. Поздно. Пора идти. Зачем они останавливают его? Зачем не пускают из трактира? Ему надобно идти: он потеряет жалованье. Нет! за него уцепились, не пускают его. Он закрыл свое лицо пылающими руками и горько принялся оплакивать свою бесхарактерность и жестокость неумолимых преследователей. Еще минута, и он декламировал шутовские вирши, выученные им для последнего спектакля. Он встал и выпрямился на своей постели, раздвинул иссохшие члены и принялся выделять самые странные фигуры: он был на сцене; он играл. После минутной паузы, он проревел последний куплет какой-то оглушительной песни. Вот он опять в трактире: ух, как жарко! Ему было дурно, болен он был, очень болен; но теперь ничего: он здоров и счастлив. Давайте вина. Кто же вырвал рюмку вина из его рук? Опять все тот же гонитель, который преследовал его прежде. Он опрокинулся навзничь, заплакал, застонал, зарыдал.

Следовал затем период кратковременного забытья. Усталые члены успокоились, онемели, и в комнате распространилась тишина, прерываемая только удушливым дыханием чахоточной жены. Но вот он опять воспрянул и душой, и телом и снова обратился к занятиям прошедшей жизни. На этот раз пробирается он вперед и вперед, через длинный ряд сводчатых комнат и каморок, тесных, узких, мрачных и низких до того, что ему на карачках надобно отыскивать дорогу. Душно, грязно, темно. Куда ни повернет он голову или руку, везде и все заслоняет ему путь. Мириады насекомых жужжат и прыгают в спертом и затхлом пространстве, впиваются в уши и глаза, в рот и ноздри, кусают, жалят, высасывают кровь. Пресмыкающиеся гады гомозятся и кишат на потолке и стенах, взбираются на его голову, прыгают и пляшут на его

спине. Прочь, прочь, кровопийцы! И вдруг мрачный свод раздвинулся до необъятной широты и высоты, воздух прояснился, насекомые исчезли, гады провалились; но место их заступили фигуры мрачные и страшные, с кровожадными глазами, с распростертыми руками. Все это старые приятели, мошенники и злодеи, сговорившиеся погубить его. Вот они смеются, фыркают, делают гримасы, и вот – прижигают его раскаленными щипцами, скручивают веревкой его шею, тянут, давят, душат, и он вступает с ними в неистовую борьбу за свою жизнь. „Наконец, после одного из этих пароксизмов, когда мне стоило невероятных трудов удерживать его в постели, он впал, по-видимому, в легкий сон. Утомленный продолжительным и беспокойным бодрствованием, я сомкнул глаза на несколько минут; но вдруг сильный толчек в плечо пробудил опять мое усыпленное внимание. Больной встал и, без посторонней помощи, уселся на своей постели: страшная перемена была на его лице; но сознание, очевидно, воротилось к нему, потому что он узнал меня. Ребенок, бывший до этой поры безмолвным и робким свидетелем неистовых порывов страждущего безумца, быстро вскочил на ноги и с пронзительным криком бросился к своему отцу. Мать поспешно схватила его на руки, опасаясь, чтобы бешеный муж не изуродовал дитя; но, заметив страшную перемену в чертах его лица, она остановилась, как вкопанная, подле постели. Он судорожно схватился за мое плечо и, ударив себя в грудь, розинул рот, делая, по-видимому, отчаянные усилия для произнесения каких-то слов. Напрасный труд! Он протянул правую руку к плачущему младенцу и еще раз ударил себя в грудь. Мучительное хрипение вырвалось из горла – глаза сверкнули и погасли – глухой стон замер на посинелых устах, и страдалец грянулся навзничь – мертвый!“

Нам было бы весьма приятно представить нашим читателям мнение м-ра Пикквика насчет истории, рассказанной странствующим актером; но, к несчастью, мы никак не можем этого сделать вследствие одного совершенно непредвиденного обстоятельства.

Уже м-р Пикквик взял стакан и наполнил его портвейном, только-что принесенным из буфета; уже он открыл уста для произнесения глубокомысленного замечания: „именно так“, – в путевых записках м-ра Снодграса объяснено точнейшим образом, что маститый президент действительно открыл уста, – как вдруг в комнату вошел лакей и доложил:

– Какие-то джентльмены, м-р Пикквик.

Это ничтожное обстоятельство и было причиною того, что свет лишился дополнительных замечаний великого мужа, которым, без сомнения, суждено было объяснить многие загадочные пункты психологии и метафизики. Бросив суровый взгляд на слугу, м-р Пикквик окинул испытующим взором всех присутствующих членов, как будто требуя от них известий относительно новых пришельцев.

– Я знаю, кто это, сказал м-р Винкель, – ничего! Это мои новые приятели, с которыми я сегодня познакомился по весьма странному стечению обстоятельств. Прекраснейшие люди, офицеры девяносто седьмого полка. Надеюсь, вы их полюбите.

– Мы очень рады их принять, – добавил он, обращаясь к слуге.

М-р Пикквик успокоился, и физиономия его совершенно прояснилась. Между тем отворилась дверь, и в комнату, один за другим, вошли три джентльмена.

– Подпоручик Теппльтон, – сказал м-р Винкель, – подпоручик Теппльтон, м-р Пикквик, доктор Пайн, м-р Пикквик – Снодграса вы уже видели: друг мой Топман, доктор Слемм...

Здесь м-р Винкель должен был остановиться, потому что на лицах Топмана и доктора выразилось сильнейшее волнение.

– Я уже встречался с этим джентльменом, – сказал доктор многозначительным тоном.

– Право! – воскликнул м-р Винкель.

– Да, и с этим также, если не ошибаюсь, – продолжал доктор, бросая пытливый взгляд на незнакомца в зеленом фраке.

– Ну, тем лучше, доктор. Я рад.

– Вчера вечером этот джентльмен получил от меня весьма важное приглашение, от которого, однако ж, он счел нужным уклониться.

Сказав это, доктор Слеммер бросил на незнакомца величественный взгляд и шепнул что-то на ухо своему приятелю, подпоручику Теппльтону.

– Неужто! – проговорил тот.

– Уверяю тебя.

– В таком случае скорей к развязке, – сказал с большою важностью владелец походного стула.

– Погоди, Пайн, перебил подпоручик. – Позвольте спросить вас, сэр, – продолжал он, обращаясь к м-ру Пикквику, начинавшему уже приходить в крайнее расстройство от этих таинственных и неучтивых переговоров, – позвольте спросить, к вашему ли обществу принадлежит этот джентльмен в зеленом фраке?

– Нет, сэр, – отвечал м-р Пикквик. – Он наш гость.

– Он член вашего клуба, если не ошибаюсь? – продолжал подпоручик вопросительным тоном.

– Совсем нет.

– И он не носит форменного фрака с вашими пуговицами?

– Нет, сэр, никогда! – отвечал озадаченный м-р Пикквик.

Подпоручик Теппльтон повернулся к доктору Слеммеру и сомнительно пожал плечами. Маленький доктор бесновался и бросал вокруг себя яростные взгляды, м-р Пайн злобно смотрел на лучезарную физиономию бессознательного Пикквика.

– Сэр, – сказал доктор, вдруг повернувшись к м-ру Топману, при чем этот джентльмен привстал и вздрогнул, как будто кольнули его булавкой в ногу, – сэр, вы были вчера вечером на балу?

М-р Топман слабым и нерешительным голосом пролепетал утвердительный ответ.

– И этот джентльмен был вашим товарищем, – продолжал доктор, указывая на неподвижного незнакомца.

– Точно так, – проговорил м-р Топман.

– В таком случае, сэр, – сказал доктор, обращаясь к незнакомцу, – еще раз спрашиваю вас в присутствии всех этих господ: угодно ли вам дать мне свой адрес, или я должен здесь же немедленно наказать вас как презренного труса? Выберите одно из двух.

– Остановитесь, сэр, – воскликнул м-р Пикквик тоном сильнейшего негодования, – ваше поведение требует немедленного объяснения или я заставлю вас иметь дело с собою. Топман, объяснись!

М-р Топман изложил все дело в нескольких словах, причем слегка упомянул о займе винкелевского фрака, упирая преимущественно на то важное обстоятельство, что все это случилось „после обеда“. Остальные подробности, заключил он, должен объяснить сам незнакомец, и тот, вероятно, представил бы удовлетворительный отчет, если б, сверх всяких ожиданий, не вмешался подпоручик Теппльтон, который уже давно искоса поглядывал на владельца зеленого фрака.

– Не видел ли я вас на здешней сцене? – спросил он незнакомца презрительным тоном.

– Может статься... мудреного нет... человек заметный.

– Ну, доктор, игра не стоит свеч, – продолжал подпоручик. – Этот господин – кочующий актер, и ему надо завтра играть в пьесе, которую поставили на здешнюю сцену офицеры пятьдесят второго полка. Вам нельзя драться, Слеммер, нельзя.

– Разумеется! – подхватил с достоинством м-р Пайн.

– Извините, что я поставил вас в такое неприятное положение, – сказал подпоручик Теппльтон, обращаясь к м-ру Пикквику, – совету вам на будущее время быть осторожнее в выборе ваших друзей, если вы желаете избежать подобных сцен. Прощайте, сэр!

И с этими словами подпоручик Тепплтон, бросив гордый взгляд, выбрался из комнаты.

– Позвольте, сэр, и мне сделать несколько замечаний в вашу пользу, – сказал раздражительный доктор Пайн. – Будь я Тепплтон или будь я Слеммер, я вытянул бы вам нос, милостивый государь, – всем бы вытянул вам носы, милостивые государи, всем, всем. Имя мое – Пайн, сэр, доктор Пайн сорок третьего полка. Спокойной ночи, сэр!

И, заключив эту фразу, грозным жестом, он величественно вышел из комнаты, сопровождаемый доктором Слеммером, который, не сказав ничего, ограничился только презрительным взглядом на раскрасневшиеся щеки почтенного президента Пикквикского клуба.

Бешенство и ярость закипели в благородной груди м-ра Пикквика с такою невероятной силой, что пуговицы чуть не порвались на его жилете. С минуту он стоял неподвижно на своем месте, задыхаясь от напора взволнованных чувств. Наконец, лишь только затворилась дверь после ухода неожиданных гостей, он мигом пришел в себя и опрометью бросился вперед с ярким пламенем во взорах. Уже рука его ухватила за дверной замок, и через минуту, нет сомнения, он вцепился бы в горло своего дерзкого обидчика, доктора Пайна, если б м-р Снодграс, сохранивший, к счастью, полное присутствие духа в продолжение всей этой сцены, не ухватился заблаговременно за фрачные фалды своего президента.

– Удержите его! – кричал м-р Снодграс. – Топман, Винкель... допустим ли мы погибнуть этой драгоценной жизни?

– Пустите меня, пустите! – кричал м-р Пикквик, неистово порываясь из дверей.

– За руки его, за ноги!.. так, так, плотнее, крепче! – ревел м-р Снодграс.

И, благодаря соединенным усилиям всей этой компании, м-р Пикквик был, наконец, посажен на кресло.

– Оставьте его, – сказал зеленофрачный незнакомец, – воды и коньяку... задорный старичишка... пропасть прорех... жаль... выпейте... превосходное сукно!

С этими словами незнакомец приставил к губам м-ра Пикквика стакан крепкого пунша, заранее приготовленного Горемычным Яшей.

Последовала кратковременная пауза. Живительная влага не замедлила произвести свое спасительное действие: почтенная физиономия м-ра Пикквика озарилась лучами совершеннейшего спокойствия.

– Не стоит думать о них, – заметил горемычный джентльмен.

– Ну да, разумеется, – отвечал м-р Пикквик. – Я раскаиваюсь, что вышел из себя: надобно быть рассудительнее в мои лета. Придвиньте сюда ваш стул, сэр, поближе к столу.

Горемычный Яша немедленно занял свое место, и через несколько минут все общество уселось за круглым столом. Общее согласие восстановилось еще раз. Следы некоторой раздражительности оставались на короткое время на геройском лице м-ра Винкеля, изъявившего заметную досаду на своевольное заимствование форменного платья; но и он, скоро успокоился рассудив основательно, что никак не следует думать о таких пустяках. Вечер, как и следовало ожидать, окончился очень весело, и все члены почтенной компании остались совершенно довольны друг другом».

Глава IV

Еще новые друзья. – Приглашение на дачу.

Многие писатели придерживаются обыкновения скрывать от взоров публики те источники, откуда почерпаются их сведения. За нами отнюдь не водится таких грехов, и совесть наша прозрачна, как кристалл. Мы стараемся только добросовестно выполнить принятую на себя обязанность издателей, и больше ничего. Разумеется, что и говорить, нам приятно было бы похвастаться первоначальным изобретением всех этих приключений; но глубокое уважение к истине заставляет нас признаться откровенно, что мы просто – чужими руками жар загребаем. Деловые бумаги Пикквикского клуба всегда были и будут нашею главною рекою, откуда чистыми и светлыми струями изливаются в нашу книгу самые важные и назидательные факты, которые мы, к удовольствию читателя, обязаны приводить в самый строгий, систематический порядок.

Действуя в этом добросовестном духе, мы считаем своим неперенным долгом объяснить, что всеми подробностями, которые читатель найдет в следующих двух главах, мы обязаны прекрасному путевому журналу м-ра Снодграса, справедливо заслужившего между своими сочленами и товарищами громкую поэтическую славу. С нашей стороны, в этом случае не будет даже сделано никаких дополнительных примечаний. Зачем? Дело будет вопиять само за себя. Начнем.

Поутру, на другой день, все рочестерское народонаселение и жители смежных городов поднялись рано с своих постелей, в состоянии чрезмерного одушевления и самой шумной суетливости. На большой площади, перед Четемскими казармами, должен был состояться парад. Орлиный глаз командира будет обозревать маневры полдюжины полков. Будут штурмовать неприступную крепость, и взорвут на воздух временные укрепления, нарочно воздвигнутые для этой цели.

М-р Пикквик, как, вероятно, уже догадались наши читатели из его описания Рочестера и Четема, был страстным любителем стратегии и тактики. Товарищи его не могли без пламенного одушевления смотреть на великобританского воина, гордого своим оружием и марсовским геройством. Таким образом, все наши путешественники с раннего утра отправились к главному месту действия, куда народ густыми толпами стекался со всех концов и дорог.

Каждый предмет на широкой площади свидетельствовал неоспоримым образом, что предстоящая церемония будет иметь торжественный и грандиозный характер. Часовые, в полном вооружении, были расставлены по всем четырем концам; слуги устраивали места для дам на батареях; сержанты бегали взад и вперед с сафьяновыми книгами под мышкой; полковник Болдер, в полной парадной форме, верхом на борзom коне, галопировал от одного места до другого осаживал свою лошадь, скакал между народом, выделявал курбеты, кричал без умолку, до хрипоты, отдавая приказания и кстати, для развлечения, водворяя порядок в народе. Офицеры ходили взад и вперед, принимая поручения от полковника Болдера и отдавая приказания сержантам. Даже самые солдаты смотрели с видом таинственной торжественности из под своих лакированных киверов, и это всего больше обличало редкое свойство имеющего быть стратегического праздника.

М-р Пикквик и спутники его заняли места в переднем ряду густой толпы. Толпа между тем увеличивалась с каждою минутой, и наши герои, в продолжение двух часов, только то и делали, что старались удержать выгодную позицию, которую они заняли. Один раз м-р Пикквик получил энергический толчок в самую середину спины и был принужден отпрыгнуть вперед на несколько аршин с такою странною поспешностью, которая вообще чрезвычайно противоречила его степенному виду. В другой раз попросили его отступить назад от фронта, причем зазевавшемуся почтенному президенту пришлось испытать на себе силу удара прикла-

дом ружья, который пришелся как раз по большому пальцу его правой ноги. Тут же некоторые веселые джентльмены с левой стороны притиснули м-ра Снодграса, и любопытствовали знать: «куда он корячится, верзила?» И когда м-р Винкель, свидетель этой дерзости, выразил энергичными знаками свое справедливое негодование, какой-то весельчак нахлобучил ему шляпу на глаза и учтиво попросил позволения положить к себе в карман его пустую голову. Все эти и многие другие, практические острооты чрезвычайно игривого свойства, в связи с загадочным отсутствием м-ра Топмана, который вдруг исчез неизвестно куда, делали положение наших героев не совсем вожделенным и завидным.

Наконец, смешанный гул многих голосов возвестил прибытие ожидаемой особы. Глаза всех устремились на один и тот же пункт. Через несколько минут нетерпеливого ожидания, знамена весело заколыхались в воздухе, штыки ярко заблестали на солнце, колонны стройными рядами выступили на равнину, полки вытянулись, выстроились в цепь, слово команды произнесено и главный командир, сопровождаемый полковником Болдером и многими офицерами, подскакал к фронту. Грянул барабан, войска двинулись с своих мест и начались столь долго ожидаемые публикой маневры.

Сначала м-р Пикквик, сбитый с ног и придавленный десятками локтей, не имел возможности любоваться прекрасным зрелищем парада; но когда, наконец, он получил способность твердо укрепиться на своих ногах, удовольствие его приняло характер безграничного восторга.

– Может ли быть что-нибудь восхитительнее? – спросил он м-ра Винкеля.

– Ничего не может! – отвечал м-р Винкель, имевший счастье освободиться от посторонних ног, стоявших около четверти часа на его сапогах.

– Величественное, благороднейшее зрелище! – воскликнул м-р Снодграс. – Чье сердце не затрепещет от восторга при взгляде на героев, защитников отечества, которые с таким блеском и достоинством рисуются перед своими мирными гражданами? Не воинственная жестокость на их лицах, но выражение великодушия и благородства, и глаза их сверкают не грубым огнем хищничества или мести, но поэтическим светом человеколюбия и доблестей душевных.

М-р Пикквик, по-видимому, не совсем соглашался с этим восторженным поэтическим мнением своего ученика о военных, потому ничего ему не ответил и только сказал, не обращаясь ни к кому в особенности:

– Мы теперь в превосходной позиции.

– Да, в превосходной, – подтвердили в один голос м-р Снодграс и м-р Винкель.

Превосходство позиции состояло в том, что толпа вдруг рассеялась в разные стороны, а пикквикисты остались одни на своих местах.

– Что-то они теперь станут делать? – сказал м-р Пикквик, поправляя очки.

– Мне... мне... кажется, – проговорил м-р Винкель, значительно изменяясь в лице, – кажется, они хотят стрелять.

– Вздор! – сказал м-р Пикквик.

– Право, они хотят стрелять, – подтвердил м-р Снодграс взволнованным тоном.

– Быть не может! – возразил м-р Пикквик.

Но лишь только неустрашимый президент произнес эти слова как вдруг все шесть полков, по какому-то непонятному сочувствию, устремили ружейные дула на одну точку – на грудь почтенных пикквикистов, и выпалили с таким ужасным залпом, что земля дрогнула под их ногами, и свет дневной затмился в их глазах.

В этом-то критическом положении, когда, с одной стороны, угрожали бесчисленные залпы картечи, а с другой, противоположной, – готовы были нахлынуть на них новые полчища артиллеристов, м-р Пикквик обнаружил то совершеннейшее хладнокровие, которое обыкновенно составляет неотъемлемую принадлежность великих душ. Он схватил м-ра Винкеля за руку и, поставив себя между этим джентльменом и м-ром Снодграсом, доказывал в самых красноречивых выражениях, что им никак не следует бояться за свою драгоценную жизнь.

Конечно, не мудрено было оглохнуть от этого ужасного шума; но этим только и ограничилась вся опасность.

– Но если, чего Боже сохрани, ружье у кого-нибудь заряжено пулей, – говорил м-р Винкель, бледный как смерть, – в эту минуту свистнуло что-то в воздухе над самым моим ухом. Долго ли до греха? Пропадешь ни за грош!

– Не лучше ли нам повалиться на землю? – сказал м-р Снодграс.

– О, нет, это совсем не нужно; да вот уж и все кончено! – сказал м-р Пикквик. Могло стать, что губы его несколько дрожали и щеки побледнели; но за то, в общих чертах, физиономия великого человека не выражала никакого беспокойства.

Действительно, пальба прекратилась, и предположение м-ра Пикквика совершенно оправдалось; но едва только успел он выразить свое душевное удовольствие насчет пронизательности своей догадки как опять послышалось новое, чрезвычайно быстрое движение в рядах. Раздалось могучее слово командира, и, прежде чем можно было угадать сущность нового маневра, все шесть полков, со штыками наголо, устремились скорым маршем на тот самый пункт, где присутствовал м-р Пикквик со своими почтенными друзьями.

Человек смертен – дело известное, и бывают иной раз такие роковые случаи, против которых вообще бессильно человеческое мужество. Сначала м-р Пикквик с недоумением взглянул в свои очки на приближающуюся массу; потом быстро повернулся к ней спиной и... не то чтоб побежал – этого никак нельзя сказать, во-первых, потому, что бегство – слишком низкий термин, совсем негодный для высокого слога; во-вторых, фигура м-ра Пикквика отнюдь не была приспособлена к этому постыдному разряду отступления. Нет, м-р Пикквик засеменил своими ногами и замахал обеими руками с такою быстротой, что на первый раз посторонний наблюдатель никак бы не заметил неловкости его положения.

Свежие отряды, нахлынувшие с тыла на наших героев, собирались отразить нападение мнимых победителей цитадели, и следствием этого было то, что м-р Пикквик и его друзья вдруг очутились между двумя перекрестными огнями враждебных полков, выступавших скорым маршем один против другого.

– Прочь! – кричали офицеры в передовой цепи.

– Прочь, прочь с дороги! – кричали офицеры других отрядов.

– Куда же нам деваться? – визжали отчаянные пикквикисты.

– Прочь, прочь, прочь! – был единственный ответ.

Наступили минуты страшной толкотни и суматохи; полки сдвинулись, сразились, отступили; площадь очистилась, и на площади лежал низверженный м-р Пикквик, и подошвы сапог м-ра Пикквика барахтались и колыхались в воздушном пространстве.

М-р Снодграс и м-р Винкель тоже с своей стороны не замедлили, при этом случае, представить удивительные опыты рикошетов и кувырканий, обнаруживших во всем свете их чудную ловкость, в особенности последнего. Когда, наконец, он прочно утвердился на своих ногах и начал отирать желтым шелковым платком крупные капли пота с своего чела, изумленный взор его прежде всего обратился на почтенного президента, которому суждено было в эту минуту догонять свою шляпу, сорванную ветром с его головы.

Всем и каждому известно, что человек бывает поставлен в истинно плачевное положение, когда судьба, олицетворенная в сильных порывах ветра, заставляет его догонять свою собственную шляпу, и безрассудно поступают те безжалостные эгоисты, которые позволяют себе смеяться над таким человеком. Нигде, быть может, не требуется с нашей стороны столько хладнокровия и рассудительности, как в искусстве ловить шляпу: так по крайней мере думает м-р Снодграс, и я совершенно с ним согласен. Если вас, благосклонный читатель, постигнет такое страшное несчастье, я никак не советую вам бежать слишком скоро, иначе вы обгоните свою беглянку, медленно идти тоже нехорошо, потому что в таком случае шляпа совсем исчезнет из вида, и тогда вам придется отступить от своей собственности, а известно, на что

похож человек, потерявший свою голову. Всего лучше бежать слегка, исподволь, преследовать осмотрительно, осторожно, и потом вдруг, сделав решительный прыжок, схватить ее за поля, и тут же надеть на голову как можно крепче. В продолжение всей этой операции не мешает слегка посмеиваться, улыбаться и делать увеселительные жесты, показывая, таким образом, что эта ловля чрезвычайно забавляет вас.

Ветерок подувал довольно сильно, подкатывая шляпу м-ра Пикквика. Великий муж бежал вперед и вперед, размахивая руками и отнюдь не теряя присутствия духа: но, к несчастью, ветер сделался сильнее, шляпа раскатилась с невероятной быстротой, и м-р Пикквик, вероятно, совсем потерял бы ее из вида, если б судьба сама не распорядилась за него, противопоставив естественную преграду своевольной беглянке.

Истощенный до изнеможения, м-р Пикквик уже готов был совсем прекратить свою погоню, как вдруг шляпа его наткнулась на колесо экипажа, стоявшего перед площадью с полдюжиною других, более или менее фантастических экипажей. Заметив выгоду своего положения, м-р Пикквик сделал сильный прыжок, завладел своею собственностью и, надев ее на голову, остановился перевести дух. В эту самую минуту, знакомый голос весело произнес его имя: м-р Пикквик оглянулся, и невыразимое удовольствие распространилось в его душе при том истинно поэтическом зрелище, которое открылось перед его глазами.

То была открытая коляска, без лошадей, которых поспешили выпрячь, чтоб удобнее расположиться в этом тесном месте. В коляске стояли: пожилой статный джентльмен в синем фраке с светлыми пуговицами и в огромных ботфортах, две молодые девушки в шарфах и перьях, молодой джентльмен, очевидно, влюбленный в одну из этих девушек, украшенных перьями и шарфами, одна леди сомнительного возраста, тетка или кузина, и, наконец, м-р Топман, любезный и веселый Топман, принимавший живейшее участие во всех распоряжениях и разговорах, как будто он принадлежал к этой фамилии с первых лет жизни. За коляской, назади, где прикрепляются дорожные чемоданы, виднелась огромная плетеная корзина – одна из тех благородных корзин, которых вид пробуждает в наблюдательной душе сладкие воспоминания о жареных курицах, копченых языках, бутылках вина и проч., и проч. На козлах сидел толстый красно-рыжий детина, с заспанными глазами и опухлыми щеками: не мудрено было догадаться, что обязанностью его было – раздавать почтенной публике лакомые припасы плетеной корзины, как скоро наступит для того вожделенная пора.

Лишь только м-р Пикквик окинул проницательным взглядом все эти интересные предметы, верный ученик его закричал опять веселым и беззаботным тоном:

– Пикквик, Пикквик! Идите к нам! Скорее!

– Пожалуйте к нам, сэр, прошу покорно! – сказал пожилой статный джентльмен. – Джой! Ах, черт побери, он опять заснул. – Джой, отвори дверцы!

Толстый детина медленно спустился с козел, и, покачиваясь с боку на бок, отворил дверцы. В эту минуту подошли к коляске м-р Снодгрась и м-р Винкель.

– Всем будет место, господа, пожалуйста! – продолжал статный джентльмен. – Двое сядут в коляске, а один на козлах. Джой, приготовь место для одного из этих господ. Теперь, сэр, милости просим.

И статный джентльмен дюжею рукой втащил в коляску Пикквика и Снодграса. М-р Винкель вскарабкался на козлы, где рядом с ним поместился и толстый детина.

М-р Пикквик раскланялся со всей компанией и радушно пожал руку статному джентльмену в огромных ботфортах.

– Ну, как ваше здоровье, сэр? – сказал статный джентльмен, обращаясь к м-ру Снодграсу с отеческой заботливостью. – Рад, очень рад, все в порядке, я надеюсь. – Вы какживаете, сэр? – продолжал он, говоря м-ру Винкелю. – Все вы здоровы? прекрасно, прекрасно! – Мои дочери, господа, прошу познакомиться, и вот моя сестра, мисс Рахиль Уардль. Она еще девица и, как видите, недурна... неправда ли, сэр? А?

Он весело толкнул локтем м-ра Пикквика и залился самым радушным смехом.

– Ах, братец, как не стыдно! – проговорила мисс Уардль с девственной улыбкой.

– Чего тут стыдиться? Это всякий видит, – сказал статный джентльмен. – Прошу извинить, господа, вот еще мой приятель, м-р Трудель. Теперь мы все знакомы и, стало быть, можем с большим комфортом смотреть на эволюции.

Статный джентльмен надел очки, м-р Пикквик вооружился подзорной трубой, и вся компания принялась смотреть на военные эволюции, изредка, по временам поглядывая друг на друга.

Эволюции точно были достойны изумления. Колонны сходились, расходились, маршировали, строились в каре, палили и разбегались врассыпную. Нельзя было надивиться, с какою ловкостью солдаты перепрыгивали через глубокий ров и взбирались по веревочным лестницам на стену неприступной крепости, которую, однако ж, надлежало взять во что бы то ни стало. Приготовления к решительному приступу были настолько шумны и ужасны, что весь воздух наполнился криком женщин, и многие благородные леди попадали в обморок. Девушки Уардль перепугались до того, что м-р Трудель принужден был одну из них держать в своих объятиях, тогда как м-р Снодграс поддерживал другую. Тетушка Уардль едва могла стоять на ногах и растерялась до такой степени, что м-р Топман счел необходимым обхватить её гибкую талию и поддерживать ее обеими руками. Вся компания была в неопisanном волнении, кроме, однако ж, толстого и жирного парня, который спал на козлах беспробудным сном, как будто пушечная пальба имела для него чарующую силу колыбельной песни.

– Джой, Джой! – воскликнул статный джентльмен, когда крепость, наконец, была взята, и победители вместе с побежденными уселись обедать за общий стол. – Черт побери, этот урод опять заснул! Пожалуйста, сэръ, потрудитесь ущипнуть его за ногу, иначе его ничем не разбудишь... Вот так!.. Покорно благодарю. – Развяжи корзинку, Джой.

Жирный детина, приведенный в себя энергическими усилиями м-ра Винкеля, еще раз скатился с козел и принялся развязывать корзинку с такою расторопностью, какой, по-видимому, вовсе нельзя было ожидать от него.

– Ну, господа, теперь мы можем сесть, – сказал статный джентльмен. – Ба! это что такое? Отчего у вас измятые рукава, mesdames? Я советовал бы вам поместиться на коленях своих кавалеров – это было бы удобнее, по крайней мере для тебя, сестрица.

Тетушка Уардль раскраснелась как пион при этой неуместной шутке и бросила сердитый взгляд на м-ра Топмана, спешившего воспользоваться предложением её брата. Наконец, после других, более или менее остроумных шуток, вся компания уселась с большим комфортом, и м-р Уардль, приведенный в непосредственное соприкосновение с толстым парнем, открыл церемонию угощенья.

– Ну, Джой, ножи и вилки!

Ножи и вилки были поданы, к общему удовольствию дам и джентльменов, поспешивших вооружиться этими полезными орудиями.

– Тарелки, Джой, тарелки!

Такой же процесс последовал при раздаче фарфоровой посуды.

– Подавай цыплят. – Ах, проклятый, он опять заснул. – Джой, Джой!

Несколько легких толчков по голове тростью вывели толстого парня из его летаргического усыпления.

– Подавать кушанье!

При звуке этих слов жирный мальчик, казалось, воспрянул и душой, и телом. Он вскочил, побежал, и оловянные глаза его, едва заметные из-под опухлых щек, заблестали каким-то диким блеском, когда он принялся развязывать корзинку.

– Живей, Джой, пошевеливайся!

Предосторожность была очень кстати, потому что толстый детина с какою-то особенною любовью вертел каплуна в своих руках и, казалось, не хотел с ним расстаться. Принужденный, однако ж, к безусловному повиновению, он испустил глубокий вздох и, став на подножку, подал своему хозяину жареную птицу.

– Хорошо, хорошо. Подавай теперь копченый язык, колбасу и пирог с голубями. Не забудь ветчину и жареную телятину; вынь раковый салат из салфетки – живей!

Отдав все эти приказания на скорую руку, м-р Уардль поспешил снабдить салфетками всех членов проголодавшейся компании.

– Ведь это превосходно, не правда ли? – сказал веселый джентльмен, когда, при дружном содействии ножей и вилок, началось великое дело насыщения пустых желудков.

– Превосходно! – воскликнул м-р Винкель, покачиваясь на козлах.

– Не угодно ли рюмку вина?

– С величайшим удовольствием!

– Не хотите ли, я велю подать бутылку?

– Покорно благодарю.

– Джой!

– Что сэр?

На этот раз жирный детина, занятый рассматриванием телятины, еще не успел заснуть.

– Бутылку вина для джентльмена на козлах. Очень рад вас видеть, сэр.

– Покорно благодарю.

М-р Винкель опорожнил стакан и поставил бутылку подле себя.

– Позвольте ли просить вас об одолжении, сэр? – сказал м-р Трундель м-ру Винкелю.

– Сделайте милость! – сказал м-р Винкель, наливая стакан м-ру Трунделю.

Они чокнулись и выпили до дна, для первого знакомства. В эту же минуту м-р Топман поспешил чокнуться с почтенным хозяином, который только что перестал чокаться с глубоко-мысленным президентом. Дамы тоже приняли участие в общих тостах.

– Что это как Эмилия любезничает с посторонним мужчиной! – шепнула девствующая тетушка на ухо своему брату.

– Пусть ее, это до меня не касается! – сказал статный джентльмен с веселым и беззаботным видом. – Странного тут ничего нет, любезная сестрица – все в порядке вещей. М-р Пикквик, не угодно ли вина?

М-р Пикквик, занятый глубокомысленным исследованием внутренности пирога, обязательно выпил поданный стакан.

– Эмилия, дружок мой, не говори так громко, сделай милость! – воскликнула целомудренная тетушка, обращаясь с покровительствующим видом к одной из своих племянниц.

– Что с вами, тетушка?

– Да так: я советую тебе быть скромнее, моя милая.

– Покорно благодарю.

– Тетушка и этот старичок свели, кажется, довольно тесную дружбу, – шепнула мисс Изабелла Уардль своей сестре Эмилии.

Молодые девушки засмеялись очень весело и громко, к великой досаде девствующей тетки.

– Смотрите, как они смеются! Бестолковая радость совсем вскружила головы этим девицам, – заметила мисс Уардль, обращаясь к м-ру Топману с видом истинного соболезнования, как будто безотчетная радость была запрещенным товаром, и молодежь не смела им пользоваться без позволения тетушки.

– О, да, они очень веселы, – проговорил м-р Топман, стараясь поймать настоящую мысль степенной леди, – это приятно видеть.

– Гм! – пробормотала тетушка сомнительным тоном.

– Смею ли пить за ваше здоровье? – спросил м-р Топман, бросая умильный взгляд и слегка дотрагиваясь до нежных пальчиков мисс Рахили.

– Ах, сэръ!

Взгляды м-ра Топмана сделались еще умильнее и нежнее. Мисс Рахиль обнаружила опасение, что солдаты, быть может, еще вздумают стрелять: в таком случае, вероятно, опять понадобится ей посторонняя помощь.

– Мои племянницы очень милы: не правда ли? – шепнула она м-ру Топману.

– И были бы еще милее, если бы тут не было их тетушки, – отвечал страстный обожатель прекрасного пола.

– Какой вы насмешник, право! Нет, без шуток, если бы черты их были несколько правильнее и нежнее, они казались бы очень милыми, особенно вечером, при свечах.

– Конечно, конечно, – подтвердил м-р Топман.

– О, – вы злой человек! Я знаю, сэръ, что у вас на уме.

– Что? – спросил м-р Топман, не думавший ни о чем положительно в эту минуту.

– Вы хотели сказать, что Изабелла несколько горбата... ну, да, не отпирайтесь, я видела, что вы это тотчас же заметили. Что-ж? вы не ошиблись: у ней точно растет горб, этого скрыть нельзя: страшное несчастье для молодой девушки! Я часто говорю ей, что года через два она будет ужасным уродом. О, вы ужасный насмешник!

Обрадованный случаю прослыть знатоком женской красоты, м-р Топман не сделал никаких возражений и только улыбнулся с таинственным видом.

– Какая саркастическая улыбка! – заметила Рахиль. – Я боюсь вас, сэръ.

– Меня боитесь?

– Я вижу вас насквозь, и от меня не укроются ваши мысли. О, я в совершенстве понимаю что значит эта улыбка.

– Что? – спросил м-р Топман, искренно желавший открыть значение того, что было для него самого таинственной загадкой.

– Вы думаете, – начала тетушка, понизив голос на несколько тонов, – вы думаете, что горб Изабеллы еще не велика беда в сравнении с нравственными недостатками её сестры. Ну, да, Эмилия чрезвычайно ветрена, вы угадали. Сколько раз я проливала тайком горькие слезы при мысли об ужасном несчастье, до которого, нет сомнения, доведет ее этот ужасный недостаток! Видите ли, она готова всем вешаться на шею, и простодушный отец – это всего убийственнее – ничего не замечает, решительно ничего! Если б он в половину был так же проникателен, как вы – сердце его надорвалось бы от отчаяния, уверяю вас. Что делать? Любовь к детям совсем ослепила его глаза. Ох, быть тут худу, быть тут худу!

Сердобольная тетушка испустила глубокий вздох, и взоры её приняли самое печальное выражение.

– Тетушка изволит, кажется, говорить о нас, – шепнула мисс Эмилия своей сестре, – я уверена в этом.

– Право?

– Непременно. Смотри, какой у неё жалкий вид. Надо ее проучить. Ах, тетушка, вы совсем не бережете своего здоровья! Долго ли простудиться в ваши лета? Накройтесь вот этим платком или закутайтесь шалью. Для такой старушки, как вы, всякий ветерок может иметь несчастные последствия.

Неизвестно каким бы ответом тетушка отблагодарила за это пылкое участие к её старческим недугам, если бы м-р Уардль, не подозревавший этой перестрелки, не вздумал вдруг сделать энергическое обращение к своему слуге.

– Джой, Джой! – Вообразите, этот пострел опять заснул!

– Странный парень! – заметил м-р Пикквик. – Неужели он всегда спит?

– Всегда, всегда! – Полусонный он ходит по улице и нередко храпит, прислуживая за столом.

– Удивительно странный малый! – повторил м-р Пикквик.

– Очень удивительный, и я горжусь им, – отвечал статный джентльмен. – Это редкое явление в природе, и вы не отыщете другого экземпляра в целом свете. Я ни за что с ним не расстанусь. Эй, Джой! – Убери эти вещи и подай другую бутылку! слышишь ли?

Жирный детина повернулся, встал, протер глаза, проглотил огромный кусок пирога и, переваливаясь с боку на бок, принялся за исполнение данных приказаний, искоса поглядывая на остаток роскошного завтрака, в котором он не мог принимать деятельного участия. Ножи, тарелки и салфетки уложены на свое место; новая бутылка лафита откупорена и выпита; опустелая корзинка отправилась на запятки; жирный парень еще раз взгромоздился на козлы: подозрительная труба и очки вновь явились на сцену – и перед глазами насыщенной публики снова открылись стратегические эволюции великобританских солдат. Ружья и пушки загремели, земля дрогнула, дамы взвизгнули, подкоп взорван, цитадель, к общему удовольствию, взлетела на воздух и чрез несколько минут все и каждый спешили отправиться по своим местам. Статный джентльмен и м-р Пикквик, исполненный поэтических наслаждений, искренно делились взаимными наблюдениями и радушно пожимали друг другу руки.

– Так не забудьте, сэ, – сказал статный джентльмен, – завтра мы должны увидеться.

– Непременно, – отвечал м-р Пикквик.

– Вы записали адрес?

– Как же, как же: Менор-Фарм, Динглиделль, – проговорил м-р Пикквик, вперив очки в свою записную книгу.

– Очень хорошо, – сказал статный джентльмен. – Надеюсь, на моем хуторе вам не будет скучно, и вы увидите предметы, вполне достойные ваших наблюдений. Неделя мигом пролетит в удовольствиях сельской жизни. Джой – ах, проклятый, он опять заснул – Джой, помоги кучеру заложить лошадей.

Лошади заложены; кучер сел на козлы; жирный парень взгромоздился подле него, и коляска сдвинулась с места. Когда пикквикисты бросили последний взгляд на своих друзей, махавших шляпами и платками, заходящее солнце ярким заревом осветило фигуру жирного детины: он спал крепким сном, и голова его лежала на плече кучера Тома.

Глава V

Мистер Пикквик упражняется в кучерском искусстве. Мистер Винкель показывает удивительные опыты верховой езды.

Яркие лучи утреннего солнца озарили всю природу; воздух наполнился благоуханием; птицы стройным хором запели свой утренний концерт. М-р Пикквик, воспрянувший от сна вместе с восходом великолепного светила, стоял на рочестерском мосту, облокотившись о перила. Он созерцал природу, вдумывался в мирскую суету и дожидался завтрака. Окружающие предметы в самом деле представляли очаровательный вид, способный вызвать на размышление даже не такую великую душу, как у президента знаменитого клуба.

По левую сторону глубокомысленного наблюдателя лежала развалившаяся стена, пробитая во многих местах и упавшая грубыми и тяжелыми массами на тесный морской берег. Огромные наросты морской травы, трепетавшей при каждом колыпании ветра, висели на острых зазубренных камнях, и зеленый плющ печально обвивался вокруг темных и мрачных бойниц. За этой руиной возвышался древний замок со своими лишенными кровли башнями и массивными стенами, готовыми, по-видимому, рухнуть от первого прикосновения; но все это тем не менее громко говорило о силе и могуществе старинного здания, где, за семьсот лет от нашего времени, раздавался шум веселых гостей, сверкали блестящие оружия, и время сокращалось в продолжительных попойках. По обеим сторонам расстилались, на необозримое пространство, берега широкой Медуэ, покрытые нивами и пастбищами, пересекаемыми по местам ветряными мельницами. Богатый и разнообразный ландшафт становился еще прекраснее от мимолетных теней, быстро пробежавших по этому пространству, по мере того как тонкие облака исчезали перед светом утреннего солнца. Река, отражавшая небесную лазурь, струилась тихо и спокойно, изредка пересекаемая веслами рыбаков, спешивших вдаль на добычу на своих живописных лодках.

М-р Пикквик стоял и смотрел, погруженный в приятную задумчивость. Глубокий вздох и легкий удар по плечу неожиданно прервали нить его поэтических размышлений. Он обернулся: перед ним стоял горемычный джентльмен.

– Созерцаете поэтическую сцену? – спросил горемычный джентльмен.

– Да, – сказал м-р Пикквик.

– И, конечно, поздравляете себя с утреннею прогулкой?

М-р Пикквик улыбнулся в знак согласия.

– О, да! – человеку нужно вставать рано, чтоб видеть солнце во всем блеске, потому что редко, слишком редко сияние его продолжается во весь день. Увы! Утро дня и утро человеческой жизни имеют множество общих сторон.

– Истинная правда! – воскликнул м-р Пикквик.

– Как справедлива пословица: «Заря быстро всходит и быстрее исчезает!» – продолжал горемычный джентльмен. – Эфемерная жизнь человека – увы! – мелькает как заря. О, Боже! – чего бы я ни сделал, чтоб воротить дни своего промелькнувшего детства! Или уж лучше бы забыть мне их раз навсегда.

– Вы много страдали, сэр? – сказал м-р Пикквик тоном истинного соболезнования.

– Страдал, да, очень много, – отвечал скороговоркой горемычный джентльмен. – Моим знакомым теперь и в голову не приходит, что испытал я на своем веку.

Он приостановился, перевел дух, и потом, делая крутой поворот, прибавил энергическим тоном:

– Случалось ли вам думать, что утопиться в такое утро было бы истинным счастьем человека?

– О, нет, как это можно! – возразил м-р Пикквик, стремительно отступая от перил, из опасения, как бы горемычный джентльмен, в виде опыта, не вздумал вдруг подтвердить на нем свою теорию счастливого погружения в волны.

– Я так, напротив, часто об этом думал, – продолжал горемычный джентльмен, не обращая внимания на энергичский прыжок президента. – В журчаньи тихой и прозрачной воды слышится мне таинственный голос, призывающий к вечному покою. Прыжок – падение – кратковременная борьба: нырнули, погрузились опять, – и тихия волны сокрыли вашу голову, – и мир исчез из ваших глаз со всеми бедствиями и тревожностями. Прекрасно, прекрасно!

И впалые глаза страдальца сверкали ярким блеском, когда он говорил. Скоро, однако ж, волнение его прошло: он бросил спокойный взгляд на м-ра Пикквика и сказал:

– Довольно об этом. Сытый голодного не понимает. Мне бы хотелось обратить ваше внимание на другой предмет. Вечером третьего дня, по вашей просьбе, читал я вам свою повесть, и, кажется, вы слушали ее с большим вниманием.

– Да, повесть во всех отношениях...

– Я не спрашиваю вашего мнения и вовсе не желаю знать, что вы можете думать о ней. Вы путешествуете для собственного удовольствия – этого довольно. Предположите, что я вручил вам свою любопытную рукопись... то есть, вы понимаете, что она любопытна не в художественном смысле, а единственно в том отношении, что ею представляется очерк из действительной жизни. Согласитесь ли вы сообщить ее вашему клубу, который, сколько я мог заметить, беспрестанно вертится у вас на языке?

– С большим удовольствием, если вам угодно, – отвечал м-р Пикквик. – Рукопись ваша будет внесена в деловые бумаги нашего клуба.

– В таком случае, вы ее получите, – сказал горемычный джентльмен. – Ваш адрес?

Ученый путешественник поспешил сообщить свой вероятный маршрут, поступивший таким образом во владение горемычного джентльмена. Перед гостиницей Золотого Быка они раскланялись, и каждый пошел своей дорогой.

Товарищи м-ра Пикквика уже встали и давно дожидались своего президента. Завтрак был готов, и лакомые блюда, в стройном порядке, стояли на подносе. Вся компания уселась за стол. Чай, кофе, сухари, яйца всмятку, ветчина, масло и другие принадлежности английского завтрака начали исчезать с удивительной быстротой, приносившею особенную честь превосходным желудкам почтенных сочленов.

– Ну, теперь в Менор-Фарм, – сказал м-р Пикквик, доедая последнее яйцо. – Как мы поедем?

– Всего лучше спросить об этом буфетчика, – заметил м-р Топман.

С общего согласия буфетчик был призван на совет.

– Динглиделль, джентльмены, пятнадцать миль отсюда. Дорога проселочная. Ездят в двухколесном кабриолете. Хотите?

– Но в нем могут сидеть только двое, – возразил м-р Пикквик.

– Так точно, прошу извинить, сэр. Не угодно ли в тележке о четырех колесах? – Двое сядут сзади; один спереди будет править... О, прошу извинить, сэр, это будет только для троих.

– Что-ж нам делать? – сказал Снодграс.

– Может быть, кто-нибудь из вас любит ездить верхом, – заметил буфетчик, поглядывая на м-ра Винкеля. – Верховые лошади здесь очень хороши. Прикажете привести?

– Очень хорошо, – сказал м-р Пикквик. – Винкель, хочешь ехать верхом?

М-р Винкель питал в глубине души весьма значительные сомнения относительно своего всаднического искусства, но, не желая помрачить свою репутацию в каком бы то ни было отношении, поспешил ответить скрепя сердце:

– Пожалуй, я согласен.

– Стало быть, все затруднения уладились, – сказал м-р Пикквик. – Приготовить лошадей к одиннадцати часам!

– Будут готовы, сэр, – отвечал буфетчик.

Оставалось теперь переодеться, запастись бельем и собраться в добрый путь. Путешественники разошлись по своим комнатам.

Кончив предварительные распоряжения, м-р Пикквик вышел в кофейную комнату и смотрел в окно на проходящих. Через несколько минут буфетчик доложил, что экипаж готов, и тут же м-р Пикквик, перед самым окном, увидел колесницу, снабженную всеми необходимыми принадлежностями для веселой прогулки.

Это была весьма интересная зеленая тележка на четырех колесах, с просторным ящиком назади для двух особ и с возвышенным сиденьем наперед. Гнедой конь огромного размера величаво рисовался между длинными оглоблями. Конюх, стоявший подле тележки, держал за узду другого огромного коня, взнузданного и оседланного для верховой езды.

– Ах, Боже мой! – воскликнул м-р Пикквик, когда он и его товарищи вышли за ворота в дорожных платьях. – Кто же будет править? Об этом мы и не думали.

– Разумеется, вы, – сказал м-р Топман.

– Конечно, вы, – подтвердил м-р Снодграс.

– Я! – воскликнул м-р Пикквик.

– Не бойтесь, сэр, – перебил конюх. – Лошадь смиренная – ребенок управится с нею. Не беспокойтесь.

– Она не разобьет? – спросил м-р Пикквик.

– Помилуйте, как это можно! – Она смиреннее всякого теленка.

Последняя рекомендация совершенно успокоила взволнованную душу президента. Топман и Снодграс залезли в ящик; м-р Пикквик взобрался на свое возвышенное сиденье и с большим комфортом упер свои ноги в деревянную полочку, утвержденную внизу нарочно для этой цели.

– Эй Лощеный Виллиам, – закричал конюх своему товарищу, – подай возжи джентльмену.

«Лощеный Виллиам», прозванный так, вероятно, от своих лоснящихся волос и масляного лица, поспешил вложить возжи в левую руку м-ра Пикквика, тогда как главный конюх вооружил бичом его правую руку.

– Ну! – вскрикнул м-р Пикквик, когда высокий конь обнаружил решительное намерение заглянуть в окно гостиницы.

– Нууу! – заголосили м-р Топман и м-р Снодграс с высоты своего джентльменского сиденья.

– Ничего, джентльмены, лошадка вздумала поиграть, это пройдет, – сказал главный конюх ободряющим тоном. – Пришпандорь ее, Лощеный, пришпандорь; вот так.

Благодаря усилиям Лощеного, прихотливый конь отдернул морду от окна и стал в смиренную позицию. Надлежало теперь м-ру Винкелю показать свое искусство в верховой езде.

– Сюда пожалуйста, сэр, вот с этой стороны, – сказал первый конюх.

– Черт меня побери, если этот джентльмен не сломит себе шеи, – шепнул трактирный мальчишка на ухо буфетчику.

М-р Винкель, покорный своей горемычной судьбе, поспешил взобраться на седло, при деятельной помощи двух конюхов, из которых один держал за узду борзого коня, другой подсаживал самого всадника.

– Ну, кажется, все хорошо? – спросил м-р Пикквик, томимый, однако ж, сильным подозрением, что все было дурно.

– Все хорошо, – отвечал м-р Винкель отчаянным голосом.

– Прихлестните ее, сэр; вот так, – сказал конюх в виде напутственного утешения м-ру Пикквику. – Держите крепче возжи.

Всадник и зеленая тележка в одну минуту сдвинулись с места, к общей потехе мальчишек трактирного двора. М-р Пикквик заседал на козлах; м-р Винкель рисовался на седле.

– Что это, она гнется на боку? – воскликнул м-р Снодграс с высоты своего ящика, обращаясь к м-ру Винкелю, начинавшему, казалось, терять присутствие духа.

– Не знаю, – отвечал м-р Винкель. – Вероятно, так приучили ее.

Так или нет, но упрямый конь начал выделывать самые таинственные прыжки, перебегая с одной стороны дороги на другую.

М-р Пикквик не имел досуга обратить внимание на всадника, поставленного в затруднительное положение. Его собственный конь в скором времени обнаружил весьма замечательные свойства, забавные для уличной толпы, но несколько не утешительные для пассажиров зеленой тележки. Чувствуя, вероятно, веселое расположение духа, бодрый конь постоянно вздергивал голову самым неучтивым образом, размахивал во все стороны хвостом и натягивал возжи до того, что м-р Пикквик с трудом удерживал их в своих руках. К тому же обнаружилась у него странная склонность беспрестанно сворачивать с дороги, останавливаться без всякой видимой причины, и потом, без достаточного основания, порываться вперед с такою поспешностью, которая вовсе не согласовалась с желанием возницы.

– Что все это значит? – спросил м-р Снодграс, когда лошадь в двадцатый раз выполнила один из этих маневров.

– Не знаю; вероятно, она испугалась чего-нибудь, – сказал м-р Топман.

М-р Снодграс был, по-видимому, не согласен с этой гипотезой и уже приготовился предложить свое собственное замечание, как вдруг раздался пронзительный крик м-ра Пикквика:

– Стой! стой! Я уронил кнут.

– Винкель! – вскричал м-р Снодграс, когда всадник, живописно перетряхиваясь на своем коне, поскакал к зеленой тележке. – Подыми кнут, сделай милость.

Затянув удила могучею рукой, м-р Винкель остановил свою лошадь, спустился на землю, подал кнут м-ру Пикквику, и, схватив поводья, приготовился опять подняться на седло.

Теперь вздумал ли высокий конь поиграть с своим искусным всадником, или, может быть, пришло ему в голову совершить путешествие одному, без всякого всадника – это, разумеется, такие пункты, относительно которых наши заключения не могут иметь определенного и решительного характера. Как бы то ни было, лишь только м-р Винкель притронулся к поводьям, лошадь перекинула их через голову, и быстро отступила назад.

– Хорошая лошадка, – сказал Винкель ласковым тоном – хорошая лошадка!

Но вероятно «хорошая лошадка» терпеть не могла незаслуженной лести. Чем ближе м-р Винкель подходил к ней, тем дальше отступала она назад. Минут десять конь и всадник кружились среди дороги и под конец были в таком же расстоянии друг от друга, как при начале этой игры: обстоятельство не совсем удобное для м-ра Винкеля, оставленного без всякой помощи в безлюдном месте.

– Что мне делать? – закричал в отчаянии м-р Винкель. – С ней сам черт не сладит.

– Проведи ее до шоссе заставы: там, авось, пособят тебе – сказал м-р Пикквик.

– Да ведь нейдет, черт бы ее побрал! – проревел м-р Винкель. – Слезьте, пожалуйста, и поддержите ее.

М-р Пикквик готов был для истинного друга на все возможные услуги. Забросив возжи на спину своей лошади, он осторожно спустился с козел, свернул экипаж с дороги, чтоб не помешать какому-нибудь проезжему, и поспешил на помощь к своему несчастному товарищу. Топман и Снодграс остались одни в зеленой тележке.

Лишь только хорошая лошадка завидела м-ра Пикквика с длинным кнутом в правой руке, как вдруг решила изменить свой круговой маневр на движение отступательное и выполнила

это решение с таким твердым и непреклонным характером, что мгновенно вырвала поводья из рук своего всадника и быстро помчалась в ту самую сторону, откуда только что выехали наши путешественники. М-р Пикквик полетел на выручку своего друга; но чем скорее бежал он вперед, тем быстрее отступал непокорный конь. Пыль из-под его копыт столбом взвивалась по дороге, залепляя рот и глаза бегущим пикквикистам. Наконец лошадь приостановилась, встряхнула ушами, обернулась, фыркнула, и спокойно, мелкой рысцой, побежала в Рочестер, оставив ученых мужей на произвол судьбы. Истощенные приятели, задыхаясь от надсады, с недоумением смотрели друг на друга, но скоро их внимание обратилось на сильный шум в недалеком расстоянии от них.

– Боже мой! что это такое! – воскликнул м-р Пикквик, пораженный страшным отчаянием. – И другая лошадь бесится!

Именно так. Благодаря распорядительности м-ра Пикквика, гнедой конь, приставленный к живому забору, получил полную свободу располагать своими поступками, потому что возжи были на его спине. Завидев товарища, бегущего в Рочестер на свою спокойную квартиру, он решил последовать его примеру. Последствия угадать не трудно. Животное рванулось изо всей силы, не думая повиноваться бедным пассажирам, которые напрасно делали ей энергические знаки своими платками. К счастью, м-р Топмам и м-р Снодграс во время уцепились за живой забор и успели повиснуть на воздухе между небом и землей. Лошадка, между тем, освобожденная от своей тяжести, наскочила на деревянный мост, разбила в дребезги зеленую тележку и, отскочив вперед с одними оглоблями, остановилась как вкопанная, любуясь произведенным опустошением и любопытствуя знать, что из всего этого выйдет.

При таком неожиданном обороте дела, первую заботой двух приятелей было – выручить своих разбитых товарищей из колючей засады: процесс довольно затруднительный, кончившийся однако ж счастливым открытием, что благородные кости Топмана и Снодграса не потеряли значительного ущерба, и вся неприятность ограничилась только тем, что платье их было разорвано во многих местах. Вторую заботой президента и его товарищей было – освободить лошадь от упряжи. Окончив эту многосложную операцию, путешественники медленно пошли вперед, ведя лошадь за узду и оставив среди дороги изломанную тележку.

Через час благополучного странствования, путешественники подошли к трактиру, уединенно стоявшему на большой дороге. Перед трактиром торчали копны сена, мильный столб, исписанный со всех четырех сторон, и колодезь с водопоем для лошадей. Сзади виднелся сарай, а за сараем – огород, где копался между грядками рыжеватый детина исполинского размера. К нему-то м-р Пикквик обратился с громким восклицанием:

– Эй, кто там!

Рыжеватый детина выпрямился во весь рост, разгладил волосы, протер глаза и обратил лениво-холодный взгляд на м-ра Пикквика и его друзей.

– Эй, добрый человек! – повторил м-р Пикквик.

– Чего надобно? – был ответ.

– Далеко ли до хутора Динглиделль?

– Миль семь или около того.

– Хороша дорога?

– Не так, чтобы очень.

Отделавшись этим лаконическим ответом, рыжеватый детина хладнокровно принялся за свою прерванную работу.

– Нельзя ли нам оставить здесь вот эту лошадь? – сказал м-р Пикквик. – Можно, я думаю, а?

– Можно ли вам оставить здесь свою лошадь: так, что ли? – сказал рыжий детина, опираясь на свой заступ.

– Так, именно так, – ласково говорил м-р Пикквик, подводя своего коня к плетню огорода.

– Эй, миссис! – заревел рыжий детина, бросая пытливый взгляд на чужую лошадь и выходя из огорода. – Миссис.

Высокая дородная женщина в голубом платье откликнулась на этот призыв.

– Нельзя ли нам поставить у вас свою лошадь, милая женщина, – спросил м-р Топман самым обворожительным тоном.

Милая женщина окинула пытливым взглядом незнакомых джентльменов; рыжий детина шепнул ей что-то на ухо.

– Нет, – сказала она наконец решительным тоном. – Я боюсь.

– Боитесь! – воскликнул м-р Пикквик. – Чегож вы боитесь?

– Было нам довольно хлопот в последний раз, – отвечала она, собираясь идти домой. – Нет, уж лучше поезжайте своей дорогой.

– Во всю жизнь мою я не встречал такой странной женщины, – сказал ошеломленный м-р Пикквик.

– Мне сдается, – шепнул м-р Винкель, – они воображают, что мы приобрели лошадь какими-нибудь бесчестными средствами.

– Как! – воскликнул м-р Пикквик в порыве сильнейшего негодования.

М-р Винкель скромным образом повторил свою гипотезу.

– Эй, вы! – закричал м-р Пикквик сердитым тоном. – Неужели вы думаете, что мы украли эту лошадь?

– Нечего тут думать, я уверен в этом, – проговорил рыжий детина, почесывая затылок и оскаливая зубы.

Затем он и его спутница отправились в трактир и заперли за собою дверь.

– Сон, просто сон, ужасный, гадкий сон! – воскликнул м-р Пикквик. – Идти восемь миль пешком, с мерзкой лошадей, от которой никак не отделаешься! – Хороша прогулка!

Делать нечего, однако ж, против судьбы не устоишь. Бросив презрительный взгляд на негостеприимный трактир, несчастные пикквикисты медленно продолжали свой путь, ведя поочередно высокого гнедого коня, которого теперь они все ненавидели от чистого сердца.

Поздно вечером, четыре путешественника, сопровождаемые своим четвероногим товарищем, повернули на тропинку, которая должна была привести их в гостеприимный хутор; но и теперь, приближаясь к цели своего путешествия, они далеко не могли испытывать большой радости при мысли о своем нелепом положении. Изорванное платье, запачканные лица, грязные сапоги, унылые физиономии и, вдобавок, неразлучный конь, – нехорошо, очень нехорошо. О, как проклинал м-р Пикквик эту гадкую лошадь! Сколько раз смотрел он на нее с выражением ненависти и мщения, сколько раз даже собирался пырнуть ее ножом – да и пырнул бы, если б кто-нибудь снабдил его этим полезным орудием!

Когда таким образом путешественники наши были заняты мыслями более или менее мрачными, внимание их вдруг остановилось на двух фигурах, появившихся из-за роши. То были м-р Уардль и верный его слуга, жирный парень.

– Здравствуйте, господа! – начал гостеприимный джентльмен. – Где вы так долго пропадали? Я ждал вас целый день. Ба, с вами что-то такое случилось! Царапина! Кровь! Изорванные платья! Вы разбиты! Что делать, что делать, дороги прескверные, и такие случаи здесь не редки. Хорошо, по крайней мере, что никто из вас не ранен. Я очень рад. Джой – ах, пострел, он опять заснул, – Джой, отведи лошадь в конюшню. – Милости просим, господа!

Жирный толстяк, перекачиваясь с боку на бок, поковылял в конюшню, а статный джентльмен повел своих гостей, разговаривая дорогой о приключениях этого дня.

– Пожалуйста наперед в кухню, господа, – сказал статный джентльмен, – мы вас как раз приведем в порядок: вымоем, вычистим, выхолом, и потом я представлю вас дамам. Эмма!

принесите вишневки джентльменам. Дженни! иголок и ниток! Мери! воды и полотенце. Живее, девочки, живее!

Три или четыре румяные девушки бросились в разные стороны, исполняя полученные приказания, в то же время запылал приятный огонь в камине, пришли лакеи с ваксой и щетками, чтобы показать свое искусство, приведя в порядок джентльменское платье и сапоги.

– Живее! – закричал еще раз статный джентльмен.

Но это увещание оказалось совершенно излишним, потому что одна девушка уже наливала вишневку, другая окачивала ключевой водой поэтическую голову м-ра Снодграса, третья возилась с изорванным сюртуком м-ра Топмана, четвертая стояла с полотенцами в руках. Один из лакеев нечаянно схватил за ногу м-ра Пикквика, так что этот джентльмен чуть не упал навзничь, между тем как другой колотил изо всей мочи байковый сюртук м-ра Винкеля, производя при этом весьма странный шипящий звук, как будто он был конюхом, который чистит скребницей своего коня.

Окончив свое омовение, м-р Снодграс выпил рюмку вишневки, прислонился спиной к камину и бросил вокруг себя наблюдательный взор. Из его путевых заметок оказалось, что кухня, где он стоял, имела кирпичный пол и огромную печь. На веревках, привязанных к потолку, висели стройными рядами окорока, луковица и сушеные грибы. Стены были украшены охотничьими хлыстиками, двумя или тремя уздами, седлом и старинной винтовкой с надписью: «Заряжено». Судя по старинному почерку, надпись эта была, вероятно, сделана лет за пятьдесят. Старинные восьмидневные стенные часы огромного размера били в отдаленном углу свой торжественный такт, между тем как серебряные карманные часы, повешенные на гвоздике перед буфетом, тиликали им в ответ почтительно и скромно.

– Готовы, господа? – спросил статный джентльмен, когда его гости были вымыты, вычищены, выхолены и угощены вишневкой.

– К вашим услугам, – отвечал м-р Пикквик.

– Так пойдемте же в гостиную.

Пошли все, кроме м-ра Топмана, оставшегося в кухне на несколько минут поиграть с черноглазой Эммой, которая, однако ж, чуть не выцарапала ему глаз, когда он хотел приступить к решительному намерению вклеить поцелуй в её розовую щечку. Бросив неприступную девушку, он побежал за своими товарищами и явился вместе с ними в общую гостиную.

– Милости просим, господа, – сказал гостеприимный хозяин, отворяя дверь, и выступая вперед для представления своих гостей. – Милости просим в Менор-Фарм.

Глава VI

Старомодная игра в карты, стихотворение сельского пастора и новая повесть.

Вся гостиная встала при входе м-ра Пикквика и его друзей. Между тем как происходила рекомендательная церемония со всеми своими подробностями, м-р Пикквик углубился в рассмотрение физиономий действующих лиц и заранее, таким образом, старался составить безошибочное понятие об их нравственных и физических свойствах. Президент Пикквикского клуба, должно заметить, подобно многим великим людям, был замечательный физиономист.

На почетном месте, по правую сторону камина, в мягких креслах на колесах, сидела старая леди в полинялом шелковом платье и высоком чепце: это была достопочтенная родительница м-ра Уардля. По стенам и на столике около неё расположены были разные драгоценные вещицы, полученные ею в различные периоды её жизни от своих домашних, во первых в доказательство того, что они помнят день её рождения, а потом, как видимые знаки, того что они еще не дожили до её кончины. Тетушка и две молодые девицы, стараясь наперерыв угодить почтенной леди, окружили её кресло со всех сторон: одна приставляла к её уху слуховой рожок, другая давала ей нюхать пузырек с духами, третья усердно взбивала подушку за её спиной. На противоположной стороне восседал лысый старичок, с добрым и веселым лицом, пастор из Динглиделль, а подле него расположилась его цветущая половина, пожилая леди с красными щеками, мастерица готовить ликер и наливки для домашнего обихода. В одном углу краснощекий мужчина средних лет разговаривал с толстым старичком, беспрестанно делая пояснительные и дополнительные жесты. Все другие члены джентльменской гостиной – несколько пар стариков и старушек – сидели неподвижно на своих стульях и внимательно осматривали приезжих гостей.

– М-р Пикквик, матушка! – закричал громким голосом м-р Уардль, рекомендуя старой леди президента.

– А! – сказала старуха, тряхнув головой. – Не слышу.

– М-р Пикквик, бабушка! – закричали в один голос обе молодые девицы.

– А! – воскликнула старая леди. – Вздор говорите вы, дети. Какая ему нужда до такой старухи, как я.

– Уверяю вас, сударыня, – возгласил м-р Пикквик с таким отчаянным напряжением, что малиновая краска выступила на его лице, – уверяю вас, мне чрезвычайно приятно видеть такую почтенную леди во главе прекрасного семейства, тем более, что вы, сударыня, несмотря на преклонные лета, еще процветаете и телом, и душой.

– А-а-а! – откликнулась старая леди после минутной паузы. – Все это, может быть, недурно, только я ничего не слышу. Что вы говорите, мой батюшка?

М-р Пикквик принужден был еще раз надсадить свою грудь для повторения комплимента.

– Ну, все вздор, я так и думала, – отвечала старая леди.

– Бабушка теперь не в духе, – сказала мисс Изабелла Уардль, – извините ее, м-р Пикквик.

– Помилуйте, это очень естественно в её положении.

Затем завязался общий разговор, в котором приняли участие все наши друзья.

– Прекрасное местоположение! – воскликнул м-р Пикквик.

– Прекрасное! – подтвердили в один голос Топман, Снодграс и Винкель.

– Да, я согласен с вами, – сказал м-р Уардль.

– По-моему мнению, джентльмены, нет красивее местоположения во всем Кентском графстве, – сказал задорный краснощекий мужчина средних лет, – я именно так рассуждаю, нет красивее Динглиделль, это даже очевидно.

И затем он бросил вокруг себя торжествующий взгляд, как будто ему удалось одержать победу над тысячами противоречащих мнений.

– Да, господа, нет красивее местности в целом графстве, я именно так рассуждаю, – повторил он с особенной энергией.

– Кроме, может быть, Муллинских лугов, – заметил толстый старичок.

– Муллинских лугов! – воскликнул задорный джентльмен с глубоким презрением.

– Ну, да, Муллинских лугов, – повторил толстый старичок.

– Местечко живописное, я с вами согласен, – сказал другой толстяк.

– Конечно, конечно, – подтвердил третий толстяк-джентльмен.

– Это всем известно, – сказал сам хозяин.

Задорный краснощекий джентльмен сомнительно покачал головой, но не решился, однако ж, предложить дальнейших возражений.

– О чем они толкуют? – спросила старая леди одну из своих внучек, так, однако ж, что громкий её голос раздался по всей гостиной. Разделяя почти общую участь глухих особ, старушка никогда не подозревала, что ее могут слышать, когда она говорит про себя.

– О хуторе, бабушка.

– Что-ж? Разве случилось что-нибудь?

– Нет, нет. М-р Миллер утверждает, что наш хутор лучше Муллинских лугов.

– А он-то как знает? – перебила старая леди тоном сильнейшего негодования. – Миллер – известный фанфарон: можешь это сказать ему от моего имени.

И высказав это суждение, старая леди, уверенная, что никто в мире не слышал её шепота, грозно повернулась на своих креслах, желая как будто наказать провинившегося хвостуна.

– Ну, господа, кажется, мы теряем драгоценное время, – сказал хлопотливый хозяин, видевший необходимость переменить разговор. – Что вы скажете насчет виста, м-р Пикквик?

– Я очень люблю вист, только из-за меня одного прошу не беспокоиться.

– О, здесь много охотников до виста, – сказал м-р Уардль. – Матушка, хотите ли играть в карты?

На этот раз старая леди ясно расслышала вопрос и отвечала утвердительно.

– Джой, Джой! – Куда он девался, пострел? – Ты здесь; ну, поставь ломберные столы.

Летаргический парень, с привычной расторопностью, выдвинул два ломберных стола; один для марьяжа, другой для виста. Вистовыми игроками были с одной стороны: м-р Пикквик и старая леди; с другой – м-р Миллер и толстый старичок. Остальные члены веселой компании предпочли марьяж.

Вист – изобретение англичан и любимая игра их – нашел на этот раз достойных представителей, посвятивших ему все силы своего рассудка. Молчание и торжественная важность яркими чертами изобразились на их лицах, когда открылся первый роббер. Напротив, игроки в марьяж за другим столом вели себя с такою буйною веселостью, что развлекли даже внимание м-ра Миллера в одну из критических минут, когда надлежало сообразить вероятность двух лишних взяток. Он сделал в этом случае непростительное преступление, обратившее на него всю ярость толстого старика, тем более досадную, что старая леди умела мастерски воспользоваться промахом слабой стороны и, совсем неожиданно, приобрела три лишних взятки. Скоро, однако ж, судьба сжалилась над несчастным игроком.

– Вот оно как! – сказал м-р Миллер торжествующим тоном, – леве все-таки за нами: сыграли мастерски. Другой взятки никто не взял бы на моем месте.

– Миллеру следовало козырять с бубен: не правда ли, сэр? – сказала старая леди.

– Да, сударыня, – подтвердил м-р Пикквик.

– Неужто? – спросил несчастный игрок, обращаясь к своему партнеру.

– Конечно, с бубен, это было очень ясно.

– Жаль, очень жаль.

- Что толку в этом? С вами всегда проиграешь.
- Сдали еще игру.
- Наши онеры! – воскликнул м-р Пикквик! – Король, дама и валет.
- А у меня туз, – сказала торжествующая старуха.
- Этакое счастье! – воскликнул м-р Миллер.
- Редкий случай! – подтвердил толстый джентльмен.
- Партия кончена, – заключил м-р Пикквик.
- Хотите еще роббер? – спросила старуха.
- С большим удовольствием, – отвечал м-р Пикквик.

Перетасовали, сдали, уселись, и опять наступило торжественное молчание, изредка прерываемое замечаниями старой леди.

Но, к несчастью, судьба опять опрокинулась всею тяжестью на злополучного м-ра Миллера. К невыразимому удовольствию старой леди, он сделал какой-то отчаянный промах, испортивший всю игру. Когда роббер кончился, толстый джентльмен, питавший справедливое негодование против своего партнера, забился в темный угол и оставался там совершенно безмолвным в продолжение одного часа и двадцати семи минут. Затем, махнув рукой он вышел из своей засады и, скрепя сердце, предложил м-ру Пикквику понюшку табаку с видом человека, который, в пользу ближнего, может забывать всякие личные оскорбления. Слух старой леди значительно улучшился, и она весьма остроумно забавлялась над несчастным м-ром Миллером, который, сознавая свои проступки и мучимый угрызением совести, готов был, казалось, провалиться сквозь землю. Один м-р Пикквик во всей этой партии вел себя истинно джентльменским образом, не обнаруживая ни в каком случае взволнованных чувств непристойной радости или неуместной печали.

Между тем игра на другом столе имела совершенно противоположный характер. Неизменными партнерами с одной стороны были: мисс Изабелла Уардль и м-р Трудель; с другой – Эмилия Уардль и м-р Снодграс; с третьей – м-р Топман и тетушка. Все остальные члены, старики и старухи, принимали также весьма деятельное участие в общем марьяже. Старик Уардль поминутно хохотал до упаду, и за ним – все старушки заливались самым единодушным смехом. Какими-то судьбами одной старой леди всегда приходилось платить за полдюжины карт, и при этом весь круглый стол надсаживался и дрожал от громкого смеха. Если старушка начинала сердиться, смех раздавался еще громче и дружнее и получал такую заразительную силу, что под конец она и сама хохотала громче всех. Как скоро целомудренная тетка выигрывала марьяж – что случалось довольно часто – молодые девицы вновь принимались хохотать, причем м-р Топман тихонько пожимал из-под стола дебелию руку старой девы, и она принимала торжественно-лучезарный вид, показывая несомненными признаками, что марьяж для неё совсем не такая дикая мечта, как воображают некоторые легкомысленные особы: вострушки ловили на лету тайные мысли девствующей тетушки и опять начинали хохотать. Степеннее других вел себя м-р Снодграс, уже пылавший поэтическим жаром к своей прекрасной подруге. беспрестанно нашептывал он ей остроумные изречения, поэтического свойства и это крайне забавляло одного кругленького старичка, сообщившего несколько дельных замечаний насчет таинственного сходства случайной партии за карточным столом и существенной партии в делах человеческой жизни: намек был ловкий и тонкий, заставивший покраснеть мисс Эмилию Уардль и хохотать от чистого сердца всех старых джентльменов и леди. Великосветские шутки и остроты м-ра Винкеля, известные всему столичному миру, встретили дружное сочувствие и в этом скромном сельском кругу, и м-р Винкель был в самом зените почестей и славы. Добродушный пастор из Динглиделль был также очень весел и любезен, потому что видел вокруг себя счастливые лица, достойные наслаждаться скромными благами семейной жизни. Словом сказать, все веселились, шумели и резвились напропалую, потому что веселость у всех вообще и каждого порознь происходила от чистейшего сердца.

Вечер быстро пролетел между приятными забавами, и когда, наконец, подали сытный ужин, приправленный радушием молодых хозяек, м-р Пикквик почувствовал в глубине души, что он был в эту минуту на вершине земного благополучия, какое только доступно человеку в этом подлунном мире, исполненном житейских тревог и волнений. После ужина все общество уселось вокруг камина, где горел веселый огонек. Гостеприимный хозяин занял место подле кресел своей матери, поспешившей подать ему свою почтенную руку.

– Люблю я, господа, этот старый камин, – сказал м-р Уардль, испустив глубокий вздох и пожимая руку старой леди, – люблю, потому что здесь, перед этой решеткой, протекли счастливейшие минуты моей жизни. Не здесь ли и вы, матушка, проводили свои давнишние годы, когда сидели маленькой девочкой на этой маленькой скамейке – не здесь ли, а?

С грустной улыбкой старушка покачала головой, и слеза покатила по её почтенному лицу, когда целый ряд воспоминаний о протекшей жизни обрисовался перед её мысленным взором.

– Извините, господа, что я с такой любовью говорю об этих вещах, – сказал хозяин после короткой паузы. – Надеюсь, м-р Пикквик, вы можете войти в чувства болтливого старика, немножко гордого многочисленными воспоминаниями о стародавних временах.

– О да, я понимаю вас и глубоко уважаю ваши чувства, – сказал м-р Пикквик.

– Признаюсь, я не могу без особенной любви смотреть на старые дома и поля, – продолжал радушный джентльмен, – и мне всегда кажется, что я связан с ними какими-то родственными отношениями. Сколько воспоминаний пробуждает во мне наша маленькая деревенская церковь с её зеленым плющем. . . кстати еще, почтенный наш священник сочинил песню в честь этого плюща, и, бывало, мы пели ее хором. Приятно, очень приятно. – Вы, кажется, допили ваш стакан, м-р Снодграс.

– Нет, покорно вас благодарю, – отвечал поэт, которого любопытство было теперь в высшей степени возбуждено последними замечаниями м-ра Уардля. – Прошу извинить. . . вы, кажется, изволили говорить насчет какой-то песни.

– Да; но уж насчет этого вы потрудитесь обратиться к нашему почтенному другу, – отвечал м-р Уардль, указывая на пастора.

– Не могу ли я, сэр, просить вас об одолжении прочесть нам эту песню? – сказал м-р Снодграс.

– Почему же нет? очень можете, – отвечал пастор, – только я должен наперед объяснить, что песня написана еще в первой молодости, когда я только-что поступил на это место. Всего два куплета, без соблюдения даже стихотворных правил: вы отнюдь не будете ею довольны, сэр.

– Совсем напротив, вы сделаете всем нам величайшее удовольствие.

– Если так, извольте, я готов повторить перед вами произведение своей юности.

Смутный говор любопытства пробежал по всей гостиной, и почтенный пастор, после предварительных совещаний с женою, начал таким образом:

– Песня моя, господа, называется:

Зеленый плющ

Люблю тебя, зеленый плющ,
Что вьешься под руиной храма!
Отборный корм готов тебе
В развалинах веков протекших.
Камням и стенам должно пасть
В угоду зелени прекрасной,
И будет там веселый пир

Тебе в их плесени и пыли!
Где все мертво, где жизни нет –
Цветет и вьется плющ зеленый.
Исчезнут люди и пройдут века,
Погибнут целые народы;
Но не увянет вечный плющ
На гробовых плитах и камнях.
И будет он, среди могил,
Свидетель памяти минувшей,
И странника приютит он
Под зеленью своей тенистой.
Где все мертво, где жизни нет –
Цветет и вьется плющ зеленый.

– Прекрасно, прекрасно! – воскликнул м-р Снодграс в порыве поэтического воодушевления. – Как хороша идея – кормить отборную зелень развалинами веков минувших! Ведь это, я полагаю, должно понимать в аллегорическом смысле?

– Разумеется, – отвечал пастор.

– Могу ли, с вашего позволения, украсить свой путевой журнал произведением вашей музыки?

– Сделайте милость!

– И вы продиктуете?

– Извольте.

После диктовки стихотворение еще раз было прочтено для исключительного наслаждения м-ра Пикквика, который, в свою очередь, нашел, что стихи были превосходны во всех возможных отношениях. Тетушка заметила, однако ж, и весьма справедливо, что отсутствие рифмы несколько уменьшает достоинство «Зеленого плюща», но м-р Снодграс объяснил весьма удовлетворительно, что рифма, собственно говоря, изобретена в продолжение средних веков, и что, следовательно, без неё легко обойтись в девятнадцатом веке.

– Позвольте спросить вас, сэр, – сказал м-р Пикквик, – мне, однако ж, очень совестно... знакомство наше началось так недавно...

– Что такое? Пожалуйста, без церемоний, – отвечал обязательный пастор, – я весь к вашим услугам.

– Я полагаю, в продолжение своей жизни, посвященной высокому служению на пользу человечества, вы должны были видеть множество сцен и событий, достойных перейти в потомство.

– Вы угадали: я был свидетелем многих приключений, но характер их вообще скромный и односторонний; потому что круг моих действий всегда был крайне ограничен.

– Мне кажется, вы хорошо помните историю Джона Эдмондса, если не ошибаюсь, – сказал м-р Уардль, желавший, по-видимому, расшевелить своего друга в назидание столичных гостей.

Пастор слегка кивнул головою в знак согласия и хотел свести разговор на другие предметы: но м-р Пикквик поспешил его прервать:

– Прошу извинить, сэр, мне бы хотелось знать: кто такой был Джон Эдмондс?

– Вот этот же вопрос хотел и я предложить вам, сэр, – торопливо сказал м-р Снодграс.

– Это значит, почтенный друг, что вам надобно удовлетворить любопытство этих джентльменов, и чем скорее, тем лучше, – сказал веселый хозяин, – собирайтесь с духом и рассказывайте.

Пастор улыбнулся, кашлянул и подвинул свой стул. Остальные члены веселой компании, со включением м-ра Топмана и девствующей тетки, неразлучных спутников во весь вечер, также придвинули свои стулья и сформировали правильный полукруг по обеим сторонам будущего рассказчика. Когда, наконец, приставили слуховой рожок к правому уху старой леди и ущипнули за ногу м-ра Миллера, успевшего заснуть в продолжение чтения стихов, почтенный пастор, без всяких предварительных объяснений, начал свою назидательную повесть, которую, с позволения читателя, мы должны будем озаглавить просто:

Возвращение на родину.

«Когда я первый раз поселился в этой деревне, – этому уже слишком двадцать пять лет, – самым замечательным лицом между моими прихожанами был некто Эдмондс, арендатор небольшой фермы. Был он человек угрюмый, сердитый, суровый, жестокий, словом сказать, злой человек, с зверскими привычками и нравами. Кроме двух-трех ленивцев и забулдыжных бродяг, с которыми он таскался по полям или бражничал в харчевнях, у него не было знакомых и друзей. Все боялись арендатора Эдмондса, все презирали его и никто не хотел иметь с ним никаких сношений.

Были у него жена и один сын, которого застал я мальчиком двенадцати лет. Трудно вообразить, не только передать словами, ужасные страдания бедной женщины, её безусловную покорность судьбе и ту мучительную заботливость, с какою воспитывала она своего сына. Прости меня Бог, если предположения мои имели оскорбительный характер; но я твердо верил и был нравственно убежден, что этот человек систематически губил свою жену и злославно рассчитывал свести ее в преждевременную могилу. Все терпела, все переносила бедная женщина ради своего детища и, что всего страннее, ради его безжалостного отца, потому что было время, когда она любила его страстно, и воспоминание о счастливых днях пробуждало в душе её чувства кроткие и сладостные, чуждые для всех созданий в этом мире, но не чуждые и вполне понятные только женскому сердцу.

Они были бедны. Иначе и не могло быть, когда глава семейства погрязал в мрачной бездне разврата; но жена трудилась изо всех своих сил, вечером, и утром, в полдень и полночь: нищета не смела закинуть скаредную ногу за порог арендаторской семьи. Неутомимые труды её вознаграждались слишком дурно. Случалось очень часто, прохожий в поздний час ночи слышал рыдания и стоны бедной женщины под ударами её мужа, и нередко бесприютный мальчик, в глубокую полночь, стучался в дверь соседнего дома, куда посылала его мать, чтоб спасти его от дикой ярости пьяного отца.

Во все это время несчастная страдалица постоянно посещала нашу маленькую церковь, где нередко прихожане замечали на её лице багровые пятна – свежие следы бесчеловечного тиранства, которых, при всем усилии, она не могла скрыть от любопытных взоров. Каждое воскресенье, поутру и ввечеру, видели ее на одном и том же месте с её маленьким сыном, одетым чисто и опрятно, хотя в бедном платье. Все и каждый спешили приветствовать ласковым словом „добрую м-с Эдмондс“, и, бывало, иной раз, страдальческие черты её озарялись чувством искренней признательности, когда она, по выходе из церкви, вступала в разговор с добрыми людьми, принимавшими участие в её положении, или когда она, с материнскою гордостью, останавливалась полюбоваться на своего малютку, который между тем резвился с товарищами под тенью тополей и лип церковной ограды. В эти минуты м-с Эдмондс бывала спокойна и счастлива.

Быстро пролетели пять или шесть лет. Малютка сделался юношей цветущим и сильным; но время, округлившее его формы, укрепившее его мускулы и члены, согнуло стан его матери, подкосило её ноги. Ничья рука не поддерживала бедной женщины, и не было подле неё лица, способного одушевлять восторгом её сердце. По-прежнему занимала она свою старую ложу

в церкви, но уже никто не сидел подле неё. Библия, как и прежде, лежала перед ней и регулярно каждую обедню открывалась на известных страницах; но никто вместе с нею не читал священных псалмов, и слезы крупными каплями падали на ветхую книгу. Соседки, как и прежде, встречали ее ласковым поклоном; но она избегала их приветствий и ни с кем не вступала в разговор. Тополя и липы церковной ограды потеряли для неё чарующую силу, и она не думала останавливаться под их тенью. Лишь только оканчивалась служба, бедная женщина закрывалась платком и поспешно выходила из церкви.

Должно ли мне объяснять вам, милостивые государи, что молодой человек, оглядываясь на пройденное поприще жизни, на первоначальные дни своих отроческих и юношеских лет, ничего не мог в них видеть, что бы теснейшим образом не соединялось с длинным рядом добровольных страданий и лишений, которым подвергала себя бедная женщина исключительно для того, чтоб взлелеять и воспитать своего единственного сына? Должно ли объяснять, что, при всем том, молодой человек забыл невероятные труды, заботы, огорчения, напасти, – забыл все, что перенесла для него любящая мать – связался с отчаянными извергами и вступил, очертя голову, на тот гибельный путь, который неизбежно должен был довести его до позорной смерти? К стыду человеческой природы, вы угадали развязку.

Пробил роковой час, когда бедной женщине суждено было испить до дна горькую чашу последних страданий. Мошеннические проделки непрерывной цепью следовали одна за другою по всем этим местам, и дерзость тайных извергов, укрывавшихся от правосудия, увеличивалась с каждым днем. Отчаянный разбой среди белого дня усилил бдительность местного начальства, и скоро приняты были решительные меры. Подозрения обратились на Эдмондса и трех его товарищей. Его схватили, заключили в тюрьму, допросили, обвинили, – осудили на смерть.

Дикий и пронзительный крик из женской груди, крик, раздавшийся по судейскому двору, когда прочтен был смертный приговор, раздается до сих пор в моих ушах. Злодей, считавшийся погибшим для всякого человеческого чувства и смотревший с бессмысленным равнодушием даже на самое приближение смерти, очнулся при этом ужасном крике. Его губы, сомкнутые до этого часа упорной немотою, задрожали и открылись сами собою; холодный пот выступил из всех пор его тела: он затрясся, зашатался и едва не грянулся о каменный пол.

При первых порывах душевной пытки страждущая мать бросилась на колени у моих ног, и я услышал из уст её пламенную молитву к Всемогущему Существу, хранившему ее до настоящей минуты среди бесчисленных напастей и скорбей. Согласная на все возможные муки в этой и даже будущей жизни, она умоляла Небесного Творца пощадить юную жизнь её единственного сына. Следовали затем ужасный взрыв тоски и отчаянная борьба, невыносимая для сил человека. Я знал, что сердце её сокрушилось с этой минуты: но ни теперь, ни после ни одной жалобы, ни одного ропота не произнесли её уста.

Грустно и жалко было видеть, как эта женщина каждый день приходила на тюремный двор, как старалась она, убеждениями и мольбами, именем неба и материнской любви, смягчить жестокое сердце своего закоснелого сына. Все было напрасно. Молодой изверг остался упрямым, непреклонным, неподвижным. Смертный приговор неожиданно был изменен на четырнадцатилетнюю ссылку, но и это обстоятельство не образумило злодея.

Дух самоотвержения и любви, поддерживавший так долго слабый организм, не мог до конца устоять против физических недугов. Мать преступника сделалась больна. Еще раз, один только раз, собралась она взглянуть на своего сына; но последние силы оставили ее на тюремном дворе, и она в изнеможении упала на сырую землю.

И теперь поколебалось, наконец, высокомерное равнодушие и холодность молодого человека, и грозно пробил для него час неумолимой кары. Природа потребовала возмездия за нарушение своих правь.

Прошел день – мать преступника не явилась на тюремный двор; еще прошел день – и она не пришла навестить своего сына; третий вечер наступил – ее нет как нет, а между тем через двадцать четыре часа ему должно будет расстаться с нею – вероятно, на всю жизнь. Как сумасшедший бегал он по тесному тюремному двору взад и вперед, как бешеный, хватался за свою голову, лишённую человеческого смысла. О, с какой быстротой нахлынули на его душу давно забытые воспоминания протекших дней!.. С каким ужасным отчаянием услышал он, наконец, роковую весть! Его мать, – единственное создание, связанное с ним узами крови и любви, – лежит на одре болезни, умирает, может быть, на расстоянии одной мили от места, где он стоит. Будь он свободен и не скован – в пять минут быстрые ноги принесли бы его в родительский дом. Он подскочил к железной двери, схватился за болт с энергией отчаяния, рванул, отскочил опять и ударился о толстую стену, в безумной надежде вышибить камни; но стена, как и дверь, издевались над усилиями сумасшедшего человека. Он всплеснул руками и заплакал горько.

Я принес материнское благословение заключенному сыну, и принес я к болезненному одру матери горькое раскаяние её сына и торжественное обещание его загладить следы прошедшей жизни. Я слышал с замиранием сердца, как раскаивающийся преступник строил планы для утешения своей матери по своему возвращении из ссылки; но я знал, что прежде, чем достигнет он до места своего назначения, его мать не будет более принадлежать к этому миру.

Его отправили ночью. Через несколько недель душа страждущей матери возлетела – я торжественно верю и свято уповаю – к месту вечного блаженства и покоя. Я отслужил панихиду над бранными останками. Она лежит на здешнем кладбище. Над её могилой нет никакого камня. Человек знал её печали; добродетели её известны Богу.

Заранее было устроено, что преступник, при первом позволении, станет писать к своей матери, и что письма его будут адресованы на мое имя. Отец положительно отказался от своего сына, лишь только отвели его в тюрьму, и для него было все равно, жив он или нет.

Прошло два-три года: о молодом Эдмондсе не было ни слуха, ни духа. В продолжение семи лет, то-есть половины срока его ссылки, я не получил от него ни одного письма. Оставалось придти к вероятному заключению, что он погиб или умер.

Нет, однако ж. По прибытии на место ссылки Эдмондс был отправлен в одну из самых отдаленных колоний, и этим обстоятельством объясняется тот факт, что ни одно из его писем не дошло до моих рук, хотя писал он довольно часто. Все четырнадцать лет пробыл он на одном и том же месте. По истечении этого срока, верный обещанию, данному матери, он отправился в Англию и, после бесчисленных затруднений, прибыл пешком на свою родину.

В прекрасный воскресный вечер, в половине августа, Джон Эдмондс подходил к той самой деревне, которую, за четырнадцать лет, он оставил с таким позором и стыдом. Ближайший его путь лежал через кладбище. Как сильно забилося сердце в его груди, когда он подошел к церковной ограде! Высокие тополя и липы, озаренные последними лучами заходящего солнца, пробудили в его душе воспоминания давно прошедших дней. Он представлял себе, как, бывало, смотрел на её бледное лицо, и как глаза её наполнялись слезами, когда она любовалась на его черты. Случалось иногда, эти слезы падали на его щеки, когда мать наклонялась целовать своего любимца; невинный малютка плакал и сам, хотя не понимал, отчего и зачем. И вспомнил Джон Эдмондс, как часто он резвился со своими сверстниками по этому зеленому дерну, оглядываясь по временам назад, чтоб уловить улыбку матери или услышать её ласковое слово. Но вот декорация переменялась, младенчество и первые лета юности прошли: наступил период нравственного омрачения, период унижения, стыда, неблагодарности, позора... все припомнил Джон Эдмондс, и замер дух в нем, и сердце облилось кровью...

Он вошел в церковь. Вечерня кончилась, народ расходился, но двери еще не были заперты. Глухо раздались его шаги по чугунному полу, и он почти оробел от этого звука. Все было тихо и спокойно. Он оглянулся вокруг. Ничего не изменилось: все те же старые

памятники, на которые тысячу раз смотрел он с детским благоговением в бывалые годы; тот же маленький нагой с полинялой пеленою, тот же алтарь, перед которым так часто повторял он символ веры и десять заповедей. Он подошел к старой ложе, где так часто в воскресные дни сживал подле матери: ложа была заброшена, и обличала продолжительное отсутствие особы, которой она могла принадлежать. Не было здесь ни Библии, ни маленькой подушки, где лежала священная книга. Быть может, мать его занимала теперь другую, беднейшую ложу, или была так слаба, что не могла дойти до церкви одна, или... но он боялся подумать о том, что могло быть вернее всего. Холодный пот пробился из всех его пор, и он страшно задрожал при выходе из церкви.

На церковной паперти он встретил старика и отступил назад при взгляде на него: то был могильщик, и Джон Эдмондс, в бывалые годы, часто видел его с заступом в руках. что-то теперь он скажет воротившемуся Джону? Старик поднял глаза на лицо незнакомца, проговорил „добрый вечер“ и медленно побрел на кладбище. Он забыл Джона Эдмондса.

Спустившись с холма, Джон Эдмондс пошел в деревню. Погода была теплая. Поселяне сидели у ворот своих домов, когда он проходил, или бродили в своих маленьких садах, наслаждаясь ясностью вечерней погоды и отдыхая от трудов. Многие взоры обращались на него, и не раз он сам бросал на обе стороны пытливые взгляды, боясь и желая удостовериться, мот ли кто-нибудь угадать его в этом месте. Почти в каждом доме попадались ему незнакомые лица; в некоторых, однако ж, угадывал он своих старых товарищей по школе, бывших мальчиками, когда он видел их последний раз; но теперь они были окружены толпою веселых детей, народившихся после его ссылки. В чертах одного старика, тщедушного и слабого, сидевшего с костылем в руках на скамейке у ворот, Джон Эдмондс угадал бывшего земледельца, здорового и сильного, каким он знал его за четырнадцать лет. Но все, решительно все, забыли воротившегося Джона, и никто не приветствовал его ни поклоном, ни ласковым словом.

Уже последние лучи заходящего солнца падали на землю, отбрасывая яркое зарево на желтые снопы сжатой пшеницы и растягивая на огромное пространство тени огородных деревьев, когда Джон Эдмондс остановился, наконец, перед старым домом, где прошли его младенческие лета, и куда стремился он с неописанной тоской в продолжение бесконечных годов своего заточения и тяжелой работы. Да, это был точно он, родительский дом Джона Эдмондса. Вот палисадник – какой низенький!.. а было время, когда он казался ему высокою стеною, – вот и старый сад. Новые растения, цветы, деревья; но здесь же, на своих местах, и старые деревья: вот величавый и пышный дуб, тот самый, под которым тысячу раз отдыхал он после резвой игры с детьми... О, сколько воспоминаний, грустных и отрадных, теснятся в его грудь! Внутри дома раздаются голоса. Он становится на цыпочки; притаивает дух, прислушивается с напряженным вниманием – нет: ни одного знакомого звука! То были веселые голоса, а он знал хорошо, что бедная мать не могла веселиться в разлуке с несчастным сыном.

Он постучался; когда отворили дверь, из комнаты повысыпала целая толпа маленьких детей, веселых и буйно резвых. Отец, с младенцем на руках, появился на пороге; дети обступили его со всех сторон, захлопали своими крошечными руками и дружно начали тащить его назад, приглашая принять участие в их шумных забавах. С замиранием сердца Джон припомнил, как часто, бывало, в старину, на этом самом месте, он отскакивал от своего буйно-пьяного отца. И припомнил он, как часто случалось ему, скрытому в подушках маленькой постели, слышать грубые слова и за ними – плач, стоны, крик и рыдания бедной женщины... Подавленный мучительной тоской, Джон опрометью бросился из дома, заплакал, застонал, зарыдал, но кулаки его были сжаты, зубы стиснуты, и палящая тоска сверлила его грудь.

Таково было первое впечатление возвращения на родину после продолжительной ссылки. Этого ли ожидал несчастный, когда там, за океаном, представлял себе родительский дом, из-за которого вытерпел невыносимые муки в продолжение своего пути? Свидание, радушная встреча, прощение, радостные слезы, спокойный приют. – Увы! – все это мечты,

мечты, дикие мечты! Нет более материнской хижины, и он одинок в своей старой деревне. Что значило его прежнее одиночество среди дремучих лесов, никогда не выдавших человеческого лица?..

Он почувствовал и понял, что там, за океаном, в стране беславия и позора, родина рисовалась в его воображении с обстановкой его младенческих лет, но не такую, какую могла она быть после его возвращения домой. Печальная действительность сразила его сердце и погубила в нем остальной запас нравственного мужества и силы. Он не смел спрашивать и был далек от надежды, что может кто-нибудь принять его здесь с чувствами сострадания и радушного участия к его судьбе.

Медленным и нерешительным шагом пошел он вперед, склонив голову на грудь и не смея питать никаких определенных желаний. Одна, только одна мысль тускло мерцала в его мозгу – бежать от общества людей куда бы то ни было. Он вспомнил про зеленый луг на конце деревни, и туда направил свои шаги. Достигнув этого места, он бросился на траву и закрыл лицо обеими руками.

Он не заметил, что на холме подле него лежал какой-то человек: его платье зашелестило, когда он обернулся и взглянул на нового пришельца. Эдмондс поднял голову.

Человек уселся на том же холме, поджав ноги под себя. Его волосы были всклокочены, спина согнута, желтое лицо взрыто глубокими морщинами. Судя по платью, можно было догадаться, что он жил в богадельне. Он казался дряхлым стариком; но эта дряхлость могла быть скорее следствием разврата и болезней, чем естественным действием прожитых годов. Он принялся смотреть на незнакомца: его глаза, сначала впалые и безжизненные, засверкали диким блеском и приняли бурно тревожный вид, когда, по-видимому, он взгляделся в предмет своих наблюдений. Еще минута и, казалось, эти глаза готовы будут выпрыгнуть из своих орбит. Эдмондс мало-помалу приподнялся на свои колена, и пристально начал всматриваться в лицо старика. Они глядели друг на друга, молчали и были неподвижны.

Бледный, как смерть, и страшный, как выходец с того света, старик медленно привстал и зашатался. Эдмондс быстро вскочил с своего места. Старик отступил назад: Джон последовал за ним.

– Кто ты, старик? – сказал он глухим, прерывающимся голосом. – Дай услышать твой голос.

– Прочь! – закричал старик, сопровождая страшными проклятиями свое восклицание.

Джон ближе подошел к нему.

– Прочь! прочь!

И дряхлый старик, волнуемый неистовою злобой, поднял палку.

– Отец!..

Старик между тем испустил пронзительный крик и громкое эхо, переливаясь и перекатываясь помчалось по уединенному полю. Его лицо побагровело и посинело; кровь фонтаном хлынула из горла и носа; трава окрасилась темно-багряною краской; старик зашатался и грянулся на землю. У него лопнул кровяной сосуд, и прежде, чем сын успел приподнять его из грязной лужи, – он уже был мертв.

* * *

В одном из отдаленных углов нашего кладбища, – заключил священник после кратковременной паузы, – погребен человек, служивший три года в моем доме после этого события. Смирный и кроткий духом, он чистосердечно каялся во всех своих грехах и даже мог служить образцом терпения и строгой жизни, очищенной сердечным сокрушением. Кто был он, и откуда пришел в нашу деревню – никто не знал, кроме меня; но это был Джон Эдмондс, воротившийся из ссылки».

Глава VII

На грех мастера нет: метил в ворону, попал в корову. – Победоносная игра и некоторые другие чрезвычайно-интересные подробности назидательного свойства.

Утомительные приключения несчастного утра и счастливейшего вечера, равно как эффект пасторского рассказа, произвели самое могучее влияние на восприимчивые чувства президента Пикквикского клуба. Лишь только радушный хозяин, со свечою в руках, проводил своего гостя в комфортабельную спальню, м-р Пикквик минут через пять погрузился в сладкий и глубокий сон, от которого, впрочем, немедленно воспрянул при первых лучах палящего солнца. Иначе, конечно, и быть не может: между светилами двух миров, физического и нравственного, должна быть постоянная, прямая и непосредственная симпатия.

М-р Пикквик вскочил с постели, надел халат, открыл окно, испустил глубокий вздох и воскликнул таким образом:

– О природа, чистая, безыскусственная, очаровательная природа, – благословляю тебя! Какой безумец согласится навсегда запереть себя в душном пространстве, среди извести, кирпичей и глины, если только раз удалось ему почувствовать на себе влияние роскошной сцены, открывшейся теперь перед моими глазами? Какой сумасброд решится прозябать всю свою жизнь в таком месте, где нет ни овец, ни коров, ни всех этих щедрых даров Сильвана и Помоны, рассыпанных здесь на каждом шагу для мирных и тихих наслаждений истинных сынов обожаемой натуры? Какой, говорю я, какой?

И м-р Пикквик, от избытка душевных волнений, высунул свою голову из окна, чтоб удобнее любоваться на лазурное небо и цветущие поля. Запах свежего сена и сотни благоуханий от цветов маленького сада наполняли воздух перед окнами прекрасной дачи; зеленые луга сияли под утренней росой, блиставшей на каждом листке, и птицы стройным хором заголосили свой концерт, как будто в трепещущих каплях росы скрывался для них источник вдохновений. Сладостное и очаровательное мечтание осенило душу великого мужа.

– Джой!

Этот прозаический звук весьма неосторожно и некстати порвал нить размышлений, уже начинавших приходить в стройный, систематический порядок в голове глубокого мыслителя. М-р Пикквик взглянул направо: никого не было; взглянул налево: тоже никого; он возвел свой взор на небеса, но и там не оказалось ни одного подозрительного предмета. Затем великий муж отважился на действие, которое бы всего скорее пришло в голову обыкновенного человека: он взглянул в сад, и в саду увидел м-ра Уардля.

– С добрым утром, м-р Пикквик, – проговорил почтенный джентльмен, проникнутый, очевидно, чувствами поэтических наслаждений. – Чудесный день, не правда ли? Хорошо, что вы рано встаете. Выходите скорее к нам. Я буду вас ждать.

М-р Пикквик не заставил повторить обязательного приглашения. В десять минут туалет его был кончен, и через десять минут он был в саду подле веселого старичка.

– Вот вы как! – воскликнул м-р Пикквик, заметивший, с некоторым изумлением, что товарищ его держал ружье в руке, и что другое ружье лежало на траве подле него. – Что вы хотите с этим делать?

– Ваш друг и я собираемся перед завтраком немного пострелять, – отвечал добродушный хозяин. – Ведь он хорошо стреляет?

– Да, мой приятель говорит, что он отличный стрелок, – подтвердил м-р Пикквик, – мне, впрочем, еще не случалось видеть его искусства.

– И прекрасно: стало быть, вам предстоит удовольствие быть свидетелем нашей забавы. Что это он так долго нейдет? Джой, Джой!

Жирный детина, освеженный живительным влиянием утренней погоды, был, казалось, на этот раз усыплен не совсем, а только на три четверти с дробью. Немедленно он вышел на крыльцо.

– Ступай, Джой, позови этого джентльмена и скажи, что мы с м-ром Пикквиком станем ждать его у деревьев перед грачами. Ты покажешь дорогу.

Сонливый толстяк поворотил налево кругом, а м-р Уардль, как новый Робинзон Крузо, положил на плечо оба ружья и вышел из садовой калитки.

– Вот мы здесь и остановимся, – сказал пожилой джентльмен, когда он и м-р Пикквик подошли к деревьям, унизанным на своих верхушках гнездами грачей.

– Что ж мы станем делать? – спросил м-р Пикквик.

– А вот увидите.

Пожилой джентльмен принялся заряжать ружье.

– Сюда, господа, сюда! – воскликнул м-р Пикквик, завидев фигуры господ Снодграса, Винкеля и Топмана.

Пикквикисты только что вышли из садовой калитки и направляли свои шаги к жилищу грачей. Жирный детина, не зная наверное, какого именно джентльмена должен он позвать к своему хозяину, пригласил их всех до одного, рассчитывая весьма благоразумно, что в таком случае не будет никаких недоразумений.

– Поздненько вы встаете, м-р Винкель, – проговорил пожилой джентльмен. – Исправный охотник не станет дожидаться солнечного восхода.

М-р Винкель отвечал принужденной улыбкой и принял поданное ружье с такой при-скорбной физиономией, которая, в метафизическом смысле, могла бы скорее принадлежать невинному грачу, томимому предчувствием насильственной смерти.

Пожилой джентльмен свистнул и махнул рукой. По этому знаку двое оборванных мальчишек, выступивших на сцену под дирекцией нового Ламберта¹ в детской форме, начали карабкаться по сучьям двух ближайших деревьев.

– Зачем здесь эти ребята? – спросил м-р Пикквик взволнованным тоном.

Ему вдруг пришло в голову, что несчастные мальчишки, в надежде приобрести скудную плату за свой риск, промышляют тем, что делают из себя живые мишени для пуль неопытных стрелков. Его сердце облилось кровью.

– Им надобно вспугнуть игру, ничего больше, – отвечал, улыбаясь, м-р Уардль.

– Что?

– Вспугнуть игру, то есть, говоря на чистом английском наречии, расшевелить грачей.

– Только-то?

– Да. Вы успокоились?

– Совершенно.

– Очень хорошо. Могу я начать?

– Сделайте милость, – сказал м-р Винкель, обрадованный тем, что очередь до него дойдет не слишком скоро.

– В таком случае, посторонитесь. Ну, мальчуган!

Мальчишка свистнул, закричал и принялся раскачивать ветвь с грачиным гнездом. Встрепенулись юные птенцы, подняли встревоженный говор и, размахивая крыльями, с участием, расспрашивали друг друга, зачем зовет их беспокойный человек. Ружейный выстрел был для них громогласным ответом. Навзничь пал один птенец, и высоко взвились над ним уцелевшие птицы.

– Подыми, Джой, – сказал пожилой джентльмен.

¹ Daniel Lambert – известный чудака, жирный, высокий и толстый. Он жил в Лондоне и показывал себя за деньги, как редкое произведение природы. Его имя сделалось нарицательным.

Радостная улыбка засияла на щеках сонливого детины, когда он выступил вперед: смутные видения масляного пирога с начинкой из грача зашевелились в его воображении жирно и сладко. Он поднял птицу и засмеялся восторженным смехом: птица была толстая и жирная.

– Ну, м-р Винкель, – сказал хозяин, заряжая опять свое собственное ружье, – теперь ваша очередь: стреляйте.

М-р Винкель двинулся вперед и поднял ружье. М-р Пикквик и его друзья инстинктивно спешили посторониться на значительное расстояние, из опасения повредить свои шляпы убитыми грачами, которые, нет сомнения, дюжинами попадают на землю после опустошительного выстрела. Последовала торжественная пауза, и за нею – крик мальчишки – птичий говор – слабый стук.

– Эге! – воскликнул пожилой джентльмен.

– Что, друг? Ружье не годится? – спросил м-р Пикквик.

– Осечка! – проговорил м-р Винкель, бледный как снег.

– Странно, очень странно, – сказал пожилой джентльмен, – этого за ним прежде никогда не водилось. Да что это? Я вовсе не вижу пистона.

– Какая рассеянность! – воскликнул м-р Винкель. – Я ведь и забыл про пистон!

Ошибка мигом была исправлена, и м-р Винкель опять выступил вперед с видом отчаянно решительным и храбрым. М-р Топман приютился за кустом, и с трепетом смотрел на приготовительную церемонию стрельбы. Мальчишка опять поднял крик и вспугнул четырех птиц. М-р Винкель выстрелил. Стон из груди человека был жалобным и совершенно непредвиденным ответом: м-ру Топману суждено было спасти жизнь невинного грача принятием значительной части заряда в свое левое плечо.

Последовала суматоха, неизобразимая ни пером, ни языком, и мы отнюдь не беремся описывать как м-р Пикквик, проникнутый справедливым негодованием, назвал м-ра Винкеля – злодеем; как м-р Топман, низверженный и плавающий в собственной крови, лежал и стонал, произнося в забытьи какое-то имя обожаемой красавицы и проклиная своего убийцу, стоявшего перед ним на коленях; как потом он открыл свой правый глаз и прищурил его опять, опрокидываясь навзничь. Все это представляло сцену поразительную и даже раздирательную в некотором смысле. Наконец, однако ж, к общему утешению, несчастный страдалец пришел в себя и обнаружил очевидные признаки жизни. Друзья поставили его на ноги, перевязали ему рану носовым платком и медленными шагами пошли домой, поддерживая его со всех сторон.

Шествие было умилительное и трогательное. Они приближались к садовой калитке, где уже давно стояли дамы, ожидавшие к завтраку своих городских гостей. Девствующая тетюшка сияла самую радужную улыбкой и делала веселые знаки. Ясно, что она ничего не знала о случившейся беде. Невинное создание! Бывают времена, когда душевное неведение служит для нас залогом самого прочного блаженства.

Они подошли ближе.

– Что это у них сделалось с маленьким старичком? – сказала Изабелла Уардль.

Девствующая тетюшка не обратила никакого внимания на этот вопрос, относившийся, по её мнению, к президенту Пикквикского клуба. Треси Топман был еще юношей в её глазах, и она смотрела на его лета в уменьшительное стекло.

– Ничего, mesdames, будьте спокойны, – сказал пожилой джентльмен, желавший, заранее предупредить суматоху в обществе женщин.

Дамы обступили м-ра Топмана.

– Не бойтесь, mesdames, – повторил хозяин.

– Что-ж такое случилось? – вскрикнули леди.

– Небольшое несчастье с м-ром Топманом – ничего больше.

Целомудренная тетюшка испустила пронзительный крик, закатилась истерическим смехом и повалилась без чувств в объятия своих племянниц.

– Окатить ее холодной водой, – сказал пожилой джентльмен.

– Нет, нет, – пробормотала целомудренная тетка, – мне теперь лучше, гораздо лучше.

Изабелла, Эмилия – доктора! Он ранен? умер? О, Боже мой. Ха, ха, ха!

Это был второй номер истерического хохота, сопровождаемый отчаянно диким визгом.

– Успокойтесь, – сказал м-р Топман, растроганный почти до слез этим умиленным выражением нежной симпатии, – успокойтесь, сударыня, сделайте милость.

– Его ли это голос? – воскликнула целомудренная тетка, дико вращая глазами.

Третий номер истерики принял опустошительно страшный характер.

– Не тревожьтесь, сударыня, умоляю вас именем неба, – проговорил м-р Топман нежным тоном. – Я немного ранен, и ничего больше.

– Так вы не умерли? – взвизгнула истерическая леди. – О, скажите, ради Бога, что вы не умерли!

– Что за глупости, Рахиль? – перебил м-р Уардль довольно грубым тоном, совершенно противоречившим поэтическому характеру всей этой сцены. – За каким чертом он должен сказать, что не умер?

– О нет, нет, я не умер! – воскликнул м-р Топман. – Мне нужна только ваша помощь, сударыня. Позвольте облокотиться на вашу ручку, – прибавил он шепотом, – о, мисс Рахиль!

Девственная тетка сделала два шага вперед и подала ему руку. Они благополучно пришли в столовую. М-р Треси Топман, уловив удобную минуту, прижал её пальчики к своим губам и опустился на софу.

– Вы слабы? – сказала сострадательная Рахиль.

– Нет это ничего. Скоро я совсем оправлюсь. Благодарю вас.

И, проговорив последнюю фразу, м-р Топман закрыл глаза.

– Он спит, – пробормотала девственная тетка. – Его органы зрения были сомкнуты только в продолжение двадцати секунд. – Милый, милый Треси!

М-р Топман встрепенулся и вскочил.

– О, произнесите еще раз эти отрадные слова! – воскликнул он с трогательным умилением и самым убедительным тоном.

Целомудренная дева испугалась.

– Вы, конечно, их не слышали? – проговорила она с девственной застенчивостью.

– О, да, я слышал их! – возразил м-р Топман. – Повторите ли вы их из сострадания к несчастливцу, который...

– Молчите! – прервала целомудренная леди. – Мой брат.

М-р Треси Топман принял свою прежнюю позу, и через минуту в комнату вошел м-р Уардль, сопровождаемый хирургом.

Плечо было освидетельствовано, рана перевязана, и доктор, к общему благополучию, объявил, что опасности не было ни малейшей. Мало-помалу веселость водворилась снова, и завтрак начался своим чередом. Джентльмены и леди, по-видимому, совсем забыли неприятное приключение, грозившее оставить по себе такие печальные последствия. Один м-р Пикквик молчал и, казалось, был погружен в глубочайшую задумчивость. Его доверие к м-ру Винкелю поколебалось, расшаталось, и едва совсем не исчезло.

– Играете ли вы в криккет? – спросил м-р Уардль, обращаясь к несчастному стрелку.

В другое время и при других обстоятельствах м-р Винкель не задумался бы дать утвердительный ответ; но теперь он понимал и чувствовал деликатность своего положения, и скромно отвечал:

– Нет.

– А вы, сэр? – спросил м-р Снодграс.

– Игрывал встарину, – отвечал хозяин, – но теперь отвык. Я член здешнего клуба крикетистов, но сам уже давно не играю².

– Сегодня, я полагаю, будет большое собрание, – сказал м-р Пикквик.

– Да, говорят, игра завязывается на славу, – отвечал хозяин. – Хотите посмотреть?

– Я люблю видеть игры всякого рода, – отвечал м-р Пикквик, – если только в них, от неопытности какого-нибудь хвастуна, не подвергается опасности человеческая жизнь.

М-р Пикквик приостановился и строго взглянул на м-ра Винкеля, который обомлел под испытующим взглядом президента. Через несколько секунд великий муж отвел от него свои глаза и прибавил.

– Можем ли мы поручить нашего раненого друга заботливости ваших ледей?

– Совершенно можете, – пробормотал скороговоркой м-р Топман.

– Разумеется, – подтвердил м-р Снодграс.

Поразмыслили и решили, что м-р Топман останется дома под благодатным надзором женского комитета, а все остальные джентльмены, под предводительством м-ра Уардля, отправятся в город Моггльтон, куда поголовно выступит весь Дингли-Делль, чтоб принять участие в национальной игре, занимавшей теперь умы всех горожан и поселян.

Они пошли веселою и стройною толпой, и через несколько часов м-р Пикквик, почти сам не зная как, очутился в главной улице Моггльтона.

Всем, а может быть не всем, известно, статья может даже, что и никому неизвестно, что Моггльтон – весьма древний и почтенный город, имеющий все признаки настоящего корпоративного города: в нем есть мэр, буржуа и фримэны, он владеет с незапамятных времен неоспоримым правом представлять из своей среды одного депутата в английский парламент, где, тоже с незапамятных времен, насчитывают в деловом архиве три тысячи триста тридцать три документа относительно города Моггльтона. Этот старинный город отличается своею приверженностью к религии и консерватизмом в торговой политике. одних просьб относительно уничтожения торговли в праздничные дни поступило от него в парламент пятьсот тридцать семь, и вслед затем таковое же число прошений последовало относительно поощрения торговли неграми и введения колониальной системы в Англии; шестьдесят восемь в пользу удержания и распространения привилегий церкви. Триста семьдесят проектов относительно дистиллирования можжевелевой желудочной водки тоже в свое время были представлены бла-

² Многосложная и довольно запутанная игра в крикет требует для русских читателей некоторых пояснений. Она разыгрывается двумя партиями, из которых каждая состоит из одиннадцати человек. Прежде всего вколачиваются в землю два, так называемые уиккета (wickets), или городка, на расстоянии двадцати шагов друг от друга. Каждый уиккет состоит из трех вертикально поставленных палок, на которые кладется еще палка меньшей величины. Партии бросают жребий, и тогда с одной стороны выходят с палками два игрока, и становятся подле уиккетов. Каждый из них обязан оборонять свой городок. С этой целью тот и другой отмеривают от уиккета длину своей палки, и на том расстоянии выкапывают маленькое углубление, куда вколачивают толстый конец дубины. С другой стороны выходят два, так называемые, баулера (bowlers), которые должны стараться попасть своим шаром в эти городки. Другие игроки из второй же партии, приставленные для наблюдения за ходом игры, обязаны считать и подавать баулерам шар, если он отлетит слишком далеко. Когда первый баулер бросит шар в противоположный уиккет, то могут произойти три характеристических обстоятельства: или баулер попадет в уиккет, или не попадет и, вместе с тем, удар его не будет отражен защитником уиккета, либо, наконец, брошенный шар далеко отпрянет от удара дубиной. В первом случае неловкий защитник городка совсем оставляет игру, и на его место становится игрок из той же партии; во-втором шар поднимается другим баулером и бросается в противоположный уиккет; в третьем – баулера, приставленные для наблюдений, бегут за шаром, поднимают его и бросают в один из городков. Между тем, в этом последнем случае, защитники городков перебегают несколько раз от одного уиккета к другому, стараясь в то же время не прозевать неприятельского нападения. Число сделанных ими переходов отмечается особенными маркерами, и на них-то собственно основывается победа той или другой стороны. Как скоро сбит один из городков, защитник его немедленно должен оставить игру, и это место занимает другим из той же партии крикетистов. Когда таким образом все члены одной партии принуждены будут, один за другим, оставить игру, очередь доходит до игроков противоположной стороны. Победа окончательно решается числом переходов, сделанных крикетистами обеих партий. Должно заметить, что cricket – национальная и самая любимая игра англичан. Во многих городах учреждены для неё особенные клубы, и случается весьма нередко, что здесь один город соперничает с другим, выбирая из своей среды лучших крикетистов и противопоставляя их соперникам другого местечка. Причем, как водится, устраиваются с обеих сторон пари на огромные суммы. *Прим. перев.*

госклонному вниманию лордов, вместе с покорнейшим прошением касательно выдачи столетней привилегии новоучредившемуся обществу воздержания от крепких напитков.

Проникнутый глубоким уважением к знаменитому городу, м-р Пикквик стоял на главной его улице и смотрел с видом ученой любознательности на окружающие предметы. Перед ним во всей красоте расстилалась торговая площадь, и в центре её – огромный трактир с блестящей вывеской весьма замысловатого вида: то был на мраморной колонне сизо-бирюзовый лев с высунутым языком и тремя низенькими ножками, поднятыми на воздух, между тем как четвертая лапа неистово опиралась на колонну. Тут были также пожарный двор и страховая от огня контора, хлебные амбары, водочный завод, булочная, полпивная и башмачная лавка, принимавшая также на себя обязанность доставлять честным гражданам потребное количество шляп, фуражек, колпаков, зонтиков, чепчиков и учебных книг по всем отраслям наук. Был тут красный кирпичный домик с небольшим вымощенным двором, принадлежавший, как всем было известно, городскому адвокату, и был тут, сверх того, другой красный кирпичный домик с венецианскими ставнями и огромной вывеской над воротами, где явственно обозначалось золотыми буквами жилище городского врача. Две-три дюжины мальчишек бежали через площадь на поле криккетистов, и два-три лавочника стояли у своих дверей, увлекаемые очевидным желанием быть свидетелями национальной игры. Все это заметил м-р Пикквик отчетливо и ясно, и уже в душе его заранее обрисовался план красноречивейшей страницы путевых впечатлений. рассчитывая написать ее при первом удобном случае, он поспешил присоединиться к своим друзьям, которые уже поворотили из главной улицы и созерцали на краю города широкое поле битвы.

Уиккеты были уже совсем готовы, и не в дальнем расстоянии от них красовались две палатки обширного размера, снабженные всеми принадлежностями для отдыха и прохлады состояющихся криккетистов. Но игра еще не начиналась. Два или три героя из Дингли-Делль и столько же городских богатырей забавлялись на чистом воздухе, с величественным видом перекидывая с руки на руку массивные шары. Другие криккетисты в соломенных шляпах, фланелевых куртках и белых штанах, бродили около палаток, куда и м-р Уардль повел своих гостей.

Полдюжины приветствий, громких и радушных, встретили прибытие пожилого джентльмена. Все фланелевые куртки выступили вперед, когда он начал рекомендовать своих гостей, джентльменов из Лондона, желавших с нетерпением видеть собственными глазами национальное игрище, которое, нет сомнения, доставит им одно из величайших наслаждений.

– Вам, я полагаю, будет гораздо удобнее в палатке, – сказал один весьма статный джентльмен, с туловищем, несколько похожим на резиновый шар, набитый гусиным пухом.

– В палатке, сэръ, вы найдете все, что провинция может придумать для столичных гостей, – подтвердил другой джентльмен весьма величавой и мужественной наружности.

– Вы очень добры, сэръ, – сказал м-р Пикквик.

– Сюда пожалуйте, – добавил джентльмен с шарообразным туловищем. – Отсюда вы можете увидеть все эволюции наших молодцов.

Президент и м-р Уардль вошли в палатку.

– Бесподобная игра... эффект сильнейший... упражнение для физики... мастерство!

Эти и некоторые другие слова стенографического свойства поразили прежде всего благородный слух м-ра Пикквика при входе его в гостеприимную палатку. Первый предмет, представившийся его глазам, был – зелено-фрачный приятель рочестерского дилижанса, расточавший свое красноречие перед избранным кружком, в клубе криккетистов. Его костюм был приведен в немного более исправное состояние, и, вместо башмаков, на нем были сапоги; но это был точно он, испанский путешественник, обожаемый друг донны Христины.

Незнакомец мигом угадал своих друзей. Выступив вперед, он схватил за руку м-ра Пикквика и с обычной торопливостью начал усаживать его на стул, продолжая говорить без умолку

во все это время, как будто все городские распоряжения состояли под его особенным покровительством и непосредственным надзором.

– Сюда... сюда... отменная потеха... бочки пива... коньяк первейшего сорта... бифтекс... ростбиф... копченые языки... телега с чесноком... горчица дребезжит... превосходный день... пулярки... рад вас видеть... будьте как дома... без церемоний... отличная штука!

М-р Пикквик уселся на указанное место; Винкель и Снодграс также безмолвно повиновались распоряжениям своего таинственного друга. М-р Уардль смотрел, удивлялся и – ничего не понимал.

– Позвольте, м-р Уардль, представить вам моего друга, – сказал м-р Пикквик.

– Вашего друга! Здравствуйте, сэр. Очень приятно познакомиться с другом моего друга.

Незнакомец быстро сделал антраша и начал пожимать руку м-ра Уардля с такою пламенною горячностью, как будто они были закадычными друзьями лет двадцать сряду. Отступив потом шага два назад и окинув собрание орлиным взглядом, он еще раз схватил руку м-ра Уардля и, по-видимому, обнаружил даже очевидное намерение вlepить поцелуй в его розовую щеку.

– Как вы здесь очутились, любезный друг? – спросил м-р Пикквик с благосклонной улыбкой.

– Так себе, – отвечал стенографический друг, – прикатил... городская гостиница... пропасть молодежи... фланелевые куртки, белые штаны... горячие почки с перцом... сэндвичи с анчоусами... отменные ребята... весельчаки... Превосходно!

М-р Пикквик, уже имевший довольно обширные сведения в стенографической системе незнакомца, быстро понял и сообразил из его лаконических речей, что он, неизвестно какими судьбами, вошел в сношения с членами Криккетского клуба, стал с ними на короткую ногу и получил от них приглашение на общий праздник. Таким образом любопытство ученого мужа было вполне удовлетворено; он надел очки и приготовился смотреть на криккет.

Игра была начата героями Моггльтона. Интерес сделался общим, когда м-р Домкинс и м-р Поддер, знаменитейшие члены славного клуба, отправились, с дубинами в руках, к своим уиккетам. М-р Лоффи слава и краса криккетистов Динглидэль, должен был бросать могучею рукой свой шар против богатыря Домкинса, а м-р Строггльс был выбран для исправления такой же приятной обязанности в отношении к непобедимому Поддеру. Другие игроки были поставлены в различных частях поля для наблюдений за общим ходом, и каждый из них, как и следовало ожидать, поспешил стать в наклонную позицию, опершись рукою, на колено, как будто собираясь подставить свою спину для первого прыжка мальчишки, который должен открыть игру в чехарду. Дознано долговременными опытами, что искусные игроки иначе и не могут делать наблюдений. Этот способ созерцания м-р Пикквик, в своих ученых записках, весьма справедливо называет «наблюдением *a posteriori*».

Позади уиккетов остановились посредствующие судьи; маркеры приготовились считать и отмечать переходы. Наступила торжественная тишина. М-р Лоффи отступил на несколько шагов за уиккет Поддера и приставил шар на несколько секунд к своему правому глазу. Доверчиво и гордо м-р Домкинс приготовился встретить враждебный шар, и глаза его быстро следили за всеми движениями Лоффи.

– Игра идет! – раздался громовый голос баулера.

И шар, пущенный могучею рукою м-ра Лоффи, быстро полетел к центру противоположного уиккета. Изворотливый Домкинс был настороже; шар, встреченный его дубиной, перескочил через головы наблюдающих игроков, успевших между тем нагнуться до самых колен.

– Раз – два – три. Лови – бросай – отражай – беги – стой – раз – нет – да – бросай – два – стой!

Весь этот гвалт поднялся за ловким ударом, и в заключение первого акта, городские криккетисты отметили два перебега. Поддер тоже с своей стороны стяжал лавры в честь и славу

Моггльтона. Он искусно каждый раз отражал от своего уиккета шары, и они разлетались по широкому полю. Наблюдающие игроки, перебежавшие с одного конца на другой, истощились до последних сил; баулеры сменялись беспрестанно и бросали шары, не щадя своих рук и плеч; но Домкинс и Поддер остались непобедимыми. Около часа их дубины были в постоянной работе, уиккеты спаслись от нападений, и публика сопровождала громкими рукоплесканиями необыкновенную ловкость своих героев. Когда, наконец, Домкинс был пойман, и Поддер выбит из своего места, городские криккетисты уже считали пятьдесят четыре перебега, между тем как герои Динглиделль остались ни при чем. Перевес на стороне горожан был слишком велик, и не было никаких средств поверстаться с ними. Напрасно пылкий Лоффи и нетерпеливый Строггльс употребляли все возможные усилия, чтоб восстановить некоторое равновесие в этом споре: все было бесполезно, и пальма первенства неоспоримо и решительно осталась за городом Моггльтоном.

Незнакомец между тем кушал, пил и говорил беспрестанно. При каждом ловком ударе он выражал свое одобрение и удовольствие снисходительным и покровительственным тоном; при каждом промахе делал гримасы и грозные жесты, сопровождаемые восклицаниями: «ах, глупо... осел... ротозей... фи... срам!» Такие решительные отзывы не преминули утвердить за ним славу совершеннейшего знатока и безошибочного судьи всех эволюций благородной игры в криккет.

– Игра на славу... экзерсиии первейшего сорта... были удары мастерские, – говорил незнакомец, когда обе партии сгруппировались в палатке, после окончания игры.

– А вы, сэр, играли когда-нибудь? – спросил Уардль, которого начинали забавлять энергичные выходки загадочного джентльмена.

– Играл ли? Фи!.. двести тысяч раз... не здесь только... в Вест-Индии.

– Как? Вы были и в Вест-Индии?

– Был... по всем краям... во всех частях света... В Австралии три года.

– Но в Вест-Индии должно быть очень жарко, – заметил м-р Пикквик, – тамошний климат неудобен для криккетистов.

– Все палит – печет – жжет – томит – нестерпимо! Раз большое пари... один уиккет... приятель мой, полковник... сэр Томас Блазо... бросать шары... я отбивать... Началось рано утром. Шести туземцам поручено делать переходы... утомились... повалились без чувств... все до одного... Блазо все кидал... держали его два туземца... устал, выбился из сил... я отражал... ни одного промаха... Блазо упал. Его сменил Кванко Самба... солнце запекло... шар в пузырях... пятьсот семьдесят перебегов... Устал и я... немного... Кванко не уступал... победить или умереть... наконец я промахнулся... покончили... искупался, освежился... ничего... пошел обедать.

– Что-ж случилось с этим джентльменом... как бишь его? – спросил Уардль.

– Блазо?

– Нет, с другим.

– Кванко Самба?

– Да.

– Погиб на повал... никогда не мог оправиться... Бедный Кванко... умер... Печальный элемент.

Здесь незнакомец приставил к своим устам пивную кружку, вероятно для того, чтоб скрыть от взоров публики взволнованные чувства, вызванные свежим воспоминанием трагического события: затем он приостановился, перевел дух и с беспокойством начал озираться вокруг, когда главнейшие криккетисты из Дингли-Делль подошли к м-ру Пикквику и сказали:

– Мы намерены, сэр, покончить нынешний день скромным обедом в трактире «Голубого Льва», смеем надеяться, что вы и ваши друзья не откажетесь почтить своим присутствием...

– Само собою разумеется, – прервал м-р Уардль, – к числу наших друзей принадлежит также м-р...

И он с вопросительным видом взглянул на незнакомца, который не замедлил дать полный и удовлетворительный ответ:

– Джингль, сэр, Алфред Джингль, эсквайр – беспоместный и бездомный эсквайр, сэр.

– С удовольствием, – сказал м-р Пикквик; – мне будет очень приятно.

– И мне, – сказал м-р Алфред Джингль, подавая одну руку м-ру Пикквику, другую – м-ру Уардлю, и говоря потом втихомолку на ухо первого джентльмена: – обед превосходный... заглядывал сегодня в кухню... куры, дичь, пироги – деликатес! Молодые люди хорошего тона... народ веселый, разбитной – отлично!

Так как предварительные распоряжения были приведены заранее к вожделенному концу, то вся компания, разделенная на маленькие группы, поворотила из палаток на главную улицу Моггльтона, и через четверть часа господа криккетисты с своими гостями уже заседали в большой зале «Голубого Льва» под председательством м-ра Домкинса, и товарища его, вице-президента Лоффи.

Дружно поднялся за огромным столом говор веселых гостей, дружно застучали ножи, вилки и тарелки, хлопотливо забегали взад и вперед расторопные официанты, и быстро стали исчезать, одно за другим, лакомые блюда. М-р Джингль кушал, пил, говорил, веселился и шумел один за четверых. Когда все и каждый насытились вдоволь, скатерть была снята и на столе явились в симметрическом порядке бутылки, рюмки и бокалы. Официанты удалились в буфет и кухню рассуждать, вместе с поваром об остатках торжественного обеда.

Наступили минуты сердечных излияний и общего восторга. Среди одушевленного говора безмолвствовал только один маленький джентльмен с длинным носом и сверкающими глазами. Скрестив руки на груди, он путешествовал по зале медленными и ровными шагами, оглядываясь по временам вокруг себя и откашливаясь с какою-то необыкновенною энергией выразительного свойства. Наконец, когда беседа приняла на минуту более ровный и спокойный характер, маленький джентльмен провозгласил громко и торжественно:

– Господин вице-президент!

Среди наступившей тишины взоры всех и каждого обратились на вице-президента. М-р Лоффи выступил вперед и произнес торжественный ответ:

– Сэр!

– Я желаю сказать вам несколько слов, сэр: пусть почтенные джентльмены благоволят наполнить свои бокалы.

М-р Джингль сделал выразительный жест и произнес энергическим тоном:

– Слушайте, слушайте!

Когда бокалы наполнились искрометной влагой, вице-президент, принимая глубокомысленный вид, сказал:

– М-р Степль.

– Сэр, – начал миниатюрный джентльмен, выступив на середину залы, – я желал бы обратиться свою речь собственно к вам, а не к нашему достойному президенту, потому что, так сказать, наш достойный президент находится в некоторой степени... можно даже сказать, в весьма значительной степени... между тем как предмет, о котором хочу я говорить, или лучше... правильнее то есть... или... или...

– Рассуждать, – подсказал м-р Джингль.

– Так точно рассуждать, – продолжал миниатюрный джентльмен. – Благодарю за такое пояснение мысли моего почтенного друга, если он позволит мне называть его таким именем (Слушайте, слушайте! – М-р Джингль суетится больше всех). Итак, сэр, объявляю, что я имею честь быть криккетистом из Дингли, то есть из Дингли-Делль (громкие рукоплескания). Само собою разумеется, что я отнюдь не могу обнаруживать притязаний на высокую честь

принадлежать к почтенному сословию моголтонских граждан, и вы позволите мне заметить откровенно, сэръ, что я не ищю, не домогаюсь и даже нисколько не желаю этой чести (Слушайте, слушайте!). Уже давно продолжается похвальное соревнование на поле национального игрища между Моголтоном и Дингли-Деллем, – это известно всему свету, сэръ, и, конечно, никто не станет оспаривать, что европейский континент имеет высокое мнение о криккетистах... Могуч и славен город Моголтон, и всюду гремит молва о великих подвигах его граждан; но тем не менее я – дингли-деллер и горжусь этим наименованием вот по какой причине (Слушайте, слушайте!). Пусть город Моголтон гордится всеми своими отличиями, – на это, конечно, он имеет полное право: достоинства его многочисленны, даже, можно сказать, бесчисленны. Однакож, сэръ, если все мы твердо помним, что Моголтон произвел на свет знаменитых героев, Домкинса и Поддера, то, конечно, никто из нас не забудет и не может забыть, что Дингли-Делль, в свою очередь, может достойно превозноситься тем, что ему одолжены своим бытием не менее знаменитые мужи: Лоффи и Строггльс (Дружные и громкие рукоплескания). Унижаю ли я через это честь и славу моголтонских граждан? Нет, тысячу раз нет. Совсем напротив: я даже завидую при этом случае роскошному излиянию их национальных чувств. Все вы, милостивые государи, вероятно хорошо знаете достопамятный ответ, раздавшийся некогда из бочки, где имел местопребывание свое великий философ древней Греции, стяжавший достойно заслуженную славу в классическом мире: «если бы я не был Диогеном,» сказал он, «то я желал бы быть Александром». – Воображаю себе, что господа, здесь предстоящие, могут в свою очередь сказать: «не будь я Домкинс, я бы желал быть Лоффи», или: «не будь я Поддер, я желал бы быть Строггльсом» (Общий восторг). К вам обращаюсь, господа, почтенные граждане Моголтона: один ли криккет упрочивает за вами громкую известность? Разве вы никогда не слышали о Домкинсе и его высоких подвигах, имеющих непосредственное отношение к вашей национальной славе? Разве вы не привыкли с именем Поддера соединять понятие о необыкновенной решительности и твердости характера в защите собственности? Кому еще так недавно пришла в голову счастливая мысль относительно увеличения наших привилегий? Кто так красноречиво ратовал в пользу нашей церкви? Домкинс. Итак, милостивые государи, приглашаю вас приветствовать с общим одушевлением почтенные имена наших национальных героев: да здравствуют многая лета Домкинс и Поддер!

От громких рукоплесканий задрожали окна, когда миниатюрный джентльмен кончил свою речь. Весь остаток вечера прошел чрезвычайно весело и дружелюбно. Тосты следовали за тостами, и одна речь сменялась другою: красноречие господ криккетистов обнаружилось во всей своей силе и славе. М-р Лоффи и м-р Строггльс, м-р Пикквик и м-р Джингль были каждый в свою очередь предметом единодушных прославлений и каждый, в свое время, должен был в отборных выражениях благодарить почтенную компанию за предложенные тосты.

Как соревнователи национальной славы, мы весьма охотно согласились бы представить нашим читателям полный отчет обо всех подробностях знаменитого празднества, достойного занять одно из первых мест в летописях великобританских торжеств; но, к несчастью, материалы наши довольно скудны, и мы должны отказаться от удовольствия украсить свои страницы великолепными образчиками британского витийства. М-р Снодграс, с обычной добросовестностью, представил значительную массу примечаний, которые, нет сомнения, были бы чрезвычайно полезны для нашей цели, если бы, с одной стороны, пламенное красноречие, с другой – живительное действие вина не сделали почерк этого джентльмена до такой степени неразборчивым, что рукопись его в этом месте оказалась почти совершенно неудобною для ученого употребления. Мы едва могли разобрать в ней имена красноречивых ораторов и весьма немного слов из песни, пропетой м-ром Джинглем. Попадаются здесь выражения в роде следующих: «изломанные кости... пощечина... бутылка... подзатыльник... забубенный»; но из всего этого нам, при всем желании, никак не удалось составить живописной картины, достойной внимания наших благосклонных читателей.

Возвращаясь теперь к раненому м-ру Топману, мы считаем своей обязанностью прибавить только, что за несколько минут до полуночи в трактире «Голубого Льва» раздавалась умиленная мелодия прекрасной и страстной национальной песни, которая начинается таким образом:

Пропируем до утра,
Пропируем до утра,
Пропируем до утра,
Гей, гой! до утра!

Глава VIII

Объясняет и доказывает известное положение, что «путь истинной любви не то, что железная дорога».

Безмятежное пребывание на хуторе Дингли-Делль, чистый и ароматический воздух, оглашаемый непрерывно пением пернатых, присутствие прелестных представительниц прекрасного пола, их великодушная заботливость и беспокойство: все это могущественным образом содействовало к благотворному развитию нежнейших чувств, глубоко насажденных самою природою в сердце м-ра Треси Топмана, несчастного свидетеля птичьей охоты. На этот раз его нежным чувствам было, по-видимому, суждено обратиться исключительно на один обожаемый предмет. Молодые девушки были очень милы, и обращение их казалось привлекательным во многих отношениях; но девственная тетка превосходила во всем как своих племянниц, так и всякую другую женщину, какую только видел м-р Топман на своем веку. Было какое-то особенное великолепие в её черных глазах, особенное достоинство в её осанке, и даже походка целомудренной девы обличала такие сановитые свойства, каких отнюдь нельзя было заметить в молодых мисс Уардль. Притом не подлежало ни малейшему сомнению, что м-р Треси Топман и девственная тетка увлеклись друг к другу с первого взгляда непреодолимою симпатиею; в их натуре было что-то родственное, что, по-видимому, должно было скрепить неразрывными узами мистический союз их душ. её имя невольно вырвалось из груди м-ра Топмана, когда он лежал на траве, плавая в своей собственной крови, и страшный истерический хохот девствующей тетки был первым звуком, поразившим слух счастливого Треси, когда друзья подвели его к садовой калитке. Чем же и как объяснить это внезапное волнение в её груди? Было ли оно естественным изливанием женской чувствительности при виде человеческой крови, или, совсем напротив, источник его заключался в пылком и страстном чувстве, которое только он один из всех живущих существ мог пробудить в этой чудной деве? Вот вопросы и сомнения, терзавшие грудь счастливого страдальца, когда он был распростерт на мягкой софе перед пылающим камином. Надлежало разрешить их во что бы ни стало.

Был вечер. Изабелла и Эмилия вышли погулять в сопровождении м-ра Труделя; глухая старая леди полулежала в забытьи в своих спокойных креслах; жирный и толстый детина храпел у очага в отдаленной кухне; смазливые горничные вертелись у ворот, наслаждаясь приятностью вечерней погоды и любезностью сельских кавалеров, изливавших перед ними свои пылкие чувства. Треси Топман и Рахиль Уардль сидели друг подле друга, не обращая ни малейшего внимания на окружающие предметы. Они мечтали о взаимной симпатии душ, мечтали и молчали.

– Ах! я совсем забыла свои цветы! – вдруг сказала девствующая тетка.

– Пойдемте поливать их теперь, – промолвил м-р Топман убедительным тоном.

– Вы простудитесь на вечернем воздухе, – отвечала целомудренная дева тоном глубочайшего сострадания и симпатии.

– Нет, нет, – сказал м-р Топман, быстро вставая с места. – Позвольте мне идти вместе с вами: это будет полезно для моего здоровья.

Сострадательная леди поправила перевязку на левом плече своего прекрасного собеседника и, взяв его за правую руку, отправилась в сад.

В отдаленном и уединенном конце сада красовалась поэтическая беседка из акаций, жасминов, душистой жимолости и роскошного плюща. В этот приют спокойствия и тишины направил свои шаги счастливая чета. Девствующая тетушка взяла лейку, лежавшую в углу, и собралась идти. М-р Топман удержал ее подле себя.

– Мисс Уардль! – воскликнул он, испустив глубокий вздох.

Девствующая тетка затрепетала, зашаталась, и лейка едва не выпала из её рук.

– Мисс Уардль! – повторил м-р Топман, – вы – ангел!

– М-р Топман! – воскликнула Рахиль, краснея, как пион.

– Да, вы ангел, мисс Уардль, вы... вы... вы – сущий ангел, – повторил энергичным тоном красноречивый пикквикист.

– Мужчины всех женщин называют ангелами, – пробормотала застенчивая леди.

– Что же вы после этого? С чем могу я вас сравнить, несравненная мисс Уардль, – говорил восторженный Топман. – Где и как найти существо, подобное вам? В каком углу мира может еще скрываться такое счастливое соединение физических и моральных совершенств? Где ах! где...

М-р Топман приостановился, вздохнул и с жаром начал пожимать руку красавицы, державшую ручку лейки. Она потупила глаза, опустила голову и прошептала едва слышным голосом.

– Мужчины как мухи к нам льнут.

– О, как бы я желал быть мухой, чтоб вечно жужжать вокруг вашего прелестного чела! – воскликнул вдохновенно м-р Топман.

– Мужчины все... такие обманщики... – продолжала застенчивая леди.

– Обманщики – да; но не все, мисс Уардль. Есть по крайней мере одно существо, постоянное и неизменное в своих чувствах, существо, готовое посвятить всю свою жизнь вашему счастью, существо, которое живет только вашими глазами, дышит вашей улыбкой, которое для вас, только для одной вас переносит тяжелое бремя своей жизни.

– Гдеж скрывается оно, м-р Топман, это идеальное существо?

– Здесь, перед вами, мисс Уардль!

И прежде, чем целомудренная дева угадала его настоящую мысль, м-р Топман стоял на коленях у её ног.

– М-р Топман, встаньте! – сказала Рахиль.

– Никогда, никогда! – был рыцарский ответ. – О, Рахиль!

Он схватил её трепещущую руку и прижал к своим пламенным устам. Зеленая лейка упала на пол.

– О, Рахиль, обожаемая Рахиль! Могу ли я надеяться на вашу любовь?

– М-р Топман, – проговорила девствующая тетка, – я так взволнована... так измучена; но... но... я к вам равнодушна.

Лишь только вожаденное признание вырвалось из уст целомудренной леди, м-р Топман приступил к решительному обнаружению своих чувств, и начал делать то, что обыкновенно в подобных случаях делается пылкими юношами, объятые пожирающей страстью: он быстро вскочил на ноги и, забросив свою руку на плечо девствующей тетки, напечатлел на её устах многочисленные поцелуи, которые все до одного, после некоторого сопротивления и борьбы, были приняты терпеливо и даже благосклонно. Неизвестно, как долго могли бы продолжаться эти пылкие обнаружения нежной страсти, если б красавица, испуганная каким то внезапным явлением, вдруг невырвалась из объятий пламенного юноши.

– За нами подсматривают, м-р Топман! – воскликнула целомудренная дева. – Нас открыли!

М-р Топман с беспокойством оглянулся вокруг себя, и взор его немедленно упал на один из самых прозаических предметов вседневной жизни. Жирный детина, неподвижный, как столб, бессмысленный, как осел, уставил свои большие глаза в самый центр беседки; но и самый опытный физиономист, изучивший до последних мелочей все возможные очертания человеческой фигуры, не открыл бы на его лице ни малейших следов изумления, любопытства или какого-нибудь другого чувства, волнующего человеческую грудь. М-р Топман смотрел на жирного детину; жирный детина смотрел на м-ра Топмана с тупым, бессмысленным выражением. Чем долее м-р Топман наблюдал бессмысленно пошлую фигуру детины, тем более

убеждался, что он или ничего не знал, не видал, или ничего не понимал. Под влиянием этого впечатления он сказал довольно твердым, решительным и несколько суровым тоном:

– Чего вам здесь надобно?

– Пожалуйте ужинать, сэр: стол накрыт.

– Давно ли вы пришли сюда? – спросил м-р Топман, окинув еще раз пытливым взором жирного детину.

– Только сейчас, сэр.

М-р Топман еще пристальнее впился глазами в пошлую фигуру; но не заметил в ней ни малейшего проявления какого-нибудь чувства. Успокоенный счастливым результатом своих исследований, м-р Топман подал руку девствующей тетке и вышел из беседы.

Они пошли домой. Детина следовал за ними.

– Он ничего не знает, – шепнул м-р Топман.

– Ничего, – подтвердила, девственная тетка.

Позади их послышался странный звук, произведенный как будто неловким усилием подавить невольный смех. М-р Топман оглянулся. Нет, быть не может: на лице жирного детины не было ни малейшей гримасы.

– Скоро он заснет, я полагаю, – шепнул м-р Топман.

– В этом нет никакого сомнения, – сказала целомудренная тетка.

Они оба засмеялись от чистого сердца.

М-р Топман жестоко ошибся. Жирный детина на этот раз бодрствовал и телом, и душой. Он все видел и слышал.

За ужином ни с чьей стороны не обнаружилось попыток завязать общий разговор. Старая леди пошла спать; Изабелла Уардль посвятила себя исключительному вниманию м-ра Трунделя; девствующая тетушка была вся сосредоточена на своем любезном Треси; мысли Эмилии Уардль были, казалось, обращены на какой-то отдаленный предмет, вероятно, на отсутствующего Снодграса.

Одиннадцать, двенадцать, час за полночь: джентльменов нет как нет. беспокойство изобразилось на всех лицах. Неужели их остановили и ограбили среди дороги? Не послать ли людей с фонарями в те места, где им следует возвращаться домой? Или, пожалуй, чего доброго... Чу! вот они. Отчего они так запоздали? Чу – какой-то странный голос! Чей бы это?

Все маленькое общество высыпало в кухню, куда воротились запоздалые гуляки. Один взгляд на них объяснил весьма удовлетворительно настоящее положение вещей.

М-р Пикквик, засунув в карманы обе руки и нахлобучив шляпу на свой левый глаз, стоял облокотившись спиной о буфет, потряхивая головой на все четыре стороны, и по лицу его быстро скользили одна за другою самые благосклонные улыбки, не направленные ни на какой определенный предмет и не вызванные никаким определенным обстоятельством или причиной. Старик Уардль, красный как жареный гусь, неистово пожимал руку незнакомого джентльмена и еще неистовее клялся ему в вечной дружбе. М-р Винкель, прислонившись спиной к стене, произносил весьма слабые заклинания на голову того, кто бы осмелился напомнить ему о позднем часе ночи. М-р Снодграс погрузился в кресла, и физиономия его, в каждой черте, выражала самые отчаянные бедствия, какие только может придумать пылкая фантазия несчастного поэта.

– Что с вами, господа? – спросили в один голос изумленные леди.

– Ни-чег-гго, – отвечал м-р Пикквик. – Мы все... благо... получны. Я говорю, Уардль, мы все благополучны: так, что ли?

– Разумеется, – отвечал веселый хозяин. – Милые мои, вот вам друг мой, м-р Джингль, друг м-ра Пикквика. Прошу его любить и жаловать: он будет у нас гостить.

– Не случилось ли чего с м-ром Снодграсом? – спросила Эмилия беспокойным тоном.

– Ничего, сударыня, ничего, – отвечал незнакомый джентльмен. – Обед и вечер после крикета... веселая молодежь... превосходные песни... старый портер... кларет... чудесное вино, сударыня... вино.

– Врешь ты, шарамыжник, – возразил прерывающимся голосом м-р Снодграс. – Какое там вино? Никакого, черт вас побери. Селедка – вот в чем штука!

– Не пора ли им спать, тетушка? – спросила Эмилия. – Люди могут отнести их в спальню: по два человека на каждого джентльмена.

– Я не хочу спать, – проговорил м-р Винкель довольно решительным тоном.

– Ни одной живой души не припущу к себе, – возгласил м-р Пикквик, и при этом лучезарная улыбка снова озарила его красное лицо.

– Ура! – воскликнул м-р Винкель.

– Ур-р-ра! – подхватил м-р Пикквик, снимая свою шляпу и бросая на пол, при чем его очки также упали на середину кухни.

При этом подвиге он окинул собрание торжествующим взором и захохотал от чистейшего сердца.

– Давайте еще бутылку вина! – вскричал м-р Винкель, постепенно понижая свой голос от самой верхней до самой низшей ноты.

Его голова опрокинулась на грудь, и он продолжал бормотать бессвязные звуки, обнаруживая между прочим зверское раскаяние, что поутру не удалось ему отправить на тот свет старикашку Топмана. Наконец он заснул, и в этом положении два дюжих парня, под личным надзором жирного детины, отнесли его наверх. Через несколько минут м-р Снодграс вверил также свою собственную особу покровительству Джоя. М-р Пикквик благоволил принять протянутую руку м-ра Топмана и спокойно выплыл из кухни, улыбаясь под конец самым любезным и обязательным образом. Наконец и сам хозяин, после немого и трогательного прощания со своими дочерьми, возложил на м-ра Труделя высокую честь проводить себя наверх: он отправился из кухни, заливаясь горячими слезами, как будто спальня была для него местом заточения и ссылки.

– Какая поразительная сцена! – воскликнула девственная тетка.

– Ужасно, ужасно! – подтвердили молодые девицы.

– Ничего ужаснее не видывал, – сказал м-р Джингль серьезным тоном. – На его долю пришлось двумя бутылками больше против каждого из его товарищей. – Зрелище страшное, сударыня, да!

– Какой любезный молодой человек! – шепнула девственная тетка на ухо Топману.

– И очень недурен собой! – заметила втихомолку Эмилия Уардль.

– О, да, очень недурен, – подтвердила девственная тетка.

М-р Топман думал в эту минуту о рочестерской вдове, и сердце его переполнилось мрачною тоской. Разговор, продолжавшийся еще минут двадцать, не мог успокоить его взволнованных чувств. Новый гость был учтив, любезен, разговорчив, и занимательные анекдоты, один за другим, быстро струились из его красноречивых уст. М-р Топман сидел как на иголках и чувствовал, с замиранием сердца, что звезда его славы постепенно меркнет и готова совсем затеряться под влиянием палящих лучей нового светила. Мало-помалу веселость его исчезла, и его смех казался принужденным. Успокоив, наконец, свою больную голову под теплым одеялом, м-р Топман воображал, с некоторым утешением и отрадой, как бы ему приятно было притиснуть своей спиной этого проклятого Джингля между матрацем и периной.

Поутру на другой день хозяин и его гости, утомленные похождениями предшествовавшей ночи, долго оставались в своих спальнях; но рано встал неутомимый незнакомец и употребил весьма счастливые усилия возбудить веселость дам, пригласивших его принять участие в их утреннем кофе. Девствующая тетка и молодые девицы хохотали до упаду, и даже старая леди пожелала однажды выслушать через слуховой рожок один из его забавных анекдотов. её удо-

вольствие выразилось одобрительной улыбкой, и она благоволила даже назвать м-ра Джингля «безстыдным повесой», – мысль, с которой мгновенно согласились все прекрасные родственницы, присутствовавшие за столом.

Уже издавна старая леди имела в летнее время похвальную привычку выходить в ту самую беседку, в которой м-р Топман накануне озаменовал себя страстным объяснением своих чувств. Путешествие старой леди неизменно совершалось следующим порядком: во-первых, жирный детина отправлялся в её спальню, снимал с вешалки её черную атласную шляпу, теплую шаль, подбитую ватой, и брал толстый сучковатый посох с длинной рукояткой. Старая леди, надевая шляпу, закутывалась шалью и потом, опираясь одною рукою на свой посох, а другую на плечо жирного детины, шла медленным и ровным шагом в садовую беседку, где, оставаясь одна, наслаждалась около четверти часа благорастворенным воздухом летнего утра. Наконец, точно таким же порядком, она опиралась вновь на посох и плечо и шла обратно в дом свой.

Старуха любила аккуратность во всех своих делах и мыслях. Три года сряду церемония прогулки в сад исполнялась со всею точностью, без малейшего отступления от принятых форм. На этот раз, однако ж, к великому её изумлению, произошло в этой церемонии совсем неожиданное изменение: жирный детина вместо того, чтобы оставить беседку, отступил от неё на несколько шагов, осмотрелся направо и налево и потом опять подошел к старой леди с таинственным видом, принимая, по-видимому, необходимые предосторожности, чтоб его никто не заметил.

Старая леди была робка, подозрительна, пуглива, как почти все особы её лет. Первою её мыслью было: не хочет ли масляный болван нанести ей какое-нибудь физическое оскорбление с преступным умыслом овладеть её скрытым капиталом. Всего лучше было бы в таком случае позвать кого-нибудь на помощь; но старческие немощи уже давно лишили ее способности издавать пронзительные звуки. Проникнутая чувством невыразимого ужаса, старушка наблюдала молча движения рослого детины, и страх её увеличился еще больше, когда тот, прислонившись к её уху, закричал взволнованным и, как ей показалось, грозным тоном:

– Мистрисс!

Теперь должно обратить внимание на то, что в эту самую минуту м-р Джингль гулял в саду, весьма недалеко от беседки. Услышав громкое воззвание лакея, он остановился прислушаться, что будет дальше. Три существенные причины побудили его на этот поступок. во-первых, он был любопытен и празднен: во-вторых, деликатность чувства отнюдь не принадлежала к числу нравственных свойств м-ра Джингля, в третьих и в последних, он скрывался за куртиною цветов, и никто не видал его в саду. Поэтому м-р Джингль стоял, молчал и слушал.

– Мистрисс! – прокричал опять жирный детина.

– Чего вам надобно, Джой? – спросила трепещущая старушка. – Надеюсь, мой милый, я была снисходительна к вам и никогда не взыскивала строго за ваши проступки. Могло случиться что-нибудь невзначай; но этого, конечно, никто бы не избежал на моем месте. Жалованья получали вы много, дела у вас было мало, а есть позволялось вволю.

Старушка весьма искусно задела за чувствительную струну детины: он был растроган, и отвечал выразительным тоном:

– Много доволен вашей милостью, покорнейше благодарим.

– Ну, так чего ж вы хотите от меня, мой милый? – спросила ободренная старушка.

– Мне хочется поставить дыбом ваши волосы, сударыня.

Такое желание, очевидно, могло происходить из грязного источника, быть может, даже из жажды крови; и так как старая леди не совсем понимала процесс поднятия дыбом её волос, то прежний страх возвратился к ней с новою силой.

– Как вы полагаете, сударыня, что я видел вчера вечером в этой самой беседке? – спросил детина, выказывая свои зубы.

– Почему ж я знаю? Что такое?

– Я видел, сударыня, собственными глазами, на этом самом месте, где вы изволите сидеть, видел, как один из ваших гостей, раненый джентльмен, сударыня, целовал и обнимал...

– Кого, Джой, кого? Мою горничную?

– Нет, сударыня, похуже, – прервал жирный детина над самым ухом старой леди.

– Неужто мою внуку?

– Хуже, гораздо хуже!

– Что с вами, Джой? Вы с ума сошли! – проговорила старушка, считавшая последнюю догадку верхом семейного несчастья. – Кого же? Говорите: я непременно хочу знать.

Жирный детина бросил вокруг себя пытливый взгляд и, уверенный в своей полной безопасности, прокричал над ухом старой леди:

– Мисс Рахиль!

– Чтоо-о? – воскликнула старая леди пронзительным голосом. – Говорите громче.

– Мисс Рахиль, – проревел еще раз детина.

– Мою дочь!!!

Толстые щеки Джоя залоснились и раздулись, когда он, вместо ответа, утвердительно кивнул своей головой.

– И она не противилась! – воскликнула старая леди.

Джой выказал снова зубы и сказал:

– Я видел, как она сама целовала и обнимала раненого джентльмена.

Если б м-р Джингль из своей засады мог видеть выражение лица старой леди, пораженной неожиданною вестью, громкий смех, нет сомнения, обличил бы его присутствие подле таинственной беседки. Он притаил дыхание и старался не проронить ни одного звука. В беседке между тем раздавались отрывочные фразы в роде следующих: «Без моего позволения!» – «В её лета!» – «Боже мой, до чего я дожила!» – Все это слышал м-р Джингль и видел потом, как жирный детина, постукивая каблуками, вышел из беседки на свежий воздух.

Обстоятельство довольно странное, но тем не менее возведенное на степень очевидного факта: м-р Джингль через пять минут после своего прибытия на Менор-Фарм решился и дал себе честное слово – овладеть, во что бы ни стало, сердцем девственной тетки. С первого взгляда он заметил, что его бесцеремонное и смелое обращение совершенно приходилось по мыслям старой деве, и он рассчитал наугад, что лучшим её достоинством, без сомнения, должно быть независимое состояние, принадлежавшее ей по праву наследства. Предстояла теперь неотложная необходимость, так или иначе, затеснить, отстранить или сокрушить своего счастливого соперника: м-р Джингль решился приступить к этой цели смело и прямо. Фильдинг говорит остроумно и справедливо: «мужчина то же, что огонь, и сердце женщины – фитиль для него: князь тьмы зажигает их по своей воле». М-р Джингль, великий практический философ, знал очень хорошо, что молодой человек, как он, для такой особы, как девственная тетка, был опаснее всякого огня. Он решился попробовать свою силу.

Исполненный глубоких размышлений насчет этого предмета, он выступил журавлиным шагом из своей засады и пошел вперед по направлению к джентльменскому дому. Фортуна, казалось, сама распорядилась помогать его планам. М-р Топман и другие джентльмены стояли у садовой калитки, и вслед за ними появились молодые девушки, которым тоже вздумалось погулять после своего завтрака. Крепость осталась без прикрытия.

Дверь гостиной была немного притворена. М-р Джингль заглянул: девствующая тетка сидела за шитьем. Он кашлянул, она подняла глаза и улыбнулась. Нерешительность и колебание были совсем незнакомы м-ру Альфреду Джинглю. Он таинственно приставил палец к своим губам, вошел и запер за собою дверь.

– Мисс Уардль, – сказал м-р Джингль, приняв на себя озабоченный вид, – извините... короткое знакомство... церемониться некогда... все открыто!

– Сэр! – воскликнула девственная тетка, изумленная неожиданным появлением незнакомца.

– Тише... умоляю... важные дела... толстый слуга... пухлое лицо... круглые глаза... мерзавец.

Здесь он выразительно кивнул своею головою; девствующую тетку пронял невольный трепет.

– Вы намекаете, если не ошибаюсь, на Джозефа? – сказала Рахиль, стараясь сообщить спокойное выражение своему лицу.

– Да, сударыня... черт его побери... проклятый Джой... изменник... собака... все сказал старой леди... вспыхнула, пришла в отчаяние... дико... беседка... Топман... обнимает и целует... не противится... что вы на это скажете, сударыня?

– М-р Джингль, если вы пришли издеваться надо мной, обижать беззащитную девушку...

– Совсем нет... помилуй Бог!.. Слышал все... сообразил... пришел предостеречь, предложить услуги... сорвать маску. Думайте, что хотите... сделал свое дело... иду.

И он поспешно повернулся к дверям.

– Что мне делать? что мне делать? – завопила бедная дева, заливаясь горькими слезами. – Брат рассердится ужасно!

– Рассвирепеет... иначе нельзя... фамильная обида.

– Что-ж мне сказать ему, м-р Джингль? – всхлипывала девствующая тетка, терзаемая страшным припадком отчаяния. – Научите, присоветуйте!

– Скажите, что ему пригрезилось, и больше ничего, – холодно отвечал м-р Джингль.

Луч надежды озарил страждущую душу горемычной девы. Заметив это, м-р Джингль смелее начал развивать нить своих соображений.

– Все вздор, сударыня... очень натурально... заснул, пригрезилась красавица... кошмар... все поверят... понимаете?

Была ли девствующая тетка обрадована рассчитанной вероятностью ускользнуть от опасных следствий сделанного открытия или, быть может, приписанный ей титул красавицы значительно умягчил жестокость её печали, утвердительно сказать мы не можем ни того, ни другого. Как бы то ни было, её щеки покрылись ярким румянцем, и она бросила благодарный взгляд на м-ра Джингля.

Понимая в совершенстве свою роль, м-р Джингль испустил глубокий вздох, вперил на пару минут свои глаза в желтое лицо старой девы, принял мелодраматическую позу и внезапно устремил свой взор на небеса.

– Вы, кажется, страдаете, м-р Джингль, – сказала сострадательная леди жалобным тоном, – вы несчастны. Могу ли я, в благодарность за ваше великодушное участие, вникнуть в настоящую причину ваших страданий? Быть может, мне удастся облегчить ваше горе?

– Облегчить? Ха, ха, ха! И это говорите вы, мисс Уардль? вы говорите, тогда как любовь ваша принадлежит человеку, неспособному понимать свое счастье, человеку, который даже теперь рассчитывает на привязанность племянницы того самого создания... который... но нет!.. нет! он мой друг: я не буду выставлять на позор его безнравственные свойства. Мисс Уардль – прощайте!

В заключение этой речи, принявшей, быть может, первый раз на его языке последовательную логическую форму, м-р Джингль приставил к своим глазам коленкоровый лоскут суррогат носового платка и сделал решительный шаг к дверям.

– Остановитесь, м-р Джингль! – возопила девствующая тетка. – Ваш намек относится к м-ру Топману: объяснитесь.

– Никогда! – воскликнул м-р Джингль театральным тоном. – Никогда!

И в доказательство своей твердой решимости он придвинул стул к девствующей тетке и уселся рядом с нею.

– М-р Джингль, – сказала целомудренная дева, – я прошу вас, умоляю, заклинаю... откройте ужасную тайну, если она имеет какую-нибудь связь с моим другом.

– Могу ли я, – начал м-р Джингль, пристально вперив глаза в лицо девствующей тетки, – могу ли я видеть, как безжалостный эгоист приносит в жертву прелестное создание... Но нет, нет! Язык отказывается объяснить...

– Именем всего, что дорого для вашего растерзанного сердца, – вопила целомудренная дева, – умоляю, объясните.

М-р Джингль, казалось, несколько секунд боролся с собственными чувствами и потом, преодолев внутреннее волнение, произнес твердым и выразительным тоном:

– Топман любит только ваши деньги!

– Злодей! – воскликнула мисс Уардль, проникнутая насквозь страшным негодованием. Сомнения м-ра Джингля решены: у девствующей тетки были деньги.

– Этого мало, – продолжал кочующий актер, – Топман любит другую.

– Другую! – возопила тетка. – Кого же?

– Смазливую девушку с черными глазами, вашу племянницу – Эмилию.

Продолжительная пауза.

С этого мгновения в груди старой девы заклокотала самая непримиримая ненависть к мисс Эмилии Уардль. Багровая краска выступила на её лице и шее; она забросила свою голову назад с выражением самого отчаянного презрения и злобы. Закусив, наконец, свои толстые губы и вздернув нос, она прервала продолжительное молчание таким образом:

– Нет, этого быть не может. Я не верю вам, м-р Джингль.

– Наблюдайте за ними, – отвечал кочующий актер.

– Буду.

– Замечайте его взоры.

– Буду.

– Его шепот.

– Буду.

– Он сядет за стол подле неё.

– Пусть его.

– Будет любезничать с нею.

– Пусть.

– Станет расточать перед нею всю свою внимательность.

– Пусть.

– И он бросит вас с пренебрежением.

– Меня бросит! – взвизгнула девственная тетка, – меня!

И в припадке бешеной злобы, она заскрежетала зубами. Глаза её налились кровью.

– Убедит ли это вас?

– Да.

– Вы будете равнодушны?

– Да.

– И вы оставите его?

– Да.

– Он не будет иметь места в вашем сердце?

– Да.

– Любовь ваша будет принадлежать другому?

– Да.

– Честное слово?

– Честное слово.

М-р Джингль бросился на колени и пять минут простоял у ног целомудренной леди: ему обещали подарить неизменно вечную любовь, как скоро будет приведена в известность гнусная измена Топмана.

В этот же самый день, за обедом, блистательным образом подтвердились слова м-ра Альфреда Джингля. Девственная тетка едва верила своим глазам. М-р Треси Топман сидел подле Эмили Уардль напротив м-ра Снодграса, улыбаясь шептал, смеялся и выдумывал поэтические комплименты. Ни одним взглядом, ни одним словом не удостоил он владычицы своего сердца, которой так недавно клялся посвятить всю свою жизнь.

– Черт побери этого болвана! – думал про себя м-р Уардль, знавший от своей матери все подробности романтической истории. – Жирный толстяк, вероятно, спал или грезил на яву. Все вздор!

– Изверг! – думала про себя девственная тетка, – о, как я ненавижу его! Да, это ясно: милый Джингль не обманывал меня.

Следующий разговор объяснит нашим читателям непостижимую перемену в поведении м-ра Треси Топмана.

Время действия – вечер; сцена – сад. Двое мужчин гуляют по уединенной тропинке: один низенький и толстый, другой сухопарый и высокий. То были: м-р Треси Топман и м-р Альфред Джингль. Беседу открыл толстый джентльмен:

– Ну, друг, хорошо я вел себя?

– Блистательно... бесподобно... лучше не сыграть и мне... завтра опять повторить роль... каждый вечер... впредь до дальнейших распоряжений.

– И Рахиль непременно этого требует?

– Непременно.

– Довольна ли она моим поведением?

– Совершенно... что делать?... неприятно... терпение... постоянство... отвратить подозрения... боится брата... надо, говорит, молчать и ждать... всего два-три дня... старики угомонятся... будете блаженствовать оба.

– Есть от неё какие-нибудь поручения?

– Любовь... неизменная привязанность... нежное влечение. Сказать ли ей что-нибудь от твоего имени?

– Любезный Альфред, – отвечал невинный м-р Топман, с жаром пожимая руку своего друга, – отнеси к ней мою беспредельную любовь и скажи, что я горю нетерпеливым желанием прижать ее к своей пламенной груди. Объяви, что я готов, скрепя сердце, безусловно подчиняться всем распоряжениям, какие ты сегодня поутру передал мне от её имени. Скажи, что я удивляюсь её благоразумию и вполне уважаю её скромность.

– Очень хорошо. Еще что?

– Ничего больше. Прибавь только, что я мечтаю каждую минуту о том счастливом времени, когда судьба соединит нас неразрывными узами, и когда не будет больше надобности скрывать настоящие чувства под этой личиной притворства.

– Будет сказано. Еще что?

– Милый друг мой, – воскликнул м-р Топман, ухватившись за руку кочующего актера, – прими пламенную благодарность за твою бескорыстную дружбу и прости великодушно, если я когда словом или мыслью осмелился оскорбить тебя черным подозрением, будто ты оставил на перепутьи к моему счастью. Чем и как, великодушный друг, могу я когда-либо достойным образом отблагодарить тебя за твою бесценную услугу?

– О, не стоит об этом распространяться! – возразил м-р Джингль, – для истинного друга, пожалуй, я готов и в воду.

Но тут он остановился, и, казалось, будто нечаянная мысль озарила его голову.

– Кстати, любезный друг, – сказал он, – не можешь ли ты ссудить мне десять фунтов? Встретились особенные обстоятельства... отдам через три дня.

– Изволь, с величайшим удовольствием, – возразил обязательный м-р Топман, – только ведь на три дня, говоришь ты?

– На три, никак не больше.

М-р Топман отсчитал десять фунтов звонкою монетою, и м-р Джингль с благодарностью опустил их в свой карман. Потом они пошли домой.

– Смотри же, будь осторожен, – сказал м-р Джингль, – ни одного взгляда.

– И ни одной улыбки, – дополнил м-р Топман.

– Ни полслова.

– Буду нем, как болван.

– Обрати, как и прежде, всю твою внимательность на мисс Эмилию.

– Постараюсь, – громко сказал м-р Топман.

– Постараюсь и я, – промолвил про себя м-р Джингль.

И они вошли в дом.

Обеденная сцена повторилась и вечером с одинаковым успехом. Три дня сряду и три вечера м-р Треси Топман отлично выдерживал свой искусственный характер. На четвертый день хозяин был в самом счастливом и веселом расположении духа, потому что, после многих доказательств, пришел к положительному заключению, что клевета, взведенная против его гостя, не имела никаких оснований. Веселился и м-р Топман, получивший новое уверение от своего друга, что дела его скоро придвинутся к вожделенному концу. М-р Пикквик, спокойный в своей совести, всегда наслаждался истинным блаженством невинной души. Но грустен, невыразимо грустен был поэт Снодграс, начавший питать в своей душе жгучую ревность к м-ру Топману. Грустила и старая леди, проигравшая в вист три роббера сряду. М-р Джингль и девственная тетка не могли с своей стороны принять деятельного участия ни в радости, ни в печали своих почтенных друзей вследствие весьма основательных причин, о которых будет сообщено благосклонному читателю в особой главе.

Глава IX

Изумительное открытие и погоня.

Ужин был накрыт и стулья стояли вокруг стола. Бутылки, кружки, рюмки и стаканы в симметрическом порядке красовались на буфете, и все обличало приближение одного из самых веселых часов на хуторе Дингли-Делль.

– Где же Рахиль? – сказал Уардль.

– Куда девался Джингль? – прибавил м-р Пикквик.

– Странно, – сказал хозяин, – я уж, кажется, часа два не слышал их голоса. Эмилия, позвони в колокольчик.

Позвонила. Явился жирный детина.

– Где мисс Рахиль?

– Не знаю-с.

– Где м-р Джингль?

– Не могу знать.

Все переглянулись с изумлением. Было уже одиннадцать часов. М-р Топман смеялся исподтишка с видом совершеннейшей самоуверенности, что Альфред и Рахиль гуляют где-нибудь в саду и, без сомнения, говорят о нем. Ха, ха, ха!

– Ничего, однако ж, – сказал м-р Уардль после короткой паузы, – придут, если проголодаются; а мы станем делать свое дело: семеро одного не ждут.

– Превосходное правило, – заметил м-р Пикквик.

– Прошу покорно садиться, господа. И сели.

Огромный окорок ветчины красовался на столе, и м-р Пикквик уже успел отделить для себя значительную часть. Он приставил вилку к своим губам, и уста его уже отверзлись для принятия лакомого куска, как вдруг в эту самую минуту в отдаленной кухне послышался смутный говор многих голосов. М-р Пикквик приостановился и положил свою вилку на стол. Хозяин тоже приостановился и незаметно для себя выпустил из рук огромный нож, уже погруженный в самый центр копченой ветчины. Он взглянул на м-ра Пикквика. М-р Пикквик взглянул на м-ра Уардля.

Раздались тяжелые шаги по галлерее, и вдруг с необыкновенным шумом отворилась дверь столовой: парень, чистивший сапоги м-ра Пикквика в первый день прибытия его на хутор, вломился в комнату, сопровождаемый жирным детиною и всею домашнею челядью.

– Зачем вас черт несет? – вскричал хозяин.

– Не пожар ли в кухне, дети? – с испугом спросила старая леди.

– Что вы, бабушка? Бог с вами! – отвечали в один голос молодые девицы.

– Что там у вас? Говорите скорее, – кричал хозяин дома.

– Они уехали, сэр, – отвечал лакей, – то есть, если позволите доложить, уж и след их простыл.

При этом известии, передовой м-р Топман неистово бросил свою вилку и побледнел, как смерть.

– Кто уехал? – спросил м-р Уардль иступленным тоном.

– Мисс Рахиль, сэр, и ваш сухопарый гость... покатили на почтовых из гостиницы «Голубого Льва». Я видел их, но не мог остановить и прибежал доложить вашей милости.

– Я заплачу за его прогоны! – заревел Топман с отчаянным бешенством, выскакивая из-за стола. – Он взял у меня десять фунтов! Держать его! Ловить! Он обморочил меня! Не стерплю, не перенесу! В суд его, Пикквик!

И несчастный джентльмен, как помешанный, неистово бегал из угла в угол, произнося самые отчаянные заклинания раздражительного свойства.

– Ах, Боже мой, – возгласил м-р Пикквик, уstraшенный необыкновенными жестами своего друга, – он с ума сошел. Что нам делать?

– Делать! – откликнулся м-р Уардль, слышавший только последние слова. – Немедленно ехать в город, взять почтовых лошадей и скакать по их следам во весь опор. Где этот скотина Джой?

– Здесь я, сэ, только я не скотина, – раздался голос жирного парня.

– Дайте мне до него добраться! – кричал м-р Уардль, порываясь на несчастного слугу. Пикквик поспешил загородить дорогу. – Мерзавец, был подкуплен этим негодяем и навел меня на фальшивые следы, сочинив нелепую историю насчет общего нашего друга и моей сестры. (Здесь м-р Топман упал в кресла).. – Дайте мне добраться до него!

– Не пускайте его, м-р Пикквик! – заголосил хором весь женский комитет, заглушаемый однако ж визжаньем жирного детины.

– Пустите, пустите, – кричал раздраженный джентльмен, – м-р Пикквик, м-р Винкель, прочь с дороги!

Прекрасно и во многих отношениях назидательно было видеть, как посреди этой общей суматохи м-р Пикквик, не утративший ни на один дюйм философского присутствия духа, стоял среди комнаты с распростертыми руками и ногами, заграждая путь вспылчивому джентльмену, добравшемуся до своего несчастного слуги, который, наконец, был вытолкан из комнаты дюжими кулаками двух горничных и одной кухарки. Лишь только угомонила эта суматоха, кучер пришел доложить, что бричка готова.

– Не пускайте его одного, – кричали испуганные леди, – он убьет кого-нибудь.

– Я поеду с ним, – сказал м-р Пикквик.

– Спасибо вам, Пикквик, – сказал хозяин, пожимая его руку, – Эмма, дайте м-ру Пикквику шаль на шею, живей! Ну, дети, смотрите хорошенько за бабушкой; ей, кажется, дурно. Готовы ли вы, Пикквик?

Рот и подбородок м-ра Пикквика уже были окутаны огромной шалью, шляпа красовалась на его голове и лакей подавал ему шинель. Поэтому, лишь м-р Пикквик дал утвердительный ответ, они впрыгнули в бричку.

– Ну, Томми, покажите-ка нам свою удаль! – закричал хозяин долговязому кучеру, сидевшему на козлах с длинным бичем в руках.

И стремглав полетела бричка по узким тропинкам, беспрестанно выпрыгивая из дорожной колеи и немилосердно ударяясь о живую изгородь как будто путешественникам непременно нужно было переломать свои кости. Через несколько минут легкий экипаж подкатил к воротам городской гостиницы, где их встретила собравшаяся толпа запоздалых гуляк.

– Давно ли они ускакали? – закричал м-р Уардль, не обращаясь ни к кому в особенности.

– Минут сорок с небольшим, – отвечал голос из толпы.

– Карету и четверку лошадей! Живей, живей! Бричку отправить после.

– Ну, ребята, пошевеливайтесь! – закричал содержатель гостиницы. – Четырех лошадей и карету для джентльменов! Не мигать!

Засуетились ямщики, забегали мальчишки и взад, и вперед, засверкали фонари и застучали лошадиные копыта по широкому двору. Явилась на сцену карета из сарая.

– Надежный экипаж? – спросил м-р Пикквик.

– Хватит на двести тысяч миль, – отвечал хозяин гостиницы.

Мигом впрягли лошадей, бойко вскочили ямщики на козлы, и путешественники поспешили сесть в карету.

– Семь миль в полчаса!.. Слышите-ли? – закричал м-р Уардль.

– Слышим.

Ямщики навязали нахлестки на свои бичи, конюх отворил ворота, толпа взвизгнула, расступилась, и карета стрелою помчалась на большую дорогу.

– Прекрасное положение! – думал про себя м-р Пикквик, когда его мыслительная машина, первый раз после всеобщей суматохи, начала работать с обычной силой. – Прекрасное положение для главного президента Пикквикского клуба: мчаться сломя голову, в глухую полночь, на бешеных лошадях по пятнадцати миль в час!

Первые три или четыре мили между двумя озабоченными путешественниками не было произнесено ни одного звука, потому что каждый из них погружен был в свои собственные думы; но когда, наконец, взмыленные и вспененные кони, пробежав определенное пространство, обуздали свою бешеную прыть м-р Пикквик начал испытывать весьма приятные чувства от быстроты движения и вдруг, обращаясь к своему товарищу, выразил свой восторг таким образом:

– Ведь мы их, я полагаю, мигом настигнем, – не так ли?

– Надеюсь, – сухо отвечал товарищ.

– Прекрасная ночь! – воскликнул м-р Пикквик, устремив свои очки на луну, сиявшую полным блеском.

– Тем хуже, – возразил Уардль, – в лунную ночь им удобнее скакать, и мы ничего не выиграем перед ними. Луна через час зайдет.

– Это будет очень неприятно, – заметил м-р Пикквик.

– Конечно.

Кратковременный прилив веселости к сердцу м-ра Пикквика начал постепенно упадать, когда он сообразил все ужасы и опасности езды среди непроницаемого мрака безлунной ночи. Громкий крик кучеров, завидевших шоссейную заставу, прервал нить его размышлений.

– Йо-йо-йо-йо-йой! – заливался первый ямщик.

– Йо-йо-йо-йо-йой! – заливался второй.

– Йо-йо-йо-йо-йой! – завторил сам старик Уардль, выставив из окна кареты свою голову и половину бюста.

– Йо-йо-йо-йо-йор! – заголосил сам м-р Пикквик, не имея, впрочем, ни малейшего понятия о том, какой смысл должен заключаться в этом оглушающем крике.

И вдруг карета остановилась.

– Что это значит? – спросил м-р Пикквик.

– Подъехали к шоссейной заставе, – отвечал Уардль, – надобно здесь расспросить о беглецах.

Минут через пять, употребленных на переключку, вышел из шоссейной будки почтенный старичок с седыми волосами, в белой рубашке и серых штанах. Взглянув на луну, он зевнул, почесал затылок и отворил ворота.

– Давно ли здесь проехала почтовая карета? – спросил м-р Уардль.

– Чего?

Уардль повторил свой вопрос.

– То-есть, вашей милости, если не ошибаюсь, угодно знать, как давно по этому тракту проскакал почтовый экипаж?

– Ну да.

– А я сначала никак не мог взять в толк, о чем ваша милость спрашивать изволит. Ну, вы не ошиблись, почтовый экипаж проехал... точно проехал.

– Давно ли?

– Этого заподлинно не могу растолковать. Не так чтобы давно, а, пожалуй, что и давно... так себе, я полагаю, часа два или около того, а, пожалуй, что и слишком!

– Какой же экипаж? карета?

– Да, была и карета. Кажись, так.

– Давно ли она проехала, мой друг? – перебил м-р Пикквик ласковым тоном. – С час будет?

– Пожалуй, что и будет.

– Или часа два?

– Немудрено, что и два.

– Ступайте, ребята, черт с ним! – закричал сердитый джентльмен. – От этого дурака во сто лет ничего не узнаешь?

– Дурака! – повторил старик, оскаливая зубы и продолжая стоять среди дороги, между тем как экипаж исчезал в отдаленном пространстве. – Сам ты слишком умен: потерял ни за что, ни про что целых пятнадцать минут и ускакал как осел! Если там впереди станут тебя дурачить так же, как и я, не догнать тебе другой кареты до апреля месяца. Мудрено ли бы догадаться старому хрычу, что здесь получено за молчок малую толику? Скажи себе: ни лысого беса не поймашь! Дурак!

И долго почтенный старичок самодовольно скалил зубы и почесывал затылок. Наконец, затворил он ворота и вошел в свою будку.

Карета между тем без дальнейших остановок продолжала свой путь до следующего станционного двора. Луна, как предсказал Уардль, скоро закатилась; многочисленные ряды мрачных облаков, распространяясь по небесному раздолью, образовали теперь одну густую черную массу, и крупные капли дождя, постукивая исподволь в окна кареты казалось, предсказывали путешественникам быстрое приближение бурной ночи. Противный ветер бушевал в неистовых порывах по большой дороге и печально гудел между листьями деревьев, стоявших по обеим сторонам. М-р Пикквик плотнее закутался шинелью, забился в угол кареты, и скоро погрузился в глубокий сон, от которого только могли пробудить его остановка экипажа, звон станционного колокола и громкий крик старика Уардля, нетерпеливо требовавшего новых лошадей.

Встретились неприятные затруднения. Ямщики спали на сенных сушилах богатырским сном, и станционный смотритель едва мог разбудить их через пять минут. Потом – долго не могли найти ключа от главной конюшни, и когда, наконец, ключ был найден, сонные конюхи вынесли не ту сбрую и вывели не тех лошадей. Церемония запряжки должна была начаться снова. Будь здесь м-р Пикквик один, погоня, без всякого сомнения, окончилась бы этой станцией; но старик Уардль был неугомонен и упрям: он собственными руками помогал надевать хомуты, взнуздывать лошадей, застегивать постромки, и, благодаря его хлопотливым распоряжениям, дело подвинулось вперед гораздо скорее, чем можно было ожидать.

Карета помчалась опять по большой дороге; но теперь перед нашими путешественниками открывалась перспектива, не имевшая в себе никаких привлекательных сторон. До следующей станции было слишком пятнадцать миль; ночь темнела больше и больше с каждой минутой; ветер завыл, как голодный волк, и тучи разразились проливным дождем. С такими препятствиями бороться было трудно. Был час за полночь, и прошло слишком два часа, когда карета подъехала, наконец, к станционному двору. Здесь однако ж судьба, по-видимому, сжалась над нашими путешественниками и оживила надежды в их сердцах.

– Давно ли воротилась эта карета? – закричал старик Уардль, выпрыгивая из своего собственного экипажа и указывая на другой, стоявший среди двора и облепленный свежей грязью.

– Не больше четверти часа, сэра, – отвечал станционный смотритель, к которому был обращен этот вопрос.

– Леди и джентльмен?

– Да, сэра.

– Пожилая леди, желтая, дурная?

– Да.

– Джентльмен сухопарый, высокий, тонконогий, словно вешалка?

– Да, сэра.

– Ну, Пикквик, это они, они! – воскликнул м-р Уардль.

– Они, жаловались, что немножко запоздали, – проговорил станционный смотритель.

– Они, Пикквик, ей Богу они! – кричал м-р Уардль. – Четверку лошадей – живей! Мы их настигнем, прежде чем доедут они до станции. Гинею на водку, ребята, пошевеливайтесь!

И в состоянии необыкновенного возбуждения физических сил пожилой джентльмен засуетился и запрыгал по широкому двору, так что его суетливость электрическим образом подействовала на самого Пикквика, который тоже, приподняв подол длинной шинели, перебежал от одной лошади к другой, кричал на ямщиков, махал руками, притрогивался к дышлу, хомутам, в несомненном и твердом убеждении, что от всех этих хлопот приготовления к поездке должны сократиться по крайней мере вполовину.

– Влезайте, влезайте! – кричал м-р Уардль, впрыгивая в карету и захлопывая дверцу с правой стороны. – Живей, Пикквик, живей!

И прежде, чем м-р Пикквик сообразил, о чем идет речь, дюжая рука одного из ямщиков толкнула его в карету с левой стороны, захлопнула дверцу, и экипаж стремглав помчался со двора.

– Вот мы и пошевеливаемся! – сказал пожилой джентльмен одобрительным тоном.

Они точно шевелились, и м-р Пикквик чувствовал всю силу исполинских движений, когда его начало перебрасывать с одной стороны на другую.

– Держитесь крепче! – сказал Уардль, когда м-р Пикквик толкнулся однажды своей головой об его плечо.

– В жизнь никогда я не чувствовал такой встряски, – отвечал бедный м-р Пикквик.

– Ничего, ничего, мы их нагоним! Держитесь крепче.

М-р Пикквик забился в угол. Карета помчалась еще быстрее.

Так промчались они около трех миль. Наконец, м-р Уардль, наблюдавший из окна минуты две или три, обратил на м-ра Пикквика свое лицо, обрызганное грязью и вскричал нетерпеливым тоном:

– Вот они!

М-р Пикквик высунул свою голову из окна. Так точно: карета, заложенная четверкой лошадей, мчалась во весь галоп не в дальнем расстоянии от них.

– Живей, ребята, живей! – По гинею на брата!

Быстроногие кони первой кареты мчались во весь опор; кони м-ра Уардля вихрем летели по их следам.

– Я вижу его голову! – воскликнул раздражительный джентльмен. – Вон она, чертова башка!

– И я вижу, – сказал м-р Пикквик. – Вон он, проклятый Джингль!

М-р Пикквик не ошибся. Лицо кочующего актера, совершенно залепленное грязью, явственно выставлялось из кареты, и можно было различить, как он делает неистовые жесты, ободряя ямщиков ускорить бег измученных коней.

Завязалась отчаянная борьба. Деревья, заборы и поля пролетали перед ними с быстротой вихря, и через несколько минут путешественники наши были почти подле первой кареты. Они слышали даже, как дребезжал охрипый голос Джингля, кричавшего на ямщиков. Старик Уардль бесновался и выходил из себя. Он дюжинами посылал вперед энергические проклятия всех возможных видов и родов, сжимал кулаки и грозно обращал их на предмет своих негодований; но м-р Джингль отнюдь не позволял себе выходить из пределов джентльменских приличий: он исподволь бросал на своего преследователя презрительную улыбку и отвечал на его угрозы торжественным криком, когда лошади его, повинувшись убедительным доказательствам кнута, ускоряли быстроту своего бега.

Лишь только м-р Пикквик уселся на свое место, и м-р Уардль, надсадивший свою грудь бесполезным криком, всунул свою голову в карету, как вдруг страшный толчок заставил их судорожно отпрянуть от своих относительных углов. Раздался сильный треск, крик, гвалт, – колесо покатило в канаву – карета опрокинулась на бок.

Через несколько секунд общей суматохи – барахтанья лошадей и дребезжанья стекол – м-р Пикквик почувствовал, как высвободили его из-под руин опрокинутого экипажа и как, наконец, поставили его на ноги среди грязной дороги. Высвободив свою голову из капюшона шинели и поправив очки на своих глазах, великий муж поспешил бросить орлиный взгляд на окружающие предметы.

Старик Уардль, в изорванном платье и без шляпы, стоял подле м-ра Пикквика, любясь на обломки опрокинутого экипажа. Ямщики, ошеломленные падением с козел и облепленные толстыми слоями грязи, стояли подле своих измученных коней. Впереди, не дальше как в пятидесяти шагах, виднелся другой экипаж, придержавший теперь своих лошадей. Кучера с грязными лицами, обращенными назад, ухмылялись и оскаливали зубы, между тем как м-р Джингль с видимым удовольствием смотрел из окна кареты на поражение своих преследователей. Темная ночь уже сменилась рассветом, и вся эта сцена была совершенно видима для глаз при бледном утреннем свете.

– Э-гой! – заголосил бесстыдный Джингль. – Перекувырнулись, господа? Жаль. Как ваши кости?... Джентльмены пожилые... тяжелые... с грузом... очень опасно!

– Ты негодяй! – проревел в ответ м-р Уардль.

– Ха, ха, ха! Благодарим за комплимент... сестрица вам кланяется... благополучна и здорова... просит не беспокоиться... ехать назад... поклон олуху Топману. Ну, ребята!

Ямщики взмахнули бичами, отдохнувшие кони помчались с новой быстротой, м-р Джингль махнул на прощанье белым платком из окна своей кареты.

Ничто во всей истории, ни даже самое падение, не могло поколебать невозмутимого и плавного течения мыслей в крепкой голове президента Пикквикского клуба. Но отчаянная дерзость шарлатана, занявшего сперва деньги у его любезного ученика и потом в благодарности осмелившегося назвать его олухом... нет, это было невыносимо, нестерпимо! М-р Пикквик с трудом перевел свой дух, покраснел чуть не до самых очков и произнес весьма медленным, ровным и чрезвычайно выразительным тоном:

– Если я где-нибудь и когда-нибудь встречу этого человека, я... я... я...

– Да, да, все это очень хорошо, – возразил м-р Уардль, – но пока мы здесь стоим и говорим, они успеют выпросить позволение и обвенчаться.

М-р Пикквик приостановился и крепко закупорил мщение в своей богатырской груди.

– Далеко ли до станции? – спросил м-р Уардль одного из ямщиков.

– Шесть миль или около того: так, что ли, Томми?

– Нет, брат, врешь: слишком шесть миль. Он врет, сэр, до следующей станции будет гораздо больше шести миль.

– Делать нечего, Пикквик; пойдемте пешком.

– Пойдемте, пойдемте! – отвечал этот истинно-великий человек.

Один из ямщиков поскакал верхом за новыми лошадьми и экипажем; другой остался среди дороги караулить усталых коней и разбитую карету. М-р Пикквик и м-р Уардль бодро выступали вперед, окутав наперед свои головы и шеи огромными платками для предохранения себя от крупных капель дождя, который лил теперь обильным потоком на грязную землю.

Глава X

Чудное бескорыстие и некоторые другие весьма замечательные черты в характере м-ра Альфреда Джингля.

Есть в Лондоне несколько старинных гостиниц, служивших некогда главными квартирами для знаменитых дилижансов, – в те счастливые дни, когда дилижансы играли главную и существенную роль в истории сухопутных путешествий. В настоящее время, после всесильного владычества железных рельсов, осиротелые гостиницы превратились в скромные подворья для сельских экипажей, и столичный житель почти знать не хочет о их существовании, исключительно полезном для одних провинциалов.

В модных частях города их нет и быть не может при настоящем порядке вещей, и путешественник, отыскивая какой-нибудь из подобных приютов, должен забраться в грязные и отдаленные захолустья, оставшиеся здоровыми и невредимыми среди всеобщего бешенства к нововведениям всякого рода.

В квартале Боро за Лондонским мостом вы можете, если угодно, отыскать полдюжины старых гостиниц, в совершенстве удержавших свою физиономию давно прошедших времен. Это большие, длинные, закоптелые кирпичные здания с галлереями и фантастическими переходами, способными доставить целые сотни материалов для страстных и страшных повестей в сантиментальном роде, и мы не преминули бы обратиться к этому обильному источнику, если б нам пришлось в голову рассказать фантастическую сказку.

Понутру на другой день после событий, описанных в последней главе, на дворе гостиницы «Белого Оленя», что за Лондонским мостом, на соррейской стороне, долговязый малый, перегнутый в три погибели, ваксил и чистил щеткой сапоги. Он был в черной коленкоровой куртке с синими стеклянными пуговицами, в полосатом нанковом жилете и серых брюках из толстого сукна. Вокруг его шеи болтался красный платок самого яркого цвета, и голова его украшалась белой шляпой, надетой набекрень. Перед ним стояли два ряда сапогов, один вычищенный, другой грязный, и при каждом прибавлении к вычищенному ряду, он приостанавливался на минуту от своей работы, чтоб полюбоваться на её блестящий результат.

На дворе «Белого Оленя» не было почти никаких следов кипучей деятельности, составляющей обыкновенную характеристику больших гостиниц. Три или четыре громоздких воза, которых верхушки могли бы достать до окон второго этажа в обыкновенном доме, стояли под высоким навесом, распростертым по одну сторону двора, между тем как другой воз, готовый, по-видимому, начать свою дальнейшую поездку, был выдвинут на открытое пространство. В главном здании трактира помещались номера для приезжих, разделенные на два длинные ряда темной и неуклюжей галлерей. Из каждого номера, как водится, были проведены по два звонких колокольчика, один в буфет, другой в кофейную залу. Два или три фиакра, один шарабан, две брички и столько же телег покатывались, без всякой определенной цели, по различным частям широкого двора, и, вместе с тем, тяжелый лошадиный топот и храп давал знать кому следует о присутствии отдаленной конюшни с двумя дюжинами пустых стойл, по которым беспечно разгуливал самодовольный козел, неизменный друг и советник усталых коней. Если к этому прибавить еще с полдюжины людей, спавших на открытом воздухе под навесом сарая, то читатель получит, вероятно, довольно полную картину, какую двор «Белого оленя» представлял в настоящее достопамятное утро.

Раздался громкий и пронзительный звонок, сопровождавшийся появлением смазливой горничной на верхнем конце галлерей. Она постучалась в дверь одного из номеров, вошла, получила приказание и выбежала на противоположный конец галлерей, откуда было открыто окно во двор.

– Сам!

– Чего? – откликнулся голос человека в белой шляпе.

– Двадцать второй номер спрашивает сапоги.

– Скажите двадцать второму номеру, что сапоги его стоят смирно и ждут своей очереди.

– Не дурачьтесь, пожалуйста, Сам: джентльмен говорит, что сапоги нужны ему сейчас, сию минуту! Слышите ли?

– Как не слышать вас, соловей мой голосистый! Очень слышу, ласточка вы моя. Да только вот что, касатка: здесь, видите ли, одиннадцать пар сапогов да один башмак, который принадлежит шестому номеру с деревянной ногой. Одиннадцать сапогов, трещетка вы моя, должны быть приготовлены к половине девятого, а башмак к девяти. Что за выскочка двадцать второй номер? Скажите ему, сорока вы моя, что на все бывает свой черед, как говаривал один ученый, собираясь идти в кабак.

И, высказав эту сентенцию, долговязый малый, перегнувшись в три погибели, принялся с новым рвением за свою работу.

Еще раздался звонок, и на этот раз явилась на галлерею почтенная старушка, сама содержательница «Белого Оленя».

– Сам! – вскричала старушка. – Куда он девался, этот пучеглазый ленивец. Вы здесь, Сам. Что-ж вы не отвечаете?

– Как же мне отвечать, сударыня, когда вы сами кричите? – возразил Сам довольно грубым тоном. – «Молчи и слушай», говорил один философ, когда...

– Молчи, пустой болтун! Вычистите сейчас же вот эти башмаки для семнадцатого номера, и отнесите их в гостиную, что в первом этаже, пятый номер.

Старушка бросила на землю башмаки и ушла.

– Пятый номер, – говорил Сам, поднимая башмаки и вынимая кусок мела из своего кармана, чтоб сделать заметку на их подошвах. – Дамские башмаки в гостиной. Это, видно, не простая штучка!

– Она приехала сегодня поутру, – сказала горничная, продолжавшая стоять на галлерею, – приехала в почтовой карете вместе с джентльменом, который требует свои сапоги. И вам лучше прямо приниматься за свое дело и не болтать всякого вздора: вот все, что я вам скажу.

– Что-ж вы об этом не объявили прежде? – сказал Сам с великим негодованием, отделяя джентльменские сапоги от грязной группы их товарищей. – Я ведь прежде думал, что он так себе какой-нибудь скалдырник в три пени за чистку. Вишь ты, джентльмен и леди в почтовой карете! Это, авось, пахнет двумя шилингами за раз.

И под влиянием этого вдохновительного размышления м-р Самуэль принялся за свою работу с таким пламенным усердием, что менее чем в пять минут джентльменские сапоги и башмаки знатной леди сияли самым ярким блеском. Полюбовавшись на произведение своего искусства, он взял их в обе руки и немедленно явился перед дверью пятого номера.

– Войдите! – воскликнул мужской голос в ответ на стук Самуэля.

Он вошел и отвесил низкий поклон, увидев пред собой леди и джентльмена, сидевших за столом. Затем, поставив сапоги у ног джентльмена, а башмаки у ног знатной дамы, он поклонился еще раз и попятился назад к дверям.

– Послушайте, любезный! – сказал джентльмен.

– Чего изволите, сэр?

– Не знаете ли вы, где... где выпрашивают позволение на женитьбу?

– Есть такая контора, сэр.

– Ну, да, контора. Знаете вы, где она?

– Знаю, сэр.

– Где же?

– На Павловском подворье, сэр, подле книжной лавки с одной стороны. Мальчишки покажут, сэр.

– Как мальчишки?

– Да так, мальчишки в белых передниках, которые за тем и приставлены, чтоб показывать дорогу джентльменам, вступающим в брак. Когда какой-нибудь джентльмен подозрительной наружности проходит мимо, они начинают кричать: «Позволения, сэр, позволения! Сюда пожалуйте!» Странные ребята, провал их возьми!

– Зачем же они кричат?

– Как зачем, сэр? Они уж, видно, на том стоят. И ведь чем иной раз черт не шутит: они раззадоривают и таких джентльменов, которым вовсе не приходила в голову женитьба.

– Вы это как знаете? Разве самому пришлось испытать?

– Нет, сэр, Бог миловал, а с другими бывали такие оказии... да вот хоть и с моим отцом, примером сказать: был он вдовец, сэр, и после смерти своей супружницы растолстел так, что Боже упаси. Проживал он в кучерах у одной леди, которая – помяни Бог её душу – оставила ему в наследство четыреста фунтов чистоганом. Ну, дело известное, сэр, коли деньги завелись в кармане, надобно положить их в банк, да и получать себе законные проценты. Так и сделал... то есть оно выходит, что так, собственно говоря, хотел сделать мой покойный родитель, – хотел, да и не сделал.

– Отчего же?

– Да вот от этих именно крикунов – пострел их побери. – Идет он один раз мимо книжной лавки, а они выбежали навстречу, загородили дорогу, да и ну кричать: – «позволения, сэр, позволения!» – Чего? – говорит мой отец. – «Позволения, сэр», – говорит крючек. – Какого позволения? – говорит мой отец. – «Вступить в законный брак», – говорит крючок. – Отвяжись ты, окаянный, – говорит мой отец: – я вовсе не думал об этом. – «А почему ж бы вам не думать?» – говорит крючок. Отец мой призадумался да и стал, стал да и говорит: – Нет, говорит, я слишком стар для женитьбы, да и толст чересчур: куда мне? – «О, помилуйте, говорит крючек, это у нас, ничего ни почем: в прошлый понедельник мы женили джентльмена вдвое толще вас». – Будто бы! – говорит мой отец. – «Честное слово! – говорит крючок, – вы суший птенец, в сравнении с ним – сюда, сэр, сюда!» Делать нечего, сэр: идет мой отец, как ручной орангутан за хозяином своим, и вот он входит на задний двор, в контору, где сидит пожилой джентльмен между огромными кипами бумаг, с зелеными очками на носу. – «Прошу присесть, – говорит пожилой джентльмен моему отцу, – я покамест наведу справки и скреплю такой-то артикул». – Покорно благодарим за ласковое слово, – говорит мой отец. Вот он и сел, сэр, сел да и задумался насчет, эдак, разных странностей в человеческой судьбе. – «А что, сэр, как вас зовут»? – говорит вдруг пожилой джентльмен. – Тонни Уэллер, – говорит мой отец. – «А сколько вам лет»? – Пятьдесят восемь, – говорит мой отец. – «Цветущий возраст, самая пора для вступления в брак, – говорит пожилой джентльмен, – а как зовут вашу невесту»? – Отец мой стал в тупик. – Не знаю, – говорит, – у меня нет невесты. – «Как не знаете? – говорит пожилой джентльмен: зачем же вы сюда пришли? да как вы смели, говорит, да я вас, говорит, да вы у меня!...» говорит. Делать нечего, отец мой струхнул. Место присутственное: шутить нечего. – Нельзя ли, говорит мой отец, после вписать невесту! – «Нет, – говорит пожилой джентльмен, – никак нельзя». Так и быть, говорит мой отец: пишите м-с Сусанну Клерк, вдову сорока трех лет, прачку ремеслом, из прихода Марии Магдалины: я еще ей ничего не говорил, ну, да, авось, она не заартачится: баба повадливая! – Пожилой джентльмен изготовил лист, приложил печать и всучил моему отцу. Так и случилось, сэр: Сусанна Клерк не заартачилась, и четыреста фунтиков лопнули для меня однажды навсегда! Кажется, я обеспокоил вашу милость, – сказал Самуэль в заключение своего печального рассказа, – прошу извинить, сэр; но уж если пойдет речь насчет этого предмета, так уж наше почтение, – язык без костей.

Простояв с минуту у дверей и видя, что его не спрашивают ни о чем, Сам поклонился и ушел.

– Половина десятого... пора... концы в воду, – проговорил джентльмен, в котором читатель, без сомнения, угадал приятеля нашего, Альфреда Джингля.

– Куда ж ты, мой милый? – спросила девственная тетка.

– За позволением, мой ангел... вписать... объявить пастору, и завтра ты моя... моя навеки! – сказал м-р Джингль, пожимая руку своей невесты.

– За позволением! – пропищала Рахиль, краснея, как пион.

– За позволением, – повторил м-р Джингль.

Лечу за облака на крыльях любви!

Тра-ла-ла... трах-трах тарарах!

– Милый мой поэт! – воскликнула Рахиль.

– Мне ли не быть поэтом, прелестная вдохновительница моей музыки! – возгласил счастливый Альфред Джингль.

– Не могут ли нас обвенчать к вечеру сегодня? – спросила Рахиль.

– Не могут, мой ангел... запись... приготовления... завтра поутру.

– Я так боюсь, мой милый: брат легко может узнать, где мы остановились! – заметила померанцовая невеста, испустив глубокий вздох.

– Узнать... вздор!.. переломил ребро... неделю отдыхать... поедет... не догадается... проищет месяц... год не заглянет в Боро... приют безопасный... захоlustье – ха, ха, ха!.. Превосходно!

– Скорей приходи, мой друг, – сказала девственная тетка, когда жених её надел свою скомканную шляпу.

– Тебе ли напоминать об этом, жестокая очаровательница? – отвечал м-р Джингль, напечатлев девственный поцелуй на толстых губах своей восторженной невесты.

И, сделав отчаянное антраша, кочующий актер перепрыгнул через порог.

– Какой душка! – воскликнула счастливая невеста, когда дверь затворилась за её женихом.

– Странная девка! – сказал м-р Джингль, проходя галлерею.

Мы не станем продолжать длинную нить размышлений, гомозившихся в разгоряченном мозгу м-ра Джингля, когда он «летел на крыльях любви» за позволением вступить в законный брак: бывают случаи, когда вероломство мужчины приводит иной раз в содрогание самое твердое сердце. Довольно сказать, что кочующий актер, миновав драконов в белых передниках, счастливо добрался до конторы и мигом выхлопотал себе драгоценный документ на пергаменте, где, как и водится, было изъяснено, что: «архиепископ кентерберийский приветствует и благословляет добродетельную чету, возлюбленного сына Альфреда Джингля и возлюбленную дочь Рахиль Уардль, да будут они в законном супружестве» и проч. Положив мистический документ в свой карман, м-р Джингль с торжеством направил свои шаги в обратный путь.

Еще не успел он воротиться к своей возлюбленной невесте, как на дворе гостиницы «Белого Оленя» появились два толстых старичка и один сухопарый джентльмен, бросавший вокруг себя пытливые взгляды, в надежде отыскать предмет, способный удовлетворить его любопытству. В эту самую минуту м-р Самуэль Уэллер ваксил огромные сапоги, личную собственность фермера, который между тем, после утренних хлопот на толкучем рынке, прохладил себя в общей зале за легким завтраком из двух фунтов холодной говядины и трех бутылок пива. Сухопарый джентльмен, осмотревшись вокруг себя, подошел к Самуэлю и сказал вкрадчивым тоном:

– Любезнейший!

«Знаем мы вас», подумал про себя Самуэль «мягко стелете да жестко спать. Хочет, вероятно, даром выманить какой-нибудь совет». Однакож он приостановил свою работу и сказал:

– Что вам угодно?

– Любезнейший, – продолжал сухопарый джентльмен с благосклонной улыбкой, – много у вас народа нынче, а? Вы, кажется, очень заняты, мой милый, а?

Самуэль бросил на вопросителя пыливый взгляд. Это был мужчина средних лет, с продолговатым лицом и с маленькими черными глазами, беспокойно моргавшими по обеим сторонам его инквизиторского носа. Одет он был весь в черном, и сапоги его блестели, как зрачки его глаз, – обстоятельство, обратившее на себя особенное внимание Самуэля. На шее у него красовался белый галстук, из-под которого выставлялись белые, как снег, воротнички его голландской рубашки. Золотая часовая цепочка и печати картинно рисовались на его груди. Он держал в руках свои черные лайковые перчатки и, завязав разговор, забросил свои руки под фалды фрака, с видом человека, привыкшего решать головоломные задачи.

– Так вы очень заняты, мой милый, а?

– Да таки-нешто: не сидим поджавши ноги, как обыкновенно делал приятель мой портной, умерший недавно от апоплексического удара. Сидим себе за круглым столом да хлеб жуем; жуем да и подхваливаем, а хрена нам не нужно, когда говядины вдоволь.

– Да вы весельчак, сколько я вижу.

– Бывал встарину, когда с братом спал на одной постели. От него и заразился, сэр: веселость – прилипчивая болезнь.

– Какой у вас старый дом! – сказал сухопарый джентльмен, осматриваясь кругом.

– Стар да удал; новый был да сплыл, и где прежде была палата, там нынче простая хата!

– Вы рифмач, мой милый.

– Как грач, – отвечал невозмутимый Самуэль Уэллер.

Сухопарый джентльмен, озадаченный этими бойкими и совершенно неопределенными ответами, отступил на несколько шагов для таинственного совещания со своими товарищами, двумя толстенькими старичками. Сказав им несколько слов, он открыл свою серебряную табакерку, понюхал, вынул платок, и уже хотел, по-видимому, вновь начать свою беседу, как вдруг один толстый джентльмен, с весьма добрым лицом и очками на носу, бойко выступил вперед и, махнув рукою, завел свою речь довольно решительным и выразительным тоном:

– Дело вот в чем, любезнейший: приятель мой, что стоит перед вашим носом (он указал на другого толстенького джентльмена), даст вам десять шиллингов, если вы потрудитесь откровенно отвечать на один или два...

– Позвольте, почтеннейший, позвольте, – перебил сухопарый джентльмен, – первое и самое главное правило, которое необходимо соблюдается в таких случаях, состоит в следующем: как скоро вы поручаете ходатайство о своем деле постороннему лицу, то ваше собственное личное вмешательство может оказаться не только бесполезным, но и вредным, а посему – второе правило – надлежит нам иметь, при существующих обстоятельствах, полную уверенность к этому официальному лицу. Во всяком случае, м-р... (он обратился к другому толстенькому джентльмену) извините, я все забываю имя вашего друга.

– Пикквик, – сказал м-р Уардль.

Читатель давно догадался, что толстенькие старички были не кто другие, как почтенный президент Пикквикского клуба и достопочтенный владелец хутора Дингли-Делль.

– Извините, почтеннейший м-р Пикквик, во всяком другом случае мне будет очень приятно воспользоваться вашим советом в качестве *amicus curiae*; но теперь, при настоящих обстоятельствах, вмешательство ваше с аргументом *ad captandam benevolentiam*, посредством десяти шиллингов, не может, в некотором роде, принести ни малейшей пользы.

Сухопарый джентльмен открыл опять серебряную табакерку и бросил на своих собеседников глубокомысленный взгляд.

– У меня, сэр, было только одно желание, – сказал м-р Пикквик, – покончить как можно скорее эту неприятную историю.

– Такое желание, почтеннейший, делает вам честь, – заметил худощавый джентльмен.

– И с этой целью, сэр, – продолжал м-р Пикквик, – я решился в этом деле употребить финансовый аргумент, который, сколько мне известно, производит самое могущественное влияние на человека во всех его положениях и возрастах. Я долго изучал людей, сэр, и могу сказать, что знаю их натуру.

– Очень хорошо, почтеннейший, очень хорошо, но вам следовало наперед сообщить лично мне вашу счастливую идею. Почтеннейший м-р Пикквик, я совершенно убежден, вы должны иметь отчетливое понятие о той обширнейшей доверенности, какая обыкновенно оказывается официальному лицу. Если требуется на этот счет какой-нибудь авторитет, то я готов напомнить вам известнейший процесс Барнуэлля³ и...

– Как не помнить Джорджа Барнуэлля, – перебил вдруг Самуэль, бывший до сих пор безмолвным слушателем назидательной беседы, – я знаю этот процесс так же, как вы, и моим всегдашним мнением было то, что молодая женщина одна заквасила здесь всю эту историю: ее бы и под *сюркуп*. Но об этом, господа, мы потолкуем после, если будет вашей милости угодно. Речь идет теперь о том, чтоб я согласился из ваших рук принять десять шиллингов серебряною монетой: извольте, господа, я согласен. Сговорчивее меня не найти вам дурака в целом свете (м-р Пикквик улыбнулся). Теперь вопрос такого рода: за каким бесом вы хотите дарить мне ваши деньги?

– Нам нужно знать... – сказал м-р Уардль.

– Погодите, почтеннейший, сделайте милость, погодите, – перебил официальный джентльмен.

М-р Уардль пожал плечами и замолчал.

– Нам нужно знать, – сказал официальный джентльмен торжественным тоном, – и мы спрашиваем об этом вас собственно для того, чтоб не обеспокоить кого-нибудь из домашних, – нам нужно знать: кто теперь стоит в этой гостинице?

– Кто теперь стоит в этой гостинице! – повторил Самуэль, представлявший себе всех жильцов не иначе, как под формой костюма, который состоял под его непосредственным надзором. – А вот извольте видеть: в шестом номере – деревянная нога; в тридцатом – гессенские ботфорты с сафьянными отворотами; в камерке над воротами – козловые полусапожки, да еще с полдюжины лежащих сапогов в коммерческом отделении за буфетом.

– Еще кто? – спросил сухопарый джентльмен.

– Постойте... – отвечал Самуэль, пораженный внезапным воспоминанием, – ну, да, точно – веллингтоновские сапоги на высоких каблуках, с длинными кисточками и еще дамские башмаки – в пятом номере.

– Какие башмаки? – поспешно спросил Уардль, который вместе с м-ром Пикквиком уже начинал теряться в этом длинном каталоге жильцов «Белого Оленя».

– Провинциальной работу, – отвечал Самуэль.

– Кто мастер?

– Браун.

– Откуда?

– Из Могльтона.

– Они! – воскликнул м-р Уардль. – Отыскали, наконец, славу Богу! – Дома они?

– Башмаки то, кажись, дома.

– А джентльмен?

– Сапоги с кисточками отправились в Докторскую общину.

³ «George Barnwell» – заглавие известной трагедии Пилло (Pillloe), основанной на истинном происшествии. Главное лицо трагедии, Барнуэллер, обкрадывает своего хозяина и умерщвляет своего дядю. К этому был он побужден своей любовницей. Эту трагедию еще не так давно представляли каждый год в лондонских театрах, и не мудрено, что Самуэль Уэллер знает её содержание. *Прим. перев.*

– Зачем?

– За позволением жениться.

– Мы не опоздали! – воскликнул м-р Уардль. – Господа, не нужно терять ни одной минуты. Ну, любезнейший, покажите нам этот номер.

– Не торопитесь, почтеннейший, – сказал официальный джентльмен, – сделайте милость, не торопитесь: осторожность на первом плане.

Он вынул из кармана красный шелковый кошелек, и вынув соверен, пристально посмотрел на Самуэля. Тот выразительно оскалил зубы.

– Введите нас в этот номер без доклада и соверен будет ваш, – сказал официальный джентльмен.

Самуэль бросил в угол сапоги и повел своих спутников наверх. Пройдя половину галереи во втором этаже, он приостановился и протянул руку.

– Вот ваши деньги, – шепнул адвокат, положив соверен в руку своего спутника.

Самуэль сделал вперед еще несколько шагов и остановился перед дверью. Джентльмены следовали за ним.

– В этом номере? – пробормотал адвокат.

Самуэль утвердительно кивнул головой.

Старик Уардль отворил дверь и все три джентльмена вошли в комнату в ту самую минуту, как м-р Джингль, уже воротившийся, показывал девственной тетке вожаденный документ.

При виде брата и его спутников девственная тетка испустила пронзительный крик и, бросившись на стул, закрыла лицо обеими руками. М-р Джингль поспешно свернул пергамент и положил в свой карман. Незваные посетители выступили на середину комнаты.

– Вы бесчестный человек, сэр, вы... вы, – окликнул старик Уардль, задыхаясь от злобы.

– Почтеннейший, почтеннейший, – сказал сухопарый джентльмен, положив свою шляпу на стол, – присутствие духа и спокойствие прежде всего. Scandalum magnum, личное оскорбление, большая пеня. Успокойтесь, почтеннейший, сделайте милость.

– Как вы смели увезти мою сестру из моего дома? – продолжал Уардль.

– Вот это совсем другая статья, – заметил адвокат, – об этом вы можете спросить. Так точно, сэр, как вы осмелились увезти сестрицу м-ра Уардля? Что вы на это скажете, сэр?

– Как вы смеете меня об этом спрашивать? – закричал м-р Джингль таким дерзким и наглым тоном, что сухопарый джентльмен невольно попятился назад. – Что вы за человек?

– Что он за человек? – перебил старик Уардль. – Вам хочется знать это, бесстыдная тварь? Это м-р Перкер, мой адвокат. Послушайте, Перкер, я хочу преследовать этого негодяя, судить по всей строгости законов, послать к чорту – осудить – истребить – сокрушить! – А ты, – продолжал старик, обратившись вдруг к своей сестре, – ты, Рахиль... в твои лета связаться с бродягой, – бежать из родительского дома, покрыть позором свое имя; как не стыдно, как не стыдно! Надевай шляпку и сейчас домой. – Послушайте, поскорее наймите извозчицью карету и принесите счет этой дамы, слышите? – заключил он, обращаясь к слуге, которого, впрочем, не было в комнате.

– Слушаю, сэр, – отвечал Самуэль, появляясь точно из под земли: он, действительно, оставаясь в коридоре, слушал всю беседу, приставив свое ухо к замочной скважине пятого номера.

– Надевай шляпку, Рахиль, – повторил старик Уардль.

– Не слушайся его, не трогайся с места! – вскричал Джингль. – Господа, советую вам убираться подобру поздорову... делать вам нечего здесь: невесте больше двадцати одного года, и она свободна располагать собой.

– Больше двадцати одного! – воскликнул Уардль презрительным тоном. – Больше сорока одного!

– Неправда! – отвечала с негодованием девственная тетка, отложившая теперь свое твердое намерение подвергнуться истерическим припадкам.

– Правда, матушка, правда. Просиди еще час в этой комнате и тебе стукнет слишком пятьдесят!

Девственная тетка испустила пронзительный крик и лишилась чувств.

– Стакан воды, – сказал человеколюбивый м-р Пикквик, когда в комнату вбежала содержательница трактира, призванная неистовым звоном.

– *Стакан* воды! – кричал раздражительный Уардль. – Принесите-ка лучше ушат и окатите ее с головы до ног: это, авось, скорее образумит старую девку.

– Зверь, просто зверь! – отозвалась сострадательная старушка, изъявляя совершеннейшую готовность оказать свою помощь девственной тетке. – Бедная страдалица!.. Выпейте... вот так... повернитесь... прихлебните... привстаньте... еще немножко...

И, сопровождая свою помощь этими и подобными восклицаниями, добрая трактирщица, при содействии своей горничной, натирала уксусом лоб и щеки девственной тетки, щекотала её нос, развязывала корсет и вообще употребляла все те восстановительные средства, какие с незапамятных времен изобретены сестрами милосердия для любительниц истерики и обморока.

– Карета готова, сэр, – сказал Самуэль, появившийся у дверей.

– Ну, сестра, полно церемониться. Пойдем!

При этом предложении истерические припадки возобновились с новой силой.

Уже трактирщица готова была обнаружить все свое негодование против насильственных поступков м-ра Уардля, как вдруг кочующий актер вздумал обратиться к решительным мерам.

– Эй, малый, – сказал он, – приведите констебля.

– Позвольте, сэр, позвольте, – сказал м-р Перкер. – Не благоугодно ли вам прежде всего обратиться вни...

– Ничего не хочу знать, – перебил м-р Джингль, – она свободна располагать собою, и никто, против её собственной воли, не смеет разлучить ее с женихом.

– О, не разлучайте меня! – воскликнула девственная тетка раздирательным тоном. – Я не хочу, не могу...

Новый истерический припадок сопровождался на этот раз диким воплем.

– Почтеннейший, – проговорил вполголоса сухопарый джентльмен, отводя в сторону господ Пикквика и Уардля. – Почтеннейший, положение наше очень незавидно. Мы стоим, так сказать, между двух перекрестных огней и, право, почтеннейший, если рассудить по закону, мы не имеем никакой возможности сопротивляться поступкам леди. Я и прежде имел честь докладывать вам, почтеннейший, что здесь – *magna collisio rerum*. Надобно согласиться на пожертвования.

Продолжительная пауза. Адвокат открыл табакерку.

– В чем же собственно должны заключаться эти жертвования? – спросил м-р Пикквик.

– Да вот видите ли, почтеннейший, друг наш стоит между двух огней. Чтобы с честью выпутаться всем нам из этой перепалки, необходимо потерпеть некоторый убыток в финансовом отношении.

– Делайте, что хотите: я согласен на все, – сказал м-р Уардль. – Надобно, во что бы ни стало, спасти эту дуру, иначе она погибнет с этим негодяем.

– В этом нет ни малейшего сомнения, – отвечал адвокат. – М-р Джингль, не угодно ли вам пожаловать с нами в другую комнату на несколько минут?

Джингль согласился, и все четыре джентльмена отправились в ближайший пустой номер.

– Как же это, почтеннейший, – сказал сухопарый джентльмен, затворяя за собою дверь, – неужели никаких нет средств устроить это дело? Сюда, почтеннейший, сюда, на пару слов к этому окну: мы будем тут одни, садитесь, почтеннейший, прошу покорно. Между нами,

почтеннейший, говоря откровенно, – согласитесь, почтеннейший, вы увезли эту леди из-за денег: не так ли, почтеннейший?

М-р Джингль нахмурил брови.

– Ну, да, точно так, почтеннейший, я понимаю, что вы хотите сказать, и заранее вам верю. Мы с вами люди светские, почтеннейший, и хорошо понимаем друг друга... не то, что эти простаки. Нам ничего не стоит провести их: не так ли, почтеннейший?

М-р Джингль улыбнулся.

– Очень хорошо, – продолжал адвокат, заметив произведенное впечатление. – Теперь, почтеннейший, дело, видите ли, вот в чем: у этой леди, до смерти её матери, нет и не будет ничего, кроме разве какой-нибудь сотняги, да и то едва ли.

– Мать *старуха*, – сказал м-р Джингль многозначительным тоном.

– Истинная правда, почтеннейший, я не спорю, – сказал адвокат, откашливаясь и вынимая платок из кармана, – вы справедливо изволили заметить, что она *старенька*. М-с Уардль происходит от старинной фамилии, почтеннейший, старинной во всех возможных отношениях. Основатель этой фамилии прибыл в Англию с войском Юлия Цезаря и поселился в Кентском графстве. Всего замечательнее то, почтеннейший, что только один из членов этой фамилии не дожил до девяноста лет, да и тот погиб насильственной смертью в половине XVI века. Старушке теперь семьдесят три года, почтеннейший: старенька, я согласен с вами, и едва ли проживет она лет тридцать.

Сухопарый джентльмен приостановился и открыл табакерку.

– Что же вы хотите этим сказать? – спросил м-р Джингль.

– Да вот не угодно ли табачку, почтеннейший... не изволите нюхать? И прекрасно – лишний расход. Вижу по всему, почтеннейший, что вы прекрасный молодой человек и могли бы отлично устроить в свете свою карьеру, если б был у вас капиталец, а?

– Что-ж из этого?

– Вы не понимаете меня?

– Не совсем.

– Я объясню вам эту статью в коротких словах, потому что вы человек умный и живали в свете. Как вы думаете, почтеннейший, что лучше: пятьдесят фунтов и свобода или старая девица и долговременное ожидание?

– Пятидесяти фунтов мало, – сказал м-р Джингль, вставая с места. – Не сойдемся.

– Погодите, почтеннейший, – возразил адвокат, удерживая его за фалду. – Капиталец кругленький: человеку с вашими способностями много может сделать из пятидесяти фунтов.

– Полтора ста фунтов, так и быть, – отвечал м-р Джингль холодным тоном.

– Что вы, почтеннейший, Бог с вами! – возразил адвокат. – Ведь все это дело, говоря по совести, выеденного яйца не стоит.

– Однакож, вы сами предложили пятьдесят.

– И довольно.

– Сто пятьдесят.

– Как это можно, помилуйте! Семьдесят, если угодно.

– Не сойдемся, – сказал м-р Джингль, вставая опять со своего места.

– Куда ж вы так спешите, почтеннейший? Погодите. Восемьдесят фунтов – согласны?

– Мало.

– Довольно, почтеннейший, уверяю вас. Неужели вы не сделаете никакой уступки?

– Нельзя. рассудите сами: девять фунтов стоили мне почтовые прогоны; три – позволение, итого двенадцать; вознаграждение за хлопоты положим сто, итого сто двенадцать. Сколько же, по-вашему, должно стоить оскорбление личной чести и потеря невесты?

– Э, полноте, почтеннейший! Я уже сказал, что мы хорошо понимаем друг друга. Стоит ли нам распространяться насчет этих последних пунктов? Сто фунтов для круглоты счета: хотите?

– Сто двадцать.

– Право, почтеннейший, охота вам из такой малости... Ну, я напишу вексель.

И сухопарый джентльмен сел за стол писать вексель.

– Срок платежа я назначу послезавтра, – сказал адвокат, обращаясь к м-ру Уардлю, – а вы между тем увезите вашу сестрицу.

М-р Уардль сделал утвердительный знак.

– Ну, почтеннейший, стало быть, мы помирились на сотне фунтов?

– На ста двадцати.

– Почтеннейший...

– Пишите, м-р Перкер, и пусть он убирается к чорту, – перебил старик Уардль.

М-р Джингль взял написанный вексель и положил в карман.

– Теперь – вон отсюда, негодяй! – закричал м-р Уардль.

– Почтеннейший...

– И помни, – продолжал м-р Уардль, – ни за какие блага я не решился бы на эти переговоры с тобою, если бы не был убежден, как дважды два, что с моими деньгами ты гораздо скорее полетишь к чорту в омут, чем...

– Почтеннейший, почтеннейший...

– Погодите, Перкер. – Вон отсюда, негодяй!

– Сию минуту, – отвечал с невозмутимым спокойствием кочующий актер. – Прощай, Пикквик, прощай, любезный.

Если бы равнодушный зритель мог спокойно наблюдать физиономию великого человека в продолжение последней части этой беседы, он не мог бы надивиться, каким образом пожирающий огонь негодования не расплавил стекло его очков: так могуч и величественно свиреп был теперь гнев президента Пикквикского клуба! Кулаки его невольно сжались, щеки побаливали и ноздри вздулись, когда он услышал свое собственное имя, саркастически произнесенное презренным негодяем. Однакож он укротил свои бурные порывы, и невероятное чудо! нашел в себе твердость духа – неподвижно стоять на одном месте.

М-р Пикквик был философ, это правда; но ведь и философы – те же смертные люди, облеченные только броней высшей мудрости и силы. Стрела, роковая стрела пронзила насквозь философскую броню и просверлила самое сердце великого мужа. Раздираемый самою отчаянною яростью, он схватил чернильницу, бросил ее со всего размаха и неистово побежал вперед. Но м-р Джингль исчез в эту минуту, и великий человек, сам не зная как, очутился в объятиях Самуэля.

– Куда вы бежите, сэр? – сказал эксцентрический слуга. – Мебель, я полагаю, дешева в ваших местах, а у нас покупаются чернильницы на чистые денежки, м-р... не имею чести знать вашего имени, государь мой. Погодите малую толику: какая польза вам гнаться за человеком, который, провал его возьми, мастерски составил свое счастье? Он теперь на другом конце квартала, и уж, разумеется, его не видать вам, как своих ушей.

М-р Пикквик, как и все люди, способен был внимать голосу убеждения, кому бы он ни принадлежал. Мыслитель быстрый и могучий, он вдруг взвесил все обстоятельства этого дела и мигом сообразил, что благородный гнев его будет на этот раз совершенно бессилен и бесплоден. Он утомился в одно мгновение ока, испустил три глубоких вдоха, вынул из кармана носовой платок и благосклонно взглянул на своих друзей.

Говорить ли нам о плачевном положении мисс Уардль, оставленной таким образом своим неверным другом? М-р Пикквик мастерски изобразил эту раздирающую сцену, и его записки, обрызганные в этом месте горькими слезами сострадания, лежат пред нами: одно

слово, и типографские станки передадут их всему свету. Но нет, нет! Покоряясь голосу холодного рассудка, мы отнюдь не намерены сокрушать грудь благосклонного читателя изображением тяжких страданий женского сердца.

Медленно и грустно два почтенных друга и страждущая леди возвращались на другой день в город Моггльтон. Печально и тускло мрачные тени летней ночи ложились на окрестные поля, когда путешественники прибыли, наконец, в Дингли-Делль и остановились перед входом в Менор-Фарм.

Глава XI

Неожиданное путешествие и ученое открытие в недрах земли. – Пасторский манускрипт.

Спокойная ночь, проведенная в глубокой тишине на хуторе Дингли-Делль, и пятьдесят минут утренней прогулки на свежем воздухе, растворенном благоуханиями цветов, восстановили совершеннейшим образом физические и нравственные силы президента Пикквикского клуба. Целых два дня великий человек пребывал в томительной разлуке со своими добрыми друзьями, и сердце его стремилось теперь к вожделенному свиданию. Окончив кратковременную прогулку, м-р Пикквик возвратился домой и на дороге, с невыразимым наслаждением, встретил господ Винкеля и Снодграса, спешивших приветствовать и облобызать великого мужа. Удовольствие свиданья, как и следовало ожидать, сопровождалось превыспренным восторгом, да и какой смертный мот без такого восторга смотреть на лучезарные очи и ланиты президента? Между тем, однако ж, какое-то облако пробегало по челу обоих друзей, и какая-то тайна, тяжелая, возмутительная, облегла их беспокойные души. Что бы это значило, – великий человек, несмотря на все усилия своего гения, никак не мог постигнуть.

– Здоров ли Топман? – спросил м-р Пикквик, пожимая руки обоим друзьям, после взаимного обмена горячих приветствий. – Топман здоров ли?

М-р Винкель, к которому специальным образом относился этот вопрос, не дал никакого ответа. Печально отворотил он свою голову и погрузился в таинственную думу.

– Снодграс, – продолжал м-р Пикквик строгим тоном, – где друг наш Топман? Не болен ли он?

– Нет, – отвечал м-р Снодграс, и поэтическая слеза затрепетала на роговой оболочке его глаза, точь-в-точь как дождевая капля на хрустальном стекле. – нет, он не болен.

М-р Пикквик приостановился и с великим смущением принялся осматривать своих друзей.

– Винкель, Снодграс... что все это значит? Где друг Топман? Что случилось? Какая беда разразилась над его головой? Говорите... умоляю вас, заклинаю... Винкель, Снодграс, – я приказываю вам говорить.

Наступило глубокое молчание. Торжественная осанка м-ра Пикквика не допускала никаких противоречий и уверток.

– Он уехал, – проговорил наконец м-р Снодграс.

– Уехал! – воскликнул м-р Пикквик. – Уехал!

– Уехал, – повторил м-р Снодграс.

– Куда?

– Неизвестно. Мы можем только догадываться, на основании вот этой бумаги, – сказал м-р Снодграс, вынимая письмо из кармана и подавая его президенту. – Вчера утром, когда получено было письмо от м-ра Уардла с известием, что сестра его возвращается домой вместе с вами, печаль, тяготевшая над сердцем нашего друга весь предшествовавший день, начала вдруг возрастать с невероятною силой. Вслед затем он исчез, и мы нигде не могли отыскать его целый день. Вечером трактирный конюх принес от него письмо из Моггльтона. Топман, видевшийся с ним поутру, поручил ему отдать нам эту бумагу не иначе, как в поздний час ночи.

С недоумением и страхом м-р Пикквик открыл загадочное послание и нашел в нем следующие строки, начертанные рукою несчастного друга:

«Любезный Пикквик!

Как любимец природы, щедро наделенный её благами, вы, мой друг, стоите на необозримой высоте перед слабыми смертными, и могучая душа ваша совершенно чужда весьма многих слабостей и недостатков, свойственных обыкновенным людям. Вы не знаете, почтенный друг

и благоприятель, и даже не должны знать, что такое – потерять однажды навсегда очаровательное создание, способное любить пламенно, нежно, и попасть в то же время в хитро сплетенные сети коварно-безчестного человека, который, под маской дружбы, скрывал в своем сердце жало ядовитой змеи. Сраженный беспощадною судьбой, я разом испытал на себе влияние этих двух ужасных ударов.

Письмо, адресованное на мое имя в трактир „Кожаной бутылки“, что в Кобгеме, вероятно, дойдет до моих рук... если только буду существовать на этом свете. Мир для меня ненавистен, почтенный мой друг и благоприятель, и я был бы рад погрязнуть где-нибудь в пустыне или дремучем лесу. О, если бы судьба, сжалившись над несчастным, совсем исторгла меня из среды... простите меня – пожалейте! Жизнь для меня невыносима. Дух, горящий в нашей груди, есть, так сказать, рукоятка жезла, на котором человек, этот бедный носильщик нравственного мира, носит тяжелое бремя тревожений и сует житейских: сломайте рукоятку – бремя упадет, и носильщик не будет более способен идти в дальнейший путь. Такова натура человека, дражайший мой друг! Скажите очаровательной Рахили, – ах, опять, опять!

Треси Топман».

– Мы должны немедленно оставить это место, – сказал м-р Пикквик, складывая письмо. – После того, что случилось, было бы вообще неприлично жить здесь; но теперь вдобавок мы обязаны отыскать своего друга.

И, сказав это, он быстро пошел домой.

Намерение президента немедленно распространилось по всему хутору. Напрасно м-р Уардль и его дочери упрашивали пикквикистов погостить еще несколько дней: м-р Пикквик был непреклонен. Важные дела, говорил он, требуют его личного присутствия в английской столице.

В эту минуту пришел на дачу старик пастор.

– Неужели вы точно едете? – сказал он, отведя в сторону м-ра Пикквика.

М-р Пикквик дал утвердительный ответ.

– В таком случае позвольте вам представить небольшой манускрипт, который я хотел было прочитать здесь в общем присутствии ваших друзей. Рукопись эта, вместе с некоторыми другими бумагами, досталась мне после смерти моего друга, доктора медицины, служившего в нашем провинциальном сумасшедшем доме. Большую часть бумаг я сжег; но эта рукопись, по многим причинам, тщательно хранилась в моем портфеле. Вероятно, вы так же, как и я, будете сомневаться, точно ли она есть подлинное произведение сумасшедшего человека; но во всяком случае мне весьма приятно рекомендовать этот интересный памятник ученому вниманию вашего клуба.

М-р Пикквик с благодарностью принял манускрипт и дружески расстался с обязательным пастором.

Гораздо труднее было расстаться с радушными и гостеприимными жителями Менор-Фарма. М-р Пикквик поцеловал молодых девушек – мы хотели сказать: с отеческою нежностью, как будто они были его родные дочери; но это выражение по некоторым причинам оказывается неуместным, и потому надобно сказать просто: – Пикквик поцеловал молодых девушек, обнял старую леди с сыновнею нежностью, потрепал, по патриархальному обычаю, розовые щеки смазливых горничных и вложил в их руки более субстанциальные доказательства своего отеческого одобрения. Размен прощальных церемоний с самим хозяином счастливой семьи был чрезвычайно трогателен и радушен; но всего трогательнее было видеть, как прощался поэт

Снодграс со всеми членами семейства и особенно с мисс Эмилией Уардль, начинавшей уже вполне понимать поэтические свойства молодого гостя.

Наконец, после многих возгласов, поцелуев, объятий, рукопожатий, друзья наши выбрались на открытый двор и медленными шагами выступили за ворота. Несколько раз оглядывались они на гостеприимный Менор-Фарм, и много воздушных поцелуев послал м-р Снодграс в ответ на взмах белого платочка, беспрестанно появлявшегося в одном из верхних окон.

В Моггльтоне путешественники добыли колесницу, доставившую их в Рочестер без дальнейших приключений. Дорогой общая печаль их несколько утратила свою сокрушительную силу, и они уже могли, по прибытии в гостиницу, воспользоваться превосходным обедом, изготовленным на кухне «Золотого быка». Отобрав, наконец, необходимые справки относительно дальнейшей езды, друзья наши через несколько часов после обеда, отправились в Кобгем.

То была превосходная прогулка, так как июньский день склонялся к вечеру и на безоблачном небе солнце продолжало еще сиять во всем своем блеске. Путь наших друзей лежал через густой и тенистый лес, прохлаждаемый слегка свежим ветерком, шелестевшим между листьями, и оживляемый разнообразным пением птиц, порхавших с кустика на кустик. Мох и плющ толстыми слоями обвивались вокруг старых деревьев, и зеленый дерн расстился шелковым ковром по мягкой земле. Путешественники подъезжали к открытому парку с древним замком, обнаружившим перед их глазами затейливые выдумки живописной архитектуры времен королевы Елисаветы. Со всех сторон виднелись тут длинные ряды столетних дубов и вязов; обширные стада оленей весело щипали свежую траву, и по временам испуганный заяц выбегал на долину с быстротой теней, бросаемых на землю облаками в солнечный ландшафт.

– О, если б все оскорбленные и страждущие от вероломства людей приходили со своей тоской на это поэтическое место, – я убежден, привязанность их к жизни возвратилась бы немедленно при одном взгляде на эти прелести природы:

Так воскликнул м-р Пикквик, упоенный философическим очарованием и озаренный вдохновением счастливых мыслей.

– Я совершенно согласен с вами, – сказал м-р Винкель.

– И нельзя не согласиться, – подтвердил м-р Пикквик. – Это место придумано, как нарочно, для оживления страдающей души закоренелых мизантропов.

М-р Снодграс и м-р Винкель изъявили еще раз свое совершеннейшее согласие на глубокомысленное замечание президента.

Через несколько минут трое путешественников были уже подле деревенского трактира «Кожаной бутылки» и заботливо расспрашивали о своем друге.

– Томми, ведите джентльменов в общую залу, – сказала трактирщица.

Коренастый малый, двадцати лет с небольшим, отворил дверь в конце коридора и ввел путешественников в длинную низенькую комнату, меблированную по всем сторонам кожаными стульями с высокими спинками, и украшенную по стенам разнообразною коллекцией портретов и фигур самого фантастического свойства. На верхнем конце этой залы находился стол, на столе – белая скатерть деревенского изделия, на белой скатерти – жареная курица, ветчина, бутылка мадеры, две бутылки шотландского пива, и прочая, и прочая. За столом сидел не кто другой, как сам м-р Топман, удивительно мало похожий на человека, проникнутого ненавистью к благам земной жизни.

При входе друзей м-р Топман положил на стол ножик и вилку и с печальным видом вышел к ним на встречу.

– Я вовсе не рассчитывал на удовольствие встретить вас в здешней глуши, – сказал м-р Топман, пожимая руку президента, – это очень любезно с вашей стороны.

– А! – воскликнул м-р Пикквик, усаживаясь за стол и отирая крупные капли пота со своего чела. – Доканчивай свой обед и выходи со мной гулять: нам нужно поговорить наедине.

М-р Топман, беспрекословно послушный повелениям президента, принялся с замечательной быстротой уничтожать одно за другим скромные блюда деревенского обеда. М-р Пикквик между тем прохлаждал себя обильными возлияниями пива и мадеры. Лишь только обед приведен был к вожделенному концу, президент и член Пикквикского клуба отправились гулять, оставив своих друзей в зале «Кожаной бутылки».

Минут тридцать ходили они за оградой деревенской церкви, и, судя по жестам президента можно было догадаться, что м-р Пикквик опровергал с особенною живостью возражения и доказательства своего упрямого противника. Мы не станем повторять подробностей этой одушевленной беседы, неизобразимой, конечно, ни пером, ни языком. Утомился ли м-р Топман продолжительной ходьбой после сытного обеда, или он почувствовал решительную неспособность противиться красноречивым доказательствам великого мужа, дело остается под сомнением; только он уступил, наконец, во всем и признал над собою совершенную победу.

– Так и быть, – сказал он, – где бы ни пришлось провести мне остаток своих печальных дней, это, конечно, все равно. Вы непременно хотите пользоваться скромным обществом несчастного друга – пусть: я согласен разделять труды и опасности ваших предприятий.

М-р Пикквик улыбнулся, пожал протянутую руку, и оба пошли назад к своим друзьям.

В эту самую минуту благодетельный случай помог м-ру Пикквику сделать то бессмертное открытие, которое доставило громкую известность его клубу и распространило его антикварскую славу по всей вселенной. Они уже миновали ворота «Кожаной бутылки» и углубились гораздо далее в деревню, прежде чем вспомнили, где стоял деревенский трактир. Обернувшись назад, м-р Пикквик вдруг увидел недалеко от дверей крестьянской хижинки небольшой растреснувшийся камень, до половины погребенный в земле. Он остановился.

– Это очень странно, – сказал м-р Пикквик.

– Что такое странно? – с беспокойством спросил м-р Топман, озираясь во все стороны и не останавливаясь ни на каком определенном предмете. – Бог с вами, Пикквик, что такое?

М-р Пикквик между тем, проникнутый энтузиазмом своего чудного открытия, стоял на коленях перед маленьким камнем и заботливо стирал с него пыль носовым платком.

– Надпись, надпись! – воскликнул м-р Пикквик.

– Возможно ли? – воскликнул м-р Топман.

– Уж я могу различить, – продолжал м-р Пикквик, вытирая камень и бросая пристальные взгляды через свои очки, – уж я могу различить крест и букву Б, и букву Т. Это очень важно, – сказал он, быстро вскочив на свои ноги. – Надпись отличается всеми признаками старины, и, быть может, она существовала за несколько веков до начала деревни. Надобно воспользоваться этим обстоятельством.

М-р Пикквик постучался в дверь избы. Явился крестьянин.

– Не знаете ли вы, мой друг, каким образом попал сюда этот камень? – спросил м-р Пикквик благосклонным тоном.

– Нет, сэр, не знаю, – отвечал учтиво спрошенный. – Он, кажись, лежал здесь еще прежде, чем родился мой отец.

М-р Пикквик бросил на своего товарища торжествующий взгляд.

– Послушайте, любезный, – продолжал м-р Пикквик взволнованным тоном, – ведь этот камень, я полагаю, вам не слишком нужен: не можете ли вы продать его?

– Да кто-ж его купит? – спросил простодушный крестьянин.

– Я дам вам десять шиллингов, – сказал м-р Пикквик с лукавым видом, – если вы потрудитесь отрыть его для меня.

Глупый человек вытаращил глаза, взял деньги и отвесил низкий поклон щедрому джентльмену, не думая и не гадая, какую драгоценность уступал он за ничтожную сумму ученому свету. М-р Пикквик собственными руками поднял отрытый камень, очистил с него мох и, воротясь в трактир, положил его на стол.

В несколько минут драгоценный камень был вымыт, вычищен, выхолен, и восторг пикквикистов выразился самыми энергическими знаками, когда общие их усилия увенчались вождленным успехом. Камень был неровен, растреснулся, и неправильные буквы тарацились вкривь и вкось; при всем том, ученые мужи могли ясно разобрать остаток следующей надписи:

+
Б И Л С Т У
М С П Р
И Л Ж
И Л
З Д Е С В О Т А
В Р О.

М-р Пикквик сидел, потирая руки, и с невыразимым наслаждением смотрел на сокровище, отысканное им. Честолюбие его было теперь удовлетворено в одном из самых главных пунктов. В стране, изобилующей многочисленными остатками средних веков, в бедной деревушке, поселившейся на классической почве старины – он... он... президент Пикквикского клуба, открыл весьма загадочную и во всех возможных отношениях любопытную надпись, ускользавшую до сих пор от наблюдения стольких ученых мужей, предшествовавших ему на поприще археологических разысканий. Драгоценный камень должен будет объяснить какой-нибудь запутанный факт в европейской истории средних веков, и – почему знать? быть может, суждено ему изменить самый взгляд на критическую разработку исторических материалов. М-р Пикквик смотрел во все глаза и едва верил своим чувствам.

– Ну, господа, – сказал он наконец, – это дает решительное направление моим мыслям: завтра мы должны возвратиться в Лондон.

– Завтра! – воскликнули в один голос изумленные ученики.

– Завтра, – повторил м-р Пикквик. – Ученый свет должен немедленно воспользоваться отысканным сокровищем и употребить все свои усилия для определения настоящего смысла древних писем. Притом есть у меня в виду другая довольно важная цель. Через несколько дней, город Итансвилль будет выбирать из своей среды представителей в парламент, и знакомый мне джентльмен, м-р Перкер, приглашен туда, как агент одного из кандидатов. Наша обязанность, господа, явиться на место действия и вникать во все подробности дела, столь дорогого для всякого англичанина, уважающего в себе национальное чувство.

– Отлично! – воскликнули с энтузиазмом его друзья.

М-р Пикквик бросил вокруг себя испытующий взгляд. Пламенное усердие молодых людей, столь ревностных к общему благу, распалило его собственную грудь благороднейшим энтузиазмом. М-р Пикквик стоял во главе пылкого юношества, он это чувствовал и знал.

– Господа, предлагаю вам окончить этот день пирушкой в честь и славу науки! – воскликнул президент вдохновенным тоном.

И это предложение было принято с единодушным восторгом. М-р Пикквик уложил свое сокровище в деревянный ящик, купленный нарочно для этой цели у содержательницы трактира, и поспешил занять за столом президентское место. Весь вечер посвящен был заздравным тостам и веселой дружеской беседе.

Было уже одиннадцать часов, – позднее время для маленькой деревушки, – когда м-р Пикквик отправился в спальню, приготовленную для него заботливой прислугой. Он отворил окно, поставил на стол зажженную свечу и погрузился в глубокомысленные размышления о достопамятных событиях двух последних дней.

Время и место были удивительным образом приспособлены к философическому созерцанию великого человека. М-р Пикквик сидел, облокотившись на окно, сидел и думал. Бой часового колокола, прогудевшего двенадцать, впервые возвратил его к действительному

миру. Первый удар отозвался торжественным звуком в барабанчике его ушей; но когда смолкло все и наступила тишина могилы, м-р Пикквик почувствовал себя совершенно одиноким. Взволнованный этой внезапной мыслью, он разделся на скорую руку, задул свечу и лег в постель.

Всякий испытал на себе то неприятное состояние духа, когда ощущение физической усталости напрасно вступает в бессильную борьбу с неспособностью спать. В этом именно состоянии находился м-р Пикквик теперь, в глухой полночный час. Он повертывался с бока на бок, щурил и сжимал глаза; пробовал лежать спиной вниз и спиной вверх: все бесполезно! Было ли то непривычное напряжение, испытанное в этот вечер: жар, духота, водка и коньяк, странная постель, или другие какие-нибудь неразгаданные обстоятельства, только мысли м-ра Пикквика с неотразимой силой обращались на фантастические портреты в трактирной комнате, и он невольно припоминал волшебные сказки самого фантастического свойства. Провертевшись таким образом около часа, он пришел к печальному заключению, что ему суждено совсем не спать в эту тревожную ночь. Досадуя на себя и на судьбу, он встал, обулся и набросил халат на свои плечи. «Лучше какое-нибудь движение, думал он, чем бесплодные мечты, лишённые всякой разумной мысли». Он взглянул в окно – было очень темно; прошелся вокруг спальни – было очень тесно.

Переходя тревожно от дверей к окну и от окна к дверям, он вдруг припомнил в первый раз, что с ним был манускрипт пастора. Счастливая мысль! Одно из двух: или найдет он интересное чтение, или будет скучать, зевать и, наконец, уснет. Он вынул тетрадь из кармана своей бекешки, придвинул к постели круглый столик, зажег свечу, надел очки и приготовился читать. Почерк был очень странный, и бумага во многих местах почти совершенно истерлась. Фантастическое заглавие заставило м-ра Пикквика припрыгнуть на своей постели, и он бросил вокруг себя беспокойный взгляд. Скоро, однако ж, ученый муж успокоился совершеннейшим образом, кашлянул два-три раза, снял со свечки, поправил очки и внимательно начал читать: «Записки сумасшедшего».

«Сумасшедший – да! Каким неистово ужасным звуком это слово раздалось в моих ушах в давно-бывалые годы! Помню смертельный страх, насильственно вторгшийся в мою молодую грудь, помню бурливое kloкотание горячей крови, готовой застыть и оледениться в моих жилах при одном этом слове, и помню я, как замирал во мне дух, и колена мои тряслись и подгибались при одной мысли о возможности сойти с ума!

Как часто в глухой полночный час, проникнутый судорожным трепетом, я вставал со своей постели, становился на колени и молился долго, пламенно молился, чтоб всемогущая сила избавила меня от проклятия, тяготевшего над родом моим! Как часто, отуманенный инстинктивной тоской среди веселых игр и забав, я вдруг удалялся в уединенные места и проводил сам с собою унылые часы, наблюдая за ходом горячки, начинавшей пожирать мой слабый, постепенно размягчавшийся мозг. Я знал, что зародыш бешенства был в моей крови, что оно глубоко таилось в мозгу моих костей, что одно поколение нашего рода окончило свой век, не быв зараженным этою фамильною чумой, и что я первый должен был начать свой особый, новый ряд бешеных людей. Так было прежде, и, следовательно, – я знал, – так будет впереди. Забываясь по временам в уединенный угол шумной залы, я видел, как вдруг умолкали веселые толпы, перемигивались, перешептывались, и я знал, что речь их идет о несчастном человеке, близком к потере умственных сил своей духовно-нравственной природы. Заранее отчужденный от общества людей, я молчал, скучал и думал.

Так прошли годы, длинные-предлинные годы. Ночи в здешнем месте тоже иной раз бывают очень длинные; но ровно ничего не значат они в сравнении с тогдашними ночами и страшными грезами печальных лет тревожной юности моей. Больно вспоминать про те годы, и грудь моя надрывается от страха даже теперь, когда я воображаю мрачные формы чудовищ, выставлявших свои гнусные рожи из всех углов моей одинокой спальни. Склоняясь над моим

изголовьем и передразнивая меня своими длинными языками, они гомозились вокруг моих ушей и нашептывали с диким, затаенным смехом, что пол того старого дома, где умер отец моего отца, обогрен был его собственной кровью, которую исторг он сам из своих жил в припадке бешеного пароксизма. Напрасно затыкал я уши и забивал свою голову в подушки: чудовища визжали неистово и дико, что поколение, предшествовавшее деду, оставалось свободным от фамильной мании, но что его собственный дед прожил целые десятки лет, прикованный к стене железной цепью и связанный по рукам и ногам. Чудовища называли правду – это я знал, хорошо знал, Я отыскал все подробности в фамильных бумагах, хотя их тщательно старались от меня скрывать. Ха, ха, ха! Я был слишком хитер, нет нужды, что сумасшедший.

Мания, наконец, обрушилась надо мной всею своею силой, и я удивился, отчего мне прежде было так страшно сойти с ума. Теперь вступил я в большой свет, пришел в соприкосновение с умными людьми, говорил, острил, делал предположения, проекты, и привел в исполнение множество нелепых планов, озадачивших своею оригинальностью дальновидных мудрецов. Я смеялся до упада в тиши своего кабинета, и никто в целом мире не подозревал, что голова моя страдала размягчением мозга. С каким восторгом поздравил я себя, что умел так искусно провести, надуть и одурачить всех своих любезнейших друзей, видевших во мне остряка и прожектера, готового работать вместе с ними на общую пользу! О, если бы знали они, с кем вели свои дела! Случалось, иной друг обедал со мною за одним столом с глазу-на-глаз и беззаботно веселился, выпивая тост за тостом за мое „драгоценное“ здоровье; как бы побледнел он и с какою быстротой ринулся бы вон из дверей, если б мог вообразить на одну минуту, что любезнейший друг, сидевший подле него с острым и блестящим ножом в руках, есть никто другой, как сумасшедший человек.

Сокровища перешли в мои руки, богатство полилось через край, и я утопал в океане удовольствий, которых ценность стократ увеличилась в моих глазах от сознания, что я с таким искусством умел скрывать свою заветную тайну. Я получил в наследство огромное имение. Закон, даже сам стоглазый закон, приведенный в заблуждение, поручил сумасшедшему управление землей и капиталом, отстранив целые десятки разумных претендентов. Куда смотрели проницательные люди, гордые своим здравым рассудком? Куда девалась опытность законовевдов, способных открывать проблеск истины во мраке заблуждений?

У меня были деньги: – за мной ухаживал весь свет. Я мотал свое золото безумно, – каждый прославлял мою щедрость. О, как унижались передо мной эти три гордые брата! Да и сам отец, седовласый старец, – какое уважение, почтение, снисходительность, благоговение ко мне с его стороны! У старика была дочь, у молодых людей – сестра; все пятеро не имели иной раз чем накормить голодную собаку. Я был богат, и когда меня женили на молодой девице, улыбка торжества озарила веселые лица убогих родственников, воображавших в простоте сердечной, что замысловатые их планы увенчались вожделенным успехом. Дошел черед и до моей улыбки. Улыбки? Нет, я смеялся, хохотал, рвал свои волосы и катался по ковру перед брачной постелью, упоенный своим блистательным успехом. Как мало думали они, на какую жертву была обречена молодая девица!

Думали? – Зачем им думать? Какая нужда всем этим господам, что сестра их связала свою судьбу с сумасшедшим мужем? Что значило для них счастье сестры, противопоставленное золоту её супруга? Что могло значить легкое перо, бросаемое на воздух моей рукой, в сравнении с золотой цепью, которая украшает мое тело?

В одном только я ошибся жестоко, несмотря на всю свою хитрость. Бывают иногда минуты умственного омрачения даже с теми, которые, как я, лишены своего природного рассудка. Голова моя была в чаду, и я стремглав низринулся в расставленные сети. Не будь я сумасшедший, я бы, вероятно, понял и догадался в свое время, что молодая девушка – будь это в её власти – согласилась бы скорее закупорить себя в свинцовом гробе, чем перешагнуть за порог моих мраморных палат с титулом невесты богача. Поздно узнал я, что сердце её уже издавна

посвящено было пленительным формам розового юноши с черными глазами: – раз она произнесла его имя в тревожном сне, убаюканная зловещей мечтой. Узнал я, что ее с намерением принесли в жертву, чтобы доставить кусок хлеба гордым братьям и старому отцу.

Теперь я не могу помнить лиц, очертаний и фигур; но я знаю, молодая девушка слыла красавицей и вполне заслуживала эту славу. Она прелестна, я это знаю. В светлые лунные ночи, когда все покойно вокруг и я пробуждаюсь от своего сна, я вижу, как в углу этой самой кельи стоит, без слов и без движения, легкая прозрачная фигура с длинными черными волосами, волнующимися на её спине от колыханий неземного ветра, и с блестящими глазами, которые пристально смотрят на меня, не мигая и не смыкаясь ни на одно мгновение. Уф! кровь стынет в моем сердце, когда я пишу эти строки, – её это форма, её вид и осанка. Лицо её бледно, глаза блестят каким-то светом, но я помню и знаю, что все эти черты принадлежали ей. Фигура не двигается никогда, не морщит своего чела, не хмурит бровей и не делает гримас, как другие призраки, наполняющие эту келью; но она страшнее для моих глаз, чем все эти духи, терзавшие меня в давно-истекшие годы. Из могилы вышла она, и свежее дыхание смерти на её челе.

Целый год почти наблюдал я, как лицо её бледнело со дня на день; целый год почти я видал, как слезы текли по её печальным щекам без всякой видимой причины. Наконец, я все узнал. Она не любила меня никогда – этого я отнюдь не подозревал: она презирала мое богатство, ненавидела блеск и пышность, среди которой жила – этого я никак не ожидал. Она любила другого. Об этом я никогда и не думал. Странные чувства забились в моей груди, и мысли, одна другой мрачнее и страшнее, вихрем закружились в моем размягченном мозгу. Я далек был от того, чтобы ненавидеть ее, хотя ненависть к предмету её любви с диким буйством закаталась в моем сердце. Я жалел о злосчастной жизни, на которую обрек ее холодный эгоизм бесчувственной родни. Я знал, что бедственные часы её жизни сочтены неумолимой судьбой, но меня мучила мысль, что ранее своей смерти она, быть может, произведет на свет злосчастное существо, осужденное, подобно мне, выносить страдания наследственного умопомешательства... и я решился убить ее.

Несколько недель я раздумывал, какому роду смерти отдать предпочтение. – Сперва я подумал об отраве; потом мне пришла мысль утопить мою жертву; наконец, я остановился на огне. Наш громадный дом объят пламенем, а жена сумасшедшего превратилась в уголь и золу, – какая поразительная картина! Я долго лелеял эту мысль и хохотал до упаду, представляя себе, как разумные люди станут относиться к этой штуке, ничего в ней не понимая, и как ловко они будут проведены хитростью сумасшедшего! Однакож, по зрелом размышлении, я нашел, что огонь непригоден для моей цели. Бритва заняла все мое внимание. О! какое наслаждение испытывал я день за днем, натачивая ее и представляя в своем воображении тот рубец, какой будет сделан ею на шее моей жены.

Наконец, явились ко мне старые чудовища, которые и прежде руководили моими действиями, и на разные голоса прошептали, что пришла пора действовать, и положили мне в руку открытую бритву. Я крепко сжал ее, быстро вскочил с постели и наклонился над своей спящей женой. её лицо было прикрыто рукой; я осторожно отодвинул руку, и она упала на грудь несчастной женщины. Видимо, жена моя плакала недавно, потому что на щеках её еще оставались незасохшие капли слез. её бледное лицо было кротко и спокойно и в то время, как я смотрел на него, оно озарялось нежной улыбкой. Я осторожно положил руку на плечо. Она вздрогнула, но еще во сне. Я наклонился ниже... Она вскрикнула и пробудилась.

Одно движение моей руки – и звук навсегда бы замер в её груди. Но я испугался и отступил шаг назад. её глаза пристально смотрели на меня, и не знаю, отчего это случилось, но только её взгляд производил во мне чувство трепета и смятения. Она поднялась с кровати. Я задрожал, бритва была у меня в руке, но я не мог пошевелиться. Она стала медленно отступать к двери, продолжая смотреть на меня своим спокойным, пристальным взглядом. При-

близившись к двери, она обернулась. Очарование исчезло. Я подскочил вперед и схватил её за руку. Она вскрикнула раз и другой и упала на пол.

Теперь я мот убить ее без всякого сопротивления, но в доме уже была произведена тревога. Я услышал стук шагов на ступенях лестницы. Я вложил бритву в футляр, отпер дверь на лестницу и громко позвал на помощь.

Пришли люди, подняли ее и положили на кровать. Целые часы не приходила она в себя, а когда пришла и к ней воротилась способность говорить, она потеряла рассудок, стала дика и даже свирепа.

Призвали докторов. Великие люди подкатили к моему подъезду на прекрасных лошадях, и жирные лакеи стояли на запятках их карет. Несколько недель сряду бодрствовали они при постели моей больной жены. Открылся, наконец, между ними великий консилиум, и они совещались в другой комнате с торжественною важностью, обращая друг к другу на таинственном наречии врачебного искусства. После консультации, один из самых знаменитых эскулапов предстал передо мной с глубокомысленным лицом, отвел меня в сторону, сделал ученое вступление, сказал в утешение и назидание несколько красноречивых слов, и объявил мне, сумасшедшему, – что жена моя сошла с ума. Он стоял со мною у открытого окна, и его рука лежала на моем плече. Стоило употребить весьма легкое усилие, и премудрый эскулап полетел бы вверх ногами на кирпичный тротуар. Это была бы превосходнейшая штука! Но я глубоко таил в своей груди заветную тайну, и эскулап остался невредим. Через несколько дней мне было объявлено, что больную должно запереть в каком-нибудь чулане, под строгим надзором опытной сиделки: сумасшедший должен был озаботиться насчет ареста своей жены. Я удалился за город в открытое поле, где никто не мог меня слышать, и громко хохотал я, и дикий крик мой долго разносился по широкому раздолью.

Она умерла на другой день. Почтенный старец с седыми волосами сопровождал на кладбище свою возлюбленную дочь, и нежные братцы оросили горькими слезами бесчувственное тело своей сестрицы.

Дух мой волновался, чувства били постоянную тревогу, и я предугадывал инстинктивно, что секрет мой, рано или поздно, делается известным всему свету, что меня назовут её убийцей. Я не мог постоянно скрывать своей дикой радости и буйного разгула, клокотавшего в моей груди. Оставаясь один в своей комнате, я прыгал, скакал, бил в ладоши, кувыркался, плясал, и дикий восторг мой раздавался иной раз по всему дому. Когда я выходил со двора и видел на улицах шумные толпы, когда сидел в театре, слышал звуки оркестра и смотрел на танцующих актеров, неистовая радость до того начинала бушевать в моей груди, что я томился непреодолимым желанием выпрыгнуть на сцену и разорвать на мелкие куски весь этот народ. Но, удерживая порывы своего восторга, я скрежетал зубами, топал ногой и крепко прижимал острые ногти к ладоням своих собственных рук. Все шло хорошо, и никто еще не думал, не гадал, что я был сумасшедший.

Помню... это, однако ж, последняя вещь, которую я еще могу хранить в своей памяти: действительность в моем мозгу перемешивается теперь на половину с фантастическими грезами, да и нет у меня времени отделять перепутанные идеи одну от другой. – Помню, как, наконец, меня вывели на свежую воду. Ха, ха, ха! Еще я вижу, как теперь, их испуганные взоры, еще чувствую, как сжатый кулак мой бороздил их бледные щеки и как потом, с быстротой вихря, я бросился вперед, оставив их оглашать бесполезным визгом и гвалтом пустое пространство. Сила гиганта объемлет меня, когда я думаю теперь об этом последнем подвиге в своей жизни между разумными людьми. Вот... вот как дребезжит, хрустит, ломается и гнется эта железная решетка под моей могучей рукой. Я мог бы искромсать ее, как гибкий сучок, если бы мог видеть определенную цель для такого маневра; но здесь пропасть длинных галлереи, запоров, дверей: трудно было пробить себе дорогу через все эти преграды. Да если б и про-

бил, на дворе, я знаю, пришлось бы наткнуться на железные ворота, всегда запертые и задвинутые огромным железным болтом. Всем здесь известно, что я был за человек.

Ну да... так точно: я выезжал на какой-то спектакль. Было уже поздно, когда я воротился домой. Мне сказали, что в гостиной дожидается меня один из трех братьев, желавший, сказал он, переговорить со мною о каком-то важном деле: я помню это хорошо. Этот человек, должно заметить, служил для меня предметом самой остервенелой ненависти, к какой только способен сумасшедший. Уже давно я собирался вонзить свои когти в его надменную морду. Теперь мне доложили, что он сидит и ждет меня для переговоров. Я быстро побежал наверх. Ему нужно было сказать мне пару слов. По данному знаку слуги удалились. Было поздно, и мы остались наедине, с глазу на глаз – первый раз в жизни.

Я тщательно отворотил от него свои глаза, так как мне было известно, – и я гордился этим сознанием, – что огонь бешенства изливался из них ярким потоком. Мы сидели молча несколько минут. Он первый начал разговор. Странные выходки с моей стороны, говорил он, последовавшие немедленно за смертью моей сестры, были некоторым образом оскорблением священной её памяти. Соображая различные обстоятельства, ускользавшие прежде от его внимания, он был теперь почти убежден, что я дурно обращался с его сестрой. Поэтому он желал знать, справедливо ли он думал, что я злонамеренно оскорбляю память несчастной покойницы и оказываю явное неуважение к её осиротелому семейству. Звание, которое он носит, уполномочивает его требовать от меня таких объяснений.

Этот человек имел должность, красивую должность, купленную на мои деньги. В его голове прежде всего родился и созрел остроумный план – заманить меня в западню и овладеть моим богатством. Больше всех и настойчивее всех других членов семейства принуждал он свою сестру выйти за меня, хотя знал, что сердце её принадлежало молодому человеку, любившему ее до страсти. Звание уполномочивает его! Но это звание было позорной ливреей его стыда! Против воли я обратил на него свой взор, но не проговорил ни слова.

Под влиянием этого взора, физиономия его быстро начала изменяться. Был он не трус, но краска мгновенно сбежала с его лица, и он отодвинул свой стул. Я подсел к нему ближе и когда я засмеялся – мне было очень весело, – он вздрогнул. Бешенство сильнее заклокотало в моей крови. Он испугался.

– А вы очень любили свою сестрицу, когда она была жива? – спросил я. – Очень?

Он с беспокойством оглянулся вокруг, и я увидел, как рука его ухватилась за спинку стула. Однакож, он не сказал ничего.

– Вы негодай, сэр, – продолжал я веселым тоном, – я открыл ваши адские замыслы против меня и узнал, что сердце вашей сестры принадлежало другому, прежде чем вы принудили ее вступить в ненавистный брак. Я знаю все и повторяю – вы негодай, сэр.

Он вскочил, как ужаленный вепрь, высоко поднял стул над своею головою и закричал, чтоб я посторонился, тогда как мы стояли друг перед другом лицом к лицу.

Голос мой походил на дикий визг, потому что я чувствовал бурный прилив неукротимой злобы в своей груди. Старые чудовища выступали на сцену перед моими глазами и вдохновляли меня мыслью – растерзать его на части.

– Будь ты проклят, изверг! – взвизгнул я во всю мочь. – Я сумасшедший! Провались ты в тартарары!

Богатырским взмахом я отбил деревянный стул, брошенный мне в лицо, схватил его за грудь, и оба мы грянулись на пол.

То была не шуточная борьба. Высокий и дюжий мужчина, он сражался за свою жизнь. Я знал, ничто в мире не сравняется с моей силой, и притом – правда была на моей стороне... Да, на моей, хоть я был сумасшедший. Скоро он утомился в неравной борьбе. Я наступил коленом на его грудь и обхватил обеими руками его мясистое горло. Его лицо покрылось багро-

вой краской, глаза укатились под лоб, он высунул язык и, казалось, принялся меня дразнить. Я стиснул крепче его шею.

Вдруг дверь отворилась, с шумом и гвалтом ворвалась толпа народа и дружно устремилась на сумасшедшего силача.

Секрет мой был открыт, и теперь надлежало мне бороться за свою свободу. Быстро вскочил я на ноги, бросился в самый центр своих врагов и мгновенно прочистил себе путь, как будто моя могучая рука была вооружена секирой. Выоркнув из двери, я одним прыжком перескочил через перила и в одно мгновение очутился среди улицы.

Прямо и быстро побежал я, и никто не смел меня остановить. Я слышал шум позади и удвоил свое бегство. Шум становился слабее и слабее и, наконец, совсем заглох в отдаленном пространстве; но я стремительно бежал вперед, перепрыгивая через болота, через рвы, перескакивая через стены, с диким воем, криком и визгом, которому дружным хором вторили воздушные чудовища, толпившиеся вокруг меня спереди и сзади, справа и слева. Демоны и чертенята подхватили меня на свои воздушные руки, понесли на крыльях ветра, заголосили, зажужжали, застонали, засвистали, перекинули меня через высокий забор, закружили мою голову, и я грянулся без чувств на сырую землю. Пробужденный и приведенный в себя, я очутился здесь, в этой веселой келье, куда редко заходит солнечный свет и куда прокрадываются лучи бледного месяца единственно для того, чтобы резче оттенять мрачные призраки и эту безмолвную фигуру, которая вечно жмется в своем темном углу. Бодрствуя почти всегда, днем и ночью, я слышу иногда странные визги и крики из различных частей этой обширной палаты. Кто и чего добивается этим гвалтом, я не знаю; но в том нет сомнения, что бледная фигура не принимает в нем ни малейшего участия. Лишь только первые тени ночного мрака набегут в эту келью, она, тихая и скромная, робко забивается в свой темный уголок и стоит неподвижно на одном и том же месте, прислушиваясь к веселой музыке моей железной цепи и наблюдая с напряженным вниманием мои прыжки по соломенной постели».

В конце манускрипта было приписано другою рукою следующее замечание:

«Случай довольно редкий и не совсем обыкновенный. Сумасбродство несчастливца, начертавшего эти строки, могло быть естественным следствием дурного направления, сообщенного его способностям в раннюю эпоху молодости. Буйная жизнь, необузданные прихоти и всевозможные крайности должны были постепенно произвести размягчение в мозгу, лихорадочное брожение крови и, следовательно, извращение нормального состояния интеллектуальных сил. Первым действием помешательства была странная идея, будто наследственное бешенство переходило в его фамилии из рода в род: думать надобно, что он случайно познакомился с известною медицинскою теорией, допускающей такое несчастье в человеческой природе. Мысль эта сообщила мрачный колорит деятельности его духа, произвела болезненное безумие, которое под конец естественным образом превратилось в неистовое бешенство. Весьма вероятно, и даже нет никакого сомнения, что все описанные подробности, быть может, несколько изуродованные больным его воображением, случились на самом деле. Должно только удивляться и вместе благодарить судьбу, что он, оставаясь так долго незамеченным в кругу знакомых и близких особ, не произвел между ними более опустошительных бед: чего не в состоянии сделать человек с пылкими страстями, не подчиненными управлению здравого рассудка?»

Лишь только м-р Пикквик окончил чтение пасторской рукописи, свеча его совсем догорела, и свет угас внезапно без всяких предварительных мерцаний, шипений и хрустений в знак последнего издыхания, что естественным образом сообщило судорожное настроение организму великого мужа. Бросив на стул ночные статьи своего туалета и кинув вокруг себя боязливый взгляд, он поспешил опять запрятаться под одеяло и на этот раз весьма скоро погрузился в глубокий сон.

Солнце сияло великолепно на безоблачном небе, и был уже поздний час утра, когда великий человек пробудился от своего богатырского сна. Печальный мрак, угнетавший его

в продолжение бессонной ночи, исчез вместе с мрачными тенями, покрывавшими ландшафт, и мысли его были так же свежи, легки и веселы, как блистательное летнее утро. После скромного завтрака в деревенском трактире четыре джентльмена выступили дружной группой по дороге в Гревсенд, в сопровождении крестьянина, который нес на своей спине деревянный ящик с драгоценным камнем. Они прибыли в этот город в час пополудни, сделав предварительное распоряжение, чтоб вещи их были отправлены из Рочестера в Сити. Дилижанс только что отправился в Лондон, путешественники взяли места на империале и через несколько часов приехали благополучно в столицу Великобритании.

Следующие три или четыре дня были употреблены на приготовление к путешествию в город Итансвилль. Так как всякое отношение к этому важному предприятию требует особенной главы, то мы, пользуясь здесь немногими оставшимися строками, расскажем коротко историю знаменитого открытия в области антикварской науки.

Из деловых отчетов клуба, бывших в наших руках, явствует, что м-р Пикквик читал записку об этом открытии в общем собрании господ членов, созванных ввечеру на другой день после возвращения президента в английскую столицу. При этом, как и следовало ожидать, м-р Пикквик вошел в разнообразные и чрезвычайно остроумные ученые соображения о значении древней надписи. Впоследствии она была скопирована искусным художником и представлена королевскому обществу антиквариетов и другим ученым сословиям во всех частях света. Зависть и невежество, как обыкновенно бывает, восстали соединенными силами против знаменитого открытия. М-р Пикквик принужден был напечатать брошюру в девяносто шесть страниц мелкого шрифта, где предлагал двадцать семь разных способов чтения древней надписи. Брошюра, тотчас же переведенная на множество языков, произвела сильное впечатление в ученом мире, и все истинные любители науки объявили себя на стороне глубокомысленных мнений президента. Три почтенных старца лишили своих старших сыновей наследства именно за то, что они осмелились сомневаться в древности знаменитого памятника, и вдобавок нашелся один эксцентрический энтузиаст, который, в припадке отчаяния постигнуть смысл мистических начертаний, сам добровольно отказался от прав майоратства. Семьдесят европейских и американских ученых обществ сделали м-ра Пикквика своим почетным членом: эти общества, при всех усилиях, никак не могли постигнуть настоящего смысла древней надписи; но все без исключения утверждали, что она имеет необыкновенно важный характер.

Один только нахал, – и мы спешим передать имя его вечному презрению всех истинных любителей науки, – один только нахал дерзновенно хвастался тем, будто ему удалось в совершенстве постигнуть настоящий смысл древнего памятника, смысл мелочный и даже ничтожный. Имя этого нахала – м-р Блоттон. Раздираемый завистью и снедаемый низким желанием помрачить славу великого человека, м-р Блоттон нарочно для этой цели предпринял путешествие в Кобгем и по приезде саркастически объявил в своей гнусной речи, произнесенной в полном собрании господ членов, будто он, Блоттон, видел самого крестьянина, продавшего знаменитый камень, принадлежавший его семейству. Крестьянин соглашался в древности камня, но решительно отвергал древность надписи, говоря, будто она есть произведение его собственных рук и будто ее должно читать таким образом: «Билль Стумпс приложил здесь свое тавро». Все недоразумения ученых, доказывал Блоттон, произошли единственно от безграмотности крестьянина, совершенно незнакомого с правилами английской орфографии. Билль Стумпс – имя и фамилия крестьянина; тавром называл он клеймо, которое употреблял для своих лошадей. Вся эта надпись, подтверждал Блоттон, нацарапана крестьянином без всякой определенной цели.

Само собою разумеется, что Пикквикский клуб, проникнутый достоподобным презрением к этому бесстыдному и наглому шарлатанству, не обратил никакого внимания на предложенное объяснение. М-р Блоттон, как злонамеренный клеветник и невежда, был немедленно отстранен от всякого участия в делах клуба, куда строжайшим образом запретили ему

самый вход. С общего согласия господ членов решено было, в знак совершеннейшей доверенности и благодарности, предложить в подарок м-ру Пикквику пару золотых очков, которые он и принял с искреннею признательностью. Свидетельствуя в свою очередь глубокое уважение к почтенным товарищам и сочленам, м-р Пикквик предложил снять с себя портрет, который и был для общего назидания повешен в парадной зале клуба.

К стыду науки, мы должны здесь с прискорбием объявить, что низверженный м-р Блоттом отнюдь не признал себя побежденным. Он также написал брошюру в тридцать страниц и адресовал ее семидесяти ученым обществам Америки и Европы. Брошюра дерзновенно подтверждала свое прежнее показание и намекала вместе с тем на близорукость знаменитых антиквариюв. Имя м-ра Блоттона сделалось предметом общего негодования, и его опровергли, осмеяли, уничтожили в двух стах памфлетах, появившихся почти одновременно во всех европейских столицах на живых и мертвых языках. Все эти памфлеты с примечаниями, дополнениями и объяснениями Пикквикский клуб перевел и напечатал на свой собственный счет в назидание и урок бесстыдным шарлатанам, осмеливающимся оскорблять достоинство науки. Таким образом поднялся сильнейший спор, умы закипели, перья закрипели, и это чудное смятение в учебном мире известно до сих пор под названием «Пикквикской битвы»

Таким образом, нечестивое покушение повредить бессмертной славе м-ра Пикквика обрушилось всею своею тяжестью на главу его клеветника. Семьдесят ученых обществ единодушно и единогласно одобрили все мнения президента и вписали его имя в историю антикварской науки. Но знаменитый камень остается до сих пор неистолкуемым и вместе безмолвным свидетелем поражения всех дерзновенных врагов президента Пикквикского клуба.

Глава XII

Весьма важная, образующая, так сказать, эпоху как в жизни м-ра Пикквика, так и во всей этой истории.

Уже известно, что лондонская квартира м-ра Пикквика находилась в Гозуэлльской улице. Комнаты его, при всей скромности и простоте, были очень чисты, комфортабельны, опрятны, а, главное, приспособлены как нельзя лучше к пребыванию в них человека с его гением и обширными способностями к наблюдательности всякого рода. Кабинет его (он же и гостиная) помещался в первом этаже окнами на улицу, спальня – во втором. Таким образом, сидел ли он за своей конторкой с пером или книгою в руках, или стоял в своей опочивальне пред туалетным зеркалом с бритвой, щеткой и гребенкой – в том и другом случае великий человек имел полную возможность созерцать человеческую натуру во всех категориях и формах, в каких только она могла проявляться на многолюдном и шумном переулке. Хозяйка его, м-с Бардль, – вдова и единственная наследница покойного чиновника лондонской таможни, – была женщина довольно статная и ловкая, с приятной физиономией и живейшими манерами, мастерица разливать чай и стряпать плом-пудинги – кухмистерский талант, полученный ею от природы и развитый продолжительным упражнением до значительной степени гениальности. Не было в доме ни детей, ни слуг, ни кур; ни петухов; кроме самой хозяйки единственными жильцами были здесь: большой человек и маленький мальчишка: большой человек никто другой, как сам м-р Пикквик, а мальчишка составлял единственное произведение самой м-с Бардль. Большой человек, постоянно занятый философическими упражнениями вне домашнего очага, приходил в свою квартиру в десять часов ночи, когда рукою заботливой хозяйки изготавлялась для него мягкая постель на складной кровати; маленький человек вертелся постоянно около своей матери, и гимнастические его упражнения не переходили за порог родительского дома. Чистота и спокойствие владычествовали во всех углах и закоулках, и воля м-ра Пикквика была здесь непреложным законом.

Всякому, кто знаком был с этими подробностями в домашней экономии великого человека и с его необыкновенною аккуратностью во всех мыслях, чувствах и делах, показались бы, вероятно, весьма таинственными и загадочными – физиономия, осанка и поведение м-ра Пикквика ранним утром, накануне того достопамятного дня, когда вновь должна была начаться его ученая экспедиция для исторических, географических и археологических наблюдений. Он ходил по комнате взад и вперед с замечательною скоростью, выглядывал довольно часто из окна, посматривал на часы и обнаруживал другие очевидные знаки нетерпения, весьма необыкновенного в его философической натуре. Было ясно, что предмет великой важности наполняет его созерцательную душу, но какой именно – неизвестно. Этого не могла даже отгадать сама м-с Бардль, чистившая теперь его комод, стулья и диваны.

– М-с Бардль! – сказал, наконец, м-р Пикквик, когда его хозяйка, после своей утомительной экзерсии, остановилась среди комнаты с пологою щеткой в руках.

– К вашим услугам, сэр, – сказала м-с Бардль.

– Мальчик, мне кажется, ходит слишком долго.

– Не мудрено, сэр, дорога дальняя, – отвечала м-с Бардль, – до Боро не вдруг дойдешь.

– Правда ваша, правда! – заметил м-р Пикквик.

И он опять впал в глубокое раздумье, между тем как м-с Бардль принялась мести пол.

– М-с Бардль, – сказал м-р Пикквик через несколько минут.

– К вашим услугам, сэр.

– Как вы думаете, м-с Бардль, расходы на двух человек значительно больше, чем на одного?

М-с Бардль покраснела до самых кружев своего чепца, так как ей показалось, что глаза её жильца заморгали искрами супружеской любви.

– Что за вопрос, м-р Пикквик! Боже мой что за вопрос!

– Как же вы думаете, м-с Бардль?

Хозяйка подошла к самому носу ученого мужа, который сидел в эту минуту на диване, облокотившись на стол.

– Это зависит, добрый мой м-р Пикквик, – сказала она, улыбаясь и краснея как роза, – это зависит от особы, на которую падет ваш выбор. Если, примером сказать, будет она бережлива и осторожна, тогда, конечно... вы сами знаете м-р Пикквик.

– Справедливо, сударыня, совершенно справедливо; но человек, которого я имею в виду... (Здесь м-р Пикквик пристально взглянул на м-с Бардль), человек этот владеет всеми свойствами, необходимыми в домашнем быту, и притом, если не ошибаюсь, он хорошо знает свет, м-с Бардль: его проницательность и опытность могут принести мне существенную пользу.

– Вы так думаете?

– Да, я почти уверен в этом, – продолжал м-р Пикквик, принимая важную осанку, отличавшую его во всех случаях, когда речь шла о каком-нибудь интересном предмете, – и если сказать вам правду, я решился, м-с Бардль.

– Так скоро? Боже мой, Боже мой!

– Вам, может быть, покажется весьма странным, что я никогда не просил вашего совета об этом предмете и даже не упоминал о нем до нынешнего утра, когда я отправил вашего мальчика... не так ли, м-с Бардль.

Но м-с Бардль, вместо слов, могла отвечать только выразительным и нежным взором. Она поклонилась м-ру Пикквику, глядя на него издали, как на предмет недоступный, и вот теперь вдруг, совершенно неожиданным образом, он возводит ее на такую высоту, которая никогда не грезилась ей в самых бурных и слепых мечтах её пламенной фантазии, развитой продолжительным вдовством. Итак – м-р Пикквик делал предложение... какой остроумный план! – отослать её малютку в Боро, спровадить его с глаз долой... устранить всякое препятствие... как это умно, деликатно!

– Что вы на это скажете, м-с Бардль.

– Ах, м-р Пикквик!.. вы такой добрый!

– По-моему, м-с Бардль, это будет очень хорошо, во-первых, вы избавитесь от многих хозяйственных хлопот... не так ли?

– Об этом, сэръ, не извольте беспокоиться, – возразила вдова, упоенная сладкою мечтой о близком счастье. – Пусть эти хлопоты увеличатся во сто раз, только бы вы были счастливы, мой добрый, несравненный м-р Пикквик! Ваше внимание к моему одиночеству...

– Ну, да и это, конечно, пункт важный, – перебил м-р Пикквик, – хотя я о нем и не думал. Вам не будет скучно, м-с Бардль, потому что с вами будет человек разговорчивый и веселый.

– Вы меня осчастливите, я не сомневаюсь в этом, – сказала м-с Бардль.

– Да и вашему малютке...

– Господи, спаси его и помилуй! – перебила м-с Бардль с материнским вздохом.

– Вашему малютке, говорю, тоже будет очень весело. У него будет опытный товарищ, который станет его учить, наблюдать за его нравственностью. Под его руководством, я уверен, он в одну неделю сделает больше, чем теперь в целый год.

И м-р Пикквик бросил на свою собеседницу самую благосклонную улыбку.

– Милый! милый!

М-р Пикквик, совсем не ожидавший такого нежного эпитета, обнаружил изумленный вид.

– Милый, добрый мой толстунчик!..

И, не прибавляя больше никаких объяснений, м-с Бардль бросилась в объятия м-ра Пикквика и обвила его шею своими дебелыми руками, испуская при этом катаракты слез и хоры глубоких вздохов.

– Что с вами, м-с Бардль? – вскричал ошеломленный м-р Пикквик. – Образумьтесь... м-с Бардль... если кто-нибудь придет... оставьте... я ожидаю приятелей...

– О, пусть их идут!.. Пусть придет весь свет! – кричала иступленная вдова. – Я никогда вас не оставлю, мой добрый, милый, несравненный друг души моей!

С этими словами мисс Бардль прижалась еще плотнее к могучей груди президента.

– Отстанете ли вы наконец? – говорил м-р Пикквик, вырываясь из насильственных объятий. – Чу, кто-то идет... шаги на лестнице. М-с Бардль, ради Бога, подумайте, в какое положение вы ставите меня... бесполезные мольбы! М-с Бардль без чувств повисла на шее отчаянного старика, и прежде, чем он успел положить ее на диван, в комнату вошел малютка Бардль, ведя за собою господ Снодграса, Топмана и Винкеля.

М-р Пикквик остался прикованным к своему месту, без движения и языка. Он стоял среди комнаты с прелестным бременем на своих руках и бессмысленно смотрел на лица своих друзей, не обнаруживая ни малейшего покушения объяснить им этот загадочный случай. Друзья в свою очередь глазели на него; малютка Бардль таращил свои глаза на всех вообще и на каждого порознь.

Оглушительное изумление пикквикистов и столбняк почтенного президента могли бы, нет сомнения, продолжиться в одинаковом положении до той поры, пока сама собою восстановилась бы прерванная жизненность интересной, леди, если б через несколько минут возлюбленный сынок, осененный наитием внезапной мысли, не вздумал представить весьма чувствительное и трогательное доказательство своей детской любви. Пораженный тоже, в свою очередь, превеликим изумлением при виде неожиданной сцены, он сначала как вкопанный стоял у дверей без всякого определенного выражения на своем лице; но вдруг пришло ему в голову, что матушка его, по всей вероятности, потерпела какой-нибудь вред, быть может, побои от своего жильца, – и вот, не говоря дурного слова, он прямо вскочил на спину м-ра Пикквика, дал ему тумака по голове и, в довершение эффекта, вцепился зубами в его плечо.

– Чего вы смотрите, господа? – вопиял м-р Пикквик. – Оттащите этого сорванца: он с ума сошел.

– Что все это значит? – спросили в один голос ошеломленные пикквикисты.

– Право, я сам не знаю, – отвечал застенчиво м-р Пикквик. – Оттащите прежде всего мальчишку...

Здесь м-р Винкель схватил за вихор нежного сынка интересной леди и, сопровождаемый пронзительным визгом, потащил его на противоположный конец кабинета.

– Теперь, господа, – сказал м-р Пикквик, – Помогите мне снести вниз эту женщину.

– Ох! ох! – простонала м-с Бардль. – Что это со мною?

– Позвольте, сударыня, снести вас в вашу спальню, – сказал обязательный м-р Топман.

– Покорно благодарю вас, сэръ, благодарю.

И вслед затем интересная вдова, сопровождаемая своим любезным сыном, была отведена в свои покои.

– Не могу понять, господа, – начал м-р Пикквик, когда приятели сгруппировались вокруг него, – право не могу понять, что сделалось с моей хозяйкой. Лишь только я сообщил ей о своем намерении нанять слугу, она вдруг, ни с того ни с сего, бросилась мне на шею и принялась визжать, как иступленная ведьма. Странный случай, господа!

– Странный, – повторили друзья.

– Поставить меня в такое неприятное положение!

– Очень странно!

Приятели покачали головами, перекашлинулись и перемигнулись весьма многозначительными взорами друг на друга.

Эти жесты и эти взгляды отнюдь не ускользнули от внимания пронизательного президента. Он заметил недоверчивость своих друзей и понял, что они подозревали его в любовных шашнях.

– В коридоре стоит какой-то человек, – сказал м-р Топман.

– Это, вероятно, тот самый слуга, о котором я говорил вам, – сказал м-р Пикквик. – Сегодня утром я посылал за ним хозяйского сына. Позовите его, Снодграс.

М-р Снодграс вышел в коридор, и через минуту вместе с ним, явился в комнату м-р Самуэль Уэллер.

– Здравствуйте... Надеюсь вы не забыли меня? спросил м-р Пикквик.

– Как можно забыть вас! – отвечал Сам, плутовски прищуривая левым глазом. – Я пособил вам изловить этого каналью... распробестия, сэр, провал его возьми! В одно ухо влезет, в другое вылезет, как говаривала моя тетка, когда сверчок забился в её ухо.

– Очень хорошо, только теперь не в этом дело, – скороговоркой сказал м-р Пикквик. – Мне надобно кой о чем переговорить с вами. Садитесь.

– Покорнейше благодарю.

И м-р Самуэль Уэллер сел, озаботившись предварительно положить за дверями перед лестницей свою старую белую шляпу.

– Шляпенка не мудрящая, сэр, – сказал он, вынимая платок из кармана, – но для носки, я вам скажу, материал чудодейственный, лучше всякой черепицы, что идет на дырявую крышу. Поля, правда, в ней исчезли, то есть сгнули, сэр; но это ничего, или даже, это очень хорошо, потому, во-первых, что без полей она гораздо лучше, и потому, во вторых, что ветерок свободнее продувает через дырья. Я прозвал ее летучим вентилятором, сэр.

Высказав эту сентенцию, м-р Уэллер улыбнулся приятнейшим образом, взглянув на всех пикквикистов.

– Стало быть, можно теперь повести речь насчет того дела, для которого я пригласил вас, – сказал м-р Пикквик веселым тоном.

– Ведите, сэр, готов слушать вас, сэр, как говорил один ученик своему учителю, когда тот съездил его линейкой по голове.

– Надобно прежде всего узнать, мой милый, довольны ли вы настоящим местом?

– Задача мудреная, сэр. Я буду отвечать вам откровенно, если вы потрудитесь наперед доложить, имеется ли у вас для меня в виду примером будучи сказать, какое-нибудь лучшее место?

Луч краткого благоволения заиграл на умильной физиономии м-ра Пикквика, когда он произнес свой ответ:

– Я почти решился взять вас к себе.

– Право?

– Да.

– Жалованье?

– Двенадцать фунтов в год.

– Платье?

– Две фрачных пары.

– Работа?

– Ходить за мною дома и путешествовать вместе со мною и этими джентльменами.

– Идет!

– Стало быть, вы соглашаетесь?

– Идти в услужение к старому холостяку? Соглашаюсь, сэр, если только платье придется под стать к моему летучему вентилятору.

- Я вам подарю новую шляпу.
- В таком случае вентилятор пригодится на растопку камина.
- Можете вы представить рекомендацию?
- Спросите обо мне содержательницу гостиницы «Белого оленя».
- Можете придти сегодня вечером?
- Я готов надеть ваше платье сию же минуту, если угодно вашей милости, – проговорил

Самуэль решительным тоном.

– Приходите в восемь часов. Если рекомендация окажется удовлетворительной, платье будет готово.

За исключением одной весьма простительной шалости, в которой принимала некоторое участие смазливая горничная «Белого оленя», поведение м-ра Уэллера оказалось чистым, как хрусталь, и м-р Пикквик в тот же день взял его к себе. Привыкнув к обыкновенной быстроте и решительности во всех делах общественной и частной жизни, великий человек повел своего нового слугу на одно из тех благотельных торжищ, которые принимают на себя обязанность снабжать джентльменов готовыми платьями всех возможных цветов и фасонов, и прежде, чем кончился этот вечер, м-р Самуэль Уэллер облачился в серый фрак со светлыми пуговицами, надел черную шляпу с кокардой, пестрый жилет, синие брюки, легкие штиблеты, и запасся прочими необходимыми статьями туалета. Само собою разумеется, что на пуговицах были вырезаны эмблематические буквы: П. К.

Поутру на другой день пикквикисты с новым слугою катились в дилижансе по большой дороге в Итансвилль.

– Черт меня возьми, если я понимаю, в чем моя новая должность, – бормотал Самуэль, сидя на козлах вместе с кучером дилижанса, – камердинер я, конюх, лакей, дворецкий, доезжачий, или, быть может, все это вместе, то, что называется, картофельный кисель, приправленный чесноком, медом и сметаной. Какая мне нужда? Спи, голубчик, ешь, веселись, смотри в оба, и... и многая лета тебе, м-р Пикквик!

Глава XIII

Брожение умов и волнение сердец в славном городе Итансвилле.

Мы должны, однако ж, признаться откровенно, что, вплоть до погружения наших мыслей в деловые бумаги Пикквикского клуба, нам никогда не приходилось встречать имя Итансвилля, и даже после, несмотря ни на какие исследования, мы никак не могли подтвердить очевидными доказательствами действительное существование этого города на земном шаре. Благоговая перед каждым замечанием м-ра Пикквика, историческим или статистическим, и вместе нисколько не надеясь на свою память, мы справлялись со всеми возможными авторитетами насчет этого предмета, перелистывали все древние и новые географии, рылись в географических словарях, пересмотрели все европейские карты, изданные учеными обществами и, к несчастью, нигде не встретили ничего похожего на Итансвилль. Остается, стало быть, допустить единственное предположение, что м-р Пикквик, руководимый свойственным ему чувством деликатности, отстраняющей всякую личную обиду или колкий намек на кого бы то ни было, с намерением выставил в своих записках вымышленное название вместо действительного имени того места, которое было театром его наблюдений. К этому предположению, между прочим, привело нас одно маленькое обстоятельство, по-видимому ничтожное с первого взгляда, но чрезвычайно важное с историческо-критической точки зрения. Описав контору дилижансов, откуда выехали наши путешественники, м-р Пикквик сделал вступление к подробной характеристике трактиров и гостиниц, где они переменили лошадей; но самая характеристика тщательно зачеркнута у него толстым слоем чернил, так что при всех усилиях мы не могли разобрать ни одного слова: ясно, стало быть, что ученый муж с намерением озаботился скрыть от читателя самое направление своего путешествия, и критика никакими судьбами не может определить с точностью, в какую сторону и по какой дороге пикквикисты отправились из Лондона. Таким образом, отказываясь, к удовольствию читателя, от всяких бесполезных догадок, мы прямо перейдем к последовательному изложению фактов, описанных ученых мужем в хронологическом порядке.

Открывается прежде всего, что жители города Итансвилля, точь-в-точь как и во всех других небольших английских городках, считали себя народом чрезвычайно важным в экономическом и гражданском смысле. Они резко разделялись между собою на две половины, или партии – на «Синих» и «Желтых». Каждый горожанин, сознавая свою собственную силу и важность своей индивидуальной личности, считал неременным долгом принадлежать сердцем и душою, к которой-нибудь из этих двух партий. При таком порядке вещей, у них, в некотором роде, все шло вверх дном, и, несмотря на кипучую деятельность, никто ни в чем не успевал. «Синие» не пропускали благоприятного случая поперечить «Желтым»; «Желтые» пользовались всяким удобным случаем поперечить «Синим», и отсюда выходило естественное следствие: где бы «Синие» и «Желтые» ни встретились между собой – на публичном митинге или в ратуше – между ними поднимались бесконечные споры, сопровождаемые иной раз крупной бранью. Нет надобности распространяться, что при таком отношении партий всякий вопрос в городе Итансвилле становился предметом самых противоположных рассуждений. Если «Желтые» предлагали, например, перенести на другое место торговый рынок, «Синие» собирали митинг, на котором постановляли, что затея «Желтых» – бесполезная прихоть сумасбродов в ущерб городской казны; если «Синие» предлагали украсить фонтаном городскую площадь, «Желтые» восставали против них с отчаянным упорством, доказывая вредоносное влияние фонтанов на нервы животных и людей. Были в Итансвилле магазины «Синие» и магазины «Желтые», трактиры «Желтые» и трактиры «Синие», и даже самые места в театре украшались названием «Желтых» и «Синих».

Само собою разумеется, что каждая из этих двух могущественных партий имела своего представителя и коновода, В городе издавались две газеты: «Итансвилльская Синица» и «Итансвилльский Журавль». «Синица» защищала «Синие» принципы: «Журавль», напротив, пропитан был насквозь мнениями «Желтых». Редакторы этих двух газет были, как и водится, заклятыми врагами, и весело было слушать, как они величали друг друга: «эта легкомысленная и непростительно-ветренная Синица». «Журавль, необузданно-дерзкий и наглый.» «Эта пустоголовая трещотка, внушающая, к стыду человечества...». «Сорванец, забывающий, по обыкновению, всякое чувство приличия и чести». Эти и подобные эпитеты, за которыми постоянно следовали кипучие возгласы и жаркие фразы, украшали всякий раз столбцы обеих газет и доставляли итансвилльской публике неистощимые материалы для вседневного негодования и восторга.

М-р Пикквик, с своей обычной проницательностью, выбрал самое интересное время для посещения этого города. Жители Итансвилля выбирали из своей среды представителя в Нижнюю Палату, и по этому случаю в городе происходила страшная давка. Мнения сталкивались и расталкивались беспрестанно, и каждый кричал вдоволь, сколько его душе было угодно. Кандидатом «Синих» был достопочтенный Самуэль Сломки, знаменитый делами своего деда, между тем как «Желтые» приготовились стоять всею грудью за Горация Фицкина, владельца обширного поместья в окрестностях Итансвилля. «Синица» считала своею обязанностью предупредить итансвилльских граждан, что взоры не только Англии, но и всего образованного мира были исключительно обращены на них в эту достопамятную эпоху, между тем как «Журавль» повелительно приказывал своим читателям явить себя достойными потомками древних британцев. Словом сказать, было очень весело.

Было довольно поздно, когда м-р Пикквик и его друзья спустились, при содействии Сама, с кровли итансвилльского дилижанса. Огромные синие шелковые флаги развевались из окон гостиницы «Сизого медведя», и перед каждым стеклом красовались объявления, напечатанные гигантскими буквами, что «Комитет достопочтенного Самуэля Сломки» заседал здесь постоянно. Толпа праздного народа, собравшегося среди дороги, смотрела на рослого и краснощекого джентльмена, который говорил с балкона убедительную речь в пользу м-ра Сломки, – речь, совершенно заглушаемую боем четырех огромных барабанов, расставленных перед этой гостиницей приверженцами м-ра Фицкина. Подле оратора стоял низенький человек с весьма заботливой физиономией и энергическими ужимками: он снимал по временам свою шляпу и делал выразительные жесты, сопровождаемые в толпе громкими восклицаниями и страшным энтузиазмом. Кончив свою речь и насадив горло, оратор сошел со сцены, уверенный, что вполне достиг своей цели, хотя никто не мог слышать его доказательств.

Лишь только пикквикисты вышли из дилижанса, воздух огласился троекратными залпами самых дружных восклицаний.

– Ура! Ур-ра! Ур-р-ра! – кричала толпа.

– Еще один раз! – сказал с балкона маленький человек.

Залп восклицаний снова огласил воздух.

– Да здравствует Самуэль Сломки! – кричала толпа.

– Да здравствует Самуэль Сломки! – закричал м-р Пикквик, снимая шляпу.

– Не надо Фицкина! – проревела толпа.

– Не надо Фицкина! – пробасил м-р Пикквик.

– Урра! Ур-р-р-ра-а-а!

– Кто этот Сломки? – втихомолку спросил м-р Топман.

– Почему мне знать? – отвечал м-р Пикквик.

Пикквикисты вдруг измерили всю глубину этого ответа и, хотя никто из них не знал достопочтенного Самуэля Сломки, однако ж все принялись дружным хором кричать его имя.

Сопровождаемые между тем огромной толпой, путешественники подошли к воротам гостиницы, продолжая надрывать свою грудь и горло торжественными восклицаниями. Первым предметом их заботливости было – приискать квартиру для ночлега. М-р Пикквик подзвал трактирного слугу.

– Есть ли у вас свободные номера? – спросил он.

– Не знаю, сэр; кажется, все битком набито. Впрочем я справлюсь.

Слуга побежал в буфет и чрез несколько минут воротился с вопросом:

– Позвольте узнать, сэр: вы «Синий» или «Желтый»?

Задача довольно трудная, потому что ни м-р Пикквик, ни его друзья не принимали, собственно говоря, ни малейшего участия в делах города Итансвилля. К счастью, м-р Пикквик вспомнил в эту минуту о своем новом приятеле, м-ре Перкере.

– Не знаете ли вы, любезный, одного джентльмена, по имени Перкера? – спросил м-р Пикквик.

– Как не знать, сэр: м-р Перкер – агент м-ра Самуэля Сломки.

– Ведь он «Синий», я полагаю?

– Разумеется.

– Ну, так и мы «Синие», – проговорил м-р Пикквик.

Заметив, однако ж, нерешительность и колебание слуги, м-р Пикквик вручил ему свою визитную карточку, с поручением отдать ее немедленно м-ру Перкеру, если он дома. Слуга побежал в гостиницу и через минуту воротился опять.

– М-р Перкер приказал вас просить к себе, – сказал он торопливым тоном.

Следуя по указанному направлению, м-р Пикквик вошел в огромную комнату первого этажа, где за большим письменным столом, заваленным бумагами и книгами, сидел не кто другой, как сам м-р Перкер.

– Здравствуйтесь, почтеннейший, здравствуйтесь, – сказал сухопарый джентльмен, вставая со своего места, – очень рад вас видеть. Садитесь, почтеннейший. Вот и вы привели в исполнение вашу мысль. Пожаловали к нам на выборы – а?

М-р Пикквик дал утвердительный ответ.

– Жаркое дело, почтеннейший, – сказал сухопарый джентльмен, – спор идет на славу.

– Очень рад это слышать, – сказал м-р Пикквик, потирая руки, – усердие в делах, каких бы то ни было, доставляет истинное удовольствие наблюдателю человеческой природы. Так спор, вы говорите, идет здесь на славу.

– Да, почтеннейший, чрезвычайно жаркий спор. Мы заняли все гостиницы, трактиры, и оставили своим противникам только полпивные лавочки! – Дипломатическая стратагема, почтеннейший, и я рад, что мы успели пустить ее в ход.

– Какой же должен быть результат этого спора? – спросил м-р Пикквик.

– Этого покамест еще нельзя сказать, – отвечал сухопарый джентльмен. – Фицкин тоже не дремлет со своей стороны: у него запрятано тридцать три голоса в сарае «Белого оленя».

– Запрятано? В сарае? – воскликнул м-р Пикквик, изумленный как нельзя больше этою дипломатической стратагемой противной стороны.

– Да, почтеннейший, Фицкин держит их взаперти, под замком, для того, видите ли, чтоб нам нельзя было до них добраться. А впрочем, предосторожность почти лишняя: они пьянствуют напропалую с утра до ночи. Агент Фицкина, как видите, чрезвычайно искусный джентльмен, и я вполне уважаю его, как достойного собрата по ремеслу.

М-р Пикквик смотрел во все глаза, но не говорил ничего.

– Хитрость за хитрость, дело известное, – продолжал м-р Перкер, понизив свой голос до шепота. – Вчера был у нас небольшой вечер, *soirée intime*, что называется... сорок пять дам, почтеннейший: при разъезде каждой из этих дам мы вручили, в виде небольшого подарка, по зеленому зонтику.

– По зеленому зонтику! – воскликнул м-р Пикквик.

– Так точно. Сорок пять зеленых зонтиков, по семи шиллингов за штуку. Расход небольшой, почтеннейший; но дело в том, что теперь мужья этих дам, братья и любовники будут на нашей стороне.

– Недурно придумано, – заметил м-р Пикквик. – Моя мысль, почтеннейший. Теперь в какую погоду ни отправляйтесь гулять, вы почти на каждом шагу встретите даму с зеленым зонтиком.

Здесь м-р Перкер самодовольно улыбнулся и потрепал по плечу президента Пикквикского клуба. С появлением третьего лица прекратилось это изливание душевного восторга.

Это был высокий, худощавый джентльмен с рыжеватыми бакенбардами и лысиной на макушке. Его походка и озабоченный вид обличали человека, погруженного умом и сердцем в глубокие соображения утонченного свойства. Он был в длинном сером сюртуке и черном суконном жилете, на котором красовался лорнет в золотой оправе, прицепленный за одну из верхних пуговиц. Пуховая шляпа с низенькой тульей и широкими полями довершала его туалет. При входе его м-р Перкер встал со своего места.

– Имею честь рекомендовать, – сказал он, обращаясь к президенту Пикквикского клуба, – м-р Потт, издатель и редактор «Итансвилльской Синицы».

– Очень приятно, – сказал м-р Пикквик, подавая руку вновь пришедшему джентльмену.

– Из Лондона, сэр?

– Так точно.

– Что поговаривают там о наших делах?

– Толкуют очень много, – сказал м-р Пикквик, принимая большой грех на свою душу, так как в Лондоне никому и не грезилось об итансвилльских делах.

– Здешний спор, конечно, делает сильное впечатление на лондонскую публику? – спросил м-р Потт.

– Весьма сильное, – сказал м-р Пикквик.

– Иначе и быть не может, – заметил редактор «Синицы», бросив многозначительный взгляд на м-ра Перкера. – Моя субботняя статья, вы знаете, должна была возбудить сильные толки.

– Непременно, – сказал м-р Перкер.

– Моя газета, надеюсь, имеет некоторую известность.

– Громкую, сэр, громкую, – сказал м-р Пикквик, слышавший первый раз от роду о существовании «Синицы».

– Печать – могущественное оружие, сэр.

М-р Пикквик выразил свое полнейшее согласие, глубокомысленно кивнув головой.

– Я могу с гордостью сказать, что никогда не злоупотреблял ею. Я никогда не направлял этого благородного оружия, находящегося в моих руках, против частной жизни моих сограждан и я надеюсь, сэр, что все усилия моего таланта... конечно скромного... быть может, даже ничтожного... были постоянно посвящены распространению всех принципов, которые... так сказать... с точки зрения... относительно влияния...

Редактор «Синицы» пришел, по-видимому, в некоторое затруднение. М-р Пикквик выручил его своим положительным ответом:

– Я совершенно согласен с вами, сэр.

– Очень рад, очень рад: это делает честь вашему уму и благородству вашей души. – А позвольте спросить вас, сэр, как настроено общественное мнение в Лондоне относительно моих споров с «Итансвилльским Журавлем»?

– Оно чрезвычайно заинтересовано этим спором, – сказал м-р Перкер с лукавым видом.

– И этот спор, – подхватил Потт, – будет продолжаться до моего последнего издыхания... до последней капли моего таланта. От этого спора, сэр, не отступлю я никогда, хотя бы над-

менный «Журавль» поджал свои крылья. Пусть узнает весь свет, что правда для «Синицы» всего дороже, что за правду, если понадобится... сэр, сэр: *amicus Plato, sed magis arnica veritas*. Кто против правды и «Синицы»? Один «Журавль»; я убежден, что на всем пространстве Великобритании общественное мнение за меня.

– Вы поступаете благородно, сэр, – сказал м-р Пикквик, с жаром пожимая руку великодушного Потта.

– Благодарю вас, сэр; вы, сколько я замечаю, человек с тактом и большим талантом, – сказал м-р Потт, задыхаясь от скопления в его груди патриотических чувств, принявших самый восторженный характер. – Чувствую себя совершенно счастливым от удовольствия познакомиться с человеком вашего образа мыслей.

– И я с своей стороны, – сказал м-р Пикквик; – весьма рад, что удостоился, некоторым образом, внимания такого человека, как вы, милостивый государь. Позвольте, сэр, представить вам моих друзей, членов-корреспондентов клуба, основанного мною в английской столице.

– Сделайте одолжение, – сказал м-р Потт.

М-р Пикквик удалился и через минуту привел трех своих друзей, которые должным порядком и были представлены издателю «Итансвилльской Синицы».

– Вопрос теперь в том, почтеннейший, – сказал адвокат, обращаясь к м-ру Потту, – куда мы поместим наших друзей?

– А разве нам нельзя остановиться в этой гостинице? – спросил м-р Пикквик.

– Нет, почтеннейший, никак нельзя.

– Отчего же?

– Ни одной лишней постели в целом доме.

– Неприятно, – сказал м-р Пикквик.

– Очень неприятно, – подтвердили его ученики.

– Ничего, господа, я придумал, как распорядиться, – сказал м-р Потт, – в гостинице «Павлин», если не ошибаюсь, у нас еще есть две лишние постели, и двое, стало быть, могут отправиться туда; что же касается до вас, м-р Пикквик, я бы очень рад был вам и одному из ваших друзей предложить помещение в своем доме: м-с Потт, надеюсь, с удовольствием воспользуется обществом столичных гостей.

– Помилуйте, мне очень совестно вас беспокоить! – возразил м-р Пикквик. – Мы еще так недавно знакомы...

– Таких людей, как вы, узнать не мудрено, – перебил обязательный редактор «Синицы». – С одного взгляда я, можно сказать, вполне постиг все благородство вашей души.

– Вашей супруге, конечно, будет неприятно...

– Напротив, очень приятно, – прибавил м-р Потт энергическим тоном, отстранявшим уже всякую возможность дальнейших возражений.

Подумали, потолковали и решили, что поэт Снодграс и м-р Топман должны воспользоваться порожними койками в «Павлине», между тем как сам президент и м-р Винкель отправятся гостить в дом редактора «Синицы». Обед в гостинице «Сизого медведя», заказанный м-ром Поттом, окончательно скрепил дружеские связи новых знакомцев. Было решено, что поутру на другой день все общество соберется опять в общей зале «Сизого медведя» и будет сопровождать достопочтенного Самуэля Сломки к избирательным урнам.

Домашний круг м-ра Потта ограничивался им самим и его почтенной супругой. Уже доказано продолжительным рядом наблюдений, что все истинно великие люди подвержены какой-нибудь маленькой слабости, которая становится в них тем поразительнее, чем выше и блистательнее их необыкновенные таланты. Была слабость и у м-ра Потта, имевшая, впрочем, весьма умильный и трогательный характер: он немножко трусил своей хорошенькой жены и любил подчиняться её маленьким капризам. Это замечание, однако ж, в настоящем случае

не имеет никакой важности и силы: м-с Потт была теперь до крайности любезна и радушно спешила принять дорогих гостей.

– Послушай, душенька, – сказал м-р Потт, обращаясь к своей супруге, – рекомендую тебе м-ра Пикквика, джентльмена из Лондона.

М-с Потт с очаровательной улыбкой протянула свою пухленькую ручку президенту знаменитого клуба, и тот пожал ее с отеческою нежностью. М-р Винкель между тем семенил около дверей, поклонился и не говорил ни слова, так как хозяин, по-видимому, совсем забыл о нем.

– Милый... – сказала м-с Потт.

– Жизнь моя, – сказал м-р Потт.

– Что-ж ты не представляешь другого джентльмена?

– Ах, прошу извинить! – воскликнул м-р Потт. – Позвольте рекомендовать м-ра...

– Винкеля, – подсказал м-р Пикквик.

– М-ра Винкеля, – повторил м-р Потт.

И рекомендательная церемония окончилась вполне.

– Мы должны, сударыня, извиниться перед вами, – начал м-р Пикквик.

– В чем?

– В том, сударыня, что расстраиваем своим присутствием домашний порядок, не имея на то никакого права.

– О, будьте на этот счет совершенно спокойны, – с живостью возразила м-с Потт. – Для меня, уверяю вас, большой праздник – видеть новые лица: я живу почти взаперти в этом скучном городе, и случается, иной раз не вижу никого по целым неделям.

– Никого! – воскликнул м-р Потт с некоторым изумлением.

– Никого, мой друг, кроме тебя, – возразила м-с Потт с некоторою жесткостью.

– Дело, видите ли, вот в чем, м-р Пикквик, – сказал хозяин в объяснение на жалобу своей жены, – образ жизни заставляет нас некоторым образом отказаться от многих удовольствий и наслаждений, доступных для жителей этого города. Мое общественное положение, как издателя «Итансвилльской Синицы», и влияние этой газеты на всю провинцию заставляют меня всецело отдаться политике...

– Милый... – перебила м-с Потт.

– Жизнь моя... – проговорил редактор «Синицы».

– Неужели ты ни на минуту не можешь расстаться со своей политикой, мой друг? Постарайся приискать предмет для разговора, интересный сколько-нибудь для этих джентльменов.

– Но политика, мой друг, интересует м-ра Пикквика, – отвечал смиренный супруг.

– Тем хуже для него и для тебя, – сказала м-с Потт выразительным тоном, – у меня, напротив, голова идет кругом от здешней политики. Вечные ссоры с «Журавлем», глупые толки, брань, пересуды! Удивляюсь, мой друг, как у тебя достаёт охоты навязываться всем и каждому с этим вздором!

– Послушай, душенька...

– Вздор, вздор, нечего тут слушать. – Сэр, вы не играете в экарте? – спросила м-с Потт, обращаясь к молодому спутнику президента.

– Мне будет, сударыня, очень приятно изучить под вашим руководством эту игру, – отвечал м-р Винкель.

– В таком случае потрудитесь поставить к окну этот маленький столик: толки о здешней политике авось не достигнут до моих ушей, и я буду вам очень благодарна.

– Дженни, – сказал м-р Потт служанке, вошедшей со свечами, – сходите в контору и принесите связку «Синицы» за тысяча восемьсот двадцать восьмой год. Я прочту вам, сэр, – прибавил редактор, обращаясь к м-ру Пикквику, – я прочту вам свои передовые статьи, написанные в опровержение «Желтых» проныр, хотевших учредить здесь новую шоссейную заставу: надеюсь, вы позабавитесь.

– Я не сомневаюсь в этом, – сказал м-р Пикквик.

Связка трехсот номеров явилась на сцену; президент столичного клуба и редактор провинциальной газеты уселись за стол.

Долго мы рылись в бумагах м-ра Пикквика и даже перечитывали по несколько раз каждую страницу, надеясь отыскать, по крайней мере, краткое извлечение из этих статей, пропитанных глубокими соображениями политико-экономического свойства; но усилия наши не увенчались вожаделанным успехом: великий человек повсюду хранил глубочайшее молчание относительно статей, принадлежащих редактору «Итансвилльской синицы». Не подлежит, однако ж, ни малейшему сомнению, что почтенный президент был проникнут поэтическим восторгом от необыкновенной свежести и живости слога прослушанных им статей, и м-р Винкель приводит положительный факт, что глаза м-ра Пикквика, пропитанные и увлажненные избытком удовольствия, были сомкнуты почти во весь этот вечер.

Доклад служанки о приготовленном ужине прекратил игру в экарте и положил конец вторичному чтению лучших мест «Итансвилльской Синицы». М-с Потт была, по-видимому, в самом игривом и веселом расположении духа. М-р Винкель сделал уже весьма значительные успехи в её добром мнении, и она объявила ему по секрету, что м-р Пикквик – «презабавный старикашка»: выражение фамильярное, которое могли позволить себе весьма немногие особы, коротко знакомые с этим колоссально-гениальным мужем, исчерпавшим всю глубину человеческой премудрости. Отзыв м-с Потт служит, конечно, самым трогательным и убедительным доказательством того уважения, каким м-р Пикквик пользовался на всех ступенях общественной жизни, мгновенно располагая к себе умы и сердца всех особ, приходивших в непосредственное соприкосновение с ним.

М-р Топман и м-р Снодграс уже давно покоились богатырским сном в гостинице «Павлин», между тем как приятели их продолжали вести одушевленную беседу в гостеприимном доме редактора «Синицы». Был уже час за полночь, когда они отправились в свои спальни. Сон мгновенно овладел усталым организмом м-ра Винкеля; но восторженные его чувства не прекращали своей деятельности даже во сне: оставаясь нечувствительным ко всем земным предметам, он долго видел перед собою образ прелестной м-с Потт, и воображение его рисовало самые очаровательные картины.

Шум и толкотня, ознаменовавшие начало следующего дня, в состоянии были расшевелить душу самого романтического мечтателя, возвращая его из области воздушных умозрений к предметам действительной жизни. Лишь только рассвет заглянул в окна усыпленных домов, по улицам раздались звуки труб и барабанов, топот коней и крик людей, «Синих» и «Желтых», возвещавших об окончательных приготовлениях к великой борьбе между обеими враждующими партиями в славном городе Итансвилле. Пикквикисты пробудились и телом, и душой. М-р Самуэль Уэллер, ночевавший в гостинице «Павлина», пришел ранним утром будить великого мужа.

– Ну, Сам, каково идут дела? – спросил м-р Пикквик, когда исправный слуга переступил через порог его спальни. – Суматоха, я полагаю, страшная, а?

– Да, сэр, все, что называется, кипит, горит и юрлит, как, бывало, говаривала моя бабушка, когда переваривалась в печи её похлебка с крапивой и петрушкой. – В гостинице «Сизого медведя» уже давно кричат во все горло.

– Это показывает, любезный, их усердную привязанность к общему делу – не так ли?

– Да как же иначе, сэр?

– Горячо работают, Сам?

– Кипятком, сэр. В жизнь не видывал такого пьянства и обжорства: дивиться надо, как никто из них не лопнет.

– Здешнее джентри, стало быть, очень щедро?

– И сказать нельзя.

– Какой свежий и бодрый народ! – воскликнул м-р Пикквик, выглядывая из окна.

– Правда ваша, сэр, народ удивительно свежий, – отвечал Сам, – я и два буфетчика из гостиницы «Павлин» только-что откачали сегодня десятка три «Желтых» молодцов, что перепились вчера после ужина.

– Как откачали! – вскричал м-р Пикквик.

– Да так, сэр, очень просто: они повалились, где кто попал, и, по-видимому, никакую пушкой нельзя было расшевелить их. Вот мы с буфетчиками и вытащили их всех, одного за другим, на вольный воздух, вытащили да и поставили под насос, поставили да и ну откачивать. Откачали, сэр: на каждую голову, я полагаю, пришлось ушата по четыре. За то теперь все – молодец к молодцу: свежи, сэр, здоровы и готовы лезть на стену за м-ра Фицкина, который уж целую неделю кормит их и поит на свой счет.

– Может ли это быть?

– Очень может. Да где же вы изволили родиться, сэр, если не понимаете этих вещей? Бывают здесь проделки почище этой.

– Почистице?

– Именно так. Вот хоть, примером сказать, вечером третьего дня, накануне последних выборов «Желтые» смастерили отличную штуку: они подкупили буфетчицу «Сизого медведя» запустить, что называется, *коку с соком* в пуншевые стаканы четырнадцати избирателей, которым следовало подавать голоса в пользу м-ра Сломки.

– Что это значит – кока с соком?

– Попросту сказать: сонный порошок, подсыпанный в коньяк. Напились они, голубчики, напились да и проспали больше суток, а выбор кончился без них. Одного, правда, привезли для опыта в городскую ратушу, да толка не вышло никакого: спал мертвецки, хотя и колотили его в спину. Делать нечего: отвезли его назад и положили в постель. Четырнадцать голосов как не бывало! Это все делает, говорят, агент м-ра Фицкина: продувная бестия!

– Странно, очень странно, – проговорил вполголоса м-р Пикквик, обращаясь отчасти к себе, отчасти к Саму.

– Конечно, сэр, странность тут имеется в некотором роде; да все же это, с вашего позволения, совсем не то, что случилось однажды с моим отцом во время выборов в этом же самом городе. Вот, сэр, штука, так штука!

– Что такое? – спросил м-р Пикквик.

– Кажется, я уже имел честь докладывать вашей милости, что он служил в кучерах, да и был он слишком толст, чтобы заниматься каким-нибудь другим ремеслом. Случилось однажды, привез он свою бричку в этот самый город. Были выборы так же, как теперь, и одна из партий предложила ему привезти из Лондона джентльменов, обещавшихся подать свои голоса в пользу избираемого кандидата, И вот, сэр, накануне отъезда его вдруг покорнейше просят в комитет кандидата противной стороны для-ради, так сказать, некоторых объяснений по кучерской части. Приходит мой родитель, зеркала – уму помраченье; письменный стол, разноцветные огни, перья, чернила, груды бумаг, дюжины две джентльменов – присутствие, сэр, во всем разгаре, – «Здравствуйте, м-р Уэллер, здравствуйте!» говорит один джентльмен сановитой физиономии, – «очень рад вас видеть, сэр; как поживаете, м-р Уэллер?» – Слава Богу, – говорит мой отец, – покорно вас благодарю, сэр; вы тоже, надеюсь, совсем здоровы, покорно благодарю. – «Садитесь, м-р Уэллер, покорнейше прошу вас, сэр, садитесь». Сел мой отец рядом с этим джентльменом, и минуты две они пристально смотрели друг на друга. – «Вы не помните меня, м-р Уэллер?» – говорит джентльмен. – Нет, говорит, не могу припомнить вашей милости, – говорит мой отец. – «А я так вас хорошо знаю, – говорит джентльмен, – я знавал вас еще мальчиком: как это могло статься, что вы меня не помните, м-р Уэллер?» – Нет, – говорит мой отец, – не помню, да и только. – «Это очень странно», – говорит джентльмен. – Странно, – говорит мой отец. – «У вас, должно быть, предурная память, м-р

Уэллер», – говорит джентльмен. – Предурная, – говорит мой отец. – «Я так и думал, – говорит джентльмен: – не угодно ли стаканчик пунша, м-р Уэллер?» – Покорно благодарю, – говорит мой отец. – Вот они, сэр, сидят да пьют, пьют да говорят насчет этих житейских дел и обстоятельств по кучерской части. После третьего стакана пунша память у моего родителя как будто просветлела, и ему показалось, что он точно припоминает черты незнакомого джентльмена. Сделали стакан гоголь-моголя, для возобновления знакомства, и тут же добрый джентльмен вручил ему банковый билет в двадцать фунтов. – «Между этим городом и Лондоном прескверная дорога, м-р Уэллер: как вы думаете, сэр?» – говорит джентльмен. – Тяжеленько, сэр, нечего сказать, – говорит мой отец. – «Подле канала особенно дорога никуда не годится», – говорит джентльмен. – Езда плохая, – говорит мой отец. – «Послушайте, м-р Уэллер, – говорит джентльмен, – вы превосходный ездок, и мы знаем, что вы можете делать с вашими лошадьми все, что вам угодно. Так вот оно, видите ли, в чем штука, м-р Уэллер: мы вас очень любим и весьма уважаем ваши кучерские таланты. Завтра вам надобно будет привезти сюда некоторых джентльменов. Очень хорошо, м-р Уэллер: если случится как-нибудь, что лошадки ваши заартачатся, как скоро вы поедете мимо канала, бричка перевалится на бок, и джентльмены полетят в канал, – разумеется, без всякого вреда для их костей, – то мы... вы понимаете, м-р Уэллер, мы будем вам очень благодарны за такую ласку». – Господа, – говорит мой отец, вставая со стула и обращаясь ко всем джентльменам, – вы народ очень добрый, и я вас полюбил от всего сердца. Еще стаканчик пунша за ваше здоровье, и все у нас покатится, как по маслу. – Допив стакан, родитель мой раскланялся, положил деньги в карман и вышел из дверей. Так вот оно, сэр, поверите ли, – продолжал Самуэль, бросая невыразимо бесстыдный взгляд на своего господина, – поверите ли, что в тот самый день, как родитель мой ехал с лондонскими джентльменами, его лошади вдруг заартачились, понеслись, забушевали, бричка опрокинулась, и джентльмены все до единого попадали в канал.

– Как же их вытащили оттуда? – торопливо спросил м-р Пикквик.

– Дело темное, сэр, – отвечал Самуэль, значительно понизив голос. – Один пожилой джентльмен, кажется, совсем пропал без вести... то есть шляпу-то его нашли, это я знаю; но была ли в шляпе голова, это осталось под спудом. Но всего удивительнее здесь то, что бричка моего родителя опрокинулась в тот самый день и на том самом месте, где и когда ей следовало опрокинуться по предсказанию ласкового джентльмена. Странная оказия!

– Очень странная, – повторил м-р Пикквик. – Однакож, вычистите поскорее мою шляпу: кажется, зовут меня завтракать.

С этими словами м-р Пикквик сошел в гостиную, где уже вся почтенная компания сидела за накрытым столом. После завтрака каждый из джентльменов поспешил украсить свою шляпу огромной синей кокардой, сделанной прелестными ручками самой м-с Потт, и как м-р Винкель вызвался сопровождать эту леди на кровлю домов, ближайших к месту будущего торжества, то м-р Пикквик и м-р Потт должны были отправиться одни в гостиницу «Сизого медведя», где уже давно заседал комитет м-ра Сломки. Один почтенный член, с лысиной на голове, говорил у одного из задних окон речь перед шестью зевавшими мальчишками и одной девчонкой, величая их при каждой новой сентенции титулом «итансвилльских сограждан»; мальчишки хлопали руками и кричали «ура» изо всех сил.

Площадь перед «Сизым медведем» представляла положительные признаки славы и могущества «Синих» граждан Итансвилля. Были тут стройные полчища синих флагов, расписанных золотыми буквами в четыре фута вышиной. Трубачи, барабанщики и фаготчики стояли на своих определенных местах, дожидаясь известных знаков для начатия торжественного марша. Отряд констэблей и двадцать членов комитета с голубыми шарфами приветствовали «Синих» граждан-избирателей, украшенных синими кокардами. Были тут избиратели верхом на борзых конях и другие многочисленные избиратели пешком. Была тут великолепная каретка, запряженная в четверню для самого достопочтенного Самуэля Сломки, и были еще

четыре кареты, запряженные парой, для его ближайших друзей. На всем и на всех отражалось всеобщее одушевление, жизнь и волнение: флаги колыхались, толпа ликовала, двадцать членов комитета и констэбли бранились, лошади пятились, пешие гонцы потели, и все, здесь собравшееся, соединилось на пользу, честь и славу достопочтенного Самуэля Сломки, заявившего желание быть выбранным депутатом от бурга Итансвилля в Нижнюю Палату парламента Великобритании.

Громко закричали в народе, и сильно заколыхался один из синих флагов с девизом: «Свобода прессы», когда выставилась в окне голова редактора «Итансвилльской Синицы», и оглушительные залпы громовых восклицаний раздалась по всему пространству, когда сам достопочтенный Самуэль Сломки, в огромных ботфортах и синем галстуке, выступил на сцену, раскланялся толпе и мелодраматически пожал руку м-ру Потту, свидетельствуя ему искреннюю благодарность за поддержку, которой удостоился он, м-р Сломки, от его газеты.

– Все ли готово? – спросил достопочтенный Самуэль Сломки, обращаясь к м-ру Перкеру.

– Все, почтеннейший, все! – был ответ сухопарого джентльмена.

– Ничего не забыли, надеюсь?

– Ничего, почтеннейший, ничего. У ворот гостиницы стоят двадцать человек, которым вы должны пожать руки: они умылись и причесались для этого торжества; тут же шестеро маленьких детей, которых вы должны погладить по головке и спросить у каждого – сколько ему лет. На детей советую вам обратить особенное внимание; это всегда производит сильный эффект.

– Постараюсь.

– Да не худо бы, почтеннейший, – продолжал сухопарый джентльмен, – то есть, я не говорю, чтоб это было совершенно необходимо, однако ж, очень недурно, если б вы поцеловали кого-нибудь из этих малюток; такой маневр произвел бы сильное впечатление на толпу.

– Не могу ли я поручить эту обязанность кому-нибудь из членов комитета?

– Нет, уж если целовать, так целуйте сами: эффект будет вернее, ручаюсь, что это подвигнет вас на пути к популярности.

– Ну, если это необходимо, – сказал решительным тоном достопочтенный Самуэль-Сломки, – надо поцеловать. Теперь, кажется, все.

– По местам! – закричали двадцать членов комитета.

И среди дружных восклицаний собравшейся толпы, музыканты, констэбли, избиратели, всадники и кареты поспешили занять свои места. Каждый экипаж, запряженный парой, был набит битком, как сельдями в бочке. Карета, назначенная для м-ра Перкера, вместила в себя господ Пикквика, Топмана, Снодграса и с полдюжины других джентльменов из комитета Сломки.

Наступила минута страшной тишины перед тем, как надлежало выступить самому достопочтенному Самуэлю Сломки, вдруг толпа раздвинулась и закричала во весь голос.

– Идет, идет! – воскликнул м-р Перкер, предваряя многочисленных зевак, которым нельзя было видеть, что делалось впереди.

Раздались дружные восклицания со всех сторон.

– Вот он пожимает руки гражданам Итансвилля!

– Ура, ур-ра!

– Вот гладит он какого-то малютку по голове! – говорил м-р Перкер восторженным тоном.

– Ур-ра! Ур-р-р-р-а-а!

– Он поцеловал ребенка.

Толпа заревела неистово и дико.

– Другого поцеловал!

Новый оглушительный рев и гвалт.

– Всех перецеловал! – взвизгнул сухопарый джентльмен.

И, сопровождаемая оглушительным ревом, процессия двинулась вперед.

Как, вследствие чего и по какому поводу случилось, что на дороге она столкнулась, смешалась и перепуталась с другою такой же процессией, и каким образом окончилась суматоха, возникшая по этому поводу, описать мы не в состоянии, потому, между прочим, что уши, глаза, нос и рот м-ра Пикквика нахлобучились его шляпой при самом начале этих столкновений. О себе самом говорит он положительно, что в ту самую минуту, как он хотел бросить быстрый взгляд на эту сцену, его вдруг окружили со всех сторон зверские лица, облака пыли и густая толпа сражающихся граждан Итансвилля. Какая-то невидимая сила, говорит он, вынесла его вдруг из кареты и втокнула в самый центр кулачных бойцов, причем два довольно сильных тумака восприял он на свою собственную шею. Та же невидимая сила пособила ему взобраться наверх по деревянным ступеням, и когда наконец он снял свою шляпу, перед ним были его друзья, стоявшие в первом ряду с левой стороны. Правая сторона была занята «Желтыми» гражданами Итансвилля; в центре заседали городской мэр и его чиновники, из которых один, – жирный глашатай Итансвилля, – беспрестанно звонил в огромный колокол, приглашая почтеннейшую публику угомониться от страшной суматохи. Между тем м-р Горацио Фицкин и достопочтенный Самуэль Сломки, с руками, приложенными к своим сердцам, беспрестанно склоняли свои головы перед волнуемым морем голов, наводнявшим все это пространство, откуда подымалась буря стонов, ликований, криков и насмешек, – исходил гул и шум, подобный землетрясению.

– Смотрите-ка, куда забрался Винкель, – сказал м-р Топман, дернув президента за рукав.

– Куда? – спросил м-р Пикквик, надевая очки, которые он, к счастью, имел предосторожность держать в кармане до этой поры.

– Вот он, на крыше этого дома, – сказал м-р Топман.

И точно, на черепичной кровле, за железными перилами, заседали в спокойных креслах друг подле друга м-р Винкель и м-с Потт, делая своим приятелям приветственные знаки белыми платками, на что м-р Пикквик поспешил отвечать воздушным поцелуем, посланным его рукою прелестной леди.

Этот невинный поступок ученого мужа возбудил необыкновенную веселость в праздной толпе, еще не развлеченной церемониею выбора.

– Продувной старикашка! – закричал один голос. – Волочитя за хорошенькими девушками!

– Ах, ты, старый грешник! – закричал другой.

– Пялит свои очки на замужную женщину! – добавил третий голос.

– Я видел, как он моргал своим старым глазом, – вскрикнул четвертый.

– Верзила Потт и не думает смотреть за своей женой, – прогорланил пятый, и залпы громкого смеха раздались со всех сторон.

Так как за этим следовали ненавистные сравнения между м-ром Пикквиком и негодным старым козлом и многие другие остроумные шуточки весьма колкого свойства и так как все это могло очевиднейшим образом компрометировать честь благородной леди, то негодование в груди м-ра Пикквика забушевало самым стремительным потоком, и Бог ведает, чем бы оно прорвалось на бессовестную толпу, если б в эту самую минуту не раздался звонок, возвещавший о начале церемонии.

– Тише, тише! – ревели помощники мэра.

– Уифин, действуйте для водворения тишины! – сказал мэр торжественным тоном, приличным его высокому общественному положению.

Исполняя полученное приказание, глашатай дал новый концерт на своем неблагозвучном музыкальном инструменте, что вызвало в толпе дружный смех и остроты.

– Джентльмены, – начал мэр, когда народный гвалт немного поутих. – Джентльмены! Братья избиратели города Итансвилля! Мы собрались здесь сегодня с единственной целью избирать нашего представителя в палату, вместо...

Здесь мэр был прерван громким голосом, раздавшимся в толпе.

– Исполать нашему мэру! – прогремел этот голос. – Да процветает его славная торговля гвоздями и тесьмой, и пусть наполняются его тяжелые сундуки звонкой монетой!

За этим пожеланием, напомнившем о страсти почтенного мэра копить деньги, последовал веселый смех толпы, полились остроты и поднялся такой шум, что даже звонкий колокол глашатая оказался не в силах успокоить его. Мэр продолжал свою речь, но говорил ее собственно для себя, так как из всей его речи только и можно было кое-как расслышать лишь самый конец её, в котором почтенный сановник приглашал собрание высказаться за того кандидата, который знает действительные потребности города и потому может принести ему пользу.

Едва окончилась речь мэра, на эстраде появился худенький джентльмен с тугоз-авязанным белым галстуком. При смехе и остротах толпы он заявил, что намерен просить избирателей подать их голоса за человека, действительно принимающего близко к сердцу интересы города Итансвилля и настолько талантливый, что он с успехом станет защищать их в парламенте. Этого доблестного гражданина зовут Горацио Фицкин; он эсквайр и имеет поместье близ Итансвилля. При этих словах «Желтые» выразили свой восторг громкими рукоплесканиями, а «Синие» сопровождали их свистом, шиканьем и так шумно и продолжительно выражали свои чувства, что худенький джентльмен и почтенный друг, поддерживавший его предложение, произнесли свои длинные речи для назидания мэра, единственного слушателя, до которого долетали их слова.

Когда друзья Фицкина сказали все, что могли сказать, их место занял джентльмен, обладавший здоровым, розовым цветом лица. Он начал, конечно, с предложения подать голоса за другого кандидата (м-ра Сломки), который и пр. Розовый джентльмен был вспыльчивого нрава, и хотя его приняли несколько лучше, чем друзей м-ра Фицкина, однако ж, он не удовольствовался таким ничтожным предпочтением и потому, сделав небольшое ораторское фигуральное вступление, внезапно перешел к обличению тех джентльменов в толпе, которые прерывают его своими криками; затронутые джентльмены отвечали энергическими ругательствами, и обе стороны обменялись внушительными пантомимными угрозами. Чтобы положить конец неурядице, розовый джентльмен уступил свое место почтенному другу. Почтенный друг, сообразив, что не следует утомлять избирателей обильным словоизвержением, пробарабанил свою речь одним махом, не останавливаясь на знаках препинания; он мало заботился о том, что его никто не понял, зная хорошо, что, если кто пожелает ознакомиться с красотами его речи, тот всегда может прочесть ее в «Итансвилльской Синице», где она напечатана от слова до слова, снабженная всеми надлежащими знаками препинания.

После этого выступил сам Горацио Фицкин, эсквайр; но лишь только произнес он: «Милостивые государи», как «Синие» загудели с неистовою силой, загремели барабаны достопочтенного м-ра Сломки, оркестр грянул, и воздух наполнился смешанным гулом, и начался такой шум, каким не сопровождалась даже речь самого мэра. Выведенный из терпения, Горацио Фицкин подошел к своему оппоненту, достопочтенному Самуэлю Сломки, и грозно потребовал объяснения: точно ли оркестр заиграл по его предварительному приказу; и когда достопочтенный Самуэль Сломки дал весьма уклончивый и неопределенный ответ, Горацио Фицкин грозно поднял кулаки и, становясь в наступательную позицию, приглашал своего противника на смертный бой. При этом совершенно непредвиденном нарушении всех известных приличий и правил, городской мэр скомандовал оглушительную фантазию на огромном колоколе и объявил, что он требует перед свои очи достопочтенных господ Горацио Фицкина, эсквайра, и м-ра Самуэля Сломки. Минут через двадцать, при сильном содействии «Желтых» и «Синих»

членов, противники помирились, пожали друг другу руки, и Горацио Фицкин, эксвайр, получил позволение договорить свою речь.

Речи обоих кандидатов, различные по изложению и красоте слога, совершенно, однако ж, были сходны в громких похвалах, воздаваемых избирателям Итансвилля. Горацио Фицкин, так же как Самуэль Сломки, объявили, каждый с приличною торжественностью, что не было и не могло быть во всей вселенной людей благороднее и бескорыстнее тех великодушных граждан, которые вызвались подать голоса в их пользу; но вместе с тем оба оратора весьма искусно намекнули, что избиратели противной стороны отличаются, к несчастью, такими свинскими качествами, при которых они, судя по совести, совершенно неспособны к принятию разумного участия в этом национальном деле. Фицкин выразил готовность делать все, что потребуют от него; Сломки, напротив, заранее отказался наотрез действовать под влиянием чужих мыслей и чувств. Оба оратора объявили, что благосостояние итансвилльских граждан сделается исключительным предметом их заботливости и что они всеми силами будут стараться об усовершенствовании мануфактур, промышленности и торговли во всех её видах и родах.

Когда, наконец, приступлено было к окончательному отбору голосов и поднятию рук, огромное большинство, как и следовало ожидать, осталось на стороне достопочтенного Самуэля Сломки, который и был торжественно провозглашен представителем итансвилльских граждан. Сыграли еще раз фантазию на огромном колоколе, городской мэр надел шляпу, и народные толпы хлынули во все стороны, оглашая воздух залпами дружных восклицаний.

Во все время отбирания голосов город находился в сильно возбужденном состоянии. Все, что дышало итансвилльским воздухом, старалось вести себя в самом либеральном и просвещенном смысле. Подлежащие акцизу продукты, продавались по замечательно дешевой цене во всех публичных местах. Для удобства вотирующих прохлаждающие и горячительные напитки были выставлены на самых улицах; но, несмотря на такую предусмотрительную меру, многие изобретатели, почувствовав от утомления кружение головы, повалились на тротуаре и не могли заявить свое мнение, которого из кандидатов они предпочитают. М-р Перкер в этот день выказал во всем блеске свои удивительные способности. Для успеха своего доверителя он пустил в ход всевозможные средства. В числе избирателей, стоявших на стороне м-ра Фицкина, было несколько решительных патриотов, которых, казалось, нельзя привлечь никакой приманкой. Но м-р Перкер сумел залучить к себе этих рассудительных почтенных джентльменов и, после часовой с ними беседы, убедил их в талантливости своего клиента, и они подали голос за м-ра Сломки. Злые языки утверждали, что м-р Сломки обязан своим избранием единственно ловкости своего пронырливого агента, а никак не своей популярностью; но, конечно, это говорилось из зависти.

Глава XIV

Веселая компания в «Павлине» и повесть кочующего торговца.

Мы очень рады, что имеем теперь полную возможность вынырнуть из бурного омута политического бытия на правильный свет обыкновенной домашней жизни. Муж совета и разума, м-р Пикквик, в тесном и строгом смысле слова, отнюдь не мот быть ни синим, ни желтым человеком среди итансвилльских граждан; однако ж, зараженный в значительной степени энтузиазмом редактора «Синицы», он посвящал почти все свое время философическому исследованию шумных прений, описанных нами в предыдущей главе этих «Записок». И в то время, как он был погружен в эти прения, м-р Винкель посвящал все свои досуги приятнейшим прогулкам и загородным выездам с м-с Потт, пользовавшейся всяким удобным случаем для развлечения от однообразной и скучной жизни, на которую она постоянно жаловалась в присутствии своего супруга.

Треси Топман и м-р Снодграс, разлученные со своими друзьями, вели совершенно противоположный образ жизни. Не принимая почти ни малейшего участия в общественных делах, они должны были изворачиваться собственными средствами в гостинице «Павлин», предоставлявшей к их услугам китайский бильярд в первом этаже и отлично устроенные кегли на заднем дворе. В глубокие тайны этих увеселительных упражнений посвятил их мало-помалу м-р Самуэль Уэллер, знакомый в совершенстве со всеми эволюциями трактирной гимнастики. Таким образом время проходило для них довольно быстро, и они совсем не знали скуки, несмотря на постоянное отсутствие глубокомысленного мужа, погруженного в политические соображения в доме редактора «Синицы».

В особенности вечером «Павлин» развертывался во всей своей славе и представлял такие наслаждения, при которых друзья наши постоянно отказывались от обязательных приглашений многоученого м-ра Потта. Вечером «коммерческая зала» этой гостиницы вмещала в себе разнообразные характеры и нравы, представлявшие м-ру Топману огромное поприще для наблюдений, м-ру Снодграсу обширнейшее поле для поэтических наслаждений вдохновительного свойства.

Коммерческая зала в гостинице «Павлин» отличалась в своем устройстве необыкновенной простотой. Это была чрезвычайно просторная комната, с огромным дубовым столом посередине и маленькими дубовыми столами по углам; дюжины три разнокалиберных стульев и старый турецкий ковер на полу довершали её мебель, имевшую, вероятно, изящный вид в былые времена. Стены были украшены двумя географическими картами с подробным изображением столбовых и проселочных дорог; в углу, направо от дверей, висели на деревянных крючках шинели, сюртуки, шляпы и дорожные шапки. На каминной полке красовалась деревянная чернильница с двумя иссохшими перьями, облаткой и закоптелым куском сургуча, и тут же, для симметрии, расположены были смертные останки форели на разогнутом листе счетной книги. Атмосфера благоухала табачным дымом, сообщавшим довольно тусклый свет всей комнате и особенно красным занавесам, предназначенным для украшения окон. На буфете картинно рисовались в общей группе две-три соусницы, пара кучерских седел, два-три кнута, столько же дорожных шалей, поднос с вилками и ножами и одна горчица.

Вечером, после окончания выборов, м-р Топман и м-р Снодграс заседали в этой зале за дубовым столом вместе с другими временными жильцами «Павлина», собравшимися отдохнуть от своих дневных занятий. Все курило и пило.

– Господа, – сказал здоровенный и плотный мужчина лет сорока с одним только чрезвычайно ярким черным глазом, из под которого моргало плутовское выражение остроумия и шутки, – господа, все мы народ добрый, честный и умный. Предлагаю выпить по бокалу за общее здоровье, а сам пью, с вашего позволения, за здоровье Мери. Так ли, моя голубка, а?

– Отвяжитесь от меня с вашим здоровьем, – сказала трактирная девушка с притворно сердитым видом.

– Не уходите, Мери, – продолжал одноокий джентльмен, удерживая ее за передник.

– Отстаньте, говорю вам, – сказала служанка, ударив его по руке, – туда же вздумал волокаться, прыткий кавалер: знал бы сверчок свой шесток.

– Ну, так и быть, уходите, сердитая девушка, – сказал одноокий джентльмен, посматривая вслед за уходившей служанкой. – Я скоро выйду, Мери, держите ухо востро.

Здесь он принялся моргать на всю честную компанию, к восторженному наслаждению своего соседа, пожилого джентльмена с грязным лицом и глиняной трубкой.

– Подумаешь, право, как странны эти женщины, – сказал грязнолицый сосед после короткой паузы.

– Что правда, то правда, – подтвердил краснощекий джентльмен, выпуская облако дыма. Последовала затем продолжительная пауза.

– Есть на этом свете вещицы постраннее женщин, – сказал одноглазый джентльмен, медленно набивая свою пенковую трубку.

– Женаты ли вы? – спросил грязнолицый сосед.

– Не могу сказать, что женат.

– Я так и думал.

Здесь грязнолицый джентльмен принялся выделять веселые гримасы, к невероятной радости другого джентльмена с вкрадчивым голосом и сладенькой физиономией, который считал своим неременным долгом соглашаться со всеми вообще и с каждым порознь.

– Я утверждаю, господа, – сказал восторженный м-р Снодграс, – что женщины составляют великую подпору и утешение нашей жизни.

– Совершенная правда, – заметил вкрадчивый джентльмен.

– Оно, может быть, и так, – прибавил грязнолицый сосед, – да только в таком случае, когда женщины бывают в хорошем расположении духа. Это ограничение необходимо иметь в виду.

– Совершенная истина, – заметил опять вкрадчивый джентльмен, сделав чрезвычайно сладкую гримасу.

– Я, однако ж, отвергаю это ограничение, милостивые государи, – сказал м-р Снодграс, думавший всегда о м-с Эмилии Уардль, когда речь заходила о достоинствах прекрасного пола, – и притом, господа, я отвергаю его с чувством искреннего презрения. Покажите мне мужчину, который бы взводил что-нибудь на женщин, как женщин, и я смело объявляю, что такой мужчина – не мужчина.

И м-р Снодграс, выбросив сигару, сильно ударил кулаком по дубовому столу.

– Звучный аргумент, – заметил вкрадчивый джентльмен.

– Звучный, но не убедительный, потому что в основании его скрывается софизм, – возразил грязнолицый джентльмен.

– Ваше здоровье, сэр, – вскричал кочующий торговец с одиноким глазом, бросая одобрительный взгляд на м-ра Снодграса.

М-р Снодграс поклонился.

– Хорошие аргументы, как ваш, мне всегда приятно слышать, – продолжал кочующий торговец, – вы, можно сказать, прекрасно доказали свою мысль; но этот маленький аргумент относительно женщин напоминает мне одну довольно странную историю, которую рассказывал мне мой старый дядя. По этому поводу я готов повторить еще раз, что есть на белом свете вещицы постраннее женщин. История удивительная, господа.

– Расскажите ее нам, – сказал краснолицый джентльмен с сигарой во рту.

– Угодно вам слушать?

– Очень.

– И мне тоже, – сказал м-р Топман, вставляя в общий разговор и свое слово. Он пользовался всяким удобным случаем увеличить запас своих наблюдений.

– В таком случае извольте, господа, я очень рад, – сказал кочующий торговец, затягиваясь с особенным наслаждением из своей пенковой трубки. – История будет рассказана... нет, господа, я отдумал. К чему и зачем! Я знаю, вы не поверите мне, – заключил одноокий джентльмен, моргая самым плутовским образом на всю курящую компанию.

– Поверим, если вы ручаетесь за её справедливость, – заметил м-р Топман.

– Конечно, ручаюсь, и на этом условии рассказываю. Дело вот в чем, господа: слышали ли вы о знаменитом доме под фирмой: «Бильсон и Слюм?» Вероятно, не слышали, потому что его уж давным давно нет на белом свете. Происшествие, о котором рассказывал мой дядя, случилось лет восемьдесят назад с одним путешественником из этого дома. Это, в некотором смысле, будет

«Повесть кочующего торговца»,

и старый дядюшка рассказывал ее таким образом:

«Однажды зимою, около пяти часов вечера, лишь только начало смеркаться, на Марльборгских лугах, по дороге в Бристоль, можно было видеть путешественника, погонявшего свою усталую лошадь... то есть оно, собственно говоря, его непременно бы увидели, если б какой-нибудь зрячий человек проходил или проезжал по этому тракту; но погода была так дурна, вечер до того холоден и сыр, что не было на всем этом пространстве ни одной живой души, и путешественник тащился один, как можете себе представить, в самом мрачном расположении духа. Будь здесь какой-нибудь купец тогдашних времен, приказчик, разносчик или сиделец, он при одном взгляде на желтую тележку с красными колесами и на гнедого рысачка с коротеньким хвостом мигом смекнул бы, что этот путешественник был никто другой, как сам Том Смарт, из торгового дома „Бильсон и Слюм“; но так как этого взгляда некому было бросить, то и оказывалось, что Том Смарт и гнедой рысачок совершали путешествие в глубокой тайне. Вы понимаете, что от этого никому не могло быть ни лучше, ни хуже.

Немного на свете мест скучнее и печальнее Марльборгских лугов, когда на них дует сильный ветер. Если вдобавок присоединить к этому пасмурный зимний вечер, грязную и скользкую дорогу, беспрестанное падение крупных капель дождя, и если, господа, ради опыта, вы мысленно подвергнете свои кости влиянию враждебных стихий природы, то нечего и говорить, вы вполне поймете справедливость этого замечания относительно Марльборгских лугов.

Пронзительный ветер завывал и прямо дул через дорогу, сообщая дождевым потокам косвенное направление, на подобие тех перекрестных линий, какими в школах украшаются ученические тетрадки. На минуту он смолкал, как будто истощенный в своих бешеных порывах, и вдруг опять и опять – Ггу-Г-г-гу! – и ветер снова принялся реветь и свистать по широкому раздолью, по долинам, по холмам, по равнинам, по ущельям, собираясь со свежими силами и как будто издеваясь над слабостью бедного путешественника, промокшего до костей и проникнутого судорожною дрожью.

Гнедой рысачок, взмыленный и вспененный, поминутно фыркал, прядал ушами и забрасывал свою голову назад, выражая, очевидно, неудовольствие против буйства земных стихий; это, однако ж, не мешало ему трусить довольно верными и решительными шагами до тех пор, пока новый порыв ветра, неистовый и дикий, не заставлял его приостановиться на несколько секунд и глубже водрузить свои ноги в грязную лужу, вероятно, для того, чтоб предупредить опасность носиться на крыльях ветра по воздушному пространству. расчет рысачка обнаруживал в нем необыкновенную сметливость умной лошадки: он был так воздушен, желтая тележка так легка, и Том Смарт настолько бескровен, что без этой предварительной меры ураган неиз-

бежно должен был бы умчаться на облаках за пределы видимого мира, и тогда... но тогда, вы понимаете, повесть эта не имела бы никакого значения и смысла.

– Ну, ну, черт меня побери, молодецкая потеха! – воскликнул Том Смарт, имевший весьма нелепую привычку вдаваться в бешеные клятвы. – Дуй, подувай, раздувай, – и провалиться бы мне сквозь землю!

Вероятно, вы спросите меня, зачем Том Смарт выразил такое нескромное желание провалиться сквозь землю и подвергнуться свирепому действию воздушной стихии: этого я не знаю и, следовательно, не могу вам сказать. Я передаю вам из иоты в иоту слова моего старого дяди, или самого Тома Смартга, – что решительно одно и то же.

– Дуй, подувай, раздувай! – воскликнул Том Смарт к очевидному удовольствию своей лошадки, которая на этот раз заржала и встряхнула ушами.

– Развеселись, Сого! – воскликнул Том, погладив рысачка концом своей плети. – В такую ночь не разъедемся мы с тобой; только бы завидеть какой-нибудь домишко – и баста: ты в конюшню, я на боковую. Пошевеливайся, Сого! Чем скорей, тем лучше.

Не могу вам доложить, понял ли гнедой рысачек сущность увещаний своего хозяина, или он собственным умом дошел до такого заключения что стоять среди дороги не было ни малейшей выгоды ни для него, ни для желтой тележки, – только он вдруг бросился бежать со всех ног, и Том Смарт уже не мог остановить его до той поры, когда он по движению собственной воли своротил направо с большой дороги и остановился перед воротами придорожного трактира, за четверть мили до конца Марльборогских лугов.

Том Смарт бросил возжи, выскочил из тележки и окинул быстрым взглядом верхнюю часть придорожного трактира. Это было довольно странное здание из брусьев, обложенное тесом, с высокими и узкими окнами, пробитыми на большую дорогу, низенькая дверь с темным портиком вела в дом посредством пары крутых ступеней, которые могли заменить полдюжины мелких ступенек новейшего современного фасона. Яркий и веселый огонек проглядывал из за решетчатых ставень одного окна, между тем как в другом противоположном окне, сначала темном, вдруг засверкало игривое пламя, отражаясь красным заревом на опущенной сторе. Это могло служить верным доказательством, что в этом доме был камин, только-что затопленный. Заметив эти признаки комфортабельности взглядом опытного путешественника, Том Смарт направил быстрые шаги к дверям, поручив наперед свою лошадку заботливости конюха, явившегося теперь предложить свои услуги.

Минут через пять Том Смарт сидел уже в той самой комнате, где горело яркое пламя, и притом сидел перед камином, с наслаждением прислушиваясь к потрескиванию перегоравших углей. Одно уже это обстоятельство способно было распространить живительную отраду в сердце всякого рассудительного джентльмена, хотя бы он промерз насквозь до сокровеннейшего мозга в своих костях; но домашний комфорт на этот раз обнаружился в обширнейших размерах. Смазливая девушка в коротеньком платьице, из-под которого картинно рисовались чудные ножки, накрывала на стол белоснежную скатерть, и в ту пору, как Том Смарт сидел перед решеткой, спиной к дверям, перед его глазами в большом зеркале над каминной полкой отражалась очаровательная перспектива зеленых бутылок с золотыми ярлычками, разнокалиберных банок с вареньем и пикчулями, перспектива ветчины, сыра и жареной дичи, распространявшей самый соблазнительный запах. Все это могло служить удивительным утешением для усталого путешественника; однако ж, и это было не все. За буфетом, перед круглым столиком, уставленным чайными чашками, сидела цветущая вдовушка лет сорока с небольшим, очевидно, хозяйка этого дома и главная надзирательница над всем, что могло служить к созданию в нем покойной жизни. Был только один предмет, омрачавший прелестную картину: за чаем подле вдовушки сидел высокий, долговязый мужчина в сером сюртуке и светлых пуговицах, с черными бакенбардами и густыми курчавыми волосами. Это уж было не очень хорошо, вы понимаете почему: Том Смарт мигом догадался, что долговязый кавалер уговорит

вдову покончить раз навсегда с унылыми годами одиночества и провести вместе с ним остаток жизни, исполненной всевозможной благодати.

Надобно вам доложить, что Том Смарт был по своей природе, смирен и кроток, как овца, и зависть отнюдь не была в его натуре; случилось однако ж, неизвестно какими судьбами, что долговязый мужчина в сером сюртуке с светлыми пуговицами расшевелил в его сердце весь запас желчи и вызвал в нем величайшее негодование, особенно в ту пору, когда на зеркальном стекле обрисовались несомненные признаки того, что долговязый пользуется благосклонностью цветущей вдовы. Том был вообще большой любитель горячего пунша, – я могу даже сказать – Том влюблен был в горячий пунш с коньяком, водкой или ромом, смотря по обстоятельствам; поэтому ничего нет удивительного, если он, накормив свою лошадку и скушав сам три тарелки разного печенья и варенья, изготовленного хозяйкой, приказал себе, эксперимента ради, подать стакан горячего пунша. Эксперимент оказался вполне удачным даже сверх всякого ожидания, по той именно причине, что из всех предметов кухмистерского искусства цветущая вдова наиболее усовершенствовала себя в приготовлении горячительных напитков. Оporожнив влагу едва не с быстротой молнии, Том Смарт заказал другой стакан, и это отнюдь не удивит вас, господа, если вы потрудитесь сообразить, что горячий пунш, приятный и сладкий при всех решительно обстоятельствах жизни, должен был показаться очаровательным Тому Смарту, сидевшему в теплой комнате перед пылающим камином, тогда как ветер неистово бушевал и бесновался вокруг всего дома. Том Смарт, видите ли, праздновал, так сказать, свою победу над буйною стихией, и по этой-то причине заказал себе другой стакан горячего пунша, за которым следовал третий, четвертый и так далее. Сколько выпил он всего, я не знаю; но чем больше он пил, тем больше косился на долговязого гостя, и тем сильнее кипела желчь в его груди.

– Бесстыдный нахал, провал его возьми! – думал про себя Том Смарт, – какого ему черта торчать за этим буфетом? Препасквильная рожа! Неужели у этой вдовы нет никакого вкуса насчет выбора достойных кавалеров?.. Скверный анекдот!

Здесь быстрый взор Тома Смарта отпрянул от камина на круглый стол, и, подозревая хозяйку, он поспешно заказал себе новый стакан пунша.

Должно заметить, господа, что Том Смарт чувствовал всегда особенное расположение к трактирной жизни. Уже давно воображение его лелеяло мечту – завести свой собственный трактир, стоять за буфетом в широком сюртуке и широких штанах без штрипок, запустив обе руки в глубокие карманы. Не раз ему случалось занимать первые места на веселых пирах и с наслаждением думать, что эти пиры могли бы продлиться до бесконечности, если б сам он был содержателем общего стола. Одаренный от природы ораторским талантом, он мог бы проносить великолепные речи в присутствии дорогих гостей, воспламеняя их жажду к зазданным тостам. Все эти мысли, с быстротой молнии, просверлили голову Тома Смарта, когда он допивал шестой уже стакан, заседаая перед пылающим камином. Мудрено-ли, что он чувствовал справедливое негодование при взгляде на долговязого верзилу, готового сделаться обладателем прекрасного трактира, тогда как он, Том Смарт, принужден будет в его пользу отказаться от своего истинного призвания.

За последними двумя стаканами Том Смарт обдумывал план завязать ссору и вступить в открытую борьбу со своим неприязненным соперником; но, не выдумав ни синь пороха, решил отправиться в постель, считая себя злополучнейшим созданием в мире.

Том Смарт шел вперед по широкой старинной лестнице вслед за хорошенькой черноглазой девушкой, провожавшей его со свечою в руках. Несколько шагов сделали они счастливо, без всяких приключений; но потом свеча вдруг загасла от сильных порывов ветра, пробравшегося через щели в галерею, и они остались среди лестницы одни, окруженные ночным мраком. Могло, впрочем, стать, что свечу задул не ветер, а сам Том, для того, чтоб иметь удобный случай поцеловать и обнять свою проводницу: так, по крайней мере, разглашали его враги,

и так именно поступил бы я сам на его месте. Скоро, однако ж, принесена была другая свеча, и путешественник, продолжая пробираться через лабиринт переходов, благополучно достиг комнаты, назначенной ему для ночлега. Девушка пожелала ему спокойной ночи и оставила его одного.

Комната имела огромные размеры. На постели, стоявшей посредине, могли бы, в случае нужды, поместиться дюжины две ребяташек из мужского пансиона; в двух гардеробных шкафах, приставленных к стене, мот бы, без малейшего труда, уложиться походный скарб целой дюжины полков; но всего более поразило внимание Тома Смарта странное, уродливое кресло, или, правильнее, безобразный стул с высокой спинкой, испещренной фантастической резьбой, с цветочной камчатной подушкой и круглыми шишками на конце ног, тщательно перевязанных красным сукном, как будто они страдали подагрой. Насчет всех других кресел Том Сمارт был собственно того мнения, что это – старинные кресла и больше ничего; но этот специальный предмет, несколько не похожий на своих товарищей, отличался такими затейливыми и фантастическими формами, что он, по-видимому, никак не мог оторвать от них своих глаз. Около получаса просидел он на одном и том же месте, обращенный спиной к камину и погруженный в таинственное созерцание, принимавшее постепенно самый восторженный характер.

– Черт бы его побрал! – проговорил, наконец, Том Сمارт, начиная раздеваться и продолжая глядеть на старинный стул, поставленный у изголовья его постели. – В жизни не видал я таких уродов и не увижу никогда. Этакой анафема!

Он покачал головой с видом глубокой мудрости и опять взглянул на кресло. Запутываясь больше и больше в своих мыслях, он лег в постель, прикрылся простыней и погрузился в сон.

Минут через двадцать он вскочил на своей постели, пробужденный тревожными и шумными видениями долговязых гостей и пуншевых стаканов. Первый предмет, обрисовавшийся в его воспламененном воображении, был опять фантастический стул.

– Мошенник! – проворчал Том Смаргъ, подернутый судорожною дрожью. – Я не стану смотреть на него!

Он повалился на подушки, прищурил глаза и старался уверить себя, что спит крепким сном. Напрасный труд! Перед умственными взорами его заплясали, закривлялись уродливые стулья, прыгая по спинкам друг друга и выделявая самые бесстыдные гримасы.

– Этакая притча! – проговорил Том Смарт, высовывая свою голову из под теплой простыни. – Уж лучше же стану я смотреть на один действительный стул, чем на неистовые полчища подобных ему призраков.

И он точно принялся смотреть, усердно, пристально, неподвижно; но вдруг перед его глазами начали совершаться чудодейственные перемены. Резьба спинки вытянулась, выпрямилась и постепенно приняла фигуру безобразного старика с морщинистым лицом. Камчатная подушка превратилась в жилет старинного фасона; круглые шишки приняли форму человеческих ног, обутых в красные туфли, и весь стул сформировался в джентльмена прошлого столетия, поджавшего под мышку свои руки. Том Смарт сидел, протирая глаза и старался удалить от себя фантастическую грезу. Тщетные усилия! На месте фантастического стула был точно безобразный джентльмен и, что всего удивительнее, безобразный джентльмен дико и нахально заморгал глазами на Тома Смарта.

Том Смарт, надобно заметить, был забубенная каналья первой руки, и притом в его желудке еще варились и кипели стаканы пунша. Сначала он струхнул немного, но потом запылал, так сказать, величайшим негодованием против старика, моргавшего на него с таким отчаянным бесстыдством. Наконец, он не вытерпел и сказал сердитым тоном:

– Зачем ты пялишь на меня свои бесстыдные бельма?

– Тебе на что? – проговорил безобразный старикашка, вытянутый фертом. – Смотрю и делаю, что хочу, а ты можешь себе бесноваться, сколько угодно, Том Смарт.

И он страшно оскалил зубы, как орангутанг, согбенный преклонностью лет.

– Как ты знаешь мое имя, старый хрыч? – спросил Том Смарт, приведенный в некоторое смущение. Он старался, однако ж, показать, что совсем не трусит.

– Вот уж это и не дело, Том Смарт, – отвечал старик обиженным тоном, – благородное красное дерево Испании заслуживает некоторого уважения с твоей стороны; а ты, между тем, вздумал обращаться со мной так, как будто я был хрупкий ореховый стул новейшего фасона. Стыдно тебе, брат Том!

И, говоря это, старый джентльмен принял такой гордый вид, что Том струсил не на шутку.

– Извините, сэр, я не имел никакого намерения обижать вас, – проговорил Том Смарт смиренным и даже несколько униженным тоном.

– Ну, ничего, когда-нибудь сочтемся, – сказал старик. – Оно, может быть, и правда, что ты не думал обижать меня. Том...

– Что вам угодно?

– Я знаю тебя, Том, отлично знаю. Ты ведь, любезный, мошенник.

– Помилуйте...

– Ничего, ничего, это я так примолвил ради начинающейся дружбы, а главная штука вот в чем: ты беден, Том, очень беден.

– Ваша правда, – сказал Том Смарт, – но как вы это знаете?

– Об этом речь впереди, любезный друг, но сквернейший анекдот состоит собственно в том, что ты горький пьяница, Томми.

Том Смарт приготовился дать клятву, что он терпеть не может крепких напитков; но в эту минуту взоры его встретились с пронзительными глазами старика, читавшего, казалось, в глубине его души самые тайные мысли. Он покраснел, прикусил язык и замолчал.

– А ведь признайся, любезный, у тебя разгорелись глазки на вдову: лакомый кусочек, нечего сказать, а?

Здесь старый хрыч закатил свои глаза, припрыгнул на своих коротеньких ногах и принял такую сладострастную позу, что Том Смарт невольно удивился легкомысленности его поведения – в такие преклонные лета!

– Я ведь опекун этой вдовушки, Том Смарт!

– Право?

– Я тебе говорю: я знал её мать и бабушку. Бабушка была влюблена в меня и подарила мне вот этот жилет.

– Неужто?

– И эти башмаки, – продолжал старик, приподняв одну из своих ног, – но это пусть будет между нами, Томми; фамильных секретов распространять не должно: это мое правило.

Говоря это, старый плут принял такой бессовестный и наглый вид, что Том Смарт почувствовал непреодолимое желание взгромоздиться на его спину: так, по крайней мере, рассказывал он сам через несколько лет после этой чудодейственной истории.

– Был я встарину молодец, Том Смарт, и женщины любили меня страстно, – продолжал бесстыдный старикашка; – сотни красавиц засиживались, бывало, на моих коленях, и я, что называется, катался, как сыр в масле. Что ты на это скажешь, любезный, а?

Продолжая, между тем, исчислять подвиги своей юности, старик заскрипел и зашатался до того, что язык его утратил способность произвольного движения.

– За дело тебе, старый пес, – подумал Том Смарт, не сказав, однако ж, ничего в этом роде.

– О-ох! не те времена и не те нравы! – простонал старик, принимая спокойную позу. – Плох я стал, Том Смарт, и потерял все свои балясины. Еще недавно мне сделали операцию – прикрепили новую дощечку к моей спине. Трудная операция, Томми.

– Очень может быть.

– Конечно, может; но не в этом штука: мне хочется женить тебя, Том Смарт.

– Меня?

– Да.

– На ком?

– На вдове.

– Помилуйте! как это можно! Клянусь вашими почтенными сединами (на голове у старика торчало несколько седых клочков), вдова на меня и смотреть не хочет: её сердце занято. И Том Смарт испустил невольный вздох.

– Почему ты это знаешь? – спросил старик твердым тоном.

– Как этого не знать? Долговязый верзила с черными бакенбардами увивался за ней на моих глазах.

– Вздор, любезный, будь спокоен: вдовушка не выйдет за него.

– Нет, сэр, позвольте усомниться в вашей проницательности: если б вы так же, как я, видели их за буфетом, мысли ваши получили бы другое направление.

– Как будто я этого не знаю! – проговорил старик с решительным видом.

– Чего? – спросил Том Смарт.

– Любовные шашни, шепот, поцелуй за дверью – экая важность! Все вздор, Томми!

Здесь старый хрыч принял опять бесстыдный и нахальный вид, вызвавший в Томе Смарте величайшее негодование. Дело известное, господа: весьма неприятно видеть и слышать старика, который, так сказать, вмешивается совсем не в свое дело.

– Все это я знаю, Томми, – продолжал старый джентльмен. – В свое время я вдоволь нагляделся на проказы этого сорта между молодыми людьми и уверился многочисленными опытами, что поцелуй сам по себе не доказывает ничего.

– Вы, конечно, видели много странных вещей, – сказал Том, бросая на старика вопросительный взгляд.

– Видел, да, могу похвалиться. Я пережил всех членов своей семьи, любезный друг, и теперь остался один, как бобыль.

И он испустил глубокий вздох.

– Велика была ваша семья? – спросил Том Смарт.

– Двенадцать братьев, Томми, народ все свежий, живой, молодец к молодцу, не то что нынешние дряхлые калеки, что трещат и ломаются от первого удара. Были у нас выполированные ручки, и встарину величали нас креслами, всех до одного.

– Куда ж девались ваши братцы, почтеннейший?

Старик приставил локти к своим глазам и, проливая горькие слезы, отвечал:

– Отжили свой век, любезный, отжили. Мы несли трудную службу, Томми, и комплекция их была слабее моей. Они почувствовали ревматизм в ногах и руках; сострадательные люди разнесли их по кухням и другим госпиталиям. Один брат лишился даже чувств от продолжительной службы и дурного обхождения: его принуждены были сжечь в печи вместе с презренной сосной. Ужасно, друг Томми.

– Ужасно! – повторил Том Смарт.

Старый джентльмен приостановился на несколько минут, испытывая, вероятно, трудную борьбу с болезненными ощущениями своего сердца. Потом он сказал:

– Однакож, любезный друг, мы отступаем от главного предмета. Долговязый верзила, должно заметить, пройдоха первой руки, каналья беспардонный. Женившись на вдовушке, он как раз спустит всю эту мебель и убежит на тот край света. Что из этого выйдет? Покинутая вдова будет разорена в конец, и мне придется умирать холодной смертью в мерзлой лавке какого-нибудь рыночного торговца.

– Все это правда, почтеннейший, но...

– Дай мне кончить, дружище. О тебе, любезный Томми, с первого взгляда я составил отличное мнение. Раз поселившись в этом трактире, ты не оставишь его никогда, если, по крайней мере, за буфетом его будут водка и вино.

- Покорно благодарю за доброе слово: вы не ошиблись, сэр, – сказал Том Смарт.
- Стало быть, вдовушка будет твоя, и мы позаботимся дать отставку долговязому верзиле.
- Как же это сделать?
- Очень легко: ты объявишь, что он женат.
- Чем я докажу это?

Старик отвинтил руку от своего плеча, моргнул глазами и, указав на один из дубовых шкафов, принял опять спокойную позу.

– Ему не приходит и в голову, – продолжал старый джентльмен, – что в правом кармане штанов, запрятанных в этот шкаф, он забыл письмо, где неутешная супруга умоляет его возвратиться в её объятия, извещая притом, что его со дня на день ожидают шестеро детей мал-мала-меньше.

После этих слов, произнесенных торжественным тоном, черты старого джентльмена начали бледнеть, стираться, и фигура его покрылась густой тенью. У Тома Смарта зарябило в глазах, подернутых плевогой. Старик исчез, и на месте его опять явился чудесный стул: камчатный жилет превратился в подушку, красные туфли оказались чехлом. Том Смарт повалился на свою постель и скоро погрузился в глубокий сон.

Ранним утром, лишь только начало светать, Том воспрянул от своего сна. Несколько минут просидел он на своей постели, стараясь припомнить события прошлой ночи. Вдруг воспоминания его оживились с необыкновенной быстротой. Он взглянул на стул, имевший несомненно фантастические признаки; но, при всей живости фантазии, не мог отыскать в нем ни малейшего сходства с чертами таинственного старца.

- Как поживаешь, старый хрыч? – сказал Том Смарт.

Дневной свет пробудил всю смелость в его груди, и он уже не боялся ничего.

Стул, однако ж, остался без движения и не проговорил ни слова.

- Хорошо ли ты спал, куманек? – спросил Том Смарт.

Никакого ответа. Ясно, что стул не имел намерения вступать в разговор.

– На какой шкаф ты указывал вчера, старый черт, – продолжал Том Смарт сердитым тоном. – Проговори, по крайней мере, одно слово.

Стул хранил упорное молчание.

– Однакож, попытка – не пытка, спрос – не беда, – пробормотал про себя Том Смарт, – шкаф открыть не мудрено.

Он сделал несколько шагов и, увидев ключ в замке, повернул его: дверь отворилась. В шкафу действительно были штаны; он запустил руку в один из карманов и, к величайшему изумлению, вытащил то самое письмо, о котором говорил старый джентльмен.

– Странное обстоятельство, – сказал Том Смарт, взглянув сперва на стул, потом на дубовый шкаф, потом на письмо, и затем опять на фантастический стул. – Удивительно странная история, – повторил он опять, озираясь кругом. Потеряв, однако ж, всякую надежду выяснить себе сколько-нибудь это запутанное дело, он оделся на скорую руку и решился, не теряя времени, действовать по внушению внутреннего чувства.

Внутреннее чувство внушало ему прежде всего сломить рога долговязому верзиле и занять его место в сердце интересной вдовы. Проходя через галерею и спускаясь вниз по ступеням лестницы, Том Смарт бросал вокруг себя испытующие взоры, питая в своей душе вероятную надежду сделаться законным владельцем драгоценных сокровищ этого жилища. Долговязый верзила стоял уже опять за буфетом, распоряжаясь как у себя дома. Закинув руки за спину, он улыбнулся и кивнул головой при входе Тома Смарта. Улыбнулся он, вероятно, для того, чтоб выказать свои белые зубы; но Том Смарт видел во всей его позе выражение торжества, происходившего от сознания собственной силы.

– погоди, голубчик, я тебя проучу! – подумал про себя Том Смарт и потом, обращаясь к хозяйке, проговорил: – Пожалуйте ко мне, сударыня, на пару слов.

Они вошли в маленькую гостиную и затворили за собою дверь.

– С добрым утром, сударыня, – сказал Том Смарт.

– С добрым утром, сэр, – отвечала интересная вдова. – Чего прикажете к завтраку, сэр? Том молчал, обдумывая в эту минуту, как бы похитрее приступить к торжественному делу.

– Есть ветчина первый сорт, жареная курица и шпигованная утка, – чего прикажете, сэр?

Эти слова расшевелили внимание Тома Смарта. Он окинул вдовицу пронизательным взором и нашел, что она в самом деле лакомый кусочек, как выразился старый джентльмен, выродившийся из фантастического стула.

– Кто этот господин, сударыня, что стоит у вас за буфетом? – спросил Том Смарт.

– Его имя Джинкинс, сэр, если вам угодно знать это, – отвечала вдова, зардевшись легким румянцем.

– Высокий мужчина, – сказал Том Смарт.

– Прекрасная душа, сэр, и прекрасный джентльмен.

– Эге! – воскликнул Том Смарт.

– Потрудитесь объяснить мне, сэр, чего вам угодно? – спросила вдова, приведенная в некоторое смущение поступками своего гостя.

– Извольте, сударыня, извольте. Не угодно ли вам посидеть со мною несколько минут?

Изумленная вдова, не говоря ни слова, поспешила занять порожний стул, и Том Смарт сел подле неё. Не знаю, господа, как это случилось, – мой дядя говорил, что и сам Том не мог объяснить этого случая, – только пальчики вдовицы вдруг очутились в его руке, и он держал их в продолжение всей этой беседы.

– Вы очень милы, сударыня, – начал Том Смарт, отличавшийся вообще любезными манерами в отношении к прекрасному полу, – вы очень милы, сударыня, и я могу доложить, что супругом вашим должен быть превосходнейший человек во вселенной. Вы этого заслуживаете.

– Ах, Боже мой! – воскликнула вдова, приятно изумленная.

Красноречивое вступление Тома Смарта, не объясненное никакими предварительными обстоятельствами, могло казаться тем более удивительным, что он видел ее только первый раз в своей жизни. Следовательно, можно было повторить еще: – ах, Боже мой!

– Я ненавижу лесть, сударыня, я презираю всякие комплименты, если они исходят не от чистого сердца, – продолжал Том Смарт с заметным одушевлением. – Вы заслуживаете превосходного супруга, и кто бы ни был он, вам суждено сделать его счастливейшим созданием в мире.

Говоря таким образом, Том Смарт с наслаждением упивался комфортом, окружавшим интересную вдову.

Вдова между тем, озадаченная неожиданным оборотом дела, сделала судорожное усилие приподняться со своего места; но Том Смарт удержал ее ласковым пожатием руки. Дело известное, господа, что вдовицы теряют некоторым образом робость, свойственную прекрасному полу в его девственной поре; так, по крайней мере, говорил мой дядя.

– Я должна благодарить вас, сэр, за ваше доброе мнение, – сказала цветущая вдова, – и если я выйду когда-нибудь замуж...

– Если, – перебил Том Смарт, лукаво подмигивая своим левым глазом, – если...

– Очень хорошо, – сказала вдова, – я могу переменить свою речь, если вам угодно: выходя теперь замуж во второй раз, я надеюсь, что супруг мой будет именно такой, какого вы желаете для меня.

– Джинкинс?

– Да.

– Я знаю Джинкинса и утверждаю, что он не заслуживает вашей руки.

Вдова вспыхнула и вздрогнула, испуганная таинственным видом своего собеседника.

– Позвольте уверить вас, сэр, – сказала она с некоторой запальчивостью, – что м-р Джинкинс заслуживает всякого уважения честных людей.

– Гм! – проворчал Том Смарт.

Вдовица разочла, что теперь самая приличная пора прибегнуть к посредству горьких рыданий. Вынув платок из кармана, она пожелала узнать прежде всего, зачем вздумал обижать ее Том Смарт, делая за глаза дурной отзыв о джентльмене, пользовавшемся её безграничным доверием и уважением. Вместо того, чтоб пугать бедную женщину, он прямо должен был объяснить с этим джентльменом, вывести его на свежую воду, и прочая, и прочая.

– За объяснением дело не станет, сударыня, – отвечал Том Смарт, – я сорву маску с этого лицемера, только вы наперед выслушайте меня.

– Говорите, – сказала вдова, устремив пристальный взгляд на лицо своего собеседника.

– Вы будете в величайшем изумлении, – сказал Том Смарт, опуская в карман свою руку.

– Если вам угодно объяснить мне, что ему нужны деньги, – отвечала вдова, – это не удивит меня ни на волос. Я знаю это.

– Нет, сударыня, это бы еще ничего: в деньгах имеет нужду всякий смертный. Не в этом речь.

– В чем же? Говорите, ради Бога.

– Не торопитесь, сударыня, дело объяснится само собою, – возразил Том Смарт, медленно вынимая письмо из кармана.

– Вы не будете визжать, сударыня?

– О нет, нет! – воскликнула вдова, – дайте мне эту бумагу.

– Вы не упадете в обморок?

– Нет!

– С вами не сделается истерики?

– Нет, нет!

– Прекрасно. Сидите же смирно и не выбегайте из комнаты царапать ему глаза. Предоставьте мне самому труд разделаться с этим господином.

– Очень хорошо, давайте бумагу.

– Извольте.

И роковое письмо очутилось в руках интересной вдовы.

Господа, покойный дядюшка рассказывал, будто Том Смарт говорил, что рыдания бедной женщины, открывшей ужасную тайну, способны были просверлить насквозь даже каменное сердце. Нежные чувства Тома Смарта были, так сказать, парализованы совершеннейшим образом при этой душу раздирающей сцене. Вдовица зашаталась во все стороны и неистово принялась ломать свои белые руки.

– О, злодей! О, изверг! О, мучитель! – воскликнула она.

– Точно так, сударыня, – подтверждал Том Смарт, – но вам надобно успокоиться.

– Не могу я успокоиться, – вопила вдова, – кого теперь полюбить мне, горемычной? Кому вручить свое бедное сердце?

– О, еще время не ушло! полюбите и вручите! – восклицал Том Смарт, испуская потоки слез при виде страданий злополучной вдовы.

Проникнутый таким образом глубочайшим соболезнованием, Том Смарт обвил своей рукой стан интересной вдовы, и она судорожно сжала другую руку Тома Смарта. Через минуту её слезы заменились отрадной улыбкой, и еще через минуту они улыбнулись оба, бросая друг на друга нежные взгляды.

При всех усилиях, джентльмены, я не мог привести в известность, поцеловал ли Том Смарт интересную вдову при этом отрадном излиянии взаимных чувств. Дядюшка говорил, что не поцеловал, хотя я собственно имею основательные причины сомневаться в его словах.

Если пошло дело на откровенность, я готов, если угодно, присягнуть, что поцелуи непременно должны были завершить эту трогательную сцену.

Как бы то ни было, через полчаса Том Смарт, с шумом и гвалтом, вытолкнул из дверей взашей долговязого верзилу, и не далее, как через месяц, интересная вдова сделалась его женой. Долго еще разъезжал он по окрестным странам на своем гнедом рысачке в желтой тележке с красными колесами; но, наконец, покончив все дела с торговым домом, отправился во Францию и завел в Париже славный трактир».

– Позвольте спросить вас, сэръ, что сделалось с чудодейственным стулом? – сказал любопытный старый джентльмен.

– Этот пункт не совсем приведен в ясность, – отвечал одноглазый повествователь, – заметили вообще, что в день свадьбы он кряхтел и трещал неугомонно; но отчего именно, от удовольствия или физической немощи, Том Смарт не мог объяснить. Вероятно, от немощи.

– И все верили этой истории? – спросил грязнолицый джентльмен, набивая свою трубку.

– Все, кроме врагов Тома Смарта. Некоторые из них утверждали, будто Том выдумал всю эту историю в досужие часы; другие, напротив, держались мнения, что он был пьян и в этом виде схватил по ошибке чужие штаны, где лежало нескромное письмо. Все это, разумеется, вздор, и никто не хотел слушать, что они говорили.

– Том Смарт выдавал все это за правду?

– Да, он ручался в справедливости каждого слова.

– А ваш дядюшка?

– Он говорил, что нельзя здесь усомниться ни в единой букве.

– Стало быть, оба в некоторой степени были замечательные мужи, – сказал грязнолицый джентльмен.

– Замечательные в высшей степени, – заключил кочующий торговец.

Глава XV

Изображающая отчетливо и верно двух знатных особ, устроивших в своем чертоге общественный завтрак, где произошла неожиданная встреча, подавшая повод к началу другой главы.

Уже совесть сильно начинала тревожить м-ра Пикквика за неосторожное забвение своих друзей в гостинице «Павлина», и он собирался сделать им визит на третье утро после окончания городских выборов, как вдруг Самуэль Уэллер, верный его слуга, явился к нему с визитной карточкой в руках, где была начертана надпись:

Мистрис Львица Гонтер.

Итансвилльское Логовище, за городской заставой.

– Ждут ответа, сэра, – сказал Сам загадочным тоном.

– Точно ли ко мне пришла эта особа? – спросил м-р Пикквик. – Нет ли тут какой ошибки, Самуэль?

– К вам, сэра, могу вас уверить. Он спрашивает вас и никого больше, как говорил чертов секретарь, явившийся с докладом к доктору Фаусту, – отвечал м-р Уэллер.

– *Он?* Разве это джентльмен? – сказал м-р Пикквик.

– Совершеннейшее подобие и образ джентльмена.

– Но это карточка дамы, – возразил м-р Пикквик.

– Я, однако ж, получил ее от джентльмена, который теперь дожидается в гостиной. Он говорит, что ему необходимо вас видеть, иначе он готов простоять целый день, не двигаясь с места.

Услышав такое непоколебимое решение, м-р Пикквик сошел в гостиную и увидел степенного джентльмена, поспешившего обратиться к нему с низким поклоном.

– М-р Пикквик, если не ошибаюсь?

– К вашим услугам.

– Позвольте, сэра, удостоиться лестной для меня чести притронуться к вашей руке... позвольте пожать вашу руку, – сказал степенный джентльмен.

– Сделайте одолжение, – сказал м-р Пикквик.

Незнакомец схватил руку ученого мужа и продолжал скороговоркой:

– Мы наслышались о вашей славе, сэра. Молва об ученых открытиях, сделанных вами в области антикварской науки, достигла до ушей м-с Львицы Гонтер, моей супруги. Я – м-р Лев Гонтер.

Незнакомец остановился в ожидании, что это известие озадачит м-ра Пикквика; видя, однако ж, что ученый муж остается совершенно спокойным, продолжал:

– Супруга моя, сэра, м-с Львица Гонтер, ставит себе за особенную честь знакомиться со всеми великими людьми, стяжавшими бессмертие в бесконечной области искусства и науки. Позвольте, сэра, включить в обширный реэстр её знакомых имя м-ра Пикквика и всех почтенных сочленов основанного им клуба.

– Мне будет очень приятно удостоиться внимания такой леди, – отвечал м-р Пикквик.

– И вы *удостоитесь*, сэра, что не подлежит никакому сомнению, – сказал степенный джентльмен. – Завтра мы даем публичный завтрак, *une fête champêtre*, и приглашаем всех особ, прославившихся на поприще искусства и науки. Можно ли надеяться, сэра, что вы доставите моей супруге, м-с Львице Гонтер, удовольствие присутствовать в её «Логовище» вместе с вашими друзьями?

– Очень рад, – отвечал м-р Пикквик.

– М-с Львица Гонтер часто делает такие завтраки в здешней стороне, – продолжал степенный джентльмен, – на них торжествует разум, ликует сердце, и душа изливается «потоками веселья», как недавно изъяснился один поэт в сонете, посвященном моей супруге.

– Он пользуется громкою известностью в области искусства? – спросил м-р Пикквик.

– Да, сэр, его давно причисляли к блистательным поэтам нашего времени, – отвечал степенный джентльмен. – Все знакомцы м-с Львицы Гонтер – великие люди, каждый по своей части; у ней и нет других знакомых: в этом её честолюбие и гордость.

– Благородное честолюбие, высокая гордость! – заметил м-р Пикквик.

– М-с Львица Гонтер будет гордиться этим замечанием, когда узнает, что оно излетело из собственных ваших уст, – сказал степенный джентльмен. – В свите вашей, сэр, находится, если не ошибаюсь, джентльмен, прославившийся прекрасными стихотворениями.

– Друг мой Снодграс любит поэзию, и я признаю в нем поэтический талант, – отвечал м-р Пикквик.

– М-с Львица Гонтер имеет тоже превосходный поэтический талант. Она без ума от поэзии, сэр, обожает поэзию, можно даже сказать, вся её душа и мысли запечатлены характером летучего поэтического вдохновения.

– Она пишет что-нибудь?

– Творит, сэр, творит, и плодом её последнего творчества была превосходная «Элегия издыхающей лягушке». Изволили читать?

– Нет.

– Это, однако ж, изумляет меня: последнее творение м-с Гонтер принято образованною публикою с единодушным восторгом. Оно появилось первоначально в «Дамском журнале» под буквой: «Л» с восьмью звездочками. Элегия м-с Гонтер начинается таким образом:

Тебя-ль я вижу, о лягушка,
Беззаботная вострушка,
Громогласная квакушка,
В гнилой тине,
На трясине!

– Прекрасно! – воскликнул м-р Пикквик.

– Бесподобно! – воскликнул м-р Лев Гонтер, – какая простота!

– Удивительная! – сказал м-р Пикквик.

– Следующая строфа еще трогательнее, сэр. Прочеть?

– Сделайте милость.

– Она, можно сказать, сама бежит с языка и выливается таким образом:

И вот ты издыхаешь,
Болото покидаешь,
Друзей всех оставляешь,
Во пучине,
Во кручине!

– Превосходно! – сказал м-р Пикквик.

– Верх совершенства! – сказал м-р Лев Гонтер, – чем дальше, тем лучше; но вам надобно слышать декламацию самой м-с Львицы Гонтер: это, можно сказать, олицетворенная богиня стихотворного искусства. Завтра поутру она будет в costume читать свою элегию.

– В costume?

– Точно так, в costume Минервы. Я забыл предупредить вас, что наш завтрак должен иметь характер маскарада: это, некоторым образом, будет утренний *bal masqué*.

– Как же это? – сказал м-р Пикквик, осматривая свою собственную фигуру, – в таком случае мне едва ли можно...

– Почему-ж? – воскликнул м-р Лев Гонтер. – Соломон Лука, еврей, на большой улице торгует всякими костюмами, и вы можете выбрать какой угодно по-вашему вкусу. Платон, Зенон, Эпикур, Пифагор – все это были основатели известных клубов, и философская мантия пристанет к вам как нельзя лучше.

– Но я не могу вступить в соперничество с этими великими людьми, и, следовательно, костюм их будет не по мне, – возразил м-р Пикквик.

Степенный джентльмен погрузился в размышление на несколько секунд и потом сказал:

– Впрочем, я полагаю, супруге моей, м-с Львице Гонтер, будет гораздо приятнее, если гости её увидят в собственном образе великого мужа с вашими талантами. Супруга моя, надеюсь, сделает некоторое исключение в вашу пользу, я даже уверен в этом.

– В таком случае, – сказал м-р Пикквик, – мне будет очень приятно присутствовать на вашем бале.

– Извините, однако ж, я злоупотребляю вашим временем, сэр, – сказал степенный джентльмен, как будто пораженный внезапным воспоминанием. – Для такого человека, как вы, драгоценна каждая минута, и я не смею больше беспокоить вас своим присутствием. Стало быть, мне можно сказать м-с Львице Гонтер, что она должна ожидать вас вместе с почтеннейшими членами вашего клуба? Прощайте. Я горжусь, сэр, что имел счастье насладиться лицезрением знаменитого мужа... Ни шага сэр, будьте спокойны... ни полслова.

И, махнув рукой, м-р Лев Гонтер юркнул из комнаты, прежде чем м-р Пикквик успел сказать ему прощальное слово.

Через несколько минут м-р Пикквик взял шляпу и отправился в гостиницу «Павлина»; но там был уже м-р Винкель, и пикквикисты знали все подробности об утреннем бале.

– Будет и м-с Потт, – возгласил м-р Винкель, увидев президента.

– Право? – сказал м-р Пикквик.

– В costume Аполлона, – прибавил м-р Винкель, – только муж её запрещает ей надевать тунику.

– И дельно, – заметил м-р Пикквик, – к чему ей туника.

– Ну, да. Поэтому м-с Потт наденет белое атласное платье с золотыми блестками.

– В таком случае, не поймут её роли, – возразил м-р Снодграс.

– Как не понять? – отвечал м-р Винкель, – в руках у неё будет лира.

– Это другое дело: всякий увидит, что она Аполлон, – сказал м-р Снодграс.

– А я буду бандитом, – перебил м-р Топман.

– Чем? – воскликнул изумленный м-р Пикквик.

– Бандитом, – скромно повторил м-р Топман.

– Послушай, любезный друг, – сказал м-р Пикквик, бросая суровый взгляд на своего друга, – ты, если не ошибаюсь, хочешь нарядиться в зеленую бархатную куртку с коротенькими фалдами в два дюйма?

– Точно так. Разве это вас удивляет? – с живостью спросил м-р Топман.

– Очень.

– Отчего же?

– Оттого, любезный друг, что ты слишком стар для зеленой куртки.

– Стар!

– И уж если пошло дело на правду, ты слишком толст.

– Толст!

– И стар, и толст! – подтвердил м-р Пикквик энергическим тоном.

– Сэр, – воскликнул м-р Топман, вставая с места с покрасневшим лицом, при чем глаза его заискрились пламенным негодованием, – вы меня обижаете, сэр.

– Вы обижаете меня, сэр, отваживаясь в моем присутствии напялить на себя зеленую бархатную куртку с разбойничьим хвостом, – возразил м-р Пикквик тоном сильнейшего негодования.

– Сэр, – сказал м-р Топман, – вы грубиян.

– Сэр, – сказал м-р Пикквик, – вы грубиян.

М-р Топман сделал два шага вперед и устремил на президента гневный взор. Пылающий взгляд м-ра Пикквика, сосредоточенный в фокусе его очков, дышал гордым вызовом и угрозой. М-р Снодграс и м-р Винкель, пораженные торжественностью сцены, стояли молча, прикованные к месту.

– Сэр, – сказал м-р Топман после короткой паузы, при чем голос его дрожал и волновался, – вы назвали меня стариком.

– Назвал, – сказал м-р Пикквик.

– И толстяком.

– Назвал.

– И грубияном.

– И тем и другим. Сэр, вы толстяк и старик и грубиян.

Страшная пауза.

– Сэр, – продолжал м-р Топман отворачивая обшлага своего фрака и принимая угрожающую позу, – сэр, привязанность моя к вашей личности была до сих пор велика... очень велика; но мщение мое упадет, должно упасть на эту личность.

– Сэр, продолжайте!

Это был единственный ответ ученого мужа. Раздраженный обидными и колкими выходками своего товарища и друга, м-р Пикквик был некоторым образом парализован в своей позе, и это служило несомненным признаком, что он приготовился на всякий случай к мужественной обороне той самой личности, на которую должно было упасть неожиданное мщение.

Оглушенный столкновением двух великих личностей, м-р Снодграс, пораженный внезапной немотой, стоял сначала без движения и без всякой определенной мысли; но вдруг вдохновенная мысль осенила его ум. Презирая собственную опасность, он стал между двумя противниками и воскликнул громогласно.

– Как! Вы ли это, м-р Пикквик, муж разума и совета, обративший на себя взоры образованного мира? Вы ли м-р Топман, друг наш и товарищ, озаренный величественным светом, заимствованным от этой бессмертной природы? Стыдитесь, господа, стыдитесь, стыдитесь!

И прежде, чем вдохновенный поэт кончил свою речь, черты м-ра Пикквика прояснились, гневное выражение исчезло с его чела, и почтенное лицо его приняло свое обыкновенное, благосклонное выражение. Так исчезают следы карандаша под трением умягчительной резины, и такова сила истинного таланта!

– Я погорячился, – сказал м-р Пикквик, – слишком погорячился. Топман, вашу руку.

Мрачные тени мгновенно сбежали с лица м-ра Топмана, когда он пожал руку своего друга.

– Я погорячился, – сказал м-р Топман.

– Нет, нет, – прервал м-р Пикквик, – виноват во всем один я. Помирился, любезный друг. Ты наденешь зеленую бархатную куртку.

– Нет, нет, – возразил м-р Топман.

– Для меня, любезный друг, сделай милость.

– Извольте, я согласен.

Таким образом было решено, что м-р Топман, м-р Снодграс и м-р Винкель явятся на бал в заимствованных костюмах. Руководимый филантропическою полнотою своего чувства, м-р

Пикквик изъявил полное согласие на прихоти своих друзей, противоречившие его собственным убеждениям и мыслям: разительное доказательство просвещенной снисходительности, на какую может быть способен только истинно великий человек.

М-р Лев Гонтер нимало не преувеличивал дела, отзываясь с похвалою о магазине м-ра Соломона Луки. Гардероб его оказался неистощимым, хотя, быть может, далеко не представлял строгих классических свойств. Костюмы не отличались новизной и не были вполне приспособлены к характеру времени и места; но все без исключения блистало мишурой, а в этом и заключается сущность искусственной костюмировки. Конечно, мишура при дневном свете не может иметь ослепительного блеска; но всякому известно, что искусственные костюмы изобретены собственно для ночных походов, и если, напротив, при ярком блеске солнца мишура утратит свое великолепие и пышность, то, само собою разумеется, виноваты в этом те особы, которым пришла неестественная фантазия давать утренние балы. Так, по крайней мере, рассуждал и доказывал м-р Соломон Лука, и пикквикисты, убежденные его доказательствами, выбрали в его магазине приличные костюмы, при чем каждый действовал по собственному благоусмотрению.

Наняли карету в гостинице «Сизого медведя», отсюда также взята была коляска для м-ра и м-с Потт, отправлявшихся на дачу достопочтенной Львицы Гонтер. Редактор «Синицы», как и следует, заранее объявил об этом бале, известив итансвилльских граждан, что «этот утренний праздник представит сцену разнообразного и восхитительного очарования, великолепное сияние красоты и талантов, роскошное обнаружение гостеприимства и, особенно, всевозможные проявления изящного артистического вкуса». «Баснословные угощения Востока, – продолжал редактор, – и дикий блеск султанских пиров будут иметь характер пошлой вакханалии, если сравнить их с этим цивилизованным торжеством, на которое, однако ж, известные злонамеренные люди заранее изрыгают яд своей зависти, нагло и бесстыдно издеваясь над приготовлениями добродетельной и знатной леди, снискавшей общее уважение». Последние строки некоторым образом служили тонким и деликатным намеком на бессовестные выходки «Журавля», который, не быв удостоен приглашения на этот бал, написал презлую и пренелепую сатиру, где все это дело представлялось в самом невыгодном свете.

Наступило вожделенное утро и вместе вожделенный час ехать на торжественный завтрак м-с Львицы Гонтер. Забавно было видеть, как м-р Топман рисовался или, правильнее, корчился в полном костюме испанского бандита, в узенькой бархатной курточке, представлявшей из его спины нечто в роде дамской булавочной подушки, туго набитой песком. Бархат картинно обтягивал верхнюю часть его ног, между тем как нижнюю их часть пеленали хитросплетенные повязки – любимый исключительный наряд, присвоенный героями больших и малых дорог. Его открытая и добрая физиономия украшалась длинными беспардонными усами, падавшими с обеих сторон на воротнички его голландской рубашки. Для украшения его головы предназначалась шляпа, имевшая форму сахарной головы и убранная разноцветными лентами разной длины и ширины; но так как ни один экипаж в мире не представлял таких удобств, чтоб шляпа такого рода, надетая на голову, не достигала до его кровли, то м-р Топман принужден был во всю дорогу держать ее на коленях. Столько же забавен и даже остроумен в своем роде был поэтический костюм м-ра Снодграса. Он выбрал в магазине Соломона Луки голубые атласные штаны, длинный черный плащ, белые шелковые чулки и башмаки такого же цвета, и все это вместе с греческою феской, составляло подлинный вседневный костюм трубадура с той поры, как появились эти певцы на европейской почве, до окончательного исчезновения их на земном шаре. Но все это не значило ничего в сравнении с костюмом редактора «Итансвилльской Синицы». Как журналист и представитель общественного мнения, он выбрал для себя костюм старинного русского подъячего и вооружился огромным кнутом – символом казни для всех нечестивцев. В этом костюме м-р Потт, сопровождаемый оглушительным ревом уличной топпы, подкатил из магазина Соломона Луки к подъезду своего дома.

– Bravo! – заголосили м-р Снодграс и м-р Топман, когда увидели на галлерее аллегорического джентльмена. – Bravo!

– Bravo! – воскликнул м-р Пикквик, вышедший на галерею встретить грозного подъячего.

– Ура! Потт, ура! – заревела чернь, окружавшая дом журналиста.

И посреди этих восклицаний м-р Потт, бросая на все стороны благосклонную улыбку, обличавшую внутреннее сознание превосходства и силы, торжественно воссел на свою колесницу.

Последовали затем: м-с Потт, греческий Аполлон в юбке английской леди и м-р Винкель в светло-красном сюртуке и красном картузе – костюм, в котором всякий должен был угадать меткого стрелка, поражающего кроликов и тигров с одинаковым искусством. После всех явился м-р Пикквик в антикварских панталонах и штиблетах, обличавших его археологическую натуру, и затем обе колесницы открыли свое шествие к «Логовищу» м-с Львицы Гонтер. На козлах колесницы мистера Пикквика восседал Самуэль Уэллер.

Мужчины, женщины, мальчики и девочки, собравшиеся глазеть у ворот «Логовища» на костюмированных гостей, взвизгнули от удивления общим хором, когда м-р Пикквик, поддерживаемый с одной стороны бандитом, с другой – трубадуром, торжественно вышел из своей коляски; но салют праздной толпы превратился в неистовый оглушительный рев, когда м-р Топман, подходя к воротам, начал употреблять отчаянные усилия напялить на свою голову шляпу бандита.

В самом деле, приготовления к балу, как предсказал м-р Потт, были великолепны в полном смысле слова. Он устроен был в саду на расстоянии сорока квадратных сажен, и все это пространство было наполнено народом. Никогда и нигде, даже в сказках Тысячи и Одной Ночи, не видели такого чудного соединения красоты, изящества, вкуса и талантов. Все литературные знаменитости явились на фантастический праздник м-с Львицы Гонтер. Была тут молодая леди в султанской чалме, писавшая прекрасные стихотворения для «Итансвилльской Синицы», и вел ее под руку молодой джентльмен в фельдмаршальском мундире, поставлявший критические статьи для той же газеты. Гении, литераторы сталкивались на каждом шагу, и уже взглянуть на них считалось завидным счастьем для каждого рассудительного человека. Были здесь даже лондонские львы, знаменитые сочинители, написавшие целые книги и даже напечатавшие их. И что всего удивительнее, лондонские львы ходили, ни дать ни взять, как обыкновенные люди, говорили, шутили, смеялись, сморкались и даже болтали всякий вздор, вероятно, из благосклонного внимания к толпе, которая без того не могла бы понять их. Были здесь иностранные артисты, каждый в своем национальном костюме, и вместе с ними английские артисты в костюме и без всяких костюмов. Была здесь, наконец, сама м-с Львица Гонтер, величественная Минерва, принимавшая гостей с чувством гордости и удовольствия, потому что вокруг неё были знаменитости всех стран и народов.

– М-р Пикквик, сударыня, – прокричал лакей, когда этот джентльмен подошел к греческой богине со шляпою в руках. По правую руку ученого мужа был бандит, по левую – трубадур.

– Где? – воскликнула м-с Львица Гонтер, потрясенная с ног до головы необыкновенным восторгом при имени великого человека.

– Здесь я, – сказал м-р Пикквик.

– Как? Возможно ли? Неужели я собственными глазами имею счастье видеть самого м-ра Пикквика, основателя и президента знаменитого клуба.

– Точно так, сударыня, я сам к вашим услугам, – проговорил м-р Пикквик, отвешивая низкий поклон, – мне очень приятно свидетельствовать лично свое почтение знаменитой сочинительнице «Издыхающей лягушки». Позвольте представить моих друзей и членов моего клуба, господ Топмана, Винкеля и Снодграса.

Если вы не испытали, так не можете и понять, что значит делать низкие поклоны в узенькой бархатной куртке, уже лопнувшей в двух местах, когда притом с вашей головы, при малейшей неосторожности, может слететь высочайшая шляпа с разноцветными лентами и перьями. М-р Топман при этом представлении чувствовал невыразимую пытку, хотя все без исключения находили его грандиозным и развязным.

– М-р Пикквик, – сказала м-с Львица Гонтер, – вы должны дать обещание не отходить от меня ни на минуту во весь день. Здесь целые сотни знаменитостей, которым я должна вас представить.

– Вы очень добры, сударыня, – отвечал м-р Пикквик.

– И, во-первых, вот мои малютки: я почти забыла их, – продолжала Минерва, беспечно указывая на пару взрослых девиц, из которых одной могло быть около двадцати трех лет. Обе они были в панталончиках и детских костюмах, вероятно для того, чтоб им или их маменьке придать цветущий вид первых юношеских лет.

– Как они милы! – проговорил м-р Пикквик, когда малютки удалились после сделанного представления.

– Они удивительно похожи, сэр, на свою прекрасную мать, – сказал м-р Потт величественным тоном, – их даже различить трудно.

– Полноте, как вам не стыдно! – воскликнула м-с Львица Гонтер, притронувшись веером (Минерва с веером!) к плечу редактора «Синицы».

– Что-ж? Разве это не правда? Вы очень хорошо знаете, когда в прошлом году портрет ваш явился на выставке королевской Академии Художеств, все спрашивали, вы ли это, или ваша младшая дочь, потому что в самом деле различить вас никак нельзя было!

– Пусть так; но разве вы обязаны повторять это в присутствии незнакомых особ? – возразила м-с Львица Гонтер, снова ударив по плечу ручного льва итансвилльской литературы.

– Граф, граф! – воскликнула м-с Львица Гонтер, заведя проходившего мимо джентльмена в иностранном костюме.

– А! чего угодно? – сказал граф, поворачиваясь назад.

– Мне угодно представить друг другу две европейские знаменитости, – отвечала м-с Львица Гонтер, – м-р Пикквик, позвольте рекомендовать вам графа Сморльторка. – Потом она прибавила вполголоса, – знатный иностранец... собирает материалы для своих мемуаров... изучает Англию в историческом, географическом и статистическом отношениях. Граф Сморльторк, рекомендую вам м-ра Пикквика, знаменитого автора «Теории пискарей».

М-р Пикквик отвесил низкий поклон. Граф слегка кивнул головой и вынул записную книгу.

– Как вы называете этого каспадина, мадам Гонт? – сказал граф, грациозно улыбаясь ласковой хозяйке.

– М-р Пикквик.

– Пикквик? Карашо. Значит, предки его била основатель пикников, отсюда и фамилия – Пикник.

Говоря это, знаменитый иностранец уже вносил в свою книгу генеалогическую заметку о древней английской фамилии Пикников. М-с Львица Гонтер поспешила исправить ошибку:

– Вы не расслышали, граф, – м-р Пикквик.

– Пигь, Виг – карашо. Пиг (свинья) имя, Виг – фамилия. Сочинил теорию...

– Пискарей, граф.

– Сухарей, карашо. Я запишу: каспадин Вик, известный английский литератор, сочинивший «теорию сухарей», которые вообще могут играть важную роль в морской державе, обязанной содержать огромный флот и кормит сухарями целые полчища матросов. Как ваше здоровье, м-р Вик?

– Совершенно здоров, покорно благодарю, – отвечал м-р Пикквик учтивым тоном. – Вы давно в Англии, граф?

– Давно... очень давно... больше двух недель.

– Сколько же еще намерены пробыть?

– Неделю.

– Вам много будет дела, если вы намерены этим временем собирать материалы, – отвечал улыбаясь м-р Пикквик.

– Материалы уже все готовы, – сказал граф.

– Право?

– Они у меня здесь, – прибавил граф, знаменательно ударяя себя по лбу. – Стоит только присесть, и книга готова.

– О чем же преимущественно вы намерены писать?

– Обо всем: музыка, живопись, наука, поэзия, политика – все войдет в мои записки.

– Как же это, сэр? Уже одна политика требует глубоких соображений: ведь это все то же, что житейская философия.

– Погодите, – сказал граф, вынимая опять записную книгу. – Счастливая идея! Можно начать этим особую главу. – Глава сорок седьмая: Политика. Эпиграф: *Политика требует глубоких соображений: ведь это все то же, что житейская философия.* Изречение господина Вика, автора «Теории сухарей».

Таким образом невинное замечание м-ра Пикквика, дополненное разными пояснениями, удостоилось быть внесенным в книгу знаменитого иностранца.

– Граф, – сказала м-с Львица Гонтер.

– Что прикажете, мадам Гонт?

– Позвольте представить вам м-ра Снодграса, поэта, друга м-ра Пикквика.

– Погодите! – воскликнул граф, вынимая опять записную книгу. – Поэт Сной-Крас? Карашо. Глава пятьдесятая. Поэзия. На утреннем бале мадам Гонт познакомила меня с первым английским поэтом, господином Сной-Крас, другом м-ра Вика. Сама Гонт написала знаменитую поэму «Издахлая лягушка». Карашо, очень карашо.

И, окончив эти заметки, граф удалился в противоположный конец сада, вполне довольный собранными сведениями.

– Чудный человек этот граф Сморльторк! – сказала м-с Львица Гонтер.

– Глубокий философ, – заметил редактор «Синицы».

– Светлая голова, – прибавил м-р Снодграс.

Все присутствовавшие особы единодушно согласились с этими отзывами, прославляя, каждый по своему, премудрость знаменитого иностранца.

В эту минуту грянул концерт, раздались очаровательные звуки инструментальной музыки, и толпа, прославлявшая графа Сморльторка, забыла свой панегирик. После концерта началась музыка вокальная, где иностранные артисты, надсаживая грудь и горло, обнаружили удивительные эволюции своего искусства. Публика утопала в океане восторгов. Затем выступил на сцену мальчишка лет четырнадцати, черномазый и совсем невидный собою, но штукарь удивительный, заслуживший от всех громкие аплодисменты. Взяв огромный стул за одну ножку, он повертел его над своей головой, поставил на землю, разбежался, перепрыгнул, стал на четвереньки, перекувырнулся, сел, и, в довершение эффекта, сделал галстух из своих собственных ног, закинув их за шею и стараясь принять позицию жабы.

Все это было прелюдией к наслаждениям высшего разряда, к поэтическим наслаждениям. Их открыла м-с Потт, зачирикавши слабым голосом небольшое стихотворение в классическом духе, приспособленном к её роли Аполлона. Затем сама м-с Гонтер продекламировала свою «Элегию к издыхающей лягушке». Публика пришла в не-описанный восторг и сопровождала громким «браво» каждую строфу. К удовольствию всех любителей изящного,

м-с Львица Гонтер должна была декламировать в другой раз, и некоторые из гостей изъявили желание слышать ее в третий раз, но большинство публики, ожидавшей питательного завтрака, избавило хозяйку от лишнего труда. Его сиятельство граф Сморльторк и многие другие джентльмены заметили весьма основательно, что было бы неблагоприятно и совсем неделикатно злоупотреблять так долго снисходительным терпением м-с Львицы Гонтер. Поэтому, несмотря на совершеннейшую готовность со стороны хозяйки читать еще несколько раз «Издыхающую лягушку», скромные и деликатные гости отказались наотрез ее слушать, и, когда вслед затем отворились двери павильона, где устроен был завтрак, публика хлынула туда с величайшею поспешностью, так как было вообще известно, что м-с Львица Гонтер, приглашая к себе больше сотни гостей, устраивала завтрак только на пятьдесят персон: вся заботливость её в таких случаях обращалась на одних львов, а мелкие животные должны были промышлять о себе сами.

– Где же м-р Потт? – спросила м-с Львица Гонтер, собирая вокруг себя знаменитых львов.

– Здесь я, сударыня, – отвечал редактор, выходя из отдаленного конца павильона.

Без этого приглашения хозяйки он рисковал остаться голодным на весь день.

– Почему вы к нам не придете? – продолжала м-с Львица Гонтер.

– Пожалуйста, не беспокойтесь о нем, – сказала м-с Потт обязательным тоном, – вы напрасно принимаете на себя лишняя хлопоты, м-с Гонтер. – Ведь тебе хорошо там. мой милый, не правда ли?

– Очень хорошо, мой ангел, – отвечал несчастный Потт, сделав кислую гримасу.

Бедный супруг! Повелительный взгляд м-с Потт уничтожил мгновенно его могущество и силу, и орудие казни, которое он держал в своих руках, становилось теперь ничтожной игрушкой в присутствии повелительной супруги.

М-с Львица Гонтер бросала вокруг себя торжественные взгляды. Граф Сморльторк погружен был в созерцание роскошных блюд; м-р Топман усердно угощал раковым салатом знаменитых львиц, обнаруживая высокую степень грациозности, столь свойственной испанским бандитам; м-р Снодграс, искусно отстранив молодого джентльмена, поставлявшего критические статьи для итансвилльской «Синицы», объяснял патетические места молодой красавице, заведывавшей стихотворным отделом на страницах «Синицы»; м-р Пикквик любезничал и насыщался, занимая одно из самых почетных мест подле самой хозяйки. Отборный кружок был, по-видимому, сформирован вполне, и не было недостатка ни в одной особе; но вдруг, к общему изумлению, м-р Лев Гонтер, стоявший до сих пор у дверей, – его обязанностью всегда было стоять у дверей, – бойко выступил на сцену и проговорил суетливым тоном:

– Фиц-Маршал, душенька, Фиц-Маршал...

– Ах, как это кстати! – сказала м-с Львица Гонтер, – поторопись, мой друг, очистить дорогу для м-ра Фиц-Маршала. Пусть он идет прямо к нам: мне надобно побранить м-ра Фиц-Маршала за его слишком поздний визит.

– Раньше не мог, м-с Гонтер, – отвечал голос из толпы, – тьма народу... комната битком... запыхался, устал... пробираюсь.

Нож и вилка выпали из рук президента Пикквикского клуба. Он взглянул через стол на бандита в зеленой куртке: м-р Топман дрожал как в лихорадке и смотрел с таким отчаянным видом, как будто земля готова была расступиться под его ногами.

– Уф! – продолжал м-р Фиц-Маршал, пробираясь сквозь густую толпу турок и всадников, отделявших его от стола, где сидели знаменитейшие львы: – демонский раут!.. вытерли, выгладили, выютюжили... ни морщинки на мундире, лучше всякой прачки... Ха, ха, ха! Странный каток... истерся... гладок, как налим... уф!

Продолжая стрелять этими и подобными стенографическими сентенциями, молодой человек в костюме флотского офицера подошел к столу, и озадаченные пикквикисты увидели перед собой м-ра Альфреда Джингля.

Лишь только взял он и пожал протянутую руку м-с Львицы Гонтер, глаза его столкнулись с пылающими очами президента Пикквикского клуба.

– Скверный анекдот! – воскликнул м-р Джингль.

– Совсем забыл... ждет почтальон... надо расквитаться... сейчас ворочусь.

– Зачем вам беспокоиться самим? – перебила м-с Львица Гонтер, – Предоставьте этот труд лакею или, всего лучше, моему мужу.

– Нет, нет... лучше сам... мигом назад.

И с этими словами м-р Джингль снова исчез в густой толпе.

– Позвольте спросить вас, м-с Гонтер, – сказал взволнованный м-р Пикквик, выдвигаясь из-за стола, – кто этот молодой человек и где он живет?

– М-р Фиц-Маршал, единственный представитель древнего и знатного рода, – отвечала м-с Львица Гонтер, – мне будет очень приятно познакомить вас, м-р Пикквик. Граф будет от него в восторге.

– Да, да, – сказал скороговоркой м-р Пикквик, – но где он живет?

– Он остановился в Бери, в гостинице «Вестник».

– В Бери?

– Да, за несколько миль от Итансвилля. – Что с вами, м-р Пикквик? Надеюсь, вы не думаете оставить нас так скоро?

Но, прежде чем м-с Львица Гонтер кончила свою речь, м-р Пикквик, задыхаясь от внутреннего волнения, погрузился в густую толпу и благополучно вышел в сад, где через несколько минут присоединился к нему м-р Топман.

– Наглец! Негодяй! – говорил м-р Пикквик.

– Делать нечего теперь, – сказал м-р Топман, – ушел!

– Я буду преследовать его!

– Преследовать! Где?

– В Бери, – отвечал вполголоса м-р Пикквик, – почему знать, какой злой умысел лежит теперь на его душе? Он обманул почтенное семейство, и мы отчасти были невинной причиной его бессовестной проделки. Мой долг – отнять у него средства вредить своим ближним. Я обличу негодяя, обезоружу, уничтожу, разорву. Самуэль! Где мой слуга?

– Здесь, сэр, перед вашей особой, как лист перед травой, – откликнулся м-р Уэллер, выплывая из-за ближайшей палатки, где он философствовал за бутылкой мадеры и голландским сыром, – здесь, сэр, ваш слуга, гордый титулом и почетом, как говаривал Живой Скелет⁴, когда глазели на него праздные зеваки.

– Следуй за мною, – сказал м-р Пикквик, устремив пристальный взгляд на Самуэля. – Топман, вы можете приехать в Бери, как скоро получите от меня письмо. До свидания.

Все убеждения и просьбы оказались бесполезными: м-р Пикквик был разгневан, и душа его алкала мести. М-р Топман принужден был воротиться один в парадный павильон. Через час его мрачные воспоминания совсем рассеялись и потонули в бутылке шампанского.

М-р Пикквик и Самуэль Уэллер, заседая на имперiale дилижанса, подвигались к городу Бери.

⁴ В течение нескольких лет в Лондоне показывал себя за деньги какой-то голодный француз, прозванный «живым скелетом». Привольная жизнь в британской столице не пошла ему в прок: он пополнил, растолстел и, лишенный через это единственного источника своего дохода, умер с голода. *Прим. перев.*

Глава XVI

Обильная разнообразными приключениями, многосложная, запутанная.

Никогда в целом году природа не обнаруживает на мой взгляд таких прелестей, как под конец лета, с последних чисел июля до первых сентября. Весна прекрасна, спора нет, май лучезарен и цветущ; но красота весны возвышается её контрастом с опустошительной зимой. Август отнюдь не имеет таких выгод. Наступает он, когда перед нашим физическим и умственным взором рисуются зеленые поля, лазурь неба и пахучие цветы, когда снег и лед, плаксивый ветер, буря и свирепые морозы совсем удалились от наших воспоминаний, как будто суждено им навсегда исчезнуть с лица земли: и при всем том очарователен август месяц! Огороды и поля смутно жужжат суетливым шумом труда; деревья тяготеют под толстыми гроздьями плодов, склоняющих к земле их длинные ветви; сжатый хлеб, грациозно складенный в снопы, волнующиеся при каждом переливе света, окрашивает весь ландшафт золотистым цветом, какая-то сладостная нега распространяется в атмосфере над всей землей, и это успокоительное влияние распространяется даже на крестьянские телеги, заметные только для глаз на сжатой ниве, но которых не может слышать ухо вследствие их медленного движения по ровной и мягкой почве.

Как только быстрый экипаж несется мимо полей и огородов, окаймляющих дорогу, группы женщин и детей, собирающих плоды, прекращают на минуту свою работу и, заслоня загорелое лицо пыльной рукою, с напряженным любопытством смотрят на проезжих, между тем как в это же мгновение какой-нибудь черномазый пузырь, которого мать не могла оставить дома, карабкается по краям корзинки, где его уложили, высовывает голову и визжит от полноты душевного восторга. Жнец машинально роняет серп и, скрестив руки, следит любопытным взором за быстрым движением колес, а рабочая лошадь бросает сонливый взгляд на красивых коней и, по-видимому, рассуждает про себя: «любо, братцы, издали посмотреть на вашу упряжь, но куда приятнее ходить здесь, по мягкой земле, медленным и ровным шагом». Вы обогнули угол дороги и оглянулись назад: женщины и дети принялись опять за свою работу, жнец поднял серп, карапузик упал в корзинку, лошадь двинулась вперед, и все пошло своим обычным чередом на плодоносной ниве.

Сцена в этом роде оказала могущественное влияние на благоустроенную душу президента Пикквикского клуба. Решившись обличить злодея, скрытого под маской Фиц-Маршала, он сидел сначала задумавшись и молча, погруженный в средства относительно достижения своей филантропической цели. Мысль, что этот негодный Джингль распространяет всюду разврат и зловредный обман, не давала ему покоя. Мало-помалу, однако ж, внимание его обратилось на окружающие предметы, и он всею душою погрузился в лоно природы. На половине пути м-р Пикквик решительно повеселел и даже вступил в разговор со своим слугой.

– Какой прекрасный вид, Самуэль! – сказал м-р Пикквик.

– Нечего и говорить, сэр, глина джентльменская: хоть сейчас кирпичи обжигай, – отвечал м-р Самуэль Уэллер, слегка притронувшись к своей шляпе.

– Вы, мой милый, я полагаю, всю свою жизнь ничего не видали, кроме глины, песка и кирпичей, – сказал, улыбаясь, м-р Пикквик.

– Оно так, сэр, с одной стороны, а если посмотреть с другой, так выйдет, пожалуй, и не так. Я ведь не все чистил сапоги, м-р Пикквик.

– Что-ж вы делали?

– Раз служил я на ямском дворе.

– Когда?

– Давненько, сэ. Лишь только вышел я на свет играть в чехарду с заботами мира сего, меня сделали носильщиком на Толкучем рынке; потом сидел я на ямщицких козлах, потом – чистил тарелки за буфетом и потом уже начал чистить сапоги.

– Стало быть, история вашей жизни очень любопытна?

– Как же, очень. Теперь я сделался слугою старого холостяка; а придет пора, и я сам буду джентльменом. Тогда я разведу тенистый сад, выстрою комфортабельную беседку и буду себе посиживать от утра до ночи с трубкою в зубах.

– Вы философ, Самуэль.

– А как бы вы думали? Философия у нас в крови. Мой родитель, например, философ первой руки. Если, бывало, мачиха начнет его шпынять, он свистит себе так, что и в ус не дует. Бывало, она рассердится и разобьет его трубку: он возьмет другую и набьет табаком. Потом она взвизгнет и упадет в истерику, а он покуривает себе, как в кофейном доме. Ведь все это называется философией, сэ, так ли?

– Почти так, – отвечал м-р Пикквик, улыбаясь, – философия, вероятно, принесла вам большую пользу.

– Как же, сэ, очень большую, особенно, когда была у меня квартира без мебели.

– Это что еще?

– Ничего, сэ, две недели сряду на своем веку квартировал я под мостом... то есть под арками Ватерлооского моста. Квартира недурная, близкая ко многим трактирам и притом даровая квартира, безданная, беспошлинная. Холодновато иной раз, да это ничего, когда кровь бурлит кипятком от головы до пяток. И не скучно: честной компании вдоволь.

– Бродяги, я думаю, мошенники?

– Как бы не так! Записные бродяги знают, сэ, философию получше нас с вами: у них всегда найдется теплый угол и порция телятины с кружкой пива. Случается иной раз, заходят туда молодые нищие, женщины и мальчишки, еще не привыкшие к своему ремеслу; но вообще бывают там бездомные твари, без насущного куска хлеба, неприютные головушки, которым не на что купить веревку в две пенни.

– Какая там веревка? – спросил м-р Пикквик.

– Веревкой, сэ, называется меблированная квартира, где платят за койку два пенни.

– Что-ж тут общего между веревкой и койкой?

– Неужто вы не понимаете? Вещи простые, сэ. Джентльмен и леди, содержатели прекрасной гостиницы, сначала укладывали своих гостей на полу, где кто стоял: но это оказалось неудобным, потому что гости спали беспробудно каждый день вплоть до обеда. Поэтому джентльмен и леди, для предупреждения таких беспорядков, придумали утвердить гостинные постели – мешки с соломой – на веревках, привешанных к потолку на расстоянии двух аршин от пола.

– Дальше.

– Дальше уж, разумеется, что: каждое утро в шесть часов джентльмен и леди дергают за один конец веревки и вываливают жильцов на холодный пол. Гости просыпаются, встают и каждый убирается, по добру по здорову, на все четыре стороны. Однакож извините, сэ, кажется, я заболтался с вами: ведь это Бери.

– Да, Бери.

Дилижанс покатил по торцовой мостовой красивого городка и через несколько минут остановился перед воротами большой гостиницы насупротив старого аббатства.

– А вот это гостиница «Вестник», – сказал м-р Пикквик, – здесь мы остановимся, только надобно, Сам, быть как можно осторожнее. Наймите номер и никому не сказывайте моей фамилии. Понимаете?

– Еще бы! я ловлю на лету ваши мысли, – отвечал Самуэль Уэллер с лукавым видом.

И, взяв под мышку чемодан м-ра Пикквика, он побежал в буфет. Скоро номер был взят, и м-р Пикквик расположился в нем с большим комфортом.

– Теперь, Сам, прежде всего... – сказал м-р Пикквик.

– Надобно заказать обед, – подхватил Самуэль Уэллер: – уже поздно.

– Пожалуй и так, – сказал м-р Пикквик, взглянув на часы, – ваша правда, Самуэль.

– И если я хорошо угадал вашу мысль, – прибавил м-р Уэллер, – после обеда вы ляжете отдохнуть часов на десяток и отложите все попечения до завтрашнего дня, так как «утро вечернее», говаривал один сапожник, выпивая бутылку водки на сон грядущий.

– Правда, Самуэль, – подтвердил м-р Пикквик, – но не мешает наперед удостовериться, точно ли стоит он в этой гостинице и скоро ли намерен ехать.

– Положитесь на меня во всем: я не промигаю, – отвечал Самуэль. – Пойду заказывать обед и спущусь вниз на разведки: все будет узнано минут через пять.

– Делайте, как знаете, – сказал м-р Пикквик.

Слуга исчез.

Через полчаса м-р Пикквик сидел за роскошным обедом, и минут через сорок м-р Уэллер явился с известием, что м-р Чарльз Фиц-Маршал приказал удержать за собой свой номер в гостинице впредь до дальнейших распоряжений. Он собирался провести этот вечер в одном аристократическом доме, куда должен был сопутствовать ему и его слуга. Трактирному слуге поручено стоять у подъезда в ожидании м-ра Фиц-Маршала.

– Теперь, сэръ, – заключил м-р Уэллер, – стоит мне поутру потолковать с его слугой, и я узнаю всю подноготную.

– Как же вы узнаете? – перебил м-р Пикквик.

– Нет на свете народа откровеннее слуг, когда они толкуют о своих господах; неужели и это для вас секрет!

– Ну, да, я забыл, – сказал м-р Пикквик, – хорошо.

– Тогда вы сами увидите, что нужно делать, и мы распорядимся как нельзя лучше.

– Очень хорошо, ступайте.

И м-р Уэллер, с позволения своего господина, отправился провести вечер по собственному благоусмотрению. Неизвестно, как это случилось, только в короткое время он познакомился, казалось, со всеми трактирными жильцами и даже нашел для себя приют в общей зале, куда буфетчик прислал ему великолепный ужин. Долго рассказывал он остроумные анекдоты, заставляя хохотать всю почтенную компанию, и долго м-р Пикквик не мог сомкнуть глаз, оглушаемый громким смехом, доносившимся до его спальни.

Поутру на другой день м-р Уэллер, разгоня лихорадочные остатки вечерней вакханалии, стоял на дворе под насосом, обливаемый с ног до головы холодной водою. В продолжение этой операции, внимание его обратилось на молодого парня в серой ливрее, сидевшего на скамейке. Парень держал какую-то духовную книгу в руках и был, по-видимому, слишком углублен в чтение; это, однако ж, не мешало ему бросить пытливый взгляд на джентльмена под насосом, и оказывалось по всему, что операция купанья забавляет его, как нельзя больше.

– Что это за пучеглазый болван, – подумал про себя м-р Уэллер, когда глаза его первый раз встретились с любопытным взором незнакомца в серой ливрее.

Желтое, широкое лицо незнакомца, его впалые глаза и огромная голова, на которой торчало несколько черных клочков, произвели весьма неприятное впечатление на Самуэля. – Экой болван! – повторил он, продолжая операцию обливания и стараясь больше не думать о болване.

Но незнакомец, беспрестанно отрываясь от книги, продолжал на него смотреть с напряженным вниманием, обнаруживая очевидное намерение вступить в разговор. Окатив еще раз свою голову, Самуэль вытерся полотенцем и, подходя к незнакомцу, сказал:

– Как ваше здоровье, дружище?

– Слава Богу, покорно вас благодарю, сэр, – проговорил незнакомец, медленно закрывая свою книгу, – здоров, покамест Бог грехам терпит. Вы здоровы ли, сэр?

– Рассохся малую толику и брожу, как ходячая бутылка с водкой; но это нипочем нашему брату, – отвечал Самуэль. – Вы живете в этой гостинице?

Незнакомец отвечал утвердительно.

– Как это случилось, что вчера вас не было с нами? – спросил Самуэль, продолжая вытираться. – Вы смотрите таким весельчаком... как живая форель в корзинке рыбака, – прибавил он тихонько.

– Вчера меня не было дома, – отвечал незнакомец, – мы выезжали с господином.

– Как фамилия вашего господина? – спросил м-р Уэллер, раскрасневшись от внезапного волнения и от сильных трений полотенцем.

– Фиц-Маршал, – сказал незнакомец.

– Дайте вашу руку, почтеннейший, – сказал м-р Уэллер, делая шаг вперед, – очень рад познакомиться с вами. Мне ужасно нравится ваше лицо.

– Скажите, пожалуйста, это, однако ж, очень странно, – проговорил желтолицый слуга наивным тоном, – вы мне понравились с первого взгляда; я готов был расцеловать вас, когда вы стояли под насосом.

– Право?

– Честное слово. Не удивительно ли это?

– Удивительно, – сказал Сам, всматриваясь с удовольствием в глупую фигуру незнакомца. – Как ваше имя, любезный друг?

– Иов.

– Прекрасное имя. А фамилия?

– Троттер, – сказал незнакомец. – А вас как величают?

Самуэль припомнил предостережение своего господина и отвечал:

– Меня зовут Уокер; фамилия моего господина – м-р Вилькинс. Не угодно ли вам перекусить чего-нибудь, м-р Троттер?

– С удовольствием, – отвечал желтолицый, с благоговением укладывая свою книгу в карман.

Они отправились в буфет, выпили по рюмке водки и закусили колбасой. М-р Уэллер приказал подать бутылку рома и огромный чайник кипятку, с прибавлением двух лимонов и гвоздики.

– Хорошее у вас место, м-р Троттер? – спросил Самуэль, приготавливая стакан пунша.

– Дурное, любезный друг, мизеристо.

– Как?

– Да так. М-р Фиц-Маршал намерен жениться на этих днях.

– Право?

– Точно так; но это бы еще ничего: он намерен похитить молодую девушку, богатую наследницу, из девичьего пансиона.

– Какой дракон! – проговорил м-р Уэллер, размешивая другой стакан. – Пансион этот в здешнем городе, я думаю?

Хоть этот вопрос был предложен самым невинным и беспечным тоном, однако ж м-р Иов Троттер обнаружил своими жестами, что он понимает нескромность своего друга.

Опорожнив стакан горячего пунша, он бросил таинственный взгляд, моргнув обоими глазами и принялся выделывать своей рукою аллегорическое движение, показывая, будто выкачивает воду из колодца. По смыслу этой аллегории, м-р Троттер представлял колодезь, откуда м-р Уэллер собирался черпать таинственную воду.

– Нет, нет, – сказал м-р Троттер, – тут надо придержать свой язык. Это секрет, большой секрет, м-р Уокер.

Говоря это, м-р Троттер поставил свой стакан вверх дном, напоминая таким образом, что ему нечем больше утолить своей жажды. М-р Уэллер понял деликатный намек и поспешил налить другой стакан.

– Так это секрет! – сказал Самуэль.

– Думать надобно, что так, – отвечал м-р Троттер, прихлебывая живительную влагу.

– Богат ваш господин, любезный друг? – спросил Самуэль.

М-р Троттер улыбнулся и, придерживая стакан левою рукою, знаменательно ударил правой четыре раза по карману своих светло-серых штанов, намекая таким образом, что сэр Фиц-Маршал мог сделать то же самое, не обеспокоив никого звоном денежного металла.

– Так это, выходит, он затеял рискованное дело, любезный друг? – спросил Самуэль.

М-р Троттер улыбнулся.

– А знаете ли что, любезный друг, – продолжал м-р Уэллер, – ведь вы будете отчаянный каналья, если позволите своему господину увезти эту девицу.

– О-о-ох! Я знаю это, м-р Уокер, – отвечал Иов Троттер, бросив на своего товарища печальный взгляд, исполненный сердечного сокрушения, – я знаю и скорблю душевно, да только что прикажете мне делать?

– Делать! – воскликнул Сам. – рассказать обо всем содержательнице пансиона и выдать злонамеренного человека.

– Кто-ж поверит моим словам, м-р Уокер? Молодую девушку считают, разумеется, образцом невинности и скромности; она запрется во всем, запрется и мой господин. Кто поверит словам бедного слуги? Я потеряю свое место, и, вдобавок, мне же дадут дурной аттестат.

– Да, тут есть закорючка своего рода, – проговорил Самуэль, – вы правы, дружище.

– Совсем иное дело, – продолжал м-р Троттер, – если бы мне удалось отыскать какого-нибудь почтенного джентльмена, защитника угнетенной невинности, тогда, пожалуй, было бы можно помешать этому нечестивому делу; но и здесь опять своего рода закорючка, м-р Уокер. Я не знаю никого в этой глуши, да если-б и знал, кто опять поверит моим словам?

– Баста! – вскричал Самуэль, быстро вскочив с места и схватив руку своего нового друга. – Мой господин точь-в-точь такой джентльмен, какой вам нужен.

Через несколько минут м-р Иов Троттер был введен в комнату м-ра Пикквика. Самуэль представил в коротких словах сущность дела.

– Великий Боже! Неужели я должен выдать своего собственного господина! – воскликнул м-р Иов Троттер, приставляя к своим глазам розовый платочек в четыре квадратных дюйма.

– Чувствительность этого рода делает вам честь, – отвечал м-р Пикквик тоном искреннего участия, – тем не менее, однако ж, вы должны исполнить свою обязанность.

– О-о-ох! Все мы под Богом ходим! – всхлипывал Иов Троттер. – Знаю, сэр, я, как честный человек должен исполнять свой долг; но вы поставьте себя на мое место: я ношу платье своего господина, и он же дает мне насущный хлеб; он мой благодетель, в некотором смысле, хотя я знаю, что он плут.

– Благородная душа! – воскликнул растроганный м-р Пикквик. – Честная натура!

– О-о-ох!

– Послушайте, любезный, – перебил Самуэль, смотревший с некоторым нетерпением на эту слезливую церемонию, – водовозные тележки хороши в свое время, но подчас, как, например, теперь, они ни к чорту не годятся.

– Самуэль, – сказал м-р Пикквик строгим тоном, – мне очень неприятно видеть в вас неуважение к благородным чувствам этого молодого человека.

– Так-то оно так, сэр, – возразил Самуэль, – чувства благородные, нечего сказать, да только я присоветывал бы ему припрятать их подальше в своей груди, а не растрчивать по пустякам в тепленькой водице, до которой нам с вами нет ни малейшей нужды. Слезы ведь не то, что стенные часы или паровой котел, что кипит напропалую, когда кочегар подкладывает

под иего горячих углей. Вот как покончите это дело, любезный друг, ступайте в кофейную, закурите трубку и плачьте, сколько вашей душеньке угодно; а теперь для вас всего лучше припрятать в карман этот красненький платочек.

– Слуга мой говорит правду, – сказал м-р Пикквик, – хотя, быть может, его образ выражения слишком груб и необтесан.

– Уж я это и сам вижу, – сказал м-р Троттер, – что делать, сэр? Не выдержал! Постараюсь укрепиться.

– Очень хорошо, любезный, – отвечал м-р Пикквик, – теперь скажите нам: где этот пансион?

– За городом, сэр, недалеко от заставы: большой каменный дом.

– Когда-ж назначено привести в исполнение этот ужасный план? – спросил м-р Пикквик. – Когда он увезет ее?

– Ночью, сэр, – отвечал Иов.

– Ночью! – воскликнул м-р Пикквик.

– Сегодня ночью, сэр, лишь только солнце отвлратит свои лучи от нечестивого дела. Я просто готов с ума сойти от тоски.

– Нужно принять немедленные меры, – сказал м-р Пикквик. – Сейчас отправлюсь к содержательнице пансиона.

– Прошу извинить, сэр, – сказал Иов, – но я думаю, что эта мера не годится.

– Отчего?

– Мой господин, надобно вам доложить, человек очень хитрый.

– Знаю.

– Он вкрался в доверие всех этих леди, и содержательница пансиона без ума от него. Вы можете ползать перед нею на коленях и божиться, сколько вам угодно: она не поверит ни одному слову, особенно, если не будет у вас других доказательств, кроме донесения слуги. Разумеется, мой господин скажет, что я негодай, которого он собирался прогнать за какую-нибудь вину, – и этого будет довольно. Тогда я пропал, и вы нисколько не успеете в своем намерении.

– Что-ж мне делать? – сказал м-р Пикквик.

– Всего лучше поймать его на месте преступления: других средств я не вижу никаких. Старая леди поверит только своим собственным глазам.

– Как же поймать его на месте преступления? – сказал м-р Пикквик. – Ведь это, я полагаю, очень трудно. Едва ли мне удастся.

– Не знаю, как это объяснить вам, сэр, – сказал м-р Иов Троттер после минутного размышления, – но с этим, пожалуй, было бы легко сладить, если б вы послушались моего совета.

– Говорите.

– Дело, видите ли, получает такой оборот: мы подкупили двух служанок, и они устроили так, что сегодня ночью, с десяти часов, м-р Фиц-Маршал и я будем скрываться в кухне. Как скоро все эти женщины разбредутся по своим постелям, мы немедленно должны выйти из кухни, и молодая девушка выбежит к нам из своей спальни. Почтовый экипаж будет стоять у ворот, и тогда – поминай как звали.

– Ну?

– Так вот я и думал, сэр: если б, примером сказать, вы одни подкараулили нас в саду.

– Один! – воскликнул м-р Пикквик. – Зачем же один?

– Я полагаю, сэр, что этого требует с вашей стороны деликатность к дамам. Содержательнице пансиона было бы, конечно, очень неприятно, если б нашлось много свидетелей этой истории. Я полагаю, надобно иметь некоторую снисходительность к чувствам молодой девушки.

– Правда ваша, любезный, правда, – сказал м-р Пикквик. – Снисходительность к молодым людям – первое условие для всякого честного намерения. Продолжайте.

– Так вот я и рассчитываю: если б вам запрятаться в сад и ровно в половине двенадцатого пробраться через галерею до кухни; я бы отворил вам дверь, и вы бы как раз в самую пору нахлынули на этого бессовестного человека, который, так сказать, заманил меня в свою западню.

Здесь м-р Троттер испустил глубокий вздох.

– Не печальтесь, любезный, – сказал м-р Пикквик утешительным тоном, – добрые дела не остаются без возмездия ни в этой, ни в будущей жизни.

Слезы умиления опять навернулись на глазах добродетельного лакея. Было ясно, что ему, несмотря на совет Самуэля, слишком трудно преодолевать болезненные ощущения своего сердца.

– Тьфу ты пропасть! – сказал Самуэль. – Сроду не видал таких плакс. Послушайте, любезный, не водянка ли у вас в голове?

– Самуэль, – сказал м-р Пикквик строгим тоном, – прикусите свой язык.

– Слушаю, сэр.

– Признаюсь, этот план мне слишком не нравится, – сказал м-р Пикквик после глубокого размышления. – Почему бы мне прямо не снести с родственниками молодой девушки?

– Да потому, сэр, что они живут за сотню миль от этого города, – отвечал м-р Иов Троттер.

– Хитрая закорючка! – промолвил про себя м-р Уэллер.

– И как мне пробраться в этот сад? – продолжал м-р Пикквик.

– Это не мудрено, сэр: стена низенькая, и ваш слуга может придержать вас за ногу.

– Придержать за ногу! – машинально повторил м-р Пикквик. – И вы наверное будете подле той самой двери, о которой говорите?

– Непременно. Ошибки здесь не может быть, одна только эта дверь и выходит в сад. Постучитесь, когда забьют часы, и я отворю вам в ту же минуту.

– Вообще этот план мне не по сердцу, – заметил м-р Пикквик, – но уж так и быть: дело идет о счастье молодой девушки и я готов на все решиться. Хорошо, я буду в саду.

Таким образом, увлеченный врожденною добротою сердца, м-р Пикквик отважился на предприятие, имевшее романический характер, столь чуждый его спокойной натуре.

– Как называется этот дом? – спросил м-р Пикквик.

– Вестгет. Лишь только выйдете за город, своротите вправо: он стоит особняком недалеко от большой дороги. На воротах медная доска с надписью.

– Знаю, – сказал м-р Пикквик. – Я заметил его прежде, когда проезжал через этот город. Хорошо, любезный, вы можете на меня положиться.

М-р Троттер отвесил низкий поклон и повернул к дверям; м-р Пикквик поспешил всунуть гиней в его руку.

– Это, любезный, за вашу добродетель, – сказал м-р Пикквик. – Будьте всегда честным человеком. Нечего благодарить. Не забудьте – в половине двенадцатого.

– Не забуду, сэр, будьте спокойны, – отвечал м-р Иов Троттер.

С этими словами он вышел из комнаты в сопровождении Самуэля.

– Ну, да; на таких условиях я бы готов расплакаться и сам, – заметил м-р Уэллер, – только я не понимаю, черт побери, откуда у вас льются эти слезы?

– Из сердца, м-р Уокер, – отвечал м-р Иов Троттер торжественным тоном. – Прощайте.

– Ты, однако ж, полезный плакса: мы из тебя повыжали все, что нам нужно, – думал м-р Уэллер, когда сердобольный Иов скрылся с его глаз.

Но мы не можем определить с такою же точностью течение мыслей в душе м-ра Троттера, потому что нам вовсе неизвестно, что он думал.

День прошел с замечательною быстротой, наступил вожделенный вечер, и, немного спустя после захождения солнца, Самуэль Уэллер доложил своему господину, что м-р Джингль

и его слуга готовы отправиться в дорогу. Багаж их укладывается, и почтовая карета стоит перед подъездом. Ясно, что нечестивый план, как предсказал м-р Троттер, приводится в исполнение.

Пробило одиннадцать часов, и м-р Пикквик понял, что ему нельзя больше медлить ни минуты. Самуэль предложил, на всякий случай, своему господину теплое пальто; но м-р Пикквик отказался, чтобы не иметь лишней тяжести на своих плечах.

Ярко сияла луна на небесах, но густые облака скрывали ее от земной юдоли. Была прекрасная сухая ночь, но непроницаемая тьма господствовала повсюду, так что можно было выколотить глаза, нечаянно наткнувшись на какой-нибудь предмет. Дорожки, поля, огороды, дома и деревья исчезли в глубокой тени. Было душно и жарко. В целом городе ни одного звука; изредка только слышался отдаленный лай какой-нибудь собаки.

М-р Пикквик и его слуга подошли к стенам Вестгета и, обогнув фасад, остановились перед забором сада.

– Вы воротитесь в гостиницу, Сам, после того как пособите мне перебраться через стену, – сказал м-р Пикквик.

– Слушаю, сэр.

– Вы будете сидеть в моей комнате и ждать моего возвращения.

– Непременно.

– Возьмите же теперь мою ногу и, когда я скажу – «ну», приподнимите меня тихонько.

– Слушаю.

Сделав эти предварительные распоряжения, м-р Пикквик ухватился за край стены и передал условный пароль послушному слуге; но было ли его тело в некоторой степени способно к такой же эластичности, как его душа, или м-р Уэллер сообщил грубейший смысл повелению относительно приподнятия ноги своего господина, только м-р Пикквик весьма неосторожно перекувыркнулся через забор, повалился кубарем на крыжовничий кустарник и наткнулся носом на розовое деревцо.

– Надеюсь вы не ушиблись, сэр? – проговорил Самуэль громким шепотом, постепенно оправляясь от изумления, естественно последовавшего за внезапным исчезновением его господина.

– Конечно, я не ушиб себя, – отвечал м-р Пикквик по другую сторону стены, – но думать надобно, что вы ушибли меня, Самуэль.

– Авось Бог милостив, сэр.

– Ничего, однако ж, – сказал м-р Пикквик, высвобождаясь из кустарника, – небольшая царапина на лице, кости целы. Ступайте домой.

– Прощайте, сэр.

– Прощайте.

Медленным и осторожным шагом Самуэль Уэллер отошел от стены. М-р Пикквик остался один в саду.

Огонек мелькал по временам в различных окнах и появлялся на лестничных ступенях; м-р Пикквик понял, что в доме ложились спать. Забившись в угол стены, он решился терпеливо ждать урочной минуты. Многие на его месте, нет сомнения, должны бы были почувствовать тоскливость в своей душе и некоторую робость; но м-р Пикквик был бодр и крепок духом. Он сознавал вполне безукоризненную честность своих целей и был уверен в благородстве сердобольного лакея. Тишина в природе и безмолвие ночное могли навести скуку на обыкновенных людей; но всеобъемлющий дух великого человека не знает скуки. М-р Пикквик погрузился в размышление относительно непостоянства человеческой судьбы, как вдруг его внимание обратилось на бой часового колокола в соседней церкви. Две четверти двенадцатого!

– Пора! – подумал м-р Пикквик, переступая осторожно на своих ногах.

Он взглянул на дом: огни постепенно загасли, ставни затворились. Легли спать. М-р Пикквик на цыпочках подошел к дверям и тихонько постучался. Прошло две или три минуты без ответа: м-р Пикквик постучался в другой и третий раз.

Наконец, послышался на лестнице шум шагов, и огонек проскользнул через замочную скважину двери. Задвижка отскочила, замок щелкнул, и дверь медленно начала открываться.

И по мере того, как отворилась дверь шире и шире, м-р Пикквик отступал назад дальше и дальше. Легко вообразить себе его изумление, когда, вместо сердобольного Иова, он увидел в дверях служанку со свечою в руке. М-р Пикквик журавлиным шажком отодвинулся назад вдоль галлерейной стены.

– Это, должно быть, кошка, Сара, – сказала девушка, обращаясь, вероятно, к своей подруге. – Кис, кис, кис.

Но так как ни одно животное не отвечало на эту ласку, девушка тихонько притворила дверь и заперла. М-р Пикквик опять остался один, погруженный в ночную темноту.

– Это, однако ж, очень странно, – подумал м-р Пикквик. – Вероятно, они засиделись сверх урочного часа. Жаль, что им вздумалось выбрать эту ночь для своих планов, очень жаль.

И с этими мыслями м-р Пикквик поспешил опять забраться в уголок стены, где стоял он прежде. Надлежало подождать еще до вторичного возобновления условного сигнала.

Едва прошло минут пять, как молния прорезала окружающий мрак, сверкнула яркой полосой, и гром с ужасным треском раздался в отдаленном пространстве. Затем опять сверкнула яркая полоса, грянул гром с оглушительным ревом, и тучи разразились проливным дождем.

М-р Пикквик знал весьма хорошо, что деревья – опасные соседи в продолжение грозы. Дерево было у него по правую руку, дерево по левую, дерево спереди и дерево сзади. Оставаться неподвижным на одном и том же месте значило сделаться вероятной жертвой громового удара, забежать на середину сада оказывалось неудобным вследствие полицейского дозора. Раз или два м-р Пикквик пытался перелезть через стену; но так как теперь не было у него других ног, кроме данных ему природой, то несчастная попытка имела только следствием весьма неприятные царапины на коленях и крупные капли пота на благородном челе.

– Ужасно, ужасно! – воскликнул м-р Пикквик, задыхаясь от внутреннего волнения после безуспешной экзерциции.

Он взглянул на дом, мрачный и спокойный. Отсутствие всякого движения служило несомненным признаком, что все улеглись спать. Не время ли опять возобновить сигнал?

М-р Пикквик прокрался на цыпочках по мокрому щебню и, взойдя на галлерею, тихонько постучался в дверь. Он притаил дыхание, насторожил чуткий слух и приставил правый глаз к замочной щели. Никакого ответа: очень странно. Он стукнул еще немного посильнее и приставил левый глаз к той же щели. Послышался легкий шепот и затем робкий оклик:

– Кто там?

– Опять не Иов! – подумал м-р Пикквик, торопливо отпрядывая вдоль стены. – Это женский голос.

Едва успел он дойти до этого заключения, как вдруг отворилось наверху окно и четыре женских голоса закричали разом:

– Кто там?

М-р Пикквик не смел пошевелить ни рукой, ни ногой. Очевидно, что весь дом пробудился от сна. Он решил стоять неподвижно на своем месте, пока затихнет эта страшная тревога, и потом, употребив отчаянное усилие, перескочить через стену или погибнуть у забора.

Лучше, разумеется, ничего не мог придумать первый мудрец в свете; но, к несчастью, расчет м-ра Пикквика основывался на предположении, что робкие женщины не посмеют отворить двери в другой раз. Представьте же себе его изумление и ужас, когда он услышал звук железного болта, звон защелки, и потом увидел обоими глазами, что дверь открывается посте-

пенно шире и шире! Он забился в уголок, отступая шаг за шагом. Дверь отворялась ширь; и шире.

– Кто там? – взвизгнул многочисленный хор тоненьких голосков, принадлежавших девствующей леди, основательнице заведения, трем гувернанткам, пяти служанкам и трем дюжинам молоденьких девушек, пансионеров, высыпавших на лестницу в папильотках и белых простынях.

Скажите по совести, мог ли м-р Пикквик откровенно отвечать на этот эксцентрический вопрос? Нет, разумеется. Он стоял молча и едва дышал.

И среди ночного безмолвия хор девиц завопил дискантом: – Боже мой! Как мне страшно!

– Кухарка, – сказала девствующая начальница Вестгета, принявшая предосторожность стать на верхней лестничной ступени, позади пансионеров и служанок, – кухарка, перешагните через порог и посмотрите, что там в саду.

– Нет, сударыня, покорно вас благодарю, – отвечала кухарка, – у меня не две головы на плечах.

– Боже мой, как она глупа! – воскликнули три дюжины девиц.

– Кухарка! – повторила девствующая леди с великим достоинством, – укоротите свой дерзкий язык. Я приказываю вам немедленно перешагнуть через порог.

Здесь кухарка принялась плакать, и судомойка, вступаясь за нее, сказала: – «как не стыдно вам, сударыня!» За что, как и следует, обещались судомойку прогнать со двора.

– Слышите вы, кухарка? – сказала девственная леди, сердито топя ногой.

– Как вы смеете ослушаться начальницы? – вскричали три гувернантки.

– Какая она бесстыдница, эта бессовестная кухарка! – заголосили тридцать шесть пансионеров.

Подстрекаемая такими энергическими побуждениями, кухарка, вооруженная свечою, сделала два шага вперед и немедленно объявила, что в саду нет никого и что шум, вероятно, произошел от ветра. Мало-помалу дверь снова начала затворяться, как вдруг одна из воспитанниц, случайно бросившая взгляд через дверные петли, испустила пронзительный визг и снова переполошила весь дом.

– Что это сделалось с мисс Смитерс? – сказала содержательница пансиона, когда упомянутая мисс Смитерс продолжала корчиться в истерических припадках.

– Боже мой, что с вами, мисс Смитерс? – заголосили тридцать пять молодых девиц.

– Ох!.. мужчина... мужчина там... за дверью! – визжала мисс Смитерс.

Услышав эту поразительную весть, содержательница пансиона в ту же минуту удалилась в свою спальню, заперлась двойным ключом и с превеликим комфортом упала в обморок на своей постели. Пансионеры, гувернантки и служанки попадали на лестничных ступенях друг на друга, и никогда свет не производил такого обилия визгов, криков, обмороков, возни и толкотни.

Забывая собственную опасность, м-р Пикквик храбро выступил из своей засады и, остановившись в дверях, произнес громогласно:

– Милостивые государины!.. Милые мои!

– Ах! ах! Он называет нас милыми! – вскрикнула старшая гувернантка, знаменитая своим необыкновенным безобразием. – Ах, злодей!

– Милостивые государины, – проревел еще раз м-р Пикквик, доведенный до отчаяния опасностью своего положения. – Выслушайте меня. Я не вор. Я пришел собственно к вашей начальнице.

– Ах, злодей, злодей! – закричала другая гувернантка. – Он пришел к мисс Томкинс!

Последовал общий визг, оглушительный и страшный для непривычного уха.

– Бейте тревогу, звоните в колокол! – возопили двенадцать голосов.

– Погодите, умоляю вас, – говорил несчастный м-р Пикквик. – Милостивые государыни, посмотрите на меня, взгляните пристально в мое лицо. Похож ли я на вора? Милостивые государыни, вы можете меня связать, если угодно, скрутить руки и ноги и запереть меня в темный чулан. Только наперед, умоляю, выслушайте меня.

– Как вы попали в наш сад? – пролепетала горничная, начинавшая приходить в себя.

– Позовите начальницу этого заведения, и я объясню ей все, клянусь честью, все объясню, – сказал м-р Пикквик, надрывая свою грудь до последней степени силы. – Но успокойтесь наперед, позовите свою начальницу, и вы услышите все... все!

Была ли причиною кроткая наружность м-ра Пикквика, его нежное и ласковое обращение, или вмешалось сюда непреодолимое, врожденное женским душам любопытство услышать какую-нибудь тайну, только нашлись в этом обществе четыре рассудительные особы, устоявшие против истерических припадков. Желая вполне удостовериться в искренности смиренного джентльмена, они предложили ему род домашнего ареста, и м-р Пикквик согласился по доброй воле отправиться в темный чулан, где хранились детские шляпки и сумки с сухарями. Решено, что из этого убежища будут производиться переговоры запертого мужчины с начальницею пансиона. Это успокоило всех других девиц и даже самую мисс Томкинс, которая, наконец, успела очнуться от обморока в своей спальне. Когда мисс Томкинс сошла вниз, конференция открылась таким образом:

– Что вы делали в моем саду, дерзкий мужчина? – спросила мисс Томкинс слабым голосом.

– Я пришел предупредить вас, милостивая государыня, – отвечал м-р Пикквик из чулана, – что одна из ваших молодых пансионеров собиралась бежать в эту ночь.

– Бежать! – воскликнули в один голос мисс Томкинс, три гувернантки, тридцать шесть пансионеров и пять служанок. – Кто? С кем?

– С вашим другом, м-ром Фиц-Маршалом.

– *Моим* другом! Я не знаю никакого Фиц-Маршала.

– Ну, так, стало быть, он известен вам под собственным именем Джингля.

– Я не знаю никакого Джингля.

– В таком случае, меня обманули нагло и бесстыдно, – сказал м-р Пикквик. – Я сделался жертвою глупого и гнусного заговора. Пошлите, милостивая государыня, в гостиницу «Вестник», если вы не верите моим словам. Умоляю вас, сударыня, благоволите послать в гостиницу за слугой м-ра Пикквика, президента Пикквикского клуба.

– Должен быть почтенный джентльмен, – сказала мисс Томкинс гувернантке, занимавшейся в её пансионе преподаванием арифметики и каллиграфии. – Он держит слугу.

– Гораздо вероятнее, мисс Томкинс, что слуга держит его в своих руках, – отвечала арифметическая гувернантка. – Он сумасшедший, мисс Томкинс, это ясно.

– Ваша правда, мисс Гуинн, – отвечала мисс Томкинс, – он сумасшедший. Пусть две служанки отправятся в гостиницу «Вестник», а другие останутся с нами. Надобно принять меры на случай, если вздумается ему разбивать дверь.

Таким образом, две служанки побежали в гостиницу за м-ром Самуэлем; три другие окружили мисс Томкинс, приготовившись на всякий случай к мужественной защите. М-р Пикквик с философским равнодушием сел на сундук и погрузился мыслью в суету мирскую.

Через полтора часа служанки воротились. Радостно забилося сердце м-ра Пикквика, когда он услышал голос своего верного слуги; но вместе с ним пришли еще какие-то другие джентльмены, кто именно – м-р Пикквик не мог сообразить, хотя голос их казался ему знакомым.

Последовало краткое совещание с содержательницею пансиона, и вслед затем отворили дверь. М-р Пикквик вышел из чулана и, окруженный всеми обитательницами Вестгета, увидел перед своими глазами м-ра Уэллера, старика Уардля и нареченного зятя его, м-ра Труделя.

– Любезный друг, – вскричал м-р Пикквик, бросаясь в объятия старика Уардля, – любезный друг, объясните, ради Бога, этой даме несчастное положение, в которое меня поставил злонамеренный мошенник. Вероятно, вы слышали всю историю от моего слуги; объясните им, по крайней мере, что я не вор и не сумасшедший.

– Я уже объяснил им, любезный друг, все объяснил, – отвечал м-р Уардль, пожимая руку своего друга. М-р Трундель между тем энергически пожимал левую руку ученого мужа.

– И кто говорит, что господин мой, джентльмен из столицы, – перебил м-р Уэллер, – есть вор, дурак или сумасшедший человек, тот утверждает гиль, околесную несет, городит вздор! И если в доме, здесь или в саду найдутся такие олухи или болваны, что взводят небылицы на ученейшего джентльмена, – будь они семи пядей во лбу, я готов расправиться с ними по-свойски, в этой самой комнате, на этом самом месте, если только вы, прекрасные сударыни, потрудитесь убраться подобру поздорову в свои спальни.

Закончив эту импровизованную речь, м-р Уэллер хлопнул сжатым кулаком по своей ладони и бросил дружеский взгляд на мисс Томкинс, пораженную неописанным ужасом при одном предположении дерзкого слуги, что в её «вестгетскомъ заведении для благородных девиц» могут быть посторонние мужчины, к тому же олухи или болваны, как энергически выразился м-р Уэллер.

Так как в особенных объяснениях со стороны м-ра Пикквика не оказалось ни малейшей надобности, то скоро ночная конференция в «пансионе благородных девиц» была приведена к вожделенному концу. Друзья отправились домой. М-р Пикквик хранил глубокое молчание во всю дорогу и даже не сообщил никакого остроумного замечания в гостинице «Вестник», когда сидел он в своем номере перед пылающим камином с чашкой горячего чая. Ученый муж был, по-видимому, отуманен и погружен в глубокое раздумье. Раз только, обратив пытливый взор на м-ра Уардля, он проговорил:

– Вы как попали сюда?

– Очень просто. Мы, то есть Трундель и я, вздумали поохотиться на здешних полях, – отвечал м-р Уардль. – Мы приехали в эту гостиницу сегодня вечером и с изумлением услышали от здешних слуг, что и вы тоже здесь. Чудесная встреча, Пикквик, право! – продолжал веселый старик, хлопнув по плечу своего любезного друга. – Я рад, что вы здесь. Мы устроим общими силами забавную потеху, и авось м-р Винкель еще раз покажет нам свою удаль... помните?

М-р Пикквик ничего не отвечал. Он даже не осведомился о здоровье своих друзей на даче Дингли-Делль. Допив на скорую руку другую чашку чая, разбавленную ромом, он отправился в свою спальню, приказав Самуэлю явиться к нему со свечою, как скоро он позвонит.

Звонок раздался через несколько минут. М-р Самуэль Уэллер явился в спальню своего господина.

– Самуэль, – сказал м-р Пикквик, бросая беспокойный взгляд из-под белой простыни.

– Что прикажете? – сказал м-р Уэллер.

М-р Пикквик повернулся на другой бок и не сказал ничего. М-р Уэллер снял со свечи.

– Самуэль, – проговорил опять м-р Пикквик, делая, по-видимому, величайшее усилие.

– Что прикажете? – отвечал еще раз м-р Уэллер.

– Где этот Троттер?

– Иов, сэр?

– Да.

– Уехал, сэр.

– Со своим господином, я полагаю?

– С господином или другом, черт его знает, только вы угадали, сэр: он отправился вместе с ним. Мошенники, сэр.

– Джингль, я полагаю, нарочно подослал этого сорванца, чтоб провести нас?

- Именно так.
- Вся эту сказку насчет похищения девицы он выдумал?
- Непременно. Ловкие мошенники, сэр, пройдохи первой руки.
- В другой раз, я полагаю, этот Джингль не так легко ускользнет из моих рук.
- Разумеется, – отвечал м-р Уэллер.
- И где бы я ни встретил этого мошенника, – продолжал м-р Пикквик, приподнимаясь с постели и ударив со всего размаха пуховую подушку, – где бы я ни встретил этого проклятого Джингля, я сотру его с лица земли или мое имя – не Пикквик.
- А вот, сэр, только бы заграбастать мне в свои лапы этого каналью с восковой рожей, я повыжму настоящую водицу из его оловянных буркул или мое имя – не Уэллер. Спокойной вам ночи, сэр.

Глава XVII

Объясняющая удовлетворительным образом, что ревматизм бывает иной раз источником вдохновения для человека с истинным талантом.

Организм м-ра Пикквика, крепкий и сильный, приспособленный вообще к перенесению всяких трудов и напряжений, не мог, однако ж, устоять против сцепления непредвиденных напастей, испытанных им в достопамятную ночь, описанную в последней главе. Холодная ванна на мокрой земле и спертый воздух в душном чулане произвели разрушительное действие на его ноги и желудок.

Поутру на другой день м-р Пикквик почувствовал страшный припадок ревматизма.

Но, несмотря на физическую немощь, дух его был бодр, и мысли текли стройным потоком в его светлой голове. Он был весел и даже остроумен, как всегда. Не чувствуя ни малейшей досады и никакого огорчения по поводу последних приключений, он смеялся от всей души, когда м-р Уардль намекал шутливым тоном на его ночные похождения в девичьем саду.

Этого мало. В первые два дня м-р Пикквик, принужденный лежать в постели, призвал к себе своего слугу, который и был при нем безотлучно. В первый день м-р Самуэль Уэллер забавлял ученого мужа анекдотами и повествованиями о различных событиях действительной жизни, во второй – м-р Пикквик потребовал перо, чернильницу, бумагу и просидел до глубокой ночи за письменным столом. На третий день великий человек, продолжая заседать в своей спальне, отправил записку к господам Труделю и Уардлю, приглашая их завернуть к нему вечером и вместе осушить бутылочку-другую вина. Приглашение принято было с большою благодарностью; когда же тесть и зять уселись в комнате ученого мужа за гостеприимным столом, м-р Пикквик поспешил вынуть из своего портфеля небольшую тетрадку, где помещалось последнее произведение его плодovitого пера.

– Это, господа, небольшой рассказ, записанный мною вчера со слов моего болтливового слуги, – сказал м-р Пикквик. – Разумеется, я придал ему литературную форму. Хотите слушать?

– Сделайте милость, – сказал м-р Трудель.

И м-р Пикквик, кашлянув два раза, принялся читать:

Повесть о приходском писаре.

«Однажды, – это, впрочем, было давно, очень давно, – в небольшом местечке, вдали от британской столицы жил-был маленький человек, по имени Натаниэль Пипкин, занимавший должность приходского писаря в этом местечке. Хижина его стояла на проезжей улице, минут на десять ходьбы до маленькой церкви и приходской школы, где регулярно каждый будничнейший день, от девяти часов утра до четырех вечера, он учил читать и писать маленьких ребятишек. Был он, как можете себе представить, предобрейшее создание в мире, с кривым носом и кривыми ногами; немного он косил левым глазом и немного прихрамывал правой ногой. Образцом всех училищ считал он свою собственную благоустроенную школу. Раз, один только раз в своей жизни, Натаниэль Пипкин видел епископа, настоящего епископа, с руками в карманах шелкового платья и с париком на голове. Тогда он был еще мальчишкой шестнадцати лет.

Это было великим событием в жизни Натаниэля Пипкина, и можно было думать, что с этой поры уже ничто более не возмутит чистого и светлого потока его земного бытия. Случалось, однако ж, и совсем не так, как можно было думать. Однажды в прекрасный летний день, около двух часов после полудня, когда Натаниэль Пипкин ломал свою голову над аспидной доской, придумывая грозную задачу в назидание и наказание одному негодному мальчишке, глаза его вдруг устремились на розовое, цветущее личико Марии Лоббс, единствен-

ной дочери старика Лоббса, седельника ремеслом, жившего насупротив приходской церкви. Это мгновение сделалось второю знаменитою эпохой в жизни Натаниэля Пипкина.

Случалось, правда, и довольно часто, что глаза м-ра Пипкина останавливались на прелестном личике Марии Лоббс в церкви и других местах; но глаза Марии Лоббс никогда не лучезарились таким искрометным блеском, и розовые щеки Марии Лоббс никогда не покрывались таким ярко-пламенным румянцем, как в настоящую минуту. Ничего, стало быть, удивительного нет, если Натаниэль Пипкин не мог на этот раз оторвать своих глаз от прелестного личика мисс Лоббс; ничего удивительного, если мисс Лоббс, встретив пристальный взгляд молодого человека, поспешила отойти от окна, откуда выставлялась её миниатюрная головка, и нет ничего удивительного, если вслед затем Натаниэль Пипкин окрысился на негодного мальчишку и дал ему тумака по затылку. Все это совершенно в порядке вещей, и было бы глупо удивляться всем этим вещам.

Нельзя, однако ж, никаким образом нельзя не удивляться, что человек, подобный м-ру Натаниэлю Пипкину, вспыльчивый человек, горячий, раздражительный, а главное, голый шаромыжник, подобный Натаниэлю Пипкину, осмелился с этой поры питать дерзкую надежду на получение руки и сердца единственной дочери гордого старика Лоббса, богатого седельника Лоббса, который мот бы одним взмахом своего пера купить пахатной земли для целой деревни. Было известно всему местечку, что у Лоббса денег куры не клюют; что в его железном сундуке хранятся несметные сокровища из золотых и серебряных слитков; носилась достоверная молва, что в праздничные дни на обедах Лоббса подают к столу серебряные вилки, ножи, серебряные чайники, сливочники, сахарницы, и каждый знал, что все эти сокровища перейдут со временем в руки счастливого супруга мисс Марии Лоббс. Нельзя, стало быть, не остолбенеть от удивления, когда м-р Натаниэль Пипкин осмелился обратить в эту сторону свой безразсудный взор.

Но любовь слепа, это всем известно. Натаниэль Пипкин косил на левый глаз – это знало также все местечко. По этим двум причинам, соединенным вместе, Натаниэль Пипкин, очертя голову, бросился вперед по ложной дороге.

Если б старик Лоббс заподозрил как-нибудь дерзкий замысел Натаниэля, он, я думаю, повернул бы всю школу, истерзал бы в мелкие куски начальника этой школы и, нет сомнения, удивил бы все местечко своим лютым зверством; потому что он был ужасен, этот старик Лоббс, когда оскорбляли его гордость или когда кровь прилиwała к его голове. А как он клялся, Боже мой, как он клялся! Когда, бывало, напустится он на своего костлявого подмастерья с тонкими ногами, громкий его голос раздастся по всей улице, м-р Натаниэль Пипкин дрожит в приходской школе, как осиновый лист, и волосы становятся дыбом на головах его ребятишек.

Очень хорошо. День проходил за днем, школа собиралась, распускалась, и когда мальчишки расходились по домам, м-р Пипкин принимался сидеть у переднего окна и, притворяясь, будто читает книгу, бросал по временам косвенные взгляды на противоположное окно, надеясь уловить светлый взор Марии Лоббс. И много унылых часов м-р Пипкин провел в сердечном сокрушении, и долго читал он и пристально смотрел, томимый бесполезным ожиданием; но, наконец, светлые глазки снова появились у противоположного окна, и было ясно, что яркие глаза, так же, как его усталые глаза, углубились в чтение какой-то книги. Натаниэль Пипкин задрожал от восторга, и фантазия его переполнилась самыми яркими мечтами. Уже было для него неописанным счастьем сидеть на своем месте по целым часам и смотреть на прелестное личико, склоненное над книгой; но когда Мария Лоббс, бросая книгу, устремляла свой взор в ту сторону, где сидел Натаниэль Пипкин, сердце его замирало от восторга, и удивление его не имело никаких границ. Наконец, в один прекрасный день, когда старик Лоббс ушел со двора, Натаниэль Пипкин осмелился своей рукой послать через улицу воздушный поцелуй Марии Лоббс – и что же? Вместо того, чтоб закрыть окно и задернуть стору, Мария Лоббс сама отправила тем же путем воздушный поцелуй и улыбнулась, сладко улыбу-

лась! После этого, будь, что будет, Натаниэль Пипкин твердо решил обнаружить при первом случае настоящее состояние своих нежных чувств.

Не было на свете ножки легче и красивее ножки Марии Лоббс, когда выступала она воздушной газелью по зеленому лугу, и никогда свет не производил таких прелестных ямочек, какие красовались по обеим сторонам её розовых щек. Дочь старого седельника, Мария Лоббс, была красавица в полном и строжайшем смысле слова. Плутовские глазки её могли расплавить самое чугунное сердце, и было столько игривой радости в её веселом смехе, что суровый и самый закоснелый мизантроп принужден был невольно улыбаться, когда слышал эти звуки. Даже сам старик Лоббс, несмотря на свою природную лютость, не мог противиться лукавым ласкам прекрасной дочери, и когда она вместе с Кэт, своей двоюродной сестрой (Кэт – миниатюрная девушка, чрезвычайно смелая и назойливая), начнет осаждать старика прихотями, – что, признаться, делали они довольно часто, – старик Лоббс не мог им отказать ни в чем, если б даже вздумалось им попросить значительной частицы несметных сокровищ, хранившихся в железной кассе.

Сильно забилося сердце в груди Натаниэля, когда в один прекрасный летний вечер он увидел шагах в двадцати от себя, двух прекрасных подруг на том самом поле, где часто бродил он около сумерек, размышляя о красоте Марии Лоббс. Но, хотя всегда ему казалось, что он мигом подбежит к Марии Лоббс и выскажет ей всю свою страсть при первой встрече, однако ж, теперь, застигнутый врасплох, он почувствовал, что кровь прихлынула к его лицу и ноги его задрожали, затряслись, утратив свою обычную гибкость. Когда девушки останавливались для того, чтобы сорвать цветок или послушать соловья, м-р Пипкин тоже стоял на одном месте, погруженный в глубокую думу. Предметом его тайной мысли была трудная задача: что должен он делать, если девушки повернутся назад и встретятся с ним лицом к лицу? Испуганный заранее вероятностью этой встречи, он, однако ж, не терял их из вида: если шли они скорым шагом, ускорял и он свои шаги; медлили они, медлил и он; когда они останавливались, он также стоял в почтительном расстоянии от них, и такая прогулка, нет сомнения, могла бы продлиться до глубокой ночи, если б Кэт, вдруг обернувшись назад с лукавым видом, не пригласила его подойти к ним.

В голове и движениях Кэт заключалась для него какая-то непреодолимая сила. Раскрасневшись теперь, как красный сургуч, и сопровождаемый громким смехом лукавой кухни, м-р Пипкин спешил повиноваться и, сделав несколько шагов, стал на колени на мокрую траву и объявил решительным, хотя дрожащим тоном, что он согласен подняться на ноги не иначе, как счастливым любовником Марии Лоббс. Веселый смех Марии Лоббс служил на первый раз единственным ответом на пламенную декларацию горемычного школяра; кухня захохотала еще громче, и м-р Натаниэль Пипкин раскраснелся до ушей. Приведенная, наконец, в трогательное умиление нежной мольбою молодого человека, Мария Лоббс приказала на ухо своей кухне объявить, или, быть может, кухня сочинила сама, что „Мария Лоббс чувствует себя истинно счастливою в присутствии м-ра Пипкина, её рука и сердце состоят в полной зависимости от родительской воли; но, во всяком случае, она отдает полную справедливость достоинствам м-ра Пипкина“. Все это, как и следует, было произнесено важным и торжественным тоном. М-р Пипкин поднялся на ноги и удостоился на прощанье получить горячий поцелуй. Воротившись домой счастливейшим человеком в мире, он мечтал всю ночь о прелестях Марии Лоббс и о железном сундуке старика Лоббса.

На другой день Натаниэль Пипкин имел счастье видеть, как старик Лоббс отправился из своего дома на серенькой лошадке. И лишь только он уехал, резвая кухня принялась выделывать из окна какие-то хитрые и загадочные знаки, непостижимые для молодого человека. Вслед затем перебежал через дорогу костлявый подмастерье с тонкими ногами и, переступив через порог приходской школы, объявил, что хозяина его нет дома и что молодые хозяйки покорнейше просят м-ра Пипкина пожаловать к ним на чашку чаю ровно в шесть часов. Каким

образом продолжались уроки в этот день, м-р Пипкин не знал так же, как и его ученики; все, однако ж, шло своим чередом, по заведенному порядку, и когда мальчишки разбежались по домам, Натаниэль Пипкин принялся за свой туалет, и это занятие продолжалось у него вплоть до шести часов. Мы не говорим, что гардероб его был слишком многосложен; но надлежало приладить и приладить каждую вещицу, чтоб выставить ее в самом выгодном свете, а это, сказать правду, требовало больших соображений и необыкновенного искусства.

В маленькой и опрятной гостиной были: Мария Лоббс, сестрица её Кэт и три или четыре веселые подруги с розовыми щечками и лукавым видом. Натаниэль Пипкин уверился собственными глазами, что молва отнюдь не преувеличила сокровищ Лоббса. Так точно: на столе из красного дерева находился огромный поднос, и на подносе стояли: серебряный чайник, серебряная сливочница, серебряная сахарница, и даже чайные ложечки, все до одной, были из чистого серебра. Блюдечки и чашечки, куда разливали чай, были все до одной из чистого китайского фарфора.

Был только один неприятный предмет в маленькой гостиной: это – молодой кузен Марии Лоббс, родной братец Кэт, которого Мария Лоббс попросту называла Генрихом. Казалось, он совершенно завладел вниманием Марии Лоббс, и они все время сидели друг подле друга. Нельзя, конечно, без трогательного умиления видеть родственную привязанность между молодыми людьми; но здесь, как и везде, должны быть, в некотором роде, свои определенные, правильные границы, между тем как Мария Лоббс, очевидно, выходила из всяких границ, оказывая слишком нежное и даже исключительное внимание своему кузену.

После чая Кэт предложила играть в жмурки. Было очень весело; но по какому-то странному стечению обстоятельств Натаниэль Пипкин весь вечер проходил с завязанными глазами, и если случалось ему ловить двоюродного братца, он был почти уверен, что найдет подле него и двоюродную сестрицу. И хотя навязчивая кузина, так же, как и другие девицы, беспрестанно кололи его спереди и сзади, тормошили его волосы и били по спине, однако ж Мария Лоббс никогда не подходила к нему близко. Однажды случилось даже, – в этом Натаниэль Пипкин готов был присягнуть, – случилось, что в комнате раздался довольно звучный поцелуй, и не было ни малейшего сомнения, что это дерзкий братец целовал свою кузину. Все это было странно, очень странно, и Бог ведает, что бы сделал Натаниэль Пипкин, если б вдруг мысли его не были обращены на другие странные предметы.

Обстоятельством, обратившим его мысли на другие странные предметы, был громкий стук в уличную дверь и затем – печальная уверенность в том, что стук этот производился сильною рукою самого старика Лоббса, который, совсем некстати и совершенно неожиданно, вздумал теперь воротиться домой, к общему горю всех лиц, игравших в жмурки. Старик Лоббс стучал без пощады, как какой-нибудь гробовщик, и бесновался без всякого милосердия, как голодный тигр. Лишь только костлявый подмастерье с тонкими ногами сообщил эту горестную весть, резвые девушки мгновенно бросились в спальню Марии Лоббс, а двоюродный братец и Натаниэль Пипкин, за недостатком лучшего убежища, спрятались в два шкафа, стоявшие в парадной гостиной. Затем Мария Лоббс и назойливая Кэт, затворив шкафы, поспешили привести комнату в её обыкновенный порядок и потом уже открыли уличную дверь старику Лоббсу, который между тем с минуты на минуту стучал все сильнее и сильнее.

Старик Лоббс был, к несчастью, очень голоден и, следовательно, демонски сердит. Натаниэль Пипкин слышал ясно, как он ворчал и кричал на костлявого подмастерья с тонкими ногами, когда тот суетливо бегал взад и вперед и метался во все стороны, исполняя приказания грозного хозяина. Но бешенство Лоббса не имело, по-видимому, никакой определенной цели: ему просто надо было выгрузить куда-нибудь и на что-нибудь накопившуюся желчь. Накрыли, наконец, на стол, подали разогретый ужин, поставили бутылку вина, и старик Лоббс малопомалу совсем угомонился. После ужина он поцеловал свою дочку и потребовал трубку.

Нужно теперь заметить, что колена м-ра Пипкина были устроены природой совершенно правильным образом в приличном расстоянии одно от другого; но как скоро он услышал, что старый Лоббс потребовал свою трубку, колени его подогнулись, задрожали, затряслись и, что всего хуже, начали колотить одно о другое, как будто собираясь уничтожить друг друга. В том самом шкафу, где он стоял, на одном из железных крючков висела пенковая трубка в серебряной оправе, та самая трубка, которую уже пять лет сряду, вечером и утром, он видел в широкой пасти старика. Молодые девушки побежали за трубкой вниз, побежали за трубкой вверх, отыскивая трубку повсюду и тщательно избегая того места, где, как они знали, трубка была на самом деле. Старик Лоббс бесновался и кричал. Наконец, он сам принялся искать трубку, и демон надоумил его прямо подойти к шкафу. Нечего и говорить, что маленький человек, как м-р Пипкин, не мог никаким способом придержать дверь изнутри, когда дюжий и широкоплечий старичина, м-р Лоббс, начал отворять ее снаружи. С одного размаха растворились обе половинки двери, и перед глазами старика очутился лицом к лицу никто другой, как сам м-р Пипкин, трепетный и дрожащий с головы до пяток. Великий Боже! Что за дикий огонь сверкнул в глазах старика Лоббса, когда он выволок за шиворот бедного Натаниэля и поставил его перед собой!

– Какого черта вы тут делаете? – закричал старик Лоббс страшнейшим голосом.

И так-как Натаниэль Пипкин не мог произнести никакого ответа, старик Лоббс принялся раскачивать его взад и вперед минуты две или три, вероятно, для того, чтоб привести в порядок его мысли.

– За каким чертом вы влезли сюда? – ревел старик Лоббс, – уж не вздумали ли вы ухаживать за моею дочкой? – Не к ней ли вы пришли?

Вопрос этого рода мог быть предложен только ради шутки, потому что старик Лоббс никак не воображал, что школьный учитель осмелится забрать себе в голову такую безразсудную мысль. Поэтому негодование его приняло страшный и отчаянный характер, когда бедняк пролепетал:

– Виноват, м-р Лоббс, вы угадали. Я точно пришел к вашей прелестной дочке. Я люблю ее, м-р Лоббс.

– Как?.. как?.. – загорланил старик Лоббс, задыхаясь от припадка неистовой злобы, – и вы осмеливаетесь говорить мне это в глаза, пустозвонный болван? Да я задушу... я... я...

Как знать? Быть может, старик Лоббс, проникнутый дикой злобой, в самом деле привел бы в исполнение эту страшную угрозу, если б, к счастью, он не был остановлен другим загадочным явлением, которого он тоже совершенно не ожидал. Двоюродный братец, выступая из другого шкафа, подошел твердым шагом к старику и сказал:

– Остановитесь, сэр. Молодой человек, руководимый благородными и великодушными чувствами, принял на себя чужую вину, в которой я откровенно готов признаться перед вами. Я люблю вашу дочь, сэр, и нарочно пришел сюда, чтоб видеться с нею.

Старик Лоббс, широко открыл глаза; но едва ли не шире вытаращил свои глаза м-р Натаниэль Пипкин.

– Так это ты?! – воскликнул Лоббс, получивший, наконец, способность говорить.

– Я, – отвечал молодой человек.

– Да ведь я же запретил тебе ходить в мой дом, давно запретил.

– Точно так, иначе – можете быть уверены – никакой бы нужды не было мне приходиться тайком к мисс Марии Лоббс, которую я обожаю.

С прискорбием должны мы сказать о старике Лоббсе, что он уже протянул свою руку на поражение влюбленного кузена; но, к счастью, в эту минуту явилась на выручку прекрасная Мария Лоббс. Заливаясь горькими слезами, она удержала раздраженного отца и бросилась к нему на шею.

– Не останавливайте его, мисс Мария, – сказал молодой человек. – Пусть он поразит меня, если хочет: моя рука ни за какие блага в мире, не подыметесь на седую голову вашего отца.

При этом кротком упреке старик отступил на несколько шагов, понурил голову и нечаянно встретился с глазами своей дочери. Я уже намекал один или два раза, что это были светленькие глазки, и влияние их оказалось весьма сильным даже теперь, когда они наполнились слезами. Избегая красноречивой мольбы этих глазок, старик Лоббс отворотил свою голову; но тут же, как нарочно, наткнулся своим взором на лицо лукавой Кэт, которая в одно и то же время боялась за своего брата и смеялась над бедным школяром, представляя из своей фигуры чудное олицетворение хитрой сирены, способной опутывать с одинаковым искусством стариков и молодых людей. Сделав ласковую гримасу, она взяла руку старика и прошептала ему на ухо какую-то загадочную тайну. Как бы то ни было, старик Лоббс улыбнулся и тут же пришел в такое трогательное умиление, что крупная слеза покатила по его щеке.

Минут через пять девицы вышли из спальни своей подруги, перемигиваясь между собой и делая чрезвычайно скромные ужимки. Мало-помалу все развеселились, и спокойствие восстановилось. Старик Лоббс набил, наконец, свою пенковую трубку и выкурил ее с таким душевным наслаждением, какого не испытывал лет двадцать сряду.

Натаниэль Пипкин, как муж благоразумный и ученый, мигом понял и сообразил, что смертный не устоит против судьбы. На этом основании он скоро подружился с отцом счастливой красавицы, а тот еще скорее выучил его курить пенковую трубку. Много лет спустя, часто сживали они вместе в садовой беседке: пили и курили, и говорили дружелюбно. Исцеленный от нежной страсти, м-р Пипкин присутствовал в качестве свидетеля при бракосочетании Марии Лоббс с её двоюродным братцем, как это значится в метрической книге приходской церкви. Из других документов почерпнули мы известие, что в ту самую ночь, когда праздновалась свадьба, Натаниэль Пипкин был посажен под арест за буйство, произведенное на улице в пьяном виде вместе с тонконогим подмастерьем старика Лоббса».

Глава XVIII

Объясняющая вкратце два пункта: во-первых, могущество истерических припадков и, во-вторых, силу обстоятельств.

После знаменитого бала на даче м-с Гонтер пикквикисты в продолжение двух суток оставались в Итансвилле, терпеливо дожидаясь известий от своего достопочтенного вождя. М-р Тоиман и м-р Снодграс должны были еще раз довольствоваться развлечениями в гостинице «Сизого медведя», между тем как м-р Винкель, повинаясь убедительным просьбам, продолжал украшать своим присутствием гостеприимный дом журналиста, посвящая все свои досуги угождениям и обществу прелестной леди. Случалось иной раз, что сам м-р Потт присоединялся к их дружелюбной беседе. Глубоко погруженный в умозрительные и практические соображения относительно сокрушения «Журавля» и всех беспокойных врагов добродетельной «Синицы», м-р Потт весьма редко с высоты своего умственного величия к общему уровню толпы; но теперь, проникнутый истинным уважением ко всем вообще сочленам учнейшего клуба, великий человек спускался довольно часто со своего возвышенного пьедестала и ходил по ровной земле, применяясь к понятиям и нравам обыкновенных смертных.

Таково было отношение журналиста к своему столичному жильцу. Однажды м-р Винкель, упоенный сознанием своего внутреннего благополучия, сидел в столовой с газетою в руках, сладко мечтая о счастье пользоваться благосклонностью хорошенькой миледи. Вдруг дверь столовой отворилась и затворилась с какою-то судорожною поспешностью, и в комнату вошел м-р Потт, красный, как изжаренный гусь. Легко представить изумление м-ра Винкеля, когда Потт, с презрением отвергнув его руку, заскрежетал зубами и прошипел задыхающимся голосом:

– Змий!

– Сэр! – воскликнул м-р Винкель, судорожно вскочив со стула.

– Змий! – повторил м-р Потт, возвышая и вместе подавляя свой голос. – Вы змий, сэр, пресмыкающийся змий!

Мудреная задача. Если не дальше как в два часа утра вы стояли с вашим приятелем на самой дружеской ноге и если потом этот самый приятель, увидевшись с вами в половине десятого, величает вас змием, пресмыкающимся змием, то, уж само собою разумеется, надобно придти к заключению, что в этом промежуточном времени случилась какая-нибудь неприятность, недоразумение, или что-нибудь в этом роде. Так, по крайней мере, думал м-р Винкель. Он бросил на м-ра Потта изумленный взгляд и старался разгадать по чертам его лица, что именно должно происходить в его душе. Но разгадать нельзя было ничего, и м-р Винкель в свою очередь сказал исступленным голосом:

– Змий, сэр! Змий, м-р Потт! Что вы под этим разумеете? Вы шутите, сэр!

– Шучу, сэр! – воскликнул м-р Потт, делая грозное движение правою рукою. – Шучу, сэр! Но нет, я буду спокоен, сэр; я буду неподвижен.

И в доказательство своего спокойствия м-р Потт упал в кресло, продолжая скрежетать зубами.

– Почтеннейший! – сказал м-р Винкель.

– Почтеннейший! – перебил м-р Потт. – Как вы смеете называть меня почтеннейшим, сэр? Как вы смеете смотреть мне прямо в глаза?

– Очень хорошо, сэр, если уж на то пошло, – возразил м-р Винкель, – как вы смеете называть меня змеей и смотреть мне прямо в лицо?

– Очень смею, потому что вы пресмыкающаяся змея, сэр.

– Докажите это, сэр! – с жаром сказал м-р Винкель. – Докажите это!

Злобная улыбка исказила лицо почтенного издателя «Синицы», когда он вынул из кармана утренний листок «Журавля». Бросая газету через стол, он указал м-ру Винкелю пальцем на какой-то параграф.

М-р Винкель взял газету и прочел: «Всем известно, что один из наших граждан, унижающий собою достоинство человека и писателя вместе, осмелился, в продолжение последних выборов, делать гласно обидные и гнусные намеки на частную жизнь и дела последнего нашего кандидата, м-ра Фицкина, который – мы смело утверждаем это – непременно добьется достойной чести быть нашим представителем». Любопытно было бы знать, что собственно хотел разуметь этот гнусный итансвилльский гражданин? Ничего, разумеется: злоба ослепила его глаза, и он – мы уверены – без всякого определенного смысла принял на себя позорную роль клеветника. Что сказал бы этот злодей, если б мы, подобно ему, забывая все условия приличия и чести, вздумали поднять завесу, которая, к счастью, скрывает его частную жизнь от общего осмеяния и позора? Что подумал бы он, если б мы решились указать и привести в известность, и объяснить факты и такие обстоятельства, которые, впрочем, без того известны всем и каждому в нашем городе, кроме этой деревянной головы, засоренной нелепейшим вздором и хламом, где нет более никакого места для светлой человеческой мысли? Что, если мы поместим на столбцах нашей газеты начало остроумного стихотворения, только-что полученного нами от одного из наших почтенных корреспондентов?

Медный лоб

О, если б знал ты, медный лоб,
Какой ты близорукий клоп
Среди своей семьи бесстыдной!
Вин-киль-киль!
Вин-киль-киль!
Ты понял бы, смешной урод,
Что ты давно двурогий крот,
Слепой к проказам мистрисс П***
Вин-киль-киль!
Вин-киль-киль!

– Что значит этот припев, сэр? – сказал м-р Потт торжественным тоном. – Не узнаете ли вы собственное имя в этом гнусном пасквиле? И какую лучшую рифму вы можете прибрать к слову урод?

– Рифму к слову урод? – воскликнула м-с Потт, предупредившая своим прибытием вероятный ответ ошеломленного пикквикиста. – Неужели ты затрудняешься, мой друг? Урод – м-р Потт: чего лучше? ха, ха, ха! – Здравствуйте, м-р Винкель: как ваше здоровье?

И с этими словами м-с Потт, озаренная радужною улыбкой, протянула свою руку молодому человеку; но лишь только взволнованный пикквикист хотел притронуться к нежным пальчикам прелестной леди, м-р Потт грозно вскочил со своего места.

– Прочь, сударыня, прочь! – закричал раздраженный издатель итансвилльской «Синицы».

– М-р Потт! – воскликнула леди.

– Несчастная! – заревел бешеный супруг. – Взгляните, сударыня, на этот пасквиль. Кто этот медный лоб? Ведь это я, сударыня, я... «медный лоб среди семьи своей бесстыдной!» Чье это имя с тремя звездочками. Ваше, сударыня, ваше!

Изрыгая таким образом бешеное пламя, м-р Потт неистово бросил к ногам своей супруги роковой листок «Журавля».

– Честное слово, сэра, – сказала изумленная м-с Потт, нагибаясь поднять листок. – Честное слово, сэра.

М-р Потт невольно вздрогнул и обомлел под влиянием подозрительного взгляда своей супруги. С этой минуты, казалось, мужество оставило его однажды навсегда.

Ничего, по-видимому, нет и быть не может страшного в этой маленькой сентенции: «Честное слово, сэра», когда вы читаете ее на бумаге; но если б вы видели и слышали, с каким ужасающим эффектом были произнесены эти три слова! М-р Потт должен был понять, что мрачные тучи собираются на домашнем горизонте и что ему не миновать свирепой грозы. О, как он проклинал себя в эту минуту.

Прочитав гнусное стихотворение, м-с Потт испустила пронзительный крик и грянулась во всю длину подле экрана у камина. Визг, топ, барахтанье руками и ногами обнаруживали красноречивейшим образом сущность её истинных чувств.

– Душенька... ангел!.. – восклицал испуганный м-р Потт, – я ведь не сказал, что верю... право, мой ангел... я... я...

Но голос несчастного супруга утонул в неистовых визгах его дражайшей половины.

– Успокойтесь, сударыня, ради Бога, умоляю вас, – сказал м-р Винкель.

Но отчаянные корчи и стоны заглушили его слова.

– Ангел мой, – говорил м-р Потт, – я сойду с ума, если ты не перестанешь. Побереги свое здоровье, душенька, для меня, сделай милость. Что из этого выйдет? Ведь нас окружают толпы народа.

Но чем усерднее умолял м-р Потт, тем сильнее развивался истерический припадок его супруги. Трудно вообразить, чего бы не сделал бедный журналист, чтоб вновь восстановить спокойствие в своем доме; но, казалось, не было впереди ни малейшей надежды. М-с Потт бесновалась все сильнее и сильнее, толпа праздных зевак собиралась под окном, и горемычный редактор «Синицы» с ужасом воображал свое окончательное падение в общем мнении итансвилльских граждан.

К счастью, однако ж, при особе м-с Потт состояла телохранительница, молодая леди, управлявшая собственно туалетом супруги журналиста; но прямою обязанностью её было угождать и потакать всем прихотям, желаниям и склонностям м-с Потт, как скоро она приходила в столкновение со своим несчастным супругом. Истерические визги на этот раз своевременно достигли до ушей молодой леди, и она опрометью бросилась на место ужасной сцены, забыв даже поправить растрепанные локоны и набросить косынку на свои плечи.

– Ах, Боже мой, Боже мой! – восклицала телохранительница, становясь на колени подле поверженной м-с Потт. – Что с вами, мой ангел, что с вами!

– Господин ваш... бездушный изверг... ох! – стонала истерическая леди.

М-р Потт, очевидно, готов был сдаться.

– Как вам не стыдно, сэра! – воскликнула телохранительница тоном смиренного упрека. – Он губит вас, сударыня, убьет, я знаю, Боже мой!

М-р Потт умилился душевно. Нападения противоположной стороны продолжались в систематическом порядке.

– О, не оставляйте... не оставляйте меня, Годвина! – бормотала м-с Потт, судорожно хватаясь за руки сердобольной леди. – Вы, только вы истинно привязаны ко мне, мой друг.

При этом трогательном воззвании Годвина приготовилась разыграть трагедию собственного изделия, и первый акт её открылся обильным пролитием горьких слез.

– Никогда, моя добрая м-с... никогда... никогда! – вопила растроганная Годвина. – Так ли, сэра, вы любите свою бесценную супругу? Стыдно вам, сэра... грешно и перед людьми,

и перед Богом. Вы не знаете, сэр, как страдают от вас! Раскаетесь, придет пора, да будет поздно: я всегда вам говорила.

Несчастный Потт и бледнел, и краснел; но еще не решился говорить.

– Годвина, – сказала м-с Потт нежным тоном.

– Сударыня, – подхватила Годвина.

– Если б вы знали, мой друг, как я любила этого человека...

– О, не надрывайте своего сердца этими воспоминаниями! – сказала телохранительница.

М-р Потт совсем растерялся и продолжал стоять, как убитый.

– И после всего этого, – рыдала м-с Потт, – он обходится со мной, как злодей, как изверг!

– Не думайте об этом, мой ангел, – утешала Годвина.

– Нет, нет, я никогда этого не забуду, – продолжала м-с Потт, бросаясь в объятия своей телохранительницы.

– Он оскорбил меня в присутствии третьего лица... в присутствии едва знакомого джентльмена. Мой брат, поручик, отомстит за меня. Нас разведут, Годвина.

– Это авось образумит его, сударыня, – сказала Годвина.

Неизвестно, какие мысли пробудились в душе м-ра Потта при этой угрозе. Не пускаясь ни в какие рассуждения относительно возможности развода с любезной супругой, он проговорил смиренным тоном:

– Выслушай меня, мой друг.

Свежий залп истерических взвизгов и рыданий служил единственным ответом со стороны м-с Потт. Несчастливая леди желала знать, зачем судьба произвела ее на свет и зачем попала она в руки безжалостному мучителю, готовому свести ее в преждевременную могилу.

– Друг мой, – продолжал м-р Потт, – ты совсем напрасно надрываешь свое сердце. Я вовсе не думаю, чтоб этот гнусный пасквиль имел какое-нибудь основание... никакого, мой ангел. Мне только досадно, могу даже сказать – обидно, что эта «журавлиная» сволочь издевается над нами. Я вовсе не хотел обвинять тебя, мой ангел.

И м-р Потт бросил умоляющий взгляд на невинную причину всей этой суматохи. Благородный пикквикист должен был забыть, что его называли пресмыкающимся змием.

– Какие же меры, сэр, вы намерены принять для уничтожения печальных последствий нанесенной обиды? – спросил ободрившийся м-р Винкель.

– Годвина, – заметила м-с Потт, – намерен ли он дать публичную пощечину редактору этой гадкой газеты? Как вы думаете, Годвина?

– Успокойтесь, сударыня, – отвечала телохранительница, – пощечина будет дана, если вы этого желаете. Непременно.

– Конечно, конечно, – прибавил м-р Потт, с удовольствием заметив, что его супруга начинает мало-помалу приходить в себя. – За пощечиной дело не станет.

– Когда-ж он это сделает, Годвина? – спросила м-с Потт, еще не совсем решаясь покончить истерическую церемонию.

– Сегодня, мой друг, прежде чем успеешь ты поужинать, – сказал м-р Потт.

– О, Годвина! – воскликнула м-с Потт, одним этим только способом может быть восстановлена моя репутация в свете. Пощечина клеветнику!

– Непременно, сударыня, – отвечала Годвина. – Какой же мужчина откажется отомстить за обиду?

М-р Потт еще раз должен был подтвердить свое торжественное обещание, так как нельзя было покамест рассчитывать на окончательное прекращение истерических припадков. Запуганная мыслью о малейшей возможности подозрения относительно нарушений супружеского долга, м-с Потт еще раз десять пыталась грянуться на мягкий ковер и непременно грянулась бы, если б усмиренный супруг каждый раз не становился на колени для испрашивания помилова-

ния. Наконец, м-с Потт совсем утомилась и, подав руку своему супругу, села за стол. М-р Винкель последовал их примеру.

– Надеюсь, м-р Винкель, что этот низкий газетчик не побудит вас сократить ваше пребывание в нашем доме, – сказала м-с Потт, улыбаясь сквозь слезы.

– Надеюсь, что нет, – проговорил м-р Потт, желавший от всей души, чтоб его гость подавился куском хлеба в ту самую минуту: других средств спровадить его со двора он не видел. – Надеюсь, что нет.

– Покорно вас благодарю, – сказал м-р Винкель, – но сегодня утром получено от м-ра Пикквика письмо, где он приглашает всех нас немедленно отправиться к нему в Бери.

– Когда-ж вы прочли это письмо? – с беспокойством спросила м-с Потт.

– Я еще был в постели, когда м-р Топман пришел ко мне с этой вестью.

– Стало-быть, вы едете? – спросил м-р Потт.

– Едем в почтовой карете.

– Но вы, конечно, воротитесь к нам? – сказала м-с Потт.

– О, непременно! – отвечал м-р Винкель.

– Вы совершенно уверены в этом? – спросила м-с Потт, бросив украдкой нежный взгляд на своего гостя.

– Совершенно уверен, – отвечал м-р Винкель.

Завтрак прошел в глубоком молчании, потому что все вообще были погружены в печальную думу. М-с Потт жалела о близкой разлуке с любезным джентльменом; м-р Потт обдумывал план относительно будущей борьбы с бесстыдным «Журавлем»; м-р Винкель досадовал в глубине души на свое неловкое и двусмысленное положение в обществе примирившихся супругов.

Пробил, наконец, желанный час разлуки. Повторив еще раз торжественное обещание воротиться при первой возможности под гостеприимную кровлю, м-р Винкель учтиво раскланялся с журналистом, пожал руку его супруге и отправился в гостиницу к своим друзьям.

– Если он еще когда-нибудь переступит через порог моего дома, я отправлю его, – думал м-р Потт, отправляясь в свой кабинет, где нужно было изострить меткую стрелу для «Журавля».

– Если еще раз когда-нибудь я вздумаю вступить в сношения с этими людьми, – думал м-р Винкель на дороге к своим друзьям, – черт побери, меня стоит тогда повесить на первой виселице. Вот все, что я скажу.

Все было приготовлено к дороге, и уже карета стояла у крыльца. Через полчаса пикквикисты катились по тем самым местам, где еще так недавно путешествовали м-р Пикквик и Самуэль Уэллер. М-р Снодграс составил поэтическое описание живописных лугов и полей, бывших предметом его тщательного наблюдения.

М-р Уэллер, стоявший у ворот гостиницы «Вестника», встретил с веселым лицом путешествующих друзей и немедленно ввел их в комнату м-ра Пикквика, где они, к величайшему изумлению, увидели также господ Труделя и Уардля. М-р Топман был, казалось, весьма неприятно поражен этою нечаянной встречей.

– Как ваше здоровье, любезный друг? – сказал старик Уардль, радушно пожимая руку м-ра Топмана. – Что прошло, то невозвратно, и тужить не стоить о том, чего говорить нельзя. Все к лучшему, м-р Топман, поверьте старику. Для неё, разумеется, я желал бы такого жениха, как вы, но спаси вас Аллах от такой невесты, как она. Право, я рад, что вы не сошлись: спасибо этому Джинглию. Вы найдете для себя помоложе и почище, любезный друг: не так-ли?

При этом утешении старик Уардль хлопнул по спине горемычного Топмана и засмеялся от чистого сердца.

– Ну, а вы как, друзья мои! – продолжал старый джентльмен, пожимая в одно и то же время руки господ Винкеля и Снодграса. – Я только что говорил Пикквику, что все мы должны собраться на святках в моем доме. Будем праздновать свадьбу, друзья мои, настоящую свадьбу.

– Свадьбу! – воскликнул м-р Снодграс, побледнев, как полотно.

– Ну да, свадьбу. Чего-ж вы испугались? М-р Трудель женится на Изабелле и больше ничего.

– Только то? – сказал м-р Снодграс, почувствовавший в эту минуту, будто гора свалилась с его плеч. – Поздравляю вас, м-р Уардль. Здоров ли Джой?

– Как откормленный бык. Спит напропалую с утра до ночи.

– А ваша матушка? пастор? все ваше семейство?

– Все здоровы, как нельзя больше.

– А где, позвольте вас спросить, – сказал м-р Топман, делая над собою некоторое усилие, – она? где, сэр?

Предложив этот вопрос, м-р Топман отворотил голову и закрыл руками лицо.

– Она! – воскликнул пожилой джентльмен, делая лукавую гримасу. – Кого ж вы разумеете, любезный друг?

М-р Топман, перегибаясь и переминаясь, должен был произнести имя прелестной Рахили.

– Её уж нет с нами, – сказал пожилой джентльмен. – Она живет у дальней родни, за несколько сот миль от Дингли-Делль. Общество молодых девиц не нравилось моей сестре, и мы снарядили ее в путь-дорогу. – Но вот готов и обед. Вероятно, вы проголодались. Садитесь, господа.

За столом м-р Пикквик, к величайшему ужасу и негодованию своих друзей, рассказал подробно историю своих несчастных походов в девичьем саду, причем все единодушно и единогласно подвергли проклятию мошенника Джингля.

– И вот, господа, – заключил м-р Пикквик, – теперь я принужден хромать на одну ногу.

– Со мной ведь тоже случилась довольно забавная история, – сказал улыбаясь м-р Винкель.

И по требованию м-ра Пикквика он представил подробности относительно гнусного пасквиля, напечатанного в бессовестной итансвилльской газете.

Чело м-ра Пикквика постепенно хмурилось и приняло самое мрачное выражение под конец неприятного рассказа. Заметив это, почтительные сочлены хранили глубокое молчание, не осмеливаясь представить с своей стороны никаких замечаний. Наконец, м-р Пикквик сжал кулак и, выразительно ударив по столу, произнес следующую речь:

– Не странно ли, господа, не удивительно ли, что судьба, по-видимому, предназначила нам везде расстраивать спокойствие честных людей, предлагающих нам гостеприимство? Отчего это происходит? Не доказывает ли это, в некоторой степени, нескромность, криводушие, наглость или, – что всего хуже, – низкую неблагодарность моих спутников, готовых бесстыдно возмущать спокойствие женских сердец под всякой кровлей, где бы им ни было оказано радушное гостеприимство? Не значит ли это, спрашиваю я...

М-р Пикквик, нет сомнения, представил бы своим сочленам образчик великолепной речи, если бы в эту самую минуту не явился в комнату Самуэль Уэллер с письмом в руках. Прерванный таким образом на самом красноречивом месте, ученый муж взял и вытер очки, надел их на нос и проговорил ласковым тоном:

– Чего вам надобно, Сам?

– Бегал сейчас на почту и получил письмо, адресованное на ваше имя, – отвечал м-р Уэллер. – Запечатано облаткой, сэр.

– Почерк незнакомый, – сказал м-р Пикквик, открывая письмо. – Великий Боже! что это такое? Ну, да... быть не может... да, да, это чья-нибудь шутка и больше ничего.

– Что это за письмо? – вскричали пикквикисты в один голос.

– Не умер ли кто-нибудь? – спросил старик Уардль, пораженный страшным беспокойством, выразившимся на лице м-ра Пикквика.

Не отвечая ничего, м-р Пикквик бросил письмо через стол и приказал Топману читать вслух. Страшно было в эту минуту смотреть на физиономию великого человека, забросившего свою голову на спинку кресел.

М-р Топман дрожащим и прерывающимся голосом начал читать следующее письмо, написанное красивым почерком:

*«Господину Самуилу Пикквику.
Корнгильское подворье. Августа 28.
Год 1827.
Вдова Бардль против Пикквика.*

Милостивый государь.

Уполномоченные вдовою м-с Мартою Бардль завести с вами тяжбу по поводу нарушения вами формального обещания вступить с нею в законный брак, мы имеем честь известить вас, что м-с Бардль полагает свои убытки в тысячу пятьсот фунтов стерлингов. Жалоба на законном основании уже поступила против Вас в Суд, где будет производиться это дело по существующим законам. Благоволите, милостивый государь, известить нас по почте об имени Вашего лондонского адвоката, которому вы имеете поручить ходатайство по вышеозначенному иску.

*С глубочайшим почтением, милостивый
государь, имеем честь быть
Вашими покорнейшими слугами,
Додсон и Фогг».*

Никакое перо не в состоянии изобразить немое изумления, с каким все почтенные гости и сочлены пересматривались друг на друга и бросали потом изумленные взоры на достопочтенного президента. У всех как будто отнялся язык, и торжественное молчание продолжалось несколько минут. М-р Топман первый начал речь:

– Додсон и Фогг! – повторил он машинально.

– Вдова Бардль и Пикквик! – сказал м-р Снодграс, погруженный в глубокое раздумье.

– Возмущать спокойствие женских сердец! – бормотал м-р Винкель с рассеянным видом.

– Это заговор, – сказал м-р Пикквик, получив способность говорить, – низкий заговор между этими алчными сутягами... как бишь их?

– Додсон и Фогг! – повторил м-р Топман.

– Бессовестные крючки! – продолжал м-р Пикквик. – Это их затеи, иначе быть не может.

М-с Бардль к этому неспособна, я в этом уверен. Сердце у неё мягкое, робкое. Смешно, право смешно!

– Ну, конечно, вы можете лучше всех судить о сердце м-с Бардль, – проговорил старик Уардль с насмешливой улыбкой. – Нет, почтеннейший, я готов присягнуть, что Додсон и Фогг получше нас с вами знают женские сердца.

– Чего-ж они хотят от меня? – сказал м-р Пикквик.

– Повыцарапать денег из вашего кармана – вот и все тут, – сказал м-р Уардль.

– Удивительная наглость! И кто слышал когда, чтобы я говорил с нею иначе, как обыкновенно говорит жилец со своей хозяйкой? – продолжал м-р Пикквик. – Кто когда-либо видел меня с нею? Даже мои друзья, почтенные члены моего клуба...

– Один раз, впрочем... – заметил м-р Топман.

М-р Пикквик изменился в лице.

– Ну, тут должна быть закорючка, – сказал старик Уардль. – Посмотрим, что такое.

М-р Топман устремил робкий взгляд на президента.

– Подозрительного, однако ж, тут ничего не могло быть, – сказал м-р Топман, – только вот видите... право, я не знаю, как это случилось! Представьте, однако ж, мы видели м-с Бардль в объятиях м-ра Пикквика.

– Силы небесные! – воскликнул м-р Пикквик, пораженный внезапным воспоминанием. – Какое страшное стечение обстоятельств! Так точно: она лежала на моих руках!

– И почтенный друг наш старался нежным голосом смягчить её горе, – сказал м-р Винкель с лукавой усмешкой.

– Правда, – сказал м-р Пикквик, – отпереться не могу.

– Ну, брат Пикквик, попался, любезнейший! – подхватил старик Уардль. – Дело принимает серьезный оборот. Ах ты, старый ловелас!

И он залился самым добродушным смехом, от которого чуть не задрожали стекла буфета.

– Страшное стечение обстоятельств, – воскликнул м-р Пикквик, облакачиваясь подбородком на свои руки. – Винкель, Топман, прошу извинить меня за выходки, обращенные мною против вас. Беру назад все свои слова. Что делать? Все мы – несчастные жертвы обстоятельств. Такова судьба!

Закрыв руками свое лицо, м-р Пикквик погрузился в глубокую думу. Старик Уардль наблюдал ужимки и косвенные взгляды пикквикистов.

– Надобно, однако ж, привести в известность это гнусное дело, – сказал м-р Пикквик, поднимая голову и ударив кулаком по столу. – Я должен увидеться с этим Додсоном и Фоггом. Еду завтра в Лондон.

– Не завтра, почтенный, – сказал старик Уардль, – ты слишком хром для езды на почтовых.

– Ну, так послезавтра.

– А послезавтра – первое сентября, и мы отправляемся на охоту в поместье сэра Джоффри Маннинга. Ты, по крайней мере, должен принять участие в нашем завтраке.

– В таком случае поездка в Лондон отлагается на два дня, – сказал м-р Пикквик. На третий будет четверг. – Самуэль!

– Что прикажете?

– Возьмите два места в дилижансе на утро четверга – для себя и для меня.

– Слушаю, сэр.

Проговорив это, м-р Уэллер выступил на улицу медленным шагом, запустив руки в карманы и устремив глаза в землю.

– Ведь вот оно, подумаешь, не было печали, да черти накачали, – говорил м-р Уэллер, отправившийся исполнять поручение своего господина. – Неужто в самом деле водились у него пашни с этой пучеглазой вдовой?.. Странные люди: всегда с ними какая-нибудь история! Впрочем, быть не может: он к этому неспособен.

И, продолжая философствовать в этом духе, м-р Самуэль Уэллер пришел, наконец, в контору дилижансов.

Глава XIX

Веселое начало и печальный конец.

Не думая и не гадая об ужасных приготовлениях, которые делал беспокойный человек на первое сентября, беззаботные птички весело встретили этот день и приветствовали общим хором тихое утро, озаренное яркими лучами солнца. Молодые куропатки извивались и порхали между колосьями сжатой нивы, предаваясь всем утехам, свойственным юным летам, между тем как старые друзья их, бросая философский взгляд на проказы юных птенцов, спокойно сидели на своих местах, согревая свою кровь под влиянием живительных лучей. Спокойные настоящим, невинные птенцы отнюдь не предчувствовали ужасной судьбы, уже тяготеющей над их головами. Счастлирое неведение! Не часто ли и мы... мы, которые... но это вздор: обратимся к делу.

На простом языке это значит, что наступило превосходное редкое утро, так что никто не мог подумать, что уже совсем пролетело английское лето. Заборы, поля, деревья, долины представляли очарованному глазу разнообразные переливы глубокой, роскошной зелени: ни один листок не пожелтел, не упал на мягкую землю, и не было нигде ни малейших признаков осенних опустошений. Солнце горело ярко на безоблачном небе; воздух наполнялся пением птиц и жужжанием насекомых; сады, луга и огороды еще пестрели мириадами цветов, омытых теперь серебристою росой. Везде и на всем глубокие следы прекрасного лета, полного роскошной жизни.

Таково было утро, когда открытая коляска подкатила к воротам огороженного поля, где стояли высокий дюжий лесничий и оборванный мальчишка в кожаных штанах. В коляске сидели пикквикисты, – за исключением м-ра Снодграса, который предпочел остаться дома, – м-р Уардль и м-р Трундель. Самуэль Уэллер вместе с кучером заседал на козлах.

Лесничий и мальчишка, сопровождаемые парой лягавых, держали на своих плечах кожаные мешки огромного размера.

– Неужели, – шепнул м-р Винкель на ухо старику Уардлю, – неужели они думают, что мы наполним до верха эти огромные мешки? Где взять столько дичи?

– Вот забавный вопрос! – воскликнул старик Уардль. – Дичи пропасть в этих местах, была бы охота стрелять. Вы наполните один мешок, а я другой, и если не хватит места, можно, пожалуй, поместить целую дюжину в кармане наших охотничьих сюртуков.

М-р Винкель, выходя из коляски, не считал нужным представить особых замечаний на этот ответ; но он думал про себя: – «Если эти ребята будут ждать на открытом воздухе, пока я наполню один из этих мешков, им придется, без всякого сомнения, нажать такую лихорадку, от которой не вылечит их ни один доктор в мире».

– Цсс, «Юнона», цсс, «Старая-Девчонка»; лежать, «Дафна», лежать, – говорил м-р Уардль, лаская лягавых собак. – Сэр Джоффри еще в Шотландии, Мартын?

Высокий лесничий дал утвердительный ответ и взглянул с некоторым недоумением на м-ра Винкеля, державшего свое ружье таким образом, как будто оно само собою должно было выстрелить из его кармана. М-р Топман между тем с видимым опасением смотрел на курок, как будто не совсем понимая, к чему служит эта вещица.

– Мои приятели, Мартын, еще не совсем наострились в занятиях этого рода, – сказал м-р Уардль, заметив недоумение лесничего. – Век живи, век учись, – говорит пословица: немножко практики и – они сделаются чудесными стрелками. Впрочем, приятель мой Винкель уже имеет некоторый навык.

М-р Винкель улыбнулся при этом комплименте и скромно потупил глаза, причем его ружье приняло такое мистическое положение, что, будь оно заряжено, – м-р Винкель непременно пал бы мертвый на зеленую траву.

– Вы, однако ж, не извольте держать этак свое ружьецо, если будет в нем заряд, – сказал высокий лесничий довольно грубым тоном, – не то, сэр, долго ли до греха: вы как раз подстрелите кого-нибудь из нас.

Покорный этому наставлений, м-р Винкель, переменяя позу, дотронулся весьма неловко до головы м-ра Уэллера.

– Эге! – сказал Самуэль, подымая свалившуюся шляпу и потирая свой висок, – если этак все пойдет у вас, м-р Винкель, вы с одного выстрела наполните пустой мешок, да еще останется малая толика для карманов.

Здесь мальчишка в кожаных штанах залился неумолкаемым смехом, стараясь между тем смотреть на какой-то посторонний предмет, пробудивший будто бы его нескромную веселость. М-р Винкель величественно нахмурил брови.

– Куда велели вы, Мартын, принести нашу закуску? – спросил м-р Уардль.

– Я сказал, сэр, мальчишке, чтобы он притащил корзинку на Красный холм ровно в двенадцать часов.

– Что это за Красный холм? Другое поместье сэра Джоффри?

– Нет, сэр, тамошнее поле принадлежит капитану Больдвигу. Место очень спокойное: никто нам не помешает.

– Очень хорошо, – сказал старик Уардль. – Теперь, господа, чем скорее, тем лучше. Стало быть, вы, Пикквик, приедете к нам в двенадцать часов?

Однакож, м-ру Пикквику хотелось бы присутствовать на самом месте охоты, тем более, что он чрезвычайно беспокоился насчет жизни и костей своих любезных сочленов. К тому же было весьма неприятно возвратиться назад в такое прекрасное утро, обещавшее множество наслаждений на открытом поле. Поэтому ответ ученого мужа был произнесен весьма нерешительным и даже печальным тоном:

– Как же это, господа? Я ведь думал...

– Разве он не стреляет, сэр? – спросил длинный лесничий.

– Нет. К тому же он хромает на одну ногу, – отвечал м-р Уардль.

– Мне бы, однако ж, очень хотелось быть с вами вместе, господа, – заметил м-р Пикквик. Продолжительная пауза.

– Не распорядиться ли вот как, господа, – сказал мальчишка в кожаных штанах, – у нас, по другую сторону забора, есть небольшая тележка, где было бы очень удобно сидеть этому джентльмену. Его слуга может везти за нами эту тележку.

– Славно сказано, – подхватил м-р Уэллер, пламенно желавший и сам присутствовать на месте охоты. – Мальчуган, я вижу, умен как бесенок. Я пойду за тележкой.

Но здесь возникло непредвиденное затруднение. Длинный лесничий решительно протестовал против введения на сцену человека с тележкой, доказывая весьма основательно, что это будет непростительным нарушением всех правил охоты.

Нашлись, однако ж, средства победоносно отклонить возражения этого рода. Длинный лесничий облегчил свою душу, во-первых, тем, что дал сильный подзатыльник находчивому юноше, подавшему первую мысль насчет ненавистной тележки, а во-вторых – ему обещали двойную порцию водки с прибавлением двух шиллингов на похмелье. После всех этих переговоров общество двинулось с места. Лесничий и м-р Уардль пошли вперед; м-р Пикквик в маленькой тележке замыкал собой арьергард. Тележку вез, разумеется, м-р Самуэль Уэллер.

– Остановитесь, Сам! – вскричал м-р Пикквик, доехавший благополучно до половины первого поля.

– Что такое? – спросил Уардль.

– Я не двинусь с места, – сказал м-р Пикквик решительным тоном, – не двинусь с места, если Винкель будет этак нести свое ружье.

– Как же я должен нести? – спросил несчастный Винкель.

– Оборотите его дулом к земле, – сказал м-р Пикквик.

– Но это будет не по охотничьи, – возразил м-р Бинкель.

– Ничего не хочу знать, – отвечал взволнованный м-р Пикквик, – у меня вовсе нет охоты отправиться на тот свет из за соблюдения ваших охотничьих приличий.

– Готов биться об заклад, что первый выстрел этого джентльмена обрушится на нашу голову, – проворчал долговязый лесничий.

– Ну, что за вздор... право! – говорил бедный Винкель, оборачивая свое ружье дулом в землю.

– Нечего теперь бояться за свои кости, – заметил м-р Уэллер.

И тележка опять двинулась вперед.

– Остановитесь! – сказал м-р Пикквик, проехав не более десяти шагов.

– Что еще? – спросил Уардль.

– Топмана ружье грозит бедой, – сказал м-р Пикквик, – я это вижу.

– Какой бедой! – воскликнул м-р Топман.

– Вы можете застрелить кого-нибудь из нас. Послушайте, господа, мне очень совестно; но я принужден заметить опять, что не двинусь с места, если Топман не согласится держать свое ружье так же, как Винкель.

– Я готов, сэр, подать вам такой же совет, – сказал лесничий, – или вы можете всадить пулю в свой собственный жилет.

М-р Топман, с обязательной поспешностью, повернул свое ружье, и успокоенное общество снова двинулось вперед.

Вдруг собаки остановились, как вкопанные, и вместе с ними остановился лесничий.

– Что с ними сделалось? – шепнул м-р Винкель. – Как странно они стоят!

– Молчите, – сказал Уардль, – разве вы не видите, что они указывают?

– Указывают! – повторил м-р Винкель и тут же принялся озира́ться вокруг, ожидая увидеть где-нибудь прекрасный ландшафт, на который по его соображениям, должны были указывать чуткие собаки. – Ничего не вижу, право. На что-ж они указывают?

Послышался резкий внезапный шум, заставивший м-ра Винкеля отскочить назад, как будто он боялся застрелить себя. – Бац – бац! Дым выпорхнул из двух ружей и рассеялся в воздушном пространстве.

– Где они? – закричал м-р Винкель, суетливо осматриваясь во все стороны и перебегая от одного места к другому. – Где они? Скажите, куда мне палить. Где они, пострел их побери, где они?

– Где они! – сказал Уардль, поднимая двух птиц, положенных собаками у его ног. – Как где? Вот они.

– Нет, нет, я говорю про других! – кричал отуманенный м-р Винкель.

– Ну, тех уже не догнать нам с вами, – холодно сказал Уардль, заряжая опять свое ружье.

– Минут через пять, я полагаю, налетит другая стая, – сказал длинный лесничий, – если этот господин теперь же начнет спускать курок, ружье авось выстрелит у него в самую пору.

– Ха! ха! ха! – залился м-р Уэллер.

– Самуэль, – сказал м-р Пикквик, бросая сострадательный взгляд на несчастного сочлена, приведенного в крайнее смущение нескромными выходками.

– Что прикажете, сэр?

– Перестаньте хохотать.

– Слушаю, сэр.

И м-р Уэллер, поджав живот, принялся выделывать позади тележки самые уморительные гримасы к величайшему наслаждению мальчишки в кожаных штанах, который без церемонии принялся хохотать во все горло, за что и получил толчок от долговязого лесничего, воспользовавшегося этим случаем, чтобы скрыть свою собственную неудержимую веселость.

– Bravo, любезный друг! – воскликнул старик Уардль, обращаясь к м-ру Топману, – вы-таки выстрелили на всякий случай.

– О, да, – отвечал м-р Топман, проникнутый сознанием собственного достоинства, – я выстрелил!

– И очень хорошо. В другой раз, авось, попадете во что-нибудь, если пристальнее будете смотреть. Не мудрено ведь?

– Совсем не мудрено, – сказал м-р Топман, – только я чуть не отскочил назад, когда прикладом ударило меня в плечо. Я вовсе не думал, чтобы могли так брыкаться эти огнестрельные штучки.

– Ничего, любезный друг, скоро привыкнете, – сказал улыбаясь старый джентльмен. – Ну, теперь в поход. Что тележка?

– Готова, сэр.

– Пошевеливайтесь.

– Держитесь крепче, сэр, – сказал Самуэль, принимаясь за свое дело.

– Держусь, – отвечал м-р Пикквик.

И общество скорыми шагами пошло вперед. Раз только должны были они остановиться у плетня при переправе на другое поле. С помощью своих учеников м-р Пикквик благополучно перелез через плетень, и еще благополучнее м-р Уэллер перебросил походную тележку.

– Теперь, м-р Винкель, – сказал старик Уардль, – советую вам идти подле меня. Смотрите, не опоздайте в другой раз.

– Нет, уж теперь не опоздаю, – сказал м-р Винкель. – Что? Не указывают ли они?

– Покамест еще нет. Идите тише.

Все было тихо и спокойно, если бы м-р Винкель производя какую-то запутанную эволюцию со своим ружьем, не выстрелил совсем нечаянно в одну из критических минут через голову мальчишки, в то самое место, где мог бы быть мозг длинного лесничего, если бы он подвернулся вместо вертлявого мальчика.

– Какой черт надоумил вас на эту штуку? – сказал старик Уардль, когда птицы, без малейшего вреда, разлетелись по воздушному пространству.

– В жизнь не видал я такого гадкого ружья, – отвечал бедный Винкель, с недоумением и досадой рассматривая курок, как будто в устройстве его заключалась какая-нибудь важная ошибка. – Оно стреляет само собою, провал его возьми!

– Само собою! – повторил Уардль сердитым тоном. – Этак, пожалуй, оно само собою убьет кого-нибудь из ваших рук.

– Этого, авось, нам недолго дожидаться, – заметил долговязый лесничий пророческим тоном.

– Что вы хотите сказать этим? – сердито спросил м-р Винкель.

– Ничего, сэр, будьте спокойны, – отвечал лесничий, – я человек одинокий, а мать этого мальчика исходатайствует пенсию от сэра Джоффри, если сын её будет убит на его земле. – Заряжайте свое ружье, сэр, заряжайте.

– Отнимите у него ружье! – закричал м-р Пикквик из своей тележки, пораженный ужасом при этих мрачных предсказаниях лесничего. – Эй, кто-нибудь! Отнимите у него ружье!

Никто, однако ж, не хотел повиноваться грозному приказанию ученого мужа. М-р Винкель бросил на него возмущенный взгляд и спокойно зарядил ружье. Общество опять пошло вперед.

Основываясь на записках м-ра Пикквика, мы обязаны здесь довести до сведения читателей, что м-р Топман вообще обнаружил в настоящем случае гораздо более проникательно-сти и благоразумия, чем м-р Винкель, что, впрочем, отнюдь не может относиться к унижению достоинств этого последнего джентльмена. М-р Винкель исследовал полевое искусство со всех сторон и справедливо заслужил в этом отношении громкую известность; но м-р Пикквик осно-

вательно замечает, что теория и практика – две вещи совершенно разные и нередко даже противоречащие одна другой. Дознано с незапамятных времен продолжительным рядом веков, что многие отличные философы, яркие светила мудрости на её теоретическом горизонте, оказывались совершенно неспособными для практической жизни.

Процесс м-ра Топмана, подобно многим возвышенным открытиям, был сам в себе чрезвычайно прост и ясен. С быстротой и проницательностью гениального человека, он вдруг понял и сообразил, что надобно в настоящем случае держаться двух существенных пунктов: должно, во-первых, палить таким образом, чтобы не сделать вреда своим собственным костям, и во-вторых, палить так, чтобы не было никакой опасности для присутствующих. При соблюдении этих двух условий, остаётся только – зажмурить глаза как можно крепче и выпалить на воздух.

Случилось однажды, что м-р Топман, после успешного выполнения всех этих условий, открыл глаза и увидел в воздухе застреленную куропатку, падавшую на землю. При этом он уже хотел принести обычное поздравление м-ру Уардлю, как вдруг этот джентльмен, подбежав к нему, с жаром схватил его руку.

– Это вы, Топман, подстрелили? – вскричал м-р Уардль.

– Нет, – сказал м-р Топман, – нет!

– Не запирайтесь, Топман, вы... вы... я видел собственными глазами, я наблюдал, как вы метили, и могу вас уверить, лучший охотник в мире не обнаружит высшего искусства. А я, скажите пожалуйста, воображал, что вы совершенный новичок в этом деле. Нет, Топман, теперь меня не проведете.

Напрасно м-р Топман протестовал с улыбкой самоотвержения, что он не брал ружья в руки до этой поры: эта самая улыбка служила, некоторым образом, обличием в притворстве. С этой минуты слава м-ра Топмана утвердилась на прочном основании однажды навсегда.

Нам известно из достоверных источников, что многие блестящие славы в этом подлунном мире приобретаются с такою же легкостью, с какою м-р Топман, зажмурив глаза, подстрелил легкомысленную куропатку. Это в скобках.

Между тем м-р Винкель надувался, пыхтел и кряхтел, не отличившись во все время ни одним знаменитым подвигом, достойным внесения в памятную книгу. Заряды его иной раз летели к облакам без всякой определенной цели, и в другой – направлялись по низменным пространствам, подвергая опасности жизнь двух лягавых собак. Как фантастическая стрельба, подчиненная порывам поэтического вдохновения, экзерсция м-ра Винкеля была, конечно, интересна и в высшей степени разнообразна, но во всяком случае не имела никакой важности, как занятие, обращенное на предмет житейский. Пуля, говорят, виноватого находит всегда, и это едва ли не аксиома в стратегическом искусстве. Принимая в соображение это обстоятельство, мы невольно придем к заключению, что куропатки, в которых метил м-р Винкель, ни в чем не провинились перед его особой.

– Ну что, – сказал м-р Уардль, подходя к миниатюрной тележке и отирая пот со своего веселого чела, – жаркий день, а?

– Да, да, – сказал м-р Пикквик, – солнце прожигает насквозь даже меня. Не понимаю, как вы переносите этот зной.

– Жарко, нечего сказать. Теперь, я думаю, уж слишком двенадцать. – Видите вы этот зеленый холм?

– Вижу.

– Там мы станем закусывать, и вон уж, кажется, мальчишка притащил корзину. Аккуратен, пострел, как часовая стрелка.

– Славный парень, – сказал м-р Пикквик с радостным лицом. – Я подарю ему шиллинг. Ну, Самуэль, пошевеливайтесь.

– Держитесь крепче, – отвечал м-р Уэллер, обрадованный перспективой угощения. – Прочь с дороги, кожаный чертенок. «Если ты ценишь во что-нибудь мою драгоценную жизнь,

не опрокидывай меня, болван», как говорил своему кучеру один джентльмен, когда везли его в Тайберн⁵.

И, ускорив свой бег до лошадиной рыси, м-р Уэллер мигом привез своего господина на зеленый холм, где стояла красивая корзинка, которую он и начал развязывать с величайшей поспешностью.

– Пирог с телятиной, – сказал м-р Уэллер, рассуждая сам с собой, при разгрузке корзинки. – Хорошая вещь – этот пирог с телятиной, если леди, которая готовила его, знает, что это не кошка; а я уверен, что знает. Оно и то сказать, теленок почти все то же, что котенок, и сами пирожники иной раз не видят тут ни малейшей разницы.

– Вы это почему знаете? – спросил м-р Пикквик.

– Еще бы! Я ведь, сэр, прошел, что называется, сквозь огонь и воду на своем веку! – отвечал м-р Уэллер, притронувшись к полям своей шляпы. – Однажды, сэр, имел я честь квартировать в том же доме, где жил пирожник со своим подмастерьем. Был он, что называется, забубенный малый и мастачил пироги из всякой дряни. Раз как-то прихожу я к нему в пекарню, когда уж мы с ним стояли на короткой ноге, прихожу да и говорю: – «Здравствуйте, м-р Брукс». – Здравствуйте, м-р Уэллер, – говорит он. – «Как много у вас кошек, м-р Брукс!» – говорю я. – Да, таки нешто, есть малая толика, – говорит он, – разводим с успехом. – «Должно быть, вы очень любите кошек?» – говорю я. – Нет, – говорит он, подмигивая мне, – другие джентльмены их любят. Теперь, впрочем, мы приберегаем их к зиме. – «К зиме!» – говорю я. – Да, – говорит он, – к зиме, м-р Уэллер: осенью мясо не в ходу. – «Как? – говорю я, – что вы под этим разумеете, м-р Брукс?» – Разумею? – говорит он, – мясники, видите ли, большие скалдырники: я не имею с ними никакого дела. Посмотрите, м-р Уэллер, – говорит он, крепко пожимая мою руку, – вы человек добрый, м-р Уэллер: сора из избы не вынесете, а ведь, сказать вам по секрету, все эти пирожки начинены кошачьими кишками. Эти благородные зверьки заменяют у меня телятину, баранину, зайчину иной раз, смотря по обстоятельствам. Бифстекс, котлеты, жареные почки, соусы с трюфелями: все это готовится у меня из кошачьего мяса, м-р Уэллер. Джентльмены кушают, облизываются да похваляют, а я себе и в ус не дую!

– Должно быть, он большой пройдоха, этот Брукс! – сказал м-р Пикквик, подернутый легкою дрожью.

– Да, сэр, большой мошенник! – отвечал м-р Уэллер, продолжая опоражнивать корзинку. – Пирожки у него – что в рот, то спасибо: деликатес! Копченый язык... ну, и это не дурно, если только не женский язык. Хлеб, ветчина, холодная говядина в кусках – очень хороша. – А что в этих кувшинах, мальчуган?

– В одном пиво, – отвечал черномазый мальчишка, снимая с своих плеч два больших кувшина, перевязанных ремнем, – в другом – холодный пунш.

– Вот этого только и недоставало на тощий желудок, – сказал м-р Уэллер, обозревая с видимым удовольствием лакомые блюда, расставленные в правильной перспективе на зеленой траве. – Ну, джентльмены, милости просим за работу.

В другом приглашении не оказалось нужды. Проголодавшиеся джентльмены, вооруженные вилками и ножами, окружили разгруженную корзинку, между тем как м-р Уэллер, долговязый лесничий и двое мальчишек, уселись на траве в недалеком расстоянии. Старый развесистый дуб представлял очаровательный приют для этой группы, тогда как перед глазами её на огромное пространство расстилались зеленые луга, украшенные по местам разрастающимся лесом.

– Как здесь хорошо, Боже мой, как здесь хорошо! – воскликнул м-р Пикквик, высвободившийся наконец из-под жгучего влияния солнечных лучей, запечатлевших яркие признаки загара на его выразительном лице.

⁵ Tyburn – место верстах в двадцати от Лондона, где прежде совершались казни. *Прим. пер.*

– Да, любезный друг, здесь очень недурно, – сказал старик Уардль. – Не угодно ли стакан пунша?

– С величайшим удовольствием.

И это удовольствие яркими чертами изобразилось на щеках ученого мужа, когда он опорожнил свой стакан.

– Хорошо, – сказал м-р Пикквик, облизывая губы, – очень хорошо. Не мешает еще стаканчик. Прохладно, очень прохладно... Ну, господа, – продолжал м-р Пикквик, нагибая кувшин с холодным пуншем, – я намерен теперь предложить тост за здоровье наших друзей на Дингли-Делль. Да здравствуют красавицы Дингли-Делль!

Тост был принят с громкими рукоплесканиями.

– Знаете ли, что я выдумал, господа, – сказал м-р Винкель, посылая в рот кусок ветчины. – Я привешу к столбу застреленную куропатку и буду в нее стрелять, отступив сперва только на два шага и потом постепенно увеличивая пространство. Это будет превосходная практика, и вперед, вы увидите, что я не сделаю ни одного промаха.

– На своем веку, сэр, – перебил м-р Уэллер, – я знал одного джентльмена, который именно, как изволите говорить, начал стрелять в двух шагах; только после первого выстрела птица его совсем пропала, так что не доискались от неё ни одного пера.

– Самуэль, – сказал м-р Пикквик.

– Что прикажете?

– Вы сделаете хорошо, если оставите свои анекдоты до другого времени.

– Слушаю, сэр.

Здесь м-р Уэллер принялся моргать обоими глазами с таким уморительно-остроумным искусством, что мальчишки, поджав животы, должны были прикинуть к земле своими головами. Сам степенный лесничий не мог никаким образом скрыть от взоров публики своих веселых улыбок.

– Да, господа, превосходный пунш, – сказал м-р Пикквик, искоса поглядывая на кувшин, наполненный живительной влагой. – Всего лучше то, что он холоден: в жаркий день его можно употреблять вместо лимона. – Топман, любезный друг, хочешь стаканчик?

– С величайшим удовольствием.

И, выпив этот стакан вместе с любезным другом, м-р Пикквик налил еще другой, единственно для того, чтобы испробовать, не было ли в пунше лимонной кислоты, которой вообще он терпеть не мог в микстурах этого рода. Оказалось, к счастью, что лимонной кислоты совсем не было; поэтому м-р Пикквик выпил еще стаканчик за здоровье отсутствующего поэта. Затем немедленно предложил он тост во славу неизвестного изобретателя пунша.

Постоянная смена пуншевых стаканов произвела могущественное действие на организм ученого мужа. Скоро лицо его залучезарилось солнечною улыбкой, смех заиграл на его устах, и добродушная веселость заискрилась в его глазах. Уступая постепенно влиянию живительной влаги, м-р Пикквик выразил сильнейшее желание припомнить какую-то песню, слышанную им в детстве: песня вертелась на уме, но на язык никаким образом не шла; поэтому, для оживления младенческих воспоминаний, м-р Пикквик выпил еще стаканчик, уже совершенно затмивший его память. Позабыв слова песни, он разучился, по-видимому, произносить всякие слова, и язык его лепетал какие-то бессвязные звуки. Поднявшись, наконец, на ноги, для произнесения перед собранием великолепной речи, м-р Пикквик повалился в свою тележку и немедленно погрузился в глубокий сон.

Опустелые блюда были вновь уложены в корзину, ружья заряжены опять, и компания приготовилась к возобновлению охоты. М-р Пикквик сопел, кряхтел и храпел во всю носовую завертку. После бесполезных попыток вывести его из этого оцепенения, приступлено было к рассуждению: должен ли м-р Уэллер катить назад своего господина, или уж не лучше ли оставить его на этом месте вплоть до окончания охоты. Последнее мнение взяло перевес над пер-

вым. Дальнейшая экспедиция, на которую убедительно напрашивался и м-р Уэллер, должна была продолжаться не больше одного часа. Решено: оставить м-ра Пикквика в тележке и вернуть за ним при возвращении домой.

Так и сделали. Джентльмены и собаки отправились в дальнейший путь; м-р Пикквик остался один под развесистым дубом.

Не могло быть никаких сомнений в том, что м-р Пикквик будет храпеть здоровым храпом до возвращения друзей или, за отсутствием друзей, вплоть до заката солнечных лучей, и не могло быть никаких подозрений в том, что никто не возмутит здесь спокойствия его души и тела. Последний расчет не оправдался: судьба не оставила в покое ученого мужа.

Кептен Больдвиг был небольшой гордый человек, в накрахмаленном галстуке и синем сюртуке. Обозревая свои владения, кептен Больдвиг опирался правою рукою на толстую камышевую палку с медным наконечником, и позади кептена Больдвиг, на почтительном расстоянии, шли садовник и его помощник, ребята смирные и кроткие, которым кептен Больдвиг отдавал свои повеления с величавою важностью и всегда торжественным тоном, потому что сестра жены кептена Больдвиг была замужем за маркизом и дом кептена Больдвиг назывался виллой, и владения его были обширны, роскошны, славны.

Всхрапнул м-р Пикквик не больше тридцати минут, как на место его отдыха, выступая сановито и плавно, появился кептен Больдвиг, сопровождаемый двумя садовниками, которые шли сзади на почтительном расстоянии. Подойдя к развесистому дубу, кептен Больдвиг приостановился, приосанился и бросил на окрестность величественный взгляд, воображая, по-видимому, что весь этот ландшафт должен сыграть от восторга, как только удостоит его своим вниманием кептен Больдвиг. Ударив палкой по земле, кептен Больдвиг повернулся назад и позвал к себе главного садовника таким образом:

– Гонт!

– Чего изволите? – отвечал садовник.

– Выравнять и выгладить это место к завтрашнему утру, – слышите, Гонт?

– Слушаю, сэр.

– Примите меры, чтобы все здесь было в хорошем порядке, – слышите, Гонт?

– Слушаю, сэр.

– Смотреть хорошенько за браконьерами, караулить дичь, разгонять бродяг. Слышите, Гонт, слышите?

– Буду помнить, сэр.

– Прошу извинить, сэр, – сказал другой садовник, выступая вперед и отвешивая низкий поклон.

– Что вам нужно, Вилькинс? – сказал кептен Больдвиг.

– Прошу извинить, сэр, но, мне кажется, сегодня здесь были браконьеры.

– А?! – заметил кептен Больдвиг, хмуря свои брови.

– Да, сэр, были и, кажется, они обедали здесь, если не ошибаюсь.

– Будь они прокляты! – вскричал кептен Больдвиг, когда понурый взор его встретил кости и крошки, рассеянные на траве. – Вы правы: они жрали здесь. Если бы увидеть их! – продолжал кептен, вонзая в землю медный наконечник. – О, если бы я встретил здесь этих бродяг! – заревел кептен Больдвиг яростным тоном.

– Прошу извинить, сэр, – сказал Вилькинс, – но....

– Что еще? – проревел кептен Больдвиг.

И, следуя взором по указанию робкого садовника, он завидел несчастную тележку, где возлежал знаменитый основатель Пикквикского клуба.

– Экая бестия! – вскричал кептен Больдвиг, разглаживая кости м-ра Пикквика камышевою тростью. – Как вас зовут?

– Холодный пунш, – пробормотал м-р Пикквик, бессознательно поворачиваясь на другой бок.

– Как? – вскричал кептен Больдвигь.

Никакого ответа.

– Как он назвал себя?

– Пунш, кажется, – отвечал Вилькинс.

– Какова наглость! – сказал кептен Больдвиг. Каково гнусное бесстыдство! И он приотворяется, будто дрыхнет! Этот наглый плебей просто пьян! Прочь его, Вилькинс, прочь его, отсюда!

– Куда-ж мне его девать, сэр? – робко спросил Вилькинс.

– К чорту на кулички! – отвечал кептен Больдвиг.

– Слушаю, сэр, – сказал Вилькинс.

– Остановитесь! – проревел кептен Больдвиг.

Вилькинс остановился.

– Отвезти его на скотный двор и подождать пока проспится. Увидим, какой он пунш. Он не застрашает меня... да, не застрашает! Тащите его!

И м-р Пикквик, повинувшись настоящему приказанию, покатился к жилищу джентльменских скотов. Кептен Больдвиг, раздутый негодованием, продолжал свою прогулку.

Невыразимо изумились пикквикисты и спутники их, когда, после возвращения с охоты, должны были увидеть, что м-р Пикквик исчез, не оставив по себе никаких следов, – исчез, унеся с собою походную тележку. Случай необыкновенный, обстоятельство непостижимое, тайна неразгаданная! Как? Хромой старичек, погруженный в глубочайший сон, не только убрался с собственными ногами, но даже угораздился, забавы ради, утащить с собою походную тележку! Чудо неслыханное, невиданное! Напрасно осиротелые джентльмены, все вообще и каждый порознь, шарили по всем углам и закоулкам; аукали, кричали, свистели, смеялись, звали, хохотали: напрасный труд! Сгинул м-р Пикквик, и нигде не оказывалось следов миниатюрной тележки. После всех этих бесполезных поисков, продолжавшихся несколько часов, надлежало придти к печальному заключению, что обратное путешествие домой должно быть совершено без ученого мужа.

М-р Пикквик между тем благополучно прикатился на скотный двор и продолжал храпеть в своей тележке, к невыразимой потехе и наслаждению не только всех деревенских мальчишек, но и трех четвертей народонаселения, обступившего сарай в ожидании пробуждения забавного арестанта. Легко вообразить, во сколько тысяч раз увеличился бешеный восторг этой толпы, когда, наконец, м-р Пикквик, открыв глаза, машинально произнес:

– Самуэль! Самуэль!

Не получив ожидаемого ответа, он сел в своей тележке и устремил остолбенелый взор на сотни окружавших его лиц.

Общий гвалт служил сигналом его пробуждения и, когда м-р Пикквик невольно спросил: «Что тут такое?» – толпа заревела громче и дружнее.

– Потеха, ребята! – закричали сотни голосов.

– Где я? – воскликнул м-р Пикквик.

– На скотном дворе, – отвечала толпа.

– Когда я сюда попал? Что я делал? Откуда меня привезли?

– Больдвигь – кептен Больдвиг, – был единственный ответ.

– Дайте мне выйти, – кричал м-р Пикквик. – Пустите меня. Где мой слуга? Куда девались мои товарищи?

– Ура! Ура!

И с этим залпом восклицаний на несчастную голову м-ра Пикквика посыпались куски репы, моркови, картофеля, яиц и многие другие веселые подарки.

Как долго могла бы продолжаться эта сцена и какие терзания претерпел бы м-р Пикквик, – никто сказать не в состоянии; но, к великому его благополучию, среди улицы вдруг остановилась джентльменская коляска, обратившая на себя внимание толпы. Из коляски мигом выскочили старик Уардль и м-р Самуэль Уэллер. Первый, с быстротой мысли, подскочил к президенту Пикквикского клуба и втащил его в коляску, между тем как Самуэль Уэллер совершил победоносную борьбу с коренастым сторожем.

– Судью зовите! – кричали двенадцать голосов.

– Да, зовите его, черт вас побори! – сказал Самуэль Уэллер, занимая свое место на козлах. – Скажите ему поклон от м-ра Уэллера и объявите, что я приколотил сторожа! Прибавьте, что завтра я возвращусь и задам ему новую потасовку, если он этой не удовольствуется. Ну, приятель, поворачивайся! – сказал он кучеру.

– Надобно сделать распоряжения для начатия процесса с этим кептеном Больдвигом, – сказал м-р Пикквик, когда коляска выехала из деревни. – В первый же день по приезде в Лондон подам на него жалобу.

– Но ведь мы охотились на чужой земле, – заметил м-р Уардль.

– Какая мне нужда!.. а я все-таки подам просьбу.

– Нельзя.

– Отчего же? Непременно подам, и лишь толь....

Но, взглянув на веселую физиономию Уардля, м-р Пикквик приостановился и потом прибавил: – почему не подать?

– Потому, любезный друг, что мы слишком много выпили холодного пунша на чужой земле, – проговорил старик Уардль, заливаясь громким смехом.

– Будь, что будет, – м-р Пикквик улыбнулся, улыбка превратилась в смех, за смехом последовал хохот, – и вдруг вся компания захохотала во все горло. Для восстановления общего веселья путешественники завернули по дороге в деревенский трактир и заказали дюжину стаканов пунша с араком и лимоном, в ознаменование блистательной победы м-ра Уэллера.

Глава XX

Объясняющая знаменитую личность господ Додсона и Фогга и веселые забавы их конторщиков, с подробным описанием трогательного свидания между мистером Уэллером и почтенным его родителем, о котором уже давно не было ни слуха, ни духа.

В одно прекрасное утро, на одном из отдаленных концов Корнгилля, в нижнем этаже грязного и закоптелого здания, заседали четыре клерка господ Додсона и Фогга, знаменитых стряпчих в суде королевской скамьи и в высшем суде. Небесный свет и яркое сияние солнца были столько же доступны для этих господ, сколько для человека, посаженного среди белого дня на дно глубокого колодца, откуда, однако ж, он мог на досуге считать звезды и производить астрономические наблюдения, чего никаким способом не могли делать конторщики господ Додсона и Фогга.

Конторой была грязная, темная, сырая и затхлая комната с высокой деревянной перегородкой, скрывавшей клерков от наблюдения любопытных взоров. Между множеством других интересных предметов постороннему зрителю бросались в глаза два оборванные кресла, гремучие стенные часы, адрес-календарь, вешалка для шинелей, гвозди для шляп и с полдюжины полок, на которых красовались огромные связки пыльной бумаги, и несколько разнокалиберных бутылок с чернилами. Сюда-то, по воле неумолимой судьбы, явились, наконец, м-р Пикквик и верный его слуга. Это было в пятницу поутру, на другой день после событий, описанных нами в последней главе.

М-р Пикквик и Самуэль Уэллер постучались в стеклянную дверь.

– Кто там? Войдите! – закричал голос изнутри.

М-р Пикквик и Самуэль Уэллер вошли.

– Дома ли, сэр, господа Додсон и Фогг? спросил м-р Пикквик ласковым голосом, подвигаясь, со шляпою в руках, к деревянной перегородке.

– М-ра Додсона нет дома, а м-р Фогг занят своими делами, – отвечал голос за перегородкой.

И в то же время голова, которой принадлежал голос, украшенная пером за левым ухом, взглянула через перегородку на м-ра Пикквика.

Это была шершавая, ярко лоснящаяся, напомаженная голова с волосами песочного цвета, разделенными на два неправильные полукруга. Лицо её украшалось парой крошечных глаз и грязными воротниками туго-накрахмаленной рубашки.

– М-ра Додсона нет дома, а м-р Фогг занят своими делами, – повторил человек, которому принадлежала напомаженная голова.

– Когда воротится м-р Додсон? – спросил м-р Пикквик.

– Не могу сказать.

– Скоро ли м-р Фогг покончит занятие своими делами?

– Не могу знать.

Затем напомаженный человек принялся с великим глубокомыслием чинить свое перо, тогда как другой конторщик, продолжая готовить для себя в двух стаканах содовую воду, бросал на него одобрительную улыбку.

– Я подожду, – сказал м-р Пикквик.

На это не последовало никакого ответа. М-р Пикквик сел без приглашения и начал от безделья прислушиваться к бою стенных часов и шумному разговору клерков.

– Весело было? – спросил один из этих джентльменов в сером фраке с медными пуговицами и широких штанах чернильного цвета. Вопрос был, очевидно, вызван продолжавшимся повествованием о приключениях прошлой ночи.

– Демонски весело, – отвечал другой джентльмен, разводящий соду. – Кутили напропалую.

– Том Кумминс был президентом, – сказал джентльмен в сером фраке. – Нализались все. Я воротился домой в половине пятого и был так пьян, что никак не мог доискаться ключа в своем кармане. Спасибо уж кухарка вышла навстречу и отперла мою комнату, не то пришлось бы растянуться у порога. Желал бы я знать, что сказал бы на это старик Фогг? Ведь пришлось бы, я думаю, отваливать на попятный двор, если б он пронюхал эту проделку.

Дружный хохот служил ответом на это замечание юмористического свойства.

– У Фогга сегодня поутру была потеха своего рода, когда Джак сортировал наверху бумаги, а вы уходили со двора, – сказал серофрачный человек. – Фогг, извольте видеть, перечитывал здесь письма, полученные с последней почтой, и вот вдруг вламывается в дверь этот голоштанник... как бишь его?... ну, тот, против которого мы настрочили бумагу в Кемберуэлль?

– Рамси, – сказал клерк, говоривший с м-р Пикквиком.

– Ну, да, Рамси, ведь он обил у нас пороги. – «Что скажете, сэр?» – говорит Фогг, взглянув на него исподлобья, – ведь знаете, как он смотрит. – «Деньги, что ли?» – Да, говорит Рамси, – принес деньги вам, сэр, все сполна. Долг мой: два фунта десять шиллингов, да протори, по вашим словам, стоят три фунта пять шиллингов: вот вам вся сумма, – продолжал он вынимая с глубоким вздохом денежный сверток из своего кармана. Старик Фогг взглянул сперва на деньги, потом на Рамси, и потом кашлянул три раза: – вы знаете, как он кашляет. Ну, думаю себе, – быть тут чуду. – «Вы, полагаю, не знаете», – сказал он, – «что уж ведь подано ко взысканию против вас, и это, естественным образом, должно увеличить издержки». – Как это можно! – сказал Рамси, отскакивая назад, – срок только-что кончился вчера вечером. – «Знаю», – сказал Фогг, – «бумагу мы отправили сегодня поутру. Джаксон ведь отнес ее в суд, м-р Викс?» – Разумеется, я сказал, что отнес. – Старик Фогг кашлянул опять и взглянул на Рамси. – Боже мой, – сказал Рамси, – сколько трудов мне стоило скопить эти деньги – и вот опять не впрок! – этак можно с ума сойти. – «Не сойдете», – сказал Фогг холодным тоном, – «ступайте-ка лучше домой и зацепите еще малую толику». – Да где же бы я взял? Нет у меня ни пенни в целом доме! – вскричал Рамси, ударив кулаком по столу. – «Послушайте, сэр, вы пришли сюда, конечно, не затем, чтоб делать грубости у меня в канцелярии!» – сказал Фогг притворно сердитым тоном. – Я вам не делаю никаких грубостей, – сказал Рамси. – «Вы грубиян, сэр», – сказал Фогг, – «извольте убираться вон и приходите в канцелярию, когда научитесь вести себя как прилично порядочному джентльмену». Рамси пытался было еще что-то сказать, но Фогг не хотел больше слушать. Бедняга взял свои деньги и вышел из канцелярии. Лишь только затворилась дверь, старик Фогг повернулся ко мне с веселой улыбкой и вынул бумагу из кармана. – «Вот вам, говорит, – наймите, извозчика и скачите в палату, как можно скорее. Протори мы выручим сполна со включением законных процентов: он человек степенный, с огромной семьей, и зарабатывает около двадцати пяти шиллингов в неделю. Мы повыжмем из него все, что можно, м-р Викс. Это будет истинно доброе, христианское дело. Он человек бедный и сидит иной раз без куска хлеба со своей голодной семьей. Пусть для него этот случай послужит уроком – не входить опрометчиво иной раз в долги, когда трудно заплатить. Не так ли, м-р Викс?» И, уходя из комнаты, Фогг улыбался с таким добродушным видом, что весело было смотреть на него. Человек деловой, господа, – сказал Викс тоном величайшего удивления, – заноза, провал его возьми!

Все писаря единодушно согласились с этим мнением и нашли, что м-р Фогг – образцовый стряпчий.

– Здесь тонкий народ, сэр! – шепнул м-р Уэллер своему господину. – Сумеют и продать, и выкупить!

М-р Пикквик утвердительно кивнул головой и откашлянулся довольно громко, чтоб привлечь внимание молодых джентльменов за перегородкой. Облегчив свою душу разными замечаниями и остроумными шуточками насчет одуряченного Рамси, писаря действительно припомнили на этот раз, что в их конторе сидит незнакомый джентльмен.

– Фогг не свободен ли теперь? – сказал Джаксон.

– А вот я справлюсь, – сказал Викс, лениво вставая со своего места. – Как о вас сказать м-ру Фоггу?

– Мое имя – Пикквик, – отвечал достославный герой наших записок.

Джаксон побежал наверх и, немедленно воротившись, объявил, что м-р Фогг просит м-ра Пикквика подождать минут пять. Передав это поручение, м-р Джаксон опять уселся за стол.

– Как зовут этого джентльмена? – спросил Викс.

– Пикквик, – отвечал Джаксон, – это ответчик по делу вдовы Бардль.

Тихий шорох и напряженные усилия задушить припадок смеха, слышались из-за перегородки.

– Они, сэр, подскрывают над вами, – шепнул м-р Уэллер.

– Подскрывают надо мной! – воскликнул м-р Пикквик. – Что это значит, Сам?

Вместо ответа, м-р Уэллер указал большим пальцем через свое плечо, и м-р Пикквик, обратив в эту сторону свои глаза, с изумлением увидел, что все четыре клерка, делая самые уморительные гримасы, обзревала через ширмы до мельчайших подробностей фигуру и осанку мнимого возмутителя спокойствия женских сердец и бессовестного нарушителя нежных клятв. Пораженные, однако ж, его гневным взглядом, они бросились к своим местам, и неистовый скрип перьев возвестил начало их усердной работы.

Внезапный звон колокольчика заставил м-ра Джексона вновь отправиться в комнату Фогга. Воротившись через минуту, он объявил, что м-р Фогг может теперь принять м-ра Пикквика, если угодно ему пожаловать наверх.

Наверх пошел один м-р Пикквик, а верный слуга его остался внизу. На одной из комнатных дверей второго этажа была изображена аршинными буквами золотая надпись: «М-р Фогг». После предварительного доклада, м-р Пикквик вошел, наконец, в эту заветную дверь.

– Додсон дома? – спросил м-р Фогг.

– Дома, – отвечал Джаксон.

– Попросите его сюда.

– Слушаю.

Джаксон ушел.

– Не угодно ли вам присесть, – сказал Фогг. – Вот вам, покамест, газета: мой товарищ сейчас придет, и мы потолкуем вместе о вашем деле.

М-р Пикквик присел и взял газетный листок; но вместо того, чтоб читать, принялся осматривать делового человека. Это был высокий, худощавый, морщинистый джентльмен в черном фраке, пестрых панталонах и черных штиблетах. Казалось, что м-р Фогг всю свою жизнь питался одними овощами.

Минут через пять вошел м-р Додсон, полный, статный и весьма суровый джентльмен с грозною походкой и громким голосом. Разговор начался.

– Это м-р Пикквик, – сказал Фогг.

– А! Вы ответчик по делу м-с Бардль?

– Да, сэр, – проговорил м-р Пикквик.

– Очень хорошо, – сказал Додсон, – Что-ж вы предлагаете?

– Ну? – сказал Фогг, запуская руки в глубокие карманы своих панталон и забрасывая голову на спинку кресел. – Что вы предлагаете, м-р Пикквик?

– Пойдите, Фогг, – сказал Додсон, – пусть он сперва ответит на мой вопрос.

– Я пришел, господа, – начал м-р Пикквик, бросая кроткий взгляд на обоих дельцов, – я пришел, господа, выразить свое изумление по поводу вашего письма и спросить, на каких основаниях вы намерены действовать против меня.

– Основания... – начал Фогг, тотчас, однако ж, остановленный своим товарищем.

– М-р Фогг, – сказал Додсон, – я намерен говорить.

– Прошу извинить, м-р Додсон, – сказал Фогг.

– Что касается до этих оснований, сэр, – продолжал Додсон, придавая нравственную энергию своему голосу, – вы должны прежде всего обратиться к вашей собственной совести и к вашим собственным чувствам. Мы, сэр, мы обязаны в этом деле руководствоваться единственно показанием нашей клиентки. Это показание, сэр, главнейшим образом может и должно быть рассматриваемо с двух противоположных сторон. Оно может быть истинным, может быть и ложным; может быть вероятным или может быть невероятным; но если оно действительно содержит в себе признаки истины и вероятности, я без обиняков скажу вам, сэр, что основания наши сильны, положительны, непоколебимы. Быть может, сэр, вы злоумышленник или может быть и то, что вы просто человек несчастный; но если б, сэр, понадобилось мне, по долгу совести и чести, выразить откровенно свое мнение насчет вашего поведения, – я не колеблясь сказал бы, что мне можно в этом случае иметь одно только мнение.

Здесь м-р Додсон выпрямился с видом оскорбленной добродетели и взглянул на Фогга, который заложил руки в карманы и бросал на своего товарища одобрителный кивок.

– Без наималейшего сомнения, – подтвердил м-р Фогг.

– Позвольте, сэр, – сказал м-р Пикквик, побеждая болезненное чувство, возбужденное в нем этой сценой, – позвольте уверить вас, что в настоящем случае, когда речь идет об этом деле, я самый несчастный человек в мире.

– Очень может быть, сэр, я даже надеюсь, – отвечал Додсон. – Если вы действительно невинны в обвинении, которому подвергаетесь на законном основании, то несчастье ваше превосходит всякое вероятие, и я решительно сомневаюсь, с своей стороны, чтобы честный человек, кто бы и как бы он ни был, мог сделаться в такой степени несчастным. Что вы скажете на это, м-р Фогг?

– Мое мнение во всех пунктах совершенно согласно с вашим, – отвечал Фогг с улыбкой недоверчивости.

– Дело, сэр, начато по законной форме, и мы уже составили протокол, – продолжал Додсон. – М-р Фогг, где исходящая книга?

– Вот она, – сказал Фогг, подавая большую квадратную книгу в сафьянном переплете.

– Извольте взглянуть, – продолжал Додсон, – «Миддльсекс, августа двадцать восьмого, тысяча восемьсот двадцать восьмого года. Жалоба вдовы Марты Бардль на Самуэля Пикквика. Иск в тысячу пятьсот фунтов. Адвокаты: Додсон и Фогг». Все на законном основании, сэр.

Додсон кашлянул и взглянул на Фогга. Тот немедленно повторил:

– Все на законном основании, сэр.

И потом оба они взглянули на м-ра Пикквика.

– Стало быть, господа, – сказал м-р Пикквик, – я должен придти к заключению, что вы серьезно хотите пускать в ход это дело!

– И пустили! – отвечал Додсон с выражением, близким к улыбке. – Можете быть спокойны на этот счет: мы знаем свое дело.

– И м-с Бардль действительно требует за какую-то неустойку полторы тысячи фунтов? – сказал м-р Пикквик.

– Ни больше, ни меньше, и то потому, что мы уговорили ее снизить до этой суммы. Требование могло быть увеличено, по крайней мере, в три раза, – отвечал Додсон.

– Впрочем, м-с Бардль, если не ошибаюсь, объявила решительно и твердо, – заметил Фогг, взглянув на своего товарища, – что она не намерена спустить ни одного фарсинга.

– В этом не может быть никакого сомнения, – отвечал Додсон. – Не угодно ли, сэры, мы прикажем изготовить для вас копию с этого дела?

– Очень хорошо, господа, очень хорошо, – сказал, м-р Пикквик, поднимаясь с места и пылая благородным гневом, – я пришлю к вам своего адвоката.

– Этим вы доставите нам величайшее удовольствие, – сказал Фогг, потирая руки.

– Нам будет очень приятно, – сказал Додсон, отворяя дверь.

– Но прежде, чем я уйду, господа, – сказал раздраженный м-р Пикквик, – позвольте мне заметить, что такого гнусного и подлого дела...

– Обождите, сэры, сделайте одолжение, – перебил Додсон с величайшею учтивостью. – М-р Джаксон! М-р Викс!

– Мы здесь.

– Прошу послушать, что говорит этот джентльмен. – Теперь, сэры, не угодно ли продолжать? Сделайте милость, без церемонии. Вы, кажется, изволили говорить о каком-то гнусном и подлом деле.

– Говорил и повторяю еще, что такого гнусного и подлого дела не могло быть во всей истории английских законов! – сказал м-р Пикквик энергическим тоном. – Довольно вам этого?

– Слышали вы, м-р Викс? – сказал Додсон.

– Вы не забудете этих выражений, м-р Джаксон? – спросил Фогг.

– Слышали и не забудем, – отвечали клерки.

– Быть может, сэры, вам угодно назвать нас ябедниками? – сказал Додсон. – Назовите, если вам угодно, сделайте милость.

– Да, вы ябедники! – сказал м-р Пикквик.

– Прекрасно. Слышали вы это, м-р Викс? – спросил Додсон.

– Да, сэры, – отвечал Викс.

– Не угодно ли вам, сэры, подняться еще ступенью повыше? – прибавил м-р Фогг.

– Продолжайте, сэры, продолжайте, – говорил Додсон. Не хотели ли вы назвать нас ворами, мошенниками?

– Хотел, – отвечал м-р Пикквик. – Вы мошенники, воры!

– Или, может быть, вы намерены нанести мне личное оскорбление, задеть мою амбицию, сэры? – сказал Фогг. – Сделайте милость, не церемоньтесь: вы не встретите ни малейшего сопротивления. Пожалуйста, я прошу вас об этом.

И так как м-р Фогг, говоря это, подошел на весьма соблазнительное расстояние к сжатому кулаку ученого мужа, то, по всей вероятности, м-р Пикквик не преминул бы удовлетворить этой покорнейшей просьбе, если бы м-р Самуэль Уэллер, услышав из конторы эту суматоху, не бросился наверх и не удержал руки своего господина в самую роковую минуту.

– Постойте, – сказал м-р Уэллер, – волян, – очень хорошая игра, но вы промахнетесь, наверное промахнетесь, и вас забудут эти законники. Пойдемте домой, сэры. Если уж вам непременно хочется заушить кого-нибудь, заушите лучше меня, когда мы выйдем на свежий воздух. Амбиция тут дорого стоит.

И без дальнейших околичностей м-р Уэллер потащил своего господина вниз, откуда благополучно они выбрались на широкую улицу Корнгилля.

М-р Пикквик шел с рассеянным видом, сам не зная куда и зачем. Через несколько минут он повернул за угол, там опять за угол, и очутился в Чипсайде. Самуэль Уэллер недоумевал, зачем забрались они в эту глухую часть английской столицы. Вдруг м-р Пикквик повернулся, и сказал:

– Сам, мне надобно сейчас идти к м-ру Перкеру.

– Вам еще вчера, сэры, следовало пойти к нему. С этого нужно было начать.

– Правда, правда!

– Конечно, правда.

– Хорошо, Сам, мы пойдем вместе, только не мешало бы наперед выпить стаканчик пунша: я слишком разгорячился, Самуэль. Нет ли здесь по близости какого-нибудь трактира?

М-р Уэллер уже несколько лет сряду занимался специальным изучением Лондона. Он знал все и потому отвечал без малейшей остановки:

– Как не быть. Второй дом на правой руке, вход со двора по черной лестнице, налево в третьем этаже; перед дверью большой ларь с битой птицей. Отворите и ступайте прямо до третьей комнаты: там еще стоит большой круглый стол с переломленной ногой.

Через несколько минут м-р Пикквик и Самуэль Уэллер вошли в трактир, носивший скромное название таверны. Они оба уселись за один стол. М-р Пикквик приказал подать для себя полбутылки рома и горячей воды; Самуэлю подали кружку портера.

Комната, где они расположились, довольно темная и грязная, состояла, по-видимому, под особым покровительством людей, посвятивших свои способности кучерскому искусству, потому что за разными столами сидели пьянствующие и курящие джентльмены, очевидно, принадлежащие к ученому сословию кучеров. Между ними особенно обратил на себя внимание м-ра Пикквика пожилой краснолицый толстяк, сидевший одиноко за противоположным столом. Он курил и затягивался с величайшим аппетитом, и перед глазами его постоянно носилось облако дыма; но, когда мало-помалу дым расходился, краснолицый толстяк искоса поглядывал, то на м-ра Уэллера, то на самого м-ра Пикквика. Его лицо довольно часто опускалось в кружку портера; но после каждого глотка, он опять смотрел с каким-то острым любопытством на незнакомых джентльменов. Положив, наконец, свои ноги на стул и прислонившись спиной к стене, он вдруг начал затягиваться с решительным остервенением, и глаза его впились в фигуру Самуэля.

Сначала м-р Самуэль Уэллер не обращал никакого внимания на эволюции забавного толстяка; но заметив, что м-р Пикквик довольно часто наблюдает один и тот же предмет, он сам обратился в ту же сторону и полузаслонил рукою свои глаза, как будто желал в точности рассмотреть черты интересного предмета и увериться в его тождестве с другим лицом. Скоро, однако ж, сомнения его совсем исчезли: прогнав дуновением уст своих густое облако дыма, краснолицый толстяк пробасил охриплым, но довольно звучным голосом, который, казалось, сам собою, независимо от его воли, вытрубил из его груди, закрытой огромной шалью:

– Самми!

– Что это за человек? – спросил м-р Пикквик.

– Вот уж, сэр, чего совсем не ожидал! – воскликнул м-р Уэллер. – Ведь это старик.

– Старик! – сказал м-р Пикквик. – Какой старик?

– Мой родитель, сэр, – отвечал м-р Уэллер. – Здравствуй, старина!

И с этим изливанием сыновней нежности м-р Уэллер спешил очистить подле себя место для краснолицого толстяка, который, с трубкой во рту и пивною кружкой в руке, приветствовал своего возлюбленного сына.

– Давненько мы не видались, Самми... слишком два года. Где ты пропадал.

– Там же, где и ты, старый хрыч. – Ну, здорова ли мачеха?

– Жиреет со дня на день, провал ее возьми! – отвечал м-р Уэллер старший, принимая торжественную позу. – Послушай, Самми, друг ты мой любезный, когда я знал ее вдовой, это, что называется, была чудо в свете, а не баба: смирна, как овца, ласкова как голубь; а теперь уж не то, Самми!.. совсем не то! Она ведет себя, не как жена.

– Право? – спросил м-р Уэллер младший.

Старший м-р Уэллер покачал головой, затынулся, вздохнул и отвечал таким образом:

– Лукавый попутал меня, Самми, окаянный смутил мою душу. Бери, друг мой, пример со своего отца и не зарься на вдовиц во всю свою жизнь, особенно, если они занимались каким-нибудь ремеслом.

Передав этот родительский совет, м-р Уэллер старший снова набил свою трубку табаком из жестяной коробочки, бывшей в его кармане, и принялся затягиваться с превеликим пафосом.

– Прошу извинить, сэр, – сказал он, обращаясь, после продолжительной паузы, к м-ру Пикквику, – личности, я полагаю, здесь не имеется. Вы не женаты на вдове?

– Нет, – отвечал улыбаясь м-р Пикквик.

И покамест м-р Пикквик улыбался, Самуэль Уэллер шепнул на ухо своему отцу, в каких отношениях был он поставлен к этому джентльмену.

– Прошу извинить, сэр, – сказал м-р Уэллер старший, – надеюсь, что вы не нашли никаких художеств за моим сынишкой?

– Я совершенно доволен вашим сыном, – отвечал м-р Пикквик.

– Очень рад, сэр, очень рад, – сказал старик. – Я так и думал, сэр. Воспитание его стоило мне больших хлопот. Уже пятилетним мальчишкой он бегал у меня, где хотел, и промышлял свой хлеб, как умел. Иначе, сэр, и не должно воспитывать детей, если хотят из них сделать порядочных людей, с умением обращаться в свете.

– Опасная метода воспитания – заметил м-р Пикквик.

– И не совсем удачная, – прибавил м-р Самуэль Уэллер. – Вот еще недавно я сыграл из себя порядочного дурака.

– Кто это? – спросил отец.

Сын рассказал в коротких словах, как поймал его на удочку какой-то забулдыга, по имени Иов Троттер.

М-р Уэллер старший выслушал рассказ с величайшим вниманием, и затем, подумав с минуту, спросил:

– Этот Джингль, сказал ты, парень высокий, тонконогий, длинноволосый, ворчит скороговоркой?

– Да, да, – перебил м-р Пикквик, не дожидаясь окончания фразы.

– А у этого Троттера – огромная шершавая башка с черными волосами?

– Да, да, – подхватили в один голос м-р Пикквик и его слуга.

– Ну, так и есть, я знаю этих сорванцов, – сказал м-р Уэллер старший. – Я даже знаю, где теперь они живут.

– Где? – с живостью спросил м-р Пикквик.

– В Ипсвиче. Я вам расскажу, как это я знаю. Мне часто приходится с одним джентльменом ездить в Бери, и в тот самый день, как мы схватили ревматизм, я подрядился везти оттуда обоих этих мошенников в Ипсвич. Дорогой сказал мне этот пучеглазый болван в кофейной ливрее, что они надолго останутся в Ипсвиче.

– Очень хорошо, – сказал м-р Пикквик, – я готов преследовать его в Ипсвиче или во всяком другом месте.

– Точно ли ты уверен, дедушка, что это они? – спросил м-р Уэллер младший.

– Совершенно уверен, Самми. Наружность их, с первого взгляда, показалась мне довольно подозрительною, и к тому же удивило меня то, что слуга за панибрата обращался со своим господином. Они все смеялись и говорили, как славно удалось им поддеюлить старого воробья.

– Кого? – сказал м-р Пикквик.

– Старого воробья, сэр, должно быть, вас они и разумели.

Нельзя положительно утверждать, что титул старого воробья мог быть слишком обиден для кого бы ни было; но все же, при настоящих обстоятельствах, это был совсем не почетный титул. Принимая в соображение все оскорбления и обиды этого негодяя, м-р Пикквик энергически ударил кулаком по столу и закричал громовым голосом:

– Я буду его преследовать!

– Мне приходится, сэр, ехать в Ипсвич после завтра, – сказал старик Уэллер. – Дилижанс мой отправляется из гостиницы «Пестрого быка», что в Уайтчепле. Если вы уж непременно решились быть там, вам, я полагаю, всего лучше отправиться со мною.

– Очень хорошо; мы так и сделаем, – сказал м-р Пикквик. – Я напишу в Бери к своим друзьям, чтоб они искали меня в Ипсвиче. – Куда вы торопитесь, м-р Уэллер? Не хотите ли чего-нибудь?

– Вы очень добры, сэр... Разве выпить водки за ваше здоровье и за успех моего Самми? Так, что ли, сын мой любезный?

– Извольте, – отвечал м-р Пикквик. – Подайте нам бутылку джина.

Джин принесли. Поклонившись м-ру Пикквику и бросив одобрителный кивок на Самми, старик Уэллер залпом выпил огромную рюмку.

– Молодец ты, старичина, сказал младший Уэллер, – только не мешало бы тебе быть немножко осторожнее. У тебя, ведь, подагра, старый хрыч?

– Я нашел, друг мой, чудодейственное лекарство от подагры, – отвечал м-р Уэллер старший, опрокидывая вверх дном пустой стакан.

– Лекарство от подагры! – воскликнул м-р Пикквик, поспешно вынимая из кармана записную книгу. – Какое лекарство?

– Да вот, видите ли, в чем штука! – отвечал старик Уэллер. – Подагрой вообще называется такая болезнь, которая, говорят, происходит от слишком большого спокойствия души и комфорта в домашнем быту. Поэтому, сэр, если вам случится страдать подагрой, то женитесь как можно скорее на вдове с громким голосом и широким ртом, и у вас мигом пройдет эта болезнь. Это, сэр, превосходный и вернейший рецепт против всех болезней, которые происходят от веселой жизни. Я употребляю его чуть не каждый день, когда возвращаюсь из трактира.

Сообщив этот драгоценный секрет, м-р Уэллер старший осушил еще стакан джина, поклонился, испустил глубокий вздох и удалился медленными шагами.

– Ну, Самуэль, что вы скажете о своем отце? – спросил, улыбаясь, м-р Пикквик.

– Ничего особенного, сэр, – отвечал м-р Уэллер, – старичина коренастый.

– Что вы думаете насчет его образа мыслей?

– Я полагаю, сэр, что он гибнет несчастной жертвой супружеской жизни, как говорил один судья, подписывая смертный приговор двоеженцу.

Такое энергическое заключение не требовало ни возражений, ни объяснений. М-р Пикквик заплатил деньги и направил шаги в гостиницу «Лебедя», где жил м-р Перкер. Было уже восемь часов, когда путешествие его приближалось к концу. Типы джентльменов в грязных ботфортах и белых запачканных шляпах гуляли с большим комфортом на бульваре, и это могло служить несомненным признаком, что канцелярии деловых людей уже совершили полный круг дневных занятий.

М-р Пикквик боялся опоздать своим визитом к деловому человеку, и опасения его совершенно оправдались, когда он поднялся по крутой лестнице во второй этаж. Наружная дверь м-ра Перкера была заперта, и глубокое молчание, последовавшее за громким стуком Самуэля, свидетельствовало, что клерки разошлись из его конторы.

– Что нам делать, Самуэль? – сказал м-р Пикквик, – надобно, во что бы то ни стало, сыскать адвоката: я не сомкну глаз во всю ночь, если не буду заранее уверен, что кляузное дело поручено опытному человеку.

– Да вот, сэр, идет сюда какая-то старуха, – сказал м-р Уэллер, – может быть, она смыслит что-нибудь. – Эй, матушка! Не знаете ли, где клерки м-ра Перкера?

– Клерки м-ра Перкера, – повторила тощая и дряхлая старушонка, остановившаяся на лестнице перевести дух. – Где клерки? Нет их. Разошлись – все до одного. Я иду убирать контору.

– Вы не служанка ли м-ра Перкера? – спросил м-р Пикквик.

– Нет, я его прачка, – отвечала старуха.

– Вот что! Это, однако ж, забавно, Самуэль, – сказал вполголоса м-р Пикквик, – что старухи в этих гостиницах называются прачками. Отчего бы это?

– Оттого, я думаю, что у них смертельное отвращение к мытью и чистоте, – отвечал м-р Уэллер.

Такое предположение могло быть совершенно справедливым. Старуха, по-видимому, не имела привычки умываться каждый день, и толстые слои грязи на полу конторы, которую теперь она отворила, свидетельствовали весьма красноречиво, что мыло и вода были здесь совершенно неизвестными предметами.

– Не знаете ли вы, матушка, где мы можем найти м-ра Перкера? – спросил м-р Пикквик.

– Не знаю, – отвечала старуха брюзгливым голосом, – м-р Перкер за городом.

– Очень жаль. Где, по крайней мере, его конторщик? Не знаете ли?

– Знаю. Только конторщик не поблагодарит меня, если я скажу, где он, – отвечала прачка.

– Мне, однако ж, очень нужно его видеть.

– Приходите завтра поутру.

– Это будет поздно, матушка, – сказал м-р Пикквик.

– Ну, уж так и быть. Оно, я думаю, не будет большой беды, если я открою, где он теперь. Ступайте в трактир «Сороку» и спросите за буфетом м-ра Лоутона; вам укажут молодого красавчика: это и есть конторщик м-ра Перкера.

Самуэль Уэллер очень хорошо знал, где трактир «Сорока». Туда он и повел своего господина через лабиринт переулков и проходных дворов.

Внутренний и наружный вид «Сороки» во многих отношениях обратил на себя внимание ученого мужа. Прежде всего заметил м-р Пикквик, что в кухне «Сороки» была перегородка и что за этой перегородкой занимал себе угол починщик башмаков, откуда явствовало, что содержатель «Сороки» владел искусством выжимать копейку даже из перегородок. Не подлежало также никакому сомнению, что содержатель «Сороки» имел филантропическую душу: это доказывалось его покровительством пирожнику, который, без всякой помехи, продавал свои лакомства на самом пороге трактира. Из нижних окон, украшенных занавесами шафранного цвета, выглядывали две или три печатные карточки с известием, что почтенная публика может здесь утолять свою жажду яблочной настойкой и данцигским пивом из еловых шишек. Тут же на большой черной доске красовалась другая надпись, объявлявшая просвещенному миру, что в погребах заведения хранятся пятьсот тысяч бочек двойного портера, изготовленного по новоизобретенной методе. Носились слухи, что хозяин никому и никогда не показывал этих знаменитых погребов; но тем не менее всякий знал, что они существовали в таинственных недрах земли. Если прибавить к этому, что на воротах трактира была вывеска с изображением птицы, весьма похожей на сороку, изможденную временем и непогодой, то читатель получит удовлетворительное понятие о знаменитой таверне, посвященной вечерним вакханалиям м-ра Лоутона и его товарищей.

Когда м-р Пикквик вошел в буфет, пожилая женщина явилась из-за ширм к его услугам.

– Не здесь ли м-р Лоутон? – спросил м-р Пикквик.

– Здесь, – отвечала трактирщица. – Чарли, проводите этого джентльмена к м-ру Лоутону.

– Теперь нельзя, – отвечал рыжеватый мальчишка, – м-р Лоутон поет песню. Подождите, сэр, он скоро кончит.

Лишь только рыжеватый мальчишка проговорил эти слова, как вдруг из внутренности трактира раздались громогласные восклицания, возвещавшие об окончании песни. Оставив Самуэля услаждать досуг портером, м-р Пикквик пошел наверх, в сопровождении трактирного слуги.

– С вами желают поговорить, сэр.

Одутловатый молодой человек, занимавший первое место за столом в качестве президента, молодцовато взъерошил волосы, и взглянул с некоторым изумлением в ту сторону, откуда происходил этот доклад. Изумление это увеличилось еще более, когда взор его упал, наконец, на фигуру джентльмена, которого до той поры никогда он не видал.

– Прошу извинить, сэр, – сказал м-р Пикквик; – мне очень жаль, что присутствие мое расстроивает, некоторым образом, вашу компанию; но я пришел по особенному, весьма важному делу, не терпящему ни малейшего отлагательства. Впрочем, я задержу вас не более пяти минут и буду вам крайне обязан, если вы будете иметь снисходительность выслушать меня наедине.

Одутловатый юноша вышел из-за стола и попросил неизвестного джентльмена занять подле него место в темном углу этой залы. М-р Пикквик со всеми подробностями, от начала до конца, рассказал свою горемычную повесть.

– А! – воскликнул Лоутон, когда м-р Пикквик кончил рассказ. – Додсон и Фогг!.. – славная практика у них... – отличные юристы: знаю я этих господ. Додсон и Фогг!

М-р Пикквик согласился, что Додсон и Фогг – отличные юристы. М-р Лоутон продолжал:

– Перкера теперь нет в городе, и он воротится не прежде, как в конце будущей недели; но если вам угодно почтить меня доверенностью в этом деле, я могу сделать все необходимые распоряжения до приезда м-ра Перкера.

– Об этом-то собственно я и хотел просить вас, м-р Лоутон. Распоряжайтесь, как умеете, и, в случае надобности, пишите ко мне по почте в Ипсвич.

– Извольте, с большим удовольствием, – сказал конторщик м-ра Перкера. Заметив потом, что м-р Пикквик с любопытством посматривал на его товарищей, сидевших за столом, м-р Лоутон прибавил: – не угодно ли вам, сэр, присоединиться к нашему обществу часика на полтора? Компания у нас веселая, м-р Пикквик. Здесь главный конторщик Самкина и Грина, канцелярия Смитерса и Прайса, клерк Пимкина – чудесно поет народные песни, Джек Бембер и многие другие джентльмены, с которыми, надеюсь, вам приятно будет познакомиться, м-р Пикквик. Вы, кажется, недавно воротились из провинции. Угодно вам пожаловать?

М-р Пикквик не решился пропустить такого благоприятного случая к изучению человеческой натуры. Его представили всем веселым джентльменам, и м-р Пикквик, заняв за столом место подле президента, немедленно потребовал себе стакан холодного пунша.

Последовало глубокое молчание, совершенно противное ожиданиям ученого мужа.

– Вас не беспокоит табачный дым? – сказал джентльмен с сигарой во рту, сидевший по правую руку м-ра Пикквика.

– Нисколько, – сказал м-р Пикквик, – я очень люблю табачный запах, хоть сам никогда не курю.

– Это жаль, – заметил другой джентльмен с противоположного конца, – а я так скорее соглашусь сидеть без хлеба, чем без табаку.

Продолжительное молчание. Прибытие незнакомого джентльмена, очевидно, расстроило общую веселость.

– М-р Гронди споеет нам что-нибудь, – сказал президент.

– А может и не споеет, – сказал м-р Гронди.

– Отчего же? – сказал президент.

– Не могу, – сказал м-р Гронди.

– То есть вы не хотите, – заметил президент.

– Не хочу, – отвечал м-р Гронди.

Другая продолжительная пауза. Президент, казалось, был в большом затруднении.

– Что же, господа? – сказал он. – Никто не думает повеселить нас?

– Это ваша обязанность, господин президент, – отвечал, выходя из-за стола, молодой человек с густыми бакенбардами и косыми глазами.

– Слушайте! Слушайте!

– У меня, господа, была всего одна песня, да и ту я пропел два раза, – сказал президент. – Неужели я должен ее повторить опять?

Общее молчание заменяло на этот раз отрицательный ответ.

– Сегодня, господа, – сказал м-р Пикквик, надеясь взвести какой-нибудь интересный предмет для общих рассуждений, – сегодня вечером, господа, зашел я в такое место, которое, без сомнения, всем вам известно, но где, по стечению разных обстоятельств, не случилось мне быть уже несколько лет сряду. Я разумею гостиницу «Лебеда» и тот квартал, где она стоит. Велика и обширна британская столица, господа! Каких гостиниц не найдешь в этих захолустьях!

– Ну, теперь пойдет потеха! – сказал президент на ухо м-ру Пикквику: – вы задели за самую чувствительную струну одного из этих джентльменов, Старик Джак Бембер вечно говорит об этих гостиницах. Вы развязали ему язык.

М-р Пикквик сначала не заметил желтого, широкоплечего, низенького и сутуловатого человечка с длинным носом и карими глазами, на которого намекал м-р Лоутон. Теперь ученый муж увидел, сообразил и понял, что это был старик, странный старик. Когда он поднял свое морщинистое лицо, устремил на него острый, лукаво проницательный взгляд, м-р Пикквик не мог надивиться, каким образом сначала ускользнули от его внимания такие примечательные черты. Старик облокотился подбородком на свою длинную костлявую руку украшенную желтыми ногтями необычайной длины, склонил свою голову на один бок и дико заморгал своими карими глазами. М-р Пикквик заключил и решил, что это весьма замечательная личность.

Мы надеемся познакомить читателей с личностью Джака Бембера в следующей главе.

Часть вторая

Глава XXI

Старик Джек Бембер садится на своего любимого конька и рассказывает странные анекдоты.

– Ага! – воскликнул старый джентльмен, отрекомендованный читателю в последней главе нашего достоверного рапорта. – Ага! кто завел здесь речь о подворьях нашего квартала?

– Я, – отвечал м-р Пикквик. – Я заметил вообще, что гостиницы в этих местах должны быть очень странны.

– Вы! – сказал старик презрительным тоном. – Что-ж вы знаете, сэр, о том времени, когда молодые люди запираются в своих пустынных кельях и читают, читают и читают, час за часом, ночь за ночью, до истощения умственных сил, до затмения рассудка, в мрачном лабиринте полночных занятий, до тех пор, пока заря и утренний свет перестанут иметь живительное влияние на их здоровье, и они зачахнут жертвами чрезмерной любви к науке, под грудой старых книг и накопившихся тетрадей? Что знаете вы о постепенной гибели под бременем тифа или чахотки, которую, в другое время и при других обстоятельствах жизни, испытывал в этих же самых комнатах жалкий человек, безумно промотавший свежие силы юных лет? А сколько несчастных, думаете вы, отступило с разбитым сердцем от дверей неумолимого юриста, чтобы найти последнее убежище на дне Темзы или мрачный приют за тюремными стенами? Да, сэр, есть странные жилища в широких захолустьях британской столицы. Придайте, если можете, памяти и слова этим деревянным панелям, и вы услышите из под каждой доски тысячи ужасных повестей, тысячи романов из жизни – действительной жизни. Ничего не значит для меня все ваши легенды с ужасающими именами против одной истинной истории, взятой на удачу из воспоминаний этих старинных перегородок.

Дрожащий голос старика и дикое выражение его лица совершенно сбили с толку ученого мужа, так что на этот раз он не сделал никакого замечания в ответ на его странные речи. Довольный произведенным впечатлением, старик Бембер улыбнулся, окинул собрание торжествующим взглядом и продолжал таким образом.

– Взгляните на них с другой, гораздо более обыкновенной и не столько поэтической точки зрения: что это за скромные приюты для нуждающегося человека, который промотал свое богатство и, обманув ожидания своих друзей, вступил на дорогу, где нет для него настоящего куска хлеба! Ожидание – надежда – неудачи – страх – бедность – нищета – отчаяние, и потом – последний конец в бурных волнах или в грязном кабаке среди оборванных негодяев: какая странная, дикая и вместе разнообразная перспектива человеческой жизни!

Старик Бембер, оживленный предметом своей беседы, самодовольно потирал руками и, казалось, готов был ознакомить своих слушателей с новыми более интересными подробностями.

М-р Пикквик смотрел во все глаза и готов был слушать во все уши. Молодые люди улыбались и молчали.

– Убирайтесь вы с вашими германскими университетами и фантастическою жизнью немецкого студента, – продолжал старик Бембер, – много у нас своих романов, разыгрывающихся внутри уединенных стен: стоит только поискать!

– Вы меня изумляете, – сказал м-р Пикквик, – ни разу мне не случалось думать о романах такого рода.

– Еще бы! Разумеется, вы не думали, – отвечал старик. – Вот так-же один приятель спрашивал меня: – «Что вы находите особенного в этих комнатах?» – Комнаты довольно

странные, – говорил я. – «Совсем нет», – говорил он. – «Пустынные», говорил я. – «Ничуть не бывало», – говорил он. И вот в одно прекрасное утро, собираясь отворить наружную дверь, он умер от апоплексического удара. Он опрокинулся головою на корзинку, где лежали письма, и пробыл в этом положении восемнадцать месяцев сряду. Все думали, что он выехал из города.

– Как же его нашли? – спросил м-р Пикквик.

– Хозяин решился, наконец, выломать дверь, так как его жилец не платил за квартиру целых два года. Призвали полицию, взломали замок... и на руки дворника, отворившего дверь, шархнул сухой скелет в синем фраке, черных панталонах и шелковых чулках. Ведь это, я полагаю, довольно странно, милостивые государи, а?

И, склонив голову на бок, маленький старичок опять самодовольно начал потирать руками.

– Знаю я еще другой случай, если вам угодно послушать. Позвольте... так точно – это случилось на клиффордском подворье. Один беспокойный жилец – продувная бестия, я знал его – нанимавший для себя квартиру в верхнем этаже, вдруг задумал принять мышьяка и запереться в шкафу, который стоял в его спальне. Управляющий подумал, что жилец сбежал и немедленно прибил на воротах билет, что вот, дескать, отдаются в наймы такие-то покои. Явился новый постоялец, омеблировал пустые комнаты и расположился в них жить. День проходил у него, как-следует, в занятиях разного рода; но по ночам не смыкал он глаз в своей спальне и всегда чувствовал какое-то беспокойство. «Это, однако ж, странно, подумал он наконец, – попытаюсь спать в другой комнате, и пусть эта спальня будет моей гостиной». – Сказано, сделано. С этой поры, он ночи стал проводить спокойно, но зато никак не мог читать по вечерам. Усаживаясь в новой гостиной за своим письменным столом, он вдруг становился беспокойным, раздражительным, и беспрестанно снимал со свечи, не находя никакой возможности приковать свое внимание к перу, бумаге или книге. – «Я никак не могу раскусить этой загадки», – сказал он однажды, воротившись домой из театра и выпив стакан холодного грога. – «Не могу я раскусить этой загадки», – повторил он опять, прислонившись спиной к стене, чтобы отнять у своей фантазии силу вообразить за собой какой-нибудь посторонний предмет. В эту минуту глаза его вдруг обратились на маленький, всегда запертый шкаф, и невольная дрожь мгновенно пробежала по всему его телу, с ног до головы. – «Странное ощущение», – подумал он, – «и уж, кажется, я испытываю его не в первый раз. Неужели тут завелась какая-нибудь чертовщина? Посмотрим». – Сделав над собою значительное усилие, он взял кочергу, ударил со всего размаха в дверь – и что же? В углу шкафа, вытянувшись во весь рост, стоял последний жилец с багрово-синим лицом, исковерканным судорогами насильственной смерти. Маленький пузырек с ядом был еще крепко сжат его правою рукою.

И, окончив эту речь, старик с наслаждением взглянул на внимательные лица озадаченных слушателей.

– Что это у вас за странные анекдоты, сэр! – сказал м-р Пикквик, устремив свои очки на загадочную физиономию старика.

– Странные!.. какой вздор! – возразил старик. – Забавные, может быть; но ничего необыкновенного в них нет.

– Забавные! – воскликнул м-р Пикквик.

– Ну, да, забавные и веселые, – подтвердил старик с демонской усмешкой. И, не дожидаясь ответа, он продолжал с прежним одушевлением.

– Знал я еще человека – позвольте... этому уж будет лет сорок слишком. Нанял он сырые, затхлые комнаты в одной из старинных гостиниц, стоявшие пустыми и запертыми несколько лет сряду. Носились о них бабы сплетни и рассказывались разные фантастические истории, способные навести страх и ужас на всякую легковерную душу; но он был человек бедный, квартира отдавалась за бесценок, и, стало быть, ничего мудреного нет, если он, с философским равнодушием, решился занять полусгнившие покои. Вместе с квартирой, в его распоряжение

поступил огромный деревянный шкаф для книг и бумаг, с большими стеклянными дверями, задернутыми изнутри зеленою тафтой; но мебель этого рода, при существующих обстоятельствах, не могла иметь никакой определенной цели: книг не читал он во всю свою жизнь, бумагами не занимался, и все статьи туалета, от единственных сапогов до единственного галстука, носил он с собою во время дневных прогулок. Очень хорошо. Он перенес сюда все свое движимое имущество, состоявшее из четырех колченогих стульев, и в первый же вечер заказал в кредит два галлона дистиллированной водки. Усевшись на одном из своих стульев, он залпом выпил первый стакан и от безделья погрузился в размышление, раздумывая, во сколько лет он может расплатиться с буфетчиком за водку. Между тем глаза его невольно обратились на стеклянные дверцы деревянного шкафа.

– Как, подумаешь, глуп и неопытен, смертный человек, угораздившийся смастерить такую гадкую мебель! – воскликнул он, испустив глубокий вздох при взгляде на занавешенные стекла. – Жаль, что нельзя снести ее назад, в мебельную лавку. Однакож, послушай, любезный, – продолжал он, обращаясь к шкафу и принимая его за одушевленный предмет; – не лучше ли мне употребить тебя вместо дров для моего камина?

Лишь только произнес он эти слова, как из внутренности шкафа раздался звук, весьма похожий на стон живого существа. Жилец испугался и вздрогнул; но скоро успокоил себя предположением, что звук, по всей вероятности, исходил из соседних комнат, где запоздалые гуляки оканчивали свой обед. Он положил свои ноги на решетку и, выпив еще стакан живительной влаги, принялся разгребать кочергою уголья в камине. В эту минуту звук повторился опять, шкаф медленно отворился, и жилец увидел в нем бледную, исхудалую фигуру в грязных и оборванных лохмотьях. Высокая, сухопарая и тонкая фигура имела чрезвычайно озабоченный и беспокойный вид, и во всей её осанке были такие неземные признаки, какие отнюдь не могли принадлежать живому существу, одаренному мыслью и чувством.

– Кто вы, приятель? – сказал оторопевший жилец, взвешивая кочергу на своей руке и приготавливаясь, в случае надобности, вступить в открытую борьбу, – кто вы?

– Бросьте кочергу, – отвечала фигура, – борьба со мною неуместна. Я выше земных стихий, и мне не повредят ни железо, ни огонь. Ваша кочерга пролетит сквозь меня и ударится о стену этого шкафа. Я дух, бесплотный дух.

– Чего-ж вам здесь надобно? – пролепетал жилец.

– В этой самой комнате, – отвечало привидение, – совершилась гибель земной моей жизни. Отсюда пустили по-миру меня и всех моих детей. В этот самый шкаф положены были судейские бумаги, накопившиеся в продолжение моей бесконечной тяжбы. Здесь, на этом самом месте, и в ту пору как я умирал от печали, две презренные гарпии делили мое богатство, из-за которого я судился всю свою жизнь. Все отняли у меня до последнего фарсинга, и когда я умер, семейство мое осталось без хлеба и без крова. Вот почему, спускаясь по ночам на землю, я брожу исключительно по этой жалкой юдоли своих земных страданий, пугая людей присутствием существа, непостижимого и незримого для них. Эта квартира принадлежит мне: оставьте ее.

Жилец между тем выпил еще стакан водки и совершенно ободрился.

– Извольте, – сказал он, – я готов с величайшим удовольствием уступить вам эту незавидную квартиру, если вы имеете неизменное желание оставаться здесь целую вечность; но во всяком случае, я желал бы, собственно для вашей же пользы, предложить вам один вопрос.

– Говорите: я готов внимать вашим словам, – отвечал дух суровым тоном.

– Очень хорошо, – сказал жилец, – мое замечание, впрочем, будет относиться не к вам одним, а ко всем вообще бесплотным духам, сколько я могу знать и понимать сущность их природы. Дело видите ли в чем: ведь пространство для вас ничего не значит?

– Ничего, – сказал дух, – быстрее, чем молния, мы можем переноситься с одного места на другое.

– И прекрасно. Зачем же, скажите на милость, имея полную возможность порхать и устраивать свою квартиру в прелестнейших местах земного шара, вы любите проводить свое время именно там, где вы натерпелись всякой всячины в продолжение своего земного бытия? Такой образ действия, по-моему мнению, заключает сам в себе непростительные противоречия.

– А что, ведь это правда. Удивляюсь, как прежде подобная мысль ни разу не приходила мне в голову.

– Это показывает, любезный друг, что вы не умеете рассуждать. Эта комната, на мой взгляд, не представляет для вас ни малейших удобств. Судя по наружности этого шкафа, я догадываюсь, что тут бездна клопов: так или нет?

– Так точно.

– Ну, так что-ж вам за охота проводить свое время в обществе таких презренных животных? Право, я думаю, вы могли бы, без малейшего труда, приискать для себя отличную квартиру.

– Конечно, могу.

– И уж если пошло дело на правду, я бы вообще посоветовал вам оставить Лондон; потому что, согласитесь сами, здешний климат чрезвычайно неприятен.

– Ваша правда, сэр, – сказал дух учтивым тоном, – вы, можно сказать, пролили яркий свет на мой образ мыслей. Сейчас же переменяю воздух.

И, проговорив это, он начал постепенно исчезать, так что ноги его уже совсем скрылись из вида.

– И если вы, сэр, – продолжал жилец в догонку за исчезающим привидением, – если вы постараетесь внушить другим бесплотным джентльменам и леди, навождающим теперь пустые старые дома, что им будет гораздо удобнее поселиться в других, прелестнейших местах за пределами Англии, то вы окажете нашему обществу величайшее благодеяние, и я готов заранее принести вам чувствительную благодарность от всех англичан.

– Внушу, сэр, непременно внушу, – отвечало привидение – я не понимаю, как все мы были настолько глупы до сих пор.

С этими словами дух исчез, и, что всего удивительнее, господа, – заключил старик, озирая всю компанию с заметным удовольствием, – с той поры никогда не возвращалось это привидение, и дешевая квартира освободилась раз навсегда от нечистых навождений.

– Не дурно, если эта история не выдумана, – сказал джентльмен с мозаичными пуговицами на фраке, зажигая новую сигару.

– Если! – вскричал старик, бросая презрительный взгляд на скептика. – Этак, пожалуй, – прибавил он, обращаясь к Лоутону, – он скажет, что и та история, которую я вам рассказывал о странном клиенте, невероятна, чудесна, выдумана... Как, подумаешь, нынче стали недоверчивы люди.

– Я никогда не слышал этой истории, – ответил скептик, – и, конечно, не могу судить о степени её достоверности. расскажите, и я выскажу вам свое мнение.

– Я тоже желаю слышать ее, – заметил м-р Пикквик, – и прошу вас рассказать.

– Да, да, расскажите, – сказал Лоутон, – никто здесь не слышал ее, кроме меня, да и я, правду сказать, перезабыл ее почти совсем.

Старик обвел глазами вокруг стола и покосился еще страшнее, чем прежде; видя глубокое внимание, изобразившееся на лицах всех присутствующих, он улыбнулся, и в его глазах блеснуло торжество. Затем, потерев подбородок и взглянув на потолок, как бы ища там вдохновения, он начал свой рассказ.

Разсказ старика о странном клиенте.

«Я полагаю, никому не интересно знать, где и как я подцепил эту короткую историю, – сказал старик. – Если б мне пришлось рассказывать ее в том порядке, в каком она дошла до меня, мне пришлось бы начинать с середины, а дойдя до конца, обратиться опять назад, к самому началу. Достаточно будет сказать, что некоторые события, о которых в ней идет речь, случились на моих собственных глазах; что касается остальных, я могу удостоверить, что они действительно происходили, и до сих пор еще живы люди, которые, так же, как и я, помнят их очень хорошо.

В Боро, в Гайстрите, подле церкви Сен-Джоржа, по одной с нею стороне дороги, как многим из вас известно, стоит самая тесная из наших долговых тюрем – Маршалъси. Хотя в последнее время она стала далеко не тою грязною помойною ямой, какою была прежде, но и теперешнее её исправленное состояние внушает слишком мало искушений для мота или утешений для неосторожного должника. Осужденный преступник в Ньюгете пользуется ничуть не худшим двором, где он может дышать чистым воздухом и гулять, чем неоплатный должник в тюрьме Маршалъси.

Может быть, на меня находит чудачество, может быть, я не могу отделять этого места от связанных с ним воспоминаний, но только я не выношу этой части Лондона. Улица широка, магазины на ней роскошные; шум проезжающих экипажей, гул шагов непрерывного потока людей – все эти звуки торговых, промышленных и иных сношений между людьми гудят на ней с утра и до полуночи. Но примыкающие к ней улицы малы и тесны; бедность и разврат гнойно гнездятся в этих переполненных густым населением закоулках; лишения и нищета олицетворяются соседней тюрьмою; над всей этой картиной роскоши, нищеты и позора – по крайней мере, в моих глазах – тяготеет что-то мрачное и горькое, придающее ей неприятный, болезненный отпечаток.

Многие глаза, сомкнутые уже давно в могиле, взглядывали довольно равнодушно на эту картину в первые дни пребывания их владельцев в старой тюрьме Маршалъси; они смотрели так потому, что первый удар несчастья редко сопровождается отчаянием. Человек еще верит, что он может положиться на неиспытанных друзей, он вспоминает о многочисленных предложениях услуг, так охотно расточавшихся ему добрыми приятелями, когда он в них еще вовсе не нуждался; он обладает надеждой, – надеждой счастливой неопытности, – и хотя она ослабляется при первой же неудаче, но все же снова возрождается и цветет здесь короткое время, пока не завянет окончательно под ржавчиной разочарования и равнодушия. Как быстро эти самые глаза глубоко вваливались и сверкали мрачным огнем, как быстро худело и желтело изможденное голодом и заточением лицо в те дни, когда еще речь о том, что должники гниют в тюрьме, без надежды на облегчение, без надежды получить свободу, не была простой риторической фигурой! Эта жестокость нынче уже не существует в полном своем объеме, но и того, что от неё осталось, достаточно еще для порождения таких явлений, при виде которых сердце обливается кровью.

Двадцать лет тому назад плиты тротуара подле тюрьмы топтались одною матерью и ребенком, которые так же аккуратно, как само утро, появлялись ежедневно перед тюремными воротами; часто они приходили сюда после ночи, проведенной без сна, в тревожной тоске, под влиянием скорбных дум, удручающих ум и чувство, – приходили целым часом раньше срока, и тогда молодая мать грустно поворачивала назад, подводила ребенка к старому мосту и, приподняв его на своих руках, указывала ему на блестящую воду, окрашенную лучами утреннего солнца, обращала его внимание на шумные приготовления к труду или удовольствию, которыми бывает полна река в эти утренние часы. Мать пыталась развлечь сына этими занимательными для него предметами, но она быстро сажала его на землю и, закрыв себе лицо платком, давала волю душившимся ее слезам, потому что на исхудалом и болезненном личике ребенка не проявлялось никакого удовольствия или удивления. У него было мало воспоминаний, и все они были на один образец, – все вертелись на бедности и нищете его родителей. По целым

часам сживал он у матери на коленях, вглядываясь с детским сочувствием в слезы, текущие по её лицу, и потом тихонько забивался в какой-нибудь темный уголок, где рыдал до тех пор, пока не засыпал. С той самой минуты, как он стал понимать окружающие предметы, когда в нем начал пробуждаться рассудок, он сроднился с самой тяжкой действительностью жизни: с ужасными лишениями – с голодом и жаждой, с холодом и нищетой, и хотя по наружности и физическому развитию он был малое дитя, но не было у него ни веселости, ни беззаботного смеха, ни сверкающих детских глазок.

Отец и мать, видя такое неестественное развитие своего ребенка, с глубокой тоской, смотрели молча друг на друга, не осмеливаясь выразить словами тяготящие их мысли. Отец – здоровый, сильно сложенный человек, который мог бы перенести всякий труд и физическое упражнение, – изнывал в тесном заключении и нездоровой атмосфере переполненной узниками тюрьмы. Мать, худая, нежная женщина, склонялась под двойным бременем физической и нравственной болезни; – ребенок видел все это, и молодое сердце его надрывалось.

Наступила зима, а с нею целые недели сильного дождя и холода. Бедная женщина переехала в дрянную квартирнку по близости места заключения её мужа, и хотя это переселение было вызвано её возраставшею нуждой, она была счастливее теперь, потому что была ближе к нему. В продолжение двух месяцев после этого переселения, она и её маленький спутник поджидали времени открытия тюремных ворот, не пропуская ни одного утра. Но вот однажды они не явились, и это было в первый раз с того дня, как муж попал в тюрьму. Ребенок умер.

Те, которые, о подобных потерях бедных людей холодно толкуют, как о счастливом избавлении от страданий для усопшего, и о милосердном облегчении от издержек для оставшихся, – такие люди не понимают, – смело это утверждаю – решительно не понимают того неисходного горя, которое влекут за собой подобные потери. Молчаливый взгляд привязанности и участия в то время, когда все прочие глаза от нас холодно отвернулись, – уверенность в том, что мы обладаем сочувствием и любовью хоть одного существа, когда все прочие покинули нас – это такая подпора, такое прибежище, такое утешение среди глубочайшего горя, которых нельзя купить ни за какие деньги, нельзя добыть никаким могуществом. Ребенок сживал по целым часам у ног своих родителей, терпеливо сложив свои ручонки и подняв к отцу и к матери свое исхудалое личико. Они видели, как, день за днем, он таял, и хотя его краткая земная жизнь была без радостей, а теперь, после своей смерти, он наслаждался миром и спокойствием, которых он – малый ребенок – не знал на земле, – но все же они были ему отцом и матерью, и потеря его залегла глубоко в их души.

Смотря теперь на изменившееся лицо матери, было не трудно предсказать, что смерть скоро прекратит и её горькие испытания и невыносимые страдания. Двое тюремных товарищей мужа несчастной женщины не захотели усугублять своим присутствием его скорбь и горе и предоставили ему одному каморку, которую занимали с ним втроем. Бедная его жена перешла к нему сюда, и вот потянулась там, без мучений, но и без надежд, медленно угасая, её страдальческая жизнь.

Однажды вечером она лишилась чувств на руках своего мужа. Когда он поднес ее к открытому окну, чтобы оживить ее свежим воздухом, свет луны упал ей прямо на лицо и указал на такую разительную перемену в её чертах, что несчастный, как слабое дитя, дрогнул под бременем удручавшего его горя.

– Посади меня, Джорж, – слабо произнесла она. Он исполнил её желание, и, сев возле неё, закрыл себе лицо рукой и залился слезами.

– Мне тяжело покинуть тебя, Джорж, – сказала она, – но на то Божия воля, и ради меня ты должен спокойно перенести разлуку со мною. О, как я благодарю Бога за то, что Он взял к себе нашего мальчика! Малютка счастлив, он теперь на небе. Что бы он стал делать тут, без своей матери?

– Ты не должна умереть, Мери, не должна, возразил ей муж, вставая. Он принялся ходить взад и вперед по комнате, нещадно ударяя свою голову сжатыми кулаками, потом снова сел возле больной и, поддерживая ее в своих объятиях, прибавил более спокойно:

– Ободришь, моя милая, прошу тебя, ободришь. Ты наверное поправишься.

– Никогда уже, Джорж, никогда! – отвечала умирающая женщина. – Пусть меня похоронят возле моего бедного мальчика: но обещай мне, если ты выйдешь когда-нибудь из этого ужасного места и разбогатеешь, ты перевезешь нас на какое-нибудь мирное сельское кладбище, далеко, далеко, – как можно дальше отсюда, – где бы мы могли спокойно лежать. Милый Джорж, обещай мне, что ты это сделаешь.

– Сделаю, сделаю, – проговорил он, страстно кидаясь на колени перед нею. – Но скажи мне еще слово, Мери... хотя взгляни... раз взгляни...

Он замолк, потому что рука, обвивавшая его шею, вдруг отяжелела и отвердела. Глубокий вздох вырвался из груди умиравшей; губы шевельнулись и на лице мелькнула улыбка, но губы эти были бледны, и улыбка сменилась неподвижным мертвенным взглядом... Он остался один на земле.

В эту ночь, среди безмолвия и одиночества своей жалкой каморки, стоя на коленях возле трупа своей жены, несчастный призвал Бога в свидетели страшной клятвы; с этой минуты он посвящал себя одному делу: мести за смерть жены и сына, с нынешнего дня и до последнего своего издыхания; он обрекал все свои силы на служение одному этому делу; месть его должна быть медленной и ужасной, ненависть нескончаемой и ненасытимой. По всему миру должна она преследовать тех, кого она наметит своими жертвами.

Глубочайшее отчаяние и почти нечеловеческое напряжение произвели такие страшные перемены в его теле и в чертах его лица, что его товарищи по несчастью отшатнулись с испугом, когда он проходил мимо них учащенными шагами. Глаза его налились кровью, лицо было мертвенно бледно, стан согнулся, как бы под бременем лет. Он почти насквозь прокусил себе губу в пылу своего душевного страдания, и кровь, капавшая из раны, текла по его подбородку и запятнала его рубашку и галстук. Он не проронил ни слезы, не испустил ни одного звука жалобы, но его блуждающий взгляд и беспорядочная торопливость, с которою он ходил взад и вперед по двору, обличали сожигавший его внутренний жар.

Тюремное начальство заявило ему, что необходимо немедленно же увезти тело его жены из тюрьмы. Он выслушал это требование с полным спокойствием и согласился с его разумностью. Почти все тюремные обитатели собрались для печальных проводов; они поспешно расступились по сторонам, при появлении вдовца; он быстро прошел вперед и стал одиноко в небольшом отгороженном пространстве, примыкавшем к помещению привратника; толпа отошла оттуда, по инстинктивному чувству деликатности. Медленно подвигались вперед люди с тяжелым гробом на плечах. В толпе господствовало мертвое молчание, нарушавшееся только жалобными восклицаниями женщин и шарканьем ног носильщиков по плитам. Они дошли до того места, на котором стоял муж умершей, и остановились. Он положил руку на гроб и, машинально поправив на нем покров, дал знак идти далее. Тюремные сторожа, стоявшие в сенях, сняли свои шляпы при выносе гроба, и через минуту дверь тюрьмы затворилась за ним. Вдовец посмотрел тогда бессмысленно на толпу и грохнулся озем.

Хотя в течение многих недель после этого он пролежал дни и ночи в жесточайшей горячке, его не покидали ни на минуту сознание его потери и воспоминание о данной клятве. Перед глазами его проходили сцены за сценами, места сменялись местами, происшествия происшествиями, вытесняя друг друга со всею сумятицею бреда, но все они стояли в какой-нибудь связи с его главной умственной задачей. То он плыл по необъятному морю, над ним стояло кроваво-багровое небо, под ним бушевали волны, вздымаясь, точно горы, кипя водоворотом вокруг его углого судна. Впереди его плыл еще другой корабль, тоже выдерживающий борьбу с разъяренными стихиями. Паруса у него висели ключьями по мачтам, палуба была покрыта

испуганными людьми, которые по очереди один за другим становились жертвами высоких волн, покрывавших палубу и увлекавших за собою все, что попадалось им по пути. Наконец, волны поднялись еще выше и целая ревущая масса воды ринулась на корабль со всеокрушающею быстротой и силою, оторвала у него руль и раздробила все судно до самого киля. Из громадного водоворота, образованного гибнувшим кораблем, раздался крик, – предсмертный крик сотни утопавших людей, слившийся в один страшный вопль, – крик до того громкий и пронзительный, что он раздался над воем враждовавших стихий и звучал, звучал до тех пор, пока, казалось, пронизал собою воздух, небо и воду. Но что это такое? – вот показалась старая, седая голова, она поднимается над поверхностью моря и бьется с волнами, меча взгляды предсмертной тоски и громко вопия о помощи?.. Взглянув на нее, он спрыгивает с своего корабля и плывет к ней сильным размахом. Он достигает её: он бок-о-бок с нею. Да, это те черты. Старик видит его приближение и тщетно старается избежать встречи с ним. Но он крепко стискивает старика и тащит его под воду. Ниже, ниже с ним, на пятьдесят лотов глубины! Старик борется слабее и слабее, наконец, остается недвижимым. Старик, убит, убит им; клятва его сдержана.

Идет он потом по жестким пескам безграничной пустыни, одинокий и босой. Песок царапает ему ноги и ослепляет его; мелкие, тончайшие пылинки садятся в поры его кожи и раздражают его почти до бешенства. Громадные массы того же песку несутся перед ним ветром и, пронизанные лучами палящего солнца, возвышаются в отдалении подобно огненным столбам. Остовы людей, погибших в этой ужасной пустыне, лежат раскиданными вокруг на всем пространстве, которое можно окинуть глазом; все освещается зловещим светом и повсюду, в пределах человеческого зрения, встречаются одни только предметы ужаса или омерзения. Тщетно стараясь произнести крик испуга, с языком, прилипшим к гортани, спешит он вперед, как безумный. Поддерживаемый сверхъестественной силой, он мчится по пескам, пока, наконец, не падает без чувств на землю. Какая восхитительная прохлада оживляет его? Откуда исходит это отрадное журчанье? Вода! Действительно, вот источник; свежая, чистая струя бежит у ног путника. Он припадает к ней губами и, протянув на берегу болевшие свои члены, впадает в сладостное забытие. Его приводит в себя шум чьих-то приближающихся шагов. Седой старик плетется тоже к ручью, чтобы утолить свою мучительную жажду. Это опять он! Путник вскакивает, охватывает его руками и не допускает к ручью. Старик борется сильно, судорожно, молит допустить его к воде; – старик просит только одну каплю её для спасения своей жизни! Но он мощно удерживает старика и жадно любит его агонией; потом, когда безжизненная голова старика склоняется на грудь, он отталкивает от себя ногой этот ненавистный труп.

Когда кончилась его горячка, и сознание вернулось к нему, он проснулся к жизни богатым и свободным; ему объявили, что отец его, желавший, чтобы он издох в тюрьме, – *желавший!* Тот самый, который допустил, чтобы существа, бывшие для узника дороже его собственной жизни, умерли от лишений и сердечной тоски, против которой бессильны все лекарства, – этот самый человек был найден мертвым в своей пуховой постели. У него достало бы духу оставить после себя нищим своего сына, но, гордясь своим здоровьем и крепостью, он откладывал совершение нужного для того акта, и теперь ему приходилось на том свете скрежетать зубами при мысли о богатстве, которое досталось его сыну, только благодаря его нераспорядительности и беспечности. Больной очнулся, и первое, что пришло ему в голову, была клятва о мести, второе, что злейшим его врагом был родной отец его жены, – человек, засадивший его в тюрьму и оттолкнувший от своего порога дочь и её ребенка, когда они молили у его ног о помиловании. О, как он проклинал слабость, не позволявшую ему быть на ногах и уже деятельно разрабатывать свой план мести!

Он распорядился, чтобы его перевезли подальше от места его горькой утраты и его бедствий, и поселился в тихом убежище на морском берегу, – не в надежде вернуть себе душевное

спокойствие и счастье, потому что и то, и другое покинули его навсегда, но для восстановления своих упавших сил, для обдумывания своего дорогого плана. И здесь какой-то злой дух дал ему возможность совершить первую, самую страшную месть.

Было летнее время; постоянно погруженный в мрачные думы, он выходил по вечерам из своего уединенного жилища и направлялся по узкой тропинке между утесов к дикому и одинокому местечку, которое пришлось ему по душе; здесь он садился на какой-нибудь скалистый обломок и, закрыв лицо руками, просиживал так по несколько часов, – иногда до глубокой ночи, до тех самых пор когда длинные тени утесов, нависших над его головою, клали непроницаемый черный покров на все окружающие предметы.

Однажды, в тихий вечер, он сидел так, в своем обычном положении, приподнимая иногда голову для того, чтобы проследить за полетом стрекозы, или устремляя глаза на великолепную багровую полосу, которая, начинаясь среди океана, шла, казалось, до самого его горизонта, до самого того места, где спускалось солнце. Вдруг глубокое безмолвие окрестности нарушилось громким воплем о помощи. Он прислушался, неуверенный в том, что слышал, но крик повторился с еще большею силою, чем прежде. Он вскочил тогда с места и поспешил по направлению голоса.

Дело разъяснилось тотчас же само собою; на берегу лежала разбросанная одежда; в недалеком расстоянии от него виднелась немного из воды человеческая голова, а какой-то старик кидался из стороны в сторону по берегу, ломая руки в отчаянии и взывая о помощи. Больной, силы которого восстановились уже достаточно, сбросил с себя верхнее платье и кинулся к морю, с намерением броситься в воду и спасти утопавшего.

– Поспешите, сэръ, ради Бога! помогите ему, молю вас именем Господа! Это мой сын, сэръ, кричал вне себя старик. Мой единственный сын, сэръ, и он умирает на глазах своего отца!

При первых словах старика, незнакомец остановился в своем разбеге и, скрестив руки, стал перед ним неподвижно.

– Великий Боже! – воскликнул старик, узнавая его, – Гейлинг!

Незнакомец молча улыбнулся.

– Гейлинг! – дико произнес старик. – Мой сын, Гейлингъ, – это мой милый сын... Взгляните взгляните!..

И, задыхаясь, несчастный отец указал на то место, где молодой человек боролся со смертью.

– Слушайте! – сказал старик. – Он кричит еще... значит, он жив... Гейлинг, спасите его, спасите!

Незнакомец снова улыбнулся и продолжал стоять неподвижно, как статуя.

– Я был виноват перед вами, – продолжал с воплем старик, падая перед ним на колени и ломая свои руки, отомстите за себя; возьмите все мое, самую мою жизнь: бросьте меня в воду у своих ног и, если только человеческая природа может подавить в себе естественное сопротивление, я умру, не двинув ни рукой, ни ногой. Сделайте это, Гейлингъ, сделайте, но спасите моего сына! Он так молод еще, Гейлинг, так молод для смерти!

– Слушайте, произнес незнакомец, грозно схватывая старика за руку, – я хочу жизни за жизнь, и вот теперь здесь одна. Мой ребенок умирал на глазах своего отца несравненно более мучительною и продолжительною смертью, чем та, которой подвергается теперь, пока я говорю, этот молодой поноситель чести своей сестры. Вы смеялись, – смеялись в лицо своей дочери, на черты которой смерть тоже накладывала свою руку, – смеялись над нашими страданиями. Как вы теперь о них помышляете? Смотрите сюда, смотрите!

Говоря это, он указывал на море. Слабый крик пронесся над водою: последнее мощное усилие утопавшего взволновало на несколько мгновений рябившие волны, а затем то место, где он канул в свою преждевременную могилу, сравнялось и сгладилось с окружающей водою...

Спустя три года после этого, какой-то джентльмен вышел из собственного экипажа у дверей одного лондонского стряпчего, известного в то время публике за не совсем чистого малого в своем ремесле, и попросил у него особого совещания по весьма важному делу. Посетитель был, очевидно, еще в первой поре молодости, но его лицо было бледно, тревожно и убито, так что и без острой наблюдательности дельца, стряпчему легко было догадаться при первом же взгляде на гостя, что болезнь или иные страдания совершили больше перемен в его наружности, чем то могла произвести рука времени в двойной против прожитой им жизни период.

– Я хочу поручить вам одно судебное дело, – сказал незнакомец.

Стряпчий поклонился почтительно и кинул взгляд на большой пакет, который был в руках у джентльмена. Посетитель заметил этот взгляд и продолжал.

– Это не совсем обыкновенное дело, и мне пришлось много хлопотать и издержать денег, пока эти бумаги достались мне в руки.

Стряпчий взглянул еще тревожнее на пакет; посетитель, развязав шнурок, опутывавший бумаги, выложил на стол множество росписок, копий с условий и других документов.

– Как вы увидите, – продолжал посетитель, – этот господин, имя которого стоит на документах, несколько лет тому назад, занял под них большие суммы денег. Между ним и теми людьми, в руках которых первоначально находились эти бумаги, и от которых я перекупил их все за цену тройную и четверную против их настоящей стоимости, подразумевалось соглашение, что все эти обязательства будут возобновляться по истечении известного периода. Но такое условие не выговорено нигде формальными актами; он же потерпел в последнее время большие потери и если все эти требования падут на него одновременно, они сокрушат его окончательно.

– Общая сумма доходит до нескольких тысяч фунтов, – сказал стряпчий, разбирая бумаги.

Это верно, – отвечал незнакомец.

– Что же следует делать? – спросил стряпчий.

– Что делать! – возразил клиент с большим волнением. – Пустить в ход каждый рычаг закона и каждую проделку, которую может изобрести ум, а мошенничество исполнить; употребить и честные, и подлые средства, – все открытое узаконенное преследование, поддержанное всею изворотливостью его самых сметливых исполнителей. Я хочу, чтобы он умер тяжкою и медленною смертью. Разорите его, продайте его земли и товары, выживите его из дома, оторвите от очага и сделайте его нищим на старости лет, пусть он умрет в долговой тюрьме!

– А издержки, дорогой сэр, все издержки, необходимые, чтобы довести до конца такое сложное дело, – заметил стряпчий, приходя в себя после минутного оцепенения. – Если ответчик умрет на соломе, кто заплатит за расходы, сэр?

– Назначайте сумму, – проговорил незнакомец, дрожа так сильно от волнения, что рука его едва сдерживала перо, которое он схватил при этих словах. – Какую угодно сумму, и она ваша. Не бойтесь называть ее, любезный! Я не сочту ее большою, если вы выиграете мое дело.

Стряпчий назначил наудачу очень большую сумму, в виде задатка, который мот бы обеспечить его в случае проигрыша дела – но назначил ее более с целью удостовериться, до каких издержек в действительности расположен идти его клиент, чем в предположении, что тот удовлетворит его требованию. Однако, незнакомец написал тотчас же чек на своего банкира, поместив всю сумму сполна, и ушел.

По чеку было выплачено, как следует, и стряпчий, находя своего странного клиента таким человеком, на которого можно было положиться, принялся серьезно за свою работу. Прошло слишком два года, после этого разговора, и м-р Гейлинг частенько просиживал целые дни в конторе своего стряпчего, наблюдая за накоплением бумаг и прочитывая с блестящими от радости глазами, одно за другим, то укорительные письма, то просьбы о небольшой отсрочке, то представления о неизбежном разорении, грозившем ответчику. Эти бумаги стали

появляться с тех пор, как на должника посыпались иск за иском, процесс за процессом. На все моления, хотя бы о краткой отсрочке, был один ответ: деньги должны быть уплачены. Земли, дома, движимое имущество, все пошло, в свою очередь, на удовлетворение многочисленных требований, и сам старик был-бы засажен в тюрьму, если бы ему не удалось обмануть бдительности полиции и бежать.

Неумолимое злорадство Гейлинга, вместо того, чтобы утоляться успехом преследования, возросло с разорением его врага. Когда же он узнал о побеге старика, бешенство его перешло всякие пределы. Он скрежетал зубами и осыпал страшными проклятиями людей, которым было поручено заарестование. Он был сравнительно успокоен лишь повторительными уверениями, что беглец будет наверное отыскан. Повсюду были разосланы агенты для его поимки; для открытия места его убежища были пущены в ход все хитрости, какие только можно было изобрести, но все было напрасно. Прошло с полгода, а убежище старика все еще не было открыто.

Наконец, однажды поздно вечером, в квартиру стряпчего явился Гейлинг, которого не было видно уже несколько недель, и послал сказать ему, что его желает немедленно видеть один джентльмен. Прежде, чем стряпчий, узнавший его по голосу, успел приказать слуге впустить его, он кинулся вверх по лестнице и вбежал в гостиную, бледный и едва переводя дух. Затворив за собою дверь, чтобы его не услышали, он опустил в кресло и проговорил шепотом:

– Тс! Я его нашел, наконец!

– Неужели? – спросил стряпчий. – Прекрасно, дорогой сэр, прекрасно.

– Он скрылся в жалкой лачужке в Кэмден-Тоуне – продолжал Гейлинг, – и, может быть, это лучше, что мы потеряли его из виду, потому что он жил тут все это время совершенно один, в самой отвратительной нищете... он беден, очень беден.

– Очень хорошо, – сказал стряпчий. – Вы хотите, чтобы его арестовали завтра, конечно?

– Да, отвечал Гейлинг. – Впрочем нет, стойте! Послезавтра. Вы удивляетесь моему желанию отложить арест, – продолжал он с ужасной усмешкой, – но я позабыл кое что. Завтрашний день памятен в его жизни: пусть он пройдет.

– Хорошо, – сказал стряпчий. – Вы сами напишите инструкции полицейскому чиновнику?

– Нет, пусть он встретится со мною здесь, в восемь часов вечера; я сам пойду с ним.

Встреча состоялась в назначенный вечер. Они сели в наемную карету и велели извозчику остановиться на том углу старой Панкрасской дороги, на котором стоит приходский рабочий дом. В то время, когда они вышли из экипажа, было уже почти темно; направляясь вдоль глухой стены перед фасадом ветеринарного госпиталя, они повернули в боковой переулок, который зовется или звался в то время, Малою Школьною улицей и который, не знаю, как теперь, но тогда был порядочно пустынным местом, окруженным почти все одними полями да рвами.

Нахлобучив себе на глаза свою дорожную шляпу и закутавшись в плащ, Гейлинг остановился перед самым беднейшим домиком в улице и постучался тихонько в двери. Ему тотчас же отворила какая-то женщина и поклонилась ему, как знакомому; Гейлинг шепнул полицейскому, чтобы он оставался внизу, а сам тихо взобрался на лестницу и, отворив дверь в комнату, прямо вошел в нее.

– Предмет его розысков и неугасавшей ненависти, в настоящую минуту уже дряхлый старик, сидел за голым сосновым столом, на котором тускло горела заплывшая сальная свеча. Старик, испуганный внезапным появлением незнакомца, ухватился за стол, его слабые ноги дрожали.

– Зачем вы пришли сюда? – сказал он. – Здесь прозябает нищета. Чего вы ищете тут?

– Вас? Я желаю говорить с вами, – отвечал Гейлинг.

И сказав эти слова, он сел на стул у противоположного угла стола и, сняв свою шляпу и откинув воротник шинели, открыл свое лицо.

Увидев это знакомое лицо, старик внезапно потерял способность говорить. Он откинулся назад на своем стуле и, сложив обе руки на груди, вперил в Гейлинга пристальный взгляд, в котором выразилось омерзение и ужас.

– Шесть лет тому назад, – сказал Гейлинг, – в этот же самый день я взял у вас дорогую для вас жизнь в возмездие за жизнь моего ребенка. Над безжизненным трупом вашей дочери, старик, я поклялся, что и она будет отомщена. Ни на один час я не забыл о своей клятве, и, если бывали мгновения, когда ослабевала моя жажда мщения, я припоминал страдающий безропотный взгляд моей жены и изможденное от голода лицо моего ребенка, – слабость пропадала во мне, и я снова твердо шел к своей цели. Первый акт возмездия совершился – вы его хорошо помните; нынче будет последний.

Старик задрожал и руки его немощно упали с его груди.

– Завтра я оставляю Англию, – сказал Гейлинг после минутной паузы. – Нынешней ночью я предаю вас на медленную смерть, которой умерла она – я пошлю вас жить безнадежной жизнью в тюрьме...

Он посмотрел в лицо старику и замолчал. Он поднес свечу, дотронулся до него слегка и вышел из комнаты.

– Вы лучше присматривайте за стариком, – сказал он женщине, отворив дверь, и, дав знак полицейскому следовать за ним, прибавил: – он очень плох.

Женщина заперла дверь, вбежала на лестницу и нашла бездыханный труп старика.

На одном из самых тихих и уединенных кладбищ в Кэнте, среди богатой растительности, под гладким надгробным памятником, покоятся кости молодой матери и её ребенка. Но прах отца не смешивается с их прахом. Никто не знает, даже сам стряпчий, выигравший процесс, последующей истории его странного клиента.»

Окончив свой рассказ, старик Бембер немедленно встал с своего места, подошел к вешалке, стоявшей в углу залы, надел с большою осторожностью шляпу и пальто, и, не сказав никому ни одного слова, медленно вышел из дверей. Так как некоторые джентльмены покоились глубоким сном, а другие погрузились мыслями и чувствами в приготовление гоголь-моголя и глинтвейна, то м-р Пикквик, руководимый здесь, как и везде, глубокими философскими соображениями, нашел средство спуститься незамеченным в нижний этаж, где уже давно с нетерпением дожидался его м-р Самуэль Уэллер, вместе с которым и выбрался он благополучно из ворот знаменитой таверны.

Глава XXII

Мистер Пикквик едет в Ипсвич и встречается в Ипсвиче с интересной леди в желтых папильотках.

– Поклажа твоего старшины, Самми? – спросил м-р Уэллер старший своего возлюбленного сына, когда тот явился на двор гостиницы «Пестрого Быка», в Уайтчапеле, с чемоданом и дорожной сумкой.

– Угадал ты, дядюшка, спасибо на добром слове, – отвечал м-р Уэллер младший, складывая с плеч свое бремя и усаживаясь на чемодан.

– Будет сейчас и сам старшина.

– Едет на извозчике? – сказал отец.

– Восемь пенсов за две мили кабриолетной встряски для размягчения костей и полирования крови, – отвечал сын. – Ну что, дядя, как мачеха сегодня?

– Рычит, Самми, рычит, – отвечал старик Уэллер, качая головой.

– Это что такое, куманек?

– Блажит твоя мачеха, Самми, блажит, провал ее возьми. Недавно приписалась она к методистской сходке. Я недостойн её, друг мой Самми, чувствую, что недостойн.

– Право? Этакой смиренности за тобою не водилось, старичина.

– Да, любезный, послушлив я, смирен стал и кроток, как ягненок. Это, говорит твоя мачеха, делает мне честь. Ты ведь, я полагаю, не знаешь, в чем состоит вера этих методистов? Стоит посмотреть, как они там куралесят: потеха да и только. Ханжи, провал их возьми, лицедеи; и народ вообще демонски буйный.

– Запрети мачехе ходить на такие сборища.

– Ветренная голова ты, Самми, вихровая башка, – возразил Уэллер, почесывая переносье большим пальцем. – А что, думаешь ты, – продолжал он после короткой паузы, – что они подельвают там на этих методистских сходках?

– Не знаю, – сказал Самуэль. – А что?

– Пьют чай, видишь ты, и поклоняются какому-то прониру, который называется у них пастырем, – сказал м-р Уэллер. – Раз как-то я стоял, выпуча глаза, подле картинной лавки на нашем дворе, и вдруг увидел выставленное в окне объявление, где было крупными буквами написано: «Билеты по полкроне. Обращаться с требованиями в комитет, к секретарю, м-с Уэллер». – Пошел я домой, Самми, и увидел в нашей гостиной четырнадцать женщин, молодых и старых. Это и есть комитет. Как они говорили, Самми, провал их возьми, как они говорили! Дело шло о каких-то резолюциях, прожектах, вотах, и все это было крайне забавно. Меня сначала хотели выгнать: но я низенько поклонился, вынул кошелек и учтиво потребовал билет на запись в их компанию по методистской части. Вечером в пятницу я умылся, причесался, надел новое платье и отправился с своей старухой. Мы пришли в первый этаж довольно невзрачного дома, и, когда кухарка отворила дверь я увидел чайные приборы на тридцать персон. Женщины, можно сказать, переполошились все, когда взглянули на меня, и между ними поднялся такой дружный шепот, как будто никогда не приходилось им видеть плотного джентльмена пятидесяти восьми лет. Вдруг поднялся внезапный шум, какой-то долговязый парень с красным носом и в белом галстуке, вставая с своего места, затянул пискливым визгом: «идет пастырь, посетить свое верное стадо». И вслед за тем в комнату вошел жирный прежирный толстяк с белыми широкими щеками и открытым ртом. Мы все встали. Женщины отвесили низкий поклон и продолжали стоять с опущенными руками и понурыми головами. Жирный толстяк перецеловал всех до одной молоденьких и старых женщин. То же самое после него учинил и долговязый парень с красным носом. Я думал, что теперь моя очередь для целования и уже собирался чмокнуть в алые уста свою хорошенькую соседку, как вдруг вошла твоя

мачеха, и с нею – огромные подносы с хлебом, маслом, яйцами, ветчиной и сливками. Подали чай, сначала пропели гимн, а потом все принялись закусывать и пить с методистским аппетитом. Я тоже наострил зубы и выпил стакан чаю. Жирный толстяк тоже величественно выпил стакан чаю, закусывая в то же время колбасой и ветчиной. Сказать правду, Самми, такого питуха и обжоры не видал я никогда. Красноносый паренёк тоже ел за четверых, но был он, можно сказать, младенец в сравнении с этим жирным толстяком. Очень хорошо. После закуски тем же порядком пропели гимн. Затем жирный толстяк, взъерошив свои волосы, сказал проповедь, которая произвела сильное впечатление на слушателей. После проповеди он, махнув рукой, пробасил с каким-то голодно-диким остервенением: – «Где есть грешник? Где онный несчастный грешник?» – При этом все женщины обратили на меня свои глаза и начали стонать общим хором, точно пришел их последний час. Мне это показалось довольно странным, но из приличия я не сказал ничего. Вдруг он всполошился опять и, взглянув на меня сердитыми глазами, проревел: – «Где есть грешник? Где онный оканнный грешник?» – И все женщины заревели опять, вдсятеро громче, чем прежде. Это уж меня совсем сбило с панталыку. Я сделал два шага вперед и сказал: «Мой друг, не на меня ли вы намекаете?» – Но вместо того, чтобы извиниться, как честному человеку, он взбеленился, как помешанный, и начал гвоздить с плеча, называя меня сыном гнева, чадом ярости и другими раздирательными именами. Я не выдержал, друг мой Самми, и кровь, что называется, хлынула у меня под самый затылок. Три тумака закатил я ему в брюхо, съездил по башке красноносого детину, да и поминай как звали. Только меня и видели. О, если бы ты слышал, Самми, как взвизгнули и завыли все эти бабы, когда пастырь их опрокинулся навзничь и сделал кувырколепие через красного детину! Это был демонский шабаш, где твоя мачеха отличалась пуще всех. – Однакож вот и твой старшина, если не ошибаюсь.

Еще м-р Уэллер не кончил своей речи, как м-р Пикквик вышел из кабриолета и вступил на широкий двор.

– Прекрасное утро, сэра, – сказал м-р Уэллер старший.

– Прекрасное, – подтвердил м-р Пикквик.

– Бесподобное, – подхватил какой-то рыжеватый джентльмен с инквизиторским носом и голубыми очками. Он вышел из кабриолета в ту же минуту, как м-р Пикквик. – Извольте, сэра, отправляться в Ипсвич?

– Да! – сказал м-р Пикквик.

– Какое необыкновенное стечение обстоятельств. Ведь и я тоже в Ипсвич.

М-р Пикквик поклонился.

– На империале? – сказал рыжеватый джентльмен.

М-р Пикквик поклонился опять.

– Скажите, пожалуйста, это просто удивительно – и я ведь тоже на империале, – проговорил рыжеватый джентльмен, – мы решительно едем вместе.

И рыжеватый джентльмен, наделенный от природы важною осанкой и заостренным носом, который, по птичьему манеру, вздергивался у него сверху всякий раз, как он говорил что-нибудь, – улыбнулся таким образом, как будто он сделал в эту минуту одно из самых удивительных открытий, какие когда-либо выпадали на жребий человеческой премудрости.

– Мне будет очень приятно пользоваться вашим обществом, сэра, – сказал м-р Пикквик.

– И мне. Это, можно сказать, находка для нас обоих. Общество, видите ли, есть... не иное что есть, как... как... то есть, общество совсем не то, что уединение: как вы думаете?

– Истинно так, и никто не будет спорить, – сказал м-р Уэллер, вступая, с обязательной улыбкой в разговор. – Это сэра, что называется: правда-матка, как говаривал один собачей, когда горничная, подавая ему баранью кость, заметила, что он не джентльмен.

– А! – воскликнул с надменной улыбкой рыжеватый незнакомец, обозревая м-ра Уэллера с ног до головы. – Ваш приятель, сэра?

– Не совсем, – сказал вполголоса м-р Пикквик. – Он, собственно говоря, мой слуга; но я охотно позволяю ему некоторые вольности, потому что, между нами, он большой чудак, и я отчасти горжусь им.

– Вот что! – сказал рыжеватый джентльмен.

– На вкусы, видите ли, нет закона; Что-ж касается до меня, я вообще терпеть не могу чудачков – все, что имеет некоторым образом притязание на оригинальность, производит во мне корчи. – Как ваша фамилия, сэр?

– Вот моя карточка, сэр, – отвечал м-р Пикквик, забавляясь странными манерами забавного незнакомца.

– Вот что! – сказал рыжеватый джентльмен, укладывая карточку в свой бумажник. – Пикквик, м-р Пикквик – очень хорошо, можно сказать, прекрасно. Я вообще люблю узнавать чужия фамилии: это некоторым образом выручает из больших затруднений. Вот вам и моя карточка, сэр. Магнус, моя фамилия, сэр, прошу обратить внимание на это обстоятельство; Magnus, то есть великий, – как вам это нравится?

– Хорошая фамилия, – проговорил м-р Пикквик, стараясь подавить невольную улыбку.

– А имя еще лучше, – подхватил м-р Магнус. – Вообразите, ведь меня зовут Петером! Как вы его находите!

– Прекрасное имя – сказал м-р Пикквик.

– Вообразите, все мне говорят то же. Многие мои приятели решительно убеждены, что я сделаюсь когда-нибудь великим человеком.

– Очень может быть.

– Ну, господа, дилижанс готов, если вам угодно, – сказал кондуктор.

– Вещи мои уложены? – спросил м-р Магнус.

– Уложены, сэр.

– Все?

– Все.

– Красный мешок, например?

– Уложен.

– А полосатый мешок?

– Уложен.

– А серый бумажный узелок?

– Уложен.

– А кожаная картонка для шляпы?

– Ничего не забыто, сэр.

– Теперь, не угодно ли вам садиться? – сказал м-р Пикквик.

– Нет, нет, погодите, извините меня, м-р Пикквик, – отвечал Петер Магнус, останавливаясь на колесе. – В делах этого рода я люблю совершеннейшую аккуратность; я вижу, кондуктор виляет. – Эй, любезный!

– Что вам угодно? – откликнулся кондуктор.

– Уложена ли кожаная картонка для шляпы?

– Да ведь уж я имел честь доложить вам, что ничего не забыто.

– Полно, так ли? куда вы ее уложили? Покажите.

Кондуктор принужден был вынуть и показать владельцу требуемую вещь, и после тщательного осмотра картонка опустилась опять под козла в глубокий ящик. Успокоенный насчет этого пункта, рыжеватый джентльмен постепенно обнаружил беспокойные сомнения касательно, во-первых, красного мешка, который могли забыть, и, во-вторых, полосатого мешка, который могли украсть. Кондуктор снова принужден был представлять наглядные доказательства относительно неосновательности подобных подозрений. После всех этих церемоний, продолжавшихся около четверти часа, рыжеватый джентльмен согласился, наконец, взобраться

на кровлю дилижанса, заметив предварительно, что теперь у него гора свалилась с плеч, и что он совершенно счастлив.

– Подозрительны вы, сэра, Господь с вами, – сказал м-р Уэллер старший, искоса посматривая на незнакомца, когда тот возился на империале.

– Да, почти так, когда дело идет насчет каких-нибудь безделиц, – сказал незнакомец. – Зато в важных случаях я великодушен, как маленький ребенок. Теперь я спокоен, совершенно спокоен.

– Еще бы! пора уgomониться, – отвечал м-р Уэллер. – Самми, помоги своему господину. Другую ногу, сэра, вот так. Вашу руку, сэра, понатужьтесь. Баста. Думать надо, сэра, мальчиком вы были гораздо легче.

– Ваша правда, – сказал задыхаясь м-р Пикквик, продолжая взбираться на свое место.

– Ну, Самми, марш наверх, живей! – сказал м-р Уэллер. – Ступайте Вильям, пошевеливайтесь. Берегите под аркой свои головы, джентльмены, нагибайтесь – вот так.

И дилижанс покатился по Уайтчепелю, к великому удивлению всего народонаселения этого многолюдного квартала шумной столицы.

– Сторона, сэра, не совсем веселая, – сказал Самуэль, притрагиваясь к полям своей шляпы, что делал он всегда, при вступлении в разговор со своим господином.

– Справедливо, Сам, – отвечал м-р Пикквик обозревая прочищенными очками тесную и грязную улицу, по которой катился дилижанс.

– Замечательно, сэра, что устрицы и бедность идут рука об руку всякий раз, как выглядывают на свет.

– Что вы под этим понимаете, Сам?

– Ничего особенного, сэра, только история вот такая: чем беднее место, тем больше охотников до устриц. Здесь, например, как изволите видеть, девчонки почти перед каждым домом торгуют устрицами на своих запачканных скамейках.

– Хорошо. Что-ж отсюда следует?

– А то, сэра, что, если, примером сказать, какой-нибудь голоштанник не знает, что ему делать, он тотчас же выбегает на улицу из своей квартиры и начинает уписывать устрицы. Это, я полагаю, делается с отчаянья, сэра.

– С чего-ж больше? Разумеется, – сказал м-р Уэллер старший; – соленую семгу тоже хорошо употреблять с горя, особенно, если при этом водится хорошая настойка для утоления жажды. Вот почему, сэра, устрицы и семга идут рука об руку с бедными людьми.

– Это, однако ж, замечательные факты, – сказал м-р Пикквик, – я запишу их в первом же месте, где мы остановимся.

Тем временем они спокойно проехали шоссейную заставу. После глубокомысленного молчания, продолжавшегося мили две или три, м-р Уэллер старший вдруг повернул свою голову к м-ру Пикквику и сказал:

– Странную жизнь, сэра, ведут эти шоссейцы.

– Кто? – сказал м-р Пикквик.

– Шоссейцы.

– Что он хочет сказать? – спросил м-р Петер Магнус.

– Старик мой, джентльмены, понимает смотрителей шоссейной заставы, – заметил м-р Уэллер младший объяснительным тоном.

– Ну да, конечно, – сказал м-р Пикквик, – жизнь их, вероятно, заслуживает внимания во многих отношениях.

– Заметьте, сэра, что все это – люди, испытавшие большие несчастья в своей жизни, – сказал м-р Уэллер старший.

– Как это?

– Не могу вам объяснить, только это сущая правда. Вот почему они удаляются от света и скрывают свои горемычные головы в шоссейных будках. Здесь, с одной стороны, они находят для себя уединение, а с другой – они отмщают человеческому роду посредством сбора пошлин.

– Скажите, пожалуйста, этого никогда мне в голову не приходило, – заметил м-р Пикквик.

– А вещь очень простая, – сказал м-р Уэллер старший, – будь они джентльмены, их бы назвали мизантропами; а теперь просто-напросто величают их скалдырниками.

– Это стоит принять к сведению, – решил м-р Пикквик.

В таких разговорах, назидательных, забавных и полезных, незаметно проходило время в продолжение этой достопамятной поездки. М-р Самуэль Уэллер говорил без усталости, сообщая множество интересных замечаний, поступивших впоследствии в записную книгу ученого мужа. С своей стороны, м-р Петер Магнус интересовался знать обо всех подробностях относительно рода жизни и специальных занятий президента Пикквикского клуба. На станциях Петер Магнус, для препровождения времени и для успокоения своего сердца, продолжал наводить справки относительно своих узелков и разноцветных мешечков.

В Ипсвиче, на проезжей улице, влево от большой дороги, стоит знаменитая гостиница, известная всему миру под названием «Большого белого коня», изображенного, для большей ясности, в виде каменной статуи, с размашистым хвостом и длинной гривой, которая, вместе с головою, возвышается на кирпичном пьедестале у главного подъезда. Стоило только побывать один раз в этой гостинице, чтоб не забыть во всю жизнь её длинных галлерей, презревших всякое украшение вроде ковров или половиков, и бесчисленного ряда комнат, закоптелых, грязных, темных, но снабженных, однако же, всеми удобствами для утоления голода и жажды.

Здесь то, у ворот этой пресловутой таверны, останавливался в былые времена дилижанс из Лондона каждый вечер, в один и тот же час и здесь же, из этого лондонского дилижанса высадились теперь, невредимы и здоровы, м-р Пикквик, м-р Самуэль Уэллер и м-р Петер Магнус, успевший, наконец, окончательно успокоить свое сердце относительно сохранности своих вещей.

– Вы не здесь ли останавливаетесь? – спросил м-р Петер Магнус, когда еще раз выступили на сцену его разноцветные мешечки, бумажный узелок и кожаная картонка для шляпы, – вы не здесь ли останавливаетесь, сэр?

– Здесь, – сказал м-р Пикквик.

– Ах, Боже мой, какое чудесное, необыкновенное стечение обстоятельств! – воскликнул м-р Петер Магнус. – Ведь и я здесь останавливаюсь, решительно здесь. Надеюсь, мы обедаем вместе?

– С удовольствием, – отвечал м-р Пикквик. – Впрочем, мне надобно наперед удостовериться, здесь или нет мои друзья. – Послушайте, любезный, остановился ли у вас джентльмен, по имени м-р Топман?

При этом вопросе, к м-ру Пикквику лениво переваливаясь с ноги на ногу и почесывая затылок, подступил трактирный служитель с грязной салфеткой под мышкой, наблюдавший до этой поры проезжающих и проходящих по широкой улице. Он измерил ученого мужа от полей его шляпы до нижней пуговицы его штиблет и сказал выразительным тоном:

– Нет.

– А другой джентльмен, по имени Снодграс? – спросил м-р Пикквик.

– Нет.

– А м-р Винкель?

– Нет.

– Стало быть, мои друзья еще не приезжали, сэр, – сказал м-р Пикквик. – В таком случае мы обедаем вместе. – Послушайте, любезный, покажите нам особую комнату.

При этом требовании, жирный слуга приказал другому слуге распорядиться относительно вещей обоих джентльменов, и потом, приглашая их следовать за собой по длинной галлерее, отвел им большую, дурно-меблированную комнату с грязным камином, где трещало несколько перегоравших угольев, употребивших, по-видимому, бесполезные покушения осветить и развеселить это мрачное жилище. Через час путешественники получили для своего продовольствия порцию тухлой рыбы с черствой булкой, и когда обед был приведен подобным образом к желанному концу, они, с общего согласия, заказали бутылку рома и две бутылки портвейна, со включением горячей воды и лимонов для приготовления пунша. Вооружившись затем двумя огромными стаканами, наполненными живительною влагой, они дружелюбно уселись подле камина, куда, по их просьбе, подложили с десятков новых углей.

М-р Петер Магнус оказался вообще чрезвычайно любезным джентльменом, и живительная влага не замедлила вытянуть из его души самые сокровенные секреты. Мало-помалу рассказал он все, что имело некоторое отношение к его занятиям, делам, предположениям, планам, и сообщил весьма интересные подробности относительно всей своей родни и всех своих друзей, причем внимание его обращалось преимущественно на двух братцев, игравших весьма важную роль в фамильной драме. Устремив, наконец, с особой выразительностью свои голубые очки на ученого мужа, м-р Магнус спросил с веселой ужимкой и таинственным видом:

– А как вы думаете, м-р Пикквик, зачем я сюда приехал? А? Зачем, сэр?

– Как же я могу отгадать, – сказал м-р Пикквик.

– Отгадайте, сэр, попытайтесь, я прошу вас об этом.

– По делам, может быть?

– Ну, да, сэр, пожалуй, что так, а пожалуй, и не так! – отвечал м-р Магнус. – Нет, м-р Пикквик, попытайтесь еще, – вы человек ученый.

– Право, сэр, вы ставите меня в довольно затруднительное положение, – сказал м-р Пикквик, – я могу сделать множество предположений, и все-таки не напасть на сущность дела. Потрудитесь лучше сами объяснить причину вашего путешествия.

– Вот оно что! Хи, хи, хи, хи! – залился м-р Магнус. – Что вы думаете, м-р Пикквик, если я скажу, что... что... что я приехал сюда сделать предложение, сэр; каково? Хи, хи, хи!

– Что-ж? Это очень естественно, – сказал м-р Пикквик, бросая на своего собеседника лучезарную улыбку, – я полагаю, вы будете иметь успех.

– Право? Вы точно так думаете, м-р Пикквик? Вы не шутите, сэр?

– Вовсе нет.

– Полно так ли? Скажите лучше по совести, что вы не шутите?

– Уверяю вас, что нет.

– Ну, м-р Пикквик, если сказать вам всю правду, так я почти и сам уверен в успехе. И уж если речь пошла на откровенность – вот видите ли, м-р Пикквик, я ревнив, демонски ревнив – но уж так и быть, я скажу вам по секрету, что эта особа здесь, в этой гостинице. Каково? Хи, хи, хи!

Здесь м-р Магнус снял очки, поморгал глазами, и потом немедленно опять надел их на свой нос.

– Так вот почему перед обедом вы так часто выбегали из комнаты, – сказал м-р Пикквик с лукавым видом.

– Ну, почти так... то-есть, я не настолько глуп, чтоб согласился встретиться с нею в таком растрепанном виде.

– Отчего же?

– Не годится. С дороги всего лучше отдохнуть, да подумать, а там – утро вечера мудренее. В моем чемодане, сказать вам по секрету, отличная пара нового платья, от которого я ожидаю большего эффекта.

– Вот что! – воскликнул м-р Пикквик.

– Да, ни больше, ни меньше. Теперь вы понимаете мое беспокойство дорогой и наставления кондуктору. Такого фрака, м-р Пикквик, и таких панталон вы не купите ни за какие деньги. Моя шляпа – просто загляденье.

М-р Пикквик с радушной улыбкой поздравил счастливого владельца драгоценных принадлежностей джентльменского туалета, способного производить победоносные эффекты. М-р Магнус погрузился на несколько минут в мысленное созерцание своих будущих планов.

– Она красавица, м-р Пикквик.

– Право?

– Прелестнейшее создание, – подтвердил м-р Магнус. – Она проживает в двадцати милях отсюда, м-р Пикквик. Меня известили, что она приедет сюда сегодня, вечером и пробудет в этой гостинице завтра до обеда: вот, собственно по этой-то причине, я бросил в Лондоне все дела и поспешил воспользоваться удобным случаем. Видите ли, м-р Пикквик: гостиница, по-моему мнению, самое удобное место для объяснений этого рода с одинокою женщиной. В дороге, я полагаю, гораздо более, чем дома, она в состоянии почувствовать беспомощность своего положения. Вы что думаете, м-р Пикквик?

– Мне кажется, вы рассуждаете основательно, – сказал ученый муж.

– Нет, прошу извинить, м-р Пикквик; но любопытство у нас в крови, и к тому же я почувствовал к вам дружбу с первого взгляда.

М-р Пикквик поклонился.

– Поэтому, сэр, – продолжал м-р Магнус, – я желал бы знать: вы зачем пожаловали в этот город?

– Ну, сэр, мои похождения далеко не имеют такого поэтического характера, как ваши, – отвечал м-р Пикквик, проникнутый вдруг благородным негодованием при мысли о вероломстве и мошенничестве своего презренного врага, – я приехал сюда единственно затем, чтобы обличить в безнравственных поступках человека, который пользовался некогда моим совершенным доверием.

– Так он изменил вам?

– Самым бесстыдным образом.

– Боже мой, как это неприятно! – воскликнул м-р Магнус.

– Ужасно! – воскликнул м-р Пикквик.

– Понимаю вас, сэр, и сочувствую вам. Человек, или правильнее, человечца, о которой идет речь... не перебивайте, я все понял. Вы можете быть насчет меня совершенно спокойны, м-р Пикквик: я не стану осуждать вас, помилуй Бог. Мучительные опыты в жизни, искушения тяжкие, можно сказать. Не церемоньтесь со мною, м-р Пикквик, если хотите дать простор своим чувствам. Я знаю по собственному опыту, что значит быть обманутым, сэр: я испытал это три или четыре раза на своем веку.

М-р Пикквик между тем завел свои часы и положил их на стол.

– Мне приятно, – сказал он, – благодарить вас за радушное участие, м-р Магнус; но я считаю своей обязанностью объяснить...

– Ни полслова, сэр, сделайте одолжение, – возразил м-р Магнус, – эти дела не договариваются. Я уважаю вашу тайну. – Который час, м-р Пикквик?

– Ровно двенадцать.

– Боже мой, как поздно! Давно пора бы спать. Завтра я, пожалуй, буду желт и бледен, м-р Пикквик.

Пораженный такую страшную мыслью, м-р Магнус неистово позвонил в колокольчик, и когда явилась трактирная служанка, все его вещи немедленно отнесены были в спальню, куда, вслед за изящной картонкой, он отправился и сам с японским подсвечником в руках. М-р Пикквик, вооруженный другим подсвечником, отправился, через лабиринт переходов, в свой собственный номер.

– Вот ваша комната, сэр, – сказала служанка.

– Очень хорошо, – проговорил м-р Пикквик, озираясь кругом.

Это была довольно просторная комната с камином и двумя постелями, снабженными всеми принадлежностями белья. Помещение оказалось вообще гораздо более удобным, чем можно было ожидать.

– В другой постели, конечно, никто не спит, – сказал м-р Пикквик.

– Никто, сэр.

– Очень хорошо. Потрудитесь, моя милая, сказать моему слуге, чтобы он завтра к половине девятого приготовил для меня теплой воды. Теперь он может ложиться спать.

– Слушаю, сэр.

И, пожелав м-ру Пикквику спокойной ночи, девушка ушла и затворила за собою дверь. М-р Пикквик остался один.

Усевшись теперь пред решеткою камина, м-р Пикквик погрузился в глубокомысленные размышления. Он думал сперва о своих друзьях, старался разгадать, отчего они так долго остаются в Бери, потом мысль его перешла к м-с Марте Бардль, и, наконец, по естественному сцеплению идей, мысли м-р Пикквика остановились мало-помалу на гостинице «Большого белого коня», и он припомнил, что уже давно наступила пора предаться безмятежному покою. На этом основании он начал раздеваться на скорую руку, как вдруг пришло ему в голову, что часы его остались внизу, на том самом столе, где стояли опороженные бутылки и стаканы.

Теперь должно заметить, что эти часы были одним из самых любимых предметов ученого мужа, и он носил их в своем жилете с незапамятной поры. Мысль о возможности спать, не прислушиваясь по временам к бою этих часиков, положенных под подушку, никогда не западала в голову м-ра Пикквика. Что-ж тут делать? Не желая звонить и беспокоить слуг в такое позднее время, м-р Пикквик снова надел свой фрак и вышел из комнаты с японским подсвечником в руках.

Но чем больше проходил он лестничных ступеней, тем больше, казалось, лестниц предстояло впереди в этом лабиринте. Очутившись в каком-то узком проходе, м-р Пикквик уже готов был поздравить себя с окончанием трудного пути, как вдруг перед глазами его открылся новый ряд ступеней. Наконец, мало-помалу, добрался он до грязного коридора в нижнем этаже; но и здесь величайших хлопот стоило ему отыскать комнату, где пировал он с м-ром Магнусом. Он уже готов был отказаться от бесполезных поисков, как вдруг, отворив наудачу какую-то дверь, увидел знакомый стол, и на столе – свои часики с золотой цепочкой.

С величайшим торжеством м-р Пикквик схватил свою драгоценную собственность и в веселом расположении духа ускоренными шагами направился в обратный путь; но, к несчастью, на деле оказалось, что это путешествие представило бесконечные и совсем неожиданные затруднения. Двери одинаковой формы, величины и вида пересекали ему дорогу справа и слева, спереди и сзади. В верхнем этаже он пытался войти в тот или другой номер, обманутый необыкновенным сходством его со своей собственной спальней, но каждый раз ему кричали изнутри: – «какой дьявол там возится?» или «чего вам надо?» – и м-р Пикквик отпрядывал на цыпочках в дальнейший путь. Он был уже доведен до крайней степени отчаяния, как вдруг отворенная дверь одной из комнат обратила на себя его напряженное внимание. Он заглянул во внутренность её и, как нельзя больше, обрадовался, убедившись в тождестве номера с своею спальней. Две постели стояли неподвижно, и в камине еще продолжал гореть огонь. Лишь только затворил он дверь, его свеча совсем догорела и загасла.

– В этом теперь нет беды, – сказал м-р Пикквик, – можно раздеться и без свечи, при свете каминного огня.

Постели, прикрытые большими занавесами от потолка до полу, стояли в весьма не далеком расстоянии одна от другой, по ту и другую сторону двери. Между занавесами и кроватью был поставлен соломенный стул, от которого тянулся ковер до края кровати. Задержав обе

половинки занавеса, м-р Пикквик сел на стул и поспешил прежде всего скинуть свои штiblеты. Затем он постепенно снял свой фрак, брюки, жилет и прикрыл свою голову ермолкою с кисточками, которую он тщательно завязывал на ночь шнурками у самого подбородка. Совершая таким образом эти предварительные приготовления, он вдруг припомнил свое ночное странствование до лестницам и коридорам и, закинув голову на спинку соломенного стула, разразился таким добродушно-веселым смехом, что посторонний наблюдатель мог бы почувствовать истинное наслаждение, если бы ему удалось наблюдать в эту минуту лучезарные черты великого человека.

– Чего, подумаешь, не может случиться с человеком! – сказал м-р Пикквик самому себе, заливаясь таким игриво-громким смехом, что чуть не порвались шнурки его ермолки. – Кто бы мог подумать, что мне придется, как вору, подкрадываться по всем этим комнатам и тревожить бедных людей! Забавно, очень забавно.

Уже м-р Пикквик, продолжая улыбаться, собирался вновь открыть уста для произнесения красноречивого монолога, как вдруг неожиданное происшествие прервало его на самом интересном месте. В комнату вошла какая-то особа со свечью в руках, заперла за собою дверь и поставила свечу на стол.

Улыбка, заигравшая было на устах ученого мужа, мгновенно исчезла в чертах, выразивших самую высокую степень изумления и досады. Особа, кто бы она ни была, вошла так внезапно и с таким решительным видом, что м-р Пикквик, потеряв присутствие духа, не успел и даже не подумал оказать какое-либо сопротивление. Кто бы это был? Мошенник, может быть, подметивший в его руках золотые часы, когда он пробирался по коридору? Что хотела здесь эта особа?

Чтобы покончить с этим недоразумением, всего лучше было лечь в постель, протянуть потихоньку ноги, прислушиваться и поглядывать исподтишка на движения и уловки ночного гостя. М-р Пикквик так и сделал. Отдернув немножко угол занавеса, чтобы беспрепятственно делать свои наблюдения, м-р Пикквик надел очки, поправил ермолку и призвал на помощь все свое мужество, не покидавшее его во всех решительных случаях жизни.

Результат наблюдений был ужасен в полном смысле слова. Среди комнаты, перед зеркалом, стояла, тщательно расчесывая свои волосы, женщина средних лет в желтых папилютках. Оказывалось по всем признакам, что она собиралась здесь провести всю ночь. Окончив головной убор, она прошлась раза три по комнате, потушила свечу и зажгла ночник, поставив его в таз, где предназначалось ему освещать комнату в продолжение ночи. «Великий Боже! какое страшное столкновение обстоятельств!» – подумал м-р Пикквик.

– Гм! – сказала леди, поправляя ночник в медном тазу.

М-р Пикквик поспешил, с быстротой молнии, запрятать свою голову под одеяло.

«Что может быть ужаснее этого!» – подумал бедный м-р Пикквик, отирая потихоньку холодный пот с своего чела. – «Есть отчего потерять голову».

Но не было никакой возможности победить непреодолимое желание видеть, что происходило в комнате. Притаив дыхание, м-р Пикквик опять выставил свою голову из-под одеяла. Перспектива, представившаяся его глазам, была еще ужаснее прежнего. Полураздетая леди остановилась в интересной позе перед камином и снимала башмаки.

– Это, однако ж, из рук вон, – рассуждал сам с собою м-р Пикквик, – надобно как-нибудь положить этому конец. Из поступков этой леди становится для меня совершенно очевидным, что я зашел в чужой номер. Что-ж мне делать? Вымолви я хоть одно слово, она, чего доброго, поставит на ноги весь дом; но если я неизменно останусь в этом положении – последствия могут быть еще ужаснее.

Нечего и говорить, что м-р Пикквик, был целомудрен, как Ньютон, и скромнен, как невинная девица в первую пору цветущей красоты. Уже одна мысль предстать в ермолке перед дамой

приводила его в трепет; но, к великому ужасу, он никак не мог освободиться от этого головного убора, потому что шнуры у подбородка затянулись в гордиев узел.

Надлежало, однако ж, во что бы ни стало, обнаружить свое присутствие в женской спальне. Для этого могло быть только одно средство. Запятав свою голову под одеяло, м-р Пикквик произнес очень громко:

– Гм! Кхи, кхи!

Видимо, леди испугалась при этом внезапном звуке, потому что голова её опрокинулась на спинку кресел, но было совершенно ясно, что она тотчас объяснила себе его работой своего воображения, потому что, когда м-р Пикквик, ожидая обморока, или, по крайней мере, истерического припадка, осмелился выставить из-под одеяла свою голову, незнакомка спокойно, как и прежде, сидела перед камином, погруженная в тайные мысли.

«Удивительная женщина!» – подумал м-р Пикквик, нахлобучивая опять одеяло на свою голову. – Кхи, кхи! Гм!

Эти последние звуки, резкие и сильные, очевидно обличавшие присутствие живого существа, не могли быть никаким образом объяснены действием галлюцинации. Незнакомка вздрогнула.

– Великий Боже! – воскликнула она. – Что бы это значило?

– Ничего, сударыня, – проговорил м-р Пикквик из-под одеяла, – это лишь только джентльмен.

– Джентльмен! – взвизгнула леди с выражением изумления и ужаса.

«Все пропало!» – подумал м-р Пикквик.

– Незнакомый мужчина! – вскрикнула леди.

Еще какая-нибудь минута, и, нет сомнения, весь дом был бы на ногах. Незнакомка уже бросилась к дверям.

– Сударыня, – сказал м-р Пикквик, высовывая свою голову из-под одеяла, – сударыня.

М-р Пикквик, должно заметить, высунул свою голову просто с отчаяния, без всякой определенной мысли; но этот маневр неожиданно произвел весьма благотворное действие. Незнакомка, сказали мы, была уже подле дверей и собиралась перешагнуть через порог, но, оглянувшись назад, наткнулась глазами на ермолку м-ра Пикквика и машинально попятилась в отдаленный угол спальни. Минуты две она безмолвно смотрела на м-ра Пикквика, который, в свою очередь, с безмолвным изумлением смотрел на нее.

– Негодный! – вскрикнула леди, закрывая руками свои глаза, – что вы здесь делаете?

– Ничего, сударыня, решительно ничего, уверяю вас, – сказал м-р Пикквик выразительным тоном.

– Как ничего! – закричала леди, бросив на него презрительный взгляд.

– Ничего, сударыня, честное слово, – сказал м-р Пикквик, делая такой энергический кивок своею головою, что кисти заплясали на его ермолке, – мне крайне совестно, сударыня, что я принужден разговаривать с вами при таких обстоятельствах и в таком уборе; но, право, сударыня, я никак не могу освободиться от этой негодной ермолки.

И в подтверждение своих слов, м-р Пикквик сделал отчаянный жест; но ермолка упорно продолжала болтаться на его голове. Незнакомка улыбнулась, и эта улыбка, казалось, ободрила ученого мужа. Он продолжал:

– Теперь для меня очевидно, сударыня, что я имел несчастье попасть в чужую комнату: ваша спальня ничем не отличается от моей. Я пробыл здесь не более пяти минут до того времени, как вы изволили войти.

– Все это похоже на сказку, сэ, – сказала раздраженная леди, – но если вы говорите правду, я прошу вас немедленно оставить меня в покое. Извольте идти вон.

– С величайшим удовольствием, сударыня.

– Убирайтесь сию же минуту.

– Непременно, сударыня, – перебил м-р Пикквик с необыкновенною живостью, – непременно. Позвольте изъяснить, сударыня, крайнее сожаление, – продолжал м-р Пикквик, выбираясь из постели и отдергивая занавес, – мне чрезвычайно неприятно, что я сделался невольною причиною такой тревоги и волнения. Это меня огорчает, можно сказать, до глубины души.

Вместо ответа, незнакомка указала на дверь. В эту роковую минуту и при таких критических обстоятельствах, в полной мере обнаружилась превосходнейшая черта характера великого мужа. Он напялил на скорую руку шляпу на свою ермолку, взял под мышку штиблеты и повесил через плечо свой фрак с жилетом; но эта многосложная операция отнюдь не помешала ему выразить свои чувства самым учтивым, ласковым, истинно джентльменским тоном.

– Я чрезвычайно жалею, сударыня, – проговорил м-р Пикквик, раскланиваясь с дамой.

– В таком случае, сэр, оставьте мою комнату, – сказала леди.

– Сейчас, сударыня, сию минуту, – сказал м-р Пикквик, отворяя дверь, причем штиблеты его с громким треском повалились на пол.

Незнакомка сделала нетерпеливое движение.

– Надеюсь, сударыня, – продолжал м-р Пикквик, подбирая штиблеты и оборачиваясь назад, чтоб отвесить низкий поклон, – надеюсь, сударыня, что мое глубокое уважение и безграничная преданность к прекрасному полу могут, некоторым образом, служить в настоящем случае достаточным извинением, и, так сказать...

Но, прежде, чем он кончил речь, раздраженная леди вытолкнула его в коридор и заперла дверь своей спальни.

Несмотря, однако ж, на весьма счастливую развязку этой печальной истории, м-р Пикквик был по выходе из дамской спальни поставлен в довольно неприятное положение. Одинокий и полу-раздетый, он очутился в темном коридоре, в чужом, совершенно незнакомом доме, в глубокую полночь. Нечего было и думать о благополучном окончании обратного путешествия среди непроницаемого мрака: при малейшем шуме или при неосторожной попытке постучаться в какую-нибудь дверь, он подвергался вероятной опасности быть застреленным или получить смертельный удар от руки какого-нибудь путешественника. Был только один, весьма неприятный способ выпутаться из беды: оставаться до рассвета на одном и том же месте, поручив себя покровительству невидимого гения. Таким образом, сделав наудачу несколько шагов и наткнувшись один раз на какой-то хрупкий предмет, м-р Пикквик пробрался в отдаленный угол и с философским хладнокровием решил дождаться рассвета.

Но судьба, по-видимому, жалилась над великим человеком и решила избавить его от ночного бодрствования на грязном полу в темном и холодном коридоре. Лишь только снял он шляпу и прислонился спиною к стене, как вдруг, в конце галереи, к несказанному его ужасу, появился какой-то человек со свечью в руках. Но этот ужас мгновенно превратился в неописываемую радость, когда великий человек узнал фигуру своего верного слуги. В самом деле, это был м-р Самуэль Уэллер, отправлявшийся на сон грядущий после продолжительной беседы с трактирным слугою, чистившим сапоги.

– Самуэль, – сказал м-р Пикквик, смело выступая вперед, – где моя комната?

М-р Уэллер обомлел и вытаращил глаза. Выслушав еще несколько раз нетерпеливый вопрос своего господина, он безмолвно повернулся направо кругом и пошел вместе с ним отыскивать потерянный номер. Путешествие было совершено без дальнейших приключений.

– Самуэль, – сказал м-р Пикквик, ложась в постель, – я сделал в эту ночь чрезвычайно странную, можно сказать, неслыханную ошибку.

– Очень может статься, – сухо отвечал м-р Уэллер.

– Но вот в чем дело, Самуэль: хозяин этого дома – страшный мошенник.

– Почему вы так думаете?

– Да потому, что все комнаты у него как две капли воды похожи одна на другую. Проживи я здесь теперь больше шести месяцев, я никогда не решусь бродить в ночное время один по всем этим лестницам и коридорам: это мое неизменное решение.

– И очень хорошо сделаете, сэр, – отвечал м-р Уэллер, – за вами непременно должен подсматривать дядька в ту пору, как ваш ум блуждает в эмпиреях.

– Что вы под этим подразумеваете? – спросил м-р Пикквик.

Он слегка приподнялся на своей постели и протянул руку вперед, как будто желая предложить еще какой-то вопрос; но вдруг, повернувшись на другой бок, сказал:

– Ступайте спать, Самуэль.

– Слушаю, сэр. Спокойной вам ночи.

Выходя из дверей, м-р Самуэль Уэллер приостановился, почесал затылок, снял нагар со свечи, покачал головой, и в заключение махнув рукой, медленными шагами поплелся в свою каморку. Было ясно, что в голове его совершался процесс мысли, медленный и трудный.

Глава XXIII

Мистер Самуэль Уэллер встречается старого знакомого и старается заплатить свой долг.

В небольшой каморке подле конюшни «Большого белого коня», поутру на другой день после ночного столкновения ученого мужа с незнакомой леди в желтых папилютках, сидел м-р Уэллер старший, приготавливаясь к обратной поездке в Лондон. И сидел он в такой превосходной позе, что художник мог бы снять с него самый верный портрет. Вот он вам с головы до ног.

Могло стать, что в первоначальную эпоху свежей юности профиль м-ра Уэллера представлял решительные и смелые контуры; но его лицо, с течением времени, приняло чересчур обширные размеры под влиянием питательных веществ горячительного свойства. Мясистые изгибы его щек до того переступили за нормальные пределы, назначенные для них природой, что посторонний наблюдатель, рассматривая его в профиль, мог в этой расплывающейся массе отличить не иначе как с большим трудом одну только верхушку его багрового носа. По этой же самой причине, подбородок м-ра Уэллера, разделившись весьма резко на две половины, получил, с течением времени, чрезвычайно важную, сановитую форму, и вся его физиономия представляла такую пеструю смесь цветов которая может исключительно принадлежать только джентльменам, посвятившим свои физические и моральные способности кучерскому искусству. На шее м-р Уэллер носил малиновую шаль, выплывавшую на его трех-этажный подбородок с такою незаметною постепенностью, что трудно было, по крайней мере с первого взгляда, отличить складки шали от складок подбородка. Над малиновой шалью воздымался длинный-предлинный пестрый жилет с широкими полосами ярко вишневого цвета. Длиннопольный и широкий сюртук м-ра Уэллера был украшен спереди и сзади светлыми медными пуговицами огромного размера. Коротеньких волос м-ра Уэллера, черных и гладких, почти вовсе не видно было под размашистыми полями его низенькой, серой шляпы. Его ноги, украшенные сверху широкими штанами, закупоривались снизу живописными ботфортами с длинными кисточками вычурной формы. На медной часовой цепочке, украшавшей грудь м-ра Уэллера, висели его фамильная печать и медный ключ, употребляемый для завода его луковицы, красовавшейся в одном из карманов жилета.

Мы сказали, что м-р Уэллер готовился к обратной поездке в Лондон: это значит – он жуировал и прохлаждался. На столе перед ним стояли в симметрическом порядке: кружка шотландского пива, порция бифштекса и пирог солидной величины. На все эти предметы в равной степени распространялась благосклонность м-ра Уэллера, и он уже отрезал огромный кусок от пирога, как вдруг перед дверью послышались чьи-ю шаги. М-р Уэллер оглянулся и увидел своего возлюбленного сына.

– Здравствуй, Самми, – сказал отец.

Вместо ответа, сын подошел к столу, взял кружку с пивом, и, мигнув в сторону отца, втянул в себя несколько продолжительных глотков.

– Хорошо, Самми, очень хорошо, – сказал м-р Уэллер старший, заглядывая в кружку, опорожненную его возлюбленным сыном. – Ты потягиваешь на славу, мой милый, лучше всякой устрицы. Да что тут толковать? Между устрицами ты мог бы занять первейшее место.

– Спасибо на добром слове, старичина, – отвечал Самуэль, посылая в рот отрезанный кусок бифштекса.

В это время принесли новую кружку пива.

– Досадно, Самми, – сказал старший Уэллер, собираясь утолить свою жажду, демонски досадно, мой друг, что тебя поддеюлил этот ширококорый шаромыжник в светло-серой ливрее. Скажи мне об этом кто-нибудь другой, я бы не поверил, честное слово. До сих пор еще никто из фамилии Уэллеров не позволял водить себя за нос.

– Кроме разве одного случая относительно вдовицы, – сказал Самуэль.

– Ну, брат, это совсем другая статья, – возразил м-р Уэллер старший, полируя окончность своего носа, – вдовицы, можно сказать, составляют исключение из всякого правила. Было писано где-то, я не помню где, что вдова «в одно ухо влезет, а в другое вылезет, как ни в чем не бывало». В деле надувательства, говорят, сам чорт не сравнится с бабой, которой нужно завербовать для себя второго мужа.

– Оно, пожалуй, что это так, дедушка, только...

– Притом, любезный, это совсем другая статья, особый артикул, что называется, – продолжал м-р Уэллер старший, не обращая внимания на возражение сына, – помнишь ли ты, друг мой, что сказал в суде один адвокат, защищавший джентльмена, который имел обыкновение под веселую руку колотить кочергой свою жену? – «Это, милостивые государи, – сказал он, – очень милая и оригинальная слабость, вполне достойная снисхождения благомыслящих людей!» Вот это же самое я говорю относительно вдовиц, да и сам ты, любезный, будешь так же рассуждать, когда войдешь в мои лета.

– Жаль, что я этого не знал! – сказал Самуэль.

М-р Уэллер старший со всего размаха ударил по столу и продолжал энергическим тоном:

– Жаль, что ты этого не знал! Еще бы! Это срам, мой друг, просто срам! Уэллер поддался на обман! Уэллер попал на удочку явного мошенника! Да это, любезный, несмываемое пятно на нашем роде! Знаю я одного прощальгу, который проведет, надует, поддедюлит всех мошенников на свете, а он еще совсем молодой человек и далеко не получил такого воспитания, как ты. Затем ли я выгонял тебя на улицу и заставлял ночевать на мокрой земле; затем ли, друг мой, Самми, чтобы ты сыграл из себя олуха в обществе какого-нибудь сорванца?

И, в припадке сердечной печали вызванной такими отчаянными размышлениями, Уэллер старший неистово позвонил в колокольчик и приказал подать новую бутылку шотландского пива.

– Однакож, нечего нам с тобою переливать из пустого в порожнее, – сказал Самуэль, – что прошло, того не воротить ни за какие блага, и стало быть, надобно без ропота сносить свою кручину. Я только-что начинаю свою жизнь, и ты знаешь, первую песенку зардевшись поют. Дай мне еще раз наткнуться на этого прощальгу, я разделаюсь с ним по-свойски.

– Надеюсь, мой друг, ты не посрамишь своего имени в другой раз – сказал м-р Уэллер старший, – твое здоровье, Самми! крепись, мужайся, преуспевай.

И в честь этого примирительного тоста, старик несколькими глотками втянул в себя около трех четвертей вновь принесенной кружки. Остальное немедленно dokonчил залпом его возлюбленный сын.

– Теперь, друг мой Самми, – сказал м-р Уэллер старший, вынимая из кармана серебряную луковицу, прикрепленную к медной цепи, – пора теперь заглянуть в контору и посмотреть, как заряжают карету; потому что, видишь ты, кареты ведь все то же, что ружья: их надобно заряжать умеючи, с большою осторожностью, не торопясь и не хватаясь навзбалмошь, за что ни попало.

При этой замысловатой сентенции родителя, м-р Уэллер младший нежно улыбнулся сыновнею улыбкой. Почтенный родитель поправил шляпу, почесал переносье и продолжал торжественным тоном:

– Мы должны расстаться, друг мой Самми, и никто в мире не может знать, когда еще мне придется увидеть тебя в другой раз. Мачеха твоя, пожалуй, взбесится и прогонит меня с глаз долой или встретятся другие печальные оказии, прежде, чем ты получишь какую-нибудь весть о старике Уэллере, знаменитом кучере обширной столицы. Честь фамильного имени главным образом зависит от тебя, любезный сын, и я надеюсь, ты не ударишь лицом в грязь. Относительно маловажных случаев жизни распространяться я не стану, потому что вообще я полагаюсь на тебя, как на самого себя. Один только совет я считаю нужным дать тебе, как отец и как истинный твой друг и благодетель. Не женись никогда и помни мачеху.

При этих словах м-р Уэллер старший еще раз взглянул на своего сынка и, поворотившись к нему спиной, немедленно исчез с его глаз.

Погруженный в созерцательное настроение духа, м-р Уэллер, расставшись с своим почтенным родителем, направил свои шаги из гостиницы «Большого белого коня» к церкви Клементя, стараясь рассеять свою печаль прогулкой по уединенным местам, Долго блуждал он без всякой определенной мысли, и, наконец, сам не зная как, очутился на каком-то обширном дворе, откуда можно было выбраться не иначе, как через ту же самую калитку, в которую он вошел. Уже он поворотил назад, как вдруг внимание его было привлечено внезапным явлением, приковавшим его ноги к одной точке обширного двора. Мы считаем необходимым объяснить сущность этого явления.

М-р Самуэль Уэллер глазел, от нечего делать, на старинные кирпичные здания, бросая по временам пылливый взгляд на хорошенькую девушку-служанку, сидевшую в спальне у открытого окна, полузавешенного сторой. Вдруг отворилась зеленая калитка сада, разведенного в конце двора, и человек, вышедший оттуда, тщательно затворил калитку за собою и круто поворотил к тому самому месту, где стоял м-р Уэллер.

Само собою разумеется, что этот изолированный факт, рассматриваемый сам по себе, без всякого отношения к другим соприкосновенным обстоятельствам, не представляет ничего удивительного: во всех частях света, люди могут выходить из сада, затворять за собою зеленые калитки и даже круто поворачивать, куда и как им угодно, не обращая на себя ни малейшего внимания посторонних лиц. Ясно, стало быть, что м-р Уэллер заметил что-нибудь особенное в манерах, осанке и личности незнакомца, вышедшего из сада. То ли, другое ли, пусть читатель судит сам, как скоро мы расскажем ему о поведении особы, о которой идет речь.

Мы уже докладывали, в какую сторону незнакомец направил свои быстрые шаги; но лишь только он увидел м-ра Уэллера, в осанке и походке его произошла очевидная перемена. Он подпрыгнул, приостановился, сделал опять шага два вперед и, по-видимому, оставался в нерешимости недоумевая, куда направить дальнейший путь. Так как позади зеленая калитка была уже заперта, а впереди был только один исход, то он очень скоро понял, что ему неизбежно пройти мимо м-ра Уэллера. Сделав такой расчет, он пошел опять быстрыми шагами, глаза смело на окружающие предметы. Вдруг он скорчил свое лицо наиприветнейшим образом и принялся выделывать самые изумительные гримасы, какие когда-либо видел смертный. В одну минуту физиономия его изменилась совершеннейшим образом, как, может быть, ни один ваятель не в состоянии изменить своим резцом первоначальную форму мрамора или гипса.

– Вот чудеса-то! – говорил м-р Уэллер самому себе, по мере приближения незнакомца, – а я готов был биться об заклад, что это он.

Корчи на лице незнакомца сделались еще страшнее.

– Его волосы и его ливрея, готов присягнуть, – сказал м-р Уэллер, – только в жизни не видал я такой страшной рожи.

Между тем как м-р Уэллер произносил эти слова, черты незнакомца искривились и съезжились так, что, по-видимому, он чувствовал невыразимую боль. При всем том, когда он поровнялся с м-ром Уэллером, испытующий взгляд этого джентльмена открыл в нем такие признаки, которые несомненно могли принадлежать одному только м-ру Иову Троттеру.

– Эй вы, любезнейший! – закричал м-р Уэллер.

Незнакомец остановился.

– Эй куманек! – повторил Самуэль.

Незнакомец, скорчивший рожу, смотрел с величайшим изумлением на двор, на стены и окна зданий, смотрел всюду, не глядя лишь на м-ра Уэллера, который между тем не замедлил развлечь его внимание вторым более громким окриком:

– Эй, голубчик!

Теперь уж было слишком ясно, откуда шел этот громкий голос. Не думая и не надеясь больше увернуться, незнакомец, сделавший еще несколько шагов, принужден был взглянуть прямо в лицо м-ра Уэллера.

– Полно кобениться, Иов Троттер, – сказал Самуэль, – видна сова по полету. Что вы повертываете своими буркалами, как мартышка в ситцевой фуфайке? Смотрите на меня прямо, любезный, или на этот раз я повыжму настоящую водицу из ваших глаз. Слышите?

Так как м-р Уэллер оказывал, по-видимому, полную готовность привести в исполнение свою грозную ласку, то м-р Троттер постепенно сообщил своим чертам их естественную форму и, сделав радостный прыжок, воскликнул веселым тоном:

– Что я вижу? Вы ли это, м-р Уокер!

– Вот оно как! – отвечал м-р Уэллер. – Стало быть, вы рады меня видеть?

– Ох, как рад! – воскликнул м-р Иов Троттер. – Если бы вы знали, м-р Уокер, с какой горячностью, с каким нетерпением я добивался этой встречи! Право, я с ума схожу, м-р Уокер.

С этими словами м-р Троттер заплакал, зарыдал и, проникнутый чувством необыкновенного восторга, заключил в объятия своего знакомого.

– Отвяжитесь, проклятый человек! – вскричал раздраженный Самуэль, стараясь освободиться от этих энергических объятий. – Отвяжитесь, говорю вам. Что вы разревелись, как теленок?

– Я так обрадовался, м-р Уокер, право! – отвечал Иов Троттер, когда прошли первые порывы его восторга. – Ведь это, можно сказать, необыкновенное счастье!

– Право? Что-ж вы намерены мне сказать?

М-р Троттер не отвечал ничего, потому что розовый платочек, приставленный к его глазам, усиленно функционировал в эту минуту.

– Говорите, негодяй, или я сверну вам шею! – повторил м-р Уэллер, грозным тоном.

– Ах! – воскликнул м-р Троттер с видом изумленной добродетели.

– Что-ж вы хотели мне сказать?

– Я? м-р Уокер!

– Не называйте меня Уокером. Мое имя – Уэллер: вы это очень хорошо знаете. Ну, что вы хотите сказать?

– Целую историю, м-р Уокер, то есть м-р Уэллер – но ведь посудите сами... на первых порах... если бы вы удостоили пойти в такое место, где нам можно было бы побеседовать без помехи. Если бы вы знали, как я искал вас, м-р Уэллер...

– Старательно искал, могу представить, – сухо проговорил Самуэль.

– Очень, очень старательно, будьте уверены, – отвечал м-р Троттер с выражением детской невинности на своем лице. – Вашу руку, м-р Уэллер.

Самуэль еще раз оглядел своего приятеля с ног до головы и потом, как будто осененный внезапной мыслью, подал ему руку.

– Как поживает ваш добрый, любезный господин? – сказал Иов Троттер, когда они сделали несколько шагов. – О, это, я вам скажу, достойнейший джентльмен, м-р Уэллер. Надеюсь, он не простудился после этой страшной ночи?

При этом вопросе м-р Уэллер почувствовал сильнейшее желание испробовать ловкость и силу своего сжатого кулака на тучных ребрах сердобольного Иова; однако ж, удерживая себя, он отвечал спокойным тоном, что господин его, слава Богу, совершенно здоров, благополучен и весел.

– Ах, как я рад! – воскликнул м-р Троттер. – Он здесь?

– А ваш здесь? – спросил Самуэль вместо ответа.

– Да, тут он на мою беду, и мне больно заметить, м-р Уэллер, что господин мой затевает весьма недобрые дела.

– Какие?

- Вымолвить страшно, м-р Уэллер.
- Опять девичий пансион?
- Нет, уж не пансион, – отвечал сердобольный Иов, бросая на своего собеседника косвенный взгляд, – уж не пансион, м-р Уэллер.
- Не в этот ли дом вы запускаете свои лапы?
- Помилуйте, м-р Уэллер! Как вам не грех впутывать меня в злодейские замыслы бесчестных людей! – отвечал Иов Троттер с необыкновенною живостью. – Нет, сэр, господин мой не знает этого дома.
- А вы что здесь делали? – спросил Самуэль, бросая пронизательный взгляд, – уж не случайно ли вы вышли из этой зеленой калитки?
- Послушайте, м-р Уэллер, я пожалуй, рад открыть вам свои маленькие секреты, потому что, ей Богу, я полюбил вас с первого взгляда. Да и вы, кажется, были ко мне благосклонны. Помните, как весело и дружелюбно провели мы то утро в гостинице «Вестник»?
- О, да, очень помню, – сказал Самуэль тоном негодования, – помню.
- Ну, так вот извольте видеть, – продолжал Иов Троттер тоном человека, открывающего весьма важную тайну, – в этом доме с зелеными воротами живет очень много служанок.
- Это видно с первого взгляда, – перебил Самуэль.
- Очень хорошо-с. Одна из них, м-р Уэллер, по званию кухарка, сберегла честными трудами небольшой капиталец и желает открыть мелочную лавку, если только, видите ли, судьба её устроится по желанию сердца.
- Так.
- Именно так-с, м-р Уэллер. Я встретил ее первый раз в здешней городской капелле, куда образованное общество собирается петь гимны, напечатанные в той книжке, которую вы, м-р Уэллер, видели в моих руках – эту книжку я всегда ношу с собой. Здесь я познакомился с этой девушкой, и из этого знакомства, м-р Уэллер, у меня в сердце мало-помалу выросла надежда, что мне авось придется со временем быть содержателем мелочной лавки.
- И вы будете отличным лавочником! – отвечал Самуэль, озирая своего противника с видом совершеннейшего презрения.
- Это еще Бог знает, м-р Уэллер: за будущее не может ручаться ни один человек, – продолжал сердобольный Иов со слезами на глазах. – Главная выгода здесь та, что я развяжусь, наконец, с этим нечестивым человеком и буду в состоянии, без всякой помехи, вести добродетельную жизнь, следуя тем правилам, в которых я воспитан, м-р Уэллер.
- Должно быть, вас чудесно воспитывали.
- О, да, м-р Уэллер, если бы вы только знали!.. – отвечал Иов Троттер, охваченный вдруг воспоминаниями о чистоте и невинности дней своего юношества.
- Он немедленно вынул из кармана розовый платочек и горько заплакал.
- И вы были, вероятно, примерным учеником в приходской школе, – заметил м-р Уэллер.
- Вы не ошиблись, сэр, – отвечал Иов, испуская глубокий вздох, – в училище меня все любили, и, сказать правду, я был идиолом своих товарищей.
- Ну, конечно. Это меня не удивляет. Каким утешением и отрадой вы служили в ту пору своей счастливой матери!
- При этих словах полились обильные потоки слез и рыданий; кончики розового платка совсем закрыли глаза чувствительного юноши.
- Какой черт тебя душит? – сказал раздраженный Самуэль. – Послушай ты, плакса...
- Ах, извините, м-р Уэллер: ей Богу, я никак не могу обуздать своих чувств, – сказал Иов Троттер. – Кто бы мог подумать, что мой господин пронюхает о моих переговорах с вашим господином? Ведь он все разузнал и немедленно уговорил молодую девушку притвориться, будто она никогда не слыхала о нем. Содержательницу пансиона тоже подкупил он, и в ту же

ночь, вы знаете, мы укатили на почтовых. Если бы вы знали, м-р Уэллер, что теперь у него на уме! Меня просто мороз по коже подирает!

– Так вот оно как было, – сказал м-р Уэллер. – И вы не врете, любезный?

– Нет, сэр, честное слово; поверьте моей совести.

В это время они подходили к воротам гостиницы.

– Очень хорошо, это мы увидим, – сказал Самуэль, – а между тем мне надобно кой о чем потолковать с вами, Иов Троттер. Если у вас нет особенных занятий нынешний вечер, то я бы попросил вас прийти в восемь часов в гостиницу «Большого белого коня».

– Извольте, сэр, с большим удовольствием.

– Не надуете?

– Помилуйте!..

– Ну, так смотрите у меня в оба, не то я зайду опять в зеленую калитку, и тогда... понимаете?

– Будьте уверены, сэр, не опоздаю ни одной минутой, – сказал Троттер.

Затем он крепко пожал руку Самуэля, поклонился и ушел.

– Берегись, Иов Троттер, берегись, – говорил Самуэль, провожая его глазами, – на этот раз, авось, мы порасквитаемся малую толику.

Кончив этот монолог и потеряв, наконец, из вида сердобольного Иова, м-р Уэллер махнул рукой и пошел быстрыми шагами в комнату своего господина.

– Все идет как по маслу, сэр, – сказал Самуэль.

– Что?

– Я отыскал их, сэр.

– Кого?

– Этого шаромыжника и его плаксивого слугу с черными волосами.

– Возможно ли! – воскликнул м-р Пикквик с величайшей энергией. – Где они, Сам, где они?

– Помалчивайте, сэр, теперь мы все обделаем на славу.

И, помогая одеваться своему господину, м-р Самуэль Уэллер постепенно раскрыл перед ним свои соображения и план будущих действий.

– Когда-ж это будет сделано? – спросил м-р Пикквик.

– Все в свое время, – отвечал Самуэль.

Но удалось ли прозорливому слуге осуществить свой план, мы тоже увидим в свое время.

Глава XXIV

Ревность Петера Магнуса и бедственные последствия ночных походов ученого мужа.

По прибытии в комнату, где накануне происходило дружеское излияние взаимных чувств в обществе дорожного товарища, м-р Пикквик нашел, что этот джентльмен уже нагрузил на свою особу все драгоценности, извлеченные из двух разноцветных мешечков и серого узелка, прикрытого оберточной бумагой. М-р Магнус, проникнутый сознанием собственного достоинства, ходил по комнате взад и вперед, обнаруживая все признаки чрезвычайного волнения, бывшего следствием ожидания великих событий.

– Здравствуйте, сэра, – сказал м-р Магнус.

– С добрым утром, – отвечал м-р Пикквик.

– Каково? Что вы теперь скажете, сэра? – сказал м-р Магнус, охорашиваясь в своем новом фраке и драгоценных панталонах.

– Да, это непременно произведет должный эффект, – отвечал м-р Пикквик, с улыбкой обозревая чудодейственный костюм.

– Надеюсь, – сказал м-р Магнус. – А я уж отправил и карточку, м-р Пикквик.

– Право?

– Да, любезный друг. Слуга воротился с ответом, что она согласна принять меня в одиннадцать часов. Остается всего пятнадцать минут, м-р Пикквик.

– Уж недолго.

– Очень недолго, и, сказать правду, сэра, мое сердце начинает биться слишком сильно: что вы на это скажете, м-р Пикквик?

– Ничего особенного: это в порядке вещей.

– Надобно быть любезным, м-р Пикквик, это главное.

– И откровенным – это, может быть, еще главнее.

– Мне кажется, сэра, – сказал м-р Магнус, – что я вообще слишком откровенен по своей природе; это моя слабость, порок в некотором отношении.

– Напротив, это прекраснейшая черта в вашем характере, – возразил м-р Пикквик.

– Однакож, знаете ли что: трусить никак не должно в таких делах. Зачем и для чего? Тут нечего стыдиться: это в некотором отношении, дело самой природы, её неизменный закон. Супруг на одной стороне, жена на другой, – вот и все. Так, по крайней мере, я смотрю на эти вещи.

– И вы смотрите с истинной, философской точки зрения, – отвечал м-р Пикквик. – Наш завтрак готов, м-р Магнус, – пора.

Они сели за стол и принялись пить чай, закусывая пирожками, телятиной и маслом. М-р Магнус, несмотря на свою хвастливость, страдал в значительной степени припадками трусости и главнейшими признаками этого чувства были: потеря аппетита, склонность опрокидывать чашки и непреодолимое влечение смотреть каждую минуту на часы.

– Хи-хи-хи! – заливался м-р Магнус, стараясь притвориться развязным весельчаком. – Остается только две минуты, м-р Пикквик. Что я бледен?

– Не очень, – отвечал м-р Пикквик.

Кратковременная пауза.

– Прошу извинить, м-р Пикквик, но я хотел бы знать: вы в свое время ничего не делали в этом роде?

– То есть, вы говорите относительно предложения?

– Да.

– Ничего, никогда, – сказал м-р Пикквик с величайшей энергией. – Никогда!

– Стало быть, вы не можете иметь и понятия о том, с чего обыкновенно мужчина должен начинать такие дела, – сказал м-р Магнус.

– Ну, этого нельзя сказать, – возразил м-р Пикквик. – У меня в свое время были на этот счет свои особые правила, которых, однако ж, я ни разу не применял к делу. Вам, разумеется, нет никакой надобности следовать этой теории.

– О, нет, совсем напротив, вы меня очень обяжете, если сообщите какой-нибудь совет, – сказал м-р Магнус, взглянув еще раз на свои часы; стрелка показывала пять минут двенадцатого.

М-р Пикквик приосанился, вздохнул и, приняв торжественный тон, отвечал таким образом:

– На вашем месте, сэр, я бы начал прежде всего описывать в отборных выражениях красоту и душевные свойства обожаемой леди, и потом, делая постепенно переход к самому себе, изобразил бы резкими чертами свою собственную ничтожность в моральном и физическом смысле.

– Очень хорошо, м-р Пикквик.

– То есть, вы понимаете, сэр, что эта ничтожность должна, собственно, вытекать из сравнения с её собственной натурой, – продолжал м-р Пикквик. – Приступая потом к изображению своих собственных достоинств, я бы сначала бросил беглый взгляд на свою прошедшую жизнь и представил в поразительной перспективе то значение, которое занимаю в общественном мире среди уважающих меня сограждан. Отсюда само собою могло бы выйти заключение, что для всякой другой особы с разборчивым вкусом я был бы, в некотором смысле, вождельным субъектом. Затем, в пылких и страстных выражениях, я изъяснил бы сущность своей любви и всю глубину своей безграничной преданности обожаемой леди. В заключение я отважился бы, вероятно, схватить её руку.

– Этот пункт очень важен, – проговорил, покашливая м-р Магнус.

М-р Пикквик, по-видимому, кончил свою речь; но вдруг представились его воображению весьма интересные подробности, от которых трудно было отступить. Он продолжал:

– Затем, вы понимаете, сэр, я бы предложил простой и естественный вопрос: – «Хотите ли вы, о друг души моей, иметь меня своим мужем?» – Не решаясь отвечать прямо на такой вопрос, красавица, по-моему расчёту, должна отворотить свою голову и потупить глаза.

– И вы это принимаете за несомненное доказательство, м-р Пикквик.

– Разумеется.

– Но если, сверх чаяния, случится, что она отворотит голову при самом начале объяснения?

– Нет, этого быть не может, – возразил м-р Пикквик решительным тоном. – Потом, сэр, я бы слегка пожал её пальчики, а потом... потом – вынул бы из кармана белый платок, чтобы отереть её глаза, потому что, видите ли женщины обыкновенно плачут при таких случаях. Здесь представляется весьма удобный случай обнять её, прижать к своему трепещущему сердцу и поцеловать. Да, м-р Магнус, я бы непременно поцеловал свою леди, и, если, при этом случае, не будет от неё решительного сопротивления, значит, – дело кончено.

М-р Магнус вскочил с своего места, взглянув еще раз на часы и умное лицо м-ра Пикквика, пожал ему руку с особенною горячностью и юркнул из комнаты.

Оставшись один, м-р Пикквик, заложив руки за спину, принялся расхаживать взад и вперед, размышляя о непостоянстве человеческой судьбы и коловратности земного счастья. Из такой задумчивости, он минут через двадцать был выведен внезапным стуком в дверь. Обернувшись назад и думая встретить м-ра Магнуса, он, с приятным изумлением, увидел радостное лицо м-ра Топмана, лучезарную физиономию м-ра Винкеля и умные, меланхолические черты поэта Снодграса.

Едва успел ученый муж сказать дружеское приветствие своим верным ученикам, как в комнату вошел и м-р Магнус.

– Рекомендую вам м-ра Магнуса, друзья мои, джентльмена, о котором я говорил, – сказал м-р Пикквик.

– К вашим услугам, господа, – сказал м-р Магнус, бывший, очевидно, в самом сильном волнении, – на пару слов, м-р Пикквик, сделайте одолжение.

Говоря это, м-р Магнус задел за фрачную пуговицу ученого мужа и отвел его в амбразуру окна.

– Поздравьте меня, м-р Пикквик, – сказал он, – я последовал вашему совету буква в букву.

– И все кончилось благополучно? – спросил м-р Пикквик.

– Как нельзя благополучнее, – отвечал с запальчивостью м-р Магнус, – она моя.

– Поздравляю вас от всего сердца, – отвечал м-р Пикквик, с жаром пожимая руку своего нового друга.

– Вы непременно должны ее видеть, любезнейший м-р Пикквик, – сказал м-р Магнус. – Пойдемте. Извините нас, господа.

И они вышли. Сделав несколько шагов по галлерее, м-р Магнус тихонько постучался в дверь той комнаты, где была его невеста.

– Войдите, – сказал женский голос.

– Мисс Уизерфильд, – сказал м-р Магнус, затворяя за собою дверь, – позвольте представить вам моего искреннего друга, м-ра Пикквика. Мне будет приятно, м-р Пикквик, если вы удостоитесь знакомства мисс Уизерфильд.

Раскланиваясь и расшаркиваясь, м-р Пикквик поспешил вынуть из жилетного кармана очки, но лишь только надел их на свой нос, как вдруг испустил сильнейший крик, выражавший высокую степень изумления, и попятился назад на несколько шагов. Мисс Уизерфильд, стоящая на противоположном конце, вдруг пришла в величайшее волнение и, закрыв обеими руками свое лицо, повалилась на кресло, которое, к счастью, стояло подле неё. М-р Магнус стоял как вкопанный на своем месте и смотрел попеременно то на невесту, то на друга, причем его лицо выражало вместе изумление и ужас.

Все это может показаться непостижимым с первого взгляда, но дело в том, что м-р Пикквик, делая наблюдения через свои очки, мгновенно узнал в невесте своего друга ту самую даму, в комнату которой он имел несчастье забраться накануне, и лишь только очки появились на носу ученого мужа, изумленная леди с ужасом увидела в нем владельца ненавистной ермолки с отвратительными кистями, наделавшими ей столько непредвиденных хлопот. Вот отчего взвизгнул м-р Пикквик и отчего невеста Петера Магнуса повалилась на кресло.

– М-р Пикквик! что это значит, сэръ? – воскликнул м-р Магнус, отуманенный напором противоположных чувств. – Что все это значит, сэръ? – повторил он голосом грозным и громовым.

Такая внезапная вспышка отнюдь не могла понравиться ученому мужу. Он пришел в негодование и отвечал решительным тоном:

– Сэр, я позволяю себе уклониться от вашего вопроса.

– Как? Вы не намерены отвечать?

– Да, не намерен, было бы вам это известно, – сказал с достоинством м-р Пикквик. – Вы не вырвете из моей груди ничего, что могло бы некоторым образом компрометировать эту леди или пробудить в её душе неприятные воспоминания.

– Мисс Уизерфильд, – сказал м-р Магнус, – обращаясь к своей невесте. – Знаете ли вы этого господина?

– Знаю ли я его! – повторила леди.

– Да, знаете ли вы его! сударыня, я сказал – знаете ли вы его? – повторил неистово м-р Магнус.

– Я видела его, – отвечала робкая леди.

– Где?

– Этого я не могу открыть вам, сэр, ни за какие блага в мире, – отвечала леди, вставая с своего места.

– Понимаю вас, сударыня, и уважаю деликатность ваших чувств, – сказал м-р Пикквик, – будьте уверены, что эта несчастная тайна умрет в моей груди. На меня вы можете положиться.

– Сударыня, вам, кажется, угодно забыть свои отношения ко мне, – сказал м-р Магнус. – Чем, скажите, ради Бога, чем я должен объяснить вашу необыкновенную холодность в этом деле?

– О, жестокий человек! – воскликнула несчастная леди.

И затем потоки слез полились по её розовым щекам. Сцена, очевидно, принимала самый трагический характер.

– Обращайтесь ко мне с вашими замечаниями, сэр, – сказал с живостью м-р Пикквик, – я один виноват во всем, если только вам угодно обвинить кого-нибудь.

– Так вы одни виноваты, – воскликнул м-р Магнус. – О, теперь я все понимаю! Стало быть, вы изменяете теперь свое твердое намерение?

– Мое твердое намерение! – машинально повторил м-р Пикквик.

– Да, сэр, твердое намерение. К чему вы смотрите на меня такими изумленными глазами? я очень хорошо помню, что вчера вы говорили. Вы затем и приехали в этот город, чтобы обличить в вероломстве особу, которая некогда пользовалась совершеннейшим вашим доверием. Так ли, сэр?

Здесь м-р Магнус бросил на пол свои голубые очки и неистово повел глазами по всей комнате. Было ясно, что ревность сильно заклокотала в его груди. Он был дик и страшен.

– Что вы скажете на это, сэр? – повторил энергически м-р Магнус.

– Моя обязанность молчать, и я буду молчать, – решительно отвечал м-р Пикквик.

– Однакож, я заставлю вас отвечать, сэр.

– Отвечать, на что?

– Это мы увидим, сэр, увидим, говорю я вам, – сказал м-р Магнус, начиная ходить по комнате быстрыми шагами.

Все эти слова и поступки бешеного ревнивца были в высшей степени оскорбительны для достоинства и чести великого мужа, и мы отнюдь не сомневаемся, что всякий обыкновенный человек совсем потерял бы голову на его месте; но м-р Пикквик, владея собою во всех решительных случаях своей жизни, сохранил и на этот раз совершеннейшее присутствие духа. Он быстро сообразил и понял, что противник его, взволнованный бешеною страстью, не в состоянии внимать голосу рассудка. Поэтому он хладнокровно отворил дверь, сделал несколько шагов по корридору и закричал во весь голос:

– Топман, пожалуйте сюда.

И м-р Топман немедленно явился на место трагической сцены.

– Топман, – сказал м-р Пикквик своему изумленному ученику, – сейчас я имел несчастье поссориться с этим джентльменом вследствие одной довольно важной тайны, которую я обязан хранить в отношении к этой почтенной леди. Объявляю теперь в вашем присутствии, что роковая тайна не имеет ни малейшего отношения к этому джентльмену и его делам. Но если почтенный джентльмен обнаружит еще раз некоторое сомнение в искренности моих слов, то нечего и говорить, такое сомнение я должен буду принять за личную обиду и оскорбление моей чести. Будьте свидетелем, Топман.

Сказав это, м-р Пикквик бросил на своего противника взгляд, исполненный необыкновенной пронизательности и глубочайших, можно сказать, энциклопедических соображений.

Чего-ж больше? При одном взгляде на ученого мужа всякий рассудительный человек должен был почувствовать уважение и даже благоговение к его особе, потому что м-р Пикквик вел себя, как благородный рыцарь, и говорил, как красноречивейший оратор в мире; но, к несчастью, м-р Петер Магнус, опрометчивый и вспыльчивый по своей натуре, совершенно выступил из пределов благоразумия в эту роковую минуту. Вместо того, чтоб хладнокровно выслушать объяснение ученого мужа, успокоительное во всех отношениях, м-р Магнус, как новый Отелло, пожираемый дикою страстью, неистово взерошил свои рыжеватые вихры, говорил без умолка отчаянную чепуху и даже осмелился поднять сжатый кулак на филантропическую физиономию президента Пикквикского клуба.

Есть предел человеческому терпению. М-р Пикквик, проникнутый сознанием собственной невинности и опасаясь вместе с тем за судьбу несчастной леди, утратил, наконец, философское спокойствие духа. Посыпались с обеих сторон энергически крупные фразы, подкрепляемые не менее энергическими жестами, и, наконец, м-р Магнус сказал напрямик, что он вынужден будет выслушать м-ра Пикквика, на что ученый муж, с похвальной учтивостью, отвечал: – «Я готов, и чем скорее, тем лучше». После этих слов, испуганная леди опрометью бросилась из комнаты, откуда немедленно вышел и м-р Пикквик, увлекаемый своим другом. Петер Магнус остался один.

Если бы почтенная леди побольше знала свет и людей, особенно тех, которые поставлены законом для восстановления тишины и порядка в общественных делах, ей бы, конечно, пришлось в голову, что свирепость этого рода не может иметь никаких губительных последствий; но так как она жила большею частью в деревне и не имела удовольствия читать парламентских дебатов, то поэтому ей почти вовсе были неизвестны многие утонченные обычаи цивилизованной жизни. На этом основании, как только она добежала до своей спальни и принялась размышлять о последствиях несчастной ссоры между двумя запальчивыми джентльменами, воображение её мигом нарисовало самые страшные сцены, и перед её умственным оком уже носился образ м-ра Петера Магнуса, простреленного свинцовой пулей в левый бок и несомого домой на носилках при последнем издыхании; чем больше она думала об этом предмете, тем страшнее и мрачнее становились её мысли. Наконец, без дальнейших размышлений, она решилась отправиться в дом городского мэра и потребовать от него немедленного ареста господ Пикквика и Топмана, как буянов, замышлявших убийственное дело.

К этому основательному решению, мисс Уизерфильд была приведена многими разнообразными побуждениями, и прежде всего тем, что здесь представлялся ей превосходный случай обнаружить очевиднейшим образом свою преданность м-ру Магнусу и свое беспокойство за его судьбу. Зная очень хорошо ревнивый темперамент своего жениха, она окончательно решила не входить ни в какие объяснения относительно своего загадочного столкновения с особой м-ра Пикквика; но, рассчитывая в то же время на силу своих красноречивых убеждений, она надеялась потушить неистовое пламя в его груди, как скоро Пикквик будет сидеть под арестом. Исполненная таких соображений, мисс Уизерфильд надела шляпку, закуталась в шаль и отправилась немедленно в жилище городского мэра.

Должно теперь заметить, что м-р Джордж Нупкинс, эсквайр, главный судья и начальник города Ипсвича, был в этот день в чрезвычайно раздражительном расположении духа, вследствие буянства, произведенного на главной улице школьными мальчишками, расхитившими лукошко с яблоками у бабы, которая занималась мелочною распродажею фруктовых произведений города Ипсвича. Все утро господина мэра было посвящено следствию по этому делу и приведению в исполнение грозных приговоров, и теперь, когда доложили ему о приходе неизвестной леди, домогавшейся аудиенции, м-р Нупкинс, нахмутив брови и наморщив чело, сидел на мягкой подушке в своем судейском кресле.

– Пусть войдет, – грянул м-р Нупкинс, и вслед за этой командой интересная леди осмелилась предстать перед его грозные очи.

– Моззель, – сказал судья.

Воззвание относилось к толстому слуге с длинным туловищем и короткими ногами.

– Моззель.

– Что прикажете?

– Поставьте стул для леди и ступайте из комнаты.

– Слушаюсь.

– Теперь, сударыня, не угодно ли вам изложить сущность вашего дела? – сказал судья.

– О, это весьма неприятное дело, сэр, – сказала мисс Уизерфильд.

– Очень может быть, сударыня, на свете все бывает. Прошу вас успокоиться.

Чело грозного судьи постепенно разгладилось, и он бросил на интересную леди благо-склонный взгляд. Мисс Уизерфильд молчала.

– Однакож, не теряя времени, прошу вас изложить скорее, в чем состоят законные осно-вания вашего дела.

Судейские мысли взяли, очевидно, верх над нежными чувствами мужчины, м-р Нупкинс сообщил суровое выражение своему лицу.

– С прискорбием и страхом я должна вам объявить, сэр, – сказала мисс Уизерфильд, испустив глубокий вздох, – что некоторые джентльмены замышляют здесь дуэль.

– Здесь, сударыня! – воскликнул грозный судья, – здесь, сударыня!

– В Ипсвиче.

– В Ипсвиче, сударыня – дуэль в Ипсвиче! – повторил судья, озадаченный неожиданною вестью, – но это невозможно, сударыня, подобные события не могут иметь места в этом городе, никак. О, Боже мой, да знаете ли вы о неутомимой деятельности здешнего начальства? Слу-чалось ли вам слышать, как я, не щадя ни здоровья, ни даже собственной жизни, предупре-ждаю здесь все беспорядки? И слышали ли вы, милостивая государыня, как я еще недавно собственным моим личным присутствием предупредил кулачный бой, который уже готов был обнаружиться в самых страшных размерах? Дуэль в Ипсвиче! Нет, не может быть, вы ошибае-тесь, сударыня, когда думаете, что какие-нибудь сорванцы могут безнаказанно нарушать спо-койствие мирных граждан.

– Но, к несчастью, сэр, мое объявление слишком справедливо, – возразила взволнованная леди, – ссора происходила на моих глазах.

– Это удивительно, непостижимо, – воскликнул изумленный судья. – Моззель!

– Чего изволите?

– Послать за м-ром Джинксом: пусть он немедленно придет ко мне.

– Слушаю.

Моззель удалился. Через несколько минут в комнату вошел джентльмен средних лет, бледный, остроносый, с всклокоченными волосами и в грязном платье. Это был письмоводи-тель мэра.

– М-р Джинкс, – начал судья, – м-р Джинкс.

– Сэр, – сказал Джинкс.

– Вот эта почтенная леди, м-р Джинкс, пришла с известием, будто в нашем городе замыш-ляется дуэль.

М-р Джинкс, не вникнув хорошенько в сущность дела, улыбнулся подобострастной улыб-кой.

– Чему-ж вы смеетесь, м-р Джинкс, – сказал грозный судья.

Озадаченный письмоводитель мгновенно принял степенный и важный вид.

– М-р Джинкс, – сказал судья, – вы глупец, сэр.

М-р Джинкс вздрогнул и тут же закусил кончик своего пера.

– Вы, может быть, нашли комическую сторону в этом объявлении, сэр; но я вам скажу, м-р Джинкс, что вы глупец! К чему смеяться там, где ничего нет и не может быть смешного?

Голодный писарь испустил глубокий вздох и бросил на своего начальника умоляющий взгляд. Было ясно, что он сознавал свою вину. Получив приказ отобрать показание на бумаге, он сел за стол и принялся записывать.

– Этот Пикквик, говорите вы, главный зачинщик, – спросил судья, когда показание было отобрано.

– Да, сэр, – сказала мисс Уизерфильд.

– А другой буян, как бишь его – м-р Джинксон?

– Топман, сэр.

– Это второй зачинщик?

– Да, сэр.

– Потом, сударыня, один из них убежал.

– Точно так.

– Очень хорошо, – сказал судья, – дело объяснилось само собою. Два лондонских головореза прибыли с злодейскими умыслами в провинциальный город, воображая, что глаз закона задремал, и правосудие умолкло за пределами столицы. Они ошибаются. Взять констеблей, м-р Джинкс. – Моззель.

– Чего угодно вашей чести?

– Груммер здесь?

– Здесь, ваша честь.

– Послать Груммера.

Моззель удалился и через минуту ввел за собою пожилого джентльмена в огромнейших ботфортах. К числу его особенностей принадлежали: нос, имевший бутылочную форму, хриплый и басистый голос, длиннополый сюртук табачного цвета и глаза, разбежавшиеся во все стороны.

– Груммер, – сказал судья.

– Я здесь, – отвечал Груммер.

– Все ли спокойно в городе?

– Все. Мальчишек отправили к их родителям: половина народонаселения отправилась на криккет.

– Строгия меры необходимы для этих негодяев, – сказал судья решительным тоном.

– Точно так, сэр, – сказал Джинкс.

– Очень хорошо, – сказал судья, отмечая констеблей! – вы представьте ко мне этих негодяев сегодня перед обедом. Приказываю вам арестовать их в гостинице «Большого белого коня». Вы помните, какие распоряжения были мною лично сделаны относительно кулачных бойцов?

М-р Груммер поспешил заметить с подобострастным поклоном, что он никогда не забудет этого замечательного факта.

– Дуэли запрещены законом, м-р Джинкс?

– Запрещены.

– Очень хорошо. Груммер, возьмите стражу и арестуйте немедленно этих негодяев. – Моззель.

– Что прикажете!

– Покажите дорогу этой леди.

Мисс Уизерфильд поклонилась и вышла, преисполненная глубоким уважением к обширной учености городского мэра. М-р Нупкинс пошел завтракать, повторив еще раз свои грозные приказания относительно лондонских головорезов.

Между тем невинный м-р Пикквик и его друзья, не предчувствуя грозы, собиравшейся над их головами, спокойно сидели за обеденным столом и разговаривали дружелюбно о разных житейских предметах назидательного свойства. Уже м-р Пикквик начал рассказывать

о своих забавных похождениях в продолжение предшествующей ночи, как вдруг дверь отворилась, и в комнату весьма невежливо заглянула какая-то фигура. Глаза, принадлежавшие этой фигуре, остановились прежде всего на особе ученого мужа и, казалось, вполне были удовлетворены результатом своих наблюдений, потому что, вслед затем, туловище сказанной фигуры ввалилось в комнату, к великому изумлению всех находившихся в ней джентльменов. Само собою разумеется, что это был не кто другой, как сам м-р Груммер.

М-р Груммер любил везде и во всем систематический порядок, бывший необходимым следствием способности углубляться в свой специальный предмет. Первым его делом было запереть дверь изнутри: вторым – выполировать свой лоб и щеки шелковым платком: третьим – поставить свою шляпу вместе с шелковым платком на ближайший стул, и, наконец, четвертым – вынуть из кармана коротенький жезл и устремить его на особу президента Пикквикского клуба.

М-р Снодграс опомнился прежде всех и поспешил прервать всеобщее молчание. Он пристально взглянул на м-ра Груммера и произнес выразительным тоном:

– Это не общая комната, сэр. Вы ошиблись. Это наша, частная комната.

– В глазах закона нет ни общих, ни частных комнат, – отвечал с важностью м-р Груммер. Пикквикисты с изумлением взглянули друг на друга.

– Кто здесь м-р Топман? – спросил м-р Груммер.

О м-ре Пикквике не было надобности осведомляться: прозорливый констэбль угадал его с первого взгляда.

– Мое имя Топман, – сказал проворный Пикквикист, носивший эту достославную фамилию.

– А мое имя – закон, – подхватил м-р Груммер.

– Что? – сказал м-р Топман.

– Закон, – повторил м-р Груммер, – власть гражданская, судебная, исполнительная – вот мои титулы. Все обстоит благополучно, и я арестую вас, Пикквик и Топман, именем закона, как виновных в нарушении общественного спокойствия и против короля.

– Что вы под этим разумеете, сэр? – сказал м-р Топман, быстро вскакивая с места.

– Эй! – закричал м-р Груммер, приотворяя потихоньку дверь на два или на три дюйма. – Доббли!

– Здесь я, – отвечал басистый голос из коридора.

– Войдите сюда, Доббли, – сказал м-р Груммер.

И в комнате господ пикквикистов появилась новая фигура исполинского размера, с грязным лицом, опухлыми щеками и багрово-красным носом.

– А другие остались там? – спросил м-р Груммер.

– Все за дверью, – отвечал Доббли.

– Примите команду и ведите их сюда, – сказал м-р Груммер.

И не дальше, как через минуту в комнату вошло полдюжины молодцов с коротенькими жезлами, завершенными медной короной, эмблемой королевского правосудия. Немедленно все они приняли грозную позицию и, по данному знаку, обратили свои жезлы на господ Пикквика и Топмана.

Ученый муж и верные его ученики быстро вскочили с своих мест!

– Что значит это вторжение в мою квартиру? – спросил м-р Пикквик. – Разве вы не знаете, что дом англичанина неприкосновенен.

– Кто велел арестовать меня? – сказал м-р Топман.

– Что вам здесь надобно? – сказал м-р Снодграс.

М-р Винкель не сказал ничего, но устремил на Груммера такой огненный взор, который мог бы просверлить его насквозь, если бы в грудь этого человека могло зарониться какое-нибудь чувство; но м-р Груммер остался непоколебимым, как гранит.

Ожидая сильного сопротивления, исполнители закона засучили рукава своих сюртуков, подняли их кверху и обнаружили полную готовность приступить к сильным мерам. Такая демонстрация не ускользнула от очей ученого мужа, и он быстро сообразил, что всякий гражданин, руководимый внушениями совести и чести, обязан во всех случаях повиноваться законным властям. На этом основании м-р Пикквик, шепнув пару слов на ухо м-ру Топману, изъявил немедленно свое согласие идти по доброй воле в дом городского мэра, заметив предварительно, что в скором времени, по прибытии в Лондон, он призовет на помощь высшую юридическую власть и начнет процесс против тех, кто осмелился оскорбить в лице его права свободного английского гражданина. Всеобщий хохот исполнителей закона послужил дружным и единодушным ответом на речь ученого мужа. Один только Груммер сохранил спокойствие, приличное его сану.

Но лишь только м-р Пикквик изъявил готовность покориться законам своего отечества, вдруг возникло затруднение, которого сначала никак нельзя было предвидеть. Уже перед самую дверь комнаты пикквикистов сформировалось целое полчище трактирных слуг, мальчишек и служанок, сбжавшихся смотреть на веселый спектакль в стенах «Большого белого коня». Не оказывалось ни малейшего сомнения, что полчище превратится в необозримый легион, как скоро процессия переступит за порог этого жилища. Принимая в соображение такое обстоятельство, м-р Пикквик, при всем уважении к британской юриспруденции, отказался наотрез выступить под караулом на улицу в качестве преступника, окруженного полицейской стражей. М-р Груммер в свою очередь никак не соглашался идти в стороне, по другую сторону улицы, рассчитывая весьма основательно, что арестанты могут ускользнуть и исчезнуть в толпе народа. Было бы, конечно, весьма удобно отправиться к жилищу мэра в почтовой карете; но ни Топман, ни м-р Пикквик не соглашались платить за издержки. Поднялся жаркий спор, продолжавшийся около получаса. Неизвестно, чем бы кончилась эта весьма неприятная тревога, если бы к счастью не припомнили, что в конюшне этой гостиницы стояла без всякого употребления какая-то колымага, сооруженная первоначально для одного джентльмена, страдавшего подагрой. Решено было, что м-р Пикквик и м-р Топман могут с большим комфортом поместиться в колымаге, которую немедленно и принесли в корридор. Отыскали четырех носильщиков, согласившихся поднять на свои плечи этот походный экипаж, и когда, наконец, м-р Пикквик и м-р Топман, прикрытые с обеих сторон огромной кожей, заняли в нем свои места, процессия в стройном порядке двинулась с места. Полицейская стража, как и следует, окружила кузов колымаги; Груммер и Доббли с триумфом пошли впереди; м-р Снодграс и м-р Винкель, под руку друг с другом, пошли сзади. Ариергард, как и следует, замкнули праздные зеваки города Ипсвича.

Городские магазинщики и лавочники с их приказчиками и сидельцами, оставляя свой обычный пост, спешили любоваться на этот спектакль. Сильная рука мэра тяготела над двумя головорезами из столицы; почтенный мэр готовился сам допрашивать и судить их самолично, и вот несут их в позорной колымаге, окруженной муниципальной стражей; какой небывалый случай! Само собою разумеется, никто не понимал, да и не мог понять, в чем провинились пикквикисты; но тем не менее всякий спешил добрым и радушным словом приветствовать м-ра Груммера, главного начальника и предводителя этой кавалькады, выступавшего впереди со своим жезлом. Громко кричали мальчишки, выбегавшие со всех сторон, и процессия подвигалась по главной улице Ипсвича.

В это самое время м-р Уэллер, шеголявший в своей утренней куртке с черными коленкоровыми рукавами, возвращался домой после безуспешного обозрения таинственного дома с зеленой калиткой. Он шел задумчиво и молча, опустив руки в свои глубокие карманы; но вдруг, подняв глаза, он увидел густую толпу, окружившую какой-то странный предмет. Всматриваясь ближе и ближе, он успел разглядеть фигуру колымаги, которую он прежде заме-

тил в трактирной конюшне, желая прогнать свою хандру, м-р Уэллер немедленно вмешался и сам в толпу народа и начал, для собственного удовольствия, кричать изо всей силы.

М-р Груммер выступал торжественным шагом, м-р Доббли выплывал величаво и гордо, колымага, колыхаясь в воздухе, продолжала подвигаться вперед, охраняемая муниципальной стражей; Самуэль Уэллер продолжал надрывать свою грудь и горло, обнаруживая все признаки буйного разгула, как вдруг его взор внезапно упал на господ Винкеля и Снодграса.

– Что здесь за потеха, господа? – вскричал м-р Уэллер. – Каких это чучел запрятали в этот курятник?

Оба джентльмена отвечали в один голос, но слова их потерялись в общей суматохе.

– Кого это несут, господа? – проревел опять Самуэль Уэллер.

Еще раз произнесен был единогласный ответ, и хотя слова их потерялись в воздушном пространстве, но м-р Уэллер угадал по движению губ, что пикквикисты произнесли магическое имя своего вождя.

Этого было довольно. В одно мгновение ока, м-р Уэллер пробился через толпу, остановил носильщиков и схватил за рукав м-ра Груммера.

– Пару слов, старичина, – сказал м-р Уэллер, – кого вздумали вы посадить в этот курятник?

– Прочь, прочь! – забасил м-р Груммер, остановленный на всем ходу в такую минуту, когда его слава достигла, по-видимому, самых высших пределов.

– Прогоните этого сорванца, – сказал м-р Доббли, обращаясь к толпе.

– Я вам очень благодарен, старики, – отвечал м-р Уэллер, – и уверен, что вы желаете мне всякого добра; но я не отвяжусь от вас ни за какие блага, если вы не отдадите мне отчета: кого, зачем и за что угораздились вы посадить в этот кузов? – Здравствуйте, сэр.

Приветствие относилось к м-ру Пикквику, который, просунув голову из своей сидейки, любовался, по-видимому, удалством своего слуги. М-р Груммер, между тем, проникнутый величайшим негодованием, неистово принялся размахивать своим жезлом перед самым носом Самуэля.

В эту же самую минуту м-р Винкель, не говоря дурного слова, заушил какого-то зеваку, стоявшего подле него. Дело приняло было весьма жаркий оборот, и нет никакого сомнения, что могла бы произойти свалка даже между гражданами Ипсвича, как вдруг м-р Снодграс, сохранявший во все это время невозмутимое спокойствие духа, добровольно отдал себя под арест. Его примеру немедленно последовал и м-р Винкель, начинавший понимать опрометчивость своих поступков. Самуэль Уэллер, показавший еще несколько победоносных опытов своего мужества и силы, должен был уступить большинству своих неприятелей и отдаться в плен. Таким образом, к общему удовольствию, прибавилось еще три новых арестанта, и процессия двинулась опять в стройном порядке.

В продолжение этой суматохи, негодование м-ра Пикквика возросло до самых крайних пределов. Прикрытый толстой кожей сверху и сбоку, он мог только видеть энергические движения своего слуги и еще не знал, какой опасности подвергались его друзья. Наконец, при содействии м-ра Топмана, он сбросил кожу, и, вытянувшись во весь рост, обозрел изумленными глазами весь ход дела с его несчастными последствиями для своих учеников. Огонь благородного гнева в его груди разгорелся в яркое пламя. Опираясь одной рукою на плечо м-ра Топмана и делая другую выразительные жесты, ученый муж принялся импровизировать великолепную речь, обращаясь к гражданам Ипсвича, с такою легкомысленностью извращавшим истинный смысл великобританского права.

При звуках этой великолепной речи процессия, сопровождаемая новыми пленниками, приблизилась, наконец, к жилищу городского мэра.

Глава XXV

Торжество невинности и удивительное беспристрастие м-ра Нупкинса, со включением других весьма важных обстоятельств.

Во всю дорогу м-р Самуэль Уэллер неистово бесновался. М-р Снодграс и м-р Винкель с мрачным молчанием прислушивались к дивному красноречию своего неустрашимого вождя, не умолкавшего ни на одну минуту. Но гнев м-ра Уэллера мгновенно сменился живейшим любопытством, когда процессия повернула к тому самому двору, где он встретился с забудыгой Троттером. Еще минута, и любопытство уступило место чувству сильнейшего изумления, когда м-р Груммер, остановив процессию, подошел к той самой калитке, откуда накануне выюркнул Иов Троттер. На звон колокольчика выбежала хорошенькая девушка лет семнадцати, с румяными и пухлыми щечками. Бросив быстрый взгляд на изумительную наружность пленников и на колымагу, откуда продолжал ораторствовать м-р Пикквик, она испустила пронзительный крик, всплеснула руками и побежала назад. М-р Моззель, явившийся на место сцены, отворил калитку, чтобы впустить арестантов с их стражей и тут же захлопнул ее под носом толпы. Три или четыре счастливых джентльмена, отыскав значительную трещину в заборе, откуда, впрочем, ничего нельзя было видеть, продолжали глазеть в нее с таким же упорным постоянством, с каким праздные зеваки оттачивают свои носы об уличные стекла полицейского врача, подвергающего в задней комнате хирургическому осмотру кости какого-нибудь пьяницы, раздавленного на улице колесами проезжавшего экипажа.

Перед крыльцом, у самого основания лестницы, ведущей во внутренность дома, колымага, наконец, остановилась, и м-р Пикквик, сопровождаемый своими верными друзьями, введен был в корридор, откуда, после предварительного доклада, их представили перед очи городского мэра.

Сцена была торжественная в полном смысле слова. Подле большего книжного шкафа, в большом кресле, за большим столом заседал м-р Нупкинс, представлявший из своей особы величавую фигуру огромного размера. Стол был украшен огромными кипами бумаг, из-за которых, на противоположном конце, выставлялись голова и плечи м-ра Джинкса, употреблявшего деятельные усилия сообщить своему лицу деловой и озабоченный вид самого отчаянного свойства.

Вслед за входом арестованных пикквикистов, м-р Моззель запер дверь и в почтительной позе стал за креслом своего начальника, ожидая дальнейших приказаний. М-р Нупкинс, с поразительной торжественностью, бросил инквизиторский взгляд на лица арестантов.

– Ну, Груммер, что это за человек, – сказал м-р Нупкинс, указывая на м-ра Пикквика, который, как оратор и представитель своих друзей, стоял со шляпою в руке, отвешивая учтивые поклоны.

– Это Пикквик, буян, сэр, – сказал Груммер.

– Вон оно как, куда метнул, старый головач... погоди малую толику, – сказал м-р Уэллер, выступая смелым шагом в передний ряд. – Прошу извинить, сэр, но этот старый господин в богатырских ботфортах не зашибет себе ни одного шиллинга на хлеб, если будет состоять церемониймейстером при вашей чести. Позвольте уж лучше мне рапортовать, – продолжал м-р Уэллер, отстраняя левою рукою Груммера и обращаясь к судье с фамильярной учтивостью. – Это, сэр, м-р Самуэль Пикквик, ученый основатель, президент и член столичного клуба; а это м-р Топман; за ним, прошу заметить, м-р Снодграс; а за ним, по другую сторону, м-р Винкель. Все это, сэр, джентльмены первой руки, и мне будет очень приятно, если вы удостоитесь знакомства с ними. Поэтому, сэр, советую вам прежде всего сослать на ветряную мельницу этого ветреного старичишку, а там уж все, авось, пойдет у нас как по маслу. Дела прежде всего, а после удовольствия, как говорил король Ричард III, запирая другого короля в Тоуэр.

– Заключив эту сентенцию, м-р Уэллер начал растирать тулью шляпы рукавом своей куртки и самодовольно бросил благосклонный кивок на м-ра Джинкса, который, по-видимому, слушал его с несказанным удовольствием.

– Что это за человек? – спросил судья.

– Он мой камердинер, – с гордостью сказал м-р Пикквик.

– Он ваш камердинер, говорите вы, то есть состоит при вас в качестве слуги: так ли? – спросил судья.

М-р Пикквик отвечал утвердительно.

– Итак, принять к сведению, – продолжал м-р Нупкинс, – Камердинер Пикквика. Запишите, м-р Джинкс.

Письмоводитель записал.

– Как ваша фамилия? – грянул м-р Нупкинс.

– Уэллер, – отвечал Самуэль.

– Итак, одним именем больше в списках ньюгетской тюрьмы, – сказал м-р Нупкинс.

Это была шутка и, следовательно, господа Груммер, Джинкс, Доббли, Мозель и все остальные члены судейской канцелярии сочли своим неременным долгом захохотать из угождения господину мэру. Смех их продолжался пять минут.

– Запишите его имя, м-р Джинкс, – сказал судья.

– Два «Л»; не забудьте, приятель, – шепнул Самуэль.

Здесь один из полисменов, составлявших стражу, имел несчастье захохотать и за то немедленно получил строгий выговор от городского мэра. Несчастный забыл, как опасно смеяться там, где этого не требует благопристойность.

– Где вы живете? – сказал судья.

– Везде и нигде, – отвечал Сам.

– М-р Джинкс, запишите.

Письмоводитель медлил и машинально бросил вопрошающий взгляд на грозного судью.

М-р Нупкинс понял, что ответ слуги требовал некоторых пояснений.

– Где вы живете? – повторил опять м-р Нупкинс.

– Там, где хорошо, а больше всего, где придется, сэр, – отвечал Самуэль.

– Запишите, Джинкс, – сказал судья, начинавший выходить из себя.

– Поставьте всякое слово в строку, – сказал м-р Уэллер.

– Оказывается, стало быть, что он бродяга, м-р Джинкс, – сказал судья. – Следует из его показания, что он бродяга: так ли, м-р Джинкс?

– Точно так, – отвечал письмоводитель.

– И как бродягу, я прикажу засадить его в тюрьму, – сказал м-р Нупкинс.

– Теперь, м-р Джинкс, отберите показания от Груммера и составьте протокол.

– Слушаю, сэр.

Приступили к отобранию показания; но так как м-р Груммер выражался языком довольно медленным и вялым, а между тем обед судьи был почти готов, то м-р Нупкинс предложил ему наугад потребное количество юридических вопросов, на которые м-р Груммер, тоже наугад, сообщил потребное количество утвердительных ответов юридического свойства. Таким образом дело, к общему удовольствию, покатилося как по маслу. Перед составлением протокола, судья и м-р Джинкс удалились к окну и начали шепотом производить таинственное совещание между собой.

После этой консультации, продолжавшейся минут десять, м-р Джинкс занял свое место за большим столом. М-р Нупкинс между тем, усаживаясь в кресло, кашлянул два раза, и уже приготовился говорить речь в назидание пикквикистов, как вдруг м-р Пикквик перебил:

– Прошу извинить, сэр; но прежде, чем мы будем иметь удовольствие выслушать ваши мнения, основанные вами на отобранных показаниях, я бы желал воспользоваться правом подсудимого говорить в свою защиту. Надеюсь, сэр, вы не можете лишить меня этого права.

– Придержите свой язык, сэр, – сказал судья гневным тоном.

– Я бы очень рад вам повиноваться, но... – сказал м-р Пикквик.

– Извольте молчать, сэр, – повторил судья, – или я принужден буду позвать констебля.

– Вы можете делать, что вам угодно, – возразил м-р Пикквик, – и я не сомневаюсь, что констебли исполнят ваши приказания с точностью; но я принимаю на себя смелость говорить и стану говорить в свою защиту.

– Пикквик и палата ума – одно и то же! – воскликнул м-р Уэллер.

– Замолчите, Сам.

– Слушаю.

М-р Нупкинс, пораженный, очевидно, необычайною смелостью ученого мужа, собиравшись, по-видимому, вновь прогреметь свой грозный ответ; но в эту минуту м-р Джинкс дернул его за рукав и шепнул ему на ухо несколько слов. Судья проговорил вполголоса какой-то ответ, и затем перешептыванье возобновилось опять. Джинкс делал, по-видимому, возражения.

Наконец, судья, проглотивший, вероятно, весьма неприятную пилюлю от своего письмоводителя, – обратился к м-ру Пикквику и, подавляя внутреннюю досаду, проговорил:

– Что вы хотите сказать?

– Во-первых, – начал м-р Пикквик; посылая через очки такой пронизательный взгляд, который привел в трепет даже самого судью, – во-первых, я желаю знать, зачем и для чего я и мой друг приведены сюда?

– Можно ему сказать это? – шепнул м-р Нупкинс своему письмоводителю.

– Можно и должно, – шепнул Джинкс.

Судья откашлянулся, вытер нос и, приняв торжественную осанку, начал таким образом:

– Дошло до моего сведения, что вы, Пикквик, вопреки существующим законам, замышляете «учинить» дуэль, и что в этом преступном деле помогает вам другой человек, по имени Топман. Следственно... ну, м-р Джинкс?

– Так, сэр, продолжайте.

– Следственно я, как судья, обязываю вас... так, что ли, м-р Джинкс?

– Так, сэр.

– Обязываю вас... к чему-же, м-р Джинкс.

– Отыскать и представить поручителей, сэр.

– Да, да. Следственно – хотел я сказать, как перебил меня мой письмоводитель – следственно я обязываю вас отыскать и представить поручителей.

– Надежных поручителей, – подсказал м-р Джинкс.

– И я требую надежных поручителей, – сказал судья.

– Из граждан этого города, – шепнул Джинкс.

– Они должны быть гражданами этого города, – сказал судья.

– У каждого должен быть свой дом и капитал в пятьдесят фунтов, – подсказал Джинкс.

– И эти два поручителя, сударь мой, должны быть домохозяевами с капиталом не менее пятидесяти фунтов, – проговорил судья с великим достоинством, поправляя свой галстук.

Легко представить изумление и крайнее негодование ученого мужа, вовсе не приготовленного к такой развязке.

– Что все это значит, сэр? – воскликнул м-р Пикквик. – во-первых, мы совсем чужие в этом городе; во-вторых я не знаю здесь ни одного домовладельца, в-третьих, я никогда не думал о дуэли.

– Еще что? – спросил судья.

– Больше ничего, сэр. Кажется, и этого довольно?

– Но я должен предварительно разведать и учинить справку... так, что ли, Джинкс?

– Так, сэр.

– Отвечайте положительно и ясно: имеете ли вы еще что-нибудь сказать в свое оправдание?

Нет сомнения, м-р Пикквик сказал бы очень много в оправдание себя и своих друзей и, конечно, удивил бы всю залу своим импровизированным витийством, если бы в эту самую минуту м-р Уэллер не вступил с ним в таинственное совещание, поглотившее все внимание и силу рассудительности ученого мужа, так что он должен был пропустить мимо ушей вопрос судьи. М-р Нупкинс не любил распространяться дважды о каком бы то ни было предмете. Приготовив себя предварительным кашлем, он бросил на собрание торжествующий взор и, среди полного молчания констеблей, приступил к произнесению приговора.

Слуга Уэллер, уличенный в буйных поступках, приговорен к штрафу в три фунта стерлингов. Граждане Винкель и Снодграс, уличенные в таком-же буйстве, штрафуются двумя фунтами. Сверх того, джентльмены и слуга обязуются дать подписку, что впредь они будут вести себя как прилично честным великобританским подданным и не будут питать личной вражды к констеблю Груммеру. Поручительство относительно Пикквика и Топмана должно состояться во всей силе.

Лишь только мэр кончил свою речь, м-р Пикквик, выступая вперед с улыбкой, заигравшей опять на его добродушном лице, сказал:

– Прошу извинить, господин судья. Не можете ли вы уделить мне несколько минут для переговоров о деле чрезвычайно важном, и которое собственно касается вас самих?

– Что-о-о?

М-р Пикквик повторил свой вопрос.

– Чрезвычайно экстраординарный случай! – воскликнул судья. – Частная аудиенция!

– Да, сэр, я прошу у вас частной аудиенции, – сказал твердо м-р Пикквик, – только я желаю, чтобы на ней присутствовал и мой слуга, так как известия, о которых вы услышите, первоначально исходят от него.

Судья взглянул на м-ра Джинкса, м-р Джинкс взглянул на судью, констебли переглянулись друг с другом с величайшим изумлением. Вдруг м-р Нупкинс побледнел. Не думает ли этот Уэллер, в припадке раскаяния и угрызения совести, сообщить какую-нибудь важную, быть может, убийственную тайну, имеющую отношение к его особе? Не скрывается ли здесь преступное посягательство на его личную безопасность? Страшная мысль! М-р Нупкинс побледнел, как смерть.

Взглянув еще раз на ученого мужа, м-р Нупкинс подозвал своего письмоводителя.

– Что вы думаете об этой просьбе, м-р Джинкс? – пробормотал судья.

М-р Джинкс, не понимавший хорошенько сущности этого казусного дела, – улыбнулся двусмысленной улыбкой и, завинтив углы своего рта, принялся медленно раскачивать свою голову с боку на бок.

– М-р Джинкс, вы осел, сэр, – сказал судья.

При этом комплименте, м-р Джинкс улыбнулся еще раз и постепенно отретировался в свой собственный угол.

Оставленный на произвол собственных соображений, м-р Нуикинс погрузился в глубокую думу на несколько минут, и потом, вставая с места, пошел в боковую комнату, куда, по сделанному знаку, последовал и м-р Пикквик с своим слугой. Чтобы предупредить всякое злонамеренное покушение на свою личность, м-р Нупкинс указал подсудимым на отдаленный конец маленькой комнаты, а сам, на всякий случай, стал подле приотворенной двери, откуда, при возникающей опасности, можно было позвать констеблей. Приняв таким образом все эти необходимые меры, внушенные благоразумием и опытностью, м-р Нупкинс выразил готовность выслушать известие, в чем бы оно ни заключалось.

– Вы позвольте мне, сэр, разом и прямо приступить к делу, которое некоторым образом касается вашей чести и вашего кредита в материальном смысле, – начал м-р Пикквик. – Я имею весьма сильные и основательные причины думать, что вы, сэр, имели неосторожность дать приют в своем доме величайшему обманщику.

– Двум, – прервал Самуэль Уэллер, – тонконогой вешалке и серой ливрее с заплаканными буркалами.

– Самуэль, – сказал м-р Пикквик, – когда я собираюсь рассуждать с этим джентльменом, вы постарайтесь контролировать ваши чувства.

– Виноват, сэр, да только кровь бурлит у меня кипятком и без всякого контроля, как скоро речь пойдет об этих забияках.

– Одним словом, сэр, – продолжал м-р Пикквик, – позвольте спросить вас: прав ли мой слуга, обнаруживший подозрение, что в дом ваш весьма часто делает визиты некто, выдающий себя за капитана Фиц-Маршала? Потому что, видите ли, – продолжал м-р Пикквик, заметив, что судья начал приходить в сильнейшее негодование, – если прав мой камердинер, то я объявляю, что этот Фиц-Маршал есть не что иное, как...

– Погодите, сэр, погодите, – сказал м-р Нупкинс, затворяя дверь. – Так вы знаете этого человека?

– Очень хорошо знаю и объявляю вам, сэр, что это безнравственный негодяй, плут, все что хотите. Он легко втирается в доверенность честных людей и оплачивает им таким вероломством, такими низостями, что... что... – М-р Пикквик задыхался от негодования.

– Боже мой! – воскликнул м-р Нупкинс, раскрасневшись как жареный гусь, мгновенно переменяв судейскую строгость на ласковое обращение порядочного джентльмена. – Сделайте одолжение, м-р...

– Пикквик, – подсказал Самуэль.

– Сделайте одолжение, м-р Пикквик... Боже мой!.. прошу покорнейше присесть. Кто бы мог подумать? Капитан Фиц-Маршал!

– Не называйте его ни капитаном, ни Фиц-Маршалом, – перебил Самуэль, – потому что, я вам скажу, он ни тот, ни другой. Он кочующий актер; зовут его Джинглем, и если вам нужен волк в овечьей шкуре, так это широко-мордый слуга его, Троттер, мошенник из мошенников первейшего сорта.

– Все это совершенно справедливо, сэр, – сказал м-р Пикквик, отвечая на вопрошающий взор изумленного судьи, – я затем и приехал сюда, чтоб обличить этого негодяя.

И м-р Пикквик вылил целиком в разгоряченное ухо городского мэра сокращенную повесть о похождениях м-ра Джингля. Упомянув в сжатых и сильных выражениях о первой встрече с кочующим актером, ученый муж рассказал, как он похитил мисс Уардль, как весело он отказался от этой девы за денежное вознаграждение, как он заманил его самого в девичий пансион, и как, наконец, он, м-р Пикквик, считал своим неременным долгом сорвать маску с этого обманщика.

При этом повествовании, вся горячая кровь в теле м-ра Нупкинса прихлынула к самым верхушкам его ушей. Он в первый раз имел удовольствие познакомиться с капитаном на конских скачках, откуда и пригласил его в свой дом. Фиц-Маршал знаком был почти со всею аристократиею британской столицы, объехал чуть ли не весь свет, знал все, видел все, был сам аристократом с головы до ног: какая драгоценная находка для семейства провинциального мэра! Мистрис Нупкинс и мисс Нупкинс были в восторге от капитана Фиц-Маршала. они показывали его всюду – на семейных вечерах, на городских балах, на общественных гуляньях – гордились мнениями Фиц-Маршала, прославляли его аристократические манеры, жужжали без умолка о тесной дружбе с капитаном Фиц-Маршалом, и весь город завидовал счастливицам, завербовавшим в свой круг лондонского льва. Искренние приятели и приятельницы их, м-с Поркенгем и девицы Поркенгем, и м-р Сидни Поркенгем, готовы были с ума сойти от ревности и отчаяния.

И после всего этого вдруг услышать, что м-р Фиц-Маршал есть ни больше, ни меньше как актер, кочующий актер, пронира, пройдоха и чуть ли не мошенник, готовый отважиться на всякую низость! Силы небесные! Что скажут Поркенгема! Как станет торжествовать м-р Сидни Поркенгем, когда услышит, что ему, вдруг, ни с того, ни с сего, предпочли такого грязного соперника! Какими глазами сам он, почтенный мэр города Ипсвича, будет смотреть на старика Поркенгема, когда встретится с ним на скачках или на выборах в Палату? А если – от чего Боже сохрани! – весть эта залетит в чужие края – что... что тогда!?

– Однакож, все это покамест голословное показание, – сказал м-р Нупкинс, после продолжительной паузы, – М-р Фиц-Маршал человек политический, смею сказать, и у него множество врагов: чем вы можете подтвердить и доказать истину таких ужасных обвинений?

– Поставьте меня с ним на очную ставку, и больше я ничего не требую, – сказал м-р Пикквик, – сведите с ним меня и моих друзей: вы увидите, что больше не нужно будет никаких доказательств.

– Это, кажется, легко устроить, – сказал м-р Нупкинс, – он придет сюда вечером, и тогда все это можно будет обделать без огласки... вы понимаете, что я принимаю в уважение ветренность и, конечно, раскаяние молодого человека. Впрочем, не мешает наперед посоветоваться с моей женой: ум хорош, два лучше. Во всяком случае, м-р Пикквик, мы должны сперва покончить ваше дело, чтобы, понимаете, не было никаких задержек. Не угодно ли вам пожаловать в эту комнату?

И они опять вошли в судейскую.

– Груммер, – сказал судья страшнейшим голосом.

– Чего изволите, сэр? – отвечал Груммер, улыбаясь весьма некстати.

– Чему-ж вы смеетесь, сэр? – строго сказал судья. – Смотрите! вы забываете свои обязанности, сэр, и ведете себя, как бессмысленный мальчишка. Точно ли справедливы все те показания, которые вы дали, сэр? Берегитесь, Груммер!

– Сэр, – пробормотал несчастный Груммер, – я... я...

– Что? Вы путаетесь, сэр? М-р Джинкс, – замечаете вы, как он путается?

– Замечаю, сэр.

– Повторите свое показание, Груммер; только предваряю вас, держите ухо востро. М-р Джинкс, потрудитесь записывать его слова.

Несчастный Груммер, окончательно сбитый с толку инквизиторским взглядом судьи и насмешливой улыбкой Джинкса, запутался минуты в две или три в таком лабиринте противоречий, что м-р Нупкинс объявил ему наотрез и раз навсегда, что он не верит ему ни в одном слове. Таким образом штраф был отменен, и поручительство за пикквикистов оказалось совершенно неуместным. М-рь Груммер, как и следует, получил строжайший выговор, и пикквикисты, все до одного, признаны невинными в самом высшем юридическом смысле. Разительный пример непостоянства человеческого счастья.

М-с Нупкинс была величественная дама в голубом газовом тюрбане и светло-сером парике. Мисс Нупкинс получила в наследство от своей маменьки всю её гордость, за исключением тюрбана, и все её капризы, кроме парика. Как скоро между матушкой и дочкой возникли жаркие споры относительно разных неудобств домашней жизни, вся тяжесть их размовки обыкновенно падала на плечи господина мэра. На этом основании, когда м-р Нупкинс отыскал свою супругу и сообщил ей интересные подробности, представленные президентом Пикквикского клуба, м-с Нупкинс вдруг припомнила, что она всегда ожидала какого-нибудь пассажа в этом роде, что она никогда не сомневалась в злонамеренности Фиц-Маршала, что ее никто не хотел слушать, что она не понимает, чем ее считает м-р Нупкинс, и так далее, до бесконечности, все в одном и том же роде.

– Подумать только, что из меня сделали такую дуру! – возопила прелестная мисс Нупкинс, выжимая по слезинке из каждого глаза.

– Ты можешь благодарить за это своего папеньку, моя милая, – сказала м-с Нупкинс. – Сколько раз я просила, уговаривала, умоляла этого человека расспросить о фамильных связях капитана Фиц-Маршала! Сколько раз я заставляла его принять какие-нибудь решительные меры! О, Боже мой, да ведь этому никто и не поверит – никто!

– Однакож, послушай, моя милая, – начал м-р Нупкинс.

– Не говори мне ничего, – сказала м-с Нупкинс.

– Но ведь ты сама, душечка, признавалась открыто, что готова с ума сойти от любезностей капитана Фиц-Маршала. Ты беспрестанно приглашала его к себе, мой друг, и пользовалась всяким случаем, чтобы выставить на вид капитана Фиц-Маршала.

– Слышишь, Генриетта? – сказала м-с Нупкинс, обращаясь к своей дочке с видом оскорбленной добродетели. – Чему тут удивляться? Ему не в первый раз сваливать с больной головы на здоровую. Я всегда это говорила.

И м-с Нупкинс зарыдала горько и громко.

– Ах, папенька! – возгласила мисс Нупкинс. И слезы дочери смешались с рыданиями матери.

– Мало ему, что теперь, по его милости, мы делаемся посмешищем всего света! – восклицала м-с Нупкинс. – Он меня же обвиняет, бессовестный!

– Как нам теперь показываться в обществах? – сказала мисс Нупкинс.

– Какими глазами будем мы смотреть на Поркенгемов? – сказала м-с Нупкинс.

– И на Григтсов, – добавила мисс Нупкинс.

– И на Сломминтаукенсов, – дополнила м-с Нупкинс. – Что-ж в этом толку, мой ангел? Отец твой знать ничего не хочет: для него хоть трава не расти.

Обе дамы зарыдали опять громко, сильно, дружно.

Слезы м-с Нупкинс изливались обильным и быстрым потоком и, по-видимому, совсем загопили её мыслительные способности. Мало-помалу, однако ж, несчастная леди пришла в себя и, получив способность размышлять, представила на рассмотрение своему супругу проект относительно приглашения на обед м-ра Пикквика с его друзьями: они останутся до вечера, и, следовательно, столкнутся с капитаном Фиц-Маршалом. После продолжительных совещаний, на семейном совете состоялось решение такого рода: убедившись в справедливости показаний м-ра Пикквика, прогнать немедленно капитана со двора, стараясь, однако ж, не делать никакого шума, и потом известить Поркенгемов, что м-р Фиц-Маршал, пользуясь огромным влиянием при дворе своей аристократической родни, получил место генерал – губернатора на Сьере-Леоне, на мысе Доброй Надежды, или на каком-нибудь из тех спасительных для здоровья островов, откуда европейцы, очарованные, конечно, туземным климатом, почти никогда не возвращаются назад в свою отчизну.

Сильно возрадовалось сердце почтенного мэра, когда, наконец, его дочь и супруга осушили свои слезы: он не противоречил ни в чем и безмолвно согласился на все пункты. М-р Пикквик и его друзья, изгладив все следы своего странного приключения, оставшиеся на их лицах и костюме, были представлены дамам и получили приглашение обедать. М-р Самуэль Уэллер, удостоившийся весьма лестных отзывов проницательного судьи, был поручен радушной заботливости м-ра Моззеля, который и отправился с ним в нижние апартаменты.

– Как ваше здоровье, сэр? – сказал м-р Моззель, провожая м-ра Уэллера на кухню.

– Здравствую, как видите, покорно вас благодарю, – отвечал Самуэль, – никаких особых перемен не произошло во мне с тех пор, как я имел честь видеть вас за стулом вашего командира.

– Прошу извинить, сэр, что я в ту пору не обратил на вас внимания, – сказал м-р Моззель, – мы еще не были отрекомендованы друг другу. Господин мой, кажется, вас очень любил, м-р Уэллер.

– Не мудрено. Он славный малый.

– Вы находите?

– Это всякий видит. Какой он весельчак!

– И мастер говорить, я вам скажу, – добавил м-р Моззель, – слова у него, что называется, бьют ключом из горла.

– Фонтаном бьют и брызгами летят на воздух, так что не поймаешь в них ни одной мысли, – заметил м-р Уэллер.

– В этом-то и штука – говорить так, чтобы никто ничего не понимал, – дополнил м-р Моззель. – Последняя ступень, м-р Уэллер, не оступитесь. Не угодно ли помыть руки, прежде чем я представлю вас нашим леди? Вот здесь за дверью рукомойник и чистое полотенце к вашим услугам.

– Всполоснуться не мешает, – отвечал м-р Уэллер, натирая желтым мылом свое лицо. – А у вас много леди?

– На кухне только две, – сказал м-р Моззель, – горничная и кухарка. Для черной работы мы держим судомойку да мальчишку: они обедают в прачешной.

– Так вы их не допускаете к своему столу?

– Нет, сэр. Сначала, правда, как они пришли, мы попытались пообедать с ними раза два или три, да только не было никакой возможности сидеть вместе с ними. У судомойки пре-страшные манеры и никакого воспитания, а мальчишка сопит, как надорванная лошадь.

– Скажите, какой неуч!

– Что прикажете делать. У нас в провинции много невоспитанных людей, м-р Уэллер, и это по временам бывает очень неприятно. Сюда пожалуйте, сэр, сюда.

И м-р Уэллер вошел в кухню.

– Мэри, – сказал м-р Моззель, обращаясь к хорошенькой девушке, носившей это имя, – вот вам м-р Уэллер, джентльмен из Лондона и друг нашего дома. Господин поручил нам уго-стить м-ра Уэллера и всячески стараться, чтобы ему было весело в нашей компании.

– Господин ваш знаток своего дела и отлично понимает, где раки зимуют, – сказал м-р Уэллер, бросая удивленный взгляд на мисс Мери, – на месте хозяина этого дома, я в жизнь не узнал бы скуки подле такой красоты.

– Ах, м-р Уэллер! – воскликнула Мери, зардевшись ярким румянцем.

– Ах, какие пассажи! – воскликнула кухарка.

– Извините, сударыня, я совсем забыл вас, – сказал м-р Моззель. – Позвольте вас пред-ставить, м-р Уэллер.

– Здравствуйтесь, сударыня, – сказал м-р Уэллер. – Очень рад вас видеть и надеюсь, что мы познакомимся надолго: прошу любить и жаловать вашего покорного слугу.

После этой церемонии представления горничная и кухарка удалились минут на десять за перегородку для взаимного сообщения друг другу впечатлений, произведенных на них визи-том приятного гостя. Затем вся компания уселась за стол, уже давно накрытый для обеда.

Любезность м-ра Уэллера, его свободное обращение и редкий дар слова произвели могу-щественное влияние на всю компанию, так что в половине обеда кавалеры и дамы стояли уже на самой короткой ноге, знали со всеми подробностями историю негодяя, выдававшего себя за Иова Троттера.

– Не даром я его терпеть не могла, – сказала мисс Мери.

– Вы и не должны были терпеть его, – заметил м-р Уэллер.

– Отчего?

– Оттого, душечка моя, что красота и добродетель ничего не могут иметь общего с безоб-разием и мошенническими проделками какого-нибудь голяка бродяги. Согласны ли вы с этим, м-р Моззель?

– Совершенно согласен, – отвечал этот джентльмен.

– Здесь Мери захохотала и сказала, что смешит ее кухарка. Кухарка тоже засмеялась и сказала, что мисс Мери – презабавная девчонка.

– Я еще не пила, – заметила мисс Мери.

– Не угодно ли со мной из одной рюмки? – сказал м-р Уэллер. – Обмочите ваши губки, душенька, и я буду иметь право поцеловать вас в щечку.

– Стыдитесь, м-р Уэллер, – сказала мисс Мери.

– Чего?

– Говорить такие глупости.

– Глупости? Вы ошибаетесь, мой розанчик. Натура не терпит глупостей, а я, как видите, истинный сын природы. Так ли, госпожа кухарка?

– Не спрашивайте меня, негодный кавалер, – отвечала кухарка, утопавшая, по-видимому, в океане наслаждений.

Здесь горничная и кухарка залились беззаботным и нежным смехом, вследствие чего с прелестной мисс Мери, не успевшей проглотить куска говядины и запить его шотландским пивом, случился весьма неприятный припадок, из которого едва вывел ее м-р Уэллер, поспевший дать ей три нежных тумака по спине и оказавший другие знаки обязательной внимательности, столь необходимой в таких случаях.

Среди таких забав и наслаждений, вдруг раздался громкий звонок у зеленой калитки, оставшейся теперь в полном распоряжении молодого джентльмена, обедавшего в прачешной за особенным столом. М-р Уэллер продолжал расточать свои комплименты и становился любезнее с минуты на минуту; м-р Моззель разливал душистое вино в рюмки и стаканы; кухарка прохлаждалась за шотландским пивом и готовилась разрезать свою порцию бифштекса... вдруг, можете представить, дверь кухни отворилась, и в комнату вошел, можете вообразить, не кто другой, как м-р Иов Троттер.

Вошел, сказали мы; но это слово в настоящем случае не удобно применить к самому факту. Дверь кухни отворилась, и м-р Троттер появился. Он хотел идти, да и пошел бы без всякого сомнения, но, встретившись с глазами м-ра Уэллера, невольно отпрянул назад шага на два и остановился, как вкопанный, глаза на неожиданную сцену с чувством невыразимого изумления и страха.

– Вот он, голубчик, – сказал м-р Уэллер, быстро вставая с места. – А мы только что говорили о вас, сию минуту. Как поживаете, м-р Троттер? Где погуливали? Просим покорнейше.

И, положив свою могучую руку на серый воротник беззащитного Иова, м-р Уэллер потащил его на середину кухни. Затем он запер дверь и передал ключ м-ру Моззелю, который с философским равнодушием положил его в свой боковой карман.

– Теперь у нас пойдет потеха, – сказал м-р Уэллер, – вообразите, любезный друг, что ваш господин наверху встретился в эту минуту с моим, а вот здесь внизу мы имеем удовольствие смотреть на вашу прекрасную ливрею. Ну, соколик, как ваши дела? Скоро ли будете торговать пирожками в мелочной лавке? Ох, как я рад вас видеть, Иов Троттер! Теперь вы совершенно счастливы, любезный друг. Ведь он счастлив, м-р Моззель?

– Совершенно. Это видно по его глазам.

– Смотрите, как он весел! – продолжал Самуэль Уэллер.

– Он просто в восторге, – сказал м-р Моззель.

– Нечего и говорить: с ума сходит от радости. Садитесь, м-р Троттер просим покорнейше: мы все очень рады вас видеть.

И его насильно усадили на стул подле печи. Несчастный Троттер немилосердно заморгал своими крошечными глазками, сперва на м-ра Уэллера, потом на Моззеля; но не проговорил ни одного слова.

– Теперь, сударь мой, – начал Самуэль Уэллер, – мне хотелось бы, любопытства ради, спросить вас перед этими леди, точно ли вы считаете себя добродетельным и самым благо-

воспитанным молодым джентльменом, какой когда-либо употреблял серую ливрею и розовый платочек?

– И точно ли вы хотели жениться на кухарке? – с негодованием спросила раздраженная леди, – бездельник!

– И правда-ли, м-р Троттер, что у вас было намерение завести на чужия деньги мелочную лавочку? – спросила мисс Мери.

– Теперь не угодно ли вам выслушать меня, молодой человек, – начал м-р Моззель торжественным тоном, – вот эта почтенная леди (он указал на кухарку) удостоила меня некоторой благосклонности и вступила в компанию со мною. Поэтому, сэр, если вы огласили намерение завести на её счет мелочную лавку и торговать пирогами, но вы этим самым наносите мне одно из тех ужасных и непростительных оскорблений, какие, сэр, не забываются порядочными людьми. Понимаете вы это?

Здесь м-р Моззель, имевший вообще высокое мнение о своем красноречии, в котором он подражал методе и манерам своего господина, приостановился и ждал ответа.

Но м-р Троттер не дал никакого ответа. На этом основании м-р Моззель продолжал с большею торжественностью:

– Очень вероятно, сэр, что вас не потребуют наверх по крайней мере около пятнадцати минут, потому что, сэр, господин ваш в эту самую минуту рубит окрошку наверху, или, выражаясь более понятным языком, сводит окончательные счета с моими господами; следственно, сэр, у вас будет довольно времени для джентльменских объяснений, которых от вас требуют. Понимаете вы это, сэр?

М-р Моззель опять остановился в ожидании ответа; но м-р Троттер по-прежнему хранил упорное молчание.

– Очень хорошо, сэр, – продолжал м-р Моззель, – мне очень неприятно иметь такие объяснения в присутствии почтенных леди; но критические обстоятельства, надеюсь, будут служить для меня достаточным извинением в этом деле. Слушайте же теперь обоими ушами. Вот, за этой перегородкой довольно места для нас обоих: благоволите войти и учинить со мною окончательную расправу. М-р Уэллер будет свидетелем. Следуйте за мною, сэр.

С этими словами м-р Моззель отступил к дверям шага на два и начал снимать свой сюртук.

Лишь только кухарка услышала заключительные слова страшного вызова и увидела, что м-р Моззель готов привести их в исполнение, она испустила громкий и пронзительный крик и в ту же минуту, бросившись на Троттера, вставшего с своего места, отвесила ему со всего размаха две полновесные пощечины с такою энергией, какая только может служить отличительным признаком взбешенной леди. Затем засучив рукава, она запустила обе руки в черные волосы несчастного кавалера и мгновенно вырвала оттуда две огромных пряди, которых могло хватить на полдюжины траурных колец солидной величины. Окончив этот маневр со всею горячностью, какую только могла внушить ей пылкая любовь к особе м-ра Моззеля, иступленная леди попятилась назад и, соблюдая необходимые условия благовоспитанной дамы, бросилась мгновенно на софу и лишилась чувств.

В эту минуту раздался звонок.

– Это вам задаток, Иов Троттер, – сказал Самуэль.

Но прежде, чем Иов Троттер собрался с духом, чтобы произнести приличный ответ, прежде даже чем успел он ощупать раны, нанесенные бесчувственной леди, Самуэль схватил его за одну руку, а м-р Моззель подцепил за другую. В этом интересном положении, добродетельный лакей, подталкиваемый сзади, отсаживаемый спереди, был приведен наверх в гостиную судьи.

Наверху происходил спектакль, поучительный и редкий. Альфред Джингль, эсквайр или, другими словами, капитан Фиц-Маршал, стоял подле двери со шляпой в руке и улыбкой

на устах, не чувствуя, по-видимому, ни малейшего неудобства от непредвиденного столкновения обстоятельств. Перед ним, лицом к лицу, стоял м-р Пикквик, читавший, очевидно, красноречивую лекцию высокого нравственного свойства, потому что левая рука ученого мужа была закинута за фалду его фрака, между тем как правая величественно простиралась в воздухе, что делал м-р Пикквик всякий раз, когда оказывалась необходимость возбудить или утолить патетические чувства в сердце внимательного слушателя. Немного поодаль стоял м-р Топман с выражением страшного негодования на своем благородном челе, и подле него, понурился головы, стояли младшие его друзья. На заднем плане этой сцены находились: м-р Нупкинс, и прелестная мисс Нупкинс с неизъяснимым выражением ненависти, досады и благородного презрения на своем розовом личике.

– И вот что мешает мне, – возгласил м-р Нупкинс, величественно выступая вперед, когда был, наконец, введен сердобольный Иов, – что мешает мне задержать этих людей, как мошенников и негодяев? Снисходительность, глупое мягкосердечие. Ну что мешает мне?

– Гордость, приятель, гордость, и ничего больше, – отвечал м-р Джингль, сохранивший совершеннейшее спокойствие духа. – Не годится... огласка... подцепили капитана – э? Ха, ха, ха! Славная находка... жених для дочери... протрубят по всему городу... будет глупо... очень!

– Изверг! – воскликнула м-с Нупкинс, – мы презираем ваши низкие намеки.

– Я всегда ненавидела его, – прибавила Генриетта.

– Ну, конечно, – сказал Джингль, – высокий молодой человек... старый любовник... Сидни Поркенгем... богат... хорош собой... а все не так богат и знатен, как капитан Фиц-Маршал – э? Ха, ха, ха!

– Мерзавец!!! – воскликнули в один голос мать, отец и дочь.

– Подцепите его опять, – продолжал с невозмутимым спокойствием м-р Джингль, – смиляется... простит... поменьше подымайте нос... не годится.

Здесь м-р Джингль залился опять веселым и громким смехом, к очевидному удовольствию своего верного слуги, который, в свою очередь, оскалил зубы, облизнулся и нагло посмотрел на всю почтенную компанию.

– М-р Нупкинс, прекратите эту сцену, сказала раздраженная супруга почтенного судьи. – Слуги не должны слышать подобных разговоров. Пусть выведут этих негодяев.

– Сейчас, душенька, – сказал м-р Нупкинс. – Моззель!

– Что прикажете?

– Отворите дверь.

– Слушаю.

– Оставьте мой дом, и чтобы духу вашего здесь не было, – сказал м-р Нупкинс, делая выразительные жесты.

Джингль улыбнулся и немедленно повернулся к дверям.

– Остановитесь, – закричал м-р Пикквик.

Джингль остановился.

– Мне бы ничего не стоило отомстить, – сказал Пикквик, – и наказать вас примерным образом за все эти подлые поступки...

Здесь Иов Троттер отвесил низкий поклон приложив руку к своему сердцу.

– Я говорю, – продолжал м-р Пикквик, пылая благородным гневом, – мне бы очень легко было наказать вас примерным образом; но я ограничиваюсь на этот раз только тем, что сорвал с вашего лица подлую маску, которую вы осмеливаетесь носить на глазах честных людей. Пусть это послужит для вас уроком, сэр, и поводом к исправлению на будущее время. Я, с своей стороны, доволен и тем, что исполнил долг свой в отношении к обществу честных людей.

Когда м-р Пикквик дошел до этого заключения, Иов Троттер, с комической важностью, приставил правую руку к своему левому уху, показывая таким образом, что он не желает проронить ни одного звука.

– Мне остается только прибавить, сэр, – продолжал м-р Пикквик, вспыхнувший теперь отчаянным гневом, – что я считаю вас негодяем... мошенником... и таким мерзавцем, с каким разве может сравниться только этот негодный ханжа в серой ливрее. Вы стоите один другого.

– Ха, ха, ха! – залился Джингль, – добрый старикашка... толст и мягок... не горячитесь только... нездорово... душа уйдет в пятки... Прощайте, Пикквик... увидимся. Ну, Иов... отваливай.

С этими словами, м-р Джингль нахлобучил свою эксцентричную шляпу и молодцовато вышел из дверей. Гов Троттер приостановился и, скорчив плутовскую улыбку на своем лице, отвесил м-ру Пикквику комический поклон. Затем, бросив неописанно наглый взгляд на м-ра Уэллера и махнув рукой, добродетельный лакей выноркнул из комнаты.

– Самуэль, – сказал м-р Пикквик, когда верный его слуга тоже хотел идти вслед за удалявшимся ханжей.

– Чего изволите?

– Останьтесь здесь.

М-р Уэллер был, казалось, в нерешительном положении.

– Останьтесь здесь, говорю я вам, – повторил м-р Пикквик.

– Что-же, сэр? Неужто вы не позволите мне потаскать немного этого плаксу?

– Ни под каким видом.

– Один подзатыльник, по крайней мере?

– Ни, ни.

Первый раз м-р Уэллер, в продолжение своей верной службы, при особе ученого мужа, обнаружил недовольный и даже оскорбленный вид; но его физиономия скоро прояснилась, когда он узнал, что м-р Моззель, провожая ненавистных гостей, спихнул их обоих с верхних ступеней лестницы, так что они кубарем покатались на грязный двор, потерпев значительное повреждение своих членов.

– И так, сэр, обязанность моя кончена, – сказал м-р Пикквик, обращаясь к почтенному мэру, – я свято исполнил свой долг в отношении к ближним, и теперь совесть моя спокойна. Позвольте проститься с вами, почтенный представитель закона. Благодарю вас душевно от себя и от имени своих друзей за оказанное гостеприимство. Завтра мы возвращаемся в Лондон. Будьте уверены, что тайна ваша умрет в наших сердцах.

Затем ученый муж учтиво раскланялся с дамами, дружески пожал руку м-ру Нупкинсу и вы шел из комнаты вместе с своими друзьями.

– Наденьте шляпу, Самуэль.

– Да она, сэр, осталась внизу.

И он побежал за шляпой.

Должно теперь заметить, что в кухне не было никого, кроме хорошенькой горничной, и так как шляпа была заложена неизвестно куда, то м-р Уэллер и мисс Мери принялись искать ее вместе и долго искали они без всякого успеха. Озабоченная мисс Мери под конец даже принуждена была стать на колени, и в этой интересной позе она усердно начала перерывать все вещи, лежавшие в маленьком углу подле двери. Это был ужасно неуклюжий угол. Добраться до него можно было не иначе, как затворив наперед дверь.

– Вот она, – сказала, наконец, Мери, – вот ваша шляпа. Она ли?

– Дайте я посмотрю.

И, чтобы посмотреть на свою шляпу, он тоже принужден был стать на колени: иначе нельзя было подойти к мисс Мери.

– Да, это моя шляпа, – сказал Самуэль. – Прощайте, душечка.

– Прощайте, – сказала горничная.

– Прощайте, – сказал Самуэль и, говоря это, он имел неосторожность уронить свою шляпу, отысканную с таким трудом.

– Какой вы неловкий! – сказала Мери, – вы, пожалуй, опять потеряете, если не будете осторожны.

И, единственно для избежания такой потери, мисс Мери собственными руками надела шляпу на голову м-ра Уэллера.

Оттого ли, что хорошенькое личико горничной сделалось в эту минуту еще милее, или, быть может, это было естественным следствием случайного столкновения молодых людей, только м-р Уэллер поцеловал мисс Мери.

– Вы это нарочно сделали, м-р Уэллер? – сказала хорошенькая горничная, краснея как маков цвет.

– Нет, душечка; а вот теперь будет и нарочно.

И он поцеловал ее в другой раз.

– Самуэль, Самуэль! – кричал м-р Пикквик, продолжавший все это время стоять на ступени лестницы.

– Иду, сэр, – отвечал Самуэль, выбегая из кухни.

– Как вы долго пропадали, любезный, – сказал м-р Пикквик.

– Извините, сэр. Насилу доискался.

Так ознаменовалась первая любовь молодого человека.

Глава XXVI

Краткий отчет о процессе вдовы Бардль против старого холостяка.

Исполнив свой филантропический долг в отношении к ближним и достигнув таким образом главной цели своего путешествия в Ипсвич, м-р Пикквик решил немедленно воротиться в Лондон, с тем, чтобы вникнуть в сущность ябеднических крючков, которыми подцепили его бессовестные Додсон и Фогг. Действуя сообразно с этим решением, ученый муж, поутру на другой день после описанных нами событий, взлез на империал первого дилижанса, отправлявшегося из Ипсвича, и вечером в тот же день в вожделенном здравии прибыл в столицу, сопровождаемый своими друзьями и верным слугой.

Здесь президент и его ученики должны были расстаться на короткое время. Господа Винкель, Топман и Снодграс отправились каждый на свою квартиру, чтобы немедленно заняться приготовлениями к предстоящей поездке на Дингледель; а м-р Пикквик и Самуэль Уэллер, считая неудобным свое прежнее жилище, поместились с превеликим комфортом в Ломбардской улице, в гостинице и вместе таверне «Коршуна и Джорджа».

Окончив свой обед я допив последнюю кружку пива, м-р Пикквик растегнул жилет, скинул галстук и сел перед камином, положив свои ноги на экран и забросив голову на спинку кресла. В эту минуту в комнату вошел м-р Самуэль Уэллер с дорожной сумкой под мышкой.

– Самуэль, – сказал м-р Пикквик.

– Сэр, – сказал м-р Уэллер.

– О чем я теперь рассуждаю?

– Не знаю, сэр.

– Вот о чем. Так как все мои вещи остались на прежней квартире у м-с Бардль, в Гозуэльской улице, то я считаю необходимым взять их оттуда, прежде чем мы вновь отправимся из города.

– Очень хорошо.

– Вещи должны быть отправлены в квартиру м-ра Топмана, – продолжал м-р Пикквик, – но вам необходимо наперед пересмотреть их, пересчитать и привести в порядок. Я желаю, Самуэль, чтобы вы отправились в Гозуэльскую улицу.

– Сейчас, сэр?

– Сейчас.

Самуэль повернулся к дверям.

– Погодите, Самм, – сказал м-р Пикквик, вынимая кошелек из кармана. – Надобно свести денежные счета. За квартиру я ничего не должен, но вы все-таки заплатите за всю треть, до Рождества, то есть. Срок моего контракта кончается через месяц: вы можете отдать эту бумагу м-с Бардль, возьмите с неё квитанцию и скажите, что мою квартиру она может отдать внаймы когда ей угодно.

– Слушаю, сэр. Еще чего не прикажете ли?

– Ничего больше.

М-р Уэллер медленно пошел к дверям, как будто выжидая дальнейших приказаний, отворили одну половину двери и медленно переступил за порог, как вдруг м-р Пикквик остановил его опять:

– Самуэль.

– Чего изволите? – сказал м-р Уэллер, быстро поворачиваясь назад и затворяя за собою дверь.

– Я не сделаю никаких возражений, если вы захотите разведать из-под руки характер чувствований м-с Бардль и её отношения ко мне. Узнайте, если хотите, до какой степени пущено

в ход это нелепое и кляузное дело. Повторяю, вы можете входить во всякие соображения и расспросы, если пожелаете, – заключил м-р Пикквик.

Самуэль многозначительно кивнул головою и вышел из дверей. М-р Пикквик снова положил ноги на экран, покрыл глаза шелковым платком и погрузился в сладкую дремоту. М-р Уэллер, не теряя ни минуты, отправился исполнять поручения своего господина.

Было уже около девяти часов, когда он достиг Гозуэльской улицы. Две свечи ярко горели в передней маленькой гостиной, и две женских шляпки волновались из-за оконных штор. У м-с Бардль были гости.

М-р Уэллер постучался в дверь и принялся насвистывать национальную песню в ожидании ответа. Минут через пять в коридоре на мягком ковре послышались шаги, и вслед затем, собственной особой, явился маленький сынок вдовицы Бардль.

– Здравствуй пузырь, – сказал Самуэль, – что твоя мать?

– Здорова, – отвечал юный Бардль. – Здоров и я.

– Тебе же лучше, – проговорил м-р Уэллер. – Скажи своей маменьке, что мне надобно потолковать с ней кой о чем.

Юный Бардль поставил свечу на нижней ступени лестницы и отправился в гостиную с докладом.

Две шляпки, волновавшиеся из-за оконных штор, принадлежали двум искренним приятельницам м-с Бардль: они пришли к своей кумушке накушаться чайку и полакомиться горячими котлетками из поросячьих ног, которые, вместе с горячими пирожками, приправленными капустой и сыром, составляли обыкновенный ужин м-с Бардль. Поросячьи ножки весело жарились и кипели в голландской печке на чугунной плите; еще веселее м-с Бардль и кумушки её разговаривали за круглым столом, вникая в характер и нравственные качества всех своих знакомых и друзей, как вдруг юный Бардль, вбегая с разгоревшимися щеками, возвестил о прибытии м-ра Уэллера.

– Слуга м-ра Пикквика! – воскликнула м-с Бардль, побледнев, как полотно.

– Боже мой! – воскликнула м-с Клоппинс.

– Какой скандал! – воскликнула м-с Сандерс. – Я бы ни за что не поверила, если бы сама не была здесь.

М-с Клоппинс представляла из своей особы крошечную леди с живыми, хлопотливыми манерами и служила совершеннейшим контрастом м-с Сандерс, женщины гигантского роста, плечистой, толстой и жирной.

М-с Бардль, очевидно, пришла в величайший испуг, и все вообще погрузились в крайнее недоумение относительно весьма важного и чрезвычайно щекотливого пункта: должно-ли им, при существующих обстоятельствах, принимать Пикквика или его слугу без предварительного совещания с господами Додсоном и Фоггом. В этом критическом положении сказалось прежде всего необходимым съездить по башке малютку Бардля, зачем он осмелился найти в дверях м-ра Уэллера. На этом основании юный Бардль получил тумака в левый висок и залился мелодически плачем.

– Замолчишь-ли ты, чертенок? – сказала м-с Бардль, съездив своего сынка еще в правый висок.

– Как тебе не стыдно огорчать свою бедную мать, – сказала м-с Сандерс.

– И без тебя у ней слишком много неприятностей, Томми; угомонись, мой милый, – добавила м-с Клоппинс, испустив глубокий вздох.

– Бедная, бедная мать! – воскликнула м-с Сандерс.

При этих нравственных наставлениях юный Бардль завизжал, как поросенок.

– Что-ж мне делать? – сказала м-с Бардль, обращаясь к м-с Клоппинс.

– Примите его, делать нечего, – отвечала м-с Клоппинс, – только без свидетелей не говорите с ним ни под каким видом.

– По-моему, двух свидетелей будет достаточно, – сказала м-с Сандерс, сгравшая, как и другая кумушка, непреодолимым любопытством.

– Стало быть, можно впустить его, – сказала м-с Бардль.

– Разумеется, – отвечала с видимым удовольствием м-с Клоппинс... Войдите, молодой человек, только потрудитесь наперед запереть дверь с улицы.

При одном взгляде м-р Уэллер смекнул весь ход дела, храбро выступил перед лицом любезных дам и обратился к м-с Бардль с такою речью:

– Очень жалею, сударыня, что личное мое присутствие расстраивает ваш комфорт, как говорил однажды ночной кавалер, обкрадывая старую леди; но дело в том, что я и мой господин только-что приехали в столицу и надеемся скоро выехать опять. Поэтому, сударыня, просим полюбить нас и пожаловать ласковым словом.

– Что-ж, моя милая, молодой человек, я полагаю, не виноват в проступках своего господина, – сказала м-с Клоппинс, озадаченная ловкостью и любезными манерами м-ра Уэллера.

– Ну, конечно, – отвечала м-с Сандерс, поглядывая умильными глазами на пороссячи ножи. Было ясно, что в голове почтенной дамы происходили вероятные вычисления относительно количества котлет и пирожков, которых, чего доброго, могло и не хватить на ужин, если примет в нем участие м-р Уэллер.

– Не угодно-ли теперь выслушать, сударыня, зачем я пришел к вам? – сказал м-р Уэллер, не обращая внимания на вставочные замечания почтенных дам. – во-первых, представить вам записку моего господина – вот она. Во-вторых, заплатить квартирные деньги – вот они. В-третьих, доложить вашей милости, что все наши вещи, обревизованные и приведенные в порядок, должны быть возвращены нам при первом востребовании. В-четвертых, известить вашу честь, что квартира наша может быть отдана в наем, когда вам угодно. И все. И больше ничего.

– Что бы ни вышло, и что еще ни выйдет между нами, – отвечала м-с Бардль, – я всегда говорила и буду говорить всегда, что м-р Пикквик, кроме того несчастного случая, вел себя во всех отношениях как честный джентльмен. Он расплачивался всегда, как банкир – ей-богу!

Самуэль смекнул, что ему остается лишь оставаться спокойным, не растворяя уст, и уж дамы сделают свое дело. Поэтому он пребывал в глубоком молчании и смотрел попеременно то на стены, то на потолок.

– Бедняжка! – воскликнула м-с Клоппинс.

– Сирота горемычная! – подхватила м-с Сандерс.

Самуэль не сказал ничего. Он видел, что дело пойдет само собою.

– Такое клятвopеступничество, Боже мой! – воскликнула м-с Клоппинс. – Я не имею ни малейшего намерения оскорбить вас, молодой человек, но господин ваш – предурной старик и я очень жалею, что не могу сказать ему этого в глаза.

Самуэль поклонился и продолжал хранить глубокое молчание.

– Ведь она, бедняжка, совсем стосковалась, – продолжала Клоппинс, заглянув наперед в голландскую печку, – ничего не ест, не пьет, и вся её отрада только в обществе добрых приятельниц, которые иной раз, из сострадания, приходят посидеть к ней. Это ужасно!

– Бесчеловечно! – подхватила м-с Сандерс.

– И это тем досаднее, молодой человек, – продолжала скороговоркой м-с Клоппинс, – что господин ваш – джентльмен с деньгами, капиталист, можно сказать. Что бы ему стоило содержать жену? Ничего, просто плевое дело, и его решительно ничем извинить нельзя. Отчего он не женится на ней?

– Да, это загадка, – сказал Самуэль.

– Конечно, загадка, которую может только разрешить закон, – подхватила м-с Клоппинс. – Что тут толковать? Мужчины почти все негодяи, и не будь закона, они бы делали с нами, что хотели. Но закон, слава Богу, берет нас под свою защиту и, авось, господин ваш, молодой человек, узнает через шесть месяцев, что значит оскорблять бедную женщину.

При этом утешительном предположении, м-с Клоппинс вздернула голову и улыбнулась м-с Сандерс, которая тоже поспешила отвечать веселой улыбкой.

«Стало быть, дело уже пущено в ход», подумал Самуэль.

В эту минуту в комнату вошла м-с Бардль.

– Вот вам росписка и сдача, м-р Уэллер, – сказала м-с Бардль. – Надеюсь, м-р Уэллер, вы, по старому знакомству, останетесь с нами выкушать чайку и закусить, чем Бог послал.

М-р Уэллер согласился, рассчитывая на выгоды, какие можно получить от такого угощения. М-с Бардль вынула из маленького шкафа черную бутылку и, наливая рюмку для м-ра Уэллера, наполнила, по рассеянности, три другие рюмки, стоявшие на столе. Такая рассеянность была, разумеется, естественным следствием постигнувшего ее несчастья.

– Что с вами, м-с Бардль? – вскричала м-с Клоппинс. – Посмотрите, что вы делаете.

– Ну, это хороший признак, – заметила м-с Сандерс.

– Бедная моя головушка! – воскликнула м-с Бардль со слабой улыбкой на устах.

Самуэль прекрасно понимал все эти уловки и потому сказал не обвиняясь, что перед ужином он обыкновенно пьет не иначе, как вместе с какою-нибудь леди. Последовали остроумные замечания, и м-с Сандерс, подшучивая над молодым человеком, обмочила свои губки в поданной рюмке. Другие дамы, по приглашению Самуэля, тоже не замедлили последовать её примеру. Затем м-с Клоппинс предложила тост в залог будущих успехов вдовы Бардль против бессовестного старика: леди опорожнили свои рюмки и сделались чрезвычайно разговорчивы.

– Вы, я думаю, слышали, м-р Уэллер, как идет это дело? – спросила м-с Бардль.

– Кое-что слышал, – отвечал Самуэль.

– Ах, если бы вы знали, м-р Уэллер, как неприятно для бедной женщины таскаться по судам, – сказала м-с Бардль, – но делать больше нечего; пусть будет, что будет. Покровители мои, Додсон и Фогг, уверяют, что мы непременно будем иметь успех, потому что правда вся на нашей стороне. Уж я и не придумаю, что делать, если не успеем.

Но при одном предположении о безуспешности своего дела бедная вдова, м-с Бардль, пришла в такое сильное волнение, что немедленно принуждена была налить и опорожнить залпом рюмку вина, иначе, – сказала потом м-с Сандерс, – без этой находчивости и присутствия духа, она бы непременно лишилась чувств.

– Когда вы, вы надеетесь, состоится окончательное решение по-вашему делу? – спросил Самуэль.

– В феврале, м-р Уэллер, или, быть может, в марте, – отвечала м-с Бардль.

– Сколько будет у вас свидетелей? – спросила м-с Клоппинс.

– Ну, об этом не стоит и толковать, моя милая, – сказала м-с Сандерс, – в свидетелях, разумеется, не будет недостатка.

– А ведь мне кажется, господа Додсон и Фогг, – будут просто в отчаянии, если, чего Боже сохрани, процесс будет проигран, – заметила м-с Клоппинс.

– О, они с ума сойдут! – сказала м-с Сандерс. – Ведь уж само собою разумеется, они взялись хлопотать из интереса.

– Что-ж? дело не рискованное: м-с Бардль непременно выиграет, – возразила м-с Клоппинс.

– Надеюсь, – сказала м-с Бардль.

– В этом не может быть ни малейшего сомнения; – подхватила м-с Сандерс.

– Очень хорошо, сударыни, – сказал Самуэль, вставая с места, – я со своей стороны считаю нужным пожелать полного успеха правому делу.

– Покорно вас благодарю, – с жаром проговорила м-с Бардль.

– Что-ж касается до господ Додсона и Фогга, которые ведут дела из интереса, – продолжал м-р Уэллер, – я полагаю, что они – пречестнейшие плуты, как и вся их братия, и на этом основании, милостивые государины, я желаю им той награды, которой они вполне заслуживают.

– Небо наградит их за доброе дело, – сказала растроганная м-с Бардль.

– Конечно, – заключил м-р Уэллер. – Желаю вам, сударыни, спокойной ночи и приятных снов.

К великому утешению м-с Самдерс, хозяйка не пригласила гостя принять дальнейшее участие в поросячьих ножках и горячих пирожках, которым вслед затем, при слабом содействии юного Бардля, любезные кумушки оказали полную справедливость.

Возвратившись в гостиницу «Коршуна и Джоржа», м-р Уэллер представил своему господину достоверный отчет о юридической практике господ Додсона и Фогга, почерпнутый из чистейшего источника в жилище м-с Бардль. Свиданье с м-ром Перкером, происходившее на другой день, вполне подтвердило показание м-ра Уэллера, и м-р Пикквик, собираясь к святкам на Дингли-Делль, получил приятное убеждение, что дело его по обвинению его в неисполнении обещания жениться месяца через три будет публично производиться в суде; вдова Бардль имела на своей стороне счастливое столкновение обстоятельств и юридическую опытность господ Додсона и Фогга.

Глава XXVII

Самуэль Уэллер совершает путешествие в Доркин и созерцает свою мачеху.

Оставалось еще два дня до поездки пикквикистов на Дингли-Делль. М-р Самуэль Уэллер сидел в общей зале таверны и, кушая свой завтрак, размышлял, как бы поприятнее провести это время. День был замечательно хороший. Переходя от одной мысли к другой, м-р Уэллер вдруг почувствовал припадок сыновней любви и убедился, что ему необходимо сделать визит своему почтенному родителю и сходить на поклон к своей мачехе. Это убеждение в такой степени подействовало на весь его организм, что он не постигал, как прежде подобные мысли ни разу не заронялись в его душу. Желая без малейшего замедления исправить такое непростительное забвение сыновнего долга, м-р Уэллер тотчас же побежал наверх к м-ру Пикквику и попросил позволения отлучиться для этой похвальной цели.

– Ступайте, мой друг, – сказал м-р Пикквик, обнаруживая очевидный восторг при таком пробуждении нежных чувств в сердце своего слуги.

М-р Уэллер поклонился.

– Я очень рад, что вы помните свои сыновние обязанности, – сказал м-р Пикквик.

– Я всегда их помнил, – отвечал Самуэль.

– Это делает вам честь, мой друг, – сказал м-р Пикквик одобрительным тоном.

– Я и сам всегда так думал, – сказал м-р Уэллер. – Если, бывало, я в чем имел нужду, то просил о том своего родителя с великим почтением и преданностью. Иногда же брал и сам, из опасения не понравиться своему родителю какою-нибудь неуместною просьбой. Вообще, сэр, я избавил его от многих неприятных хлопот.

– В таком случае, мой друг, вы не совсем правильно понимали свой долг в отношении к отцу, – возразил м-р Пикквик с благосклонной улыбкой.

– По крайней мере, сэр, у меня всегда были честные намерения, как говорил один джентльмен, колотивший свою жену по три раза в сутки за то, сэр, что она была несчастна с ним...

– Вы можете идти, любезный. Ступайте.

– Покорнейше вас благодарю, – отвечал Самуэль, отвешивая низкий поклон.

Через несколько минут м-р Уэллер сидел в своем праздничном костюме наверху дилижанса, ехавшего в Доркин.

В этом предместьи мачиха м-ра Уэллера содержала трактир, известный любителям изящного под именем «Маркиза Гренби». Он стоял при большой дороге, был обширен и удобен во всех возможных отношениях, хотя чистота и опрятность отнюдь не принадлежали к числу его отличительных свойств. Перед воротами трактира, на высоком столбе, красовалась огромная вывеска, изображающая голову и плечи джентльмена с раздутыми щеками, одетого в красный кафтан с голубыми обшлагами. Это был портрет достопочтенного маркиза Гренби. На окнах буфета рисовались горшки с цветами и разнокалиберные сосуды с жидкостью всех родов и видов. Открытые ставни были изукрашены золотыми надписями, содержащими красноречивейшие рекомендации прекрасным постелям и превосходным винам первейших сортов. Пестрые толпы крестьян и ямщиков, бродивших вокруг конюшни, служили олицетворенным доказательством доброкачественности эля и крепких напитков, продававшихся за буфетом «Маркиза Гренби». Самуэль Уэллер, по выходе из кареты, осмотрел все эти достопримечательности глазами опытного путешественника и, вполне довольный результатом своих наблюдений, вошел в трактир.

– Что вам угодно, молодой человек? – закричал изнутри пронзительный женский голос, лишь только Самуэль переступил за порог буфета.

По тщательном исследовании оказалось, что голос принадлежал довольно высокой и плотной леди с красными щеками, обличавшими комфорт домашней жизни и совершеннейшее спокойствие духа. Она сидела перед камином и раздувала огонь для приготовления чая. По другую сторону камина, в мягких креслах с высокой спинкой, сидел, выпрямившись в струнку, какой-то мужчина в черном поношенном костюме, бросивший чрезвычайно пристальный взгляд на Самуэля, который, в свою очередь, оглядел его с ног до головы.

Это был красноносый джентльмен с длинной шеей, опухлыми щеками и с глазами, как у гремучей змеи, довольно пронизательными, но производившими положительно дурное впечатление. На нем были коротенькие штаны и черные бумажные чулки, довольно грязные и поистасканные, как и все другие части его костюма. Его белый ненакрахмаленный галстук болтался весьма неживописно своими длинными концами по обеим сторонам его наглухо застегнутого жилета; старые бобровые перчатки, шляпа с широкими полями и полинялый зеленый зонтик на китовых усах лежали весьма чинно и уютно на ближайшем кресле, показывая таким образом, что красноносый владелец всех этих вещиц не имел ни малейшего намерения торопиться выходом из трактира.

От добра добра не ищут, и красноносый джентльмен был бы очень глуп и ветрен, если бы вздумал удалиться от перспективы роскошных благ, рисовавшихся перед его глазами. Огонь горел ярко в камине под влиянием раздувательных мехов, и весело кипел чайник под влиянием мехов и огня. На маленьком круглом столике, накрытом чистой скатертью, стоял поднос, и на подносе, в привлекательной симметрии, были расставлены чайные чашечки и ложечки со включением соблазнительных горячих пирожков, только-что вынутых из печи. Перед самым носом джентльмена стоял другой маленький поднос с ананасовым пуншем, в который он по временам погружал свои губы, поглядывая каждый раз на гостеприимную леди, раздувавшую огонь.

Углубившись в созерцание этой восхитительной сцены, Самуэль Уэллер пропустил мимо ушей первый вопрос краснощекой леди.

– Что вам угодно, молодой человек? – повторила леди, возвысив свой голос. – Что вы стоите, разиня рот?

М-р Уэллер понял неприличие своего поведения и отвечал вопросительным тоном:

– Старшина дома, сударыня?

– Какой старшина?

– Супруг ваш, сударыня.

– Нет его дома, – отвечала м-с Уэллер, потому что высокая леди с красными щеками носила этот титул после смерти своего первого мужа, м-ра Клерка. – Его нет дома и его не ждут здесь, если вам угодно.

– Стало быть, он уехал сегодня?

– Может быть, уехал, а, может, и нет, – отвечала м-с Уэллер, подавая новое блюдо горячих пирожков красноносому джентльмену. – Я не знаю, да и знать не хочу, если хотите. – Прошу покушать, м-р Сиджинс.

Красноносый джентльмен, исполняя желание м-с Уэллер, тут же принялся уписывать пироги с величайшею жадностью.

Уже при одном взгляде на красноногого джентльмена Самуэль Уэллер пришел к вероятному предположению, что это должен быть тот самый пастырь, о котором рассказывал его почтенный родитель. Прожорливость джентльмена возвела эту догадку на степень аксиомы, и м-р Уэллер понял, что, рассчитывая здесь утвердить свою временную квартиру, он не должен медлить ни одной минутой, иначе участие его в роскошном завтраке делается физически невозможным. Поэтому он сделал несколько шагов к круглому столу, поклонился краснощекой леди и сказал:

– Здравствуйте, матушка. Как ваше здоровье?

– Должно быть, это какой-нибудь Уэллер, – сказала м-с Уэллер, бросая весьма неблагоприятный взгляд на лицо Самуэля.

– Думать надобно, что Уэллер, – отвечал невозмутимый Самуэль, – и я надеюсь, что этот преподобный джентльмен извинит меня, если в его присутствии я засвидетельствую свое нижайшее почтение достойной супруге моего отца.

Это был, так сказать, двухствольный комплимент, означавший, во-первых, что м-с Уэллер была приятная дама и, во-вторых, что м-р Стиджинс имел священническую наружность. Выстрелив таким образом, Самуэль немедленно подошел к своей мачихе и вlepил громкий поцелуй в её красную щеку.

– Отойти от меня, – сказала м-с Уэллер, отталкивая молодого человека.

– Стыдитесь, молодой человек, – сказал красноносый джентльмен.

– Стыжусь, очень стыжусь, покорно вас благодарю, – отвечал Самуэль, – м-с Уэллер еще так молода и хороша. Вы справедливо изволили заметить.

– Все суета сует, – сказал м-р Стиджинс.

– Ах, да, и всяческая суета! – подхватила м-с Уэллер, поправляя свой чепец.

Самуэль Уэллер не сделал никаких замечаний. Его молчание служило несомненным знаком беспрекословного согласия.

Красноносый джентльмен был, по-видимому, очень недоволен визитом Самуэля, и не подлежало ни малейшему сомнению, что м-с Уэллер могла бы также, не нарушая своего комфорта, обойтись без этого визита. Не было, однако ж, никаких основательных причин выпроводить молодого человека, и м-с Уэллер, скрепя сердце, пригласила его принять участие в общей трапезе.

– Как поживает мой отец? – спросил м-р Уэллер.

При этом вопросе м-с Уэллер воздела к потолку свои руки и странно моргнула обоими глазами, как будто в её сердце пробудились весьма болезненные чувства.

М-р Стиджинс простонал.

– Что делается с этим джентльменом? – спросил Самуэль.

– Он соболезнает о поведении твоего отца, – отвечала м-с Уэллер.

– Неужели? – сказал Самуэль.

– И у него есть на это основательные причины, – прибавила с важностью м-с Уэллер.

М-р Стиджинс взял новый пирожок и простонал глубоко.

– Отец твой – закоснелый грешник, – сказала м-с Уэллер.

– Соболезную о нем и совоздыхаю, – сказал м-р Стиджинс.

Затем м-р Стиджинс послал в рот огромный кусок пирога и снова испустил глубокий стон.

М-р Уэллер почувствовал сильнейшее желание вышибить что-нибудь, похожее на действительный стон из груди красноносого джентльмена; но он обуздал свою волю и проговорил довольно спокойным тоном:

– Что-ж? Разве старик совратился с истинного пути?

– Совратился! Он никогда и не знал истинного пути, – сказала м-с Уэллер, – его сердце ожесточилось, душа окрепла и воля его обращена на нечестивые дела. Каждый вечер этот добродетельный человек, – не хмурьтесь, м-р Стиджинс: я всегда скажу, что вы добродетельнейший человек, – каждый вечер он приходит к нам, и сидит по целым часам; но это не производит на твоего отца никакого впечатления.

– Скажите, пожалуйста, это очень странно, – заметил Самуэль, – на меня бы, авось, это произвело сильнейшее впечатление, если бы я был на его месте. Жаль, очень жаль.

– Дело в том, молодой мой друг, – сказал м-р Стиджинс торжественным тоном, – что оделело сердце вашего родителя, и тяжело слышит он своими умственными ушами. Ах, юный друг мой, кто бы кроме него мог устоять против победительного красноречия наших шестна-

дцати сестер, собирающих подписку на благочестивое дело? Добродетельные особы, принадлежащие к нашему обществу, желают снабдить детей вест-индских негров фланелевыми фуфайками и носовыми нравственными платками.

– Что это за носовые нравственные платки? – спросил Самуэль. – Я в жизнь не слышал о такой мебели.

– Эти платки, юный друг мой, изобретены вместе для забавы и поучения, потому что по краям их четкими буквами изображены разные нравственные изречения, приспособленные к детскому разумению, – сказал красноносый джентльмен.

– Да, я видывал их в лавках полотняных товаров, – сказал Самуэль. – Выдумка недурная. М-р Сиджвинс выпил глоток ананасового пунша и снова испустил глубокий вздох.

– И ваши дамы никак не могли уломать моего отца? – спросил Самуэль.

– Никак. Сидит себе, как байбак, прости Господи, и покуривает трубку, – сказала м-с Уэллер. – Раз он даже назвал этих детей вест-индских негров... чем он их назвал, м-р Сиджвинс?

– Паршивыми щенками, – отвечал с глубоким вздохом м-р Сиджвинс.

– Ну да, я и забыла, – сказала м-с Уэллер. – Горе ему, окаянному.

Два новых вдоха и стоны заключили достойным образом этот приговор нечестивому старику.

Были бы, вероятно, открыты и другие прегрешения в этом роде, но чай уже слишком разжижился, ананасовый пунш исчез и не осталось на столе ни одного из горячих пирожков. Красноносый джентльмен вспомнил весьма кстати, что ему предстоит выполнить еще кое-какие обязанности и вышел из дверей в сопровождении хозяйки.

Когда чайный поднос исчез со стола и огонь потух в камине, м-р Уэллер старший подъехал к воротам «Маркиза Гренби» и, войдя в трактир, встретился с своим возлюбленным сыном.

– Ба! Это ты, Самми! – воскликнул отец.

– Я, дядюшка, – сказал сын.

И они крепко пожали друг другу руки.

– Рад тебя видеть, Самми, – сказал м-р Уэллер старший, – хотя не понимаю, черт побери, как ты поладил с своей мачехой. Она ведь беспардонная баба!

– Тише! – остановил его Самуэль. – Она дома.

– Ничего: не услышит. После чаю она всегда спускается вниз часика на два, и мы с тобой можем поваляжничать, Самми.

Проговорив это, старик Уэллер налил два стакана горячего пунша и набил две трубки табаком. Отец и сын уселись перед камином на мягких креслах друг против друга и закурили свои трубки.

– Кто-нибудь был здесь, Самми? – спросил старик после продолжительного молчания.

Самуэль утвердительно кивнул головой.

– Красноносый парень? – спросил отец.

Самуэль кивнул опять.

– Расторопный мальчик, черт бы его побрал, – сказал м-р Уэллер, выпуская облако дыма.

– Это видно с первого взгляда, – заметил Самуэль.

– Ведет дела на чистоту, – сказал старик.

– Как это?

– Занимает деньги у этих баб и отдает их в долг по мелочам – на жидовские проценты, так что капитал у него удваивается в какие-нибудь два месяца. Плут первостатейный, Самми.

Самуэль согласился с таким крайним выводом своего достопочтенного родителя.

– Так ты не подписался на эти фланелевые фуфайки? – сказал он.

– Разумеется, нет. Посуди сам, мой друг: за коим бесом фланелевые фуфайки чертенятам, которые никогда не будут их носить?

– Конечно, конечно, ты прав, старик. Еще страннее по-моему, собирать подписку на какие-то нравственные носовые платки, совершенно бесполезные для негров.

– Поди ты – толкуй с ними. Все эти бабы ходят как помешанные, и этот урод совершенно сбил их с толку. Намедни как-то случилось мне проходить мимо их сходки, и что же я увидел? какая-то смазливая девочка обходила народ с серебряным блюдом, и почти каждый клал туда золотую или серебряную монету. Все эти денежки поступили, разумеется, в распоряжение красноногого болвана.

– Да он их просто грабит, этот мошенник! – заметил Самуэль.

– Конечно, грабит, – отвечал старик. – Всего досаднее то, что ему удалось вскружить головы многим молодым девчонкам, которые просто без ума от него. Толкует он им всякий вздор, где сам дьявол ничего не поймет, а они сидят, развесив уши, как будто бы он первый мудрец в свете.

– Как это жаль! – воскликнул Самуэль.

– Еще бы! Он их обманывает кругом, и они этого совсем не замечают. Почти каждый день он пускается на новые проделки, за которые бы просто стоило его повесить за ноги на первой виселице.

Кончив эту сентенцию, старик Уэллер допил свой стакан и поспешил налить другой. В эту минуту раздался по корридору пронзительный женский голос.

– Слышишь, как рычит твоя мачеха, Самми, – сказал м-р Уэллер.

И вслед за этими словами, м-с Уэллер вошла в комнату.

– Ты уж воротился? – сказала м-с Уэллер.

– Воротился, моя милая, – отвечал м-р Уэллер.

– Что? Еще не приходил м-р Стиджинс? А уж пора бы и ужинать.

– Нет еще, моя милая, и сказать тебе всю правду, я бы не умер от тоски, если бы он вовсе позабыл дорогу к нашим воротам.

– Урод! – воскликнула мсь Уэллер.

– Спасибо на добром слове, душечка, – отвечал м-р Уэллер.

– Полно, старик, – сказал Самуэль. – Вот опять идет преподобный джентльмен.

При этом докладе м-с Уэллер поспешила отереть слезы, наворачнувшиеся на её глазах. Старик угрюмо насупил брови и закурил трубку. Дорогой гость вошел, поклонился и с большим комфортом занял свое место.

Покорный убеждениям хозяйки, м-р Стиджинс выпил с дороги стаканчик ананасового пунша, потом другой и потом третий, который должен был предшествовать легкому ужину, приготовленному для него.

За ужином по большей части поддерживали беседу м-с Уэллер и достопочтеннейший м-р Стиджинс. Они рассуждали преимущественно о добродетельных овечках, принадлежавших к их стаду, и при всяком удобном случае подвергали грозной анафеме нечестивых козлиц, совратившихся с истинного пути. По многим несомненным признакам оказывалось, что самым гадким козлом был не кто другой, как неисправимый супруг м-с Уэллер.

Наконец, м-р Стиджинс, упитанный и упоенный, взял свою шляпу, и, пожелав своей овечке спокойной ночи, вышел из дверей. Вслед затем, заботливый родитель отвел в спальню своего возлюбленного сына и оставил его одного.

Довольный событиями этого вечера, Самуэль скоро погрузился в сладкий сон; но это не помешало ему встать на другой день с первыми лучами восходящего солнца. Закусив на скорую руку, он немедленно собрался в обратный путь и уже переступил за порог гостеприимного дома, как вдруг отец остановил его.

– Едешь, Самми? – сказал он.

– Еду. А что?

– Если бы ты угораздился завернуть как-нибудь и взять с собой этого уroda...

– Какого?

– Сиджиса.

– Зачем ты позволяешь ему показывать свой красный нос под кровлей «Маркиза Гренби»?

– Да разве я могу не позволить?

– Разумеется, можешь.

– Нет, Самми, не могу, – отвечал старик, покачивая головой.

– Почему же?

М-р Уэллер старший устремил на своего сына глубокомысленный взор и проговорил тоном отчаянно-грустным:

– Ты еще глуп, друг мой, Самми. Женись, тогда и узнаешь всю мудрость; но Боже тебя сохрани жениться.

– Ну, так прощай, – ответил Самуэль.

– погоди еще немножко.

– Если бы я был владельцем «Маркиза Гренби», и если бы этот негодяй повадился есть пироги за моим буфетом, я...

– Что бы ты сделал?

– Отправил бы его к чорту на кулички.

М-р Уэллер старший покачал головой и бросил невыразимо грустный взгляд на своего сына. Затем, пожав ему руку, он медленно отошел от ворот и предался размышлениям, обсуждая совет, данный ему любезным сыном.

Самуэль спокойно дошел до большой дороги и еще спокойнее сел в дилижанс, отправлявшийся в Лондон. Он думал о своей мачехе, о своем отце и о вероятных последствиях своего совета, если только старик послушается его на этот раз. Мало-помалу, однако ж, он выбросил все эти мысли из своей головы, и, махнув рукой, сказал самому себе:

– Пусть будет, что будет.

А будет именно то, о чем в свое время и в приличном месте мы намерены известить наших читателей в следующих главах этих достоверных записок.

Глава XXVIII

Английские святки и свадьба на Дингли-Делле с описанием разнообразных, весьма назидательных увеселений, которые, к несчастью, почти вывелись из употребления в наше время.

Рано по утру, двадцать второго декабря, в тот самый год, когда совершались описанные нами события, пикквикисты, проворные, как пчелы, поднялись с своих постелей и поспешили приветствовать друг друга в общей зале. Приближались святки во всем своем грозном величии и со всеми счастливыми обетованиями для честных людей, способных ознаменовать это время беззаботною веселостью, гостеприимством и простодушною любовью к ближним. Старый год, подобно древнему философу, готовился собрать вокруг себя искренних друзей и распрощиться с ними раз навсегда за веселой пирушкой, при звуках труб и литавр. Веселое время! Счастливое время! Таким по крайней мере было и казалось оно для четырех пикквикистов, утопавших в океане блаженства при одной мысли о предстоящих святках.

Но не одни пикквикисты в этом мире встречают с наслаждением святки – время взаимной любви, упований и надежд. Сколько семейств, разъединенных между собой огромными пространствами и рассеянных по распутиям тревожной жизни, соединяются теперь опять у домашнего очага союзом дружбы и любви, в котором заключается источник чистейших наслаждений, несовместных с заботами и печалью кратковременной жизни! Не напрасно повсюду, на самых крайних точках земного шара, между племенами американских дикарей, так же как между образованнейшими нациями Европы, существует верование, что в эту пору честный человек предвкушает первые радости будущего бытия, уготованного для него за пределами могилы. О, сколько полузабытых воспоминаний и отживших симпатий пробуждают в душе веселые святки!

Теперь мы пишем эти строки за несколько сот миль от того места, где встарину мы, из года в год, встречали этот день в веселом родственном кругу, вполне счастливые и довольные своей судьбой. Многие сердца, трепетавшие тогда от полноты душевного восторга, теперь совсем перестали биться; многие взоры, блиставшие в ту пору ярким светом, угасли навсегда; дружеские руки охладели; глаза, которых мы искали с нетерпением родственной любви, уже давно сокрыли блеск свой в душной могиле, и, однако ж, этот старый дом, эта самая комната, эти веселые голоса и улыбающиеся лица, их шутки, игры, смех, все без исключения, и даже самые мелочные обстоятельства, соединенные с этими счастливыми встречами, живо обновляются в душе с исходом каждого года, как будто последнее собрание происходило только вчера. Как же не назвать счастливым это время святков, если оно с такою отчетливостью воспроизводит в нашем воображении беззаботные дни детских радостей, если старик, убеленный сединою, с восторгом припоминает удовольствия своей цветущей юности, и если путешественники и матросы мысленно переносятся за тысячи миль, возвращаются к домашнему очагу и тихим радостям семейной жизни.

Но мы совсем заговорились и, увлеченные превосходнейшими свойствами святочных вечеров, представляющихся нам в виде добродушного провинциального джентльмена старой школы, оставили без внимания м-ра Пикквика и его друзей, которые между тем сидят в беспоконном ожидании, под открытым небом, на империале моггльтонского дилижанса, куда, после многих хлопот, забрались они, окутанные с ног до головы шинелями и конфортерами массивного свойства. В дилижанс укладывались вещи пассажиров. Кондуктор и м-р Уэллер истощали все силы своего гения, чтоб пропихнуть в передний ящик огромную треску, забитую в длинную серую корзинку, обложенную соломой по бокам, снизу и сверху. В ящиках уже покоились боченки с устрицами, составлявшими неотъемлемую собственность ученого мужа, и теперь задача состояла в том, чтобы на поверхности устриц утвердить треску. М-р Пикквик следит с живейшим участием и любопытством за всеми эволюциями своего верного слуги и кондук-

тора: они сжимают и комкают несчастную треску на всевозможные лады, поднимают ее вверх головой и потом вверх хвостом, сдавливают с боков, тискают с углов, но неумолимая рыба мужественно противостоит всем этим проделкам до тех пор, пока кондуктор не ударил кулаком, невзначай, по самой середине корзинки, отчего она вдруг прошмыгнула в ящик, а с нею голова и плечи самого кондуктора, который вовсе не ожидая такой непредвиденной уступчивости, переносил теперь жестокие удары, к неизреченному удовольствию и потехе всех находящихся в дилижансе джентльменов. М-р Пикквик улыбается наилюбезнейшим образом и, вынимая шиллинг из кармана, снисходительно просит кондуктора выпить за здоровье своих костей стакан горячего пунша: кондуктор улыбается и снимает шляпу, и на лицах Снодграса, Винкеля и Топмана тоже появляется лучезарная улыбка. Чемоданы уложены, сумки упакованы, провизия взята; все счастливы и довольны. Кондуктор и м-р Уэллер исчезают минут на пять, вероятно для того, чтобы выпить на дорогу заздравный тост в честь пикквикистов, и страшно несет водкой из их уст, когда они вновь взгромождаются на верх дилижанса. Кучер взбирается на козлы, пикквикисты закрывают шальями свои носы, м-р Уэллер дает условный знак: возжи тронулись, бич взвился, и свежие кони быстро помчались из ворот конторы дилижансов.

С громом несется громоздкий экипаж по улицам обширной столицы, и вот он, наконец, на открытом и обширном поле. Колеса перекатываются по замерзшей почве, твердой как кремль, и кони, послушные взмахам бича, бегут дружной рысью по гладкой дороге, как будто все вещи позади них – дилижанс, пассажиры, треска, чемоданы и боченки с устрицами ученого мужа – были не более, как легкими перьями на их копытах. Вот они спустились по косогору и вступили на равнину, на расстоянии двух миль гладкую и твердую, как мрамор. Еще энергичный взмах бичом – и гордые кони мчатся галопом, забрасывая свои головы назад и побрякивая блестящей сбруей, как будто им приятно выражать свое удовольствие по поводу быстроты своих движений. Кучер между тем, с возжами и бичом в одной руке, снимает другою свою шляпу и, укладывая ее на колени, вынимает из тульи носовой платок и отирает пот с своего чела, показывая таким образом проходящим пешеходам, что искусному и ловкому вознице ничего не стоит управлять четверкой рысаков. Затем, окинув окрестность торжествующим взглядом, он укладывает платок в тулью, надевает шляпу, напяливает на руки шерстяные перчатки, засучивает рукава, взмахивает еще раз длинным бичом, и борзые кони несутся стрелой, вперед и вперед по необъятному пространству.

Лачужки, домишки и сараи, разбросанные там и сям по сторонам большой дороги, возвещают наглядным образом о приближении к какому-то городку или деревне. Весело трубит кондуктор на открытом холодном воздухе в свой медный рожок и пробуждает стариков, мальчишек и старух, которые, отрываясь от огня, только что разведенного в камине, дружной группой подбегают к окнам своей хижины и долго любуются на огромный экипаж, на кучера и взмыленных коней. Опять и опять раздаются звуки веселого рожка, и вот с беззаботным криком повысыпали на самую дорогу веселые мальчики, дети фермера, между тем, как отец их, чуть не за милю от этого места, только что разменялся с кучером дружеским поклоном.

Быстро мчится дилижанс по улицам провинциального города, припрыгивая и приплясывая по веселой мостовой. Кучер натягивает возжи и готовится остановить измученных кокей. М-р Пикквик высвобождает свой нос из-под теплой шали, и озирается кругом с величайшим любопытством. Заметив это, кучер извещает ученого мужа, что это такой-то город, и что здесь, на этой самой площади, был вчера знаменитый базар, предшествующий святкам. М-р Пикквик качает головой, и потом, с прибавлением различных замечаний политико-экономического свойства, сообщает все эти подробности своим ученикам, которые спешат подобострастно высвободить свои уши и глаза из-под воротников своих шинелей. И долго слушают они, и мигают, и вздыхают, и молчат. М-р Винкель сидит на самом краю империаля и, болтаясь одной ногою в воздухе, изъявляет готовность низвергнуться на середину улицы, между тем, как экипаж, обогнув острый угол подле сырной лавки, летит на край площади, назначенной

для рынка. М-р Снодграс млеет и дрожит, выражая энергическими знаками свое внутреннее беспокойство.

Но вот, наконец, въезжают они на обширный двор гостиницы дилижансов, где стоят уже свежие и бодрые кони, украшенные блестящей сбруей. Кучер бросает возжи, спрыгивает с козел, и вслед за ним опускаются на землю верхние пассажиры, за исключением джентльменов, не совсем уверенных в своей способности с приличною ловкостью взобраться опять на свои места. Эти господа остаются па имперiale, хлопают руками и бойко стучат нога об ногу, между тем, как их жадные глаза и красные носы устремляются на яркий огонь за буфетом трактира и на свежие листья остролистника, украшающего окна своими блестящими ягодами⁶.

Кондуктор между тем передал, кому следует, серый бумажный пакет, вынутый им из маленького мешечка, повешенного через его плечо на кожаном ремне, тщательно осмотрел заложенных лошадей, сбросил на мостовую седло, привезенное им из Лондона на кровле дилижанса, и произнес несколько замечаний по поводу беседы между кучером и конюхом, рассуждавшими о гнедом жеребчике, который имел несчастье в прошлую поездку испортить одну из своих передних ног. Затем, кондуктор и м-р Уэллер снова заседают сзади на своих местах, кучер красуется на козлах, старый джентльмен, смотревший в окно изнутри кареты, задерживает стекло, и все обнаруживает готовность пуститься снова в дальнейший путь, за исключением «двух толстеньких джентльменов», о которых кучер уже минуты две заботится и расспрашивает с видимым нетерпением. Еще одна минута, и сильная тревога поднимается на широком дворе. Кучер, кондуктор, Самуэль Уэллер, м-р Винкель, м-р Снодграс, все конюхи и все праздные зеваки, им же нет числа, кричат во все горло, призывая к своим постам отставших джентльменов. Раздается отдаленный ответ с противоположного конца: м-р Пикквик и м-р Толман бегут взапуски, едва переводя дух: были они в буфете, где промачивали свои застывшие горла двумя стаканами горячего пунша, и пальцы м-ра Пикквика окоченели до того, что он проводил пять минут, прежде чем успел вытащить из кошелька шесть пенсов, чтоб вручить буфетчику за пунш.

– Скорее, господа! – кричит нетерпеливый кучер.

– Скорее господа! – повторил кондуктор.

– Как вам не стыдно, господа! – возглашает старый джентльмен, считавший неизъяснимым бесстыдством бегать из кареты, когда честный пассажир должен дорожить каждой минутой.

М-р Пикквик карабкается по одну сторону, м-р Толман по другую, м-р Винкель кричит «шабаш!» Самуэль Уэллер гласит «баста», и дилижанс благополучно трогается с места. Шали приходят в движение на джентльменских шеях, мостовая трещит, лошади фыркают, несутся, и пассажиры опять вдыхают в открытом поле свежий воздух.

Дальнейшее путешествие м-ра Пикквика и его друзей на мызу Дингли-Делль не представляет ничего слишком замечательного, особенно в ученом смысле. Само собою разумеется, что они останавливались в каждом трактире для утоления своей жажды горячим пуншом, который в то же время должен был предохранить их джентльменские носы от злокачественного влияния мороза, оковавшего землю своими железными цепями. Наконец, в три часа за полдень, они остановились, здоровы и невредимы, веселы и спокойны, в гостинице «Голубого льва», что в городе Могльтоне, где некогда удалось им присутствовать на гражданском пиршестве криккетистов.

Подкрепив себя двумя стаканами портвейна, м-р Пикквик принялся свидетельствовать своих устриц и знаменитую треску, вынырнувшую теперь из ящика на привольный свет,

⁶ Может быть, не всем известно, что остролистник, holly – вечно зеленое дерево с красными и желтыми ягодами, из породы идек – играет в Англии на святках такую же роль, как в Германии и у нас в Петербурге елка накануне Рождества. *Прим. перев.*

как вдруг кто-то слегка дернул его сзади за подол шинели. Оглянувшись назад, ученый муж с изумлением и радостью увидел, что предмет, вздумавший таким невинным и любезным способом обратить на себя его джентльменское внимание, был не кто другой, как любимый паж м-ра Уардля, известный читателям этой достоверной истории под характеристическим титулом «жирного парня».

– Эге! – сказал м-р Пикквик.

– Эге! – сказал жирный парень.

И сказав это, жирный парень с наслаждением взглянул на устриц, на треску и облизнулся. Был он теперь еще несколько жирнее, чем прежде.

– Ну, как вы поживаете, мой юный друг? – спросил м-р Пикквик.

– Ничего, – отвечал жирный толстяк.

– Вы что-то очень красны, любезный друг, – сказал м-р Пикквик.

– Может быть.

– Отчего бы это?

– Да, я вздремнул малую толику на кухне, в ожидании вашей милости, – отвечал толстяк, покоившийся невинным сном в продолжение нескольких часов, – я приехал сюда в тележке, в которой хозяин приказал мне привести домой ваш багаж. Он хотел было послать со мною верховых лошадей, да рассудил, что, может быть, вы вздумаете лучше пройти пешком до Дингли-Делль, так как, видите ли, теперь довольно холодно.

– Конечно, конечно, – сказал м-р Пикквик скороговоркой.

Ученый муж быстро сообразил и припомнил, как некогда он и его друзья путешествовали в этой стороне с негодной клячей, наделавшей им столько неприятных хлопот.

– Да, лучше уж мы пройдемся пешком, – повторил он. – Самуэль!

– Что прикажете?

– Помогите этому парню уложить в тележку наши вещи и ступайте с ним вместе на Дингли-Делль.

– А вы-то где останетесь, сэр?

– Мы пойдем пешком.

Сделав это премудрое распоряжение и щедро наградив кучера с кондуктором, м-р Пикквик немедленно полетел с своими друзьями по знакомым полям, мечтая с наслаждением о приятном отдыхе на гостеприимной мызе. М-р Уэллер и жирный парень стояли друг против друга первый раз в своей жизни. Самуэль взглянул на жирного парня с превеликим изумлением и, не сделав никаких словесных замечаний, поспешно принялся нагружать миниатюрную тележку, между тем, как жирный толстяк продолжал спокойно стоять подле него, любуясь, по-видимому, работой и ухватками расторопного м-ра Уэллера.

– Вот и все, – сказал Самуэль, уложив наконец последнюю сумку, – все.

– Странно, как это вышло, – отвечал жирный парень самодовольным тоном, – оно уж ведь точно, ничего больше нет.

– Вы чудесный человек, я вижу, – сказал Самуэль, – можно бы, при случае, показывать вас за деньги, как редкость.

– Покорно вас благодарю, – отвечал толстяк.

– Скажите-ка, любезный друг: на сердце у вас нет какой-нибудь особенной кручины? – спросил Самуэль.

– Нет, кажется.

– Ведь вот оно, подумаешь, как можно ошибиться; а я, глядя на вас, воображал, что вы страдаете неисцелимою привязанностью к какой-нибудь красотке.

Жирный парень покачал головой и улыбнулся.

– Ну я рад, любезный друг, – сказал Самуэль. – Что, вы употребляете какие-нибудь крепкие напитки?

– Изредка почему не употреблять; но вообще я лучше люблю поест.

– Так, как мне бы следовало догадаться; но я собственно хотел вам предложить какой-нибудь стаканчик для полирования крови... для того, то есть, чтобы согреть немножко свои кости; но вы, как я вижу, неспособны чувствовать холод.

– Никогда, – подхватил скороговоркой жирный парень; – да вот и теперь, с вашего позволения, не мешало бы, так сказать, стакан хорошенькой настоечки.

– Ой ли? Мы вас попотчует и ликерчиком для первого знакомства. Пойдемте.

За буфетом Голубого льва жирный толстяк, не мигнув и не поморщившись, залпом проглотил огромный стакан крепкого ликера. Такой подвиг значительно возвысил его во мнении столичного слуги, и м-р Уэллер немедленно последовал его примеру. Затем они пожали друг другу руки и пошли к тележке.

– Вы умеете править? – спросил жирный парень.

– Горазд был в старину, не знаю, как теперь, – отвечал Самуэль.

– И прекрасно, извольте получить, – сказал жирный парень, вручая ему возжи и указывая на дорогу. – Путь гладкий, как стрела: не ошибетесь.

С этими словами жирный парень улегся вдоль телеги подле трески и, положив под голову, вместо подушки, боченок с устрицами, немедленно погрузился в сладкий сон.

– Вот тебе раз, навязали на шею славного детину! – воскликнул Самуэль. – Он уж и храпит, провал его возьми! – Эй, ты, молодой лунатик!

Но и после троекратных возгласов, молодой лунатик не обнаружил ни малейших признаков присутствия сознания в своем тучном организме.

– Делать нечего, пусть его дрыхнет.

Проговорив эту сентенцию, м-р Уэллер сел на облучек, дернул возжами и погнал старую клячу по гладкой дороге на Дингли-Делль.

Между тем м-р Пикквик и его друзья, сообщившие деятельную циркуляцию своей крови, весело продолжали свой путь по гладким и жестким тропинкам. Воздух был холодный и сухой, трава заманчиво хрустела под джентльменскими ногами, серые сумерки приближались с каждой минутой: все это, вместе взятое, со включением приятной перспективы отдыха и угощений на гостеприимной мызе, сообщило самое счастливое настроение мыслям и чувствам беззаботных джентльменов. Прогулка на уединенном поле имела столько поэтических сторон, что ученый муж был бы, пожалуй, не прочь скинуть шинель и даже играть в чехарду с пленительным увлечением резвого юноши, и если б м-р Топман предложил ему свою спину, мы не сомневаемся, что м-р Пикквик принял бы это предложение с неподдельным восторгом.

Однако м-р Топман, сверх всякого ожидания, был далек от подобной мысли, и почтенные друзья продолжали свой путь степенно, с философским глубокомыслием рассуждая о многих назидательных предметах. Лишь только путешественники повернули в просеку, которая должна была по прямой линии привести их на Менор-Фарм, перед ними вдруг раздался смешанный гул многих голосов, и, прежде чем можно было догадаться, кому принадлежат эти голоса, они очутились в самом центре многочисленной компании, которая, по-видимому, ожидала прибытия столичных гостей.

– Ура! Ура! Ура!

Так голосил старик Уардль, и ученый муж мгновенно понял, из чьей груди выходили эти звуки.

Компания в самом деле была многочисленная. Прежде всего рисовался в ней сам м-р Уардль, обнаруживший с первого раза энергические признаки разгула и совершенного довольства самим собою. Потом, были тут мисс Арабелла и верный её спутник, м-р Трудль. За ними, наконец, выступали стройным хороводом мисс Эмилия и около дюжины молодых девиц, гостивших на мызе по поводу свадьбы, которая должна была совершиться на другой день. Все были веселы, счастливы и довольны.

При таких обстоятельствах церемония представления совершилась очень скоро, или, лучше сказать, представление как-то последовало само собою, без всяких предварительных церемоний. Минут через десять, м-р Пикквик был здесь как дома, и на первый раз с отеческою нежностью перецеловал всех девиц от первой до последней. Некоторые, однако ж, нашли, что старикашка чересчур назойлив, и, когда вся компания подошла к плетню, составлявшему изгородь усадьбы, одна молодая девушка, с миниатюрными ножками, обутыми в миниатюрные ботинки, никак не соглашалась перелезть через плетень, пока будет смотреть на нее м-р Пикквик, и на этом законном основании, приподняв на несколько дюймов свое платье, она простояла минут пять на камне перед плетнем, до тех пор, пока столичные гости вдоволь налюбовались её редкими ботинками и ножками. М-р Снодграс, при этой переправе, предложил свои услуги мисс Эмили, причем каждый заметил, что переправа их продолжалась слишком долго. М-р Винкель между тем хлопотал около черноглазой девушки в миниатюрных меховых полусапожках, которая по-видимому, боялась и кричала больше всех, когда ловкий джентльмен пересаживал ее через плетень.

Все это было и казалось удивительно забавным. Когда, наконец, все трудности переправы были побеждены без всяких дальнейших приключений, и компания выступила на открытое поле, старик Уардль известил м-ра Пикквика, что они только-что ходили ревизовать мебель и все принадлежности домика, где молодая чета должна была поселиться после святок, причем жених и невеста стыдливо потупили головы и зарделись самым ярким румянцем. В эту же пору молодая девушка с черными глазами и меховыми полусапожками шепнула что-то на ухо мисс Эмили и бросила лукавый взгляд на м-ра Снодграса, причем Эмилия, румяная как роза, назвала свою подругу глупой девчонкой, а м-р Снодграс, скромный и стыдливый, как все великие гении и поэтические натуры, почувствовал в глубине души, что кровь чуть-ли не прихлынула к самым полям его шляпы. В эту минуту он искренно желал, чтоб вышереченная девица с черными глазами, лукавым взглядом и меховыми полусапожками удалилась на тот край света.

И уж если таким образом все катилось как по маслу на открытом поле, можно заранее представить, какой прием нашли столичные джентльмены в самых пределах счастливого хутора, под гостеприимной кровлей старика Уардля. Даже слуги и служанки растаяли от удовольствия, при взгляде на добродушную фигуру ученого мужа, а мисс Эмма бросила полугневный и вместе пленительно-очаровательный взгляд на м-ра Топмана, причем озадаченный джентльмен невольно всплеснул руками, и радостный крик сам собою вырвался из его груди.

Старая леди сидела в праздничном костюме на своем обыкновенном месте в гостиной; но видно было по всему, что она находилась в чрезвычайно раздраженном состоянии духа, и это естественным образом увеличивало её глухоту. Она не выходила никогда из своей степенной роли и, как обыкновенно бывает с особами её преклонных лет, сердилась почти всякий раз, когда молодые люди в её присутствии позволяли себе удовольствия, в которых сама она не могла принимать непосредственного участия. Поэтому теперь она сидела в своих креслах, выпрямивши насколько могла свой стан, и бросала во все стороны гордые и грозные взгляды.

– Матушка, – сказал Уардль, – рекомендую вам м-ра Пикквика. Вы ведь помните его?

– Много чести и слишком много хлопот, если ты заставишь меня помнить обо всех, кто здесь бывает, – отвечала старая леди с большим достоинством.

– Но вы еще недавно, матушка, играли с ним в карты. Разве забыли?

– Нечего об этом толковать. М-р Пикквик не станет думать о такой старухе, как я. Можешь оставить его в покое. Никто, разумеется, не помнит и не заботится обо мне, и это в порядке вещей.

Здесь старая леди потрянула головой и принялась разглаживать дрожащими руками свое шелковое платье серо-пепельного цвета.

– Как это можно, сударыня! – сказал м-р Пикквик. – Чем, позвольте спросить, я имел несчастье заслужить ваш гнев? Я нарочно приехал из Лондона, чтоб удостоиться вашей беседы,

и сыграть с вами партию в вист. Мы с вами должны показать пример этой молодежи и протанцевать в её присутствии менуэт, чтоб она поучилась уважать стариков.

Старуха видимо повеселела, и черты её лица быстро прояснились; но чтоб не вдруг выйти из своей степенной роли, она ответила довольно суровым тоном:

– Не слышу.

– Полноте, матушка, – сказал Уардль, – м-р Пикквик говорит громко, и у вас есть слуховой рожок. Не сердитесь на нас. вспомните Арабеллу: бедняжка и без того упала духом. Вы должны развеселить ее.

Не было никаких сомнений, что старуха расслышала ясно слова сына, потому что губы её дрожали, когда он говорил. Но старость, как и детство, имеет свои маленькие капризы, и почтенная мать семейства не вдруг хотела отстать от своей роли. Поэтому она принялась разглаживать свое платье и, повернувшись к м-ру Пикквику, проговорила:

– Ах, м-р Пикквик, молодые люди теперь совсем не то, что прежде, когда я сама была молодой девицей.

– В этом, сударыня, не может быть ни малейшего сомнения, – отвечал м-р Пикквик, – и вот почему я особенно дорожу теми немногими особами, в которых еще остались проблески нашей почтенной старины.

Говоря это, м-р Пикквик ласково подозвал к себе мисс Арабеллу и, напечатлев поцелуй на её щеке, попросил ее сесть на маленькой скамейке у ног старушки. Было ли то выражение любящей физиономии, когда внучка бросила нежный взгляд на лицо своей бабушки, или старая леди невольно уступила могущественному влиянию речей великого мужа, только на этот раз лицо её совершенно прояснилось, и она уже не думала более скрывать восторгов своего сердца. Не сделав никаких замечаний на слова м-ра Пикквика, старушка бросилась на шею своей внучки, и весь остаток её гнева окончательно испарился в потоке безмолвных слез.

Беззаботно, игриво и совершенно счастливо прошел этот вечер, оставшийся навсегда в памяти ученого мужа и занявший несколько блистательных страниц в деловых отчетах его клуба. Степенно, чинно и торжественно списывались и записывались ремизы, когда м-р Пикквик играл в карты с почтенной матерью семейства; шумно и буйно веселились молодые люди за круглым столом, в почтительном отдалении от стариков.

В глухую полночь дамы разошлись по своим спальням; но долго и после них обходили круговую пуншевые стаканы и бокалы с искрометным; и здоров был сон всей честной компании, и радужно-пленительны были её грезы. Достоин замечания, что м-р Снодграс бредил всю ночь о мисс Эмили Уардль, между тем как сонные видения м-ра Винкеля имели главным образом весьма близкое отношение к черным глазам, лукавой улыбке и меховым полусапожкам одной молодой девицы.

Понутру на другой день м-р Пикквик проснулся очень рано. Его пробудил смутный гул разных голосов и стук многочисленных шагов. Суматоха была такого рода, что и жирный толстяк пробудился от своего тяжелого сна. Не снимая ночной ермолки с нарядными кисточками, м-р Пикквик сел на краю постели, повесил голову и углубился в размышления. Надлежало разгадать, отчего происходил в доме такой необыкновенный шум. Женская прислуга и молодые девушки, гостившие на хуторе, бегали взад и вперед, требовали иголок, ниток, горячей воды, мыла, помады, и ученый муж расслышал несколько раз весьма странные изречения в роде следующих: «Приколите, моя милая, подтяните, завяжите, пригладьте, заснуруйте, вот так, спасибо, душенька». – «Что бы это значило?» – думал м-р Пикквик. – «Не пожар ли» Но углубляясь постепенно в сущность предмета, он припомнил, наконец, что сегодня свадьба, и что, стало быть, молодые девицы занимаются своим туалетом. На этом основании, он сам поспешил одеться в свой праздничный костюм и немедленно сошел в столовую.

Невозможно описать, с каким волнением и суетливостью бегала по всему дому женская прислуга, перетянутая в струнку в своих розовых муслиновых платьицах. Старая леди величе-

ственно выступала теперь в своем парчевом платье, не выдавшем лет двадцать сряду дневного света, за исключением тех, весьма немногих лучей, которые насильственно прокрадывались через щели корзинки, где покоился этот форменный наряд. М-р Трудль, украшенный высоким пером, был, казалось, в тревожном и нервном состоянии духа. Достопочтенный хозяин дома и отец невесты употреблял, по-видимому, энергические усилия казаться беззаботным и веселым, но следы явного беспокойства тем не менее выражались на его лице. Все молодые девушки находились в волнении и были в белых кисейных платьях, за исключением двух или трех, которые должны были присутствовать наверху, при туалете невесты, в качестве её дружек. Пикквикисты рисовались в парадных блестящих костюмах, сшитых по последней моде и обновленных теперь в первый раз. Перед домом на лугу с самого рассвета собрались целые полчища принадлежащих к мызе ребятишек, взрослых парней и мужей, шляпы которых были украшены перьями, а петлицы сюртуков цветочками: все это кричало и ревело дружным хором, и все провозглашало многая лета достопочтенному Уардлю, его чадам и домочадцам. Коноводом этой толпы, само собою разумеется, был не кто другой, как м-р Самуэль Уэллер, который в одну ночь приобрел всеобщую известность на Дингли-Делль, как будто он и родился на этой мызе.

Свадьба весьма часто служит источником остроумия и шуток для многих веселых особ; но мы, с своей стороны, не находим в этом обстоятельстве ни малейшего повода для какой бы то ни было потехи. Мы разумеем собственно венчальный обряд, и покорнейше просим принять к сведению, что мы душевно ненавидим все скрытые или явные сарказмы, которым подвергается супружеская жизнь. Много радостей и удовольствий встречают молодые люди в день своей свадьбы; но и многие заботы тяжелым бременем падают на их сердце. Невеста покидает родительский дом навсегда, тот дом, где впервые испытала она радость и горе жизни, где развились в её сердце чувства преданности и любви к милым особам, связанным с нею узами родства и дружбы – и вот, не далее как сегодня, уйдет она в чужую семью, с тем, чтобы продолжать путь своей жизни в кругу неведомых людей... Что тут смешного, милостивые государи? Молодая девушка грустит, тоскует, розы вянут на её щеках, и горькие слезы льются из её глаз, когда оставляет она родную семью: все это естественные чувства, которые отнюдь не могут служить предметом комических сцен. Я не стану их описывать, потому что не хочу набрасывать печальный колорит на эту главу.

Скажем вкратце, что все шло, как следует, и все окончилось благополучно. Бракосочетание совершал старый пастор в приходской церкви Дингли-Делль, и на одной из страниц метрической книги до сих пор блестит имя м-ра Пикквика, подписавшегося в качестве свидетеля со стороны жениха. Молодая девушка с черными глазами подписалась весьма нетвердою и дрожащею рукой, так что едва могли разобрать её имя. Почерк мисс Эмили и другой невестинной подруги тоже чрезвычайно неразборчив. Волнение, вероятно, было общее, хотя молодые девушки, по выходе из церкви, согласились вообще, что тут, собственно говоря, ничего нет страшного. Правда, черноглазая девица, щеголявшая накануне в меховых полусапожках, объявила м-ру Винкелю, что она ни за что не согласится испытать сама на себе такие ужасы; но мы имеем причины думать, что в этом случае она несколько покривила душой.

По окончании бракосочетания, м-р Пикквик приветствовал новобрачных поздравительною речью и, при этом поздравлении, возложил на невесту богатые золотые часы с богатейшею цепочкой, которую, до настоящей минуты, не созерцал еще ни один смертный, кроме ювелира, продавшего ученому мужу эту драгоценность. Вслед за речью м-ра Пикквика загудел старый церковный колокол, и вся компания отправилась домой, где приготовлен был роскошный завтрак.

– Эй, ты, сонуля! Куда поставить эти подовые пирожки? – сказал м-р Уэллер жирному парню, когда они вместе с ним накрывали на стол.

– Вот сюда, – отвечал толстяк, указывая на середину стола.

– Очень хорошо, – сказал Самуэль, – все теперь у нас в порядке, как следует быть на свадьбе. Святочные пироги, поросенок, джентльменский соус, философские трюфли, богатырские устрицы... наше почтение, кушай да облизывайся!

Проговорив это, м-р Уэллер поклонился с комической важностью и, отступив шага два назад, принялся любоваться на симметрический порядок, в каком были расставлены джентльменские блюда. В эту минуту новобрачные, сопровождаемые многочисленной свитой, воротились из церкви.

– Уардль, – сказал м-р Пикквик, усаживаясь за стол, – в честь этого счастливого события мы тяпнем по стаканчику вина.

– Хорошо, дружище, хорошо! – отвечал м-р Уардль. – Эй, Джой!.. ах, проклятый, он кажется заснул.

– Совсем нет, я не сплю, – отвечал жирный парень, выскакивая из отдаленного угла, где он пожирал святочный пирог с такою жадностью и поспешностью, которая в совершенстве противоречила медленным и обдуманым движениям этого интересного молодого человека.

– Стакан вина м-ру Пикквику!

– Слушаю, сэр.

Наполнив и подав стакан, жирный парень удалился за стул своего господина, и принялся наблюдать оттуда веселую игру джентльменских вилок и ножей с какою-то дикою и мрачною радостью, которая была совершенно оригинальна в своем роде. Ни один кусок с джентльменского блюда не ускользал, по-видимому, от его жадного внимания, и, казалось, он в своем воображении глотал его с величайшею жадностью.

– Благослови вас Бог, старый товарищ! – воскликнул м-р Пикквик.

– Многая лета вам, любезный друг! – воскликнул м-р Уардль.

И они чокнулись друг с другом от полноты сердечного восторга.

– М-с Уардль, – сказал м-р Пикквик, – не мешает нам, старым людям, в честь этого радостного события выпить всем по рюмке вина.

Старушка была, казалось, погружена в глубокую думу. – Она сидела на переднем конце стола, окруженная с одной стороны новобрачною четою, а с другой особой м-ра Пикквика, который резал святочный пирог. Но лишь только м-р Пикквик начал говорить, она мигом поняла смысл его речи и тотчас-же выпила полную рюмку за его долголетие и благоденствие и счастье... Затем, достопочтенная прама́терь семейства, одушевленная стародавними воспоминаниями, представила собранию полный и удовлетворительный отчет о собственной своей свадьбе, и о том, какие длинные шлейфы носились в её время, и как щеголяли на высоких каблучках, и как блистала в тогдашнем свете прекрасная леди Толлинглауер, умершая лет за сорок назад, и как случилась с нею одна прелюбопытная история, которую, тоже во всей подробности, рассказала теперь достопочтенная прама́терь семейства, причем она хохотала от всей души, и все молодые девицы тоже хохотали от чистого сердца, потому что никак не могли взять в толк, о чем рассуждает *grande maman*. Заметив, что её рассказ производит всеобщую веселость, старая леди засмеялась вдесятеро веселее и громче и, для общего назидания, сообщила еще предиковинную историю о старинных робронах, причем опять молодые девушки залились самым задушевным смехом. Наконец, ученый муж довершил трудную операцию со святочным пирогом, раздробив его на равные куски, по числу гостей. Молодые девушки, как и следует, прятали от своих порций по маленькому кусочку, чтобы вечером, когда придет пора ложиться спать, спрятать их под свои подушки, отчего каждая из них должна была увидеть во сне своего будущего суженого-ряженого. Все заметили проделки молодых девиц, и все закатились опять пленительно-восторженным смехом.

– М-р Миллер, – сказал м-р Пикквик своему старому знакомцу, черноволосому и краснощекому джентльмену, сидевшему подле него, – м-р Миллер, рюмку вина с вами, если позволите.

– С величайшим удовольствием, м-р Пикквик, – отвечал краснощекий джентльмен торжественным тоном.

– Включите и меня, господа, – сказал пастор.

– И меня, – перебила его жена.

– И меня, и меня, – закричали две бедных родственницы на противоположном конце стола, которые кушали с завидным аппетитом и смеялись при каждом остроумном слове.

М-р Пикквик выразил свое душевное удовольствие, и глаза его заискрились лучезарным восторгом.

– Милостивые государыни и милостивые государи, – вдруг заговорил ученый муж, быстро поднимаясь с места.

– Слушайте, слушайте! слушайте, слушайте! слушайте, слушайте! – завопил м-р Уэллер, в припадке отчаянного энтузиазма.

– Позвать сюда всех слуг и служанок! – закричал м-р Уардль, предотвращая таким образом публичный выговор, который, без сомнения, Самуэль Уэллер неизбежно должен был получить от своего господина. – Пусть они выпьют по стакану вина за здоровье новобрачных. Ну, Пикквик, продолжайте!

И среди торжественного молчания, прерываемого только шепотом служанок, ученый муж начал таким образом:

– Милостивые государыни и милостивые государи... нет, к чему я стану обращаться к вам с этим церемонным титулом? Я стану называть вас лучше друзьями, мои милые друзья, если только дамы позволят мне эту вольность...

Громкие рукоплескания всех джентльменов и леди приостановили на несколько минут великолепную речь ученого мужа. Черноглазая девица объявила, между прочим, что она готова расцеловать красноречивого оратора, и, когда м-р Винкель вызвался наперед сам получить эти поцелуи для передачи их м-ру Пикквику в качестве депутата, ему отвечали: – «Ступайте прочь», но в тоже время выразительные взоры черноглазой девушки говорили очень ясно: – «Останься, сделай милость...»

– Милые мои друзья, – начал опять м-р Пикквик, – с позволения вашего, я намерен в настоящем случае предложить общий тост за здоровье жениха и невесты!.. Благослови их Бог! (Рукоплескания и слезы). Я убежден и даже, могу сказать, искренно уверен, что юный друг мой, м-р Трундель, отличается превосходнейшими качествами ума и сердца; Что-ж касается до юной супруги, всем и каждому известно, что эта очаровательная девица владеет всеми средствами перенести в новую сферу жизни то счастье, которое в продолжение двадцати лет она беспрестанно распространяла вокруг себя в родительском доме.

Здесь раздались оглушительно-громовые залпы и неистовый рев жирного парня. Для восстановления порядка, м-р Уэллер принужден был вывести его за шиворот из залы. М-р Пикквик продолжал:

– О, как бы я желал возратить назад истекшие годы своей молодости, чтобы сделаться супругом её пленительно-очаровательной сестрицы! (Громкие рукоплескания). Но что прошло, того не возвратит никакая человеческая сила. Благодарю судьбу и за то, что мне, по своим летам, позволительно называть ее своею дочерью, и, конечно, теперь никто не станет обвинять меня в пристрастии, если скажу, что я люблю и уважаю обеих девиц и равномерно удивляюсь их талантам (Рукоплескания, рыдания и вздохи). Отец невесты, добрый друг наш, есть человек благородный в теснейшем смысле слова, и я горжусь тем, что имею счастье быть с ним знакомым (оглушительный залп одобрений). Он великодушен, мягкосерд, правдив и честен, как древний спартаец, гостеприимен, как... как...

Но шумный восторг бедных родственников и рыдания двух пожилых особ не позволили оратору докончить свое счастливое сравнение.

– Благослови его Всевышний, и пусть его совершеннейшая дочь наслаждается всеми душевными и телесными благами, каких он сам желает для неё, и да цветет его собственное счастье на многая лета! (Оглушительный и дружный залп рукоплесканий). Итак, милые мои друзья, этот кубок за здоровье и благоденствие добродетельного семейства!

Так великий человек окончил свою речь среди бури и грома одобрительных залпов. Последовали тост за тостом. Старик Уардль пил здоровье м-ра Пикквика; м-р Пикквик пил здоровье старика Уардля, и затем оба они выпили еще по бокалу за долгоденствие достопочтенной праматери семейства. М-р Снодграс в поэтических выражениях предложил тост в честь м-ра Уардля, на что м-р Уардль учтиво отвечал тостом в честь поэта Снодграса. Один из бедных родственников, быстро поднявшись с места, провозгласил здоровье м-ра Топмана, и примеру его немедленно последовали два другие родственника, предложившие тост в честь и славу м-ра Винкеля. Все веселилось, пило и кричало напропалую, до тех пор, пока бедные родственники, нагруженные через чур избытками заздравного нектара, внезапно очутились под столом, откуда, не без некоторых усилий, вытащил их м-р Уэллер. Это было сигналом к окончанию веселого утренного пира.

Чтобы освободиться от влияния винных паров, все гости мужеского пола, по предложению м-ра Уардля, предприняли веселую прогулку миль на двадцать от Дингли-Делль. Это произвело ожидаемый эффект, и к обеду все желудки приготовились снова для восприятия заздравных тостов. Но бедные родственники не могли уже никакими судьбами участвовать ни в прогулке, ни в обеде: их уложили на целые сутки в мягкие постели, и они покоились беспробудным сном. Слуги и служанки продолжали веселиться под непосредственной командой м-ра Уэллера; жирный парень ел,пил и спал, сколько его душе было угодно.

За обедом опять веселились все и каждый; но уже никто не проливал радостных слез. Было шумно, игриво и даже поэтически буйно. Затем наступил десерт, а за десертом чай и кофе. Скоро наступил бал – свадебный бал.

Парадную залюю на Менор-Фарме была длинная, обитая черными панелями комната с двумя огромными мраморными каминами, украшенными затейливой резьбой в старинном вкусе. На верхнем конце залы, в тенистой беседке, прикрытой со всех сторон остролистником и елкой, заседали два скрипача и один арфист, ангажированные из Моггльтона к этому торжественному дню. На окнах, маленьких столах перед зеркалами и каминных полках стояли серебряные массивные канделябры, каждый о четырех ручках. Свечи горели ярко на потолочной люстре и стенных кенкетах, огонь приветливо пылал в каминах, и веселые голоса, сопровождаемые беззаботным смехом, раздавались из конца в конец. Все было великолепно.

Но особенно содействовал к украшению этой торжественной сцены – опять и опять м-р Пикквик, явившийся в собрание без своих штиблет, почти в первый раз, как могли запомнить его почтенные друзья.

– Ты уж не хочешь ли танцевать, любезный друг, спросил Уардль.

– А что? разумеется, хочу! – отвечал м-р Пикквик. – Я, как видишь, и нарядился для танцев.

И ученый муж обратил внимание приятеля на свои блестящие шелковые чулки и узенькие башмачки щегольского фасона.

– Как! Вы в шелковых чулках? – возгласил м-р Топман шутивно-любезным тоном.

– Почему-же нет, сэр, почему-же нет? – возразил м-р Пикквик, круто поворачиваясь к своему сочлену.

– Ну, конечно, я не вижу причины, почему вам не носить шелковых чулок, – отвечал м-р Топман.

– И не увидите, сэр, надеюсь, что не увидите, – сказал м-р Пикквик полусуровым тоном.

М-р Топман хотел засмеяться; но рассудил, что дело может принять серьезный оборот; поэтому он принял степенный вид и проговорил:

– Хорошие узоры!

– Надеюсь, что не дурны, – отвечал м-р Пикквик, устремив на него пронизательный взгляд. – Смею думать, сэр, вы ничего не находите экстраординарного в этих чулках, рассматриваемых с джентльменской точки зрения?

– О, разумеется, ничего, как честный человек, будьте в этом уверены! – отвечал м-р Топман.

С этими словами он поспешил отойти прочь, и физиономия м-ра Пикквика мгновенно озарилась лучом радостной улыбки.

– Ну, все ли готово? – сказал м-р Пикквик.

Он рисовался впереди с праматерью семейства, и волнуемый нетерпеливым ожиданием, уже сделал четыре фальшивых прыжка.

– Все, дружище, – сказал Уардль. – Начинай.

Скрипки запилили, арфа расходилась, и м-р Пикквик принялся выделять замысловатую филуру; но вдруг вся танцующая компания захлопала руками, и несколько особ закричали в один голос:

– Остановитесь, остановитесь!

– Что это значит? – спросил м-р Пикквик, продолжая вертеться под мелодические звуки музыкальных инструментов. В эту минуту, казалось, не могла остановить его никакая земная сила.

– Где Арабелла Аллен? – закричали двенадцать голосов.

– Где Винкель? – прибавил м-р Топман.

– Здесь мы, – отвечал этот джентльмен, выплывая из отдаленного угла с своею прекрасною подругой:

Он был красен; но молодая девица, с черными глазами, была едва-ли не краснее своего кавалера.

– Как это странно, м-р Винкель, что вы не потрудились во время занять свое место! – сказал м-р Пикквик, угомонившийся, наконец, от своих эксцентрических прыжков.

– Ничего тут странного нет, сэр, – отвечал м-р Винкель.

– Конечно, конечно, извините, сэр, – сказал м-р Пикквик, бросая выразительный взгляд на мисс Арабеллу и её кавалера.

Но нечего было рассуждать о таких пустяках, потому что арфа и скрипка слишком серьезно принялись за свое дело. М-р Пикквик, перегибаясь и забрасывая свою голову то направо, то налево, скрестился руками с своей дамой и устремил свой путь на противоположный конец залы, а оттуда к камину, и от камина к дверям, где, в самом разгаре танцевального восторга, он должен был усадить в кресла престарелую праматерь семейства и взять вместо неё другую почтенную старушку, а там еще другую несколько помоложе, а за нею еще и еще другую, уже совсем молодую, которую, в скором времени, совершенно очаровал он потоком красноречия и остроумных любезностей, превосходящих всякое описание. Все кружилось, вертелось и порхало с увлечением беззаботной молодости, и все удивлялось необыкновенной изворотливости и ловкости ученого мужа, который всем и каждому доказал осязательно-наглядным образом, что истинно-великий человек может постигать с одинаковым совершенством и науку со всей её таинственной глубиной, и танцевальное искусство со всеми его прелестями.

Прежде, чем м-р Пикквик утомился, новобрачная чета удалилась со сцены. Затем последовал внизу великолепный ужин, и долго после него веселые гости оставались в столовой, провозглашая заздравные тосты один за другим. Поутру, на другой день, когда м-р Пикквик воспрянул от глубокого сна, в голове его возникло смутное воспоминание, что он в откровенной и дружелюбной беседе, пригласил накануне к себе в Лондон около сорока пяти особ, для которых обещался устроить роскошный обед в гостинице «Коршуна и Джорджа»: обстоятельство,

послужившее для него ясным доказательством, что заздравные тосты содействовали накануне помрачению его мозга.

– Я слышал, моя милая, что ваши хозяева со всеми гостями будут играть сегодня на кухне? – спросил Самуэль Уэллер мисс Эмму.

– Да, м-р Уэллер, это уж так всегда бывает у нас в первый день святок, – отвечала мисс Эмма. – Хозяин каждый год, со всей точностью, соблюдает этот обычай.

– Хозяин ваш, должно быть, чудесный человек, – сказал м-р Уэллер.

– Да, уж такой чудесный, я вам скажу, просто разлитое море! – заметил жирный парень, вмешиваясь в разговор. – К нынешнему дню, например, он откормил, м-р Уэллер, такую свинку... словом сказать, что в рот, то спасибо.

– Уж и вы встали, любезный? – спросил Самуэль.

– Как же, м-р Уэллер, я уже успел и перекусить кое-чего.

– Хорошо, дружище, только знаете-ли что? – сказал м-р Уэллер выразительным тоном. – Бывали вы в зверинце?

– Нет, не случилось; а что?

– Вы очень похожи, по своим ухваткам, на змея, которого зовут удавом.

– Что-ж такое? Это не беда, я полагаю.

– Конечно, не беда, да только, примером сказать, если вы беспрестанно будете все спать и есть, с вами, пожалуй, повторится одна весьма неприятная история, случившаяся с одним стариком, который носил косу.

– Что же с ним случилось? – спросил жирный парень испуганным тоном.

– Я расскажу, если хотите, – отвечал м-р Уэллер. – Прежде всего надобно знать, что он заплывал как откормленный боров и, наконец, растолстел до того, что целые сорок пять лет ни разу не мог видеть своих собственных башмаков.

– Ах, какие страсти! – воскликнула Эмма.

– Да, моя милая, – продолжал м-р Уэллер, – и если б, примером сказать, вздумалось вам из-за обеденного стола показать ему свои ножки, он бы никак не увидел их. Очень хорошо-с. Был этот джентльмен конторщиком по коммерческой части и обыкновенно хаживал в свою контору каждый день с прекраснейшею золотою цепочкой, которая выставлялась фута на полтора из его жилетного кармана, где лежали у него огромные золотые часы, столько же толстые, как сам он, если, то-есть, судить пропорционально. – «Вам бы уж лучше не носить с собой этих часов», говорят однажды друзья этого старого джентльмена. – «А почему?» говорит он. – «Потому, дескать», говорят они, «что их могут украсть». – «Будто бы» говорит он. – «Право», говорят они. – «Хорошо», говорит он, – «желал бы я видеть вора, который бы вздумал покуситься на такую кражу: я и сам, черт побери, не могу их вынуть из кармана, потому что карман узенький, и конец часовой цепочки, для пущей безопасности, пришит к подкладке. Как скоро мне надо справиться, какой час, я всегда завертываю по дороге в булочную и там смотрю на часовую стрелку». – И вот, судари мои, похаживает он с своей напудренной косой, и посмеивается, и смело выставляет свое брюшко вперед, как будто сам черт ему не брат. Не было в целом Лондоне ни одного карманного воришки, который бы не попытал своего счастья около этого старого джентльмена; но цепочка его всегда держалась крепко на своем месте и часы не шевелились, как будто приросли к телу. Каждый вечер он спокойно возвращался домой и хохотал на своем диване до упада, так что напудренная его коса болталась, как маятник на стальных часах. Однажды, наконец, выходит он опять на широкую улицу, идет по тротуару, вальяжно переваливаясь с боку-на-бок, и вот, смею доложить, видит он карманного вора, который гуляет около него с каким то мальчуганом, а у мальчугана голова, так сказать, то же что пивной котел. Разумеется, старый джентльмен угадал воришку с первого взгляда. – «Ну», говорит он «будет потеха, черт их побери: пусть попробуют счастья. Ни лысого беса не поймают». Проговорив это, он уже начал ухмыляться, как вдруг мальчишка, с огромной башкой, отце-

пившись от своего товарища, разлетелся прямо на него и пырнул своим лбом в самую середину его толстого брюха, так что старый джентльмен тут же упал навзнич и растянулся по тротуару. – «Разбой, разбой!» кричал толстяк. – «Ничего», говорит вор, «все теперь в порядке: будь вперед умнее и не беспокой понапрасну промышленных людей.» Ну, вы уж понимаете, сударыня, когда встал старый джентльмен, в кармане его не было ни цепочки, ни часов; а что всего хуже, желудок у него совсем перестал варить, да-таки просто ничего не варил до самого последнего конца. Так-то, молодой человек, перестаньте откармливать себя и зарубите себе на носу этот анекдот. Толстота к добру не поведет.

По заключении этой сентенции, оказавшей, по-видимому, могущественное влияние на разнеженные чувства жирного парня, он и м-р Уэллер, в сопровождении мисс Эммы, направили свои шаги в огромную кухню, где уже между тем собралось все джентльменское общество, следуя ежегодному святочному обыкновению, которое с незапамятных времен исполнялось предками старика Уардля.

На потолке этой кухни, в самом её центре, старик Уардль повесил собственными руками огромную ветвь омелы, и эта знаменитая ветвь мгновенно подала повод к самой восхитительной и отрадной сцене, где опять первая роль должна была принадлежать достопочтенному основателю и президенту столичного клуба. Подбоченясь и расшаркиваясь обеими ногами, м-р Пикквик ловко подлетел к старой леди, взял ее за руку, подвел к таинственной ветви и приветствовал свою даму со всею любезностью кавалера времен леди Толлинглауер. Старая леди соблаговолила принять поцелуи великого человека со всем достоинством и важностью, прилично такому торжественному случаю; но молодые девицы, все до одной, вздумали на первый раз оказать решительно сопротивление, потому, вероятно, что старинный обряд утратил свое первобытное значение в их глазах, или потому, что сопротивление их естественным образом могло возвысить ценность удовольствий от буквального исполнения старинного обряда. Как бы то ни было, молодые девицы зашумели, засуетились, забарахтались, завизжали, забегали по всем углам и обращались ко всем возможным уловкам, не думая, однако ж, выбегать из кухни, что, конечно, всего легче и скорее могло бы каждую из них освободить от назойливости неотвязчивых джентльменов. Казалось, эта суматоха начинала уже надоедать некоторым господам; но в ту пору, когда, по-видимому, пропадала всякая надежда на буквального исполнение обряда, девицы вдруг остановились как вкопанные, и смиренно подставили свои розовые щеки для джентльменских поцелуев. М-р Винкель поцеловал молодую девушку с черными глазами; м-р Снодграс приложил свои губы к сахарным устами мисс Эмили Уардль; м-р Уэллер, не дожидаясь очереди стоять под святочным кустом, перецеловал всю прислугу женского пола, начиная с мисс Эммы. Бедные родственники целовали, кто кого попал, не разбирая ни возраста, ни пола. Старик Уардль стоял неподвижно и безмолвно, прислонившись спиной к камину и обозревая всю эту сцену с неизреченным наслаждением. Жирный толстяк оскалил зубы и пожирал святочный пирог.

Мало-помалу все уgomонилось и пришло в обыкновенный порядок. Поцеловав еще раз достопочтенную праматерь семейства, м-р Пикквик величаво остановился под заветным деревом, и мысли его, по-видимому, погрузились в созерцание золотого века. В эту минуту, вдруг, ни с того, ни с сего, молодая девица с черными глазами бросилась на шею великого мужа и вlepила самый звонкий поцелуй в его левую щеку. Оказалось, что это было условленным сигналом, и прежде чем м-р Пикквик успел опомниться и вникнуть в сущность дела, целый хор веселых девиц окружил его со всех сторон.

Умилительно и трогательно было видеть, как великий человек стоял в самом центре этой цветущей группы: его целовали в лоб, в виски, в подбородок, в щеки и даже в очки; но после всех этих поцелуев, сопровождавшихся громким смехом, открылась сцена еще более трогательная и умилительная. Невидимая рука вдруг сорвала очки с его ученого президентского носа и завязала ему глаза шелковым платком: понуриив голову и растопырив руки, м-р Пикквик

переходил из угла в угол и от одной стены к другой, до тех пор, пока не удалось ему поймать одного из бедных родственников, который уже потом все остальное время пробежал с завязанными глазами. После жмурок, где м-р Пикквик оказал необыкновенную ловкость, наступила знаменитая игра в «Хватай Дракона»⁷, продолжавшаяся до тех пор, пока все действующие лица пережгли свои пальцы. Затем, среди кухни, явился великолепный стол, где между прочим все и каждый должны были угощать себя яблочным вином, которое пенилось и кипело в огромном сосуде из красной меди.

– Превосходно! – воскликнул м-р Пикквик, бросая вокруг себя торжественные взоры. – Вот это уж подлинно можно назвать комфортом нашей незатейливой жизни.

– Мы неизменно каждый год соблюдаем этот обычай, – сказал м-р Уардль. – Хозяева и слуги садятся все вместе за столом, и, в ожидании полночи, обыкновенно рассказывает кто-нибудь старинную историю. Трундель, возьми кочергу, любезный, и поправь огонь.

Мириады искр посыпались от горящих головней, и яркое пламя из камина отразилось на всех лицах.

– Хотите ли, господа, я пропою вам песню? – сказал м-р Уардль.

– Сделай милость, – отвечал м-р Пикквик.

И м-р Уардль, наполнив кубок яблочной настойкой, пропел, к удовольствию всей компании, святочную песнь, где доказывалось как дважды-два, что зима – самое лучшее из времен года, а святки – лучшая неделя во всей зиме. Залп рукоплесканий и заздравный тост, предложенный всем хором, были достойною наградой для благородного певца.

– Уф, какая демонская погода, господа! – сказал один из гостей, заглянувший в окно.

– А что? – спросил Уардль.

– Снег валит хлопьями, ветер воет как голодный волк, и, кажется, подымается мятель.

– О чем это он говорит? – с беспокойством спросила старая леди. – Уж не случилось ли чего-нибудь.

– Нет, матушка, ничего, – отвечал Уардль, – Джемс заметил только, что на дворе поднимается вьюга. Отсюда даже слышно, как ветер ревет через трубу.

– Вот что! – сказала старая леди. – Помню, лет за пять перед тем, как умереть твоему отцу, был такой-же сильный ветер, и снег почти залепил передния окна. В тот самый вечер он еще рассказал нам историю о чертенятах, которые унесли старика Габриэля Грубба. Я это очень хорошо помню.

– О какой это истории говорит ваша матушка? – спросил м-р Пикквик.

– То есть, собственно говоря, никакой тут истории нет, любезный друг. Фантазия довольно странная: ей пришел в голову могильщик, о котором в здешнем народе носятся слухи, будто чертенята занесли его в какие-то неведомые страны.

– Прошу покорно! – воскликнула старая леди. – Разве есть между вами безтолковые головы, которые не поверят этому рассказу? Прошу покорно! Ты еще ребенком мог слышать и знать, что все истинная правда. Ведь Грубба унесли?

– Ну, да матушка, я не сомневаюсь, если вам угодно, – с улыбкой отвечал Уардль. видишь ли, друг Пикквик, жил-был могильщик Грубб, которого занесли чертенята: вот тебе и вся история от начала до конца.

– О, нет, этим ты не отделаешься, Уардль: я хочу слышать все, по порядку, и твоя обязанность рассказать нам, как это было, и зачем, и почему.

Уардль улыбнулся и поспешил предложить заздравный тост, принятый всеми с одинаковым восторгом. Затем, когда все глаза и уши обратились на него, он начал рассказывать след...

⁷ В металлическую чашку, наполненную спиртом, бросают несколько ягод изюма и потом зажигают спирт. Действующие лица обязаны ловить эти ягоды из горящей влаги. В этом и состоит игра называемая «Snap Dragon». *Прим. перев.*

Однакож, надобно знать честь: эта глава и без того чересчур длинна. Мы совсем упустили из виду обязанность добросовестных издателей и очевидно перешагнули через барьер литературных приличий. Итак, милостивые государыни и государи, начинается. –

Глава XXIX

и с нею – повесть о могильщике Груббе.

В некотором славном городе, за несколько сотен лет, когда еще не было на белом свете наших дедов и отцов, жил-был некий муж, по имени Габриэль Грубб, ключарь и могильщик некоего кладбища, где, с незапамятных времен, покоились целые сотни тысяч мертвецов. Из того, милостивые государи, что он был человек, окруженный на каждом шагу символами смерти, никак не следует, я полагаю, что характер у него непременно должен быть угрюмый, печальный и суровый: все гробовщики, сколько мне известно, народ чрезвычайно веселый, и я знал на своем-веку одного факельщика, который у себя, в домашнем кругу, за бутылкой пива, жил припеваючи в полном смысле слова, то есть, распевал он самые веселые песни от раннего утра до поздней ночи. При всем том, вы угадали: Габриэль Грубб точно был пасмурен, угрюм даже мизантроп с головы до ног, потому что он вел дружбу и беседовал только с самим собою да еще с походною бутылочкой широкого размера, которую имел похвальное обыкновение всегда носить в одном из своих глубоких карманов.

Однажды, накануне святок, часа за полтора до полночи, Габриэль взвалил на плечо свой заступ, засветил фонарь и отправился, по своим делам, на старое кладбище: ему нужно было приготовить к утру свежую могилу. Теперь он был особенно не в духе и ускорял свои шаги, рассчитывая весьма основательно, что хандра его пройдет, если он усердно примется за свою обычную работу. Продолжая свой путь вдоль старинной улицы, он видел, как веселое зарево каминов пробивалось через окна, и слышал, как шумели и смеялись счастливые семейства, приветствовавшие друг друга с наступлением святок: в это-же самое время до чуткого его носа доносилось благовоние святочных пирожков и других бесчисленных яств, приготовленных на кухне к семейному пиру. Все это тяжелым камнем налегло на сердце Габриэля Грубба, и когда вслед затем, повыскочили на улицу группы ребятишек, сопровождаемые веселыми девочками в папильотках и с курчавыми волосами, могильщик улыбнулся демонской улыбкой, и воображение его мигом нарисовало вереницу детских болезней, задушающих человеческую жизнь в самом её начале. Это утешило его.

При этом счастливом настроении духа Габриэль подвигался вперед, отвечая по-временам грубым и хриплым голосом на поклоны и приветствия соседей, проходивших мимо. Наконец, он повернул в темную аллею, по прямому направлению к кладбищу. На этом месте всегда было мрачно и пусто, и городские жители могли проходить здесь только днем, когда кто-нибудь хотел сделать печальный визит своему отжившему родственнику или другу. Легко, стало быть, представить удивление и вместе негодование могильщика, когда он увидел на самом конце аллеи какого-то пузыря, который ревел во все горло святочную песню. Не говоря дурного слова, Габриэль поставил фонарь на землю, и, когда мальчишка, спешивший, вероятно, на святочный вечер к своим родственникам, подбежал к нему на ближайшее расстояние, могильщик, со всего размаха, съездил его кулаком по голове, отчего бедный залился горькими слезами и запел уже совсем другую песню. Совершив этот подвиг, Габриэль Грубб поднял опять свой фонарь, и, ускорив шаги, вступил через несколько минут на кладбище и отворил сильною рукою железную калитку.

Первым его делом было снять свой балахон и поставить фонарь на землю. Затем Габриэль Грубб взял свой заступ и с веселым духом принялся копать недоконченную могилу. Земля была мерзлая и жесткая, молодой месяц светил тускло, работа подвигалась медленно. При других обстоятельствах и в другое время все это, вероятно, могло бы в могильщике расстроить душевное спокойствие; но теперь он был совершенно счастлив и доволен собою. Проработав около часа, Габриэль Грубб сел на один из могильных камней и втянул в себя несколько глот-

ков живительной влаги. Это развеселило его до такой степени, что он громким голосом пропел могильную песню и потом еще громче захохотал.

– Ха, ха, ха!

– Ха, ха, ха! – повторил голос, раздавшийся за спиной Габриэля Грубба.

Могильщик насторожил уши и приостановился в то самое мгновение, как плетеная бутылка снова готова была прикоснуться к его устам. Ближайшая могила, где сидел он, была так же спокойна и безмолвна, как все кладбище в эту бледно-лунную ночь. Седой иней алмазами блестел и сверкал на могильных камнях. Снег белым саваном расстилался по всему пространству. Ни малейший шорох не нарушал глубокого спокойствия торжественной сцены.

– Нечего тут трусить, – проговорил Габриэль, приставляя опять бутылку к своим губам, – это было эхо.

– Нет, не эхо, – сказал басистый голос.

Габриэль вскочил и как вкопанный остановился от изумления и страха: глаза его устремились на фигуру, от вида которой мгновенно похолодела его кровь. С первого взгляда могильщик догадался и понял, что фигура, сидевшая в перпендикулярной позе на могильном камне, не могла принадлежать к живым существам этого мира. её длинные, фантастические ноги были закинута одна на другую, и голые фантастические руки опирались на её колени. На тощем её теле, спереди, была белая, как снег, простыня, украшенная небольшими прорезами, а сзади – коротенький плащ покрывал её спину. Кружевные манжеты, вместо галстука, украшали её шею, и длинные башмаки с заостренными концами были на её ногах. На голове её торчала шляпа с широкими полями, украшенная единственным пером. Шляпа подернута была седым инеем, и фигура имела такой спокойный вид, как будто могильный камень был её обыкновенной резиденцией двести или триста лет подряд. Она сидела с большим комфортом, высунув язык и делая преуморительные гримасы, какие только могут быть приличны выходцам с того света. Могильщик понял, что ему приходится иметь дело с нечистым духом.

– Это было не эхо! – сказал нечистый дух.

Габриэль Грубб остолбенел, и язык его не повернулся для ответа.

– Что ты делаешь здесь накануне Рождества? – спросил дух суровым тоном.

– Копаю могилу, сэр, – пролепетал Габриэль Грубб.

– Кто-ж в такую ночь бродит здесь по кладбищу, нарушая могильный сон мертвецов? – спросил дух страшно-торжественным тоном.

– Габриэль Грубб! Габриэль Грубб! – завизжал дикий хор нестройных голосов, которые, казалось, наполняли все кладбище.

Могильщик оглянулся во все стороны, но не увидел ничего.

– Что у тебя в этой бутылке? – спросил нечистый.

– Желудочная настойка, сэр.

– Кто-ж пьет на кладбище желудочную настойку в такую торжественную ночь.

– Габриэль Грубб! Габриэль Грубб! – подхватили невидимые голоса.

Нечистый дух бросил злобный взгляд на испуганного могильщика и, возвысив свой голос, закричал:

– А кто будет нашей законной добычей в эту полночь?

– Габриэль Грубб! Габриэль Грубб! – завизжали бесчисленные голоса.

– Ну, Габриэль, что ты на это скажешь? – спросил дух, бросая на собеседника сатанинский взор.

Могильщик не смел пошевелиться, и дыхание сперлось в его груди.

– Что-ж ты об этом думаешь, Габриэль? – повторил дух.

– Это... это... сэр, очень любопытно, – проговорил могильщик, полумертвый от страха, – любопытно и очень мило; но вы уж позвольте мне докончить работу.

– Работу! – воскликнул дух. – Какую, Габриэль?

– Я должен до рассвета вырыть могилу, – пролепетал могильщик.

– Так, так, – сказал дух, – кто же роет могилы, когда веселится весь человеческий род?

И опять таинственные голоса провопили:

– Габриэль Грубб! Габриэль Грубб!

– Приятели мои, кажется, нуждаются в тебе, любезный Габриэль, – сказал дух, высунув язык во всю длину.

– Как же это, сэр! – возразил трепещущий могильщик. – Я не имею чести знать ваших друзей, и они меня ни разу не видали. Мы незнакомы, сэр.

– Нет, сударь мой, они отлично тебя знают! – отвечал дух суровым тоном. – Знаем мы человека, который в эту самую ночь, при выходе из своей хижины, бросал злобные взгляды на невинных детей, выбегавших за ворота родительских домов! Мы знаем человека, который, в неистовой зависти и злобе на чужую радость, поразил веселого мальчика без малейшей вины с его стороны. Знаем мы его, знаем!

Здесь нечистый дух закатился самым отчаянным смехом и вдруг, перекувырнувшись, стал на своей голове, вверх ногами; но через минуту, сделав ловкий прыжок, он опять очутился на могильном камне и поджал под себя ноги, как портной на своем прилавке.

– Вы уж позвольте мне вас оставить, сэр, – пролепетал могильщик, употребляя отчаянные усилия сдвинуться с места.

– Нас оставить! – завопил дух. – Габриэль Грубб хочет нас оставить! Ха, ха, ха!

И в то время, как он хохотал, кладбище вдруг озарилось ярким светом, заиграла плясовая музыка, и мириады чертенят повыскочили из земли, чтоб играть в чехарду с памятниками на могилах. Игра была шумная и резвая, никто не переводил духа и каждый старался показать перед другим свою удивительную ловкость. Несмотря на оцепенение чувств, могильщик мог однако же заметить, что первый дух, его недавний собеседник, превзошел всех своим дьявольским искусством. Между тем, как приятели его показывали свою удаль над памятниками обыкновенного размера, он, напротив, перепрыгивал через гигантские фамильные своды, не встречая нигде и ни в чем ни малейших препятствий. Мало-помалу чертенята угомонились, музыка смолкла, нечистый дух схватил могильщика за шиворот и провалился с ним сквозь землю.

Отуманенный быстротой движений, Габриэль Грубб долго не мог придти в себя; но когда, наконец, луч размышления проскользнул по его разгоряченному мозгу, он увидел себя в огромной пещере, окруженной со всех сторон полчищами чертенят, безобразных, угрюмых и диких. В центре этой комнаты, на возвышении заседал его кладбищенский приятель, имевший очевидно над всеми бесконтрольную власть. Габриэль Грубб стоял подле него, неподвижный и безмолвный.

– Сегодня очень холодно, – сказал Веельзевул, – потому что так, без сомнения, надлежало называть главного духа, заседавшего на возвышении, – очень холодно, – эй, кто-нибудь, стакан горячей водки!

При этой команде полдюжины чертенят исчезли в подземном буфете, и через минуту воротились с кубком огненной влаги, которую немедленно представили Веельзевулу.

– А, это недурно! – сказал Веельзевул, залпом проглотив огненный кубок. – Подать такой же Габриэлю.

Напрасно несчастный могильщик клятвенно уверял, что он не привык согревать себя на ночь горячительными напитками: один чертенок скрутил его руки, другой насильно разжал ему рот, а третий, по данному знаку, затопил его горло огненной влагой, при чем Веельзевул и все чертенята покатались со смеху, между тем, как Габриэль задыхался, чихал и плакал.

– Ну, что, хороша водка? – спросил Веельзевул.

– Хороша, сэр, покорно вас благодарю, – отвечал трепещущий могильщик.

– Не стоит благодарности. Покажите теперь этому *несчастному нелюдиму* какую-нибудь картину из нашей галереи.

При этих словах густое облако, покрывавшее отдаленный конец пещеры, начало постепенно исчезать, и скоро перед глазами могильщика, на значительном расстоянии от него, открылась небольшая, бедно меблированная комната, где все было чисто и опрятно. Толпа маленьких детей кружилась около камина; они дергали за платье свою мать и гомозились вокруг её стула. Мать по временам подымалась со своего места и, подходя к окну, старалась разглядеть вдали какой-то ожидаемый предмет. Вкусный обед уже стоял на столе, покрытом чистою скатертью, и спокойные кресла были поставлены перед экраном камина. Раздался стук в дверь; мать побежала отворять, и дети запрыгали от радости, когда увидели, что отец их вошел. Он был мокр и казался утомленным. Скинув шинель и сюртук, он умылся, надел халат и сел за стол среди малюток, окружавших его по обеим сторонам. Все, казалось, в этой хижине дышало счастьем и спокойствием духа.

Но сцена незаметно изменилась. В миниатюрной спальне, на маленькой постели, лежал прекрасный мальчик, младший из членов этого семейства, исхудалый и больной. Розы увяли на его щеках, и не было больше живительного света в его отуманенных глазках. Первый раз от роду закралось чувство умиления и жалости в сердце закоренелого могильщика, но прежде, чем успел он выразить его словами, мальчик умер. Младшие братья и сестры столпились вокруг его маленькой постели и схватили его крошечную руку, холодную и бескровную, но вместо того, чтоб пожать ее, дети отпрянули от постели и начали смотреть с благоговением на младенческое лицо своего братца; он был спокоен и тих, и они увидели, что брат их умер. Теперь стало им известно, что он – ангел небесный, водворившийся в райских селениях, откуда он благословляет своих милых родственников, скитающихся по земле.

Легкое облако снова пробежало через картину, и опять вся сцена изменилась. Мать и отец были теперь беспомощными стариками, и число детей их уменьшилось больше, чем на половину; но довольство и спокойствие отражалось на каждом лице и сияло в глазах каждого, когда все семейство сгруппировывалось около камина и рассказывало стародавния истории из прежних счастливых дней. В мире и тишине отец сошел в могилу, и скоро последовала за ним верная его спутница, разделявшая с ним труды, огорчения и заботы земной жизни. Оставшиеся члены семейства пали на колена перед могилой своих родителей, и зеленый дерн омочился их горькими слезами; но не было заметно ни тревожных жалоб, ни отчаяния на их грустных лицах, так как они знали, что, рано или поздно, наступит для них общее свидание по ту сторону гроба. Они встали, пошли домой, отерли свои слезы, и скоро житейские дела восстановили опять спокойствие их духа. Густое облако заслонило всю картину, и могильщик не видел больше ничего.

– Ну, что ты об этом думаешь? – сказал дух, устремив свои широко-раскрытые глаза на Габриэля Грубба.

– Ничего, сэр, картина, на мой взгляд, очень хороша, – пробормотал могильщик, – покорно вас благодарю.

– А! Так тебе нравится эта картина, негодный нелюдим? – завопил Веельзевул тоном величайшего презрения, – нравится?

Он хотел еще что-то прибавить, но негодование совсем задушило его голос, и прежде, чем могильщик успел извиниться, Веельзевул протянул свою длинную ногу и дал ему пинка в самую маковку его головы. Вслед затем мириады чертенят обступили могильщика, и каждый принялся колотить его без всякого милосердия и пощады. Избитый и усталый, он повалился навзничь и скоро лишился чувств.

Поутру на другой день, неизвестно какими судьбами, Габриэль Грубб очутился опять на своем кладбище, где лежал во всю длину на одном из могильных памятников. Открыв глаза, он увидел подле себя опорожненную бутылку, заступ, фонарь и балахон: все это покрылось инеем и лежало в беспорядке поодаль от него. Камень, где сидел Веельзевул, лежал на своем

обычном месте, и не было на нем никаких следов присутствия сатанинской силы. Работа над могилой почти нисколько не подвинулась вперед.

Сначала Габриэль Грубб усомнился в действительности своих ночных приключений; но жестокая боль в плечах и боку убедила его неоспоримым образом, что побои чертенят отнюдь не могли быть выдуманы его расстроенным мозгом. Еще раз сомнение возникло в его душе, когда он не увидел никаких следов на снегу, где чертенята играли в чехарду; но это обстоятельство само собою объяснилось тем, что чертенята, как существа невидимые, могут и не оставить после себя вещественных знаков. На этом основании Габриэль Грубб поднялся кое-как на ноги, вычистил свой балахон, надел шляпу и медленно потащился в город.

Но теперь он уже был совсем другой человек; радикальная перемена быстро совершилась в его сердце уме. Он не хотел возвращаться к своему прежнему месту, где, вероятно, всякий стал бы издеваться над ним. Подумав несколько минут, он пошел, куда глаза глядят, твердо решившись добывать свой хлеб каким-нибудь другим честным трудом.

Фонарь, заступ и плетеная бутылка остались на кладбище, где нашли их в тот же самый день; но куда девался могильщик, никто не мог знать. Скоро пронеслась молва, что Габриэля занесли чертенята на тот свет, и все этому верили, от первой старухи до последнего ребенка.

Но молва приняла совсем другой оборот, когда Габриэль Грубб, лет через десять после этого события, воротился опять на свою родину оборванным и больным стариком. Повесть о своих похождениях он рассказал прежде всего городскому мэру, и от него уже весь свет узнал, как могильщик пировал у Веельзевула в его подземной пещере.

Глава XXX

О том, как Пикквикисты познакомились и подружились с двумя юношами ученых профессий, как они увеселялись вместе с ними на коньках, и о том, как, наконец, расстались они со своими гостеприимными друзьями.

– Ну, Самуэль, – сказал м-р Пикквиль, когда поутру на другой день после описанных нами событий в спальню его вошел м-р Самуэль Уэллер с мыльницей и полотенцем в руках, – какова погодка?

– Морозит, сэр.

– Очень?

– Вода в рукомоинике, с вашего позволения, превратилась в глыбу льда.

– Это нехорошо, Самуэль; погода, выходит, прескверная, – заметил м-р Пикквик.

– Напротив, сэр, это очень хорошо, и погода выходит чудодейственная для всякой твари, у которой есть шерстка на теле, как говорил один белый медведь, собираясь танцевать на льду, – возразил м-р Уэллер.

– Я приду через четверть часа, – сказал м-р Пикквик, развязывая шнурки своей ермолки с кисточками.

– Очень хорошо, сэр, сюда приехали сегодня два костореза.

– Два – чего? – воскликнул м-р Пикквик, усаживаясь на своей постели.

– Два костореза, сэр.

– Что это за косторезы? – спросил м-р Пикквик, не понимая, о каких предметах, одушевленных или неодушевленных, – говорит его слуга.

– Как? Неужели, сэр, вы не знаете, что такое косторезы? – воскликнул м-р Уэллер. – Всему свету известно, что косторезами называют лекарей, которых ремесло в том состоит, чтобы резать кости разумных животных. Есть дураки, которые называют их костоломами; но это не совсем хорошо.

– А! так это хирурги? – сказал м-р Пикквик, улыбаясь.

– Не совсем так, эти, что внизу, еще не вполне хирурги: они покамест еще куроцапы.

– Это что еще?

– Как? Вы и этого не смыслите? Куроцапами, сэр, называются молодые хирурги, которые еще не наострились резать разумные кости.

– А, они студенты хирургии, так, что ли? – сказал м-р Пикквик.

– Так, вы не ошиблись: сюда действительно приехали сегодня два молодых студента медицины, – подтвердил м-р Уэллер.

– Приятная новость, очень приятная, – сказал м-р Пикквик, энергически бросив ермолку на одеяло. – Это, без сомнения, прекрасные молодые люди с умом, изощренным наблюдениями, и эстетическим вкусом, усовершенствованным науками. Я рад, Самуэль, очень рад.

– Они курят сигару у кухонного очага, – сказал Самуэль.

– А! – заметил м-р Пикквик, потирая руками, – молодые люди с живыми чувствами, народ разбитной, на все руки. Вот это я люблю.

– Один из них положил свои ноги на стол и потягивает водку из огромного стакана, а другой, – у него, сэр, очки на носу, – держит между своими коленями боченок с устрицами и пожирает их, как голодный волк, бросая раковины в жирного парня, который между тем спит себе спокойно в темном углу за печкой. Забудьды, сэр.

– У гениальных людей бывают свои странности, Самуэль! – сказал м-р Пикквик строгим тоном. – Можете удалиться.

Самуэль махнул рукой, поклонился и ушел. Через пятнадцать минут м-р Пикквик явился в столовую к завтраку.

– Вот он, наконец! – воскликнул старик Уардль при виде ученого мужа, – Пикквик, рекомендую тебе братца мисс Арабеллы Аллен, м-ра Бенджамена Аллена. Мы зовем его попросту – Бен, и ты сам, если хочешь, можешь употреблять эту же кличку. А этот джентльмен, искренний друг его, м-р...

– М-р Боб Сойер, если позволите, – перебил м-р Бенджамен Аллен.

И, после этой рекомендации, молодые люди захохотали общим хором.

М-р Пикквик поклонился Бобу Сойеру, и Боб Сойер поклонился м-ру Пикквику. Затем Боб и искренний его друг принялись с пламенным усердием за поданные кушанья, между тем как м-р Пикквик, в свою очередь, принялся наблюдать внимательно обоих молодых людей.

М-р Бенджамен Аллен был довольно толстый и плотный молодой человек с черными, коротко обстриженными волосами и белым круглым лицом. Нос его был украшен синеватыми очками, а шея – белой косынкой. Из-под его черного, однобортного сюртука, застегнутого на все пуговицы до самого подбородка, выглядывали туго-натянутые гультрики серо-пепельного цвета и потом – пара не совсем исправно вычищенных сапогов огромного размера. На краях сюртучных обшлагов, несмотря на чрезмерную их краткость, не было ни малейших следов манжет и лебединая шея молодого человека не обнаруживала никаких украшений вроде воротничков рубашки. Вообще наружность м-ра Бена казалась несколько истасканною, и от него страшно несло табаком.

М-р Боб Сойер, облеченный в какую-то синюю хламиду фантастического фасона, похожую отчасти на сюртук и отчасти на фрак, ярко обнаруживал своей осанкой и манерами одного из тех молодых джентльменов, которые курят на улицах днем и бушуют на них ночью, которые, при всяком удобном случае, заключают дружественные союзы с трактирными служителями и отличаются другими подвигами и деяниями более или менее забавного свойства. Он носил пестрые панталоны и широкий двубортный жилет, а вне дома обыкновенною его спутницею была толстая сучковатая палка с огромным набалдашником из красной меди. Лишние украшения, в роде каких-нибудь перчаток, он презирал с постоянным упорством и вообще имел вид, несколько похожий на внешность Робинзона Крузо.

Таковы были две личности, с которыми познакомили ученого мужа, когда он занял свое место за столом.

– Превосходное утро, господа, – сказал м-р Пикквик.

М-р Боб Сойер, в знак согласия, слегка кивнул головой и тут же попросил у своего товарища горчицы.

– Вы сегодня издалека, господа? – спросил м-р Пикквик.

– Из «Голубого льва» в Моггльтоне, – скороговоркой отвечал м-р Аллен.

– Вам бы не мешало приехать к нам вчера вечером, – заметил м-р Пикквик.

– Не мешало бы, – отвечал Боб Сойер, – да только мы подпили малую толику. Настойка была чудо как хороша; не так-ли Бен?

– Отличная настойка, – сказал м-р Бенджамен Аллен, – сигары тоже недурны, а пороссячьи котлетки – просто объяденье, – не так ли, Боб?

– Ну да, что в рот, то спасибо, черт их побери! – отвечал Боб Сойер.

Затем оба друга с удвоенною ревностью принялись опустошать остатки завтрака, как будто воспоминание о вечерней оргии содействовало сильнейшему возбуждению их аппетита.

– Царапнем, Боб, – сказал м-р Аллен, наливая своему товарищу рюмку джину.

– Царапнем, – подхватил м-р Сойер и тут же залпом выпил рюмку.

Несколько минут продолжалось молчание, нарушаемое лишь стуком вилок и ножей.

– Удивительная вещь, я всегда бываю ужасно голоден после рассечения трупов, – проговорил м-р Боб Сойер, озираясь кругом.

– И я тоже, – подтвердил м-р Бен Аллен, – особенно если субъект не слишком поврежден.

М-р Пикквик слегка вздрогнул.

– Кстати, Боб, – сказал м-р Аллен, – окончил ты эту ногу?

– Не совсем, – отвечал Соьер, доедая жареного цыпленка, – нога демонски мускулистая и почти вся сгнила. Это будет феномен в своем роде.

– Право?

– Я тебе говорю.

– Я бы на твоём месте вырезал на ней свое имя, – сказал м-р Аллен, – ты препарировать отлично. Мы делаем складчину еще для одного трупа, и реестр почти полон. Кадавр будет образцовый, только никто не берется препарировать голову. Не хочешь-ли ты, Боб?

– Нет, слуга покорный, тут не оберешься возни, – сказал м-р Соьер.

– Нечего и говорить, – возразил Аллен, – работы много; зато и голова была бы на славу.

– Пусть отдадут мне мозг, если хотят, а от черепа отказываюсь.

– Тсс, господа, тсс! – воскликнул м-р Пикквик, – дамы идут, я слышу.

В эту минуту вошли в столовую все молодые леди, воротившиеся с утренней прогулки. Их сопровождали господа Снодграс, Винкель и Топман.

– Ах, это Бен! – воскликнула Арабелла таким тоном, который выражал больше изумление, чем удовольствие при виде брата.

– Приехал за тобой, – отвечал Бенджамен. – Завтра домой.

М-р Винкель побледнел.

– Арабелла, разве ты не видишь Боба Соьера? – спросил м-р Бенджамен Аллен тоном упрека.

– Ах, извините, м-р Соьер, – сказала молодая девушка, грациозно протягивая руку другу своего брата.

Ненависть просверлила сердце м-ра Винкеля, когда он увидел, как неуклюжий и дерзкий соперник пожимает ручку мисс Арабеллы.

– Братец, был-ли... был-ли ты представлен м-ру Винкелю? – спросила молодая девушка робким тоном, при чем девственный румянец живописно заиграл на её щеках.

– Нет, но если тебе угодно, я представлюсь сию же минуту, Арабелла.

Говоря это, м-р Бен Аллен сделал церемонный поклон м-ру Винкелю, тогда как м-р Винкель и Боб Соьер обменивались между собой косвенными взглядами подозрений и немых угроз. Прибытие новых гостей и последовавшее затем внутреннее беспокойство м-ра Винкеля и черноглазой девицы в меховых полусапожках могли бы, по всей вероятности, на несколько времени расстроить общую веселость, если бы чрезмерная игривость м-ра Пикквика и радушная заботливость хозяина не привели в порядок обыкновенного хода дела на хуторе Дингли-Делле. Скоро м-р Винкель втерся в благосклонность Бенджамена и даже успел перекинуться дружескими приветствиями с м-ром Соьером, который, в свою очередь, начал постепенно одушевляться после двух стаканов портвейна и даже рассказал, к удовольствию всей компании, презанимательный анекдот относительно того, как недавно в их клинике срезывали шишку с маковки одного почтенного джентльмена, обратившегося к искусству их профессора, знаменитого доктора медицины и хирургии. После этого анекдота, объясненного и дополненного критическими замечаниями, все джентльмены и леди снова уселись за стол, куда теперь жирный парень, кроме портвейна, поставил еще несколько бутылок портера и огромный графин вишневки.

– Ну, господа, – сказал старик Уардль, подкрепивший себя обильными возлияниями вишневки, – что вы думаете на счет катанья на льду, который теперь – вы это видели – прозрачен, как хрусталь, и гладок, как стекло. Времени у нас вдоволь.

– Я думаю, что это будет превосходная штука, – заметил м-р Бенджамен Аллен.

– Забава джентльменская, – подтвердил м-р Боб Соьер.

– Вы катаетесь, Винкель? – сказал Уардль.

– На коньках?

– Разумеется.

– Да... нет... да, – отвечал м-р Винкель заикаясь. – Давненько не пробовал.

– О, я уверена, вы катаетесь, м-р Винкель, – заметила Арабелла. – Я ужасно люблю смотреть на эту забаву.

– О, это должно быть очаровательно! – воскликнула другая молодая девица.

Третья заметила, что это должно быть грациозно, а четвертая выразила положительное мнение, что мужчины рисуются, как лебеди, на высоких коньках.

– Мне бы, конечно, было очень приятно, – проговорил м-р Винкель довольно нерешительным тоном, – но здесь у меня нет коньков.

Но это возражение встретило убедительные опровержения. М-р Трудель и жирный парень возвестили в один голос, что у них внизу, под лестницей, дюжины две превосходнейших коньков, и м-р Винкель, если ему угодно, может выбирать любые.

– В таком случае извольте, я очень рад, – сказал м-р Винкель, причем на его лице выразились несомненные признаки огорчения и досады.

Через несколько минут все джентльмены и леди, в сопровождении старика Уардля, отправились веселой группой на живописный берег пруда, покрытого толстым слоем льда, откуда жирный парень заранее озаботился смести снеговую насыпь, образовавшуюся в продолжение ночи. М-р Боб Сойер первый выступил на сцену и, овладев коньками с искусством, совершенно непостижимым для м-ра Винкеля, принялся описывать, не переводя духа, чрезвычайно забавные пируэты и вензеля, к невыразимому наслаждению м-ра Пикквика, м-ра Топмана и всех девиц, внимательно следивших за каждым движением молодого человека. Скоро приняли в этой забаве деятельное участие старик Уардль и м-р Бенджамен Аллен, вызвавшие громкие рукоплескания, когда удалось им, при содействии Боба Сойера, счастливо окончить некоторые мистические эволюции, весьма похожая на шотландский национальный танец, называемый Reel.

Все это время м-р Винкель, с лицом и руками, посинелыми от холода, старался утвердить пятки своих ног на оконечности коньков, в чем весьма деятельно помогал ему м-р Снодграс, опутывая его ремнями спереди и сзади, хотя значение всей этой операции оставалось для него таинственной загадкой, потому что, говоря правду, ни один из пикквикистов не имел правильной идеи об этой странной и вовсе не ученой забаве, придуманной, вероятно, сельскими жителями от нечего делать. Как бы то ни было, однако ж, несчастные коньки, при содействии м-ра Уэллера, были наконец, укреплены, завинчены, и злополучный м-р Винкель поднялся на ноги.

– Ладно, – сказал Самуэль одобрительным тоном, – теперь, сэр, марш на середину и покажите этим господам, как обходиться с такими вещами.

Но м-р Винкель уцепился за плечи Самуэля с отчаянием утопающего и проговорил дрожащим голосом:

– Постойте, Самуэль, постойте, любезный!

– Что еще?

– Как что? Разве вы не видите, как скользко.

– Иначе и не может быть на льду.

– Да ведь этак, пожалуй, упадешь так, что костей не соберешь.

– Э, полноте, как это можно! Махните рукой, да и катай-валяй. Смелость города берет. Держитесь крепче, сэр.

М-р Винкель, без сомнения, понимал всю важность этих наставлений; но его организм обнаруживал, по-видимому, непобедимое желание опрокинуться навзничь, затылком вниз и ногами кверху.

– Как неловко, Самуэль... Право, эти проклятые коньки никуда не годятся, – говорил заикаясь м-р Винкель.

– Нет, сэ,р, они вполне исправны, – возразил Самуэль, – только вам следует держать ухо востро.

– Что-ж ты, Винкель, – закричал м-р Пикквик, совсем не подозревавший великой опасности, какой подвергался его друг... Пошевеливайся, приятель, – дамы хотят видеть, как ты отличишься.

– Погодите, я сию минуту, – отвечал м-р Винкель, делая страшную гримасу.

– Да уж пора, сэ,р. Начинайте с Богом! – проговорил м-р Уэллер, стараясь высвободиться из объятий несчастного джентльмена.

– Погодите, Самуэль, одну минуту! – говорил м-р Винкель, сжимая еще крепче в своих объятиях верного слугу. – У меня дома чудесный фрак и панталоны, совсем новенькие, вы их можете взять себе, Самуэль.

– Покорно вас благодарю, – отвечал м-р Уэллер.

– Зачем же вы скидаете свою шляпу, Самуэль? – сказал скороговоркой м-р Винкель, – благодарить можно и в шляпе, не отнимая от меня своей руки... а впрочем, не стоит благодарности. Сегодня, для праздника, Самуэль, я обещался подарить вам пять шиллингов, перед обедом вы получите эти деньги.

– Вы очень добры, сэ,р, – отвечал м-р Уэллер.

– Только уж вы сперва поддержите меня, Самуэль, да покрепче, сделайте милость, – продолжал м-р Винкель: – вот так. Мне нужно только разъехаться, а там уж авось ничего. Не скоро, Самми, не слишком скоро.

И м-р Винкель, перегнутый и дрожащий, покатился, при содействии Уэллера, по гладкой поверхности льда, представляя из себя довольно жалкую фигуру, ничуть не похожую на лебедя, одаренного завидною способностью путешествовать по воде, как по суше. Все бы однако ж, вероятно, имело благополучный и даже поэтический конец, если бы, в одну из критических минут м-р Пикквик не вздумал закричать на противоположном берегу:

– Самуэль!

– Что вам угодно, сэ,р? – спросил м-р Уэллер.

– Идите сюда. Мне вас нужно.

– Ну, сэ,р, ступайте одни, – сказал Самуэль. – Старшина, вы слышите, зовет меня. Ступайте с Богом.

Сделав отчаянное усилие, м-р Уэллер высвободился из насильственных объятий пикквикиста, и при этом движении произвел довольно сильный толчок в спину м-ра Винкеля. Оставленный на произвол слепой судьбы, злополучный джентльмен быстро покатился в самый центр танцующей компании, в ту минуту, когда м-р Боб Сойер выделял чудодейственные прыжки, поражавшие своей ловкостью всех зрителей. М-р Винкель прямо разлетелся на него, и в одно мгновение оба юноши с громким треском шарахнулись наземь. М-р Пикквик бросился на место катастрофы. Сделав ловкое движение, Боб Сойер немедленно поднялся на ноги; но, к несчастью, м-р Винкель ничего не мог сделать в этом роде. Оконтуженный падением, он сидел и барахтался на льду, употребляя тщетные усилия вызвать улыбку на свое лицо, обезображенное судорожными корчами.

– Вы не ушиблись? – спросил м-р Бенджамен Аллен с великим беспокойством.

– Немножко, – сказал м-р Винкель, разглаживая растрепанные волосы.

– Не пустить-ли вам кровь? – сказал м-р Бенджамен с большим участием.

– Нет, покорно вас благодарю, – отвечал м-р Винкель.

– Но без этого может произойти воспаление, опасное для вашей жизни, – возразил студент хирургии. – Право, всего лучше пустить вам кровь.

– Нет, нет, уверяю вас, совсем не лучше, покорно благодарю.

– Ну, воля ваша, не пеняйте на меня.

– Вы что об этом думаете, м-р Пикквик? – спросил Боб Сойер.

Ученый муж был взволнован и сердит. Подозвав к себе м-ра Уэллера, он сказал суровым тоном:

– Отнимите у него коньки!

– Зачем? Я ведь только-что начал, – возразил м-р Винкель.

– Отнимите у него коньки! – повторил м-р Пикквик решительным тоном.

Такое повеление не допускало никаких возражений, и м-р Винкель безмолвно должен был повиноваться. Самуэль развязал ремни и высвободил его ноги.

– Поднять его! – сказал м-р Пикквик.

Самуэль пособил несчастному подняться на ноги. М-р Пикквик отступил на несколько шагов и энергичным движением руки заставил м-ра Винкеля подойти к себе. Затем, устремив на него пылкий взгляд, великий муж произнес довольно тихо, но чрезвычайно внятно и раздельно следующие достопримечательные слова:

– Сэр, вы шарлатан.

– Что?

– Вы шарлатан, сэр. – Скажу проще, если вам угодно, – вы обманщик, сударь мой.

С этими словами м-р Пикквик медленно повернулся на своих пятках и присоединился к своим друзьям.

Этим временем м-р Уэллер и жирный парень, с своей стороны, также привязав коньки, вышли на каток и катались на нем из конца в конец самым мастерским и даже блистательным манером. В особенности Самуэль Уэллер обнаружил необыкновенный талант, когда принялся выделывать фантастическую эволюцию, известную под техническим названием «Стукту-ру-рук» и которая собственно состоит в искусстве скользить на одной ноге, тогда как другая должна по временам производить на льду почтальонский стук⁸. Эта экзерциция продолжалась очень долго, и были в ней такие привлекательные стороны, которым от души позавидовал м-р Пикквик, тем более, что от продолжительного стоянья на открытом воздухе кровь начинала холодеть в его жилах.

– Вам, конькобежцам, я думаю, ни почем зимние морозы, – сказал он м-ру Уардлю, когда этот джентльмен, задыхаясь от усталости, окончил свои чудные эволюции, которыми удалось ему решить несколько загадочных проблем на льду, где ноги заступали для него место математического циркуля.

– О, да, это удивительно как полирует кровь, – отвечал Уардль. – Не хочешь-ли и ты покататься?

– Я катался встарину, когда был мальчиком; но теперь это было бы для меня опасным подвигом, – сказал м-р Пикквик.

– Вот вздор, какие тут опасности? Попытайся, любезный друг.

– Как это будет мило, м-р Пикквик! – закричали дамы. – Берите коньки и пристыдите эту молодежь.

– Мне бы очень приятно, сударыни, доставить вам это удовольствие, – возразил м-р Пикквик, – но я лет тридцать сряду не занимался этими вещами, и было бы теперь...

– Пустяки, брат, пустяки! – сказал Уардль, схватив опять свои коньки с судорожной поспешностью, которая характеризовала все его поступки. – Марш, марш! Я побегу вперед.

Бросившись на лед, разбитой старик перегнал в одну минуту и м-ра Уэллера, и жирного парня.

М-р Пикквик раздумывал весьма недолго. Одушевленный воспоминаниями юных лет, он снял свои перчатки, положил их в шляпу, махнул рукой и быстро покатился по льду, прито-

⁸ Вместо колокольчиков в Англии до сих пор употребляются по большей части железные молотки, которыми приходящий ударяет о дверную скобу. Лакеи знатных господ докладывают о себе громким стуком, тогда как разносчики писем тихонько производят двойной стук, едва притрогиваясь к скобе. *Прим. перев.*

пывая по временам своею левою ногою. Затем, овладев коньками, ученый муж весьма искусно описал два огромных полукруга, при чем зрители и зрительницы сопровождали его залпом дружных рукоплесканий.

– Баста, Пикквик! Давайте теперь кататься без коньков; ты мастер, я вижу, на все руки, – закричал Уардль. – За нами, господа!

Это было сигналом для новой, чрезвычайно забавной потехи, открытой стариком Уардлем, который с необыкновенной быстротой покатился на обеих ногах, размахивая притом обеими руками. За ним последовал м-р Пикквик, а за ним Самуэль Уэллер, а за ним м-р Винкель, а за ним м-р Боб Соьер, а за ним жирный парень, а за тем, наконец, м-р Снодграс, успевший доказать самому себе, что в забавах этого рода заключается великая поэзия жизни. Все засуетились, забегали, закружились и закатались с такою бешеною ревностью, как будто от этой экспедиции могла зависеть судьба настоящих и грядущих поколений на Дингли-Делле.

Но здесь, как и везде, всего интереснее было видеть, как забавлялся сам м-р Пикквик, удостоивший подчинить себя условиям игры, которая, по-видимому, оживила все силы его души. С каким беспокойством озирался он вокруг, когда сзади напирал на него какой-нибудь джентльмен, угрожавший своим быстрым стремлением опрокинуть его навзничь, и какою лучезарною улыбкою озарялось его добродушное лицо, как скоро удавалось ему счастливо добираться до противоположного конца расчищенной площадки, откуда опять и опять начинался его рысистый бег! Случалось, однако ж, и довольно часто, что ученый муж, уступая влиянию неотразимого толчка, опрокидывался головою вниз и ногами кверху, и тут всего назидательнее было наблюдать, как он поднимал свою шляпу, перчатки, носовой платок, и как опять становился в общий ряд, обнаруживая такой энтузиазм и такое молодечество, с которыми ничто в свете не могло сравниться.

Катанье на льду была в полном разгаре, и смех на берегу достигал крайних пределов, как вдруг, совсем неожиданно, послышался сильный треск. Мигом джентльмены, обгоняя один другого, повыскачили на берег, молодые леди завизжали, м-р Топман испустил пронзительный крик. Огромная масса льда совсем исчезла под водою, и на поверхности воды заколыхались шляпа, перчатки и носовой платок м-ра Пикквика, и это было все, что для глаз ошеломленных зрителей осталось от ученого мужа.

Грусть и отчаянная тоска изобразились на всех лицах: мужчины побледнели, дамы почти совсем лишились чувств; м-р Снодграс и м-р Винкель, сцепившись руками друг с другом, смотрели с невыразимым беспокойством на плачевное место, где погиб их предводитель, между тем как м-р Топман, не теряя времени по-пустому, бросился со всех ног к Менор-Фарму и закричал изо всей силы: «Пожар! пожар!» Он основательно рассчитывал, что на этот крик мигом сбегутся толпы народа с баграми и дреколями, чтоб вытащить из воды утонувшего джентльмена.

В ту самую минуту, когда старик Уардль и м-р Самуэль Уэллер приближались осторожными шагами к провалу, образовавшемуся на льду, а м-р Бенжамен Аллен и неизменный друг его Боб Соьер держали втихомолку хирургическую консультацию относительно неизбежной необходимости пустить кровь молодым девицам, упавшим в обморок, – в эту самую минуту, к величайшему утешению всей компании, показались на поверхности воды плечи, голова, лицо и даже очки, принадлежавшие м-ру Пикквику.

– Подержитесь минуточку... не больше одной минуты, – проревел м-р Снодграс.

– О, да, минуточку, умоляю вас, почтенный друг наш, ради меня, – заревел глубоко расстроганный м-р Винкель.

Мольба этого рода, в настоящем случае, была довольно неуместна, так как можно было рассчитать на верное, что м-р Пикквик непременно заблагоразсудит поддержать себя на поверхности воды, если не для своих друзей, то, по крайней мере, ради спасения себя самого.

– На дне, что-ль, стоишь ты, приятель? – сказал Уардль.

– Разумеется на дне, – отвечал м-р Пикквик, стряхивая воду с головы и лица: – я упал туда спиной и сначала никак не мог подняться на ноги. Уф!

Толстый слой глины, облепивший спину м-ра Пикквика, служил неоспоримым подтверждением его слов, и это обстоятельство окончательно успокоило всю компанию, не исключая молодых девиц, из которых, к счастью, еще ни одна не успела погрузиться в глубокий обморок, чего, впрочем, искренно желали оба хирурга. Когда, наконец, жирный парень, озаренный светлой мыслью, припомнил и во всеуслышание объявил, что глубина воды нигде на всем пруду не превышает двух аршин, джентльмены, все наперерыв, бросились спасать несчастного старца, и при этом каждый из них оказал чудеса храбрости, проворства и силы. После дружной и неугомонной возни, сопровождавшейся треском льда и брызгами воды, м-р Пикквик был весьма счастливо выручен из своего неприятного положения и, к общему удовольствию, поставлен на сухую землю.

– Пропала его бедная головушка, – воскликнула Эмилия, – он наживет смертельную горячку.

– Бедный старичок! – сказала Арабелла. – Позвольте закутать вас этою шалью, м-р Пикквик.

– Вот это, в самом деле, всего нужнее для тебя, любезный друг, – сказал Уардль, – кутайся хорошенько и беги со всех ног домой, прямо на теплую постель.

Двенадцать шалей явились в одно мгновение к услугам великого человека. Самуэль Уэллер выбрал три или четыре потолще и, окутав своего господина с головы до пяток, повел его на Менор-Фарм, при чем глазам зрителей представлялся редкий феномен пожилого джентльмена, промокшего до костей и лишенного обыкновенных статей туалета, свойственных его возрасту и полу.

Но было теперь довольно некстати думать о соблюдении светских приличий, и м-р Пикквик, подстрекаемый Самуэлем, бежал, не переводя духа, до самых ворот Менор-Фарма, куда гораздо раньше его прибыл м-р Топман, успевший переполошить весь хутор ужасной вестью о пожаре. Старушка Уардль, пораженная смертельным страхом, была теперь глубоко и непреклонно убеждена, что кухня и весь задний двор объаты пламенем: это бедствие всегда рисовалось самыми яркими красками в воображении достопочтенной праматери семейства, и теперь с замиранием сердца думала она, что скоро камня на камне не останется от её родового пепелища.

М-р Пикквик успокоился не раньше, как в своей постели, когда ермолка с кисточками появилась на его просушенной голове. Самуэль Уэллер развел в камине великолепный огонь и принес обед в спальню своего господина. С обедом явился и пунш, в котором приняли деятельное участие все пикквикисты и старик Уардль. Веселая попойка продолжалась до глубокой ночи, до тех пор, пока ученый муж не захрапел богатырским сном в присутствии своих друзей.

Поутру на другой день м-р Пикквик, к общему благополучию, проснулся совершенно здоровым и невредимым, так что в организме его не обнаружилось ни малейших признаков ревматизма. Пользуясь этим случаем, м-р Боб Соьер весьма основательно заметил, что горячий пунш может служить самым лучшим предохранительным средством от всех видов и родов простудных лихорадок, и если бывает иногда, что этот целительный напиток не оказывает своего спасительного действия, то единственно потому, что страждущий субъект, зараженный предразсудками, не решается употребить его в достаточном количестве. С этим мнением совершенно был согласен и м-р Пикквик.

С наступлением утра веселые гости Дингли-Делля должны были разехаться каждый в свою сторону. Такие разъезды, как известно, представляют много поэтических сторон для школьника, меняющего классную залу на родительский дом; но тяжело падают они на сердце взрослых людей. Смерть, эгоизм, житейские расчеты и бесчисленные перемены фортуны разрывают каждодневно счастливые группы, связанные узами дружбы, и разбрасы-

вают их но всем концам земного шара. Впрочем, мысли этого рода не имеют ни малейшего отношения к настоящему предмету. Мы хотим только известить благосклонного читателя, что все джентльмены и леди, гостившие на Менор-Фарме, разъехались по своим домам. М-р Пикквик и его ученики заняли еще раз свои места на империале моггльтонского дилижанса; Арабелла Аллен отправилась к месту своего назначения – куда именно, мы не знаем, но м-р Винкель очень хорошо знал. Ее сопровождали братец Бенжамен и закадычный друг его, м-р Боб Сойер.

Но перед окончательной разлукой студенты медицины отвели в сторону ученого мужа, и м-р Боб Сойер, пропихнув свой палец в одну из петель его сюртука, сказал с таинственным видом:

– Где вы живете, почтенный?

М-р Пикквик отвечал, что его настоящая квартира в гостинице «Коршуна и Джорджа».

– Мне бы хотелось, старик, заманить вас в мою собственную резиденцию, – продолжал Боб Сойер, – согласны-ли вы навестить меня?

– С величайшим удовольствием, – отвечал м-р Пикквик, – питомцы муз и жрецы Эскулапа имеют полное право на мою внимательность.

– В таком случае, вот мой адрес, – сказал м-р Боб Сойер, вынимая визитную карточку из своего жилетного кармана, – Лант-Стрит, в Боро, подле матросского трактира. Пройдя Сент-Джорджа, поверните за угол на Большую улицу. Небольшой дом, крытый черепицей.

– Очень хорошо, я найду, – сказал м-р Пикквик.

– Приходите через две недели в четверг и затащите с собой других ребят, – сказал м-р Боб Сойер. – Ко мне в тот вечер соберется несколько молодых ученых медицинской профессии.

М-р Пикквик сказал, что ему будет очень лестно познакомиться с молодыми учеными медицинской профессии; Боб Сойер протянул ему руку, и они расстались дружелюбно.

Между тем как м-р Пикквик совещался таким образом с молодыми людьми, м-р Винкель шептал что-то на ухо Арабелле Аллен, а м-р Снодграс разговаривал втихомолку с мисс Эмилией Уардль; но что было предметом этих таинственных бесед, для нас покрыто мраком неизвестности. Во всю дорогу, на обратном пути в Лондон, оба джентльмена хранили глубокое молчание, вздыхали очень часто и даже не вкушали ни пива, ни настойки. Из этих фактов наблюдательная читательница может вывести заключения, какие ей угодно.

Глава XXXI

Имеющая совершенно юридический характер.

В нижних этажах, по разным углам и закоулкам Темпля⁹ разбросаны довольно грязные и темные камеры, куда по вечерам в присутственные дни и по утрам в те дни, когда не бывает заседаний, стекаются бесчисленные полчища мелких чиновников и писарей (clerks) с кипами бумаг под мышкой и в широких карманах. Писарь писарю не чета, это всем известно, и наши английские писаря разделяются на многочисленные разряды. Первое место занимает, разумеется, *писец привилегированный*, заплативший за себя условленную сумму. Его карьера – быть адвокатом или стряпчим (attorney), и он заранее вникает во все таинства своей будущей профессии. Он одет по последней моде, ездит на балы, держит свой экипаж и отличных лошадей, посещает один или два дома в аристократических улицах и отправляется на каникулы в загородный дом своего богатого отца. Словом, это аристократ между писарями. Второе место занимает salaried clerk, писарь, состоящий на жалованьи, и который обязан жить подле конторы своего патрона. Он получает тридцать шиллингов в неделю, и большую часть этого капитала употребляет на свой туалет и увеселения разного рода. У него есть кресла в театре Адельфи и знакомый погребок, где каждую субботу, перед получением нового жалованья, он проматывает свою последнюю копейку. Это довольно грязная и жалкая карикатура на одного из тех молодых денди, которые между завтраком и обедом гуляют целыми стадами на Гросвенор-сквере. Следует затем писарь в строжайшем смысле слова, писец вечно-цеховой, обреченный судьбою на переписку чужих бумаг от раннего утра до поздней ночи. У него – обширная семья, голодные дети, чахоточная жена, и сам он частенько бывает под хмельком. Это плебей в благородной корпорации писцов. Есть еще писаря – конторные мальчишки, которые бегают на свою должность в синих куртках и сизых панталонах. Они питают справедливое презрение к школьным мальчикам, часто на улицах заводят с ними драку и еще чаще угощают себя портером в распивочных лавчонках. Но мы не решаемся исчислять здесь все виды и роды писарей: довольно того, что всех их можно видеть налицо в грязных камерах Темпля, где в присутственные дни в ходу вся юридическая машина до мельчайшего её винтика.

В углах и закоулках Темпля сосредоточены публичные конторы по судебной части, и здесь-то составляются всевозможного рода покорнейшие просьбы, подаются требования ко взысканию, сочиняют формальные требования ответчиков к суду и фабрикуются другие, более или менее затейливые, деловые бумаги, придуманные великобританским уложением для потехи писарей и адвокатов. Это по большей части низенькие, сырые, подернутые плесенью камеры, где с незапамятных времен на бесчисленных полках березовых шкафов гниют огромные свертки пергамента и бумаги, распространяющие весьма приятный запах, который

⁹ После парламента высшее судебное место, где президентом всегда бывает лорд-канцлер, называется Chancery. Затем следует так называемый. Храм, или Temple, куда принадлежат четыре судебные палаты (Inns of Court), которых названия читатель не раз встретит в этой и последующих главах. Это: «Inner Temple, Middle Temple, Lincol's Inn и Gray's Inn». Встарину Chancery тоже имело до десяти судебных палат; но в настоящее время осталась от них только одна, называемая «Clifford's Inn». На современном языке «Inn» значит собственно гостиница, трактир; но первоначально смысл его был тот же, что Mansion, дворец, и в этих дворцах жили прежде разные вельможи, которые уступили свои резиденции студентам юриспруденции и народного права. Так Gray's Inn, четвертая судебная палата Темпля, получила свое имя от лорда Эдмонда Грея Уильтона, который отдал студентам свою резиденцию в начале шестнадцатого века. В настоящее время этим именем называется целый квартал, населенный почти исключительно чиновниками, студентами и писарями. Имя Темпля происходит от рыцарей ордена Иоанна Иерусалимского, Темплиеров, которые отдали юристам свои дворцы с принадлежащими к ним угодьями, церквями и садами, в 1346 году, в царствование Эдуарда Третьего. В отношении к изучению юриспруденции и народного права Англия резко отличается от всех европейских государств. Английские университеты, состоявшие первоначально под ведением туземного духовенства, никогда в своих стенах не давали приюта юридическим наукам, и юриспруденция, со всеми своими отраслями, преподавалась в этих Inns of Court, которые все сосредоточены в столице подле судебных мест, courts of law. Начало этих учреждений относят к царствованию Генриха III. *Прим. перев.*

в ночное время смешивается с благовонными испарениями от мокрых шинелей, разопрелых зонтиков и ароматом сальных огарков.

Недели через две по возвращении в Лондон м-ра Пикквика и его друзей, в половине восьмого по полудни, в одну из этих контор явился интересный джентльмен в сером фраке и медных пуговицах с иероглифическими гербами. Его длинные, светлые, напомаженные волосы весьма искусно были подпратаны под поля обветшалой шляпы, и еще искуснее перетягивались через блюхеровские сапоги его узенькие гультики, из которых, по-видимому, колени его готовы были выскочить каждую минуту. Интересный джентльмен вынул из своего фрачного кармана длинный и узкий сверток пергамента и подал его, с подобающим почтением, маститому президенту, заседавшему за главным столом. Немедленно маститый президент напечатлел на пергаменте черный штемпель, в котором человеческий глаз, при всех усилиях, не мог разобрать никакой фигуры. Затем интересный юноша с напомаженными волосами вынул еще четыре лоскутка бумаги, где содержались четыре печатных копии пергамента с пробелами, оставленными для включения имен. Заполнив эти бланки, он осторожно положил в карманы все пять документов, расшаркнулся своими блюхеровскими сапогами, поклонился и вышел вон из трущобы. Этот интересный джентльмен с кабалистическими документами в карманах был не кто другой, как наш старинный знакомец, м-р Джаксон, письмоводитель господ Додсона и Фогга, которых собственная контора находилась на углу Корнгилля. Вместо того, чтобы воротиться с деловым отчетом к своим патронам, он прямо направился быстрыми шагами в гостиницу «Коршуна и Джорджа» и осведомился, не здесь-ли проживает некто Пикквик.

– Томми, позовите сюда слугу м-ра Пикквика, – сказала буфетчица «Коршуна и Джорджа».

– Не извольте беспокоиться, сударыня, – сказал м-р Джаксон: – я пришел по делам, не требующим отлагательства. Будьте так добры, прикажите мне показать комнату м-ра Пикквика, и я войду сам.

– Как вас зовут, сэр? – спросил трактирный слуга.

– Джаксон, – отвечал клерк.

Слуга взбежал наверх, чтобы доложить о приходе м-ра Джаксона; но м-р Джаксон избавил его от этого труда: он вошел в комнату вместе с ним и не дал ему проговорить ни одного слова.

В этот день м-р Пикквик пригласил к себе на обед своих трех друзей. Они с большим комфортом сидели вокруг камина и прихлебывали вино из стаканов, когда вошел м-р Джаксон.

– Здравствуйте, сэр, – сказал м-р Джаксон, слегка кивая головой ученому мужу. – Как ваше здоровье, сэр?

М-р Пикквик машинально поставил свой стакан на стол и бросил изумленный взгляд на нежданного пришельца: его память не удержала ни одной черты из физиономии м-ра Джаксона.

– Я пришел по известному вам делу от господ Додсона и Фогга, – сказал м-р Джаксон пояснительным тоном.

При этом имени невольная дрожь пробежала по всему организму ученого мужа.

– Извольте, сэр, идти к моему адвокату, м-ру Перкеру: вы знаете, где он живет, – сказал м-р Пикквик. – Проводите этого джентльмена, – прибавил он, обращаясь к трактирному слуге.

– Прошу извинить, м-р Пикквик, – сказал Джаксон, укладывая свою шляпу на пол и вынимая из кармана пергаментный сверток: – Личная служба, публичная обязанность письмоводителя или агента в подобных случаях, вы понимаете, м-р Пикквик? Честный гражданин немеет перед законом, и там, где соблюдены все законные формы... вы понимаете, сэр?

Здесь м-р Джаксон, бросив взгляд на пергамент, облокотился руками на стол и взглянул на всю компанию с победоносной улыбкой.

– Мы не станем терять напрасно слов, милостивые государи, – сказал м-р Джаксон, – позвольте узнать прежде всего, кто из вас носит фамилию Снодграса?

При этом вопросе м-р Снодграс припрыгнул на своем стуле, и это энергичное движение послужило для сметливого письмоводителя весьма удовлетворительным ответом.

– А! я так и думал, – сказал м-р Джаксон ласковым тоном. – До вас у меня тоже небольшое дельце... не извольте беспокоиться, сэр.

– До меня! – воскликнул м-р Снодграс.

– Вот вам *subroena*, т. е. приглашение явиться в суд в качестве свидетеля по делу вдовы Бардль и ответчика Пикквика, – продолжал м-р Джаксон, вынимая шиллинг из жилетного кармана. – Заседание по этому делу назначается четырнадцатого февраля, и это будет специальный суд присяжных. Это собственно вам принадлежит, м-р Снодграс: извольте получить. У меня еще девять приглашений.

Говоря это, м-р Джаксон уставил пергамент против глаз м-ра Снодграса и вложил шиллинг в его руку.

М-р Топман между тем смотрел с безмолвным изумлением на таинственные действия письмоводителя. Вдруг Джаксон обернулся к нему и сказал:

– Кажется, я не ошибусь, сэр, если осмелюсь назвать вас м-ром Топманом?

М-р Топман взглянул на м-ра Пикквика; но, не заметив в чертах этого джентльмена никакого предостерегающего выражения, объявил скороговоркой:

– Да, фамилия моя – Топман.

– А другой джентльмен подле вас, без сомнения, – м-р Винкель? – спросил Джаксон.

М-р Винкель пролепетал утвердительный ответ. Не входя далее ни в какие объяснения, расторопный письмоводитель вручил им обоим по свертку бумаги и по шиллингу.

– Может быть, я вам несколько наскучил, господа, – продолжал м-р Джаксон, – но уж заодно прошу извинить: у меня тут вписано еще имя м-ра Самуэля Уэллера, м-р Пикквик.

– Пошлите сюда моего слугу, – сказал м-р Пикквик, обращаясь к трактирному слуге.

Озадаченный слуга поспешил исполнить полученное приказание.

– Не угодно-ли вам присесть, м-р Джаксон, – сказал м-р Пикквик.

Письмоводитель сел. Друзья в изумлении смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Наконец, м-р Пикквик прервал молчание таким образом:

– Поведение ваших принципалов, сэр, служит непроницаемой загадкой для всякого честного гражданина; но в этом случае, если не ошибаюсь, Додсон и Фогг намерены употребить против меня свидетельство моих собственных друзей. Так или нет?

Джаксон приставил указательный палец к левой стороне своего носа, желая показать таким образом, что юридические тайны глубоко погребены в его мозгу. Потом он сказал:

– Не знаю, сэр. Мое дело – сторона.

– Какую же другую цель, сэр, могут иметь все эти требования? – продолжал м-р Пикквик.

– Цели могут быть совсем особенные, – возразил Джаксон, – но это до меня не касается.

Спрашивать можете сколько вам угодно; но моя обязанность – молчать.

Здесь м-р Джаксон улыбнулся еще раз на всю компанию и принялся выделять свою левою рукою таинственные жесты без всякого определенного значения и смысла.

– Да, милостивые государи, – сказал он в заключение, – клерки господ Додсона и Фогга могут, конечно, иметь свои, более или менее, достоверные, догадки насчет подобных приглашений; но вы всего лучше сделаете, м-р Пикквик, если с терпением будете ожидать правосудия, которое, смотря по обстоятельствам и следуя требованиям закона, может обвинить или оправдать вас.

М-р Пикквик бросил взгляд невыразимого презрения на своего ненавистного гостя, и уж из уст его готово было исторгнуться страшное проклятие на главы господ Додсона и Фогга, как в это самое мгновение в комнату вошел его слуга, и проклятие осталось непроизнесенным.

– Самуэль Уэллер? – сказал м-р Джаксон вопросительным тоном.

– К вашим услугам, сэр, если вам приятно удостоить меня своим знакомством.

– Вот вам subroena, м-р Уэллер.

– А как это по-английски, смею спросить?

– Приглашение явиться в суд, и с ним – шиллинг. Извольте получить, м-р Уэллер. Это вам от Додсона и Фогга.

– Недурно. Стало быть, господа Додсон и Фогг посылают мне подарок через ваши руки? Это делает им честь, и, признаюсь, этого я не ожидал от таких джентльменов, как Додсон и Фогг. Свидетельствуйте им от меня нижайшее почтение и скажите, что я готов с превеликим аппетитом пить за их здоровье огуречный рассол.

Говоря это, м-р Уэллер лукаво подмигивал старшине глазами и немилосердно комкал в руках бумагу, полученную от письмоводителя.

Исполнив свое дело, м-р Джаксон сделал вид, будто надевает перчатку, которую, ради приличия, держал всегда в своей руке, и потом, сделав учтивый поклон, юркнул из дверей. Через полчаса он был уже в своей конторе перед лицами господ Додсона и Фогга.

В эту ночь м-р Пикквик спал очень дурно, и его воображение беспрестанно рисовало ненавистный образ вдовы Бардль вместе со всеми кляузами и крючками, придуманными и пущенными в ход на его погибель. Поутру на другой день, после завтрака, он, в сопровождении своего слуги, отправился к Грейскому скверу в гостиницу «Лебеда», где жил его адвокат.

– Самуэль! – сказал м-р Пикквик, озираясь кругом, когда они достигли до конца Чипсайда.

– Что вам угодно, сэр?

– Куда теперь идти?

– В Ньюгетскую улицу.

Но, продолжая стоять на одном месте, м-р Пикквик испустил глубокий вздох и тоскливо взглянул на лицо своего слуги.

– О чем вздыхаете, сэр? – спросил Самуэль.

– Да так, мой друг, что-то взгрустнулось, – отвечал м-р Пикквик. – Этот проклятый суд назначен, кажется, на четырнадцатое число будущего месяца?

– На четырнадцатое февраля, сэр, – сказал Самуэль, – выбор удивительно замечательный.

– Отчего же замечательный?

– Да ведь это, сэр, валентинов день¹⁰, и вы, конечно, знаете, что Валентин шутить не любит, когда дело идет о наказании преступного любовника.

Улыбка м-ра Уэллера не пробудила ни малейшего луча веселости в душе ученого мужа. М-р Пикквик круто повернул в Ньюгетскую улицу и, повесив голову, безмолвно продолжал свой путь.

Так они прошли около четверти версты, думая каждый о своих собственных делах. Самуэль все время держался в нескольких шагах от своего господина; но вдруг ему пришла счастливая мысль сообщить старшине весьма интересный анекдот, возникший в его душе вследствие естественного сцепления идей, пробужденных видом внешних предметов. В мгновение ока он догнал ученого мужа и, указывая ему на дом, мимо которого они проходили, сказал:

– Видите вы эту колбасную лавку?

– Вижу.

– Это, сэр, знаменитая фактория сосисек.

¹⁰ День Валентина – английский народный праздник, когда, по народному присловию, каждая голубка промышляет для себя голубка девушка, встретив в этот день первого мужчину, называет его своим Валентином: мужчина в свою очередь называет своей Валентиной первую девушку, которую удалось ему увидеть. Разумеется, между любовниками такие встречи устраиваются заранее, и Валентин обыкновенно женится на своей Валентине. Приветствия, подарки и письма, полученные в этот день, называются также валентиновскими.

– Право?

– Я вам говорю. Года за четыре на этом месте произошла удивительная оказия.

– Какая?

– Не случилось-ли вам слышать, как однажды исчез, неизвестно куда, почтенный джентльмен, торговавший ветчиной и колбасой в огромном размере?

– Его убаюкали, Самуэль, *заборковали*¹¹, может быть? – спросил м-р Пикквик с беспокойством.

– Нет, сэр, – отвечал м-р Уэллер, – и я вам осмелюсь доложить, что бывают на свете предиковинные вещи. Джентльмен этот, сэр, был хозяином вот этой самой колбасной, которую вы видите. Он изобрел для своего ремесла патентованную паровую машину, где, так сказать, в одно мгновение ока, огромнейшие камни могли растираться посредством чудодейственного жернова в мельчайший порошок и превращаться в сосиски первейшего сорта. Он выхлопотал даже привилегию на свои патентованные сосиски. Он гордился своим изобретением и смотрел, бывало, по целым часам, как работает его хитрая машина, приготавливая удивительные завтраки для джентльменских желудков. Вообще, сэр, он был совершенно счастлив и этою машиною, и двумя курчавыми мальчишками, которые бегали вокруг, называя его своим милым папашей; но беда в том, что судьба навязала ему на шею ехидную жену, отравлявшую весь этот домашний комфорт. От криков этой ведьмы дрожал, бывало, весь дом и дребезжали стекла, как от землетрясения. – «Послушай-ка, ты, моя душенька, – говорит однажды горемычный муж, потерявший всякое терпение, – если ты будешь продолжать эту потеху, говорит он, я уеду в Америку, чтоб отвязаться от тебя. Помяни мое слово». – «По мне, пожалуй, ты можешь провалиться сквозь землю, – говорит жена: – посмотрю я, как американцы уживутся с таким шайтаном» Затем она еще пуще окрысилась на бедного мужа, побежала в столовую и начала вопить во всю улицу, что вот, дескать, гадкий муж собирается отправить ее на тот свет и что ей давно житья нет в собственном доме. Эта комедия продолжалась часа три, до тех пор, пока её глаза закатились под лоб и она со всего размаха грянулась на пол, брыкаясь при этом и руками, и ногами. Очень хорошо-с. На другой день супруг её пропал. Он не взял ни денег из хозяйственной кассы, ни запасного платья из своего гардероба: стало-быть, он не уехал в Америку. На другой день он не воротился, и так прождали его напрасно целую неделю. Хозяйка напечатала объявление в газетах, публично извещая, что она во всем готова простить своего мужа, как скоро он придет домой. Такое объявление, конечно, делало ей великую честь, тем более, что муж, собственно говоря, ни в чем не был виноват перед ней; но и после этой уловки он все-таки не воротился. Напрасно искали его во всех каналах и напрасно, два месяца сряду, приносили к дверям колбасной лавки трупы всех утопленников и удушенных: ни один труп не представил ни малейшего сходства с пропавшим мужем, и соседи мало-помалу успокоились в том предположении, что колбасник пропал без вести. – «Туда ему и дорога», сказала неутешная супруга и, отложив всякие попечения, принялась торговать сосисками и колбасами. Однажды вечером приходит в её лавку пожилой худощавый джентльмен и спрашивает сердитым голосом: – «Вы, что ли, содержательница этой лавки?» – Я, – говорит она, – чего вам угодно? – «Я пришел, сударыня, – говорит он, – потребовать от вас отчета, за какие напасти намерены вы подавить своими проклятыми сосисками меня и все мое семейство? И кто вам сказал, сударыня, что медные пуговицы с гербами обойдутся вашей торговле дешевле свиного мяса?» – Как пуговицы! – говорит она, – объяснитесь, милостивый государь. – «Нечего тут объяснять, – говорит пожилой джентльмен, развертывая клочок оберточной бумаги, где было штук двадцать или тридцать

¹¹ За несколько лет перед этим, между английскими мошенниками распространился особый промысел, невиданный и неслыханный нигде – убивать людей с тою единственною целью, чтоб продавать их трупы в анатомические театры для медицинских операций. В этом ремесле особенную известность заслужил некто Burke, Ирландец, которого, наконец, поймали и казнили в 1829 году. От имени его англичане сделали глаголь to burke, борковать, то есть, убивать людей для анатомического театра. *Прим. перев.*

пуговичных половинок, – какой черт, сударыня, надоумил вас приправлять пуговицами эти проклятые сосиски? Хороша начинка!» – Ах! ах! это пуговицы моего супруга! – кричит вдова, и тут же с нею делаются страшные истерические корчи. – «Что это значит?» – визжит пожилой джентльмен, побледневший, как полотно. – Все теперь ясно для меня! – визжит вдова. – Муж мой, в припадке безумия, превратил себя самого в сосиски!

– И это, сэр, была сущая правда, – заключил м-р Уэллер, устремив пристальный взгляд на испуганную физиономию м-ра Пикквика, – только до сих пор в общем мнении остается под спудом, сам-ли он бросился в свою патентованную машину, или кто-нибудь его пихнул. Достоин замечания, сэр, что пожилой сухощавый джентльмен, страстный любитель сосисек, не мог с этой поры даже слышать о них.

Вскоре после этого трогательного повествования господин и слуга прибыли в квартиру м-ра Перкера. Лоутон, главный его конторщик, стоял подле приотворенной двери, разговаривая весьма небрежно с каким-то горемыкой в истасканном сюртуке, в сапогах без подошв и в перчатках без пальцев. Во всех чертах его тощего лица ярко отражались следы продолжительных страданий, и он, по-видимому, живо чувствовал свое крайнее унижение, потому что тотчас же отпрянул назад в темный угол, как скоро завидел нового пришельца.

– Как это жаль... право, – сказал незнакомец с глубоким вздохом.

– Конечно, жаль, – повторил Лоутон, выводя своим пером какие-то каракули на косяке двери. – Не хотите-ли заочно передать ему ваше поручение?

– А когда, примерно сказать, он должен воротиться назад? – спросил незнакомец.

– Не знаю, право, – отвечал Лоутон, делая мистические знаки м-ру Пикквику, когда незнакомец потупил свои глаза.

– И вы полагаете, что мне было бы бесполезно дожидаться его здесь? – продолжал незнакомец, тоскливо посматривая на дверь конторы.

– О, да, я в этом совершенно уверен, – отвечал конторщик, продолжая рисовать каракули на косяке. – На этой неделе уже нечего ждать, а, пожалуй, может случиться, он не воротится и на будущей неделе, потому что вообще, уезжая за город, Перкер никогда не торопится возвращением домой. Уж таков его обычай.

– Как? Он за городом! – воскликнул м-р Пикквик. – Боже мой, что-ж теперь нам делать?

– Не уходите, м-р Пикквик, – сказал Лоутон, – у меня для вас письмо.

Переминаясь с ноги на ногу, незнакомец еще раз потупил глаза в землю, и в это мгновение сметливый конторщик бросил многозначительный взгляд на ученого мужа, давая таким образом знать, что он разыгрывает плутовскую роль, которой однако ж м-р Пикквик не мог постигнуть.

– Войдите, м-р Пикквик, прошу покорно, – сказал Лоутон. – Что-ж, вы оставите какое-нибудь поручение, м-р Уатти, или потрудитесь завернуть в другой раз?

– Будьте так добры, попросите его сказать, что там у них сделано по-моему делу, – сказал незнакомец умоляющим тоном: – да, ради Бога, не забудьте этого, м-р Лоутон, – ведь от этого зависит судьба целого семейства.

– Нет, не забуду, положитесь на меня, – отвечал конторщик.

– Войдите, м-р Пикквик. Прощайте, м-р Уатти; вы, верно, пройдетесь по бульвару; погода превосходная, не так ли?

Но так как незнакомец все еще медлил и был, очевидно, в нерешительном положении, то м-р Лоутон без церемонии захлопнул дверь в ту минуту, как Самуэль Уэллер успел войти в контору за своим господином.

– Уф, надоел, проклятый! – сказал Лоутон, бросая перо на стол, с видом оскорбленного человека. – В жизнь не видал такого неотвязчивого банкрота! Его дела уж года четыре лежать у нас под спудом, а он, чего доброго, еще снова притащится сюда недели через две. Такой неотвязный, право! Пожалуйте сюда, м-р Пикквик. Перкер дома и, разумеется, будет рад вас

видеть. С этим банкротом – можете вообразить! – я проваландался у дверей минут двадцать и промерз чуть не до костей.

Говоря это, конторщик поворочал уголья в камине и потом, бросив кочергу, пошел в комнату своего принципала; м-р Пикквик последовал за ним.

– А, это вы, почтеннейший, – воскликнул м-р Перкер, шумно приподнимаясь со своего стула. – Ну, почтеннейший, как идут ваши дела? Нет-ли чего новенького насчет наших приятелей в Корнгилле? Додсон и Фогг, я слышал, держали ухо остро. О, это славные ребята, я знаю!

Говоря это, маленький адвокат засадил в нос огромную щепоть табака, как будто в доказательство своего почтения к искусству господ Додсона и Фогга.

– Это отчаянные мошенники, – сказал м-р Пикквик.

– То есть, почтеннейший, вы смотрите на них со своей, джентльменской, точки зрения, не углубляясь в сущность юридического искусства, и по-своему вы правы, м-р Пикквик. Ну, и мы тоже не дремали все это время. Я завербовал на свою сторону сержанта¹² Сноббина.

– Хороший это человек? – спросил м-р Пикквик.

– Хороший человек? – возразил м-р Перкер. – Сержант Сноббин, почтеннейший, стоит, так сказать, выше всех юридических профессий. Он сделает втрое против всякого адвоката второй руки, и такого доки, смею уверить, не найти нам с вами на всем пространстве Трех Соединенных Королевств. Сержант Сноббин водит за нос всех этих судей, и уголовных, и гражданских.

Новая щепоть табака скрепила окончательно высокую рекомендацию адвоката.

– Они требуют в суд моих друзей, – сказал м-р Пикквик.

– Так и должно быть, отвечал Перкер, – Додсон и Фогг не прозевают этого случая. Дружья ваши могут быть отличными свидетелями, так как они видели вас в интересном положении.

– Но ведь она упала в обморок по собственной воле, – заметил м-р Пикквик, – она сама бросилась в мои объятия.

– Очень вероятно, почтеннейший, – возразил Перкер, – очень вероятно и даже очень естественно. Я, с своей стороны нравственно убежден, что иначе и не могло быть; но кто же это может доказать, почтеннейший?

– Они также требовали в суд моего слугу, сказал м-р Пикквик, приведенный в некоторое затруднение неожиданным вопросом своего адвоката.

– Самуэля? – сказал Перкер.

М-р Пикквик отвечал утвердительно.

– Ну, да, почтеннейший, это уж само собою разумеется. Я мог вам предсказать за целый месяц, что они не прозевают этого случая. Додсон и Фогг понимают свое дело. Я имел честь вам докладывать, почтеннейший, что благоразумный джентльмен отнюдь не должен вмешиваться в свое дело, как скоро он вверил его адвокату. Теперь вы сами должны отвечать за последствия, каковы бы они ни были.

Заклучив эту сентенцию, м-р Перкер вытянул с большим достоинством шею и стряхнул табак с воротников своей рубашки.

– Зачем же, скажите на милость, им понадобился мой слуга? – спросил м-р Пикквик после молчания, продолжавшегося две или три минуты.

– Но ведь вы послали его на свою прежнюю квартиру?

– Посылал.

– Из этого, на основании юридических соображений, прямо следует, что вы предлагали вдове Бардль мировую сделку, на которую она, разумеется, не согласилась. Впрочем, я не думаю, чтобы судьи могли что-нибудь вытянуть от вашего слуги.

¹² Так называется адвокат высшего разряда.

– И мне тоже кажется, – сказал м-р Пикквик, улыбаясь при мысли, что Самуэль должен будет свидетельствовать против него. – Что-ж мы будем делать?

– Да нам, почтеннейший, остается только одно: подвергнуть свидетелей вторичному допросу, положиться на красноречие Сноббина и бросить как можно побольше пыли в глаза судьям.

– Ну, а если приговор будет окончательно против меня? – сказал м-р Пикквик.

М-р Перкер улыбнулся, понюхал табак с продолжительными расстановками, помешал огонь кочергой, пожал плечами и обнаружил намерение хранить выразительное молчание.

– Неужели вы думаете, милостивый государь, что я должен, в таком случае, заплатить за убытки? – сказал м-р Пикквик, наблюдавший с напряженным вниманием эту многозначительную форму телеграфного ответа.

Перкер опять принялся без всякой видимой надобности мешать огонь и сказал:

– Не мудрено, почтеннейший, не мудрено.

– Нет, очень мудрено, и я объявляю вам заранее мое неизменное намерение – не подчиняться суду крючкотворов, – сказал м-р Пикквик выразительным тоном. – Да, Перкер, я не буду тогда отвечать ни на какие требования, и ни один пенни не перейдет из моего кармана в сундуки Додсона и Фогга. Это моя решительная, непреложная воля.

И в подтверждение этой непреложности м-р Пикквик ударил кулаком по столу.

– Очень хорошо, почтеннейший, очень хорошо, сказал Перкер. – Вы можете действовать по благоусмотрению.

– Конечно, могу, – отвечал м-р Пикквик скороговоркой. – Где живет сержант Сноббин?

– В Линкольнской Палате, на Старом сквере.

– Я желаю немедленно видеть его, – сказал м-р Пикквик.

– Видеть сержанта Сноббина! – воскликнул Перкер в припадке величайшего изумления. – Как это можно, почтеннейший! Видеть сержанта Сноббина! Да понимаете-ли вы, почтеннейший, что тут нужна особая консультация, требующая значительного времени и даже значительных издержек? Нет, нет, почтеннейший, и не думайте теперь о таком свидании.

Но м-р Пикквик решил непременно поставить на своем, и следствием его настойчивости было то, что не дальше, как через десять минут, адвокат и его клиент благополучно прилетели в контору великого сержанта Сноббина.

Это была довольно просторная комната с огромным письменным столом подле камина, украшенного вычурными фресками. Время и чернильные пятна почти совершенно уничтожили природный цвет материи, покрывавшей стол, но, после тщательного наблюдения, можно было догадаться, что это была первоначально фризковая материя зеленого цвета. На столе валялись многочисленные пачки бумаг, перевязанных красными снурками, и за столом сидел пожилой конторщик с полными и румяными щеками, обличавшими совершеннейшее состояние его здоровья. Джентльменский вид конторщика и массивная золотая цепь, украшавшая его грудь, свидетельствовали неоспоримо наглядным образом, что контора м-ра сержанта Сноббина имела обширнейшую и выгодную практику в юридических делах.

– Сержант у себя в кабинете, м-р Моллард? – спросил Перкер, предлагая свою табакерку к услугам джентльменского носа.

– Да, в кабинете, только он демонски занят, м-р Перкер, – отвечал конторщик. – Видите ли, какая тут пропасть бумаг, а он еще не успел подписать ни одной, хотя за юридические консультации мы уже давно получили деньги по всем этим пунктам.

Говоря это, м-р Моллард улыбнулся и запустил в свой нос огромную щепоть табака, как бы в доказательство своих юридических талантов.

– Вот это называется практикой! – сказал Перкер.

– Да, практика не совсем дурная, – сказал самодовольно конторщик, вынимая из своего кармана огромную серебряную табакерку, – от нас беспрестанно требуют мнений и советов.

– И вы, разумеется, излагаете на бумаге?

– Как же иначе? При этом, почтеннейший, должно вам заметить, что м-р Сноббин пишет таким почерком, которого сам черт не разберет, кроме меня. Поэтому я должен всегда переписывать его мнения, а за переписку... вы понимаете? Ха, ха, ха!

– Как не понимать, почтеннейший! – сказал м-р Перкер.

– С таким принципалом, смею сказать, вам не житье, а масляница. Ха, ха, ха!

При этом сержантский конторщик засмеялся опять, но засмеялся втихомолку тем внутренним, безмолвным смехом, который весьма не нравился ученому мужу. Если сердце ваше надрыдается от досады и тоски, вы вредите только самому себе; но как скоро вы смеетесь про себя, втихомолку, такой смех не предвещает ничего доброго вашим ближним.

– Как наши дела с вами, почтеннейший? – спросил Перкер. – Вы за мной не считаете старинного должка?

– Нет, не считаю.

– Жаль, не то я, пожалуй, сию минуту изготовил бы для вас векселек. Впрочем, и то сказать, при такой громаде наличных денег, какая вам нужна заботиться о старых должниках? Ведь у вас, почтеннейший, денег-то куры не клюют. Ха, ха, ха!

Эта выходка, по-видимому, пришлась как нельзя более по вкусу делового человека, и он захохотал опять своим таинственно безмолвным смехом.

– Однакож, знаете-ли что, почтеннейший м-р Моллард, – сказал Перкер, вдруг принимая степенный вид и отводя в сторону конторщика великого юриста, – вы должны уговорить своего принципала, чтоб он согласился теперь принять меня и моего клиента.

– Как! Неужели вы хотите видеть его лично? – воскликнул Моллард.

– Почему же нет, сэр? – подхватил м-р Пикквик, услышавший начало этих совещаний.

– А потому, сэр, что везде и во всем порядочный джентльмен обязан сообразоваться с заведенным порядком, – отвечал м-р Моллард. – Изложите свое дело на бумаге обстоятельно и подробно, и м-р Сноббин в свое время тоже даст вам на бумаге удовлетворительный ответ. Таков порядок юридической консультации. На личное свидание вы отнюдь не должны были рассчитывать, тем более, что для м-ра Сноббина драгоценна каждая минута.

М-р Перкер, между тем, бросил довольно строгий взгляд на ученого мужа и сказал многозначительным тоном:

– Я говорил вам, почтеннейший, и теперь повторяю снова и раз навсегда: всякий порядочный джентльмен, вверяя свое дело адвокату, должен положиться на него во всем, или адвокат не отвечает ни за что. Личное ваше вмешательство здесь неуместно и совершенно бесполезно.

Не делая никаких возражений, м-р Пикквик понурил голову и отправился в противоположный угол.

Прерванное совещание вновь началось между деловыми людьми. Долго беседовали они, нюхая табак и размахивая руками; м-р Пикквик уже не слышал больше ни одного слова, и сущность консультации осталось для него непроницаемой тайной. Моллард, по-видимому, убежденный неотразимыми доказательствами опытного адвоката, согласился, наконец, испросить для него аудиенцию у своего принципала. Он пошел в его кабинет и через минуту, возвращаясь оттуда на ципочках, возвестил Перкеру и м-ру Пикквику, что м-р Сноббин, принимая в уважение обстоятельства дела, соглашается, в виде исключения, дать им аудиенцию на самое короткое время.

М-р сержант Сноббин был поистасканный джентльмен лет сорока пяти или, может быть, пятидесяти, с желто-бледным лицом и впалыми щеками геморoidalного цвета. Его угрюмые и мутные глаза обличали в нем одного из тех неутомимых тружеников, которые посвящают свою жизнь головоломным кабинетным трудам, сухим, безжизненным, убивающим душу. Лорнет, висевший у него на черной широкой ленте, служил для постороннего наблюдателя несо-

мненным доказательством, что м-р Сноббин был близорук. Волосы были у него чрезвычайно редки и торчали клочками на его голове: это могло зависеть, во-первых, оттого, что почтенный юрист не имел привычки заботиться о своей прическе, а, во-вторых, оттого, что он целую четверть века носил судейский парик, который теперь висел подле него на деревянном гвозде. Следы свежей пудры на воротнике его фрака и дурно вымытый белый галстук, в измятом и скомканном виде торчавший на его шее, свидетельствовали, что м-р Сноббин, по возвращении из суда, еще не успел сделать приличной перемены в своем костюме. Остальные статьи его туалета обличали также высшую степень небрежности и неряшества, свойственных всем великим людям юридической профессии. Деловые книги с ременными застежками, груды бумаг разной величины и разных цветов, письма и конверты всевозможных форматов были разбросаны по всему пространству огромного стола без всякого покушения на комфорт и порядок. Кабинетная мебель страдала от чрезмерной ветхости английской болезнью; дверцы книжных шкафов подернулись плесенью и спокойно гнили на своих заржавелых петлях; пыль на коврах подымалась облаками при каждом шаге; оконные створы покрылись желтизной от дряхлости и грязи, и вообще все предметы в кабинете делового человека свидетельствовали неоспоримым образом, что м-р сержант Сноббин, погруженный телом и душою в свои головоломные занятия, не обращал ни малейшего внимания на внешние удобства жизни.

При входе клиентов он писал, и перо его скрипело немилосердно, быстро перебегая от одной строки к другой. Когда Перкер поклонился и представил его вниманию своего клиента, м-р Сноббин осторожно воткнул в чернильницу свое перо, пригласил гостей садиться и, погладив свою левую ногу, сделал знак, что они могут говорить.

– Имя моего клиента – Пикквик, – начал Перкер, сделав предварительно подобострастный поклон.

– Ну?

– Он ответчик по делу вдовы Бардль.

– Ну?

– Вам, кажется, известны отчасти подробности этого дела.

– Меня ангажировали защищать его на специальном суде присяжных?

– Так точно.

– И деньги внесены в мою контору?

– Все сполна.

Сержант понюхал табаку и приготовился ожидать дальнейших объяснений.

– Прежде, чем вы окончательно примете на себя официальную обязанность нашего защитника, сэр, – сказал Перкер, – м-р Пикквик желает лично вас удостоверить, что жалоба против него, с нравственной точки зрения, не имеет ни малейших оснований и он идет на суд с чистым сердцем и чистыми руками; в противном случае, если б на совести его лежало какое-нибудь пятно, он бы прекратил этот процесс в самом начале, удовлетворив справедливым требованиям вдовы Бардль. Так-ли я излагаю ваши мысли, почтеннейший? – заключил маленький адвокат, обращаясь к м-ру Пикквику.

– Совершенно так, – отвечал м-р Пикквик.

Вооружившись очками, сержант Сноббин осмотрел ученого мужа с ног до головы, при чем едва заметная улыбка проскользнула по его морщинистому лицу. Затем, обращаясь к Перкеру, он проговорил:

– Запутанное дело?

Перкер пожал плечами.

– Вы намерены пригласить свидетелей?

– Нет.

Улыбка на лице сержанта приняла более определенный смысл. Он энергически погладил свою ногу и потом, облокотившись на спинку кресел, кашлянул два-три раза с выражением очевидного сомнения.

Эти зловещие признаки отнюдь не ускользнули от внимания ученого мужа. Сделав судорожное движение, он поправил очки на своем носу и, несмотря на предостерегательные жесты Перкера, сам обратился к великому юристу с выразительной речью:

– Я не сомневаюсь, сэ, что мое желание воспользоваться в настоящем случае вашею опытностью и талантами может для такого джентльмена, как вы, показаться странным и даже необыкновенным.

М-р Сноббин обнаружил готовность принять степенный вид, но улыбка опять незаметно пробежала по лицу его.

– Джентльмены вашей профессии, сэ, – продолжал м-р Пикквик, – видят по большей части изнанку человеческой природы, и перед вами, во всей наготе, открывается её дурная сторона. Как судья и адвокат, вы знаете по собственному опыту, как часто судьба честного человека зависит от юридических эффектов. Почем знать, может быть, даже вам, сэ, случилось употреблять обоюдоострое оружие закона против особ, совершенно непорочных и чистых перед судом своей собственной совести. Само-собою разумеется, вы, как и другие великие юристы, увлекаетесь в подобных случаях единственным желанием облагодетельствовать своих клиентов, не обращая внимания на то, что они, может быть, руководствуются исключительно эгоистическими побуждениями, заглушающими в них врожденное чувство совести и долга. Вот почему в общем мнении почтенное сословие юристов считается подозрительным, недоверчивым и даже криводушным. Имея в виду все эти соображения, я был бы, конечно, не в праве сетовать, если б вы, в свою очередь, подозревали во мне, как в будущем своем клиенте, низкие побуждения и мысли, недостойные честного джентльмена; тем не менее, однако ж, я считаю своей обязанностью рассеять такие подозрения, если уже они закрались в вашу душу. Итак, сэ, позвольте еще раз повторит вместе с моим адвокатом, что я совершенно невинен в этих гнусных кляузах, которые взводят против меня вдова Бардль и её бесчестные адвокаты. Знаю очень хорошо и заранее уверен, что содействие ваше на суде присяжных будет для меня бесценно; но если, сверх чаяния вы еще сколько-нибудь сомневаетесь в моем благородстве, я готов великодушно отказаться от вашей помощи и даже прошу вас покорнейше не принимать в таком случае никакого участия в моем деле.

Прежде чем м-р Пикквик добрался до половины своей речи, сержанта Сноббин перестал его слушать, и заметно было по всем признакам, что мысль его бродила далеко от назидательных сентенций, излагаемых ученым мужем. По-видимому, он совсем забыл о своих клиентах и уже снова взялся за перо, чтобы излить на бумагу юридические мнения, накопившиеся в его голове; но м-р Перкер снова пробудил его внимание, предложив к его услугам свою золотую табакерку.

– Кто-ж будет моим помощником в этом деле? – спросил Сноббин, нюхая табак.

– М-р Функи, – отвечал Перкер.

– Функи... Функи... никогда я не слыхал такой фамилии, – проговорил сержанта. – Это, должно быть, еще молодой человек.

– Да, он очень молод, – отвечал Перкер. – Он был в суде только один раз.

– Когда?

– Не помню хорошенько... этому, кажется, будет уже два или три года.

М-р Сноббин позвонил, и через минуту вошел в кабинет его конторщик.

– М-р Моллард, потрудитесь немедленно послать за господином... как, бишь, его?

– Функи, – подхватил Перкер. – Он живет в Гольборнской палате, на Грейском сквере.

Велите сказать, что я очень желаю его видеть.

М-р Моллард отправился исполнить возложенное на него поручение. Сержант Сноббин впал в задумчивость, из которой он вышел не прежде, как по прибытии самого м-ра Функи.

Это был совершенно взрослый и развитый мужчина огромного размера, хотя в деле юриспруденции он мог казаться совершенным младенцем. Обращение м-ра Функи отличалось чрезвычайной застенчивостью, и он говорил, беспрестанно заикаясь, что, впрочем, отнюдь не было его природным недостатком. Робкий, степенный и стыдливый, он сознавал свою юридическую неопытность и очень хорошо понимал, что его взяли здесь на подмогу за неимением лучшего юриста. Он трепетал перед сержантом и до крайности был вежлив с адвокатом ученого мужа.

– Кажется, я никогда не имел удовольствия вас видеть, м-р Функи, – сказал с надменным снисхождением сержант Сноббин.

М-р Функи поклонился. Он имел удовольствие видеть великого юриста и привык с детских лет завидовать его громкой славе.

– Если не ошибаюсь, вы назначены помощником моим в процессе вдовы Бардль против Пикквика? – сказал сержант.

Если б м-р Функи был философ в юридическом смысле, он не преминул бы при этом вопросе приставить ко лбу указательный палец и припомнить, точно-ли было к нему препровождено такое назначение в ряду других бесчисленных дел, которыми он постоянно был занят от раннего утра до глубокой ночи. Но невинный, как младенец, м-р Функи покраснел и поклонился в другой раз.

– Читали вы эти бумаги, м-р Функи? – спросил сержант.

На это следовало отвечать, что он еще не удосужился до сих пор вникнуть в сущность дела; но м-р Функи читал эти бумаги денно и ночью, только о них и думал и во сне и на яву с той поры, как его сделали несколько недель тому назад помощником сержанта, а потому ничего нет удивительного, если он теперь покраснел еще больше и поклонился в третий раз.

– Вот это м-р Пикквик, – сказал Сноббин, указывая пером на ученого мужа. – Познакомьтесь с ним.

М-р Функи поклонился м-ру Пикквику с тем глубоким почтением, с каким обыкновенно молодой юрист приветствует своего первого клиента. Затем он опять обратил свои взоры на сержанта.

– Вам, я полагаю, не мешает посоветоваться с м-ром Пикквиком, – сказал сержант. – Возьмите его с собой и постарайтесь внимательнее выслушать, что станет говорить м-р Пикквик. Консультация будет у нас после.

С этими словами м-р сержант Сноббин махнул рукой и, не обращая больше внимания на своих гостей, погрузился всей душой в огромную кипу бумаг, лежавших перед ним. В бумагах разбирался процесс великой важности относительно одного, умершего лет за сто, джентльмена, который осмелился запахать большую дорогу, ведущую к какому-то неизвестному пункту из другого, тоже неизвестного пункта.

М-р Функи никак не хотел первым выйти из дверей великого юриста и скромно потащился сзади, когда Перкер и его клиент, оставив кабинет, выбрались на площадь перед домом. Долго ходили они взад и вперед и долго рассуждали о процессе ученого мужа. Результат их конференции не имел положительного характера, и юристы остались при том мнении, что заранее никак нельзя угадать приговор суда присяжных. Хорошо, по крайней мере, то, что на их стороне был сержант Сноббин: это, утверждали юристы, должно было служить великим утешением для м-ра Пикквика.

После конференции, продолжавшейся около двух часов, м-р Пикквик забежал опять в квартиру своего адвоката, разбудил Самуэля, спавшего все это время безмятежным сном, и потом они оба отправились в Сити.

Глава XXXII

Холостой вечер в квартире Боба Сойера, студента хирургии.

Мир и тишина в квартале Боро, в улице Лант, разливают меланхолическое спокойствие на всякую чувствительную душу. Здесь вы всегда найдете целые десятки домов, отдаваемых внаймы за самую филантропическую цену. Дом в Лантской улице никак не подойдет, в строгом смысле слова, под разряд резиденций первого сорта; но тем не менее Лантская улица – самое вожаделенное место для всякого смертного с философской натурой. Если вы желаете уединиться от шумной толпы и удалить себя от соблазнов лукавого света, я готов, по чистой совести, рекомендовать вам Лантскую улицу, как единственное убежище в целом Лондоне, где вы иной раз не увидите ни одной человеческой души, хотя бы пришлось вам от утра до вечера просидеть у открытого окна.

В этом счастливом захолустьи приютились с незапамятных времен праздношатающиеся переплетчики и букинисты, дюжины две прачек, два-три тюремных агента по части неоплатных должников, небольшое количество домовладельцев, занятых работами на доках, пять-шесть модисток и столько же художников по части портняжного искусства. Большинство жителей промышленности преимущественно отдачею мебелированных покойчиков внаймы или посвящает свою деятельность здоровому и сердцекрепительному занятию мытья и катанья многосложных принадлежностей мужского и женского туалета. Главнейшие черты оседлой жизни в этой улице с её внешней стороны: зеленые ставни, билетики на окнах, медные дощечки на дверях и ручки колокольчиков на косяках; главнейшие виды животного царства: трактирный мальчик, юноша с горячими пирогами и бородатый муж с лукошком картофеля на своих могучих плечах. Народонаселение ведет кочевую жизнь и по большей части исчезает по ночам в конце каждой четверти года¹³. Казенные доходы собираются очень редко в этой уединенной долине, поземельная пошлина сомнительна, и водяное сообщение весьма часто прерывается.

М-рь Боб Сойер и неизменный друг его Бен Аллен сидели задумавшись перед камином в скромной квартире первого этажа. Был вечер, и они ожидали м-ра Пикквика с его друзьями. Приготовления к принятию гостей были, по-видимому, окончены. Зонтики из коридора были взяты и поставлены в темный уголок за дверью гостиной, шаль и шляпка хозяйской служанки не украшали более лестничных перил; на полочке перед наружной дверью были одни только калоши, забрызганные грязью. В коридоре на окне весело горела сальная свеча, озаряющая мрачный путь в квартиру студента медицины. М-р Боб Сойер самолично путешествовал за крепкими напитками в погреб иностранных вин и воротился домой сопровождаемый мальчиком, который, чтоб не ошибиться домом, шел по его следам с корзинкою бутылок. Горячий пунш, приготовленный в спальне, уже давно шипел в объемистом сосуде из красной меди; маленький столик для карточной игры, покрытый зеленым сукном, был поставлен в гостиной на приличном месте. Рюмки и стаканы, взятые на этот случай из ближайшего трактира и у хозяйки, были расставлены в симметрическом порядке на подносе, который скрывался до времени за дверью на площадке.

Но несмотря на эти в высшей степени удовлетворительные признаки домашнего комфорта, лоб м-ра Боба Сойера, сидевшего перед камином, был омрачен каким-то зловещим облаком думы, гнетущей его мозг. Выражение дружеской симпатии проглядывало также весьма резко в чертах м-ра Бена Аллена, когда он пристально смотрел на уголья в камине.

После продолжительного молчания, м-р Аллень открыл беседу таким образом:

¹³ Тогда, то-есть, когда надобно платить за квартиру. Дни трехмесячного срока в Лондоне расчисляются обыкновенно на 25-е марта 23-е июня, 29-е сентября и 25-е декабря. *Прим. перев.*

– Ну, да, это нехорошо, что она заартачилась как нарочно на этот случай. Что бы ей подождать до завтрашнего утра?

– Поди, вот, толкуй с ней, – отвечал м-р Боб Сойер: – если она разбушуетя, сам чорт ее не уломает. Презлокачественная натура!

– Ты бы ее как-нибудь подмаслил.

– Подмаслил, да что в этом толку? Она говорит, что если я сзываю гостей и намерен задавать балы, так мне, дескать, ничего бы не стоило уплатить ей «этот маленький счетец».

– Неужто она не понимает, что балы можно благоразумному джентльмену давать экономически, особыми средствами, не истратив ни гроша?

– Я говорил ей то же самое, да она решительно ничего не хочет слушать: наладила одно и то же!

– А сколько ты ей должен?

– Безделицу! Всего только за одну треть с небольшим, – отвечал м-р Боб Сойер, махнув с отчаяния обеими руками.

Бен Аллен кашлянул совершенно безнадежным образом и устремил пытливый взгляд на железные прутья каминной решетки.

– Неприятная история! – сказал наконец Бен Аллен. – Что, если ей вздумается при гостях снять дверь или выставить рамы! На что это будет похоже?

– Ужасно, ужасно! – проговорил Боб Сойер.

Послышался легкий стук в наружную дверь.

М-р Боб Сойер выразительно взглянул на своего друга, и вслед за тем в комнату просунула свою голову черномазая девочка в грязных стоптанных башмаках и черных бумажных чулках. Можно было подумать, что это – заброшенная дочь какого-нибудь престарелого поденщика, который всю свою жизнь сметал пыль с тротуаров и чистил сапоги прохожим.

– Прошу извинить, м-р Сойер, – сказала девочка, делая книксен. – М-с Раддль желает с вами переговорить.

Прежде, чем м-р Боб Сойер произнес свой ответ, девочка вдруг исчезла с такою быстротой как будто кто-нибудь вlepил ей сзади сильный толчок, и, едва только окончился этот мистический выход, послышался опять другой стук в дверь, сильный стук, красноречиво выразивший сентенцию следующего рода:

– Здесь я! Иду на вас!

Еще раз м-р Боб Сойер бросил беспокойный взгляд на своего друга и проговорил нерешительным тоном:

– Войдите!

Но позволение войти было, казалось, совершенно лишним. Лишь только м-р Боб Сойер произнес это слово, в комнату вломилась малорослая особа женского пола, с ухарскими ухватками и бледная от злости. Явление её предвещало неминуемую бурю.

– Ну, м-р Сойер, – сказала маленькая женщина, стараясь принять по возможности спокойный вид, – если вы потрудитесь покрыть теперь этот маленький счетец, я буду вам очень благодарна, потому что мне надобно сейчас отнести хозяину квартирные деньги. Хозяин дожидается меня внизу.

Здесь маленькая женщина принялась потирать руки и устремила через голову Боба Сойера пристальный взгляд на противоположную стену.

– Мне очень неприятно, сударыня, что я обеспокоил вас некоторым образом, – начал м-р Боб Сойер, – но...

– Ничего, м-р Сойер, – перебила маленькая женщина, – больших беспокойств тут не было. Деньги мне понадобились собственно нынешний день потому что я обещалась заплатить хозяину за прошлую треть. Мы с ним, знаете, на такой же ноге, как вы со мною. Вы обещались уплатить этот счетец сегодня вечером, м-р Сойер, и я не сомневаюсь, что вы, как честный

джентльмен, сдержите свое слово. Вы ведь не то, чтоб какой-нибудь надувало, м-р Сойер, – я это знаю.

Выразив это мнение, м-с Раддль закинула голову назад, закусила свои губы и принялась еще крепче потирать руки и пристальнее смотреть на противоположную стену. Это значило, как выразился впоследствии Боб Сойер, что хозяйка его «заводила паровую машину своей злобы».

– Право, мне очень совестно, – начал опять м-р Сойер чрезвычайно смиренным тоном, – но дело в том, сударыня, что со мною еще до сих пор продолжают непредвиденные неудачи в Сити. Терпеть я не могу это Сити. Как много людей в английском мире, которые всю жизнь встречают непредвиденные неудачи в этом странном месте!

– Очень хорошо, м-р Сойер, – сказала м-с Раддль, твердо становясь на пурпурные листья цветной капусты, изображенной на киддерминистерском ковре, – а мне-то, позвольте спросить, какая нужда до ваших неудач?

– Но уж теперь... право, м-с Раддль, не может быть никакого сомнения, что в половине будущей недели я обделаю аккуратно все свои дела. Тогда мы сквитаемся, и, авось, вперед уж не будет больше никаких недоразумений между нами.

Этого только и добивалась м-с Раддль. Она вломила в комнату студента именно за тем, чтоб дать простор своим взволнованным чувствам, и если б, сверх чаяния, м-р Сойер заплатил ей свои деньги, это, вероятно, озадачило бы ее чрезвычайно неприятным образом... Несколько предварительных комплиментов, сказанных на кухне м-ру Раддлю, совершенно приготовили ее к этой высоко-трагической сцене.

– Неужели вы думаете, м-р Сойер, – начала м-с Раддль, постепенно возвышая свой голос, так, чтоб на всякий случай могли ее слышать все ближайшие соседи, – неужели вы думаете, что я перебиваюсь со дня на день для того, чтоб держать в своей квартире тунеядца, который и не думает платить денег? Да разве одна тут квартира идет в расчет? Я покупаю для него яйца, сахар, масло, молоко, и ему не прожить бы без меня ни одного дня. Что-ж, сударь мой, долго-ли вы намерены рассчитывать на чужой карман? Неужто вы думаете, что трудолюбивая и работающая женщина, которая лет двадцать прожила на одной и той же улице... да, сударь мой, ровно двадцать без трех месяцев: десять лет насупротив через улицу и девять лет да девять месяцев с двумя днями в этом самом доме... неужто я должна распинаться из за каких-нибудь празднующихся бродяг, которые только и делают, что курят да пьянствуют, да повесничают, да собак бьют, вместо того, чтоб заняться каким-нибудь честным ремеслом? Неужели вы...

– Позвольте, сударыня, – перебил м-р Бенжамен Аллен.

– Вам что угодно? Можете побережь свои замечания для себя самого, – сказала м-с Раддль, внезапно приостанавливая быстрый поток своей речи и обращаясь к гостю своего постояльца с медленной и величественной торжественностью. – Я и не знала, сэр, что вы имеете какое-нибудь право ввязываться в чужой разговор. Вы, кажется, еще не нанимали моих комнат, сэр.

– Разумеется, не нанимал, – сказал м-р Бенжамен Аллен.

– Очень хорошо, – подхватила м-с Раддль, – в таком случае, молодой человек, продолжайте рубить и резать кости бедных людей в своем госпитале и держите язык свой за зубами, не то здесь найдутся особы, которые порасквитаются с вами, сэр.

– Ах, какая неразсудительная женщина, – пробормотал м-р Бен Аллен.

– Прошу извинить, молодой человек, – сказала м-с Раддль, с трудом удерживая новый припадок гнева, – не угодно-ли вам повторить, что вы сейчас изволили сказать?

– Ничего, сударыня, я не имел намерения вас обидеть, – отвечал Бен Аллен, уже начавший несколько беспокоиться на свой собственный счет.

– Прошу извинить, молодой человек, – повторила м-с Раддль громким и повелительным тоном. – Кого, сэр, вы назвали сейчас неразсудительной женщиной? Ко мне, что ли, вы относите это замечание, сэр!

– Что это за напасти, право! – проговорил м-р Бенжамен Аллен.

– Я спрашиваю вас еще раз, ко мне или нет относится ваше замечание, сэр? – перебила м-с Раддль, возвышая голос на целую октаву и растворяя настежь обе половинки наружной двери.

– Конечно к вам, – отвечал м-р Бенжамен Аллен.

– Ну, да, разумеется, ко мне, – сказала м-с Раддль, отступая постепенно к дверям и возвысив свой голос до самой верхней ноты, чтобы доставить живейшее удовольствие своему супругу, укрывавшемуся на кухне. – Разумеется, разумеется, и всему свету известно, что всякий шарамыжник может безнаказанно обижать меня в моем собственном доме, потому что муженек мой лежит себе, как байбак, не обращая никакого внимания на свою жену, как будто я у него то же, что собака на улице. Нет в нем ни чести, ни стыда (м-с Раддль зарыдала), ему и горя мало, что два головореза вздумали буяннить в его собственной квартире... злословить его жену... срамить... позорить... какая ему нужда? Он спит себе, негодный трус... боится глаза показать... трус... трус...

Здесь м-с Раддль приостановилась, желая, по-видимому, удостовериться, пробудился ли её горемычный супруг; но видя, что попытки её не произвели желанного эффекта, она медленно начала спускаться с лестницы, заливаясь горячими слезами. В эту минуту вдруг раздался громкий двойной стук в уличную дверь. Раддль застонала и зарыдала во весь голос, заглушая всякий шорох и движение на всем этом пространстве. Когда, наконец, стук, усиливаясь постепенно, повторился до десяти раз, она быстро прошмыгнула в свою комнату и неистово захлопнула дверь.

– Не здесь-ли живет м-р Соьер? – спросил м-р Пикквик, когда калитка отворилась.

– Здесь, – отвечала девушка, – в первом этаже. Взойдя на лестницу, поверните направо; – тут и есть.

Сделав это наставление, девушка, принадлежавшая, вероятно, к аборигенам этого захолустья, побежала на кухню со свечою в руках, совершенно довольная тем, что выполнила аккуратно все, что могли от неё требовать в подобном случае неизвестные пришельцы.

М-р Снодграс, которому досталось войти последним, принял на себя обязанность запечатать калитку железным болтом, что задержало его на несколько минут, так как болт не вдруг подчинился усилиям его неопытной руки. Затем почтенные друзья ошупью поплелись наверх, где их принял весьма радушно и учтиво м-р Боб Соьер, который, однако ж, побоялся сойти вниз из опасения наткнуться на неугомонную м-с Раддль.

– Здравствуйте, господа! – сказал горемычный студент. – Очень рад вас видеть. Поостерегитесь: тут стаканы.

Предостережение относилось к м-ру Пикквику, который собирался положить свою шляпу на поднос.

– Ах, что я делаю! – сказал м-р Пикквик. – Прошу извинить.

– Ничего, ничего, – сказал Боб Соьер. – Квартира, как видите, не совсем обширна; но вы этого должны были ожидать, когда собирались навестить молодого холостяка. Прошу покорно. С этим джентльменом вы уж, кажется, знакомы, если не ошибаюсь?

М-р Пикквик пожал руку Бенжамену Аллену, и этому примеру немедленно последовали его друзья. Лишь только они заняли свои места, послышался опять двойной стук.

– Это, я думаю, Джек Гопкинс, – сказал м-р Боб Соьер. – Тсс! Так и есть. Ну, Джек, пошевеливайся скорее.

По лестнице раздались тяжелые шаги, и чрез минуту в комнату вошел Джек Гопкинс. На нем был черный бархатный жилет с блестящими медными пуговицами и пестрая рубашка с белыми фальшивыми воротничками.

– Отчего так поздно, Джек? – спросил м-р Бенжамен Аллен.

– Задержали в клинике, – отвечал Гопкинс.

– Что нового?

– Ничего особенного. Два, три трупа и один переломанный субъект.

– Что? – спросил м-р Пикквик.

– Переломанный субъект. Кто-то, видите ли, упал из окна четвертого этажа, его подняли и привезли к нам в клинику. Случай весьма счастливый, и мы очень рады.

– Вы хотите сказать, что пациент у вас выздоровеет? – спросил м-р Пикквик.

– Нет, – отвечал Гопкинс беспечным тоном. – Нет, он умрет непременно, но завтра поутру у нас будет блистательная операция. Можно залюбоваться, когда делает операцию Слешер. Спектакль великолепный!

– Стало быть, м-р Слешер – хороший оператор? – сказал м-р Пикквик.

– Знаменитость! – отвечал Гопкинс. – Недавно он сделал ампутацию мальчику – нужно было отрезать ногу повыше колена. Что-ж вы думаете? Мальчик в продолжение операции скушал пять яблоков и тминную коврижку. Потом уже, когда все было кончено, он спросил преспокойно, долго-ли будут играть с его ногой? – А нога уж закупорена была в банку.

– Ах, Боже мой! – воскликнул м-р Пикквик, в величайшем изумлении.

– Э, полноте! Да это у нас нипочем, – возразил Джек Гопкинс. – Не правда ли, Боб?

– Трын-трава, – подтвердил м-р Боб Соьер.

– Кстати, Боб, – сказал Гопкинс, бросая едва заметный взгляд на внимательное лицо м-ра Пикквика, – вчера вечером у нас был прелюбопытный случай. В клинику привезли ребенка, который проглотил ожерелье.

– Проглотил что, сэр? – прервал м-р Пикквик.

– Ожерелье, – повторил Джек Гопкинс, – но, разумеется, не вдруг, – Это было бы слишком много и для вас, не только для ребенка. Так ли, м-р Пикквик? Ха, ха, ха!

М-р Гопкинс был, очевидно, в веселом расположении духа. Получив от ученого мужа утвердительный ответ и еще раз позабавившись над своею острою, он продолжал:

– Дело происходило вот как. Родители ребенка, о котором я имел честь доложить вам, люди бедные. Сестра его купила себе ожерелье – простое ожерелье из больших черных бус. Ребенок, до страсти любивший игрушки, подтибрил это ожерелье, спрятал, поиграл с ним, разрезал нитку, на которой были нанизаны бусы, и проглотил сперва одну бусу. Это показалось ему превосходною забавой, и на другой день он проглотил еще одно зерно.

– Ах, Боже мой! – воскликнул м-р Пикквик. – Какой страшный случай! Прошу извинить, сэр. Продолжайте.

– На третий день утром ребенок проглотил уже две бусы, а там, еще через день, угостил себя тремя, и так далее. В продолжение недели он скушал все ожерелье, ровно двадцать пять бус. Сестра, между тем, девушка сметливая, промышлявшая трудами своих рук, скоро догадалась, что пропало её ожерелье, которое, должно заметить, было почти единственным её сокровищем. Можете представить, что она выплакала все глаза, отыскивая свою драгоценность. Все поиски, разумеется, были бесполезны. Через несколько дней семейство сидело за столом и кушало жареную баранину под картофельным соусом. Ребенок был сыт, и ему позволили играть тут же в комнате. Вдруг послышался страшный шум, как будто от крупинки града. – «Что ты там возишься?» спросил отец. – «Я ничего, папенька», – отвечал ребенок. – «Ну, так перестань же» – сказал отец. Последовало кратковременное молчание, и затем в комнате опять поднялся страшный шум. – «Если ты не перестанешь, чертенок, – сказал отец, – я упрячу тебя в темный чулан на хлеб да на воду.» – И когда вслед затем он скрепил свою угрозу толчком,

шум и стукотня увеличились, по крайней мере, во сто раз. – «Тьфу ты, пропасть, – сказал отец, – эта суматоха чуть-ли не в нем самом». «Во мне самом, – подхватил ребенок, – я проглотил сестрицыно ожерелье». Ну, само собою разумеется, отец тотчас-же схватил ребенка и побежал с ним в госпиталь, а бусы, можете представить, забарабанили такую тревогу, что рото-зеи принялись тарашить свои глаза и вверх и вниз, желая разгадать, откуда поднимался такой необычайный шум. Этот интересный субъект теперь у нас в госпитале, – заключил Джек Гопкинс, – и его принуждены были закутать солдатскою шинелью, чтоб он не беспокоил других пациентов этим демонским шумом.

– Необыкновенный, страшный случай! – вскричал м-р Пикквик, ударяя по столу сжатым кулаком.

– О, это пустяки! – сказал Джек Гопкинс. – Не правда ли, Боб?

– Разумеется, пустяки, – отозвался м-р Боб Соьер.

– В нашей профессии, могу вас уверить, сэр, бывают иной раз довольно странные явления, – заметил Джек Гопкинс.

– Можно вообразить! – сказал м-р Пикквик.

За другим стуком в дверь вошел широкоголовый молодой человек в черном парике, а за ним появился скорбутный юноша с величайшими, тугонакрахмаленными брыжжами. Следующим гостем был джентльмен в ситцевой рубашке, украшенной розовыми якорями, и по следам его пришел бледный юноша, с огромными серебряными часами. Прибытие щеголеватого джентльмена в батистовой рубашке и лакированных сапогах довершило окончательным образом комплект ожидаемых гостей.

Вечер открылся приличным образом – стаканами пуншу, благоухавшего ромом и лимоном. Затем среди комнаты поставили зеленый фризový столик, и последующие три часа посвящены были ученым соображениям по части виста и бостона. Все шло чинно, и раз только, после одного роббера, вышла весьма незначительная размолвка, неимевшая, впрочем, никаких последствий: скорбутный юноша вступил в серьезный разговор с тем самым джентльменом, у которого грудь украшалась эмблематическими изображениями якорей надежды, и намекнул ему деликатно и тонко, что руки его чешутся непреодолимым желанием надавать, в некотором смысле, зуботычин всякому заносчивому джентльмену с якорями на ситцах, на что якорный джентльмен отвечал немедленно, что ладони его зудят лихорадочным стремлением «учинить выпляску» на жирных щеках скорбутистого молокососа. Тем дело и кончилось.

Когда, наконец, приведен был в известность окончательный результат всех робберов и пулек, м-р Боб Соьер, к удовольствию всех и каждого, объявил, что наступил приличный час для скромного ужина, изготовленного на холостую руку. Гости встали и разбрелись по углам, чтоб не мешать готовить ужин.

Но приготовления к ужину совершались отнюдь не с такою быстротой, как, может быть, воображает неопытный читатель. Надлежало прежде всего разбудить черномазую девицу, уснувшую на кухне за столом, – за этой церемонией прошло около десяти минут; но, хотя она встала и даже протерла глаза, – нужно было употребить еще четверть часа, чтобы разъяснить ей сущность дела. Человек, которого посылали за устрицами, к несчастью, не получил предварительного наставления откупорить их на самом месте, а известно, что откупоривать устрицы столовым ножом совсем не так удобно, как двузубой вилкой. Устриц достали весьма немного, и еще менее оказалось жареной говядины и ветчины, хотя мальчишка для закупки этой провизии был заблаговременно отправлен в «магазин германских сосисок». Зато портеру было вдоволь, и каждый с превеликим аппетитом кушал сыр, потому что портер был очень крепок. Таким образом ужин оказался вообще весьма удовлетворительным, и компания насытилась.

После ужина устроили жонку и подали несколько бутылок спиртуозных напитков. Гости закурили сигары и приготовились пить; но тут вышло одно довольно неприятное обстоятельство, обыкновенное на холостых квартирах. Между столовой посудой, взятой из трактира,

замешались четыре хозяйских стакана, заимствованные у м-с Раддль. Черномазой девице вдруг, ни с того ни с сего, пришло в голову отбирать эти стаканы для мытья, и на этот конец она обошла всю честную компанию, интересуясь знать, из какой посуды, хозяйской или трактирной, пил свой пунш тот или другой джентльмен. Это было нехорошо, даже очень нехорошо, потому что после этой церемонии отбирания четыре джентльмена остались вовсе без стаканов. К счастью, Боб Соьер, обнаруживая находчивость, редкую в этих случаях, вооружил джентльменов откупоренными бутылками и предложил каждому из них тянуть из горлышка, сколько душе угодно.

Между тем щеголеватый джентльмен в лакированных сапожках, уже давно изъяслявший бесполезную готовность потешить публику своим неистощимым остроумием, решил теперь, пользуясь удобным случаем, выставить себя в приличном свете. Лишь только черномазая девица унесла стаканы, он начал рассказывать длинную историю об одном политическом герое, которого фамилию он совсем забыл, хотя она вертелась у него на языке. Для пояснения дела он пустился в мелочные подробности относительно многих посторонних обстоятельств, тесно соединенных с настоящим анекдотом, которого, однако ж, он, как нарочно, никак не мог припомнить в эту минуту, хотя эту же самую историю он рассказывал более тысячи раз в последние десять лет.

– Это, однако ж, удивительно; ведь просто, если б вы знали, вертится на языке, а никак не поймаю, – сказал щеголеватый джентльмен в лакированных сапогах.

– Очень жаль, что вы забыли, – сказал м-р Боб Соьер, прислушиваясь между тем, как девушка стучала стаканами внизу, – очень жаль!

– Конечно, жаль, потому что, могу вас уверить, история презанимательная, – сказал щеголеватый джентльмен; – ну, да ничего, стоит подумать каких-нибудь полчаса, и я все припомню.

Наконец, к великому удовольствию хозяина, стаканы, подвергнутые операции вымывания, снова воротились из кухни. Лицо м-ра Боба Соьера быстро прояснилось, и он повеселел в одну минуту.

– Ну, Бетси, – вскричал Боб Соьер с величайшею живостью, – вы, я вижу, предобрая девушка, Бетси. Давайте нам горячей воды, живей!

– Нет горячей воды, – отвечала Бетси.

– Как нет?

– Нет, да и нет, – сказала девушка, делая головою такой отрицательный жест, который мог быть красноречивее всяких голословных возражений; – м-с Раддль запретила давать вам горячую воду.

Изумление, отразившееся яркими чертами на лицах всех гостей, сообщило хозяину новую бодрость.

– Послушайте, Бетси, принесите горячей воды, сейчас принесите, не то... – сказал м-р Боб Соьер с отчаянною суровостью.

– Неоткуда мне взять, – возразила черномазая девица, – м-с Раддль, перед тем, как ложиться спать, залила весь огонь в кухне и заперла котел.

– О, это ничего, ничего. Не извольте беспокоиться о такой безделице, – сказал м-р Пикквик, заметив борьбу страстей, выразившихся на лице отуманенного хозяина, – холодная вода, в этом случае, ничуть не хуже горячей.

– Я совершенно согласен с вами, – сказал м-р Бенжамен Аллен.

– Хозяйка моя страдает, господа, периодическим расстройством умственных способностей, – заметил Боб Соьер с кислою улыбкой. – Кажется, мне придется проучить ее немного.

– Ну, полно, стоит-ли хлопотать из-за этого, – сказал Бен Аллен.

– Очень стоит, – сказал Боб с мужественною решимостью; – заплачу ей свои деньги и завтра же постараюсь дать ей такой урок, которого она долго не забудет.

Бедный юноша! Чего бы он не сделал, чтоб быть вполне искренним в эту минуту!

Грозное настроение чувств и мыслей Боба Сойера сообщилось мало-помалу его гостям, которые теперь, для подкрепления своих сил, принялись с большим усердием за холодную воду, перемешанную пополам с ямайским ромом первейшего сорта. Влияние сердцекрепительного напитка обнаружилось в скором времени возобновлением неприязненных действий между скорбутным юношей и джентльменом в эмблематической рубашке. Сперва они хмурились и только фыркали друг на друга; но, наконец, скорбутный юноша счел своей обязанностью принять более положительные меры для выражения душевного презрения к своему врагу. Последовало объяснение следующего рода:

– Сойер! – сказал скорбутный юноша громким голосом.

– Что, Нодди?

– Мне очень неприятно, Соейр, – сказал м-р Нодди, – беспокоить чем-нибудь дружескую компанию, – особенно за твоим столом, любезный друг, очень неприятно; но я вынужден, скрепя сердце, объявить вам, милостивые государи, что м-р Гонтер – не джентльмен, и вы жестоко ошибались, если считали его джентльменом.

– Мне очень неприятно обеспокоить чем-нибудь жителей улицы, где живешь ты, Сойер, – сказал м-р Гонтер, – но, кажется, я принужден буду потревожить твоих соседей, выбросив из окна господина, который сейчас обращался к вам со своей дерзкой речью, милостивые государи.

– Что вы под этим разумеете, сэр? – спросил м-р Нодди.

– То самое, что говорю, – отвечал м-р Гонтер.

– Желал бы я видеть, как вы это сделаете, сэр, – сказал м-р Нодди.

– Вы через минуту *почувствуете* это на своих боках, сэр, – сказал м-р Гонтер.

– Не угодно-ли вам дать мне свою карточку, сэр. – сказал м-р Нодди.

– Вовсе не угодно, и вы не получите моего адреса, сэр, – отвечал м-р Гонтер.

– Отчего же?

– Оттого, что вы прибудете мою карточку над камином в своей квартире и будете хвататься перед гостями, будто джентльмен делает вам визиты, милостивый государь.

– Сэр, один из моих приятелей зайдет к вам завтра по утру, – сказал м-р Нодди.

– Хорошо, что вы сказали об этом заранее, благодарю вас, сэр, – отвечал м-р Гонтер, – я распоряжусь, чтоб служанка припрятала подальше мои серебряные ложки и другие вещи, которые легко укладываются в карман.

Неизвестно, чем бы кончился этот жаркий спор, если б хозяин и гости не приняли деятельного участия в примирении враждующих сторон, доказав им с удовлетворительным красноречием, что поведение их, во многих отношениях, предосудительно для всех порядочных людей. На этом основании м-р Нодди объявил во всеуслышание, что отец его такой же достопрочтенный джентльмен, как батюшка м-ра Гонтера. М-р Гонтер отвечал, в свою очередь, что его отец совершенно такой-же джентльмен, как батюшка м-ра Нодди, и что сын его отца ничем не хуже и даже, можно сказать, в тысячу раз лучше такого заносчивого молокососа, как м-р Нодди. Такая декларация могла служить естественным приступом к новой ссоре; но гости и хозяин, после некоторых затруднений, успели восстановить мировую окончательным образом и даже пробудили дружеские чувства в обоих джентльменах. М-р Нодди, выпив стакан мадеры, признался со слезами на глазах, что он всегда питал душевное уважение и глубокую преданность к м-ру Гонтеру. На это м-р Гонтер, опорожнив стакан пунша, объявил громко и торжественным тоном, что он всегда любил м-ра Нодди, как своего родного, единородного брата. Лишь только произнесены были эти слова, м-р Нодди быстро вскочил со своего стула и великодушно протянул руку м-ру Гонтеру, который, в свою очередь, поспешил заключить в свои братские объятия м-ра Нодди. Гости рукоплескали, и каждый признался, что оба джентльмена вели себя истинно достойным образом в продолжение всей этой ссоры.

– Теперь, господа, – сказал Джек Гопкинс, – я желал бы, для восстановления порядка, пропеть вам какую-нибудь из национальных песен.

И м-р Гопкинс, вдохновленный всеобщим *браво*, затянул изо всей мочи известную балладу:

Как поехал наш бандит
Во дремучие леса,
 Ай, люли, ай, люли,
Во дремучие леса.

Хор здесь, собственно говоря, составлял главнейшую эссенцию всей песни, и нужно было видеть, с каким напряжением горла и груди каждый из гостей вытягивал последнюю ноту припева. Эффект был великолепный.

Но лишь только хор успел вывести последнюю ноту третьего припева, м-р Пикквик вдруг поднял руку, как будто желая приостановить певцов, и, когда молчание восстановилось, он сказал:

– Тсс? Прошу извинить, господа, но мне кажется, будто наверху шумят.

Немедленно воцарилась глубочайшая тишина. М-р Боб Сойер побледнел.

– Так и есть: я опять слышу шум, – сказал м-р Пикквик, – потрудитесь отворить дверь.

И все сомнения исчезли в одну минуту, когда хозяин отворил дверь.

– М-р Сойер, м-р Сойер! – визжал женский голос с лестницы второго этажа.

– Черт несет мою хозяйку, господа, – сказал Боб Сойер, с беспокойством озираясь кругом, – да, это м-с Раддль.

– Что вы под этим разумеете, м-р Сойер? – отвечал скороговоркой пронзительный голос. – Мало вам не платить за квартиру и жить мошенническими средствами на чужой счет четыре месяца слишком: вы еще вздумали пьянствовать и дебоширничать до двух часов ночи. Куда вы запрятали свою совесть, м-р Сойер? Ведь от вас дребезжат стекла, и весь дом идет ходуном. Того и гляди, наедет пожарная команда: – вон, вон отсюда всех этих мерзавцев!

– В самом деле, как вам не стыдно, м-р Сойер? – сказал м-р Раддль, вошедший за своею супругой в халате и спальной ермолке.

– Толкуй вот тут с ними про стыд и совесть! – закричала м-с Раддль. – Тебе бы давно следовало прогнать арапником всю эту ватагу, храбрый ты человек!

– Я бы и прогнал, душечка, если б во мне было человек двенадцать, – отвечал м-р Раддль миролюбивым тоном, – но ты видишь, лапочка, что они превосходят меня численной силой.

– Уф, какой трус! – возразила м-с Раддль тоном самого решительного презрения. – Выгоните-ли вы этих негодяев, или нет? Я вам говорю, м-р Сойер, – заключила м-с Раддль, топая обеими ногами.

– Они уйдут, сударыня, уйдут сию-же минуту, – отозвался несчастный Боб. – Да, господа, уж не лучше-ли вам уйти, – продолжал он, обращаясь к своим гостям: – мне, в самом деле казалось, что вы уж чересчур пересолили.

– Ах, как это жаль! – сказал щеголеватый джентльмен. – Мы ведь только-что разгулялись: погодить бы еще полчаса!

Дело в том, что щеголеватый джентльмен начал мало-помалу припоминать интересную историю, которой ему не удалось рассказывать в свое время.

– Этого, однако ж, мы не стерпим, господа, – сказал отчаянный франт в лакированных сапогах.

– Разумеется, не стерпим, – отвечал Джек Гопкинс, – песню надобно докончить, Боб. С вашего позволения, господа, я затяну третий куплет.

– Нет, нет, Джек, перестань, пожалуйста, – сказал Боб Сойер, – песня превосходная, но мы уж dokonчим ее в другое время. Ведь беда, если она переполошит весь дом, – народ буйный, черть их побери!

– Послушай, Боб, чего тут робеть? – заметил Джек Гопкинс. – Одно слово, любезный, и я перебью все окна, повыломаю все двери, переломаю всю мебель. Ну, Боб, прикажи, душечка!

– Спасибо, любезный друг, спасибо за доброе расположение, – проговорил несчастный Боб Сойер, – я никогда не сомневался в твоей дружбе; но теперь, право, не лучше-ли нам покончить.

– Что-ж, м-р Сойер, скоро-ли уйдут эти скоты? – завизжал опять пронзительный голос м-с Раддль.

– Вот только дайте им отыскать свои шляпы, сударыня, – сказал Боб. – Сейчас они уйдут.

– Уйдут! – заголосила м-с Раддль, перегибаясь через лестничные перила в то самое время, как м-р Пикквик, в сопровождении Топмана, выходил из гостиной, – уйдут, а за каким дьяволом они приходили, смею спросить?

– Сударыня, – возразил м-р Пикквик, – позвольте вам заметить...

– Ах, ты, старый карапузик, и он туда же, – взвизгнула м-с Раддль, еще больше перегнувшись через перила. Ведь ты годишься в дедушки всем этим ребятам, пьянчужка ты забулдыжный! Прочь, прочь, негодный пузан!

Не находя приличным оправдываться перед взбешенной бабой, м-р Пикквик быстро выбежал за ворота, где немедленно присоединились к нему Топман, Винкель и Снодграс. М-р Бен Аллен, взволнованный и настроенный на печальный лад, проводил их до Лондонского моста и дорогой сообщил по секрету м-ру Винкелю, что он, Бен Аллен, намерен дать урок всякому джентльмену, который бы вздумал ухаживать за его сестрой Арабеллой, так как он уже давно предназначил её руку своему закадычному другу, Бобу Сойеру. Выразив таким образом эту отчаянную решимость, он залился горчайшими слезами и, махнув рукою, отправился в обратный путь на свою квартиру, до которой, однако ж, не суждено было ему добраться в эту ночь. Постучавшись без всякого успеха в двери двух или трех домов, он прилег, наконец, на крылечных ступеньках колбасной лавки, в твердой уверенности, что спит перед дверью своей комнаты, которую второпях не успел отпереть.

Проводив, таким образом, в угоду м-с Раддль, всех своих гостей, горемычный Боб Сойер остался один в своей комнате, подле недопитых пуншевых стаканов, и погрузился в горькое раздумье относительно вероятных событий наступающего утра.

Глава XXXIII

Мистер Уэллер старший сообщает критические замечания об одном литературном произведении и потом, с помощью своего возлюбленного сына, бросает грязь в лицо известному достопочтенному джентльмену с красным носом.

Читатели, может быть, припомнят, что утро тринадцатого февраля должно было предшествовать тому знаменитому дню, когда специальный суд присяжных определил окончательно рассмотреть процесс вдовы Бардль против почтенного президента Пикквикского клуба. Это было самое хлопотливое утро для камердинера ученого мужа. С девяти часов пополудни и до двух пополудни м-р Самуэль Уэллер путешествовал из гостиницы «Коршуна и Джорджа» в апартаменты м-ра Перкера и обратно. Никак нельзя сказать, чтобы предстояла особенная надобность в подобной беготне – юридическая консультация уже была окончена давным-давно, и вероятный способ действия в суде был определен и взвешен; но м-р Пикквик, доведенный до крайней степени тревожной раздражительности, беспрестанно отправлял к своему адвокату маленькие записки следующего содержания:

«Любезный Перкер, все-ли идет хорошо?»

В записках самого м-ра Перкера неизменно содержался один и тот же ответ:

«Любезный Пикквик, все как следует по возможности».

Дело в том, что до окончательного заседания в суде ничего не могло идти ни хорошо, ни дурно, и ученый муж тревожился напрасно.

Но кто из смертных избегал когда-либо этого тревожного состояния, как скоро нужно было первый раз в жизни, волею или неволею, явиться на специальный суд присяжных? – М-р Самуэль Уэллер, знакомый в совершенстве с общими слабостями человеческой природы, исполнял все предписания своего господина с тем невозмутимым спокойствием, которое составляло самую резкую и прекраснейшую черту в его оригинальной натуре.

Самуэль Уэллер сидел за буфетом, утешая себя прохладительным завтраком и обильными возлияниями горячительной микстуры, долженствовавшей успокоить его после продолжительных утренних трудов, как вдруг в комнату вошел молодой детина около трех футов в вышину, в волосяной фуражке и бумазейных шальварах, обличавших в нем похвальное честолюбие возвыситься со временем до степени конюха или дворника в трактире. Он взглянул сперва на потолок, потом на буфет, как будто отыскивая кого-нибудь для передачи своих поручений. рассчитывая весьма основательно, что поручение его могло относиться к чайным или столовым ложкам заведения, буфетчица «Коршуна и Джорджа» обратилась к нему с вопросом:

– Чего вам угодно, молодой человек?

– Нет-ли здесь одного человека, по имени Самуэля, – спросил юноша громким голосом.

– А как прозвище этого человека? – сказал Самуэль Уэллер, озираясь кругом.

– А мне почему знать? – отвечал скороговоркой молодой джентльмен, не снимая своей фуражки.

– Ох, какой же вы заноза, молодой человек, – сказал Самуэль, – только знаете-ли что?

– А что?

– На вашем месте я припрятал бы куда-нибудь подальше этот картуз. Волосы – вещь дорогая, понимаете?

Молодой детина скинул фуражку.

– Теперь скажите, любезный друг, – продолжал м-р Уэллер, – зачем вам понадобился этот Самуэль?

– Меня послал к нему старый джентльмен.

– Какой?

– Тот, что ездит на дилижансах в Ипсвичь и останавливается на нашем дворе, – отвечал молодой детина. – Вчера поутру он велел мне забежать в гостиницу «Коршуна и Джорджа», и спросить Самуэля.

– Это мой родитель, сударыня, – сказал м-р Уэллер, обращаясь с пояснительным видом к молодой леди за буфетом. – Ну, еще что, молодой барсук?

– А еще нынче в шесть часов пожалуйста в наше заведение, так как старый джентльмен желает вас видеть, – отвечал детина.

– Какое же это заведение?

– Трактир «Голубой дикобраз» на Леденгольском рынке. Угодно вам придти?

– Очень может быть, что и приду, – отвечал Самуэль.

Молодой детина поклонился, надел фуражку и ушел.

М-р Уэллер выхлопотал без труда позволение отлучиться, так как господин его, погруженный мыслью в созерцание коловратности человеческих судеб, желал остаться наедине весь этот вечер. Времени оставалось еще вдоволь до назначенного срока, и м-р Уэллер не имел никакой надобности торопиться на свиданье со своим почтенным отцом. Он шел медленно, переваливаясь с боку на бок и оглядываясь во все стороны с великим комфортом наблюдателя человеческой природы, который везде и во всем отыскивает предметы, достойные своей просвещенной любознательности. Так бродил он около часа, по-видимому, без всякой определенной цели; но, наконец, внимание его обратилось на картины и эстампы, выставленные в окнах одного магазина. Самуэль ударил себя по лбу, и воскликнул с не-обыкновенною живостью:

– Какой же я пентюх, черт побери! Ведь забыл, так-таки решительно забыл! Хорошо, что еще не поздно!

В то время как он говорил таким образом, глаза его были устремлены на картину, изображавшую два человеческие сердца, пронзенные одной стрелой. Крылатый купидон, пустивший стрелу, порхал над головами юноши и девы, которые, между тем, грелись у печки и готовили роскошный ужин. На заднем плане яркими красками обрисовывалась фигура дряхлой старухи, смеявшейся исподтишка над молодыми людьми. Все эти сюжеты, взятые вместе, составляли так называемую «Валентину», то-есть подарок в день Валентина, рекомендовавшийся молодым людям, если кто-нибудь из них желал запастись такою драгоценностью на четырнадцатое февраля. Объявление, прибитое к окну магазина, извещало почтеннейшую публику, что такие валентины продаются здесь в бесчисленном количестве по одному шиллингу и шести пенсов за штуку.

– Ну, признаюсь, – повторил Самуэль, – быть бы мне в дураках, если бы не эта картина. Забыл, совсем забыл!

Продолжая рассуждать с самим собою, он быстро вошел в магазин и потребовал лист самой лучшей золотообрезной бумаги и стальное остроконечное перо, за которое хозяин мог бы поручиться, что оно не будет брызгать. Снабдив себя этими принадлежностями, он отправился скорым шагом на Леденгольский рынок, не делая уже в продолжение своего пути никаких дальнейших наблюдений. Чрез четверть часа он увидел на воротах одного здания огромную медную бляху, где рука художника изобразила отдаленное подобие лазоревого слона, с орлиным носом вместо хобота. рассчитывая не без основания, что это и должен быть сам «Голубой дикобраз», м-р Уэллер вошел в трактир и спросил, здесь-ли его почтенный родитель.

– Нет еще; он должен быть здесь через час с небольшим, – сказала молодая женщина, управлявшая хозяйством «Голубого дикобраза».

– Очень хорошо, сударыня, – отвечал Самуэль. – Прикажите мне дать полбутылки коньяку, тепловатой водицы кружку, да еще чернильницу с хорошими чернилами. Слышите?

Отдав это приказание, Самуэль Уэллер засел в особую каморку, куда немедленно принесли ему и тепловатую водицу, и коньяк, и оловянную чернильницу с песочницей из такого же

металла. Первым его делом было расчистить маленький столик перед печкой, так, чтобы не осталось на нем ни малейших следов хлеба или соли. Потом он бережно развернул золото-обрезную бумагу, осмотрел перо, попробовал его на своем ногте, засучил обшлага своих рукавов, согнул локти и приготовился писать.

Дело известное, что начертание письма – труд весьма не легкий для тех людей, которые не имеют постоянной привычки обращаться практически с перьями и бумагой. Теория каллиграфии, которой они придерживаются, необходимо требует, чтобы писец склонил свою голову на левую сторону, привел свои глаза по возможности в уровень с самой бумагой, и складывал наперед своим языком буквы каждого слова, выводимого пером. Все эти способы, бесспорно, содействуют весьма много к составлению оригинальных произведений, но за то, в некоторой степени, замедляют успех писца, и Самуэль Уэллер провел более часа над своим маленьким посланием, не смотря на то, что план был заранее составлен в его умной голове. Он вымарывал, призадумывался, зачеркивал, писал снова и ставил огромные точки среди самых слов, так что смысл их, некоторым образом, исчезал в обильном количестве чернил. При всем том, дело уже подвигалось к концу, когда дверь отворилась и на пороге каморки появилась дюжая фигура старика.

– Здравствуй, Самми, – сказал старец.

– Здравия желаем, старичина, – отвечал Самуэль, укладывая свое перо. – Ну, что, как поживает мачиха?

– Так же, как и прежде. Ночь провела спокойно; – но поутру принялась опять блажить, как будто окормили ее дурманом, – отвечал м-р Уэллер старший.

– Стало быть, ей не лучше? – спросил Самуэль.

– Хуже, любезный друг, – отвечал отец, покачивая головой. – А ты что поделываешь, Самми?

– Было дельцо, да покончил, – сказал Самуэль, запинаясь немного. – Я писал.

– Это я вижу, – возразил старик. – К кому бы это?

– Угадай сам, почтеннейший.

– Не к женщине какой-нибудь, я надеюсь?

– Почему же и не к женщине? – возразил Самуэль. – Завтра Валентинов день, и я, с твоего позволения, пишу приветствие своей Валентине.

– Что? – воскликнул м-р Уэллер, пораженный очевидным ужасом при этом слове.

– Приветствие к Валентине, – что ты вытаращил глаза, старичина?

– Эх, ты, Самми, Самми! – сказал м-р Уэллер тоном упрека. – Не думал я, не ожидал и не гадал. Сколько раз отец твой толковал о порочных наклонностях молодых людей? Сколько раз я трезвонил тебе по целым часам, желая вдолбить в глупую твою голову, что такое есть женщина на белом свете! Сколько раз старался запугать тебя примером твоей беспардонной мачихи! Ничего не пошло в прок, и ты глупишь по-прежнему, как бессмысленный младенец. Вот тут и воспитывай своих детей! Эх, Самми, Самми!

Эти размышления, очевидно, залегли тяжелым бременем на чувствительную душу доброго старца. Он поднес к губам стакан своего сына и выпил его залпом.

– Чего-ж ты раскудахтался, старик? – спросил Самуэль.

– Да, любезный, плохо тут кудахтать на старости лет, когда, так сказать, единственный сын, единственное детище готовится пеплом убелить седую твою голову и свести тебя до преждевременной могилы. Эх, Самми, Самми!

– Ты никак с ума рехнулся, старичина!

– Как тут не рехнуться, когда тащит тебя в западню какая-нибудь кокетница, а ты себе и в ус не дуешь! Уж если речь пойдет о твоей женитьбе, я должен вырыть себе заживо могилу и растянуться во весь рост. Пропал ты, дурень, ох, пропал ни за грош!

– Успокойся, почтенный родитель: я не женюсь, если ты не дашь особых разрешений. Велика лучше подать себе трубку, а я прочитаю тебе письмецо. Ты ведь дока насчет этих вещей.

Успокоенный как этим ответом, так и перспективой насладиться сосанием трубки, м-р Уэллер позвонил и, в ожидании трубки, скинул с себя верхний сюртук, затем, прислонившись спиною к камину, выпил еще стакан пунша и, повторив несколько раз утешительные для родительского сердца слова сына, он обратил на него пристальные взоры и сказал громким голосом:

– Катай, Самми!

Самуэль обмакнул перо в чернильницу, чтобы делать исправления по замечаниям своего отца, и начал с театральным эффектом:

– «Возлюбленное...»

– Постой! – воскликнул м-р Уэллер старший, дернув за колокольчик.

В комнату вбежала служанка.

– Два стакана и бутылку утешительного с перцем!

– Очень хорошо, м-р Уэллер.

И через минуту трактирная девушка воротилась с утешительной влагой.

– Здесь, я вижу, знают все твои свываи и обычаи, – заметил Самуэль.

– Как же, любезный, я бывал здесь на своем веку, – отвечал старик. – Отваливай, Самми!

– «Возлюбленное создание», – повторил Самуэль.

– Да это не стихи, я надеюсь? – спросил отец.

– Нет, нет, – отвечал Самуэль.

– Очень рад слышать это, – сказал м-р Уэллер. – Поэзия – вещь неестественная, мой милый. Никто не говорит стихами, кроме разве каких-нибудь фигляров, перед тем, как они начинают выделывать разные штуки передь глупой черню, да еще разве мальчишки кричат на стихотворный лад, когда продают ваку или макасарское масло. Порядочный джентльмен должен презирать стихи, любезный друг. – Ну, отчаливай.

И, высказав эту сентенцию, м-р Уэллер закурил трубку с критической торжественностью. Самуэль продолжал:

– «Возлюбленное создание, я чувствую себя просверленным...»

– Нехорошо, мой друг, – сказал м-р Уэллер, выпуская облака. – Какой демон просверлил тебя?

– Нет, я ошибся, – заметил Самуэль, поднося к свету свое письмо. – «Пристыженным» надо читать, да только тут заляпано чернилами. – «Я чувствую себя пристыженным».

– Очень хорошо, дружище. Откачивай дальше.

– Чувствую себя пристыженным и совершенно окон...

– Черт знает, что тут такое вышло, – проговорил Самуэль, напрасно стараясь разобрать каракульки на своей бумаге.

– Всмотрись хорошенько, мой милый, – сказал отец.

– Всматриваюсь, да ничего не разберу. Чернила, должно быть, гадкие. Вот только и осталось, что «н», да «м», да еще «ъ».

– Должно быть – «оконченным», – подсказал м-р Уэллер.

– Нет, не то, – возразил Самуэль. – «Оконтуженным». – Вот так!

– Ну, это не совсем ловко.

– Ты думаешь?

– Никуда не годится. Стыд с контузией не склеится, – отвечал м-р Уэллер глубокомысленным тоном.

– Чем же мне заменить это слово?

– Чем-нибудь по-нежнее... Вот увидим, – сказал м-р Уэллер, после минутного молчания. – Откальвай, Самми!

– «Я чувствую себя пристыженным и совершенно оконтуженным...»

– Постой, постой, дружище! – прервал старец, бросая свою трубку. – Поправь – «*оконфуженным*» – это будет поделикатней.

– Оно и правда: стыд и конфузия всегда сольются, – отвечал почтительный сын, делая поправку.

– Всегда слушайся меня, мой друг, – отец не научит дурному свое единственное детище. – Отмахни теперь все сначала.

– «Возлюбленное создание, я чувствую себя пристыженным и совершенно оконфуженным, сбитым с панталыка, когда теперь обращаюсь к вам, потому что вы прехорошенькая девчоночка и вот все что я скажу».

– Изрядно, мой друг, то есть, скажу я тебе, это просто – деликатес, мой друг, – заметил м-р Уэллер старший, выпуская прегустое облако дыма из своего рта.

– Я уж и сам вижу, что это недурно, – сказал Самуэль, обрадованный родительским комплиментом.

– И что мне особенно нравится, дружище, так это колорит, склад, т. е. простая и естественная сбруя всех этих слов, – сказал м-р Уэллер старший. – Иной бы здесь наквасил каких-нибудь Венер, Юнон, или другой какой-нибудь дряни, а ты просто режешь правду – и хорошо, друг мой, очень хорошо. К чему пристало называть Венерами всех этих девчонок?

– Я тоже думаю, отче, – отвечал Самуэль.

– И справедливо думаешь, мой сын. Ведь после этого, пожалуй, дойдешь до того, что какую-нибудь девчонку станешь называть единорогом, львицей, волчицей или каким-нибудь из этих животных, что показывают в зверинцах.

– Правда твоя, отче, правда.

– Ну, теперь наяривай дальше, мой друг.

Самуэль вооружился опять своим листом, между тем, как отец, от полноты сердечного восторга, затаился вдруг три раза, причем лицо его одновременно выражало снисходительность и мудрость. Картина была назидательная.

– «Перед тем как тебя увидеть, мне казалось что все женщины равны между собою».

– Да так оно и есть: все женщины равны, – заметил м-р Уэллер старший, не придавая, впрочем, особенной важности этому замечанию.

Самуэль, не отрывая глаз от бумаги продолжал:

– «Но теперь я вижу, что я судил тогда как мокрая курица, потому что вы, мой сладенький кусочек, ни на кого не похожи и я люблю вас больше всего на свете».

– Тут я немножко пересолил, старичина, – сказал Самуэль, – потому что соль, видишь ты, подбавляет смака в этих вещах.

М-р Уэллер сделал одобрителный кивок. Самуэль продолжал:

– «Поэтому уж я, милая Мери, пользуюсь привилегией этого дня, – как говаривал один джентльмен, возвращаясь в воскресенье домой из долговой тюрьмы, – и скажу вам, что, лишь только я увидел вас первый и единственный раз, подобие ваше запечатлелось в моем сердце самыми яркими красками и несравненно скорее, нежели рисуются портреты на новоизобретенной машине, – может быть, вы слышали об этом, милая Мери: портрет и с рамкой, и стеклом, и с гвоздем, где повесить рамку, новая машина мастачит только в две минуты с четвертью, а сердце мое обрисовало ваш образ, милая Мери, и того скорее».

– Ну, вот уж это, кажись, смахивает на поэзию, Самми, – сказал м-р Уэллер старший сомнительным тоном.

– Нет, отче, не смахивает, – отвечал Самуэль, продолжая читать скорее для отклонения дальнейших возражений.

– «И так, милая моя Мери, возьмите меня Валентином на этот год и подумайте обо всем, что я сказал вам. Милая моя Мери, я кончил и больше ничего не знаю».

– Вот и все! – сказал Самуэль.

- Не слишком-ли круто перегнул, мой друг, – спросил м-р Уэллер старший.
- Ни, ни, ни на волос, – отвечал Самуэль. – Она пожелает узнать больше, а вот тут закорючка. В этом-то и состоит, отче, искусство оканчивать письма на приличном месте.
- Похвальное искусство! Не мешало бы твоей мачихе поучиться, где и как благоразумная леди должна оканчивать свой разговор. Как же ты подписался, сын мой?
- Это дело мудреное, старик, – я не знаю как подписаться.
- Подмахни – «Уэллер», и больше ничего, – отвечал старший владелец фамилии.
- Не годится, – возразил Самуэль. – На валентинах никогда не подписываются собственным именем.
- Ну, так нарисуй: «Пикквик». Это хорошее имя.
- Я то же думаю. Да только тут надобно отче, отрезвонить каким-нибудь приличным стишком, иначе не соблюдена будет форма валентины.
- Не люблю я это, Самми, – возразил м-р Уэллер старший. – Ни один порядочный ямщик, сколько я знаю, не занимался поэзией, мой друг, кроме разве одного, который настроил дюжину стихов вечером, накануне того дня, как повесили его за воровство.
- Но Самуэль непременно хотел поставить на своем. Долго он грыз перо, придумывая тему, и, наконец, подмахнул таким образом:

«Вашей ножки черевик.
Пикквик».

Затем он сложил письмо каким-то особенным, чрезвычайно многосложным манером, запечатал и надписал следующий адрес:

*«Горничной Мери
в доме мистера Нупкинса, городского мэра
в город Ипсвич».*

Когда таким образом кончено было это важное занятие, м-р Уэллер старший приступил к тому делу, за которым собственно призвал своего сына.

– Поговорим прежде всего о твоём старшине, Самми, – сказал м-р Уэллер. – Ведь завтра поведут его на суд, если не ошибаюсь?

Самуэль отвечал утвердительно.

– Очень хорошо, – продолжал старик. – Ему, конечно, понадобятся посторонние свидетели для защиты своего лица и дела, или, может быть, он станет доказывать alibi¹⁴. Долго я думал обо всех этих вещах, и мне сдается, любезный друг, что старшина твой может отвиться, если будет умен. Я подговорил здесь кой-каких приятелей, которые, пожалуй, полезут на стену, если потребует необходимость; но всего лучше, по-моему мнению, опираться на это alibi. Нет аргументации сильнее alibi, поверь моей продолжительной опытности, Самми.

Высказав это юридическое мнение, старик погрузил свой нос в стакан, подмигивая между тем своему изумленному сыну.

– Ведь это дело не уголовное, старичина, – возразил Самуэль.

– А какая нужда? Alibi пригодится и на специальном суде присяжных, мой милый, – отвечал м-р Уэллер старший, обнаруживая в самом деле значительную опытность в юридических делах. – Слыхал ты про Томми Вильдспарка?

– Нет.

¹⁴ Alibi – юридический термин. Когда обвиняют кого в известном преступлении и тот, оправдывая себя, утверждает, что он во время совершения преступления находился совершенно в другом месте (alibi), тогда говорят, что подсудимый доказывает alibi.

– Ну, так я тебе скажу по секрету, что его один раз судили за что-то. Что-ж ты думаешь? Когда все мы, в качестве посторонних свидетелей, уперлись на это alibi, так все эти парики разинули рты и развесили уши. Томми отвертелся от виселицы и был оправдан. Поэтому, я скажу тебе, любезный друг, что если старшина твой не упрется на это alibi, так и пиши – все пропало!

– Нет, отче, старшина мой не таковский человек, чтоб вилять кривыми закоулками в правом деле. К тому же есть свидетели, которые видели, как он обнимал эту старуху.

– Кто эти свидетели?

– Его собственные друзья.

– И прекрасно. Стало быть, им ничего не стоит отпереться.

– Этого они не сделают.

– Отчего?

– Оттого, что они считают себя честными людьми.

– Все вы дураки, я вижу, – сказал м-р Уэллер энергичным тоном. – Дурак на дураке едет и дураком погоняет.

Вместо всяких возражений, Самуэль предложил старику новый стакан пунша. Когда они чокнулись и выпили, разговор сам собою склонился на другие предметы.

– Зачем же ты еще призвал меня, отче? – спросил Самуэль.

– По делу домашнего благочиния, Самми, – сказал м-р Уэллер. – Помнишь ты этого Сиджинса?

– Красноносого толстяка? Очень помню.

– Ну, так вот видишь ли, – продолжал старик, – этот красноносый толстяк, Самми, навещает твою мачиху с беспримерным постоянством и неслыханною ревностью. Он такой закадычный друг нашего семейства, что и в разлуке с нами всегда оставляет у себя что-нибудь на память о нас.

– Будь я на твоём месте, старичина, – прервал Самуэль, – я поднес бы ему на память такую вещицу, которой он не забыл бы в десять лет.

– погоди, я еще не кончил, – сказал м-р Уэллер. – С некоторого времени он завел обычай приносить с собою плоскую бутылочку в полдюжины стаканов, и мачиха твоя каждый раз перед его уходом наполняет ее ананасовым ромом.

– И он вытягивает этот пуншик до своего возвращения назад?

– Весь дочиста, мой милый, так что в бутылке ничего не остается, кроме спиртуозного запаха и пробки, – на это он молодец. Но дело вот в чем, друг мой Самми, – сегодня вечером все эти теплые ребята собираются на месячную сходку в Кирпичный переулок, где у них, видишь ты, основано так называемое «Общество соединенных друзей воздержания, трезвости и умеренности». Мачиха твоя тоже хотела было идти; но у неё, к счастью, сделалась ломота в спине, и она остается дома. А я, друг мой Самми, перехватил два билетика, которые были отправлены к ней. Сообщив этот секрет, м-р Уэллер старший замигал и заморгал на своего сына с таким неутомимым усердием, что Самуэль остолбенел и ему показалось даже, что с правым глазом его родителя сделался известный лошадиный припадок, в роде tic douloureux.

– Что дальше? – спросил Самуэль.

– А дальше вот что, мой милый, – отвечал почтенный родитель, оглядываясь из предосторожности назад, – мы отправимся к ним с тобой вместе, в назначенный час, так, чтоб не опоздать ни минутой. А этот их набольший, Самми, жирный толстяк, то-есть, подоспеет не слишком скоро.

Здесь м-р Уэллер старший заморгал опять и разразился мало-помалу таким отчаянным хохотом, который казался едва выносимым для старика шестидесяти лет.

– Ну, исполать тебе, старый богатырь! – воскликнул Самуэль, растирая спину старика, чтоб сообщить правильную циркуляцию его крови. – Отчего ты так закатился, старина?

– Тс! Помалкивай, Самми, – сказал м-р Уэллер, озираясь вокруг с видимым беспокойством и стараясь говорить потихоньку, почти шепотом. – Есть у меня два приятеля, что работают на оксфордской дороге, – чудовые ребята, способные на все руки. Они пригласили этого толстяка, Самми, к своей трапезе с тем, чтоб угостить его хлебом да солью, а пуще всего горячей водицей с ромом, и вот, когда он пойдет в это общество воздержания и трезвости, – а пойдет он непременно, потому что ребята поведут его под руки и втолкнут насильно в дверь, если будет нужно, – так выйдет такая потеха, что ты пальчики оближешь себе, друг мой Самми, умная ты головушка!

С этими словами м-р Уэллер старший разразился опять таким неумеренным хохотом, что почтительный сын еще раз должен был повторить операцию трения родительской спины.

Нет надобности говорить, что отцовский план пришелся как нельзя больше по мыслям и чувствам Самуэля и он взялся, с великою охотой, содействовать благому намерению сорвать маску с ханжи и лицемера. Так как было уже довольно поздно и приближался час, назначенный для митинга, то отец и сын поспешили отправиться в Кирпичный переулок. По дороге Самуэль забежал на минуту в почтовую контору, чтоб отдать письмо.

Ежемесячные сходки, или митинги, «Кирпичнопереулочного общества соединенных друзей воздержания, трезвости и умеренности» производились в большой зале, гигиенически расположенной в третьем этаже одного комфортабельного здания. Президентом общества был некто Антон Гомм, преподаватель арифметики и нравственной философии, в приходских школах; секретарем был господин Иона Модж, содержатель мелочной лавки, продававший чай и сахар своим почтенным сочленам. Перед началом обычных занятий, дамы сидели на скамейках и кушали чай со сливками и кренделями. Перед одним из окон залы стоял столик, накрытый зеленым сукном, и на столике стояла запечатанная кружка, куда доброхотные датели сыпали мелкую монету в пользу беднейших сочленов. Секретарь, сидевший за столиком, улыбался и кивал головою каждый раз, когда какая-нибудь леди подходила к кружке с приличной благостынею в руках.

Все женщины на этот раз истребляли чай и крендели без всякого милосердия и пощады, к великому ужасу старика Уэллера, который, несмотря на толчки и предостерегательные знаки Самуэля, озирался во все стороны с выражением очевиднейшего изумления на своем лице.

– Самми, друг мой, – шептал м-р Уэлиер, – если всем этим бабам не нужно будет завтра выщедить по фунту крови, то не называй меня своим отцом, – вот все, что я скажу. Эта старуха, что сидит подле меня, отхватывает, кажись, тринадцатую чашку. Лопнет, мой друг, ей Богу лопнет.

– За молчи, пожалуйста, – пробормотал Самуэль.

– Самми, – шепнул м-р Уэллер после минутного молчания, – помяни мое слово, мой друг: если этот секретарь сожрет еще два-три бутерброда, через пять минут его хлопнет паралич, или я больше не отец твой.

– Молчи, старик. Какая тебе нужда?

– Послушай, однако ж, друг мой Самми, – если они через пять минут не прекратят этой потехи, я принужден буду, из любви к человечеству, перебить у них все чашки и стаканы. Вот эта молодая женщина, что сидит на передней скамейке, проглотила полторы дюжины чашек. Смотри, смотри, у ней уж и глаза закатываются под лоб.

Легко могло стать, что м-р Уэллер старший привел бы в исполнение свой филантропический план, если б через минуту большой шум, произведенный отбиранием чашек и стаканов, не возвестил о благополучном окончании чайной церемонии. Когда вслед затем зеленый столик выдвинули на середину залы, – перед публикой, задыхаясь и откашливаясь, выступил небольшой человек в серых панталонах и с плешивой головой. Он учтиво раскланялся на все стороны и, приложив руку к сердцу, произнес пискливым дискантом следующее воззвание:

– Милостивые государыни и государи, я должен, с вашего позволения, выдвинуть из вашей среды достопочтенного Антона Гомма на президентское кресло.

Это послужило знаком, что вечернее заседание открылось. Дамы дружно замахали батистовыми платочками, и небольшой плешивый человек буквально выдвинул м-ра Гомма на президентское кресло, вытащив его за плеча и посадив перед зеленым столиком на табуретку из красного дерева. Дамы снова замахали батистовыми платочками и некоторые даже взвизгнули от полноты душевного восторга, когда увидели на своем обычном месте достопочтенного президента. М-р Гомм, толстенький, круглолицый мужчина в длиннополом сюртуке, поклонился и сказал.

– Приветствую вас, братья мои и сестры, от всего моего сердца и от всей души (громкие рукоплескания)! Считаю для себя лестной честью доверие, которым вы удостоивали меня до сих пор, я должен вам объявить, что секретарь наш будет иметь удовольствие прочесть перед вами донесение о текущих делах нашего общества за прошлый месяц.

При этом объявлении, батистовые платочки послужили опять выражением единодушного восторга. Секретарь чихнул, откашлянулся приличным образом, посмотрел на дам умильными глазами и начал читать следующий документ:

«Отчет комитета кирпично-переулочного общества соединенных друзей умеренности, трезвости и воздержания, за истекший месяц.»

Комитет наш в прошедшем месяце продолжал с неослабною деятельностью заниматься своими благонамеренными трудами на пользу человечества, и в настоящем случае имеет честь с неизреченным удовольствием включить в свой ежемесячный рапорт следующие добавочные статьи:

1. Гильдебрант Уокер, портной, женатый человек с двумя детьми. Когда дела его процветали, он имел, по своему собственному признанию, постоянную привычку пить портер и крепкое пиво, да сверх того, в продолжение двадцати лет, он раза по два в неделю употреблял особый напиток, известный у пьяниц под гнусным названием „песьего носа“ и который, как оказалось по разысканиям комитета, состоит из горячего портера, свекловичного сахара, джина и мускатного ореха (Стоны и всхлипывания на дамской половине. Некоторые прерывают чтение восклицаниями, – так точно, так точно!). Теперь нет у него ни работы, ни денег, и это, как он думает, произошло от излишнего употребления портера или от потери правой руки. Достоверно во всяком случае, что если б он всю свою жизнь не употреблял ничего, кроме свежей воды, товарищ его по ремеслу не пронзил бы его заржавленной иглой и, таким образом, при воздержном поведении он сохранил бы в целости свою правую руку (громогласные рукоплескания). Гильдебрант Уокер не пьет теперь ничего, кроме воды, и, по собственному своему признанию, никогда не чувствует жажды (единодушный восторг).

2. Бетси Мартин, вдова, имеет один только глаз и одного ребенка. Ходит стирать поденно белье и мыть на кухнях столовую посуду. Никогда не помнит себя с обоими глазами, но утверждает, что мать её употребляла в чрезмерном излишестве пагубный напиток, известный под именем „утешение в нищете“ и который у бессовестных погребщиков продается по пяти шиллингов за бутылку; посему весьма не мудрено, заключает Бетси, что она окривела еще в младенческих летах, чего бы, без сомнения, не случилось, если б мать её воздерживалась от спиртуозных веществ. Прежде она зарабатывала в день восемнадцать пенсов, пинту портера и рюмку джина; но с той поры, как Бетси Мартин присоединилась к нашему обществу, к дневному её заработку присоединяется шесть пенсов и три фартинга, которые охотно выдаются ей вместо джина и пива».

Известие об этом последнем факте было встречено с оглушительным энтузиазмом. Некоторые из дам приставили к своим глазам батистовые платочки. Секретарь продолжал:

«3. Генрих Беллер исправлял несколько лет официантскую должность при публичных обедах, и все это время употреблял в большом количестве иностранные вина. Не может ска-

зять Наверное, сколько он уносил к себе бутылок от каждого обеда, но ручается, что вино, содержащееся в них, выпивал аккуратно. Чувствует упадок сил, дрожание в членах и меланхолию в душе, сопровождаемую постоянной жаждой, что, по его собственному сознанию, есть последствие горячительных напитков. Генрих Беллер теперь без должности и не употребляет больше ни по какому поводу ни одной капли иностранных вин (громкие рукоплескания).

4. Фома Бортон, поставщик мяса для кошек лорда-мэра, шерифов и многих членов Верхнего и Нижнего Парламента (провозглашение имени этого джентльмена было принято с пламенным энтузиазмом) имеет деревянную ногу и утверждает! что деревяшка стоит ему очень дорого, потому что скоро избивается о камни. Прежде он покупал подержанные деревяшки и выпивал каждый вечер, на сон грядущий, по два стакана джина с горячей водой (глубокие вздохи на дамской половине). Подержанные деревяшки, говорит он, нередко разбивались вдребезги об острые камни, и это, по его убеждению, происходило от чрезмерного употребления джина с горячей водой. Теперь Фома Бортон покупает всегда новые деревянные и в рот ничего не берет, кроме воды и слабого чая. Новая деревяшка служит ему вдвое долее поношенной, и это обстоятельство он исключительно приписывает своей воздержной жизни (громкие и торжественная рукоплескания).

Доводя таким образом все эти в высшей степени утешительные факты до вашего сведения, милостивые государыни и государи, комитет надеется со временем распространить круг своих действий к общему благу человечества и особенно Англии, где, как известно, всякое доброе семя быстро приносит свои плоды, разрастаясь по всем трем соединенным королевствам. Благодаря нашим соединенным усилиям, наступит без сомнения счастливая пора, когда столетние старики и старухи, пользующиеся употреблением всех своих физических и нравственных сил, не будут считаться редкостью на нашей плодородной почве. Для этой цели комитет употребит на будущее время все свои старания для того преимущественно, чтобы привлекать к „Соединенному обществу“ молодых людей, цветущих здоровьем и красотой. Нет ни малейшего сомнения, что, при наших общих усилиях, молодые люди сохранят надолго те редкие качества, которые делают их столь приятными и любезными в обществе кроткого и нежного пола. В заключение этого я желал бы, милостивые государыни, пропеть перед вами одну из тех старинных баллад, где поэт живописно рисует добродетели одного лодочника, который, без сомнения, следовал правилам умеренности и воздержания всю свою жизнь, за что и пользовался постоянно благосклонностью кроткого и нежного пола (необузданный восторг).»

– О каком это кротком и нежном поле говорит он, Самми? – спросил шепотом м-р Уэллер старший.

– О женщинах, я полагаю.

– Ну, так он врет чепуху, мой милый. Желал бы я натолкнуть на него твою мачиху! – заметил м-р Уэллер.

Дальнейшие замечания нескромного старика были прерваны началом пения знаменитой баллады о том счастливом лодочнике, который, всю свою жизнь, не думая ни о чем, перевозил только через Темзу прекрасных леди, когда не было на этой реке ни одного из нынешних мостов. Когда песня подходила уже к концу и дамы готовились увенчать певца общим залпом рукоплесканий, в комнату суетливо вбежал опять небольшой плешивый человек и шепнул что-то на ухо м-ру Антону Гомму.

– Друзья мои, – сказал м-р Гомм, обращаясь к публике с озабоченным видом, – почтенный депутат наш, м-р Сиджинс извиняется, что не мог подоспеть к началу заседания, и просит теперь позволения войти. Он стоит внизу.

Батистовые платочки заколыхались теперь в воздухе с необыкновенной энергией и силой, по тому что м-р Сиджинс пользовался особенною благосклонностью всех прекрасных леди, принадлежавших к кирпичнопереулочному обществу соединенных друзей.

– Он может войти, я полагаю, – сказал м-р Гомм, бросая на дам умильные и нежные взоры. – Брат Теджер, просите сюда м-ра Сиджинса.

Плешивый человек, откликнувшийся на имя брата Теджера, торопливо побежал на лестницу, и через минуту, перед дверью зала, послышались чьи-то тяжелые и неровные шаги.

– Валит, Самми, валит! – прошептывал м-р Уэллер, с трудом подавляя свой истерический смех.

– Не говори мне ничего, или я принужден буду уйти, – отвечал Самуэль. – Вот он ломится в двери. Я слышу, как он трется боком о штукатурку.

В то время как Самуэль говорил таким образом, маленькая дверь отворилась, и на пороге появился м-р Сиджинс всей своей особой. При входе его вся зала огласилась самыми неистовыми рукоплесканиями, сопровождаемыми топаньем ног и необузданным размахиванием батистовых платков; но, к великому удивлению, м-р Сиджинс на все эти изъяснения задумшевного восторга, не думал отвечать ни поклоном, ни приветственной речью. Он стоял среди зала, покачиваясь во все стороны, и неподвижно устремил свои глаза на оконечность свечи, поставленной на зеленом столике.

– Вы, кажется, нездоровы, брат Сиджинс? – шепнул ему м-р Антон Гомм.

– Нет, сэръ, вы врете, – отвечал м-р Сиджинс свирепым тоном, – я совершенно здоров, если вы не совсем ослепли.

– Очень хорошо, – сказал м-р Антон Гомм, отступая на несколько шагов.

– Конечно, все в этой компании согласится, что я именно таков, как мне следует быть, – сказал м-р Сиджинс.

– Конечно, конечно, – проговорил м-р Гомм.

– А кто не согласится, так оно того... того оно как... того... понимаете, сэръ? – продолжал достопочтенный Сиджинс.

– Как вам угодно, – отвечал наобум м-р Антон Гомм.

В зале воцарилось глубокое молчание, и все, казалось, с нетерпением ожидали возобновления прерванных занятий.

– Не угодно-ли вам обратиться к собранию, сэръ? – сказал м-р Гомм.

– Нет, сэръ, – отвечал м-р Сиджинс. – Нет, сэръ. Не угодно, сэръ.

Члены собрания переглянулись друг на друга, и ропот изумления пробежал по всей зале.

– По-моему мнению, сэръ, – сказал м-р Сиджинс, расстегивая верхняя пуговицы своего сюртука и стараясь выразаться как можно громче, – по-моему мнению, сэръ, вы все тут перепились, налились, как... как... как мерзавцы. Послушайте, Теджер, – продолжал м-р Сиджинс, обращаясь с возрастающе лютостью и свирепостью к небольшому плешивому человеку, – вы пьяны, сэръ, пьяны, как стелька.

С этими словами м-р Сиджинс, увлекаемый похвальным желанием поддержать и распространить трезвое состояние между всеми почтенными сочленами добродетельного общества, ударил м-ра Теджера сжатым кулаком по самой середине носа с таким блистательным успехом, что плешивый человек опрокинулся навзнич и стремглав полетел по лестничным ступеням в нижний этаж.

С шумом, криком и плачевными взвизгами женщины повскакали со своих мест и устремились отдельными маленькими группами к любимым братцам, стараясь защитить их своими объятиями и руками от угрожающей беды. Такой взрыв сестринской привязанности оказался почти гибельным для м-ра Гомма, снискавшего удивительную популярность в этом филантропическом кругу. Женщины густыми толпами обступили его спереди и сзади, повисли на его плечах, на шее, на руках, так что бедный президент чуть не задохся от этих пылких выражений братской дружбы и любви.

Большая часть свечей загасла, и в парадной зале воцарился страшный беспорядок.

– Ну, Самми, теперь будет и на моей улице праздник, – сказал м-р Уэллер старший, снимая свой верхний сюртук, с обдуманым и решительным видом: – я учиню теперь свою расправу.

– Что-ж ты намерен делать, старина? – спросил Самуэль.

– А вот увидишь, – отвечал м-р Уэллер.

И прежде, чем Самуэль успел вникнуть в сущность дела, мужественный родитель его пробился в отдаленный угол комнаты и напал, с отменной ловкостью, на почтенного м-ра Сиджинса, который, между тем, продолжал изливать потоки своего пьяного красноречия на беспорядочную толпу.

– Отступи, старичина! – закричал Самуэль.

– Приступлю, демон его возьми, приступлю! – заголосил старик и, без дальних околичностей, влепил удар в открытую лысину почтенного м-ра Сиджинса, начинавшего в свою очередь становиться в боевую позицию так, однако ж, что ноги изменяли ему на каждом шагу. М-р Уэллер продолжал хорохориться, размахивая обеими руками.

Сознавая бесполезность всех своих увещаний, Самуэль надел свою шляпу, перебросил через плечо сюртук своего отца, насильственно схватил его за оба плеча, повернул налево кругом и быстро повел его с лестницы на улицу, продолжая держать его крепко до тех пор, пока, наконец, не повернули они за угол ближайшего переулочка. Обернувшись назад, Самуэль увидел, как, при криках раздраженных братцев и сестриц, пьяного Сиджинса потащили куда-то, и как расходились в разные стороны почтенные члены кирпичнопереулочного общества соединенных друзей умеренности, трезвости и воздержания.

Глава XXXIV

Полный и достоверный отчет о достопамятном решении процесса вдовы Бардль против Пикквика.

– Любопытно бы знать, что кушает теперь будущий присяжный старшина на этом суде? – сказал м-р Снодграс единственно для того, чтобы завязать как-нибудь неклеившийся разговор в чреватое событиями утра четырнадцатого февраля.

– О, я надеюсь, у него превосходный завтрак! – сказал Перкер. – Мы об этом похлопотали.

– Что, это вас интересует? – спросил м-р Пикквик.

– Помилуйте, почтеннейший, как не интересоваться старшинским завтраком! – возразил м-р Перкер. – Это первая и существенная вещь, которую ответчик должен иметь в виду на специальном суде присяжных.

– Отчего так?

– Да просто оттого, почтеннейший, что если вы хорошо накормили старшину, так дельце ваше обделано почти наполовину. Голодный или недовольный судья, почтеннейший, почти всегда расположен принять сторону истца; но, сытый и довольный, он естественным образом чувствует наклонность к оправданию ответчика.

– Ах, Боже мой, я этого решительно не понимаю! – воскликнул м-р Пикквик. – Объясните, сделайте милость.

– Вещь очень простая, почтеннейший, – отвечал м-р Перкер, – и, главное, тут берется в расчет экономия времени. Как скоро наступает обеденная пора, старшина обыкновенно вынимает из кармана часы и, обращаясь к другим присяжным, говорит: – «Вообразите, господа, уж без четверти пять! Я всегда обедаю в пять часов!» – «И я тоже», подхватывают другие, кроме двух или трех членов, которые заранее успели набить желудок. Старшина улыбается и кладет часы в карман. – «Ну, что-ж вы скажете, господа?» – продолжает старшина. – «Истец или ответчик должен быть оправдан? Что касается меня, господа, я думаю с своей стороны, и даже совершенно уверен, что дело истца правое». – Вслед затем другие мало-помалу начинают говорить то же, и таким образом устраивается с большим комфортом единодушное отбирание голосов¹⁵. Затем присяжные расходятся из палаты, кто домой, кто в трактир. – Однакож пора, господа, – заключил м-р Перкер, вынимая часы: – десять минут десятого. Мы немножко опоздали. В палате, без сомнения, будет множество народа, так как случай этот очень интересен. Прикажите нанять карету, м-р Пикквик, не то мы уж опоздаем чересчур.

М-р Пикквик позвонил, и, когда наконец извозчицья карета остановилась у ворот, четыре пикквикиста и м-р Перкер вышли из гостиницы и поскакали в Гельдголь. Самуэль Уэллер и м-р Лоутон с синим мешком поехали за ними в кабриолете.

– Лоутон, – сказал м-р Перкер, когда они вошли в залу судебной палаты, – отведите друзей м-ра Пикквика в студенческие ложи; а сам м-р Пикквик должен сидеть подле меня. Сюда, почтеннейший, сюда.

Говоря это, Перкер взял м-ра Пикквика за рукав и подвел его к низенькой скамейке, устроенной для адвокатов подле кафедры президента, для того, чтоб им удобнее было слышать весь ход дела; лица, занимающие эту скамейку, невидимы для большей части посторонних зрителей, так как места зрителей устроены высоко над уровнем пола и адвокаты обращены к ним спиною.

¹⁵ Для объяснения этого места необходимо припомнить, что при отбирании голосов на специальном суде присяжные не имеют права выйти из суда, пока единодушно не решат разбираемого дела. Во все это время им не дают ни пищи, ни огня, и таким образом они по необходимости должны ускорить свой суд. *Прим. перев.*

– Это место назначено для свидетелей, я полагаю? – спросил м-р Пикквик, указывая на маленькую лужу с конторкой по середине и медными перилами на левой стороне.

– Да, почтеннейший, это свидетельская лужа, – отвечал Перкер, роясь между бумагами в своем мешке, положенном на полу у его ног.

– А на этом месте, если не ошибаюсь, должны сидеть присяжные? – продолжал расспрашивать м-р Пикквик, указывая на два седалища, отгороженные решоткой на правой стороне: – так ли, м-р Перкер?

– Вы угадали, почтеннейший, – отвечал адвокат, открывая свою серебряную табакерку.

М-р Пикквик находился, по-видимому, в большом волнении, и с беспокойством осматривал судебную палату. Зрители уже накопились в галлерее, и на судебных местах можно было различить значительную коллекцию носов, бакенбард и париков, которыми так славится корпорация британских правоведов. Некоторые из этих джентльменов сидели с экстрактами в руках, с важностью потирая ими свои красные носы для того, чтоб придать себе особый эффект в глазах всякого постороннего профана. Другие расхаживали с огромными фолиантами под мышкой в сафьянных переплетах и с надписью на корешках: «Гражданские Законы». Третьи, не имея ни книг, ни тетрадей, засовывали руки в свои глубокие карманы и старались смотреть на публику с глубокомысленным видом; были, наконец, и такие, которые суетились и бегали взад и вперед единственно для того, чтоб обратить на себя внимание изумленной толпы, непосвященной в юридические тайны. Все эти господа, к великому удивлению м-ра Пикквика, разделялись на маленькие группы и весело толковали между собою о таких предметах, которые не имели ни малейшей связи с предстоявшим процессом.

Вошел м-р Функи и, поклонившись м-ру Пикквику, удалился в лужу королевских адвокатов. Затем появился м-р сержант Сноббин в сопровождении м-ра Молларда, который почти совершенно заслонил его огромным малиновым мешком. Положив этот мешок на столе перед глазами своего принципала, м-р Моллард разменялся дружеским поклоном с Перкером и удалился. Затем вошло еще несколько сержантов, и один из них, жирный и краснолицый толстяк, раскланялся по-дружески с м-ром сержантом Сноббином, заметив при этом, что сегодня прекрасная погода.

– Кто этот красненький джентльмен, сказавший нашему сержанту, что сегодня прекрасная погода? – шепнул м-р Пикквик своему адвокату.

– Это оппонент наш, почтеннейший, сержант Бузфуц, – отвечал м-р Перкер, – он будет защищать вашу противницу. А другой джентльмен, что стоит позади Бузфуца, м-р Скимпин, его помощник. Преумные ребята, почтеннейший.

М-р Пикквик, проникнутый справедливым негодованием к наглости и бесстыдству юридических крючков, хотел было спросить, каким образом м-р сержант Бузфуц, защитник кляузного дела, осмелился заметить его собственному сержанту, что сегодня прекрасная погода, но в эту минуту все юридические парики с шумом поднялись со своих мест, и палатские зрители за порядком громко закричали: – «Тише! Тише!» Оглянувшись назад, м-р Пикквик увидел, что вся эта суматоха произведена прибытием в палату вице-президента.

Господин вице-президент Стерлейх, явившийся в присутствие за болезнью президента, был джентльмен чрезвычайно низенького роста и жирный до такой степени, что, казалось, весь его организм состоял из жилета и толстой головы. Он поковылял на своих маленьких ножках к президентской луже и, отвесив на все стороны нижайшие поклоны, уселся на свое место, засунув свои ноги под стол и положив свою треугольную шляпу на стол. Только его и видели. От всей фигуры вице-президента для посторонних наблюдателей остались только миниатюрные рысьи глазки, заплывшие жиром, широкое розовое лицо и около половины огромного, чрезвычайно комического парика.

Лишь только вице-президент занял свое место, смотритель за порядком в партере закричал повелительным тоном: – «тише!» и вслед затем смотритель за порядком в галерее забасил

во все горло: – «тише!» и этот же самый крик повторили на разные распевы четверо других блюстителей благочиния в судебной палате. Когда таким образом восстановилась требуемая тишина, джентльмен в черном костюме, заседавший подле вице-президента, начал перекликать громким голосом имена присяжных, и после этой переклички оказалось, что только десять специалистов были налицо в судебной палате. Надлежало двух остальных, для дополнения законного числа, выбрать из обыкновенных смертных, которые имели право быть не специальными присяжными, и выбор господина сержанта Бузфуца пал на зеленщика и аптекаря, которых в ту же минуту подвели к президентской кафедре.

– Отвечайте на ваши имена, джентльмены, – сказал джентльмен в черном костюме, – Ричард Опвич.

– Здесь, – откликнулся зеленщик.

– Фома Гроффин.

– Здесь, – откликнулся аптекарь.

– Возьмите книгу, господа. Вы дадите клятву, что будете по чистой совести и...

– Прошу извинить, милорд, – сказал аптекарь, мужчина тонкий и высокий с гемороидальным цветом лица, – я не могу быть присяжным и надеюсь, что вы освободите меня от этой обязанности.

– На каком основании, сэр? – спросил вице-президент Стерлейх.

– В аптеке моей нет провизора, милорд, – сказал аптекарь.

– Это до меня не касается, сэр, – возразил м-р вице-президент Стерлейх. – Почему нет у вас провизора?

– Еще не приискал, милорд, – отвечал аптекарь.

– Это весьма дурно и неосторожно с вашей стороны, – сказал вице-президент сердитым тоном. Было известно всем и каждому, что у м-ра Стерлейх чрезвычайно вспыльчивый и раздражительный темперамент.

– Знаю, что дурно, милорд; но теперь уж этому пособить нельзя, – сказал аптекарь, – позвольте мне идти домой.

– Привести к присяге этого господина! – закричал вице-президент.

Джентльмен в черном костюме начал выразительным и громким голосом:

– Вы дадите при сем торжественную клятву, что будете по чистой совести и...

– Стало быть, милорд, вы непременно требуете, чтоб я был присяжным? – перебил аптекарь.

– Непременно.

– Очень хорошо, милорд: в таком случае, я должен объявить, что прежде, чем кончится здесь этот процесс, в доме моем произойдет убийство. Можете располагать мною, если угодно.

И прежде, чем вице-президент собрался произнести ответ, несчастный аптекарь приведен был к присяге.

– Я хотел только заметить, милорд, – сказал аптекарь, усаживаясь на скамье присяжных, – что в аптеке моей остался один только мальчик, рассыльный. Он довольно умен и расторопен, милорд, но еще не успел ознакомиться с аптекарскими аппаратами и, сверх того, забрал себе в голову, будто *acidum hydrocyanicum*, синильная кислота, милорд, готовится из лимонного сока, растворенного в микстуре из английской соли. Я уверен, милорд, что в мое отсутствие он сделает гибельный опыт. Впрочем, теперь уже это будет ваше дело, и совесть моя спокойна.

С этими словами аптекарь принял самую комфортабельную позу, и веселое лицо его выразило совершеннейшую преданность судьбе.

Поведение аптекаря поразило глубочайшим ужасом чувствительную душу м-ра Пиквика, и он уже собирался предложить по этому поводу несколько интересных замечаний, как вдруг внимание его было развлечено другим, более назидательным предметом. По всей

палате раздался смутный говор, возвестивший о прибытии м-с Бардль. Сопровождаемая и поддерживаемая приятельницею своею, м-с Клоппинс, интересная вдовица, склонив голову и потупив глаза, выступала медленно и неровными шагами на середину залы, и услужливые адвокаты приготовили ей место на противоположном конце той самой скамейки, где сидел м-р Пикквик. М-р Додсон и м-р Фогг немедленно распустили над её головою огромный зеленый зонтик, чтоб укрыть свою прекрасную клиентку от взоров нескромной толпы. Затем появилась м-с Сандерс, ведя под руку юного Бардля. При взгляде на возлюбленного сына, м-с Бардль затрепетала, испустила пронзительный крик и облобызала его с неистовым выражением материнской любви, после чего с нею сделался глубокий обморок. Добрые приятельницы мало-помалу привели ее в чувство, и м-с Бардль, бросая вокруг себя отуманенные взоры, спросила голосом слабым и дрожащим, куда ее привели и где она сидит. В ответ на это м-с Клоппинс и м-с Сандерс, оглядываясь во все стороны, пролили горячие потоки слез, между тем как Додсон и Фогг умоляли ее успокоиться ради самого неба. Сержант Бузфуц крепко вытер свои глаза большим белым платком и бросил искрометный взгляд на всех присяжных. Вице-президент тоже, казалось, был расстроган до глубины души, и многие из посторонних зрителей проливали самые искренние слезы.

– Мастерская обстановка, почтеннейший! – шепнул Перкер м-ру Пикквику. – Додсон и Фогг повели отлично свое дело...

Когда Перкер говорил, м-с Бардль начала мало-помалу приходить в себя, между тем как приятельница её м-с Клоппинс, после тщательного обозрения пуговиц юного Бардля, поставила его на полу, спиною к матери и лицом к президентской кафедре, чтобы таким образом он удобнее мог пробудить чувства соболезнования и симпатии в сердцах присяжных и судей. Этот маневр сопровождался, однако ж, значительными затруднениями и упрямством со стороны неопытного сына вдовицы: невинный младенец вообразил в простоте сердечной, что поставить его пред глазами грозного судьи значило – подвергнуть его заморской ссылке на вечные времена за преступление неизвестного рода. Поэтому он долго плакал и кривлялся, прежде чем, при содействии господ Додсона и Фогга, удалось сообщить правильную позицию его организму.

– Бардль и Пикквик, – провозгласил наконец джентльмен в черном костюме, вооруженный теперь огромным листом бумаги.

– Милорд, я имею честь быть защитником вдовы, – сказал м-р сержант Бузфуц.

– Кто будет вашим ассистентом, брат Бузфуц? – спросил судья.

При этом вопросе м-р Скимпин поклонился и выступил вперед, давая таким образом уразуметь, что он имеет честь быть ассистентом м-ра сержанта Бузфуца.

– Я защитник ответчика, милорд, – сказал м-р сержант Сноббин.

– Кто ваш ассистент, брат Сноббин?

– М-р Функи, милорд.

– Сержант Бузфуц и м-р Скимпин защищают истца, – проговорил судья, записывая имена их в свою книгу. – Ответчика защищают сержант Сноббин и м-р Мунки.

– Прошу извинить, милорд, – Функи.

– Очень хорошо, – сказал судья: – я никогда не имел удовольствия слышать фамилию этого джентльмена.

Здесь м-р Функи поклонился и улыбнулся; судья то же поклонился и улыбнулся; и потом м-р Функи, покрасневшись до самых ушей, старался принять на себя по возможности спокойный и беззаботный вид.

– Продолжайте, – сказал судья.

Еще раз блюстители палатского благочиния прокричали по всей зале – «тише! тише!» М-р Скимпин взял бумагу, обратился к присяжным и в буквальном смысле промурлыкал перед ними экстракт, где в коротких словах изложена была сущность всего процесса. Присяжные

буквально не услышали ни одного слова, и содержание процесса теперь, как прежде, осталось для них таинственной загадкой.

С величайшим достоинством и важностью сержант Бузфуц поднялся со своей скамейки, переговорил с м-ром Додсоном, пошептался с м-ром Фоггом, накинул на плечи свою судейскую мантию, поправил свой парик и твердыми ногами взошел на кафедру для произнесения своей речи в назидание присяжных. Приступ речи был обыкновенный.

«Милостивые государи, – начал сержант Бузфуц, – с той поры, как началась моя служебная деятельность, и вплоть до настоящей минуты я еще ни разу не всходил на эту кафедру с теми чувствами глубочайшего волнения, которые теперь проникают весь мой организм при мысли об ужасной ответственности за дело, добровольно принятое мною под свою защиту. Несмотря на совершеннейшую уверенность в правоте этого дела, я бы никогда, однако ж, не решился защищать его публично, если бы заранее глубоко не был убежден, что вы, господа присяжные, при своей обычной проницательности и светлом уме, легко изволите усмотреть невинность моей клиентки и будете, вероятно, так же, как и я, сочувствовать её душевным скорбям и безотрадному положению, в какое поставила ее судьба, олицетворенная на этот раз в жалком образе закоснелой безнравственности и порока».

Присяжные переглянулись с видимым удовольствием друг на друга, и каждый из них почувствовал в эту минуту удивительную светлость в своем уме и необычайную проницательность в своем мозгу.

«Вы уже слышали, милостивые государи, от моего ученого друга, – продолжал сержант Бузфуц, зная очень хорошо, что присяжные физически не могли расслышать ни одного слова из уст его ученого друга: – вы уже слышали, милостивые государи, от моего ученого друга, что дело, в настоящем случае, идет о нарушении обещания вступить в законное супружество, при чем правая сторона требует неустойки в тысячу пятьсот фунтов стерлингов британской монеты. Но вы не могли слышать от моего ученого друга, в чем состоят факты и дальнейшие подробности этого дела. Эти то факты, милостивые государи, и эти-то дальнейшие подробности я и обязан, по долгу своего призвания, изложить перед вами.

Клиентка моя – вдова... да, милостивые государи, моя клиентка – вдова. Покойный м-р Бардль, служивший с честью и славой своему отечеству при сборе таможенной пошлины и наслаждавшийся несколько лет безмятежными удовольствиями счастливого супружества, почти незаметно отлетел от этой жизни в другой, лучший мир, искать того успокоения, которого не могла доставить ему британская таможня».

При этом патетическом описании кончины м-ра Бардля, которому незадолго до переселения его в лучший мир проломили голову медной кружкой в одной харчевне, голос ученого сержанта задрожал, колебался, и он продолжал с величайшим волнением:

«Незадолго до своей смерти м-р Бардль напечатлел свой образ и совершеннейшее подобие на этом невинном отроке, которого вы видите, милостивые государи. С этим невинным младенцем, единственным залогом и наследием от покойного супруга, м-с Бардль отступила от житейских треволнений и удалилась в тихую Гозуэльльскую улицу, чтобы безмятежно предаваться своей грусти. Здесь-то милостивые государи, на одном из окон своего домика она прибила билетик с простою надписью, начертанною её собственной рукой: – „Отдаются комнаты внаймы с мебелью и со всеми удобствами для холостого джентльмена. О цене спросить хозяйку“.

Здесь сержант Бузфуц приостановился. Некоторые из присяжных сочли нужным внести этот документ в свои книги.

– От какого числа был этот билетик? – спросил один из присяжных.

– На этом билетике, милостивые государи, вовсе не было выставлено числа, – отвечал сержант Бузфуц, – но мне достоверно известно, что он был прибит на одном из её окон ровно за три года от настоящего времени. Прошу господ присяжных вникнуть глубже в истин-

ный смысл этого документа. „Отдаются комнаты внаймы с мебелью и со всеми удобствами для холостого джентльмена!“ Не видите-ли вы здесь, милостивые государи, явного предпочтения, оказываемого моею клиенткою мужскому полу перед женским? Неудивительно. Тогдашнее мнение м-с Бардль о мужчинах основывалось на продолжительном наблюдении бесценных качеств её покойного супруга. Страх, опасение, недоверчивость, тревожные сомнения не имели ни малейшего места в её чистом и – увы! неопытном сердце. „М-р Бардль, говорила вдова, – м-р Бардль был честный человек; м-р Бардль никогда не нарушал честного слова, никогда не был обманщиком; м-р Бардль тоже в свое время был холостым джентльменом, прежде чем женился на мне. От холостого джентльмена только могу я ожидать покровительства, помощи, утешения, душевной отрады. Один только холостой джентльмен может мне напоминать, некоторым образом, самого м-ра Бардля, когда он в первый раз пленил и очаровал мое юное и чистое сердце. И так – одному только холостому джентльмену я должна отдать внаймы свои меблированные покои.“ Действуя под влиянием этого прекрасного и трогательного побуждения, которое, без сомнения, служит наилучшим украшением нашей природы, милостивые государи, печальная и одинокая вдова осушила свои слезы, омеблировала первый этаж своего домика, прижала невинное дитя к своему материнскому сердцу и прибила вышеозначенный билетик на одном из окон своей чистой и опрятной гостиной. Но долго-ли он там оставался? Нет. Змей-соблазнитель стоял на страже, сети были расставлены, подкопы подведены, фитиль подожжен – последовал взрыв, страшный, роковой взрыв. Едва прошло три дня, – только три дня, милостивые государи, как гнусное двуногое существо со всеми внешними признаками мужчины, а не чудовища, постучалось в двери дома м-с Бардль. Ему отворили: оно вошло, переговорило о цене, наняло квартиру, и на другой день вступило во владение прекрасных меблированных комнат, снабженных всеми удобствами для холостого джентльмена. Это двуногое животное – Пикквик, милостивые государи, не кто другой, как Пикквик, жалкий ответчик по делу моей клиентки».

Сержант Бузфуц приостановился, чтоб перевести дух после всех этих патетических мест, произнесенных с таким горячим одушевлением, что лицо оратора даже побагровело от натуги. Внезапная тишина пробудила господина вице-президента Стерлейха, покоившегося сладким сном во все это время: немедленно он схватил перо и, не обмакнув его в чернила, принялся энергически скрипеть по бумаге, при чем физиономия его приняла самый глубокомысленный вид, и присяжные уверились душевно, что м-р Стерлейх привык размышлять с закрытыми глазами. Сержант Бузфуц продолжал:

«Об этом Пикквике я не намерен долго распространяться, и вот по каким причинам: во-первых, предмет этот сам по себе не представляет никаких привлекательных сторон, и, во-вторых, язык мой невольно отказывается от изображения характера грязного, в высшей степени возмутительного для человека с благородным сердцем и душою. Я убежден, милостивые государи, что каждый из вас с презрением отвратит свои взоры от этой личности, унижающей достоинство человеческой природы».

Здесь м-р Пикквик, уже давно сидевший как будто на иголках, судорожно подпрыгнул на своей скамейке, и в душе его мгновенно родилась мысль заушить бессовестного сержанта Бузфуца в полном присутствии британских законовевов и многочисленной публики, собравшейся смотреть на его позор. К счастью, Перкер благовременно удержал своего необузданного клиента, и м-р Пикквик, снова усаживаясь на скамье, продолжал слушать ученого джентльмена, исподволь бросая на него страшные взоры негодования, разительные противоречившие умилительным взглядам м-с Клоппинс и м-с Сандерс.

– Я сказал, милостивые государи, что характер Пикквика грязен и в высшей степени унизителен для достоинства человеческой природы, – продолжал оратор, впериив свои глаза прямо в лицо м-ра Пикквика и стараясь говорить, как можно громче, – и когда я сказал, что характер Пикквика грязен и в высшей степени унизителен для достоинства человеческой

природы, – продолжал оратор, вперив свои глаза прямо в лицо м-ра Пикквика и стараясь говорить как можно громче: – и когда я сказал, что характер Пикквика грязен, отвратителен и низок, я желал бы в то же время, для общей пользы человечества, обратить свою речь к самому Пикквику, если только он в суде, – меня известили, что он действительно в суде, – желал бы убедить его во имя чести, совести и закона отказаться на будущее время однажды навсегда от этой гнусной системы постоянного разврата, обращенного на погибель его ближних, Легко станется, что и теперь этот человек, закоснелый в бесстыдстве, внимает с безумным негодованием словам закона; но да будет ему известно, милостивые государи, что закон не смотрит на бессильное выражение злобы, и обличительная его сила всегда будет распространена на всякого закоренелого и отъявленного нечестивца, будь его имя Пикквик или Нокс, или Стокс, или Стайлс, или Браун, или Томпсон, или Пиккуикс.

Это маленькое и совершенно импровизированное отступление от главной материи сделано, конечно, с тою благою целью, чтоб обратить глаза всех зрителей на м-ра Пикквика. Достигнув этой цели с блистательным успехом, сержант Бузфуц продолжал.

«Два года, милостивые государи, Пикквик жил постоянно в доме м-с Бардль, и во все это время м-с Бардль ухаживала за ним с редким самоотвержением женщины, проникнутой бескорыстной любовью к ближним. Собственными руками она приготовляла ему кушанье, убирала его комнаты; собственными руками отдавала в стирку его грязное белье, принимала его от прачки, проветривала, просушивала и, словом, употребляла все свои старания, чтоб окружить комфортом и довольством жизнь этого человека, которого, в простоте своего сердца, она считала благородным и честным. Случалось, милостивые государи, Пикквик дарил сыну своей хозяйки по шести пенсов, по шиллингу, даже более, и я могу доказать неопровержимыми свидетельствами, что несколько раз он гладил малютку по голове, расспрашивая при этом во что и с какими детьми он играет. Так, однажды предложил он вопрос, сколько малютка выиграл мраморных шариков в известной игре, употребительной между детьми нашего города, и потом, еще раз погладив по головке с особенною нежностью, – прошу вас обратить особенное внимание на этот пункт, – Пикквик – спросил: „желал-ли бы ты иметь другого отца, мой милый?“ Этот факт, милостивые государи, слишком ясен сам по себе и не требует, конечно, особенных толкований... Но за год перед этим Пикквик вдруг начал отлучаться из своей квартиры чаще и чаще, притом на весьма длинные промежутки, как будто обнаруживая злостное намерение прервать исподволь тесную связь с моей клиенткой. Само собою разумеется, что такой переворот в его грубой натуре произошел не вдруг: с одной стороны, он, видимо, боролся с угрызениями своей совести, если только была у него совесть, с другой, физические и нравственные совершенства моей клиентки одерживали покамест очевидный перевес над его грязными и порочными наклонностями. Как бы то ни было, только в одно достопримечательное утро Пикквик, по возвращении из деревни, прямо и без всяких обиняков предложил ей свою руку, приняв предварительно все необходимые меры, чтоб не было никого из посторонних свидетелей при заключении этого торжественного контракта. Злодей, как видите, думал этим способом увернуться от прозорливых очей правосудия и закона; но судьба распорядилась иначе: собственные его друзья, милостивые государи, сделались свидетелями, разумеется, невольными свидетелями этого поразительного факта. В ту минуту, как они вошли в его комнату, Пикквик держал в объятиях свою невесту, ласкал ее, утешал, уговаривал, лелеял!..»

Эта часть ученой речи произвела видимое впечатление на всех слушателей и слушательниц многочисленного собрания судебной палаты. Вынув из портфеля два небольшие лоскута бумаги, сержант Бузфуц продолжал:

«Еще одно только слово, милостивые государи. Вот два документа, писанные рукою самого ответчика, – два краткие документа, но которые, к счастью, красноречивее огромных томов. Это собственноручные письма Пикквика к вдове Бардль, обличающие самые грязные

стороны в характере этого человека. Тут вы не найдете пламенных, открытых, благородных, красноречивых излияний нежной страсти – совсем нет! Это не иное что, как коротенькие и, по-видимому, сухие записки, такие, однако ж, которые в настоящем случае говорят сами за себя красноречивее самых ярких и роскошных выражений, придуманных фантазией какого-нибудь поэта. Но видно с первого взгляда, что их писала злонамеренная и хитрая рука: здесь, как и везде, Пикквик поступал таким образом, чтоб отстранить от себя всякое подозрение, если б, сверх чаяния, послания его попались в посторонние руки. Прочтем первую записку:

„Гаррэуэ. Двенадцать часов. – Любезная м-с Бардль. – Котлетки и соус под картофелем. – Ваш Пикквик.“

Что-ж это значит, милостивые государи? Котлетки и соус под картофелем. *Ваш* Пикквик. Котлетки! Великий Боже! Соус под картофелем! О, небо!.. Кто не видит здесь этой короткости отношений, которая могла быть подготовлена не иначе, как продолжительной дружбой? Ваш Пикквик! Не ясно ли, что он как бы заранее считал себя супругом этой женщины, ожидавшей от него покровительства и защиты? На другой записке не выставлено ни дня, ни часа, что уже само по себе наводит на подозрения известного рода. Вот она:

„Любезная м-с Бардль, я не возвращусь домой до завтра. Медленный дилижанс“. И затем следует весьма замечательное выражение:

„Не беспокойтесь насчет жаровни с углями“.

Э, Боже мой! Да кто же и когда беспокоится насчет жаровни с углями? Вам, конечно, известно, милостивые государи, что такую жаровню заботливые хозяйки нагревают постели своих жильцов в известное время: кого же, спрашивается, может обеспокоить нагретая постель? Не должно ли, напротив, вывести противоположное заключение, что нагревательная есть самая комфортабельная мебель, придуманная для поддержания здоровья и, следовательно, для распространения спокойствия в домашнем быту? Вашей проницательности, милостивые государи, предоставляю угадать, о каком беспокойстве идет здесь речь. Если бы Пикквик не был увертлив и лукав, он бы выразился, конечно, проще и яснее, потому что он действительно знал, какими страшными беспокойствиями могут сопровождаться для бедной невесты ночные отсутствия её жениха. – А что должно понимать под этими двумя словами – „Медленный дилижанс?“¹⁶ Неужели ответчик мог предполагать, что бедной хозяйке его интересно знать, в каком дилижансе разъезжает он в ту пору, когда другие, более важные мысли должны были тяжелым бременем лежать на её душе? Нет, милостивые государи, тот слишком прост, кто не видит с первого взгляда условного, фигурального значения этих слов. Для меня, напротив, не подлежит ни малейшему сомнению, что этот медленный дилижанс есть не иной кто, как сам Пикквик, увертливый наш ответчик, привыкший и словами, и делами уловлять в свои хитросплетенные сети неопытные души и сердца. Отдадим ему справедливость: медленный дилижанс, останавливаемый наглостью и бесстыдством, слишком лениво тянется по дороге справедливости и чести; но закон, олицетворяемый вами, милостивые государи, неизбежно ускорит его ход и сообщит быстрое движение его колесам».

Сержант Бузфуц приостановился на этом месте, чтобы видеть впечатление, произведенное на присяжных этими шуточками, которые казались ему чрезвычайно остроумными. Никто, однако ж, не улыбнулся, кроме зеленщика, припомнившего в эту минуту, с какою медленностью сам он, на своей тележке, развозил по домам различные произведения растительного царства.

– «Но довольно, милостивые государи, – продолжал м-р сержант Бузфуц. – Трудно смеяться, когда сердце готово разорваться на части от напора болезненных ощущений, и невоз-

¹⁶ Slow Coach – буквально «медленный дилижанс»; но эти же два слова на простонародном языке употребляются для выражения медленности и вялости движений какого-нибудь человека; в таком случае Slow coach значит *рохля, увальня, ротозей*. Оратор играет этими словами. *Прим. перев.*

можно шутить, как скоро наглость и бесстыдство издеваются над глубочайшими симпатиями нашей природы. Надежды моей клиентки разрушились однажды навсегда, и обычный ход её занятий прерван без милосердия и пощады. Билетик прибит снова на окне первого этажа, но нет более жильца в доме бедной вдовы. Холостые джентльмены снуют беспрестанно мимо окон и ворот, но уже никто из них не думал занять опустелую квартиру. Мрак, пустота и молчание водворились в гостеприимном домике на Гозуэлльской улице, смолк и заглох веселый голос резвого дитяти, и уже никто более не принимает радушного участия в его играх. Бедный мальчик сидит, задумавшись, по целым часам и уныло смотрит на свою плачущую мать. Но Пикквик, милостивые государи, Пикквик, этот безжалостный разрушитель домашнего оазиса в пустыне Гозуэлльской улицы, Пикквик, возмущивший кладезь безмятежной тишины и спокойствия в скромном семейном быту, Пикквик, выступивший сегодня перед нами со своими бессовестными котлетами и нагревальниками, – Пикквик, милостивые государи, еще дерзает поднимать свою голову с необузданною наглостью и бесстыдно издевается над развалинами, произведенными его злодейской рукой. Взыскание законных проторей и убытков, милостивые государи, – вот единственное наказание, которому вы можете подвергнуть этого злодея, и вместе с тем единственное вознаграждение, ожидаемое моею клиенткой. В этом собственно и заключается покорнейшая просьба, с которою м-с Бардль обращается к просвещенным, великодушным, благородным, беспристрастным и сострадательным соотечественникам, способным и готовым защищать силою закона страждущую невинность».

Заклучив таким образом свою прекраснейшую речь, м-р сержант Бузфуц сел на скамью адвокатов, и в ту же минуту вице-президент Стерлейх пробудился на своей кафедре.

– Позовите Елизавету Клоппинс, – сказал сержант Бузфуц, приподнимаясь на своем месте.

Первый ближайший докладчик (usher) закричал: – Елизавету Топпинс; другой, стоявший подальше, потребовал Елизавету Джокинс; третий бросился со всех нот искать Елизавету Моффинс.

Между тем, при общем содействии м-с Бардль, м-с Сандерс и господ Додсона и Фогга, м-с Клоппинс была возведена на верхнюю ступень свидетельской ложи, и в ту же минуту сама м-с Бардль утвердилась на нижней ступени, держа в одной руке белый платочек, а в другой – скляночку со спиртом, приготовленную для неё на всякий случай. М-с Сандерс стояла с зонтиком в руках, изъявляя совершеннейшую готовность развернуть его над головою неутешной вдовы.

– М-с Клоппинс, – сказал сержант Бузфуц, – успокойтесь, сударыня.

И лишь только он произнес эти слова, м-с Клоппинс залилась горячими слезами, обнаруживая притом разные возмутительные признаки истерического припадка.

– Помните-ли вы, милостивая государыня, – начал сержант Бузфуц после других незначительных вопросов, – помните-ли вы, что вы были в коридоре у м-с Бардль в июле прошлого года, в одно замечательное утро, когда м-с Бардль убирала комнаты своего жильца?

– Помню, милорд и господа присяжные, очень помню.

– Гостиная м-ра Пикквика находилась в первом этаже, если не ошибаюсь?

– Так точно, сэр, в первом этаже.

– Что-ж вы делали в коридоре, сударыня? – спросил судья.

– Милорд и господа присяжные, – сказала м-с Клоппинс с возрастающим волнением, – я не стану обманывать вас.

– И не должны, сударыня, – сказал вице-президент.

– М-с Бардль не знала, что я у неё в коридоре, – продолжала м-с Клоппинс, – Вот как это случилось, господа. Пошла я на рынок покупать для своих ребятишек почек и баранины, которую они очень любят. Прохожу я мимо домика м-с Бардль и вижу совсем неожиданно, что калитка у неё отворена. Отчего бы, думаю себе, так рано отворена калитка у м-с Бардль?

Подумала да и вошла во двор, а со двора в коридор. Вошла, сэ, и слышу, что в передней комнате, где квартировал м-р Пикквик, раздаются громкие голоса. Я остановилась...

– Для того, конечно, чтобы подслушать, – перебил сержант Бузфуц.

– Прошу извинить, сэ, – перебила м-с Клоппинс величественным тоном, – я ненавижу подобные проделки. Голоса были так громки, что, можно сказать, насильно пробивались в мои уши.

– Стало быть, вы не подслушивали, но просто слышали?

– Слышала, сэ, слышала.

– Очень хорошо. Различили-ли вы голос м-ра Пикквика?

– Различила, сэ, различила.

– О чем же говорил м-р Пикквик?

Отвечая на этот вопрос, м-с Клоппинс рассказала с мельчайшими подробностями уже известную нашим читателям беседу м-ра Пикквика с хозяйкой.

Присяжные задумались, и лица их выразили самые мрачные подозрения. Сержант Бузфуц улыбнулся и сел. Мрачные подозрения увеличились еще больше, когда сержант Сноббин объявил, что он не намерен подвергать эту свидетельницу вторичному допросу, потому что показание её, по признанию самого м-ра Пикквика, в сущности было справедливо.

Видя к себе милостивое внимание вице-президента и присяжных, м-с Клоппинс решилась воспользоваться благоприятным случаем, что бы войти в некоторые рассуждения о своих собственных домашних делах, и судьи немедленно услышали, что она, м-с Клоппинс, имеет честь быть матерью восьми прекрасных детей и что на этих днях она, с помощью Божиею, надеется подарить своего супруга девятым младенцем. При этих интересных подробностях вице-президент вспылил и сделал грозный жест, на основании которого обе интересные дамы, м-с Клоппинс и м-с Сандерс, были учтиво выведены из присутствия без дальнейших объяснений. М-р Джексон проводил их домой.

– Натаниель Винкель! – провозгласил м-р Скимпин.

– Здесь! – отозвался слабый и дрожащий голос.

И вслед затем м-р Винкель, отвесив вице-президенту учтивый поклон, поднялся на верхнюю ступень свидетельской ложи. Глаза его неподвижно устремились на м-ра Стерлейха.

– Не смотрите на меня, сэ, – сказал вице-президент строгим тоном, – внимание ваше должно быть обращено на господ присяжных.

М-р Винкель машинально повиновался, обратив наудачу свои глаза в ту сторону, где должны были заседать присяжные. Он был так взволнован и расстроен, что не видел почти ничего перед собою.

М-р Скимпин, весьма интересный юноша лет сорока двух или трех, приступил к допросу с самым искренним желанием сбить с толку свидетеля, подозреваемого в пристрастии к противной стороне.

– Ну, сэ, – сказал м-р Скимпин, – потрудитесь теперь объяснить милорду и присяжным, как ваше имя и фамилия.

Предложив этот вопрос, м-р Скимпин склонил свою голову на один бок и насторожил ухо таким образом, чтоб не проронить ни одного звука из ожидаемого ответа, при чем глаза его, обращенные на присяжных, говорили весьма выразительно и ясно, что он считает этого свидетеля способным ко всякому обману и что, по всей вероятности, он объявит теперь подложное имя.

– Винкель, – отвечал свидетель.

– Как ваше имя, сэ? – гневно спросил вице-президент.

– Натаниэль, сэ.

– Даниэль, сэ; Натаниэль, милорд.

– Как же это? Натаниэль Даниэль, или Даниэль Натаниэль?

– Нет, милорд, Натаниэль только.

– Зачем же вы сказали, сэр, что ваше имя Даниэль? – спросил гневный судья.

– Я не говорил, милорд, – отвечал бедный Винкель.

– Вы сказали, – возразил судья, грозно нахмутив брови. – Откуда же Даниэль очутился в моей книге, если вы не произнесли этого имени?

Нечего было отвечать на этот неотразимый аргумент.

– М-р Винкель забывается немножко, милорд, – сказал м-р Скимпин, бросив многозначительный взгляд на присяжных. – Законы, надеюсь, освежат его память, милостивые государи.

– Советую вам быть осторожнее, сэр, – сказал вице-президент, бросив на свидетеля мрачный взгляд.

Несчастный Винкель поклонился и старался по возможности принять спокойный вид.

– Теперь, м-р Винкель, не угодно-ли вам быть внимательнее к моим вопросам, – сказал м-р Скимпин, – рекомендую вам, сэр, для собственной же вашей пользы постоянно держать на уме совет, сделанный вам милордом. Извольте отвечать: принадлежите-ли вы, как я, впрочем, не сомневаюсь, к числу искренних друзей м-ра Пикквика, ответчика по делу вдовы Бардль?

– Я имею честь пользоваться знакомством и дружбой м-ра Пикквика с той поры...

– Сделайте одолжение, м-р Винкель, не увертывайтесь от моего вопроса. Повторяю вам еще, и вы отвечайте без уклончивости: друг вы или нет ответчика по делу м-с Бардль?

– Я хотел сказать, сэр, что...

– Угодно вам или нет отвечать на мой вопрос, сэр?

– Если вы не станете отвечать, мы принуждены будем арестовать вас, сэр, – заметил вице-президент, небрежно перелистывая свою записную книгу.

– Что же, сэр? – сказал м-р Скимпин. – Да или нет?

– Да, сэр.

– Что же такое – да?

– Я друг м-ра Пикквика.

– Конечно, друг, это мы очень хорошо знаем. Почему же вы не объявили этого сначала? Быть может, вы знаете также м-с Бардль – да, м-р Винкель?

– Я не знаю м-с Бардль; но я видел ее.

– О, вы не знаете, но вы видели ее? Потрудитесь же, сэр, объяснить господам присяжным, что вы под этим разумеете?

– Я хотел сказать, что я не был коротко с нею знаком; но я видел м-с Бардль, когда приходил к м-ру Пикквику в его квартиру на Гозуэлльской улице.

– А сколько раз вы ее видели?

– Сколько раз?

– Да, м-р Винкель, сколько раз? Я готов повторить вам этот вопрос еще тысячу раз, если вы желаете этого.

И м-р Скимпин, приложив свою руку к губам, бросил опять многозначительный взгляд на всех присяжных.

Но при этом вопросе для несчастного свидетеля возникли затруднения непреодолимого свойства. Сначала м-р Винкель объявил по долгу совести и чести, что ему невозможно припомнить, сколько раз он видел м-с Бардль. Потом, когда спросили, не видел-ли он ее двадцать раз, м-р Винкель отвечал скороговоркой:

– Конечно, даже более.

– Стало быть, видели ее раз сотню?

– Нет, меньше.

– Семьдесят пять раз?

– Меньше, я полагаю.

– Раз тридцать?

– Больше.

– Что-ж это значит, сэр? – спросил гневный судья. – То более, то менее: отвечайте положительно, без обиняков.

– Он увертывается, милорд, – сказал м-р Скимпин. – Не можете ли, по крайней мере, объявить, – продолжал он, обращаясь к трепещущему свидетелю, – что вы видели м-с Бардль около пятидесяти раз?

– Да, раз пятьдесят, я думаю, видел.

– Еще повторяю, сэр: будьте осторожны, иначе я принужден буду напомнить, с кем и в каком месте вы говорите, – сказал грозный м-р Стерлейх.

Все эти предварительные допросы и замечания окончательно сбили с толку бедного свидетеля, так что он представлял из себя жалкую фигуру уличного вора, пойманного в покраже карманного платка.

– Позвольте теперь спросить вас, м-р Вилкель: не были-ли вы в комнатах ответчика на Гозуэльской улице в одно достопамятное утро, в июле прошлого года?

– Был.

– Не находились-ли тогда с вами еще два человека: один по имени Топман, а другой по имени Снодграс?

– Да, я пришел к м-ру Пикквику со своими друзьями.

– Здесь-ли они теперь?

– Здесь, – отвечал м-р Винкель и тут же обратил свои глаза к тому месту, где были его друзья.

– Сделайте одолжение, м-р Винкель, будьте внимательнее к моим словам; успеете наглядеться после на своих друзей, – сказал м-р Скимпин, окидывая выразительным взором скамью присяжных. – Друзья ваши могут объявить свои показания без предварительного соглашения с вами, 3 сли только вы еще не успели сговориться. Теперь, сэр, не угодно-ли вам объявить по чистой совести господам присяжным, что изволили вы усмотреть в комнате м-ра Пикквика, когда пришли к нему со своими друзьями? Скорее, сэр, нечего тут обдумывать: закон откроет истину рано или поздно.

– Ответчик, м-р Пикквик, держал свою хозяйку в объятиях, то есть, обхватив её стан своими обеими руками, – отвечал м-р Винкель, переминаясь и заикаясь, – м-с Бардль, казалось, была в обмороке.

– Не произносил-ли тогда ответчик каких-нибудь слов?

– Он называл м-с Бардль добрым созданием, и я слышал, как он увещевал ее успокоиться, говоря, между прочим: хорошо-ли это будет, если кто-нибудь придет в его квартиру и застанет их в этом положении?

– И вы утверждаете клятвенно, что он именно произносил эти слова?

– Да.

– Довольно!

И м-р Скимпин сел на скамью адвокатов с торжествующим лицом.

Таким образом дело м-ра Пикквика запутывалось с минуты на минуту, и трудно было сообщить ему счастливый оборот. Но м-р Функи попытался.

– Я думаю, м-р Винкель, – сказал м-р Функи, – что м-р Пикквик уже немолодой человек?

– О, да, совсем немолодой, – отвечал м-р Винкель, – он мог бы быть моим отцом.

– Вы сказали моему ученому товарищу, м-р Винкель, что вы уже давно знакомы с м-ром Пикквиком. Случалось-ли вам когда-нибудь замечать или слышать, что он обнаруживал намерение вступить в брак?

– О, никогда, никогда! – отвечал м-р Винкель с такою запальчивостью, что опытный юрист, на месте м-ра Функи, тотчас же бы озаботился вывести его из свидетельской ложи.

Дурные свидетели, по юридической теории, бывают двух родов: свидетели упрямые, от которых с трудом добьешься какого-нибудь звука, и свидетели запальчивые, обнаруживающие неуместную страсть к словоохотливости. М-р Винкель, смотря по обстоятельствам, мог принадлежать к обоим разрядам. Функи не понимал этого.

– Я пойду дальше, сэ, – продолжал м-р Функи чрезвычайно ласковым и одобрительным тоном. – Случалось-ли вам из отношений м-ра Пикквика к женскому полу выводить заключение, что он, по какому бы то ни было поводу, одобрял женитьбу стариков?

– Никогда, никогда! – отвечал м-р Винкель.

– Как он вообще обходится с женщинами?

– Учтиво, учтиво.

– Но эта учтивость противоречит-ли в нем степенности человека, достигшего в своем возрасте до преклонных лет?

– Нет, не противоречит. нисколько.

– Стало быть, вы хотите сказать, что м-р Пикквик обходится с женщинами, как отец со своими дочерьми?

– Именно так. Как отец со своими дочерьми?

– И вы никогда в сношениях его с ними не замечали никакого предосудительного поступка? – сказал м-р Функи, готовясь уже сесть на свое место, потому что сержант Сноббин сильно начинал хмуриться при этих вопросах.

– Ни... ни... никогда, – отвечал заикаясь м-р Винкель, – кроме разве одного незначительного случая, который, впрочем, легко можно объяснить столкновением непредвиденных обстоятельств.

По свойству всех этих вопросов, не имевших прямой связи с сущностью дела, сержант Бузфуц имел полное право остановить и свидетеля, и допросчика при самом начале вторичного допроса; но он этого не сделал, рассчитывая весьма основательно, что словоохотливость Винкеля может быть полезною для его целей. Лишь только последние слова сорвались с языка неосторожного свидетеля, м-р Функи опрометью бросился к адвокатской скамейке, и сержант Сноббин приказал Винкелю сойти со ступеней свидетельской ложи, что он и поспешил выполнить с полною готовностью; но в ту самую пору, как м-р Винкель был уже на последней ступени, сержант Бузфуц круто повернул его назад.

– Остановитесь, м-р Винкель, остановитесь, – сказал сержант Бузфуц. – Милорд, не угодно-ли вам спросить этого господина, что собственно понимает он под тем незначительным случаем, который, по его словам, делает в известной степени предосудительными отношения старого Пикквика к женскому полу?

– Вы слышите, милостивый государь, чего требует от вас ученый друг мой? – сказал вице-президент, обращаясь к несчастному м-ру Винкелю, трепещущему и бледному, как смерть.

– Благоволите, сэ, изложить подробности этого незначительного случая.

– Милорд, – сказал м-р Винкель, – мне... я... да... мне бы не хотелось, милорд...

– Очень может быть, но вы должны, сэ, – отвечал судья повелительным тоном.

И среди глубокого безмолвия, водворившегося в судебной палате, м-р Винкель, объясняя незначительный случай, рассказал со всеми подробностями, как почтенный старец, годившийся ему в отцы, забрался ночью в спальню незамужней леди, потерявшей по этому поводу своего жениха, и как по тому же самому поводу он, Пикквик и все его друзья были представлены перед грозные очи м-ра Нупкина, городского мэра в Ипсвиче.

– Оставьте свидетельскую ложу, сэ, – сказал сержант Сноббин.

Быстро оставил ложу м-р Винкель и еще быстрее побежал в гостиницу «Коршуна и Джоржа», где, через несколько часов, трактирный слуга нашел его в самой печальной и безотрадней позе: несчастный лежал на кушетке, схоронив свою голову между подушками, и страшные стоны вырывались из его груди!

Треси Топман и Август Снодграс, потребованные к допросу, подтвердили во всей силе свидетельство своего несчастного друга, после чего скорбь и тоска овладели их чувствительными сердцами.

Возвели на верхнюю ступень Сусанну Сандерс, и допросили ее: сперва сержант Бузфуц, потом вторично сержант Сноббин. Результаты оказались удовлетворительные, Сусанна Сандерс говорила всегда и верила душевно, что м-р Пикквик женится на м-с Бардль. Знала, что, после июльского обморока, это дело считали решенным на их улице, и последнему мальчишке было известно, что скоро будет свадьба. Слышала это собственными ушами от м-с Модбери, содержательницы катка, и от м-с Бонкин, привилегированной прачки. Слышала также, как м-р Пикквик спрашивал малютку, желает-ли он иметь другого отца. Заподлинно не знала, что м-с Бардль стояла в ту пору на короткой ноге с булочником на Гозуэлльской улице, но знала наверное, что булочник тогда был холостой человек, а теперь женат. Не могла объявить под присягой, что м-с Бардль была тогда влюблена в этого булочника, но думала, однако ж, что сам булочник не был влюблен в м-с Бардль, иначе он женился бы на ней. Была уверена, что м-с Бардль лишилась чувств в июльское утро оттого, что м-р Пикквик просил ее назначить день свадьбы. Знала, что и сама она, Сусанна Сандерс, упала в глубокий обморок, когда м-р Сандерс, в качестве жениха, попросил ее о назначении этого дня, и верила сердечно, что всякая порядочная женщина с душой и сердцем непременно должна при таких обстоятельствах падать в обморок. Слышала, что м-р Пикквик гладил малютку по головке, дарил ему деньги и принимал деятельное участие в его детских забавах.

Допрошенная вторично, Сусанна Сандерс объявила между прочим, что м-р Сандерс, когда был женихом, писал к ней любовные письма и она получала их, потому что все леди получают и читают любовные письма от своих женихов. Помнит очень хорошо, что при этой корреспонденции м-р Сандерс часто называл ее «уткой», «уточкой», «утицей», «утенком»; но знает наверное, что никогда он не называл ее ни «котлетками», ни «картофельным соусом». М-р Сандерс очень любил уток. Если б он также любил котлетки или соус под картофелем, очень может статься, что он употребил бы в своих письмах эти названия для выражения особенной нежности к своей невесте.

Наконец, сержант Бузфуц поднялся со своего места с торжественною важностью и провозгласил громогласно:

– Потребовать Самуэля Уэллера!

Но не было никакой надобности в формальном требовании Самуэля. Лишь только произнесли его имя, он храбро взбежал на ступени свидетельской ложи, положил свою шляпу на пол, облокотился руками на перила, бросил орлиный взгляд на присяжных, подмигнул на сержанта Бузфуца и весело взглянул на вице-президента Стерлейха.

– Как ваша фамилия, сэръ? – спросил вице-президент Стерлейх.

– Самуэль Уэллер, милорд.

– Одно «Л» или два?

– Пожалуй, хоть и три, как вздумается вашей чести, милорд, – отвечал Самуэль, – сам я, с вашего позволения, всегда пишу два «Л», так что и выходит – Уэллллerr – Самуэль Уэллер, милорд.

– Bravo, Самми, bravo, друг мой! – закричал изо всей силы чей-то голос из галлерей, – пишите двойное «люди», милорд, двойное «люди»!

– Кто там смеет кричать? – сказал вице-президент, обращая глаза кверху. – Докладчик!

– Что угодно вашей чести? – откликнулся ближайший докладчик.

– Приведите ко мне этого невежу.

– Слушаю, милорд.

Но докладчик не нашел и, следовательно, никого не мог представить перед глаза раздраженного судьи. Задыхаясь от негодования, вице-президент обратился к Самуэлю и спросил:

– Знаете-ли вы, сэр, кто это кричал?

– Думать надобно, милорд, что это мой родитель.

– Видите-ли вы его теперь?

– Нет, милорд, не вижу, – отвечал Самуэль, пристально устремив свои глаза на потолочное окно судебной залы.

– Если б вы могли указать, я бы приказал посадить его под арест, – заметил вице-президент.

Самуэль поклонился в знак благодарности за снисхождение к его отцу и весело подмигнул на сержанта Бузфуца.

– Ну, м-р Уэллер, – сказал сержант Бузфуц.

– Ну, сэр, – отвечал Самуэль.

– Вы, если не ошибаюсь, состоите на службе у м-ра Пикквика, – ответчика по этому делу. Говорите, м-р Уэллер, говорите.

– И буду говорить, сколько вам угодно, сэр, – сказал Самуэль, – я подлинно состою на службе у этого джентльмена, и могу уверить, что это – отличная служба.

– Дела мало, денег пропасть, не так ли, м-р Уэллер? – сказал сержант Бузфуц веселым тоном.

– Да таки нешто, сэр, есть и деньжонки, как говаривал один прохвост после того, как ему вlepили в спину триста пятьдесят палок.

– Нам нет надобности до прохвостов или до кого бы то ни было, с кем вы знакомы, – перебил вице-президент Стерлейх, – это не относится к делу.

– Очень хорошо, милорд, очень хорошо, отвечал Самуэль.

– Не помните-ли вы каких-нибудь особенных происшествий, случившихся в то самое утро, когда вы только что поступили в услужение к этому джентльмену? – спросил сержант Бузфуц.

– Как не помнить, сэр! Очень помню, – отвечал Самуэль.

– Потрудитесь рассказать о них господам присяжным.

– Извольте прислушать, господа присяжные, – сказал Самуэль. – В тот самый день, как я поступил в услужение к м-ру Пикквику, для меня был куплен новый фрак со светлыми пуговицами и чудесная пуховая шляпа, которую, впрочем, я уже износил; и если вы, господа присяжные, возьмете в расчет, что до той поры фрачишка был у меня старенький, шляпенка ледяная, дырявая, как вентилятор, то можете представить, как я был тогда благодарен м-ру Пикквику. Это было самое важное и необыкновенное происшествие, случившееся в тот день.

Все захохотали. Вице-президент Стерлейх нахмурил брови и сказал сердитым тоном:

– Советую вам быть осторожнее, сэр.

– Вот это же самое говорил мне и м-р Пикквик, когда снабдил меня новым платьем. «Будьте, говорит, осторожнее, Самуэль, не то платье скоро износится». И я, действительно, был осторожен, милорд, потому что родитель приучил меня с издетства слушаться благих советов.

Вице-президент пристально и сурово посмотрел минуты две на Самуэля: но черты его лица были так спокойны, ясны, и обличали такую младенческую кротость, что м-р Стерлейх не сказал ничего и только махнул рукою в знак того, что допрос может быть возобновлен.

– Хотите-ли вы сказать, м-р Уэллер, – начал сержант Бузфуц, сложив руки на груди и бросив многозначительный взгляд на присяжных, – хотите-ли вы сказать, что вы не заметили никаких особенных обстоятельств, сопровождавших обморок м-с Бардль в ту пору, как она лежала на руках вашего господина?

– Ничего не заметил, сэр, да и не мог заметить. Я стоял в коридоре до тех пор, пока не потребовали меня в комнату, и когда я вошел, старухи уже не было там.

– Послушайте, сэр Уэллер, – сказал сержант Бузфуц, обмакивая перо в чернильницу с тем, чтобы запугать Самуэля, который должен был увидеть, что ответы его будут записаны слово в слово, – вы были в коридоре, и, однако ж, говорите, что не видели ничего, что было впереди. Сколько у вас глаз, м-р Уэллер?

– Два только, сэр, два человеческих глаза. Если бы это были микроскопы, увеличивающие предметы во сто миллионов раз, тогда, быть может, я увидел бы что-нибудь через доски, кирпич и штукатурку; но при двух обыкновенных глазах, сэр, зрение мое ограничено, сэр.

Зрители захохотали, вице-президент улыбнулся, сержант Бузфуц сделал преглупейшую мину, Самуэль Уэллер продолжал стоять спокойно, бросая на всех самые светлые взгляды. Последовала кратковременная консультация с господами Додсоном и Фоггом, и потом сержант Бузфуц, подойдя к свидетельской ложе, сказал:

– Ну, м-р Уэллер, я намерен теперь, с вашего позволения, предложить вам вопрос относительно другого пункта.

– Позволяю, сэр, позволяю! Можете спрашивать, сколько угодно, – отвечал Самуэль веселым и добродушным тоном.

– Помните-ли вы, м-р Уэллер, как вы приходили в дом м-с Бардль вечером в конце прошлого ноября?

– Помню, сэр, очень хорошо.

– А! Так вы помните это, м-р Уэллер, даже очень хорошо, – сказал сержант Бузфуц, начиная, по-видимому, выходить из своего затруднительного положения. – Теперь, авось, мы добьемся от вас чего-нибудь.

– Как не добиться, сэр. Добьетесь всего, что вам угодно.

Присяжные переглянулись: зрители захохотали.

– Вы приходили, конечно, потолковать с м-с Бардль насчет этого процесса: не так ли, м-р Уэллер, а? – сказал сержант Бузфуц, озираясь на присяжных.

– Я приходил собственно за тем, чтобы внести квартирные деньги; но вы угадали, сэр, что мы таки, нешто, потолковали малую толику насчет этого дельца.

– А! так вы потолковали? – сказал сержант Сноббин с просиявшим лицом, обнаруживая очевидную надежду дойти до важнейших открытий. – Как же вы потолковали? Не угодно-ли вам объяснить это господам присяжным?

– От всего моего сердца и от всей души, сэр, – отвечал Самуэль. – Прежде всего надобно вам доложить, господа присяжные, что м-с Бардль – старуха разухабистая...

– Что вы под этим подразумеваете, сэр?

– Что она – дама почтенная во всех отношениях и гостеприимная до такой степени, что на ту пору собственными руками поднесла мне рюмку настойки. У ней были тогда в гостях вот эти две почтенные женщины, что говорили недавно здесь, как свидетельницы в этом деле. М-с Бардль сказала, какие хитрые вещи готовились устроить на четырнадцатое февраля господа Додсон и Фогг, и все они чрезвычайно удивлялись необыкновенному благоразумию вот этих двух джентльменов, которые сидят здесь на этой скамейке, недалеко от вас, господа присяжные.

Взоры всей публики обратились на господ Додсона и Фогга.

– Итак, все эти дамы, как вы говорите, удивлялись необыкновенной честности господ Додсона и Фогга, – сказал м-р Бузфуц. – Продолжайте, сэр.

– Они восхищались также необыкновенным великодушием господ Додсона и Фогга, потому что эти господа не потребовали никакого предварительного вознаграждения за свои хлопоты, рассчитывая, что м-с Бардль отблагодарит их с лихвой, когда они вытянут денежки из кармана м-ра Пикквика.

При этом неожиданном ответе зрители снова засмеялись. Додсон и Фогг торопливо подошли к сержанту Бузфуцу и шепнули ему что-то на ухо.

– Ваша правда, господа, ваша правда, – громко сказал сержант Бузфуц, стараясь принять спокойный вид. – Милорд, непроницаемая глупость этого свидетеля отнимает всякую надежду уяснить через него сущность нашего дела. Я не стану больше беспокоить господ присяжных предложением ему бесполезных вопросов. – Сэр, можете удалиться на свое место.

– Господа, не угодно-ли кому-нибудь из вас допросить меня вторично? – спросил Самуэль, приподнимая свою шляпу.

– Нет, м-р Уэллер, покорно вас благодарю, – сказал сержант Сноббин, улыбаясь.

– Сойдите с этого места, – сказал сержант Бузфуц, нетерпеливо махнув рукою.

Самуэль ушел, радуясь душевно, что он успел *поддеть* господ Додсона и Фогга, сколько это возможно было при его положении и средствах. Не сказать ничего о м-ре Пикквике и повредить разухабистой старухе – вот все, что имел он в виду, приготовляясь быть свидетелем в этом деле.

– Милорд, – сказал сержант Сноббин, – я не имею никаких возражений против того, что клиент мой, м-р Пикквик, владеет независимым состоянием и не состоит на действительной службе.

– Очень хорошо, – сказал сержант Бузфуц, – мы внесем это в протокол.

Затем сержант Сноббин, обращаясь к присяжным, начал свою великолепную речь в защиту ответчика. Долго и красноречиво говорил он, изображая самыми яркими красками добродетели великого человека и заслуги его в ученом мире; но мы не считаем нужным приводить здесь буквально эту речь, так как читатели наши уже имеют, конечно, самое высокое понятие о нравственных и умственных достоинствах президента Пикквикского клуба. Оратор изъяснил с удовлетворительной отчетливостью, что записки м-ра Пикквика к вдове Бардль, не заключая никакого аллегорического смысла, имели только непосредственное отношение к его обедам и хозяйственным распоряжениям в его спальне. Словом, м-р сержант Сноббин сделал все, что мог, в пользу великого человека.

Наконец, вице-президент Стерлейх произнес, в назидание присяжных, краткую, но сильную и выразительную речь, увещевая их действовать в настоящем случае по долгу совести и чести. Вот сущность этой речи:

«Милостивые государи, если вдова Бардль не виновата, то не подлежит никакому сомнению, что виноват старик Пикквик, и если, напротив, Пикквик не виноват, то вся вина должна падать на вдову Бардль. Вы слышали показания, отобранные от Елизаветы Клоппинс: можете им верить, если они удовлетворительны, и можете не верить, как скоро находите их неудовлетворительными. Если обещание вступить в законный брак действительно было нарушено, то вы можете, милостивые государи, подвергнуть нарушителя взысканию законных проторей и неустойки; если же, напротив, окажется, что ответчик не давал такого обещания, вы можете, по благоусмотрению, освободить его от всяких проторей и от всякой неустойки. Во всяком случае, я убежден, милостивые государи, что, произнося свой приговор, вы будете действовать по долгу совести и чести.»

Затем, как и следует, присяжных заперли в их особенной комнате, где они должны были, после предварительных обсуждений, решить дело единодушно и единогласно. Вице-президент, между тем, удалился в свою особенную комнату, чтоб освежить себя на досуге бараньими котлетами и стаканом ост-индской мадеры.

Минут через двадцать мучительного ожидания присяжные снова воротились в залу и вслед за ними вошел господин вице-президент Стерлейх. М-р Пикквик надел очки и устремил тревожный взгляд на старшину.

– Господа, – сказал вице-президент, – все-ли вы поступали единодушно при составлении окончательного приговора?

– Все, – отвечал старшина.

– Кого же вы обвинили, господа: просительницу или ответчика?

- Ответчика.
- Сколько должен он внести Бардль?
- Семьсот пятьдесят фунтов.

М-р Пикквик неистово сдернул очки со своего носа, вытер стекла и положил их в карман. Затем, надевая довольно медленно свои лайковые перчатки, он машинально последовал за Перкером из судебной палаты.

На минуту они остановились в боковой комнате, где Перкер должен был расплатиться за судебные издержки. Здесь м-р Пикквик соединился со своими друзьями, и здесь также глаза его наткнулись на господ Додсона и Фогга, потиравших свои руки от душевного восторга.

- Ну, господа, – сказал м-р Пикквик.
- Ну, сэр, – отозвался Додсон за себя и своего товарища.
- Вы, конечно, уверены, господа, что я заплачу эти деньги: – так ли? – сказал м-р Пикквик.

Фогг отвечал, что это очень вероятно; Додсон улыбнулся и прибавил, что они могут их вытребовать через суд.

– Вы можете судить меня тысячу лет сряду, господа Додсон и Фогг, – сказал м-р Пикквик с необыкновенною запальчивостью, – но вам не вытащить из моего кармана ни одного фартинга, хотя бы мне пришлось целую жизнь просидеть в тюрьме.

- Ха, ха, ха! – закатился Додсон. – Это мы увидим, сэр, увидим!
- Хи, хи, хи! – залился м-р Фогг. – Нельзя-ли вам, м-р Пикквик, немножко поубавить своей храбрости?

Остолбенелый и безмолвный от сильнейшего негодования, Пикквик позволил себя, без малейшего сопротивления, увести к воротам, где дожидался его Самуэль Уэллер у наемной кареты.

Лишь только м-р Уэллер откинул подножки и приготовился сам вспрыгнуть на козлы, как чья-то рука слегка ударила его по плечу: он оглянулся и увидел перед собой своего почтенного родителя, который только-что вышел из суда. Старец был пасмурен, угрюм, и на лице его выразилась глубокая, душевная скорбь, когда он проговорил густым басом:

– Я заранее знал и чувствовал, какую механику собирались подсмолить эти сутяги. Эх, Самми, Самми, почему бы тебе не навести на разум своего доброго старшину! В одном только alibi было его спасенье!

Глава XXXV

Мистер Пикквик, по зрелом размышлении, предпринимает путешествие в Бат.

На другой день после окончательного приговора, произнесенного судом присяжных, в лондонскую квартиру президента Пикквикского клуба вошел его маленький адвокат, м-р Перкер, и, после обычных приветствий, беседа между ними началась следующим образом:

– Что вы думаете, почтеннейший? – спросил м-р Перкер.

– Ничего особенного; вам известен мой образ мыслей, – отвечал м-р Пикквик.

– И вы точно думаете, – положительно и серьезно, не платить им за эти протори и убытки?

– Ни одного пенни, ни полпенни, – сказал м-р Пикквик твердым и решительным голосом, – да, ни полпенни!

– Вот это, судари мои, значит действовать по принятому правилу, или по принципу, как говаривал один заимодавец, когда, бывало, просили его возобновить отсрочку платежа, – заметил м-р Уэллер, убиравший после завтрака посуду со стола.

– Самуэль, – сказал м-р Пикквик, – вы хорошо сделаете, если уйдете вниз.

– Слушаю, сэръ, – отвечал м-р Уэллер.

И, повинувшись полученному приказанию, он исчез.

– Нет, Перкер, нет, – сказал м-р Пикквик с расстановкой и делая ударение на каждом слове, – друзья мои старались отвлечь меня от этого намерения, но без всякого успеха: моя воля неизменна. Я стану заниматься своими обычными делами до тех пор, пока юридические враги мои не возобновят законным образом этого процесса, и, если у них достанет бессовестности воспользоваться своими правами, я пойду в тюрьму без сопротивления и с веселым духом. Когда они могут сделать это?

– Они могут подать на вас просьбу о законном взыскании всех этих проторей и убытков в следующее юридическое заседание, почтеннейший, – отвечал м-р Перкер. – Это будет ровно через два месяца, почтеннейший.

– Очень хорошо, – сказал м-р Пикквик. – Так до того времени, Перкер, прошу вас больше не упоминать мне об этом деле. Мои ученые наблюдения могут продолжаться безостановочно, и теперь – вот в чем вопрос, – продолжал великий человек, бросая на своих друзей добродушный взгляд, при чем глаза его заискрились таким блеском, которого не могли даже затемнить или прикрыть его очки, – куда мы поедем, господа?

М-р Топман и м-р Снодграс, пораженные необыкновенным мужеством своего президента, не произнесли никакого ответа и стояли безмолвно среди комнаты с понурыми головами. М-р Винкель еще не успел собраться с духом после достопамятных происшествий вчерашнего дня и был неспособен подать голос в ученом деле. М-р Пикквик напрасно ждал ответа.

– Выходит, стало быть, – сказал он после продолжительной паузы, – что я сам должен назначить место для будущих наших наблюдений.

– Едем в Бат, господа. Кажется, еще никто из нас не был в Бате.

Не был никто, и это предложение, встретившее сильного ходатая в м-ре Перкере, было принято единодушно. Перкер основательно рассчитывал, что м-р Пикквик, развлеченный переменами и веселой жизнью, будет, вероятно, рассудительнее смотреть на последствия своего упорства и утратит желание сидеть в тюрьме. Самуэль был немедленно отправлен в погреб «Белой лошади» с поручением взять пять мест на следующий день в дилижансе, который должен отправиться утром в половине восьмого.

Было только два места внутри кареты и три на империале дилижанса. М-р Уэллер подписался на все эти места и, разменявшись несколькими остроумными комплиментами с конторщиком по поводу оловянной полкроны, полученной от него в сдачу, ушел обратно в гостиницу Коршуна и Джорджа, где ожидали его весьма серьезные занятия, в которые он и был углублен

весь остаток этого дня. Он укладывал фраки, белье, сюртуки, стараясь по возможности сообщить им наименьший объем и придумывая разные, более или менее замысловатые, способы для укрепления верхней крышки сундука, у которого не было ни петли, ни замка.

Утро на другой день было мокрое, туманное, сырое и, следовательно, весьма неблагоприятное для путешествия. Лошади почтовых экипажей, тянувшихся по городу, дымились таким образом, что пассажиров на империале совсем не было видно. Продавцы и разносчики газет промокли до костей и, по-видимому, заплесневели со своим товаром; капли дождя струились с клеенчатых шляп апельсинщиков и яблочников, когда они просовывали свои головы в окна экипажей; евреи с отчаянием ходили взад и вперед, складывая перочинные ножички, которых никто не покупал; мальчики с карманными книгами спешили упрятать их в свои карманы; грецкие губки и коробки с карандашами превратились в москательный товар, неудобный для продажи.

Оставив Самуэля высвободить свой багаж из рук семи или восьми носильщиков, бросившихся на него с жадностью в ту минуту, когда кабриолет остановился у ворот конторы дилижансов, м-р Пикквик и его друзья, приехавшие двадцатью минутами ранее назначенного срока, отправились в общую залу; где, как известно, путешественники проводят самые приятные минуты перед своим отъездом.

Общая зала при погребке «Белой лошади» не представляет, однако ж, тех удобств, на которые в праве рассчитывать всякий джентльмен, собравшийся в дорогу. Это довольно большая и совершенно невзрачная комната, с большою кухонною печью вместо камина, подле которой во всякое время стоят кочерга, лопата и огромные щипцы. Комната разделена на отдельные каморки в угоду путешественникам, любящим уединение, и снабжена стенными часами, зеркалом и живым слугою, скрытым в небольшой конуре, определенной для мытья посуды.

В одной из этих каморок находился теперь суровый и усатый мужчина лет сорока пяти, с плешивым и светлым лбом и с достаточным количеством черных волос на затылке и по обеим сторонам головы. Он был в сером фраке, застегнутом на все пуговицы, и в широкой тюленьей фуражке. При входе наших путешественников он оторвал глаза от завтрака и с большим достоинством посмотрел на м-ра Пикквика и его друзей. Кончив этот обзор, он затянул какую-то мелодию, и его физиономия выразила совершеннейшее довольство самим собою, как будто он убедился окончательно, что никто здесь не может сравниться с его особой.

– Эй, малый! – сказал усатый джентльмен.

– Чего прикажете? – откликнулся грязнолицый малый, вынырнувший из вышеупомянутой конуры, с полотенцем в руках.

– Подать белого хлеба.

– Слушаю, сэр.

– С ветчиной и маслом.

– Сию минуту.

Усатый джентльмен затянул опять какую-то мелодию и, подойдя к камину в ожидании бутерброда, подобрал фалды фрака и устремил пристальный взор на оконечности своих сапогов.

– Интересно знать, около какого пункта в Бате останавливается этот дилижанс, – сказал м-р Пикквик, ласково обращаясь к м-ру Винкелю.

– Гм... ге... это что значит? – сказал незнакомец.

– Я сделал замечание своему другу, сэр, – отвечал м-р Пикквик, изъявляя готовность вступить в разговор. – Мне хотелось знать, в каком доме Бата помещается контора здешних дилижансов. Может быть, вы это знаете, сэр?

– Разве вы едете в Бат? – спросил незнакомец.

– Да, сэр, – отвечал м-р Пикквик.

– А эти джентльмены?

– И эти джентльмены.

– Не внутри кареты, надеюсь... будь я проклят, если все вы заберетесь в карету, – сказал незнакомец.

– Нет, сэр, не все, – отвечал м-р Пикквик успокоительным тоном.

– Разумеется, не все, – возразил энергически усатый джентльмен. – Я взял два места. Если им вздумается втиснуть шесть человек в этот демонский ящик, где с трудом могут поместиться только четверо, я сейчас беру постшез и подаю на них жалобу. Я заплатил за свои билеты. Они не посмеют этого сделать. За ними, я знаю, водились эти вещи. Я знаю, что они делают это каждый день; но теперь этого не будет. Не позволю. Не потерплю. Кто знает меня лучше, тот понимает, как вести со мной дела. Я их проучу.

Запальчивый джентльмен дернул изо всей силы сонетку и, когда явился слуга, сказал, чтоб бутерброд был подан через несколько секунд или он проучит их всех.

– Позвольте вам заметить, – сказал м-р Пикквик, – что вы беспокоитесь совершенно напрасно... то-есть без достаточного повода, сэр, и без основательной причины, сэр. Я взял только два места в карете, для двух персон.

– Очень рад это слышать, – сказал запальчивый джентльмен. – Беру назад свои выражения. Хорошо, что вы объяснились. Вот моя карточка. Позвольте познакомиться с вами.

– С большим удовольствием, сэр, – отвечал м-р Пикквик. – Мы путешествуем вместе и, я надеюсь, не станем скучать обществом друг друга.

– Я тоже надеюсь, – сказал запальчивый джентльмен, – я уверен в этом. Ваши физиономии мне нравятся. Ваши руки, господа. Познакомьтесь со мной.

Размен дружеских приветствий, как водится, последовал за этой грациозной речью, и запальчивый джентльмен, продолжая выстреливать своими лаконическими сентенциями, известил наших путешественников, что фамилия его – Даулер и что он едет в Бат для собственного удовольствия. Был прежде в военной службе. Теперь в отставке. Живет истинным джентльменом на собственном иждивении. Знаменитая особа, для которой взято второе место в карете, есть м-с Даулер, его благородная супруга.

– Прекрасная женщина, – сказал м-р Даулер. – Я горжусь ею. На это есть особая причина.

– Я буду, конечно, иметь удовольствие судить о достоинствах м-с Даулер, – сказал м-р Пикквик, улыбаясь.

– Будете, – отвечал Даулер. – Она познакомится с вами, станет уважать вас. Волочился за ней под влиянием необыкновенных обстоятельств. Приступом взял. Вот как. Увидел ее – полюбил... предложил – отказала. – «Вы любите другого?» – Избавьте меня от объяснений. – «Я знаю его?» – Знаете. – «Очень хорошо: если он останется здесь, я сдеру с него кожу.»

– Ах, Боже мой! – невольно воскликнул м-р Пикквик.

– И вы действительно содрали кожу? – спросил м-р Винкель, побледневший от страха.

– Я написал ему записку. Сказал, что обстоятельства критические. Шутить нечего. И точно, здесь было не до шуток.

– Конечно, – подтвердил м-р Винкель.

– Я сказал, что дал себе честное слово ободрать его. Дело шло о моей чести. Отступить было поздно. Как честный человек, я был обязан сдержать слово. Жалел о необходимости, но иначе поступать было невозможно. Он убедился и понял, что правила службы неизменны. Он убежал. Я женился. Вот и дилижанс. Вон её голова.

Говоря это, м-р Даулер указал на подъезжавший экипаж, откуда из открытого окна выглядывала хорошенькая головка в голубой шляпке, отыскивая, вероятно, самого запальчивого джентльмена. М-р Даулер расплатился с буфетчиком и выбежал в своей тюленьей фуражке, с сюртуком и шинелью под мышкой. М-р Пикквик и его друзья поспешили занять свои места.

М-р Топман и м-р Снодграс поместились на задней стороне императора; м-р Винкель сел в карете, и, когда м-р Пикквик хотел последовать за ним, Самуэль Уэллер, испуганный

и встревоженный, подбежал к своему господину с видом глубочайшей тайны и шепнул ему что-то на ухо.

– Что с вами, Самуэль? – сказал м-р Пикквик.

– Престранный вояж, сэра, они устроили для вас, – отвечал Самуэль.

– Что? – с беспокойством спросил м-р Пикквик.

– А вот, взгляните-ка сюда, сэра, – отвечал Самуэль. – Содержатель этого дилижанса вздумал сыграть с вами пребезстыдную шутку.

– Что вы хотите этим сказать? Разве наши имена не записаны в дорожной карте?

– Не только в дорожной карте, сэра, – отвечал Самуэль, – но одно из этих имен им вздумалось нарисовать на дверцах дилижанса.

Говоря это, Самуэль указал на ту часть экипажа, где обыкновенно означает фамилия его владельца, и ученый муж, к великому изумлению, увидел свое собственное имя, нарисованное огромными золотыми буквами.

– Боже мой! – воскликнул м-р Пикквик, пораженный этой случайностью, – какое необыкновенное столкновение обстоятельств!

– Погодите, сэра, это еще не все, – сказал Самуэль, обращая опять внимание своего господина на дверь дилижанса, – мало того, что они угораздились нарисовать «Пикквик», но еще вздумали перед этой джентльменской фамилией поставить жидовское имя – «Моисей Пикквик!» Ведь это значит прибавлять к насмешке злейшую обиду, как говаривал один попугай, когда его не только без жалости лишили родимого гнезда, но еще заставили, вдобавок, болтать на английском языке. Прескверный анекдот!

– Да, это очень странно, Самуэль, – сказал м-р Пикквик, – однако ж, разговаривая здесь, мы легко можем потерять свои места.

– Как! Неужто вы хотите оставить без внимания это дело? – вскричал Самуэль, озадаченный удивительным хладнокровием, с каким его господин собирался сесть в карету.

– Разумеется, – сказал м-р Пикквик. – Тут ничего не сделаешь, мой милый.

– Как ничего? А разве, с вашего позволения, нельзя задать таску за эту дерзость? – вскричал м-р Уэллер, питавший до сих пор несомненную уверенность, что ему поручено будет вызвать на кулачное единоборство кучера и кондуктора.

– Нини! ни под каким видом! – с нетерпением возразил м-р Пикквик. – Прыгайте на свое место, Самуэль.

– Ну, это не перед добром, – бормотал Самуэль, отходя от своего господина, – старшина, должно быть, повихнулся порядком, иначе он никогда бы не пропустил мимо ушей этого казусного дела. Эта тяжба с замысловатой бабой, черт бы ее побрал, чуть-ли не испортила в конец его умную главизну.

М-р Уэллер с важностью покачал головой и, взобравшись на свое место, не проговорил ни одного слова до тех пор, пока дилижанс не подъехал, наконец, к шоссе заставе около Кенсингтона. Это служит доказательством, что верный слуга принял слишком к сердцу необыкновенное состояние духа, которое он заметил в своем добром господине.

Впродолжение самого путешествия не случилось достопримечательных событий. М-р Даулер рассказывал разнообразные, более или менее интересные, анекдоты, которые все, без исключения, служили доказательством его личного мужества и храбрости, и м-с Даулер неизменно подтверждала и усиливала показания своего супруга. Случалось, в рассказе, с намерением или без намерения, были опускаемы многие весьма характеристические подробности, и м-с Даулер, помогая памяти своего мужа, воспроизводила их с такою точностью, из которой оказывалось совершенно очевидным, что м-р Даулер – джентльмен удивительный, редкий и заслуживающий уважения всех честных людей. М-р Пикквик и м-р Винкель слушали с напряженным вниманием все эти рассказы и в промежутках вели одушевленный разговор с м-с Даулер, которая, с своей стороны, была весьма приятная и даже очаровательная особа.

В этой интересной беседе незаметно пролетело время для всех пассажиров внутри экипажа, и они были как нельзя больше довольны обществом друг друга.

Наружные пассажиры теперь, как и всегда, вели себя чинно и спокойно. Они были очень веселы и разговорчивы при начале каждой станции, задумчивы и сонливы среди дороги и потом опять деятельны и шумны, когда экипаж подъезжал к станционному дому. Один юноша в резинковом пальто курил сигару целый день; другой юноша в длинном сюртуке, выкуривший около десяти сигар почувствовал дурноту в голове и совсем перестал курить, выбросив на дорогу зажигательные спички. Был еще молодой человек, обнаруживший редкие сведения в лошадиных породах, и был еще старичок, оказавшийся знатоком сельского хозяйства. Дилижанс катился без всяких приключений по гладкому шоссе, останавливаясь на несколько минут в гостиницах, где пассажиры могли иметь очень вкусный обед за полкроны.

Путешествие окончилось в тот же день к семи часам вечера. М-р Пикквик и его друзья, м-р Даулер со своей супругой удалились в свои номера, нанятые в гостинице «Белого оленя», что в Бате, насупротив заведения минеральных вод, где служители своим костюмом напоминают мальчишек уэстлиинстерской школы.

Поутру на другой день, лишь только друзья наши окончили свой завтрак, трактирный слуга принес им карточку от м-ра Даулера, просившего позволения отрекомендовать им одного из своих друзей. Вслед за карточкой вошел сам м-р Даулер и с ним – его друг.

Это был очаровательный молодой человек лет пятидесяти, никак не больше, в светло-синем фраке с блестящими пуговицами, в черных панталонах из тончайшего сукна и светлейших сапогах из тончайшей кожи. Золотой лорнет на широкой черной ленте служил изящным украшением его юношеской груди; золотая табакерка порхала чудным образом в его левой руке; бесчисленные золотые кольца сверкали искрометным блеском на всех пальцах, и огромная бриллиантовая булавка сияла великолепно на его батистовой рубашке. Кашмировый жилет его украшался золотыми часами и длинной золотой цепью с огромными золотыми печатями; в правой руке его была гибкая трость с огромным золотым набалдашником. Белье на нем было белее снега; парик чернее сажи, и локоны мягче пуха. Его табак благоухал амброй, и сам он с ног до головы был вспырынут благородной эссенцией из bouquet du roi. Черты его лица были стянуты в беспрестанную улыбку, и зубы его были расположены в таком симметрическом порядке, что даже в близком расстоянии никак нельзя было отличить фальшивые от настоящих.

– М-р Пикквик, – сказал Даулер, – мой друг, Анджело Кир Бентам, эсквайр, церемониймейстер; Бентам, м-р Пикквик. Познакомьтесь.

– Пожаловали к нам в Ба-ат, сэра... Лестное приобретение для здешнего общества. Все будут вам рады в Ба-ате, сэра. Давненько, сэра, очень давно, м-р Пикквик, вы не изволили у нас быть на водах. Целый век, м-р Пикквик. Замечательно!

Таковы были выражения, какими Анджело Кир Бентам, эсквайр и церемониймейстер, сопровождал пожатие руки м-ра Пикквика, при чем он беспрестанно кланялся и пожимал плечами, как будто ему не хотелось расстаться с этой драгоценной рукою.

– Конечно, вы правы, сэра, – сказал м-р Пикквик, – слишком много времени прошло с той поры, как я должен был пить воды, потому что, сколько могу припомнить, я никогда еще не имел удовольствия быть в этом месте.

– Никогда не были в Ба-ате! – воскликнул церемониймейстер, выпуская с изумлением руку м-ра Пикквика. – Никогда не были... Хи, хи, хи! Вы шутник, м-р Пикквик, вы забавник, сэра. Недурно, недурно. Хорошо, хорошо. Хи, хи, хи! Замечательно!

– К стыду своему я должен признаться, сэра, что я вовсе не шучу, – отвечал м-р Пикквик. – Я действительно никогда не был в Бате до этого времени.

– О, я вижу, – воскликнул церемониймейстер, делая самую веселую мину, – да, да... хорошо, хорошо – все лучше и лучше. Вы принадлежите к числу джентльменов, о которых мы слышали. Да, мы знаем вас, м-р Пикквик; мы знаем вас, сэра.

«Проклятые газеты, вероятно, уже сообщили о подробностях моего процесса, подумал м-р Пикквик... Здесь все обо мне знают».

– Ведь вы живете в Клефем-Грине, – продолжал Бентам: – вы имели несчастье простудиться после неумеренного употребления портвейна... у вас отнялись руки и ноги... вы не могли пройти по комнате... выписали отсюда стоградусной воды, привезенной к вам в город по тяжелой почте... выкупались, отчихались и снова получили правильное употребление своих членов. Случай весьма замечательный.

Не отвергая замечательности случая, м-р Пикквик должен был, однако ж, с благородною откровенностью изъяснить, что чудесное исцеление не имеет к нему никакого отношения. Затем, после минутного молчания, он представил церемониймейстеру своих друзей, м-ра Топмана, м-ра Винкеля и м-ра Сродграса. Церемониймейстер был в восторге от всех вообще и каждого порознь.

– Бентам, – сказал м-р Даулер, – м-р Пикквик и его друзья, – чужие в этом городе. Им надобно вписать свои имена. Где ваша книга?

– Реестр знаменитых посетителей Бата вы найдете сегодня в зале минеральных вод, в два часа утра, – отвечал церемониймейстер. – Угодно-ли вам проводить своих друзей в это величественное здание и дать мне возможность представить благородной публике их автографы?

– Очень угодно, – отвечал Даулер. – Торопиться еще не к чему. Пора идти. Буду здесь через час. Идем.

– Сегодня здесь у нас бал, – сказал церемониймейстер, взявши опять руку м-ра Пикквика. – Вечерние балы Бата могут быть, без всякого преувеличения, сравнены с волшебными праздниками Тысячи и одной ночи. Музыка, красавицы, мода, изящный вкус, все, что хотите, и особенно вы должны будете обрадоваться совершенному отсутствию купцов и ремесленников, которые через каждые две недели собираются в городской ратуше. Прощайте, м-р Пикквик; до свидания, сэра.

Объявив еще раз, что он вне себя от восторга, м-р Анджело Кир Бентам, эсквайр и церемониймейстер, вышел из комнаты и сел в блистательный кабриолет, который дожидался его у подъезда.

В назначенный час м-р Пикквик и его друзья, в сопровождении Даулера, посетили комнаты Собрании и вписали свои фамилии в снуровую книгу, которую, с достоуважением, представил их вниманию господин церемониймейстер. Билеты для входа на вечерний бал еще печатались в батской типографии, и, так как они не были готовы, м-р Пикквик обещал прислать за ними в четыре часа пополудни в квартиру господина церемониймейстера на Королевином сквере. Затем, погуляв по городским улицам, не представлявшим слишком обильной пищи для ученых наблюдений, путешественники воротились в гостиницу «Белого оленя», откуда Самуэль был отправлен за билетами для четырех персон.

Надев шляпу на бекрень и засунув руки в карманы своего жилета, Самуэль Уэллер отправился на Королевином сквер, насвистывая дорогой веселые мелодии национальных песен, в совершенстве приспособленные ко всем хитрым эволюциям этого благородного вокального инструмента. На Королевином сквере он отыскал глазами номер известного дома, перестал свистеть и, остановившись у подъезда, весело ударил молотком в дверную скобку, на что немедленно отвечал ему напудренный лакей огромного роста и в парадной ливрее.

– Здесь, что ли, квартирует м-р Бентам, старый товарищ? – спросил Самуэль Уэллер, несколько не смущенный пышным блеском напудренного лакея в богатейшей ливрее.

– Чего вам нужно, молодой человек? – спросил горделивым тоном напудренный лакей.

– А вот снесите ему эту карточку, любезный, и скажите, что м-р Уэллер ждет ответа, – слышите ли, трехаршинный верзила?

Проговорив эти слова, он хладнокровно сделал по коридору несколько шагов и сел.

Напудренный лакей сильно прихлопнул дверь и широко открыл глаза на дерзкого слугу; но этот стук и взгляд остались потерянными для Самуэля, который продолжал осматривать фигуры на потолке коридора, обнаруживая разнообразные внешние признаки критического одобрения.

Прием отданной карточки, вероятно, расположил напудренного лакея в пользу м-ра Уэллера, потому что, воротившись от своего господина, он улыбнулся очень дружелюбно и сказал, что ответ сейчас будет готов.

– Очень хорошо, – сказал Самуэль. – Пусть старый джентльмен не слишком торопится ответом. Могу пообещать. Я пообедал.

– Вы обедаете рано, сэр, – сказал напудренный слуга.

– Чем раньше пообедаешь, тем лучше поужинаешь, – отвечал Самуэль.

– Давно-ли вы пожаловали в Бат, сэр? – спросил напудренный лакей. – Я еще не имел удовольствия слышать о вас.

– Очень может быть, потому что мне еще не удалось произвести слишком сильных впечатлений на ваш город, – отвечал Самуэль. – Я и другие джентльмены приехали сюда вчера вечером.

– Прекрасное местоположение, сэр, – сказал напудренный собеседник.

– Кажется, что так, – заметил Самуэль.

– Бесподобное общество, сэр, – продолжал напудренный лакей. – Служители здешние очень ласковы и образованы, сэр.

– Этого нельзя не заметить, – отвечал Самуэль. – Слуги ваши образованы до того, что и говорить не хотят с теми, кого не знают.

– Правду изводили заметить, сэр, истинную правду, – отвечал напудренный лакей, принимая слова м-ра Уэллера на свой собственный счет и считая их самым лестным комплиментом. – Не изволили-ли вы заниматься вот по этой части, сэр? – спросил трехаршинный верзила, вынимая из кармана маленькую табакерку с головой лисицы на крышке.

– Занимаюсь по временам, но чихаю всякий раз, – отвечал Самуэль.

– Занятие трудное, сэр, требующее некоторой практики, – отвечал долговязый верзила. – Успехи приобретаются с некоторою постепенностью, сэр. Всего лучше начинать с кофе. Я долго носил кофе, сэр, и употреблял его вместо табаку. Кофе, знаете ли, имеет большое сходство с раппе. И дешево, и деликатно, сэр. Я советую вам употреблять сначала кофе.

Здесь пронзительный звонок заставил напудренного лакея обратиться к весьма неприятной необходимости засунуть табакерку в свой карман и поспешить с кислым лицом в кабинет м-ра Бентама.

Тут не мешает заметить кстати, что мы знаем многое множество джентльменов, в жизнь не бравших в руки ни книги, ни пера, но у которых непременно есть уединенная комнатка, которую называют они своим кабинетом.

– Вот вам ответ, сэр, – сказал напудренный лакей. – Может быть, он слишком велик для вас.

– Не беспокойтесь, – отвечал Самуэль, взяв письмо с небольшим приложением. – Мал или велик, это уж не ваша беда: прочитаем, авось, и распорядимся, как по писанному.

– Надеюсь, мы еще увидимся, сэр, – сказал напудренный лакей, потирая руками и провояя Самуэля из дверей.

– Вы очень любезны, сэр, – сказал Самуэль. – Не извольте слишком надсажаться, провояя меня: устанете и задохнетесь. Примите в соображение, чем вы одолжены обществу и не берите на себя труда свыше ваших сил. Поудержитесь ради ваших ближних, и стойте спо-

койно на своем месте; иначе, если вы протянете ноги, ближние никогда не перестанут оплакивать вас.

С этими патетическими словами Самуэль раскланялся и быстро пошел по тротуару.

– Какой странный молодой человек, провал бы его взял! – воскликнул напудренный лакей, провожая глазами Самуэля с такой физиономией, которая ясно показывала, что ему ничего не удалось с ним сделать.

Самуэль не сказал ничего; но, пройдя несколько шагов, он обернулся, подмигнул, улыбнулся, кивнул головой и потом весело пошел домой, вполне довольный собою.

Вечером, ровно в три четверти восьмого, м-р Анджело Кир Бентам, эсквайр и церемониймейстер, выпрыгнул из своего экипажа у подъезда заведения минеральных вод, и при нем были тот же самый парик, те же зубы, тот же лорнет, те же часы, цепочка и печати, те же кольца, та же брильянтовая булавка и та же палка. Были, впрочем, некоторые довольно заметные перемены в его костюме. Его фрак казался несколько светлее, батист сменился белым шелковым бельем и, притом, был он в черных шелковых чулках и белом бархатном жилете. Эссенция из bouquet du roi распространяла вокруг него чудное благовоние на весьма далекое пространство.

Одетый таким образом, церемониймейстер, углубленный в исполнение своей важной обязанности, обошел все комнаты и приготовился принимать гостей.

Гостей было очень много, и в буфете едва успевали получать по шести пенсов за чай. В бальной зале и игорных комнатах, на лестницах и в коридорах раздавались беспрестанно смутный гул разнообразных голосов и стукотня от множества ног, мужских и женских. Платья шелестели, перья колыхались, свечи сияли, брильянты сверкали. Началась музыка – не кадрилиная, потому что музыканты еще не играли, но музыка мягких и миниатюрных ножек, сопровождаемых по временам веселым и звучным смехом, музыка томная и нежная, всюду и всегда приятная в обществе прекрасных женщин. Со всех сторон сверкали глаза, оживленные приятными ожиданиями, и всюду мелькали грациозные формы, живо и быстро сменяемые одна другою.

В чайной комнате и вокруг карточных столов группировались довольно неуклюжия старухи и безобразные старые джентльмены, рассуждавшие втихомолку о свежих сплетнях, при чем интонация их голоса и выразительные жесты обличали высшую степень наслаждения, почерпаемого ими в этом занятии, очевидно приятном и полезном. Между этими группами замешались три или четыре заботливые маменьки, углубленные, по-видимому, в сущность интересной беседы, что, однако ж, не мешало им бросать по временам исподлобья косвенные взгляды на своих дочерей, которые, поступая сообразно с материнскими наставлениями, начинали уже делать возможно лучшее употребление из драгоценного времени, и весело было видеть, как они роняли свои платочки, надевали перчатки, опрокидывали чашки и так далее: признаки маловажные, даже пустые с философской точки зрения, но всем и каждому известно, что при некоторой житейской опытности можно воспользоваться ими с большим успехом.

Около дверей и по разным углам комнат бродили молодые люди, глупые, чопорные, считавшие себя предметом общего удивления и любопытства. Они старались забавлять прекрасный пол произведениями своего доморощенного остроумия и были убеждены душевно, что каждое их слово веселит и разнеживает женское сердце. Корифеи бального паркета, они были счастливы и вполне довольны своей судьбой.

И, наконец, на некоторых задних скамейках, абонированных, по-видимому, на весь бальный вечер, сидели разные незамужния леди, уже давно переступившие за пределы девических мечтаний и надежд. Они не танцевали, потому не было для них кавалеров, и не играли в карты из опасения прослыть невозвратно одиночками; но положение их тем не менее казалось интересным и совершенно комфортабельным, потому что они вдоволь могли злословить всех и каждого, не размышляя о себе самих.

Словом, это была сцена общего веселья, пышности и блеска; сцена богатых костюмов, прекрасных зеркал, выполированных полов, жирандолей и восковых свеч. И на всех пунктах этой сцены, быстро переходя с места на место, рисовался щепетильный Анджело Кир Бентам, эсквайр и церемониймейстер. Он раскланивался со всеми, разговаривал со всеми, улыбался всем.

– Сюда, в чайную комнату. Нальют вам за шесть пенсов горячей воды и назовут это чаем. Пейте, – сказал м-р Даулер громким голосом, обращаясь к м-ру Пикквику, который, во главе маленького общества, приближался в эту минуту, ведя под руку м-с Даулер.

М-р Пикквик повернул в чайную комнату и здесь, пробиваясь через толпу, приветствовал его улыбкой и поклонами Анджело Бентам, эсквайр и церемониймейстер.

– Я в восторге, почтеннейший, – говорил Бентам. – Присутствие ваше драгоценно для Бата. М-с Даулер, вы украшаете наш бал. Ваши перья – истинное сокровище. Превосходно!

– Есть тут кто-нибудь из замечательных лиц? – спросил Даулер.

– Кто-нибудь! Отборное общество, сэр, лучший благороднейший сок всего Ба-ата. М-р Пикквик, замечаете-ли вы эту леди в газовом тюрбане?

– Толстую старушку? – спросил м-р Пикквик наивным тоном.

– Фи! Позвольте вам заметить, почтеннейший, что в Бате нет толстых старух. Это вдовствующая леди Снофнуф.

– Право? – сказал м-р Пикквик.

– Я вам говорю, – подтвердил церемониймейстер. – Тсс! Подойдите поближе, м-р Пикквик. Видите-ли вы вот этого блистательного молодого человека, что повернул теперь к нам?

– С длинными волосами и необыкновенно узким лбом? – спросил м-р Пикквик.

– Да. Это в настоящую минуту богатейший молодой человек в целом Бате. Молодой лорд Мутонгед.

– Неужели?

– Честное слово. Вы сейчас услышите его голос, м-р Пикквик. Он будет говорить со мною.

– А кто этот другой джентльмен подле него, в красном жилете и с черными бакенбардами? – спросил м-р Пикквик.

– Это высокородный м-р Кроштон, неразлучный друг молодого лорда, – отвечал церемониймейстер. – Здравствуйте, милорд!

– Очень жалко, Бентам, – сказал милорд.

– Да-с, очень жарко, милорд, – отвечал церемониймейстер.

– Демонски жарко, – подтвердил высокородный м-р Кроштон.

– Видали-ли вы шарабан милорда, Бентам? – спросил высокородный м-р Кроштон после короткой паузы, в продолжение которой лорд Мутонгед старался своими джентльменскими взорами привести в смущение м-ра Пикквика, между тем как м-р Кроштон приискивал интереснейший предмет для разговора.

– Шарабан! Ах Боже мой, нет, не видал! – воскликнул церемониймейстер. – Шарабан! Какая превосходная идея! За-ме-ча-тель-но!

– Как же это вышло? – сказал лорд. – Я думал, что уже все видели мой новый шаабан. Это, могу сказать, пьекьяснейший, шегольской и самый гъациозный экипаж, какой когда-либо двигался на колесах. По бокам я пьиказал выкьясить его кьясной кьяской.

– И этот цвет придает ему очаровательный вид, – заметил высокородный м-р Кроштон. – Кузов на запятках держится очень живописно.

– И напееди сделана для кучеуа миньятйюная сидейка, отгоеженная железными пейлами – очень, очень удобно, – прибавил милорд. – Недавно я ездил на нем в Бьистоль, в кьясном сеутуке, и два лакея, в кьясных ливьяях, скакали позади на четвейть мили – чудо

как хаашо! Къестьяне выбегали на доуогу целыми семьями, чтобы полюбоваться и на экипаж, и на пассажиуа. Кайтина пьевосходная!

Рассказав этот анекдот, милорд засмеялся от полноты душевного восторга, и слушатели его, по-видимому, пришли в такой же восторг. Затем, взяв под руку своего неразлучного друга, милорд Мутонгед удалился в танцевальную залу.

– Прекрасный молодой человек этот лорд, не правда ли? – спросил церемониймейстер.

– Кажется, что так, – сухо заметил м-р Пикквик.

Когда танцы начались и все необходимые приготовления были приведены к концу, м-р Анджело Бентам опять подошел к м-ру Пикквику и увел его в игорную комнату.

В эту минуту, при самом их входе, вдовствующая леди Снофнуф и все другие леди весьма почтенной, вистообразной наружности, хлопотали вокруг порожнего столика, снабженного всеми принадлежностями для карточной игры. Завидев м-ра Пикквика, сопровождаемого церемониймейстером, они выразительно обменялись взглядами и безмолвно согласились, что этот старичок будет для них превосходным партнером.

– М-р Бентам, – сказала вдовствующая леди Снофнуф вкрадчивым тоном, – будьте так добры, приищите нам приличного кавалера для этого стола.

И, говоря это, леди Снофнуф выразительно указала на м-ра Пикквика, который в эту минуту смотрел в другую сторону.

– Позвольте вам представить, миледи, моего достойного друга: м-ра Пикквика, – прекраснейший джентльмен, – ему будет очень приятно, – отвечал церемониймейстер. – М-р Пикквик, леди Снофнуф, – м-с полковница Вогсби, – мисс Боло.

М-р Пикквик раскланялся всем дамам и, находя невозможным увернуться от их внимания, почтительно взял игру карт и сел за стол. М-р Пикквик и мисс Боло сделались партнерами против леди Снофнуф и м-с полковницы Вогсби.

– Что тебе надобно, Дженни? – сказала м-с полковница Вогсби, оборачиваясь к одной из молодых девиц.

– Я пришла спросить, мама, можно-ли мне танцевать с молодым м-ром Кроли? – шепнула младшая и прелестнейшая из двух девиц.

– Ах, Дженни, как тебе не стыдно, мой друг, думать о таких вещах? – возразила нежная мама. – Разве не говорили тебе двадцать раз, что у его отца всего только восемьсот фунтов годового дохода и доход этот умрет вместе с ним? Стыдись, мой друг. Ни под каким видом.

– Мама, – шепнула другая, старшая девица, чопорная и жеманная, – мне представили лорда Мутонгеда. Я сказала, мама, что меня, кажется, еще не ангажировали.

– И очень умно сделала, мой ангел, – отвечала м-с полковница Вогсби, прикоснувшись веером к плечу своей дочери. – На тебя я могу совершенно положиться. Лорд Мутонгед богат и знатен. Будь с ним ласкова, мой ангел.

С этими словами м-с полковница Вогсби нежно поцеловала свою старшую дочь и, сделав еще раз строгое замечание младшей, принялась сортировать свои карты.

Бедный м-р Пикквик! Никогда еще до этой поры ему не приходилось быть партнером трех женщин, в совершенстве постигших тайну карточного искусства. Их неумолимая строгость приводила его в трепет. Если он делал промах, мисс Боло бросала на него сокрушительный взгляд, исполненный страшного негодования и досады; если он призадумывался над своей игрой и недоумевал, с чего идти, леди Снофнуф, повертываясь на своем стуле, обнаруживала энергические признаки нетерпения и с сожалением посматривала на м-с полковницу Вогсби, которая, в свою очередь, откашливалась и беспрестанно пожимала плечами, как будто желая сказать, что она решительно сомневается в здравом смысле этого скучного и неповоротливого старика. Потом, после каждой игры, мисс Боло, испуская глубокий вздох, спрашивала с негодованием, отчего м-р Пикквик не отвечал ей с бубен, или треф, или пик, или червей, зачем он прозевал онеры, промигал туза, и почему бы ему не козырнуть с короля. На все эти и дру-

гие весьма важные обвинения м-р Пикквик решительно не был в состоянии представить благовидного оправдания, так как он в последнее время почти совсем не упражнялся в карточной игре. Посторонние зрители, вертевшиеся около стола, тоже приводили его в крайнее смущение. К тому же внимание его было развлечено интересной беседой между м-ром Анджело Бентамом и двумя девицами Матинтерс, которые беспрестанно увивались около церемониймейстера, в надежде завербовать через него какого-нибудь отсталого кавалера. Все эти вещи, в связи с беспрестанным шумом и толкотней от приходивших и уходивших особ, произвели чрезвычайно неприятное впечатление на м-ра Пикквика, и он во весь вечер играл очень дурно, тем более, что карты как нарочно шли к нему из рук вон плохие. Когда они встали из-за стола в половине двенадцатого, мисс Боло, встревоженная и раздосадованная, прямо уехала домой, не сказав даже прощального приветствия своему партнеру.

Соединившись со своими друзьями, которые, все вообще и каждый порознь, объявили, что вечер пролетел для них незаметно в непрерывных удовольствиях всякого рода, м-р Пикквик отправился с ними в гостиницу «Белого оленя» и, выкушав на сон грядущий стакан крепкого пунша, погрузился в сладкий сон.

Глава XXXVI

Необыкновенное и совершенно непредвиденное бедствие, обрушившееся на голову мистера Винкеля.

Располагая пробыть в городе Бате никак не менее двух месяцев, м-р Пикквик счел необходимым переселиться со своими друзьями из гостиницы на особую квартиру, которую, после многих хлопот, удалось им наконец приискать за весьма дешевую цену в верхнем этаже одного дома на Королевской улице. Сюда же, вместе с ними, переместились м-р и м-с Даулер, соглашавшиеся занять две лишние комнаты, которых Пикквикистам некуда было девать.

И лишь только они переселились, м-р Пикквик начал употреблять минеральные воды, систематически и методически, соображаясь со всеми правилами, предписанными комитетом опытных врачей. Он выпивал четверть пинты перед завтраком и потом равномерными шагами взбирался на вершину холма; затем он выпивал другую четверть пинты после завтрака, и такими же шагами спускался к подошве холма. После каждой новой пинты, выпитой при соблюдении этих гигиенических условий, м-р Пикквик объявлял выразительным и торжественным тоном, что он чувствует себя гораздо лучше, и это доставляло великое утешение его друзьям, хотя прежде никто из них не слышал, чтобы великий человек расстроил свое здорье.

Батская зала минеральных вод великолепна и обширна. Ее украшают коринфские колонны, золотые надписи, музыкальная галлерея, затейливые часы и статуя Неша. Перед огромным буфетом стоит мраморная ваза, из которой выкачивают воду, и перед вазой – много множество желтоватых стаканов, из которых благосклонные посетители с удивительным терпением и важностью глотают целительную влагу. Весьма недалеко отсюда, в уединенных комнатах, устроены ванны, где прокаженное человечество с большим комфортом обмывает свои физические недуги, услаждая в то же время свою душу звуками превосходного оркестра.

Каждое утро постоянные водопийцы, и в числе их м-р Пикквик неизбежно встречались в зале минеральных вод, выпивали обычную четверть пинты и гуляли по предписанному правилу. В полуденную прогулку лорд Мутонгед, высокородный м-р Кроштон, вдовствующая леди Снофлуф, м-с полковница Вогсби, все великие люди и все утренние водопийцы встречались опять в общем великом собрании. Затем они выходили или выезжали, или выносились в портшезах и потом встречались еще раз. После того все расходились, развозились или разносились по домам. Если вечером был спектакль, они встречались в театре; если бал – на бале; и если не было ни спектакля, ни бала, они встречались утром на другой день и так далее, до бесконечности.

После шумного и веселого дня, проведенного таким образом, м-р Пикквик сидел один в своей комнате, с пером в руках и бумагой на столе. Ученый муж записывал свои впечатления в путевом журнале. Друзья его были в своих спальнях. Когда таким образом он погрузился в свои размышления и перо его скрипело по бумаге, в дверях послышался легкий стук.

– Войдите! – сказал м-р Пикквик.

И в комнату вошла м-с Краддок, домовая хозяйка.

– Что вам угодно? – спросил м-р Пикквик.

– Прошу извинить, сэр, – сказала м-с Краддок, – делая книксен, – я пришла спросить, не понадобится ли вам чего-нибудь?

– Нет, сударыня, мне ничего не нужно, – сказал м-р Пикквик.

– Служанка моя уже спит, сэр, – сказала м-с Краддок. – М-р Даулер был так добр, что обещался сам отпереть двери для м-с Даулер, когда она воротится из гостей. Он ожидает ее с минуты на минуту. Поэтому я думала, сэр, что если вам ничего не нужно, м-р Пикквик, то я могла бы уже лечь спать в постель.

- Очень можете, сударыня, – отвечал м-р Пикквик.
- Спокойной вам ночи, сэр, – сказала м-с Краддок.
- Спокойной вам ночи, сударыня, – сказал м-р Пикквик.
- Покорно вас благодарю, сэр.
- Не стоит благодарности.

М-с Краддок затворила дверь; м-р Пикквик взялся опять за свое перо.

Через час вступление уже было окончено; пересмотрев последнюю страницу и поставив в приличном месте запястье, м-р Пикквик закрыл свой журнал, переложив последнюю написанную страницу пропускной бумагой, вытер перо о фалду своего фрака и зажег свечу, чтобы идти наверх в свою спальню.

Согласно принятому обыкновению, он остановился перед комнатой м-ра Даулера и постучался в дверь, чтобы проститься с ним перед отправлением на сон грядущий.

– А! так вы идете спать? – сказал м-р Даулер. – Как это жаль, что я не могу последовать вашему примеру! Прескверная ночь. Ветер сильный?

- Сильный, – сказал м-р Пикквик. – Доброй ночи.
- Доброй ночи.

М-р Пикквик ушел в свою спальню; м-р Даулер сел опять перед камином, исполняя таким образом данное обещание – ждать жену.

Ничего не может быть скучнее и досаднее, как дожидаться кого бы то ни было, особенно, если ожидаемая особа ушла или уехала в гости. Вы не можете никакими способами отстранить от себя мысль, что на бале, в приятном обществе, время летит с удивительной быстротой, между тем как для вас оно тянется с убийственной медленностью; и чем больше вы об этом думаете, тем больше исчезает ваша надежда на скорое возвращение ожидаемой особы. Часы также начинают стучать слишком громко, когда вы сидите и горюете одни перед камином, и вам кажется, – со мной по крайней мере это бывало, – будто к вам под платье забралось что-то в роде паутины. Сперва начинает что-то щекотать ваше правое колено и потом точно такое-же ощущение вы испытываете в левом. Затем, вследствие неизвестных причин, вы чувствуете какой-то странный зуд в обеих руках, и сколько бы вы ни вертелись в своих креслах, зуд беспрестанно переходит от одного члена к другому, не исключая даже вашего носа, который вы с нетерпением и досадой оттираете с отчаянным упорством, но без малейшего успеха. С глазами тоже некуда вам деваться, и вы поминутно, без всякой надобности, подстригаете светильню нагоревшей свечи. Все эти и другие беспокойства нервического свойства делают ваше положение чрезвычайно неприятным.

Именно так думал м-р Даулер, когда сидел один перед камином и проклинал от чистого сердца бессовестных людей, задержавших его супругу на бале. Ему отнюдь не сделалось легче, когда он припомнил, что вечером в тот день пришла ему фантазия сказать своей жене, что у него разболелась голова, и что вследствие такой уважительной причины он остался дома. Несколько раз, преодолеваемый дремотой, он склонялся головой к самой решетке камина, так что чуть не опалил волос. Наконец, во избежание такой опасности, м-р Даулер решился в передней комнате прилечь на постель и настроить свой ум на размышление о серьезных предметах, отстраняющих возможность преждевременного сна.

– Вот уж ежели я разосплюсь, меня и пушкой не разбудить, – сказал сам себе м-р Даулер, бросаясь на постель. – Надобно держать ухо востро. Отсюда все можно слышать. Я встрепенусь при малейшем стуке. Да. Нечего тут и думать. Вот, например, я прекрасно слышу голос ночного сторожа. Как он гудит! Все, однако ж, слабее и слабее. Должно быть повернул за угол. А-аххи!

И с этим восклицанием м-р Даулер погрузился в глубочайший сон.

Лишь только на часах пробило три, на Королевской улице появился портшез, и в портшезе – м-с Даулер, которую несли два носильщика, один низенький и толстый, другой – сухопарый и высокий, бранивший во всю дорогу своего товарища за то, что тот не умел сооб-

щить перпендикулярного направления портшезу. Ярость его увеличилась еще больше, когда на Королевской улице загудел сильный и пронзительный ветер, подувший им прямо в лицо. Наконец, они добрались кое-как до подъезда и с неизъяснимою радостью опустили портшез на землю. низенький носильщик стукнул два раза в уличную дверь.

Они постояли минуты две. Не было ни ответа, ни привета.

– Прислуга, должно быть, убралась на боковую, – заметил низенький носильщик, отогревая свои руки над фонарем мальчика, который пришел вместе с ними.

– Послать бы к ним черта с кочергой и передать им всех! – заметил сухопарый товарищ.

– Постучитесь еще! – вскричала м-с Даулер из портшеза. – Стукните еще два-три раза.

Низенький носильщик был очень рад исполнить приказание этого рода. Он стал на верхнюю ступень подъезда и принялся выделывать оглушительные двойные стуки молотком, между тем как товарищ его выступил на средину дороги и смотрел, нет-ли в окнах огня.

Никто не вышел. Мрак и тишина господствовали в беспробудном доме.

– Ах, Боже мой! – сказала м-с Даулер. – Что все это значит? Потрудитесь уж постучать еще.

– Да нет-ли тут колокольчика, сударыня? – спросил низенький толстяк.

– Колокольчик есть, – перебил мальчик с фонарем, – помнится, я звонил намедни.

– От него осталась только рукоятка, – сказала м-с Даулер. – Проволока оборвалась.

– Не мешало бы оборвать головы здешним слугам, – проревел сухопарый носильщик.

– Вы уж сделайте одолжение, постучитесь еще, – сказала м-с Даулер самым вежливым и ласковым тоном.

Низенький толстяк стукнул еще, один, два, три раза, сорок, пятьдесят, но без малейшего успеха. Эту же операцию, еще с большим эффектом, повторил сухопарый его товарищ, который принялся колотить молотком и раскачивать дверь, как сумасшедший.

Наконец, м-ру Винкелю приснилось, будто сидит он в клубе, где Пикквикисты, занятые решением какого-то трудного и запутанного вопроса, расшумелись до такой степени, что президент, для восстановления порядка, принужден был несколько раз ударить молотком по столу. Затем в смутных и неясных образах, представилось ему, будто он присутствует на аукционе, где, за неимением покупателей, аукционер постукивает для собственного удовольствия. Потом, прозревая умственными очами в мир действительных явлений, м-р Винкель начал исподволь сознавать возможность неугомонного и совершенно неуместного стучанья в уличную дверь. Чтоб убедиться в этом предположении, он привстал на своей постели и принялся вслушиваться с напряженным вниманием. Так прошло минут десять или двадцать. М-р Винкель сосчитал два, три, пять, двадцать, тридцать, пятьдесят раз, и напоследок получил несомненное убеждение, что кто-то стучится в дверь.

– Ра-рап – рап-рап – рапп-рапп – ра, ра, ра, ра, ра, рап! – продолжал неугомонный молоток.

М-р Винкель вскочил с постели. Что бы такое могло быть причиной этой поздней суматохи? Он надел на скорую руку чулки и туфли, набросил на плеча халат, зажег свечу от ночника, горевшего в камине, и поспешил вниз по лестничным ступеням.

– Кто-то идет, наконец, сударыня, – сказал низенький толстяк.

– Обухом бы его сзади! – пробормотал сухопарый носильщик.

– Кто там? – вскричал м-р Винкель, распутывая цепь.

– Что тут за вопросы, чугунная башка? – отвечал сухопарый носильщик с большой досадой. Он не сомневался, что говорит слуге. – Отворяйте скорее.

– Пошевеливайтесь, любезный, нечего тут разговаривать, – прибавил одобрительным тоном низенький толстяк.

Полусонный Винкель, машинально повинувшись этой команде, приотворил дверь и выглянул на улицу. Первым предметом, поразившим его зрение, было яркое пламя от фонаря

мальчишки. Проникнутый внезапным страхом при мысли о пожаре, м-р Винкель торопливо отскочил от двери и, держа свечу над своей головой, бессмысленно смотрел вперед, недоумевая, что такое было перед его глазами, портшез или пожарная труба. В эту минуту сильный порыв ветра задул его свечу. М-р Винкель почувствовал непреодолимое желание бежать назад, но увидел к величайшему ужасу, что тот же ветер захлопнул за ним дверь.

– Ну, молодой человек, что вы наделали? – сказал сухопарый великан.

М-р Винкель, завидев лицо дамы в окне портшеза, поспешно обернулся назад, уцепился за дверную скобу изо всей своей силы и неистово принялся кричать обоим носильщикам, чтоб они унесли портшез.

– Уберите его отсюда, уберите, ради Бога! – кричал м-р Винкель. – Вот идут сюда из других домов... спрячьте меня в портшез... спрячьте куда хотите, черт вас поберет!

Все это время он дрожал от холода и страха, и каждый раз, как рука его приподнималась к молотку, ветер распахивал и раздувал полы его халата самым неприятным образом.

– Смотрите, вся Королевская улица наполняется народом... дамы идут сюда, дамы, дамы! Прикройте меня чем-нибудь. Загородите меня, – ревел м-р Винкель.

Носильщики хохотали из всей мочи, и никто не думал выручать из затруднения молодого человека. Дамы с каждой минутой подходили ближе и ближе.

М-р Винкель стукнул еще раз с отчаянным остервенением. Дамы уже были от него в нескольких шагах. Он бросил затухшую свечу, которую все это время держал над своей головой, и храбро впрыгнул в портшез, где сидела м-с Даулер.

Наконец, вся эта суматоха достигла до ушей м-с Краддок. Украсив свою голову ночным чепчиком и надев капот, она побежала в гостиную и взглянула из окна в то самое мгновение, когда несчастный Винкель, очертя голову, бросился в портшез. Сообразив по своему обстоятельству ужасной сцены, происходившей перед её домом, м-с Краддок подняла сильнейший и плачевный крик, разбудила м-ра Даулера и сказала с воплем и слезами, что жена его собирается бежать с каким-то джентльменом.

При этой оглушительной вести м-р Даулер быстро выскочил из постели как расшвырянный тигр, побежал в гостиную и выглянул из окна в то самое время, когда м-р Пикквик отворил окно в своей собственной спальне. Первым предметом, поразившим глаза обоих джентльменов, был м-р Винкель, сидевший в портшезе с м-с Даулер.

– Сторож! – забасил неистово м-р Даулер. – Остановить его – держать – вязать – запереть его, покамест я выйду. Я перережу ему горло – окарнаю уши – дайте мне нож, м-с Краддок – живой!

И, вырвавшись из объятий м-ра Пикквика, который между тем успел прибежать из своей спальни, раздраженный супруг схватил столовый нож и опрометью бросился на улицу.

Но м-р Винкель не дождался его. Услышав страшную угрозу из уст неистового Даулера, он быстро выпрыгнул из портшеза, разбросал на дороге туфли и побежал изо всей мочи, преследуемый Даулером и сторожем. Обогнув угол Королевской улицы, он искусно увернулся от своих преследователей и побежал назад к своей квартире. Дверь на этот раз была отворена; м-р Винкель захлопнул ее перед носом Даулера, добрался до своей спальни, запер дверь на замок, заслонил ее шкафами и начал укладывать необходимые вещи, приготавливаясь бежать с рассветом следующего утра.

Даулер, между тем, подойдя к его спальне, приставил глаз к замочной скважине и грозно повторил свое неизменное намерение перерезать ему горло на другой день. Затем он удалился в гостиную, где еще несколько времени раздавался смутный гул разных голосов, мужских и женских, и между прочим успокоительный голос м-ра Пикквика. Наконец, смолкло все, и утомившиеся жильцы разошлись по своим спальням.

Очень вероятно, что некоторым из читателей вздумается спросить: где все это время пропал Уэллер? Мы обязаны удовлетворить их любопытству в следующей главе.

Глава XXXVII

О том, как мистер Уэллер присутствовал на одном *soirée*, куда его пригласили, и о том, как мистер Пикквик возложил на него весьма важное поручение деликатного свойства.

– М-р Уэллер, – сказала м-с Краддок утром этого обильного приключениями дня, – вот письмо к вам.

– Полно так ли, сударыня? – возразил Самуэль. – Мне неоткуда получать писем.

– К вам, м-р Уэллер, – отвечала м-с Краддок.

– Странно, очень странно, – сказал Самуэль. – Ни один из знакомых мне джентльменов, сколько могу припомнить, не упражняется в писании писем. Это к добру не поведет.

– Должно быть, случилось что-нибудь необыкновенное, – заметила м-с Краддок.

– Должно быть, сударыня, иначе, я знаю, никто из моих приятелей не вздумал бы утруждать меня письмом, – отвечал м-р Уэллер, сомнительно покачивая головою, – От кого бы это! – продолжал он, рассматривая адрес. – Старшина не умеет рисовать таким манером: он учился чистописанию по вывескам и трактирным счетам. Станный почерк!

Говоря это, м-р Уэллер делал то, что весьма многие делают на его месте, когда получают письма от неизвестных лиц. Он смотрел попеременно на печать, на углы конверта, на его изнанку и лицевую сторону, на сделанный адрес и потом опять на печать. Находя, однако ж, что из всего этого ровно ничего не узнаешь, он решился, наконец, заглянуть во внутренность конверта.

– Золотообрезная бумага с фигурами по краям, – заметил Самуэль, развертывая письмо. – Посмотрим, что тут такое.

И м-р Уэллер, сделав серьезную мину, прочитал, с приличной расстановкой следующее послание:

«Отборнейшая компания батских служителей, свидетельствуя свое почтение м-ру Уэллеру, покорнейше и усерднейше просит его удостоить своим посещением их дружественную суварею, состоящую из поваренной бараньей ноги с приличными прибавлениями и приправами, извещая при этом, что суварея будет сегодня за столом в половине десятого ночью – акурат.»

Это было вложено в другую записку следующего содержания:

«М-р Джон Смокер, джентльмен, имевший удовольствие встретить м-ра Уэллера в доме их общего знакомого, м-ра Бентама, за несколько дней перед этим, просит м-ра Уэллера развернуть и прочитать приложенное при этом приглашение. Если м-р Уэллер благоизволит зайти к м-ру Джону Смокеру в девять часов, то м-р Джон Смокер будет иметь удовольствие проводить и представить м-ра Уэллера.»

(Подписано) «Джон Смокер».

Адрес был сделан таким образом: «Уэллеру, эсквайру, в квартире м-ра Пикквика», и внизу конверта, на левой стороне, собственно для почтальона, были поставлены слова: – «отдать на кухню».

– Что бы это значило? – сказал Самуэль. – Никогда я не слышал, что вареную баранину называют сувареей. Как же после этого называется у них жареная?

Но, не считая нужным углубляться в этот предмет, Самуэль немедленно явился к м-ру Пикквику и без труда выпросил у него позволение отлучиться на этот вечер. С этим позволением и с ключом от уличной двери м-р Уэллер вышел из двери за несколько минут до назначенного срока и благополучно прибыл на Королевин сквер, где, прислонившись к фонарному столбу, дожидался его м-р Джон Смокер, куривший сигару из янтарного черенка.

– Здравствуйте, м-р Уэллер, – сказал Джон Смокер, грациозно приподнимая одной рукою свою шляпу и снисходительно протягивая другую Самуэлю. – Как ваше здоровье, сэр?

– Я здоров, сколько для вас нужно, – отвечал Самуэль. – Как вы поживаете, любезный друг?

– Ничего, так себе, перемагаюсь понемногу, – сказал Джон Смокер.

– Вы слишком занимаетесь, сэр, – заметил Самуэль. – Изнуряете себя работой, любезный друг. Это не годится. Такой джентльмен, как вы, должен беречь для всего света свои силы.

– Не в том штука, м-р Уэллер, – отвечал Джон Смокер. – Вино всему причиной. В нем есть корень зла, м-р Уэллер, и, сказать правду, я веду развратную жизнь.

– Э, вот оно как вы! – сказал Самуэль. – Это нехорошо, любезный друг.

– Соблазны, м-р Уэллер, искушения, сэр, можете представить, – заметил м-р Джон Смокер.

– Дело понятное, – проговорил Самуэль.

– Светская жизнь, пучина удовольствий, все этак на широкую ногу, м-р Уэллер, продолжал Джон Смокер.

– Я думаю, голова идет кругом, – заметил Самуэль.

– Да уж так-то идет, что просто чуть не лопаешь, – сказал Джон Смокер с глубоким вздохом. – А нельзя, м-р Уэллер, никак нельзя. Если судьба, так сказать, поставила вас на общественную стезю, выдвинула на публичную дорогу, так уж тут на каждом шагу окружены вы такими соблазнами, о которых и понятия не имеет несветский человек.

– Вот этак, бывало, точь-в-точь говаривал мой старый дядя, когда начал таскаться по трактирам, – заметил Самуэль. – Светская жизнь до того закружила ему голову, что он даже и умер от пьянства.

Эта параллель, проведенная между светским джентльменом и каким-то забулдыгой, умершим от пьянства, произвела весьма неприятное впечатление на джентльменские чувства м-ра Джона Смокера; однако ж он скрыл свою досаду и продолжал обращать ласковое внимание на своего собеседника, хранившего невозмутимое спокойствие на своем лице.

– Не пора-ли нам идти, м-р Уэллер? – сказал м-р Смокер, взглянув на медный хронометр, вытасченный им из жилетного кармана посредством черного шнура, на котором болтался медный часовой ключик.

– Я думаю, что пора, иначе, пожалуй, они там испортят эту суварею, – отвечал м-р Уэллер.

– Пьете-ли вы воды, м-р Уэллер? – спросил Смокер, когда они вышли на другую улицу.

– Пил однажды, – сказал Самуэль.

– Что вы о них думаете, сэр?

– По-моему, нет в них никакого прока.

– А! стало-быть вы не любите киллибитный вкус, м-р Уэллер.

– Я не понимаю этих вещей, – сказал Самуэль, – знаю только, что от них сильно пахнет горячим железом.

– Это и есть киллибит, – заметил м-р Джон Смокер снисходительным тоном знатока.

– Мудреное словцо, только черт-ли в нем, любезный друг, когда не понимаешь его смысла? Ведь мы с вами ничего не смыслим по химической части; стало быть, нечего об этом и толковать.

И, к великому ужасу своего товарища, м-р Самуэль Уэллер беззаботно принялся насвистывать какую-то песню.

– Прошу извинить, м-р Уэллер, – сказал Джон Смокер, озадаченный звуками простонародной песни, – не угодно-ли вам идти со мной под руку?

– Спасибо, любезный, вы очень добры, но я не имею никакой нужды в чужой руке, – отвечал Самуэль. – Мне гораздо приятнее запрятать свои руки в карманы, если позволите.

И, сказав это, Самуэль засвистал еще громче, чем прежде.

– Сюда пожалуйста, – сказал Смокер, повернув в глухой переулочек, – мы скоро придем.

– Право?

– Да. Прошу вас только не беспокоиться, м-р Уэллер, не робеть.

– Чего?

– Вы увидите здесь прекраснейшие ливреи, продолжал м-р Джон Смокер, – и, может быть, с первого взгляда, некоторые джентльмены будут смотреть на вас свысока.

– Это недурно, – сказал Самуэль.

– Конечно, тут ничего нет дурного; но знаете, мало-ли что может случиться, если взять в расчет, что вы здесь чужой человек. Сначала, может быть, обойдутся с вами довольно круто.

– Ведь они-же не съедят меня, я полагаю? – спросил Самуэль.

– О, нет, нет, как это можно! – отвечал скороговоркой м-р Джон Смокер, вытаскивая из своего кармана табакерку с лисьей головой. – Погрызут, конечно, малую толику, то есть, скажут две-три остроумности на ваш счет; но вы заткните себе уши и не обращайтесь на лих никакого внимания.

– Ну, это еще не беда! – сказал Самуэль.

– Конечно не беда, – сказал Джон Смокер, зацепив понюшку табаку. – Я стану защищать вас.

Говоря таким образом, они подошли к небольшой лавке зеленщика, промышленявшего отдачею в наем для вечернего увеселения пустых комнат своей квартиры. М-р Джон Смокер отворил дверь и вошел в сопровождении Самуэля, который, очутившись позади своего проводника, принялся ухмыляться втихомолку и выделять веселые гримасы, служившие очевидным доказательством, что он находился в самом завидном состоянии духа.

Пройдя лавку и оставив свои шляпы в узеньком коридоре, они отворили дверь небольшой комнаты, и здесь мгновенно перед глазами м-ра Уэллера открылась великолепнейшая сцена.

Среди комнаты, один подле другого, были поставлены два стола, накрытые тремя или четырьмя разноцветными скатертями и устроенные таким образом, чтоб по возможности, сколько позволяли обстоятельства, придать им вид одного правильного целого. На скатертях лежали вилки и ножи для шести или восьми персон. Черенки у ножей казались весьма замечательными по своему разнообразию: некоторые были зелены, другие красны, иные желтоваты, и так как вилки, все без исключения, были черны, то комбинация цветов имела вообще поразительный эффект. Блюда, для соответствующего числа гостей, разогревались за решеткой камина, и сами гости стояли, в разных позах, перед тою же решеткой, отогревая свои члены. Коноводом всей этой компании был, по-видимому, дюжий и толстый джентльмен в ярко-малиновом фраке, красных панталонах и в треугольной шляпе. Он стоял, прислонившись спиною к камину, и по некоторым признакам оказывалось, что он едва только пришел, потому что шляпа еще была на его голове, и в руках он держал длинную палку, которую обыкновенно употребляют джентльмены его профессии когда стоят в коридоре или у подъезда.

– Смокер, дружище, твой палец! – сказал джентльмен в треугольной шляпе.

М-р Смокер задел своим мизинцем за большой палец правой руки этого джентльмена и сказал, что он очень рад видеть его совершенно здоровым.

– Поди ты вот толкуй: все наладили, что я совершенно здоров, – сказал джентльмен в треугольной шляпе. – А я ведь просто с тоски пропадаю. Попробовал бы кто на моем месте слезить каждый день по два часа за этой проклятой старухой, что глотает кислятину в минералах, так ведь оно, я вам скажу, выходит такой прескверный документ, что не рад я своему третнему жалованью. Еще какой-нибудь месяц, и я предчувствую, что иссохну как спичка.

При этом все собрание расхохоталось, и один джентльмен в желтом жилете шепнул своему соседу в зеленых гультиках, что Токкель сегодня в своей тарелке.

– Кстати, – сказал м-р Токкель, – ты, Смокер, ведь еще не того...

Конец этой сентенции был досказан шепотом на ухо м-ру Джону Смокеру.

– Ах, да, я и забыл, – сказал м-р Джон Смокер. – Джентльмены, имею честь рекомендовать вам друга моего, м-ра Уэллера.

– Очень жалею, что заслонил вас от камина, м-р Уэллер, – сказал м-р Токкель с фамильярным поклоном, – надеюсь, что вы не прозябли, Уэллер.

– Совсем нет, м-р Обжигайло, – отвечал Самуэль. – Подле вас было бы слишком трудно простудиться. Если бы, примером сказать, вас поставили в трактирном заведении подле решетки, трактирщику не было бы никакой надобности покупать дрова. Вам не трудно нагреть собою все комнаты, м-р Обжигайло.

При этой выходке, направленной, очевидно, против малиновой ливреи и светло-красных панталон, м-р Токкель вооружился величественным взглядом на несколько секунд; но тут же физиономия его прояснилась, и он заметил с улыбкой, что почтенный друг м-ра Смокера острит недурно.

– Очень вам обязан за хорошее мнение, сэр, – отвечал Самуэль. – Надеюсь, мы обойдемся мало-помалу и станем уважать друг друга.

На этом месте разговор был прерван прибытием двух джентльменов, из которых один был в плисовой ливрее оранжевого цвета, другой в пурпуровом фраке и черных шелковых чулках огромного размера. Когда они расшаркались и раскланялись со всеми вообще и с каждым порознь, м-р Токкель, с общего согласия, приказал подавать ужин.

Повинуясь этому приказанию, зеленщик и его жена подали на стол горячую баранину, приправленную каперсовым соусом, репой и картофелем. М-р Токкель сел на первом месте в качестве президента и выбрал себе в помощники джентльмена в оранжевой ливрее, который занял свое место на противоположном конце стола. Зеленщик надел лайковые перчатки и остановился за стулом президента.

– Гаррис! – сказал м-р Токкель повелительным тоном.

– Что прикажете, сэр? – отвечал зеленщик.

– Надели-ли вы перчатки?

– Надел, сэр.

– Подайте же мой прибор.

– Слушаю, сэр.

Зеленщик подобострастно исполнил приказание, но, подавая поварской нож м-ру Токкелю, он имел неосторожность зевнуть.

– Что вы под этим разумеете, Гаррис? – сказал м-р Токкель величественным тоном.

– Прошу извинить, сэр, – отвечал несчастный зеленщик, – это я сделал без всякого намерения, сэр. Прошлую ночь я совсем не выспался, сэр: лег очень поздно.

– Хотите-ли знать, что я думаю о вас, Гаррис? – сказал м-р Токкель с величественною важностью. – Вы мужлан, Гаррис.

– Надеюсь, джентльмены, вы не будете обходиться со мной слишком строго, – сказал Гаррис, делая низкий поклон. – Я очень вам обязан, джентльмены, за ваше покровительство и за вашу милостивую рекомендацию, джентльмены; но согласитесь, джентльмены, что я делаю, кажется, все для вашего удовольствия.

– Далеко не все, сэр, – сказал м-р Токкель.

– Мы считаем вас бездельником, Гаррис, – заметил джентльмен в оранжевой ливрее.

– Вы мошенник, Гаррис, – прибавил джентльмен в зеленых панталонах.

– Плут, превеликий плут, – дополнил джентльмен в пурпуровом фраке.

Бедный зеленщик раскланивался во все стороны и без всяких возражений выслушивал все эти комплименты. Когда каждый выразил свое мнение о зеленщике, м-р Токкель принялся резать баранью ногу и разделять порции по числу гостей.

Лишь только началось это вечернее занятие, дверь с шумом отворилась, и в комнату влетел еще джентльмен в светло-синем фраке, украшенном свинцовыми пуговицами по обеим сторонам.

– Вот уж это непростительное нарушение правил, – сказал м-р Токкель. – Поздно, сэръ, слишком поздно!

– Прошу извинить, никак не мог раньше, – сказал светло-синий джентльмен.

Между тем, после вареной баранины подали на стол стаканы, и каждый джентльмен заказывал для себя любимый напиток, пока еще не заперли трактира. Светло-синий и оранжевый джентльмены, отличавшиеся, по-видимому, особенно изящным вкусом, приказали принести мадеры и вишневки; другие – джина и смородиновки. М-р Уэллер, с своей стороны, заказал огромную порцию холодного пунша из рома с мушкатными орехами: это обстоятельство значительно возвысило его в глазах почетных гостей.

Начались торжественные тосты, и первый был предложен за здоровье красавиц, при чем светло-синий джентльмен счел своей обязанностью поблагодарить компанию, как будто тост относился к нему лично. После второго тоста, выпитого в честь почтенного президента, вышел из-за стола один степенный джентльмен в черном длиннополом сюртуке и плисовом жилете. Он объявил, что намерен говорить речь, и, когда президент восстановил порядок, речь началась таким образом:

«Джентльмены! Будучи еще младшим членом между вами на этой почтенной сувареи и притом чувствуя некоторую стеснительность положения, как я занимаю лишь кучерскую должность, я стану говорить робко и нерешительно. Но, с другой стороны, господа, обязанность, или, лучше сказать, долг честного джентльмена заставляет меня довести до вашего сведения одно из тех печальных обстоятельств, которые случаются в этом мире не то, чтобы уж слишком часто, но и не слишком редко. Итак, да будет вам ведомо, джентльмены, что общий друг наш м-р Уифферс (все взглянули на джентльмена в оранжевой ливрее), друг наш Уифферс отказался от своего места».

Ропот изумления пробежал между всеми слушателями. Каждый джентльмен заглянул в лицо своему соседу и потом перенес свой взор на кучера, который между тем, собравшись с духом, продолжал:

«Вы дивуетесь, джентльмены, и это очень натурально; меня самого как будто бы обухом съездили в висок, когда разжевал я существенность этого мудреного дела. Но зачем и почему общий друг наш понес, так сказать, эту ничем невознаградимую потерю? На это, всеконечно, есть резонement, которого объяснить я вам не в состоянии. Пусть сам друг Уифферс расскажет обстоятельно, что, как и почему, дабы, при случае, все мы могли подражать его примеру».

Все единодушно одобрили это предложение, и м-р Уифферс приступил к объяснению. Он сказал, что ему, без сомнения, было бы весьма приятно продолжать свою службу на месте, от которого он отказался. Ливрея была богатая и великолепная; женщины, принадлежавшие к дому, ласковы и обходительны; занимаемая им должность – легка и приятна: главнейшее занятие состояло в том, что м-р Уифферс должен был смотреть как можно чаще из окна в коридоре, вместе с другим джентльменом, который тоже отказался от этого места. Ему неприятно и даже, в некотором случае, мучительно было входить в дальнейшие подробности; но так как почтенная компания непременно требовала объяснений, то м-р Уифферс, скрепя сердце, признался с благородною откровенностью, что его заставляли кушать за обедом холодные блюда.

Невозможно выразить негодования, пробужденного этим признанием в сердцах всех почтенных джентльменов. Они бесновались около четверти часа, подвергая строжайшему осуждению холодные блюда.

Потом м-р Уифферс прибавил, что он отчасти сам виноват в этом деле, так как характер его слишком снисходителен и уклончив. Так, однажды, по своему добродушию, он согласился

кушать соленое масло, и потом, в другом случае, вследствие внезапной болезни истопника, забылся до такой степени, что принял на себя унижительный труд втащить на верх корзину с углями. Признаваясь таким образом в этих недостатках, м-р Уифферс осмеливался питать надежду, что все это не унизит его служебной репутации в глазах почтенных джентльменов, тем более, что в последнее время он исправился некоторым образом.

Речь м-ра Уифферса была принята с оглушительным восторгом, и президент немедленно предложил пить его здоровье. Затем сам м-р Уифферс предложил тост в честь м-ра Уэллера, за нравственное достоинство которого достаточно ручались дружба и рекомендация м-ра Джона Смокера. Выпив два стакана пунша и один мадеры, Самуэль, выстунив на середину комнаты, благодарил компанию следующей речью:

«За ласку, ребята, за приятство, дружбу и компанию благодарю вас от чистого сердца. Я слышал давно, что вы – народ продувной; но мне не приходило и в голову, что все вы, так сказать, подобраны молодец к молодцу. Надеюсь, что вы никогда не ударите в грязь лицом и не уроните своего достоинства на общественных гуляньях, где я, быв еще ребенком, с наслаждением смотрел на всякого ливрейного лакея. Мне приятно засвидетельствовать особенное почтение другу моему, Обжигайле, за ту ласку, которой он меня удостоил при первом знакомстве. Что-ж касается до этого бедняги, потерявшего место, я желаю ему найти самую веселую и красивую должность, с горячим супом и пирогами, которых он вполне заслуживает, как джентльмен, скрасивший своим краснобайством всю вашу суварею». И когда Самуэль, при общих рукоплесканиях, сел на свое место, некоторые джентльмены объявили, что вечер их кончен.

– Это что значит? Неужто вы хотите сказать, что вы уж идете, любезный друг? – сказал Самуэль м-ру Джону Смокеру.

– Надобно идти, долг службы, – сказал м-р Смокер. – Я обещал Бентаму.

– А! Очень хорошо, – сказал Самуэль. – Это другое дело, иначе, пожалуй, Бентам уволит себя от вашей службы. – А вы куда, Обжигайло?

– Иду и я, – сказал джентльмен в треугольной шляпе.

– Как? На чью же голову остается здесь эта порция пунша? – вскричал Самуэль. – Нет, вздор, ты сядешь опять, Обжигайло.

М-р Токкель не мог устоять против такого соблазна. Он снял шляпу, поставил в угол палку и сказал, что готов еще выцедить стаканчик для восстановления дружбы.

С ними остался и светло-синий джентльмен, так как он был из одного дома с м-ром Токкелем. После второго или третьего стакана пунша Самуэль потребовал устриц из лавки зеленщика, и эффект этого угощения оказался превосходным. М-р Токкель, с треугольной шляпой на голове и палкою в руках, принялся по разбросанным раковинам выплясывать лягушечий танец под аккомпанемент светло-синего джентльмена, который весьма искусно выигрывал такт на головной гребенке, в совершенстве заменившей музыкальный инструмент. Наконец, когда пунш был кончен и ночь прошла, они отправились по своим домам. Лишь только м-р Токкель выбрался на свежий воздух, как им овладело внезапное желание протянуться и лечь на камни тротуара. Самуэль не думал противоречить; но сберегая треугольную шляпу, которую без того могли бы украсть, он приплющил ее к голове светло-синего джентльмена, с величайшими усилиями продолжавшего свой путь. М-р Уэллер прислонил его к подъезду в доме его господина, впихнул ему в руки швейцарскую булаву, позвонил в колокольчик и спокойно пошел к себе домой.

Поутру, гораздо ранее обычной поры, м-р Пикквик, одетый, умытый и причесанный, спустился вниз и позвонил в колокольчик.

– Самуэль, – сказал м-р Пикквик, когда м-р Уэллер явился на его призыв, – закройте дверь. М-р Уэллер запер.

– Простой ночью, Самуэль, у нас тут случилась весьма неприятная история, заставившая м-ра Винкеля опасаться насильственных поступков со стороны м-ра Даулера, – сказал м-р Пикквик.

– Я слышал кое-что об этом на кухне от старухи, – отвечал Самуэль.

– И мне больно сказать, Самуэль, – продолжал м-р Пикквик грустным тоном, при чем его физиономия приняла самое болезненное выражение, – мне больно сказать, что, опасаясь этих насильственных поступков, м-р Винкель убежал.

– Убежал! – воскликнул Самуэль.

– Оставил дом сегодня на рассвете, не переговорив даже со мною, – отвечал м-р Пикквик. – И мне даже неизвестно, куда он убежал.

– Ему следовало остаться, сэр, и столкнуться с ним лицом к лицу, – заметил м-р Уэллер. – Не нужно большой силы, чтобы упрятать этого Даулера.

– Я уже давно, на основании некоторых соображений, мог сомневаться в его храбрости и отваге; но как бы то ни было, м-р Винкель убежал. Его надобно найти, Самуэль, отыскать и представить ко мне.

– А если он не захочет воротиться?

– В таком случае должно употребить силу.

– Кто-ж ее употребит?

– Вы, Самуэль.

– Очень хорошо, сэр.

С этими словами м-р Уэллер вышел из комнаты, и через минуту можно было слышать, как отворилась уличная дверь. Через два часа он воротился и объявил своему господину, что джентльмен, совершенно сходный по описанию с м-ром Винкелем, уехал поутру в Бристоль с первым дилижансом.

– Самуэль, – сказал м-р Пикквик, взяв его за руку, – вы малый расторопный, сметливый, бесценный малый. Вы поедете за ним в Бристоль, Самуэль.

– Слушаю, сэр.

– Лишь только вы откроете его убежище, немедленно напишите мне, Самуэль. Если, сверх чаяния, он попробует бежать, валите его на землю и вяжите. Даю вам над ним полную власть и волю, Самуэль.

– Я постараюсь быть осторожным, сэр.

– Вы скажите ему, – продолжал м-р Пикквик, – что я сердит на него, раздражен, взбешен и ничем не могу объяснить себе его самовольного и безразсудного поступка.

– Слушаю, сэр.

– И вы думаете, что найдете его?

– Непременно, если только он не сгинул с лица земли.

– Очень хорошо. В таком случае, чем скорее вы поедете, тем лучше.

С этими словами м-р Пикквик вручил верному слуге необходимую сумму денег и приказал ему скакать в Бристоль.

Самуэль уложил свои вещи в дорожную сумку и в минуту готов был к отъезду. Сходя с лестницы, он, однако ж, призадумался и, воротившись назад, просунул свою голову в дверь гостиной, где был его господин.

– Сэр, – шепнул м-р Уэллер.

– Что?

– Так-ли я понял ваши наставления, сэр?

– Надеюсь, что так.

– Я должен повалить его и связать, как вы говорили?

– Повалить и связать, – отвечал м-р Пикквик. – Делайте с ним все, что сочтете нужным.

Уполномочиваю вас на все.

Самуэль кивнул головой и, притворив дверь, быстро побежал с лестницы в догонку за пропавшим джентльменом.

Глава XXXVIII

О том, как мистер Винкель не сторел в огне и вышел сух из воды.

Гонимый судьбою джентльмен, сделавшийся злосчастною причиною необычайного шума и волнения, растревожившего всех жителей Королевской улицы, провел остаток ночи в великом смущении и беспокойстве и с первым проблеском утренней зари поспешил тайным образом оставить мирную кровлю, под которой друзья его еще покоились сладким сном. Он решился бежать, куда глаза глядят, Невозможно достойным образом оценить, восхвалить или прославить побуждения, заставившие м-ра Винкеля обратиться к этому истинно благородному и великодушному плану.

– Если этот Даулер, – рассуждал м-р Винкель сам с собою, – если этот Даулер, в чем не может быть ни малейшего сомнения, вздумает привести в исполнение свою бешеную угрозу против моей личной безопасности, я буду поставлен в неизбежную необходимость вызвать его на дуэль. Что-ж отсюда выйдет? У него есть жена, то есть женщина любящая, которая вполне зависит от него. Детей покамест нет еще, но будут, вероятно, и дети. Великий Боже! Мне будет жизнь не в жизнь, если я, ослепленный изверг, позволю себе умертвить этого человека!

Эти прискорбные соображения подействовали с такою силою на гуманные чувства молодого человека, что колени его бойко застучали одно о другое и на лице его обнаружались самые возмутительные признаки внутренней тревоги. Действуя под влиянием этих размышлений, он схватил дорожную сумку и, выюркнув потихоньку из своей комнаты, запер ненавистную уличную дверь, не производя при этом ни малейшего шума. Выбравшись таким образом на вольный воздух, он вздохнул свободно, и ноги его устремились сами собою к Королевской гостинице, где уже стоял дилижанс, готовый отправиться в Бристоль. рассудив весьма основательно, что Бристоль столько же удобен для его целей, как и всякий другой городок в английском государстве, м-р Винкель сел на империал и благополучно достиг до места своего назначения в урочное количество часов, обыкновенно употребляемых двумя быстроногими конями, которые два раза в сутки перебегают пространство из Бата в Бристоль и обратно.

Он остановился в гостинице «Зеленого куста» и тотчас же пошел осматривать город, отлагая переписку с м-ром Пикквиком до той поры, когда время и рассудок поутомят мало-помалу ярость бешеного Даулера. Грязь и нечистота всякого рода были первыми предметами, поразившими внимание путешественника. М-р Винкель обозрел доки, корабельную верфь, кафедральную церковь, и направил свой путь в Клифтон, куда указали ему дорогу. Долго бродил он по разным переулкам и закоулкам и, наконец, взошел в такую трущобу, откуда не было, казалось, никакого исхода. Чтобы выпутаться из затруднительного положения, он счел необходимым зайти в какую-нибудь лавку или магазин, где бы снова могли навести его на истинный путь.

Озираясь во все стороны, м-р Винкель увидел какое-то вновь отделанное и расписанное жилище, которое могло занимать средину между магазином и частным домом. Красный фонарь перед подъездом служил свидетельством, что здесь, по всей вероятности, находилось жилище врача, и эта догадка вполне оправдывалась огромной вывеской над уличной дверью, где золотыми буквами было изображено: «Докторская аптека». Надеясь тут сделать необходимые расспросы, м-р Винкель вошел в маленькую лавку, где по всем сторонам стояли ящики, бутылочки, стклянки, пузырьки и бутылки с золотыми ярлыками. Не находя здесь никого, он постучал полкроной о прилавок, думая таким образом привлечь к себе внимание доктора или его помощника, который был, вероятно, в следующей комнате, где над дверью сияла другая великолепнейшая надпись: «Кабинет доктора медицины и хирургии».

При первом стуке м-ра Винкеля звуки, выходявшие из кабинета, прекратились; при втором – дверь отворилась, и в аптеку вошел степенный молодой человек в зеленых очках

и с огромной книгой под мышкой. Он остановился у прилавка и спросил, что доставляет ему удовольствие видеть неизвестного пришельца.

– Очень жалею, что я помешал вашим занятиям, сэр, – сказал м-р Винкель, – но мне хотелось бы знать, где найти дор...

– Ха! ха! ха! – залился ученый молодой человек, бросив свою огромную книгу к потолку и поймав с необыкновенною ловкостью в ту самую минуту, когда она грозила своим падением раздавить в дребезги маленькие пузырьки на прилавке. – Вот вам штука, так штука!

Это была действительно штука забавная и хитрая. М-р Винкель, изумленный необыкновенным поведением доктора медицины и хирургии, невольно попятился к дверям, недоумевая, чем и объяснить такой странный прием.

– Как! Стало быть, вы не знаете меня? – спросил доктор медицины и хирургии.

М-р Винкель пробормотал в ответ, что не имеет этой чести.

– Э-ге, вот оно как! – продолжал ученый молодой человек. – Выходит на поверку, что я могу питать блистательные надежды впереди, если вид мой внушает такое уважение посторонним лицам. Еще каких-нибудь полгода, и бристольские старухи будут под моей командой. Ну, провались ты, старая хрычовка!

С этим комплиментом, относившимся к большой книге, доктор медицины и хирургии перекинул ее, с замечательною ловкостью, на противоположный конец комнаты, и когда вслед затем он сорвал очки со своего носа, м-р Винкель немедленно угадал в нем Боба или Роберта Сойера, эсквайра, того самого молодого человека, с которым он недавно имел честь познакомиться в его собственной квартире, что в Боро, на Ланд-Стрите.

– И вы точно не угадали меня? – сказал м-р Боб Сойер, дружески пожимая руку м-ра Винкеля.

– Решительно не угадал, – отвечал м-р Винкель.

– Это, однако ж, довольно странно. Значит, вы не заметили моей фамилии, – сказал Боб Сойер, обращая внимание своего приятеля на дверь аптеки, где белыми буквами по черному полю были разрисованы слова, – «Сойер, преемник знаменитого Ноккморфа».

– Мне как-то не пришлось взглянуть на эту надпись, – сказал м-р Винкель.

– Скажите, пожалуйста, как оно вышло! Если бы я знал, что это вы, я бы бросился со всех ног и заключил вас в свои объятия, – сказал Боб Сойер, – но мне показалось сначала, что вы сборщик королевских пошлин.

– Неужели! – сказал м-р Винкель.

– Честное слово, – отвечал Боб Сойер, – и я хотел было сказать, что меня нет дома и что, если вам угодно оставить какое-нибудь поручение, то я охотно передам его самому себе, потому что, видите ли, этот джентльмен знает меня столько-же, как сборщики пошлин с освещения и мостовой. Церковный сборщик, по-видимому, догадывается, что я за птица, и мне заподлинно известно, что сборщик водяных пошлин хорошо меня знает, потому что я имел удовольствие выдернуть ему зуб по прибытии сюда. Войдите, однако ж, м-р Винкель, войдите!

Болтая на этот лад, Боб Сойер втолкнул м-ра Винкеля в докторский кабинет, где у пылающего камина, с кочергой в руках, сидел не кто другой, как неизменный друг доктора медицины и хирургии, м-р Бенжамен Аллен.

– Ну, право, этого удовольствия я никак не ожидал, – сказал м-р Винкель. – У вас тут, я думаю, превосходное место.

– Ничего, так себе, годится на первый раз, – отвечал Боб Сойер. – Вскоре после намеренной пирушки я выдержал свой экзамен, и добрые родственники снабдили меня необходимыми потребностями для первоначального обзаведения. Я сшил черную пару, вооружился зелеными очками и принял здесь, по возможности, торжественный вид, приличный ученому мудрецу.

– И у вас тут, конечно, порядочная практика, – заметил м-р Винкель.

– Как же, как же, есть и практика, – отвечал Боб Сойер. – Если все этак пойдет вперед, к концу двух-трех лет можно будет уложить все мои барыши в маленькую рюмочку, и прикрыть их листиком от крыжовника.

– Ну, вы шутите, разумеется, – сказал м-р Винкель. – Одни эти материалы в вашей аптеке...

– Полноте, любезный друг, какие тут материалы! – сказал Боб Сойер, – половина ящиков пустехоньки, а другую половину вы не отворите.

– Что за вздор! – сказал м-р Винкель.

– Печальная истина, почтеннейший, честное слово! – отвечал Боб Сойер. – Не угоднo-ли учинить поверку!

Сказав это, он вошел в аптеку и доказал очевиднейшим образом, что большая часть ящиков с вызолоченными надписями были пусты или фальшивы.

– И уж, коль на то пошло, я должен объявить вам по секрету, что во всей аптеке ничего нет кроме пивовок, да и те несколько раз были в деле.

– О, этого я никак бы не мог вообразить! – воскликнул озадаченный м-р Винкель.

– Еще бы! Нужда научит бросать пыль в глаза, как скоро надобно подняться на ноги честному джентльмену, – отвечал Боб Сойер. – Однакож, соловья баснями не кормят; не хотите ли чего перекусить, м-р Винкель? Послушай, Бен, запусти-ка руку в этот шкафчик, где стоит патентованная микстура для сварения желудка.

М-р Бенжамен Аллен улыбнулся в знак готовности и вытащил из ближайшего ящика огромную черную бутылку, до половины наполненную водкой.

– Вы, конечно, не употребляете воды? – спросил Боб Сойер.

– Покорно вас благодарю, – отвечал м-р Винкель. – Теперь довольно рано и я хотел бы растворить этот напиток, если позволите.

– Растворяйте, сколько хотите, если совесть не зазрит, – отвечал Боб Сойер, выпивая залпом рюмку водки. – Бен, подай сюда ступку.

М-р Бенжамен Аллен вытащил из того же сокровенного влагалища небольшую медную ступку, которая, заметил Боб Сойер, составляла для него предмет особенной гордости, как сосуд, имевший ученую наружность. Здесь он, посредством многочисленных химических операций, вскипятит воду и приготовил отличный грог для своего гостя. Когда разговор малопомалу сделался общим, в комнату вдруг вошел мальчик в серой ливрее, в фуражке с золотой кокардой и с небольшой корзиною под мышкой. М-р Боб Сойер приветствовал его таким образом:

– Подите-ка сюда, плутишка.

Мальчик повиновался.

– Зачем вы стояли, выпуча глаза, на площади?

– Нет, сэръ, я не стоял, – отвечал мальчик.

– Смотри, у меня держать ухо востро, ленивец, – сказал м-р Боб Сойер грозным тоном. – Кто, думаете вы, станет требовать услуг ученого джентльмена, как скоро будет известно, что его мальчик прыгает на улице через веревочку или играет в мраморные шарики с другими ребятишками? Понимаете-ли вы, повеса, в чем состоят ваши обязанности?

– Понимаю, сэръ.

– Еще бы не понимать! Ну, разнесены лекарства?

– Разнесены.

– Куда вы отнесли порошки для ребенка?

– В тот большой дом, где недавно были крестины.

– Хорошо. А пилюли с ярлычком: «по четыре раза в день».

– Туда, где живет старый джентльмен с подагрой в ногах.

– Очень хорошо. Затворите дверь и марш в лавку.

– Эге! – сказал м-р Винкель, когда мальчик ушел в аптеку. – Дела-то, стало быть, идут вовсе не так дурно, как вы сначала хотели меня уверить. Вы рассылаете по городу лекарства.

М-р Боб Сойер заглянул в лавку, чтобы удостовериться в отсутствии постороннего слушателя, и потом, нагибаясь к уху м-ра Винкеля, проговорил:

– Он разносит их наудалую, куда ни попало.

М-р Винкель широко открыл свои глаза. Боб Сойер и приятель его засмеялись.

– Как же это, господа? Я тут ровно ничего не понимаю, – сказал м-р Винкель.

– А штука очень проста, – сказал Боб. – Видите ли, как все это происходит: мальчишка идет в известный дом, звонит изо всей мочи у подъезда, выбегает слуга, он отдает ему пакет с лекарством и, не говоря ни слова, уходит прочь. Слуга передает пакет в столовую, господин открывает и читает: – «Микстуру на ночь по две ложки... пилюли как сказано... полосканье как обыкновенно... порошки как предписано. От Роберта Сойера, наместника Ноккморфа. Приготовлено в его собственной аптеке». – И так далее. Господин передает своей жене; та читает и передает слугам. Пакет совершает путешествия от лакейской до кухни, от кухни до конюшни. На другой день мальчишка приходит опять и говорит: – «Очень жалею... ошибся... напрасно побезпокоил... хлопот множество... лекарство было назначено в другое место... м-р Сойер, преемник Ноккморфа, просит извинить». – Дело между тем сделано своим чередом и в несколько дней фамилия знаменитого доктора расходитя по всему городу. Поверьте, любезный друг, что эта проделка лучше всяких газетных объявлений. Есть у нас четырех-унцевая бутылочка, которая обегала половину Бристоля и еще далеко не кончила своего путешествия.

– Ах, Боже мой, да это в самом деле превосходная выдумка! – заметил м-р Винкель.

– Что-ж делать? Надо подниматься на хитрости ученым людям, – сказал Боб Сойер. – Бенжамен и я выдумали около дюжины таких веществ. Так, например, ламповщик получает от меня восемнадцать пенсов в неделю за то, что ночь раз по десяти стучится бешеным образом в мои ворота, привлекая внимание всех соседей; и когда я бываю в вокзале или театре, мальчишка с величайшим ужасом на лице вбегает в залу и вызывает меня к мнимому больному. – «С кем-нибудь сделалось дурно, – говорить толпа. – Прислали за доктором Сойером. Боже мой, как занят этот молодой человек!»

Открывая таким образом эти интересные мистерии медицинской профессии, м-р Боб Сойер и друг его Бен Аллен облокотились на спинки своих кресел и закатились самым веселым и громким смехом. Вслед затем разговор перешел на другой предмет, получивший личный интерес для самого м-ра Винкеля.

Мы уже имели случай намекнуть в своем месте, что м-р Бенжамен Аллен становился особенно нежным и даже сантиментальным после водки. Это, конечно, не единственный случай, и мы знавали на своем веку многих пациентов, подверженных сантиментальности, вследствие употребления сердцекрепительных напитков. В настоящий период своего существования, м-р Бенжамен Аллен чувствовал особенное предрасположение к нежности сердечной. Уже около трех недель он жил безвыходно в квартире своего задушевного друга и товарища по медицинской профессии. М-р Боб Сойер никогда не отличался особенно воздержной жизнью и никак нельзя сказать, чтобы м-р Бенжамен Аллен владел слишком крепкою головою. Следствием этих обстоятельств, соединенных вместе, было то, что м-р Бенжамен Аллен колебался все это время между опьянением и совершенным пьянством.

– Друг мой, – сказал м-р Бен Аллен, пользуясь кратковременной отлучкой м-ра Боба Сойера, который пошел в аптеку ревизовать свои подержанные пивавки, – милый друг мой, я очень несчастен.

М-р Винкель поспешил выразить свое соболезнование и полюбопытствовал узнать причину горести несчастного студента.

– Ничего, дружище, ничего, – сказал Бенжамен. – Вы ведь, я думаю, помните Арабеллу, Винкель, сестру мою Арабеллу, смазливую девчонку, Винкель, черноглазую и краснощекую, которую вы встречали прошлой зимой на хуторе у старика Уардля. Не знаю, обратили-ли вы на нее внимание: девчонка замечательная, Винкель. Мои черты, вероятно, могут напоминать ее некоторым образом.

Но м-р Винкель превосходно помнил очаровательную Арабеллу, и черты её никогда не изглаживались из его души. Ему не было никакой надобности вглядываться в лицо её братца Бенжамена, который на самом деле был весьма дурною и неверною копию интересной девицы. Преодолевая внутреннее волнение, м-р Винкель отвечал, что он хорошо помнит молодую леди и надеется, что она, конечно, совершенно здорова.

– Друг наш Боб – чудесный малый, как вы думаете, Винкель? – сказал в ответ м-р Бен Аллен.

– Ваша правда, – сказал м-р Винкель, не предчувствуя ничего доброго от этого тесного соединения двух имен.

– Я предназначил их друг для друга, – продолжал м-р Бен Аллен, опрокидывая свою рюмку с особенною выразительностью. – Они сотворены друг для друга, ниспосланы в этот мир друг для друга, рождены друг для друга, Винкель. Заметьте, любезный друг, особое назначение, предусмотрительность и прозорливость судьбы: вся разница между ними только в пяти годах, и они оба празднуют свое рождение в августе.

Такое обстоятельство, конечно, могло быть названо чудесным во многих отношениях; однако ж, м-р Винкель, горевший нетерпением слышать дальнейшие подробности, не выразил ни малейшего удивления. М-р Бен Аллен выронил одну или две слезы и сказал с сокрушением сердечным, что, несмотря на его почтение, преданность и даже благоговение к превосходнейшему другу, легкомысленная Арабелла, по какой-то непостижимой причине, обнаруживает решительную антипатию к особе доктора Боб-Сойера.

– И думать надобно, – сказал в заключение м-р Бен Аллен, – что тут завелась давнишняя любовная страстишка.

– И вы не подозреваете, кто должен быть предметом этой страсти? – спросил м-р Винкель с великим страхом.

М-р Бен Аллен схватил кочергу, замахал ею воинственным образом над своей головой, поразил страшнейшим ударом воображаемый череп и сказал в заключение с энергическим эффектом, что ему только бы узнать этого человека и... и больше ничего.

– Я бы показал ему, что я о нем думаю, – сказал м-р Бен Аллен.

И кочерга опять взвилась над его головой с таким же неистовством, как прежде.

Все это услаждало чувства м-ра Винкеля до такой степени, что в продолжение нескольких минут он не мог проговорить ни одного слова. Собравшись, наконец, с духом, он спросил, не в Кенте-ли была теперь мисс Аллен.

– Нет, нет – сказал м-р Бен Аллен, бросая кочергу и устремив на своего собеседника хитрый взгляд. – Я рассчитал, что хутор старика Уардля не годится для такой взбалмошной девчонки, как моя сестра, и поэтому, – надобно вам заметить, Винкель, что по смерти наших родителей я остался единственным защитником и опекуном Арабеллы, – поэтому я переслал ее в эту сторону, в глухое, скрытое и скучное местечко, под надзор старой тетки. Это, авось, выветрит глупые мысли из её головенки... Ну, а если не выветрит, мы отвезем ее за границу и посмотрим, что будет.

– Выходит, стало-быть, что тетка её в Бристоле? – спросил заикаясь м-р Винкель.

– Нет, нет, не в Бристоле, – отвечал м-р Бен Аллен, прищуривая одним глазом и подергивая большим пальцем через свое плечо; – там вон она... вон там. Однакож, надо помалчивать насчет этих вещей. Идет Роберт. Ни слова, любезный друг, ни полслова.

Этот разговор, при всей краткости, возбудил в душе м-ра Винкеля высшую степень беспокойства и тревоги. Давнишняя любовная страстишка врезалась острым кинжалом в его сердце. Кто был предметом этой страсти? Он или не он; вот вопрос. Был-ли у него какой-нибудь соперник, или прекрасная Арабелла из-за него самого презирает этого весельчака, Роберта Сойера? Он решился увидеть ее во что бы ни стало; но здесь представилось само собою чрезвычайно важное и, может быть, непобедимое затруднение. Где и как отыскать мисс Арабеллу? Слова её брата: «там вон она – вон там», заключали в себе довольно неопределенный смысл, и м-р Винкель недоумевал, живет-ли мисс Аллен в трех милях от Бристоля, или в тридцати, или, может быть, в трехстах.

Но ему нельзя было в настоящую минуту предаться глубокомысленному размышлению о своей любви, потому что возвращение Роберта сопровождалось прибытием из трактира огромного пирога с начинкой, и м-р Винкель, по настоятельному требованию хозяина, должен был принять участие в его холостой трапезе. Наемная старушка, принявшая должность временной ключницы, накрыла на стол, и когда, после предварительных переговоров, заняли ножик с вилкой у матери мальчика в серой ливрее (потому что хозяйственные припасы м-ра Сойера были еще покамест довольно ограничены), приятели сели обедать, при чем каждый из них, для вящего удобства, должен был потягивать шотландское пиво прямо из горлышка бутылки.

После обеда м-р Боб Сойер приказал принести из аптеки большую медную ступку и принялся собственными руками составлять пунш из рома с лимоном, мушкатными орехами и другими довольно многосложными специями, которые можно было назвать не иначе, как по латыни. М-р Сойер, как холостяк, держал во всем доме только один стакан, предоставленный теперь в распоряжение м-ра Винкеля, как дорогого гостя; Бен Аллен должен был употребить для себя воронку, заткнув наперед пробочкой её узкий конец, а м-р Сойер ограничился одним из тех хрустальных сосудов с каблистическими надписями, которыми ученые химики измеряют жидкие медикаменты при составлении рецептов. Когда эти предварительные распоряжения были приведены к концу, друзья попробовали пунш и нашли его превосходным. Было решено, что, пока м-р Винкель пьет один стакан, Бен Аллен и Боб Сойер возобновляют свои порции по два раза, так как их сосуды были слишком малы по объему. После этого условия, дружеский пир между ними получил самый веселый характер.

Никто однако ж не пел, потому что м-р Боб Сойер считал пение несообразным с профессией ученого джентльмена; но, награждая себя за это лишение, они говорили и смеялись вдоволь, так что, вероятно, их можно было слышать на противоположном конце улицы. Эта шумная беседа значительно сократила скучные часы для служившего у доктора мальчика, который, вместо того чтоб посвящать вечернее время своему обыкновенному занятию: писать и стирать свое имя на конторке, заглядывал беспрестанно в стеклянную дверь, улыбался, слушал и делал исподтишка превеселые гримасы.

Уже веселость Боба Сойера достигла степени яростного восторга, грусть Бена Аллена превратилась в тоскливое расположение духа, и пунш почти весь исчез из аптекарской ступки, как вдруг мальчишка вбежал в комнату и доложил, что какая-то молодая женщина пришла звать доктора Сойера к больному, жившему через две улицы от его аптеки. Это положило конец веселой пирушке. М-р Боб Сойер, заставив повторить приглашение раз двадцать, окатил свою голову холодной водою, чтобы придать себе по-возможности строгий вид, надел зеленые очки и вышел со двора. После его ухода м-р Бен Аллен впал в отчаянную тоску и утратил всякую способность продолжать какую бы то ни было беседу. Не надеясь добиться от него интересных объяснений, м-р Винкель взял шляпу, раскланялся и ушел в гостиницу «Зеленого куста».

Душевное беспокойство и многочисленные размышления, пробужденные воспоминаниями о прекрасной Арабелле, были причиною того, что пунш, выпитый в значительном количестве, не произвел обычного влияния на потрясенный организм м-ра Винкеля. В буфете

«Зеленого куста» он выпил содовой воды и отправился в общую залу, взволнованный приключениями этого дня.

Здесь перед камином сидел высокий джентльмен в сюртуке и ботфортах. Больше никого не было в общей зале. Вечер был довольно холоден для этого времени года, и джентльмен отодвинул свой стул от камина, чтоб дать место новому пришельцу. Каково было удивление м-ра Винкеля, когда он вдруг увидел перед собою лицо мстительного и кровожадного Даулера!

Первым движением злосчастного пикквикиста было ухватиться за сонетку; но, к несчастью, сонетка была за головою м-ра Даулера. Он торопливо отодвинулся назад, воображая, что стремительное движение молодого человека не предвещало ничего доброго.

– М-р Винкель, сэ, будьте спокойны. Не бейте меня. Я не перенесу этого, не стерплю, сэ. Как! Поразить меня ударом! Нет, сэ, этого вам не удастся, – говорил Даулер, бросая на молодого человека такие взоры, в которых, сверх чаяния, никак нельзя было заметить особенной свирепости.

– Что вы говорите? – пролепетал м-р Винкель.

– Да, сэ, я знаю, что говорю, – отвечал Даулер, – успокойтесь, сэ. Садитесь, м-р Винкель. Выслушайте меня, сэ.

– Сэр, – начал м-р Винкель, охваченный дрожью с головы до ног, – прежде чем я соглашусь сесть подле вас или перед вами без всякого постороннего свидетеля, я должен наперед выслушать ваши предварительные объяснения. Вы, сэ, употребили против меня такую угрозу... такую страшную угрозу, что... что...

М-р Винкель побледнел и остановился.

– Да, сэ, – сказал Даулер, бледный почти так же, как его собеседник, – обстоятельства, согласитесь сами, были очень подозрительны. Теперь все объяснилось. Я уважаю вашу храбрость. Вы поступили благородно. Виноват один я. Вот вам моя рука. Хватайте. Жмите.

– Однакожь, сэ, – сказал м-р Винкель, недоумевая взять, или нет, руку своего соперника, который, легко может стать, хотел употребить против него какую-нибудь хитрость, – однако ж, сэ, я...

– Я знаю, что вы хотите сказать, – перебил Даулер, – вы чувствуете себя оскорбленным. Очень натурально. Я виноват. Прошу извинить меня. Будем друзьями. Простите меня.

С этими словами Даулер поймал руку м-ра Винкеля и, пожимая ее с необыкновенной горячностью, объявил торжественно, что он считал его благороднейшим молодым человеком, каких только удавалось ему встречать в большом свете.

– Ну теперь садитесь, м-р Винкель. рассказывайте все, по порядку. Как вы нашли меня здесь? Когда выехали из Бата? Будьте откровенны. Говорите все.

– Это произошло совершенно случайным образом, – сказал м-р Винкель, озадаченный этой интересной и необыкновенной встречей.

– Неужели?

– Уверяю вас.

– Очень рад, – сказал Даулер, – а я проснулся поутру, как обыкновенно, и совсем забыл вчерашнюю угрозу. Мне напомнили; я расхохотался. Как это можно? Мы будем друзьями, сказал я.

– Кому?

– М-с Даулер. Ты пригрозил, – сказала она. – Ну, да, пригрозил, – сказал я. – Угроза была страшная, – сказала она. – Что-ж из этого? – сказал я. – Ничего. Извинюсь. Помирился. Где он?

– Кто? – спросил м-р Винкель.

– Вы, – отвечал Даулер, – я побежал вниз. Вас не нашли. Пикквик был угрюм. Сердито качал головой. Выразил надежду, что не будет произведено никаких насилий. Я мигом смекнул, в чем дело. Вы сочли себя обиженным и ушли, вероятно, за секундантом. За пистолетами может-быть. Горячая голова, – сказал я, – таких молодцов люблю и уважаю.

М-р Винкель кашлянул и, понимая теперь сущность дела, приосанился и принял серьезный вид.

– Я оставил для вас записку, – продолжал Даулер, – сказал, что искренно жалею. Так оно и было. Дела, не требующие отлагательства, вызвали меня сюда. Вы не удовлетворились этой запиской, последовали за мной и потребовали словесного объяснения. Вы имели на это полное право. Прошло теперь все. Дела мои кончились. Завтра еду назад. Хотите вместе.

Чем дальше подвигались все эти объяснения, тем серьезнее и степеннее становилась физиономия м-ра Винкеля. Таинственное начало этой беседы объяснилось теперь совершенно. М-р Даулер столько же боялся дуэли, как м-р Винкель, и выходило на поверку, что этот бойкий джентльмен был первостатейным трусом. Измеряя чувствования м-ра Винкеля своими собственными опасениями, он поспешил укрыться в безопасное место, рассчитывая весьма благоразумно, что укротит со временем справедливый гнев раздраженного врага. Судьба весьма кстати привела их в одно и то же место.

Узнав таким образом все подробности этого запутанного дела, м-р Винкель принял окончательно свирепый вид и сказал, что он совершенно доволен; но эти слова были им произнесены ужасным тоном и м-р Даулер убедился как нельзя больше, что без этого мирного объяснения с его стороны, встреча их могла бы иметь для него самые страшные последствия. Великодушие и снисходительность м-ра Винкеля выставлялись теперь с самой выгодной стороны, и храбрые соперники, пожав друг другу руки, удалились в свои номера, обнаруживая готовность быть вечными друзьями.

В половине первого, когда м-р Винкель уже начинал вкушать сладость первого сна, его вдруг разбудил громкий стук в дверь спальни. Сначала ему показалось, что это мечта, или сонное видение; но когда звук повторился еще несколько раз сряду, м-р Винкель быстро привскочил на своей постели и спросил, кто там, и чего ему надобно.

– Извините, сэр, вас спрашивает какой-то молодой человек, который говорит, что ему надобно вас видеть сию же минуту, – отвечал из коридора голос трактирной служанки.

– Молодой человек! – воскликнул м-р Винкель.

– Точно так, сэр, к вашим услугам, – отвечал другой голос через замочную щель, – и если вы не примите на себя труда отворить мне дверь, очень легко может статься, что ноги мои войдут сами собою.

Вслед затем, молодой человек дал довольно сильный толчок в нижнюю часть двери, как будто желая показать, что ему ничего не стоит привести в исполнение свою угрозу.

– Вы-ли это, Самуэль? – спросил м-р Винкель, оставляя свою постель.

– Лучше нельзя угадать отца родного, если нахлобучить на него шапку, – отвечал тот же голос.

Не сомневаясь более в личности молодого человека, м-р Винкель отворил дверь, и лишь только он сделал это, Самуэль Уэллер вошел с величайшею поспешностью, запер дверь и, принимая благоразумную предосторожность, положил ключ, в карман своего жилета. Затем, обозревая м-ра Винкеля с головы до ног, сказал:

– Какой вы затейник, сэр, – удивительный затейник! Таких джентльменов, как вы, надо искать со свечей среди белого дня.

– Что вы под этим разумеете, Самуэль? – спросил м-р Винкель тоном сильнейшего негодования. – Ступайте прочь, сэр, ступайте прочь, сэр, ступайте сию минуту.

– Что я под этим разумею? – возразил м-р Уэллер. – Это, сэр, мудреная задача, как говорил встарину один школьник своему учителю, когда тот выдрал его за уши. Что я под этим разумею? Ничего дурного.

– Отоприте дверь и оставьте эту комнату сию же минуту, – сказал м-р Винкель.

– Я оставляю эту комнату в ту самую минуту, как вы сами оставите ее, сэр, – отвечал Самуэль, стараясь говорить серьезным тоном и усаживаясь на стул. – Если мне придется вынести

вас отсюда на спине, в таком случае, сэра, я выйду, конечно, прежде вас, не больше, впрочем, как одной секундой; но позвольте выразить надежду, сэра, что вы не доведете меня до таких крайностей, как говаривал встарину один строгий судья, когда приводили к нему упрямых арестантов.

Сказав это, м-р Уэллер положил свои руки на колени и взглянул на м-ра Винкеля с таким серьезным выражением, из которого значилось весьма ясно, что он не имел ни малейшего намерения шутить.

– Очень жалею, сэра, и даже соболезную, что никак не могу назвать вас любезным молодым человеком, – продолжал м-р Уэллер тоном горького упрека. – Как вам не стыдно было оставить на произвол судьбы этого почтеннейшего старичка, который, смею сказать, заботится о вас, как о собственном сыне? Вы поступили ничем не лучше Додсона, сэра, и смею вас уверить, что сутяга Фогг – истинный мудрец перед вами.

Высказав это суждение, м-р Уэллер хлопнул себя по обоим коленям, скрестил руки на груди с видом глубокого огорчения и, облокотившись на спинку кресел, ожидал, по-видимому, чем и как оправдается перед ним провинившийся пикквикист. М-р Винкель все это время стоял перед ним босиком, в халате, и зубы его начинали бить довольно сильную тревогу.

– Добрый друг мой, – сказал наконец м-р Винкель после продолжительного молчания, – добрый друг мой, я дорого ценю и уважаю вашу привязанность к этому достопочтенному старцу и крайне сожалею, что сам некоторым образом сделался причиною его беспокойства. Вашу руку, Самуэль.

– Очень хорошо, сэра, – сказал Самуэль довольно суровым тоном, крепко, однако ж, пожимая протянутую руку: – такие чувства, конечно, делают вам честь, и я рад, что нашел в вас джентльмена с благородным сердцем. Подумайте, однако ж, что старик, по вашей милости, остался теперь один-одинешенек: что ему делать без своего верного слуги?

– Мы об этом поговорим после, Самуэль, – сказал м-р Винкель. – Ступайте теперь спать.

– Нет, сэра, прошу извинить: я не пойду спать.

– Как не пойдете?

– Так и не пойду, – отвечал Самуэль, выразительно качая головой. – Я действую по предписанию, сэра.

– Значить-ли это, что вы намерены сию же минуту, не дожидаясь рассвета, возвратиться к своему господину? – сказал озадаченный м-р Винкель.

– Пожалуй, хоть сию же минуту, если вы особенно этого желаете, – отвечал Самуэль, – но я должен предупредить, что без вас не сделаю шага из этой комнаты. Так предписал старшина и вы можете быть уверены, что я в точности исполню его волю.

– Вздор, любезный, вздор, – сказал м-р Винкель: – я должен остаться здесь денка на два или на три. Даже вы, Самуэль, останетесь со мною и постараетесь устроить для меня свиданье с одной молодой лэди... с мисс Аллен, Самуэль; вы, вероятно, помните ее. Я непременно должен увидеться с нею перед отъездом из Бристоля.

Но в ответ на каждое из этих положений, Самуэль с великою твердостью качал головою и энергически возражал: – этому не бывать, не бывать!

Как бы то ни было, однако ж, после убедительных аргументов со стороны м-ра Винкеля, рассказавшего между прочим подробности всей сцены между ним и Даулером, м-р Уэллер начал колебаться и, наконец, после взаимных возражений и уступок, состоялся между ними следующий договор:

Статья первая. Самуэль уйдет к себе в комнату и оставит м-ра Винкеля в его спальне.

Статья вторая. Самуэль запрет спальню м-ра Винкеля и ключ от неё возьмет к себе в карман, с тем, однако ж, что, в случае пожара или другой какой-нибудь непредвиденной тревоги, он, Самуэль Уэллер, обязывается немедленно отпереть дверь.

Статья третья. Поутру, с общего согласия, будет написано и отправлено через Даулера письмо к м-ру Пикквику с покорнейшей просьбой о дозволении, вследствие изложенных причин, остаться в Бристоле м-ру Винкелю и Самуэлю, Если ответ м-ра Пикквика, который без сомнения получится в тот же день с вечерним дилижансом, будет благоприятен, обе стороны останутся в Бристоле и примутся за свои дела; в противном же случае, м-р Винкель и Самуэль немедленно уедут в Бат.

Статья четвертая и последняя. М-р Винкель дает клятвенное обещание, что, в продолжение отсутствия Самуэля, он не выпрыгнет из окна, не вылезет в трубу и не станет употреблять никаких других средств к преступному побегу.

Заклучив и подтвердив все эти условия, Самуэль запер дверь и ушел.

Сойдя с лестницы он призадумался и вынул ключ из кармана.

– Ведь следовало повалить его и связать... Забыл, совсем забыл – сказал Самуэль, делая поворот назад. – Предписания старшины были точны и ясны на этот счет. Дурак я, право дурак. Ну, да так и быть, – заключил Самуэль с прояснившимся лицом, – завтра, авось, можно будет исправить эту ошибку.

Утешенный и совершенно успокоенный этим размышлением, м-р Уэллер опять положил ключ к себе в карман и, дойдя до своей комнаты, скоро погрузился в глубокий сон, столь для него необходимый после сорока тревожных часов, проведенных без сна.

Глава XXXIX

Мистер Самуэль Уэллер, снабженный новой инструкцией, выступает на поприще любовных приключений.

Поутру, на другой день, м-р Самуэль Уэллер явился в комнату заключенного Винкеля и решил не спускать с него глаз ни на минуту до той поры, пока не будут получены новые предписания от старшины. Несмотря на тягостность такого бдительного надзора, м-р Винкель, скрепя сердце, подчинился беспрекословно самоуправству Самуэля, из опасения насильственных поступков с его стороны. Возможности таких поступков не отрицал и сам м-р Уэллер, намекавший уже несколько раз, что он, действуя снисходительно, нарушает некоторым образом строгия повеления достопочтенного старца. Нет ни малейшего сомнения в том, что Самуэль, наскучив бесполезным ожиданием, связал бы м-ра Винкеля по рукам и по ногам, для отправления его в Бат, если б м-р Пикквик не предупредил такого поступка своим благосклонным вниманием на письмо, которое доставил ему Даулер.

Следуя теперь, как и всегда, благородным порывам своего сердца, м-р Пикквик, прочитав письмо, отправился немедленно в Бристоль и в восемь часов вечера явился в гостиницу «Зеленого куста». Увидев Самуэля, почтенный старец поблагодарил его за ревностную службу и сказал с улыбкой на устах, что с его приездом оканчивается арест м-ра Винкеля.

– Я вот, как видите, приехал сам, – сказал великодушный старец, обращаясь к м-ру Винкелю, между тем как Самуэл снимал с него дорожную шинель и шаль. – Вы спрашивали моего согласия в таком деле, которое неизбежно требует моего личного присутствия. Я должен наперед узнать, точно-ли побуждения ваши в отношении к этой молодой девице благородны и честны.

– Как можете вы сомневаться в этом, почтенный мой друг? – отвечал м-р Винкель с величайшею энергиею.

– Вспомните, сэр, – продолжал м-р Пикквик, бросая на своего ученика лучезарные взоры, – вспомните, что первый раз мы встретили эту девицу в гостеприимном доме нашего незабвенного и несравненного друга. Было бы низко и даже преступно с вашей стороны играть её чувствами и сердечною привязанностью: этого я не позволю, сэр, никак не позволю.

– Мои намерения вполне благородны и честны, – с жаром возразил м-р Винкель. – Я долго размышлял об этом предмете и верю искренно, что счастье мое зависит от соединения с этой особой.

– Вот это, я думаю, и значит поступать по кавалерски, когда зазноба западает в молодецкое сердце, – перебил м-р Уэллер с приятной улыбкой.

М-р Пикквик сердито взглянул на своего слугу и сказал, что никак не следует шутить над одним из лучших чувств человеческой природы. На это Самуэль отвечал:

– Прошу извинить, сэр, но лучших чувств так много в вашей джентльменской груди, что никак даже не разберешь, над которым из них, при случае, позволяется пошутить.

Затем м-р Винкель рассказал подробно, какие сведения удалось ему получить от м-ра Бена Аллена относительно его сестры, прекрасной Арабеллы, и объяснил, что единственное его намерение состоит на первый раз лишь в том, чтоб добиться свидания с этой молодой особой. Из некоторых намеков Бена Аллена можно было вывести вероятное заключение, что сестра его живет в каком-то бристольском предместьи, быть может, около городских лугов; и в этом заключался весь запас сведений, на основании которых можно было приблизительно определить место жительства Арабеллы.

Было решено, что с этой, весьма ненадежной нитью м-р Уэллер отправится на другой день делать необходимые открытия, между тем как м-р Пикквик и м-р Винкель будут бродить

по городу и зайдут, как будто мимоходом, в квартиру Боба Сойера, где, легко может статься, они могут напасть на след отыскиваемой красавицы.

Действуя по этому плану, Самуэль Уэллер весьма рано поутру отправился на поиски, нисколько не озадаченный трудностью возложенного на него поручения. Долго ходил он из улицы в улицу, из одного переулка в другой, не встречая никого и ничего, что могло бы в некоторой степени выяснить запутанный для него вопрос. Часто вступал он в разговор с кучерами, прогуливавшими по дорогам своих лошадей, и с няньками, гулявшими с детьми на лугу; но из всех расспросов, сделанных кучерам и нянькам, никак нельзя было составить положительного заключения, имевшего какое-нибудь отношение к главной цели. Оказалось, что молодые леди, готовые выйти замуж, отнюдь не были редкостью в городе Бристоле, и большая часть их, по уверению служанок, уж питали глубокую привязанность к нежным друзьям сердца; но, к несчастью, ни одна из этих леди не называлась Арабеллой Аллен, и Самуэль, после всех своих исследований, еще не подвинулся ни на шаг вперед на поприще романтических походов.

Переходя с места на место в окрестных захолустьях, Самуэль очутился наконец в одном из главных предместий, где, по разным направлениям, были разбросаны красивенькие дачи, окруженные палисадниками и садами. Долго он смотрел и любовался на эти загородные жилища и, продолжая свой путь, забрел в узенький и длинный переулок, замыкавшийся конюшней с противоположного конца. Пред воротами этой конюшни стоял, в домашнем кафтане и с заступом в руках, долговязый и тощий кучер; стоял он и в раздумьи смотрел на маленькую тачку, соображая, по всей вероятности, что предстоит для него тяжелая работа. Здесь, совершенно кстати, мы можем заметить, что нам еще ни разу не приходилось видеть грума, который бы в свободные часы не становился, в известной степени, жертвой этого странного обольщения своих чувств.

Самуэль, уже утомленный продолжительною ходьбой, решил присесть на большом камне, лежавшем прямо против тачки, и вступить в разговор с угрюмым кучером, погруженным в праздное и тяжелое раздумье. Надвинув шляпу на бекрень и сделав несколько шагов, он сел с беззаботным видом и начал беседу таким образом:

– С добрым утром, товарищ.

– А кто-ж вам сказал, что теперь утро? – сказал кучер, бросив угрюмый взгляд на Самуэля.

– Ну, с добрым вечером, разница небольшая, любезный, – сказал Самуэль. – Как ваше здоровье?

– Мое здоровье ничуть не лучше и не хуже оттого, что я увидел вашу образину, – отвечал суровый грум.

– Это однако ж странно, любезный друг. – Мне показалось, что вы просто помешались от радости, когда взглянули на меня. Ведь вот подумаешь, как можно ошибиться!

Суровый грум сделался еще суровее, но это нисколько не смутило Самуэля. Подумав немного, он спросил:

– Ведь ваш хозяин, если не ошибаюсь, м-р Уокер?

– Нет, – сказал грум.

– Ну, так стало быть, Браун?

– И не Браун.

– Ах, да, Вильсон!

– И не Вильсон.

– В таком случае надобно допустить, что он еще не имеет чести быть со мной знакомым, – сказал Самуэль. – А сначала мне казалось, что мы стоим с ним на короткой ноге. – Пожалуйста не беспокойтесь, любезный, делайте свое дело, – продолжал Самуэль, когда грум покати тачку, и приготовился запирать ворота. – Нечего тут стоять из учтивости ко мне. Я извиняю вас.

– Я бы рад сорвать вам башку за полкроны, – сказал грум, запирая ворота.

– Тут не будет никаких выгод, милый друг, – отвечал Самуэль. – Вы можете потребовать свое пожизненное жалованье за мою голову, и это будет еще слишком дешево. Кланяйтесь от меня своим господам. Скажите, чтобы не беспокоились и не ожидали меня к обеду: кушанья простынут, прежде чем я приду.

В ответ на это, грум проворчал какую-то угрозу и сердито хлопнул воротами, не обращая внимания на усердную просьбу Самуэля, чтобы тот на прощаньи, в знак памяти, одолжил ему клочек своих волос.

Самуэль продолжал сидеть на большом камне, размышляя о том, что ему делать. Уж он составил план обходить все дома в Бристоле и окрестностях его миль на пять, расспрашивая всюду о прекрасной Арабелле, как вдруг непредвиденный случай избавил его от этих хлопот, которые, быть может, без всякого успеха могли продолжаться несколько месяцев сряду.

На переулок, где он сидел, выходили три или четыре садовые калитки, принадлежавшие разным дачам, которые были отделены одна от другой только садами. Домов с их угольями почти вовсе не было видно, так как сады были обширны, длинны и обсажены высокими деревьями. Самуэль сидел и смотрел на мусор перед ближайшей калиткой, вдумываясь в свое затруднительное положение, и производя умственные вычисления, по скольку домов придется ему обходить каждый день. Через несколько минут калитка отворилась и выпустила из сада служанку, вышедшую в переулок выбивать ковры.

Занятый своими соображениями, Самуэль, подняв голову, ограничил бы, по всей вероятности, свои наблюдения только тем, что молодая девушка была довольно красива и чистенько одета; но проникнутый врожденным чувством деликатности, он заметил вместе с тем, что ей предстоит довольно трудная работа, – так как ковры слишком тяжелы, – которая очевидно превышает её силы. Как любезный и ловкий джентльмен, м-р Уэллер, лишь только заметил это обстоятельство, поспешно встал с большого камня и подошел к молодой особе.

– Сударыня, – сказал Самуэль, раскланиваясь по джентльменски, – вы надорвете себя, душенька, и совсем испортите свое платье, если станете одна выколачивать эти ковры. Позвольте мне помочь вам.

Молодая леди, сначала по-видимому не заметившая присутствия постороннего джентльмена, обернулась при этих словах вероятно для того, чтобы уклониться от неуместного предложения; но вдруг, вместо слов, она отпрянула назад, и из груди её вырвался невольный вздох. Самуэль оторопел. В лице хорошенькой девушки, отпрянувшей назад, он увидел свою милую Мери, бывшую горничную в доме м-ра Нупкинса, ипсвичского мэра.

– Ах, вы-ли это, Мери? – воскликнул м-р Уэллер.

– Ах, как вы испугали меня, м-р Уэллер! – воскликнула Мери.

Самуэль не произнес словесного ответа на эту жалобу, и мы не знаем заподлинно, в чем именно состоял его ответ. Известно только, что после кратковременной паузы Мери сказала: – «ах, перестаньте, м-р Уэллер, перестаньте!» – и вслед затем шляпа свалилась с головы Самуэля. Из этих двух признаков, сличенных и рассмотренных критически, мы вправе вывести заключение, что молодые люди обменялись поцелуем, одним или двумя.

– Какими судьбами ты пришел сюда? – спросила Мери, когда разговор их возобновился после этого перерыва.

– Очень просто, моя милая: мне захотелось тебя видеть вот я и пришел, – сказал м-р Уэллер, позволяя себе эту маленькую ложь для вящего эффекта.

– Как же ты узнал, что я здесь? – спросила Мери. – Кто тебе сказал, что я переменила место в Ипсвиче, и что новые мои господа уехали сюда. Кто бы мог вам сказать это, м-р Уэллер?

– Ну, да это головоломная задача, – отвечал Самуэль, бросая хитрый взгляд. – Кто бы, в самом деле, мог сказать мне об этом?

– Надеюсь, не м-р Моззль: ведь не он? – спросила Мери.

– Разумеется, не он, – отвечал Самуэль, торжественно кивнув головой, – не он.

– Стало быть, это кухарка, – сказала Мери. – Больше никому.

– Кому же больше? Разумеется кухарка, – подтвердил Самуэль.

– Вот уж этого я никак не ожидала! – воскликнула Мери.

– Не ожидал и я, – сказал Самуэль. – Однакож вот еще что, моя милая... – при этом обращение Самуэля сделалось необыкновенно нежным, – есть у меня под рукой довольно важная статья, о которой не мешает нам потолковать. В этом городе теперь один из друзей моего старшины... м-р Винкель: ведь ты помнишь его?

– Не тот ли, что был тогда в зеленом фраке?

– Тот самый.

– Ну, помню. Как не помнить! – сказала Мери. – Зачем он здесь?

– По делам, мой ангел, – отвечал Самуэль. – Надобно тебе заметить, что он влюблен безумнейшим образом, так что чуть не пропадает с тоски.

– Бедненький! – воскликнула Мери.

– Уж такой-то бедненький, что просто из рук вон. Горю еще можно бы помочь, если б удалось нам отыскать молодую леди...

И здесь Самуэль, делая довольно частые отступления относительно личной красоты мисс Мери, представил подробный отчет о настоящем положении м-ра Винкеля.

– Что-ж вы тут будете делать? – спросила Мери.

– В том-то и штука, что нечего тут делать, отвечал Самуэль, – я вот брожу целый день, как вечный жид... слыхала ты о вечном жиде, Мери?

– Нет, не слыхала.

– Ну так нечего о нем и распространяться; дело в том только, мой ангел, что я вот ищу везде и никак не найду так называемую мисс Арабеллу Аллен.

– Мисс – какую? – спросила Мери с великим изумлением.

– Мисс Арабеллу Аллен, – повторил Самуэль.

– Ах, Боже мой! – вскричала Мери, указывая на дверь конюшни, которую только-что запер суровый грум, говоривший с м-ром Уэллером. – Ведь она живет подле нас, вот на этой самой даче. Недель шесть прошло, как она приехала сюда с своей теткой. Я недавно познакомилась с её горничной, и она рассказала мне все, что знает о своей госпоже.

– И она живет подле вас?

– Подле нас, – повторила Мери.

М-р Уэллер был так глубоко обрадован этой вестью, что даже счел необходимым броситься в объятия своей прекрасной собеседницы и поцеловать ее несколько раз сряду. Прошло несколько минут, прежде чем он был в состоянии возобновить прерванный разговор.

– Ну, – сказал он наконец – если теперь мы не увидим, как будут драться петухи, значит, не увидим никогда, как сказал однажды лорд-мер, когда государственный секретарь предложил за обедом пить здоровье его супруги.

– На этой даче, вот история! Стало быть, я могу передать ей поручение, которое целый день ношу с собой?

– Нет, сейчас этого сделать нельзя, – сказала Мери. – Она выходит в сад только по вечерам, и то лишь на несколько минут. Во всякое другое время она гуляет с теткой.

М-р Уэллер призадумался, и в голове его, через несколько минут, созрел следующий план: он придет в сумерки, в тот самый час, когда Арабелла гуляет по саду. Мисс Мери отворить для него калитку своей дачи. Он перелезет через забор на соседнюю дачу и спрячется до времени в густой кустарник; потом, уловив удобное мгновение, передаст свое поручение и устроит для м-ра Винкеля свидание на будущий вечер в тот же самый час. рассмотрев на скорую руку все подробности этого плана, он принялся помогать Мери в её занятии относительно выколачивания ковров.

Это однако ж совсем не такое невинное занятие, как можно было бы подумать с первого взгляда. Вытряхивать ковры еще ничего, но складывать их – дело весьма опасное. Пока продолжается процесс вытряхиванья, обе стороны обязаны стоять на значительном расстоянии друг от друга, и эта операция совершенно невинна сама по себе; но когда нужно складывать вычищенные ковры, расстояние между трудящимися особами постепенно сокращается, сперва на половину первоначальной длины, потом на четверть, потом на восьмую долю, потом на шестнадцатую, и даже на тридцать вторую, если ковер слишком длинен. Мы не умеем определить с математической точностью, сколько штук было сложено по этому образцу, но доподлинно известно, что Самуэль беспрестанно целовал свою прекрасную сотрудницу.

М-р Уэллер угостил себя умеренным обедом в ближайшей таверне, и потом, когда начало смеркаться, воротился опять в глухой переулок. Мери поспешила отворить для него садовую калитку, и сообщила ему необходимые наставления. Самуэль перелез через забор и запрятался в кустарник, где должен был дожидаться прибытия мисс Арабеллы.

Долго дожидался он с величайшим нетерпением, и уже начинал думать, что похождения его пропали даром, как вдруг невдалеке послышались легкие шаги, и вслед затем он увидел мисс Арабеллу. Молодая девушка шла задумчиво, поникнув своей маленькой головкой. По мере приближения её к кустарнику, Самуэль, желая деликатным образом предварить о своем присутствии, начал производить разнообразные звуки, свойственные особам, которые с младенческих лет страдают воспалением в горле, крупом или коклюшем.

Молодая девушка бросила беспокойный взгляд на место, откуда происходили страшные звуки, и беспокойство её отнюдь не уменьшилось, когда она увидела в кустах молодого человека, производившего весьма странные движения, как будто он был свирепый злоумышленник, подававший условные знаки своим товарищам. Охваченная лихорадочною дрожью, мисс Арабелла, нет сомнения, побежала бы назад и встревожила весь дом, если б страх не приковал ее к месту. К счастью, подле неё стояла скамейка, и молодая девушка в изнеможении упала на нее.

– Кажется, ей дурно, – рассуждал Самуэль сам с собою. – Какая, подумаешь, охота этим молодым девицам падать в обморок, когда из этого не выйдет ровно никакой пользы! Эй вы, мисс – как бишь вас? – мисс Винкель?

Волшебное-ли имя м-ра Винкеля, свежесть-ли вечернего воздуха, смутное-ли воспоминание голоса м-ра Уэллера, или другие причины оживили Арабеллу, мы не знаем, только она приподняла голову и спросила слабым голосом:

– Кто здесь? Чего вам надобно?

– Это я, сударыня, не изволите беспокоиться, – сказал Самуэль, быстро выходя из за кустов. – Это только я, мисс.

– Камердинер м-ра Пикквика?

– Точно так, мисс. Честь имею доложить, что м-р Винкель помешался от любви к вам. Он в отчаянии, мисс!

– Ах, Боже мой! – воскликнула Арабелла, вставая со скамейки и подходя ближе к садовой стене.

– Беда, сударыня, да и только, – продолжал Самуэль. – Мы уж думали вчера вечером отправить его в сумасшедший дом и посадить за железную решетку.

– Неужели!

– Я вам говорю. Он блажил целый день, и грозил утопиться или застрелиться, если вы не доставите ему случая увидеться с вами, мисс.

– О, нет, нет, м-р Уэллер! – воскликнула Арабелла, всплеснув руками.

– Я передаю вам, сударыня, то, что слышал собственными ушами, – продолжал Самуэль равнодушным тоном. – мое дело тут сторона. Знаю только, что м-р Винкель умеет держать свое слово, и я уверен, мисс, что дня через два его не будет на свете. Это бы еще ничего; пускай

себе пропадает; но я должен предупредить вас, что он успеет слишком много на шуметь перед смертью. Он все узнал о вас от костореза в здешней аптеке.

– От моего брата?

– Уж я не знаю доподлинно, который из них ваш брат, мисс, – отвечал Самуэль: – не тот ли, что ходит с растрепанными волосами? Малый грязный и безалаберный?

– Да, да, м-р Уэллер, – подтвердила Арабелла: – но продолжайте, ради Бога.

– Очень хорошо, мисс. М-р Винкель все слышал о вас, и старшина полагает, что если он не увидит вас в самом скором времени, то не сдобровать одному из этих косторезов, и, вероятно, придется нам вынимать пули из двух трупов.

– Ах, чем-же мне предупредить эту страшную ссору? – воскликнула Арабелла.

– Я полагаю, сударыня, что вам непременно следует назначить свидание м-ру Винкелю, – отвечал Самуэль.

– Но где? – Как? – вскричала Арабелла. – Я не могу выходить из дома одна. Брат мой такой неразсудительный, жестокий человек. Знаю как это странно вам покажется, м-р Уэллер; но я несчастна, очень несчастна...

И бедная Арабелла зарыдала горькими слезами. Самуэль преисполнился рыцарским мужеством.

– Может быть, странно и не совсем прилично, мисс, рассуждать вам со мною обо всех этих делах, – сказал он с великою живостью, – но я могу и готов с своей стороны сделать все, что вам угодно. Мне известно, что м-р Аллен заставляет вас вступить в ненавистный брак с своим товарищем. Хотите-ли, мисс, я выброшу его из окна перед вашими глазами? За этим у нас дело не станет.

Говоря это, м-р Самуэль Уэллер храбро засучил рукава, как будто изъявляя готовность немедленно приняться за дело.

Но как ни были обязательны и лестны услуги этого рода, мисс Арабелла, к великому огорчению Самуэля, решительно уклонилась от них. Долго также она отказывалась назначить свидание м-ру Винкелю, несмотря на патетически-убедительные просьбы; но когда, наконец, возникло опасение, что разговор может быть прерван прибытием третьего лица, Арабелла поспешила объявить, что завтра в сумерки, часом позже против этого времени, она, по всей вероятности, будет гулять одна в саду. Самуэль превосходно понял этот намек, и молодая девушка, подарив его прелестнейшей улыбкой, грациозно повернула назад в каштановую аллею, которая должна была привести ее домой. Самуэль, пораженный физическими и нравственными прелестями мисс Арабеллы, следил за ней жадным взором, пока она совсем не исчезла из вида.

Посвятив затем несколько минут своим собственным делам, м-р Уэллер перелез через стену и благополучно пришел, в гостиницу «Зеленого куста», где уже начинали слишком беспокоиться об его продолжительном отсутствии.;

– Мы должны быть осторожны, – сказал м-р Пикквик, выслушав внимательно повесть Самуэля: – не для себя самих, разумеется, но ради этой молодой девушки. Да, мы должны быть очень, очень осторожны.

– Мы! – сказал м-р Винкель с замечательной энергией.

Взор негодования, засветившийся при этом замечании в глазах м-ра Пикквика, потух мгновенно, и глаза его приняли самое благосклонное выражение, когда он сказал:

– Мы, сэр, да! Я буду, конечно, с вами.

– Вы! – сказал м-р Винкель.

– Я, – отвечал м-р Пикквик. – Назначив вам это свидание, молодая девушка следовала, конечно, естественному влечению своего сердца; но, во всяком случае, поступок её слишком опрометчив. Если между вами будет третье лицо – общий друг, который довольно стар и может

быть вашим отцом – голос клеветы и сплетен никогда не дерзнет вооружиться против мисс Арабеллы.

Глаза м-ра Пикквика сияли радужным восторгом, когда он, проникнутый глубоким сознанием собственной предусмотрительности, произносил эти слова. М-р Винкель, с своей стороны, приведенный в трогательное умиление, подал руку великодушному старцу с великим почтением, близким к благоговению.

– Вы пойдете, – сказал м-р Винкель.

– Пойду, – сказал м-р Пикквик. – Самуэль, вычистите хорошенько мое платье и наймите карету к завтрашнему вечеру. Нам необходимо выехать раньше, чтоб не заставить себя дожидаться.

М-р Уэллер, в знак совершеннейшего повиновения, прикоснулся к полям своей шляпы и отправился устраивать все необходимые приготовления.

Карета, в известный час, остановилась у подъезда «Зеленого куста». Усадив м-ра Пикквика и м-ра Винкеля, Самуэль поместился на козлах подле кучера. Они высадились, как заранее было условлено, за четверть мили от места свидания и, приказав кучеру дожидаться, пошли пешком.

Пройдя несколько шагов, м-р Пикквик, улыбаясь и обнаруживая другие признаки внутреннего самодовольства, вынул из кармана глухой фонарь, которым он запасся нарочно для этого случая. Фонарь был устроен очень хитро, и м-р Пикквик, делая выразительные жесты, объяснял ученым образом тайну этого устройства, к немалому изумлению прохожих, которые попадались им на дороге.

– Вот, Самуэль, не мешало бы мне и наемдни, в ту садовую экспедицию, запастись этой вещицей, – сказал м-р Пикквик веселым тоном, оглядываясь на своего спутника, который шел позади.

– Вещица недурная, сэр, если употреблять ее с умением и кстати, – отвечал м-р Уэллер – но как скоро дело идет о том, чтоб нас не видали, сэр, я советовал бы вам припрятать ее подальше или совсем потушить свечу.

Находя основательным это замечание, м-р Пикквик запрятал опять фонарь в карман, и они молча продолжали свой путь.

– Вот сюда, – сказал Самуэль. – Позвольте, я пойду вперед.

Следуя по указанному направлению, они повернули в переулок. Было очень темно. М-р Пикквик принужден был раз или два вынимать свой фонарь, от которого распространялся весьма приятный свет на расстояние двух или трех футов; зато после тем ощутительнее становился ночной мрак, и спутники вовсе не могли разглядеть окружающих предметов.

Наконец, они подошли к большому камню, где, по рекомендации Самуэля, м-р Пикквик присел отдохнуть, между тем как сам м-р Уэллер пустился на разведки. Мэри, вследствие заключенного условия, должна была ожидать его в саду.

Минут через десять, Самуэль воротился и сказал, что калитка отворена, и все покойно. Следуя за ним осторожной стопой, м-р Пикквик и м-р Винкель скоро очутились в саду. Здесь каждый из них проговорил по нескольку раз: «Тсс!» и хотя этот звук произносился с большим эффектом, однако ж еще неизвестно было, что начнут они делать.

– Мисс Мери, в саду-ли теперь, мисс Аллен? – спросил взволнованный м-р Винкель.

– Не знаю, сэр, отвечала хорошенькая горничная. – Всего лучше будет, сэр, если м-р Уэллер пособит вам перебраться через забор, а м-р Пикквик примет на себя труд стоять в переулке и смотреть, не пройдет-ли кто-нибудь. Я между тем стану караулить на другом конце сада. Ах, Боже мой, это что такое?

– Этот несчастный фонарь погубит всех нас, клянусь честью, – сказал Самуэль сердитым тоном. – Посмотрите, что вы делаете, сэр? Вы отправили луч света прямо в окна задней комнаты.

– Неужели! – сказал м-р Пикквик, стремительно поворачиваясь назад. – Этого я никак не думал.

– Ну, а теперь нас могут увидеть из соседнего дома, заметил Самуэль. – Как вы неосторожны, сэр!

– Ах, Боже мой! – воскликнул м-р Пикквик, поворачиваясь боком.

– Теперь нас увидят из конюшни и подумают, что здесь пожар, – сказал Самуэль. – Да погасите свечу, ради Бога; неужто вы не можете этого сделать?

– Это, однако ж, удивительный фонарь, какого ни разу не приходилось мне держать в своих руках! – воскликнул м-р Пикквик, отуманенный чудными эффектами, какие фонарь производил без всякого намерения со стороны м-ра Пикквика. – В жизни я не видал такого сильного рефлектора.

– Послушайте, сэр, нам не миновать беды, если вы будете кружиться этаким манером, – сказал Самуэль, когда м-р Пикквик делал тщетные попытки сообщить приличное направление своему чудному светилу. – Вот, я слышу шаги молодой леди. Ну, м-р Винкель, марш через забор!

– Остановитесь! – вскричал м-р Пикквик. я сам наперед должен говорит с ней. Самуэль, помогите мне.

Самуэль прислонился головою к стене и, устроив таким образом платформу из своей спины, сказал. – Ну, теперь можете перебираться. Скорее, сэр.

– Но ведь этак можно ушибить вас, Самуэль, – сказал м-р Пикквик.

– Не беспокойтесь обо мне, сэр, – отвечал Самуэль. – Подайте ему руку, м-р Винкель. Скорее, господа.

Пока Самуэль говорил таким образом, м-р Пикквик, употребляя усилия, почти неестественные для джентльмена его тяжести и лет, успел наконец вскарабкаться на спину своего верного слуги, и потом, мало-помалу, при содействии м-ра Винкеля, ему удалось утвердиться на верхнем бревне забора, причем одно плечо Самуэля послужило пьедесталом для великого человека.

– Милая моя, – сказал м-р Пикквик, уловивший взор мисс Арабеллы, стоявшей по другую сторону садовой стены, – не бойтесь, моя милая, это я.

– Ах, зачем вы здесь, м-р Пикквик? – воскликнула Арабелла. – Уйдите отсюда и скажите, чтоб все они уходили. Я ужасно боюсь. Не оставайтесь в таком положении, м-р Пикквик, вы упадете и расшибетесь, я знаю.

– Прошу вас не беспокоиться обо мне, мой ангел, – сказал м-р Пикквик ласковым голосом, – для меня тут нет ни малейшей опасности, уверяю вас. Не вертите, Самуэль, – сказал м-р Пикквик, оборачиваясь назад.

– Я стою хорошо, сэр, – отвечал м-р Уэллер, – только вам надобно поскорее покончить этот разговор. – Вы тяжелы, сэр.

– Еще минуту, Самуэль, – отвечал м-р Пикквик.

– Я хотел только сказать вам, мой ангел, что молодой друг мой никогда бы не получил от меня согласия на эти тайные переговоры, если б репутация ваша подверглась малейшей опасности. Зная мое присутствие в этом месте, вы можете, конечно, говорить с ним что угодно и сколько угодно. Вот все, мой ангел, что я хотел сказать вам.

– Очень вам благодарна, м-р Пикквик, очень, очень благодарна, – сказала мисс Аллен, отирая платком свои слезы.

Вероятно, молодая девушка сказала бы еще что-нибудь, если б вдруг голова м-ра Пикквика не исчезла с величайшей быстротой. Он имел неосторожность оступиться на плече Самуэля и упал на землю. Это, однако ж, нисколько не смутило великого человека. Быстро поднялся он на ноги и, приказав м-ру Винкелю скорее оканчивать свидание, побежал из садовой калитки в переулок с пылкой энергией и отвагой молодого человека. Подстрекаемый благим

примером, м-р Винкель мгновенно вспрыгнул на стену, и только приостановился на минуту дать приличное наставление Самуэлю относительно его господина.

– Я уж тут приму свои меры, – отвечал Самуэль. – Оставьте его на мои руки.

– Да где он? Что он делает, Самуэль? – спросил м-р Винкель.

– Потеха да и только, – откликнулся Самуэль, выглядывая из садовой калитки. – Старшина на карауле и расхаживает по переулку с своим фонарем, точь-в-точь, как незабвенный Гай-Фокс¹⁷. Отродясь я не видал такого молодца. Бьюсь об заклад, что сердце его родилось раньше его тела, по крайней мере двадцатью пятью годами.

Но м-р Винкель уже не слушал более этого великолепного панегирика своему другу. Соскочив со стены, он бросился прямо к ногам мисс Арабеллы и стал изливать перед нею свои страстные чувства с таким красноречием, которое могло быть достойно даже самого м-ра Пикквика.

Между тем, как все эти события происходили на открытом воздухе, один пожилой джентльмен ученой профессии сидел в своей библиотеке за два или за три дома и писал философский трактат, промачивая по временам свое горло стаканом кларета из объемистой бутылки, стоявшей подле него на толстом фолианте. Терзаемый мукой головоломной работы, пожилой джентльмен посматривал время от времени то на ковер, то на потолок, то на стены и, когда ни ковер, ни потолок, ни стенные обои не могли осенить вдохновением его отуманенного мозга, ученый муж считал необходимым выставлять свою голову из открытого окна.

Собирая таким образом свои рассеянные мысли, пожилой джентльмен уже давно смотрел на окружающий мрак, как вдруг внимание его обратилось на блестящую струю света, появившуюся в воздухе в незначительном расстоянии от его жилища. Мгновенно свет исчез; но через несколько времени, феномен повторился снова, не однажды или дважды, но несколько раз сряду. Ученый муж положил перо и начал размышлять, какими естественными причинами может быть объяснено явление этого рода.

Это не метеор: блестящая точка слишком низка для метеора. Не светляк: слишком высока. Никак нельзя сказать, что это *ignis Fatuus*, или светнолька, или фейерверк. Что-ж это такое? какой-нибудь необыкновенный и чудесный феномен природы, еще неизследованный доселе ни одним естествоиспытателем. Нет сомнения, ему первому суждено было открыть это явление, и он обессмертит свое имя, если внесет его в летописи науки. Преисполненный этими мыслями, натур-философ схватил опять свое перо и записал на скорую руку год, месяц, день, час, минуту и секунду, когда он первый раз увидел необыкновенное явление, сопровождавшееся такими-то, такими-то и такими-то признаками. Все это впоследствии должно было послужить материалом для огромного трактата в пять томов *in-quarto*, исполненного великих исследований и глубочайших соображений, которым предполагалось удивить и озадачить всех мудрецов в подлунном мире.

Погруженный в созерцание своего будущего величия и славы, натур-философ облокотился с большим комфортом на спинку своих кресел. Таинственный свет изливался еще с большим великолепием чем прежде, перепархивая с одной точки на другую по разным направлениям глухого переулочка и вращаясь, по-видимому, в такой-же эксцентрической орбите, как кометы.

Ученый муж был холостяк. За неимением жены, которой можно было бы сообщить результаты своих наблюдений, он позвонил слугу.

¹⁷ Guy Fawkes. Так назывался человек, пойманный на месте преступления, с фонарем в руках, во время известного «порохового заговора». Портрет Гай-Фокса ежегодно сожигался при стечении многочисленной публики, и обряд этот прекратился недавно.

– Проффль, – сказал ученый джентльмен, – в воздухе совершаются нынешнюю ночь какие то необыкновенные явления. – Видели-ли вы это? – сказал он, указывая из окна на светящуюся точку, которая в эту минуту появилась опять.

– Да, сэра, я видел.

– Что вы об этом думаете, сэра?

– Что я об этом думаю, сэра, об этом то-есть?

– Да. Вы родились и выросли в деревне. Что вы можете сказать в объяснение этого блуждающего света?

Ученый джентльмен с улыбкой взглянул на своего слугу, как будто желая предварить, что он ничего не смыслит в этих вещах. Проффль призадумался.

– Это должно быть воры, сэра, – сказал он, наконец.

– Вы глупы; можете убираться в кухню, – сказал ученый джентльмен.

– Покорно вас благодарю, сэра, – сказал Проффль. – И ушел.

– Легко однако ж может статься, – подумал ученый джентльмен, что предположение дурака Проффля получит некоторое значение и силу, если не опровергнуть его в самом начале.

Тревожимый этой мыслью, философ надел шляпу и быстро побежал в сад, чтоб обследовать знаменитый феномен на самом месте его появления.

Минуты за две до выхода ученого мужа, м-р Пикквик с невероятною скоростью бросился из переулка в сад и сообщил фальшивую тревогу, будто в переулке собираются толпы народа. Услышав эту оглушительную весть, м-р Винкель быстро перепрыгнул через стену, а мисс Арабелла побежала к своему дому. Мери заперла калитку, и наши искатели приключений стремительно бросились в переулок в ту самую минуту, когда ученый джентльмен отпирал калитку своего сада.

– Ну, господа, теперь надобно держать ухо востро, шепнул Самуэль, который, разумеется, бежал впереди всех. – Выставьте фонарь, м-р Пикквик.

Когда выставленный фонарь осветил пространство, Самуэль увидел почти перед своим носом фигуру какого-то человека весьма подозрительной наружности и, не говоря дурного слова, ударил его по голове, отчего ученый джентльмен (то был он) отпрянул назад и прислонился спиной к садовой стене. Совершив этот подвиг с великой ловкостью и быстротой, Самуэль взвалил себе на спину м-ра Пикквика, и последовал по переулку за м-ром Винкелем с такою скоростью, которая, принимая в соображение тяжелый груз на его спине, могла казаться истинно изумительною.

– Отдохнули ли вы, сэра? – спросил Самуэль, когда они достигли до конца переулка.

– Отдохнул; спасибо, мой друг, – отвечал м-р Пикквик.

– В таком случае, дайте немножко вздохнуть и мне, – сказал м-р Уэллер, поставив на ноги своего господина. – Бегите между нами, сэра. Теперь близехонько.

Ободренный таким образом, м-р Пикквик поспешил сделать лучшее употребление из своих ног, и можно вывести положительное заключение, что сапоги великого человека равнялись на этот раз, по своей быстроте, превосходным самоходам.

Карета стояла уже давно, лошади отдохнули, дорога была гладка, кучер не дремал. Искатели приключений подлетели к подъезду «Зеленого куста», прежде чем м-р Пикквик успел отдышаться.

– Экспедиция кончена молодецки, я надеюсь, – сказал Самуэль, помогая своему господину выйти из кареты. – Не стойте здесь на открытом воздухе после таких изнурительных трудов. – Прошу извинить, сэра, – продолжал Самуэль, высаживая м-ра Винкеля, – дела ваши обстоять благополучно, если не ошибаюсь?

М-р Винкель с жаром схватил руку своего друга и шепнул ему на ухо.

– Все хорошо, Самуэль; прекрасно!

М-р Уэллер, в знак совершенного понимания, ударил себя по носу, улыбнулся, подмигнул и принялся, с веселым духом, закрывать подножки экипажа.

Натур-философ между тем написал, через несколько времени, превосходный трактат, исполненный великой учености и глубочайших соображений. Он доказал неоспоримыми фактами, что «эти летучие огни, возвышавшиеся на полтора фута от поверхности земли, были произведены действием электричества, и это между прочим явствовало из того, что он, ученый муж, при выходе из калитки, внезапно получил электрический удар, оглушивший его по крайней мере на четверть часа». Он сообщил свою диссертацию достопочтенным сочленам разных ученых обществ, которые, все вообще и каждый порознь, признали в нем несомненное присутствие всеобъемлющей силы таланта. М-р Пикквик, как президент и основатель знаменитого клуба, тоже получил экземпляр этого сочинения.

Глава XL

Новые сцены в драме жизни великого человека.

В остальное время, назначенное м-ром Пикквиком для проведения в Бате, не случилось более никаких замечательных событий. Пикквикисты пили минеральную воду, принимали за город увеселительные поездки и вообще вели жизнь, сообразную с правилами строгой гигиены. Между тем, заседания в суде начались. К концу первой их недели м-р Пикквик и его друзья должны были возвратиться в Лондон, и великий человек, сопровождаемый своим слугою, отправился прямо на свою прежнюю квартиру в гостинице «Коршуна и Джорджа».

На третье утро после их прибытия, в ту пору, когда часы в Сити, взятые отдельно, пробили девять раз, и взятые собирательно, прогудели около девятистот раз, м-р Самуэль Уэллер после завтрака гулял с большим комфортом по широкому двору «Коршуна и Джорджа». В это время у ворот гостиницы остановился весьма затейливый экипаж, из которого, бросив возжи толстому человеку, сидевшему сзади, выпрыгнул с великим проворством какой-то странный джентльмен, созданный как будто нарочно для этого экипажа.

Экипаж был не то, чтоб джиг, и совсем не то, что стенгоп. Был он вовсе не то, что обыкновенно называют собачьей тележкой, и не то, что слывет под энергическим названием гильотинного кабриолета; при всем том, он чудным образом совмещал в себе характер всех этих машин. Его кузов блистал свежей желтой краской, оглобли и колеса лоснились черной; кучер сидел на мягких подушках, возвышавшихся фута на два от перил. Гнедой конь был довольно статен; но вид его, тем не менее, был дерзок и оскорбительно нахален, как у цепной собаки, и это удивительным образом согласовалось с общим характером экипажа и его владельца.

Владелец был джентльмен лет сорока, с черными как смоль волосами и предлинными усами такого же цвета. Одет он был франтовски, и разные ювелирные вещицы огромного размера сияли как на его пальцах, так и на груди. Черный байковый сюртук фантастического фасона достигал у него до самых пяток. При выходе из экипажа, он засунул свою левую руку в один из карманов этого сюртука, между тем как правая рука вытащила из другого кармана ярко-блестящий шелковый платок, которым он весьма искусно смахнул две или три пылинки с своих лакированных сапог. Затем, скомкав платок в своей руке, джентльмен поправил шляпу, приободрился, крикнул и молодежато выступил на широкий двор.

От внимания Самуэля не ускользнуло, что в то время, когда джентльмен выходил из экипажа, другой мужчина, одетый весьма скудно и неопрятно, в сером сюртуке без многих пуговиц, посмотрел с каким-то особенным любопытством на ворота и потом остановился как вкопанный на дворе. Не предвидя ничего доброго от этого визита, м-р Уэллер остановился перед крыльцом и загородил дорогу франтовски одетому джентльмену.

– Ну, посторонитесь-ка, любезный, – сказал джентльмен, толкнув довольно неучтиво м-ра Уэллера.

– А чего угодно вашей милости? – отвечал Самуэль, отражая толчок энергическим движением своего локтя.

– Нет, брат, с нами этак не шутят, – отвечал владелец байкового сюртука, возвышая постепенно свой голос. – Эй, Смауч!

– Что такое, сэръ? – промычал брюзгливым тоном мужчина в оборванном сюртуке, успевший в продолжение этого разговора пододвинуться на несколько шагов.

– Да вот этот молодой человек вздумал грубиянить, – сказал принципал, давая другой толчок Самуэлю.

– Мы его уйдем, – промычал Смауч, отпихнув весьма неучтиво Самуэля.

Этот последний толчок, сделанный опытной рукою м-ра Смауча, произвел ожидаемое действие. Между тем, как Самуэль, отражая нападение, старался пригвоздить к стене туло-

вище неучтливового незнакомца, принципал его, очистив дорогу, пробрался в буфет, куда, после непродолжительной возни с м-ром Смаучем, последовал за ним и м-р Уэллер.

– Доброе утро, моя милая, – сказал принципал, обращаясь к молодой девушке за буфетом с ботанибейской ловкостью и любезностью жителей Южного Валлиса; – в каком здесь номере квартирует м-р Пикквик?

– Проводите его, Томми, – сказала буфетчица трактирному слуге, не устаивая ни одним взглядом вопрошавшего джентльмена.

Слуга пошел наверх в сопровождении джентльмена в байковом сюртуке. Самуэль последовал за ними по лестнице, выделявая на дороге разные, более или менее презрительные жесты к неизреченной потехе слуг и других зрителей галереи. М-р Смауч, задержанный сильным припадком кашля, остался внизу перед наружной дверью.

М-р Пикквик еще почивал в своей постели, когда этот ранний гость, сопровождаемый Самуэлем, вошел в его комнату. Произведенный ими шум разбудил его.

– Воды, Самуэль, бриться, – сказал м-р Пикквик, выставляя голову из под занавеса.

– Брейтесь скорее, м-р Пикквик, – сказал посетитель, раздвигая обе половинки занавеса. – Я принес предписание арестовать вас, по делу вдовы Бардль. Вот бумага. И вот моя карточка.

И слегка, по дружески, ударив м-ра Пикквика по плечу, депутат шерифа – это был он – бросил свою карточку на одеяло и вынул золотую зубочистку из кармана своего жилета.

– Фамилия моя – Немби, сэр, – сказал депутат шерифа в то время, как м-р Пикквик вынимал из-под подушки очки и надевал их на нос, чтоб прочесть поданную ему карточку. – Живу на Колокольной аллее, в Кольманской улице.

При этом Самуэль Уэллер, не спускавший глаз с пуховой шляпы м-ра Немби, начал свою речь таким образом:

– Вы не квакер ли, позвольте вас спросить?

– А вот вы у меня узнаете, кто я такой, – отвечал с негодованием м-р Немби. – Я постараюсь на этих днях научить вас, как должно обращаться с порядочными людьми.

– Покорно благодарю, – сказал Самуэль. – Я дам вам такой же урок, если позволите. Шляпу долой, м-р Немби!

С этими словами, м-р Уэллер, делая шаг вперед, перекинул шляпу м-ра Немби на другой конец комнаты, и это движение было произведено с такой внезапной быстротой, что депутат едва не проглотил своей золотой зубочистки.

– Прошу заметить это, м-р Пикквик, – сказал озадаченный депутат, задыхаясь от гнева, – исполняя свою обязанность, я получил оскорбление от вашего слуги в собственной вашей комнате. Я нахожусь в телесном страхе¹⁸. Будьте свидетелем, м-р Пикквик.

– Не слушайте его, сэр, – перебил Самуэль. – Вы ничего не видели и не слышали. Закройте глаза, заткните уши. Я попробую, если позволите, выбросить его из окна.

– Самуэль! – строго сказал м-р Пикквик, возвышая свой голос, – если вы станете грубить и сделаете хоть малейшее оскорбление этому джентльмену, я принужден буду отпустить вас, Самуэль, сию же минуту.

– Как же это, сэр!.. – сказал Самуэль.

– Прикусите свой язык, – перебил м-р Пикквик. – Поднимите шляпу и подайте ее.

Но Самуэль на этот раз решительно отказался от повиновения. Озабоченный немедленным приведением в исполнение своего дела, депутат принужден был сам поднять свою шляпу,

¹⁸ I am in bodily fear – юридическая фраза. Подвергаясь опасности получить от обидчика телесное оскорбление, обиженный идет в суд и говорит, что он находится в телесном страхе. Потребованный к ответу, обидчик дает клятвенное обещание не трогать своего истца. Вместе с тем, он представляет двух поручителей, которые объявляют под присягой, что обидчик в продолжение двенадцати месяцев будет хранить общественную тишину, to keep the peace, иначе они, поручители, обязываются внести такую-то денежную сумму. *Примеч. перев.*

и при этом вырвались из его уст разные энергические угрозы, которые, однако ж, Самуэль выслушал с удивительным спокойствием, ограничившись одним только замечанием, что если м-р Немби вздумает опять накрыться шляпой, то он вменит себе в обязанность зашвырнуть ее куда-нибудь подальше. М-р Немби, думая, вероятно, что такой процесс будет сопряжен с некоторыми неудобствами для него самого, уклонился представить искушение дерзкому слуге, и скоро позвал м-ра Смауча. Известив его, что все юридические формы соблюдены, и что ему, Смаучу, остается только подождать, пока оденется м-р Пикквик, Немби вышел из комнаты, и немедленно уехал на своем гнедке. Смауч пододвинул стул к дверям, откашлянулся и сказал брюзгливым тоном:

– Скорее пошевеливайтесь, сэра. Время не терпит. У меня еще много дела кроме вас.

Когда м-р Пикквик оделся, Самуэль получил приказание нанять карету, в которой весь этот триумвират и отправился на Кольманскую улицу, что на Колокольной аллее. К счастью, расстояние было очень невелико, иначе м-р Пикквик и его слуга могли бы испытать весьма значительные неудобства, потому что Смауч был весьма скучный и беспокойный товарищ: во всю дорогу он только-что откашливался и фыркал, не обнаруживая никакого желания вступить в разговор.

Карета повернула в узкую и темную улицу, и остановилась перед домом с железными решетками во всех окнах¹⁹. Дверные косяки украшались фамилией и титулом м-ра Немби, депутата лондонского шерифа. Внутреннюю дверь отворил какой-то весьма неуклюжий джентльмен, по-видимому, близнец м-ра Смауча, снабженный огромным ключом. М-р Пикквик вступил в «общую залу».

Общей залой была передняя комната, усыпанная свежим песком и пропитанная затхлым запахом табаку. М-р Пикквик поклонился трем джентльменам, сидевшим в комнате при его входе, и потом, отправив Самуэля к своему адвокату, м-ру Перкеру, удалился в темный уголок, и принялся с живейшим любопытством наблюдать своих новых товарищей.

Один из них был еще юноша лет девятнадцати или двадцати, который, несмотря на раннюю пору – было только десять часов утра, – потягивал джин и курил сигару: судя по его наружности, особенно по красному носу и отвислым щекам, можно было безошибочно заключить, что он усердно предавался этим увеселительным занятиям последние два или три года своей жизни. Насупротив него, упражняясь в искусстве переворачивать угли в камине каблуком своего правого сапога, сидел забулдыжный молодец лет тридцати, с хриплым голосом и геморoidalным цветом лица: судя по его совершенно непринужденным манерам, не трудно было догадаться, что он провел большую часть жизни в бильярдных комнатах или в трактирах за буфетом. Третьим лицом в общей зале был мужчина средних лет в старом черном фраке, изнуренный, бледный, тоскливый. Он беспрестанно ходил по комнате взад и вперед, выглядывая по временам с великим беспокойством из окна, как будто он ждал кого-то.

– Право, м-р Эрзли, вам не мешало бы позаимствоваться моей бритвой на это утро, – сказал джентльмен, разгребавший уголья, искоса подмигивая своему молодому приятелю, который потягивал джин.

– Благодарю вас, бритва не нужна мне: я надеюсь выйти отсюда через час или через два, – отвечал скороговоркой печальный джентльмен.

Затем, подойдя к окну и еще раз обманувшись в своем ожидании, он вздохнул глубоко и оставил комнату, вследствие чего оба его товарища разразились громким смехом.

– Ну, такой потехи я никогда не видывал! – вскричал джентльмен, предлагавший бритву. Оказалось, что имя его Прейс. – Никогда, никогда не видывал!

¹⁹ М-р Пикквик приехал в так называемый Spunging-House. Прим. перев.

М-р Прейс скрепил это показание энергическим словцом и потом захохотал опять, к очевидному наслаждению молодого парня, который, вероятно, считал своего товарища одним из величайших остряков во вселенной.

– Поверите-ли вы, сударь мой, – продолжал м-р Прейс, обращая речь свою к м-ру Пикквику, – поверите-ли вы, что этот молодец живет здесь уж больше недели, и во все это время не брился ни разу, потому, говорит он, что часа через два его выпустят отсюда, и он выбреется дома.

– Бедняжка! – воскликнул м-р Пикквик. – Неужели ему так мало надежды выбраться из своего затруднительного положения?

– Надежды? Какая тут надежда! – возразил м-р Прейс. – Я готов прозакладывать голову, если ему удастся вырваться на волю раньше десяти лет.

С этими словами м-р Прейс весьма искусно щелкнул пальцами и дернул за сонетку.

– Принесите мне лист бумаги, Кроки, – сказал м-р Прейс вошедшему слуге, которого по платью и физиономии можно было принять за обанкротившегося гуртовщика: и подайте хороший стакан пунша, Кроки, слышите ли? Я намерен писать письмо к своему старику, а для этого, вы знаете, не мешает зарядить себя порядком, иначе пожалуй, ничего не вышибешь из этой старческой головы.

При этой забавной речи молодой парень залился превеселым смехом.

– Все на свете трын-трава! – сказал м-р Прейс. – Сиди у моря и жди погоды, а покамест, кути на пропалу: не так ли?

– Разумеется так, – сказал молодой джентльмен.

– Мы с тобой не разойдемся никогда, мой милый, – сказал Прейс. – Ты, как и я, видел свет и знаешь цену жизни.

– Да-таки я испытал кое что на своем веку и могу сказать, что видел свет, – отвечал молодой человек. Он смотрел на свет через грязные окна трактирных буфетов.

Чувствуя невольное отвращение от этого разговора и от грязного общества двух собеседников, м-р Пикквик хотел уже потребовать для себя особый номер, но приостановился на минуту, когда в комнату вошли два незнакомца весьма благородной наружности, и одетые по джентльменски. При виде их молодой парень бросил в камин свою сигару и шепнул товарищу, что теперь делишки его будут авось устроены превосходно. Затем он смело подошел к незнакомцам и остановился перед ними.

Оказалось, однако ж, что «делишки» молодого человека устраивались далеко не так, как он предполагал. М-р Пикквик невольно подслушал суровый разговор двух незнакомцев, рассуждавших о беспутном поведении и о неоднократном злоупотреблении великодушного прощенья. Наконец, один из этих джентльменов, старший по летам, повел речь на счет тюрьмы в улице Белого Креста, причем бедный юноша, несмотря на свое знакомство с жизнью и людьми, склонил свою голову на стол и зарыдал во всеуслышание²⁰. Вполне довольный этим

²⁰ И было о чем. Молодой человек надеялся до настоящей минуты, что отец его или родственники заплатят его долги, и он будет освобожден из Spunging-House, куда, впрочем, могли посадить его за буйство или вообще за беспорядочную жизнь. Надежда не сбылась. Его отведут в Whitecross-Street, в улицу Белого Креста, где находится долговая тюрьма и вместе исправительный дом. Должно заметить, что в Англии, как и везде, тюрьмы имеют различные степени и названия. Всех тюрем в конце восемнадцатого века считалось в одном Лондоне восемнадцать, и в них содержалось ежегодно до 50,000 арестантов разного рода. Теперь число тюремных заведений ограничивается только тринадцатью. Главнейшие и вместе древнейшие между ними: Тауер или Башня Ньюгет, где прежде содержались безразлично всякие арестанты. Такой же характер имел так называемый Флит или флотская тюрьма, получившая особенную известность и значение в шестнадцатом веке. Впоследствии Флит и Маршалси были обращены исключительно в долговые тюрьмы. Но в 1815 году построили для содержания должников новую тюрьму, называемую Oilspur street Compter. Скоро однако ж этот тюремный замок сменился другим, построенным для этой цели в Уайткроссе или улице Белого Креста. Автор, написавший свой роман в 1838 году, поведет м-ра Пикквика в Флит. Эта тюрьма, как и Маршалси, совсем уничтожена в 1842 году, и должников стали заключать в так называемую Queen's Prison, или тюрьму Королевы – обширнейшее здание, помещенное в конце города, за кварталом Боро. В этом замке 224 комнаты, и число должников, содержащихся в них, переходит весьма часто за пятьсот. Должно заметить, что в Лондоне, преиму-

внезапным излиянием гуманных чувств бедного юноши, очевидно совращенного дурным товариществом с истинного пути жизни, м-р Пикквик позвонил слуге и, вследствие настоятельного требования, ему немедленно отвели особую комнату с ковром, столом, стульями, буфетом, диваном, и украшенную сверх того изящным зеркалом и разными старинными картинами. Здесь он имел удовольствие слышать весьма ясно игру на фортепиано м-с Немби и шум её маленьких детей. Между тем, он заказал для себя завтрак, и к завтраку подоспел м-р Перкер.

– Ага, почтеннейший, – сказал маленький адвокат, – пригвоздили наконец вашу милость, э? Ну, тужить нечего я полагаю, потому что вы убедитесь в нелепости своего поведения. Сегодня я сделал окончательный итог неустойки и всех судебных издержек по этому делу: чем скорее мы покончим, тем лучше. Времени терять нечего. Немби скоро должен воротиться домой. Что-ж вы скажете, почтеннейший? Сами вы напишете вексель на вашего банкира, или мне поручите эту обязанность?

Говоря это, маленький адвокат самодовольно потирал руками; но веселость его совсем исчезла, когда он взглянул на суровое лицо м-ра Пикквика.

– Перкер, – сказал м-р Пикквик, прошу вас не говорить мне об этом ни полслова. Я не вижу никакой надобности оставаться в этом доме. Пусть ведут меня в тюрьму сегодня же, сейчас.

– Вам нельзя идти в Уайткросс, почтеннейший, – сказал Перкер. – Невозможно! Там уже занято шестьдесят кроватей, и тюрьма заперта шестнадцать часов в сутки.

– Ну, так пусть ведут меня в другую тюрьму: мне все равно, – сказал м-р Пикквик. – Только, чем скорей, тем лучше.

– Вы можете идти в Флит, почтеннейший, если уж непременно вы решились заточить себя, – сказал Перкер.

– Флит, так Флит, нечего тут долго думать, – сказал м-р Пикквик. – Позавтракаю, и марш в тюрьму.

– Погодите, почтеннейший, погодите: эти вещи не так скоро делаются, – возразил м-р Перкер. – Да и стоит ли торопиться прибытием в такое место, откуда не чают вырваться все другие живые души? Мы еще должны наперед получить Habeas corpus²¹. В суде не будет сегодня заседания до четырех часов. Нам следует подождать.

– Очень хорошо, – сказал м-р Пикквик с невозмутимым спокойствием. – В таком случае, мы здесь можем пообедать в два часа. Озаботьтесь на счет обеда, Самуэль, и распорядитесь, чтоб приготовили котлеты под картофельным соусом.

Таким образом, м-р Пикквик остался непреклонным, несмотря на все убеждения и юридические доказательства своего адвоката. Котлеты явились и исчезли в свое время; Самуэль нанял карету, и они отправились в суд, прождав около часа м-ра Немби, который сегодня обедал очень долго, потому что у него были гости.

В суде (Sergeants'inn) заседание производилось уже давно, и в этот день было, по-видимому, очень много дела, судя по чрезмерной хлопотливости адвокатских писарей, которые беспрестанно входили и выходили с кипами бумаг под мышкой. Президентствовали двое судей, один из King's Bench, другой из Common Pleas. Когда приятели наши доехали до низких сводов, образующих вход в судебную палату, Перкер на минуту остановился у ворот расплатиться с извозчиком и получить у него сдачу, а м-р Пикквик, удалившись на некоторое расстояние, принялся наблюдать толпу странного народа, сгруппировавшегося около суда.

шественно усилиями лорда Брума, произошли значительные изменения относительно устройства, содержания и внутреннего порядка тюремных замков, и мы должны предупредить читателей, что многие описания Диккенса, помещенные как в этой, так и в последующих главах, представляются теперь совершеннейшим анахронизмом. *Примеч. перев.*

²¹ Юридический латинский термин. Так называется данная из Суда королевских адвокатов (Sergeant's Inn) бумага, уполномочивающая переход из одного суда в другой, или, смотря по обстоятельствам, из одной тюрьмы в другую. Приказ об освобождении от тюремного заключения тоже называется Habeas corpus. *Примеч. перевод.*

Всего более обратили на себя его внимание трое или четверо мужчин весьма невзрачной наружности, которые с какими-то особенными ужимками раскланивались с проходившими адвокатами. Ясно, что здесь были у них постоянные дела, но какие именно, м-р Пикквик недоумевал. Один из них был долговязый и немножко прихрамывавший джентльмен в черном истасканном фраке и белом галстухе; другой – дюжий и толстый детина в таком же фраке и запачканном красном галстухе; третий был сухопарый верзила с рябым и пьяным лицом. Они ходили взад и вперед, забросив руки назад, и по временам с беспокойными физиономиями перешептывались с писарями. М-р Пикквик припомнил, что ему случалось довольно часто видеть этих господ, когда он проходил мимо Суда королевских адвокатов, и теперь любопытство его было возбуждено в высшей степени.

Он уже хотел осведомиться на счет них у м-ра Немби, который стоял подле, поправляя огромное золотое кольцо на своем мизинце, как тут подоспел Перкер и, заметив, что времени терять не должно, пошел в суд. Лишь только м-р Пикквик сделал несколько шагов за своим адвокатом, хромоногий джентльмен подскочил к нему и, учтиво прикоснувшись к полям своей шляпы, вручил ему писанную карточку. Не желая оскорбить отказом вежливого незнакомца, м-р Пикквик взял карточку и положил ее в свой жилетный карман.

– Вот сюда, почтеннейший, – сказал Перкер, оборачиваясь, перед входом в одну из контор, к своим товарищам, которые шли позади. – Ба! вам что надобно?

Последний вопрос относился к хромоногому джентльмену, который тоже, не быв замечен м-р Пикквиком, шел вместе с ними. В ответ на это хромоногий джентльмен прикоснулся опять к полям своей шляпы и указал с весьма учтивыми ужимками на м-ра Пикквика.

– Нет, нет, – сказал Перкер, улыбаясь, – нам не нужно вас, почтеннейший, нам не нужно вас.

– Прошу извинить, сэр, – отвечал хромоногий. – Джентльмен взял мою карточку. Надеюсь, вы воспользуетесь моими услугами, сэр. Джентльмен кивнул мне. Он скажет вам. Вы ведь кивнули мне, сэр?

– Пустяки, пустяки! Вы ведь и не думали кивать, Пикквик? Ошибка, почтеннейший, ошибка, – сказал Перкер.

– Этот господин подал мне свою карточку, – сказал м-р Пикквик, вынимая ее из жилетного кармана. – Я счел нужным взять ее, и мне в самом деле, интересно было взглянуть на досуге, что это такое.

Адвокат расхохотался и, возвращая карточку хромоногому джентльмену, объявил еще раз, что все это произошло по ошибке. Хромоногий рассердился и поковылял назад, не сказав ни слова.

– Кто это такой? – шепотом спросил Пикквик.

– Поручитель, – отвечал Перкер.

– Кто?

– Поручитель.

– Неужели?

– Да, почтеннейший, их тут около дюжины. Они готовы поручиться за вас на какую угодно сумму, если вы дадите им полкроны. Интересный промысел: не правда ли? – сказал Перкер, угощая свой нос щепотью табаку.

– Что вы говорите?! Должен-ли я понимать, что эти люди приобретают средства к существованию тем, что дают перед судьями фальшивые клятвы за полкроны? Клятвопреступление за полкрону. – Боже мой, – воскликнул м-р Пикквик, пораженный этим открытием.

– Право, почтеннейший, я не знаю, что сказать вам на это, – отвечал маленький адвокат. – Клятвопреступничество, конечно, ужасное слово, да, ужасное. Это скорее юридическая фикция, почтеннейший, ничего больше.

Сказав это, адвокат пожал плечами, улыбнулся, взял другую щепоть табаку и пошел в контору судейского письмоводителя.

Это была замечательно грязная комната с низким потолком и старыми панельными стенами. Свет не проникал сюда ни с одной стороны, и хотя на дворе было еще светло, однако ж здесь горели на конторках две большие сальные свечи. На одном конце была дверь в кабинет судьи: тут стояла толпа стряпчих, адвокатов и главных письмоводителей, которых допускали в кабинет по очереди, смотря по тому, как были записаны их имена в реэстре. Всякий раз, как дверь отворялась для впуска очередных, другие, следовавшие за ними, обнаруживали желание ворваться насильно, отчего происходил шум и гвалт, значительно увеличивавшиеся ссорю и крупным разговором тех господ, которые уже видели судью. Словом, здесь была страшная толкотня и давка, какую только возможно представить себе в комнате небольшого размера.

И не одни только эти господа производили резкие звуки, способные оглушить непривычное ухо. На другом конце комнаты, за деревянной перегородкой, стоял на утвержденном возвышении письмоводитель в очках, принимавший присяги (affidativs), которые большими пачками относились по временам, для окончательной подписи, в кабинет судьи. Надлежало привести к присяге множество адвокатских писарей, которые, не имея физической возможности присягать все вдруг, за один раз, теснились и давили друг друга, подвигаясь наперерыв к джентльмену в очках. Другой письмоводитель время от времени надсаждал свои легкие, перекликая фамилии господ, уже приведенных к присяге, для вручения им бумаги, подписанной судьей. Все эти вещи, вместе взятые, производили неописанный гвалт. Был еще другой разряд лиц, которых обязанность состояла, по-видимому, только в том, чтобы перекликать как можно громче фамилии особ, формально вытребованных к суду. Это производилось с большим эффектом.

Например. Недалеко от м-ра Пикквика, прислонившись к стене, стоял малый лет четырнадцати, одаренный от природы звучным тенором, и подле него был клерк, обладавший превосходным басом.

Клерк выступил с пачкою бумаг и бросил вокруг себя пытливый взгляд.

– Сниггль и Блинк! – закричал тенор.

– Поркин и Сноб! – проревел бас.

– Стомпи и Дикон! – прокричал вновь прибежавший писарь.

Никто не отвечал; но все суетилось и волновалось. Бас и тенор заголосили опять.

Между тем, письмоводитель в очках хлопотал, по-видимому, изо всех сил, приводя к присяге писарей. Форма присяги произносилась без всякой пунктуации и обыкновенно сопровождалась следующими выражениями:

«Возьмите книгу в свою правую руку имя ваше и подпись вашей руки, клянись, что будете поступать по долгу совести и чести. Бог с вами шиллинг вам сдачи – мелких нет ступайте!»

– Ну, Самуэль, – сказал м-р Пикквик, – я думаю, уже приготовили Habeas corpus.

– А я так думаю, сэр, – отвечал м-р Уэллер, – что мы здесь путного не дождемся до светопреставления.

Но Самуэль ошибся. В эту минуту из судейского кабинета воротился Перкер и взял м-ра Пикквика под руку. Все обычные формы были приведены к концу, Habeas corpus было написано таким образом:

«Сим свидетельствуется, что тело Самуила Пикквика поручается отныне кустодии типстафа²² для того, чтобы он вверил оное тело хранению флитского тюремного замка, где оный

²² Tipstaff – полицейский чиновник, который носит обыкновенно, как эмблему ареста, небольшую палочку (staff) с металлическим набалдашником. *Прим. перев.*

Пикквик имеет содержаться до тех пор, пока не выплатит сполна всех судебных издержек и не удовлетворит законным образом вдову Бардль».

– До этого пройдет слишком много времени, – сказал м-р Пикквик, улыбаясь. – Самуэль, наймите карету. Прощайте, Перкер, прощайте, любезный друг.

– Зачем прощайте! Я поеду с вами и посмотрю, как вас поместят там, – сказал м-р Перкер.

– Нет, любезнейший, мне бы хотелось ехать одному с Самуэлем, – отвечал м-р Пикквик. – Как скоро меня там устроят, я напишу к вам – дам знать обо всем, и буду ожидать вас немедленно. До тех пор – прощайте Перкер!

Сказав это, м-р Пикквик сопровождаемый типстафом, сел в карету, и когда Самуэль поместился на козлах, карета двинулась с места.

– Удивительный человек! – сказал Перкер, приостанавливаясь, чтобы надеть перчатки.

– Какой бы чудесный банкрот вышел из него, сэр! – заметил м-р Лоутон, стоявший подле. – Он бы, я думаю, замучил всех этих комиссионеров и уж, конечно, не испугался бы никаких угроз. Характер железный, смею сказать.

Но адвокат, по-видимому, не обратил внимания на замечание своего письмоводителя и молча пошел вперед, не удостоив его ответом.

Наемная карета потащилась с необыкновенной медленностью по направлению к Флотской улице, где стояла знаменитая тюрьма.

– Лошади бегут лучше, заметил извозчик, – когда едет кто-нибудь впереди.

И на этом основании они поплелись за деревенской телегой, которую им удалось настигнуть кое-как. Когда останавливалась телега – останавливались и они: телега подвигалась вперед – подвигались и они. М-р Пикквик сидел насупротив типстафа, который, уложив шляпу между своими коленами, беззаботно насвистывал какую-то песню и выглядывал по временам из окна кареты.

Время производит чудеса, и влияние его распространяется даже на наемные экипажи, которым предстоит пробежать пространство в полторы мили. Лошади наконец остановились, и м-р Пикквик высадился у железных ворот Флита.

Оглянувшись через плечо на своего арестанта, чтобы удостовериться в его присутствии, типстаф пошел вперед и, пройдя широкий двор, повернул налево в корридор, где, перед железною дверью, встретил их тюремщик с ключами в руках. Скоро дверь заскрипела на своих огромных петлях, и м-р Пикквик вступил во внутренность тюрьмы.

Здесь они остановились. Когда типстаф передал бумаги, м-ру Пикквику сказали, что он должен посидеть, пока снимут с него портрет.

– Снимут с меня портрет! – воскликнул м-р Пикквик.

– Образ ваш и подобие, сэр, – отвечал дюжий тюремщик.

– Мы ведь мастера снимать портреты, да было бы вам это известно. Не успеете повернуться, и рисунок будет готов. Сядьте, сэр, и будьте как дома.

Повинуясь приглашению, м-р Пикквик сел, тогда Самуэль, остановившись за стулом, шепнул ему на ухо, что выражение «снимать портрет» должно здесь понимать в фигуральном смысле.

– Это значит, сэр, – сказал Самуэль, – что тюремщики станут всматриваться в ваше лицо, чтобы отличать вас от других арестантов.

– А! так вот что! – сказал м-р Пикквик. – Ну, пусть их делают свое дело. Я готов к их услугам.

– Они задержат вас недолго, сэр, смею сказать. Видите-ли вы эти стенные часы?

– Вижу.

– Их колеса тоже, что тюрьма в тюрьме, на подобие птичьей клетки: не правда ли, сэр?

Когда Самуэль делал это философское замечание, м-р Пикквик уже знал, что сеанс его начался. Толстый тюремщик, освобожденный теперь от своего чередного караула, спокойно

сел на стул и беспечно посматривал на м-ра Пикквика, тогда как тщедушный и долговязый его товарищ, которому приходилось стоять на карауле, стал насупротив нового арестанта, закинув руки под фалды, и устремил на него самый пристальный взгляд. Третий, довольно суровый, джентльмен, оторванный, очевидно, от своего ужина, потому что в руках его был кусок бутерброда, остановился перед самым носом м-ра Пикквика и принялся изучать его черты с напряженным вниманием и любопытством. М-р Пикквик корчился неоднократно под этой операцией и вообще сидел весьма беспокойно на своем стуле; однако ж, в продолжение всего сеанса, он не сделал никому никаких замечаний, и даже Самуэль, сверх всякого ожидания, вел себя с удивительною скромностью. Верный слуга размышлял о несчастном положении своего господина и старался решить в своем уме проблему, поступит ли он юридически, если позволит себе заушить кого-нибудь из этих странных артистов.

Наконец, портрет был снят и м-ру Пикквику сказали, что он может идти в тюрьму.

– Где я буду спать сегодня? – спросил м-р Пикквик.

– Это еще покамест неизвестно, – отвечал толстый тюремщик. – Познакомьтесь наперед с своими товарищами, и завтра, авось, вы устроитесь, как следует. Первую ночь, может быть, придется вам провести на голых досках; но к этому можно привыкнуть.

К счастью, однако ж, открылось, что один из тюремщиков имел у себя лишнюю постель, и м-р Пикквик с удовольствием согласился взять ее на прокат.

– Я покажу вам и постель, и номер, – сказал обязательный тюремщик. – Постель небольшая но, скажу я вам, лихая для спанья. Сюда пожалуйте, сэр.

Они прошли через длинный корридор во внутреннюю дверь. Ключ повернулся за ними, и м-р Пикквик, первый раз в своей жизни, очутился в стенах долговой тюрьмы.

Часть третья

Глава XLI

О том, что случилось с мистером Пикквиком, когда он углубился во внутренность тюрьмы, каких должников он увидел, и как провел первую ночь.

М-р Том Рокер, джентльмен, сопровождавший м-ра Пикквика в долговую тюрьму, круто повернул направо в конце длинного корридора, прошел через железные ворота, стоявшие отворенными, и, поднявшись на верхняя ступени первой лестницы, очутился наконец с своим пленником в длинной узкой галлерее, грязной и низкой, вымощенной камнями, и тускло освещенной двумя небольшими окнами с противоположных концов.

– Вот мы и пришли, сударь мой, – сказал проводник, засунув руки в карманы и беспечно поглядывая через плечо м-ра Пикквика. – Это у нас галлерей номер первый.

– Вижу, любезный, вижу, – отвечал м-р Пикквик, устремив беспокойный взгляд на темную и грязную лестницу, которая вела, по-видимому, в подземелье, к сырым и мрачным каменным сводам. – А в этих погребах, думать надобно, вы содержите горючий материал для отопления арестантских комнат. Гм! Спускаться туда очень неприятно; но кладовые, по всей вероятности, весьма удобны для своих целей.

– Гм! Еще бы они были неудобны, как скоро здесь живут порядочные люди, – заметил м-р Рокер. – У нас тут все устроено на широкую ногу, и в этих комнатах, смею вас уверить, живут припеваючи. Это, ведь, Ярмарка.

– Как! – воскликнул м-р Пикквик. – Неужели вы хотите сказать, что в этих душных и грязных вертепах могут жить существа, одаренные разумною душою?

– А почему ж я не могу этого сказать? – возразил с негодующим изумлением м-р Рокер. – Что вы тут находите удивительного?

– И вы не шутите, – продолжал м-р Пикквик. – Вы уверяете серьезно, что в этих трущобах живут люди?

– Не только живут, но умирают очень часто, – отвечал тюремщик. – И было бы вам известно, что удивляться тут нечему, потому что у нас все содержится в исправности, на чистоту, как следует. Комнатки хорошие, не темные, привольные; всякий может жить здесь, сколько ему угодно. И нечему тут удивляться. Да.

Много и еще в этом роде говорил красноречивый тюремщик, считавший, по-видимому, неременной обязанностью вступаться за интересы и честь заведения, где он состоял на действительной службе; но м-р Пикквик уже не сделал никаких возражений, тем более, что проводник его, одушевленный своим предметом, начал бросать на него весьма сердитые и, в некотором смысле, яростные взгляды. Затем м-р Рокер, продолжая свой путь, пошел наверх по другой, столько же грязной лестнице, как и спуск в подземелье, о котором сейчас была речь. За ним последовал м-р Пикквик, сопровождаемый своим верным слугою.

– Вот здесь у нас кафе-ресторан, – сказал м-р Рокер, останавливаясь перевести дух в другой такой же галлерее. – Там будет еще одна галлерей, а там уж четвертый этаж, и вы будете спать сегодня в смотрительской комнате, вон там, неудобно-ли сюда.

Проговорив все это одним духом, м-р Рокер пошел опять по ступеням лестницы, ведя за собою м-ра Пикквика и Самуэля.

Все эти лестницы весьма тускло освещались небольшими узенькими окнами, откуда был вид на тюремную площадь, огражденную высокими кирпичными стенами с железной острокопечной решеткой поверх её. Площадь эта, как сказал м-р Рокер, назначалась для игры в мяч. Немного подалее, в той части тюрьмы, которая выходила на Фаррингтонскую улицу, была так

называемая – Живописная площадь, получившая это название от стен, где изображены были подвиги военных людей во весь рост. Эти и другие артистические рисунки, по свидетельству м-ра Рокера, были произведением какого-то маляра, заключенного и умершего в этой тюрьме за несколько десятков лет назад.

Эти известия выгружались, по-видимому, сами собою из груди словоохотливого тюремщика, и он сообщил их вовсе не с тою целью, чтоб увеличить массу сведений и наблюдений ученого мужа. Пройдя еще одну лестницу, м-р Рокер пошел быстрыми шагами на противоположный конец узкой галлерей. Здесь он отворил дверь, и перед глазами его спутников открылся апартамент вовсе непривлекательной наружности. Вдоль стен этого номера стояло восемь или девять железных кроватей.

– Вот вам и комната, – сказал м-р Рокер, остановившись в дверях и бросая на м-ра Пикквика торжествующий взгляд.

Но на лице м-ра Пикквика не отразилось, при этом известии, ни малейших следов внутреннего удовольствия, и м-р Рокер, с досадой отвернув от него взор, сосредоточил все свое внимание на физиономии Самуэля Уэллера, который, вплоть до настоящей минуты хранил упорное и глубокомысленное молчание.

– Вот и комната, молодой человек! – заметил м-р Рокер.

– Вижу, – отвечал Самуэль, делая ласковый кивок.

– Такой комнаты не найти вам и в Фаррингтонском отеле, – не правда ли? – сказал м-р Рокер с самодовольною улыбкой.

В ответ на это, м-р Уэллер весьма замысловато подмигнул и прищурил левый глаз, и это, смотря по обстоятельствам, могло означать, или то, что он совершенно согласен с мнением вопрошающего, или вовсе не согласен, или наконец, что он совсем не думал о таких вещах. Выполнив этот маневр и снова открыв свой глаз, м-р Уэллер приступил к расспросам относительно той знаменитой койки, которая, по рекомендации м-ра Рокера, должна была иметь удивительные свойства.

– А вот вам и постель, – сказал м-р Рокер, указывая на стоящую в углу железную кровать, покрытую ржавчиной. – При одном взгляде на нее, так и разбирает охота повалиться и всхрапнуть. Лихая койка!

– Я так и думал, – отвечал Самуэль, обозревая этот род мебели с величайшим отвращением. – Не нужно есть и маку, чтобы спать на ней с аппетитом.

– Совсем не нужно, – сказал м-р Рокер.

Самуэль искоса взглянул на своего господина, желая вероятно уловить на его физиономии впечатление, произведенное зрелищем этого печального и грязного жилища. Великий человек был совершенно спокоен.

– А эти господа, что спят в этой комнате, джентльмены, я полагаю? – спросил м-р Уэллер.

– Джентльмены с маковки до пяток, – отвечал м-р Рокер. – Один из них выпивает в сутки по двенадцати кружек пива и не выпускает трубки изо рта.

– Молодец! – заметил Самуэль.

– Первый номер! – подтвердил тюремщик.

Нисколько не озадаченный этим известием, м-р Пикквик с улыбкой объявил о своей решимости испытать на себе в эту ночь снотворное влияние чудесной койки.

– Вы можете, сэръ, ложиться когда вам угодно, без всякой церемонии, – сказал тюремщик и, слегка кивнув головою, оставил своего арестанта.

М-р Пикквик и слуга его остались в галлерее. Было жарко, душно и темно. Двери от маленьких каморок по обеим сторонам галлерей были немного приотворены. Прогуливаясь взад и вперед, м-р Пикквик заглядывал в них с большим участием и любопытством. В одной комнате, через густое облако табачного дыма, разглядел он четверых дюжих молодцов, игравших в засаленную колоду карт за столом, уставленным со всех концов полуопорожненными

кружками пива. В соседней камерке сидел одиноко джентльмен степенной наружности, перебирая пачки грязных бумаг, пожелтевших от пыли: он хотел, казалось, при свете сального огарка, писать, чуть ли не в сотый раз, длинную историю своих душевных скорбей и огорчений в назидание какому-нибудь великому человеку, который, по всей вероятности, никогда не станет и читать этого литературного произведения. В третьей комнате виднелось целое семейство: муж, дети и жена; они стлали постель на полу и на стульях, где должны были провести эту ночь младшие члены семьи. В четвертой, пятой, шестой, седьмой и т. д. – шум, толкотня, пиво и табак, стук, брань, смех и карты – тюремная жизнь во всем разгаре.

В самых галереях, и особенно на ступенях лестницы, виднелись разнообразные джентльмены с более или менее замечательными физиономиями. Одни прохаживались взад и вперед, вероятно потому, что их комнаты унылы и пусты; другие потому, что в комнатах душно и тесно; но большая часть этих господ, томимых внутренним беспокойством, выходили из своих убежищ с единственной целью убить как-нибудь однообразные часы затворнической жизни. Были тут люди из всех сословий, ох земледельца в бумазейной куртке, до промотавшегося эсквайра в шелковом халате с изодранными рукавами; но все они отличались одним и тем-же беспечным видом, и тою беспардонною юркостью, которая составляет особенность тюремной атмосферы. Всего этого невозможно изобразить словами; но тем не менее, вы поймете эту жизнь в одно мгновение ока, лишь только перешагнете за порог долговой тюрьмы и потрудитесь взглянуть на пеструю группу, представляющуюся теперь наблюдательному взору великого мужа.

– Странно, Самуэль, – сказал м-р Пикквик, облокотившись на лестничные перила, – из всего того, что я здесь вижу и слышу, можно придти к заключению, что арест за долги не составляет, по-видимому, никакого наказания для этих господ.

– Вы так думаете? – спросил м-р Уэллер.

– Как-же иначе? Все они пьют, курят, поют и кричат, как в какой-нибудь харчевне, – отвечал м-р Пикквик. – Они, очевидно, не думают о своем положении.

– Что правда, то правда, сэр, – заметил м-р Уэллер, – есть тут джентльмены, которые не думают ни о чем: тюремная жизнь для них – вечный праздник. Портер, мячи и карты – чего им больше? Но есть, конечно, в этих стенах и такие горемыки, которым не пойдет на ум этот кутеж. Они бы и рады заплатить своим заимодавцам, если бы могли. Здесь они с тоски пропадают. Дело вот в чем сэр: если, примером сказать, запропаستится сюда какой-нибудь забудыга, привыкший таскаться по харчевням, ну, дело известное, ему все равно была бы только водка да карты, но человеку работающему, скажу я вам, беда сидеть в тюрьме. Так поэтому, оно, знаете, человек на человека не походит, и не всем тут масляница, как можно пожалуй подумать с первого раза, или, что называется, *с бухта баракту*, как обыкновенно говорит мой почтенный родитель.

– Справедливо, Самуэль, – сказал м-р Пикквик, – вполне справедливо.

– На свете все бывает, – продолжал м-р Уэллер после минутного размышления. – Привычка много значит, и я помню, мне рассказывали когда-то об одном грязнолицем человеке, которому нравилось жить в долговой тюрьме.

– Кто же это такой? – спросил м-р Пикквик.

– Вот уж этого я никак не могу сказать вам, – отвечал Самуэль. – Знаю только, что этот человек всегда ходил в сером фраке.

– Что он сделал?

– А тоже, что и многие другие люди почище его: покутил на свой пай, да и попался в лапы констэблю.

– То есть другими словами: он наделал долгов? – спросил м-р Пикквик.

– Именно так, сэр, и за долги попал в тюрьму, – отвечал Самуэль. Бездельная сумма: всего кажись девять фунтов, а с судебными проторями – четырнадцать; но, как бы то ни было,

в тюрьме просидел он ровно семнадцать лет. С течением времени появлялись уже морщины на лице; но никто их не видал, так как они замазывались грязью и сливались с нею. В семнадцать лет, говорят, он не умывался ни разу и никогда не снимал серого фрака с своих плеч. Был он человек характера дружелюбного и спокойного: всегда, говорят, забавлялся с разными приятелями, суетился вокруг них, играл в карты, в мяч, но не выигрывал никогда. Тюремщики полюбили его как нельзя больше: каждый вечер он приходил к ним в комнату и рассказывал без умолку многие замысловатые историйки из своих прежних походов. Но вот, однажды, калякая о разных пустяках, он вдруг, ни с того ни с сего, и говорит: – «Послушайте, Вильям, давно я не видал базара перед Флитом (в ту пору был тут рынок на тюремной площади); вот уж, брат, семнадцать лет прошло, как я не видал базара». – Знаю, очень знаю, говорит тюремщик, покуривая трубку. – «Вот что, брат Вильям, говорит маленький человек с необыкновенным азартом: – мне пришла в голову маленькая фантазия, этакая, в некотором роде, химера: хотелось бы мне взглянуть один разок на городскую улицу, прежде чем я умру. И уж поверьте совести, Вильям, если не хлопнет меня паралич, я возвращусь назад за пять минут до урочного часа» – Ну, а что будет со мной, если вас прихлопнет паралич? – сказал тюремщик. – «А ничего, говорит грязнолицый человек: – кто-нибудь подымает меня на дороге, и прямо привезет сюда по принадлежности, потому что я распорядился хитро: адрес у меня всегда в кармане: „№ 20 в кофейной галлерее Флита“». – И это была сушая правда: всякий раз как нужно было познакомиться с каким-нибудь гостем, маленький человек вынимал из кармана засаленную карточку с обозначением этих слов, и по этому уж его звали тут не иначе как двадцатым номером, или просто двадцатым. Тюремщик взглянул на него во все глаза, и сказал на торжественный манер: – «Послушайте, Двадцатый, я верю вам, честная душа: надеюсь, вы не введете в напасть своего старого друга». Нет, душа моя, не введу: вот тут в старину было у меня кое-что, сказал маленький человек и, выговаривая эти последние слова, он сильно ударил себя по нижней части жилета, причем из обоих глаз брызнуло у него по слезинке, и это вышел совершенно необыкновенный случай, так как до сих пор никто не ведал, не гадал, что у него водятся под глазами водяные шлюзы. Вслед затем он дружески пожал тюремщику руку, и вышел вон из тюрьмы.

– И, разумеется, он не воротился назад? – спросил м-р Пикквик.

– Нет, сэр, не угадали: – воротился он за две минуты до срока, взбешенный так, что все волосы поднялись у него дыбом. Он сказал, что какой-то извозчик чуть не раздавил его и что на другой день он намерен подать на него просьбу лорду-мэру, потому, дескать, что он не намерен терпеть вперед такого нахального обращения. Наконец, кое-как его уgomонили, и с той поры, маленький человек целых пять лет не показывал носа из тюрьмы.

– И по истечении этого времени, он умер, конечно, – перебил м-р Пикквик.

– Опять вы ошиблись, сэр, – перебил Саму-эль. – Он был здоров и невредим, и захотелось ему однажды попробовать пивца в новом трактире, выстроенном против тюрьмы. Там он нашел приличную компанию, и с тех пор забрала его охота ходить туда каждый вечер. Долго он путешествовал, как ни в чем не бывало, и возвращался домой в приличном виде за четверть часа до запирания ворот. Наконец, веселые пирушки понравились ему до того, что он начал уж забывать урочный час, да и совсем не думал, как идет время, и возвращался в тюрьму все позже, и позже. Вот, наконец, однажды пришел он в ту самую минуту, как приятель его, тюремщик, собрался запирать железные ворота, и уже повернул ключ. – «Постойте, брат Вильям!» – сказал маленький человек. – Как? это вы, Двадцатый? – спрашивает тюремщик. – «Да, говорит, это я», – отвечает маленький человек. – Неужто вы еще не воротились, Двадцатый? – говорит тюремщик, – а я, признаться, думал, что вы давно на своей койке. – «Нет, еще не на койке», – отвечает с улыбкой маленький человек. – Ну, так я вот что скажу вам, любезный друг, – говорит угрюмый тюремщик, медленно и неохотно отворяя ворота, – в последнее время, думать надобно, вы попали в дурную компанию, и это уж я давно с прискор-

бием заметил. Поэтому, Двадцатый, слушайте обоими ушами, о чем пойдет речь: если вы потеряли стыд и совесть, и если для вас мало этих обыкновенных прогулок, то вперед, как скоро вы опоздаете, я захопну ворота перед вашим носом, и оставайтесь у меня, где хотите: я вам не слуга. – Маленький человечек задрожал, как осиновый лист, словно обухом съездили ему по виску. С того времени он уж ни разу не выходил из тюрьмы.

Когда Самуэль кончил свой рассказ, м-р Пикквик медленно спустился по лестнице и, сделав несколько шагов по галлерее, намекнул своему слуге, что уже время им обоим отправиться на сон грядущий. Он приказал ему провести эту ночь в каком-нибудь ближайшем трактире, и завтра поутру явиться опять в тюрьму для принятия от своего господина окончательных распоряжений относительно гардероба и вещей, оставшихся в гостинице «Коршуна и Джорджа». М-р Самуэль Уэллер выслушал приказание с обычным добродушием, но не обнаруживал на первый раз готовности к повиновению. Он даже составил в своей голове план прикурнуть эту ночь на голых досках подле кровати старшины; но м-р Пикквик строго запретил ему думать о такой глупости, и верный слуга, понурив голову, принужден был удалиться из тюрьмы.

По долгу справедливости, мы обязаны заметить, что м-р Пикквик, по уходе Самуэля, почувствовал некоторую тоску и упадок духа. Это не могло быть следствием недостатка в обществе: тюрьма была наполнена народом, и стоило только заказать бутылку вина, чтобы без дальнейших церемоний окружить себя веселою компанией, готовою к излиянию дружеских чувств; но он был одинок среди этой грубой толпы, и мысль, что его закупорили в эту клетку, без всякой надежды на освобождение, тяжелым бременем давила его душу. Он мог, конечно, освободить себя, удовлетворив бессовестным требованиям Додсона и Фогга; но об этом великий человек не хотел и думать.

В таком расположении духа он повернул опять в ту галерею, где был буфет, и начал прохаживаться взад и вперед. Пол и стены были тут необыкновенно грязны и без привычки можно было задохнуться от табачного дыма. Стук, хлопанье дверьми и смешанный гул от разнообразных голосов раздавались по всей галлерее. В буфете поминутно слышался смех и звон стаканов. В пестрой толпе среди галереи замешалась, между прочим, женщина с грудным младенцем на руках, слабая, больная, едва способная передвигать ноги: она стояла, потупив глаза, и разговаривала с своим мужем, которого не могла видеть в другом месте. Проходя мимо этой четы, м-р Пикквик ясно расслышал рыдания несчастной женщины, сотрясавшие её тело до того, что она, наконец, принуждена была прислониться к стене. Муж взял ребенка к себе на руки и старался успокоить жену.

М-р Пикквик не мог более вынести этого зрелища и ушел в свою спальню.

Хотя смотрительская комната, не представлявшая ни малейших удобств в отношении мебели и убранства, была в тысячу раз хуже какого-нибудь лазарета в провинциальной тюрьме, однако ж, в настоящем случае, она имела по крайней мере то неоспоримое достоинство, что в ней не было ни одной живой души, кроме самого м-ра Пикквика. Он сел в ногах своей маленькой железной постели и, от нечего делать, принялся размышлять, сколько тюремный смотритель выручает в год от сдачи в наймы этой грязной комнаты, рассчитав по пальцам с математическою верностью, что этот апартамент равен по своей годовой цене выручке квартирных денег за целую улицу в каком-нибудь лондонском предместье, м-р Пикквик углубился в размышление, по каким побуждениям грязная муха, ползущая по его панталонам, вздумала забраться в эту длинную тюрьму, в то время, когда пред ней был выбор самой живописной местности в необозримом воздушном пространстве. Переходя от одного суждения к другому, он пришел мало-помалу к неотразимому заключению, что вышеозначенная муха спятила с ума. Остановившись на этом умозаключении, он начал сознавать с достаточною ясностью, что его сильно клонит ко сну. М-р Пикквик вынул из кармана свою ночную ермолку с кисточками, надел ее на голову, разделся, лег и тотчас же уснул.

– Bravo, bravo! Отмахни еще коленцо... раз, два, три – bravo, Зефир, bravo! Будь я проклят, если ты не рожден для сцены. Раз, два, три. Ура!

Эти энергичные восклицания, произнесенные громко и сопровождавшиеся весьма неосторожным смехом, пробудили м-ра Пиквика от той вереницы грез, которая успевает пронестись над спящим за полчаса, хотя он воображает, что возвращается в этой фантастической сфере уже три или четыре недели.

Лишь только замолк этот голос, в комнате послышалась такая страшная возня, что даже стекла задрезбуждали в своих рамах, и постели задрожали. М-р Пикквик вскочил и несколько минут смотрел с безмолвным изумлением на сцену, открывшуюся перед его глазами.

На полу, среди комнаты, какой-то мужчина в длинном зеленом сюртуке, широких панталонах и серых бумажных чулках, выделывал в присядку замысловатые па национальной матросской пляски, представляя карикатурные образчики грациозности и легкости в движениях, которые были на самом деле столь же нелепы, как его костюм. Другой мужчина, очевидно пьяный, сидел на своей койке на корточках между двумя простынями и употреблял тщетные усилия припомнить мелодию какой-то комической песни; между тем, третий молодец, сидевший также на постели, аплодировал обоим своим товарищам с видом знатока, и поощрял их громкими восклицаниями, пробудившими м-ра Пиквика от сна.

Этот последний джентльмен принадлежал к разряду тех удивительных молодцов, чья личность вполне может обнаруживаться только в этих странных местах. В несовершенном виде их можно по временам встречать в трактирах и на постоянных дворах; но полного и самого роскошного расцвета они достигают только в этих искусственных теплицах, устроенных, по видимому, нарочно для их комфорта.

Это был высокий и дюжий молодец с оливковым цветом лица, длинными черными волосами и густыми косматыми бакенбардами, ниспадавшими до подбородка. Галстука на шее у него не было, так как он играл весь день в мяч, и через открытый воротник его рубашки виднелись густые волосы, которыми обросла его грудь. На голове он носил бумажный французский колпак, один из тех, которые продаются на толкучем рынке по восемнадцати пенсов за штуку. Колпак украшался длинными арлекинскими кисточками, чудно гармонизировавшими с бумазейной курткой этого джентльмена. Его толстые и длинные ноги затыгивались в оксфордские панталоны. Штиблеты без пяток и грязные белые чулки довершали весь туалет. Подтяжек на нем не было, и казалось ни одна пуговица не сходилась с петлей. Во всей этой фигуре чрезвычайно дерзкой и нахальной, отражался какой-то особенный род совершенно оригинального молодечества, неподражаемого и неуловимого в своих оттенках.

И этот молодец первый обратил на себя внимание м-ра Пиквика. Он лукаво подмигнул Зефиру и с комической важностью просил его не разбудить почтенного старика.

– Да уж старичек, кажется, проснулся, Бот с ним! – сказал Зефир, делая крутой поворот налево кругом, – здравствуйте, сэр! Мое вам глубокое почтение, м-р Шекспир. Здорова-ли ваша бабушка? Как поживают Мери и Сара? В каком положении ваша прелестная супруга? Примите на себя труд завернуть к ним мой поклон в первый пакет, который вы благоизволите отправить домой. Я бы и сам не прочь отправить к ним свое наиглубочайшее, только оно знаете, сэр, боюсь, что экипаж мой не довезет... колеса изломаются, сэр.

– Зачем ты беспокоишь маститого старца всеми этими учтивостями, Зефир? – сказал шутливым тоном джентльмен в бумазейной куртке. – Разве ты не видишь, что ему хочется выпить? Спроси-ка лучше, что он изволит кушать?

– Ах, да, ведь вот оно, совсем из ума вышло, – отвечал Зефир. – Прошу извинить, сэр. Чего вам угодно выкушать с нами? Портвейну, сэр, или хересу, как вы думаете? Элю, по-моему мнению, было бы всего лучше, или может быть вы предпочитаете портер? Позвольте мне удостоиться счастья повесить вашу ермолку, сэр.

С этими словами Зефир быстро сорвал ермолку с головы м-ра Пикквика и в одно мгновение ока нахлобучил ее на глаза пьяного джентльмена, который все еще продолжал мурлыкать комическую песню на самый печальный лад, воображая, вероятно, что он увеселяет многочисленную публику.

Схватить насильным образом ермолку с чужой головы и нахлобучить ее на глаза неизвестного джентльмена грязной наружности – подвиг, конечно, чрезвычайно остроумный сам по себе, но тем не менее, в практическом отношении, шутки этого рода крайне неудобны: так, по крайней мере, смотрел на это дело м-р Пикквик. Не говоря дурного слова, он диким вепрем выскочил из постели, мгновенно поразил Зефира в грудь, оттолкнул его к стене, и затем, овладев ермолкой, стал в оборонительное положение среди комнаты.

– Ну, чорт вас побери! – сказал м-р Пикквик, задыхаясь от досады и внутреннего волнения. – Двое на одного, ну, выходите!

И, сделав этот бесстрашный вызов, достойный джентльмен начал размахивать своими сжатыми кулаками таким образом, что антагонисты его должны были увидеть в нем одного из самых опытных боксеров.

Было ли то обнаружение необыкновенной храбрости со стороны м-ра Пикквика, или многосложный и хитрый способ, употребленный им для того, чтоб выюркнуть из постели и наброситься всею массою на джентльмена, выплясывавшего матросский танец, только противники его остолбенели и обомлели. М-р Пикквик был почти убежден, что в эту ночь произойдет убийство в стенах Флита; но предчувствие его не оправдалось. Зефир и товарищ его с бумазейной куртке простояли несколько минут в безмолвном изумлении, вытаращив глаза друг на друга, и, наконец, разразились громовыми залпами неистового и дикого смеха.

– Ай-же да козырь! Вот это по нашенски, старик! Люблю дружка за смелый обычай, – сказал Зефир. – Прыгайте опять в постель, не то как раз схватите ломоту в поясницу: пол демонски холодный. Надеюсь, между нами не будет затаенной вражды? – заключил великодушный джентльмен, протягивая свою огромную лапу с желтыми пальцами, весьма похожими на те, которые парят иногда над дверью перчаточного магазина.

– Конечно, не будет, – сказал м-р Пикквик с большою поспешностью.

Теперь, когда прошел первый пыл гнева, великий человек почувствовал, что кровь начинает мало-помалу холодеть в его потрясенном организме.

– Удостоите ли вы меня чести познакомиться с вами, сэр? – сказал джентльмен в бумазейной куртке, протягивая свою правую руку.

– С большим удовольствием, сэр, – отвечал м-р Пикквик.

Последовало продолжительное и торжественное рукопожатие.

– Имя мое Смангль, сэр, – сказал бумазейный джентльмен.

– О! – сказал м-р Пикквик, усаживаясь опять на своей постели.

– А меня зовут Мивинс, – сказал джентльмен в грязных чулках.

– Очень рад слышать это, – отвечал м-р Пикквик.

– Гм! – прокашлянул м-р Смангль.

– Что вы сказали, сэр? – спросил м-р Пикквик.

– Нет, сэр, я ничего не сказал, – отвечал м-р Смангль.

– Стало быть, мне так послышалось?

– Стало быть.

Все это было очень мило и деликатно, и чтобы утвердить новое знакомство на дружественном основании, м-р Смангль принялся, в сильных выражениях, уверять м-ра Пикквика, что он почувствовал к нему глубочайшее уважение с первого взгляда.

– Вы попали сюда через ловушку, сэр? – спросил м-р Смангль.

– Через что? – сказал м-р Пикквик.

– Через ловушку?

– Извините, я вас не понимаю.

– Ну, как не понимать? – возразил м-р Смангль. – Через ту ловушку, что стоит на Португальской улице.²³

– А! – сказал м-р Пикквик, – нет, нет, вы ошибаетесь, сэр.

– Может быть, скоро отсюда выйдете? – спросил Смангль.

– Едва-ли, – отвечал м-р Пикквик. – Я отказываюсь платить протори и убытки по одному незаконному делу, и за это посадили меня в тюрьму.

– А вот меня так, сэр, бумага погубила! – воскликнул м-р Смангль.

– Это как? Извините, сэр, я опять вас не понимаю, – простодушно сказал м-р Пикквик.

– Да-с, бумага погубила мою головушку, – повторил м-р Смангль.

– То есть, выторговали писчей бумагой... содержали магазин по этой части? – спросил м-р Пикквик.

– О, нет, сэр, нет! – возразил м-р Смангль, – до этого еще мне не приходилось унижаться в своей жизни. Торговли я не производил. Под именем бумаги я разумею собственно векселя на имя разных олухов, которые, скажу не в похвальбу, десятками попались на мою удочку.

– Ну, ваш промысел, если не ошибаюсь, был довольно опасен, – заметил м-р Пикквик.

– Еще бы! – сказал м-р Смангль, – люби розы, люби и шипы. Что из этого? Вот я теперь в тюрьме. Кому какое дело? Разве я стал от этого хуже?

– Ничуть не хуже, – заметил м-р Мивинс. М-р Смангль, для получения своего настоящего места в тюрьме, приобрел задаром из чужой шкатулки несколько бриллиантовых безделок, вымененных им на чистые денежки у одного ростовщика.

– Однако все это сухая материя, господа, – сказал м-р Смангль, – не мешало бы, эдак, промочить горло чем-нибудь в роде хереса или портвейна. Новичок даст деньги, Мивинс сбегает в буфет, а я помогу пить. Вот это и будет значить, что мы воспользуемся экономической системой разделения труда.

Во избежание дальнейших поводов к ссоре, м-р Пикквик охотно согласился на предложение и, вынув какую-то монету из кошелька, вручил ее м-ру Мивинсу, который, не теряя драгоценного времени, тотчас же побежал в буфет, так как было уже около одиннадцати часов.

– Позвольте-ка, почтеннейший, – шепнул Смангль, когда приятель его вышел из дверей, вы что ему дали?

– Полсоверена, – сказал м-р Пикквик.

– Это, я вам скажу, демонски любезный джентльмен, – заметил Смангль, – предупредительный, обязательный и ловкий, каких даже немного наберется на белом свете; но...

Здесь м-р Смангль приостановился и сомнительно покачал головой.

– Вы, конечно, не думаете, что он способен воспользоваться этими деньгами для собственного употребления? – спросил м-р Пикквик.

– О, нет, этого быть не может; потому-то я и сказал, что он демонски любезный джентльмен, отвечал м-р Смангль, – но все-таки, знаете, неровен случай; не мешало бы кому-нибудь присмотреть, не разобьет-ли он бутылки, или не по теряет-ли деньги на возвратном пути. Все может статься с человеком. Послушайте, сэр, сбегайте вниз и посмотрите за этим джентльменом.

Последнее предложение относилось к маленькому и робкому человеку, весьма бедному по наружности. Впродолжение всего этого разговора, он, скорчившись, сидел на своей постели, очевидно озадаченный новостью своего положения.

²³ На Португальской улице находился Коммерческий суд. Смангль хочет спросить Пикквика, не злостный ли он банкрот.
Прим. перев.

– Вы ведь знаете, где буфет, – продолжал Смангль. – Догоните этого джентльмена и скажите, что вас прислали к нему на подмогу. Или нет, постойте... вот что я придумал, господа, заключил Смангль с плутовским видом.

– Что? – сказал м-р Пикквик.

– Пошлите ему лучше сказать, чтобы он на сдачу купил сигар. Превосходная мысль! Ну, так вы побегите, любезный, и скажите ему это: слышите? Сигары у нас не пропадут, – продолжал Смангль, обращаясь к м-ру Пикквику; – я выкурю их за ваше здоровье.

Этот замысловатый маневр был придуман и выполнен с таким удивительным спокойствием и хладнокровием, что м-р Пикквик не сделал бы никаких возражений даже в том случае, если б имел какую-нибудь возможность вмешаться в это дело. Через несколько минут Мивинс возвратился с хересом и сигарами. М-р Смангль налил своим товарищам две разбитых чашки, а сам вызвался тянуть прямо из горлышка бутылки, объявив наперед, что между истинными друзьями не может быть на этот счет никаких церемоний. Вслед затем, в один прием он опорожнил половину того, что оставалось в бутылке.

Вскоре водворилось совершеннейшее согласие во всей компании. М-р Смангль для общего назидания принялся рассказывать о различных романтических приключениях, случившихся с ним в разное время на широкой дороге разгульной жизни. Всего интереснее были анекдоты об одной благовоспитанной лошади и великолепной еврейке чудной красоты, за которую ухаживали самые модные денди из всех «трех королевств».

Задолго до окончания этих извлечений из джентльменской биографии, м-р Мивинс повалился на свою постель и захрапел. Робкий незнакомец и м-р Пикквик остались одни в полном распоряжении м-ра Смангля.

Однакож и эти два джентльмена в скором времени утратили способность восхищаться трогательными местами неутомимого поветствателя. М-р Пикквик, погруженный в сладкую дремоту, очнулся на минуту, когда пьяный джентльмен затынул опять комическую песню, за что получил в награду стакан холодной воды, вылитый ему за галстух рукою Смангля, в доказательство того, что публика не намерена более слушать этого концерта. Затем м-р Пикквик уже окончательно растянулся на постели, и в душе его осталось весьма смутное сознание, что м-р Смангль начал новый и длинный рассказ, кажется, о том, каким образом однажды удалось ему «настрочить» фальшивый вексель и «поддедолить» какого-то джентльмена.

Глава XLII

Доказывается фактически старинная философская истина, возведенная в поговорку, что в несчастных обстоятельствах порядочный джентльмен легко может наткнуться на знакомство с весьма странными людьми. Здесь же мистер Пикквик отдает весьма странные приказания своему верному слуге.

Когда м-р Пикквик открыл поутру глаза, первым предметом, поразившим его внимание, был Самуэль Уэллер. Он сидел в созерцательном положении, на маленьком черном чемодане, и глаза его неподвижно были устремлены на величавую фигуру м-ра Смангля, тогда как сам м-р Смангль, уже одетый, приглаженный и причесанный, сидел на своей постели и употреблял, по-видимому, безнадежные усилия привести м-ра Уэллера в смущение своим строгим взором. Говорим – *безнадежные*, потому что пытливый взгляд Самуэля вдруг обнимал и фуражку м-ра Смангля, и ноги его, и голову, и лицо, и бакенбарды. Оказывалось по всем признакам, что это наблюдение доставляло ему живейшее наслаждение, без всякого, впрочем, отношения к личным ощущениям наблюдаемого предмета. Он смотрел на Смангля таким образом, как будто этот джентльмен был деревянной статуей, или чучелом, набитым соломой в роде туловища Гай-Фокса.

– Ну, что? Узнаете вы меня? – спросил, наконец, м-р Смангль, сердито нахмутив брови.

– Да, сэр, теперь я мог бы угадать вас из тысячи миллионов, – весело отвечал Самуэль. – Молодец вы хоть куда, нечего сказать.

Вы не должны позволять себе дерзкого обращения с джентльменом, сэр, – сказал м-р Смангль.

– Ни-ни, ни под каким видом, – отвечал Самуэль. – Вот погодите, только он встанет, я покажу вам, сэр, образчики самого галантерейного обращения.

Это замечание в высокой степени раздражило м-ра Смангля, так как было очевидно, что Самуэль не считает его джентльменом.

– Мивинс! – закричал м-р Смангль.

– Что там у вас? – промычал этот джентльмен из своей койки.

– Что это за дьявол сидит здесь?

– А мне почему знать? – сказал м-р Мивинс, лениво выглядывая из-под одеяла. – К тебе что-ль он пришел?

– Нет, – отвечал м-р Смангль.

– Ну, так столкни его с лестницы в зашею, и пусть он лежит, пока я встану, – отвечал м-р Мивинс, – Я приколочу его: вели только ему подождать меня.

И с этими словами м-р Мивинс поспешил опять закутаться в одеяло.

М-р Пикквик, до сих пор безмолвный свидетель этой сцены, решился сам начать речь, чтобы отстранить всякий повод к дальнейшей ссоре.

– Самуэль! – сказал м-р Пикквик.

– Что прикажете?

– Не случилось-ли чего нового прошлой ночью?

– Ничего, кажется, – отвечал Самуэль, бросив взгляд на бакенбарды м-ра Смангля; – воздух был спертый и душный, и от этого, говорят, начинает разрастаться скверная трава возмутительного и кровожадного сорта. А впрочем, все было спокойно, сэр.

– Я встану, Самуэль, – сказал м-р Пикквик, – дайте мне одеться.

Мрачные мысли м-ра Смангля и враждебные его намерения в отношении к верному слуге мигом испарились, когда м-р Уэллер принялся развязывать чемодан своего господина. При одном взгляде на прекрасные и дорогая вещи, уложенные в чемодан, м-р Смангль получил самое благосклонное мнение не только о м-ре Пикквике, но и о Самуэле. Твердым, ясным

и звучным голосом он, не задумавшись, объявил во всеуслышание, что м-р Уэллер – самый благовоспитанный оригинал, принадлежащий к превосходной породе людей, которых он способен полюбить всем своим сердцем и всей душой. Что-ж касается до м-ра Пикквика, то привязанность, какую почувствовал к нему м-р Смангль, не имела никаких пределов.

– Теперь, почтеннейший, благоволите сказать, не могу-ли я сослужить для вас какую-нибудь службу? – спросил м-р Смангль. – Что я могу для вас сделать?

– Ничего, покамест, очень вам благодарен, сказал м-р Пикквик.

– Не накопилось-ли у вас белья для стирки? Я готов рекомендовать вам чудеснейшую прачку, которая приходит за моими вещами два раза в неделю, и – вообразите какое демонское счастье! – сегодня именно она должна прийти. Не угодно ли, я заверну ваши вещицы с моим бельем?

– Нет, не беспокойтесь, – отвечал м-р Пикквик.

– Помилуйте, что тут за беспокойство! Если порядочный джентльмен не будет, по мере возможности и сил, помогать своему ближнему в годину бедствия и скорби, то, скажите на милость, что-ж такое будет значить человеческая природа?

Говоря таким образом, м-р Смангль придвинулся к чемодану на самое близкое расстояние и бросил вокруг себя лучезарные взоры самой пламенной и бескорыстной дружбы.

– Не прикажете ли, почтеннейший, почистить немного ваши фраки? – продолжал м-р Смангль. – Я позову слугу.

– Благодарим за ласку, любезнейший, – возразил Самуэль, отвечая за своего господина. – Если мы сами станем себя чистить, не беспокоя слугу, то это всем доставит удовольствие, как выразился однажды школьный учитель, когда молодые джентльмены не изъявили желания быть высеченными слугою.

– Ну-с, а на счет белья-то? Не хотите-ли я положу ваши рубашки в свою корзинку для отправления к прачке? – сказал Смангль, отворачиваясь от Самуэля к м-ру Пикквику с беспокойным видом.

– Нет, уж не хлопчите лучше, – возразил Самуэль, – ваша корзинка, думать надобно, битком набита и без нашего белья.

Этот ответ сопровождался чрезвычайно выразительным и даже инквизиторским взглядом на ту особенную часть в костюме м-ра Смангля, которая обыкновенно служит свидетельством в искусстве прачки управлять джентльменским бельем. Озадаченный и смущенный м-р Смангль отступил от чемодана и принужден был, по крайней мере на этот раз, отказаться от своих видов на кошелек и гардероб нового арестанта. Скрепя сердце, он махнул рукой и спустился в буфет, где за отсутствием других лакомств, позавтракал двумя сигарами, купленными накануне насчет м-ра Пикквика.

М-р Мивинс, не любивший курить, остался в постели и, выражаясь его собственными словами, «позавтракал выхрапкой натошак» теми блюдами, которые заготавливаются голодным воображением для всякого джентльмена с пустым карманом и пустейшим желудком. В былые времена м-р Мивинс, восстав от сна, любил угощать себя сосисками и колбасой, но с той поры, как мелочной лавочник написал для него длинный счет во всю аспидную доску, эти угощения прекратились сами собою.

Сытный завтрак для м-ра Пикквика был устроен в небольшой комнате подле буфета, носившей поэтическое название «покойничка», где, кроме других удовольствий, любознательный наблюдатель мог еще пользоваться тою несравненною выгодой, что до ушей его весьма исправно достигал каждый звук, произносившийся в буфете и общей зале. Окончив этот завтрак и отправив Самуэля по разным необходимым поручениям, м-р Пикквик спустился в контору посоветоваться с м-ром Рокером насчет более приличного помещения для себя в тюремном замке.

– Так вы хлопчете, сэ, насчет более приличного помещения? – спросил м-р Рокер, заглядывая в конторскую книгу огромного формата. Помещений у нас вдоволь, м-р Пикквик. Ваш *артельный* (chumpage)²⁴ билет будет, я полагаю, номер двадцать седьмой, в третьем этаже.

– Мой... что вы сказали? – спросил м-р Пикквик.

– Ваш артельный билет, – повторил м-р Рокер; – разве вы не понимаете этого?

– Не совсем, – отвечал улыбаясь, м-р Пикквик.

– Странно; это однако ж ясно, как день, – сказал м-р Рокер. – Вы получите артельный билет на двадцать седьмой номер в третьем этаже, и те, которые станут жить с вами в одной комнате, будут вашими артельщиками.

– А сколько их там? – спросил м-р Пикквик.

– Трое, – отвечал Рокер.

М-р Пикквик кашлянул.

– Один из них – доктор, – продолжал м-р Рокер, выписывая какой-то вензель на клочке бумаги, – другой – мясник.

– Неужели! – воскликнул м-р Пикквик.

– Мясник, сэ, мясник, – повторил Рокер, поправляя кончик пера на одном из своих ногтей, – каким он был пройдохой в свое время, если бы вы знали, сэ! Помните-ли вы Тома Мартина, Недди, а? – заключил Рокер, обращаясь к другому джентльмену в конторе, который соскабливал грязь со своих башмаков помощью перочинного ножа о двадцати пяти штуках, приспособленных к житейскому обиходу.

– Еще бы *мне* не помнить! – отвечал этот джентльмен, делая особенное ударение на личном местоимении.

– Ведь вот подумаешь, что значит все это житейское-то море-океан! – сказал м-р Рокер, медленно покачивая головой с боку на бок и рассеянно поглядывая из-за решетчатого окна, как будто перед умственным его взором проносились восхитительные сцены первой его молодости: – будто вот вчера только он задал тузов горемычному угольщику на набережной около Лисьего холма. Вижу, словно теперь, как ведут его под руки два полицейских сторожа: был он пьянь мертвецки: один глаз подбит и залеплен сахарной бумагой, а сзади бежит бульдог, тот, что после искусал мальчишку. Как время-то бежит. Недди, а?

Джентльмен, к которому относились все эти замечания, был, по-видимому, весьма степенного и вовсе не разговорчивого десятка. Он промычал в ответ какой-то односложный звук,

²⁴ По-английски chum – слово, которое в этом значении, едва-ли может быть переведено на какой-нибудь из европейских языков также производные от него: chums, chummed, chumpage. Это собственно тюремные термины, возникшие от особенных обычаев, не-известных на европейском континенте. Постараемся объяснить приблизительно смысл этих слов. Главный корпус тюрьмы, о которой идет здесь речь, состоит из длинного каменного здания, параллельного Фаррингтонской улице. Он называется Masler's Side. Внутреннее размещение очень просто: в каждом из пяти этажей проведена длинная и узкая галерея от одного конца до другого, с бесчисленными дверями направо и налево. Подле этого здания стоит особый корпус, назначенный собственно для бедных арестантов, которые не в состоянии платить за свое содержание в тюрьме. Все они ели и спали в одной общей комнате, разделенной деревянными перегородками на особые каморки или конуры. Если арестант при входе в тюрьму объявлял, что у него есть деньги, ему предстояло одно из двух: или идти на так называемую «варфоломеевскую ярмарку», то есть, в нижний этаж, где устроены те самые маленькие казематы, в которых, как выразился м-р Пикквик, не может никаким способом жить существо, одаренное разумною душою; или он мог отправляться наверх, в лучшие номера. В том и другом случае, арестант должен был платить за себя один шиллинг и три пенни в неделю, с тою разницею, что в каземате он мог жить один, а наверху ему надлежало подвергнуться так называемому chumpage, или артельной системе. Могло случиться, что арестант получал для себя одну целую комнату, в том случае, когда все другие комнаты были уже полны; но к нему, приводили нового арестанта, который, в отношении к нему должен был называться chum, артельщик, однокашник. От этого нового товарища можно было освободиться, заплатив ему четыре шиллинга и шесть пенсов в неделю. Этот последний заключал, в свою очередь, торговую сделку с другими арестантами, соглашавшимися поставит в своей комнате лишнюю кровать для нового жильца. Все они, в отношении один к другому, становились chums. Повторяем еще, что все эти и многие другие обычаи, дававшие повод ко многим печальным явлениям, исчезли в настоящее время. *Примеч. перев.*

вероятно, утвердительно свойства, и м-р Рокер, прерывая нить поэтических воспоминаний, принужден был взять перо и обратиться к делам обыкновенной жизни.

– А кто между ними третий джентльмен? – спросил м-р Пикквик, встревоженный несколько описанием своих будущих товарищей.

– Кто, бишь, этот Симпсон, Недди? – сказал м-р Рокер, обращаясь опять к своему молчаливому собеседнику.

– Какой Симпсон? – сказал Недди.

– Ну, тот, что живет в двадцать седьмом наверху в той артели, куда мы должны проводить этого джентльмена.

– Ах, да! – отвечал Недди, – теперь он ничего, собственно говоря, то есть, нуль.

– Как нуль? – спросил м-р Пикквик.

– Да так-с. Сперва он был конокрадом; а теперь просто мошенник, с вашего позволения.

– Ну да, я так и думал, – подтвердил м-р Рокер, закрывая книгу и вручая м-ру Пикквику маленький лоскуток бумаги, – вот вам и билет, сэр.

Озадаченный этим через чур поспешным и бесцеремонным распоряжением, сделанным относительно его собственной особы, м-р Пикквик пошел назад в тюрьму, обдумывая возможно лучший план для будущего образа своих действий. Убежденный, однако ж, в необходимости поговорить наперед и познакомиться с своими будущими товарищами, он поспешил взобраться на лестницу третьего этажа.

Несколько минут бродил он по темной галлерее, стараясь разобрать номера на дверях, и, наконец, принужден был обратиться к мальчику из буфета, который был занят чисткой оловянной кружки.

– Не можете-ли сказать мне, мой милый, где тут двадцать седьмой номер? – спросил м-р Пикквик.

– Пройдите еще пять дверей, – отвечал мальчик, – увидите по левой руке, прямо в дверях, портрет джентльмена с трубкой во рту: это и есть двадцать седьмой номер.

Соображаясь с этим указанием, м-р Пикквик сделал еще несколько шагов и заметил, наконец, начерченный мелом портрет вышеозначенного джентльмена, которого он прямо ударил по лицу щиколками своих пальцев сперва тихонько, а потом несколько погромче. Повторив этот процесс несколько раз без всякого успеха, он слегка приотворил дверь и заглянул.

В комнате был всего один только джентльмен, да и тот, казалось, не хотел обратить ни малейшего внимания на то, что могло произойти вокруг него. Он высунулся из окна таким образом, чтобы не потерять равновесия, и с большим усердием старался плюнуть на центральный пункт шляпы одного из приятелей, гулявших внизу во дворе. Напрасно м-р Пикквик откашливался, чихал, сморкался и пробовал говорить: джентльмен, углубленный в свое интересное и многотрудное занятие, ничего не видел и не слышал. Наконец, после некоторого колебания, м-р Пикквик подошел к окну и легонько дернул его за фалды фрака. Незнакомец быстро выставил свои голову, руки и плечи и, озирая м-ра Пикквика с ног до головы, спросил его довольно угрюмым тоном, какого дьявола ему надобно здесь.

– Мне кажется, – сказал м-р Пикквик, взглянув на свой билет, мне кажется, это должен быть двадцать седьмой номер в третьем этаже.

– Ну?

– Я пришел сюда вследствие вот этой бумаги, которую мне вручили в конторе этого заведения.

– Подайте ее сюда.

М-р Пикквик повиновался.

– Рокер, черт бы его побрал, мог бы, я думаю, отправить вас к другой артели, сказал м-р Симпсон (то был он, прежний конокрад и теперешний мошенник), после кратковременной паузы, в продолжение которой лицо его приняло самое пасмурное и угрюмое выражение.

М-р Пикквик был собственно таких же мыслей; но из учтивости не сказал ничего.

М-р Симпсон погрузился на несколько минут в глубокое раздумье и потом, выставив опять свою голову из окна, испустил пронзительный свист, сопровождавшийся громким произнесением какого-то слова. Какой смысл заключался в этом слове, м-р Пикквик не мог догадаться с первого раза; вскоре однако ж оказалось, что это было, по всей вероятности, прозвище м-ра Мартына, потому что вслед за свистом раздавались на дворе многочисленные голоса, кричавшие: «мясник! мясник!» таким тоном, каким обыкновенно этот промышленный класс людей возвещает о своем приближении поварам и кухаркам.

Последующие события оправдали справедливость догадки м-ра Пикквика. Через несколько секунд, задыхаясь от ускоренных движений, вбежал в комнату широкий и плечистый, растолстевший не по летам джентльмен в синем китайчатом камзоле и жокейских сапогах с длинными голенищами и круглыми носками. По пятам его следовал другой джентльмен в истасканном черном сюртуке и тюленьей фуражке. Пуговицы сюртука его были застегнуты от первой до последней, и заплывшее жиром багряно-красное лицо его обличало в нем любителя джина, каким он и был действительно.

Оба джентльмена, каждый в свою очередь, прочитали билет м-ра Пикквика, и один из них отозвался, что это была «штука», другой выразил положительное убеждение, что тут должна быть «закорючка». Выразив чувствования такими энергическими и совершенно удобопонятными терминами, джентльмены искоса перемигнулись между собою и потом устремили пытливые взоры на почтенную фигуру м-ра Пикквика.

– И как нарочно в такую пору, когда приобрели мы эти превосходные постели! – сказал доктор кувыркательной профессии, обозревая три грязные матраца в углу комнаты, где подле них стояли разбитая умывальница, ведро, таз и разбитое блюдечко с желтым мылом. – Пренеприятная история.

М-р Мартын выразил такое же точно мнение в сильнейших выражениях. М-р Симпсон присовокупил несколько дополнительных замечаний насчет бессовестности и жестокосердия тюремных стражей и потом, засучив рукава, начал промывать зелень к обеду.

В продолжение всей этой сцены м-р Пикквик занимался пытливым обозрением комнаты и нашел, что она чрезвычайно грязна и пропитана запахом весьма неблагоприятным. Не было никаких следов ковра, занавесок или штор. Не было и перегородки для кладовой или чулана. Лишних вещей, конечно, не имелось в наличности у жильцов; но все же тут в глаза постороннего наблюдателя весьма неприятно бросались черствые и подернутые плесенью корки хлеба, куски гнилого сыра, мокрые тряпки, яичные скорлупы, куски говядины, разные принадлежности мужского туалета, обломки тарелок, ножи без черенков, вилки без трезубцев, раздувательные мехи без рукояток, и пр., и пр. Все это, без всякого порядка и симметрии, разбросано было по полу маленькой комнаты, которая служила и гостиной, и столовой, и спальней для трех праздных джентльменов, не озабоченных никакою служебною или ученою деятельностью.

– Это авось можно будет как-нибудь уладить, – заметил мясник после продолжительного молчания. – Вы сколько, старичек, согласитесь взять от нас на утек?

– Прошу извинить, – отвечал м-р Пикквик, – что вы сказали? Я не понял вас?

– За сколько можно вас выплатить вон отсюда? – сказал мясник. – Артель обыкновенно платит два шиллинга шесть пенсов. Хотите взять три *боба*?²⁵

– Пожалуй, еще прибавим *бендер*, – подхватил доктор кувыркательной профессии.

– Ну, это уж, я полагаю, чересчур: довольно и двух пенсов, – заметил м-р Мартын. – Что-ж вы на это скажете, старичина? Мы намерены выплатить вас на утек за три шиллинга шесть пенсов в неделю. Идет?

²⁵ Этого рода люди объясняются особым условным языком, изобретенным для собственного употребления. *Боб*, судя по смыслу, соответствует шиллингу; *бендер* – шести пенсам. *Прим. перев.*

– И вдобавок поставим галлон пива могоарычу, – присовокупил м-р Симпсон. – Согласны, что ли?

– И разопьем его на месте, – добавил доктор. – Ну?

– Извините, господа, я совсем не знаю правил этого заведения, и язык ваш для меня совершенно непонятен, – отвечал ошеломленный м-р Пикквик. – Точно-ли могу я поместиться в какой-нибудь другой комнате? Мне казалось, что нет.

При этом вопросе, м-р Мартын бросил на своих двух приятелей в высшей степени изумленный взор, и затем каждый джентльмен многозначительно указал большим пальцем правой руки через левое плечо.

– Может-ли он поместиться в другой комнате! – воскликнул м-р Мартын с улыбкой сожаления. – Каково?

– Ну, если бы, примером сказать, пришлось мне быть таким новичком в житейских делах, я согласился бы целиком съесть свою шляпу и проглотить пряжку, – заметил доктор кувыркательной профессии.

– И я бы то же сделал, клянусь честью, – добавил бывший промышленник по лошадиной части.

После этой знаменательной прелюдии три однокашника уведомили в один голос м-ра Пикквика, что деньги в тюрьме имеют совершенно такую-же ценность, как и за стенами Флита, и что с помощью звонкого металла он может здесь в одно мгновение получить все, что ему угодно.

– И я могу получить для себя особую комнату? – спросил м-р Пикквик.

– Еще бы! Да вы заикнитесь только, и не дальше, как через полчаса будет у вас просто джентльменский апартамент с мебелью и декорациями, – отвечал доктор кувыркательной профессии.

И затем, к общему удовольствию, последовала разлука. М-р Пикквик еще раз спустился в тюремную контору, а три однокашника отправились в буфет прокутить пять шиллингов, занятых у него почтенным доктором нарочно для этой цели.

– Я наперед знал, что дойдет до этого, – сказал м-р Рокер с умильной улыбкой, когда м-р Пикквик объяснил ему причину своего вторичного прихода. – Не говорил-ли я вам, Недди?

Философический владелец универсального перочинного ножа промычал утвердительный ответ.

– Я знал, что вы потребуете для себя особой комнаты, – сказал м-р Рокер. – Ведь вам понадобится, конечно, и мебель?

– Без всякого сомнения, – отвечал м-р Пикквик.

– Ну, в таком случае вы можете взять ее у меня напрокат: это уж здесь так заведено.

– С большим удовольствием.

– Имеется для вас в виду превосходная комната во втором этаже, весьма недалеко от общей залы, – продолжал м-р Рокер. – Она принадлежит арестанту из высшего апелляционного суда; но он может вам уступить ее за один фунт в неделю. Надеюсь, это для вас недорого?

– Недорого, – сказал м-р Пикквик.

– В таком случае, пожалуйста со мной, – сказал Рокер, надевая шляпу с великою поспешностью: – мы уладим это дело минут в пять, никак не больше. Ах, почему бы вам с самого начала не сказать об этом, м-р Пикквик?

Дело, как предсказал тюремщик, устроилось с необыкновенною скоростью. Арестант из высшего апелляционного суда, получивший право отдавать свою комнату внаймы, прозябал здесь с незапамятных времен, так что уже давно потерял и родственников, и друзей, и дом, и богатство, и счастье. обеспокоиваемый по временам весьма неприятным недостатком в насущном куске хлеба, он с жадностью выслушал предложение м-ра Пикквика и охотно согласился уступить ему свою комнату за двадцать шиллингов в неделю. С этой суммой ему

легко было попасть за дешевую цену в артель к одному или двум однокашникам в какой-нибудь каморке.

В продолжение этого торга м-р Пикквик осматривал фигуру незнакомца с болезненным участием. Это был высокий, худощавый, тупообразный человек в старом изношенном сюртуке и штиблетах, с провалившимися щеками и беспокойными, блуждающими глазами. Губы его были бескровны, кости тонки и остры. Было ясно, что железные зубы заточения и всех возможных лишений пилили его лет двадцать сряду.

– Где же вы сами будете жить, сэра? – спросил м-р Пикквик, положив деньги за первую неделю на шатающийся стол.

Незнакомец взял их дрожащею рукой и отвечал, что он еще сам не знает. Он пойдет наперед и посмотрит, куда ему можно будет передвинуть свою койку.

– Мне кажется, сэра, – сказал м-р Пикквик, протягивая к нему свою руку с чувством искреннего соболезнования, – мне кажется, сэра, вы принуждены будете жить в каком-нибудь шумном и тесном месте.

– Очень может статься.

– Ну, так я покорнейше прошу вас располагать этою комнатою, как своею собственною, когда вам нужен будет покой, или когда кто-нибудь из ваших друзей придет навестить вас.

– Друзей?? Друзья придут навестить меня?! – перебил незнакомец удушливым голосом, производившим какое-то странное дребезжание в его горле. – Да если бы лежал я на дне глубокого рва или в грязной и зловонной яме, запаянный и забитый железными гвоздями в своем свинцовом гробу, – и тогда свет не мог бы забыть меня в такой мере, как забыт я теперь. Я мертвец – мертвец для общества, и нет между людьми живой души, которая позаботилась бы о существовании узника, осужденного нашим законом. Меня придут навестить друзья? Меня? Великий Боже! Был я свеж и молод, когда нога моя впервые переступила через, порог этой тюрьмы, – и вот стал я стариком, согбенным под тяжестью лет и скорби: человеческая рука не закроет моих глаз, когда я умру, и никто даже не скажет: «нет его, наконец, и – слава Богу!»

Неестественное возбуждение чувства, распространившее необыкновенный свет на лице этого человека, когда он говорил, тотчас же исчезло после заключения этой речи. Он судорожно сжал обе руки и, пошатываясь с боку на бок, поковылял из комнаты.

– На него-таки находит по временам, – сказал м-р Рокер, улыбаясь, – все они иной раз бывают очень похожи на слонов, и если что-нибудь расшевелит их невзначай, тогда, что называется, пиши пропало.

Сообщив это филантропическое замечание, м-р Рокер вступил в дальнейшие переговоры, и следствием их было то, что в комнате м-ра Пикквика появились в короткое время: ковер, шесть стульев, стол, софа, складная кровать, чайник и другие мелкие принадлежности, необходимые в житейском быту. За весь этот комфорт м-р Пикквик условился платить двадцать семь шиллингов с половиною в неделю.

– Ну-с, теперь еще чего не угодно-ли вам, м-р Пикквик? – спросил Рокер, озираясь вокруг с величайшим удовольствием и весело побрякивая в сжатой ладони деньгами, полученными за первую неделю.

– Да, мне нужно еще попросить вас кой о чем, – отвечал м-р Пикквик, размышлявший о чем-то в продолжение нескольких минут. – Нет-ли у вас тут людей, которых можно отправлять за разными поручениями и посылками?

– Отправлять в город?

– Да. Я разумею таких людей, которые, не быв арестантами, могут выходить за ворота, когда их посылают.

– Как не быть, почтеннейший! Найдутся и такие люди. Вот, примером сказать, проживает у нас один вертопрах, у которого есть какой-то приятель на Бедной Стороне: он рад из-за какой-нибудь безделицы бегать по всему городу. Послать за ним?

– Сделайте одолжение, – отвечал м-р Пикквик. – Ах, нет... постойте. Вы, кажется, сказали на Бедной Стороне? Мне бы хотелось видеть эту сторону. Я сам пойду к нему.

Бедной Стороной в долговой тюрьме, как показывает, впрочем, самое наименование, называется та часть Флита, куда сажают самых бедных, нищих должников. Арестант, отправляемый на Бедную Сторону, не платит ничего ни в артель, ни за свой уголок в общей комнате, холодной и сырой. Несчастные содержатся здесь насчет доброхотных подаяний от сострадабельных лиц, которые, время от времени, оставляют на их долю в своих завещаниях более или менее значительную сумму. Еще памятно время, когда за несколько лет перед этим каждый англичанин мог видеть на лицевой стене Флита род железной клетки, где сидел какой-нибудь горемыка с голодными взорами и, побрякивая жестяной кружкой, взывал жалобным голосом к проходящим: – «Сжальтесь, милостивые господа, над бедными заключенными, сжальтесь, милостивые господа!» – Сбор из этой кружки разделялся между бедными узниками, и каждый из них по очереди должен был исправлять унижительную должность сборщика в железной клетке.

Этот обычай уничтожен в настоящее время, и прохожий не видит больше клетки; но положение арестантов на Бедной Стороне не изменилось ни на волос²⁶.

Печальные мысли быстро пробежали одна за другою в премудрой голове м-ра Пикквика, когда он взбирался наверх по узкой и грязной лестнице, у подножия которой расстался со своим проводником. Взволнованный грустною картиной, нарисованной пылким его воображением, великий человек машинально вступил в общую арестантскую, имея весьма смутное понятие о месте, где он находился, и о цели своего визита.

Беглый взгляд на комнату привел его в себя. И лишь только м-р Пикквик поднял свои глаза на фигуру человека, сидевшего в мечтательном положении перед камином, шляпа невольно выпала из его рук, и он остановился неподвижный и безмолвный от великого изумления.

Да, так точно. Глаза не обманули м-ра Пикквика. То был не кто другой, как сам м-р Альфред Джингль, в грязных лохмотьях и без верхнего платья, в пожелтелой коленкоровой рубашке, с длинными волосами, беспорядочно разбросанными по его щекам. Черты лица его изменились ужасно. Он сидел перед разведенным огнем, облокотившись головой на обе руки, и вся его фигура обличала страшную нищету и отчаяние.

Подле Джингля, беспечно прижавшись к стене, стоял дюжий и здоровый мужчина, похлопывавший изорванным охотничьим бичом по жокейскому сапогу, украшавшему его правую ногу: левая обута была в старую и дырявую туфлю. Это был беззаботный житель полей и лесов. Лошади, собаки и пьянство завели его сюда. На одиноком сапоге его торчала покрытая ржавчиною шпора, и по временам он вздергивал ее кверху, лаская сапог охотничьею плетью. Из уст его вырывались звуки, которыми обыкновенно охотники погоняют своих лошадей. Несчастный воображал в эту минуту, что он перескакивает через какой-то трудный барьер на скачках с препятствиями.

На противоположной стороне комнаты сидел старик на небольшом деревянном сундуке. Глаза его неподвижно устремлены были в землю, и на его лице нетрудно было разглядеть все признаки глубочайшего отчаяния и безнадежной скорби. Маленькая девочка, вероятно, дочь его, суежилась вокруг него и старалась бойкими и шумными движениями пробудить его притупленное внимание; но старик не видел, казалось, и не слышал ничего. Этот детский голосок был для него пленительнее всякой музыки в былое время, и эти глазки бросали радужный свет на его лицо; но теперь он был и глух, и нем для возлюбленной малютки. Тело его огрубело от физических недугов, и чувства души его парализовались неисцелимо.

²⁶ Справедливо в отношении к тридцатым годам текущего столетия; но для настоящего времени все это – анахронизм.
Прим. пер.

Были еще среди комнаты два или три человека, которые вели между собою одушевленный разговор. Тут же слабая и худощавая женщина, вероятно, жена одного из арестантов, поливала с большим старанием одряхлевший остов какого-то растения, которому, очевидно, не суждено было разрастись свежими и зелеными листьями в этом месте.

Таковы были предметы, представившиеся глазам м-ра Пикквика, когда он озирался вокруг себя с безмолвным изумлением. Необычайный шум при входе в комнату какого-то лица вдруг пробудил его внимание. Обернувшись к дверям, м-р Пикквик прямо наткнулся своим взором на нового пришельца и в нем, через все его лохмотья и нищету, он немедленно угадал знакомые черты м-ра Иова Троттера.

– М-р Пикквик? – вскричал Иов.

– Э? – воскликнул Джингль, припрыгивая на своем месте. – М-р... Так оно и есть... странное место... по делом вору и мука... сам виноват... да!

С этими словами м-р Джингль опустил но бокам руки туда, где когда-то были его карманы, и, склонив подбородок на грудь, упал опять на стул.

М-р Пикквик был глубоко растроган при виде этих двух негодяев, доведенных до ужасного состояния нищеты. Не нужно было никаких объяснений: невольный и жадный взгляд м-ра Джингля на кусок баранины, принесенный ему сердобольным Иовом, красноречивейшим образом истолковал ему всю сущность дела. Кротко и ласково взглянул он на Джингля и сказал:

– Мне бы хотелось поговорить с вами наедине, любезнейший: не хотите-ли со мной выйти на минуту?

– С большим удовольствием, – отвечал Джингль, быстро вставая с места – парк с решетками... стены зубчатые... лужайка романтическая... не велика... для публики всегда открыта... владельцы дома на даче... хозяйка отчаянно заботится о жильцах... да.

– Вы забыли надеть сюртук, – сказал м-р Пикквик, когда они вышли из дверей?

– Нечего забывать, – отвечал Джингль. – В закладе... хорошая родня... дядя Том... нельзя... надобно есть... натура требует пищи.

– Что вы под этим понимаете?

– Последний сюртук, почтеннейший... был, да сплыл... физические нужды... телесные потребности... человек немощен. Кормился сапогами... две недели. Шелковый зонтик... слоновая рукоятка... еще неделю... честное слово... спросите Иов... все знает.

– Кормился три недели сапогами и шелковым зонтиком со слоновой рукояткой – Боже мой! – Что это значит? – воскликнул м-р Пикквик, который читывал о подобных вещах только в описаниях кораблекрушений.

– Сушая правда, – подтвердил Джингль, потрянув головой. – Все спустил в лавку ростовщика... небольшие деньги... огромные проценты... ничего нет больше... все они мерзавцы.

– А! – сказал м-р Пикквик, успокоенный несколько этим объяснением. – Теперь я понимаю вас. Вы заложили свой гардероб ростовщику.

– Все до последней рубашки... Иов тоже... тем лучше... прачке не платить, Скоро шабаш... слягу в постель... умру... по делом вору и мука... шабаш!

Все эти будущие подробности своей жизненной перспективы м-р Джингль передал с обыкновенною торопливостью, поминутно моргая глазами и корча свою физиономию в жалкую улыбку. Но м-р Пикквик легко заметил это неискusstное притворство, и ему даже показалось, что глаза Джингля были увлажнены слезами. Он бросил на него взгляд, исполненный самого глубокого сострадания.

– Почтенный человек, – пробормотал Джингль, закидывая свою голову и с чувством пожимая руку м-ра Пикквика. – Неблагодарный пес... стыдно плакать... не ребенок... не выдержал... лихорадочный пароксизм... слабость... болезнь... голоден. Заслужил по делам... сильно страдал... очень... баста!

И, не чувствуя более сил притворяться хладнокровным, несчастный человек сел на лестничной ступени, закрыл лицо обеими руками и зарыдал, как дитя.

– Ну, полно, полно, – сказал м-р Пикквик, растроганный до глубины души. – Вот я посмотрю, что можно для вас сделать, когда будут приведены в известность все обстоятельства нашего дела. Надобно поговорить с Иовом. Да где он?

– Здесь я, сэр, – откликнулся Иов, выступая на лестничную ступень.

Описывая в свое время наружность этого молодца, мы сказали, кажется, что глаза у него заплыли жиром; но теперь, в эпоху нищеты и скорби, они, по-видимому, хотели выкатиться из своих орбит.

– Здесь я, сэр, – сказал Иов.

– Подойдите сюда, любезный, сказал м-р Пикквик, стараясь принять суровый вид, между тем, как четыре крупные слезы скатились на его жилет.

Иов подошел.

– Вот вам, любезный, вот вам!

Что! пощечину? Когда говорят: «вот вам!» так обыкновенно разумеют пощечину на вседневном языке. И м-р Пикквик, рассуждая эгоистически, мог бы при этом удобном случае разразиться самою звонкою пощечиной: он был обманут, одурачен и жестоко оскорблен этим жалким негодяем, который теперь совершенно был в его руках. Но должны-ли мы сказать всю правду? В кармане м-ра Пикквика произошел внезапный звон, и когда, вслед за тем, он протянул свою руку горемычному Иову, глаза его заискрились живейшим удовольствием, и сердце переполнилось восторгом. Совершив этот филантропический подвиг, он, не говоря ни слова, оставил обоих друзей, пораженных превеликим изумлением.

По возвращении в свою комнату, м-р Пикквик уже нашел там своего верного слугу. Самуэль обозревал устройство и мебель нового жилища с чувством какого-то угрюмого удовольствия, весьма интересного и забавного для посторонних глаз. Протестуя энергически против мысли о постоянном пребывании своего господина в тюремном замке, м-р Уэллер считал своею нравственною обязанностью не приходить в восторг от чего бы то ни было, что могло быть сделано, сказано, внушено или предложено в этом месте.

– Ну, что, Самуэль? – сказал м-р Пикквик.

– Ничего, сэр, – отвечал м-р Уэллер.

– Помещение довольно удобное, Самуэль?

– Да, так себе, – отвечал Самуэль, озираясь вокруг себя с недовольным видом.

– Видели-ли вы м-ра Топмана и других наших друзей?

– Видел всех. Завтра будут здесь, и мне показалось очень странным, что никто из них не захотел придти сегодня, – отвечал Самуэль.

– Привезли вы мои вещи?

В ответ на это м-р Уэллер указал на различные пачки и узлы, симметрически расположенные в углу комнаты.

– Очень хорошо, Самуэль, – сказал м-р Пикквик после некоторого колебания, – теперь выслушайте, мой друг, что я намерен сказать вам.

– Слушаю. Извольте говорить.

– Я думал с самого начала и совершенно убедился, Самуэль, – начал м-р Пикквик с великою торжественностью, – что здесь не место быть молодому человеку.

– Да и старому тоже, – заметил м-р Уэллер.

– Правда ваша, Самуэль, – сказал м-р Пикквик, – но старики иногда заходят сюда, вследствие своего собственного упрямства, а молодые люди могут быть приведены в это место неизвинительным эгоизмом, т. е. самолюбием тех, кому они служат. Этим-то молодым людям, думаю я, неприлично оставаться здесь. Понимаете-ли вы меня, Самуэль.

– Нет, сэр, не могу взять в толк, – отвечал м-р Уэллер.

– Попробуйте понять.

– Мудреная задача, сэра, – сказал Самуэль после кратковременной паузы, – но если я смекаю малую толику, на что вы метите, то, по-моему рассуждению, сэра, вы метите не в бровь, а в самый глаз, как ворчал однажды извозчик, когда снегом залепило ему всю рожу.

– Я вижу, вы понимаете меня, мой друг, – сказал м-р Пикквик. – во-первых, вам никак не следует проводить в праздности свои лучшие годы; а, во-вторых, должнику, посаженному в тюрьму, было бы до крайности нелепо держать при себе слугу. – Самуэль, – заключил м-р Пикквик, – на время вы должны оставить меня.

– На время, сэра? так-с, смекаем, – сказал м-р Уэллер довольно саркастическим тоном.

– Да, на то время, как я останусь здесь, – продолжал м-р Пикквик. – Жалованье вы будете получать от меня по-прежнему. Кто-нибудь из моих друзей, вероятно, с удовольствием возьмет вас, хоть бы из уважения ко мне. И если я когда-либо отсюда выйду, Самуэль, – добавил м-р Пикквик с притворною веселостью, – даю вам честное слово, что вы немедленно опять воротитесь ко мне.

– Насчет этой материи, сэра, у меня имеется в виду одно единственное рассуждение, – сказал м-р Уэллер важным и торжественным тоном. – Не вам бы об этом говорить, и не мне бы слушать. Перестанем об этом толковать, и дело в шляпе.

– Нет, Самуэль, я не шучу, и намерение мое неизменно, – сказал м-р Пикквик.

– Так вы не шутите сэра? Не шутите? – спросил м-р Уэллер твердым и решительным тоном.

– Нет, Самуэль.

– Очень хорошо-с: и я не стану шутить. Счастливо оставаться.

С этими словами м-р Уэллер надел шляпу и поспешно вышел из комнаты своего господина.

– Самуэль! – закричал вдогонку м-р Пикквик. – Самуэль!

Но в длинной галлерее уже не раздавалось эхо от шагов, и Самуэль Уэллер исчез.

Глава XLIII

Объясняющая, каким образом мистер Самуэль Уэллер попал в затруднительное положение.

В Линкольнской палате, что на Португальской улице, есть высокая комната, дурно освещенная и еще хуже проветренная, и в этой комнате почти круглый год заседают один, два, три или, смотря по обстоятельствам, четыре джентльмена в париках, и перед каждым из этих джентльменов стоит письменная конторка, сооруженная по образцу и подобию тех, которые обыкновенно употребляются в английских присутственных местах, за исключением разве французской полировки. По правую сторону от этих господ находится ложа для адвокатов: по левую сторону – отгороженное место для несостоятельных должников, и прямо перед их конторками стоит обыкновенно более или менее значительная коллекция неумытых физиономий и нечесанных голов. Эти джентльмены – комиссионеры Коммерческого банкротского суда, и место, где они заседают, есть сам Коммерческий банкротский суд.

По воле прихотливой судьбы, этот знаменитый суд с незапамятных времен был, есть и, вероятно, будет общим притоном праздношатающего лондонского оборванного люда, который каждый день находит здесь свое утешение и отраду, Он всегда полон. Пары пива и спиртуозных напитков возносятся к потолку от раннего утра до позднего вечера, и, сгущаясь от жара, скатываются дождеобразно на все четыре стены. В один приход вы увидите здесь больше штук старого платья, чем в целый год в Толкучем рынке, и ни одна цирюльня столицы не в состоянии представит такой богатой коллекции щетинистых бород, какую встретите в этой оригинальной ассамблее.

И никак не должно думать, чтоб все эти господа имели какую-нибудь тень занятий или дела в этом присутственном месте, которое с таким неутомимым усердием и соревнованием посещают они каждый день от восхода солнечного до заката. При существовании деловых отношений, странность такого явления могла бы уничтожиться сама собою. Некоторые из них обыкновенно спят в продолжение заседаний; другие переходят с одного места на другое с колбасами или сосисками в карманах или носовых платках и чавкают, и слушают с одинаковым аппетитом; но решительно никто в целой толпе не принимает личного участия в производстве судебного дела. И не пропускают они ни одного заседания. В бурную и дождливую погоду они приходят сюда промоченные до костей, и в эти времена Банкротский суд наполняется испарениями, как из навозной ямы.

Можно подумать, что здесь усилиями смертных воздвигнут храм гению старых лохмотьев и лоскутного мастерства. Круглый год ни на ком не увидите нового платья и не встретите человека с свежим и здоровым лицом. Один только типстаф выглядит молодым человеком, да и у того красные одутлые щеки похожи на вымоченную вишню, приготовленную для настойки. рассыльный, отправляемый к разным лицам с формальным требованием их в суд, щеголяет иногда в новом фраке; но фасон этого фрака, имеющего подобие мешка, набитого картофелем, напоминает моду старых времен, давно исчезнувших из памяти людей. Самые парики у судей напудрены прескверно, и локоны их, по-видимому, давно утратили свою упругость.

Но всего интереснее тут стряпчие, заседающие за большим продолговатым столом, недалеко от комиссионеров. Это – антики в своем роде. Главнейшую и чуть-ли не исключительную принадлежность их профессии составляют синий мешок и мальчик-слуга, обыкновенно еврейского происхождения, обязанный сопровождать их с этим странным портфелем в руках. Постоянных и правильно организованных контор не имеется у этих господ. Переговоры юридического свойства они совершают обыкновенно в трактирах и на тюремных дворах, где, появляясь ватагами, они зазывают и вербуют клиентов, точь-в-точь как извозчики, предлагающие свои

услуги пассажирам. Наружность их до крайности неуклюжа и грязна. Надувательство и пьянство – отличительные черты в характере этих жрецов британской Фемиды. Квартиры их прижимают всегда к присутственным местам и простираются не дальше, как на одну английскую милю от обелиска на Георгиевской площади. Есть у них свои обычаи, нравы и свое обращение, совершенно непривлекательное для их ближних.

М-р Соломон Пелль, джентльмен из этой ученой корпорации, был жирный детина с отвислыми щеками, ходивший во всякое время в таком сюртуке, который, с первого взгляда, мог показаться зеленым, а потом, при дальнейшем рассмотрении, оказывался темно-бурым. Бархатный воротник этого одеяния подвергался такому же хамелеонскому видоизменению цветов. Лоб у м-ра Соломона Пелля был узкий, лицо широкое, голова огромная, нос кривой, как будто природа, раздраженная наклонностями, замеченными в этом человеке при самом его рождении, круто повернула его с досады на одну сторону и потом уже никогда не хотела исправить этого поворота. Впрочем, кривой нос, весьма невзрачный на первый взгляд, впоследствии отлично пригодился своему владельцу: подверженный, при короткой шее, страшной одышке, м-р Соломон Пелль дышал главнейшим образом через это полезное отверстие на верхней оконечности его организма.

– Уж на том постоим: дело его в моих руках выйдет белее снега, – сказал м-р Пелль.

– Вы уверены в этом? – сказал джентльмен, к которому была обращена эта речь.

– Совершенно уверен, – отвечал м-р Пелль, – но если б он попался в лапы какому-нибудь неопытному практиканту, заметьте, почтеннейший, тогда бы все перекувырнулось вверх дном.

– Э! – воскликнул другой собеседник, широко открыв свой рот.

– И уж я бы не отвечал за последствия, – сказал м-р Пелль, таинственно кивая головою и вздернув нижнюю губу.

Этот назидательный разговор производился в трактире насупротив Коммерческого банкротского суда, и одним из разговаривающих действующих лиц был никто другой, как м-р Уэллер старший, явившийся сюда с благотворительною целью доставить утешение одному приятелю, которого дело в этот самый день должно было окончательно решиться в суде. М-р Пелль был стряпчим этого приятеля.

– Где же Джорж? – спросил старый джентльмен.

Стряпчий повернул голову по направлению к задней комнате и, когда м-р Уэллер отворил туда дверь, шестеро джентльменов, посвятивших свою деятельность кучерскому искусству, поспешили встретить своего собрата с изъявлением самого дружеского и лестного внимания, не совсем обыкновенного в этой почтенной корпорации, проникнутой серьезным и философским духом. Несостоятельный джентльмен, пристрастившийся с некоторого времени к рискованным спекуляциям по извозчичьей части, поставившим его в настоящее затруднительное положение, был, по-видимому, чрезвычайно весел и услаждал свои чувствования морскими раками, запивая их шотландским пивом.

Приветствие между м-ром Уэллером и его друзьями имело свой оригинальный характер, свойственный исключительно сословию кучеров: каждый из них приподнимал на воздух кисть своей правой руки и, описывая полукруг, разгибал мизинец, чтоб протянуть его к вошедшему собрату. Мы знали некогда двух знаменитых кучеров (теперь уж их нет на свете), братьев-близнецов, между которыми существовала самая искренняя и нежная привязанность. Встречаясь каждый день в продолжение двадцати четырех лет на большой дуврской дороге, они разменивались приветствиями не иначе, как вышеозначенным манером, и когда один из них скончался, другой, тоскуя день и ночь, не мог пережить этой потери и отправился на тот свет.

– Ну, Джордж, – сказал м-р Уэллер старший, скидая свой верхний сюртук и усаживаясь со своею обычною важностью, – как делишки? Все-ли хорошо сзади и нет-ли зацеп наперед?

– Везет, как следует, дружище, – отвечал несостоятельный джентльмен.

– Серую кобылу спровадил кому-нибудь? – осведомился м-р Уэллер беспокойным тоном.

Джордж утвердительно кивнул головой.

– Ну, это хорошо, мой друг, – заметил м-р Уэллер. – А где карета?

– Запрятана в безопасном месте, где, смею сказать, сам чорт не отыскал бы ее, – отвечал Джордж, выпивая залпом стакан пива.

– Хорошо, очень хорошо, – сказал м-р Уэллер. – Всегда смотри на передние колеса, когда скатываешься под гору, не то, пожалуй, костей не соберешь. А бумагу тебе настрочили?

– Сочинили, сэр, – подхватил м-р Пелль, пользуясь благоприятным случаем принять участие в разговоре, – да уж так сочинили, что, с позволения сказать, чертям будет тошно.

М-р Уэллер многозначительным жестом выразил свое внутреннее удовольствие, и потом, обращаясь к м-ру Пеллю, сказал, указывая на друга своего Джорджа.

– Когда-ж вы, сэр, расхомуаете его?

– Дело не затянется, – отвечал м-р Пелль, – он стоит третьим в реэстре, и очередь, если не ошибаюсь, дойдет до него через полчаса. Я приказал своему письмоводителю известить нас, когда там они соберутся.

М-р Уэллер осмотрел стряпчего с ног до головы и вдруг спросил с необыкновенною выразительностью:

– А чего бы этак нам выпить с вами, сэр?

– Право, как бы это, – отвечал м-р Пелль: – вы уж что-то слишком очень... – Я ведь оно не то, чтобы того, привычки, ей Богу, не имею, того... – К тому же теперь еще так рано, что оно, право, будет того... – Стаканчик разве пуншику, почтеннейший, чтоб заморить утреннего червяка.

Едва только произнесены были эти слова, трактирная служанка мигом поставила стакан пунша перед стряпчим и удалилась.

– Господа! – сказал м-р Пелль, бросая благосклонный взгляд на всю почтенную компанию. – Господа! Этот кубок за успех общего нашего друга! Я не имею привычки выставлять на вид свои собственные достоинства, милостивые государи: это не в моем характере. Но, при всем том, нельзя не заметить в настоящем случае, что если бы друг наш, по счастливому стечению обстоятельств, не нашел во мне усердного ходатая по своему запутанному делу, то... то... но скромность запрещает мне вполне выразить свою мысль относительно этого пункта. Глубокое вам почтение, господа!

Опорожнив стакан в одно мгновение ока, м-р Пелль облизнулся и еще раз обзрел почтенных представителей кучерского сословия, которые, очевидно, подозревали в нем необъятную палату ума.

– Что, бишь, я хотел заметить вам, милостивые государи? – сказал стряпчий.

– Да, кажется, вы хотели намекнуть, сэр, что не худо бы было, стомах ради, учинить вам репетицию в таком же размере, – отвечал м-р Уэллер шутливым тоном.

– Ха, ха! – засмеялся м-р Пелль. – Не худо, истинно не худо. Должностным людям подобает. В ранний час утра было бы, так сказать, приличия ради... – Пусть идет репетиция, почтеннейший, пусть идет. Гм!

Последний звук служил выражением торжественного и сановитого кашля, которым м-р Пелль хотел привести в надлежащие границы проявление неумеренной веселости в некоторых из его слушателей.

– Бывший лорд-канцлер, милостивые государи, очень любил и жаловал меня, – сказал м-р Пелль.

– И это было очень деликатно с его стороны, – подхватил м-р Уэллер.

– Слушайте, слушайте! – повторил один чрезвычайно краснотлицый джентльмен, еще не произносивший до сих пор ни одного звука. Водворилось всеобщее молчание.

– Однажды, господа, имел я честь обедать у лорда-канцлера, – продолжал м-р Пелль. – За столом сидело нас только двое, он да я; но все было устроено на самую широкую ногу,

как будто состоялось присутствие из двадцати человек: большая государственная печать лежала на подносе, и джентльмен в парике с косою хранил канцлерский жезл. Был он в рыцарской броне, с обнаженной шпагой и в шелковых чулках... все как следует, господа. И вдруг канцлер говорит: – «Послушайте, м-р Пелль, в сторону фальшивую деликатность. Вы человек с талантом; вы можете, говорит, водить за нос всех этих олухов в коммерческом суде. Британия должна гордиться вами, м-р Пелль». Вот так-таки он и сказал все это слово в слово, клянусь честью. – «Милорд, говорю я, вы льстите мне». – «Нет, м-р Пелль, говорит он, – будь я проклят, если я сколько-нибудь лгу».

– И он действительно сказал это? – спросил м-р Уэллер.

– Действительно, – отвечал м-р Пелль.

– Ну, так парламент мот бы его за это словцо притянуть к суду, – заметил м-р Уэллер. – И проболтайся таким манером наш брат извозчик, вышла бы, я полагаю, такая кутерьма, что просто – наше почтение!

– Но ведь вы забываете, почтеннейший, – возразил м-р Пелль, – что все это произнесено было по доверенности, то есть, под секретом.

– Под чем? – спросил м-р Уэллер.

– Под секретом.

– Ну, это другая статья, – сказал м-р Уэллер после минутного размышления: если он проклял себя по доверенности, под секретом, так нечего об этом и распространяться.

– Разумеется, нечего, – сказал м-р Пелль. – Разница очевидная, вы понимаете.

– Это сообщает делу другой оборот, – сказал м-р Уэллер. – Продолжайте, сэр.

– Нет, сэр, я не намерен продолжать, – отвечал м-р Пелль глубокомысленным тоном, – Вы мне напомнили, сэр, что этот разговор происходил между нами по доверенности, с глазу на глаз, и, стало быть... – Я должностной человек, господа. Статься может, что меня уважают за мою профессию, а статься может, и нет. Другим это лучше известно. Я не скажу ничего. Уста мои безмолвствуют, милостивые государи, и язык прилипает к гортани моей. Уж и без того в палате сделаны были замечания, оскорбительные для репутации благородного моего друга. Прошу извинить меня, господа: я был неосторожен. Вижу теперь, что я не имел никакого права произносить здесь имя этого великого человека. Вы, сэр, возвратили меня к моему долгу. Благодарю вас, сэр.

Разгрузившись таким образом этими сентенциями, м-р Пелль засунул руки в карманы и, сердито нахмутив брови, зазвенел с ужасною решимостью тремя или четырьмя медными монетами.

И лишь только он принял эту благонамеренную решимость, как в комнату вбежал мальчик с синим мешком и сказал, что дело сейчас будет пущено в ход. При этом известии вся компания немедленно бросилась на улицу и принялась пробивать себе дорогу в суд: эта предварительная церемония, в обыкновенных случаях, могла совершиться не иначе, как в двадцать или тридцать минут.

М-р Уэллер, мужчина толстый и тяжелый, бросился в толпу и, зажмурив глаза, принялся, с отчаянными усилиями, прочищать себе путь направо и налево. Усилия его были безуспешны: какой-то мужчина, которому он неосторожно наступил на ногу, нахлобучил шляпу на его глаза и решительно загородил ему дорогу. Но этот джентльмен, по-видимому, тотчас же раскаялся в своем опрометчивом поступке; из уст его вырвалось какое-то невнятное восклицание, и затем, схватив почтенного старца за руку, он быстро притащил его в галерею коммерческого суда.

– Ты-ли это, Самми? – воскликнул, наконец, м-р Уэллер, бросая нежный взгляд на своего нечаянного руководителя.

Самуэль поклонился.

– Ах, ты, детище мое беспутное! – продолжал м-р Уэллер, – мог-ли я думать и гадать, что собственный сын, на старости лет, задаст мне нахлобучку?

– А как мне было узнать тебя, старичина, в этих демонских тисках? – возразил Самуэль. – Неужто, думаешь ты, что, кроме тебя, никто не мог придавить мне ногу таким манером?

– И то правда, друг мой, Самми, – отвечал разнеженный старик, – ты всегда был кротким и послушным сыном. За каким только дьяволом ты пришел сюда, желал бы я знать? Старшине твоему тут нечего делать. Коммерческие дела не по его части, Самми. Резолюции тут и протоколы пишутся для нашего брата.

И м-р Уэллер тряхнул головой с великою торжественностью.

– Что это за старый хрыч! – воскликнул Самуэль. – Только у него и на уме, что резолюции да протоколы. Кто тебе сказал, что мой старшина в этом суде? Уж, разумеется, ему нет дела до ваших резолюций.

М-р Уэллер не произнес ответа, но опять покачал головой совершенно ученым образом.

– Полно раскачивать своим кузовом-то, старый петушище, – сказал Самуэль запальчивым тоном, – будь рассудительнее, дедушка. Я вот вчера вечером путешествовал в твое логовище у маркиза Гренби.

– Ну, что, видел ты мачиху, Самми? – спросил м-р Уэллер, испустив глубокий вздох.

– Видел, – отвечал Самуэль.

– Как ты ее нашел?

– Да так себе: она, кажется, повадилась у тебя прихлебывать по вечерам анисовый пунш вместо микстуры. Не сдобровать ей, старичина.

– Ты думаешь?

– Совершенно уверен в этом.

М-р Уэллер схватил руку своего сына, пожал ее и стремительно оттолкнул от себя. И, когда он производил эти эволюции, на лице его отпечатлелось выражение не отчаяния и скорби, но что-то весьма близкое к приятной и отрадной надежде. Луч тихой радости постепенно озарил всю его физиономию, когда он произносил следующие слова.

– Право, Самуэль, я не знаю, как пойдут вперед все эти дела, но думать надобно, что авось как-нибудь выйдет приключен... горестное приключение, друг мой, Самми. Ведь ты помнишь этого жирного толстяка?

– Пастыря, что ходит к твоей сожительнице? Не забуду до гробовой доски.

– Так вот, у него, друг мой, Самми... как бы это в добрый час молвить, в худой помолчать... у него, видишь ли, зудит печенка и завалы в обоих боках.

– Стало быть, он очень нездоров? – спросил Самуэль.

– Он необыкновенно бледен, – отвечал отец, – только нос у него сделался еще краснее. Appetit его так себе, ни то, ни се, зато уж пьет как, если б ты знал!

И, махнув рукой, м-р Уэллер погрузился в глубокое раздумье.

– Все это прекрасно, – сказал Самуэль, – и я радуюсь за тебя, старый человек. Поговорим теперь о моем собственном деле. Развесь уши, и не заикайся до тех пор, пока я не кончу.

После этого приступа, Самуэль рассказал в коротких словах все подробности последнего своего разговора с м-ром Пикквиком.

– Как? Остаться в тюрьме одному? – воскликнул м-р Уэллер старший. – Не позволить никому ходить за собою? Бедный старичок! Нет, нет, Самми, до этого не надобно допускать его.

– Уж, конечно, не надобно, – подтвердил Самуэль. – Это я и без тебя знал.

– Да они там съедят его живьем, Самми, и с косточками! – воскликнул м-р Уэллер.

Самуэль нашел это мнение весьма основательным.

– Он ведь еще не доварился, Самми, когда вступил в эти казематы, – продолжал м-р Уэллер метафорически, – а они, поверь мне, пропекут и изжарят его так, что никто из самых близких друзей не угадает в нем прежнего птенца. Не так ли, Самми?

– Истинно так.

– И выходит, что этого не должно быть, Самуэль.

– Уж это как водится.

– Стало быть, речь о том, как уладить это дело?

– Именно об этом, – отвечал Самуэль. – Ты, старичина, умен не по летам, позволь тебе это заметить: говоришь ладно, складно, и видишь впереди всю подноготную, как этот вот краснощекий Никсон, которого продают с картинками в маленьких книжках по шести пенсов за штуку.

– Что это за человек, Самми? – спросил м-р Уэллер.

– До этого уж тебе нет дела, кто он таков, – возразил Самуэль, – довольно с тебя, что он не извозчик.

– Знал я в старину одного конюха, которого звали Никсоном: не он-ли Самми?

– Нет, не он. Это был джентльмен, да еще вдобавок кудесник.

– А что такое кудесник?

– А это, видишь ли, человек, который знает будущее так, как мы с тобой не знаем и настоящего.

– Вот что! Желал бы я познакомиться с таким человеком, Самуэль, – сказал м-р Уэллер. – Авось он поведал бы мне кой-что насчет печенки и завалов, о которых мы с тобой беседовали. Но уж если он скончал свой живот и никому не передавал своего секрета, так нечего об этом и распространяться. Ну, Самми, катая дальше, любезный! – заключил Уэллер, вздохнув из глубины души.

– Ты вот расклал по пальцам лучше всякого кудесника, что будет с нашим старичком, если оставить его одного в тюрьме, – сказал Самуэль. – А не знаешь-ли ты, как бы этак нам с тобой помочь этому горю?

– Нет, друг мой, не возьму в толк, – сказал м-р Уэллер после минутного размышления.

– И не видишь ты никакого средства?

– Средства, то есть, как бы выручить честного мужа из несчастья! Нет, Самми, не вижу... а вот разве попробовать...

Необыкновенный свет премудрости озарил чело почтенного старца, когда он приложился к уху своего возлюбленного сына и шепотом сказал:

– Принесем-ка, любезный, складную кровать, впихнем его туда, да и вынесем так, чтоб не пронюхал ни один тюремщик. – Или еще лучше: нарядим его старухой и прикроем его фатой.

Но Самуэль объявил, что оба эти плана никуда не годятся и снова предложил свой вопрос.

– Нет, – сказал старый джентльмен, – если он не хочет сохранить тебя при своей особе, так я уж решительно не вижу никакого средства. Не проедешь, Самми, будь ты тут хоть семи пядей во лбу.

– Проехать можно, да только осторожно, – возразил Самуэль. – Послушай, старичина: ссудика ты мне фунтиков двадцать пять.

– А на что тебе? – спросил м-р Уэллер.

– Это уж мое дело, – отвечал Самуэль. – Может, тебе вздумается потребовать от меня эти денежки минут через пять, а я, может статься, не заплачу и заартачусь. Не придет ли, этак, тебе охота задержать своего сынка и отправить его в тюрьму за долги?

При этой остроумной выдумке отец и сын обменялись полным кодексом телеграфических взглядов и жестов, после чего м-р Уэллер старший сел на каменную ступень и расхохотался до того, что лицо его покрылось багровой краской.

– Что это за старый истукан! – воскликнул Самуэль, негодуя на бесполезную трату дорогого времени. – Как тебе не стыдно рассиживаться, как петуха на на шесте, когда тут не оберешься хлопот на целый день? Где у тебя деньги?

– В сапоге, Самми, в сапоге, – отвечал м-р Уэллер, подавляя в себе этот припадок необыкновенного веселья. – Подержи-ка мою шляпу, Самми.

Освободившись от этого груза, м-р Уэллер внезапно перегнулся на один бок, засунув свою правую руку за голенище, и через минуту вытащил из этого оригинального влагилица бумажник огромного формата в осьмушку, перевязанный толстым ремнем. Отдохнув, сколько было нужно после этой трудной операции, он вынул из бумажника две нахлестки, три или четыре пряжки, мешочек овса, взятого на пробу, и наконец небольшой сверток запачканных ассигнаций, из которых тотчас же отделил требуемую сумму для своего возлюбленного сына.

– Вот тебе, друг мой Самми, – сказал старый джентльмен, когда нахлестки, пряжки и пробный овес были вновь уложены на свое место в неизмеримом кармане за голенищем, – теперь надо тебе доложить, Самми, что я знаю тут одного джентльмена, который мигом подсмолит нам всю эту механику... Сорвиголова, Самми, собаку съел в законах: мозг у него, как у лягушки, рассеян по всему телу, и каждый палец прошпигован таким умом, что просто рот разинешь. Он друг самого лорда-канцлера, Самми, и стоит ему пикнуть одно только словечко, так тебя упрячут, пожалуй, на всю жизнь в какую угодно тюрьму.

– Ну, нет, старичина, – возразил м-р Уэллер, – авось мы обойдемся без этой механики.

– Как же это?

– Слыхал-ли ты, что тут называется у них по судейской части Habeas corpus?

– Нет. А что?

– А это, сударь мой, такое изобретение, лучше которого человеку ничего не придумать до скончания веков. Об этом читал я и в книгах.

– Да ты-то что станешь с ним делать?

– Войду через него в тюрьму к своему старшине и больше ничего, – отвечал Самуэль. – Только уж лорду-канцлеру про это ни гугу, – иначе, пожалуй, пойти-то пойдешь этой дорогой, да там и застрянешь навсегда, как рак на мели.

Соглашаясь с мнением своего сына, м-р Уэллер старший, не теряя драгоценного времени, отправился еще раз к ученому Соломону Пеллю и познакомил его со своим желанием подать немедленно бумагу ко взысканию двадцати пяти фунтов, со включением судебных издержек, с некоего Самуэля Уэллера, отказавшегося выплатить этот долг. Благодарность за труды по этому делу перейдет в карман Соломона Пелля, и он получит вперед за свои хлопоты.

Стряпчий был в самом веселом расположении духа, так как несостоятельный клиент его был в эту минуту благополучно освобожден из коммерческого суда. Он отозвался в лестных выражениях относительно удивительной привязанности Самуэля к его господину и объявил, что этот случай напоминает ему его собственную бескорыстную преданность к лорду-канцлеру, почтившему его своим вниманием и дружбой. Окончив предварительные переговоры, они оба отправились в Темплъ, и м-р Соломон Пелль, с помощью своего письмоводителя, изготовил в несколько минут, по всей юридической форме, просьбу о взыскании вышеозначенной суммы за собственноручным подписанием займодавца.

Самуэль, между тем, отрекомендованный почтенным представителям кучерского сословия, сопровождавшим несостоятельного джентльмена, освобожденного из суда, был принят ими со всеми признаками искреннего радушие, какого мог заслуживать единственный сын и наследник м-ра Уэллера. Они пригласили его принять участие в их пиршестве, и Самуэль с великой охотой последовал за ними в общую залу трактира.

Веселость этих джентльменов имеет обыкновенно спокойный и серьезный характер; но по поводу настоящего радостного события, каждый из них, оставляя обычное глубокомыслие, решился вести себя нараспашку, предаваясь, без всякого ограничения, душевному разгулу. Пиршество началось громогласными и торжественными тостами в честь главного комиссионера в коммерческом суде, м-ра Соломона Пелля, удивившего в тот день извозчи-

чью компанию своими эксцентрическими талантами по юридическому крючкотворству. Наконец, после обильных возлияний, один пестролицый джентльмен в голубой шали сделал предложение, чтобы кто-нибудь из почтенной компании пропел какую-нибудь песню для общей потехи. На это отвечали единодушным требованием, чтобы пестролицый джентльмен сам принял на себя труд развеселить компанию вокальной музыкой, и когда тот отказался наотрез от этого неучтывого требования, последовал разговор весьма шумный и крупный, воспламенивший извозчицы сердца.

– Господа! – сказал президент пиршества, владелец многих кабриолетов и карет, – вместо того, чтобы расстраивать общую дружбу, не лучше-ли попросить нам м-ра Самуэля Уэллера сделать одолжение всей компании?

Единодушный говор одобрения утвердил предложение президента.

– Право, господа, я не привык петь в большой компании без аккомпанемента, – сказал Самуэль, – но уж если вы требуете и приказываете, мое горло будет к вашим услугам. Просим прислушать.

И после этого предисловия Самуэль, постепенно возвышая голос, затянул странный романс о том, как некогда разбойник Торпин, герой народных английских преданий, остановил на большой дороге карету одного епископа, как завладел его кошельком и как, наконец, всадил пулю в лоб неосторожному кучеру, который, спасаясь от разбойника, погнал своих лошадей в галоп. Песня отзывалась с большим неуважением об этом вознице.

– Утверждаю, господа, что здесь скрывается личная обида кучерскому сословию, – сказал пестролицый джентльмен, прерывая Самуэля на последней строфе. – Я хочу знать, как звали этого кучера.

– Имя его осталось в неизвестности для потомства, – отвечал Самуэль, – в его кармане не отыскалось визитной карточки.

– А я утверждаю, что такого кучера никогда не было и не могло быть на свете и что эта песня клевета на нашего брата! – возразил пестролицый джентльмен.

Это мнение, нашедшее отголосок во всей компании, произвело сильный и жаркий спор, который, к счастью, окончился без дальнейших последствий прибытием м-ра Уэллера и м-ра Пелля.

– Все обстоит благополучно, Самми, – сказал м-р Уэллер.

– Констэбль будет здесь в четыре часа, – сказал м-р Пелль. – Этим временем, надеюсь, вы не убежите, сэр, – э? Ха, ха, ха!

– Подожду, авось к той поре умилювится мой родитель, – отвечал Самуэль.

– Ну, нет, от меня уж нечего ждать никакой пощады, – сказал м-р Уэллер старший, – я не потатчик расточительному сыну.

– Взмилуйся, старичина: вперед не буду.

– Ни-ни, ни под каким видом! – отвечал неумолимый кредитор.

– Дай отсрочку хоть месяца на два: заплачу с процентами, – продолжал Самуэль.

– Не нужно мне никаких процентов, – отвечал м-р Уэллер старший, – сейчас денежки на стол или пропадешь в тюрьме ни за грош.

– Ха, ха, ха! – залился Соломон Пелль, продолжавший за круглым столом высчитывать судебные издержки в пользу своего кармана. – Вот это потеха, так потеха! Хорошенько его, старик, хорошенько! Прочитать молодца не мешает. Вениамин, запишите это, – с улыбкой заключил м-р Пелль, обращая внимание м-ра Уэллера на итог вычисленной суммы.

– Благодарю вас, сэр, благодарю, – сказал стряпчий, принимая из рук м-ра Уэллера несколько запачканных ассигнаций. – Три фунта и десять шиллингов, и еще один фунт да десять – итого пять фунтов. Премного вам обязан, м-р Уэллер. Сын ваш прекраснейший молодой человек, и такие черты в его характере достойны всякой похвалы, – заключил м-р Пелль, завязывая свой судейский портфель и укладывая ассигнации в бумажник.

Перед появлением констэбля Самуэль приобрел такое благорасположение во всей честной компании, что все единодушно и единогласно вызвались сопровождать его до ворот Флита. В назначенную минуту истец и ответчик пошли рука об руку; впереди их – констэбль, а восемь дюжих кучеров замкнули их в арьергарде. На перепутьи вся компания остановилась на несколько времени в кофейной адвокатского суда, и потом, когда окончательно выполнены были все судебные формы, процессия тем же порядком продолжала свой путь.

В улице, где стояла тюрьма, произошла небольшая сумятица по поводу упорного намерения восьмерых джентльменов идти рядом с м-ром Самуэлем, и тут же принуждены были оставить пестролицого джентльмена, вступившего в боксерское состязание с разносчиком афиш. За исключением этих мелких приключений, шествие совершилось благополучно. Перед воротами Флита вся компания дружески рассталась с арестантом.

Переданный таким образом на руки темничных стражей, к неимоверному изумлению Рокера и даже флегматического Недди, м-р Уэллер младший, по совершении обычных церемоний в тюремной конторе, отправился прямо к своему господину и постучался в двери его комнаты.

– Войдите! – откликнулся м-р Пикквик.

Самуэль вошел, снял шляпу и улыбнулся.

– Ах, это вы, мой друг! – воскликнул м-р Пикквик, очевидно обрадованный прибытием своего скромного друга. – Добрый товарищ, я не имел намерения нанести оскорбление вашей деликатности вчерашним разговором. Кладите шляпу, Самуэль: я объясню вам подробнее свои намерения.

– Нельзя-ли после, сэр?

– Как после? Отчего же не теперь? – спросил м-р Пикквик.

– Теперь оно, знаете, не совсем удобно, сэр.

– Почему же?

– Потому что... – проговорил Самуэль, запинаясь.

– Да что с вами? – воскликнул м-р Пикквик, встревоженный несколько застенчивостью своего слуги, – объяснитесь скорее.

– Вот видите, сэр, – отвечал Самуэль, – мне тут надобно исправить кой-какие делишки.

– Это что еще? Какие у вас могут быть дела в тюремном замке?

– Да так... особенного ничего нет, сэр.

– А! Ничего нет особенного? В таком случае, вы можете меня выслушать, Самуэль.

– Нет, уж не лучше ли, сэр, когда-нибудь в другой раз... на досуге.

Озадаченный м-р Пикквик раскрыл глаза, но не сказал ничего.

– Дело в том, сэр... – начал Самуэль.

– Ну?

– Мне вот, сэр, не мешает наперед похлопотать насчет своей койки, прежде чем примусь я здесь за какую-нибудь работу.

– О какой это койке говорите вы? – вскричал м-р Пикквик с величайшим изумлением.

– О собственной своей, сэр, – отвечал Самуэль, – я арестант. Меня заключили сюда за долги, по закону и судебной форме.

– За долги! – воскликнул м-р Пикквик, опрокидываясь на спинку кресел.

– Да, сэр, за долги, – отвечал Самуэль, – и уж мне не вырваться отсюда до тех пор, пока вы сами не изволите выйти.

– Ах, Боже мой! Что все это значит?

– Вещь очень простая, сэр, – если бы, чего Боже сохрани, пришлось мне просидеть с вами лет сорок сряду, так я был бы очень рад и весел во все это время. Флит, так Флит, Ньюгэт, так Ньюгэт – по мне все равно. Теперь вы, сэр, завладели моей тайной, и, стало-быть, – не стоит толковать об этом.

С этими словами, произнесенными с великим эффектом и выразительностью, м-р Уэллер бросил свою шляпу на пол и, скрестив руки на груди, устремил пристальный взгляд на лицо своего господина.

Глава XLIV

Мелкие приключения тюремной жизни и таинственное поведение мистера Винкеля, со включением некоторых подробностей об арестанте из сиротского суда.

М-р Пикквик, растроганный до бесконечной степени удивительной привязанностью своего верного слуги, не обнаружил ни малейшего гнева или неудовольствия по поводу безразсудной торопливости, с какою Самуэль заключил себя в долговую тюрьму на бессрочное время. Ему только слишком хотелось узнать имя бессовестного кредитора, не оказавшего молодому человеку никакой пощады; но относительно этого пункта, м-р Уэллер решился хранить глубочайшее и упорное молчание.

– И стоит-ли вам, сэр, расспрашивать об этом? – сказал м-р Уэллер. – Кредитор мой – человек без души, без сердца, ростовщик и такой ужасный скряга, что готов, при случае, повестись за какую-нибудь копейку. Его ничем нельзя усомнить.

– Но послушайте, Самуэль, – возразил м-р Пикквик, – это ведь такая ничтожная сумма, что уплатить ее ничего бы не стоило. И притом, решаясь здесь оставаться со мною, вы должны были припомнить, что я мог бы употребить вас с большею пользою, если бы вам можно было выходить в город, когда вздумается.

– Очень вам благодарен, сэр, – отвечал м-р Уэллер с важностью, – но мне казалось, что уж лучше бы этого не делать.

– Не делать – чего, Самуэль?

– Не унижаться перед этим бессовестным кредитором.

– Да тут не было бы никакого унижения, если бы вы просто заплатили ему свой долг.

– Прошу извинить, сэр, – отвечал Самуэль, – это было бы с моей стороны большим одолжением и милостью, а беспардонный ростовщик не заслуживает ни милости, ни одолжения. Нет, уж что сделано, то сделано, и вы, сэр, не извольте беспокоиться из-за таких пустяков.

Здесь м-р Пикквик, волнуемый разными недоумениями, начал слегка потирать кончик своего носа, и на этом основании м-р Уэллер счел приличным свести свою речь на другие предметы.

– Я поступил в этом случае по правилу, сэр, так как и вы, я думаю, поступаете всегда по известным правилам, – заметил Самуэль, – а это приводит мне на память одного джентльмена, который из за правила лишил себя жизни. Ведь об этом, я полагаю, вы слышали, сэр?

Предложив этот вопрос, Самуэль приостановился и посмотрел исподлобья на своего господина.

– Нет, вы попадаете не всегда в цель, Самуэль, – сказал м-р Пикквик, стараясь улыбнуться наперекор своему внутреннему беспокойству, – слава джентльмена, о котором говорите вы, еще не достигала до моих ушей.

– Неужели! – воскликнул м-р Уэллер, – вы изумляете меня, сэр, потому что этот джентльмен был человек известный, и служил в одной из правительственных контор.

– Право?

– Уверю вас, сэр, и если сказать правду, сэр, это был презабавный джентльмен! – сказал м-р Уэллер. Наблюдая чистоту и опрятность, он, как скоро на дворе стояла скверная погода, надевал всегда резиновые калоши с пожарное ведро величиною, и все его рубашки сшиты были из заячьей шкуры. Он копил деньги по правилу, каждый день переменял белье тоже по правилу, никогда не говорил со своими родственниками из опасения, чтобы не попросили у него денег взаймы, и в то же время, сэр, это был прелюбезнейший джентльмен. Он стригся два раза в месяц по принятому правилу и, ради экономических расчетов, заключил с портным контракт, чтобы тот ежегодно доставлял ему по три фрака и брал назад его старое платье. Любя во всем аккуратность, он обедал каждый день в одном и том же месте, где заплатите только

один шиллинг и девять пенсов и уж режьте говядины, сколько душе угодно. И аппетит его был такого рода, что трактирщик, бывало, со слезами рассказывал, как он обжирался всяких, этак, трюфелей, рюфлей и свинтюфлей, не говоря уже о том, что, в зимнюю пору, усаживаясь после обеда у камина, с кочергой в руках, он переводил углей по крайней мере на четыре с половиною пенса за один присест. А как любил он читать журналы и газеты! Бывало, только что входит в двери, и уж кричит трактирному мальчишке: – «Подать мне „Morning Post“, когда дочитает его джентльмен! да посмотрите, Том, не свободен-ли „Times“. Дайте мне заглянуть в „Morning Herald“, когда будет готов, да не забудьте похлопотать насчет „Chronicle“. Теперь, покамест, принесите мне „Advertiser“: слышите?» – И затем, усаживаясь на стул, он не сводил глаз с часов. За четверть минуты перед тем, как разносчик должен был явиться с вечерним листком, он выбежал к нему навстречу и, вооружившись этой газетой, принимался читать ее с таким неослабным усердием, что приводил в отчаяние всех других посетителей трактира, и особенно одного горячего старичка, который, говорят, уже не раз собирался проучить его, да и проучил бы, если бы слуга не смотрел за ним во все глаза. Так вот, сэр, сидел он тут битых три часа, занимая самое лучшее место, а потом, переходя через улицу в кофейную, выпивал чашку кофе и съedal четыре масляных лепешки. После этого он благополучно отправился домой в Кенсингтон и ложился спать. Однажды он захворал и послал за доктором. Доктор приезжает в зеленой коляске с робинсоновскими подножками, устроенными, как вы знаете, таким манером, что можно из экипажа выйти и опять войти, не беспокоя кучера на козлах. А это было теперь тем более кстати, что у кучера камзоль-то был ливрейный, а панталоны просто из сермяги, неизвестной моды и покроя, чего, разумеется, никто не мог заметить, когда он спокойно сидел себе на козлах. – «Что с вами?» говорит доктор. – «Очень нездоров», говорит пациент. – «Что вы кушали в последнее время?» говорит доктор. – «Жареную телятину», говорит пациент. – «Еще что?» говорит доктор. – «Еще масляные лепешки», говорит пациент. – «Так оно и есть», говорит доктор, – «я пришлю к вам коробочку пилюль, и вы уж больше не кушайте их». – «Чего – их? пилюль, то-есть?» говорит больной. – «Нет, лепешек», говорит доктор. – «Как?» говорит пациент, привскакивая на своей постели, – «я вот уж пятнадцать лет каждый вечер съедаю по четыре лепешки, и это заведено у меня по правилу». – «Ну, так теперь я прошу вас отказаться, на время, от этого кушанья по правилу», говорит доктор. – «Лепешки, сэр, здоровая пища», говорит пациент. – «Нет, сэр, лепешки – вредная пища», говорит доктор. – «Но ведь они так дешевы, что за ничтожную сумму набиваешь ими полный желудок», говорит пациент. – «Но вам они обойдутся слишком дорого», говорит доктор, – «вы не должны кушать их даже в том случае, когда бы самим вам предложили за это целую кучу золота и серебра. Съедаю по четыре лепешки в сутки, вы подвергаетесь опасности умереть не дальше, как через полгода». – Пациент пристально смотрит ему в глаза, думает, да подумывает, а потом и говорит: – «Уверены-ли вы в этом, сэр?» – «Я готов отвечать за это своей докторской славой и честным именем благородного человека», говорит доктор. – «Очень хорошо, сэр», говорит пациент, – «а сколько надобно съесть лепешек, чтобы умереть в тот же день?» – «Не знаю», говорит доктор. – «Довольно-ли купить их на полкроны?» говорит пациент. – «Довольно, я полагаю», говорит доктор. – «А если купить их на три шиллинга?» говорит пациент. – «В таком случае непременно умрете», говорит доктор. – «Вы ручаетесь?» говорит пациент. – «Ручаюсь», говорит доктор. – «Очень хорошо», говорит пациент, – «спокойной вам ночи, сэр». Поутру на другой день он встал, развел огонь в комнате, заказал на три шиллинга лепешек, поджарил их, съел все до одной, взял пистолет и – застрелился.

– Зачем? – спросил вдруг м-р Пикквик совершенно озадаченный неподвиженным окончанием этой трагической истории.

– Как зачем? – отвечал Самуэль. – Он доказал этим справедливость своего правила, что масляные лепешки – здоровая пища, и притом, действуя всегда по правилу, он ни для кого не хотел изменить своего образа жизни.

Анекдотами и рассказами в этом роде м-р Уэллер забавлял своего господина до позднего часа ночи. Испросив позволение м-ра Пикквика, Самуэль нанял, для собственного помещения, особый угол в одной из комнат пятого этажа, у лысого сапожника, который за еженедельную плату согласился разделить с ним свое убогое жилище. Сюда м-р Уэллер перенес свой матрац и койку, взятую напрокат у м-ра Рокера. В первую же ночь он водворился здесь, как у себя дома, и смотря на его спокойную физиономию, можно было подумать, что он родился и вырос в этих четырех стенах.

– Вы этак всегда покуриваете трубку, когда лежите в постели, старый петух? – спросил м-р Уэллер своего хозяина, когда оба они отправились на сон грядущий.

– Всегда, молодой селезень, – отвечал сапожник.

– Не можете-ли вы разъяснить мне, почтенный, зачем вы устроили свою постель под этим досчатым столом? – спросил м-р Уэллер.

– А затем, что я привык спать между четырьмя столбами, прежде чем переселился на эту квартиру, – отвечал сапожник. – Здесь я нахожу, что четыре ноги стола могут с некоторым удобством заменять кроватные столбы.

– Вы, я вижу, человек с характером, почтеннейший, – заметил м-р Уэллер.

– Спасибо за ласку, любезнейший, – отвечал сапожник.

В продолжение этого разговора м-р Уэллер распростерт был на матраце в одном углу комнаты, тогда как хозяин его лежал на противоположном конце. Комната освещалась ночником и сапожниковой трубкой, которая, под столом, имела вид пылающего угля. Разговор этот, при всей краткости, сильно предрасположил м-ра Уэллера в пользу его хозяина: он приподнял голову, облокотился на руку и принялся тщательно осматривать физиономию лысого джентльмена, на которого до этой поры ему удалось взглянуть только мимоходом.

Это был мужчина с желтым, геморoidalным цветом лица, какой обыкновенно бывает у мастеров сапожного ремесла, и борода его, как у всех сапожников, имела подобие щетины. Лицо его представляло весьма странную, крючкообразную фигуру, украшенную двумя глазами, которые, вероятно, осмысливались встарину выражением радости и веселья, потому что даже теперь в них отражался какой-то добродушный блеск. Ему было лет под шестьдесят, и Богу одному известно, на сколько годов он состарился в тюрьме. Ростом был он очень мал, сколько, по крайней мере позволяла судить об этом его скорченная поза под столом. Во рту торчал у него коротенький красный чубук: он курил и самодовольно посматривал на ночник. Можно было подумать, что он находился в состоянии самого завидного покоя.

– Давно вы здесь, старый ястреб? – спросил Самуэль, прерывая молчание, продолжавшееся несколько минут.

– Двенадцать лет, – отвечал сапожник, закусывая конец чубука. – А за что, вы думаете, посадили меня?

– За долги, верно?

– Нет, любезнейший, я в жизнь никому не был должен ни одного фартинга.

– За что же?

– Угадайте сами.

– Ну, может быть, вы вздумали строиться и разорились на спекуляциях?

– Нет, не отгадали.

– Так неужели за какой-нибудь уголовный проступок? Этого быть не может: вы смотрите таким добряком.

– Вот в том-то и дело, молодой человек, что вам не разгадать этой загадки до седых волос, – сказал сапожник, вытряхивая пепел из трубки и вновь набивая ее табаком. – Меня запрятали сюда за то, что одному человеку пришлось в голову сделать меня наследником частицы благоприобретенного им имущества. Наследственные деньги сгубили меня, молодой человек.

– Мудрено что-то, старина, и уж чуть-ли вы не отливаете пули на мой счет, – возразил Самуэль. – Я бы очень желал, чтоб какой-нибудь богач устроил этим способом мою погибель.

– Вы не верите мне, общипанный селезень, – сказал сапожник, спокойно покуривая трубку, – на вашем месте и я бы не поверил; но в том-то и штука, что я говорю чистейшую правду.

– Как же это случилось? – спросил Самуэль, готовый наполовину поверить действительности этого непостижимого факта.

– Да вот как, – отвечал словоохотливый собеседник: – жил был старый джентльмен, на которого я работал несколько лет и с которым породнился через женитьбу на одной из его бедных родственниц, – она умерла теперь, к моему благополучию. Этот мой родственник захворал да и отправился.

– Куда? – спросил Самуэль, начинавший уже чувствовать непреодолимую дремоту после многосложных событий этого дня.

– На тот свет отправился; но куда именно, не могу доложить, – отвечал сапожник, выпускающая дым изо рта и через нос.

– А! Так вот что! – сказал Самуэль. – Ну?

– Ну, вот он и оставил после себя пять тысяч фунтов, – продолжал сапожник.

– Это очень хорошо, – заметил Самуэль.

– Одна тысяча пришлась на мою долю, так-как я женат был на его родственнице.

– Прекрасно, – пробормотал м-р Уэллерь.

– Окруженный целой толпой племянников и племянниц, он знал, что они непременно перессорятся после его смерти из-за этого имения.

– Это уже как водится, – заметил Самуэль.

– Поэтому он делает меня душеприказчиком, – продолжал старик, раскуривая новую трубку, – и оставляет мне все имущество по конфиденции, дабы я разделил его сообразно требованию завещания.

– Что это значит – по конфиденции? – спросил Самуэль.

– Это уж так выражаются по закону, – отвечал сапожник.

– Темновато выражается закон, и от этого, должно быть, вышла беда. Однакож, продолжайте.

– И вот, сударь мой, когда я только-что хотел было приняться за исполнение этого завещания, племянницы и племянники, все до одной души, поголовно ополчились на меня и устроили caveat²⁷.

– Это что значит?

– Законный инструмент, которым хотят сказать, кому следует: – «не двигайся с места».

– Хороший инструмент. Ну?

– Но вот, сударь мой, ополчившись против меня, они все также перегрызлись между собою и принуждены были взять caveat обратно из суда, а я заплатил за все издержки по этому делу. Лишь только я расплатился, как одному племяннику опять пришлось в голову подать просьбу, чтоб высокопочтенные судьи занялись пересмотром этого завещания. Дело закипело снова, в судейской конторе исписали шесть стоп бумаги, и один старый глухой джентльмен настроил резолюцию в таком тоне: – «поелику завещатель был, очевидно, не в своем уме, когда подписывал свою духовную, то вышеозначенный мастер сапожного цеха присуждается сим отказаться от своей доли наследства, возвратив оную законным наследникам, и равномерно обязуется, без всякого замедления, уплатить суду все юридические потери и убытки по текущему делу». – Я подал апелляцию, и по моей просьбе дело перешло на рассмотре-

²⁷ Юридический термин, взятый буквально с латинского языка. Так называется апелляция, поданная в суд для приостановления и пересмотра дел, произведенных по наследству. *Прим. перев.*

ние к трем или четверем джентльменам, которые уже слышали о нем подробно в другом суде, где они считаются адвокатами сверх комплекта, – с тою только разницею, что там называют их докторами, а в этом другом суде – делегатами. И вот эти господа, по чистой совести, утвердили и укрепили во всей силе резолюцию глухого старого джентльмена. После того я перенес весь этот процесс в высший сиротский суд и вот в нем-то и купаюсь до сих пор и, как надо полагать, буду купаться до скончания жизни. Адвокаты мои уже давно вытянули из моего кармана законную тысячу фунтов наследства, и я посажен в тюрьму на том основании, что не доплатил сотни фунтов судебных проторей и убытков. Некоторые джентльмены советовали мне подать жалобу в парламент, и я бы не прочь от этого, да только им, видишь ты, недосужно навешать меня в этом месте, а мне тоже неудобно было путешествовать к ним. Длинные мои письма надоели им и прискучили мало-помалу, и теперь уж они совсем забыли это каверзное дело. Вот и вся чистейшая истина, без преувеличений и прикрас, как в этом могли бы поручиться около пятидесяти особ за стенами этого тюремного замка, в котором, по всей вероятности, суждено мне умереть.

Сапожник остановился, желая удостовериться в произведенном впечатлении; но Самуэль в эту минуту уже спал и было очевидно, что конец истории не достигнул до его ушей. Арестант испустил глубокий вздох, вытряхнул пепел из трубки, завернулся в одеяло, и скоро отрадный сон сомкнул его глаза.

Поутру, на другой день, м-р Пикквик сидел один в своей комнате за чашкой чаю, между тем как Самуэль Уэллер, в комнате башмачника ваксил господские сапоги и чистил платье. В это время кто-то постучался в дверь, и прежде, чем м-р Пикквик успел произнести: – «войдите!» за порогом его жилища показалась косматая голова и грязная бархатная фуражка, в которых великий человек немедленно угадал личную собственность м-ра Смангля.

– С добрым утром, сэр! – сказал этот достойный джентльмен, сопровождая свой вопрос дюжиною маленьких поклонов, – вы сегодня ожидаете кого-нибудь? Вон там внизу спрашивают вас какие-то три джентльмена, должно быть, славные ребята: они стучат во все двери, и жильцы наши бранят их на чем свет стоит за это беспокойство.

– Ах, Боже мой, как это глупо с их стороны! – воскликнул м-р Пикквик, быстро вставая с места. – Я не сомневаюсь, что это некоторые из моих близких друзей: я ожидал их еще вчера.

– Ваши друзья! – вскричал Смангль, схватив м-ра Пикквика за руку. – Ни слова больше. Будь я проклят, если с этой минуты они не будут также и моими друзьями. Мивинс тоже будет считать их своими друзьями. Ведь этот Мивинс, скажу я вам, собаку съел на все руки, не правда ли, почтеннейший? – заключил м-р Смангль с великим одушевлением.

– Я еще так мало знаю этого джентльмена, – сказал м-р Пикквик, – что...

– Ни полслова больше, ни четверть слова! – перебил Смангль, ухватившись за плечо м-ра Пикквика, – вы узнаете его вдоль и поперек не дальше, как сегодня, и, уж разумеется, будете от него в восторге. У этого человека, сэр, – продолжал Смангль, принимая торжественную позу, – такие комические таланты, что он был бы истинным сокровищем для Дрюриленского театра.

– Неужели?

– Клянусь честью. Послушали бы вы, как он декламирует лучшие места из наших национальных комедий: просто трещат уши, и глазам не веришь. Вот что! И уж я поручусь заранее, что вы полюбите его больше всех своих друзей, иначе быть не может. Водится за ним один только маленький грешок... ну, да это пустяки, вы знаете.

Когда м-р Смангль при этом намеке тряхнул головой и бросил на своего собеседника симпатический взгляд, м-р Пикквик в ожидании дальнейших объяснений, проговорил только: – «А!» – и с беспокойством взглянул на дверь.

– А! – повторил м-р Смангль, испуская тяжелый и продолжительный вздох. – Лучшего товарища и собеседника не найти вам в целом мире, за исключением, разумеется, одного

только этого недостатка. Если бы, примером сказать, в эту самую минуту дедушка его вышел из могилы и явился перед его глазами, он бы непременно попросил у него займы фунтов двести под собственную свою росписку на гербовом листе в восемнадцать пенсов.

– Ах, Боже мой! – воскликнул м-р Пикквик.

– Это уж так верно, как я имею честь разговаривать с вами, – подтвердил м-р Смангль. – А что и того вернее: он прокутил бы эти деньгги в какую-нибудь неделю, а там опять стал бы просить займы, уж, конечно, без отдачи.

– Вы сообщаете мне очень замечательные подробности, – сказал м-р Пикквик, – только знаете, когда мы этак разговариваем с вами, приятели мои, вероятно, слишком беспокоятся, что не могут отыскать меня в этом месте.

– О, это ничего, я сейчас проведу их, – сказал Смангль, делая шаг к дверям, – прощайте! Я уж, разумеется, не стану вас беспокоить, когда вы будете принимать друзей. – Да, кстати...

При этой последней фразе, м-р Смангль вдруг остановился, запер дверь и, пересеменивая на цыпочках к м-ру Пикквику, сказал ему на ухо:

– Не можете-ли вы, почтеннейший, ссудить мне полкроны до конца будущей недели – а?

М-р Пикквик с трудом удержался от улыбки; но, сохраняя, однако ж, по возможности спокойный вид, вынул требуемую монету и положил ее на ладонь м-ру Сманглю, после чего этот джентльмен, таинственно прищурился левым глазом и кивнув головой, выюркнул из дверей, отправившись таким образом на поиски за тремя джентльменами, с которыми он и воротился через несколько минут. Затем, еще раз подмигнув м-ру Пикквику в удостоверение, что не забудет своего долга, он окончательно удалился из его жилища, и великий человек остался наедине со своими друзьями.

– Ах, милые друзья мои, – сказал м-р Пикквик, попеременно пожимая руки м-ра Топмана, м-ра Винкеля и м-ра Снодграса, – как я рад, что наконец вижу вас в своей печальной квартире!

Весь триумвират приведен был в трогательное умиление при взгляде на великого человека. М-р Топман плачевно покачал головой; м-р Снодграс, снедаемый душевной скорбью, приставил к своим глазам носовой платок; м-р Винкель удалился к окну и зарыдал.

– С добрым утром, господа! – закричал Самуэль, входя в эту минуту с сапогами и вычищенным платьем своего господина. – Прочь тоска и печали. Приветствую вас, джентльмены!

– Этот молодец, – сказал м-р Пикквик, слегка ударяя по голове своего слугу, когда тот, стоя на коленях, застегивал полусапожки на ногах своего господина, – этот молодец вздумал арестовать самого себя, чтобы не разлучаться со мною.

– Как! – воскликнули в один голос друзья м-ра Пикквика.

– Да, джентльмены, – сказал Самуэль, – я здесь арестант, с вашего позволения; жалкий узник, как выразилась одна почтенная леди.

– Арестант! – воскликнул м-р Винкель с необыкновенным волнением.

– Эгой, сэр! – отвечал Самуэль, приподнимая голову. – Что новенького с вашей честью?

– Я было надеялся, Самуэль, что... ничего, ничего, – сказал м-р Винкель скороговоркой.

В словах и манерах м-ра Винкеля обнаружилось такое странное и необыкновенное расстройство, что м-р Пикквик бросил на своих друзей изумленный взор, требуя от них объяснений этого явления.

– Мы сами не знаем, – сказал м-р Топман, отвечая громко на этот безмолвный вопрос. – Он был очень беспокоен в эти последние два дня, и обращение его сделалось необыкновенно странным, так что он решительно не похож на себя. Мы уж принимались его расспрашивать, да только он ничего не объяснил нам.

– Тут, право, нечего и объяснять, – сказал м-р Винкель, краснея, как молодая девушка, под влиянием пронизательных взоров м-ра Пикквика. – Уверяю вас, почтенный друг, что со мною ничего особенного не случилось. Мне вот только необходимо на несколько дней

отлучиться из города по своим собственным делам, и я хотел просить вас, чтобы вы отпустили со мной Самуэля.

Изумление на лице м-ра Пикквика обнаружилось в обширнейших размерах.

– Мне казалось, – продолжал м-р Винкель, – что Самуэль не откажется поехать со мною; но уж теперь, конечно, нечего об этом думать, когда он сидит здесь арестантом. Я поеду один.

Когда м-р Винкель произносил эти слова, м-р Пикквик почувствовал с некоторым изумлением, что пальцы Самуэля задрожали на его полусапожках, как будто он был озадачен неожиданною вестью. Самуэль взглянул также на м-ра Винкеля, когда тот кончил свою речь, и они обменялись выразительными взглядами, из чего м-р Пикквик заключил весьма основательно, что они понимают друг друга.

– Не знаете-ли вы чего-нибудь, Самуэль? – спросил м-р Пикквик.

– Нет, сэр, ничего не знаю, – отвечал м-р Уэллер, принимаясь застегивать остальные пуговицы с необыкновенною поспешностью.

– Правду-ли вы говорите, Самуэль?

– Чистейшую, сэр, – ничего я не знаю, и не слышал ничего вплоть до настоящей минуты. Если в голове у меня и вертятся какие-нибудь догадки, – прибавил Самуэль, взглянув на м-ра Винкеля, – я не в праве высказывать их из опасения соврать чепуху.

– Ну, и я не вправе предлагать дальнейшие расспросы относительно частных дел своего друга, как бы он ни был близок к моему сердцу, – сказал м-р Пикквик после кратковременной паузы, – довольно заметить с моей стороны, что я тут ровно ничего не понимаю. Стало быть, нечего и толковать об этом.

Выразившись таким образом, м-р Пикквик свел речь на другие предметы, и м-р Винкель постепенно начал приходить в спокойное и ровное состояние духа, хотя не было на его лице ни малейших признаков беззаботного веселья. Другим представилось слишком много предметов для разговора, и утренние часы пролетели для них незаметно. В три часа м-р Уэллер принес ногу жареной баранины, огромный пирог с дичью и несколько разнообразных блюд из произведений растительного царства, со включением трех или четырех кружек крепкого портера: все это было расставлено на стульях, на софе, на окнах, и каждый принялся насыщать себя, где кто стоял. Но, несмотря на такой беспорядок и на то, что все эти кушанья были приготовлены в тюремной кухне, друзья произнесли единодушный приговор, что обед был превосходный.

После обеда принесли две или три бутылки отличного вина, за которым м-р Пикквик нарочно посылал в один из лучших погребов. К вечеру, перед чаем, эта порция повторилась, и когда, наконец, очередь дошла до последней, то есть шестой бутылки, в средней галлерее раздался звонок, приглашавший посторонних посетителей к выходу из тюрьмы.

Поведение м-ра Винкеля, загадочное в утреннее время, приняло теперь совершенно торжественный характер, когда, наконец, он, под влиянием виноградного напитка, приготовился окончательно проститься со своим почтенным другом. Когда м-р Топман и м-р Снодграс вышли из комнаты и начали спускаться с первых ступеней лестницы, м-р Винкель остановился на пороге перед глазами м-ра Пикквика и принялся пожимать его руку с неопианным волнением, в котором проглядывала какая-то глубокая и могущественная решимость.

– Прощайте, почтенный друг, – сказал м-р Винкель со слезами на глазах.

– Благослови тебя Бог, мой милый! – отвечал растроганный м-р Пикквик, с чувством пожимая руку своего молодого друга.

– Эй! Что-ж ты? – закричал м-р Топман с лестничной ступени.

– Сейчас, сейчас, – отвечал м-р Винкель.

– Прощайте, почтенный друг!

– Прощай, мой милый! – сказал м-р Пикквик.

Затем следовало еще прощай, еще и еще, и, когда этот комплимент повторен был около дюжины раз, м-р Винкель отчаянно уцепился за руку своего почтенного друга и принялся смотреть на его изумленное лицо с каким-то странным выражением отчаяния и скорби.

– Ты хочешь сказать что-нибудь, мой милый? – спросил наконец м-р Пикквик, утомленный этим нежным церемониалом.

– Нет, почтенный друг, нет, нет, – сказал м-р Винкель.

– Ну, так прощай, спокойной тебе ночи, – сказал м-р Пикквик, тщетно покушаясь высвободить свою руку.

– Друг мой, почтенный мой утешитель, – бормотал м-р Винкель, пожимая с отчаянной энергией руку великого человека, – не судите обо мне слишком строго, Бога ради не судите, и если, сверх чаяния, услышите, что я доведен был до какой-нибудь крайности всеми этими безнадежными препятствиями, то я... я...

– Что-ж ты еще? – сказал м-р Топман, появляясь в эту минуту на пороге комнаты м-ра Пикквика. – Идешь или нет? Ведь нас запрут.

– Иду, иду, – отвечал м-р Винкель.

И, еще раз пожав руку м-ра Пикквика, он вышел наконец из дверей.

В ту пору, как великий человек смотрел с безмолвным изумлением за своими удаляющимися друзьями, Самуэль Уэллер побежал за ними в догонку и шепнул что-то на ухо м-ру Винкелю.

– О, без сомнения, в этом уж вы можете положиться на меня, – сказал громко м-р Винкель.

– Благодарю вас, сэр. Так вы не забудете, сэр? – проговорил Самуэль.

– Нет, нет, не забуду, – отвечал м-р Винкель.

– Желаю вам всякого успеха, сэр, – сказал Самуэль, дотрогиваясь до своей шляпы. – Я бы с величайшим удовольствием готов был ехать с вами, сэр; но, ведь, извольте сами рассудить, старшина без меня совсем пропадет.

– Да, да, вы очень хорошо сделали, что остались здесь, – сказал м-р Винкель.

И с этими словами пикквикисты окончательно скрылись из глаз великого человека.

– Странно, очень странно, – сказал Пикквик, возвращаясь назад в свою комнату и усаживаясь в задумчивой позе на софе перед круглым столом. – Что бы такое могло быть на уме у этого молодого человека?

И он сидел в этом положении до той поры, пока, наконец, раздался за дверью голос Рокера, тюремщика, который спрашивал, можно-ли ему войти.

– Прошу покорно, – сказал м-р Пикквик.

– Я принес вам, сэр, новую мягкую подушку вместо старого изголовья, на котором вы изволили почивать прошлую ночь, – сказал м-р Рокер.

– Благодарю вас, благодарю, – отвечал м-р Пикквик. – Не угодно-ли рюмку вина?

– Вы очень добры сэр, – сказал м-р Рокер, принимая поданную рюмку. – Ваше здоровье, сэр!

– Покорно вас благодарю, – сказал м-р Пикквик.

– А я пришел доложить вам, почтеннейший, что хозяин-то ваш ужасно захворал со вчерашней ночи, – сказал м-р Рокер, поставив на стол опорожненную рюмку.

– Как! Захворал тот арестант, что переведен сюда из высшего апелляционного суда? – воскликнул м-р Пикквик.

– Да-с, только уж, я полагаю, почтеннейший, что ему не долго быть арестантом, – отвечал м-р Рокер, повертывая в руках тулью своей шляпы таким образом, чтоб собеседник его удобно мог прочесть имя её мастера.

– Неужели, – воскликнул м-р Пикквик, – вы меня пугаете.

– Пугаться тут нечего, – сказал м-р Рокер, – он-таки давненько страдал чахоткой, и вчера вечером, Бот знает отчего, у него вдруг усилилась одышка, так что теперь он еле-еле переводить дух. Доктор сказал нам еще за шесть месяцев перед этим, что одна только перемена воздуха может спасти этого беднягу.

– Великий Боже! – воскликнул м-р Пикквик. – Стало быть, этот человек у вас заранее приговорен к смерти.

– Ну, сэр, этого нельзя сказать, – отвечал Рокер, продолжая вертеть свою шляпу, – чему быть, того не миновать; я полагаю, что он не избежал бы своей участи и у себя дома на мягких пуховиках. Сегодня поутру перенесли его в больницу. Доктор говорит, что силы его очень ослабели. Наш смотритель прислал ему бульону и вина со своего собственного стола. Уж, конечно, смотритель не виноват, если этак что-нибудь случится, почтеннейший.

– Разумеется, смотритель не виноват, – отвечал м-р Пикквик скороговоркой.

– Только я уверен, – сказал Рокер, покачивая головой, – что ему едва-ли встать со своей койки. Я хотел держать десять против одного, что ему не пережить и двух дней, но приятель мой, Недди, не соглашается на это пари и умно делает, я полагаю, иначе быть бы ему без шести пенсов. – Благодарю вас, сэр. Спокойной ночи, почтеннейший.

– Постойте, постойте! – сказал м-р Пикквик. – Где у вас эта больница?

– Прямо над вами, сэр, где вы изволите спать, – отвечал м-р Рокер. – Я провожу вас, если хотите.

М-р Пикквик схватил шляпу и, не говоря ни слова, пошел за своим проводником.

Тюремщик безмолвно продолжал свой путь и, наконец, остановившись перед дверьми одной комнаты верхнего этажа, сделал знак м-ру Пикквику, что он может войти. То была огромная и печальная комната с двумя дюжинами железных кроватей вдоль стен, и на одной из них лежал человек, или, правильнее, остов человека, исхудалый, бледный, страшный, как смерть. Он дышал с величайшим трудом, и болезненные стоны вырывались из его груди. Подле этой постели сидел низенький мужчина, с грязным передником и в медных очках: он читал Библию вслух протяжным голосом. То был горемычный наследник джентльменского имущества, настоящий хозяин Самуэля.

Больной положил руку на плечо этого человека и просил его прекратить чтение. Тот закрыл книгу и положил ее на постель.

– Открой окно, – сказал больной.

Окно открыли. Глухой шум экипажей, стук и дребезжанье колес, смешанный гул кучеров и мальчишек – все эти звуки многочисленной толпы, преданной своим ежедневным занятиям, быстро прихлынули в комнату и слились в один общий рокот. По временам громкий крик праздной толпы превращался в неистовый хохот, и тут же слышался отрывок из песни какого-нибудь кутилы, возвращавшегося из таверны, – сцены обыкновенные на поверхности волнующегося моря человеческой жизни. Грустно и тошно становится на душе, когда вы рассматриваете их при своем нормальном состоянии души и тела: какое же впечатление должны были произвести звуки на человека, стоявшего одною ногою на краю могилы!

– Нет здесь воздуха, – сказал больной слабым и едва слышным голосом. – Здоров он и свеж на чистом поле, где, бывало, гулял я в свои цветущие годы; но жарок он, душен и сперт в этих стенах. Я не могу дышать им.

– Мы дышали им вместе, старый товарищ, много лет и много зим, – сказал старик. – Успокойся, мой друг.

Наступило кратковременное молчание, и этим временем м-р Пикквик подошел к постели в сопровождении м-ра Рокера. Больной притянул к себе руку своего старого товарища и дружески начал пожимать ее своими руками.

– Я надеюсь, – говорил он, задыхаясь, таким слабым голосом, что предстоящие слушатели должны были склонить свои головы над его изголовьем, чтобы уловить неясные звуки,

исходившие из этих холодных и посинелых губ, – надеюсь, милосердный Судья отпустит мне мои прегрешения, содеянные на земле. Двадцать лет, любезный друг, двадцать лет страдал я. Сердце мое разрывалось на части, когда умирал единственный сын мой: я не мог благословить его и прижать на прощаньи к своему родительскому сердцу. Страшно, ох, страшно было мое одиночество в этом месте. Милосердный Господь простит меня. Он видел здесь на земле мою медленную и тяжкую смерть.

Наконец, больной скрестил свои руки и старался произнести еще какие-то звуки; но уже никто более не мог разгадать их смысла. Затем он уснул, и отрадная улыбка появилась на его устах.

Зрители переглянулись. Тюремщик склонил свою голову над изголовьем и быстро отступил назад.

– Вот он и освободился, господи! – сказал м-р Рокер.

Освободился... да: но и при жизни он так был похож на мертвеца, что нельзя наверное сказать, когда он умер.

Глава XLV

Трогательное свидание между Самуэлем Уэллером и его семейством. Мистер Пикквик совершает миниатюрное путешествие в сфере обитаемого им мира и решается на будущее время прекратить с ним всякие сношения.

Через несколько дней после своего добровольного заточения, м-р Самуэль Уэллер, убрав с возможным комфортом комнату своего господина и усадив его за книгами и бумагами, удалился на тюремный двор, чтобы провести часок-другой-третий в таких удовольствиях, какие только могли быть возможны в этом месте. Было превосходное утро, и м-р Уэллер рассчитал весьма основательно, что, при настоящих обстоятельствах, ничего не могло быть отраднее, как пить портер на открытом воздухе, при ярком блеске солнечных лучей.

Приведенный к этому счастливому умозаключению, Самуэль отправился в буфет, взял кружку пива, выхлопотал листок газеты за прошлую неделю, вышел на тюремный двор и, усевшись на скамейке, предался своим наслаждениям методически и систематически, как практический философ, понимающий цену жизни.

Прежде всего он выпил глоток пива, потом взглянул на окно и бросил платоническую улыбку на молодую леди, чистившую картофель. Затем он развернул газету и старался уложить ее таким образом, чтобы выставить наружу отдел полицейских известий, и так как при этой операции встретились довольно значительные затруднения со стороны сильных дуновений ветра, то м-р Уэллер проглотил еще один глоток крепительного напитка. Затем он прочитал ровно две строки из газетного листка и приостановился для того собственно, чтобы полюбоваться на двух молодцов, игравших на площадке в мяч. Когда первая партия этой игры приведена была к окончанию, м-р Уэллер провозгласил: «очень хорошо»! одобрительным и поощрительным тоном и окинул торжественным взором всех зрителей, желая удостовериться, согласны ли они были с его мнением насчет искусства забавляющихся джентльменов. При этой эволюции еще раз встретилась необходимость возвести глаза на окна, и так как молодая леди по-прежнему продолжала сидеть на своем месте за картофельной шелухой, то уж из одной учтивости надлежало подмигнуть ей и выпить в честь её другой глоток пива, что и выполнено было с отменной вежливостью учтивого кавалера. Затем, бросив сердитый взгляд на одного мальчишку, имевшего нескромность следить за всеми этими движениями, Самуэль перебросил одну ногу на другую и, взявшись за газету обеими руками, принялся читать весьма внимательно и серьезно.

Едва только углубился он в это многотрудное занятие, как ему показалось, будто кто-то вдали произнес его собственное имя. И он не ошибся: фамилия Уэллера быстро переходила из уст в уста, и в несколько секунд весь воздух огласился этим громогласным звуком.

– Здесь! – проревел Самуэль богатырским голосом. – Что там такое? Кому его надобно? Кто спрашивает м-ра Уэллера? Не пришла-ли эстафета с известием, что загорелся его загородный палаццо?

– Кто-то вас спрашивает в галлерее, – сказал человек, стоявший подле.

– А вот, присмотрите-ка, любезный, за этой бумагой и пивцом, слышите? – сказал Самуэль. – Я пойду. Какого они шума наделали!

Сопровождая эти слова легким ударом по голове вышеозначенного молодого человека, продолжавшего бессознательно визжать изо всей силы: «Уэллер», Самуэль быстро перебежал через двор и углубился в галлерею. Первым предметом, обратившим на себя его внимание, был его собственный возлюбленный родитель, сидевший со шляпой в руках на нижней ступени лестницы и продолжавший с минуты на минуту кричать густым и громким басом: «Уэллер! Уэллер!»

– Что ты реवेशь? – сказал Самуэль, когда родитель его еще раз собрался повторить с особенной энергией это знаменитое имя. – Ведь этак, чего доброго, ты лопнешь от надсады. Ну, чего тебе надобно?

– Эгой! – забасил старый джентльмен. – А я уж думал, друг мой Самми, что нелегкая унесла тебя гулять в Регентовский парк.

– Полно, полно, – сказал Самуэль: нечего тут издеваться и подтрунивать над несчастной жертвой барышничества и скупости. Что ты сидишь здесь, выпучив глаза? Я ведь не тут квартирую.

– Ну, брат, Самми, если бы ты знал, какую потеху я состряпал для тебя, – сказал м-р Уэллер старший.

– Погоди на минуточку, – сказал Самуэль: – ты весь выбелился, как алебастр.

– Ну, оботри меня, мой друг, хорошенько, – сказал м-р Уэллер, когда сын принялся вытирать его спину. – Хорошо еще, что я не надел сюда праздничного платья, хотя бы для такого веселья не мешало...

Так как на этой фразе м-р Уэллер старший обнаружил несомненные признаки наступающего припадка судорожного хохота, то Самуэль принужден был остановить его.

– Да угомонишься-ли ты, – воскликнул м-р Уэллер младший. – Что это тебя так подмывает?

– Ах, Самми, друг ты мой любезный, – сказал м-р Уэллер, вытирая пот с своего лба, – мне, право, кажется, что на этих днях меня хлопнет паралич от этого старческого припадка. Будь ты тут хоть каменная стена, а хохот все-таки проберет насквозь.

– Да что такое случилось? – сказал Самуэль. – Добьюсь-ли я, наконец, что у тебя засело в голове?

– Угадай-ка, любезный, кто теперь пришел со мною? – сказал м-р Уэллер старший, отступая назад шага на два.

– Пелль? – сказал Самуэль.

М-р Уэллер отрицательно покачал головою, и красные щеки его раздулись в эту минуту страшнейшим образом от усилия подавить припадок судорожного хохота.

– Пестролицый джентльмен, может быть? – сказал Самуэль.

М-р Уэллер еще раз отрицательно тряхнул головой.

– Кто же? – спросил Самуэль.

– Мачиха твоя, Самми, мачиха!

Хорошо, что м-р Уэллер старший произнес, наконец, этот ответ, иначе раздутые щеки его неизбежно должны были бы лопнуть от неестественного напряжения.

– Мачиха твоя, Самми, – сказал м-р Уэллер, – и с нею красноносый друг её, жирный толстяк, Самми. Го! го! го!

И с этими звуками судорожный припадок старого джентльмена обнаружился в исполинских размерах. Самуэль закинул руки назад и бросил теперь на своего родителя самодовольную улыбку.

– Они пришли поучить тебя малую толику, друг мой Самми... предложить тебе наставления по нравственной части, – сказал м-р Уэллер, вытирая свои глаза. – Смотри, брат, ты не проболтайся насчет этого кредитора, что упрятал тебя, Самми.

– А разве они ничего не знают об этом?

– Ничего, Самми, ничего.

– Где они теперь?

– В покойнике, друг мой, Самми, – отвечал м-р Уэллер старший. – Попробуй-ка завести этого красноносого пастыря в такое место, где нет крепительных напитков: нет, Самми, не таковский человек он, Самми. И уж если бы ты знал, какую уморительную поездку мы учинили сегодня поутру от нашего жилища! – продолжал м-р Уэллер, получивший, наконец, спо-

способность выражаться определительно и связно. – Я заложил старую пегашку в тот маленький кабриолетик, что достался нам в наследство от первого супружника твоей мачихи, и для пастыря было тут поставлено креслецо, чтобы, знаешь, сидеть-то ему было поваляжнее. Вот ведь что! И уверяю тебя родительским словом, друг мой Самми, что к подъезду нашего домика мы принуждены были поставить ручную лестницу, для того, видишь ты, чтобы пастырь взобрался по ней на свою сидейку в кабриолете. Вот оно как.

– Полно, правду-ли говоришь ты, старичина? – возразил м-р Уэллер младший.

– Будь я не я, если соврал тут хоть на волосок, – отвечал старый джентльмен. – И посмотрел бы ты, как он карабкался по этой лестнице, придерживаясь за нее обеими руками! Можно было подумать, что он боялся разбиться в миллион кусков, если бы шарахнулся с этой высоты. Наконец, он вскарабкался с грехом пополам, уселся кое-как, и мы покатали. Только оно, знаешь ли, мне сдается, Самми... я говорю, мой друг, мне сдается, что его порастрясло малую толику, особенно, когда мы эдак поворачивали где-нибудь за угол.

– Ты ведь, я думаю, нарочно старался задевать колесом за тумбы: от тебя ведь это станется, дедушка, – заметил Самуэль.

– Да-таки нешто, уж если признаться по совести, раза три-четыре я повертывал и зацеплял таким манером, что этот пастырь чуть не перекувырнулся на мостовую. Это было ненароком, т. е. невзначай, друг мой любезный.

Здесь старый джентльмен принялся раскачивать головой с боку на бок, и щеки его раздулись до невероятной степени. Эти зловещие признаки не на шутку встревожили его возлюбленного сына.

– Не бойся, Самуэль, друг любезный, – сказал старик, когда он, наконец, после многих судорожных потрясений, получил опять способность говорить. – Мне только хочется добиться до того, чтобы этак можно было посмеяться втихомолку, не беспокоя добрых людей.

– Нет уж, я бы лучше советовал тебе не доходить до этого искусства, – возразил Самуэль. – Штука будет опасная.

– Разве это нехорошо, Самми?

– Совсем нехорошо.

– Жаль, очень жаль. Если бы удалось мне со временем наостриться в этом художестве, так мачиха твоя, авось, перестала бы тазать меня за нескромную поведенцию, и в доме моем, авось, водворилась бы супружеская тишина. Но, кажется, ты говоришь правду, Самуэль: этим способом немудрено ухойдакать себя до того, что будешь, пожалуй, на один только волосок от паралича. Спасибо тебе, сынок.

Разговаривая таким образом, отец и сын подошли наконец к покойчику, т. е. к комнате подле буфета. М-р Уэллер младший отворил дверь, они вошли.

– Здравствуйте, маменька! – сказал Самуэль, учтиво приветствуя эту леди. – Как ваше здоровье, господин пастырь?

– О, Самуэль! – воскликнула м-с Уэллер. – Это ужасно.

– Помилуйте, сударыня, вовсе не ужасно. Ведь это пастырь?

М-р Сиджинс поднял руки к потолку, заморгал глазами, но не произнес ничего в ответ.

– Вы, милый джентльмен, не больны ли? – спросил Самуэль, обращаясь к м-ру Сиджинсу.

– Он страдает душою, а не телом, Самуэль; страдает оттого, что видит тебя в этом месте, – отвечала м-с Уэллер.

– А! Так вот что! – сказал Самуэль. – Мне, однако ж, казалось, что он забыл посыпать солью бифстек, который ел в последний раз.

– Молодой человек, – сказал м-р Сиджинс напыщенным тоном: – я боюсь, что сердце ваше не смягчилось в этом заточении.

– Прошу извинить, сэръ: не угодно-ли вам пояснить, что вы изволили заметить?

– Я опасаюсь, молодой человек, что натура ваша не смягчилась от этого наказания, – повторил м-р Стиджинс громким и торжественным голосом.

– Вы очень добры, сэр, покорно вас благодарю, – отвечал Самуэль. – Смею надеяться, что натура моя действительно не мягкого сорта. Очень вам обязан, сэр, за хорошее мнение обо мне. Это для меня очень лестно.

Когда речь дошла до этого пункта, в комнате послышался какой-то странный звук, весьма близкий к нескромному и совершенно неприличному смеху, и звук этот происходил, очевидно, с той стороны, где сидел м-р Уэллер старший. Вникнув в сущность этого печального обстоятельства, м-с Уэллер сочла неременным долгом обнаружить мало-помалу опасные признаки истерического припадка.

– Уэллер! – закричала достойная лэди своему старому супругу, который сидел до сих пор одиноко в отдаленном углу. – Уэллер! Выйди сюда!

– Благодарствую за ласку, душенька, – отвечал м-р Уэллер: – мне хорошо и здесь.

При этих словах м-с Уэллер вдруг залилась горькими слезами.

– Что с вами сделалось, сударыня? – спросил Самуэль.

– Ах, молодой человек, молодой человек! – отвечала м-с Уэллер. – Отец твой сгонит меня несчастную в преждевременную могилу. Неужели ничто в свете не может исправить его?

– Слышишь ли, старичина? – сказал Самуэль. – Супруга твоя желает знать, неужели ничто в свете не может тебя исправить?

– Скажи от меня спасибо моей супружнице, Самми, – отвечал старый джентльмен, – и постарайся набить мне трубку. Трубка авось поправит меня, Самми.

Этот ответ еще более усилил рыдание м-с Уэллер и вырвал тяжкий стон из груди м-ра Стиджинса.

– Что за напасти? Вот и опять захворал этот несчастный джентльмен, – проговорил Самуэль, озираясь вокруг. – Что вы теперь чувствуете, сэр?

– Болезнь в одном и том же месте, молодой человек, – отвечал м-р Стиджинс, – в одном и том же месте.

– В каком же это?

– В груди, молодой человек, – отвечал м-р Стиджинс, приставляя зонтик к своему жилету.

При этом трогательном ответе м-с Уэллер, не владея больше своими чувствами, – зарыдала во весь голос и энергически выразила свое душевное убеждение, что красноносый жирный толстяк был удивительный, редкий человек между всеми методистами, какие когда-либо появлялись на европейской и американской почве.

– Мне кажется, сударыня, господину пастырю хочется выпить чего-нибудь, стаканчик-другой-третий? В грудных болезнях бывает это пользительно. Не так-ли маменька? – спросил Самуэль.

Достойная лэди, уклоняясь от прямого ответа на этот вопрос, бросила вопрошающий взгляд на м-ра Стиджинса, и этот джентльмен, моргая своими кроваво-красными глазами, поспешил приставить к горлу ладонь правой руки, в ознаменование того, что печальное зрелище действительно пробудило жажду в его душе.

– Да, Самуэль, м-р Стиджинс желает утолить свою жажду, – сказала м-с Уэллер, печальным тоном.

– Какие напитки вы употребляете, сэр? – спросил Самуэль.

– Ах, молодой человек, молодой человек! – воскликнул м-р Стиджинс, возводя свои багровые глаза к потолку. – Все напитки – суета сует.

– Справедливо, слишком справедливо! – сказала м-с Уэллер, испуская тяжкий стон и кивая головою в знак своего совершеннейшего согласия с мнением господина пастыря.

– В этом не может быть ни малейшего сомнения, – подтвердил Самуэль. – Какую же суету вы предпочитаете для собственного употребления, сэр? Какая суета приятнее отзывается на ваш вкус?

– Ах, молодой друг мой, – отвечал м-р Сиджвинс. – Я презираю все виды этих сует; но уж если какой-нибудь из них менее других для меня отвратителен и противен, так это – влага, называемая ромом, и в настоящем случае, молодой друг мой, я, быть может, не отказался бы промочить иссохшее горло горячим ромом с тремя кусками сахара, разведенными в стакане.

– Это очень хорошо, сэр; но с прискорбием я должен заметить, что этой-то именно влаги и не позволяют держать в буфете нашего заведения.

– О, безжалостные, жестоковыинные, одебелелые сердца! – воскликнул м-р Сиджвинс. – О, неумолимые гонители человеческих недугов!

С этими словами м-р Сиджвинс опять возвел наверх свои глаза и ударил себя зонтиком по жилету. И должно сказать правду, негодование достопочтенного джентльмена было на этот раз выражением искреннего и непритворного чувства.

Сделав еще несколько выразительных замечаний относительно бесчеловечия и чудовищной жестокости содержателей тюремного буфета, м-р Сиджвинс с похвалою отозвался о другой влаге, называемой портвейном, и оказалось, по его словам, что эта суета может, в известных случаях, служить суррогатом горячего рома, особенно, если рассыропить ее теплой водой, сахаром и корицей. На этом основании, сделано было соответствующее распоряжение относительно бутылки портвейна, и, когда Самуэль отправился в буфет, красноносый джентльмен и м-с Уэллер одновременно взглянули на м-ра Уэллера старшего и одновременно испустили по глубокому вздоху и стону.

– Ну, друг мой, Самми, – сказал старый джентльмен, когда сын его воротился из буфета, – я надеюсь, что ты надолго развеселишься после этого родственного визита. Как тебе нравится эта приятная беседа, Самми?

– Перестань, закоснелая душа, – отвечал Самуэль: – прошу тебя не обращаться ко мне с такими замечаниями. Молчи лучше и слушай.

Но эти слова, по-видимому, вовсе не произвели вожеленного результата. М-р Уэллер старший никак не мог обуздать своего странного припадка, и в ту пору, как супруга его и м-р Сиджвинс сидели пригорюнившись на своих стульях, с глазами, поднятыми к потолку, старый джентльмен принялся выделывать в воздухе таинственные жесты, служившие выражением его пламенного желания расплющить красный нос вышеозначенного Сиджвинса, и было очевидно, что эта пантомима доставляла ему величайшее утешение и отраду. Однакож, продолжая выделывать эти штуки, старый джентльмен едва не попал в просак; когда м-р Сиджвинс припрыгнул со своего места на встречу глинтвейну, принесенному из буфета, голова его чуть-чуть не пришла в соприкосновение со сжатым кулаком, которым м-р Уэллер старший описывал в воздухе свои воображаемые фейерверки.

– Ах ты, неуклюжий старичина! – сказал Самуэль, поспешивший весьма кстати на выручку своего отца. – Что это тебе вздумалось с таким азартом протянуть руку в этому стакану? Разве не видишь, что ты чуть не задел этого джентльмена?

– Ненарочно, Самми, ненарочно, друг мой, – сказал м-р Уэллер, озадаченный этим совершенно непредвиденным столкновением событий.

– Извините этого старика, сэр, вперед он будет учтивее, – сказал Самуэль, когда красноносый джентльмен, поправляя свои волосы, снова уселся на стул. – Какого вы мнения, сэр, об этой теплой суете?

М-р Сиджвинс не учинил словесного ответа, но жесты его приняли выразительный характер. Он приотведал влагу в стакане, который ему подали, потом бережно поставил свой зонтик на пол и приотведал еще, разглаживая в то же время свой жилет и верхнюю часть панталон.

Наконец, м-р Сиджвинс залпом выпил весь стакан и, облизнувшись, подал его Самуэлю с тем, чтобы он приказал изготовить другую порцию такого же вещества.

М-с Уэллер, с своей стороны, отдала также должную справедливость этому составному веществу. Сперва, как и следует, она объявила положительно, что не берет в рот ни одной капли; потом с великим трудом проглотила крошечную капельку, потом большую каплю, и потом уже вдруг несколько капель, без малейшего труда. Получив от природы комплекцию весьма чувствительного свойства, достойная леди весьма успешно вытягивала по слезинке из своих глаз с каждой каплей глинтвейна и, растопляя постепенно свои чувства, достигла наконец величайшего пафоса при обнаруживании скорби и печали.

М-р Уэллер старший наблюдал эти явления с превеликим отвращением и досадой, и когда, наконец, м-р Сиджвинс, после второй порции крепительного напитка, вдруг испустил из своей груди несколько скорбных вздохов и стонов, старый джентльмен открыто выразил свое неудовольствие многочисленными и бессвязными речами, в которых, впрочем, нельзя было доискаться определенного значения и смысла.

– Вот что, друг мой, Самми, шепнул м-р Уэллер на ухо своего сыну, после продолжительного пристального наблюдения за движениями супруги и достопочтенного м-ра Сиджвинса, – желудок у твоей мачихи, думать надобно, ужасно испорчен так-же, как и у этого пастыря с красным носом.

– Отчего ты так думаешь? – сказал Самуэль.

– Да оттого, видишь ты, что крепительные напитки ничуть не скрепляют их суставов: все, что входит в их желудок, превращается в теплую водицу, и эта водица выкатывается обратно из их глаз. Поверь мне, друг мой, Самми, это у них, должно быть, наследственная слабость.

Высказывая это ученое мнение, м-р Уэллер старший выделял в то же время более или менее выразительные жесты и гримасы, к величайшему огорчению своей супруги, которая, подметив теперь значительную часть этих движений, заключила весьма правдоподобно, что неисправимый муж её продолжает издеваться над ней и над особой достопочтенного представителя методистской доктрины. Уже она решилась в своей душе сделать необходимые приготовления к обнаружению в сильнейшей степени истерических припадков с надлежащей обстановкой, как в эту самую минуту м-р Сиджвинс поднялся со своего места и, остановившись среди комнаты, приступил к произнесению трогательной речи в назидание всей компании, и особенно для личной пользы м-ра Уэллера младшего. В резких и сильных выражениях, достопочтенный оратор принялся заклинать молодого человека, чтоб он бдительно смотрел за своими чувствами и помыслами и неленостно стоял на страже в этом логовище несчастья и мирской суеты, куда завлечен он силою обстоятельств, зависевших, в некоторой степени, от его собственной лукавой и злой воли. Он старался оградить его сердце от лицемерия и фальшивой гордыни, и в этом отношении рекомендовал молодому человеку брать пример с него самого, м-ра Сиджвинса, заслужившего всеобщее уважение, любовь и преданность от всех истинно благомыслящих людей. Развивая этот тезис, достопочтенный пастырь убедительно доказывал заблудшему сыну, что, имея перед глазами такой достойный образец, он, Самуэль Уэллер, сделается, рано или поздно, одним из наилучших сочленов методистского общества, оказавшего в последнее время такое благодетельное влияние на избранных сынов и дочерей британского и американского вертограда. Вслед затем, м-р Сиджвинс, к наивысшему назиданию молодого человека, изобразил живо и сильно, что все его приятели и друзья, с которыми, на свою погибель, приходил он в соприкосновение в продолжение своей жизни, бесспорно суть отъявленные негодяи и мерзавцы, стыд и поношение брэнного человеческого естества.

Во второй части диссертации красноречивый оратор убеждал своего молодого слушателя удаляться, пуше всех пороков, от пьянства, так как пьяный человек, в строгом смысле, есть не иное что, как свинья, отравленная грязными и ядовитыми зелями, изобретенными на погибель тела и души. Но на этом месте, язык достопочтенного и красноногого джентльмена сде-

лался удивительно бессвязным, и стопы его, независимо от воли своего владельца, принялись выписывать такие вензеля, что м-р Сиджвинс, для сообщения своему телу перпендикулярного положения, принужден был уцепиться обеими руками за спинку стула.

М-р Сиджвинс не обнаружил в своей речи никакого желания, чтобы слушатели его стояли на стороже против шарлатанов, которые выступают с медным лбом на состязание с легковерными умами и сердцами. Но так как он простоял весьма долго, облокотившись на спинку стула, и неистово моргал обоими глазами, то можно было придти к безошибочному заключению, что все эти сентенции переваривались в его мозгу, хотя он не считал нужным высказывать их в настоящей беседе.

Слушая эту удивительную речь, м-с Уэллер всхлипывала и рыдала при конце каждого параграфа, между тем как Самуэль спокойно сидел на стуле, перебросив ногу на ногу, и смотрел на оратора самыми умильными глазами. По временам он выразительно перемигивался со своим почтенным родителем, который был при начале этой речи в самом веселом расположении духа, но потом заснул на половине и не просыпался до конца.

– Bravo, bravo! – сказал Самуэль, когда, наконец, красноносый джентльмен оставил свой ораторский пост. – Вы говорите очень хорошо, м-р Сиджвинс.

– Надеюсь, это принесет тебе пользу, Самуэль, – сказала м-с Уэллер торжественным тоном.

– Принесет, сударыня, принесет, – отвечал Самуэль.

– О, если бы это могло также исправить твоего отца! – воскликнула м-с Уэллер.

– Благодарю тебя, душенька, – сказал м-р Уэллер старший, – я уж поправился малую толику: вздремнул и всхрапнул.

– Пропаций человек! – сказал достопочтенный м-р Сиджвинс.

– Спасибо за ласку, – сказал м-р Уэллер старший, – не забуду ваших милостей. Только знаете ли, сэр, и вы, почтенная сударыня, сумерки уж, кажется, давненько наступили; Пегашка застоялась. Если мы стоим здесь еще часок-другой, то ведь она просто полетит по воздуху на возвратном пути домой, и я не поручусь за вашу безопасность. Вы же ведь не любите, господин пастырь, когда колесо ненароком задевает за тумбу.

При этом намеке достопочтенный м-р Сиджвинс, взволнованный и озадаченный, взял свою шляпу, зонтик, и, обращаясь к почтенной леди, – сказал, что пора им, наконец, выбраться из пределов этого нечистого жилища. М-с Уэллер немедленно встала со своего места, и Самуэль вывел своих гостей на тюремный двор.

– Прощай, мой друг, Самми! – сказал старый джентльмен.

– Прощай, добрый человек! – отвечал м-р Уэллер младший.

– Вот что, Самми, – шепнул старик, отведя немного в сторону своего сына, – кланяйся от меня своему старшине и скажи, что если он этак задумает что-нибудь, так я весь к его услугам. Есть у меня на примете один мебельщик, который, в случае нужды, готов выручить из омута самого черта. Пьяны, Самми, пьяны, – заключил м-р Уэллер, хлопнув своего сына по затылку и отступив шага два назад.

– Это что еще, старый чудесник?

– Фыртопияны, Самми, фыртопияны, – пояснил м-р Уэллер с тем же таинственным видом. – Пусть старшина возьмет напрокат инструмент этого сорта, на котором нельзя играть, Самми.

– Что-ж из этого выйдет? – спросил Самуэль.

– И пусть через несколько времени он пришлет за моим приятелем, мебельщиком, чтобы тот взял назад свою машину, – продолжал м-р Уэллер. – Понимаешь теперь?

– Нет, – отвечал Самуэль.

– Эх ты, дубинная башка! – прошептал старый джентльмен. – Да в этой машине старшина твой уляжется, и с головизной, и с ногами, и с руками, и он там может отдыхать, как на своей постели. Понял?

– Еще бы! Ну?

– Ну, а уж там пиши пропало. Паспорт в Америку, да и катать-валять на всех парусах. Американцы – народ славный, и любят дорогих гостей. Старшина может остаться там до кончины м-с Бардль или до той поры, как повесят господ Додсона и Фогга, а это, по всей вероятности, случится очень скоро. Тогда он воротится назад и настроит книгу насчет этих американцев. Этой книгой он с лихвой возвратит все свои путевые издержки, да еще останется в барышах, особенно, если он разберит их хорошенько.

Сообщив этот удивительный план, Уэллер старший крепко пожал руку своего возлюбленного сына и окончательно скрылся за воротами тюрьмы.

Едва Самуэль пришел в себя после этого достопамятного свидания с своею родней, как м-р Пикквик вышел к нему навстречу и положил руку на его плечо.

– Послушайте, Самуэль, – сказал м-р Пикквик.

– Что прикажете, сэр?

– Я собираюсь сегодня погулять по этому заведению, и вы должны быть моим спутником, Самуэль. Вот скоро мы увидим одного очень замечательного арестанта, которого, впрочем, вы знаете, Самуэль, – добавил м-р Пикквик, улыбаясь.

– Какого сэр? – спросил м-р Уэллер, – не этого-ли, что ходит с растрепанными волосами, или, может быть, интересного его товарища в грязных чулках?

– Ни того, ни другого, – отвечал м-р Пикквик. – Этот арестант ваш старинный друг, Самуэль.

– Мой? Неужели! – воскликнул м-р Уэллер.

– Вы, без сомнения, превосходно помните этого джентльмена или, в противном случае, память ваша слишком коротка, Самуэль, – сказал м-р Пикквик. – Таких знакомцев нескоро забывают. Тсс... Ни слова, Самуэль, ни полслова. Вот он!

Пока м-р Пикквик говорил таким образом, впереди показался м-р Джингль, выступавший медленным и осторожным шагом. Наружность его уже не имела больше того жалкого и унижительного вида, в каком он отрекомендовался читателю в общей тюремной зале. На нем был теперь старый фрак, освобожденный из-под залога при великодушном содействии м-ра Пикквика. Волосы его были острижены, и, казалось, он переменял белье. При всем том, м-р Джингль был очень бледен и тонок: он едва передвигал ноги, опираясь на костыль и легко было заметить, что он претерпевал ужасные страдания от нищеты и постепенного упадка физических сил. При виде м-ра Пикквика, он снял шляпу и был, по-видимому, очень смущен, когда взор его упал на Самуэля.

За ним, по пятам его, выступал м-р Иов Троттер, который, несмотря на значительную коллекцию дурных качеств, собранных в его особе, отличался, однако ж, замечательною преданностью к своему товарищу и другу. Был он все еще в грязных лохмотьях, но щеки его не были уже так впалы, как при первой встрече с м-ром Пикквиком за несколько дней. Поклонившись теперь своему великодушному благодетелю, он пробормотал, в изъявление благодарности, несколько бессвязных слов, говоря между прочим, что его избавили от голодной смерти.

– Ну, полно, полно, – сказал м-р Пикквик, с нетерпением останавливая его на половине какой-то фразы, – вы можете идти с моим слугой. Мне надобно поговорить с вами м-р Джингль. Можете-ли вы идти, не опираясь на его плечо?

– Конечно... да... не слишком скоро... трясутся ноги... голова идет кругом... как будто дрожит земля.

– Дайте мне вашу руку, – сказал м-р Пикквик.

– Нет, нет, – отвечал Джингль, – не годится... недостойн.

– Какой вздор! – сказал м-р Пикквик. – Облокотитесь на меня: я желаю этого, сэр.

Но видя нерешимость и волнение этого джентльмена, м-р Пикквик сам взял его под руку и повел вперед, не говоря больше ни слова.

В продолжение всей этой сцены, физиономия м-ра Самуэля Уэллера выражала неопишное изумление. Он поминутно переводил глаза от Иова на Джингля, от Джингля на Иова, и повторял по крайней мере раз двадцать: – «Ох, как! Э! Ну!»

– Самуэль! – сказал м-р Пикквик, оглядываясь назад.

– Сейчас иду, сэр, – отвечал м-р Уэллер, машинально следуя за своим господином.

И все-таки он не мог отвести глаз от м-ра Иова Троттера, который продолжал стоять на одном и том же месте с понурой головою; но когда Самуэль, покорный приказанию своего господина, должен был остановиться подле него, м-р Троттер приподнял голову и сказал:

– Как ваше здоровье, м-р Уэллер?

– Так это он! – воскликнул Самуэль.

И затем последовал продолжительный и многозначительный свист, послуживший несомненным свидетельством того, что м-р Уэллер убедился, наконец, в действительности своих наблюдений.

– Обстоятельства переменялись, сэр, – сказал Иов.

– Вижу, что переменялись, – отвечал м-р Уэллер, обозревая с неопишным изумлением лохмотья этого джентльмена, – и эта перемена, кажется, не к лучшему для вас, м-р Троттер.

– К худшему, м-р Уэллер, к худшему. Теперь уж нет надобности обманывать вас. Обман невозможен. Слезы не всегда бывают лучшим и единственным доказательством горя.

– Это я давно знал.

– Плакать можно по собственной воле, когда вздумается, м-р Уэллер.

– Это вы доказали.

– Да-с: но вот *эти вещи*, я полагаю, не слишком удобно подделывать по собственному произволу.

Говоря таким образом, Троттер указал на свои желтые, впалые щеки, и затем, выворотив рукав своего сюртука, представил на рассмотрение Самуэля тонкую костлявую руку, которую, казалось, можно было бы переломить одним легким ударом.

– Что вы сделали над собой? – спросил Самуэль, отступая шаг назад.

– Ничего, м-р Уэллер. Я вот ничего не делаю несколько недель, да уж ничего почти не ем и не пью.

Самуэль окинул еще раз пронизательным взором жалкую наружность м-ра Троттера и затем, не говоря больше ни слова, схватил его за руку и принялся тащить изо-всей силы.

– Куда вы тащите меня, м-р Уэллер? – спрашивал Иов, тщетно стараясь вырваться из рук своего старинного врага.

– Пойдем, пойдем, – сказал Самуэль.

И он не сделал больше никаких объяснений до тех пор, пока они пришли в буфет. Здесь м-р Уэллер приказал подать кружку портера, и этот напиток был немедленно предложен к его услугам.

– Ну, вот вам, пейте все до дна и опрокиньте кружку вверх ногами, – сказал Самуэль.

– Ах, м-р Уэллер, почтеннейший...

– Ни слова больше. Пейте.

М-р Троттер поднес кружку к губам и в несколько минут опорожнил ее до последней капли, приостанавливаясь только два или три раза перевести дух.

– Вот это я люблю, – сказал Самуэль. – Ну, как теперь вы себя чувствуете, любезный друг?

– Получше немного, – отвечал м-р Троттер.

– Разумеется лучше: иначе и быть не может, – сказал Самуэль. – Это ведь все равно, что прибавить газу в воздушный шар, и я вижу простым глазом, как вы начинаете толстеть. А что этак вы скажете насчет другой порции такого же размера и состава?

– Нет, уж это было бы слишком, м-р Уэллер, – покорно вас благодарю.

– А не похлопотать ли, примером сказать, насчет чего-нибудь съестного?

– Покорно вас благодарю, сэр, – отвечал м-р Троттер, – добрый господин ваш приказал нам подать баранины с картофелем, и мы уж позавтракали в три часа.

– Как! Он уж озаботился насчет вас? – спросил Самуэль выразительным тоном.

– Да, сэр, – отвечал Иов. – Он уже успел оказать нам много благодеяний, м-р Уэллер. Мы жили прежде в душевной конуре, а старшина ваш нанял для нас уютную и просторную комнату, столь необходимую для моего слабого и больного господина. Он сам заплатил деньги и приходил ночью навестить нас, м-р Уэллер.

И при этих словах, глаза м-ра Троттера, быть может, первый раз в его жизни, оросились самыми искренними слезами.

– Да, сэр, – продолжал сердобольный Иов, – в век я не забуду вашего великодушного господина и буду служить ему до последних сил... до последнего издыхания.

– Нет, сэр, не говорите этого, – сказал Самуэль, – прошу вас и не заикаться об этом, любезный друг.

Иов Троттер вытарашил глаза.

– Да, и не заикаться об этом, – повторил Самуэль твердым и решительным тоном. – Никто не вправе служить ему, кроме меня, и я отвергаю тут всякое постороннее вмешательство и чужия услуги. Открыть-ли вам тайну, любезный друг?

– Сделайте одолжение, м-р Уэллер.

– Так слушайте же обоими ушами. – Не было, нет и не будет в целой вселенной такого доброго, великодушного, щедрого, благодетельного джентльмена, как мой несравненный господин, нет нужды, что он ходит в узеньких гультиках и тесных полусапожках. Такого человека не найти нам с вами даже в сказках, которых я перечитал не мало на своем веку. Это – сущий ангел. Зарубите это себе на носу, Иовь Троттер.

Затем м-р Уэллер, подойдя к буфету, расплатился и положил сдачу в свой боковой карман. Снова отправившись на тюремный двор, они нашли м-ра Пикквика и Джингля, занятых весьма серьезным разговором. Великий человек не обращал ни малейшего внимания на толпу, собравшуюся на площадке тюремного двора. Толпа между тем была чрезвычайно разнообразна и вполне достойна наблюдений ученого мужа.

– Очень хорошо, – сказал м-р Пикквик, когда Самуэль и Троттер появились на площадке, – вы станете теперь заботиться о поправлении своего здоровья, и больше покамест не думайте ни о чем. Вы дадите мне знать, когда вам можно будет приняться за дело, и мы еще потолкуем об этом. Ступайте теперь в свою комнату. Вы слишком слабы, утомлены, и не можете оставаться долее на этом месте.

М-р Альфред Джингль, не обнаруживая больше ни малейших признаков своего прежнего одушевления и притворной веселости, сделал своему благодетелю низкий поклон и тихонько поплелся к своему жилищу, сказав наперед Иову, чтобы тот остался, покамест, на дворе в обществе м-ра Уэллера.

– Интересная тут сцена, Самуэль, не правда ли? – сказал м-р Пикквик, озираясь вокруг себя с добродушным видом.

– Очень интересная, сэр, – отвечал м-р Уэллер. – Такие чудеса повторяются не слишком часто, добавил он, обращаясь к самому себе. – Готов биться об заклад, что у этого Джингля навернулись слезы на глаза.

Площадка, где стоял теперь м-р Пикквик, была с одной стороны ограждена глухой стеною, с другой тою частью тюремного замка, которая обращена была на Павловский собор. Раз-

нообразная, пестрая толпа переходила с одного места на другое или сидела там и сям в более или менее интересных позах. Все это были долговые арестанты, и большая часть их дожидалась здесь окончательного решения своих дел в коммерческом банкротском суде. Некоторые имели чрезвычайно жалкий и оборванный вид; другие щеголяли в чистом белье и модных костюмах; но все, без исключения, слонялись, стояли или сидели таким образом, что ни у кого, по-видимому, не было определенной мысли на уме.

Из тюремных окон, обращенных на площадку, выставлялись также весьма многие лица: одни вступали в шумный разговор с своими знакомцами внизу; другие перекидывались мячами с некоторыми из ловких игроков; иные с любопытством следили за движениями игроков и наблюдали за мальчишками, подававшими мячи. Женщины, в засаленных передниках и грязных башмаках беспрестанно проходили через двор на кухню, устроенную в отдаленном углу тюрьмы; дети визжали, барахтались, играли, плакали, смеялись. Повсюду был шум и гвалт, за исключением одного только места на дворе, где лежал труп арестанта, умершего накануне.

– Не хотите ли, сэр, заглянуть в свистящую лавочку? – спросил Иов Троттер.

– Во что?

– В свистящую лавочку сэр, – повторил Троттер.

– Что это такое? Не знаете-ли вы, Самуэль? – спросил м-р Пикквик.

– Не знаю. Это, должно быть, лавчонка, где продают птиц, – сказал м-р Уэллер.

– О, нет, совсем не то! – перебил м-р Троттер. – В свистящей лавочке, сэр, продают ром и водку для арестантов.

И затем, м-р Иов Троттер объяснил в коротких словах, что закон строго запрещает, под опасением тяжкого наказания, продавать эти спиртуозные напитки в долговых тюрьмах; но так как здесь всегда бывают джентльмены и леди, предпочитающие этот сорт крепительной влаги всем виноградным напиткам, то некоторые сострадательные тюремщики, за условленную плату, позволяют, для общей пользы, двум или трем арестантам производить тайным образом контрабандную торговлю этим запрещенным товаром.

– И этот план введен постепенно во все долговые тюрьмы, – продолжал м-р Троттер. – Выгода здесь обоюдная и для тюремщиков, и для арестантов, производящих эту торговлю. Но как скоро джин или ром попадают сюда каким-нибудь другим непозволительным путем, мимо свистящей лавочки, тюремщики немедленно ловят контрабандиста и доносят об этом по начальству, за что и получают надлежащее вознаграждение, как лица, ревностно исполняющие свой долг.

– Значит – и волки сыты, и овцы целы? – заметил Самуэль.

– Точно так, м-р Уэллер.

– Но разве никогда не бывает ревизии со стороны начальства? – спросил м-р Пикквик.

– Бывает, сэр, как не бывать? Только тюремщики знают об этом заранее и передают пароль свистунам, чтобы они распорядились упрятать подальше запрещенный товар. Таким образом, ревизор может искать и свистать, сколько ему угодно; ни лысого беса не поймают.

– Все это, стало быть, хорошо устроено, – сказал м-р Пикквик.

– Очень хорошо.

Иов постучался в дверь свистящей лавочки, и, когда они вошли, джентльмен с косматыми волосами, тотчас же запер ее на крюк, и потом, взглянув на своих посетителей широко открыл рот и оскалил зубы. Самуэль и м-р Троттер тоже с своей стороны нашли приличным показать зубы. М-р Пикквик улыбнулся, и улыбка не сходила с его уст до окончания этого визита.

Вполне довольный таким безмолвным выражением участия к своему промыслу, косматый джентльмен вынул из-под кровати огромный плетеный кувшин с живительной влагой и налил три рюмки джина, которым и воспользовались, к своему удовольствию, Иов Троттер и м-р Самуэль Уэллер.

– Не угодно-ли еще? – спросил свистящий джентльмен.

– Нет, довольно, – отвечал Троттер.

М-р Пикквик заплатил деньги, дверь отворилась, и они вышли. Косматый джентльмен бросил дружеский взгляд на м-ра Рокера, который в эту самую минуту проходил мимо.

От свистящей лавочки, м-р Пикквик отправился осматривать все галереи пяти этажей, прошелся по всем лестницам и еще раз обозрел весь двор. По исследованиям его оказалось, что все тюремные жители и каждый поодиночке, совмещали в себе, более или менее, те же общие черты, которые он заметил в Смангле, Мивинсе, докторе кувыркательной профессии, мяснике, конокраде, и так далее. Везде одна и та же грязь, один и тот же шум и гвалт, одна общая характеристика в каждом углу и закоулке. беспокойство и волнение замечалось повсюду, и шумные толпы бродили взад и вперед, без цели, без намерения, без мысли, как тени в тревожном сне.

– Теперь я довольно насмотрелся, – сказал м-р Пикквик, бросаясь на софу в своей маленькой комнате. – Голова моя идет кругом от всех этих сцен. С этой поры я буду арестантом в своей собственной комнате.

И м-р Пикквик вполне остался верен этому плану. Целых три месяца просидел он взаперти в своей тюремной квартире и только по ночам изредка выходил подышать чистым воздухом в ту пору, когда все другие арестанты спали или оставались в своих комнатах за карточными столами. Мало-помалу здоровье его начало слабеть от неудобств затворнической жизни; но ни часто возобновлявшиеся просьбы Перкера и его друзей, ни беспрестанные увещания м-ра Самуэла Уэллера, не могли изменить ни на волос твердой решимости великого человека.

Глава LXVI

Трогательная и вместе юмористическая сцена, задуманная и выполненная господами Додсоном и Фоггом.

В один прекрасный вечер, в конце июля, извощичий кабриолет, неизвестно под каким номером, быстро катился по той самой улице, где некогда производил свои глубокомысленные исследования знаменитый президент Пикквикского клуба. В кабриолете, кроме кучера, занимавшего свое обыкновенное место, сидели две особы женского пола и один джентльмен, затиснутый в середину между ними. Обе леди были, казалось, одержимы беспокойным духом противоречия и досады, тогда как джентльмен, пасмурный и угрюмый, носил на своей физиономии очевидные следы душевного волнения. В настоящую минуту джентльмен и его спутницы давали противоречащие приказания кучеру, клонившиеся, впрочем, к одному и тому же пункту, чтобы он, кучер, остановился у ворот жилища м-с Бардль. Эти ворота, по единодушному уверению дам, окрашены были желтой краской, между тем как спутник их утверждал упорно, что ворота, калитка и подъезд у м-с Бардль имеют положительно зеленый цвет. Спор был жаркий и живой.

– Остановитесь у зеленых ворот, кучер, – сказал угрюмый джентльмен.

– Ах, что это за урод! – воскликнула одна из брюзгливых леди. – Говори ему, что хочешь, он наладил себе одно и то же. Извощик!

– Что прикажете?

– Остановитесь у дома с желтыми воротами.

Не зная кого слушать, кучер удержал лошадь на всем ходу и остановился.

– Ну, так где-же мы пристанем? – спросил кучер. – Порешите это между собою.

Спор возобновился с новым ожесточением и силой. Пользуясь этим досугом, кучер филантропически ласкал своего коня нахлесткой по голове и ушам.

– А время все идет да идет, – сказала наконец одна из брюзгливых леди. – Ведь вам же приказано остановиться у желтых ворот: что вы не слушаетесь, извощик?

Отдохнувший рысак стрелой примчался к желтым воротам, произведя такой шум, «как будто мы приехали в своем собственном экипаже», как заметила брюзгливая леди торжествующим тоном. Но когда кучер принялся высаживать своих пассажиров, в нижнем окне одного из домов с *красными* воротами выставилась маленькая круглая головка мастера Томаса Бардля, единственного детища знаменитой вдовы.

– Пустозвонный болван! – сказала вышеупомянутая леди, бросая гневный взгляд на угрюмого джентльмена.

– Я не виноват, моя милая, – проговорил джентльмен.

– Да уж молчи, по крайней мере, дубовая ты голова, – возразила неугомонная леди. – Подъезжайте, кучер, вон к тому дому, что с красными воротами. О, ох! видано-ли, чтобы какой-нибудь, с позволения сказать, бездушный истукан пользовался всяким случаем обижать и унижать свою несчастную жену, на открытой улице, среди ясного дня!

– В самом деле, как это вам не стыдно, м-р Раддль? – заметила другая маленькая женщина, в которой нам приятно отрекомендовать читателю прежнюю нашу знакомку, м-с Клоппинс.

– Да в чем-же я провинился, Бога ради? – спросил м-р Раддль.

– Уж сделай милость, прикуси ты свой язык, глупая скотина, иначе я принуждена буду, забыв слабость своего пола, отвесить тебе пощечину – энергически возразила м-с Раддль.

В продолжение этого разговора кучер самым унижительным и позорным образом вел свою лошадь за узду по направлению к дому с красными воротами, уже отверенными рукою мастера Бардля. Увы! так-ли следует порядочным людям приезжать в гости к искренним дру-

зьям? Не было никакой надобности удерживать бурное стремление рьяного коня, кучер не прыгал с козел, не звонил и не стучался у подъезда, никто не высаживал дам и никто не потрудился нести за ними шалей. Пропал весь эффект, и уже никак нельзя было похвастаться, что вот, дескать, «мы приехали в собственном экипаже». Это из рук вон. Это уж чуть-ли не хуже, чем просто придти пешком.

– Ну, Томми, здравствуй, мой милый, – сказала м-с Клоппинс. – Здорова-ли твоя маменька?

– О, да, совершенно здорова, – отвечал мастер Бардль. – Она теперь в гостиной, совсем готова. Я тоже совсем готов.

Здесь мастер Бардль величаво засунул руки в карманы и молодцовато повернулся на одной ноге.

– Еще кто едет, Томми? – спросила м-с Клоппинс, поправляя свою пелеринку.

– Едет м-с Сандерс, – отвечал Томми. – И я также еду.

– Что это за несносный мальчик! – воскликнула м-с Клоппинс, – только и думает, что о себе! послушай, душенька Томми.

– Что?

– Кто еще едет, мой милый? – сказала м-с Клоппинс вкрадчивым тоном.

– М-с Роджерс едет, – отвечал мастер Бардль, широко открывая глаза на любознательную гостью.

– Как? Та самая леди, что наняла недавно квартиру у твоей мамы? – воскликнула м-с Клоппинс.

Мастер Бардль еще глубже засунул руки в карманы и подмигнул в знак утвердительного ответа.

– Ах, Боже мой, да ведь это будет целая компания! – воскликнула м-с Клоппинс.

– Это еще ничего; а вот если бы вы знали, что у нас там в буфете-то! Вот что... – сказал мастер Бардль.

– Что ж там такое, Томми? – сказала м-с Клоппинс ласковым и нежным тоном. – Ты ведь мне скажешь, мой милый: не правда-ли?

– Нет, не скажу, – отвечал мастер Бардль.

– Отчего же?

– Мама не велела.

– Ну, она не узнает: скажи, мой милый.

– Нет, после сами узнаете, – отвечал мастер Бардль, делая отрицательный жест. – А уж есть там и на мою долю славные вещички: вот что!

Радуюсь этой перспективе, веселый мальчик еще раз повернулся на одной ноге и побежал домой.

В продолжение этого интересного разговора с возлюбленным сыном вдовы, м-р и м-с Раддль вели оживленную беседу с упрямым извозчиком относительно платы, которую он должен был получить за свою езду. Окончив этот спор в пользу бессовестного возницы, м-с Раддль, размахивая руками, приблизилась к подъезду.

– Ах, Мери-Анна, что это с тобою, моя милая? – спросила м-с Клоппинс.

– Ох, уж не спрашивай! я вся дрожу, Бетси, – отвечала м-с Раддль. – Муженек-то мой хуже всякой бабы: везде и всегда я обязана хлопотать одна по его милости.

Иначе и не могло бы быть: при самом начале неприятного спора с извозчиком м-с Раддль сказала своему супругу, чтобы он держал язык на привязи и не совался не в свое дело; но когда, в настоящем случае, он хотел представить в свое оправдание этот извинительный пункт, м-с Раддль немедленно обнаружила несомненные признаки обморока, предшествуемого сильным взрывом истерического припадка. И лишь только это обстоятельство было замечено из окна маленькой гостиной домика с красными воротами и принято к сведению м-с Бардль, жилища

её, Сандерс и жилицына служанка бросились стремглав за ворота и потащили гостью в дом, разговаривая все вдруг, испуская вопли, стоны, жалобные крики, как будто м-с Раддль была беспримерной страдальницей между всеми смертными, обреченными страдать и мучиться целую жизнь. Гостью положили на софу, расшнуровали, расстегнули, приставили бутылочку к её ноздрям, скляночку к её рту, и потом все вместе принялись растирать её виски с такою дружною деятельностью, что м-с Раддль, чихая и зевая, принуждена была объявить наконец, что ей, слава Богу, гораздо лучше.

– Ах, бедняжка! – воскликнула м-с Роджерс. – Я слишком хорошо знаю, отчего она страдает.

– Ох, кто-ж этого не знает! – воскликнула м-с Сандерс. – Бедная, бедная страдальца!

И затем все леди простионали вкуче, и все объявили единодушно, что жалеют несчастную страдальцу от всего сердца и от всей души. Даже маленькая горничная жилицы, девчонка тринадцати лет от роду и трех футов ростом, поспешила выразить свое соболезнование плачевным тоном.

– Однако, что-ж такое случилось? – спросила м-с Бардль.

– Что это вас расстроило, сударыня? – спросила м-с Роджерс.

– Ох, меня ужасно растревожили! – отвечала м-с Раддль болезненным тоном жалобы и упрека.

Все леди бросили негодующий взор на м-ра Раддля.

– Позвольте, сударыня, я вам объясню все дело, – сказал этот несчастный джентльмен, выступая вперед. – Когда мы подъехали к этому дому, у нас, видите ли, вышел спор с кучером кабриойля²⁸...

Громкий и пронзительный взвизг из уст раздраженной супруги сделал дальнейшее объяснение совершенно невозможным.

– Вы уж лучше бы оставили нас, м-р Раддль, – сказала м-с Клоппинс, – в вашем присутствии, я полагаю, ей никогда не придти в себя.

С этим мнением согласились все без исключения леди, и м-р Раддль принужден был выйти. Ему отрекомендовали удалиться на задний двор, где он и погулял около четверти часа. По истечении этого времени, м-с Бардль воротилась к нему с торжествующим лицом и объявила, что он может, если угодно, войти в комнату, но с условием – вести себя как можно осторожнее в отношении своей жены. Конечно, он не думает оскорбить грубым обхождением деликатные чувства бедной женщины, но Мери-Анна имеет, к несчастью, такую слабую комплекцию, и если не заботиться о ней, как о нежном цветочке, м-р Раддль может потерять ее совершенно неожиданным образом, и это, разумеется, будет служить ему горьким упреком на всю жизнь. Все эти и подобные речи м-р Раддль выслушал с великою покорностью и скоро воротился в гостиную, кроткий и смирный как ягненок.

– А я ведь еще вас не познакомила, м-с Роджерс, – сказала м-с Бардль. – Вот это м-р Раддль, сударыня; м-с Клоппинс, сударыня; м-с Раддль, сударыня...

– Родная сестрица м-с Клоппинс, сударыня, – дополнила м-с Сандерс.

– Право? – сказала м-с Роджерс грациозным тоном. – Скажите пожалуйста, как это мило!

М-с Раддль улыбулась очень сладко, м-р Раддль поклонился, м-с Клоппинс с неописанною любезностью выразила убеждение, что ей чрезвычайно приятно познакомиться с такою очаровательною леди, как м-с Роджерс, о которой она уже давно наслышалась самых лестных отзывов. Этот комплимент был принят с грациозной снисходительностью.

– А вы что скажете, м-р Раддль? – спросила м-с Бардль.

²⁸ Вместо кабриолета. Несчастный джентльмен промолвился весьма неудачно, придав этому французскому экипажу английское окончание совершенно извращающее смысл предмета. Он сказал *cabrioily* (*oily* – масляный) вместо *cabriolet* и этим натурально обнаружил крайнее невежество, поразившее неприятным образом утонченный вкус его благовоспитанной супруги. Вот почему она и взвизгнула тотчас же по произнесении этого слова. *Прим. перев.*

– Я, сударыня? Ничего. Я очень рад.

– Чему-ж ты радуешься, болван? – проговорила м-с Раддль.

– Помилуй, душа моя, как же ему не радоваться? – подхватила м-с Бардль. – Он, да еще Томми, будут единственными нашими кавалерами, когда мы поедем теперь в Гемпстед, в «Испанскую гостиницу». Всякому порядочному джентльмену должно быть очень приятно сопровождать стольких дам. Вы как об этом думаете, м-с Роджерс?

– Я совершенно согласна с вами, – сказала м-с Роджерс.

И согласились все до одной, что м-р Раддль должен считать себя счастливейшим из смертных, по поводу этой поэтической прогулки.

– Вы угадали мои чувства, милостивые государыни, – сказал м-р Раддль, самодовольно потирая руки и обнаруживая желание выставить себя с выгоднейшей стороны в глазах прелестных собеседниц. – Только вот видите, если сказать правду, в ту пору как мы ехали сюда в кабриоли...

Но при повторении этого слова, возбуждившего такие печальные воспоминания, м-с Раддль испустила опять пронзительный звук, и приставила платок к своим глазам. М-с Бардль сердито нахмурила брови на м-ра Раддля, в ознаменование, что ему уж было бы лучше воздержаться от всяких замечаний. Затем жилицына служанка получила приказание подчивать гостей.

Это было сигналом к раскрытию заветных сокровищ буфета, где помещались блюда с апельсинами и бисквитами, одна бутылка старого портвейна и бутылка превосходного индийского хереса, за которую в одном из лучших погребов заплатили ровно полтора шиллинга. Все эти сокровища предложены были, к наслаждению публики, от имени жилицы м-с Бардль, и о них-то маленький Томми ничего не хотел сказать любознательной м-с Клоппинс. После этого предварительного угощения со стороны м-с Роджерс, общество благополучно уселось в гомпстедский омнибус, и через два часа приехало к загородным садам, где процветала «Испанская гостиница». Здесь самый первый поступок м-ра Раддля едва не поверг в обморок его любезную супругу: он имел глупость заказать чаю на семь персон, считая за особую персону мастера Бардля, и это было очень опрометчиво, как единодушно согласились все прекрасные леди: маленький Томми мог бы, конечно, пить из одной чашки с кем-нибудь, или приотведывать из всех чашек, когда в комнате не будет трактирного лакея. Это избавило бы от лишних издержек, и чай был бы одинаково душист и крепок.

Но уже не было возможности поправить этой непростительной ошибки. Чайный поднос явился с семью блюдечками и чашками; бутерброды были равномерно приготовлены на столько же персон. М-с Бардль, по единодушному желанию, заняла первое место за столом, по правую её руку села м-с Роджерс, по левую – м-с Раддль. Когда таким образом, все пришло в надлежащий порядок, игривая веселость одушевила всю компанию, и разговор полился быстрейшим потоком.

– Как приятно дышать деревенским воздухом! – заметила м-с Роджерс, испустив глубокий вздох. – Мне кажется, я бы согласилась остаться здесь на всю жизнь.

– О, не говорите этого, сударыня! – возразила м-с Бардль с некоторой запальчивостью, находя, что, в качестве домовой хозяйки, ей никак не следует поощрять такого образа мыслей. – Вы бы здесь не долго прожили, м-с Роджерс, уверяю вас.

– Конечно, конечно, – подтвердила м-с Клоппинс, – при вашей живости характера, никак нельзя ограничиться однообразными удовольствиями загородной жизни. И поверьте, м-с Роджерс, деревня вам надоела бы в какие-нибудь две и уж много, три недели.

– На мой взгляд, милостивые государыни, – заметил м-р Раддль, окидывая взором все маленькое общество, – деревня хороша собственно для одиноких особ, которым нет надобности заботиться о ком бы то ни было, и о которых тоже не заботится ни одна душа в мире.

Для таких особ, обманутых в своих ожиданиях, надеждах, мечтах, деревня, скажу я вам, настоящий клад.

Трудно было, на месте несчастного джентльмена, придумать речь, более несообразную с положением одной из присутствующих особ. Само собою разумеется, что м-с Бардль залилась горькими слезами и потребовала, чтоб ее немедленно вывели из-за стола. Мастер Бардль зарыдал навзрыд.

– И вот, сударыня, кто бы мог подумать, – завопила, м-с Раддль, обращаясь к жилище своей приятельницы, – кто бы мог подумать, что несчастной женщине суждено всю жизнь, с глаза на глаз, прозябать с таким неотесанным извергом, который, как видите, даже неспособен питать уважение к её полу.

– Право, душенька, я не имел никакого намерения, – сказал м-р Раддль, – я ведь это так.

– Что так? – взвизгнула м-с Раддль с выражением величайшего презрения. – Что так? Извольте идти вон, сударь! Не могу тебя видеть, глупое животное!

– Не горячись пожалуйста, Мери-Анна, – сказала м-с Клоппинс. – Ты решительно не бережешь себя, моя милая. Уйдите, Раддль, сделайте милость: вы не умеете обращаться с своей редкой женой.

– Я советовала-бы вам, сэр, кушать чай где-нибудь подальше от нас, в другой комнате, – сказала м-с Роджерс, вынимая из ридикюля бутылочку со спиртом.

М-с Сандерс, хлопотавшая все это время около бутербродов, – выразила такое-же мнение, и м-р Раддль принужден был удалиться.

С его уходом, м-с Бардль поспешила приподнять и заключить в свои объятия возлюбленного сына, что произвело некоторую суматоху за столом, так как мастер Бардль, барахтаясь в материнских объятиях, зацепился сапогами за чайный поднос и опрокинул несколько чашек. Но известно всему миру, что истерические припадки между дамами, несмотря на шумный и болезненный характер, оканчиваются весьма скоро и без всяких печальных последствий: м-с Бардль, влепив два или три поцелуя своему сынку, почувствовала неимоверную отраду на своей душе, и, прихлебывая чай, не могла никак сообразить, отчего это ей вдруг сделалось так дурно.

В эту самую минуту послышался стук колес подъезжавшего экипажа. Леди заглянула в окно и увидела извожичью карету, остановившуюся перед воротами сада.

– Гость да гость, хозяину радость, – сказала м-с Сандерс.

– Какой-то джентльмен, – сказала м-с Раддль.

– Ах, да ведь это м-р Джексон, тот молодой человек, что служит в конторе господ Додсона и Фогга! – вскричала м-с Бардль. – Что бы это значило? Неужто м-р Пикквик решился наконец заплатить неустойку?

– Вероятнее всего, он одумался и предлагает вам руку, – сказала м-с Клоппинс.

– Какой неповоротливый джентльмен! – воскликнула м-с Роджерс. – Чтобы ему поторопиться!

М-р Джексон между тем, впродолжение всех этих обсуждений и догадок, сообщал какие-то замечания долговязому и неуклюжему парню в черных панталонах, который вышел из экипажа с толстой ясеневою палкой в руке. Кончив эти переговоры, молодой человек снял шляпу и, разглаживая волосы, подошел к тому месту, где заседали прекрасные леди.

– Что нового? Что случилось, м-р Джексон.

– Здравствуйте, милостивые государыни. Прошу извинить, mesdames, если я вас несколько обеспокоил; но закон, сударыня, закон прежде всего.

С этими словами, м-р Джексон улыбнулся, отвесил всей компании общий поклон и еще раз пригладил свои волосы. М-с Роджерс – заметила своей соседке, что это был прекраснейший молодой человек.

– Я был сперва у вас в Гозуэлльской улице, – начал м-р Джаксон, – и когда мне сказали, что вы здесь, я нанял карету и приехал сюда. Наши ждут вас в Сити, м-р Бардль.

– Неужели! – воскликнула изумленная вдова, беспокойно подпрыгивая на своем стуле.

– Да-с, – отвечал Джаксон, закусывая нижнюю губу. – Им надобно видеть вас сегодня, сию-же минуту: дело не терпит ни малейшей отсрочки. Додсон именно так выразился, и то же повторил Фогг. Я затем и нанял карету, чтоб привести вас с собою.

– Как это странно! – воскликнула м-с Бардль.

Все подтвердили, что это действительно очень странно, и все единодушно согласились, что дело по всей вероятности, заключает в себе необыкновенную важность, иначе Додсон и Фогг не прислали бы своего письмоводителя. Само собою разумеется, что м-с Бардль должна ехать немедленно в Сити.

В этом необыкновенно поспешном требовании двух знаменитых юристов Лондона не было натурально ничего унижительного для м-с Бардль, и она даже гордилась этим до некоторой степени, воображая, что это обстоятельство естественным образом возвысит ее в глазах жилицы, нанимавшей у неё первый этаж. На этом основании, м-с Бардль испустила глубокий вздох, взглянула на потолок, на стены и, после минутного колебания, объявила окончательно, что уж, делать нечего, она поедет, потому что, кажется, ей нельзя не ехать.

– Но не угодно-ли вам освежиться немножко после этой поездки, м-р Джаксон? – спросила м-с Бардель. – Рюмочку винца например?

– Не знаю, право, времени-то терять нельзя, сударыня, – отвечал м-р Джаксон: – к тому же со мной здесь приятель, – продолжал он, указывая на джентльмена с ясеневою тростью.

– Ах, просите его сюда, сэр, – сказала м-с Бардль.

– Попросите к нам вашего приятеля, – подтвердила м-с Роджерс.

– Нет, покорно вас благодарю, сударыни, это будет неудобно, – сказал м-р Джаксон. – Приятель мой не привык к дамскому обществу и ужасно застенчив. А вот если вы прикажете буфетчику поднести ему хороший стаканчик джину, так он, может быть, не прольет его на землю. Не угодно-ли сделать этот опыт, м-с Бардль?

Говоря это, м-р Джаксон ласкал указательным пальцем оконечность своего носа, давая знать таким образом, что слова его надо понимать в ироническом смысле.

Вслед затем, стаканчик джина действительно был отправлен к застенчивому джентльмену и застенчивый джентльмен проглотил его залпом, закусил и облизнулся. М-р Джаксон тоже промочил горло какой-то влагой, и прекрасные леди, все до одной, выкушали за компанию по рюмочке мадеры. Тогда м-р Джаксон заметил, наконец, что уж время никак не терпит, и поэтому м-с Сандерс, м-с Клоппинс и маленький Томми поспешили сесть в карету. Было решено, что мастер Томми поедет с своей матерью, тогда как другие дамы останутся под покровительством м-ра Раддля.

– Исаак! – сказал м-р Джаксон, когда м-с Бардль приготовлялась сесть в карету. При этом молодой человек взглянул на джентльмена с ясеневою тростью: тот сидел на козлах и покурил сигару.

– Что?

– Вот это м-с Бардль.

– О, это я давно знал, – отвечал джентльмен, заседавший на козлах.

М-с Бардль вошла и уселась; м-р Джаксон вошел после неё, и карета двинулась с места. М-с Бардль невольно задумалась над словами, произнесенными другом м-ра Джаксона. Какой умный народ все эти юристы: право!

– Странные хлопоты бывают иной раз с этими судебными издержками! – сказал Джаксон, когда м-с Клоппинс и м-с Сандерс задремали на своих местах, – я разумею издержки по вашему делу, сударыня.

– Мне очень жаль, право, что господа Додсон и Фогг не могут до сих пор получить этих издержек, – отвечала м-с Бардль, – но уж, конечно, эти лица должны иной раз терпеть и убыток, как скоро их расчет оказывается неверным.

– Вы однако ж, как мне сказывали, дали им собственноручную расписку на всю сумму по этому делу, – сказал Джаксон.

– Да. Это сделано для формы, – сказала м-с Бардль.

– Разумеется для формы, – отвечал Джаксон сухо. – Форма тут главное дело.

Скоро м-с Бардль, убаюканная приятной качкой экипажа, погрузилась в сладкий сон. Она проснулась через несколько минут, когда карета внезапно остановилась.

– Ах, куда это мы заехали! – проговорила изумленная вдова. – Додсон и Фогг кажется не здесь живут.

– Не здесь, да все равно, – отвечал Джаксон. – Не угодно-ли вам выйти, сударыня?

М-с Бардль, протирая заспанные глаза, вышла из кареты. Место оказалось удивительно странным: большая каменная стена с железными воротами по середине: изнутри виднелся газовый свет.

– Ну, сударыни, – закричал джентльмен с ясеневою тростью, заглядывая в карету и стараясь разбудить м-с Сандерс, – выходите, сударыня.

М-с Сандерс вышла. Железные ворота отворились, и м-с Бардль, сопровождаемая возлюбленным сыном, вступила в длинный корридор. Кумушки её последовали за ней.

Комната, куда они вошли была еще страннее длинного корридора. Их обступили грязные и неуклюжия лица.

– Что это за место? – спросила м-с Бардль, озадаченная множеством пытливых взоров, обращенных на нее.

– Это одна из наших публичных контор, – отвечал Джаксон, озираясь назад и разглядывая спутниц м-с Бардль. – Смотрите в оба. Исаак!

– Все обстоит как следует, – отвечал джентльмен с ясеневою тростью.

И они спустились по маленькой лестнице в галерею первого этажа.

– Вот мы и пришли, – сказал наконец Джаксон, бросая вокруг себя радостные взоры. – Все теперь исполнено, м-с Бардль, по законной форме.

– Что это значит? – сказала м-с Бардль, чувствуя сильнейшее биение сердца.

– А вот я вам объясню, сударыня, – отвечал Джаксон, отводя ее в сторону, – не бойтесь ничего, м-с Бардль. Не было на свете человека деликатнее Додсона, сударыня, или в некотором смысле, человеколюбивее Фогга. По обязанностям службы, им следовало взыскать с вас законным порядком судебные издержки, и они, как видите, выполнили эту обязанность с тонкою деликатностью, оказывая всякую пощаду и снисхождение вашим нежным чувствам. Вы будете впоследствии вспоминать об этом не иначе, как с великим наслаждением, сударыня. Это Флит, сударыня, долговая тюрьма. Желаю вам спокойной ночи, м-с Бардль. Прощай, Томми.

Сказав это, Джаксон поклонился и ушел в сопровождении джентльмена с ясеневою палкой. Вдовица осталась на попечении другого джентльмена с ключем в руках. То был тюремщик. М-с Бардль завизжала; Томми заревел; м-с Клоппинс отпрянула назад, м-с Сандерс вскрикнула и всплеснула руками. Перед ними стоял м-р Пикквик, собиравшийся в эту пору освежиться ночным воздухом, и подле м-ра Пикквика стоял м-р Самуэль Уэллер, который, увидев м-с Бардль, почтительно снял шляпу и отвесил ей низкий поклон.

– Не беспокойте эту женщину, – сказал тюремщик, обращаясь к м-ру Уэллеру, – она только что пришла к нам.

– Зачем? Для чего?

– Она арестантка.

– Кто-ж ее арестовал?

– Додсон и Фогг.

– За что?

– За неустойку по судебным издержкам.

– Урра! – вскричал Самуэль, поспешно надевая шляпу. – Эй! Иов, Иов! – завопил он, побежав по галлерее. – Бегите сейчас к м-ру Перкеру и зовите его сюда. Где старшина?

Но не было ответа на этот вопрос: Иов Троттер мигом сообразил сущность возложенного на него поручения и бросился стремглав с лестницы первого этажа. М-с Бардль грянулась на холодный пол и обмерла серьезно, искренно, первый раз в своей жизни.

Глава XLVII

Юридическая профессия господ Перкера и Лоутона, Додсона и Фогга. – Мистер Винкель выступает на сцену под влиянием необыкновенных обстоятельств, побеждающих, наконец, закоренелое упорство великого человека.

Нетерпеливый и бурный в своих движениях, Иов Троттер бросился по направлению к Гольборну и бежал посреди дороги, то по мостовой, то по канаве, смотря по тому, как видоизменялся его путь встречными толпами женщин, мужчин, детей, извозчиков и кучеров. Он остановился перевести дух только на Грэинском сквере, перед воротами судебной палаты, где можно было навести справку о настоящем местопребывании м-ра Перкера. Но несмотря на величайшую поспешность, употребленную м-ром Троттером, дело повернулось вовсе не так скоро, как можно было ожидать. Прошло добрых полчаса, как ворота Грэина были уже заперты, когда он подошел к ним. Иов отправился к прачке м-ра Перкера, жившей где-то в Грэинском переулке у своей замужней дочери; и когда он отыскал эту особу, прошло слишком четверть часа после того, как обыкновенно запирались тюремные ворота. Прачка сообщила адрес м-ра Лоутона, которого надлежало в ту пору отыскивать в общей зале трактира «Сорока», и когда, наконец, м-р Троттер выполнил поручение Самуэля, на часах ближайшей башни прогудело десять.

– Вы уж чересчур опоздали, любезный, – сказал м-р Лоутон, – сегодня не попадете назад в тюрьму. Где вы будете ночевать?

– Обо мне тужить нечего, – отвечал Иов, – засну где-нибудь под мостом и дело с концом. Но нельзя-ли отыскать теперь м-ра Перкера и объяснить ему все дело, так, чтобы завтра поутру он отправился туда как можно раньше?

– Мудреная задача, – отвечал Лоутон, после минутного размышления. – Перкер не любит, когда отрывают его от домашних занятий; но так как здесь речь идет о м-ре Пикквике, то, пожалуй, попытаться не мешает. Надобно нанять кабриолет на счет конторы.

Остановившись на этом, м-р Лоутон взял шляпу, извинился перед товарищами, пировавшими за общим столом, отправился на ближайшую биржу и, взяв извозчика, приказал ему ехать на Россель-Сквер, в квартиру м-ра Перкера.

В тот день у м-ра Перкера был большой парадный обед, как об этом тотчас-же можно было догадаться по великолепному освещению гостиной, откуда неслись торжественные звуки фортепьяно. Запах лакомых блюд, распространившийся от кухни до крыльца, окончательно убеждал в этой догадке. В числе гостей м-ра Перкера были: м-р Сниккс, секретарь компании страхования жизни, м-р Прози, знаменитыйстряпчий, три адвоката, один комиссионер банкротского суда, директор из Темпла и ученик его, одноглазый молодой джентльмен, подававший блистательные надежды и выступивший на юридическое поприще ученым трактатом о хлебных законах. Были еще и другие, более или менее знаменитые особы. Когда доложили о внезапном прибытии письмоводителя из конторы, м-р Перкер, оставив гостей, пошел в столовую, где, при слабом свете кухонной свечи, дожидались его м-р Лоутон и м-р Иов Троттер.

– Здравствуйте, Лоутон, – сказал м-р Перкер, затворяя дверь. – Что нового? Не получен-ли какой-нибудь пакет с последней почтой?

– Нет, сэр, – отвечал Лоутон, – вот этот человек прислан к вам от м-ра Пикквика, сэр.

– От Пикквика? – сказал адвокат, быстро поворачиваясь к Иову. – Ну, в чем-же дело?

– Додсон и Фогг арестовали м-с Бардль за неустойку её по судебным издержкам, – отвечал Троттер. – Теперь она в тюрьме, сэр.

– Право? – воскликнул м-р Перкер, опуская руки в карманы и облокачиваясь на буфет.

– Точно так, сэр, – подтвердил Иов. – Перед начатием этого процесса, Додсон и Фогг взяли с неё собственноручную росписку, по которой она обязалась им выплатить за все

издержки немедленно после приговора, произнесенного судом присяжных. По этой росписке она и сидит теперь в тюрьме.

– Вот как! Ну, признаюсь, – сказал Перкер, вынимая обе руки из карманов и энергически ударяя шиколками правой руки ладонь левой, – с такими умнейшими канальями мне еще не приходилось иметь дела.

– О, да, сэр, это самые удивительные практиканты, каких только я знал! – заметил Лоутон.

– Удивительные! – подтвердил Перкер. – Перед ними исчезает всякая юридическая опытность и самое тонкое знание законов.

– Справедливо, сэр, справедливо, – отвечал Лоутон.

Принципал и его подчиненный рассуждали еще несколько минут о необыкновенной проныцательности господ Додсона и Фогга, при чем лица и глаза их просияли удивительным блеском, как будто им удалось сделать одно из самых гениальных открытий человеческого ума. Когда, наконец, мало-помалу они оправились от своего изумления, Иов Троттер сообщил остальные подробности поручения, возложенного на него Самуэлем. Перкер задумчиво опустил голову и вынул из кармана часы.

– Завтра, ровно в десять, я буду иметь честь увидеть м-ра Пикквика, – сказал адвокат. – Самуэль рассуждает очень умно. Скажите ему это. – Не хотите-ли рюмку вина, Лоутон?

– Нет, сэр, – покорно благодарю.

– То есть да, хотите вы сказать, – отвечал адвокат, поворачиваясь к буфету за рюмками и графином.

Лоутон не сделал никаких возражений, потому что в отрицании его действительно подразумевался утвердительный ответ. Он только обратился к м-ру Иову и спросил его довольно громким шепотом: как он думает: портрет, висевший над камином, не представляет-ли удивительного сходства с особой м-ра Перкера? На что Иов, как и следует, отвечал, что действительно представляет. Когда вино было налито, Лоутон выпил за здоровье м-с Перкер и её деток; м-р Иов за здоровье Перкера. Затем они раскланялись и ушли, каждый в свою сторону. Перкер воротился к гостям, письмоводитель в трактир «Сорока», Иов – на Ковент-Гарденской рынок провести ночь, где Бог пошлет.

На другой день, в десять часов утра, минута в минуту, аккуратный адвокат постучался у дверей м-ра Пикквика, которые и были, с великою поспешностью, отворены Самуэлем.

– М-р Перкер, сэр, – сказал Самуэль, докладывая о прибытии гостя своему господину, который сидел у окна в задумчивой позе. – Очень рад, сэр, что вы теперь случайно пожаловали к нам. Старшина желает, кажется, переговорить с вами, сэр.

Перкер бросил на Самуэля многозначительный взгляд, давая знать, что он понимает, как должно вести себя при настоящих обстоятельствах. Пикквик, разумеется, не должен знать, что за ним, Перкером, посылали. Затем м-р Перкер прошептал что-то на ухо Самуэлю.

– Неужели! Вы не шутите, сэр? – сказал Самуэль, отступая назад в припадке величайшего изумления.

Перкер кивнул и улыбнулся.

М-р Самуэль Уэллер взглянул на адвоката, потом на м-ра Пикквика, потом на потолок, потом опять на Перкера; оскалил зубы, засмеялся, захохотал и, наконец, схватив шляпу, опрометью бросился из комнаты без малейших объяснений.

– Что это значит? – спросил м-р Пикквик, бросая на Перкера изумленный взгляд. – Что привело моего слугу в такое загадочное состояние?

– О, ничего, ничего, – отвечал Перкер. – Потрудитесь-ка пересечь сюда, сэр, поближе к столу. Мне надобно переговорить с вами о многом.

– Какие это у вас бумаги? – спросил м-р Пикквик, когда адвокат положил на стол пачку документов, перевязанных красным снурком.

– Бумаги по делу вдовы Бардль и Пикквика, почтеннейший, – отвечал м-р Перкер, развязывая узел зубами.

М-р Пикквик пододвинул стул, уселся и бросил весьма суровый взгляд на своего юридического патрона.

– А вам не нравится это дело? – сказал адвокат, продолжая развязывать узел.

– Вы должны знать это, сэр, – отвечал м-р Пикквик.

– Очень жаль, – отвечал Перкер, – потому что о нем-то собственно мы и должны рассуждать с вами сегодня.

– Кажется, я просил вас, Перкер, чтобы вы никогда не заводили со мной речи об этом процессе, перебил скороговоркой м-р Пикквик.

– Полноте, почтеннейший, полноте, – отвечал адвокат, поглядывая искоса на своего сердитого клиента. – Речь пойдет у нас своим чередом: я затем и пришел к вам. Угодно-ли вам выслушать, почтеннейший, что я намерен сказать? Если покамест не угодно, я могу подождать. Торопиться не к чему. На всякий случай, я принес с собой газету. Ваше время будет и моим. Располагайте мною.

С этими словами адвокат перебросил ногу на ногу, развернул газетный листок и сделал вид, будто углубился в чтение какой-то статьи.

– Ну, уж так и быть, – сказал м-р Пикквик, вздохнув из глубины души, – говорите, что у вас на уме. Я готов слушать. Старая история, я полагаю?

– Не совсем, почтеннейший, не совсем, – отвечал Перкер, свернув газету и укладывая ее в свой карман. – Вдова Бардль, просительница, находится теперь в этих самых стенах, известно-ли вам это, сэр?

– Известно.

– Очень хорошо. А знаете-ли вы, сэр, по какому поводу и на каком законном основании заключили сюда вдову Бардль?

– Знаю. По крайней мере, я слышал об этом от Самуэля, – сказал м-р Пикквик, с приторной беспечностью.

– И Самуэль, смею сказать, представил вам вернейший отчет об арестовании вдовы. Теперь, почтеннейший, позвольте предложить вам первый вопрос: должна-ли эта женщина остаться здесь?

– Остаться здесь!

– Да, почтеннейший, должна-ли она остаться здесь? – повторил Перкер, облокотившись на спинку стула и устремив пристальный взгляд на своего клиента.

– Как вы можете об этом меня спрашивать? – сказал м-р Пикквик. – Это зависит от Додсона и Фогга: вы знаете это очень хорошо.

– Я ничего не знаю, почтеннейший, – возразил Перкер с твердостью. – Только позвольте вам заметить, что это не зависит от Додсона и Фогга. Вы знаете людей, почтеннейший, так же, как я их знаю. Это зависит единственно, исключительно и решительно от вас, почтеннейший.

– От меня! – вскричал м-р Пикквик, делая судорожное движение на своем стуле.

Адвокат произвел двойной стук по крышке своей табакерки, открыл ее, зацепил большую щепоть и, закрывая табакерку, опять энергически повторил:

– От вас, почтеннейший.

М-р Пикквик остолбенел.

– Да, почтеннейший, – продолжал Перкер, разнюхивая табак, – я говорю, что немедленное освобождение вдовы Бардль или постоянное её заключение в этой тюрьме зависит от вас, и только от вас одних. Выслушайте меня внимательно, терпеливо, без всякого огорчения и досады, иначе вы только вспотеете и надсадите свою грудь, нисколько не уяснив сущности этого дела. Итак, почтеннейший, я говорю и утверждаю, что никто, кроме вас, не может освободить вдову Бардль из этого логовища нравственного унижения и нищеты, и вы только

в состоянии положить разумный конец этому процессу, вручив господам Додсону и Фоггу все судебные издержки как за себя самого, так и за вдову. Не горячитесь, почтеннейший, прошу вас об этом всепокорнейше.

В продолжение этой речи м-р Пикквик и краснел, и бледнел, и негодование его едва не обнаружилось в самых сильных порывах; однако ж он удержал себя и уgomонился. Перкер, между тем, зацепил еще щепоть табаку и продолжал с новым одушевлением:

– Я видел эту женщину сегодня поутру. Уплатив судебные издержки, вы освобождаетесь от неустойки и благополучно выходите из тюрьмы вместе с нею. Это первый пункт. Второй, главнейший и существенный пункт состоит собственно в том, что вдова Бардль дает добровольное собственноручное показание, в форме письма ко мне, что все это дело, от начала до конца, было ведено по наущению этих бессовестных людей, Додсона и Фогга; что она, вдова Бардль, приносит искреннее сожаление и раскаяние в том беспокойстве, которое она, по своему неблагоприятию, причинила вам, почтеннейший, и на этом основании, она просит меня употребить свое ходатайство перед вами, испрашивая вашего великодушного прощения.

– Вследствие, то есть, этих издержек, которые я заплачу за нее! – перебил м-р Пикквик с величайшим негодованием.

– О, нет, почтеннейший, вследствие письма, о котором я сейчас упомянул, – сказал Перкер торжествующим тоном. – Это письмо было другою женщиною принесено в мою контору сегодня ровно в девять часов, прежде, чем нога моя переступила за порог этого здания, и прежде, чем я увиделся с вдовою Бардль. Клянусь вам в этом своею юридическою честью.

И, вынув это письмо из пачки других бумаг, адвокат положил его подле м-ра Пикквика и потом принялся разнохивать огромную щепоть табаку.

– Все-ли вы сказали? – спросил м-р Пикквик кротким тоном.

– Не совсем, – отвечал Перкер. – Не могу ручаться, что слова и выражения росписки, представленной теперь в суд адвокатами вдовы, могут послужить для нас достаточным доказательством, что против вас, почтеннейший, составлен был заговор этими людьми. Уличить их трудно. Додсон и Фогг слишком умны для того, чтоб расставить себе ловушку в этом роде. Но то не подлежит ни малейшему сомнению, что все факты, взятые и сведенные вместе, могут окончательно оправдать вас в глазах всех рассудительных людей. Благоволите теперь сами, почтеннейший, обратить внимание на сущность всего дела. Сумма в каких-нибудь полтора ста фунтов с небольшим, или около того, для вас ровно ничего не значит. Присяжные решили тяжбу не в вашу пользу. Приговор их несправедлив, конечно, но все же они судили по крайнему своему разумению, по долгу совести и чести. И вот теперь представляется вам чрезвычайно легкий и удобный случай поставить себя в самом выгодном положении, какого, разумеется, вы никогда бы не достигли, оставаясь в этом месте. И поверьте мне, почтеннейший, пребывание ваше в тюрьме все и каждый могут приписать только самому упорному, закоснелому и совершенно неразумительному упрямству, которое, разумеется, не делает особенной чести ни вашему уму, ни сердцу. Станете-ли вы еще колебаться, как скоро, по одному движению благой воли, вы можете возвратиться к своим друзьям, к своим прежним занятиям и удовольствиям, освобождая в то же время своего верного и преданного слугу, который, в противном случае, был бы принужден обречь себя на вечное затворничество из-за вашего непростибельного каприза. Примите в соображение и то обстоятельство, что вы можете великодушно отмстить за себя, удовлетворяя благороднейшему побуждению своего сердца: вы освободите несчастную женщину из логовища нищеты и разврата, где слишком тяжело прозябать даже мужчине с твердым характером и основательным рассудком. Теперь спрашиваю вас, почтеннейший, как адвокат ваш и вместе искренний друг: неужели вы откажетесь от благоприятного случая привести в исполнение все эти великодушные цели по одному тому, что было бы вам жаль расстаться с несколькими фунтами, которые попадут в карман двух ловких негодяев, ненасытимых в своем жадном стремлении к приобретению богатства? Не вам и не мне испра-

вить их, сэ: люди этого сорта не различают никаких средств, как скоро идет дело об их прибытке. По-моему, чем скорее развязаться с ними, тем лучше. Все эти соображения, почтеннейший, я представил на ваше благоусмотрение весьма слабо и в самом несовершенном виде; но я прошу самих вас, усилиями собственного размышления, пролить на них надлежащий свет. Думайте и гадайте, сколько вам угодно: я стану терпеливо дожидаться вашего ответа.

Прежде, чем м-р Пикквик успел собраться с духом для произнесения приличных возражений на эти хитросплетенные софизмы, и прежде, чем Перкер успел засунуть в нос двадцатую частицу новой щепоти табаку, снаружи послышался смутный говор голосов и затем кто-то постучался в дверь.

– Ах, что это за неугомонная дверь! – воскликнул м-р Пикквик, задержанный весьма некстати на самом интересном пункте своих глубокомысленных соображений. – Кто там?

– Я, сэ, – отвечал Самуэль, просовывая свою голову.

– Теперь я не могу говорить с вами, Самуэль. Я занят в эту минуту.

– Прошу извинить, сэ, но тут вас спрашивает леди и говорит, что ей непременно нужно видетсья с вами.

– Я не могу видеть теперь никакой леди, – отвечал м-р Пикквик, живо вообразив перед собою ненавистную фигуру м-с Бардль.

– Нет, сэ, прошу извинить, вы бы не сказали этого, если бы знали, какая тут особа запрашивается на свиданье с вами.

– Кто же она?

– А вот увидите. Прикажете впустить?

– Как вы думаете, Перкер? – сказал м-р Пикквик, посмотрев на своего адвоката.

– Я думаю, вам нельзя отказать, почтеннейший.

– Bravo! – закричал Самуэль. – Рога трубят, барабаны бьют, и на сцене – две неожиданные особы.

Говоря это, Самуэль Уэллер отворил дверь, и в комнату вошел м-р Натаниель Винкель, ведя за руку ту самую молодую леди, которая некогда, на хуторе Дингли-Делле, щеголяла в меховых полусапожках. На ней была теперь щегольская шляпка, прикрытая богатым кружевным вуалем, и в этом наряде молодая особа, робкая и застенчивая в своей поступи, казалась еще прелестнее, чем прежде.

– Мисс Арабелла Аллен! – воскликнул м-р Пикквик, вставая со стула.

– Нет, почтенный друг мой, прошу извинить, – отвечал м-р Винкель, становясь на колени, – вы видите перед собою мою жену, м-с Винкель.

М-р Пикквик едва мог верить своим глазам, да и не поверил бы, если бы в действительности этого случая не убеждали его могущественным образом улыбающаяся физиономия м-ра Перкера; с другой – присутствие на заднем плане Самуэля и хорошенькой горничной, которые, по-видимому, наблюдали с живейшим наслаждением за всеми подробностями этой сцены.

– Ах, м-р Пикквик, – сказала Арабелла тихим голосом, как будто встревоженная молчанием действующих лиц, – простите-ли вы мне этот неблагоприятный поступок?

Не последовало словесного ответа на этот вопрос; но ученый муж с великою поспешностью снял очки с своего носа и, схватив обе руки молодой леди, принялся целовать ее, как отец, и даже, может быть, несколько нежнее, чем отец. Затем, все еще продолжая держать руку молодой леди, м-р Пикквик назвал м-ра Винкеля молодым отъявленным плутом и приказал ему встать, что тот и выполнил с большой охотой, не прежде, однако ж, как разгладив свой нос полями шляпы в изъявление искреннего сознания в вине. Вследствие чего м-р Пикквик ударил его по спине несколько раз и потом радушно пожал руку м-ру Перкеру, который, в свою очередь, приветствуя новобрачных от искреннего сердца, зацепил из своей табакерки огромную щепоть табаку, достаточную для удовлетворения, по крайней мере, полдюжины носов с правильной организацией и устройством.

– Ну, дитя мое, как же все это случилось? – сказал м-р Пикквик. – Садитесь и расскажите мне обо всем. Как она мила, Перкер, не правда ли? – прибавил м-р Пикквик, всматриваясь в лицо Арабеллы с такою гордостью и восторгом, как будто она в самом деле была его собственная дочь.

– Красавица, почтеннейший, красавица, – отвечал адвокат. – Не будь я сам женатый и семейный человек, я позавидовал бы вам от всей души, любезный друг.

Выразившись таким образом, Перкер задал тумака в грудь любезного друга, и тот поспешил возвратить комплимент с одинаковою ловкостью и любезностью. После чего они оба засмеялись очень громко; но все же не так, как м-р Самуэль Уэллер, который только что успел вlepить несколько поцелуев хорошенькой горничной под прикрытием буфетной двери.

– Я очень, очень благодарна вам любезный Самуэль, – сказала Арабелла с грациозной улыбкой. – Никогда я не забуду, что вы сделали для меня в клифтонском саду.

– О, это нам было ни почем, сударыня, – отвечал Самуэль. – Я только помогал природе, сударыня, как выразился однажды доктор перед матерью мальчика, которого он уморил, выпустив из него кровь.

– Что вы стоите, Мери? Садитесь, душенька, – сказал м-р Пикквик, прерывая эти комплименты. – Ну, начнем теперь с начала. Как давно вы обвенчались?

Арабелла бросила робкий взгляд на своего счастливого властелина, и тот отвечал:

– Третьего дня только.

– Только третьего дня! – повторил м-р Пикквик. – Что-ж вы делали все эти три месяца?

– Вот именно так: отдайте нам отчет во всем, что вы делали, – перебил Перкер. – Пикквику, видите ли, нужно знать, на какие пустяки вы потратили это драгоценное время.

– История очень проста, – отвечал м-р Винкель, взглянув на свою застенчивую подругу, – прежде всего я не вдруг уговорил Арабеллу бежать со мною, и когда, наконец, она согласилась, мы долго не могли найти удобного случая привести в исполнение свой план. Мери также должна была выждать срок²⁹, прежде, чем могла она оставить свое место; а без её содействия мы ничего бы и не сделали.

– Выходит, стало быть, – сказал м-р Пикквик, успевший этим временем надеть свои очки и еще раз полюбоваться на юную чету, – выходит, стало быть, что вы действовали систематически и методически. Очень хорошо. А знает-ли ваш брат обо всех этих вещах?

– О, нет, нет! – воскликнула побледневшая Арабелла. – Добрый м-р Пикквик, он должен узнать об этом от вас, только от одних вас. Брат мой слишком вспыльчив, необуздан в своих действиях, и притом он так заинтересован в пользу этого друга своего, м-ра Сойера, что, право, мы можем опасаться от него ужасных последствий, если он не услышит об этой истории из собственных ваших уст, добрый м-р Пикквик.

– Конечно, конечно, – сказал Перкер с важностью. – Вы должны принять это дело на себя, почтеннейший. Эти молодые люди будут, натурально иметь уважение к вашим летам, и вы можете привести их в пределы приличного благоразумия. Вам надобно предупредить зло в самом начале и вы одни только в состоянии охладить горячую кровь.

Адвокат понюхал табаку и сомнительно покачал головою.

– Вы забываете, мой ангел, – сказал м-р Пикквик кротким и нежным тоном, – вы забываете, что я арестант в долговой тюрьме и, следовательно, не могу распоряжаться своими действиями.

– О, нет, добрый м-р Пикквик, я никогда не забывала этого, – отвечала Арабелла. – никогда я не переставала думать, как вы должны были страдать и мучиться в этом страшном месте; но я надеялась и была уверена, что, принимая участие в нашей судьбе, вы откажетесь от жесто-

²⁹ В Англии слуги и служанки, переменяя свои места, обязаны извещать об этом своих господ по крайней мере за один месяц вперед. Господа, в свою очередь, отсылая слуг, предупреждают их об этом месяцем раньше. *Прим. перев.*

ких планов относительно своей собственной жизни. Вы только одни можете помирить меня с братом. Он единственный мой родственник, м-р Пикквик, и без вашего великодушного ходатайства я подвергаюсь опасности потерять его навсегда. Что делать? Я поступила неосторожно, слишком неосторожно, и чувствую, что виновата перед ним кругом.

С этими словами бедняжка Арабелла закрыла свое личико платком и заплакала горько.

Эти слезы произвели, казалось, могущественное впечатление на восприимчивую душу великого человека; но когда м-с Винкель, осушив заплаканные глазки, принялась ласкать его и упрасивать самыми нежными и мелодическими звуками, какие когда-либо вырывались из женской груди, м-р Пикквик почувствовал внезапно какую-то странную неловкость и, не зная, по-видимому, что ему делать, начал энергически потирать свои очки, нос, подтяжки, затылок и штиблеты.

Заметив эти несомненные признаки нерешимости и душевного колебания, м-р Перкер, извещенный, по-видимому, заблаговременно обо всех подробностях, относившихся к настоящему положению молодой четы, привел в юридическую ясность и то не менее важное обстоятельство, что м-р Винкель старший до сих пор еще не знал ничего о роковой перемене в судьбе своего сына, который, по естественному ходу вещей, основывает все свои будущие надежды на любви и неизменной привязанности отца. Очень и очень вероятно, что отец перестанет однажды навсегда питать родительскую любовь к сыну, как скоро этот сын будет хранить в тайне великое событие своей жизни. На этом основании м-р Пикквик, действуя по долгу совести и чести, должен сперва поехать в Бристоль к м-ру Аллену и потом немедленно отправиться в Бирмингем для свидания с м-ром Винкелем старшим. Не подлежит ни малейшему сомнению, что м-р Винкель старший имеет основательное и законное право считать м-ра Пикквика, в некоторой степени, опекуном, советником и наставником своего сына и, следовательно, м-р Пикквик, как честный и благородный человек, обязан лично сообщить старику изустно обо всех подробностях этого дела и равномерно показать степень участия, которое он сам непосредственно принимал и принимает в судьбе молодой четы.

К этому времени весьма кстати подросли м-р Топман и м-р Снодграс, которые, с своей стороны, каждый по своему, подтвердили и укрепили все доказательства красноречивого адвоката. Наконец, м-р Пикквик, совершенно запутанный и сбитый с толку, заключил Арабеллу в свои объятия и объявил положительно, что она может делать с ним все, что ей угодно.

Лишь только это слово сорвалось с языка почтенного старца, Самуэль Уэллер бросился со всех ног в галерею и отправил Иова Троттера к знаменитому м-ру Пеллю с поручением, чтобы этот ученый джентльмен вручил подателю формальную бумагу, по которой он, Самуэль, имеет право выйти из тюрьмы вследствие удовлетворения своего кредитора. Нет надобности говорить, что эта бумага, на всякий случай, изготовлена была заблаговременно в тот же самый день, когда совершился достопамятный арест. Устроив это дело, Самуэль поспешил употребить весь свой запас наличных денег на покупку двадцати пяти галлонов пива, предложенных на угощение всем обитателям Флита, без различия возраста и пола. Затем м-р Уэллер прокричал «ура» и, удовлетворив таким образом первым порывам восторженного чувства, погрузился мало-помалу в свое обычное созерцательное состояние духа.

В три часа пополудни м-р Пикквик бросил прощальный взгляд на свою маленькую комнату и отправился в тюремную контору, сопровождаемый на дороге многочисленной толпой арестантов, из которых каждый усердно добивался чести пожать ему руку на прощаньи. Великий человек раскланивался со всеми, и взор его, казалось, повсюду распространял утешение и отраду.

– Перкер, – сказал м-р Пикквик, подзывая к себе из арестантов одного молодого человека, – вот это м-р Джингль, о котором я говорил вам.

– Очень хорошо, почтеннейший, – отвечал Перкер, вглядываясь пристально в физиономию Джингля. – Завтра поутру я увижусь с вами, молодой человек. Надеюсь, это свидание никогда не исчезнет из вашей памяти, сэр.

Джингль почтительно поклонился и, прикоснувшись дрожащею рукой к протянутой руке м-ра Пикквика, удалился молча.

– Иова, кажется, вы уже знаете? – сказал м-р Пикквик, представляя этого джентльмена.

– Этого плута? Очень знаю, – отвечал Перкер добродушным тоном. – Ухаживайте за своим приятелем и ожидайте меня завтра к первому часу, слышите?

– Слушаю, сэр, – отвечал Иов.

– Ну, нет-ли еще чего, почтеннейший? – спросил адвокат.

– Ничего, – отвечал м-р Пикквик. – Самуэль, передали вы от моего имени маленький пакет своему тюремному хозяину?

– Как же, сэр, передал.

– Что-ж он?

– Расплакался пуще всякого ребенка и сказал, что в жизнь никого не видывал и не знал великодушнее вас. Он только просит, не можете-ли вы привить к нему сильную чахотку, для того, видите-ли чтобы ему поскорее можно было соединиться со своим старым другом, который недавно умер в этих стенах. Другого приятеля он уже не надеется отыскать в здешнем месте.

– Бедняга! – воскликнул м-р Пикквик. – Ну, прощайте, друзья мои. Благослови вас Бог!

С этим прощальным словом м-р Пикквик, сопровождаемый громогласными напутствиями многочисленной толпы, взял своего адвоката за руки и вышел из тюрьмы, проникнутый более грустными и печальными ощущениями, чем какие наполняли его сердце при первоначальном вступлении в этот замок. Увы, сколько несчастных и погибших существ оставлял он за собою!..

После веселого вечера, проведенного в гостинице «Коршуна и Джорджа», м-р Пикквик и Самуэль Уэллер, поутру на другой день, катились по большой дороге в наемной карете. Самуэль сидел сзади в особо устроенной сидейке.

– Сэр! – сказал м-р Уэллер своему господину.

– Что скажете? – отвечал м-р Пикквик, выставляя свою голову из окна экипажа.

– Не худо бы этим лошадам поваляться месяца три в долговой тюрьме.

– Зачем это?

– А вот мы посмотрели бы тогда, как бы они поскакали! – воскликнул м-р Уэллер, потирая руки.

Глава XLVIII

Мистер Пикквик, при содействии Самуэля Уэллера, пытается смягчить ретивое мистера Бенжамена Аллена и укротить ярость мистера Роберта Сойера.

М-р Бен Аллен и неразлучный друг его, Боб Сойер, сидели в маленькой комнате позади аптеки и ели телячьи котлетки, принесенные для их завтрака из ближайшего трактира. Ели они и рассуждали, между прочим, о надеждах приобрести со временем независимое состояние посредством благородной профессии, которой посвящена была деятельность м-ра Сойера, приемника Нокморфа.

– И выходит, что это вещь сомнительная, любезный друг, – сказал Боб Сойер, продолжая нить разговора.

– Что такое сомнительно? – спросил м-р Бен Аллен, выпивая стакан пива для изощрения своих умственных сил.

– Надежды-то мои сомнительны, мой милый.

– Ах, да, ты все толкуешь о своих надеждах; я и забыл. Да, брат, это все еще покамест in pubibus, за горами, за долами; а на деле просто выходит дрянь.

– Бедные люди покровительствуют мне превосходно, нечего и говорить, – сказал м-р Боб Сойер после минутного размышления. – Они стучатся без умолку в мои ворота каждую ночь, таскают лекарства из моей аптеки с удивительным постоянством, и семейства их размножаются так, что и подумать страшно. Скоро вот будет шесть родин чуть-ли не в одну ночь, и я уж заранее получил приглашения от всех этих родильниц.

– Это хорошо, – заметил м-р Бен Аллен, разрезывая котлетку.

– Недурно, если хочешь, только оно было бы гораздо лучше, если б подвернулся хоть один пациент, который мог бы платить шиллинга по два за визит. Практика огромная, нечего сказать, и я описал ее высоким слогом в здешних газетах; да что в том толку?

– Послушай, Боб, – сказал м-р Бен Аллен, вытирая губы салфеткой и устремив глаза на лицо своего друга, – вот что я скажу тебе.

– Что?

– Тебе следует, мой милый, без малейшего замедления и отсрочки, овладеть тысячью фунтов сестры моей, Арабеллы.

– То есть капиталом в тысячу фунтов стерлингов, положенных на её имя в Английский банк для приращения законными процентами, – добавил Боб Сойер, выражаясь юридическим слогом.

– Именно так, – подтвердил Бенжамен. – Деньги должны быть в её руках, как скоро она достигнет совершеннолетия или выйдет замуж. Совершеннолетие её исполнится через год, и если ты теперь же возьмешь свои меры, через месяц она непременно должна быть твоей женою. Мой совет тебе, Боб: не зевай и куй железо, пока горячо.

– Сестра твоя – премилейшая девушка, это мы знаем с тобой оба, – сказал Роберт Сойер, – но только есть в ней один неисправимый недостаток, любезный друг.

– Какой?

– Страшный недостаток: отсутствие изящного вкуса. Арабелла не любит меня.

– Вот вздор! Она еще сама, вероятно, не знает, что она любит, – сказал м-р Бен Аллен презрительным тоном.

– Может быть, – заметил м-р Боб Сойер, – но, во всяком случае, думать надобно, что она отлично знает то, чего не любит, а это, по-моему мнению, прескверная статья.

– Желал бы я знать, черт побери, – сказал м-р Бен Аллен, скрежеща зубами и выражаясь скорее, как голодный дикарь, раздражающий волчью шкуру, чем скромный молодой джентльмен, разрезающий в настоящую минуту котлетку из телячьего мяса: – желал бы я

знать, не завладел-ли какой-нибудь негодяй сердчишком этой девчонки? Я бы растерзал его, как собаку.

– Я всадил бы в него свинцовую пулю, – сказал м-р Сойер, отрывая свои губы от кружки пива. И если бы он остался жив, я сам бы сделал операцию и доканал бы его на месте.

М-р Бенжамен Аллен несколько минут смотрел рассеянно на своего друга и потом сказал:

– Ты никогда не объяснялся с нею, Боб?

– Никогда.

– Отчего же?

– Я видел, что это будет бесполезно.

– Вздор! Ты должен высказать ей все напрямик не позже, как сегодня вечером, – возразил Бен Аллен с отчаянной энергией. – Арабелла должна быть твоею, или... или мне придется употребить свою власть.

– Посмотрим, – сказал м-р Боб Сойер, – посмотрим.

– Да, посмотрим, – ответил Бен Аллен свирепым тоном. Он приостановился на несколько секунд и затем продолжал голосом, дрожащим от внутреннего волнения. – Ты любил ее с детских лет, мой друг, любил, когда мы вместе с тобой ходили в приходскую школу. И что-ж? Эта девчонка даже еще в ту пору издевалась над твоими чувствами. Помнишь ли, как однажды, со всею горячностью детской любви, ты упрашивал ее принять бисквиты и яблочные пирожки, опрятно сложенные в маленький пакетец из оберточной бумаги?

– Помню, – сказал Боб Сойер.

– Ведь она, кажется, не приняла этого подарка?

– Не приняла. Она сказала, что пакет слишком долго лежал у меня в кармане и от пирожков слышался весьма неприятный запах.

– Так, так. И после этого мы сами их съели. Негодная девчонка!

Пораженные этим неприятным воспоминанием, друзья нахмурили брови и безмолвно смотрели друг на друга.

Между тем, как продолжалось это заседание и мальчишка в сером балахоне смотрел на остатки лакомых кусков, долженствовавших после завтрака поступить в его бесконтрольное владение, – по улицам Бристоля катился довольно странный экипаж темно-зеленого цвета, похожий отчасти на бричку, отчасти на карету, запряженный в одну лошадь темно-бурой шерсти, которую управлял на козлах странный детина угрюмой наружности, в панталонах грума и в кучерском кафтане. Старые леди весьма часто, из экономических расчетов, присваивают своим экипажам наружность этого рода. В настоящей колымаге тоже сидела старуха.

– Мартын! – сказала старуха, обращаясь к угрюмому джентльмену на козлах.

– Что прикажете? – отвечал угрюмый джентльмен, притрогиваясь к полям своей шляпы.

– Ступайте к м-ру Сойеру.

– Я туда и еду.

– Ну, хорошо. Так ступайте же.

Кучер воодушевил темно-бурого коня тремя ударами огромного бича с нахлесткой, и через несколько минут колымага остановилась у ворот квартиры м-ра Роберта Сойера, премника Нокморфа.

– Мартын!

– Чего изволите?

– Попросите мальчишку постоять здесь на улице и покараулить.

– Я сам буду караулить ее, сударыня, – отвечал Мартын, укладывая бич с нахлесткой наверху экипажа.

– Нет, нет, этого я не позволю ни под каким видом, Мартын, – сказала запальчивая леди, – ваше личное свидетельство будет очень важно, и вы должны идти со мной в этот дом. В продолжение всего свидания вы должны безотлучно стоять подле меня. Слышите?

– Слышу.

– Ну, так Что-ж вы еще стоите?

– Ничего, сударыня.

Сказав это, угрюмый джентльмен потихоньку сошел с колеса, на котором стоял несколько минут, придерживаясь левой рукою за верх колымаги, позвал к себе мальчишку в сером балахоне, отворил дверцы, спустил подножки и, засунув руки во внутренность экипажа, вытащил оттуда старую леди с такою же бесцеремонностью, как будто она была коробочкой или сундуком.

– Ах, Боже мой, как я взволнована, Мартын! – воскликнула старая леди. – Я вся дрожу теперь.

М-р Мартын кашлянул и крякнул, но ничем больше не выразил своей симпатии. Старушка оправилась мало-помалу и взошла на крыльцо в сопровождении м-ра Мартына. Завидев ее из окна, м-р Бенжамен Аллен и Боб Сойер поспешили убрать на скорую руку спиртуозные напитки, опрокинули скляночку с духами для истребления табачного запаха и затем выступили оба с полною готовностью свидетельствовать глубочайшее почтение и преданность вошедшей гостье.

– Вас-ли я вижу, милая тетушка! – воскликнул м-р Бен Аллен. – Как это великодушно с вашей стороны, что вы решились удостоить нас своим визитом! Имею честь представить вам, тетушка, м-ра Сойера, друга моего, Боба, о котором я уже давно говорил вам по поводу, знаете...

Тут м-р Бен Аллен склонился над ухом своей тетки и шепотом произнес имя своей сестры, так однако ж, что все и каждый явственно могли слышать слово «Арабелла».

– Любезный Бенжамен, – сказала старушка, задыхаясь от внутреннего волнения и трепеща всем телом с головы до ног, – не тревожься, мой друг, житейское дело, но ты должен оставить меня на несколько минут с м-ром Сойером. Мне надобно переговорить с ним.

– Боб, не угодно-ли тебе отправиться с моей тетушкой в аптеку? – сказал м-р Бен Аллен.

– С большим удовольствием, – отвечал Роберт Сойер с докторскою важностью. – Пожалуйста сюда, сударыня. Не бойтесь ничего. Мы вас мгновенно поставим на ноги, сударыня, не сомневайтесь в этом. Ну-с, прошу покорно.

С этими словами м-р Боб Сойер усадил старую леди в кресла, запер дверь, сел подле неё и расположился выслушать терпеливо исчисление болезненных симптомов, представлявших его воображению перспективу существенных выгод для докторской его профессии.

После кратковременного молчания старушка несколько раз покачала головой и заплакала навзрыд.

– Это ничего, – сказал Боб Сойер успокоительным тоном. – Маленькое расстройство нервов. Это вздор, сударыня. Мы дадим вам камфорной водицы, по три раза в день, на ночь – успокоительная микстура.

– Ох, я не знаю, с чего и как начать, м-р Сойер, – сказала старая леди, – ужасно, ужасно!

– Вам нет надобности начинать, сударыня, – отвечал молодой доктор. – Я могу и без вашего объяснения понять сущность вашей болезни. У вас не в порядке голова, сударыня.

– Нет, м-р Сойер, сердце не в порядке, – сказала старая леди с глубоким вздохом.

– Плевое дело, сударыня, опасности ни малейшей, – отвечал Боб Сойер. – Засорен желудок.

– М-р Сойер! – вскричала старуха, привскакивая с места.

– Без всякого сомнения, – подтвердил врач. – Стоит только благовременно принять медицинские меры, и все как рукой снимет.

– М-р Сойер, – сказала старая леди, проникнутая величайшим негодованием, – или вы решились заранее нанести мне дерзкое оскорбление, или поведение ваше объясняется тем, что вы не понимаете цели моего визита. Никакая медицинская сила, все ваши порошки и микстуры не в состоянии были предупредить того, что случилось в недавнее время на моих глазах. Нечего терять слов с вами, молодой человек, я позову племянника, – заключила старушка, судорожно повертывая в руках свой ридикюль и вставая с места.

– Остановитесь, сударыня, – сказал Боб Сойер, – кажется, я действительно вас не понял. Не угодно-ли теперь объяснить, что такое случилось?

– Племянница моя, м-р Сойер, – сказала старая леди, – сестра вашего приятеля...

– Так, сударыня – сказал Роберт, пожираемый на этот раз величайшим нетерпением, потому что старая леди, несмотря на внутреннее волнение, говорила протяжно, с расстановкой, как и все старухи. – Так, сударыня, так.

– Моя племянница, Арабелла, за три дня перед этим отпросилась навестить мою сестру, другую свою тетку, содержательницу женского пансиона в трех милях от города. Перед заведением её вы можете увидеть ракитовый палисадник, замечательный в своем роде, и несколько старых развесистых дубов.

На этом месте старушка приостановилась, чтобы отереть слезы.

– Ах, сударыня, пусть черт их поберет, эти ракитовые кусты! – вскричал Роберт, совершенно забывая свою докторскую сановитость и осанку. – Говорите скорее, ради Бога.

– Сегодня утром, – начала опять старая леди медленно и с расстановкой, – сегодня утром она, то есть моя племянница...

– Воротилась назад, я полагаю, – сказал Роберт с великим одушевлением. – Так, что ли?

– Нет, м-р Сойер, совсем не так. Она писала ко мне...

– Письмо, разумеется. Что-ж она говорит?

– Она говорит... то есть не говорит, а пишет, – и вот, мне бы хотелось сообщить Бенжамену это известие не вдруг, а постепенно, чтобы, знаете, не расстроить его пылкого чувства, – она пишет ко мне, что... письмо это у меня в кармане, м-р Сойер, но я забыла очки в карете, а без очков я никак бы не могла указать на это место, – беда со слепыми глазами, м-р Сойер! Ну, да, словом сказать, племянница моя пишет что она уже замужем.

– Что-о-о? – закричал во весь голос м-р Боб Сойер.

– Замужем, – повторила старая леди.

Больше уже ничего не слышал м-р Боб Сойер. Он опрометью бросился из аптеки в другую комнату и закричал богатырским голосом:

– Бен, друг мой, она удрала!

Лишь только эта оглушительная весть достигла до ушей м-ра Бена Аллена, дремавшего этим временем за конторкой, как вдруг он быстро вскочил на ноги и, не говоря дурного слова, ринулся стремглав на м-ра Мартына и, запустив свою руку за галстух этого невинного джентльмена, выразил очевидное намерение задушить его на том самом месте, где стоял он, понутив голову и почесывая затылок. Бурный и решительный в своих движениях, возбужденных внезапными порывами отчаяния, молодой человек приступил к выполнению своего намерения, обнаруживая вместе силу богатыря и опытность хирурга.

М-р Мартын, принадлежавший к разряду джентльменов, не одаренных особенно силой красноречия или убеждения, покорился этой операции на несколько секунд с невозмутимым спокойствием философа, готового ко всяким приключениям. Убедившись, однако ж, что эта шутка в скором времени может отнять у него всякую надежду на получение хорошего жалованья и даровой квартиры в этом подлунном мире, он пробормотал какое-то метафизическое возражение и с одного размаха повалил молодого человека на пол. Но как обе руки м-ра Бена Аллена зацепились за его галстух, то, увлеченный силою падающей тяжести, он грянулся и сам

по тому же направлению. Когда таким образом они лежали и барахтались, дверь аптеки открылась и внезапно вошли два неожиданных посетителя – м-р Пикквик и м-р Самуэль Уэллер.

При взгляде на эту сцену, Самуэль вообразил что м-р Мартын, по всей вероятности, нанялся в этом врачебном заведении за условленную сумму принимать какие-нибудь сильные лекарства или выдержать, эксперимента ради, какие-нибудь болезненные пароксизмы, или по временам глотать яд, чтобы испытать на себе действительность каких-нибудь новейших антидотов, или, наконец, производить какие-нибудь другие, более или менее смелые, опыты с благородною целью увеличить массу медицинских сведений и удовлетворить пылкой любознательности двух молодых профессоров медицинской науки. Находясь под влиянием этого впечатления, Самуэль стоял спокойно на одном месте, опустив руки в карманы, и смотрел с великим участием на результат этого интересного эксперимента. Другого рода впечатления поразили восприимчивую душу ученого мужа. М-р Пикквик, с обычной энергией, вдруг бросился на сражающихся джентльменов и закричал повелительным голосом, чтобы их розняли.

Это пробудило, наконец, деятельность м-ра Боба Сойера, который до сих пор был, казалось, совершенно парализован внезапным бешенством своего товарища и друга. При содействии этого джентльмена м-р Пикквик скоро поставил на ноги Бена Аллена. М-р Мартын, находя неудобным оставаться на полу, встал сам и бросил вокруг себя бессмысленно равнодушный взор.

– М-р Аллен, – сказал м-р Пикквик, – что с вами, сэр?

– Ничего, ничего, сэр, вот мы увидим! – отвечал м-р Аллен свирепым тоном.

– Да что такое? – спросил м-р Пикквик, бросая взгляд на Боба Сойера. – Здоров-ли он?

Прежде, чем Роберт собрался произнести ответ, Бен Аллен схватил м-ра Пикквика за руку и проворчал болезненно печальным тоном:

– Сестра моя, почтеннейший, сестра моя.

– О, только-то? – сказал м-р Пикквик. – Мы легко можем уладить это дело, к общему благополучию, я надеюсь. Сестрица ваша здорова и счастлива, почтеннейший, и я приехал сюда именно затем, чтобы...

– Жалею, господа, что я должен некоторым образом задержать ход этих приятных переговоров, как выразился однажды король, распуская парламент, – перебил м-р Уэллер, смотревший этим временем на стеклянную дверь, – но здесь вот происходит перед вашими глазами другой медицинский эксперимент. Какая-то старушка растянулась на ковре и желает, вероятно, чтобы ей сделали ампутацию или спринцовку, или что-нибудь в этом смысле.

– Ах, я и забыл, – сказал м-р Бен Аллен – Это моя тетка.

– Великий Боже! – воскликнул м-р Пикквик. – Что-ж вы стоите, господа? Бедная леди! Тихонько, Самуэль, тихонько.

– Странное положение для бабушки почтенных лет! – заметил Самуэль, приподнимая тетку и усаживая ее в кресла. – Эй, ты, шаромыжник! Принеси-ка уксуса или спирта.

Это приказание относилось к мальчику в сером балахоне, который в это время, поручив надзор за каретой уличному сторожу, воротился назад, чтобы быть свидетелем происшедшей суматохи. Благодаря общим усилиям этого мальчишки, Самуэля и двух молодых врачей, старая леди была, наконец, приведена в чувство.

– Теперь, сэр, потрудитесь объяснить, что, вам угодно было сказать, – начал м-р Бен Аллен обращаясь к п-ру Пикквику.

– Я хотел изъяснить вам сэр, – отвечал м-р Пикквик, – что сестрица ваша живет в Лондоне. Она здорова и счастлива.

– Какая мне нужда до её счастья? – сказал м-р Бенжамен Аллен, выделявая грозные жесты обеими руками.

– Дайте мне вот только добраться до её мужа: увидим, кто счастлив и кто несчастлив, – сказал Боб Сойер, – пусть этот негодяй сойдется со мной на двенадцати шагах: раздавлю его, уничтожу, размозжу...

– Остановитесь, сэр, – прервал м-р Пикквик. – Вы должны знать наперед, к кому обращаются ваши угрозы, и прошу вас иметь в виду прежде всего, что почтенный джентльмен, которого вы злословите без всякого основания и причины, был, есть и будет моим искренним другом.

– Кто же он? – сказал м-р Боб Сойер.

– Его имя, сэр, его имя! – закричал Бен Аллен.

– М-р Натаниэль Винкель! – отвечал м-р Пикквик с удовольствием и твердостью.

М-р Бенжамен Аллен, пораженный, как громом, этою неожиданною вестью, вдребезги разбил очки о каблук своего сапога, тщательно подобрал осколки и положил их в три свои кармана. Затем, скрестив руки на груди, он закусил губы и бросил свирепый взгляд на кроткие черты м-ра Пикквика.

– Так это вы, сэр, изволили устроить эту свадьбу? – спросил, наконец, м-р Бенжамен Аллен, скрежеща зубами.

– И вот, если не ошибаюсь, – подхватила старая леди, – камердинер этого джентльмена беспрестанно шлялся вокруг моего дома и подговаривал моих слуг войти в их общий замысел, противный моей воле. Мартын!

– Что угодно? – сказал угрюмый джентльмен, выступая вперед.

– Это-ли тот джентльмен, которого вы видели в нашем переулке? Вы еще говорили мне о нем сегодня поутру.

М-р Мартын, в жизнь свою не любивший терять лишних слов, осмотрел Самуэля с ног до головы и сквозь зубы промычал:

– Он и есть.

М-р Уэллер, не питавший никогда предосудительной гордости в своем сердце, улыбнулся на угрюмого джентльмена и проговорил учтивым тоном, что он имел честь видеть его один раз перед господской конюшней.

– Стало-быть, я напрасно хотел задушить этого верного челядинца? – воскликнул м-р Бен Аллен. – Потрудитесь объяснить мне, м-р Пикквик, зачем и по какому поводу вздумалось вам употребить вашего слугу для выполнения злонамеренных планов против моей сестры? Я требую от вас объяснения, сэр.

– Да, сэр, объясните нам это, – сказал Боб Сойер.

– Это настоящий заговор! – прибавил м-р Бен Аллен.

– Злонамеренный план, – дополнил Боб Сойер.

– Бесчестный обман! – заметила старая леди.

– Чистейшее надуванье! – заключил м-р Мартын.

– Прошу вас, выслушайте меня, милостивые государи, – хладнокровно и без гнева начал м-р Пикквик, когда Бен Аллен растянулся, наконец, в креслах, в которых он обыкновенно пускал кровь своим пациентам. – Помощь моя молодым людям ограничивалась только тем, что я один раз позволил себе быть свидетелем назначенного свидания между ними, и это я считал с своей стороны неизбежно необходимым, так как, в противном случае, репутация молодой девушки подвергалась некоторой опасности, между тем как присутствие старого джентльмена отстраняло всякие оскорбительные подозрения. Больше я не принимал никакого участия в этом деле, и мне тогда в голову не приходило, что молодые люди могут быть так скоро соединены неразрывными узами брака. При всем том прошу заметить, милостивые государи, – заключил м-р Пикквик с особенной энергией: – я бы не противопоставил ни малейших препятствий этому браку, если бы знал о нем заранее.

– Слышите вы это? – сказал м-р Бенжамен Аллен, озирая всю компанию.

– Надеюсь, все это слышат, – заметил м-р Пикквик кротким тоном, – и все поймут, сэр, что, в качестве единственного родственника своей сестры, вы не имели ни малейшего права делать насилие нежному чувству, принуждая ее вступить в брак без всякого влечения и склонности сердечной. Это было слишком неделикатно и жестоко с вашей стороны. Что-ж касается моего молодого друга, супруга сестры вашей, сэр, он стоит с вами на одной ступени, если не выше, в лестнице общественных отношений, и если вы не будете в моих глазах оказывать ему приличное уважение, я готов заранее отказаться от всяких дальнейших объяснений по этому предмету.

– Ко всему этому, почтенные господа, позволю себе и я прибавить малую толику, – сказал м-р Уэллер, выступая вперед. – Прибавление мое состоит вот в чем: один из вас назвал меня плутом. За что, позвольте спросить? Разве я похож на плута?

– Ах, Самуэль, это не имеет никакой связи с нашим делом, – перебил м-р Пикквик, – прикусите свой язык.

– Да уж я об этом не хлопочу, сэр, – отвечал Самуэль, – только есть тут своя особая история. Этот джентльмен, может статья, забрал себе в голову, что тут была еще прежде сердечная зазноба, а я вот могу доложить всем вам, господа, что ничего тут не было в этом роде, потому что молодая леди сказала с самого начала, что она терпеть его не может. Никто, стало быть, не перебивал ему дороги, и конец был бы всегда один и тот же, если бы даже молодая леди никогда не видала м-ра Винкеля. Вот все, что я желал заметить, почтенные господа, и я надеюсь, что слова мои облегчили душу этого джентльмена.

Последовала кратковременная пауза за этими утешительными замечаниями. Наконец, м-р Бен Аллен поднялся с своего места и торжественно объявил, что он никогда больше не увидит лица своей сестры, и вслед затем м-р Боб Соьер, наперекор лестному уверению Самуэля, произнес страшную клятву мщения против соперника, перебившего ему дорогу.

Но когда это дело приняло таким образом характер грозный и жестокий, м-р Пикквик нашел внезапно сильную союзницу в старой леди, которая, казалось, была сильно поражена и растрогана доказательствами ученого мужа, представленными в защиту молодой четы. Твердою стопой старушка подошла к м-ру Бенжамену Аллену и красноречиво изложила перед ним некоторые соображения и размышления примирительного свойства. Оказалось, по её словам, что человек иной раз сам не знает, где упадет, где встанет, где найдет, где потеряет, и что, стало быть, чем меньше толковать об этом, тем лучше. К тому же, что сделано, того не переделаешь, и что прошло, того уж не воротит никакая человеческая сила. Притом, надо сказать правду, беда еще далеко не так велика, как можно было ожидать, и, следовательно, в строгом смысле, нет здесь никаких основательных поводов тужить и горевать, кручиниться, беситься или выходить из себя. На все это м-р Бенжамен Аллен отвечал, что, не думая нисколько обижать своей тетушки, или оскорблять кого бы то ни было, он однако ж позволяет себе здесь, как и в других случаях, иметь собственные свои мнения и расчеты. Основываясь, в настоящем случае, на этих расчетах, он положительно убежден, что будет иметь удовольствие ненавидеть свою сестру вплоть до гробовой доски.

Наконец, когда эта свирепая решимость повторена была около полсотни раз, старая леди внезапно вскочила с места и, величественно вздергивая свой почтенный нос, пожелала осведомиться и узнать, по какому это поводу, и за что про что потерял к ней всякое уважение её собственный племянник, которого она отлично помнила еще до его рождения, лет двадцать пять назад, которого потом, еще глупым ребенком, держала на коленях, няньчила на руках, кормила араурутом, и проч., и проч.?

Между тем как старушка, в силовых и резких выражениях, распекала м-ра Бена Аллена за его непослушание и буйный характер, Боб Соьер и м-р Пикквик держали уединенную беседу в другой комнате, где, как можно было заметить, молодой человек несколько раз прикладывал свои уста к черной бутылке, производившей, по-видимому, весьма живительное влияние

на все черты его лица. Скоро он решительно повеселел и, наконец, схватив бутылку, выбежал в переднюю комнату и объявил торжественным голосом, что намерен предложить тост за счастье и здоровье м-ра и м-с Винкель, которых он от всего сердца и без малейшей зависти на душе поздравляет с благополучным браком. Услышав это, м-р Бен Аллен быстро вскочил с места и, завладев бутылкой, налил огромный стакан ликера, от которого через несколько минут лицо его почернело почти так же, как бутылка. Немедленно черная бутылка обошла всю компанию, и все, не исключая старой леди, пили здоровье новобрачных с таким радушием, что даже самого металлообразного Мартына угораздило придать своей физиономии пленительно веселый и улыбающийся вид.

– И вот теперь у нас пойдет потеха, – сказал Боб Соьер, потирая руками. – Прокутим всю ночь, господи.

– Очень жаль, что я должен воротиться в свою гостиницу, – сказал м-р Пикквик. В последнее время я отвык долго сидеть по ночам, и к тому же, дорога чрезвычайно утомила меня.

– Оставайтесь, по крайней мере, выпить с нами чаю, м-р Пикквик, – сказала старуха ласковым тоном.

– Нет, покорно вас благодарю, – отвечал этот джентльмен.

Мы должны признаться, что ласковость и внимание старой леди были главнейшими побуждениями, заставившими м-ра Пикквика преждевременно собраться домой. Он думал ежеминутно о м-с Бардль, и каждый взгляд старушки, приветливый и ласковый, бросал его в холодный пот.

Узнав о намерении м-ра Пикквика отправиться на другой день в Бирмингем, к отцу м-ра Винкеля, м-р Бенжамен Аллен вызвался сопровождать его в этот город, и они условились, что почтовый экипаж будет ожидать их в девять часов утра. Устроив этот пункт, м-р Пикквик взял шляпу и, сопровождаемый своим верным слугою, отправился в гостиницу «Зеленого куста», где, после сытного ужина, погрузился в сладкий сон, отдав наперед необходимые приказания Самуэлю относительно будущей поездки.

Глава XLIX

Путешествие мистера Пикквика в Бирмингем.

На другой день поутру, в три четверти девятого, почтовые лошади остановились у гостиницы «Зеленого куста.» Когда м-р Пикквик сел в карету и Самуэль поместился на запятках, ямщику приказано было остановиться на минуту перед врачебным заведением м-ра Боба Сойера, с тем, чтобы взять оттуда нового пассажира, м-ра Бенжамена Аллена.

Через несколько минут экипаж действительно остановился перед подъездом с красным фонарем и весьма четкою надписью: «Сойер, преемник Нокморфа»: но каково было изумление м-ра Пикквика, когда он, выставив свою голову из окна кареты, увидел весьма явственно, что мальчишка в сером балахоне усердно забивает ставнями все окна квартиры своего хозяина! При взгляде на этот совершенно неурочный маневр в ранний час утра, две мысли почти в одно мгновение возникли в душе великого человека: первая – что, по всей вероятности, скончался какой-нибудь добрый приятель и хороший пациент м-ра Боба Сойера; вторая – что сам м-р Боб Сойер объявил себя банкротом.

– Что такое случилось? – спросил м-р Пикквик мальчика в сером балахоне.

– А ничего, сэр, не случилось, – отвечал мальчишка, открывая свой рот во всю длину и широту.

– Все обстоит благополучно, м-р Пикквик, – закричал Боб Сойер, внезапно появляясь у подъезда. В одной руке он держал кожаную сумку, мокрую и грязную; в другой – дорожный сюртук и огромную шаль. – Ведь и я тоже еду, почтенный друг.

– Вы! – воскликнул м-р Пикквик.

– Именно я, и вот вы увидите, какую учиним мы экспедицию, – отвечал Боб Сойер. – Эй, Самуэль, держите!

С этими словами, молодой доктор медицины перекинул кожаную сумку на запятки, где озадаченный Самуэль поспешил уложить ее в ящик экипажа. Затем м-р Боб Сойер с помощью мальчишки надел на себя дорожный сюртук и, подойдя к окну кареты, захохотал во все горло.

– Ведь это умора, да и только; не правда ли, дружище? – сказал Боб, вытирая слезы обшлагом своего рукава.

– Однакож, я, право, не ожидал, любезнейший, что вам вздумается ехать с нами, – сказал м-р Пикквик с некоторым замешательством.

– Вот в том-то и штука, что вы этого не ожидали, – отвечал Боб, ухватившись за край сюртука м-ра Пикквика. – Это ведь шутка.

– Право? Так вы только шутите, любезнейший?

– Разумеется. Нечего хлопотать тут о профессии, если сама профессия, черт бы ее побрал, не хотела хлопотать обо мне. Запер, да и баста!

Представив это объяснение, м-р Боб Сойер, указал на закрытые окна своего заведения и захохотал опять.

– Ах, Боже мой, на кого вы оставляете своих больных? – спросил м-р Пикквик с беспокойством.

– На самих себя, то есть на произвол природы, почтеннейший, – отвечал Боб Сойер. – Никто из них не платил ни шиллинга, надо вам заметить. К тому же, если сказать правду, – продолжал Боб, понизив голос и наклонившись к уху м-ра Пикквика, – мое отсутствие принесет им существенную пользу: за неимением других лекарств в аптеке, я бы принужден был всем своим пациентам раздать по порции каломели, а это, знаете, было бы весьма неприятно. Так, стало быть, все к лучшему.

На этот неожиданный аргумент м-р Пикквик не мог приискать приличного ответа.

– Но это, как видите, двухместная карета, мой друг, – сказал он, наконец, после кратковременной паузы, – мы можем поместиться только вдвоем с м-ром Алленом.

– О, на мой счет прошу не беспокоиться, – отвечал Бобь. – Самуэль и я поместимся в сидейке на запятках, и авось нам не будет тесно. А здесь у подъезда будет приклеен вот этот билетик: «Сойер, преемник Нокморфа. Осведомиться о нем, насупротив этого дома, у м-с Криппс».

– Это что за особа?

– М-с Криппс мать моего мальчугана. «М-р Соииер ускакал сегодня поутру миль за тридцать на консультацию первых столичных врачей», говорит м-с Криппс. «Без него ничего не могли поделывать. Какая-то страшная операция. Прислали за ним курьера. Бога ради, говорят, поезжайте, спасите». Дело в том, почтеннейший, что от этой проделки я ожидаю весьма счастливых результатов. Если об этой небывалой консультации будет напечатано к здешних газетам, так оно, знаете, карьера моя обделается сама собою. А вот и Бен. Ну, пошевеливайся, дружище.

С этими словами м-р Боб Сойер подсадил на козлы ямщика, впихнул своего друга во внутренность кареты, захлопнул дверцы, приподнял подножки, прибил билетик к уличной двери, запер ее, положил ключ в карман, вскочил на запятки, закричал «пошел!» и прежде, чем м-р Пикквик успел сообразить и размыслить, должен или не должен Боб Сойер сопровождать ему в дороге, экипаж уже катился во всю прыть, и ямщик весело похлопывал бичом.

Пока они ехали по бристольским улицам, веселый Боб, с зелеными очками на глазах, вел себя степенно и с приличною важностью, исподволь только прибегая к различным словесным остротам в пользу и назидание м-ра Самуэля Уэллера; но как скоро экипаж очутился за городом на большой дороге, молодой врач сдернул с носа зеленые очки и принялся выделять разнообразные практические штуки с целью обратить наивысшее внимание пешеходов на проезжающий экипаж. Между этими проделками не последнее место занимало громогласное подражание звукам кондукторского рожка и махание в воздухе над поверхностью кареты малиновым шелковым платком, который нарочно для этой цели был привязан к набалдашнику дорожной палки.

– Интересно было бы знать, отчего это все здесь останавливаются и смотрят на нас, – сказал м-р Пикквик, прерывая себя на самой середине одушевленной беседы, имевшей непосредственное отношение к м-ру Винкелю и его молодой супруге. – Какую странность они могут замечать в нас.

– Они, без сомнения, заглядываются на нашу карету, – отвечал Бен Аллен самодовольным тоном. – Здесь не привыкли видеть такие щегольские экипажи. Это им в диковинку, смею сказать.

– Может быть, – сказал м-р Пикквик. – Может статься. Очень вероятно. Должно быть, так.

Догадка м-ра Пикквика, нет сомнения, приняла бы для него форму действительного факта, если бы в эту минуту, случайно выглянув из окна кареты, он не заметил, что взоры пешеходов вовсе не выражали того почтительного изумления, на которое он имел некоторое право рассчитывать на основании своих соображений. Ему даже показалось, что между пешеходами и наружными пассажирами экипажа существуют какие-то телеграфические сообщения, которые, как он догадывался теперь, могли иметь близкую или отдаленную связь с какими-нибудь выходками Роберта Сойера.

– Я надеюсь, – сказал м-р Пикквик, – что ветреный друг ваш, авось, не делает никаких глупостей на запятках.

– О, нет, как это можно, – отвечал Бен Аллен, – Роберт пресмирный парень, уж за это я ручаюсь.

Вслед за тем последовало самое продолжительное и мастерское подражание звукам кондукторского рожка, сопровождаемое взвизгами и криками, которые – уже не было в этом ни малейшего сомнения – происходили из легких и груди м-ра Роберта Сойера.

Ученый муж и юный его собеседник выразительно переглянулись друг на друга, и затем м-р Пикквик, сняв шляпу, высунулся до самой понсицы из окна экипажа, и это доставило ему полную возможность обозреть всю сцену.

М-р Боб Сойер, растопырив ноги во всю длину, сидел не на запятках, но на кровле экипажа, и на голове м-ра Боба Сойера болталась надетая на бекрень шляпа Самуэля Уэллера. В одной руке он держал огромный бутерброд, в другой – плетеную бутылку удивительного размера, и уста ею поминутно прикладывались то к бутерброду, то к бутылке, между тем, как в промежутках оглашал он воздух диким воем или перестреливался какой-нибудь шуточкой с проходившим незнакомцем. Малиновый флаг укреплен был в вертикальном положении на одной из оконечностей кузова кареты, а м-р Самуэль Уэллер, украшенный шляпою Боба Сойера, сидел в самом центре сидейки на запятках и кушал бутерброд с одушевленным аппетитом, при чем физиономия его выражала совершеннейшее удовольствие и одобрение всех поступков м-ра Роберта. Уже одно это могло в высшей степени раздражить джентльмена с характером м-ра Пикквика; но это было еще не все. В эту самую минуту экипаж повстречался с дилижансом, набитым пассажирами и внизу, и сверху на империале: м-р Боб Сойер взял в одну руку шляпу, в другую флаг и прокричал во все горло троекратное «ура», свидетельствуя в то же время глубокое почтение встречным путешественникам и путешественницам, которые помирали со смеху, озирая шутовскую фигуру молодого человека.

– М-р Сойер! – вскричал м-р Пикквик, доведенный до самого раздражительного состояния. – М-р Сойер, сэр!

– Э-ой! – отвечал этот джентльмен, перегибаясь с величайшим хладнокровием через кровлю экипажа.

– Вы с ума сошли, сэр? – спросил м-р Пикквик.

– Ничуть не бывало, дружище.

– Что-ж вы делаете? Веселюсь на ваше здоровье.

– Он веселится! – вскричал м-р Пикквик в порыве величайшего негодования. – Как вам не стыдно, сэр? Уберите этот шутовский красный платок. Я требую этого, сэр. Самуэль, возьмите платок.

Прежде, чем Самуэль собрался исполнить волю своего господина, м-р Боб Сойер грациозно сдернул флаг с набалдашника палки и, уложив его в карман, сделал м-ру Пикквику учтивый поклон. Затем, не теряя лишних слов, он откупорил бутылку и выпил три или четыре глотка, давая знать движением руки, что он желает м-ру Пикквику великого благополучия и счастья. Выполнив этот маневр с необыкновенной быстротой, Боб Сойер бросил благосклонный взгляд на м-ра Пикквика, облизнулся, закусил и улыбнулся.

– Ну, полно, полно, молодой человек, – сказал м-р Пикквик, когда гнев его стал простывать мало-помалу. – Пожалуйста, вы не делайте этих глупостей, сэр.

– Нет, нет, отвечал Боб, – размениваясь шляпами с м-ром Уэллером, – ни под каким видом, почтенный друг. Признаться, я и сам не знаю, как у меня до этого дошло: езда такая веселая, я и не выдержал.

– Рассудите сами, молодой человек, ведь это ни на что не похоже.

– Знаю, знаю, старшина. Уж будьте теперь покойны: ничего этого не будет.

Успокоенный этими уверениями, м-р Пикквик скрылся во внутренности кареты и поднял стекло; но лишь только возобновился у них прерванный разговор, как внимание ученого мужа было развлечено появлением небольшого черного тела продолговатой формы перед самым окном. Этот странный предмет два или три раза стукнулся о стекло, напрашиваясь, очевидно, в карету.

– Что это такое? – воскликнул м-р Пикквик.

– Бутылка, если не ошибаюсь, – заметил Бен Аллен, разглядывая с очевидным участием странный предмет, – и думать надобно, что эта бутылка принадлежит Роберту.

Догадка оказалась совершенно верною. М-р Боб Соьер прицепил плетеную бутылку к оконечности своей палки и, постукивая ею в окно, выражал таким образом безмолвное желание, чтобы приятели его, для общей пользы, освидетельствовали содержание этого предмета.

– Что-ж нам делать? – сказал м-р Пикквик. – Эта выходка опять никуда не годится.

– Надобно, я думаю, взять бутылку, – отвечал Бен Аллен. – Мы спрячем ее и не отдадим назад: это послужит для него наказанием.

– А что? Ведь и в самом деле!

– Больше тут и нечего делать.

Находя этот совет весьма благоразумным, м-р Пикквик тихонько отворил окно и отцепил бутылку, к очевидному удовольствию м-ра Боба Соьера, который при этой операции залился самым веселым смехом.

– Что это за неугомонный весельчак! – воскликнул м-р Пикквик, посматривая на своего собеседника с бутылкою в руках.

– Да, нрав у него очень веселый, – заметил м-р Аллен.

– На него и сердиться нельзя, – сказал м-р Пикквик.

– Никак нельзя, – подтвердил Бен Аллен.

В продолжение обмена этими коротенькими сентенциями м-р Пикквик машинально откупорил бутылку.

– Что это такое? – спросил Бен Аллен беспечным тоном.

– Не знаю, – отвечал м-р Пикквик с такою же беспечностью. – Запах, кажется, довольно приятный.

– Право?

– Кажется, так, а впрочем, утвердительно нельзя сказать.

– Не лучше-ли вам приотведать, м-р Пикквик?

– Вы так думаете?

– Я именно так думаю; иначе нельзя и узнать, что здесь такое.

Всегда готовый жертвовать своими личными чувствами и впечатлениями в пользу ближнего, ученый муж приложил горлышко бутылки к своим устам и втянул в себя один или два глотка.

– Ну, так Что-ж это такое? – спросил Бен Аллен с некоторым нетерпением.

– Не знаю, право, как бы не ошибиться, – отвечал, облизываясь, м-р Пикквик. – Ну да, да, так и есть, – и сказал ученый муж после вторичного эксперимента, – это пунш, ананасовый пунш.

М-р Бен Аллен взглянул на м-ра Пикквика, м-р Пикквик взглянул на м-ра Бена Аллена. М-р Бен Аллен улыбнулся; но м-р Пикквик сохранил степенный вид.

– А вот, если мы выпьем все до капли, так это впереди послужит ему уроком, – сказал м-р Пикквик.

– Скажите, пожалуйста! Ведь и мне тоже пришло в голову, – отвечал Бен Аллен. – Удивительное сочувствие.

– Ну, так церемониться нечего: ваше здоровье, м-р Аллен.

С этими словами, м-р Пикквик втянул в себя же вдруг значительное количество глотков и потом передал бутылку Бену Аллену, который не замедлил последовать его примеру. Улыбки на этот раз сделались взаимными, так же, как постепенный раздел ананасового пунша.

– А ведь, если сказать правду, шутки его очень забавны, – заметил м-р Пикквик, осушая последнюю каплю.

– И остроумны, – подтвердил Бен Аллен.

И в доказательство, что м-р Боб Сойер был остроумнейшим из смертных, молодой друг его рассказал м-ру Пикквику презабавную историю о том, как однажды этот джентльмен схватил от пьянства сильнейшую горячку и принужден был обрить себе голову. Этот рассказ был далеко не окончен, когда экипаж остановился у трактира «Берклейской долины» для смены лошадей.

– Здесь мы станем обедать, господа, не так ли? – сказал Боб Сойер, заглядывая в окно.

– Обедать! – воскликнул м-р Пикквик. – Как это можно? Мы проехали всего девятнадцать миль, а нам еще остается восемьдесят семь с половиною.

– Тем, значит, необходимее нам подкрепить силы для такой дальней дороги, – возразил м-р Боб Сойер.

– Э, полноте! Что за обед к половине двенадцатого? – сказал м-р Пикквик, взглянув на свои часы.

– Ну, так полдничать, – отвечал Боб. – Эй, любезный! Полдник для трех персон, Лошади пусть постоят. Прикажите подать на стол все холодные блюда, какие у вас есть, бутылки две элю, разумеется, – и дайте нам отведать вашей лучшей мадеры.

Раздав эти приказания с необычайною суетливостью, м-р Боб Сойер побежал в буфет, чтобы лично наблюдать за приготовлениями полдника. Минут через пять он воротился и объявил, что все изготовлено на славу.

Полдник, по общему приговору, действительно оказался превосходным, и все три джентльмена с величайшим аппетитом пили шотландский эль и старую ост-индскую мадеру. Плетеная бутылочка вновь наполнилась ананасовым пуншем, и, когда путешественники в прежнем порядке уселись на местах, кондукторский рожок заиграл опять, и малиновый флаг появился на поверхности экипажа уже без малейшего сопротивления со стороны м-ра Пикквика.

В городе Тьюксбери, в гостинице «Желтого хмеля», путешественники остановились пообедать.

Шотландский эль, мадера и портвейн были потребованы в значительном количестве, и, сверх того, плетеная бутылочка наполнилась, как следует, уже в четвертый раз. Под влиянием всех этих сердцекрепительных напитков, м-р Пикквик и Бень Аллен покоились сладким сном в продолжение тридцати миль, между тем как Боб Сойер и м-р Уэллер распевали дуэты на запятках.

Было очень темно, когда м-р Пикквик впервые открыл глаза, и выглянул из окна кареты. Хижины и сараи, разбросанные по обеим сторонам дороги, грязная наружность всех видимых предметов, затхлая атмосфера, груды пепла, извести, мусора, кирпичей, густые клубы дыма, поднимавшиеся к облакам, из высочайших труб, блеск и мерцание отдаленных огней, громадные фуры, нагруженные товарами: все это служило несомненным признаком, что путешественники быстро приближаются к большому промышленному городу Бирмингему.

И вот, наконец, они в самом центре этого коммерческого круговорота. На улицах – многочисленные толпы ремесленников, купцов, фабрикантов, рабочих. Смутный гул разнообразных голосов вырывается из каждого дома; свечи горят ярко во всех верхних этажах; движение колес и шум от гигантских машин потрясают дрожащие стены. Неугомонный стук молота, бурное дыхание паров, звон и брэнчанье многочисленных орудий промышленного производства: такова была музыка, оглушившая наших путешественников при въезде в Бирмингем.

Карета между тем быстро катилась из улицы в улицу, по направлению к первой городской гостинице, где путешественники должны были остановиться. Равнодушный к окружающим предметам, м-р Пикквик успел углубиться в сущность деликатного поручения, составлявшего исключительную цель его поездки.

Деликатная сущность поручения и трудность привести его в исполнение удовлетворительным способом нисколько ни уменьшались от добровольного сотоварищества м-ра Боба

Сойера. Совсем напротив: м-р Пикквик чувствовал, что присутствие в настоящем случае, молодого человека, было для него такою честью, которой он никак не стал бы добиваться сам по себе и, если сказать правду, он был бы даже очень рад заплатить довольно значительную сумму, чтобы удалить м-ра Боба Сойера миль за пятьдесят от этого места.

М-р Пикквик до сих пор еще ни разу не видал м-ра Винкеля старшего и не пользовался его личным знакомством, хотя два или три раза он писал к нему весьма длинные письма, в которых дела лестные отзывы о характере и нравственности его сына. Он понимал теперь с удовлетворительною ясностью, что на его месте было очень неловко представляться первый раз в сопровождении двух юношей весьма легкомысленной и ветреной натуры.

«Надобно, однако ж, сделать все, что от меня зависит», думал м-р Пикквик, успокаивая по возможности свои взволнованные чувства: – «я должен увидеть его не иначе, как сегодня, сообразно с обещанием, данным его сыну. Эти молодые люди, по всей вероятности, не отстанут от меня; но я постараюсь сократить свидание и буду надеяться, что они, из уважения к самим себе, станут вести себя прилично».

Когда он успокоил себя этими размышлениями, карета остановилась, наконец, у подъезда Королевской гостиницы. Самуэль Уэллер, не без некоторого усилия, разбудил Бена Аллена и вытащил его из экипажа. М-р Пикквик последовал за ними. Как скоро им отвели уютный и опрятный номер, ученый муж немедленно приступил с расспросами к слуге относительно места жительства м-ра Винкеля.

– Близехонько отсюда, сэр, отвечал слуга, – четверть мили, не более. М-р Винкель заведует у нас работами на канале, и его сделали недавно смотрителем буяна. Квартиру его вам всякий мальчишка укажет.

Здесь слуга как будто невзначай задул свечу, и принялся зажигать ее опять, доставляя таким образом м-ру Пикквику удобный случай предложить еще несколько вопросов, если он этого желает.

– Прикажете, сэр, подать что-нибудь? – сказал слуга, приведенный в отчаяние молчанием м-ра Пикквика. – Чаю или кофе, сэр? Обед, сэр?

– Ничего покамест.

– Слушаю, сэр. Угодно вам заказать ужин, сэр?

– Не теперь, любезный.

– Слушаю, сэр.

Здесь он медленно пошел к дверям, но остановился на полдороге, обернулся и сказал с приятной улыбкой.

– Не прикажите-ли послать к вам горничную, господа?

– Пошлите, пожалуй, – сказал м-р Пикквик.

– Слушаю, сэр.

– И принесите содовой воды, – сказал Боб Сойер.

– Содовой воды, сэр? Слушаю, сэр. Очень, хорошо, сэр.

Это приказание, по-видимому, облегчило душу честного слуги от подавляющего груза, и он незаметно скрылся из глаз. Трактирные служители никогда не ходят и не бегают: у них есть свой особый и таинственный способ выкрадываться из комнат, и этот способ неизвестен другим смертным.

Содовая вода пробудила некоторые слабые признаки жизненной деятельности в особе м-ра Бенжамена Аллена: его уговорили умыться, причесаться, и он позволил Самуэлю вычистить свое платье. М-р Пикквик и Боб Сойер привели также в порядок свой туалет, и затем все трое, рука об руку, отправились к м-ру Винкелю, при чем Боб Сойер, для препровождения времени, наполнял атмосферу табачным дымом.

За четверть мили от первой городской гостиницы, в тихой и уединенной улице, стоял старый красный кирпичный дом с тремя ступеньками перед подъездом, на поверхности кото-

рого была медная дощечка, где крупными римскими буквами было изображено: «М-р Винкель». Ступеньки были очень белы, кирпичи очень красны, и весь дом казался очень чистым и опрятным. Здесь-то, в десять часов вечера, остановились м-р Пикквик, м-р Бенжамен Аллен и м-р Боб Сойер.

На повторенный стук в дверь к путешественникам выбежала молодая хорошенькая девушка, оторопевшая от изумления при взгляде на трех незнакомых джентльменов.

– Дома-ли м-р Винкель, моя милая? – спросил м-р Пикквик.

– Дома.

– Можно его видеть, душенька?

– М-р Винкель ужинает, сэр.

– Потрудитесь передать ему вот эту карточку, моя милая, – сказал м-р Пикквик. – Мне очень жаль беспокоить м-ра Винкеля в такой поздний час, но я должен непременно увидаться с ним сегодня. Я только-что приехал в этот город.

Девушка бросила робкий взгляд на м-ра Боба Сойера, который между тем разнообразными и чудодейственными гримасами спешил выразить достойную степень удивления и уважения к молодой красавице.

– Не угодно-ли вам пожаловать в коридор, пока я доложу м-ру Винкелю?

И затем, не дожидаясь ответа, она кликнула другую служанку, которая в её отсутствие должна была караулить в коридоре шляпы, сюртуки и шинели. Но через минуту она воротилась опять и попросила незнакомых джентльменов войти в одну из комнат первого этажа, похожую отчасти на уборную, отчасти на приемную. Главнейшими предметами мебели здесь были: письменная конторка, рукомойник, бритвенный прибор, маленькое зеркало, колодка для сапог, подножная скамейка, маленький круглый столик, четыре стула и старинные восьмидневные часы. На мраморной полке в углублении камина стояла железная касса, и, наконец, две висячих полки для книг и бумаг служили единственными украшениями стен, оклеенных обоями.

– Прошу извинить, сэр, что я заставила вас дожидаться в коридоре, – сказала девушка, зажигая лампу и обращаясь к м-ру Пикквику с обворожительной улыбкой, – но я еще никогда не имела чести вас видеть; а у нас тут столько всякого народа, что, признаться, не клади плохо...

– Ничего, моя милая, стоит-ли тут извиняться? сказал м-р Пикквик добродушным тоном.

– Все не стоит, душечка, – подтвердил Боб Сойер, протягивая обе руки в изъявление желания, чтобы молодая леди не спешила уходить из комнаты.

Но эта ласка отнюдь не произвела благодетельного впечатления на молодую леди, и, сказав, что м-р Боб Сойер «возмутительный человек», она прикоснулась весьма неосторожно своими нежными пальчиками в его щеке и стремительно выбежала из комнаты.

Лишенный общества молодой леди, м-р Боб Сойер, для общей потехи и собственного удовольствия, раскрыл и закрыл конторку, заглянул в бумаги на книжной полке, попробовал замок в железной кассе, примерил хозяйские сапоги и произвел несколько забавных экспериментов над мебелью: все эти проделки поражали невыразимым ужасом и страхом м-ра Пикквика и доставляли в то же время несказанное удовольствие самому м-ру Бобу Сойеру.

Наконец, дверь отворилась, и в комнату вошел низенький старичок во фраке и панталонах табачного цвета, с карточкой м-ра Пикквика в одной руке и серебряным подсвечником в другой. Походка, голова и все черты лица напоминали в нем фигуру м-ра Винкеля младшего, за исключением того только, что старичок был несколько плешив.

– Здравствуйтесь, м-р Пикквик, здравствуйтесь, сэр! – сказал м-р Винкель старший, поставив подсвечник на стол и протягивая свою руку. – Надеюсь, вы здоровы, сэр. Очень рад вас видеть. Садитесь, м-р Пикквик, прошу покорно. Этот джентльмен...

– Приятель мой, м-р Сойер, – перебил м-р Пикквик, – друг вашего сына.

– О! – сказал м-р Винкель старший, бросая довольно угрюмый взгляд на Боба. – Надеюсь, вы здоровы, сэр?

– Как медведь, к вашим услугам, – отвечал Боб Сойер.

– А в этом другом джентльмене, – продолжал м-р Пикквик, – мне приятно рекомендовать вам близкого родственника, или, лучше, самого искреннего друга вашего сына, как это вы сейчас увидите из письма, которое я привез к вам, м-р Винкель. Фамилия его – Аллен, сэр.

– Вы говорите об этом господине, сэр? – спросил м-р Винкель, указывая карточкой на Бена Аллена, который этим временем успел заснуть, прислонившись спиной к стене.

М-р Пикквик только-что хотел отвечать на этот вопрос и уже собрался исчислить, во всей полноте, достоинства и отличия фамилии м-ра Бенжамена Аллена, как в эту самую минуту остроумный и находчивый Боб Сойер ущипнул своего друга за руку с тою целью, чтобы пробудить в нем сознание своего положения. М-р Аллен взвизгнул и быстро вскочил на ноги. Затем, увидев перед собой незнакомое лицо, он стремительно подошел к м-ру Винкелю, взял его за обе руки и, пробормотав несколько отрывочных сентенций без определенного значения и смысла, спросил, не угодно-ли ему чего-нибудь, в ожидании обеда, выпить, закусить или перекусить; после всего этого м-р Аллен сел опять на свое место и начал бросать вокруг себя бессмысленные взоры, как будто не имел он ни малейшего сознания о том, куда, как и зачем привела его судьба.

Положение м-ра Пикквика становилось тем более затруднительным, что м-р Винкель старший не скрывал своего изумления при взгляде на странное поведение молодых людей. Чтобы разом покончить это дело, он вынул из кармана письмо и, представляя его м-ру Винкелю, сказал.

– Это письмо, сэр, от вашего сына. Из содержания его вы изволите усмотреть, что от вашего отеческого внимания и снисхождения будет зависеть все счастье и благосостояние молодого человека. Прошу вас покорнейше прочесть письмо спокойно, хладнокровно, и потом сказать мне откровенно, какое впечатление произведет оно на ваше родительское сердце. О важности приговора, который я буду иметь честь выслушать из ваших уст, вы можете судить уже по одному тому, что я нарочно приехал сюда для свидания с вами и решился, не откладывая ни одной минуты, явиться к вам в поздний час ночи... несмотря на такие невыгодные обстоятельства, – заключил м-р Пикквик, взглянув искоса на своих молодых друзей.

После этого вступления м-р Пикквик поспешил вручить по принадлежности озадаченному м-ру Винкелю огромное послание его сына и затем, усевшись на стул, принял наблюдательную позу, подобающую джентльмену, который не чувствует теперь ни малейшей тяжести на своей душе.

Старичок повертел письмо в руках, взглянул на углы конверта, на адрес, на печать, придвинул стул к круглому столику, поправил лампу, сломал печать, развернул бумагу и приготовился читать.

Но в этот самый момент м-р Боб Сойер, казавшийся спокойным в продолжение нескольких минут, положил свои руки на колени и сделал уморительную гримасу в роде тех, какие мы встречаем на портретах, изображающих покойного м-ра Гримальди, знаменитого шута. Случилось, однако ж, что м-р Винкель старший, вместо того, чтобы углубиться в чтение письма, как рассчитывал Боб Сойер, устремил ненароком пристальный взгляд на фигуру самого Боба Сойера, и, заключая весьма основательно, что шутовская гримаса имеет целью осмеяние его собственной особы, старичок сделал такую строгую и суровую мину, что черты покойного Гримальди мгновенно приняли выражение невинной скромности и смирения.

– Вы что-то говорили, сэр? – спросил м-р Винкель после страшного молчания.

– Нет, сэр, – отвечал Боб Сойер смиренным тоном.

– Уверены-ли вы в этом, сэр?

– О, да, сэр, совершенно уверен.

– А мне показалось, что вы действительно говорили, сэр, – продолжал старый джентльмен тоном выразительного негодования, – вы, может быть, смотрели на меня, сэр?

– О, нет, сэр, совсем нет! – отвечал Боб с величайшею учтивостью.

– Очень рад слышать это, сэр, – сказал м-р Винкель старший.

Бросив еще раз сердитый взгляд на уничтоженного Боба, старый джентльмен пододвинул к себе лампу и уже серьезно углубился в чтение письма.

М-р Пикквик следил пристально и внимательно за всеми движениями старца, по мере того, как он перебежал от одной строки к другой, от первой страницы ко второй, от второй к третьей, от третьей к четвертой и последней; но ни малейшее изменение в чертах лица не могло служить более или менее правдоподобным истолкованием чувствований, с какими м-р Винкель старший принял известие о супружестве своего сына, которое супружество, как знал м-р Пикквик, описывалось уже на первой странице после двенадцатой строки.

М-р Винкель прочитал письмо до последнего слова, сложил его опять со всею тщательностью и аккуратностью делового человека, и в то самое мгновение, как м-р Пикквик ожидал неминуемого взрыва сильных ощущений, старичок обмакнул перо в чернильницу и сказал совершенно спокойным тоном, как будто речь шла о какой-нибудь коммерческой безделке:

– Куда адресовать к Натаниэлю, м-р Пикквик?

– В гостиницу «Коршуна и Джорджа», – отвечал этот джентльмен.

– «Коршун и Джордж». А где эта гостиница?

– На Георгиевском подворье, в Ломбардской улице.

– В Сити?

– Да.

Старый джентльмен методически записал адрес на изнанковой стороне конверта, бросил письмо в конторку, запер ее, положил в карман связку ключей и сказал:

– Больше, я полагаю, ничто не может удерживать вас у меня, м-р Пикквик?

– Ничто, почтеннейший! – вскричал озадаченный м-р Пикквик в порыве негодующего изумления. – Ничто! И вы не намерены ничем больше выразить своего мнения по поводу этого великого события в жизни нашего молодого друга? Вы не хотите уверить его через меня в продолжении своего покровительства и родительской любви? И не будет от вас ни одного ласкового слова, ни одного привета этой юной чете? Что с вами, м-р Винкель? Образумьтесь, почтеннейший, подумайте!

– Я подумаю об этом на досуге, – отвечал старичок. – На этот раз мне нечего сказать. Я человек деловой, м-р Пикквик, и не привык сгоряча пускаться на какие бы то ни было аферы. В настоящем случае я никак не могу одобрить этого дела: обстановка его мне решительно не нравится. Тысяча фунтов – небольшая сумма, м-р Пикквик.

– Что правда, то правда, вовсе небольшая, бездельная сумма, – перебил Бен Алиен, проснувшийся в эту минуту и припомнивший весьма кстати, что сам он прокутил *свою* тысячу фунтов наследства без малейшего затруднения. – Вы умный человек, сэр. Ведь, он смысленный малый: как ты думаешь, Боб?

– Очень рад, что вы, сэр, признаете мое мнение справедливым, – сказал м-р Винкель старший, бросая презрительный взгляд на Бена Аллена, продолжавшего глубокомысленно качать головой. – Дело вот в чем, м-р Пикквик; я позволил своему сыну совершить под вашим руководством несколько путешествий с тою целью, чтобы он пригляделся к людям и отвык от своих пенсионных привычек; но я никогда не уполномочивал его на женитьбу без моего согласия. Он знает это очень хорошо. Стало быть, если мне вздумается лишить его своего отеческого покровительства, Натаниэль не будет иметь никакого права изумляться или сетовать на меня. Впрочем, я буду писать к нему, м-р Пикквик. Прощайте, спокойной вам ночи, сэр. Маргарита, проводите этих господ.

Все это время Боб Сойер неугомонно толкал м-ра Бена Аллена, поощряя его сказать что-нибудь с своей стороны в защиту правого дела. На этом основании Бен Аллен, без всяких предварительных соображений, вдруг разразился краткою, но сильно патетическою речью:

– Сэр! – воскликнул м-р Бен Аллен, раскрыв свои мутные глаза на старого джентльмена и размахивая вверх и вниз своею правою рукою, – сэр, стыдитесь самих себя... стыдитесь этих стен, сэр!

– Как брат жены моего сына, вы, конечно, превосходный судья в этом деле, – отвечал м-р Винкель старший. – Довольно об этом. Прошу вас не возражать, м-р Пикквик. Прощайте, господа.

С этими словами старичок взял свечу и, отворив дверь, учтиво попросил гостей освободить его от дальнейших переговоров.

– Вы станете жалеть об этом, – сказал м-р Пикквик, с трудом удерживая порывы своего негодования.

– Это мы увидим, – отвечал спокойно м-р Винкель старший. – Еще раз, господа, желаю вам спокойной ночи.

М-р Пикквик пошел на улицу сердитой стопой, в сопровождении м-ра Боба Сойера, совершенно оглушенного непреклонно строгим решением старого джентльмена. За ними покатилась шляпа Бена Аллена, и через минуту сам Бен Аллен появился на лестничной ступени у подъезда. Все три джентльмена хранили глубокое молчание во всю дорогу и, не поужинав, разошлись в гостинице по своим спальням. Углубляясь на досуге в сущность и вероятные последствия своего визита, м-р Пикквик скоро пришел к заключению, что ему никак не следовало отваживаться на эту поездку, не собрав наперед отчетливых сведений о характере м-ра Винкеля старшего, который оказался в такой ужасной степени деловым человеком.

Глава I

Мистер Пикквик встречается одного из своих старых знакомых, и этому счастливому обстоятельству читатель обязан поразительно интересными подробностями относительно двух великих людей, могущественных и славных в литературном мире.

М-р Пикквик проснулся, по обыкновению, в восемь часов. Наступившее утро всего менее могло рассеять в душе великого человека неприятные впечатления, произведенные неожиданными последствиями вчерашнего визита. Небо было пасмурно и мрачно, воздух затхл и сыр, улицы мокры и грязны. Дым лениво выходил из труб, как будто у него не хватило храбрости подняться к облакам; дождь капал медленно и вяло, как будто не смея превратиться в ливень. Боевой петух на трактирном дворе, лишенный всех признаков своего обычного одушевления, печально покачивался на одной ножке в уединенном углу; осел, понурился голову, расхаживал в созерцательном расположении духа, как будто в глупой голове его мелькала мысль о самоубийстве. На улице, кроме зонтиков, не было видно никакого предмета, и ничего не слышалось, кроме падения дождевых капель.

Завтрак был очень скучен, и разговор между нашими путешественниками вовсе не клеился. Даже м-р Боб Сойер живо чувствовал на себе одурачивающее влияние погоды. Он был теперь, по его собственному выражению, «сбит с панталыка». М-р Пикквик и Бен Аллен были тоже не в своей тарелке.

В тоскливом ожидании лучшей погоды, путешественники перечитали последний номер лондонской вечерней газеты от первой строки до последней, перетоптали ковер в своей комнате от первого до последнего рисунка, повысмотрели все картины на стенах и перепробовали, без малейшего успеха, все предметы для разговора. Наконец, м-р Пикквик, дождавшись полудня и не видя никакой перемены к лучшему, позвонил и отдал приказание закладывать лошадей.

Заложили и поехали. Дождь полил сильнее, слякоть по дороге увеличивалась с каждой минутой, и огромные куски грязи летели беспрепятственно в открытые окна экипажа, так что пассажирам во внутренности кареты было почти столько же неловко, как и тем, которые по-прежнему поместились на запятках. При всем том, в самом движении и живом сознании чувства деятельности заключалось уже бесконечное превосходство перед скучным и томительным бездействием в скучной комнате, откуда, без всякой цели и намерения, приходилось смотреть на скучную улицу и дождевые капли. Оживленные путешественники не могли понять, зачем и отчего они так долго отсрочивали свою поездку.

Когда они остановились в Ковентри на первой станции, пар от лошадей поднялся такими густыми облаками, что затмил совершенно станционного смотрителя, и путешественники слышали только его громкий голос, выходивший из тумана. Он говорил, что человеколюбивое общество³⁰, при первой раздаче премий, должно непременно наградить его первую золотую медалью вследствие того, что у него достало храбрости снять шляпу с ямщика, иначе этот парень неизбежно должен был бы утонуть, так как вода с полей его шляпы лилась обильным потоком на рукава его, грудь и шею.

– Прекрасная погода! – сказал Боб Сойер, поднимая воротник своего пальто и закрываясь шалью.

– Чудодейственная, сэр, – подтвердил Самуэль Уэллер. – А знаете что, сэр?

– Что?

– Случалось-ли вам когда-нибудь видеть больного ямщика?

³⁰ Лондонское человеколюбивое общество, Human Society, основано с единственной целью спасти утопающих. *Прим. перев.*

– Не припомню. А что?

– В ту пору, например, когда вы были студентом, в клинику вашу никогда не приносили больного ямщика?

– Нет, никогда.

– Я так и думал. А случалось-ли вам видеть на каком-нибудь кладбище надгробный памятник ямщику?

– Нет, не случалось.

– А мертвого ямщика видели вы когда-нибудь?

– Никогда.

– Ну, так никогда и не увидите, – отвечал Самуэль торжественным тоном. – Есть еще другой предмет, которого никогда не видал ни один человек: это, сэр, мертвый осел. Никто не видал мертвого осла, за исключением разве одного джентльмена в черных шелковых гюль-тиках, знакомого с одной молодой женщиной, у которой был козел. Но тот осел приехал сюда из Франции, и очень могло статься, что был он не из настоящей породы.

В этих и подобных разговорах проходило время, пока, наконец, экипаж остановился в Дончорче. Здесь путешественники перекусили, переменили лошадей и отправились на следующую станцию в Девентри, откуда через несколько часов благополучно прибыли в Таучестер. Дождь, усиливаясь постепенно, не прекращался ни на одну минуту.

– Это, однако ж, из рук вон, господа! – заметил Боб Сойер, заглядывая в окно кареты, когда экипаж остановился в Таучестере, у подъезда гостиницы «Сарациновой головы». – Не мешало бы положить этому конец.

– Ах, Боже мой! – воскликнул м-р Пикквик, открывая глаза после продолжительной дремоты. – Вы, кажется, ужасно вымокли.

– Не то чтобы ужасно, а так себе, – отвечал Боб, – дождь, кажется, не думает церемониться с нами.

Дождь струился крупными каплями с его шеи, рукавов, локтей, колен, и весь костюм м-ра Боба, пропитанный водою, представлял подобие блестящей клеенки.

– Да, как видите, я промок порядком, хотя, может быть, не до костей, – сказал Боб, стряхивая с себя дождевые капли на подобие ньюфаундлендской собаки, только что вынырнувшей из воды.

– Дальше, я думаю, нам нельзя ехать в такую позднюю пору, – сказал Бен.

– Это уж само собою разумеется, – подтвердил Самуэль Уэллер, присоединяя свои наблюдения к общему совещанию, – лошади измучатся по-пустякам, и толку не будет никакого. В этой гостинице, сэр, превосходные постели, – продолжал Самуэль, обращаясь к своему господину, – все чисто, опрятно и уютно, как нельзя больше. В полчаса, не больше, здесь могут приготовить маленький обед первейшего сорта: пару цыплят, куропаток, телячьи котлеты, французские бобы, пироги с дичью, жареный картофель на закуску. Мой совет, сэр: переночевать здесь, если вы сколько-нибудь дорожите жизнью и здоровьем.

Здесь кстати подоспел содержатель «Сарациновой головы» и вполне подтвердил показания м-ра Уэллера относительно комфортабельности своего заведения, способного выдержать соперничество с первыми гостиницами столицы. К этому он прибавил несколько печальных догадок относительно прескверного состояния дорог и решительной невозможности добыть лошадей на следующей станции.

– К тому же, господа, вы должны взять в расчет, что этот неугомонный дождь зарядил, по всей вероятности, на всю ночь, тогда как завтра, без сомнения, будет прекрасная погода, – заключил убедительным тоном содержатель «Сарациновой головы»

– Ну, хорошо, – сказал м-р Пикквик, – мы переночуем. Только мне надобно послать в Лондон письмо так, чтобы завтра поутру оно могло быть доставлено по принадлежности, иначе, во что бы ни стало, мы должны ехать вперед.

Содержатель улыбнулся. Ничего, разумеется, не могло быть легче, как завернуть письмо в лист серой бумаги и отправить его или по почте, или с кондуктором вечернего дилижанса, который проедет из Бирмингэма.

– И если, сэр, вы хотите, чтобы оно было доставлено как можно скорее, вам стоит только написать на конверте: «вручить немедленно». Или, всего лучше, извольте написать, чтобы подателю за немедленное доставление вручили полкроны. Это уж будет верно, как нельзя больше.

– Очень хорошо, – сказал м-р Пикквик, – в таком случае мы останемся здесь.

– Эй, Джон! – закричал содержатель одному из своих слуг. – Свечей в солнечный номер³¹. Развести огонь в камине. Джентльмены перезябли. – Сюда пожалуйста, господа. Не беспокойтесь насчет вашего ящика, сэр: я пришлю его, когда вам угодно будет позвонить. – Ну, Джон, пошевеливайтесь.

Принесли свечи, развели огонь, накрыли на стол, занавесы опустили, зеркала заблистали, камин запылал, и через десять минут все предметы в отведенном номере приняли такой благообразный, праздничный вид, как будто путешественников ожидали здесь давным-давно и заранее делали всевозможные приготовления для их комфорта. Честь и слава содержателям английских гостиниц!

М-р Пикквик сел за круглый стол и наскоро набросал несколько слов м-ру Винкелю, извещая, что, вследствие дурной погоды, он остался переночевать на полдороге в Лондон и откладывает все дальнейшие объяснения до личного свидания. Это письмецо, завернутое в пакет, он поручил Самуэлю Уэллеру отнести в буфет.

Самуэль, как и следует, отдал его молодой леди за буфетом, погрелся у камина и уже хотел воротиться в солнечный номер за господскими сапогами, как вдруг, заглянув случайно в полуотворенную дверь, увидел рыжеватого джентльмена почтенных лет, обложенного огромною кипюю газет, лежавших перед ним на столе. Рыжеватый джентльмен читал какую-то статью с напряженным вниманием, читал и улыбался, улыбался и вздергивал по временам свой нос, при чем все черты его лица принимали величественное выражение гордости и решительного презрения.

– Эге! – воскликнул Самуэль. – Этот господин мне что-то слишком знаком: я отлично помню и этот нос, и эту лысину, и этот знаменитый лорнет. Если он не итансвилльский забияка, так я, что называется, сам пропащий человек.

Самуэль кашлянул два или три раза, чтобы обратить на себя внимание читающего джентльмена. При этих звуках джентльмен с беспокойством поднял голову и лорнет и представил глазам постороннего наблюдателя выразительно-задумчивые черты м-ра Потта, издателя и редактора «Итансвилльской синицы».

– Прошу извинить, сэр, – сказал Самуэль, приближаясь к нему с низким поклоном, – мой господин остановился в этой гостинице, м-р Потт.

– Тсс, тсс! – прошипел м-р Потт, приглашая Самуэля войти в комнату и затворяя дверь с видом таинственного ужаса и страха.

– Что такое, сэр? – спросил Самуэль, озираясь вокруг себя.

– Тут не должно ни под каким видом произносить моего имени, – отвечал м-р Потт. – Я храню глубочайшее инкогнито.

– Зачем это, сэр?

– Это местечко – главный притон всех этих Желтых негодяев. Бешеная чернь разорвет меня в куски, если узнает, что я здесь.

– Неужели!

³¹ В некоторых английских гостиницах и трактирах каждый номер имеет свое особое название. *Прим. перев.*

– Без малейшего сомнения: одно только инкогнито может упрочить мою безопасность. – Ну, теперь скажите, молодой человек, где ваш господин?

– Здесь, сэр: в солнечном номере. Он и два приятеля остановились здесь переночевать проездом в Лондон.

– Не с ним-ли и м-р Винкель? – спросил м-р Потт, слегка нахмутив брови.

– Нет, сэр. М-р Винкель живет теперь в своей семье, – отвечал Самуэль. – Он женился, сэр.

– Женился! – воскликнул Потт в порыве величайшего одушевления. Затем он приостановился, бросил мрачную улыбку и прибавил вполголоса таким тоном, в котором ясно выразилось удовольствие затаенной мести. – Поделом ему, поделом ему, поделом!

Насытив таким образом свою злобу над низверженным врагом, м-р Потт пожелал узнать, кто были теперешние друзья м-ра Пикквика, Синие или Желтые? Самуэль без запинки отвечал утвердительно и положительно, что оба они были Синие с ног до головы, хотя, натурально, никогда он и не думал справляться о политических мнениях господ Сойера и Аллена. Услышав такой успокоительный ответ, м-р Потт немедленно отправился в солнечный номер, где и был с восторгом принят м-ром Пикквиком и его друзьями. После первых приветствий, рекомендаций и расспросов, журналист охотно согласился разделить с путешественниками их обед, заказанный в огромнейшем размере.

– А как идут дела в Итансвилле? – спросил м-р Пикквик, когда Потт сел у камина и путешественники, сбросив мокрые сапоги, надели туфли. – «Журавль» все еще продолжает свое существование?

– Да, сэр, эта газета, к стыду человечества, все еще влачит до времени свое жалкое и унижительное существование, справедливо презираемая даже теми, которые знают о её позорном бытии, – отвечал м-р Потт, очевидно, обрадованный тем, что вошел, наконец, в свою обычную колею. – Да, сэр, «Журавль» хрипит еще, и не только хрипит, но даже дерзновенно поднимает свою гнусную голову, забывая всякий стыд и совесть; но с некоторого времени, можно сказать, он завяз по уши в своей собственной грязи и захлебывается мутной и ядовитой влагой, которую сам же изрыгает из своей гнусной пасти.

Разразившись этими сентенциями, журналист остановился перевести дух и бросил величественный взгляд на Боба Сойера.

– Вы еще молодой человек, сэр, – заметил м-р Потт.

М-р Боб Сойер поклонился.

– И вы тоже, – продолжал Потт, обращаясь к м-ру Бену Аллену.

Бен не противоречил.

– При всем том, господа, вы уже напоены и пропитаны этими синими принципами, что, конечно, делает честь и уму вашему, и сердцу. Я, с своей стороны, поклялся поддерживать эти принципы для благосостояния трех соединенных королевств, и свет знает, умею-ли я держать свою клятву.

– Я, признаться, не совсем понимаю эти вещи, – отвечал Боб Сойер: – я...

– Не Желтый, конечно, м-р Пикквик, – прервал Потт, беспокойно повернувшись в креслах. – Приятель ваш не из Желтых, сэр?

– Нет, нет, – отвечал Боб, – я слишком пестр в настоящую минуту и, может быть, соединяю в себе самую разнообразную коллекцию цветов.

– То есть, сэр, вы еще находитесь в переходном состоянии, – подхватил м-р Потт торжественным тоном. – Колебание вашего духа может, смотря по обстоятельствам, принести вам пользу или вред. Поэтому, сэр, я бы желал прочесть вам ряд последних моих статей, появившихся в «Итансвилльской синице». Нет никакого сомнения, что после этого чтения колебание ваше пройдет и мнения ваши, однажды навсегда, получат твердый и определенный характер.

– Я посинею, вероятно, и, может быть, даже побагровею, прежде чем вы успеете прочесть эти статьи, – отвечал Боб.

М-р Потт искоса взглянул на Боба Сойера и потом, обращаясь к м-ру Пикквику, сказал:

– Вы, конечно, видели литературные статьи, которые в последние три месяца помещались в «Итансвилльской синице». они, смею сказать, обратили на себя всеобщее внимание и произвели во всех единодушный восторг.

– Я должен сказать вам откровенно, – отвечал м-р Пикквик; приведенный в некоторое затруднение этим вопросом: – в последнее время были у меня занятия, не имевшие никакого отношения к литературе, и я никак не удосужился прочесть ваших статей.

– Напрасно, сэр, напрасно, – сказал м-р Потт, делая очень строгую мину. – Это очень жаль.

– Я прочту их, – сказал м-р Пикквик.

– Прочитайте непременно. они появлялись под одним общим заглавием «О китайской метафизике», сэр.

– А! – заметил м-р Пикквик. – И все это, натурально, произведение вашего пера, сэр?

– Нет, произведение моего сотрудника в отделе критики, сэр, – отвечал Потт с большим достоинством.

– Предмет, должно быть, очень трудный, – сказал м-р Пикквик.

– Чрезвычайно трудный и удивительно интересный, – отвечал Потт с глубокомыслием истинного философа. – Сотрудник мой, по-моему указанию, воспользовался всеми источниками, какие только мог найти в Британской Энциклопедии.

– Это однако ж странно, – заметил м-р Пикквик. – Я не знал до сих пор, что в Британской Энциклопедии помещены какие-нибудь материалы относительно китайской метафизики.

– Ничего нет странного, – отвечал Потт, положив одну руку на колено м-ра Пикквика и бросая вокруг себя многозначительную улыбку. – Разумеется, вы не найдете там отдельного трактата о метафизических воззрениях китайцев, за то сыщете статью о метафизике под буквой М. и статью о Китае под буквой К. Все это надобно сравнить, сличить, взвесить, сообразить и переварить в горниле чистого, абсолютного размышления, и все это, действительно, под моим непосредственным наблюдением и руководством, сделал мой неутомимый сотрудник. Дело мастера боится, м-р Пикквик.

И при этих ученых соображениях физиономия м-ра Потта приняла такое всеобъемлющее выражение необыкновенной мудрости, что м-р Пикквик не осмеливался возобновить разговора в продолжение нескольких минут, и уже не прежде, как черты журналиста разгладились до степени обыкновенного джентльмена, он возобновил беседу таким образом:

– Позвоительно-ли спросить, какой великий предмет завлек вас в эту сторону, столько отдаленную от постоянного поприща ваших действий?

– Этот великий предмет, сэр, – благо моего отечества, – отвечал м-р Потт с кроткою улыбкой, – то самое благо, которое обыкновенно вдохновляет и одушевляет меня при всех этих гигантских трудах.

– Вероятно, вы имеете какое-нибудь важное поручение от вашего общества? – спросил м-р Пикквик.

– Да, сэр, вы угадали, – отвечал Потт и, наклоняясь к уху м-ра Пикквика, прибавил таинственным шепотом, – Желтые завтра вечером дают бал в Бирмингеме.

– Неужели!

– Да, сэр, бал и ужин!

– Возможно-ли это?

– Очень возможно, если я вам говорю.

Но, несмотря на необычайное изумление при этой оглушительной вести, м-р Пикквик, почти незнакомый с местною политикою, не мог составить ни малейшего понятия о важности

желтых замыслов и желтых планов, имевших отношение к этому политическому балу. Заметив это обстоятельство, м-р Потт вынул из кармана последний номер «Итансвилльской синицы» и для общего назидания громогласно прочитал следующий параграф.

«Последнее пронырство желтой сволочи».

«Один из наших соотечественников, олицетворяющий в себе гнусную и пресмыкающуюся гадину, отрыгнул недавно змеиный яд бессильного бешенства и злобы против знаменитого и славного представителя нашего в парламенте, достопочтенного м-ра Сломки, – того самого Сломки, о котором мы предсказали в свое время, – и кто не видит, что предсказание наше оправдалось и сбылось блистательнейшим образом, – что он сделается украшением и честью своей нации, её защитником и могущественной опорой во всех начинаниях, клонящихся к общественному благу. И что же? Этот змеевидный соотечественник, говорим мы, позволил себе издеваться по поводу издержек, употребленных на покупку великолепной угольницы из чистого серебра, которую благодарные сограждане вознамерились поднести своему достойнейшему сочлену. Отринув всякий стыд и совесть, этот безымянный изверг, готовый кощунствовать над всякими благороднейшими движениями сердца, вздумал с беспримерною дерзостью уверять, будто достопочтенный м-р Сломки сам, через одного из приятелей своего домоуправителя, подписал на три четверти всей суммы, какой должен был стоить этот вышеозначенный подарок. Жалкая тварь! Неужели, спрашиваем мы, не видит этот пресмыкающийся гад, что, предположив даже действительность этого факта, достопочтенный м-р Сломки выставляется еще в более выгодном и блистательнейшем свете, если только это возможно? Думает-ли он, что этот великодушный поступок в состоянии отвлечь от него умы и сердца благородных сограждан, если только они не хуже каких-нибудь свиней, или, другими словами, не столь низки и презренны, как этот гнусный изверг?... Но это еще не все: желтая сволочь, продолжая свои интриги, думает на этих днях прибегнуть к самому отчаянному пронырству, какое только когда-либо рождалось в узколобых головах. Утверждаем смело и решительно, что в настоящую минуту совершаются скрытым и тайным образом приготовления к желтому балу, и этот бал дан будет в желтом городе, в самом центре, или, правильнее, в самом гнезде желтого народонаселения, которое на этот случай избирает желтого церемониймейстера, приглашает четырех ультражелтых членов из парламента и заготавливает для входа только желтые билеты! Но... ожидает-ли этого бесстыдный соотечественник? Пусть он томится и крушит себя в бессильной злобе, когда перо наше начертывает эти слова: „Мы будем там!“»

– Будем и дадим себя знать, – сказал Потт, складывая газету и вытираясь платком. – Вот, сэр, цель моего путешествия. Понимаете?

– Понимаю, – сказал м-р Пикквик.

В эту минуту содержатель и трактирный слуга принесли в комнату обед: журналист с беспокойством приставил палец к своим губам, в ознаменование, что жизнь его находится теперь в руках м-ра Пикквика, зависит от его скромности. Бенжамен и Боб Соьер, дремавшие в продолжение чтения красноречивого отрывка из «Итансвилльской синицы», мгновенно встрепнулись при одном слове «обед» и поспешили сесть за стол с веселым духом и превосходнейшим аппетитом.

За столом после обеда, когда разговор спустился мало-помалу на обыкновенные житейские предметы, журналист известил м-ра Пикквика, что супруга его, вследствие злокачественности итансвилльского воздуха, путешествует в настоящее время по разным минеральным заведениям с целью поправления здоровья и восстановления прежней веселости духа. Это, собственно говоря, служило поэтическим прикрытием действительного факта, состоявшего в том, что м-с Потт, не раз угрожавшая разводом своему супругу, привела наконец, при содей-

ствии своего брата, лейтенанта, в исполнение свою угрозу, заключив наперед юридическую сделку, по которой м-р Потт обязался ежегодно выдавать ей половину дохода, доставляемого подписчиками «Итансвилльской синицы».

Между тем как журналист рассуждал об этих и многих других интересных предметах, беспрестанно приводя цитаты из собственных своих литературных произведений, какой-то суровый незнакомец, высунувшись из окна дилижанса, остановившегося у подъезда «Сарациновой головы» для передачи писем и пакетов, заботливо осведомлялся, может-ли он, с некоторым комфортом, провести ночь в этой гостинице.

– Без всякого сомнения, сэра, – отвечал содержатель.

– Есть у вас хорошая постель?

– Да, сэра.

– И ужин?

– Все будет к вашим услугам, сэра.

– Очень хорошо, – сказал суровый незнакомец. – Кучер, я здесь выйду. Кондуктор, достаньте мой чемодан.

Пожелав другим пассажирам счастливого пути, незнакомец вышел из кареты. Это был низенький, приземистый джентльмен с густыми черными волосами, поднимавшимися щетиной на его голове. Вид его был повелителен и грозен, обращение надменно и надуту, глаза его выражали какую-то неугомонную юркость и внутреннее беспокойство, и все его манеры обличали чувство величайшей уверенности в самом себе и сознание неизмеримого превосходства перед всеми другими людьми.

Этому господину отвели ту самую комнату, которая первоначально назначена была м-ру Потту. Внимание трактирного служителя поражено было необыкновенным и странным сходством между этими двумя джентльменами. Лишь только принесены были свечи и поставлены на стол, незнакомец тотчас же вынул газету и принялся читать ее с выражением того же самого негодующего презрения, какое за час перед этим отражалось на величественных чертах м-ра Потта. Существенная разница между ними, по замечанию служителя, состояла только в том, что презрение Потта вызвано было газетой, носившей заглавие «Итансвилльской журавля», тогда как настоящий джентльмен озлобился на «Итансвилльскую синицу».

– Послать содержателя гостиницы, – сказал незнакомец.

– Слушаю, сэра, – отвечал слуга.

Содержатель явился через несколько минут.

– Вы здесь хозяин? – спросил джентльмен.

– Я, сэра.

– Знаете вы меня?

– Нет, сэра.

– Фамилия моя – Слорк, – сказал джентльмен.

Содержатель слегка кивнул головою.

– Слорк, сэра, – повторил джентльмен надменным тоном. – Теперь, надеюсь, вы знаете меня?

Содержатель почесал затылок, взглянул на потолок, на знакомого и улыбнулся весьма слабо.

– Знаете-ли вы меня теперь, сэра? – повторил незнакомец сердитым тоном.

Содержатель сделал над собою великое усилие и, наконец, продолжая чесать затылок, проговорил сквозь зубы:

– Нет, сэра, не имею этой чести.

– Великий Боже! – вскрикнул незнакомец, ударив по столу сжатым кулаком. – И вот вам популярность!

Хозяин невольно попятился к дверям; но м-р Слорк удержал его и, бросив на него свирепый взгляд, продолжал таким образом:

– Вот она вам, вот, вот благодарность толпы за целые годы неутомимых трудов, пожертвований, лишений, благороднейших стремлений! Остановившись на полдороге, выхожу из кареты, мокрый и усталый, и – ни одного восклицания, ни одного восторженного крика из этой низкой и презренной толпы? Колокола безмолвствуют, и самое произнесение моего имени ни в ком не возбуждает радостного чувства! Стоит из за чего тонуть всю свою жизнь в этом океане чернильных партий и вражды! – заключил взволнованный м-р Слорк, расхаживая взад и вперед.

– Не угодно-ли водочки, сэр?

– Бутылку рому и воды! – сказал м-р Слорк, окидывая горделивым взглядом содержателя гостиницы. – Разведен-ли у вас огонь где-нибудь?

– Я прикажу развести его здесь, сэр, – отвечал содержатель.

– В этом камине? Это будет слишком долго: комната не нагреется до полуночи, – возразил м-р Слорк. – Есть у вас кто-нибудь в кухне?

На кухне не было ни души. Огонь горел там великолепно. Гости все разошлись, и дверь уже была заперта на ночь.

– В таком случае, я буду пить свой пунш на кухне у камина, – сказал м-р Слорк.

Путешественник взял шляпу и газету и торжественно последовал за хозяином в этот скромный номер. Здесь он поместился у камина на мягкой софе, развернул газету и принялся читать и прихлебывать пунш с выражением величественного презрения и досады.

Но уж, вероятно, по распоряжениям судьбы, какой то демон раздора пробежал в эту самую минуту по всем апартаментам «Сарациновой головы» и, позавидовав обоюдному спокойствию господ журналистов, решил стравить их, как борзых собак, для собственного наслаждения и потехи. Под влиянием этого злого духа в голове м-ра Боба Сойера сформировалась весьма странная мысль, которую он и выразил в следующей форме.

– А ведь огонь-то у нас потух, господа. Что мы станем делать? После дождя тут и холодно, и сыро, не правда ли?

– И холодно, и сыро, – подтвердил м-р Пикквик, подернутый судорожною дрожью.

– Не дурно было бы теперь раскурить сигару на кухне у камина: что вы на это скажете? – спросил Боб Сойер, подстрекаемый, конечно, тем же демоном раздора.

– Да, это было бы очень и очень недурно, – отвечал м-р Пикквик. – Что вы нам скажете на это, м-р Потт?

– Тут нечего и распространяться, господа: пойдите в кухню. Огонь там превосходный, – сказал м-р Потт.

И на этом основании все четверо путешественников, каждый со своим стаканом в руке, отправились на кухню в сопровождении м-ра Уэллера, который взялся показывать дорогу в этот апартамент.

Незнакомец продолжал читать. Вдруг он поднял глаза и остолбенел. М-р Потт взглянул и обомлел.

– Что с вами? – прошептал м-р Пикквик.

– Эта пресмыкающаяся гадина! – воскликнул м-р Потт.

– Какая гадина? – сказал м-р Пикквик, с беспокойством озираясь кругом, из опасения наступить на черного таракана или на паука.

– Эта гадина, – прошептал Потт, схватив м-ра Пикквика за руку и указывая ему на незнакомца, – эта гадина – Слорк, издатель «Журавля».

– Так уйдемте же отсюда назад, – шепнул м-р Пикквик!

– О, нет, сэр, никогда! – отвечал Потт. – Никогда!

С этими словами журналист стремительно бросился вперед, уселся на противоположной софе и, вынув один номер из толстой пачки газет, принялся читать насупротив своего врага.

Само собою разумеется, что м-р Потт читал «Журавля», а м-р Слорк – «Интансвильскую синицу». И само собою разумеется, что оба журналиста выражали вслух свое обоюдное презрение и мнения их появлялись в такой отрывочной форме:

– «Нелепо. – Дико. – низко. – Грязно. – бесчестно. – Шарлатан. – Наглец. – Нравственный урод. – Змей. – Идиот» и проч., и проч.

М-р Боб Соейр и Бен Аллен смотрели с невыразимым наслаждением на эти энергические выражения взаимной ненависти и соперничества двух журналистов, и, вдохновенные этой сценой, молодые люди покуривали и затягивались с величайшим аппетитом. Наконец, Боб Соейр отважился подойти к м-ру Слорку и сказал ему учтивым тоном:

– Не можете ли, сэр, одолжить мне эту газету, когда вы прочтете ее?

– С моим удовольствием, сэр; только предупреждаю вас, что вы ничего интересного не найдете в этом презренном листе, – отвечал Слорк, бросив сатанинский взгляд на м-ра Потта.

– А вот я скоро передам вам эту газету, если хотите, – сказал Потт, бледный и дрожащий от злости. – Ха, ха, ха! Дерзость этого *грубияна* развеселит вас на целый вечер.

Ужасные слова «презренный лист» и «грубиян» были произнесены с особенной выразительностью и эффектом. Лица обоих журналистов запыхали неукротимым бешенством и злобой.

– Болтовня этого жалкого писаки отвратительна в полном смысле, – сказал Потт, делая вид, что обращается исключительно к Бобу Соейру.

Здесь м-р Слорк засмеялся от чистого сердца и сказал, что бесстыдство этого шарлатана забавляет его, как нельзя больше.

– Не могу и выразить своего отвращения к этому бешеному грубияну! – сказал Потт, побагровевший от злости.

– Читали вы когда-нибудь глупое и пошлое маранье этого забияки? – спросил Слорк м-ра Боба Соейра.

– Нет, не читал, – отвечал Боб. – А разве он пишет очень дурно?

– Ужасно, ужасно! – отозвался м-р Слорк.

– Поразительное бесстыдство! – воскликнул м-р Потт, притворяясь углубленным в чтение «Журавля».

– Конечно, вам неприятно будет видеть эти бессмысленные выходки низости, злобы, криводушие, клятвопреступничества, измены, варварской надутости в мыслях и чувствах, – сказал Слорк, передавая «Синицу» м-ру Бобу Соейру; – зато, вероятно, вас очень позабавит и рассмешит уморительный слот этого безграмотного болтуна.

– Что вы сказали, сэр? – спросил Потт, озирая своего противника с выражением неизреченной ярости.

– А вам какая нужда до моих слов? – отвечал м-р Слорк.

– Вы назвали меня безграмотным болтуном, сэр?

– Назвал и повторяю еще, что вы безграмотный болтун, сэр, бессмысленный писака, сэр, шарлатан, невежда, негодяй, сэр. Довольно-ли с вас этого! Ха, ха, ха!

М-р Потт не произнес ни одного слова в ответ на эти оскорбительные шутки, но, вставая торжественно со своего места, скомкал номер «Журавля», бросил его на пол, придавил, пригнул, растоптал и потом, без церемонии, зашвырнул в пылающий камин.

– Вот мой ответ, милостивые государи! сказал Потт, величественно отступая от камина. – И точно так бы поступил я с этой гадиной, если бы, к счастью для неё, не стесняли меня законы моего отечества!

– Блудлив, как кошка, труслив, как заяц! – вскричал Слорк, вставая с места. – Нет, господа, есть на свете негодяи, для которых ничего не значит покровительство отечественных законов!

– Слушайте, слушайте! – сказал Боб Сойер.

– Вот это потеха, так потеха! – заметил м-р Бен Аллен.

– Блудлив, как кошка, труслив, как заяц! – повторил Слорк, постепенно возвышая свой голос.

– Изверг!.. Не хочется только рук марать! – отвечал Потт.

– Слышите, господа? Ему не хочется только рук марать! – повторил м-р Слорк презрительным тоном. – Ха, ха, ха! Ведь это не то, чтобы он трусил или боялся, – нет, нет! Рук ему не хочется марать! Ха, ха!

– Сэр! – воскликнул м-р Потт, выведенный окончательно из себя этим ужасным сарказмом. – Сэр! Объявляю здесь перед всеми, что я считаю вас пресмыкающейся гадиной, ехидной, ползучей змеей. Своими бесчестными и бесстыдными выходками, сэр, вы давно поставили себя вне всякого покровительства законов, и раздавить вас, как презренную гадину, сэр, значило бы...

Но, не дожидаясь окончания этой речи, взбешенный «Журавль» схватил свой дорожный чемоданчик, наполненный разными хрупкими вещами, и не-истово устремился к тому месту, где стоял его противник.

– Господа! – вскричал м-р Пикквик, когда Потт в свою очередь вооружился кочергой и мужественно приготовился к обороне. – Господа... ради Бога... помогите... Самуэль... сюда... Эй, кто-нибудь!

И, произнося эти бессвязные восклицания, м-р Пикквик ринулся между сражающимися весьма кстати для того, чтобы, с одной стороны, принять на свое старческое тело брошенный чемодан, с другой – сильный удар кочерги. Трудно решить, какие последствия могли бы произойти отсюда для великодушного мужа, тщетно старавшегося разнять исступленных представителей двух противоположных партий, если бы не подоспел на выручку м-р Самуэль Уэллер. Не говоря дурного слова, этот джентльмен нахлобучил мучным мешком могущественного Потта и, отпихнув его в сторону, вырвал сильною рукою чемодан из рук разъяренного Слорка.

– Я задушу вас, разбойники, если вы не уймётесь! – закричал громовым голосом м-р Уэллер. – Вы что тут зевали, господа?

Последнее обращение относилось к господам Бену Аллену и Бобу Сойеру, не принимавшим никакого участия в этой битве. Им было очень весело, и притом впереди предстояла для них отрадная перспектива пустить кровь первому джентльмену, который будет оглушен неприятельским ударом.

– Ступайте спать по своим номерам – сказал м-р Уэллер, обращаясь к обоим журналистам, – не то я скручу вас обоих по рукам и по ногам и положу на одну постель. А вам, сэр, тут нечего делать с сумасшедшими людьми. Пойдемте.

Сказав это, Самуэль взял за руку своего господина и повел его в солнечный номер, между тем как разъяренные журналисты, продолжая изрыгать угрозы и проклятия друг против друга, были разведены по своим спальням под руководством хозяина «Сарациновой головы» и молодых врачей, которые все еще не теряли надежды пустить кровь кому-нибудь из них.

Поутру на другой день журналисты встали очень рано и, не простившись ни с кем, разъехались в двух разных дилижансах. Погода прояснилась, солнце заблестало, и наши путешественники еще раз обратили свои лица к британской столице.

Глава LI

Важная перемена в семействе М-ра Уэллера и окончательное низвержение достопочтенного м-ра Сиджинса.

Считая не совсем удобным представить, без всякого предварительного приготовления, своих двух спутников молодой чете и желая по возможности щадить деликатность нежных чувств прекрасной Арабеллы, м-р Пикквик решил остановиться со своим слугою где-нибудь неподалеку от «Коршуна и Джорджа» и предложил молодым людям нанять особую квартиру, где они хотят. Согласившись на это предложение, м-р Боб Сойер и Бен Аллен удалились в Боро и наняли комнатку в одном довольно грязном трактире, где за буфетом в былые времена имена их появлялись довольно часто под длинным и многосложным счетом, который, для ясности и краткости, всегда писался белым мелом.

– Ах, Боже мой! Вы-ли это, м-р Уэллер, – воскликнула смазливая девушка, встречая Самуэля у дверей.

– Должно быть, что я, – отвечал Самуэль, отскакивая назад на такое расстояние, откуда разговор не мог достигнуть до ушей его господина. – Какая вы хорошенькая, Мери!

– Ах, не говорите этих глупостей, м-р Уэллер, – сказала Мери. – Нет, не делайте этого.

– Не делайте чего, моя душечка?

– Ну, да вот этого... полно, полно! Отстаньте, м-р Уэллер!

С этими словами молодая девушка с улыбкой оттолкнула Самуэля к стене, объявляя, что он совсем разбил её локоны.

– И к тому же помешали мне сказать, что я хотела, – прибавила Мери. – Вот тут ожидает вас письмо ровно четыре дня. Я получила его через полчаса после вашего отъезда, и на конверте написано, чтобы доставили немедленно.

– Где оно, моя милая?

– Я сберегла его для вас, м-р Уэллер, иначе, смею сказать, оно бы совсем потерялось. Вот оно, возьмите. Вы не стоите этого, сэр.

Говоря это, Мери вынула из-под лифа на груди маленький кисейный платочек, развернула его, взяла письмо и передала м-ру Уэллеру, который поспешил поцеловать его с великою любезностью.

– Ах, какой вздор! – сказала Мери, поправляя косынку и притворяясь простодушною невинностью. – Вы уж вдруг и влюбились в него, м-р Уэллер!

В ответ на это м-р Уэллер подмигнул с таким лукавым видом, которого мы никак не беремся изобразить своим слабым пером. Затем, усаживаясь на окне подле Мери, он открыл письмо и бросил на него изумленный взгляд.

– Эге! – воскликнул Самуэль. – Что бы это могло значить!

– Ничего, я надеюсь? – сказала Мери, смотря через его плечо.

– Какие у вас хорошенькие глазки! – сказал Самуэль.

– Вам нет нужды до моих глаз, м-р Уэллер, читайте-ка лучше свое письмо, сэр.

И, сказав это, мисс Мери заморгала и заморгала с такою победительною миловидностью, что Самуэль счел неизбежно необходимым поцеловать молодую девицу. Затем он окончательно развернул письмо и начал читать следующие строки:

«Маркиз Гренби

Доркен

Пятница.

Милый мой Самми.

*С прискорбием я должен иметь удовольствие саабщить тебе дурную новость мачиха твоя простудилась но такой причине што слишком долго панеосторожности просидела на мокрой и сырой траве под дажжем ана все слушала этого жирного толстяка а он зарядил себя ромом и воткой и не мох никаким манером астановитца пака не пратризвился а до евтыва прашло слишком много часов дохтурь гаварит што если бы она прахлатила ромку малую талику попрержи евтыва а ни после так оно накончилось бы все харашо евтим бы падмазались ее калесы и все бы накатилась как на маслецу а отец твой надеилса пакамест што все ища авось разоидетца и поедит как следует но лишь только ана павернула за угол мой милый калеса расстроились и пакатились благимь матом под гору всамый оврак так што ужь просто надьибна была махнуть рукой и сказать што почитай што все прапало а все жь таки дохтур ухватился за аглобли и придержал дугу да ужь поздно ничаво ни намагло и ана проехала последнюю заставу вполовине шестова часу вечера и вот таким то манером сын мой она совершила свой последний путь слишком преждевременно и скоро кприскорбию твоево атица и это говорит дохтур произошло аттаво што она черизчур мала взяла багажу на дорогу хаши кибитка была здаравенная отец твой гаварит ита если ты придеш и навестиши мена Самми так евто будит ему оченно приятно и ты сделаеш мне большое адалжение потому ита я таперича совсем ужь адинок Самуэль друг ты мой любезный P. S. Он велел мне еще праписать ита авось на такому важному делу старшина атпустит тебя патаму ита нам нужно таперича або многом переговорить и ужь я наверно знаю Самми ита он атпустит честнеишая душа и он приказывает тебе сказать ему старшине то твоему низжайшее почтение ат нево засим желаю тебе всякова благополучия Самми и остаюсь на всегда любящий тебя отец.
Тони Уэллер».*

– Что это за дребедень! – воскликнул Самуэль, прочитав это хитрое и несколько запутанное письмо.

– Кто это к вам пишет, м-р Уэллер? – спросила Мери.

– Отец, должно быть, только ведь вот тут несколько раз говорится о нем в третьем лице. И почерк вовсе не его.

– А подпись?

– Ну да, подписался-то он сам, – отвечал Самуэль, взглянув еще раз на конец письма.

– Так знаете что, м-р Уэллер? – подхватила догадливая девушка. – Он упробил кого-нибудь сочинить это письмо вместо себя, а сам только подписался.

– А вот посмотрим, – отвечал Самуэль, пробегаая еще раз длинное послание и приостанавливаясь, для необходимых соображений, на некоторых местах. – Так, так, ты угадала, Мери. Джентльмен, писавший эту грамоту, рассказывал сам от себя все, что относилось к моей мачехе, а отец мой, должно быть, смотрел ему через плечо и перепутал все собственными дополнениями. Иначе тут и быть не могло. Какая ты разумница, Мери!

Разрешив таким образом, при содействии молодой девушки, эту трудную задачу, м-р Уэллер снова прочитал письмо и получил на этот раз ясное и отчетливое понятие о его содержании, сделал задумчивую мину, испустил глубокий вздох и сказал:

– И так, нет больше моей мачехи! Жаль. Все же она, в сущности, была добрая женщина, хотя эти негодные кувыркатели испортили ее в конец. Очень жаль.

М-р Уэллер произнес эти слова с таким глубокомысленным видом, что молодая девица пригорюнилась и потупила глазки.

– Ну, и то сказать, чему быть, того не миновать, – проговорил Самуэль, укладывая письмо в карман. – Горю пособить нельзя: не так ли, моя ягодка?

Мери опустила головку на грудь и вздохнула.

– Надобно теперь обратиться к старшине за отпуском, – сказал Самуэль.

Мери вздохнула опять: письмо было в самом деле слишком трогательного содержания.

– Прощай, душенька! – сказал Самуэль.

– Прощайте, м-р Уэллер! – проговорила Мери, отворачивая головку.

– Что-ж это? Разве уж на прощаньи я не могу пожать твоей руки?

Молодая девушка протянула руку, – беленькую и нежную ручку, нет нужды, что она принадлежала скромной служанке.

– Я отлучаюсь теперь ненадолго, мой светик, – сказал Самуэль.

– Вы всегда в отлучке, м-р Уэллер. Только и знаете, что приезжать да уезжать.

И она хотела уйти, но м-р Уэллер заключил ее в свои объятия и между ними произошел немой, но красноречивый разговор, длившийся, впрочем, не долго. После этого разговора молодая девушка вырвалась из рук своего обожателя и убежала в свою комнату, чтоб поправить свою прическу и смятый костюм, после чего отправилась к своей госпоже.

– Я отлучусь, сэр, не больше, как на день, много на два, – сказал Самуэль, сообщив м-ру Пикквику известие о потере, понесенной отцом его.

– Вы можете быть в отлучке, сколько угодно, Самуэль, – отвечал м-р Пикквик. – даю вам мое полное позволение.

Самуэль поклонился.

– Скажите своему отцу, – продолжал м-р Пикквик, – что, если его настоящее положение требует какой-нибудь помощи с моей стороны, я готов охотно и радушно оказать ему всякое посильное содействие.

– Благодарю вас, сэр. Я не забуду сказать ему об этом.

И с этими выражениями взаимного доброжелательства и участия слуга и господин расстались.

Было семь часов вечера, когда м-р Уэллер вышел из доркинского дилижанса и остановился во ста шагах от трактирного заведения, известного в этом предместье под именем «Маркиза Гренби». Вечер был темный и холодный. Улица имела вид мрачный и печальный. Сторы у маркиза Гренби были опущены, ставни заколочены в некоторых местах. У ворот не стояло больше ни одного из многочисленных гуляк, посещавших этот трактир. Все, казалось, было пусто и безмолвно.

Не видя ни одной живой души, к которой бы можно было обратиться с предварительными расспросами, Самуэль тихонько отворил дверь и тотчас же заметил в отдалении фигуру своего отца.

Вдовец сидел одиноко – за круглым столиком в маленькой комнате за буфетом, курил трубку, и глаза его неподвижно обращены были на камин. Похороны, очевидно, совершились в этот самый день, потому что осиротелый супруг имел на своей голове траурную шляпу, обвитую черным крепом. В настоящую минуту он был, казалось, весь погружен в созерцательное состояние духа. Напрасно Самуэль, постепенно возвышая голос, несколько раз произносил его имя: не видя и не слыша ничего, старик продолжал курить с глубокомысленным спокойствием философа, отрешенного от всех треволнений житейской суеты, и внимание его пробудилось не прежде, как сын положил свою могучую руку на его плечо.

– Самми, – сказал м-р Уэллер старший, – здравствуй, сын мой.

– Здравствуй, старец, – отвечал Самуэль. – Я звал тебя около полдюжины раз; но ты, кажется, не слышал меня.

– Не слышал, Самми, – сказал м-р Уэллер, устремив опять задумчивый взор на пылающий камин. – Я был в эмпиреях, друг мой Самми.

– Где? – спросил Самуэль, усаживаясь подле отца.

– В эмпиреях, сын мой, между небом и землею. Я думал о ней, Самми.

Здесь м-р Уэллер старший повернул голову в направлении к доркинскому кладбищу, давая таким образом заметить, что слова его относились к покойной м-с Уэллер.

– Я думал, друг мой Самми, – сказал м-р Уэллер, бросая на своего сына выразительно серьезный и глубокомысленный взгляд, как будто в ознаменование, что настоящее его объяснение, несмотря на видимую странность, исполнено глубочайшей и чистейшей правды, – я думал, Самми, что мне все-таки очень жаль, что она скончалась.

– Это так и должно быть, – отвечал Самуэль. – Я не удивляюсь.

М-р Уэллер старший одобрительно кивнул головой, затянулся, выпустил из своих губ облако дыма и опять устремил неподвижный взор на камин.

– Признания её были очень трогательны, Самми, – сказал м-р Уэллер после продолжительного молчания, разгоняя рукою стусившийся дым.

– Какие признания?

– Те, что она сделала мне в продолжение своей болезни.

– Что-ж это такое?

– А вот что, сын мой. – «Уэллер, – говорила она, – мне приходит в голову, что я едва-ли добросовестно выполнила свои супружесвенные обязанности перед тобою. Ты человек простой и добросердечный, и моим неперменным долгом было – устроить твое домашнее счастье. Теперь, когда уже слишком поздно, я начинаю думать, что призвание замужней женщины состоит главным образом в исполнении разных обязанностей, которые относятся к её собственному дому, и небрежное исполнение их нельзя оправдывать страстной приверженностью к религии, частыми посещениями церквей и часовен. Я не обращала должного внимания на свои домашния обязанности и расточала свои достатки вне дома, что вело только к расстройству нашего домашнего счастья и огорчало тебя, Уэллер. Теперь поправить этого нельзя; но я надеюсь, Уэллер, что ты не помянешь меня злом после моей смерти. Думай обо мне, как о женщине, которую ты знал прежде, чем она связалась с этими людьми». – «Сусанна», – говорю я, – надобно признаться тебе, друг мой Самми, что эта речь пронзила всю мою голову, в этом я не запираюсь, сын мой, – «Сусанна, – говорю я, – ты была доброю женой, хотя мало-ли что, кто старое помянет, тому глаз вон, и, стало быть, нечего распространяться об этом. Крепись и будь мужественна, душа ты моя, и вот ты увидишь собственными глазами, как я вытолкаю в зашеек этого пройдоху Стиджинса.» – Она улыбнулась при этих словах, друг мой Самми, и тут же испустила дух, – заключил старый джентльмен с глубоким вздохом.

Последовало продолжительное молчание. Старец раскурил новую трубку и погрузился всей душой в печальные размышления, вызванные последними воспоминаниями.

– Делать нечего! – сказал наконец Самуэль, решившись пролить посильное утешение в отцовское сердце. – Все мы будем там, рано или поздно. Это есть, так сказать, общий человеческий жребий.

– Правда твоя, Самми, правда.

– Уж если это случилось, так и значить, что должно было случиться.

– И это справедливо, – подтвердил старик, делая одобрительный жест. – И то сказать, что было бы с гробовщиками, Самми, если бы люди не умирали?...

Выступив на огромное поле соображений и догадок, внезапно открытых этой оригинальной мыслью, м-р Уэллер старший положил свою трубку на стол, взял кочергу и принялся разгребать уголья с озабоченным видом.

Когда старый джентльмен был занят таким образом, в комнату проскользнула веселая и зоркая леди в траурном платье, кухарка ремеслом, которая все это время суетилась в отдаленном апартаменте за буфетом. Бросив нежную и ласковую улыбку на Самуэля, она остановилась молча за спинкой кресла, где сидел м-р Уэллер, и возвестила о своем присутствии

легким кашлем; но так как старец не обратил ни малейшего внимания на этот сигнал, она прокашлянула громче и сильнее:

– Это что еще? – сказал м-р Уэллер старший, опуская кочергу и поспешно отодвигая кресло. – Ну, чего еще надобно?

– Не угодно-ли чашечку чайку, м-р Уэллер? – спросила веселая леди вкрадчивым тоном.

– Не хочу, – отвечал м-р Уэллер довольно грубо и брезгливо. – Убирайтесь... знаете куда?

– Ах, Боже мой! Вот как несчастья-то переменяют людей! – воскликнула леди, поднимая глаза кверху.

– Зато уж не будет авось других перемен: до этого мы не допустим, – пробормотал м-р Уэллер.

– В жизнь я не видывала такой печали! – проговорила веселая леди.

– Какая тут печаль? – возразил старый джентльмен. – Все авось к лучшему, как сказал однажды мальчишка в школе, которого учитель высек розгами.

Веселая леди покачала головой с видом соболезнования и симпатии и, обращаясь к Самуэлю, спросила: неужели отец его не сделает никаких усилий над собою?

– А я вот и вчера, и третьего дня говорила ему, м-р Самуэль, – сказала сердобольная леди, – что, дескать, печалиться не к чему, м-р Уэллер, и горем не воротишь потери. Не унывайте, говорю, и пуще всего не падайте духом. Что делать? Мы все жалеем о нем и рады Бот знает что для него сделать. Отчаяваться еще нечего: нет таких напастей в жизни, которых бы нельзя было поправить, как говорил мне один почтенный человек, когда умер добрый муж мой.

Кончив эту утешительную речь, сердобольная леди прокашлялась три раза сряду и обратила на м-ра Уэллера взгляд, исполненный бесконечной преданности и симпатии.

– А не угодно-ли вам выйти отсюда вон, сударыня? – сказал старый джентльмен голосом решительным и твердым. – Чем скорее, тем лучше.

– Извольте, м-р Уэллер, – отвечала сердобольная леди. – Я говорила вам все это из сожаления, сэр.

– Спасибо, тетушка, спасибо, – отвечал м-р Уэллер. – Самуэль, вытури ее вон и запри за нею дверь.

Не дожидаясь исполнения этой угрозы, сердобольная леди стремительно выбежала из комнаты и захлопнула за собою дверь. М-р Уэллер старший вытер пот со своего лба, облокотился на спинку кресел и сказал:

– Надоели, проклятые! Вот что, друг мой Самми; останься я здесь еще на одну только недельку, эта женщина силой заставит меня жениться на себе.

– Будто бы! Разве она так влюблена в тебя? – спросил Самуэль.

– Влюблена! Как не так! Просто блажит, черт бы ее побрал. Сколько ни гони ее, она все увивается здесь, как змея. Будь я заперт в патентованном браминском сундуке, она в состоянии вытащить меня даже оттуда, Самми.

– Неужели! Что-ж она так льнет?

– А вот поди ты, спрашивай ее, – отвечал м-р Уэллер старший, разгребая с особенной энергией уголья в камине. – Ужасное положение, друг мой Самми! Я принужден сидеть у себя дома, словно как в безвыходной тюрьме. Лишь только мачеха твоя испустила дух, одна старуха прислала мне окорок ветчины, другая горшок с похлебкой, третья собственными руками приготовила мне кипятку с ромашкой. Беда, да и только! И ведь все они вдовицы, Самми, кроме вот этой последней, что принесла ромашку. Это – одинокая молодая леди пятидесяти трех лет.

Самуэль бросил, вместо ответа, комический взгляд. Старый джентльмен между тем, снова вооружившись кочергой, ударил со всего размаха по углям, как будто он собирался поразить ненавистную голову какой-нибудь вдовы.

– Я чувствую, Самми, что одно мое спасение – на козлах, – заметил старец.

– Это отчего?

– Да оттого, друг мой, что кучер может знакомиться с тысячами женщин на расстоянии двадцати тысяч миль и при всем том никто не имеет права думать, что он намерен жениться на какой-нибудь из них.

– Да, тут есть частица правды, – заметил Самуэль.

– Если бы, примером сказать, старшина твой был кучером или извозчиком, думаешь-ли ты, что на суде присяжных произнесли бы против него этот страшный приговор? Нет, друг мой, плоха тут шутка с нашим братом. Присяжные непременно обвинили бы бессовестную вдову.

– Ты уверен в этом?

– Еще бы!

С этими словами м-р Уэллер набил новую трубку табаку и после глубокомысленного молчания продолжал свою речь в таком тоне:

– И вот, друг мой, чтобы не попасть в просак и не потерять привилегий, присвоенных моему званию, я хочу покинуть это место раз навсегда, жить себе на ямских дворах, в своей собственной стихии.

– Что-ж станется с этим заведением? – спросил Самуэль.

– Распродам все как есть и из вырученных денег две сотни фунтов положу на твое имя в банк для приращения законными процентами. Этого именно хотела твоя мачеха: она вспомнила о тебе дня за три до смерти.

– Очень ей благодарен, – сказал Самуэль. – Двести фунтов авось мне пригодятся на черныи день.

– А остальную выручку также положу в банк на собственное свое имя, – продолжал м-р Уэллер старший; – и уж, разумеется, как скоро протяну я ноги, друг мой Самми, все эти денюжки, и с процентами, перейдут в твой собственный карман. Только ты не истрать их за один раз, не промотай, сын мой, и пуше всего берегись, чтобы не поддедюлила тебя и с этим наследством какая-нибудь вдовушка. Это главное: если спасешься от вдовы, можно будет надеяться, что из тебя выйдет хороший человек.

Этот спасительный совет, казалось, облегчил тяжкое бремя на душе м-ра Уэллера, и он принялся за свою трубку с просиявшим лицом.

– Кто-то стучится в дверь, – сказал Самуэль.

– А пусть себе стучится, – отвечал отец.

Оба замолчали. Стук между тем повторился и не умолкал в продолжение трех или четырех минут.

– Отчего ж ты не хочешь впустить? – спросил Самуэль.

– Тсс, тсс! – отвечал отец, боязливо мигая на своего сына. – Не обращай внимания, Самми: это, должно быть, опять какая-нибудь вдова.

Отчаявшись, наконец, получить ответ на многократно повторенный стук, невидимый посетитель, после кратковременной паузы, приотворил дверь и заглянул. То была не женская фигура. Между дверью и косяком выставились длинные черные локоны и жирное красное лицо почтенного м-ра Сиджинса. Трубка м-ра Уэллера выпала из рук.

Отверстие между косяком и дверью постепенно становилось шире и шире. Наконец, почтенный джентльмен осторожно перешагнул через порог и тщательно запер за собою дверь. Сделав необходимое обращение к Самуэлю и подняв к потолку свои руки и глаза в означение неизреченной скорби по поводу рокового бедствия, разразившегося над фамилией, м-р Сиджинс придвинул к камину кресло с высокой спинкой, сел, вздохнул, вынул из кармана серый шелковый платок и приставил его к своим заплывшим глазам.

Пока совершалась эта церемония, м-р Уэллер старший оставался неподвижным, будто прикованный к своему месту: он смотрел во все глаза, обе руки его лежали на коленях, и вся его физиономия выражала необъятную степень изумления, близкого к остолбенению. Самуэль

сидел безмолвно насупротив отца и, казалось, ожидал с нетерпеливым любопытством, чем кончится эта сцена.

Несколько минут м-р Сиджинс держал серый платок перед своими глазами, вздыхал, всхлипывал, стонал; преодолев, наконец, душевное волнение, он положил платок в карман и застегнулся на все пуговицы. Затем он помешал огонь, потер руки и обратил свой взор на Самуэля.

– О, друг мой, юный друг! – сказал м-р Сиджинс, прерывая молчание весьма слабым и низким голосом. – Что может быть ужаснее этой поистине невозвратимой потери?

Самуэль слегка кивнул головой.

– Известно-ли вам, друг мой, – шепнул м-р Сиджинс, придвигаясь к Самуэлю, – что она оставила нашей церкви?

– Кому?

– Почтенной нашей церкви, м-р Самуэль.

– Ничего она не оставила, – отвечал Самуэль решительным тоном.

М-р Сиджинс лукаво взглянул на Самуэля, оглядел с ног до головы м-ра Уэллера, сидевшего теперь с закрытыми глазами, как будто в полузабытьи, и, придвинув свой стул еще ближе, сказал:

– И мне ничего не оставила, м-р Самуэль?

Самуэль сделал отрицательный кивок.

– Едва-ли это может быть, – сказал побледневший Сиджинс. – Подумайте, юный друг мой: неужели ни одного маленького подарка на память?

– Ни одного лоскутка, – отвечал Самуэль.

– А, может быть, – сказал м-р Сиджинс после колебания, продолжавшегося несколько минут, – может быть, она поручила меня попечению этого закоснелого нечестивца, отца вашего, м-р Самуэль?

– Очень вероятно, судя по его словам, – отвечал Самуэль. – Он вот только-что сейчас говорил об вас.

– Право? Так он говорил? – подхватил м-р Сиджинс с просиявшим лицом. – Стало быть, великая перемена совершилась в этом человеке. Радуюсь за него душевно и сердечно. Мы теперь можем жить с ним вместе дружелюбно и мирно, м-р Самуэль. – Не правда ли? Я стану заботиться о его собственности, как скоро вы уйдете отсюда, и уж вы можете составить понятие, как здесь все пойдет в моих опытных руках.

И затем, испустив глубочайший вздох, м-р Сиджинс приостановился для ответа. Самуэль поклонился. М-р Уэллер старший произнес какой-то необыкновенный звук, не то стон, не то вой, не то скрежет, не то зык, но в котором, однако ж, странным образом сочетались все эти четыре степени звука.

Осененный внезапным вдохновением, м-р Сиджинс прозрел в этом звуке явственное выражение сердечного раскаяния, соединенного с угрызением. На этом основании он оглянулся вокруг себя, потер руки, прослезился, улыбнулся, прослезился опять и затем, тихонько подойдя к хорошо знакомой полочке в известном углу, взял стаканчик и осторожно положил четыре куска сахара. Совершив эту предварительную операцию, он еще раз испустил глубокий вздох и устремил на потолок свои глаза. Затем, переступая незаметно с ноги на ногу, он побрел в буфет и скоро воротился с бутылкой рому в руках. Отделив от него обыкновенную порцию в стакан, он взял чайную ложечку, помешал, прихлебнул, еще помешал и уже окончательно расположился в креслах кушать пунш.

М-р Уэллер старший не произнес ни одного звука в продолжение всех этих приготовлений; но как только м-р Сиджинс уселся в креслах, он вдруг низринул на него стрелю, вырвал стакан у него из руки, выплеснул остаток пунша на его лицо и разбил стакан о его

лоб. Затем, схватив достойного джентльмена за шиворот, он повалил его могучею рукой, дал ему пинка и, произнося энергические проклятия, потащил его к дверям.

– Самми, – сказал м-р Уэллер, – надень на меня шляпу. Живей!

И лишь только Самуэль нахлобучил своего родителя, старый джентльмен вытащил Стиджинса из дверей в коридор, из коридора на крыльцо, с крыльца на двор, со двора на улицу, продолжая все это время давать ему пинки, один другого сильнее и беспощадней.

Уморительно и вместе отрадно было видеть, как красноносый джентльмен кувыркался, метался, барахтался и хрипел в могучих объятиях раздраженного старца, который, наконец, в довершение потехи, погрузил его голову в корыто, наполненное водою для утоления жажды лошадей.

– Вот тебе, пастырь, вот тебе! – сказал м-р Уэллер, поддавая окончательного туза в спину м-ра Стиджинса. – Скажи всем этим своим негодным товарищам, лицемерам, тунеядцам и ханжам, что я боюсь, при случае, перетопить всех до одного, если не в корыте, так в помойной яме.

– Пойдем домой, Самми. Налей мне стакан водки. Совсем измучился с этим негодяем.

Глава III

Деловое утро адвоката на Грэйском сквере и окончательное выступление на сцену господ Джингля и Иова Троттера.

Когда, после приличных приготовлений, м-р Пикквик известил Арабеллу о неудовлетворительных последствиях своей поездки в Бирмингэм и начал уверять ее, что нет поамест ни малейшего повода к огорчению или печали, молодая леди залилась горькими слезами и выразила в трогательных терминах свою жалобу, что она, по непростительной ветренности, сделалась несчастной причиной охлаждения и, быть может, вечного разрыва между сыном и отцом.

– Вы совсем не виноваты, дитя мое, – сказал м-р Пикквик с трогательно, с нежностью. – Заранее никак нельзя было предвидеть, что старый джентльмен будет питать такое неожиданное предубеждение против женитьбы своего сына. Я уверен, – прибавил м-р Пикквик, взглянув на её хорошенькое личико, – он и понятия не имеет об удовольствии, от которого отказывается теперь с таким безразсудством.

– Ах, добрый м-р Пикквик! – сказала Арабелла. – Что нам делать, если он не перестанет сердиться на нас?

– Авось все это перемелется, мой друг, и выйдет мука, – сказал м-р Пикквик добродушным тоном; – посидим покамест у моря и подождем погоды.

– Но ведь вы рассудите сами, м-р Пикквик: что будет с Натаниэлем, если отец откажется помогать ему?

– В таком случае, мой ангел, я могу предсказать, что, вероятно, найдется у него какой-нибудь друг, который готов будет оказать ему всякое содействие и помощь.

Арабелла быстро поняла и сообразила настоящий смысл и значение его ответа. Поэтому она бросилась в объятия м-ра Пикквика, поцеловала его очень нежно и зарыдала очень громко.

– Ну, полно, полно! – сказал м-р Пикквик, пожимая её маленькую ручку. – Мы вот подождем здесь несколько дней и посмотрим, что вздумает он написать вашему мужу. Если, сверх чаяния, он не переменит своих мыслей, в голове у меня вертится, по крайней мере, полдюжины планов, из которых тот или другой составит ваше счастье – успокойтесь, мой ангел.

Затем м-р Пикквик порекомендовал ей осушить свои глазки и не огорчать прежде времени своего супруга. Прелестная Арабелла, кроткая и послушная, как благовоспитанное дитя, уложила свой платочек в ридикюль и, к возвращению мужа, вызвала на свое личико целый ряд лучезарных улыбок, которые оказывали столь могущественное влияние на его чувствительное сердце.

– Признаться, я не вижу впереди никакого добра для этих молодых людей, – сказал м-р Пикквик, одеваясь поутру на другой день. – Пойду к Перкеру и посоветуюсь с ним.

План идти к Перкеру и посоветоваться с ним насчет финансовых обстоятельств возник в голове м-ра Пикквика еще прежде. Теперь он позавтракал на свою руку и отправился на Грэйский сквер с великою поспешностью.

Еще не было десяти часов, когда он взшел на лестницу по направлению к аппаратам, занимаемым канцелярией адвоката. Писаря еще не явились. М-р Пикквик, для препровождения времени, принялся смотреть из окна галлерей.

Живительный свет прекрасного октябрьского утра весело отражался даже на грязных домах этого околodka. Конторщики и писаря длинной вереницей выступали по скверу, ускоряя или замедляя свои шаги, при взгляде на башенные часы. И лишь только пробило десять, каждый из них, с необыкновенною торопливостью, поспешил к месту своей ежедневной службы. Разнообразные голоса раздались со всех сторон, замки защелкали, двери застучали, головы повыставились из каждого окна, привратники один за другим стали на своих постах, почтальон

суетливо начал перебегать из дома в дом, и деятельность закипела своим обычным чередом во всех этих юридических палатах.

– Раненько пожаловали вы, м-р Пикквик, – сказал чей-то голос позади этого джентльмена.

– А! м-р Лоутон, – сказал м-р Пикквик, оглядываясь назад. – Как ваше здоровье, сэр?

– Так себе, покорно вас благодарю, отвечал Лоутон, вытирая пот со своего лица. – Бежал чуть не со всех ног. Думал, что опоздаю. Устал как собака. Хорошо, по крайней мере, что пришел раньше его.

Утешив себя этим размышлением, м-р Лоутон вынул из кармана ключ, отпер дверь, взял письма, опущенные почтальоном в ящик, и ввел м-ра Пикквика в контору. Здесь, в одно мгновение ока, он скинул свой фрак, надел поношенный сюртук, повесил шляпу, взял пачку бумаг, воткнул перо за ухо и потер руки с величайшим наслаждением.

– Вот я готов, как видите, – сказал м-р Лоутон. – Канцелярское платье у меня всегда тут остается, в конторе. Нет-ли у вас табачку, м-р Пикквик?

– Нет, я не нюхаю табаку.

– Жаль, очень жаль. Ну, да так и быть, я пошлю за бутылкой содовой воды, будет все равно. Как вы думаете, в глазах моих нет ничего странного, м-р Пикквик?

М-р Пикквик отступил на несколько шагов, обозрел внимательно все черты вопрошающего джентльмена и объявил утвердительно, что никакой особенности он не замечает в его глазах.

– Рад слышать это, – сказал Лоутон. – А мы, знаете, вчера вечером немножко покутили в заведении «Сороки», и голова у меня покамест все еще не на месте. Авось пройдет. – А, кстати, Перкер уж начал заниматься вашим делом.

– Каким? Издержками вдовы Бардль?

– Нет, покамест еще не этим. Я разумею вот этого голубчика, за которого мы, по-вашему желанию, заплатили десять шиллингов на фунт, чтобы выручить его из тюрьмы. Теперь ведь, знаете, идет речь об отправлении его в Демерару.

– Ах, да, вы говорите о м-ре Джингле, – сказал м-р Пикквик скороговоркой. – Ну, так что же?

– Ничего, все идет, как следует, – сказал Лоутон, починяя перо. – Мы уж обделали эту статью. Ливерпульский агент сказал, что из благодарности к вам он очень рад посадить его на свой корабль по вашей рекомендации. Ведь вы ему, говорит он, оказали какие-то благодеяния, когда сами состояли на действительной службе?

– Безделица, любезнейший, безделица. Так он согласен взять Джингля?

– Согласен.

– Это очень хорошо, – сказал м-р Пикквик. – Мне приятно это слышать.

– А этот другой парень, должно быть, удивительный прощальга! – заметил Лоутон, продолжая чинить перо.

– Какой парень?

– Ну, да, как его, слуга, что ли, друг, однокашник или собутыльник этого Джингля?

– Вы говорите о Троттере?

– Да. Вообразите, м-р Пикквик, ведь и он тоже просится в Демерару!

– Неужели!

– Именно так. Он отказался наотрез от выгодных предложений, которые Перкер сделал ему от вашего имени.

– Как? Отказался от восемнадцати шиллингов в неделю?

– В том-то вот и штука. Не нужно, говорит, мне никакого места, если разлучат меня с моим другом. Нечего было делать: мы принуждены были вести, по его милости, новую переписку, и он согласен ехать на правах конвикта в Новый Южный Валлис.

– Глупый парень! – сказал м-р Пикквик с радостной улыбкой. – Глупый парень!

– А подите вот толкуйте с ним! – заметил Лоутон, обрезывая кончик пера с презрительной миной. – Наладил одно и то же. Один, дескать, друг и есть у него в этом мире, и уж он не расстанется с ним до гробовой доски. Дружба хорошая вещь, нечего сказать, да только благоразумный человек должен во всем наблюдать меру. Вот, например, мы все друзья и приятели за общим столом «Сороки», где каждый платит из собственного кармана за свой пунш; но осудить себя на добровольную ссылку с кем-нибудь из этих приятелей – нет, наше почтение, черт бы их побрал! У всякого человека, сэр, только две искренние привязанности: первая к самому себе, вторая – к хорошеньким леди. Это уж по нашей части. Ха, ха!

В эту минуту послышались на лестнице шаги м-ра Перкера. Лоутон замолчал, схватил бумагу и принялся писать с замечательной скоростью.

Приветствие между м-ром Пикквиком и его адвокатом имело самый искренний и дружеский характер. Но лишь только Перкер усадил своего клиента, в дверях послышался стук, и чей-то голос спрашивал: здесь-ли господин адвокат?

– Чу! – сказал Перкер. – Это, должно быть, один из ваших празднующихся приятелей, м-р Джингль, если не ошибаюсь. Хотите его видеть, почтеннейший?

– Вы как об этом думаете? – спросил м-р Пикквик.

– Мне кажется, вам не мешает взглянуть на него. Эй, сэр, как бишь вас? Можете войти.

Повинуясь этому бесцеремонному приглашению, Джингль и Троттер вошли в комнату и, увидев м-ра Пикквика, остановились с некоторым смущением у порога.

– Чу? – сказал Перкер. – Знаете-ли вы этого джентльмена?

– О, вечно не забыть! – отвечал Джингль, выступая вперед. – М-р Пикквик... бесценный благодетель... спаситель жизни... сделал из меня человека... не раскаетесь в этом, сэр.

– Очень рад слышать это, – сказал м-р Пикквик. – Вы, кажется, поправились в своем здоровье, м-р Джингль?

– Всем вам обязан, сэр... великая перемена... в тюрьме было душно... воздух нездоровый... очень, – сказал Джингль, качая головой.

Он был одет прилично и опрятно, так же как неразлучный его приятель, Иов Троттер, который стоял позади, вытянувшись в струнку и устремив оловянные глаза на м-ра Пикквика.

– Когда-ж они едут в Ливерпуль? – спросил м-р Пикквик, обращаясь к адвокату.

– Сегодня вечером, сэр, в семь часов, – сказал Иов, делая шаг вперед. – Мы отправляемся из Сити, сэр, в дилижансе.

– Билеты на места взяты?

– Да, сэр.

– Вы твердо решились ехать?

– Да, сэр, – отвечал Иов.

– Что касается до экипировки, необходимой для Джингля, – сказал Перкер, громко, обращаясь к м-ру Пикквику: – я уже принял на себя устроить это дело. Мы выдали ему вперед третнее жалованье из той ежегодной суммы, которую он будет получать в Демераре. Этого достанет на все его издержки, и я решительно не одобряю всякой дальнейшей помощи с вашей стороны, как скоро она не будет основываться на собственных его трудах и хорошем поведении, сэр.

– Без сомнения, – подхватил Джингль с великою твердостью. – Светлая голова... человек деловой... справедливо, сэр... да.

– Вы удовлетворили его кредитора, выкупили его платье у ростовщика, освободили его из тюрьмы, заплатили за него на корабле, – продолжал Перкер, не обращая никакого внимания на замечание Джингля: – все это стоило вам около пятидесяти фунтов, сэр и потеря этой суммы – вещь немаловажная.

– Потери не будет, – сказал Джингль скороговоркой. – Все заплачу... займусь делами... накоплю... возвращу все до фарсинга. Желтая горячка разве... нечего делать... не то...

Здесь м-р Джингль остановился, ударил тулью своей шляпы, провел рукою по глазам и сел.

– Он хочет сказать, – заметил Иов, выступив вперед, – что он заплатит все эти деньги, если не сделается жертвой желтой горячки. И я уверен, что он сдержит это слово, м-р Пикквик, вот увидите. Если угодно, я готов подтвердить это под клятвой, – заключил Иов с великой энергией.

– Хорошо, хорошо, – сказал м-р Пикквик, – не станем распространяться об этом. Советую вам, м-р Джингль, не заводить знакомства с такими господами, как сэр Томас Блазо, с которым вы играли в криккет. Иначе легко станется, что вы опять расстроите свое здоровье.

Джингль улыбнулся при этой выходке, но тем не менее, на лице его отразилась высшая степень расстройства. М-р Пикквик поспешил переменить разговор.

– А не знаете-ли вы, что случилось с тем вашим приятелем, с которым вы познакомили меня в Рочестере?

– С горемычным Яшей?

– Да.

Джингль покачал головой.

– Мошенник первой степени... гений плутовства... Иову родной брат.

– Брат Иова! – воскликнул м-р Пикквик. – Да, да, сходство между ними действительно есть.

– Да, сэр, нас всегда считали похожими друг на друга, – сказал Иов, бросая вокруг себя косвенные взгляды: – только характер у меня всегда был серьезный, а его считали весельчаком. Он переселился в Америку, сэр, вследствие крайней запутанности своих делишек на здешней почве. С той поры мы ничего не слыхали о нем.

– А! Так вот почему я не получил от него «страницы из романа действительной жизни», которую он обещал мне в ту пору на другой день поутру, когда, по-видимому, мелькала у него мысль броситься в реку с Рочестерского моста! – сказал м-р Пикквик, улыбаясь. – Не знаю только, притворялся-ли он, или нет.

– Разумеется притворялся, – подхватил Иов. – Он мастер на все руки. Это еще слава Богу, что вы отделались от него так дешево. При других обстоятельствах, он мог быть для вас опаснее, чем, – Иов взглянул на Джингля, засеменил ногами, и окончательно прибавил: – чем... чем даже я сам.

– Благодатная семейка! – сказал Перкер, запечатывая письмо, которое он только что окончил.

– Да, сэр, отвечал Иов, – мы таки можем похвастаться своей породой.

– Это и видно, – сказал адвокат, улыбаясь. – Передайте это письмо нашему агенту в Ливерпуле, и советую вам остепениться, господа, как скоро вы будете в Вест-Индии. Подумайте об этом серьезнее теперь, когда время не ушло: иначе вас повесят на первой виселице, как, впрочем, я нисколько не сомневаюсь в этом. Можете теперь идти, если хотите: мы должны потолковать с м-ром Пикквиком о многих других делах, и время для нас драгоценно. Ступайте.

Сказав это, Перкер указал на дверь, в изъявление того, что визит этих господ должен быть приведен к концу. Джингль еще колебался несколько минут; но Иов Троттер взял его за руку и пошел с ним из дверей.

– Достоянная чета! – сказал Перкер, когда дверь за ними затворилась.

– Как вы думаете, Перкер, – спросил м-р Пикквик, – можно-ли надеяться на их исправление?

Перкер сомнительно пожал плечами; но, заметив беспокойство м-ра Пикквика, сказал:

– Надеяться можно, в этом спору нет, почтеннейший. Оба они в настоящую минуту весьма искренно раскаиваются в своих поступках: но здесь надобно взять в расчет, что на них еще сильно действует воспоминание о невыгодах тюремной жизни. Придет пора, когда это

воспоминание исчезнет мало-помалу, и что именно тогда выйдет из них – этого ни я, ни вы, почтеннейший, сказать не в состоянии. Но, как бы то ни было, почтеннейший, – прибавил Перкер, положив руку на плечо м-ра Пикквика, – благодеяние ваше заслуживает всякого уважения, какими бы последствиями оно ни сопровождалось. Не берусь решить, лучше или хуже поступают те господа, которые, из опасения быть обманутыми, никогда, или почти никогда не протягивают руки страждущему ближнему; но если бы эти два человека отличились каким-нибудь мошенничеством сегодня или завтра – и тогда я ни на волос не изменил бы своего мнения о вашем великодушном поступке.

Окончив эти замечания, Перкер придвинул свой стул к письменному столу и выслушал с напряженным вниманием рассказ м-ра Пикквика об упрямстве старика Винкеля в Бирмингэме.

– Дайте ему одуматься недельку, – сказал Перкер, многозначительно кивая головой.

– И вы думаете, что он действительно одумается? – спросил м-р Пикквик.

– Я надеюсь. А если нет, мы должны будем употребить личное ходатайство самой молодой леди. С этого, собственно говоря, всякий бы и начал на вашем месте. Поездка ваша в Бирмингэм вовсе не оправдывалась здравым смыслом, почтеннейший.

В эту минуту кто-то постучался в дверь.

– Войдите! – сказал Перкер.

Вошел м-р Лоутон с таинственным и озабоченным видом.

– Что такое? – спросил Перкер.

– Вас спрашивают, сэра.

– Кто?

Лоутонь взглянул на м-ра Пикквика и кашлянул.

– Кто меня спрашивает? Отчего вы не говорите, м-р Лоутон?

– Вот, видите ли, сэра, – сказал Лоутон, – пришел к вам... м-р Додсон и с ним... м-р Фогг.

– Ах, Боже мой, – сказал адвокат, – я и забыл, что назначил им быть здесь в половине одиннадцатого, чтобы покончить эти расчеты по делу г. Пикквика! Надо взять у них квитанцию. Как это вышло некстати! Что вы станете делать, м-р Пикквик? Не хотите-ли покамест выйти в другую комнату?

Но в этой другой комнате уже стояли господа Додсон и Фогг. М-р Пикквик объявил, что намерен остаться на своем месте, тем более, что не он, а господа Додсон и Фогг должны гореть со стыда при этой внезапной встрече. Это последнее обстоятельство он особенно рекомендовал вниманию м-ра Перкера, при чем благородное лицо его выражало все признаки самого жгучего негодования.

– Очень хорошо, почтеннейший, очень хорошо, – отвечал Перкер. – Я могу только сказать, что если Додсон или Фогг обнаружат какие-нибудь признаки замешательства или стыда при взгляде на ваше лицо, то вы будете одним из самых кровожадных джентльменов, каких только я видел. Зовите их, м-р Лоутон.

Лоутон исчез, и через минуту воротился в сопровождении господ Додсона и Фогга.

– Вы, я полагаю, видели м-ра Пикквика? – сказал Перкер Додсону, указывая пальцем по тому направлению, где сидел этот джентльмен.

– А! Здравствуйтесь, м-р Пикквик! – сказал Додсон громким голосом.

– Ах, Боже мой! Вас-ли я вижу, м-р Пикквик? – подхватил Фогг. – Надеюсь, вы совершенно здоровы, сэра. Лицо ваше, кажется, немножко изменилось; но я все-таки угадал вас с первого взгляда, сказал Фогг, придвигая стул и озираясь вокруг себя с приятной улыбкой.

В ответ на эти приветствия, м-р Пикквик слегка наклонил голову и, заметив, что Фогг вытащил из своего кармана пачку бумаг, встал и подошел к окну.

– М-ру Пикквику, кажется, незачем беспокоиться, м-р Перкер, – сказал Фогг, развязывая и продолжая улыбаться приятнейшим образом: – м-р Пикквик хорошо знаком с этими делами; между нами, я полагаю, нет секретов. Ха! ха! ха!

– Какие секреты! – подхватил Додсон. – Мы ведь стоим с ним на дружеской ноге. Ха, ха, ха!

И затем еще раз оба засмеялись, как самые веселые джентльмены, привыкшие часто получать деньги.

– Вот, стало быть, мы и рассчитываемся, – сказал Фогг. – Вся сумма издержек, м-р Перкер, сто тридцать три фунта, шесть шиллингов и четыре пенса.

Фогг и Перкер принялись сравнивать, сличать и подводить окончательные итоги. В продолжение этого занятия Додсон, обратившись к м-ру Пикквику, сказал ласковым тоном:

– Вы, кажется, немножко похудели, м-р Пикквик, с той поры, как я имел удовольствие видеть вас в последний раз.

– Очень может быть, – отвечал м-р Пикквик, уже давно сверкавший негодующими взорами, так однако ж, что это, по-видимому, ни на кого не производило никакого впечатления. – Очень может быть, сэр. В последнее время я много терпел от наглости и преследования некоторых мошенников, сэр.

Перкер кашлянул очень сильно и спросил м-ра Пикквика, не угодно-ли заглянуть ему в утреннюю газету, на что последовал однако ж отрицательный ответ, выраженный энергичным тоном.

– Мудреного нет, – сказал Додсон: – в тюрьме, конечно, вы должны были перенести много разнообразных огорчений. Народ там очень странный. А в которой части были там ваши апартаменты, м-р Пикквик?

– У меня всего была одна комната в том этаже, где помещается буфет.

– Знаю, знаю. Это, если не ошибаюсь, лучшая часть во всем заведении.

– Не ошибаетесь, – подтвердил м-р Пикквик отрывисто и сухо.

Была во всем этом весьма странная холодность, необыкновенная в джентльмене с горячей натурой, м-р Пикквик употреблял гигантские усилия, чтобы обуздать порывы неукротимой ярости. Но когда Перкер написал вексель на всю сумму, а Фогг, с торжествующей улыбкой, положил его в карман, и когда эта улыбка отразилась равномерно на суровом лице Додсона, м-р Пикквик почувствовал, что кровь заклокотала в его жилах и пламень негодования насильственно исторгался наружу.

– Ну-с, м-р Додсон, – сказал Фогг, укладывая в карман бумажник и надевая перчатки, – я к вашим услугам, сэр.

– Очень хорошо, – сказал Додсон, вставая с места, – я совсем готов.

– Очень рад, что имел удовольствие возобновить приятное знакомство с м-ром Пикквиком, – сказал разнеженный Фогг с вкрадчивою любезностью. – Надеюсь, м-р Пикквик, вы переменили свои мысли и не думаете о нас дурно, как прежде.

– Это уж само собою разумеется, – сказал Додсон величественным тоном оскорбленной добродетели. – М-р Пикквик знает нас лучше, я надеюсь. Впрочем, какое бы мнение, сэр, вы ни составили о джентльменах нашей профессии, могу вас уверить, что я не питаю к вам никакого личного недоброжелательства по поводу легкомысленных и резких выражений, которые вы позволили себе произнести на наш счет в нашей конторе в ту пору, как мы имели удовольствие видеть вас первый раз.

– Примите, сэр, такое же уверение и с моей стороны, – сказал Фогг тоном великодушного прощения.

– Наше поведение, сэр, – продолжал Додсон, – говорит само за себя, и оправдывается естественным образом при каждом данном случае. Мы уже несколько лет, м-р Пикквик, зани-

маемся этими делами, и в числе наших клиентов были многие весьма почтенные особы. Желаю вам доброго утра, сэр.

– Доброго утра, м-р Пикквик, – повторил Фогг.

Сказав это, он взял под мышку зонтик, скинул перчатку и протянул, в знак примирения, правую руку этому негодующему джентльмену, который между тем держал обе руки за фалдами фрака и смотрел на юриста с выражением самого презрительного изумления.

– Лоутон! – сказал Перкер в эту минуту. – Отворите дверь.

– Пойдите! – вскричал м-р Пикквик. – Перкер, я намерен говорить.

– Не напрасно ли, почтеннейший? – сказал адвокат, сидевший как на иголках в продолжение всех этих переговоров. – Оставьте дело, как оно есть: я прошу вас об этом, м-р Пикквик.

– О, нет, я не хочу оставаться в дураках! – возразил м-р Пикквик торопливым тоном. – М-р Додсон, вы обращались ко мне с некоторыми замечаниями, сэр.

Додсон повернулся, сделал легкий поклон и улыбнулся.

– С некоторыми замечаниями, сэр, – повторил м-р Пикквик, задыхаясь от внутреннего волнения, – и товарищ ваш осмелился даже, с покровительственным видом, протянуть мне свою руку. Мало этого. Вы оба приняли, в отношении ко мне, тон гордого великодушия и оскорбленной невинности, и этим самым, милостивые государи, вы обнаружили такую степень бесстыдства, которого я вовсе не ожидал даже от вас.

– Что? – воскликнул Додсон.

– Что-о-о! – повторил Фогг.

– Известно-ли вам, что я был жертвою ваших гнусных заговоров и сплетней? – продолжал м-р Пикквик. – Известно-ли вам, что я тот самый человек, которого вы ограбили и заточили в тюрьму? Известно-ли вам, одним словом, что вы были адвокатом в процессе вдовы Бардль против Пикквика!

– Да, сэр, мы знаем это, – отвечал Додсон.

– Конечно, мы знаем это, сэр, – подтвердил Фогг, ударив, вероятно случайно, по своему карману.

– Вы, я вижу, вспоминаете об этом с удовольствием, – сказал м-р Пикквик, стараясь вызвать, быть может, первый раз в жизни, на свое лицо насильственную улыбку. – Уже давно я собирался высказать вам, отчетливо и ясно, какое мнение я составил о вас, милостивые государи, но из уважения к другу моему Перкеру я, по всей вероятности, не воспользовался бы даже и настоящим случаем, если бы вы не приняли со мной покровительственного тона и этой бесстыдной фамильярности... я говорю, бесстыдной фамильярности, сэр, – повторил Пикквик, обращаясь к Фоггу с таким стремительным и порывистым жестом, что этот джентльмен счел за нужное попятиться к дверям.

– Берегитесь, сэр! – сказал побледневший Додсон, заранее поспешивший укрыться за спиною Фогга, хотя и был выше его ростом. – Пусть он оскорбит вас, м-р Фогг: не отвечайте ему тем же, в мою голову.

– Нет, нет, я не стану отвечать, – сказал Фогг, – можете на меня положиться.

– Так вот что я хотел сказать вам, господа, – продолжал м-р Пикквик: – оба вы – низкие крючки, ябедники, мошенники, разбойники!

– Ну, вот и все, почтеннейший, – перебил Перкер. – Теперь можете замолчать.

– Нет, не замолчу: они низкие крючки, ябедники, мошенники, разбойники.

– Ступайте, господа, прошу вас; вы видите, что он все сказал, – продолжал Перкер примирительным тоном. – Лоутон, отворена-ли дверь?

М-р Лоутон, улыбаясь, произнес утвердительный ответ.

– Ну, так прощайте же, господа... ступайте с Богом... прощайте... Лоутон, дверь! – кричал адвокат, выталкивая насильно господ Додсона и Фогга. – Сюда, сюда... пожалуйста... вот так... Лоутон, дверь! Пожалуйте скорее, господа!

– Если только есть закон у нас в Англии, сэра, – сказал Додсон Пикквику, надевая шляпу, – вы пострадаете за это.

– Крючки! Разбойники!

– О, вы дорого заплатите за это, сэра! – сказал Фогг, махая сжатым кулаком.

– Ябедники! Мошенники! – кричал м-р Пикквик, не обращая ни малейшего внимания на эти угрозы.

– Разбойники! – завопил м-р Пикквик в коридоре, когда юристы начали уже спускаться с лестницы.

– Разбойники! – закричал еще раз м-р Пикквик, вырываясь из рук Лоутона и Перкера и выставляя свою голову из окна коридора.

Но когда м-р Пикквик отступил от окна, физиономия его приняла очень кроткий и торжественно улыбающийся вид. Тихими и спокойными шагами он пошел в контору и объявил, что огромная тяжесть свалилась с его плеч. Было очевидно, что он чувствовал себя совершенно счастливым.

Перкер не сказал ничего до тех пор, пока не опорожнил всей своей табакерки и не послал Лоутона наполнить ее свежим табаком. Тогда с ним вдруг сделался необыкновенный припадок смеха, продолжавшийся около пяти минут, и по истечении этого времени он сказал, что, по всей вероятности, он долго будет сердиться на м-ра Пикквика, если вникнет хорошенько в сущность этой беды.

– Ну, – сказал м-р Пикквик, – не мешает теперь и нам покончить счета.

– Какие?

– Финансовые, любезный друг, финансовые, – отвечал м-р Пикквик, вынимая из кармана бумажник и пожимая руку своего адвоката. – Вы уж столько для меня сделали, что я едва-ли когда расцветаюсь с вами, Перкер.

После этой маленькой прелюдии друзья серьезно занялись рассмотрением многосложных счетов и росписок, по которым м-р Пикквик с великим удовольствием заплатил своему адвокату значительную сумму денег в вознаграждение за его хлопоты и бескорыстные труды.

И лишь только они кончили этот счет, как за дверью раздался поразительно сильный стук, не умолкавший ни на одно мгновение, как будто кто-то решился раздробить и молоток, и дверную скобку.

– Что это такое? – воскликнул Перкер, быстро приподнимаясь с места.

– Стучатся в дверь, я полагаю, – сказал м-р Пикквик, как будто еще могло быть какое-нибудь сомнение в действительности этого стука.

Неугомонный стук возрастал с изумительной силой.

– Ах, Боже мой! – сказал Перкер, позвонив в колокольчик: – это в состоянии встревожить весь дом, – Лоутон, разве вы не слышите?

– Сейчас выйду, – отвечал письмоводитель.

Стук между тем превратился в оглушительный бой, от которого наконец дверь зашаталась и задребезжали стекла.

– Это ужасно! – сказал м-р Пикквик, затыкая уши.

– Торопитесь, Лоутон, Бога ради! – закричал Перкер.

М-р Лоутон, умывавший этим временем свои руки за темной перегородкой, бросился к дверям, отворил их и сделался очевидцем явления, которое нужно будет описать в следующей главе.

Глава LIII

Объяснение необыкновенного стука в дверь и описание многих интересных предметов, имеющих, между прочим, отношение к м-ру Снодграсу и одной молодой леди.

Предметом, представившимся глазам изумленного письмоводителя, был парень, необыкновенно жирный и толстый, в простом служительском костюме. Он стоял на половике, и глаза его смыкались как будто от непреодолимого влечения ко сну. Такого жирного парня Лоутон не видал во всю свою жизнь. Впрочем, во всех чертах его лица господствовало удивительное спокойствие, и бешеный стук, им произведенный, не объяснялся решительно ничем.

– Чего вам надобно? – спросил письмоводитель.

Необыкновенный парень не произнес в ответ ни одного слова; он дико моргнул глазами, и какой-то странный храп вырвался из его груди.

– Откуда вы, любезный? – спросил Лоутон.

Парень не сделал никакого знака. Он дышал очень тяжело; но во всех других отношениях оставался неподвижным.

Письмоводитель повторил вопрос в другой, третий, четвертый раз и, не получив никакого ответа, уже хотел затворить дверь, как вдруг парень широко открыл свои глаза, моргнул несколько раз, чихнул однажды и поднял свою руку, как будто для возобновления взбалмошного стука. Убедившись, однако ж, что дверь перед ним отворена на обе половинки, он осмотрелся вокруг себя с величайшим изумлением и, наконец, вперил глаза в лицо м-ра Лоутона.

– Чего вы стучали здесь, как сумасшедший? – спросил письмоводитель сердитым тоном.

– Мой господин приказал мне не выпускать из рук молотка до тех пор, пока не отворят.

– Зачем это?

– Он боится, как бы я не заснул здесь перед дверью.

– Вот что! С каким же поручением вас прислали?

– Он там внизу.

– Кто внизу?

– А господин. он желает знать, дома-ли вы, сэр.

М-р Лоутон выглянул на улицу из окна коридора.

У ворот стояла открытая коляска, и в коляске был какой-то пожилой джентльмен, бросающий вокруг себя беспокойные взоры. Лоутон махнул ему рукой, и при этом сигнале пожилой джентльмен немедленно выскочил из коляски.

– Это, что ли, ваш господин? – спросил Лоутон.

Жирный детина поклонился.

Дальнейшие расспросы были прерваны появлением старика Уардля, который, взбежав на лестницу, пошел, в сопровождении Лоутона, в комнату м-ра Перкера.

– Пикквик! – воскликнул пожилой джентльмен. – Тебя-ли я вижу, дружище? А я услышал только третьего дня, что тебя законопатили в тюрьму, любезный друг. Долго ты просидел там?

– Слишком три месяца, – сказал м-р Пикквик.

– Зачем вы посадили его Перкер?

– Сам засел, почтеннейший, – отвечал Перкер, с улыбкой, нюхая табак. – Я ничего не мог сделать: от рук отбился. Вы знаете, как он упрям.

– Знаю, да, разумеется, знаю, отвечал пожилой джентльмен. – Ну, я все-таки рад, что вижу его. Теперь уж мы не выпустим его из виду.

С этими словами старик Уардль еще раз пожал руку м-ру Пикквику и сел в кресла, при чем, его красное, добродушное лицо засияло самой дружеской улыбкой.

– Ну, так оно вот что, – сказал Уардль, – позвольте-ка вашего табаку, Перкер. – Должно быть, уж такие времена, что ли... просто из рук вон.

– Какие времена? – спросил м-р Пикквик.

– А ничего. Такие, вероятно, как и всегда. Девчонки все перебесились: вот что, любезнейший. Нового тут, конечно, ничего нет; а все-таки это сущая правда.

– Неужели вы и в Лондон приехали за тем, чтобы возвестить нам эту новость? – спросил Перкер.

– А как бы вы думали? Именно за тем, – отвечал Уардль. – Что Арабелла?

– Здорова, как нельзя больше, и будет очень рада видеть тебя, старый друг, – сказал м-р Пикквик.

– Черноглазая плутовка! – воскликнул м-р Уардль. – Сказать ли? Я ведь еще недавно сам рассчитывал на ней жениться. Но это не мешает мне радоваться её счастью. Бог с ней. Если рассудить по совести, так оно и хорошо, что так случилось.

– Как вы узнали об этом? – спросил м-р Пикквик.

– Да как? Через своих девчонок, – отвечал Уардль. – Арабелла написала к ним третьего дня, что вот, дескать, она вступила в тайный брак без согласия отца своего мужа и что ты, дружище, отправился в Бирмингэм хлопотать об этом согласии теперь, когда уж нельзя было не дать его. При этом известии я, натурально, счел с своей стороны необходимым заметить, что вот, дескать, так и так, и этак, что послушные дети не должны оскорблять своих родителей такими безумными выходками, что это ужасно, больно нестерпимо, и так далее; но все это, можете представить, не сделало ни малейшего впечатления на их слабые душонки: все равно, как будто я говорил этому дураку, Джою.

Здесь пожилой джентльмен приостановился, понюхал табаку, улыбнулся и потом продолжал:

– А штука, видите, в том, что у них на уме были своего рода проделки, о которых я ровно ничего не знал. Целые шесть месяцев мы бродили на поверхности подкопа, и вот наконец он взорвался.

– Это что значит? – воскликнул побледневший м-р Пикквик. – Неужели еще тайный брак?

– Нет, нет, до этого еще не дошло покамест. Нет.

– Что-ж это такое? – спросил м-р Пикквик. – Я тут заинтересован сколько-нибудь?

– Как вы думаете, м-р Перкер, отвечать мне ему на этот вопрос?

– Как знаете. Отвечайте, почтеннейший, если это не может скомпрометировать вас.

– Ну, так слушай же, Пикквик, ты заинтересован тут, любезный друг.

– Неужели! – воскликнул м-р Пикквик с жадным беспокойством. – Какими же это судьбами?

– Ого! – сказал Уардль. – Нет, брат, ты слишком горяч, и уж я не знаю, право, рассказывать-ли тебе эту историю. Вот, если вы, Перкер, на всякий случай, сядете здесь между нами, для предупреждения беды, так уж, пожалуй, расскажу.

Затворив дверь и подкрепив себя новой понюшкой из табакерки адвоката, пожилой джентльмен приступил к открытию своей тайны следующим образом:

– Дело в том, что дочь моя Белла... та, что вышла за молодого Трунделя, вы знаете...

– Да, да, мы знаем, – сказал м-р Пикквик с нетерпением.

– Очень хорошо, так прошу не перебивать меня. Дочь моя Белла, в ту пору, как сестра её Эмилия, прочитав письмо Арабеллы, пошла спать с больною головой, – Белла, говорю я, подседа ко мне, и повела речь об этой интересной свадьбе. – «Ну, папа, – говорит она, – что вы думаете об „этом?“» – «Я думаю, что это очень хорошо; все, надеюсь, будет к лучшему». Я отвечал на этот лад потому собственно, что в ту пору сидел я у камина и пил обыкновенным порядком свой гоголь-моголь. Обе мои девчонки, надо вам заметить, вылитые портреты своей покойной матери, и вот, как я становлюсь все старше и старше, мне приятно по вечерам сидеть с ними у камина и болтать о разных пустяках: голоса их, изволите видеть, и плутовские глазки живо

напоминают мне счастливейшее время моей жизни, и я будто опять становлюсь молодцом, как в бывалые годы. – «Вот уж можно сказать, папа, что одна только любовь послужила основанием для этого брака», – сказала Белла после короткой паузы. – «Да, – говорю я, – так-то оно так, моя милая, только эти браки по любви не всегда бывают счастливы».

– Вздор, вздор! – перебил м-р Пикквик. – Я протестую против этого мнения.

– Очень хорошо: можешь протестовать, когда придет твоя очередь, только уж, пожалуйста, не перебивай меня, – отвечал Уардль.

– Прошу извинить, – сказал м-р Пикквик.

– Извиняю. Молчи и слушай. – «Это очень жаль, папа, что вы предубеждены против браков по любви,» – сказала Белла, покраснев немного. – «О, нет, мой друг, я вовсе не предубежден, – отвечал я, потрепав ее по розовой щечке своею грубою, старческою рукою, – мне бы не следовало и говорить этого. Твоя мать вышла за меня по любви, и ты ведь тоже была влюблена в своего жениха». – «Я не об этом думаю, папа, – сказала Белла, – мне хотелось поговорить с вами об Эмилии».

М-р Пикквик вздрогнул.

– Что же с тобою, дружище? – спросил Уардль, приостанавливаясь в рассказе.

– Ничего, – отвечал м-р Пикквик. – Продолжай.

– Но ведь, если рассказывать все по порядку, история выйдет очень длинная. Я сокращу. После приличного вступления, сопровождавшегося разными ужимками, Белла сказала наотрез, что Эмилия очень несчастлива, потому, видите ли, что она и любезный ваш приятель, Снодграс, были в постоянных сношениях и вели между собою переписку с прошлых святков. На этом основании, следуя, как водится, влечению своего сердца, она твердо решилась убежать с ним, подражая похвальному примеру своей старинной приятельницы и пансионской подруги; но, принимая в соображение, что я был всегда добрым и снисходительным отцом, они обе, с сестрой, решились наперед, так, для проформы, спросить моего мнения об этом предмете. Теперь, м-р Пикквик, если вы углубитесь в сущность этого дела и рассмотрите его с надлежащей точки зрения, – вы меня очень обяжете, сэр.

Но м-р Пикквик потерял, по-видимому, всякую возможность углубляться в какой бы то ни было предмет. Он широко открыл глаза и сидел, как пораженный громом.

– Снодграс! – Еще с прошлых святков! Таковы были первые звуки, сорвавшиеся с языка этого озадаченного джентльмена.

– С прошлых святков, да, – отвечал Уардль, – это ясно как день, и очки наши, вероятно, слишком потускнели, если мы не заметили этого прежде.

– Не понимаю, – сказал м-р Пикквик, – совершенно не могу понять.

– Что-ж тут удивительного? Все это вещи очень простые, житейские, – возразил пожилой джентльмен. – Если бы, дружище, был ты помоложе, приятель твой, вероятно, давно бы посвятил тебя в тайну. Я тоже ведь ничего не знал про все эти шашни, и потому, месяцев за пять перед этим, я намекнул Эмилии, чтобы она обходилась поблагосклоннее с одним молодым человеком, который думал искать её руки. Нет никакого сомнения, что она представила это дело своему возлюбленному в самых ярких красках, и они, вероятно, пришли к заключению, что им, как несчастным любовникам, остается одно из двух: или обвенчаться потихоньку, или умереть от угара. Теперь спрашивается: что тут делать?

– Ты что сделал? – спросил м-р Пикквик.

– Я?

– Ну, да. Я хочу спросить: что ты начал делать, как скоро замужняя дочь рассказала тебе эту историю?

– Разумеется, я вспылел.

– Это очень естественно, – сказал Перкер, показывавший очевидные признаки нетерпения в продолжение этого разговора; – как же вы вспылили, почтеннейший?

– Я пришел, можно сказать, в бешенство и напугал свою мать до такой степени, что она упала в обморок.

– А потом что? – спросил Перкер.

– Потом я бесновался целый день, пыхтел, кряхтел и шумел без всякой пощады, – отвечал пожилой джентльмен. – Наконец, все это надоело мне, как нельзя больше, и я начал досадовать на себя, что переполошил весь дом. Что тут было делать? я взял лошадей в Моггльтоне и прискакал сюда под тем предлогом, что Эмилии не мешает повидаться с Арабеллой.

– Мисс Уардль, стало быть, здесь? – сказал м-р Пикквик.

– Разумеется, здесь: где-ж ей быть? она находится теперь в гостинице Осборна у театра Адельфи, если только этот твой предприимчивый приятель не успел ее похитить нынешним утром.

– Стало быть, вы помирились? – спросил Перкер.

– Ничуть не бывало. Она плакала и горевала все это время, за исключением разве вчерашнего вечера, когда она принялась, с большою торжественностью, за письмо. Я притворился, будто не замечаю этого.

– Вам, кажется, нужен мой совет? – сказал Перкер, перенося свой взгляд от задумчивого лица м-ра Пикквика на сердитую физиономию Уардля.

– Конечно, нужен, – сказал Уардль, взглянув на м-ра Пикквика.

– Разумеется, нужен, – подтвердил м-р Пикквик, взглянув на Уардля.

– В таком случае, вот вам мой совет, – сказал Перкер, вставая с места и отодвигая свой стул, – убирайтесь вы от меня, куда хотите, потому что вы оба мне ужасно надоели. Погуляйте где-нибудь и переговорите между собою. Если ничего не решите, приходите опять ко мне: тогда я скажу, что вам делать.

– Это очень удовлетворительно, – сказал Уардль, сам не зная, смеяться ему или сердиться.

– Полноте, почтеннейший, – отвечал Перкер, – я знаю вас обоих в тысячу раз лучше, чем вы сами себя знаете. Вы уже порешили это дело во всех отношениях и оттенках.

Выразившись таким образом, адвокат тихонько толкнул в грудь сперва м-ра Пикквика, а потом Уардля, после чего все трое засмеялись, особенно м-р Перкер, который без церемонии начал провожать своих друзей.

– Вы обедаете с нами сегодня? – сказал Уардль, когда тот отворял двери.

– Не могу обещать, почтеннейший, не могу, – отвечал Перкер. – Вечером, однако ж, я во всяком случае зайду к вам.

– Я буду ждать вас в пять часов, – сказал Уардль. – Ну, Джой.

Когда Джой открыл наконец глаза после своей обычной дремоты, приятели сели в коляску м-ра Уардля, где на запятках, собственно из видов человеколюбия, устроена была особенная сиделка для жирного детины, который мог тут спать и храпеть, не подвергаясь опасности сломить шею.

В буфете «Коршуна и Джорджа» приятелям нашим доложили, что м-с Арабелла и её горничная отправились в наемной карете в гостиницу Осборна к Адельфи для свидания с мисс Эмилией, которая известила Арабеллу о своем приезде коротенькой запиской. Имея надобность в Сити по некоторым делам, Уардль отправил жирного детину в свою гостиницу, приказав ему сказать, что он и м-р Пикквик воротятся к обеду в пять часов.

С этим поручением жирный детина взгромоздился опять на запятки господской коляски и, по обыкновению, погрузился в сладкий сон, как в спокойной спальне, на пуховиках. Но, по какому-то необыкновенному чуду, он проснулся сам собою, когда коляска остановилась у подъезда, протер глаза и пошел наверх, чтобы немедленно привести в исполнение господскую волю.

Надобно теперь заметить, что жирный детина, неизвестно по какой причине – вероятно вследствие того, что быстрая езда привела в беспорядок его умственные силы – вломился прямо в гостиную без всякого предварительного доклада и в гостиной он увидел молодого джентльмена, сидевшего на софе рука об руку с молодой леди, тогда как м-с Арабелла и хорошенькая её горничная, на противоположном конце комнаты, притворялись углубленными в свои собственные занятия и рассеянно смотрели из окна. При виде этого феномена, жирный детина испустил страшный крик, леди взвизгнула, молодой джентльмен опрометью вскочил с дивана.

– Чего вам надобно, негодное создание? – вскричал молодой джентльмен, в котором, нет сомнения, читатель угадал м-ра Снодграса.

Оторопелый парень вытаращил глаза и произнес одно только слово:

– Мисс!

– Что вы хотите сказать? – спросила Эмилия, гневно оборачивая к нему свою головку. – говорите, глупец!

– Наш господин и м-р Пикквик будут сегодня обедать в пять часов, – отвечал жирный детина.

– Оставьте сейчас эту комнату! – закричал м-р Снодграс.

– Нет, нет, нет! – прибавила Эмилия скороговоркой. – Белла, душенька, посоветуй, что мне делать.

Затем Эмилия и м-р Снодграс, Арабелла и Мери сгруппировались в отдаленном углу и шептались между собою несколько минут. Жирный детина задремал.

– Джой, – сказала наконец Арабелла, – оглядываясь назад с привлекательною улыбкой, – здравствуйте, Джой!

– Джой, – сказала Эмилия, – вы очень добрый юноша; я никогда не забуду вас, Джой.

– Джой, – сказал м-р Снодграс, подойдя к остолбенелому парню и схватив его за руку, – я не знал вас прежде, любезный. Вот вам пять шиллингов, Джой.

– И я буду вам должна пять, Джой, – сказала Арабелла, – по старой памяти – понимаете? Эти слова сопровождались опять самую очаровательною улыбкой.

Неодаренный от природы слишком быстрыми способностями, жирный детина сначала никак не мог постигнуть этого внезапного пристрастия к его особе и потому страшно заморгал глазами, озираясь на все стороны. Наконец щеки его раздулись мало-помалу и он решительно захохотал, весело и беззаботно, укладывая подаренные деньги в свой карман.

– Он понимает нас, я вижу, – сказала Арабелла.

– Ему бы не мешало покушать чего-нибудь, – заметила Эмилия.

Жирный парень захохотал опять после этого утешительного предложения. Мери пошептала со своей госпожой, отделилась от общей группы и сказала:

– Я буду сегодня обедать с вами, сэр, если вы позволите.

– Пойдемте, пойдемте, – сказал жирный парень нетерпеливым тоном, – я угощу вас отличным пирогом с дичью.

С этими словами жирный детина пошел вниз, в общую столовую, сопровождаемый хорошенькой девушкой, приводившей в изумление всех служителей этого трактира.

Подали пирог с дичью, о котором молодой человек мечтал заранее с таким упоительным восторгом. Блюдо картофелю, кружка портеру и бифстекс явились также к его услугам.

– Садитесь, – сказал жирный парень. – Ох, как же я голоден!

Юноша и молодая девушка уселись за маленьким столиком друг против друга.

– Угодно вам этого? – сказал жирный парень, вонзая нож и вилку в самую середину пирога с дичью.

– Немножко, – отвечала Мери.

Отделив частичку хорошенькой гостье и угостив себя огромным куском, жирный детина хотел было резать еще, как вдруг нож и вилка выпали из его рук: он облокотился на стул, положил руки на колени и сказал с большим чувством:

– Ох, какой лакомый кусочек!

Это был, в собственном смысле, комплимент пленительный и нежный; но в глазах молодого джентльмена засверкали такие странные желания, которые могли принадлежать только истинному людоеду.

– Что это вы говорите, м-р Джозеф? – сказала вспыхнувшая Мери.

Жирный детина отвечал тяжелым вздохом и затем, помолчав несколько минут, выпил полкружки пива. Совершив этот подвиг, он вздохнул опять и отрезал себе новый кусок пирога.

– Как хороша молодая ваша леди, мисс Эмилия! – сказала Мери после продолжительного молчания.

Жирный парень между тем доконал весь пирог. Он устремил глаза на молодую девицу и отвечал:

– Я знаю молодую леди получше её.

– Право?

– Да-с.

– Как ее зовут?

– А вас как?

– Мери.

– И ее также. Да это вы и есть.

И жирный детина оскалил зубы, воображая, что он вызывает на свое лицо пленительную улыбку.

– Нет, вы не должны мне говорить этого, сэр, – сказала Мери, потупив глазки.

– Отчего же?

– Оттого, что вы этого не чувствуете.

– Вот и неправда! Очень чувствую, ей Богу.

Продолжительная пауза.

– А часто вы сюда ходите? – спросил жирный детина.

– Нет, не часто. Сегодня вечером я уйду домой.

– О, приходите почаще, мисс Мери!

– Зачем?

– Я стал бы всегда вас подчивать сладкими пирогами, – сказал жирный детина в порыве сильного чувства.

– Извольте, я стану по временам навещать вас, если вы сделаете мне одолжение.

– Какое?

– Молодая леди желает, чтоб вы не говорили старому джентльмену о том, что видели наверху. Я прошу вас также молчать об этом.

– Я буду молчать, вот увидите. Еще что?

– Больше ничего, – сказала Мери. – М-р Снодграс любит мисс Эмилию, и мисс Эмилия влюблена в м-ра Снодграса. Если вы станете говорить об этом, старый джентльмен увезет вас опять в деревню далеко, далеко, и вы никого не увидите более.

– Нет, нет, я буду нем, как рыба.

– И прекрасно. Теперь я пойду наверх готовить обед.

– Погодите еще хоть минуточку! – сказал Джой умоляющим тоном.

– Нет, нельзя. Прощайте, м-р Джозеф.

Жирный детина, с любезностью слона, протянул обе руки, чтоб заключить в объятия молодую девицу; но как он был слишком толст и неповоротлив, то мисс Мери ускользнула от него без всяких затруднений, после чего он допил портер и заснул.

Говор в гостиной продолжался своим чередом безостановочно и быстро. Надлежало окончательно устроить благонадежный план бегства и взять прочные меры относительно тайного брака в случае непреодолимых сопротивлений со стороны старика Уардля, и все эти переговоры, многосложные и запутанные, заняли столько времени, что до обеда оставалось не больше получаса, когда м-р Снодграс решился взять шляпу и проститься с прекрасными леди. Дамы пошли одеваться в спальню мисс Эмили, а молодой джентльмен пошел домой. Но лишь только он переступил порог гостиной, как внизу раздался громкий голос м-ра Уардля. Перегнувшись через лестничные перила, м-р Снодграс действительно увидел этого джентльмена, сопровождаемого другими джентльменами, которые вместе с ним также шли наверх. Незнакомый с устройством этого дома, влюбленный юноша, не зная, что делает, машинально опять отступил в комнату, которую только что оставил, и, пройдя оттуда в спальню м-ра Уардля, тихонько затворил дверь в ту самую пору, как джентльмены вошли уже в гостиную. То были: м-р Уардль, м-р Пикквик, м-р Натаниэль Винкель и м-р Бен Аллен. Всех их не трудно было узнать по голосам.

– Хорошо, что у меня достало духу скрыться от присутствия всех этих господ, – с улыбкой подумал м-р Снодграс, подходя на цыпочках к другой двери за кроватью, – отсюда, разумеется, можно пройти в коридор, и, стало быть, я могу удалиться незаметно, с большим комфортом.

Оказалось совершенно непредвиденное препятствие для этого комфортного выхода: дверь была заперта, и ключа не было в замке.

– Давайте нам самого лучшего вина, какое только у вас есть, – сказал старик Уардль, потирая руки.

– Вино у нас первого сорта, к вашим услугам, сэр, – отвечал буфетчик, к которому относились эти слова.

– Доложите дамам, что мы их ожидаем.

– Слушаю, сэр.

Искренно и усердно желал м-р Снодграс, чтоб дамы провели также о его несчастном положении в спальне старого джентльмена; но судьба противопоставила непреодолимые препятствия к выполнению этого невинного желания. Напрасно шептал он через замочную скважину: «буфетчик, буфетчик!» – этот джентльмен ничего не слышал и равнодушно спустился с лестницы, не обратив никакого внимания на усиленный шепот. Приведенный в отчаяние, м-р Снодграс сел на чемодан и задрожал.

– Перкера мы ждать не станем, – сказал Уардль, взглянув на свои часы, – он всегда аккуратен, как часовая стрелка, и будет ровно в пять, если вздумает придти. А если нет, так ждать нечего. – Ба! м-с Арабелла!

– Сестра! – воскликнул м-р Бенжамен Аллен, заключая ее в свои нежные объятия.

– Ах, Бен, как от тебя пахнет табаком, мой друг! – сказала Арабелла, несколько озадаченная этим энергическим обнаружением братской любви.

– Неужто! – сказал м-р Бенжамен Аллен. – Ну, пусть себе пахнет, а я все-таки рад тебя видеть. Благослови тебя Бог, сестрица!

– Да не ломай же меня, Бога ради! – сказала Арабелла, целуя брата. – Ты меня совсем уронишь.

Таким образом, примирение между братом и сестрой утвердилось на прочном основании. Выпустив из рук Арабеллу, Бен Аллен окинул всех зрителей самодовольным взором.

– Не скажете-ли чего мне, м-с Арабелла? – громко заговорил Уардль, приближаясь к молодой леди с распростертыми руками.

– С вами я намерена говорить о многом, – шепнула Арабелла, принимая ласковые поздравления от старого джентльмена. – Вы человек бесчувственный, сэр, жестокий, бездушный.

– Спасибо на добром слове, – отвечал Уардль таким же тоном. – Вам, сударыня, мне придется, вероятно, отказать от дома. Подобные вам особы, самовольно вступающие в брак, не должны быть терпимы в порядочном обществе. Но еще об этом мы успеем переговорить, – прибавил громко старый джентльмен. – Давайте обедать. Вы сядете подле меня, м-с Арабелла. – Джой! Вообразите, однако ж, этот пострел не спит!

И действительно: жирный парень, к огорчению своего господина, находился в замечательном состоянии бодрствования. Глаза его были открыты широко, и во всех его движениях проявлялась какая-то необыкновенная юркость. Всякий раз, при встрече с глазами Эмилии, Джой моргал, ухмылялся, и однажды Уардлю показалось, будто он даже подмигнул его дочери.

Эта радикальная перемена в обхождении жирного парня обуславливалась исключительно глубочайшим сознанием в личном достоинстве, которое он так неожиданно приобрел в лестной доверенности к себе молодых особ. Моргая, улыбаясь и подмигивая, он давал заметить прекрасным леди, что они могут совершеннейшим образом положиться на его скромность. рассчитывая весьма основательно, что все эти гримасы могут скорее пробудить, чем усыпить подозрения посторонних наблюдателей, м-с Арабелла исподволь хмурилась, косилась и качала головой, думая образумить жирного детину, который, однако ж, принимался моргать, ухмыляться и подмигивать еще сильнее, воображая, что юная леди хочет намекнуть ему этими жестами, чтоб он не изменил их заветной тайне.

– Джой, – сказал м-р Уардль после безуспешного поиска во всех своих корманах: – не на софе-ли моя табакерка?

– Нет, сэр, – отвечал жирный парень.

– Ах, да, вспомнил: я оставил ее поутру на уборном столике. Сбегай в мою спальню.

Жирный парень пошел в другую комнату и, отлучившись не больше, как на одну минуту, воротился с табакеркой и бледнейшим лицом, какое только может быть у жирного человека.

– Что с тобою? – спросил Уардль.

– Ничего-с.

– Не увидел-ли ты домового, любезный?

– Нет-с.

– Должно быть, он хлебнул малую толику, – сказал Бен Аллен.

– Это очень может быть, – шепнул Уардль, перегибаясь через стол к молодому джентльмену: – он пьян, бестия, я уверен.

Бен Аллен, как опытный врач, знакомый со всеми недугами человеческой природы, подтвердил эту догадку на основаниях науки, а старый джентльмен не сомневался более, что жирный детина пьян, как стелька.

Несчастный юноша перекинулся только дюжиною слов с м-ром Снодграсом: этот джентльмен умолял его обратиться к какому-нибудь другу, способному выручить его из этой засады, и потом он поспешил вытолкнуть Джоя с табакеркой, опасаясь, чтобы дальнейшее его присутствие не возбудило подозрений. Оторопелый парень простоял несколько минут, переминаясь с ноги на ногу, и потом вышел из комнаты, чтобы отыскать Мери.

Но Мери ушла домой, после того, как одела свою госпожу, и жирный детина воротился опять, ошеломленный еще более, чем прежде.

Уардль и Бен Аллен переглянулись.

– Джой! – сказал Уардль.

– Чего изволите?

– Зачем ты уходишь?

Жирный детина бросил вокруг себя безнадежный взор и пролепетал, что он сам не знает.

– А! Так ты не знаешь? – сказал Уардль. – Подай этот сыр м-ру Пикквику.

М-р Пикквик, веселый и совершенно счастливый, был, так сказать, душою всей компании в продолжение этого обеда, и в настоящую минуту вел одушевленный разговор с мисс

Эмилией и м-ром Винкелем, склонив учтиво голову на одну сторону и размахивая в воздухе левою рукою для придания особенной силы патетическим местам своей речи, при чем все лицо его лучезарилось восхитительной улыбкой. Он взял сыр с поданного блюда и уже снова хотел приступить к продолжению своей речи, как вдруг жирный детина, нагнувшись таким образом, чтобы привести свою голову в уровень с головою м-ра Пекквика, указал своим пальцем через его плечо и скорчил в то же время такую страшную и отвратительную рожу, какую могли заметить только на лице балаганного паяца.

– Ах, Боже мой, – вскричал м-р Пикквик, с беспокойством повернувшись на своем стуле: – что это за...

Но он не кончил фразы, потому что жирный детина выпрямился опять во весь рост и сделал вид, будто его клонит ко сну.

– Что такое? – спросил Уардль.

– Удивительно странный чудак! – воскликнул м-р Пикквик, озирая жирного детину. – Мне, право, кажется, что по временам, должно быть, находит на него.

– О, нет, нет! Как это можно, м-р Пикквик, – вскричали Эмилия и Арабелла в один голос.

– Разумеется, этого я не могу доказать, – сказал м-р Пикквик среди всеобщего молчания и беспокойства; – но мне показалось в эту минуту, что на лице его отразились самые возмутительные признаки. Ой! – закричал м-р Пикквик, стремительно вскакивая со стула. – Прошу извинить, mesdames, но в эту минуту – уж я не сомневаюсь в этом – он ущипнул меня за ногу. Право, он не в своем уме.

– Он пьян, бестия, – заревел старик Уардль страшным голосом. – Звоните в колокольчик, зовите людей! Он пьян.

– Нет, нет, нет! – закричал бедный юноша, становясь на колени, когда господин схватил его за шиворот. – Я не пьян.

– Ну, стало быть, ты с ума сошел, это еще хуже, – сказал старый джентльмен. – Зовите людей!

– О, я не сошел с ума, ей-Богу! – заголосил жирный парень, начиная плакать.

– В таком случае, зачем же ты ущипнул м-ра Пикквика?

– М-р Пикквик не хотел смотреть на меня: мне надо было поговорить с ним.

– О чем, о чем? – спросили вдруг двенадцать голосов.

Жирный детина вздохнул, взглянул на дверь спальни, вздохнул опять и вытер две слезы щиколками своих пальцев.

– Что-ж ты хотел сказать м-ру Пикквику? – закричал Уардль, продолжая трясти его за ворот.

– Постойте, – сказал м-р Пикквик, – я допрошу его сам. Ну, любезнейший, скажите теперь что вы намерены были сообщить мне?

– Мне надо шепнуть вам на ухо, – отвечал жирный детина.

– Скажите, пожалуйста! Бездельник хочет откусить ухо м-ру Пикквику! – закричал Уардль. – Не подходи к нему. Эй, кто-нибудь! Позвоните, ради Бога!

Но лишь только м-р Винкел ухватился за сонетку, общее изумление, близкое к остолбенению, отразилось на всех лицах: пленный любовник, сгаравший от стыда, внезапно вышел из спальни и начал на все стороны делать низкие поклоны.

– Ба! – закричал Уардль, высвободив жирного парня и отступив на несколько шагов назад. – Это что значить?

– Я укрывался в другой комнате, сэр, с той поры, как вы пришли, – отвечал молодой джентльмен.

– Эмилия, друг мой! – сказал старый джентльмен тоном горького упрека. – Я гнушаюсь всякого обмана и презираю эту низость. Это неизвинительно и неделикатно в высшей степени. Того-ли я заслужил от тебя, дитя мое?

– Ах, папа, милый папа! – воскликнула встревоженная Эмилия. – Арабелла знает, все здесь знают, Джой тоже знает, что я не принимала в этом никакого участия с своей стороны и совсем не знаю, как это случилось. Август, объяснись, Бога ради!

М-р Снодграс, выжидавший только случая быть выслушанным, объяснил обстоятельно и подробно, какими судьбами он очутился в таком невыгодном положении перед лицом всех присутствующих леди и джентльменов. Опасение подать повод к семейному раздору внушило ему мысль укрыться от м-ра Уардля при его входе, и он принужден был удалиться в его спальню, надеясь пройти в коридор через другую дверь. Положение сделалось крайне затруднительным; но м-р Снодграс был даже рад в настоящую минуту, что все это случилось так, а не иначе. Пользуясь этим благоприятным случаем, он выразил торжественное признание пред всеми своими друзьями, что обожает издавна прекрасную дочь м-ра Уардля, которая в свою очередь – он с гордостью объявляет об этом – искренно разделяет его чувства. Пусть судьба занесет его на тот край света, и ревущие волны океана поставят между ними несокрушимую преграду, – он, м-р Снодграс, никогда не забудет о тех счастливых днях, когда впервые – и проч., и проч.

Объяснившись таким образом, молодой джентльмен поклонился опять всей компании, заглянул в тулью своей шляпы и пошел к дверям.

– Остановитесь! – закричал Уардль.

М-р Снодграс остановился.

– Спрашиваю вас, сэр, во имя здравого смысла, отчего вы не сказали мне всего этого при самом начале?

– Или почему бы мне не открыть этой тайны? – добавил м-р Пикквик.

– Полноте, полноте! – сказала Арабелла, принимая на себя роль адвоката влюбленной четы. – К чему спрашивать об этом теперь, особенно вам, м-р Уардль, когда вы прямо объявили, что хотите иметь своим зятем богатейшего джентльмена, и когда все боялись вас, как огня, кроме только меня одной? Подойдите-ка лучше к м-ру Снодграсу, поцелуйтесь с ним и прикажите подать ему обед, потому что, как видите, он умирает от голода. И уж, кстати, велите подать вина, потому что вы просто несносны, если не выпьете по крайней мере двух бутылок.

Достойный старый джентльмен потрепал Арабеллу по щеке, поцеловал ее очень нежно и еще нежнее поцеловал свою собственную дочь.

– Вина, самого лучшего вина! – закричал старый джентльмен, дернув за сонетку.

Вино принесено, и вместе с вином явился Перкер. М-р Снодграс пообедал за особым столиком и после обеда придвинул свой стул к мисс Эмилии, без малейшего сопротивления со стороны старого джентльмена.

Вечер вышел превосходный. М-р Перкер острил, любезничал, подшучивал и веселился на славу, рассказывал без умолку многие интересные анекдоты и пропел одну комическую песню. Арабелла была очаровательна, м-р Уардль забавен, как нельзя больше, м-р Пикквик пленителен до невероятной степени. Любовники молчали, м-р Винкель ораторствовал, Бен Аллен ревел во все горло, и все были счастливы.

Глава LIV

Мистер Соломон Пелль, при содействии почтенных представителей кучерского искусства, устраивает дела м-ра Уэллера старшего.

– Самми! – сказал м-р Уэллер старший, приступив к своему сыну на другое утро после похорон, – я нашел его, Самми. Я так-таки и думал, что оно там.

– О чем думал, что оно где? – спросил Самуэль.

– Я говорю, Самми, о завещании твоей мачехи, – отвечал м-р Уэллер, – по силе которого мы должны распорядиться так, чтобы все, знаешь, для верности и приращения было припрятано в банк, как я тебе говорил.

– А разве она не сказала, где найти эту бумагу? – спросил Самуэль.

– И не заикнулась, друг мой, в том-то и штука! – отвечал м-р Уэллер. – Мы все толковали, знаешь, об этих домашних дрязгах, и я старался развеселить ее, как мог, так что мне не пришло и в голову расспросить ее насчет этого документа. Оно, и то сказать, едва-ли бы я стал делать эти расспросы, если бы даже вспомнил о них, – прибавил м-р Уэллер, – неловко, друг мой Самми, хлопотать о собственности человека, как скоро видишь, что ему надобно отправиться на тот свет. Если бы, примером сказать, какой-нибудь пассажир шарахнулся на мостовую с имперяла дилижанса: неужели у тебя достало бы совести запустить руку в его карман и расспрашивать в то же время, как он себя чувствует?

Озадачив своего сына этим аллегорическим вопросом, м-р Уэллер развязал бумажник и вынул оттуда грязный лист, исчерченный разнообразными каракулями в замечательном беспорядке.

– Вот он, Самми, этот документ, друг мой, – сказал м-р Уэллер, – я нашел его в маленькой черной чайнице на верхней полке, за стойкой, у буфета. Туда она, еще до замужества, обыкновенно прятала свои банковые билеты, Самми, и я подмечал несколько раз, как она вынимала их для надобностей по хозяйству. Бедняжка! Будь у неё все чайники наполнены одними только завещаниями, в доме не вышло бы никакого расстройства, потому что в последнее время она совсем перестала пить.

– О чем же говорится в этом документе? – спросил Самуэль.

– Да все о том же, о чем уж я толковал тебе, Самми. Двести фунтов стерлингов, видишь ты, оставляю моему возлюбленному пасынку Самуэлю, а всю прочую собственность, движимую и недвижимую, любезному моему супругу, Тони Уэллеру, которого я назначаю своим единственным душеприказчиком. – Вот как!

– И больше ничего?

– Ничего больше. И так как все это дело касается только нас с тобой, друг мой, то эту грамотку, я полагаю, всего лучше зашвырнуть в огонь так, чтобы и след её простыл.

– Что ты делаешь? – закричал Самуэль, выхватив бумагу из рук отца, который, в простоте душевной, принялся разгребать уголья, чтобы торжественно предать всесожжению завещание своей супруги. – Хороший ты душеприказчик, нечего сказать!

– А что?

– Как что! Ты должен явиться с этой бумагой в суд, старичина, и выполнить все по порядку, что там потребуют от тебя.

– Неужто!

– Я тебе говорю, – отвечал Самуэль, тщательно свернув документ и положив его в карман. – Надевай сейчас же свое лучшее праздничное платье и марш за мной. Времени терять не должно.

– Очень хорошо, Самми, времени терять не станем: чем скорее, тем лучше. Только заметь, мой друг; один только Пелль в состоянии нам обделать эту механику – никто, кроме Пелля.

– Мы к нему и пойдем, старичина. Скоро-ли ты соберешься?

М-р Уэллер подошел к маленькому зеркалу, стоявшему на окне, подвязал галстук и затем принялся напяливать на свое тучное тело разнообразные статьи верхнего туалета.

– Погоди минуточку, друг мой Самми, – сказал он, – старцы не так легко надевают свои жилетки, как ваша братья, ветренная молодежь. Доживешь до моих лет, сам узнаешь.

– Нет, уж я лучше останусь вовсе без жилета, чем соглашусь напяливать его по твоему, старик.

– Ты так думаешь теперь, легкомысленная голова, – сказал м-р Уэллер с важностью маститого старца, – но, вот, если проживешь лет полсотни, да овдоеешь раза два, так авось запоешь другую песню. Дурь-то понемножку испарится из твоей головы, и ты на опыте узнаешь, что вдовство и премудрость идут рука об руку, Самми.

Выразив эту непреложную истину, бывшую плодом долговременных наблюдений, м-р Уэллер застегнул жилет от первой пуговицы до последней, надел свой парадный сюртук, почистил шляпу локтем и объявил, наконец, что он совсем готов.

– Только надобно тебе заметить, Самми, – сказал м-р Уэллер, когда они катились в кабриолете по лондонской дороге, – ум хорошо, два лучше, а четыре и того лучше. На всю эту собственность, пожалуй, чего доброго, могут разгореться ненасытные глаза этого доки; так поэтому не мешает нам взять с собой двух приятелей на всякий случай, тех самых, что тогда провожали тебя в тюрьму. При них я ничего не боюсь, потому что, видишь ты, они отлично знают толк в лошадях.

– Что-ж из этого?

– А вот что: кто хорошо судит о лошадях, тот умеет судить обо всем на свете, и такого человека сам черт не проведет. Заметь это, сын мой Самуэль.

Такое мудрое умозаключение не допускало никаких противоречий, и Самуэль не возражал.

Пестролицый джентльмен и еще два жирные и толстые кучера, избранные, вероятно, за их необъятную премудрость, немедленно явились к услугам м-ра Уэллера в харчевню на Португальской улице, откуда, с общего согласия, отправлен был посол в Коммерческий Банкротский Суд с поручением отыскать юридического доку, м-ра Соломона Пелля.

М-р Соломон Пелль, в ожидании заседания, присутствовал в Коммерческом Суде и угощал себя пеклеванным хлебом с колбасою. Получив приглашение в трактир, он засунул колбасу в карман между разными официальными документами и, перебежав через улицу с быстротой стрелы, очутился в общей зале трактирного заведения перед почтенными лицами представителей кучерского искусства.

– Джентльмены! – сказал м-р Пелль, скидая шляпу. – Желаю всем вам здравия и благополучия на многие лета. Я не намерен льстить вам, господа; но вы должны знать, что ни для кого, кроме вас, я не вышел бы сегодня из Суда.

– Разве вы очень заняты? – спросил Самуэль.

– Занят! Скажите лучше – завален делами по шею, по горло, как обыкновенно говаривал мне незабвенный друг мой, покойный лорд-канцлер, господа, когда он, после выслушания прошений, выходил из палаты лордов. Бедный товарищ! Если бы вы знали, как изнуряли его все эти труды! Мне уж не раз приходило в голову, что эти прошения совсем доканают его.

Здесь м-р Пелль, взволнованный грустными воспоминаниями, печально покачал головой и приостановился. М-р Уэллер старший многозначительно подмигнул своему соседу и предложил вопрос относительно влияния, произведенного многотрудными занятиями на впечатлительную натуру благородного друга м-ра Пелля.

– Да, джентльмены, эти занятия совсем расстроили его здоровье, и уж он никогда не мог оправиться, – сказал м-р Пелль. – Сердце, бывало, надрывалось, когда видишься с ним после парламентских заседаний. – «Пелль, друг мой, – говаривал он мне по временам, – скажите, пожалуйста, какой дьявол помогает вам управляться с этой головоломной работой? Право, я не постигаю этого». – Признаться, друг мой, – обыкновенно отвечал я, – уж я и сам этого не понимаю. – «Пелль», бывало, прибавлял он со вздохом, и при этом глаза его обращались на меня с некоторою завистью... то есть с дружескою завистью, вы понимаете, господа, и я, разумеется, ничего обидного не находил для себя в этом чувстве, – «Пелль, вы, право, можно сказать, восьмое чудо в свете». – Ох да! Это был прекраснейший человек, джентльмены, и вы бы полюбили его от всего сердца, если бы знали. – Стакан пуншу, моя милая.

Сделав это обращение к трактирной служанке, м-р Пелль вздохнул, посмотрел на свои сапоги, на потолок, и затем, когда принесли пунш, выпил его одним залпом.

– И то сказать, джентльмены, – продолжал м-р Пелль, придвинув свой стул к столу, – должностной человек не имеет права распространяться о собственных своих чувствах, как скоро требуют его помощи в какой-нибудь житейской нужде. Кстати, м-р Уэллер, сегодня я имел честь прочесть горестное известие о смерти вашей супруги. Какой ужасный случай! Умереть в пятьдесят два года!

М-р Уэллер подтвердил, что это был действительно ужасный случай.

– Говорят, она была превосходнейшая женщина, м-р Уэллер, – сказал Пелль тоном соболезнования. – Светская дама, сэр.

– Да, вы не ошибаетесь, сэр, – отвечал м-р Уэллер старший, не любивший входить в подробности этого предмета. – Она была превосходная женщина, когда я познакомился с нею в первый раз. Тогда она была вдова, сэр.

– Ах, как это интересно! – сказал Пелль, озираясь кругом с грустной улыбкой. – И м-с Пелль тоже была вдова.

– Необыкновенный случай! – заметил пестролицый джентльмен.

– Странное стечение обстоятельств! – подтвердил м-р Пелль.

– Тут ничего нет странного, – брюзгливо заметил м-р Уэллер старший, – вдова, дело известное, скорей выйдет замуж, чем старая девка.

– И то дело, – подтвердил Пелль, – ваша правда, м-р Уэллер. М-с Пелль была светская дама в полном смысле, с большими достоинствами, с огромным талантом: её обращению и манерам удивлялся, можно сказать, весь наш квартал. Посмотрели бы вы, как она танцевала – ох, как танцевала! Было что-то, знаете, такое тонкое, осанистое, субтильное во всех её движениях, и в то же время все это так просто, натурально, особенно в кадрили. Кстати, м-р Самуэль, высока ростом была ваша мачеха?

– Не совсем, – отвечал Самуэль.

– М-с Пелль, господа, была дама высокая, стройная, блистательная, с благородной осанкой и величественным носом, созданным как будто для того, чтоб повелевать, джентльмены. Удивительно! Она меня очень любила... да, очень, и родня у ней знаменитая: брат её матери, джентльмены, содержатель магазина гербовой бумаги, обанкрутился на огромную сумму.

– Все это очень недурно, – сказал м-р Уэллер, начинавший чувствовать некоторое беспокойство в продолжение этой беседы, – только надобно нам обратиться к делу, за которым мы призвали вас, господин юрист.

Эти слова оказались истинною музыкою для ушей м-ра Пелля. Уже начинал он думать с великим огорчением, что почтенные представители кучерского сословия пригласили его единственно затем, чтоб откушать с ними чашку чаю или выпить стакан грога; но теперь, к великому наслаждению, все эти сомнения рассеялись в одну минуту. Глаза юриста заблестали искрометным блеском; он облокотился на стол и сказал:

– За каким же делом я призван, джентльмены? Не желает-ли кто-нибудь из вас объявить себя банкротом или засесть в тюрьму из дружеских расчетов?

– Нет, сэр, история тут будет немножко почище тюремного ареста, – сказал м-р Уэллер старший. – Самуэль, подай документ.

И завещание, по всей форме, перешло в руки делового человека.

– Обделайте нам эту механику, и мы вам будем очень благодарны, – сказал м-р Уэллер.

– Извольте, извольте, это нам ни почем, – отвечал стряпчий, – только я должен предупредить, что за хлопоты...

– Останетесь довольны, я вам говорю, – перебил пестролицый джентльмен.

– Так-то оно так, только не угодно-ли пять фунтиков заплатить вперед, м-р Уэллер? – сказал м-р Пелль с улыбающимся лицом.

После предварительных переговоров со своими товарищами, м-р Уэллер принужден был тотчас же выдать эту сумму в виде задатка своему адвокату. Затем последовала юридическая консультация, не имевшая, впрочем, определенного предмета. М-р Пелль намекнул, к общему удовольствию почтенного комитета, что, не будь это дело вверено в его собственные руки, все пошло бы навыворот вследствие причин, объясненных не совсем удовлетворительно, но признанных весьма достаточными как душеприказчиком, так и всеми его посредниками. Затем, после сытного завтрака, вся компания, в сопровождении юриста, отправилась для предъявления духовной в Докторскую Общину, где свидетельствовались завещания.

На другой день, тем же порядком, опять совершено путешествие в ту же Докторскую Общину, но необходимые в этом случае свидетельские показания были заторможены одним пьяным конюхом, который, к великому ужасу прокурора и проктора, вместо слов присяги, изрыгал безобразные ругательства. На следующей неделе пришлось сделать еще несколько визитов в Докторскую Общину и в канцелярию, специально занятию рассмотрением прав по наследству. Покончив здесь дела, достопочтенная компания посетила контору совершения контрактов. На перепутьи джентльмены заходили отдыхать в трактиры, где насыщали себя приличными завтраками, обедами и услаждали свой отдых обильными возлияниями благородных напитков.

Наконец, все эти важные дела были окончены, и назначен день для продажи полученного м-ром Уэллером наследства и получения рент из Банка, что предназначалось совершить с помощью маклера Вилькинса Флэшера, эсквайра, живущего в окрестностях Банка и рекомендованного компании самим м-ром Соломоном Пеллем.

Этот день был праздничным днем для м-ра Уэллера и его друзей, и они, в виду предстоящего торжества, разрядились на славу. Сапоги м-ра Уэллера блестяли, костюм на нем был с иголки и сидел весьма комфортабельно. Пестролицый джентльмен воткнул себе в петличку огромный цветок георгины; платья остальных двух друзей также были украшены букетами из листьев лавра и других дерев. Все трое надели свои праздничные платья, лучше сказать, каждый из них нарядился, по крайней мере, в два кафтана, что, по мнению кучеров общественных экипажей, составляет высшее проявление изящества и вкуса.

М-р Пелль ожидал их в месте их обыкновенных собраний. Он также имел с собой пару перчаток и надел чистую рубашку, которая, к несчастью, от слишком частого мытья, была прорвана в двух-трех местах.

– Теперь без четверти два, – сказал м-р Пелль, смотря на часы в буфете. – Я полагаю, нам лучше отправиться к м-ру Флэшеру в четверть третьего.

– Как думаете, джентльмены, не выпить-ли по доброй кружке пива? – внушительно сказал пестролицый джентльмен.

– Не дурно бы проглотить кусок холодной говядины, – проговорил второй кучер.

– Слушайте! Слушайте! – вскричал Пелль.

– Не худо бы и устриц, – добавил третий кучер хриплым голосом. Этот почтенный джентльмен с давних пор страдал хрипотой.

– Надобно достойно отпраздновать получение наследства, – закончил искусный делец. – Не так ли? Ха, ха, хи, хи!

– За мной дело не станет, джентльмены, – отвечал м-р Уэллер старший, – Самми, позвони!

Самуэль повинился, и, немного погодя, стол перед джентльменами был уставлен портером, холодной говядиной и устрицами. Каждый из джентльменов немедленно принялся за еду и питье, и все одинаково отличались на этом поприще; впрочем, джентльмен с хриплым голосом превзошел всех: он так исправно помачивал устрицы уксусом, что один истребил его целую пинту (почти полбутылки).

Когда устричные скорлупы были убраны со стола, джентльмены занялись приготовлением напитка из джина и воды.

– М-р Пелль, – сказал м-р Уэллер, приподнимая свой стакан с грогом. – Вы мастерски сварганили мое дело, вам я обязан, что оно не застряло на дороге...

– Слушайте! Слушайте! – прокричал Самуэль.

– Да, вы ловко смастерили его, и, в благодарность за ваши хлопоты, я предлагаю выпить за ваше здоровье.

– Стойте! Стойте на минутку! – закричал пестролицый джентльмен с изумительной энергией. – Смотрите на меня, джентльмены.

И, говоря это, пестролицый джентльмен поднялся на своем месте. Все прочие последовали его примеру. Сперва он внимательно посмотрел на каждого из своих товарищей, потом медленно поднял свою руку, и каждый джентльмен также медленно поднес свой стакан к губам. Через минуту корифей опустил руку, то же сделали прочие и поставили на стол совершенно пустые стаканы. Невозможно описать потрясающий эффект этой церемонии. В одно и то же время простая, поражающая и полная достоинства, она заключала в себе все элементы величия.

Растроганный м-р Пелль благодарил своих друзей следующей превосходной речью:

– Общие хлопоты наши окончены, милостивые государи, и я очень рад, что могу изъяснить вам торжественную благодарность за лестную доверенность, которою вы почтили меня в этом деле. Скажу без гордости и лести, что я здесь, как и во всех случаях, действую по утонченным правилам юридического искусства. Если бы вы обратились к какому-нибудь низшему сочлену из моей профессии, я убежден искренно и глубоко, что вам никогда бы не выкарабкаться из трущобы крючкотворных кляуз и сплетней. Это самое мог бы, конечно, подтвердить вам благородный друг мой, лорд-канцлер, если бы только был он жив. Прошу покорнейше не забывать меня и вперед, милостивые государи. Я обыкновенно присутствую в Коммерческом Суде с утра до вечера или забегая по временам в этот самый трактир. Вот мой адрес. Юридическое мое ходатайство всегда обойдется очень дешево, и никто, конечно, не будет столько заботиться о своем клиенте, как я, милостивые государи, что вы знаете теперь по собственному опыту. Можете смело рекомендовать меня всем вашим приятелям, и они в свою очередь будут вам очень благодарны, как скоро узнают меня покороче. Этот кубок, милостивые государи, имею честь пить за ваше общее здоровье.

Выразив таким образом свои чувства, м-р Соломон Пелль вручил визитные карточки друзьям м-ра Уэллера и, посмотрев на часы, заявил опасение, что как бы не опоздать. Поняв намек, м-р Уэллер заплатил за съеденное и выпитое, и потом все шестеро отправились в Сити.

Маклерская контора Вилькинса Флэшера, эсквайра, находилась в первом этаже во дворе, сзади английского банка; клерк м-ра Флэшера, эсквайра, ушел обедать, и сам м-р Флэшер закричал: «войдите!», когда Пелль и его спутники постучались у двери конторы.

– Здравствуйте, сэр, – сказал м-р Пелль, почтительно кланяясь. – Нам нужно бы получить завещанные деньги из Банка.

– Милости прошу, входите, – отвечал Флэшер. – Садитесь пожалуйста, я попрошу вас подождать минут десять.

– Нам не к спеху, – ответил Пелль. – Вот вам стул, м-р Уэллер.

М-р Уэллер взял стул, Самуэль уселся на каком-то ящике, прочие друзья на чем попало, и стали рассматривать календарь и еще какие-то две бумаги, прибитые на стене, с таким вниманием, как будто это были картины великих мастеров.

– Ну-с, так держимте пари на полдюжины бордосского вина, – сказал м-р Флэшер, эсквайр, возобновляя разговор, прерванный приходом м-ра Пелля и его товарищей.

Собеседником м-ра Флэшера был весьма элегантный молодой человек, как видно, очень занятый своей наружностью. В ту минуту, как входила в контору компания м-ра Уэллера, элегантный джентльмен предавался невинному занятию: ловле и истреблению мух. На обоих джентльменах были очень открытые жилеты, очень тесные сапоги, очень большие кольца, очень маленькие часики, несоразмерно толстые часовые цепи, чрезвычайно симметричные панталоны и сильно надушенные платки.

– Я не хочу держать на полдюжины. На дюжину, пожалуй, – отвечал элегантный джентльмен.

– Идет, Симмери, идет!

– Самого лучшего качества.

– Натурально, – ответил Вилькинс Флэшер, эсквайр, и записал пари в своей записной книжке карандашом, вправленным в золотой рейсфедер. М-р Симмери сделал то же самое.

– Сегодня я прочел объявление, – сказал м-р Симмери, – дом Бэфера назначен в продажу с аукциона. Бедняга! Мне жаль его.

– Держу пари десять гиней против пяти, что он перережет себе горло.

– Принимаю.

– Пойдите! Я подумаю, – сказал м-р Флэшер с серьезной миной. – Он, может быть, повесится.

– Отлично! – отвечал м-р Симмери, вынимая свой золотой рейсфедер. – Согласен и на это. Скажем просто, что он лишится жизни.

– Лишится жизни самоубийством.

– Превосходно, Флэшер, десять гиней против пяти; Бэфер лишится жизни самоубийством. На сколько времени идет пари.

– На две недели.

– О, нет! – возразил м-р Симмери, приостанавливаясь на минуту, чтобы убить муху. – Лучше на неделю.

– На десять дней.

– Пусть будет по-вашему: идет, десять дней.

Тем же порядком, как и прежде пари, в записные книжки обоих джентльменов была внесена памятная запись, что Бэфер лишится жизни самоубийством не позже, как через десять дней. Если это совершится, Вилькинс Флэшер, эсквайр, получит пять гиней от Франка Симмери, эсквайра, в противном случае Франк Симмери, эсквайр, получит десять, гиней от Вилькинса Флэшера, эсквайра.

– Мне очень жаль, что он провалился, – сказал Вилькинс Флэшер, эсквайр. – Какие великолепные обеды он задавал нам.

– Какой прекрасный портвейн мы всегда распивали у него. Я пошлю завтра своего метрд-отеля на аукцион, чтобы он закупил там все вино, которое получше.

– Я тоже пошлю. Пари на пять гиней, что мой посланный отобьет вино у вашего.

– Держу.

Затем м-р Симмери, убив еще несколько мух, простился с м-ром Флэшером и отправился разгильдяйничать на Биржу.

Тогда Вилькинс Флэшер, эсквайр, подошел к м-ру Пеллю и, отобрав нужные сведения, пригласил всю компанию отправиться вместе с ним в Банк. По дороге м-р Уэллер и его друзья смотрели с удивлением на все, что встречали на своем пути. Самуэль же на все эти чудеса взирал с полнейшим хладнокровием, как будто они были давно ему знакомы.

Перейдя двор Банка и несколько комнат, наши путники пришли в отделение, где должно было окончательно завершиться дело м-ров Уэллера старшего и младшего. Пелль и Флэшер занялись беседой с чиновниками Банка, а остальная компания расположилась на ближайшем диване.

– Как называется это место? – прошептал пестролицый джентльмен на ухо м-ра Уэллера старшего.

– Отделение фондов, – отвечал спрошенный.

– А кто такие эти джентльмены, что сидят за конторками? – спросил кучер, обладавший хриплым голосом.

– А чорт их разберет, что это за птицы, – ответил м-р Уэллер. – Самми, сын мой любезный, кто эти джентльмены?

– Клерки, – отвечал Самуэль.

– А зачем все они едят сэндвичи?

– Потому, я полагаю, что это их обязанность. Это часть системы. Они только и делают целый день, что едят.

М-р Уэллер старший и его друзья не имели достаточно времени, чтобы размыслить о такой странной особенности английской финансовой системы, потому что м-р Пелль и м-р Флэшер возвратились и пригласили их следовать за собой к конторке, над которой была выставлена громадная литера W, написанная белой краской на черном фоне.

– На кой прах намалевано здесь это чудище? – спросил м-р Уэллер своего адвоката, указывая ему на громадную вывеску.

– Это заглавная буква фамилии вашей покойной супруги, – отвечал делец.

– Это, верно, какая-нибудь плутня, – сказал м-р Уэллер своим друзьям. – Наша фамилия начинается с V, а не с W³². Нет, брат, шалишь, я не позволю надуть себя.

Друзья согласились с правильностью умозаключения м-ра Уэллера, и, по всей вероятности, дело приняло бы плачевный исход, по крайней мере в том отношении, что пришлось бы для разьяснения щекотливого обстоятельства потерять еще день, если бы Самуэль не разьяснил его способом, по виду не совсем почтительным, но зато решительным. Схватив своего отца за шиворот, он его притащил к самой конторке и держал до тех пор, пока почтенный джентльмен не подписал своего имени, на что потребовалось не мало времени, ибо м-р Уэллер выводил на бумаге свою фамилию печатными литерами. Эта операция была настолько продолжительна, что клерк успел очистить и съесть три яблока.

Так как м-р Уэллер настаивал на немедленной продаже полученных билетов, вся компания отправилась на Биржу.

Вилькинс Флэшер, эсквайр, получив свое вознаграждение, пошел в свою контору, насвистывая какую-то арию.

М-р Уэллер старший получил билетами английского Банка пятьсот тридцать фунтов стерлингов; Самуэль двести.

³² Фамилия почтенного джентльмена по-английски пишется Weller, но он привык подписывать Veller и, конечно, отдает предпочтение своему правописанию.

М-р Уэллер первоначально хотел превратить свои билеты в соверены, но когда друзья заметили, что для хранения их придется купить новый мешок, почтенный джентльмен согласился разменять их на пятифунтовые билеты.

– Мой сын и я, – сказал он, выходя от банкира, – сегодня же должны обделаться не терпящее отлагательства дельце, зайдемте-ка куда-нибудь по близости и покончим поскорее наши счета.

В соседстве оказалась очень удобная и спокойная комната, где и расположились друзья и стали приводить в ясность все обязательства. На Самуэля возложили обязанность определить вознаграждение м-ру Пеллю. Затем друзья м-ра Уэллера старшего подвергли выведенный счет строгому обсуждению и хотели было вычеркнуть некоторые статьи, но м-р Пелль красноречиво, жалобным тоном, стал доказывать им, что они слишком строги к нему, и так смягчил их сердца, что они беспрекословно утвердили все и еще накинули малую толику. В окончательном итоге на долю м-ра Пелля пришлось весьма почтенная сумма, которой он в течение шести месяцев мог оплатить свою квартиру, стол и прачку.

Трое кучеров, хватив по стаканчику, поспешили домой, так как сегодня же вечером они должны были восседать на козлах своих дилижансов. М-р Пелль, видя, что не предвидится новой попойки, распрощался самым дружеским образом с обоими Уэллерами, и они остались теперь одни.

– Мой любезный сын, – сказал м-р Уэллер, засовывая бумажник в свой боковой карман. – От продажи дома и прочего имущества твоей покойной мачехи, и с приложением денег, взятых из банка, у меня капитала тысяча сто восемьдесят фунтов. Ну, Самми, поворачивай теперь оглобли в гостиницу «Коршуна и Джорджа».

Глава LV

Мистер Пикквик и господа Уэллеры, отец и сын, беседуют о важных делах. – Неожиданное прибытие джентльмена во фраке табачного цвета.

М-р Пикквик сидел один в своей гостиной и размышлял между прочим о средствах устроить судьбу юной четы, легкомысленно вступившей в тайный брак, как вдруг в комнату впорхнула мисс Мери и, подойдя к столу, сказала скороговоркой:

– Самуэль внизу, сэр, и спрашивает, может-ли его отец видеть вас?

– Конечно, может, – отвечал м-р Пикквик.

– Благодарю вас, сэр, – сказала Мери, готовясь опять выпорхнуть из дверей.

– Самуэль, кажется, давно здесь не был? – спросил м-р Пикквик.

– Да; но уж теперь он никуда не пойдет больше: он сам это сказал мне.

Это известие сообщено было с особенною горячностью, в которой, при настоящих обстоятельствах, вовсе не было нужды. М-р Пикквик улыбнулся. Молодая девушка опустила головку и посмотрела на конец своего маленького передника с усиленным вниманием.

– Пусть они войдут, – сказал м-р Пикквик.

Мери поклонилась и исчезла.

М-р Пикквик прошелся по комнате два или три раза, потирая подбородок левою рукою. Какая-то внезапная мысль промелькнула в его голове.

– Ну, да, это самый лучший способ наградить его за верную службу, – сказал, наконец, м-р Пикквик довольно печальным тоном. – Да будет воля Божия. Верно, уж так заведено, что все, рано или поздно, оставляют одинокого холостяка, вступая в новые отношения и связи. Я не имею никакого права надеяться и рассчитывать, что судьба тут сделает исключение в мою пользу. Нет, нет, – прибавил м-р Пикквик, стараясь по возможности казаться веселым: – было бы низко с моей стороны и думать об этом. В сторону личные интересы: я должен с радостью воспользоваться этим случаем устроить его счастье.

Углубленный в эти размышления, м-р Пикквик не слышал, как два или три раза постучались в его дверь. Наконец, он сел на стул, сообщил своему лицу веселое выражение и сказал:

– Войдите!

Вошли м-р Самуэль Уэллер и его отец.

– Очень рад видеть вас, Самуэль, – сказал м-р Пикквик. – Как ваше здоровье, м-р Уэллер?

– Ничего, сэр, благодарим вас, – отвечал вдовец. – А вы, сэр, как поживаете?

– Я здоров, благодарю вас, – отвечал м-р Пикквик.

– Мне бы хотелось поговорить с вами, сэр, об одном дельце, – начал м-р Уэллер: – не можете ли, сэр, уделить мне минут пяток?

– С большим удовольствием. Самуэль, подайте стул вашему отцу.

М-р Уэллер сел у дверей на кончик стула и положил шляпу на пол. Последовало продолжительное молчание.

– Погода удивительно жаркая сегодня, – сказал, наконец, вдовец, почесывая затылок.

– Ваша правда, м-р Уэллер, – отвечал м-р Пикквик. – Дни стоят очень хорошие для этого времени года.

– Да уж такие хорошие, сэр, каких лучше требовать нельзя. Отменные дни.

Здесь старый джентльмен кашлянул, крякнул и замолчал. Затем он принялся качать головой, мигать, моргать и выделывать грозные жесты на своего сына; но Самуэль, по-видимому, ничего не замечал.

Видя такое замешательство со стороны старого джентльмена, м-р Пикквик начал разрезать листы новой книги, лежавшей перед ним, и терпеливо выжидать, пока м-р Уэллер соберется с духом для объяснения цели своего визита.

– Таких сорванцов, как ты, Самуэль, признаюсь, никогда я не видывал, – сказал м-р Уэллер, бросив гневный взор на своего сына.

– Что он вам сделал, м-р Уэллер? – спросил м-р Пикквик.

– Да посудите сами, сэр, на что это похоже. Он знает очень хорошо, что я этак, в затруднительных случаях, бываю немножко застенчив на старости лет – и что-ж? Он стоит себе, выпуча глаза, и не думает выручать своего отца, а время-то все идет да идет. Ведь мы, сэр, не комедию играем, и, дело известное, у нас всякая минута дорога. Нет, ты недобрый сын, Самуэль, – заключил м-р Уэллер, отирая пот с своего лба, – недобрый сын.

– Ведь ты сказал, что сам будешь объясняться? – возразил Самуэль. – Почему мне было знать, что ты станешь втупик при самом начале?

– Как почему? Ты видишь, что я сижу в овраге, так и выгащи меня: это твоя обязанность, Самми. Какой ты будешь сын, если откажешься навести на прямую дорогу своего отца.

– Дело вот в чем, сэр, – сказал Самуэль: – старик мой вынул из банка свои деньги.

– Очень хорошо, Самми, очень хорошо, – подхватил м-р Уэллер, кивая головой с самодовольным видом. – Забудь все, друг мой Самми, все, что я тебе сказал. Очень хорошо. Так и следует начинать: без обиняков, прямо к делу. Отлично, хорошо, Самми.

И, проникнутый чувством истинного наслаждения, старик неумоимо качал головою, изъявляя готовность выслушивать дальнейшие показания сына.

– Вы можете говорить, Самуэль, – сказал м-р Пикквик, увидевший теперь, что эта аудиенция, по всей вероятности, окончится не очень скоро.

Самуэль поклонился и сел. Старик устремил на него нетерпеливые взоры.

– Отец мой, сэр, получил в наследство чистыми деньгами пятьсот тридцать фунтов.

– Именно так: пятьсот тридцать фунтов чистоганом. Отваливай дальше, Самми!

– После продажи дома, мебели и всех вещей, принадлежавших к хозяйству его жены, он выручил еще значительную сумму, так что теперь весь капитал его простирается до тысячи ста восьмидесяти фунтов.

– Право? – сказал м-р Пикквик. – Очень рад слышать это. Поздравляю вас, м-р Уэллер.

– Погодите минуточку, сэр, – сказал м-р Уэллер, делая нетерпеливый жест. – Катай, Самми.

– Вот этот капитал, сэр, ему бы хотелось пристроить куда-нибудь в безопасное место, и я в свою очередь советую ему не оставлять этих денег у себя, потому что, в противном случае, он станет барышничать, кутить, давать взаймы, и все рассорит в самое короткое время, и сам превратится потом в египетскую мумию. Уж я его знаю, сэр.

– Очень хорошо, Самми, – заметил м-р Уэллер одобрительным тоном, как будто сын его читал ему великолепный панегирик. – Очень хорошо.

– По этой-то причине, сэр, он, по-моему совету, пришел к вам сегодня за тем, чтобы...

– Я пришел к вам, сэр, сказать, что эти деньги совсем не нужны мне, – подхватил м-р Уэллер нетерпеливым тоном. – Я буду переезжать с одной станции на другую, и мне бы пришлось засунуть их в какой-нибудь ящик или держать под козлами, а это, согласитесь сами, плохая штука. Я буду вам премного обязан, сэр, если вы прибережете этот капитал. Оно может быть и кстати, сэр, – продолжал м-р Уэллер шепотом, наклонившись к уху м-ра Пикквика: – вы поиздержались в последнее время на эти судебные кляузы, так оно и пригодится. Я скажу только одно: располагайте этими деньжонками, как вам угодно, до тех пор, пока я не потребую их обратно.

С этими словами м-р Уэллер бросил свой засаленный бумажник на стол, схватил шляпу и выбежал из комнаты с замечательной скоростью, какой никак нельзя было ожидать от престарелого и тучного джентльмена.

– Остановите его, Самуэль! – вскричал м-р Пикквик. – Догоните, приведите его назад. Эй, м-р Уэллер! Воротитесь!

Исполняя приказание господина, Самуэль схватил отца своего за руку, когда тот спускался с лестницы, и насильно притащил его назад.

– Добрый мой друг, – сказал м-р Пикквик, подавая руку старому джентльмену, – ваша честная доверенность изумляет меня в высшей степени.

Старик нахмурился и запыхтел.

– Уверяю вас, добрый друг мой, – продолжал м-р Пикквик, – что я не имею ни малейшей нужды в деньгах. У меня их больше чем сколько может израсходовать на свои потребности человек в мои лета.

– Ох, сэр, не сделав прежде опыта, никто не может сказать заранее, сколько он может израсходовать, – заметил м-р Уэллер.

– Очень может быть; но я не намерен делать таких опытов и, стало быть, могу заранее сказать, что не буду нуждаться в деньгах. Прошу вас взять их назад, м-р Уэллер.

– Извольте, сэр, извольте; только уж ты замет, Самуэль, что отец твой, с этой собственностью, решится на отчаянный поступок, – помяни мое слово.

– На какой, например?

М-р Уэллер подумал с минуту и, потом, застегивая сюртук, с великою решимостью сказал:

– Буду содержать заставу.

– Что? – спросил Самуэль.

– Шоссейную заставу, сын мой, и уж ты прощайся заранее с своим отцом. Я проведу остаток дней своих на шоссейной заставе – вот что! Поминай меня, как звали.

Не было никакого сомнения, что упрямый старик, глубоко огорченный отказом м-ра Пикквика, в состоянии привести в исполнение эту страшную угрозу. Подумав несколько минут, великодушный джентльмен удержал его и сказал:

– Очень хорошо, м-р Уэллер, я беру к себе ваши деньги. Может быть, мне удастся сделать из них лучшее употребление, нежели какое вы сами можете придумать.

– Уж, разумеется, вам удастся, сэр, я в этом уверен, – отвечал старик с просиявшим лицом.

– Перестанем же толковать об этом, – сказал м-р Пикквик, запирая бумажник в своей конторке: – я вам очень обязан, добрый друг мой. Присядьте, м-р Уэллер. Мне надобно с вами посоветоваться об одном деле.

Внутренний смех, произведенный торжественным успехом этого визита, смех, скорчивший не только лицо м-ра Уэллера, но его руки, плеча и все туловище, внезапно уступил место глубокомысленной и сановитой важности, когда он услышал следующие слова:

– Оставьте нас минут на пять, Самуэль.

Самуэль немедленно вышел из гостиной. М-р Уэллер широко открыл глаза и едва не остолбенел, когда м-р Пикквик обратился к нему с такою речью:

– Вы, кажется, не слишком расположены в пользу супружеской жизни: не правда ли, м-р Уэллер?

Старик покачал головой. У него отнялся язык при мысли, что какая-нибудь хитрая вдова одержала победу над сердцем м-ра Пикквика.

– Вы не заметили здесь внизу молодой девушки, когда пришли ко мне со своим сыном?

– Заметил, сэр. Вы говорите про ту молодую девушку, что докладывала о нас?

– Да. Что-ж вы о ней думаете? Скажите откровенно, м-р Уэллер, что вы о ней думаете?

- Она белая, сэр, стройная и румяная, если не ошибаюсь.
- Так точно, вы не ошиблись, м-р Уэллер. Как вам нравятся её манеры?
- Ничего, сэр, манеры сообразные.

Точный смысл, соединенный с этим последним словом, оставался несколько загадочным; но, судя по тону, с каким оно было произнесено, можно было догадаться, что старик и в этом отношении составил благоприятное мнение о молодой девице. М-р Пикквик безостановочно продолжал свои расспросы.

- Я принимаю большое участие в этой девице, – сказал он.

М-р Уэллер кашлянул.

– Мне хочется устроить её счастье, – продолжал м-р Пикквик, – то есть я желаю, чтобы она была пристроена приличным образом в своей жизни. Вы понимаете?

– Как не понимать! – отвечал м-р Уэллер, для которого до сих пор слова м-ра Пикквика оставались сфинксовой загадкой.

- Эта молодая особа очень расположена к вашему сыну.

– К Самуэлю?

– Да.

– Это очень естественно, – сказал м-р Уэллер после некоторого размышления; – естественно, но возмутительно и опасно для отцовских ушей. Самуэль должен держать ухо востро.

- Что вы под этим разумеете?

– Он должен быть осторожен, сэр, и ничего не говорить с нею. Девчонки эти, скажу я вам, народ очень хитрый. Стоит только развесить уши, и они как раз заманят вас в свои сети. В молодых годах я испытал это сам на себе, когда женился первый раз. Да, сэр, Самуэль должен держать ухо востро.

- Вы так думаете, м-р Уэллер?

– Да, я именно так рассуждаю.

– Ну, после этого, мне довольно трудно приступить к тому, что я намерен был сказать вам, м-р Уэллер; однако ж, вы все-таки должны выслушать меня до конца. Сын ваш Самуэль так же расположен к этой молодой девице, как она к нему.

- Неужто?

– Я вам говорю.

– Вот уж этого никак не ожидал; это все равно, что съездить обухом по виску бедного престарелого отца.

– Я давно следил за их отношениями, – продолжал м-р Пикквик, не обращая особенного внимания на последнее замечание м-ра Уэллера, – и теперь убежден вполне, что они любят друг друга. Предположите теперь, что я, принимая живейшее участие в их судьбе, намерен соединить их неразрывными узами брака и, по мере возможности, обеспечить их: что вы на это скажете, м-р Уэллер?

Сначала м-р Уэллер выслушал с решительным отвращением это предложение; но по мере того, как м-р Пикквик распространялся в доказательствах, опираясь преимущественно на тот факт, что Мери не была вдовой, физиономия старика смягчалась мало-помалу, и он выслушал дальнейшие речи уже без всяких гримас. Наружность молодой девицы, если сказать правду, произвела довольно сильное впечатление на его старческое сердце, и он успел весьма замысловато подмигнуть ей два или три раза, когда всходил на лестницу для этого свидания. Наконец м-р Уэллер объявил решительно, что он заранее, с великою благодарностью, соглашается на все распоряжения м-ра Пикквика и готов женить своего сына хоть сию же минуту. М-р Пикквик с радостью поймал его на этом слове и немедленно позвал Самуэля.

- Самуэль, – сказал м-р Пикквик, – мы рассуждали о вас.

– О тебе, Самуэль, – подхватил м-р Уэллер покровительственным тоном.

– Уже давно я заметил, Самуэль, что вы питаете более чем дружеские чувства к горничной м-с Винкель. Так или нет?

– Слышишь ты это, Самуэль? – сказал м-р Уэллер тем же диктаторским тоном.

– Надеюсь, сэр, – отвечал Самуэль, обращаясь к своему господину, – надеюсь, вы ничего не находите предосудительного в поступке молодого человека, если он обращает внимание на молодую хорошенькую девушку, очень скромную и примерно честного поведения.

– Конечно, ничего, – сказал м-р Пикквик...

– Разумеется, ничего, – добавил м-р Уэллер снисходительным тоном.

– Совсем напротив: такое поведение молодого человека я считаю совершенно естественным, – продолжал м-р Пикквик, – и хотел бы всей душой помочь вам, Самуэль, сколько это может от меня зависеть. С этой целью у меня было совещание с вашим отцом, и так как он совершенно согласен с моим мнением...

– Мы приняли в расчет, что эта девушка не вдова, – дополнил в пояснение м-р Уэллер.

– Да, мы приняли в расчет, что эта девушка не вдова, – подтвердил улыбаясь м-р Пикквик. – Вас может в этом случае стеснить одно только то обстоятельство, что вы находитесь у меня в услужении, Самуэль; но я охотно готов отпустить вас мой друг, а чтобы выразить вам мою благодарность за вашу изумительную преданность ко мне и другие ваши прекрасные качества, мне приятно будет содействовать вашей женитьбе на этой молодой девице и доставить вам обоим средства к безбедному существованию с вашей будущей семьей. Да, Самуэль, я с радостью готов устроить вашу судьбу, – заключил м-р Пикквик голосом, немного дрожащим от внутреннего волнения.

Последовало на короткое время глубочайшее молчание. Наконец Самуэль, собравшись с духом, отвечал голосом решительным и твердым.

– Премного вам обязан, сэр, за ваше милостивое внимание к моим чувствам, но я должен сказать, что этого не может быть.

– Как не может быть! – воскликнул озадаченный м-р Пикквик.

– В уме-ли ты, Самми? – вскричал м-р Уэллер.

– Я говорю, что этого не может быть, – повторил Самуэль, нисколько не смущенный этими восклицаниями. – Вы-то что станете делать, сэр, если не будет меня при вашей особе? Что из вас выйдет?

– Обо мне не беспокойтесь, мой друг, – отвечал м-р Пикквик. – Обстоятельства, в которые теперь поставлены мои друзья, должны совершенно изменить мой образ жизни. К тому же становлюсь я стар: мне нужен отдых и покой. Странствования мои кончились, Самуэль.

– Уж не вам бы говорить это, сэр, и не мне бы слушать, – возразил Самуэль. – Как вы можете сказать заранее, что все уже кончилось на вашей ученой дороге? Нет, сэр, вы слишком умны для этого: в одной вашей голове достанет мозгу по крайней мере на двадцать пять человек. Оттого-то и бывает, что у вас иной раз на дню семь пятниц: сегодня в Лондоне, а завтра – какая-нибудь ученая фантазия, и катайваляй за тридевять земель. Поэтому, сэр, нечего тут вздор-то городить. Я остаюсь при вас, сэр.

– Дельно, Самми, дельно, друг мой, – сказал м-р Уэллер одобрительным тоном.

– Но я говорю, Самуэль, после продолжительного размышления и вполне уверен, что сдержу свое слово, – возразил м-р Пикквик, качая головой. – Новые сцены и явления изменяют мой образ жизни, и еще раз: странствования мои окончены навсегда.

– Очень хорошо. В таком случае тем нужнее вам держать при себе человека, который бы знал все ваши привычки и умел ходить за вами. Если, примером сказать, есть у вас на примете другой слуга, более меня опытный и образованный – возьмите его, Бог с вами; но с жалованьем или без жалованья, с квартирой или без квартиры, с хлебом или без хлеба, Самуэль Уэллер, взятый вами из гостиницы в Боро, останется при вас, что бы из этого не вышло. Этого моего намерения ничто в свете ни изменит.

К концу этой декларации, произнесенной с великим достоинством и эффектом, Уэллер старший быстро вскочил с своего места и, забывая всякие приличия времени и места, заключил своего сына в могучих объятиях и громогласно произнес троекратно: «Ура!»

– Любезный друг, – сказал м-р Пикквик, когда старик, наконец, утомился и снова сел на свое место, – вы обязаны также обратить внимание на положение этой молодой девицы.

– Об этом уж вы не беспокойтесь, сэр, – отвечал Самуэль, – я объяснился с этой девушкой и подробно рассказал ей, что, как и почему. Она согласна ждать, пока придет время, и я уверен, что будет ждать. А если нет, так и все покончено между нами: такой девицы мне не надобно и даром. Я все сказал, сэр. Больше не стоит об этом распространяться.

Кто мог противостоять такой решимости молодого человека? Конечно, не Пикквик. Он гордился в эту минуту бескорыстной преданностью своего скромного друга и считал себя счастливейшим существом во вселенной.

Между тем, как эта беседа происходила в комнате м-ра Пикквика, в нижнюю галерею «Коршуна и Джорджа» пришел какой-то старичок в скромном фраке табачного цвета, сопровождаемый привратником, который нес за ним небольшой чемодан. Приказав отнести его в нанятый номер, старичок спросил слугу, не здесь-ли квартирует одна особа, по имени м-с Винкель? Ответ был утвердительный.

– Она одна теперь? – спросил старичок.

– Кажется, что одна, сэр, – отвечал трактирный слуга. – Я могу позвать её горничную, если угодно вашей милости.

– Не нужно. Покажите мне её комнату. Я хочу войти без доклада.

– Как же это, сэр...

– Глухи вы, что ли?

– Нет, сэр.

– Ну, так сделайте, что я вам говорю. Слышите вы теперь?

– Слышу, сэр.

– Очень хорошо. Введите меня в комнату м-с Винкель без доклада.

Отдавая это приказание, старичок вложил в руку слуги пять шиллингов и устремил на него пристальный взгляд.

– Право, сэр, я не знаю, как это... оно ведь того... не водится.

– Очень хорошо, без отговорок, – запальчиво сказал старый джентльмен, – нечего терять времени по пустякам.

Слуга рассеянно положил пять шиллингов в карман и, не делая больше никаких возражений, пошел наверх.

– Это, что ли, её комната?

– Да, сэр.

– Ну, так можете теперь уйти.

Слуга пошел назад, недоумевая, кто бы такой мог быть этот старый джентльмен и чего ему надо. Старичок между тем постучался в дверь.

– Войдите! – сказала Арабелла.

– Гм! Хорошенький голосок! – пробормотал старый джентльмен. – Но это еще ничего не значит.

Говоря таким образом, он отворил дверь и вошел. Арабелла, сидевшая за работой, быстро вскочила с места при виде незнакомого джентльмена.

– Не беспокойтесь, сударыня, – сказал незнакомец, затворяя за собою дверь. – М-с Винкель, если не ошибаюсь?

Арабелла поклонилась.

– М-с Натаниэль Виикель, супруга молодого человека, у которого старик-отец живет в Бирмингэме: так или нет, сударыня? – продолжал незнакомец, осматривая Арабеллу с видимым любопытством.

Молодая леди снова наклонила свою миниатюрную головку и с беспокойством осмотрелась вокруг себя, не зная, позвать-ли ей на помощь, или нет.

– Я застал вас врасплох, сударыня: не правда ли?

– Я не ожидала никого, сэра, – отвечала Арабелла, бросая изумленный взгляд на старого джентльмена.

– Прикажете мне сесть, сударыня?

– Прошу покорно.

– Ну да, я сяду и без вашего позволения, – сказал незнакомец, вынимая очки из футляра и надевая их на нос.

– Вы меня не знаете, сударыня? – спросил старичок, осматривая Арабеллу с таким напряженным вниманием, что ей сделалось очень неловко.

– Нет, сэра.

– Немудрено, очень немудрено: однако ж имя мое вам известно, сударыня.

– Позвольте узнать, сэра, с кем имею честь говорить.

– Узнаете, сударыня, сейчас же узнаете, – сказал незнакомец, не отрывая глаз от покрасневшего личика молодой леди. – Вы ведь недавно замужем, сударыня?

– Недавно, сэра, – отвечала Арабелла едва слышным голосом.

Волнение молодой леди увеличивалось с минуты на минуту, и она трепетала всем телом, хотя сама не знала, почему.

– И вы, если не ошибаюсь, не сочли нужным уполномочить своего жениха посоветоваться наперед с его отцом, от которого он совершенно зависит?

Арабелла приставила платок к своим глазам.

– Вы не постарались даже узнать, что станет думать бедный старик по поводу самовольной женитьбы своего сына: не так ли, сударыня?

– Ваша правда, сэра.

– Конечно, правда. И вы не принесли с собою приданого, которое бы могло обеспечить существование вашего мужа в случае, если раздраженный отец лишит его наследства: и это ведь правда?

Арабелла заплакала.

– И вот что эти девочки и мальчики называют бескорыстной страстью, пока сами не обзаведутся детьми! Ох, вы, легкомысленный народ!

Слезы Арабеллы потекли быстрым потоком, и она, в трогательных выражениях, начала извиняться, ссылаясь на свою молодость и неопытность. Что делать? Она полюбила Натаниэля страстно; посоветоваться ей было не с кем; она круглая сирота, без матери и отца, и проч.

– Нехорошо, очень плохо, – сказал старый джентльмен смягченным тоном. – Оба вы поступили легкомысленно, ветрено, как глупые дети.

– Я одна во всем виновата, одна, сэра! – отвечала Арабелла, заливаясь горькими слезами.

– Вздор, вздор! – возразил старый джентльмен. – Не ваша вина, что он влюбился в вас, сударыня. Он один виноват, хотя и то правда... как же ему было не влюбиться? – заключил старичок, бросив лукавый взгляд на молодую леди.

Этот комплимент вызвал невольную улыбку на заплаканное личико м-с Арабеллы.

– Где ваш муж, сударыня?

– Я ожидаю его с минуты на минуту, сэра. Я уговорила его погулять сегодня поутру. Натаниэль очень расстроен, сэра.

– Отчего?

– Оттого, что до сих пор нет никаких вестей от его отца. Это его убивает.

– Поделом ему, поделом!

– Он слишком наказан, сэр, и я глубоко чувствую, что бедный муж страдает из-за меня. Я одна была причиною, что он доведен теперь до этого несчастного состояния.

– Поделом вам обоим! Очень рад это слышать.

Едва вырвались эти слова из уст старого джентльмена, как на лестнице послышались шаги, которые, казалось, он и Арабелла угадали в одну и ту же минуту. Старичок побледнел и сделал над собой величайшее усилие, притворился спокойным и холодным, когда м-р Винкель вошел в комнату.

– Батюшка! – вскричал м-р Винкель, с изумлением отступая назад.

– Да, сэр, я ваш отец. Посмотрим теперь что вы скажете в свою защиту?

М-р Винкель молчал.

– Что? Вам стыдно за самого себя: так-ли сэр.

М-р Винкель продолжал хранить упорное молчание.

– Стыдно вам или не стыдно, сэр?

– Нет, сэр, – отвечал м-р Винкель, взяв Арабеллу за руку, – я не стыжусь ни за себя, ни за свою жену.

– Честное слово?

– Могу вас уверить. Мне очень больно и прискорбно, если мой поступок лишил меня родительской любви; но я скажу и буду говорить всегда, что не имею никаких причин стыдиться за свою жену, и вам отнюдь не стыдно признать в ней свою дочь.

– Право? Ну, давай руку, Натаниэль, – сказал старый джентльмен изменившимся голосом. – Поцелуй меня, душенька: ты прекрасная дочь!

Через несколько минут м-р Винкель побежал в комнату м-ра Пикквика и, воротившись с этим джентльменом, представил его своему отцу, после чего они искренно и радушно принялись пожимать друг другу руки в продолжение пяти минут.

– М-р Пикквик, благодарю вас душевно за все благодеяния, оказанные вами моему сыну, – сказал наконец старик Винкель. – Натура у меня вспыльчивая, м-р Пикквик, и, признаюсь, я был очень неприятно изумлен, когда свиделся с вами в последний раз. Теперь я вижу свою дочь собственными глазами и доволен, как нельзя больше. Прикажете просить извиненья у вас, м-р Пикквик?

– Ах, помилуйте, какое тут извиненье! Ваше великодушие совершеннейшим образом довершило мое счастье.

Последовало новое рукопожатие, сопровождавшееся множеством весьма лестных комплиментов с обеих сторон. Старички были в восторге друг от друга.

Самуэль между тем проводил своего отца на постоялый двор и, по возвращении домой, встретил у ворот гостиницы жирного детину, который приходил с записочкой от мисс Эмили Уардль.

– Послушайте-ка, м-р Уэллер, – сказал Джой, сделавшийся на этот раз необыкновенно болтливым, – какая красotka эта Мери! Я влюбился в нее по уши.

Вместо ответа, м-р Уэллер взял жирного детину за шиворот, повернул его налево кругом и дал ему пинка в затылок, после чего м-р Уэллер свистнул и пошел в комнату своего господина.

Глава LVI

Закрывающая в себе истинную легенду о принце Блэдуде и историю дяди странствующего торговца.

Насладясь беседой с своим новым другом, м-ром Винкелем старшим, почтенный президент Пикквикского клуба удалился к себе в комнату размышлять о счастливом событии – примирении отца с своими детьми. От глубоких философских соображений мысли великого человека весьма натурально перешли к истории любви молодых людей, и ему припомнилось их тайное свидание в Бристолье, устроенное под руководством великого человека. Припомнилось ему также, что в то знаменательное время он записал два чрезвычайно интересных рассказа, которым придал, во время своего долгого тюремного заключения, литературную форму, с намерением напечатать их при первом удобном случае.

Как только зародилось это воспоминание в мозгу ученого мужа, он тотчас же достал оба рассказа из своего бюро и принялся их снова перечитывать и исправлять.

Через несколько дней они сделались известны всему образованному миру, появившись в печати в одном из распространенных лондонских журналов в следующем виде:

РАЗСКАЗ ПЕРВЫЙ.

Истинная легенда о принце Блэдуде.

«Лет за двести до нашего времени, а, пожалуй, и ближе, на одной из общественных ванн города Бата еще красовалась надпись в честь её могущественного основателя, знаменитого принца Блэдуда, но теперь этой надписи нет и следа.

По словам старинной легенды, изустно передаваемой из века в век, много столетий тому назад этот знаменитый принц возвратился из Афин (куда он ездил за тем, чтобы собрать обильную жатву научных познаний) зараженным проказой, почему не решился предстать к королевскому двору своего отца и удалился в пустыню, где печально проводил время в обществе пастухов и свиней. В этом стаде (говорит легенда) паслась свинья, отличавшаяся от всех своей важной и величественной осанкой; к ней принц почувствовал особенную симпатию, ибо это была не простая свинья, а свинья мудрая, задумчивая, осторожная, целой головой превышавшая своих собратьев; хрюканье её было ужасно, укушение пагубно. Молодой принц глубоко вздыхал, взирая на величественную физиономию этой свиньи. Он с грустью думал о своем отце, и слезы текли из его глаз.

Эта мудрая свинья любила полоскаться в мягкой сочной тине. И купалась она не только летом, что и до сих пор делают самые обыкновенные свиньи для собственного освежения и что делали они даже и в те отдаленные от нас времена (что доказывает, конечно, что свет цивилизации уже начинал блеснуть, хотя и слабо), – но даже и зимой, во время самых сильных холодов. её кожа была всегда так гладка, лосниста, её взгляд такой светлый и ясный, что принц решился и на себе испробовать очищающие свойства воды, столь благотворно действующие на его друга. Он сделал опыт. Под черным илом журчали горячие источники Бата. Принц окунулся в них и получил исцеление от своей болезни. Тотчас же он отправился ко двору своего отца, короля, пробыл там некоторое время и вскоре опять возвратился к целебному источнику, основал здесь город и устроил знаменитые ванны.

Конечно, принц с особенным рвением старался отыскать своего друга, но, увы, эти знаменитые воды послужили причиной смерти мудрой свиньи. Она выкупалась в воде, имевшей слишком высокую температуру – и натуралист философ заплатил жизнью за свою страстную приверженность к знанию! Плиний, который шел по его стопам в философии, точно также стал жертвой своей любви к науке.

Такова была легенда. Послушаем теперь, что говорит истинная история.

За много столетий до нашего времени благоденствовал в своем большом государстве знаменитый Люд Гудибрась, король Британии. Он был могущественный монарх. Земля стонала под его стопами, так он был дороден. Его народ согревался светом его лица, так оно было красно и блестяще. Он был король с ног до головы, и хотя он не был высок ростом, но страшная полнота уравновешивала этот недостаток, и, чего не хватало в вышину, то пополнялось шириной.

Этот добрый король имел королеву, которая восемнадцать лет тому назад произвела ему сына, получившего имя Блэдуд. До десяти лет принц обучался в приговорительном учебном заведении во владениях своего отца, затем, под надзором особоназначенного наставника, отправился в Афины для окончания курса наук. Так как по правилам заведения не требовалось вносить особой платы за то, что воспитанник оставался в школе во время праздничных дней и не было сделано предварительного условия насчет увольнения принца в известные дни домой, он оставался в училище безвыходно целых восемь лет, по истечении которых отец его, король, послал в Афины лорда-канцлера, чтобы выплатить издержки принца и привести его домой; лорд-канцлер исполнил поручение точно и, когда возвратился назад, был милостиво принят королем и тотчас же получил хорошую пенсию.

Когда король Люд увидел своего сына и заметил, что принц стал красивым молодым человеком, он тотчас же дал себе слово как можно скорее женить принца, чтобы славный род Люда не прекращался до скончания веков. В этих видах он составил чрезвычайное посольство из благородных сеньоров, которым нечего было делать, между тем каждый из них горел желанием получить доходное место. Так удачно составленное посольство Люд послал к соседнему королю просить, чтобы его величество отдал свою прелестную дочь замуж за его сына. При этом он приказал рассыпаться в уверениях, что британский король, хотя пламенно желает сохранить дружеские отношения с королем, своим братом и другом, но, в случае неудачи в сватовстве, найдется вынужденным к горькой необходимости сделать визит своему соседу с огромной армией и выколоть ему глаза. Соседний король, как более слабейший, на такое категорическое заявление отвечал, что он чувствует себя крайне обязанным королю, своему другу, за его доброту и великодушие, и что его дочь сочтет за честь сделаться женой принца Блэдуда, который может во всякое время приехать за ней и получить её руку.

Едва этот ответ достиг Англии, вся страна возликовала; со всех сторон раздались радостные восклицания, всюду устроились блистательные пиры и слышался звон монеты, которая переходила из рук народа в кошелек сборщика податей королевского казначейства, собиравшего ее для пополнения расходов, которых потребует счастливое бракосочетание. Король Люд выслушал ответ соседнего короля с высоты своего трона, в полном собрании своего совета, и, по случаю великой радости, приказал лорду министру юстиции принести самые лучшие вина и призвать менестрелей, – и пошел у него пир горой.

Среди этих празднеств и всеобщей радости только один человек не пил, когда искрометное вино шипело в его стакане; не танцевал, когда инструменты менестрелей издавали самые чарующие звуки. Этот человек был сам принц Блэдуд, в честь которого народ выворачивал свои карманы, наполняя его кошелек. Принц, позабыв, что за него должен официально влюбляться министр иностранных дел, в противность правилам дипломатии и политики, позволил себе сделать самопроизвольно сердечный выбор и уже совершил помолвку с дочерью одного благородного афинянина.

Здесь для сравнения мы не можем не выставить поразительный пример одного из многочисленных преимуществ цивилизации и современной утонченности нравов. Если б принц жил в наше время, он без всякого зазрения совести женился бы на принцессе, избранной его отцом и немедленно и серьезно принялся бы за дело, чтобы тем или другим способом избавиться от неё. Он мог бы разбить её сердце систематическим презрением и оскорблениями; а если бы спокойная гордость, свойственная её полу, и сознание своей невинности дали бы ей

силу противостоять его возмутительному обращению с нею, ему не составило бы труда другим способом отнять её жизнь и избавиться от неё без шума. Но ни одно из подобных средств не пришло в голову принцу Блэдуду, и он решился выпросить у отца особую аудиенцию и признаться ему во всем.

Самая древнейшая прерогатива королей – управлять всем, кроме своих страстей. Король Люд предался самому возмутительному гневу; он бросил свою корону на пол, потом опять надел ее на голову (в то время короли носили корону на своей голове, а не держали ее в Тоуэре): затопал ногами, бил себя в голову; требовал ответа у неба, зачем его собственный сын возмущается против него; наконец, призвал свою стражу и приказал запереть принца в тюрьму; – такое наказание встарину короли обыкновенно назначали своим сыновьям, если их брачные наклонности расходились с видами и соображениями короля, их отца.

Прошел почти год с той поры, как принц Блэдуд был засажен в тюрьму, и его глаза не видели никакого другого предмета, кроме каменной стены, а об освобождении его не было ни слуху, ни духу. Весьма натурально, что принц стал думать о побеге; в его уме созрел подходящий план бегства, и через несколько месяцев он привел его в исполнение, вонзил при этом столовый нож в сердце своего тюремщика, из опасения, что этот бедняк, имевший семью, будет заподозрен, как пособник бегства принца, и примерно наказан раздраженным королем.

Монарх дошел до крайней степени бешенства, когда узнал о побеге своего сына. Сначала он не знал, на ком выместить свой гнев, как вдруг, к счастью, ему пришел на память лорд-канцлер, ездивший в Афины за принцем: в одно и то же время король отнял от него пенсию и снял с него голову.

Между тем молодой принц, искусно переодетый, бродил пешком по владениям своего отца; он весело и хладнокровно переносил все лишения, поддерживаемый сладкими воспоминаниям об юной афинянке, бывшей невольной причиной его несчастий. Однакож он остановился отдохнуть в деревне и увидел, что большая часть её жителей весело танцевала на площади, а лица всех их блестели благонамеренной радостью; принц подошел к ним и рискнул спросить их, с чего это они так радуются и веселятся.

– Разве вы не знаете, о странник, – заметил ему один старик, – о, недавней прокламации нашего милостивого короля?

– Прокламации! Нет. Какой прокламации? – спросил принц, который, проходя по проселочным путям, не знал ничего, что происходило на больших дорогах (если таковые в то время существовали).

– Дело в том, – сказал крестьянин, – что иностранная девица, на которой хотел жениться принц, вышла замуж за благородного иностранца в своей стране; наш король, объявляя об этом событии, приказал везде праздновать его, так как теперь принц Блэдуд, конечно, возвратится ко двору своего отца и женится на принцессе, выбранной его отцом; говорят, она прекрасна, как полуденное солнце. Ваше здоровье, сэр. Боже, спаси короля!

Принц не захотел дальше разговаривать и ушел из деревни быстрыми шагами. Он скрылся в соседний лес и бродил там по самым глухим местам, бродил день и ночь, бродил под палящими лучами солнца, бродил при бледном свете луны, не обращая внимания ни на полуденный жар, ни на ночные туманы. Бродя таким образом из леса в лес, из пустыни в пустыню, и желая достигнуть Афин, он очутился в Бате.

Города Бата, впрочем, в то время не существовало, и принц пришел только на то место, где теперь расположен этот город. В то время там не было и признаков человеческого жилья, не замечалось следов человека; но была та же прелестная природа, как и теперь, то же восхитительное местоположение, та же красивая долина, тот же залив, те же могучие горы, которые издали кажутся мрачными, но на близком расстоянии теряют свою дикость и представляют из себя мягкие, грациозные контуры. Очарованный красотой картины, принц упал на траву; слезы обильно потекли из его глаз и падали на его распухшие от усталости ноги.

– О! – вскричал несчастный Блэдуд, складывая свои руки и печально подняв свои глаза к небу. – О, если бы мой тяжелый путь мог окончиться здесь, на этом месте. О, если бы эти благодетельные слезы, которыми я оплакиваю свои несбывшиеся надежды и обманутую любовь, могли мирно течь целые века!

Его мольба была услышана. То было время владычества языческих богов, которые частенько ловили людей на слове с предупредительностью, подчас тягостною для проболтавшегося смертного. Земля раскрылась под ногами принца, он упал в пропасть, которая мгновенно закрылась над его головой, но его горячие слезы продолжали течь, просачиваясь через землю и образуя источник теплой воды: текут они и теперь».

* * *

Второй рассказ записан м-ром Пикквиком со слов странствующего торговца, передавшего его в трактире за стаканом доброго пунша собранию из нескольких человек, и ведется от его имени. Он носит заглавие:

История дяди странствующего торговца.

«Мой дядя, джентльмены, был большой весельчак, шутник, забавник, искусник на все руки, одним словом, душа человек. Жаль, что вы его не знали лично, джентльмены. Однакож, подумав, я должен сказать: и хорошо, что вы его не знали, так как, следуя законам природы, если б вы его знали, вы были бы теперь в могиле или, по крайней мере, приготовлялись покинуть этот мир, что, конечно, лишило бы меня бесценного удовольствия беседовать с вами в эту минуту. Но, джентльмены, я тем не менее пожелал бы, чтобы ваши отцы и матери были знакомы с моим дядей. Могу уверить вас, что они остались бы им вполне довольны, в особенности ваши почтенные матушки. Он обладал многими добродетелями, но преобладающими из них были две: необыкновенная способность готовить пунш и удивительное умение петь застольные песни. Извините, джентльмены, что я остановился на меланхолическом воспоминании об этих достоинствах, которые более уже не существуют; но вы не каждый день в неделе встретите такого человека, как мой дядя.

Я всегда ставил в честь моему дяде, что он был другом и товарищем Тома Смарта, агента известного дома Вильсон и Слэм. Мой дядя разъезжал по поручениям Тиджина и Уэльпа; но долгое время ему приходилось ездить по тем же местам, которые посещал Том; и в первую же ночь, как они встретились, мой дядя почувствовал склонность к Тому, а Том привязался к дяде. Не прошло и получаса после их первого знакомства, как они уже держали пари, кто приготовит из них лучший пунш и скорее выпьет его целую кварту одним духом. Дядя выиграл первое пари, т. е. приготовил лучший пунш, зато Том выпил раньше: он перегнал дядю на чайную ложечку. Затем они потребовали каждый по новой кварте и выпили за здоровье один другого, и с этого времени стали друзьями навсегда. В подобных событиях играет главную роль судьба, джентльмены, она сильнее нас.

Что касается наружности, дядя мой был немного пониже среднего роста, немного потолще обыкновенного размера и, может быть, лицо его было чуть-чуть излишне красновато. Физиономия у него была самая развеселая, джентльмены: нечто в роде Пэнча (Punch, полишинель), только с более красным носом и подбородком; глаза у него вечно моргали и светились веселостью, а улыбка – не то, что ваши ничего не выражающие, деревянные усмешки, – а настоящая, веселая, сердечная, добродушная улыбка не сходила никогда с его уст. Однажды его выбросило из кабриолета, и он ударился головою прямо о дорожную тумбу. Он так и остался недвижим на месте, и лицо у него, попав как раз в кучу щебня, до того было повреждено и изуродовано порезами, что, по собственному сильному выражению дяди, род-

ная мать не узнала бы его, если бы вернулась снова на землю. Впрочем, рассудив хорошенько, джентльмены, я полагаю, что она и без того не могла бы его, узнать, потому что умерла, когда дядюшке было всего от роду два года и семь месяцев, и не случись даже щепня, одни высокие дядины сапоги сбили бы совсем с толку почтенную леди, не говоря уже о его веселой, красной роже. Как бы там ни было, он свалился, и я слышал от него не раз, что человек, поднявший его, рассказывал после, что дядя лежал с превеселой улыбкой, как будто только споткнулся слегка; а когда пустили ему кровь и в нем обнаружались первые слабые признаки его возвращения к жизни, он вскочил на постели, разразился громким хохотом, поцеловал молодую женщину, державшую тазик, и спросил себе тотчас же порцию баранины с маринованными орехами. Он очень любил маринованные орехи, джентльмены. Он говорил всегда, что, если есть без уксуса, то нет лучшей закуски к пиву.

Главную свою поездку дядя совершал осенью; он собирал в это время долги и принимал заказы на севере: ехал из Лондона в Эдинбург, из Эдинбурга в Глазго, из Глазго обратно в Эдинбург и затем, на закуску, в Лондон. Вы понимаете, конечно, что вторичная его поездка в Эдинбург предпринималась им для собственного удовольствия. Он ездил туда на недельку единственно для того, чтобы повидаться со старыми друзьями, и, завтракая с одним, перекусывая с другим, обедая с третьим и ужиная с четвертым, он проводил очень приятно эти денечки своего отдыха. Не знаю, джентльмены, случалось-ли кому из вас угощаться настоящим, существенным, гостеприимным шотландским завтраком, а потом перекусить слегка блюдом устриц, да запить все это добрыми двумя стаканами виски да дюжиной хорошего элю. Если вам приходилось на себе самих испытывать такое угощение, то вы согласитесь со мною, что требуется порядочно крепкая голова, чтобы еще плотно пообедать и поужинать после этого.

Но, чтобы мне провалиться на месте, если я вру, все это было дядюшке ни почем. Он был такой богатырской комплекции, что такой подвиг считал простою детскою игрушкой. Он говаривал при мне, что мог пировать хоть каждый день с дундейцами и возвращаться потом домой не шатаясь; а ведь у жителей Дунди такие крепкие головы и такой крепкий пунш, джентльмены, каких вы не встретите более нигде между обоими полюсами. Мне рассказывали о состоянии одного доброго парня из Глазго с таким же парнем из Дунди; борцы пятнадцать часов к ряду пили не переставая. Оба они задохлись почти в один момент, насколько это можно было засвидетельствовать, но, за этим малым исключением, нисколько не пострадали при этом.

Однажды вечером, почти ровно за сутки до своего обратного путешествия в Лондон, дядя ужинал у одного своего хорошего старого приятеля, судьи, какого-то там Мака с четырьмя словами еще после того, жившего в древнем городе Эдинбурге. Была тут жена судьи и три дочки судьи, и подросток – сынок судьи, и еще трое или четверо здоровенных, густыми бровями опушенных, веселых шотландских стариков-молодцов, которых судья пригласил для чествования моего дяди и для забавы честной компании. Ужин был на славу. Была тут и форель с икрой, и финская вахня, и головка ягненка, и сальник – великолепнейшее шотландское блюдо, джентльмены, о котором дядя мой говорил, бывало, что оно, появляясь на столе, всегда казалось ему желудком купидона! Сверх того, было много еще других блюд и закусок, название которых я позабыл, но все-таки блюдо и закуска великолепных. Девушки были милы и любезны; жена судьи милейшее из всех живых существ; дядя был в самом превосходнейшем расположении духа; понятно, что время шло у них весело и приятно, молодые особы хихикали, старая леди громко смеялась, а судья и прочие старики хохотали до того, что даже побагровели. Не помню хорошенько, по сколько рюмок виски тогда было выпито после ужина, но знаю, что к часу по полуночи подросток – сынок судьи совсем потерял сознание в то время, как силился затянуть первую строфу песни: „Вилли варил пиво из ячменя“, а так как с полчаса его одного только видел дядя за столом, то и решил, что пора отправляться во свояси, тем более, что выпивка началась еще в семь часов и следовало воротиться домой в приличное время. Но, рассудив, что было бы неучтиво уйти без обычного напутствия, дядя пригласил

сил себя сесть, налил себе еще рюмку, встал, чтобы провозгласить свое собственное здоровье, обратился к себе с милым и весьма лестным спичем и затем выпил тост с величайшим сочувствием. Никто не проснулся, однако; тогда дядя выпил еще с ноготок, ровно настолько, чтобы опохмелиться, и, схватив неистово свою шляпу, ринулся вон на улицу.

Ночь была темная, бурная, когда дядя запер за собою дверь дома судьи. Нахлобучив покрепче свою шляпу, для того, чтобы не снесло ее ветром, он засунул руки в карманы и, взглянув наверх, сделал краткое наблюдение над состоянием атмосферы. Тучи неслись с крайнею быстротой мимо луны, то совершенно заслоняя ее, то позволяя ей выглянуть в полном блеске и пролить свет на все окружающие предметы; затем, они снова набрасывались на нее с удвоенной быстротой и снова погружали все в непроглядную темь. „Право, так не годится!“ сказал дядя, обращаясь к погоде, как лично оскорбленный ею. „Это вовсе не то, что мне требуется для путешествия. Решительно не годится!“ заключил он внушительно и, повторив это несколько раз, снова отыскал с некоторым трудом свое равновесие, потому что у него немножко закружилась голова от долгого смотрения на небо, и пошел потом весело вперед. „Дом судьи находился в Канонгэте, а дяде надо было идти на другой конец Лейтского бульвара, так сказать, с милю пути. С каждой стороны у него высились к темному небу громадные, узкие, разбросанные врозь дома, с фасадами, потемневшими от времени, с окнами, не избегнувшими, по-видимому, участи человеческих глаз и потускневшими, впавшими с годами. Дома были в шесть, семь, восемь этажей вышиною; этажи громоздились на этажах, как в детских карточных домиках, бросая темные тени на грубо вымощенную дорогу и еще усиливая ночную темноту. Кое-какие масляные фонари торчали на больших расстояниях друг от друга, но они служили разве указанием каких-нибудь грязных калиток в соседних заборах или тех пунктов, на которых общая дорога соединилась, уступами и извилинами, с разными лежащими около неё низменностями. Поглядывая на все эти предметы с пренебрежением, взглядом человека, который видывал их и прежде слишком часто и никогда не считал достойными своего внимания, дядя шел по середине улицы, заложив большие пальцы каждой руки в карманы своего камзола, напевая по временам разные мотивы с таким зыком и одушевлением, что мирные граждане пробуждались от своего первого сна и лежали дрожа в своих постелях, пока звук не замирал в отдалении. Успокоив себя мыслию, что то был просто какой-нибудь забулдыга, отыскивавший свой путь домой, они укрывались потеплее и погружались снова в сон.

Я рассказываю вам все эти подробности и упоминаю, что дядя шел по середине улицы, держа пальцы в камзоле, для того, чтобы вы убедились, что, как он сам часто говаривал, джентльмены, (и весьма основательно) – в этой истории не было ничего необыкновенного, что вы и уясните себе, если уразумеете хорошенько с самого начала, что дядя был человек вовсе не романического и не суеверного настроения.

Джентльмены, мой дядя шел, засунув пальцы в карманы камзола, держась самой середины улицы и напевая то любовный куплет, то вакхический, а когда то и другое ему надоело, посвистывая мелодическим образом, шел до тех пор, пока не достиг Северного моста, соединяющего на этом пункте старый Эдинбург с новым. Здесь он приостановился на минуту, чтобы поглазеть на странные, неправильные массы огоньков, висевших один над другим и иной раз так высоко в воздухе, что они уподоблялись звездочкам, светящимся с замковых стен, с одной стороны, и Кальтонова холма, с другой, точно из действительных воздушных дворцов, между тем как старый живописный город спал тяжелым сном в тумане и мраке под ними внизу. Голлиродский дворец и часовня, охраняемые денно и ночью, как говаривал один из приятелей моего дяди, тронем старого Артура, высились нахмуренно и мрачно, точно угрюмые гении над древним городом. Я сказал, джентльмены, что мой дядя остановился на минуту, чтобы оглядеться; после того, сказав любезности погоде, которая немного прояснилась, хотя луна уже заходила, он, как и прежде, величественно пошел вперед, держась с достоинством середины дороги и посматривая с таким выражением, как будто желал встретиться с кем-нибудь,

кто вздумал бы оспаривать у него обладание дорогой. Но не встретил он никого, кто бы захотел посоперничать с ним насчет обладания ею, и таким образом дядя продолжал свой путь, заткнув пальцы в карманы камзола, кроткий, как овца.

При конце Лейтского бульвара дяде приходилось перейти через большое пустое пространство, отделявшее его от переулка, в который ему следовало повернуть, чтобы прямее пройти к дому. В те времена на этом пустыре находилось отгороженное место, принадлежавшее одному каретнику, покупавшему у почтового управления старые, негодные к службе дилижансы. Дядя мой, большой охотник до всяких экипажей, старых, юных или среднего возраста, забрал себе в голову своротить с дороги только для того, чтобы взглянуть сквозь частокол на старые экипажи каретника, которых, сколько он помнит, было тут с дюжину в весьма разрушенном и запустелом виде. Дядя, джентльмены, был человек пылкий и настойчивый; находя, что сквозь частокол плохо видно, он перелез через него и, усевшись спокойно на старой дроге, принялся весьма серьезно рассматривать дилижансы.

Было их с дюжину, было, может быть, и более, – дядя никогда не удостоверился в этом в точности и, как человек крайне правдивый насчет цифр, не хотел говорить утвердительно о их числе, – но сколько бы их там ни было, они стояли нагроможденные в кучу и в такой степени запустения, какую только можно себе вообразить. Дверцы их были сняты с петель и брошены прочь, обивка оторвана и только кой-где еще придерживалась ржавыми гвоздиками; фонари были разбиты, дышла исчезли, железо покрылось ржавчиной, краска сошла. Ветер свистел сквозь щели этих оголевших деревянных останков, и дождь, собравшийся на их крышках, падал капля по капле во внутренность с пустынным меланхолическим звуком. То были, так сказать, разлагавшиеся скелеты отшедших экипажей, и в этом пустынном месте, в этот ночной час они казались страшными и наводящими уныние.

Дядя сидел, опершись головою о руки, и думал о той озабоченной, суетливой толпе, которая каталась в прежние годы в этих самых старых каретах, а теперь, может быть, изменилась и также безмолвствовала, как они. Он думал о том множестве людей, которым эти грязные, заплесневелые экипажи приносили ежедневно и во всякую погоду и трепетно ожидаемые извещения, и страстно желаемые отсрочки, и обещанные уведомления о здоровье и благополучии, и неожиданные вести о болезни и смерти. Купец, любовник, жена, вдова, мать, школьник, даже малютка, ковылявший к двери при щелканьи почтового бича, как все они ожидали, бывало, прибытия старого дилижанса! И где были все они теперь?

Джентльмены, дядя мой говаривал, что он помышлял обо всем этом в то время, но я скорее подозреваю, что он вычитал это позднее из какой-нибудь книжки, потому что сам же он положительно подтверждал, что впал в род забытья, сидя на старой дроге и глядя на разрушенные дилижансы; он был внезапно пробужден из него каким-то звучным церковным колоколом, пробившим два часа. Дядюшка же был обыкновенно такой неторопливый мыслитель, что действительное обдумание всех вышесказанных вещей заняло бы его, по крайней мере, до половины третьего. Я держусь поэтому того мнения, джентльмены, что мой дядя впал в род забытья, не успев подумать решительно ни о чем.

Как бы там ни было, впрочем, церковный колокол пробил два. Дядя мой проснулся, протер себе глаза и вскочил на ноги от изумления.

Лишь только пробило два часа, в одно мгновение все тихое и пустынное место оживилось и закипело деятельностью. Дверцы дилижансов снова висели на своих петлях, обивка была в порядке, железные части блестели заново, краска посвежела, фонари горели; на всех козлах были подушки и длинные чехлы, рассыльные совали пакеты в каждый экипажный карман, кондукторы укладывали сумки с письмами, конюхи выливали ведра воды на поновленные колеса, рабочие налаживали дышла к каждому дилижансу, явились пассажиры, прислуга тащила их чемоданы, кучера запрягли лошадей – одним словом, было совершенно ясно, что каждый из находившихся тут экипажей сновлялся в путь. Джентльмены, дядя мой при этом зре-

лице вытарашил глаза до такой степени, что потом, до самой последней минуты своей жизни, дивился, как это он не утратил способности снова закрывать их.

– Садитесь, сэр, – сказал кто-то, и в то же время дядя почувствовал у себя на плече чью-то руку, – вы записаны на внутреннее место. Вам, я полагаю, лучше сесть теперь же.

– Я записан? – произнес дядя, оборачиваясь.

– Разумеется.

Дядя мой, джентльмены, не мог возразить ничего, до того он был озадачен. Конечно, это было удивительно, но еще чуднее показалось дяде, что, хотя здесь теснилась целая толпа и ежеминутно прибывали новые лица, но нельзя было объяснить, откуда они появлялись: казалось, что они рождаются каким-то странным образом из воздуха или из земли и исчезают тем же путем. Лишь только рассыльный сдавал свою ношу в дилижанс и получал свое вознаграждение, он поворачивался и уходил, но прежде, чем мой дядя успевал выразить удивление и решить, куда пропал рассыльный, полдюжины новых рассыльных уже торчали на том же месте и гнулись под тяжестью нош, которые казались до того громадными, что должны были их раздавить. И пассажиры были одеты как-то странно: все в длинных, широко окаймленных, вышитых кафтанах, с большими манжетами и без воротников. И в париках, джентльмены, – больших, настоящих париках с косой назади. Дядя не мог понять решительно ничего.

– Ну, садитесь же, что ли, ведь уж пора, – повторил человек, обращавшийся прежде к дяде. Он был одет в платье почтового кондуктора, был тоже в парике и с громадными манжетами на своем кафтане; в одной руке он держал фонарь, а в другой громадную двухстволку, готовясь в то же время, запустить эту руку в свой маленький дорожный ящик. – Сядете-ли вы, наконец, Джек Мартин? – сказал он, поднося фонарь к лицу моего дяди.

– Позвольте! – произнес дядя, отступая на шаг или два. – Это совсем уж бесцеремонно!

– Так стоит на путевом листе, – возразил кондуктор.

– И не стоит перед этим „мистер?“ – спросил дядя, потому что он находил, джентльмены, что кондуктор, которого он совсем не знал, называя просто-напросто Джеком Мартином, позволяет себе вольность, которую, конечно, не допустило бы почтовое управление, если б только этот факт дошел до его сведения.

– Нет, не стоит, – хладнокровно отвечал кондуктор.

– И за путь заплочено? – любопытствовал дядя.

– Разумеется! – отвечал кондуктор.

– Заплочено?.. – произнес дядя. – В таком случае... который дилижанс?

– Вот этот, – сказал кондуктор, указывая на старомодный эдинбургско-лондонский мальпост, у которого были уже отворены дверцы и подножки опущены. – Стойте... вот и другие пассажиры. Пропустите их вперед.

– При этих словах кондуктора появились, прямо под носом у моего дяди, несколько пассажиров. Впереди всех шел молодой джентльмен в напудренном парике и небесно голубом кафтане, вышитом серебром, очень полном и широком в полах, которые были обшиты накрахмаленным полотном. Тиджин и Уэльпс торговали ситцами и льняными тканями для жилетов, поэтому дядя разузнавал материи с первого взгляда. На пассажире были еще короткие штаны и род штиблетов, надетых поверх его шелковых чулков; башмаки с пряжками; на руках манжеты; на голове треугольная шляпа; с боку длинная тонкая шпага. Полы его жилета доходили до бедер, а концы галстука до пояса. Он важно приблизился к дверцам кареты, снял свою шляпу и продержал ее над своею головою, вытянув руку во всю длину и оттопырив при этом мизинец в сторону, как делают многие щепетильные люди, держа чашку чая; потом сдвинул ноги, отвесил глубокий поклон и протянул вперед свою левую руку. Мой дядя хотел уже подвинуться вперед и от всего сердца пожать протянутую руку джентльмена, как вдруг заметил, что все эти учтивости относились не к нему, а к молодой леди, которая показалась в эту минуту у подножки и была одета в старомодное зеленое бархатное платье с длинною

талиею и корсетиком. На голове у неё не было шляпки, джентльмены, а была она закутана в черный шелковый капюшон, но когда она оглянулась на минуту, готовясь войти в дилижанс, дядя увидел такое восхитительное личико, какого не встречал никогда, – даже и на картинках. Она вошла в карету, придерживая одною рукою свое платье, и дядя говаривал всегда, с прибавлением крепкого словца, когда рассказывал эту часть истории, что он и не поверил бы, что ноги и ступни могут быть доведены до такой степени совершенства, если бы не удостоверился в том собственными глазами.

Но при одном мимолетном взгляде на чудное личико этой леди дядя заметил, что на её лице выражался испуг, и она смотрела совсем потерянной; она бросила на дядю умоляющий взгляд, он заметил тоже, что молодой человек в напудренном парике, несмотря на выказанную им любезность, можно сказать самую великосветскую, ухватил леди прекрепко за руку возле кисти, при входе её в карету, и немедленно последовал за нею сам. Какой-то молодец необыкновенно подозрительной наружности, в нахлобученном темном парике, в кафтане сливяного цвета, в сапогах, доходивших ему до ляшек, и с широкой шпагой у бедра, видимо принадлежавший тоже к их обществу, уселся возле молодой дамы, которая отшатнулась в угол кареты при его приближении. Заметив это движение прелестной незнакомки, дядя убедился окончательно, что первое его впечатление было верно и что должна случиться какая-нибудь таинственная и мрачная драма или, по его собственному выражению, „какая-нибудь гайка развинтилась“. Изумительно даже, с какой быстротой он порешил помочь этой леди в случае опасности, если только она будет нуждаться в его помощи.

– Смерть и молния! – воскликнув молодой джентльмен, схватываясь рукою за свою шпагу, когда дядя мой вошел в карету.

– Кровь и гром! – заревел другой джентльмен и с этими словами, вытянув свою огромную шпагу из ножен, ткнул ею дядю без дальнейшей церемонии. Дядя был безоружен, но он с величайшею ловкостью стащил с подозрительного джентльмена его треугольную шляпу и, подставив её тулью прямо под острие шпаги, смял ее, потом захватил его шпагу за острие и крепко держал ее в своей руке.

– Ткни его сзади! – кричал подозрительный джентльмен своему товарищу, тщетно стараясь высвободить свою шпагу.

– Пусть не пробует! – крикнул дядя, пуская в ход один из своих каблучков самым угрожающим образом. – Я выбью ему мозги, если таковые имеются, а если нет, то расколочу череп!

И, напрягая в это мгновение все свои силы, дядя вырвал из рук подозрительного человека его шпагу и вышвырнул ее в окно дилижанса; молодой человек снова проорал: „смерть и молния!“ схватился за рукоять своей шпаги с весьма грозным видом, однако ж её не обнажил. Может быть, джентльмены, он боялся встревожить молодую леди, как говаривал мой дядя с усмешкой.

– Ну, джентльмены, – сказал дядя, усаживаясь покойно на своем месте. – Мне бы не хотелось, чтобы в присутствии леди случилась чья-нибудь смерть, с молнией или без оной; и мы имеем уже достаточно крови и грома на всю нашу поездку; поэтому я вас прошу, будем сидеть каждый на своем месте, как подобает мирным пассажирам... Эй, кондуктор, поднимите поварской нож этого джентльмена.

Лишь только дядя произнес эти слова, кондуктор появился уже у окна дилижанса со шпагою джентльмена в руках. Передавая ее, он поднял кверху свой фонарь и поглядел серьезно дяде в лицо, и вдруг, к величайшему своему удивлению, дядя увидел при свете этого фонаря, что вокруг окна теснится неисчислимое множество кондукторов и каждый из них также серьезно смотрит ему в лицо. Он в жизнь свою не видывал такого моря белых рож, красных туловищ и серьезных глаз.

– Это самое странное из всего, что мне приходится теперь испытывать, – подумал дядя. – Позвольте мне вернуть вам шляпу, сэр!

Подозрительный джентльмен принял молча свою треуголку, осмотрел внимательно дыру в её тулье, но под конец вздел ее на верхушку своего парика с торжественностью, эффект которой, однако ж, пропал, так как джентльмен неистово чихнул, и шляпа свалилась к нему на колени.

– Готово! – закричал кондуктор с фонарем в руке, влезая на свое маленькое сиденье сзади кареты. Поехали. Дядя выглянул из окна, когда дилижанс выезжал за ворота, и заметил, что прочие мальпосты, с кучерами, кондукторами, лошадьми и всем комплектом пассажиров, ехали, описывая круги, – круг за кругом, – мелкою рысью, примерно по пяти миль в час. Дядя так и кипел от негодования, джентльмены. Как человек коммерческий, он чувствовал, что с почтовыми посылками так шутить нельзя, и решил отписать об этом почтовому управлению тотчас же по своем прибытии в Лондон.

Но в настоящую минуту все его мысли были заняты молодою особой, сидевшею в заднем уголке дилижанса, с личиком, совершенно укутанным в капюшон. Джентльмен в небесно-голубом кафтане сидел против неё, а подозрительный, в платье цвета сливы, рядом с нею, и оба внимательно наблюдали за каждым её движением. Если только она чуть-чуть раздвигала складки своего капюшона, дядя слышал, что подозрительный человек ударял рукой по своей шпаге, а по прерывистому дыханию другого (лица его нельзя было рассмотреть за темнотою) можно было догадаться, что он смотрит на нее, как бы желая проглотить ее разом. Все это более и более подзадоривало дядю, и он решился, будь что будет, дожидаться, чем разрешится эта таинственность. Он был большой поклонник блестящих глазок, миловидных лиц и хороших ног и ступней; одним словом, страстно любил женский пол. Это у нас уже фамильное, джентльмены; я и сам таков.

Много хитростей употреблял дядя, чтобы привлечь на себя внимание молодой леди или хотя, на всякий случай, завести разговор с таинственными джентльменами. Но все оказывалось напрасным: джентльмены не хотели беседовать, а леди не осмеливалась даже пошевелиться. Дядя от скуки стал по временам высовывать голову из окна и покрикивать: „поезжайте же скорее!“. Но, хотя он кричал до хрипоты, никто не обратил ни малейшего внимания на его крики. Он снова откинулся в карету и стал думать о прекрасном личике незнакомки, о её очаровательных ножках и ступнях. Эти думы несколько развлекли его; время теперь проходило незаметно, и он даже перестал раздумывать о том, куда его везут и каким образом он очутился в этом странном положении. Не то, впрочем, чтобы это положение его беспокоило; нет, был он человек мужественный, веселый, беззаботный, кутящий напропалую и такие-ли еще он видал виды. Да, джентльмены, замечательный человек был мой дядя.

Вдруг дилижанс остановился.

– Ну, чего там еще? – спросил дядя.

– Выходите здесь! – сказал кондуктор, опуская ступеньки.

– Здесь! – воскликнул дядя.

– Здесь, – возразил кондуктор.

– Ни за что! – сказал дядя.

– И то ладно, останьтесь, где сидите, – сказал кондуктор.

– И останусь, – сказал дядя.

– Как угодно, – ответил кондуктор.

Прочие пассажиры вслушивались очень внимательно в этот разговор; видя, что дядя решил не выходить, молодой человек протеснился мимо него, чтобы высадить леди. Подозрительный человек был занят в это время рассматриванием дыры в тулье своей треуголки. Выходя из кареты, молодая леди бросила перчатку в руку моего дяди и тихо, держа так близко от него свои губы, что он почувствовал на своем носу её жаркое дыхание, прошептала одно только слово: „спасите!“ Джентльмены, дядя в то же мгновение выпрыгнул из дилижанса так стремительно, что экипаж покачнулся на своих дрогах.

– Что, небось передумали? – сказал кондуктор.

Дядя посмотрел на него с минуту пристально, раздумывая, не лучше-ли будет вырвать у кондуктора двухстволку, выстрелить прямо в рожу старшего незнакомца, повалить остальную компанию ударами приклада, подхватить молодую леди и исчезнуть с нею, как дым. Но при дальнейшем размышлении он покинул этот план, находя его несколько мелодраматичным, и последовал за таинственными незнакомцами, которые между тем входили уже в старый разрушенный дом, в нескольких шагах от того места, где остановился дилижанс. Молодая леди нехотя шла между мужчинами, не спускавшими с неё глаз. Они повернули в коридор, и туда дядя пошел вслед за ними.

Из всех разрушенных и запустелых мест, которые только случалось видеть дяде, это было самое ужасное, самое запустелое. По-видимому, здесь некогда была богатая гостиница, но потолки в ней обвалились местами, лестницы были запущены и частью поломаны. В комнате, в которую вошли незнакомцы и куда за ними последовал и дядя, был громадный камин, с совершенно черной от сажи трубою, но он не освещался приветливым огоньком. Белый пепел сгоревших дров все еще покрывал под очага, но камин был холоден, и все кругом было мрачно и грустно.

– Славно, – сказал дядя, оглядываясь вокруг себя. – Ехать в почтовой карете, делающей каких-нибудь шесть с половиной миль в час, и потом остановиться на неопределенное время в подобной трущобе, – да, ведь, это возмутительно. Таких штук нельзя оставлять без внимания, их следует предавать гласности; непременно напишу об этом в газетах.

Дядя говорил довольно громко и с большою развязностью, имея в виду хоть этим путем завлечь незнакомцев в беседу. Но они видимо не хотели вступать в разговор и показали, что замечают присутствие дяди в комнате лишь тем, что перешепнулись между собою, бросая на него свирепые взгляды. Леди находилась на противоположном конце комнаты и осмелилась раз помахать дяде рукою, как бы призывая его к себе на помощь.

Наконец, незнакомцы ступили немного вперед, и завязался серьезный разговор.

– Вы, вероятно, не знаете, что это отдельный номер, приятель? – сказал небесно-голубой джентльмен.

– Нет, не знаю, приятель, – ответил дядя. – Замечу только, что если это отдельный номер, то воображаю, как хороша и комфортабельна должна быть общая зала.

С этими словами дядя уселся в кресло с высокою спинкою и так аккуратно смерял глазами джентльмена, что Тиджин и Уэльпс могли бы, по указанию дяди, снабдить этого господина ситцем на полную пару, не ошибаясь ни на вершок больше, ни на вершок меньше.

– Оставьте сейчас эту комнату! – сказали оба джентльмена, хватаясь за свое оружие.

– Что вам угодно? – спросил дядя, притворяясь, что он не понимает, чего они требуют.

– Убирайтесь отсюда или вас тотчас же убьют! – закричал подозрительный джентльмен, вытаскивая свою огромную шпагу из ножен и помахивая ею в воздухе.

– Скорей покончи с ним, – закричал небесно-голубой джентльмен, тоже обнажая шпагу и отскакивая фута на два или на три назад. – Кончай с ним.

Леди громко взвизгнула.

Должен я вам сказать, джентльмены, что дядя всегда отличался большою отвагой и присутствием духа. В продолжение всего этого времени, выказывая, по-видимому, совершенное равнодушие ко всему происходящему, он хитро выглядывал, нет-ли где какого-нибудь подходящего оборонительного оружия, и в то самое мгновение, когда оба джентльмена обнажили свои шпаги, дядя усмотрел в углу, возле печи, старую рапиру с картонным эфесом, в ржавых ножнах. Мигом схватил ее дядя, обнажил, щегольски взмахнул ею над своей головою, громко крикнул леди, чтобы она посторонилась, пустил креслом в небесно-голубого, а ножами в подозрительного, и, воспользовавшись смятением, напал на обоих разом.

Джентльмены, есть рассказ, – который не хуже оттого, что он правдив, – о прекрасном ирландском юноше, которого спросили: „умеет-ли он играть на флейте?“ Юноша, как вам известно, отвечал: „конечно, умею, но только не могу положительно утверждать этого, так как еще никогда не пробовал играть“. Это достоверное предание можно применить и к моему дяде в отношении его способности к фехтованию. Он в своей жизни ни разу не держал в руках шпаги, за исключением того единственного случая, когда играл Ричарда Третьего на одном домашнем спектакле, при чем у него было условлено с Ричардом, что тот проколет его насквозь сзади, просто, без всякого предварительного сражения перед публикой. Теперь дяде пришлось сражаться с двумя отъявленными бретерами, и он нападавал, отбивался, колол, рубил, вообще фехтовал изумительно ловко и мужественно, хотя до сих пор и не подозревал, что имеет малейшее понятие об этом искусстве. Из этого, джентльмены, видно, как справедлива старинная поговорка, что человек никогда не знает, на что он способен, пока не сделает опыта.

Шум битвы был ужасен; все три бойца ругались, как солдаты, а шпаги их стучали одна о другую, так что со стороны можно было подумать, что каким-нибудь механическим приводом приведены между собою в соприкосновение все ньюпортские ножи. Когда же схватка дошла до полного разгара, молодая леди, вероятно, для того, чтобы ободрить по возможности моего дядю, сдернула свой капюшон и открыла лицо такой поразительной красоты, что дядя почувствовал в себе силу сражаться против пятидесяти человек, лишь бы заслужить только одну улыбку её и умереть. Он совершал чудеса уже и до этой минуты, но теперь нагрязнул на своих противников, как обезумевший, яростный исполин.

В это самое мгновение, небесно-голубой джентльмен повернулся и увидел, что лицо молодой женщины открыто; испустив крик бешенства и ревности, он обратил свое оружие против её прелестной груди и направил удар ей прямо в сердце, что заставило дядю вскрикнуть от испуга, так яростно, что все здание задрожало. Леди отскочила немного в сторону и, вырвав шпагу из рук молодого человека, прежде чем он успел опомниться, заставила его отступить к стене и проткнула его и стенную обшивку насквозь, вонзив шпагу так глубоко, что на виду остался только один эфес её; небесно-голубой джентльмен был, таким образом, весьма надежно пригвозжен к стене. Это послужило великолепным примером, Дядя, с громким победным криком и неотразимую силою, принудил своего противника отступить в том же направлении и, воткнув свою рапиру прямо в сердцевину одного красного цветка, находившегося на узоре камзола подозрительного джентльмена, пригвоздил его рядышком с его другом. Так и остались оба они тут, джентльмены, подергивая в предсмертных муках своими руками и ногами, подобно игрушечным фигурам, которые приводят в движение веревочкой. Дядя впоследствии всегда говаривал, что он считает подобный способ разделяться с врагом весьма удобным, но только он непрактичен в экономическом отношении, потому что на каждого пораженного врага приходится жертвовать по шпаге.

– Дилижанс! дилижанс! – завопила леди, кидаясь к дяде и обвивая его шею своими прелестными руками. – Мы можем теперь спастись!

– Можем! – повторил дядя. – Но не следует-ли еще кого-нибудь убить?

Дядя был несколько обманут в своих ожиданиях, джентльмены, потому что по его сообщению, после побоища следовало полюбезничать хотя бы только для контраста.

– Нам нельзя терять ни минуты! – сказала молодая леди. – Он (она указала на небесно-голубого) единственный сын могущественного маркиза Фильтовилля!

– Я опасюсь, моя милая, что вряд-ли ему придется теперь наследовать титул своего отца, – возразил дядя, равнодушно поглядывая на юного джентльмена, приколотого к стене на манер жука, как я уже вам докладывал. – Вы подрезали ему наследство, моя душечка!

– Я была похищена из моего дома, от моих родных, от моих друзей! – продолжала молодая леди с лицом, пылавшим негодованием. – Этот негодяй готовился силою жениться на мне!

– Вот дерзость-то! – сказал дядя, бросая презрительный взгляд на умиравшего наследника Фильтовиллей.

– Как вы могли догадаться из всего, что вы видели и слышали, – продолжала молодая леди, – эти господа были готовы убить меня, если бы вы вздумали призывать на помощь. И если их сообщники найдут нас здесь, мы погибли! Две минуты промедления могут стоить нам дорого. Дилижанс!..

И при этих словах, сильно взволнованная наплывом тяжелых воспоминаний и естественным возбуждением во время убийства молодого маркиза де-Фильтовилля, она упала на руки моего дяди. Он успел подхватить ее и вынес на крыльцо. Тут стоял уже дилижанс, запряженный четверкою вороных, длиннохвостых и густогривых коней, совершенно снаряженных в путь; но не было ни кучера, ни даже трактирщика, который держал бы их под узду.

Джентльмены, я полагаю, что не оскорблю памяти моего дяди, выразив убеждение, что, хотя он и был холостяком, но ему частенько приходилось в то время держать женщин в своих объятиях; я полагаю даже, что у него была положительная привычка целовать трактирных служанок, и знаю, по совершенно достоверным свидетельствам, что раз или два его заставляли в то время, как он расточал поцелуи самой трактирщице. Я упоминаю об этом обстоятельстве с тою целью, чтобы показать, какое необыкновенное существо была эта прекрасная молодая леди, если она могла так сильно взволновать моего дядю, что он решительно потерялся. Он говорил потом не раз, что, когда её длинные темные волосы рассыпались у него по рукам, а её чудные темные глаза устремились на его лицо, лишь только она снова пришла в сознание, он почувствовал себя в таком расстроенном, нервном состоянии, что даже ноги его подкосились. Но кто же может спокойно выносить устремленные на него прелестные, темные нежные глаза, не чувствуя на себе их неотразимого влияния? Я не могу, джентльмены; и признаюсь, когда одна знакомая мне пара глаз остановится на мне, мне делается жутко, джентльмены, – это святая истина.

– Вы никогда не покинете меня? – прошептала прелестная леди.

– Никогда! – отвечал дядя. И в ту минуту он говорил вполне чистосердечно.

– Дорогой мой спаситель! – воскликнула молодая женщина. – Дорогой, добрый, отважный спаситель!

– Перестаньте, – сказал дядя, перебивая ее.

– Почему? – спросила она.

– Потому что ваш ротик до того прелестен, когда вы говорите, что я не ручаюсь, чтобы у меня не явилась дерзость поцеловать его.

Молодая леди подняла ручку, как бы для того, чтобы воспрепятствовать моему дяде исполнить его намерение, и сказала... Нет, она не сказала ничего, а только улыбнулась. Когда вы смотрите на прелестнейшие губки в мире и видите, что они складываются в лукавейшую улыбочку... а вы в это время близки к ним и нет возле вас никого... вы ничем лучше не засвидетельствуете вашего поклонения красоте их формы и цвета, как жарким поцелуем. Так поступил мой дядя, и я уважаю его за это.

– Тс! – воскликнула молодая леди встревоженно. – Слышите стук колес и лошадей?

– Так точно, – сказал дядя, прислушиваясь. У него был славный слух для колесного и копытного стука, но тут, казалось, мчалось издалека столько лошадей и экипажей, что было невозможно угадать их число. Судя по грохоту, могло быть карет до пятидесяти, каждая запряженная шестериком чистокровных коней.

– За нами погоня! – воскликнула молодая женщина, ломая свои руки. – За нами погоня! Вся моя надежда только на вас.

В её лице было такое выражение ужаса, что дядя тотчас же решил, что надо делать. Он посадил ее в карету, прижал еще раз свои губы к её губам и затем посоветовал ей поднять стекло, чтобы не наступить воздуха внутри, и не бояться ничего, сам вскарабкался на козлы.

– Подожди, милый! – закричала леди.

– Что случилось? – спросил дядя с козел.

– Мне надо сказать тебе кое-что, – продолжала она. – Одно словечко... только одно словечко, дорогой мой!

– Надо мне сойти? – осведомился дядя. Она не ответила, но только улыбнулась опять. И что это была за улыбка, джентльмены! Она разбивала в прах ту, прежнюю улыбку. Дядя слез с своего шестка в одно мгновение.

– Что нужно, моя душка? – спросил он, заглядывая в окно дилижанса. Случилось так, что леди тоже нагнулась в ту самую минуту, и дяде показалось, что она на этот раз еще прекраснее, чем была. Он находился очень близко к ней, джентльмены, и потому старался рассмотреть ее хорошенько.

– Что же нужно, моя душка? – спросил он.

– Обещаешь-ли ты мне никого не любить, кроме меня?... Не жениться ни на ком? – произнесла молодая леди.

Дядя поклялся торжественно, что никогда ни на ком не женится, кроме неё; леди снова спрятала свою голову в карету и подняла стекло. Дядя вскочил на козлы, округлил свои локти, подтянул возжи, схватил бич, лежавший на крыше кареты, хлестнул передового коня, и пустилась наша длиннохвостая, густогривая четверка полной рысью, делая по пятнадцати добрых английских миль в час и неся за собою старый дилижанс. Батюшки как понеслись борзые кони, управляемые могучей рукою дяди.

Но шум позади их усиливался. Чем быстрее мчался старый дилижанс, тем быстрее мчались и преследователи; люди, лошади, собаки соединились для этой погони. Страшен был этот шум, но и среди него выдавался голос прелестной леди, которая кричала: „Скорее, скорее!“

Они летели мимо темных деревьев, подобно перьям, уносимым ураганом. С быстротой и шумом потока, прорвавшего свои плотины, оставляли они за собою дома, ворота, церкви, стоги сена и всякие другие встречные предметы; но грохот погони становился все громче и громче, и дядя все чаще и чаще слышал дикий крик молодой леди: „Скорей, скорей!“

Дядя налегал на бич и поводья, кони, покрытые белой пеной, мчались, как вихрь, но шум погони увеличивался, и молодая леди кричала: „Скорее, скорее!“ В сильном экстазе дядя стукнул громко ногою по козлам... и увидел, что начинало светать, а он сидит среди двора, принадлежащего каретнику, на козлах старого эдинбургского дилижанса, дрожа от холода и сырости и стуча ногами, чтобы их согреть. Он слез с козел, быстро заглянул внутрь кареты, надеясь там увидеть прекрасную молодую леди... Увы! В этом дилижансе не было ни дверец, ни сиденья, от него остался всего один жалкий остов...

Во всяком случае, дядя понимал очень хорошо, что во всем этом скрывалась какая-то непостижимая тайна и что все происходило именно так, как он рассказал. Он остался верным торжественному обещанию, данному молодой леди: отказал многим выгодным невестам и умер холостяком. Он часто толковал, что, не приди ему охота перелезть через забор двора каретника, он никогда бы не узнал, что тени мальпостов, лошадей, кондукторов, почтальонов и пассажиров имеют привычку путешествовать регулярно каждую ночь. При этом он прибавлял обыкновенно, что, по всей вероятности, он был единственным живым существом, ехавшим в качестве пассажира в эту ночь и, я полагаю, он был прав, джентльмены; по крайней мере, мне ни о ком другом слышать не приходилось“.

– Хотелось бы мне знать, что перевозят эти мальпосты в своих почтовых сумках, – сказал трактирщик, слушавший с большим вниманием весь рассказ.

– Конечно, мертвые письма, – заметил странствующий торговец.

– Д-да, должно быть, так, – согласился трактирщик. – А я и не подумал об этом.»

Глава LVII

Нет больше Пикквикского клуба, и «Записки» наши приведены к вожделенному концу.

Прошло около недели после счастливого прибытия м-ра Винкеля старшего из Бирмингэма. М-р Пикквик и Самуэль Уэллер постоянно отлучались из гостиницы на целый день и возвращались только в обеденную пору. Вид необыкновенной таинственности и глубокомыслия окружал их обоих. Было ясно, что в судьбе великого человека готова была совершиться весьма важная, быть может, роковая перемена; но какая именно, этого никто не был в состоянии сказать. Открылось обширное поле для разнообразных догадок и предположений. Некоторые – и в этом числе м-р Топман – держались того мнения, что м-р Пикквик намеревался вступить в брак на старости лет; но эта догадка была отвергнута и решительно опровергнута всем женским полом. Другие склонялись к тому предположению, что м-р Пикквик обдумывает какой-нибудь план обширнейшего путешествия по разным странам Азии и Европы и заранее принимает меры для приведения в исполнение этого плана; но Самуэль, допрошенный своею возлюбленною Мери, открыто объявил, что никакой поездки не имеется в виду и господин его не думает оставить британскую столицу. Наконец, когда все умы после шестидневного размышления, стали в решительный тупик, было решено на общем сейме допросить самого м-ра Пикквика и потребовать настоятельно, чтобы он объяснил неведомые причины своего загадочного отсутствия из общества любящих его друзей.

С этой целью м-р Уардль, устроил торжественный обед в гостинице Осборна, и когда графины, два или три раза, совершили свое обычное путешествие вокруг стола совещание открылось таким образом:

– Все мы, сколько нас ни есть, – сказал Уардль, – с нетерпением желаем знать, какие побуждения заставляют тебя посвятить большую часть своего времени таинственным прогулкам? Чем мы оскорбили тебя, старый друг, что ты с таким упорством избегаешь нашего общества.

– Ого! Вот до чего дошло, – сказал м-р Пикквик. – Это, однако ж, странно: я сам выбрал именно этот день, чтобы объяснить вам подробно все поступки. Дайте еще стакан вина, и я сейчас же удовлетворю вашему любопытству.

Графин перешел из рук в руки с необыкновенной быстротой. М-р Пикквик окинул радостным взором лица всех друзей и начал таким образом:

– Великие события совершились в нашем маленьком обществе, милостивые государыни и государи! Судьба устроила один счастливый брак на наших глазах, и скоро, нет сомнения, мы будем праздновать на другой, столько же счастливой свадьбе.

Эти внезапные перемены, равно как последствия, которые неминуемо должны сопровождать их, заставили меня по необходимости углубиться в сущность моего собственного положения и подумать однажды навсегда о своих будущих предназначениях и планах. Итак, милостивые государыни и государи, я решился, после зрелого и основательного размышления, избрать местом постоянного своего жительства какое-нибудь спокойное и уютное предместье близ этой самой столицы, имеющей в себе все олицетворенные сокровища, дорогия моему одинокому, старческому сердцу. Действуя под влиянием этой решимости, непоколебимой, незыблемой, непреклонной, я, после многих поисков, отыскал такой точно домик, какой заранее обрисовался в моем воображении со всеми принадлежностями, внутренними и внешними, существенными и случайными. Я купил его, омеблировал, украсил, сделал все необходимые видоизменения и улучшения по собственному вкусу, и вот, наконец, милостивые государыни и государи, этот самый дом, будущий приют старика, вами любимого, готов вполне принять меня, и я намерен, не обинуясь, переступить за его порог, в твердом и несомненном упова-

нии, что судьба позволит мне насладиться в этом пустынном убежище еще многими годами тихой и спокойной жизни. Счастлив я, если дружба изъявит готовность усладить своим вниманием старческие дни мои, и трикрат счастлив, если приятные воспоминания друзей последуют за мной в тот вечный приют, где окончательно должны будут обрести успокоение мои обветшалые кости.

Здесь м-р Пикквик приостановился, и смутный говор голосов пробежал вокруг всего стола.

– Купленный мною дом, милостивые государыни и государи, находится в Дольвиче. Он окружен обширным садом и расположен на одном из живописнейших пунктов близ столицы. Наружная его обстановка удовлетворяет всем условиям комфорта и, быть может, даже изящного вкуса, как вы, без сомнения, будете иметь случай убедиться в этом своими собственными глазами. Самуэль сопровождает меня туда. По совету адвоката моего, Перкера, я нанял ключницу, старуху старую, милостивые государи, и найму еще других людей, которые должны будут составить полный комплект моей домашней прислуги. Новоселье должно последовать скоро; но мне бы хотелось освятить этот приют совершением в нем церемонии, в которой я принимаю близкое и непосредственное участие. Если друг мой Уардль не противопоставит к тому непреодолимых препятствий, я бы желал, милостивые государыни и государи, чтобы дочь его отправилась под венец с своим женихом из моего нового дома, в тот самый день, когда я вступлю в него настоящим и законным владельцем. Пусть потом эта свадьба отпразднуется в стенах моего приюта. Счастье молодых людей всегда составляло главнейший источник наслаждений в моей одинокой и скитальческой жизни. Сердце мое забьется живейшим восторгом, и душа запыхает огнем блаженства, когда я таким образом, под своей собственной кровлей, сделаюсь свидетелем счастья особ, к которым всегда питал и буду питать чувства бескорыстной отеческой любви.

М-р Пикквик приостановился еще раз. Эмилия и Арабелла переглянулись и вздохнули вслух.

– Я уже вступил в личные и письменные сношения с остальными членами нашего клуба и подробно возвестил их о своем радикальном изменении жизни. Продолжительное наше отсутствие было причиною, что в клубе в последнее время произошли многие несогласия и раздоры. Это обстоятельство, равно как и окончательное отчуждение моего имени и покровительства, произвели то, что члены его разошлись в разные стороны, и клуб прекратил свое существование, столько полезное и необходимое для науки. Итак, милостивые государыни и государи, – нет более Пикквикского клуба.

– Никогда я не перестану сожалеть о том, что последние два года моей жизни были посвящены изучению разнообразных сторон в характере человеческой природы. Пусть исследования мои мелки, наблюдения ничтожны, умозаключения неверны – все же истинная философия сумеет переварить их в горниле строгой мысли и воспользоваться ими для своих целей. Предшествующий период моей жизни был, как вы знаете, посвящен занятиям служебным и приобретению богатства: тогда-то я научился ценить людей и понял всю необходимость умственного просветления. Если я сделал мало добра, смею надеяться по крайней мере, что еще меньше сделано мною зла. Во всяком случае, последние мои приключения будут служить для меня источником приятнейших воспоминаний под исход жизни, на закате моих старческих дней. Я кончил, милостивые государыни и государи. Да благословит вас Бог.

С этими словами м-р Пикквик дрожащею рукою налил стакан вина и выпил все до дна. Друзья единодушно поднялись с своих мест и приветствовали его от всего сердца. Глаза великого человека наполнились слезами.

Требовалось весьма немного приготовлений к женитьбе м-ра Снодграса. Не было у него ни отца, ни матери, и м-р Пикквик, как единственный опекун его и воспитатель, был знаком в совершенстве с его имуществом и перспективой жизни. Преисполненный необыкновенной

веселости и живости во всех движениях, м-р Пикквик представил обо всем подробный отчет старику Уардлю, и когда, вслед затем, приведено было в известность приданое мисс Эмилии, оба джентльмена без дальнейших хлопот решили единогласно отпраздновать свадьбу на четвертый день после этого. При такой быстроте приготовлений три модистки и один портной чуть не сошли с ума.

Приказав заложить почтовых лошадей в свою коляску, старик Уардль поскакал на Дингли-Делль, чтобы привезти в столицу свою мать. Внезапная весть о замужестве внучки громом поразила слабую старушку, и она немедленно упала в обморок; но тут же оправилась и приказала уложить, как следует, свое парадное парчевое платье, в котором ей надлежало присутствовать при бракосочетании юной четы. Затем она принялась рассказывать весьма интересные и в высшей степени характеристические подробности о свадьбе старшей дочери покойной леди Толлинглауэр и о том, как она танцевала матрадуру: рассказ этот продолжался три часа слишком, но, к сожалению, остался неоконченным до сего дня.

Надлежало обо всех этих приготовлениях известить и м-с Трундель. Эту обязанность принял на себя сам м-р Трундель и выполнил ее самым деликатным образом, так как юная супруга его находилась в том самом интересном положении, в каком обыкновенно бывает всякая благовоспитанная и правильно организованная леди через несколько месяцев после своего замужества. Весть эта, однако ж, не произвела слишком потрясающего влияния на нервы и чувства интересной леди. М-с Трундель немедленно заказала в Моггльтоне новую шляпку, черное атласное платье и объявила наотрез, что она намерена присутствовать при бракосочетании своей сестры. По этому поводу м-р Трундель призвал доктора на семейный консилиум, и доктор объявил, что м-с Трундель сама должна знать лучше всех, как она чувствует себя. Интересная леди отвечала, что она чувствует себя превосходно, и ничто в свете не изменит её решимости ехать в Лондон. Достойный доктор, научившийся продолжительным опытом взвешивать свои собственные выгоды с интересами своих пациентов, выразил положительное убеждение, что м-с Трундель, по его мнению, может ехать; иначе, оставаясь дома, она пропадет с тоски, а это могло бы иметь весьма неблагоприятные последствия для её здоровья. И м-с Трундель поехала: доктор, на всякий случай, снабдил ее полдюжиною пузырьков с микстурой, которую она, для рассеяния, должна была употреблять в дороге.

В дополнение к этим пунктам, старик Уардль снабжен был двумя маленькими письмами к двум юным леди, которые должны были действовать при церемонии в качестве невестиних подруг. Получив эти записочки, обе юные леди прослезилась и пришли в отчаяние по тому поводу, что у них не было готовых платьев на этот случай, а заказывать было некогда – обстоятельство, доставившее порцию сердечной услады обоим папенькам этих двух достойнейших девиц. Делать было нечего. Старые платья были вынуты из гардероба, вычищены, выглажены, новые шляпки явились очень кстати, и юные девицы не ударили в грязь лицом: при совершении бракосочетания они плакали именно там, где нужно, трепетали, где следует, вздыхали, где подобает, и вообще вели себя таким образом, что заслужили справедливое удивление всех зрителей.

Какими судьбами две бедные родственницы очутились в Лондоне – пешком, что ли, они пришли, или прискакали на запятках почтовых карет, или приехали в обозных фурах, или принесли одна другую – неизвестно до сих пор; но не подлежит ни малейшему сомнению, что они подросли в столицу еще раньше м-ра Уардля; самые первые особы, постучавшиеся в дверь дома м-ра Пикквика утром в день бракосочетания, были эти две родственницы, озаренные радостными улыбками и украшенные живыми цветами.

Их приняли ласково и радушно, потому что м-р Пикквик смотрел без лицепрятия на своих ближних, не разбирая, бедны они или богаты. Новая прислуга отличалась удивительным проворством и чудною предупредительностью. Мери блистала красотой и щегольскими лентами; Самуэль был отменно ловок, весел и жив.

Жених, поселившийся в доме двумя или тремя днями раньше, выступил торжественно в дольвичскую церковь на встречу своей невесте. Его сопровождали: м-р Пикквик, Бен Аллен, Боб Соьер, м-р Топман и Самуэль Уэллер в новой великолепной ливрее, изобретенной нарочно на этот случай и украшенной белым букетом из живых цветов, подаренных ему девой сердца. Их встретили Уардли, Винкелы, невеста и невестины подруги, м-р и м-с Трундель; и когда церемония совершилась надлежащим порядком, весь поезд поворотил к дому м-ра Пикквика, куда уже прибыл между прочим и м-р Перкер.

Здесь все легкие облака, прикрывавшие торжественную церемонию, исчезли в одно мгновение ока. Все лица засияли радостным восторгом, и ничего не было слышно, кроме поздравлений, приветствий и похвал. Обстановка нового жилища была восхитительна до крайней степени совершенства. Зеленый бархатный луг впереди, роскошный сад назад, столовая, гостиная, уборная, будуар, спальни, курительная, и особенно ученый кабинет самого хозяина, с картинами, вольтеровскими креслами, готическими баулами, превосходными шкапами, затейливыми столиками на одной, двух, трех и четырех ножках, коллекция сочинений избранных писателей на всех языках, живых и мертвых, великолепный вид из огромного окна на чудный поэтический ландшафт, испещренный местами скромными хижинами, полускрытыми за деревьями, и, в довершение всего этого, малиновые занавесы, и ковры, и диваны, и кушетки, и подушки – чудо, чудо как хорошо! Все смотрели на все приятно-изумленными глазами и даже не знали, чему тут больше удивляться.

И посреди всех этих благодатных сокровищ, стоял сам м-р Пикквик, муж совета и разума, озаренный радужною улыбкой, проникнутый неизреченным восторгом. Счастливейший в настоящую минуту между всеми живыми существами, он всюду распространял вокруг себя электрические струи живительной улады, кланялся на все стороны, пожимал руки всем и каждому, повертывался туда и сюда с выражением пленительного любопытства или, в избытке внутреннего блаженства, потирал свой собственный нос. Чудо, чудо как хорош был м-р Пикквик!

Завтрак подан. М-р Пикквик берет под руку старую леди, занятую красноречивым рассказом о похождениях дочери покойной Толлинглауэр, ведет ее к столу и сажает на первом месте. Старик Уардль садится на противоположном конце; все родственники и друзья занимают места по обеим сторонам длинного стола; Самуэль становится за стулом своего господина, смех и говор умолкают. М-р Пикквик читает назидательную речь, приостанавливается на минуту и озирается вокруг себя. И когда озирается м-р Пикквик крупные слезы радости текут по обеим его щекам.

Еще что, милостивые государи?

Да позволено будет нам оставить нашего героя в одну из этих торжественных минут, которые всегда, в большей или меньшей мере, достаются в удел человеку на земле, в каком бы положении он ни был поставлен. Есть, бесспорно, мрачные тени на земле; но тем яснее становятся лучи света, пробивающиеся между ними. Некоторые джентльмены в своих фантастических созданиях охотнее смотрят на мрак и темноту, чем на живительные струи света: – это летучия мышь или сова на горизонте литературного мира. Наше зрение устроено иначе. Нам приятно бросить последний прощальный взгляд на своих друзей, когда солнечное сияние ярко озарило их лица.

Общая судьба всех людей, вступающих в непрерывные сношения с миром, – приобретать многих действительных друзей и постепенно терять их на широкой дороге жизни. Общая судьба всех авторов – создавать воображаемых друзей и терять на широком поприще искусства. Но тут еще не вся беда: автор принужден, для удовлетворения любознательности своего читателя, отдавать ему окончательный отчет об этих друзьях.

Покорные этому всесветному обычаю, мы сообщаем здесь краткие биографические подробности о лицах, с которыми приходил в соприкосновение м-р Пикквик.

М-р и м-с Винкели, возвратившие себе во всем объеме благосклонность старого джентльмена, поселились в новом домике, весьма недалеко от м-ра Пикквика. М-р Винкель, занявший в Сити должность столичного корреспондента своего отца, променял свой охотничий костюм на обыкновенное платье английского гражданина и смотрит теперь настоящим цивилизованным джентльменом.

М-р и м-с Снодграс поселились на Дингли-Делле и купили небольшую ферму, которую обрабатывают теперь больше для препровождения времени, чем по житейским расчетам. М-р Снодграс усовершенствовал свою способность казаться по временам мечтательным и грустным, и на этом основании все приятели и знакомые считают его великим поэтом, хотя, собственно говоря, нет до сих пор ни одного сочинения, принадлежащего поэтическому уму м-ра Снодграса. Тут, впрочем, удивляться нечему: мы знаем многих особ в философии, литературе и науке, которые стяжали известность такими же средствами, как м-р Снодграс.

М-р Топман, после женитьбы своих приятелей, нанял квартиру в Ричмонде, где была прежняя его резиденция. В летние месяцы он постоянно гуляет на террасе и слывет весьма любезным джентльменом между многочисленными леди, не отказывающимися от надежды спутать себя неразрывными узами брака. Впрочем, до сих пор он еще не сделал предложения, хотя брюшко его становится все толще и толще.

М-р Боб Сойер и неразлучный друг его Бен Аллен, в качестве врачей, ангажированных Ост-Индской компанией, отправились в Бенгалию, где, как и следует, выдержали желтую горячку, после которой перестали кутить, и в настоящую пору оба джентльмена ведут жизнь трезвую и умеренную в кругу многочисленных своих пациентов.

М-с Бардль снова отдает свои покойчики холостым джентльменам; но уже ни на кого не подает жалобы в суд. Адвокаты её, Додсон и Фоггь, продолжают свои занятия с большою выгодой для себя и считаются вообще тончайшими крючками первой руки.

Самуэль Уэллер сдержал свое слово и оставался неженатым в продолжение двух лет. К концу этого времени умерла старая ключница в Дольвиче, и м-р Пикквик предложил её место мисс Мери, с тем неперемennым условием, чтобы эта девица вышла за Самуэля, на что она и согласилась беспрекословно. Основываясь на том обстоятельстве, что у садовой калитки поминутно юлят и бегают двое смазливых мальчишек, пухлых и румяных, мы в праве вывести заключение, что м-р Уэллер и супруга его обзавелись семейством.

М-р Уэллер старший заседал в продолжение двенадцати месяцев на козлах дилижанса; но подагра в ногах, усиливаясь постепенно, заставила его отказаться от профессии кучерского искусства. Получая весьма значительные проценты с своего капитала, он живет с большим комфортом в одной превосходной харчевне, где и пользуется всеобщим уважением, как истинный друг и приятель м-ра Пикквика. Он по-прежнему питает непреодолимое отвращение к вдовам.

Продолжая жить в своем новом доме, м-р Пикквик употреблял значительную часть своих досугов на приведение в порядок разнообразных материалов, собранных им в продолжение своей ученой карьеры. Впоследствии эти мемуары были переданы секретарю бывшего клуба, и читатель знает, как мы употребили их в дело. К несчастью, бумаги, нам доставшиеся, были во многих местах изъедены крысами, отсюда собственно произошла неполнота в изложении некоторых весьма замечательных событий.

Сначала м-р Пикквик терпел некоторые неудобства от докучливости старинных своих приятелей, господ Снодграса, Винкеля и Трунделя, которые всегда просили его быть восприимчиком их детей; но теперь он совершенно привык к этим просьбам и выполняет их с замечательным эффектом. Он никогда не имел повода раскаиваться в благодеяниях, излитых щедрою рукою на м-ра Джингля: этот джентльмен и друг его, Иов Троттер, сделались в Индии достойными членами общества; но уже окончательно отказались возвратиться, как бы то ни было, на европейскую почву, хотя туземный климат оказался несколько вредным для их здоровья. М-р Пикквик слабеет с каждым годом и прихварывает по временам; но силы его мощного

духа устояли до сих пор против сокрушительного влияния времен и обстоятельств. Часто он любуется на окрестные виды с балкона своего дома и гуляет в хорошую погоду по всему Дольвичскому предместью. Все бедные люди знают его как нельзя лучше и всегда останавливаются перед ним с глубоким почтением, когда он проходит мимо. Дети обожают его, и, если сказать правду, весь Дольвич в восторге от великодушного джентльмена. В святочную пору м-р Пикквик отправляется каждый год на Дингли-Делль, на хутор м-ра Уардля, и весело проводит праздники в его многочисленной семье. В этих, как и во всех других, случаях верный Самуэль неизменно сопровождает маститого старца, убеленного теперь седыми волосами: между господином и слугою существует прочная взаимная привязанность, и нет никакого сомнения, что одна только смерть в состоянии разлучить их.